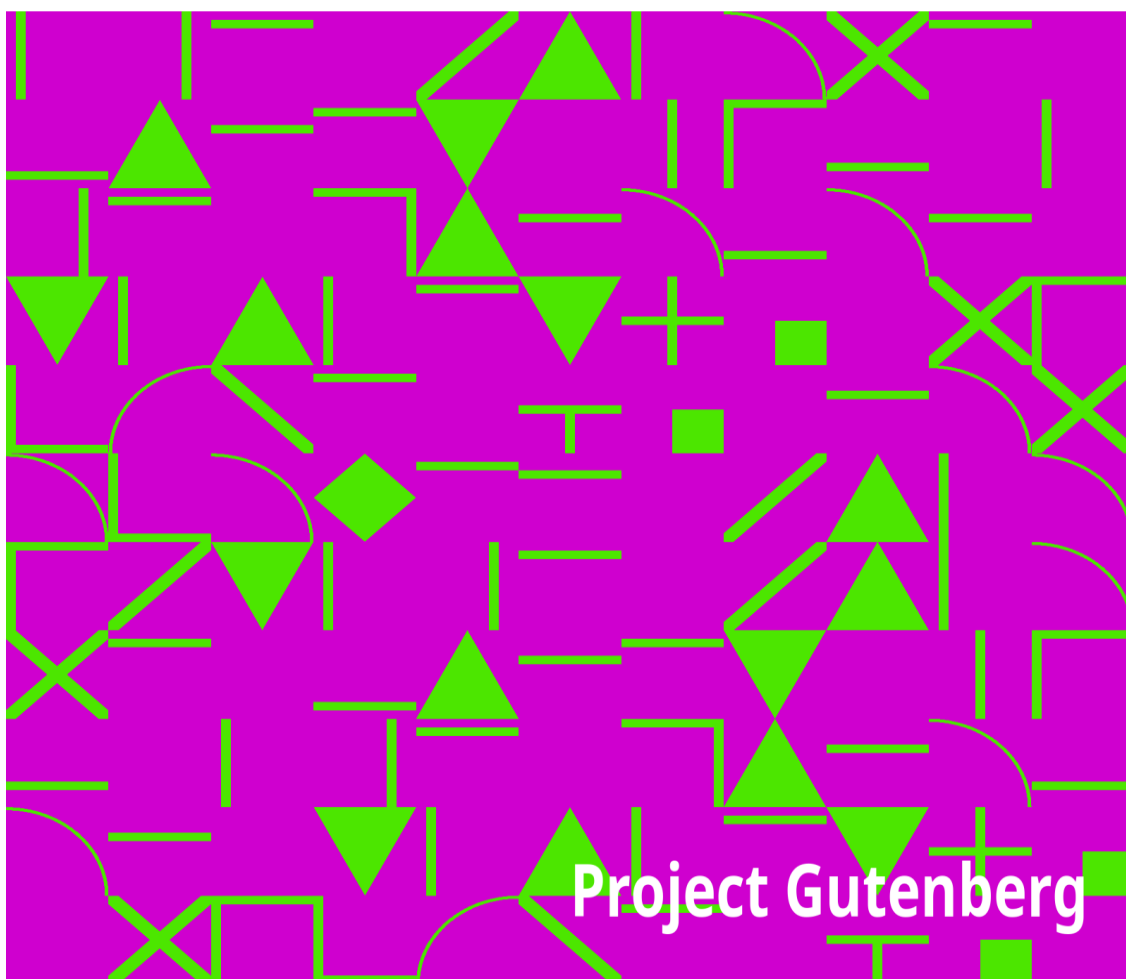

Коренные народы [тихоокеанских государств], том 2.
Цивилизованные нации

Хьюберт Хоу Бэнкрофт

**The Native Races [of the Pacific states],
Volume 2, Civilized Nations**

Hubert Howe Bancroft

Содержание

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ. Том II. ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ НАЦИИ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАННОГО ТОМА.

ГЛАВА I. ДИКАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

ГЛАВА II. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ НАЦИИ.

ГЛАВА III. ПРАВЛЕНИЕ НАРОДОВ НАУА.

ГЛАВА IV. ДВОРЦЫ И ДОМАШНИЕ ХОЗЯЙСТВА ЦАРЕЙ НАУА.

ГЛАВА V. ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ КЛАССЫ СРЕДИ НАУА.

ГЛАВА VI. ПЛЕБЕЙЫ, РАБЫ, ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ.

ГЛАВА VII. ОБРАЗОВАНИЕ, БРАК, СОЖИТЕЛЬСТВО, РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И КРЕЩЕНИЕ.

ГЛАВА VIII. ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ НАХУА.

ГЛАВА IX. ПУБЛИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

ГЛАВА X. ПИТАНИЕ НАРОДОВ НАУА.

ГЛАВА XI. ОДЕЖДА НАРОДОВ НАУА.

ГЛАВА XII. ТОРГОВЛЯ НАРОДОВ НАУА.

ГЛАВА XIII. ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ НАХУА.

ГЛАВА XIV. ЗАКОНЫ И СУДЫ НАХУА.

ГЛАВА XV. ИСКУССТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАХУА.

ГЛАВА XVI. КАЛЕНДАРЬ АСТЕКОВ.

ГЛАВА XVII. ИСТЕЦКЕЛЬСКОЕ ИСКУССТВО АСТЕКОВ.

ГЛАВА XVIII. АРХИТЕКТУРА И ЖИЛИЩА НАУА.

ГЛАВА XIX. МЕДИЦИНА И ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ НАХУА.

ГЛАВА XX. ПРАВИТЕЛЬСТВО, СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ, СОБСТВЕННОСТЬ И ЗАКОНЫ НАРОДОВ МАЙЯ.

ГЛАВА XXI. ОБРАЗОВАНИЕ И СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА У МАЙЯ.

ГЛАВА XXII. ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ МАЙЯ.

ГЛАВА XXIII. ПИТАНИЕ, ОДЕЖДА, ТОРГОВЛЯ И ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ МАЙЯ.

ГЛАВА XXIV. ИСКУССТВО, КАЛЕНДАРЬ И ИЕРОГЛИФЫ МАЙЯ.

ГЛАВА XXV. ЗДАНИЯ, МЕДИЦИНА, ПОХОРОНЫ, ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР МАЙЯ.

ГЛАВА I. ДИКАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

ГЛАВА II. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ НАРОДЫ.

ЭТИМОЛОГИЯ ИМЕН.

ГЛАВА III. ПРАВЛЕНИЕ НАРОДОВ НАУА.

ГЛАВА IV. ДВОРЦЫ И ДОМАШНИЕ ХОЗЯЙСТВА ЦАРЕЙ НАУА.

ГЛАВА V. ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ КЛАССЫ СРЕДИ НАХУА.

ГЛАВА VI. ПЛЕБЕЙЫ, РАБЫ, ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ.

ГЛАВА VII. ОБРАЗОВАНИЕ, БРАК, СОЖИТЕЛЬСТВО, РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И КРЕЩЕНИЕ.

ГЛАВА VIII. ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ НАХУА.

ГЛАВА IX. ПУБЛИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

ГЛАВА X. ПИТАНИЕ НАРОДОВ НАУА.

ГЛАВА XI. ОДЕЖДА НАРОДОВ НАУА.

ГЛАВА XII. ТОРГОВЛЯ НАРОДОВ НАУА.

ГЛАВА XIII. ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ НАХУА.

ГЛАВА XIV. ЗАКОНЫ И СУДЫ НАХУА.

ГЛАВА XV. ИСКУССТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАХУА.

ГЛАВА XVI. КАЛЕНДАРЬ АСТЕКОВ.

ГЛАВА XVII. ИСТЕЦКЕ ПИСЬМЕННОСТЬ.

ГЛАВА XVIII. АРХИТЕКТУРА И ЖИЛИЩА НАУА.

ГЛАВА XIX. МЕДИЦИНА И ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ НАХУА.

ГЛАВА XX. ПРАВИТЕЛЬСТВО, СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ, СОБСТВЕННОСТЬ И ЗАКОНЫ НАРОДОВ МАЙЯ.

ГЛАВА XXI. ОБРАЗОВАНИЕ И СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА У МАЙЯ.

ГЛАВА XXII. ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ МАЙЯ.

ГЛАВА XXIII. ПИТАНИЕ, ОДЕЖДА, ТОРГОВЛЯ И ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ МАЙЯ.

ГЛАВА XXIV. ИСКУССТВО, КАЛЕНДАРЬ И ИЕРОГЛИФЫ МАЙЯ.

ГЛАВА XXV. ЗДАНИЯ, МЕДИЦИНА, ПОХОРОНЫ, ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР МАЙЯ.

СНОСКИ

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» Коренные народы [тихоокеанских государств], том 2, Цивилизованные нации

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Коренные народы [тихоокеанских государств], том 2, Цивилизованные нации

Автор: Хьюберт Хоу Бэнкрофт

Дата выпуска: 25 мая 2013 г. [электронная книга № 42808]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Подготовлено Мелиссой Макдэниел и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (1st-hand-history.org)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «КОРЕННЫЕ НАРОДЫ [ТИХООКЕАНСКИХ ГОСУДАРСТВ], ТОМ 2, ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ НАЦИИ» ***

Примечание транскрибатора:

Очевидные типографские ошибки были исправлены. Несогласованное написание и деление слов в оригинальном документе были сохранены.

Курсив в сносках был использован наборщиком не последовательно.

Были внесены или предложены следующие изменения:

На [странице 43](#), возможно, пропущено слово в фразе «мы перейдем к третьей силе, «la gase»».

На разворотной карте между страницами 509 и 510, [Клавиголо, месяц 10](#), возможно, означает «Xochuuetzl».

В [сноске 95](#) в цитате из Эрреры отсутствует название книги.

В [сноске 638](#) ссылка на *Леона и Гаму, Dos Piedras*, неполная.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХЬЮБЕРТА ХАУЭРА БАНКРОФТА.

ТОМ II.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ.

Том II. ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ НАЦИИ.

САН-ФРАНЦИСКО:
ИЗДАТЕЛЬСТВО A. L. BANCROFT & COMPANY.
1883.

Зарегистрировано в соответствии с Законом Конгресса от 1882 года, Хьюбертом Х. Бэнкрофтом,
в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне.

Все права защищены.

СОДЕРЖАНИЕ ДАННОГО ТОМА.

ГЛАВА I.

ДИКАРСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Определение терминов — Всеобщая душа прогресса — Человек как инструмент, а не элемент прогресса — Происхождение прогрессивных явлений — Агент зла — Способствует ли цивилизация счастью? — Объективная и субъективная человечность — Условия, необходимые для прогресса — Конфигурации континентов — Пища и климат — Богатство и досуг — Объединение — Война, рабство, религия и правительство — Развитие закона прогресса

ГЛАВА II.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ НАЦИИ.

Американская цивилизация XVI века — ее исчезновение — прошлое как новый элемент — разделительная линия между дикими и цивилизованными племенами — границы американской цивилизации — физические особенности страны — майя и науа — ветви аборигенной культуры — цивилизация науа — ацтеки как ее представители — границы ацтекской империи — краткий обзор древней истории Анауака — Эпоха тольтеков — Эпоха чичимеков — Эпоха ацтеков — Распространение ацтекского языка — Цивилизованные народы за пределами Анауака — Народы Центральной Америки — Культура майя — Первобытная империя майя — Влияние науа на юге — Юкатан и майя — Народы Чьяпаса — Империя киче в Гватемале — Науа в Никарагуа и Сальвадоре — Этимология имен

ГЛАВА III.

ПРАВЛЕНИЕ НАРОДОВ НАУА.

Система правления — Конфедерация ацтеков — Порядок престолонаследия — Избрание королей среди мексиканцев — Королевские прерогативы — Правление и законы престолонаследия среди тольтеков, а также в Мичоакане, Тласкале, Чолула, Уэксотинко и Оахака — Великолепие монархов науа — Церемония помазания — Восхождение в храм — Святое помазание — Речь верховного жреца к королю () — Покаяние и пост в доме под названием Тлакатеко — Почтение со стороны знати — всеобщее ликование по всему королевству — церемония коронации — приготовление жертвоприношений — описание короны — коронационные пиры и развлечения — гостеприимство, оказанное врагам — коронационная речь Несауальпилли, короля Тецкуко, к Монтесуме II Мексиканскому — речь дворянина к новоизбранному королю

ГЛАВА IV.

ДВОРЦЫ И ДОМАШНИЕ ХОЗЯЙСТВА КОРОЛЕЙ НАУА.

Размеры и интерьер Великого дворца в Мехико — Дворец Несауалькойотля, короля Тецкуко — Зоологические коллекции монархов науа — Оратория Монтесумы — Королевские сады и парки развлечений — Холм Чапультепек — Загородная резиденция Несауалькойотля в Тескоцинко — Дворцы тольтеков — Королевская гвардия — Трапезы короля — Ацтекская кухня — Аудиенц-зал — Развлечения после обеда — Королевская гардеробная — Король среди своего народа — Встреча Монтесумы II и Кортесом — Гарем короля — Доходы королевского двора — Политика ацтекских королей

ГЛАВА V.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ КЛАССЫ СРЕДИ НАУА.

Титулы дворянства и знати — Власть дворян — Аристократия Тецкуко — Политика короля Течотлалацина — Привилегии дворян — Политика Монтесумы — Соперничество между дворянами и простолюдинами — Рыцарский орден Текутли — Церемония посвящения — Происхождение ордена — Священство науа — Священники Мехико — Посвящение детей — Жрицы — Священство Мицтекапана — Понтифик Йопаа — Традиция Викисипекоча — Пещера Йопаа — Священники сапотеков — Священники тольтеков — Священники тотонаков — Священники Мичоакана, Пуэблы и Тласкалы

ГЛАВА VI.

ПЛЕБЕЙИ, РАБЫ, ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЕЙ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ.

Влияние простолюдинов — угнетение со стороны знати — лишение должностей Монтесумой II — классы рабов — уголовные рабы — добровольное рабство — рынок рабов в Аскапусалько — наказания и привилегии рабов — разделение земель — королевские земли — земли знати — муниципальная собственность — собственность храмов — землевладение в Сапотекапане, Мицтекапане, Мичоакане, Тласкале, Чолуле и Уэксоцинко — сходство с феодальной системой Европы — система налогообложения — муниципальные налоги — дань в виде вшей — дань от завоеванных провинций — налоговые чиновники — несправедливость Монтесумы II. 216

ГЛАВА VII.

ОБРАЗОВАНИЕ, БРАК, СОЖИТЕЛЬСТВО, РОЖДЕНИЕ ДЕТЕЙ И КРЕЩЕНИЕ.

Образование молодежи народа науа — Способы наказания — Подготовка к браку — Брачная церемония — Обычаи после брака — Браки народов мазатеков, отоми, чичимеки и тольтеки — развод — сожительство — церемонии, предшествующие рождению ребенка — обращение с беременными женщинами — деятельность акушерки — суеверия в отношении женщин, умерших при родах — аборт — крещение — речи акушерки — присвоение имен детям — крещение у тласкальцев, миштеков и сапотеков — Обрезание и скарификация младенцев

ГЛАВА VIII.

ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ НАХУА.

Чрезмерная любовь к праздникам — Образ проведения праздников — Подача блюд — Профессиональные шуты — Прощальные подарки гостям — Королевские банкеты — Курение табака — Общественные танцы — Образ пения и танцев — Нететелицли — Драма среди науа — Музыка и музыкальные инструменты — Поэзия науа — Акробатические трюки — Нетололицли, или «танец птиц» — Профессиональные бегуны — Игра в тлактли — Азартные игры — Патолицтли, или «игра в бобы» — Тотолок, любимая игра Монтесумы

ГЛАВА IX.

ПУБЛИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Частое проведение религиозных праздников — Человеческие жертвоприношения — Праздники четвертого года — Ежемесячные праздники — Жертвоприношение детей — Праздник Шипе — Способ жертвоприношения — Праздники Камакти, торговцев цветами, Сентеотля, Тескатлипоки и Уицилопочтли — Праздник солеваров — Жертвоприношение огнем — Праздник мертвых — Приход богов — Следы на циновке — Праздник охоты — Месяц любви — Трудные времена — Нахуа Луперкалия — Праздники Солнца, зимнего солнцестояния — Праздники урожая и восьмилетия — Связывание снопа

ГЛАВА X.

ПИТАНИЕ НАРОДОВ НАУА.

Происхождение земледелия — Плавучие сады — Сельскохозяйственные продукты — Способы подготовки почвы — Описание сельскохозяйственных орудий — Орошение — Зернохранилища — Сады — Праздник урожая — Способы охоты — Рыболовство — Способы добывания соли — Кухня науа — Различные виды хлеба — Бобы — Перец — Фрукты — Тамалес — Разное — Продукты питания — Поедание человеческого мяса — Производство пультке — Приготовление шокоадла — Другие напитки — Опьяняющие напитки — Пьянство — Время и способ приема пищи

ГЛАВА XI.

ОДЕЖДА НАРОДОВ НАУА.

Эволюция одежды — Одежда народов, предшествовавших ацтекам — Одежда чичимеков и тольтеков — Появление хлопка — Мактли — Тильматли — Одежда аколхуа — Происхождение тарасканского костюма — Одежда сапотек и табасканцев — Одежда женщин — Уипиль и куэйтль — Сандалии — Прически — Роспись и татуировки — Украшения, используемые науа — Роскошная одежда знати — Одежда королевских слуг — Названия различных мантий — Королевская диадема — Королевская гардеробная — Дорогие украшения

ГЛАВА XII.

ТОРГОВЛЯ НАРОДОВ НАУА.

Основные черты торговли науа — Торговля в доацтекские времена — Злодеяния ацтекских купцов — Привилегии купцов Тлателулько — Ревность между купцами и знатными людьми — Предметы, используемые в качестве валюты — Рынки Анауака — Устройство и правила рынков—Количество покупателей и продавцов— Транспортировка товаров— Путешествующие купцы—Торговые пути—Отправление в путь—Караваны торговцев— Возвращение—Обычаи и праздники купцов—Лодки науа и судоходство

ГЛАВА XIII.

ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ НАУА.

Важность военной профессии — Признаки звания — Образование воинов — Награды за доблесть — Военные ордена и их одежда — Роскошные военные одеяния Монтесумы и ацтекской знати — Одежда простых солдат — Доспехи и защитное оружие — Наступательное оружие — Знамена — Послы и курьеры — Укрепления—Военный совет — Военные статьи — Объявление войны — Шпионы — Порядок марша и сражения — Военные обычаи тласкальцев и тарасков — Возвращение завоевательной армии — Празднование военных подвигов

ГЛАВА XIV.

ЗАКОНЫ НАУА И СУДЫ.

Общие замечания — Чиуакоатль, или верховный судья — Суд Тлакатекатли — Юрисдикция Текутли — Центеклапиксы и Топилли — Суды и судьи Тецкуко — Восьмидесятидневный совет — Трибунал короля — Судебные разбирательства — Адвокаты — Свидетели — Вознаграждение судей — Справедливость короля Несауальпилли—Он приказывает казнить своего сына — Монтесума и фермер — Тюрьмы — Законы против воровства, убийства, измены, похищения, пьянства, колдовства, прелюбодеяния, инцеста, содомии, блуда и других преступлений — История Несауалькойотля и мальчика

ГЛАВА XV.

ИСКУССТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАУА.

Используемые металлы и способы их добычи — Обработка золота и серебра — Удивительное мастерство в имитации позолоты и гальваники — Обработка камня — Ювелирное дело — Резьба по дереву — Производство керамики — Различные виды тканей — Производство бумаги и кожи — Приготовление красителей и красок — Искусство живописи — Мозаика из перьев—Маты из листьев — Способы разжигания огня — Факелы — Мыло — Совет искусств в Тескоко — Ораторское искусство и поэзия — Оды Несауалькойотля о переменчивости жизни и тиране Тезозомоке — Ацтекская система счисления

ГЛАВА XVI.

КАЛЕНДАРЬ АСТЕКОВ.

Астрономические знания ацтеков — Противоречия авторов в отношении календаря — Ценность исследований различных писателей — Первый регулярный календарь — Мексиканский цикл — Гражданский год — Ацтекские месяцы — Названия дней и их значение — Начало ацтекского года — Ритуальный календарь — Расположение месяцев по Гаме — Календарный камень — Четыре разрушения мира — Календарь Мичоакана — Счет сапотеков

ГЛАВА XVII.

АЗТЕКСКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.

Иероглифические записи — Книги коренных народов — Авторитеты — Уничтожение архивов коренных народов Сумарга и его собратьями — Использование пиктографических записей после завоевания для исповеди и судебных процессов — Ценность записей — Документы, отправленные в Испанию в XVI веке — Европейские коллекции — Работа лорда Кингсборо — Пиктографические записи, сохранившиеся в Мексике — Коллекции Икстильшочитля, Сигуэнса, Джемелли Карери, Ботурини, Вейтия, Леона-и-Гама, Пичардо, Обина и Национального музея Мексики — Процесс развития иероглифического письма — Репрезентативные, символические и фонетические пиктограммы — Происхождение современных алфавитов — Ацтекская система — Образец из Кодекса Мендоса — Образец из коллекции Джемелли Карери — Образец из коллекции Ботурини — Вероятный будущий успех переводчиков — Непоуальцицин

ГЛАВА XVIII.

АРХИТЕКТУРА И ЖИЛИЩА НАХУА.

Архитектура древних народов — Общие черты архитектуры науа — Арка — Внешнее и внутреннее убранство — Метод строительства — Наклонные плоскости — Леса — Использование отвеса — Строительные материалы — Расположение и укрепление городов — Мехико-Теночтитлан — Великие дамбы — Кварталы и районы Мехико — Рыночная площадь — Фонтаны и акведуки — Маяки и уличное освещение — Город Тецкуко — Жилища — Сады ацтеков — Храм Уицилопочтли — Храм Мехико — Другие храмы — Теокалли в Чолуле и Тецкуко

ГЛАВА XIX.

МЕДИЦИНА И ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ СРЕДИ НАУА.

Вклад мексиканцев в медицинскую науку — Ботанические сады — Долголетие — Распространенные заболевания — Появление оспы и сифилиса — Медицинское лечение — Темаскалли — Местные врачи — Ацтекский медицинский факультет — Стандартные лекарства — Хирургия — Суеверные обряды в лечении — Похоронные обряды ацтеков — Кремация — Королевские похороны — Бальзамирование — Погребальный костер — Человеческие жертвоприношения — Утилизация праха и украшений — Скорбящие — Погребальные церемонии народа — Погребение определенных классов — Обряды для

убитых в бою — Погребение у тео-чичимеков и табасканцев — Церемонии кремации в Мичоакане — Погребение у миштеков в Оахаке

ГЛАВА XX.

ПРАВИТЕЛЬСТВО, СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ, СОБСТВЕННОСТЬ И ЗАКОНЫ НАРОДОВ МАЙЯ.

Вступительные замечания — Империя Вотана — Царствование Замна — Королевские семьи Юкатана, Кокомес, Тутуль-Шиус, Ицас и Челес — Титулы и порядок наследования — Классы дворян — Империя киче-какчикель в Гватемале — Ахау Ахпоп и престолонаследие — Привилегированные классы — Правительство провинций — Королевский совет — Чиापанеки — Пипиле — Народы Никарагуа — Священство майя — Плебейские классы — Рабы — Землевладение — Наследование собственности — Налогообложение — Должники и кредиторы — Законы и отправление правосудия

ГЛАВА XXI.

ОБРАЗОВАНИЕ И СЕМЕЙНЫЕ ДЕЛА У МАЙЯ.

Образование молодежи — Государственные школы Гватемалы — Направления обучения в Юкатане — Брачный возраст — Степени кровного родства, допускаемые в браке — Подготовка к браку — Брачные церемонии — Обычай « » (право первой ночи) в Никарагуа — Вдовы — Моногамия — Конкубинат — Развод — Законы о прелюбодеянии — Блуд — Изнасилование — Проституция — Протiwоестественные преступления — Желание иметь детей — Церемонии родов — Обряды обрезания — Обычаи присвоения имен детям — Церемонии крещения

ГЛАВА XXII.

ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ МАЙЯ.

Особые обряды — Фиксированные праздники — Жертвоприношение рабов — Ежемесячные праздники юкатеков — Обновление идолов — Праздник Чаков — Праздник охоты — Туппак — Праздник какао-плантаторов — Праздник войны — Новый год майя — Праздники охотников, рыбаков и пчеловодов — Церемонии в честь Кукулькана — Праздник месяца Моль — Праздники лет Кан, Мулук, Икс и Кауак — Жертвоприношения юкатеков — Яма Чичен — Жертвоприношения пипилей — Праздник победы — Праздники и жертвоприношения в Никарагуа — Банкеты — Танцы — Музыкальные инструменты — Игры

ГЛАВА XXIII.

ПИТАНИЕ, ОДЕЖДА, ТОРГОВЛЯ И ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ МАЙЯ.

Введение сельского хозяйства — Традиция киче о открытии кукурузы — Культура кукурузы — Суеверия фермеров — Охота и рыболовство — Домашние животные, птицы и пчелы — Хранение и приготовление пищи — Еда — Напитки и питье — Привычки — Каннибализм — Одежда майя — Макстли, мантии и сандалии — одежда королей и жрецов — женская одежда — волосы и борода — личные украшения — сплющивание головы, перфорация, татуировки и раскраска — личные привычки — торговля — валюта —

рынки — суеверия путешественников — каноэ и бальса — война — военачальники —
знаки отличия — доспехи — оружие — укрепления — сражения — обращение с
пленными

ГЛАВА XXIV.

ИСКУССТВО, КАЛЕНДАРЬ И ИЕРОГЛИФЫ МАЙЯ.

Недостаток информации — Использование металлов — Золото и драгоценные камни —
Каменные орудия — Скульптура — Керамика — Производство ткани — Крашение —
Система счисления — Календарь майя в Юкатане — Дни, недели, месяцы и годы —
индикции и катуны — система Переса Ахау Катун — заявления Ланды и Коголлудо —
високосные дни и годы — дни и месяцы в Гватемале, Чьяпасе и Соконуско —
Иероглифическая система майя — Свидетельства ранних писателей об использовании
пиктографической письменности — Уничтожение документов — Сохранившиеся образцы
— Дрезденский кодекс — Рукопись Троано — Плиты из Паленке, Копана и Юкатана —
Ключ епископа Ланды — Интерпретация Брассера де Бурбура

ГЛАВА XXV.

ЗДАНИЯ, МЕДИЦИНА, ПОХОРОНЫ, ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР МАЙЯ.

Скудная информация, предоставленная ранними путешественниками — Частные дома майя
— Внутренняя планировка, украшение и мебель — Города майя — Описание Утатлана —
Патинамит, столица чакчикелей — Города Никарагуа — Дороги майя — Храмы в Чичен-
Ице и Косумеле — Храмы Никарагуа и Гватемалы — Болезни майя — Используемые
лекарства — Лечение больных — Умилостивительные жертвоприношения и обеты —
Суеверия — Сны — Предзнаменования — Колдовство — Заклинатели змей —
Погребальные обряды и церемонии — Физические особенности — Характер

ГЛАВА I.

ДИКАЯ ЖИЗНЬ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ — Сила и природа — Всеобщая душа прогресса — Человек как инструмент, а не элемент прогресса —
Происхождение прогрессивных явлений — Агент зла — Способствует ли цивилизация счастью? — Объективная и субъективная
человечность — Условия, необходимые для прогресса — Конфигурация континентов — Пища и климат — Богатство и досуг —
Объединение — Война, рабство, религия и правительство — Мораль и мода — Развитие закона прогресса.

Термины «дикий» и «цивилизованный», применимые к расам людей, являются относительными, а не абсолютными. В лучшем случае эти слова обозначают лишь общие сдвиги в прогрессе человечества: один ближе к отправной точке, другой — дальше, к недостижимому концу. Этот прогресс является единым и всеобщим, хотя и различается по скорости и масштабам; существуют степени дикости и степени цивилизованности; на самом деле, хотя они противопоставляются друг другу, одно является лишь степенью другого. Хайда, которых мы называем дикарями, настолько же превосходят шошонов, самых низших из американцев, насколько ацтеки превосходят хайда, а европейцы — ацтеков. Оглядываясь на несколько тысяч лет назад, мы сегодня являемся цивилизованными; глядя вперед на такой же промежуток времени, мы являемся дикарями.

В отсутствие фиксированных условий и среди множества оттенков различий, представленных народами, проживающими вдоль нашего западного побережья, нелегко сказать, где заканчивается сравнительная дикость и начинается цивилизация. В общепринятом понимании этих терминов мы можем смело называть дикарями жителей Центральной Калифорнии, а киче из Гватемалы — цивилизованными; но между этими двумя крайностями находятся сотни народов, каждый из которых имеет право претендовать на оба определения. Таким образом, если одомашнивание жвачных животных или некоторые знания в области искусства и металлургии составляют цивилизацию, то тогда изобретательные, но полуоцепенелые гиперборейцы являются цивилизованными, поскольку эскимосы приручают оленей, а тлинкеты являются искусными резчиками и используют медь; если возделывание земли, строительство прочных домов из самана, дерева и камня, а также производство ткани и керамики означают выход из дикости, то пуэбло Нью-Мексико больше не являются дикарями; однако в обоих этих случаях можно увидеть достаточно признаков глупости или грубости, чтобы не ставить их в один ряд с более развитыми ацтеками, майя и киче.

Мы знаем, что такое дикари; как, подобно диким животным, они зависят от естественных продуктов природы в плане питания и одежды, мигрируют вместе с животными, птицами и рыбами, роют норы под землей, прячутся в пещерах или укрываются под корой, шкурами, ветвями или досками, едят или голодают в зависимости от того, много или мало пищи; тем не менее, все они достигли некоторого прогресса по сравнению со своим первоначальным обнаженным, беспомощным состоянием и приобрели некоторые средства для удовлетворения своих скудных потребностей. Первобытный человек, единственная реальная отправная точка и, следовательно, единственный истинный дикарь, сегодня нигде не существует на земном шаре. Каким бы низким ни был человек-животное — ниже по своим навыкам и мудрости, чем зверь, менее активный в добычании пищи, менее

изобретательный в строительстве своего жилища — первый шаг из своего бездомного, неуютного состояния, первое изготовление орудия, первая попытка прикрыть наготу и защититься от ветра, если это стремление проистекает из интеллекта, а не из инстинкта, является первым шагом к цивилизации. Следовательно, современный дикарь не является доисторическим или первобытным человеком; и не среди варварских народов сегодняшнего дня мы должны искать самое грубое варварство.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ.

Часто задают вопрос: что такое цивилизация? И отвечают: процесс цивилизации; состояние цивилизованности. Что такое процесс цивилизации? Выход из дикого или варварского состояния; образование; усовершенствование. Что такое дикое или варварское состояние? Дикое, некультурное состояние; состояние природы. Так говорят словари. Таким образом, термин «цивилизация» в общепринятом смысле подразумевает как переход от естественного к искусственному состоянию, так и достигнутое искусственное состояние. Происхождение слова «цивилизация» от *civis*, «гражданин», *civitas*, «город», и первоначально от *coetus*, «союз», кажется, указывает на ту культуру, которая в феодальные времена отличала жителей городов от невежливых деревенщин. Слово «дикарь», с другой стороны, происходит от *silva*, лес, и указывает на первобытного человека; *silvestres homines*, люди леса, не обязательно свирепые или жестокие, но дети природы. От этих простых истоков оба слова постепенно приобрели более широкое значение, пока одно стало означать состояние комфорта, интеллекта и утонченности, а другое — дикое и зверское человечество.

Гизо определяет цивилизацию как «улучшенное состояние человека, являющееся результатом установления социального порядка вместо индивидуальной независимости и беззакония дикой или варварской жизни»; Бакл — как «триумф разума над внешними факторами»; Вирей — как «более или менее абсолютное развитие моральных и интеллектуальных способностей человека, объединенного в обществе»; Берк — как проявление двух принципов: «духа джентльмена и духа религии». «Какими бы ни были характеристики того, что мы называем дикой жизнью, — говорит Джон Стюарт Милль (), — противоположность им, или качества, которые общество приобретает, отбрасывая первые, составляют цивилизацию»; а Эмерсон замечает: «Нацию, у которой нет одежды, железа, алфавита, брака, искусств мира, абстрактного мышления, мы называем варварской».

Люди говорят о цивилизации и называют ее свободой, религией, правительством, моралью. Но свобода не является признаком цивилизации в большей степени, чем тирания, ибо самые низшие дикари — это наименее управляемые из всех народов. Цивилизованная свобода, верно, отмечает более продвинутую стадию, чем дикая свобода, но между этими двумя крайностями свободы существует необходимый период тирании, не менее значимый для прогресса по сравнению с первобытной свободой, чем конституционная свобода для прогресса по сравнению с тиранией. Религия также не является цивилизацией, за исключением тех случаев, когда форма и механизм священных обрядов, а также отказ от фетишизма в пользу монотеизма становятся признаком более интенсивного мышления и расширения интеллекта. Ни одна нация никогда не практиковала более грубую аморальность, или то, что мы сегодня считаем аморальностью, чем Греция в период расцвета своего интеллектуального развития. Мир не является цивилизацией в большей

степени, чем война, добродетель — чем порок, добро — чем зло. Все это — явления, а не сущность цивилизации.

То, что мы обычно называем цивилизацией, не является ни дополнением, ни приобретением человека; это не вероучение и не государственный строй, не наука, не философия и не промышленность; это скорее мера прогрессивной силы, заложенной в человеке, общий фонд богатства, знаний и утонченности нации, хранилище накопленных результатов, сущность всего лучшего, что стоит сохранить из дистиллятов добра и дистиллятов зла. Это нечто между людьми, не менее чем нечто внутри них; ведь ни изолированный человек, ни сообщество животных не могут ни в коей мере стать цивилизованными.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК РАБОЧИЙ ПРИНЦИП.

Более того, цивилизация — это не только мера совокупного человеческого опыта, но и живой рабочий принцип. Это социальный переход; движение вперед, а не достигнутая цель; развивающаяся жизненная сила, а не фиксированная сущность; это стремление или цель к усовершенствованию, а не само усовершенствование; это труд с целью улучшения, а не завершённое улучшение, хотя он может быть и является мерилom такого улучшения. И это согласуется с современными учениями. Хотя наука об эволюции находится в зачаточном состоянии и, более того, неспособна объяснить необъяснимое, она до сих пор доказала, что нормальное состояние человеческой расы, как и физической природы, является прогрессивным; что растение в благоприятной почве не более уверенно растет, чем человечество в благоприятных условиях, которое обязательно будет прогрессировать. Более того, мы говорим о прогрессе цивилизации как о чем-то, что движется само по себе; мы можем, если захотим, признать в этом движении вперед тот же принцип жизни, который проявляется в природе и в отдельном человеке.

Вещам, которые мы не понимаем, мы даем названия, с которыми, благодаря частому употреблению, мы становимся знакомы, когда нам кажется, что мы знаем все о самих вещах. На первый взгляд цивилизация кажется простым делом: быть хорошо одетым, хорошо жить и хорошо питаться, быть умным и культурным лучше, чем быть голым и невежественным; поэтому это хорошо, это то, к чему люди должны стремиться, — и это все. Но стоит только попытаться заглянуть под эту спокойную поверхность и исследовать природу прогрессивных явлений, как мы оказываемся в бесконечном океане, в погоне за той же тайной Причиной, которую искали философы и варвары всех веков и народов; мы оказываемся лицом к лицу с великой тайной, к которой мы относимся так же, как и к другим великим тайнам, таким как происхождение вещей, принцип жизни, природа души. Когда будут найдены ответы на такие вопросы, как «Что такое притяжение, тепло, электричество? Что такое инстинкт, интеллект, душа? Почему растения вынуждены расти, а молекулы — объединяться и вращаться в огромных массах в пространстве?», — тогда мы, возможно, поймем, почему общество движется вперед, как река по заранее определенному руслу. В настоящее время мы можем частично понять действие этих явлений, но совершенно не понимаем их сущность; мы можем отмечать последствия, мы можем распознавать один и тот же принцип в самых разных условиях, хотя и не можем обнаружить, в чем заключается этот принцип. Наука говорит нам, что все так и есть; что за определенными комбинациями определенных элементов неизбежно следуют определенные результаты, но наука не

пытается объяснить, почему это так. Тем не менее, краткое изложение тех немногих простых мыслей, которые я смог собрать по этому вопросу, может оказаться не совсем бесполезным.

СИЛА И МАТЕРИЯ.

И сначала, чтобы помочь нашим размышлениям, давайте на мгновение обратимся к некоторым из первоначальных принципов природы, не с целью дать уроки в этом направлении, а скорее для того, чтобы сравнить некоторые энергии материального мира с интеллектуальной или прогрессивной энергией человека; и из них я упомяну только те, которые в настоящее время признаны современной наукой.

В пределах мыслимой вселенной только один элемент обладает всемогущим потенциалом и всепроникающим характером — это сила. Во всех сферах пространства, внутри и вокруг всех форм материи, связывая мельчайшие атомы, уравнивая системы миров, бушуя в жизни, гниючи в смерти, под своими различными аспектами — механическим и химическим, притягивающим и отталкивающим — проявляется эта могущественная сила; объединяющая, сливающаяся и текучая сила, старше времени, быстрее мысли, насыщающая все солнца и планеты и наполняющая до предела все молекулы и массы. Миры и системы миров вращаются, миры вокруг миров и системы вокруг систем, в запутанном планетарном танце, в котором малейшее спотыкание, малейшее превышение импульса или инерции, напряжения или тяги в любой части, и хаос наступит снова. Каждая мыслимая сущность, весомая и невесомая, материальная и нематериальная, наполнена силой. Благодаря ей все движущиеся тела приводятся в движение, все неподвижные тела удерживаются в покое; благодаря ей бесконечно малый атом удерживается атомом, а масса удерживается конкретной, паровая влага покрывает землю, свет и тепло оживляют бесчувственную субстанцию; благодаря ей формы материи изменяются, скалы растут и растворяются, горы возникают и исчезают, океан вздымается и бурлит, вечные холмы пульсируют, основания бездны поднимаются, а моря смещают континенты.

Еще одна вещь, которую мы знаем и которая вместе с первой составляет все наше знание, — это материя. Сила и материя взаимозависимы, одна не может существовать без другой; например, всякая субстанция, если ее не удерживать вместе — а этот термин, очевидно, подразумевает силу — быстро растворилась бы в невообразимом небытии. Но для уничтожения вещества требуется не меньше силы, чем для его создания; следовательно, сила одинаково необходима для существования или несуществования материи, что сводит идею возможного отсутствия либо силы, либо материи к абсурду; или, другими словами, человеческий разум не может представить себе состояние вещей, в котором нет материи и, следовательно, нет силы.

Сила называется душой природы, а материя — телом, потому что благодаря силе материя живет, движется и существует.

Сила, как и материя, делима, бесконечно делима, насколько это возможно по человеческому опыту; ибо, хотя и могут существовать пределы, они еще никогда не были достигнуты; и кажется, что все физические явления, какими бы бесконечно разнообразными и озадачивающими они ни казались, проистекают из нескольких простых непостижимых сил,

основой которых являются притяжение и отталкивание; которые, однако, могут действительно происходить из Единого Источника. В морфологических и геометрических проявлениях материи эти явления принимают множество форм; все они взаимодействуют и взаимозависимы, лишь немногие из них являются первоначальными или первичными — например, тепло и электричество являются результатом движения, которое является следствием притягивающей и отталкивающей силы.

Что такое сила и что такое материя, является ли одна из них сущностью самосознательного Творца, а другая — его творением, или же обе являются результатом слепого случая или судьбы — что просто немыслимо — я не собираюсь здесь рассматривать. В этом анализе я предлагаю рассматривать вещи такими, какими я их нахожу, изучать скорее действие, чем происхождение явлений, определять, что делает человек, а не что он должен делать, и оставить эту тему в пределах трансцендентализма. Поэтому, когда я говорю о силе как о жизни материи, это не подразумевает самосуществующий материализм в человеке, так же как душа человека не подразумевает пантеистическую самосуществующую душу в природе. Всомогущество может с одинаковой легкостью создавать и поддерживать вселенную посредством антагонистических и взаимозависимых сил, как и любыми другими средствами, может с одинаковой легкостью подчинить природу и человека фиксированным законам, как и подчинить все изменяющимся произвольным распоряжениям, и может примирить эти законы с волей человека. Спорщики роют колодцы горечи под бессмысленными словами; ученых обвиняют в материализме, а религиозных деятелей — в фанатизме за их тщетные попытки понять пути Всомогущего и ограничить его силы пределами нашего слабого понимания.

Говорят, что вначале шестьдесят с лишним предполагаемых элементов материи находились в хаотичном состоянии; что материя и сила были в равновесии или беспорядочно бушевали по всему пространству, что из этого состояния вещей возникли форма и развитие; начались регулярное движение и время; материя сгустилась в вращающиеся массы и обозначила дни, месяцы и годы; зародились организация и организмы, и проявился интеллектуальный замысел. Бесконечно малые молекулы, уравновешенные всеобщим равновесием сил, которые до движения и времени были лишь хаотичной материей и силой, в конце концов, как предполагается, были наделены врожденной индивидуальностью. Как бы то ни было, мы теперь видим, что каждый атом во вселенной наполнен силой и обладает химическими свойствами, а в определенных условиях — способностью к активности. Что касается Силы, стоящей за силой, или того, как и каким образом эта врожденная энергия была или является имплантированной в молекулы, то здесь нам нечего делать. Для наших целей достаточно того, что мы находим ее там; однако учение философии подразумевает, что эта врожденная сила не является ни самоимплантированной, ни самодействующей; что независимо от того, плавали ли в дозвездные времена бесконечно малые частицы материи в пространстве в виде туманной жидкости или бесформенного пара без формы и консистенции, или же вся материя была объединена в одну массу, которая начала вращаться и разбилась на фрагменты, которые были отправлены вращаться как солнца и планеты во всех направлениях; что в любом случае или в любом другом мыслимом случае, материя, будь то молекулы или массы, изначально была и остается наделенной и приводимой в действие Творческим Разумом, который, имплантируя силу, жизненную энергию, интеллект, душу, прогресс, постоянно действует, движется, смешивается, раскрывается, и это происходит во всех частях и во всех многочисленных комбинациях материи; и что все силы и жизненные энергии должны были сосуществовать в массе, врожденные в каждом атоме и вокруг него.

Таким образом, в своей великой теории импульса, придаваемого небесным телам в противовес притягивающему импульсу, сэр Исаак Ньютон предполагает, что оба импульса были приданы извне; что некая сила, чуждая им самим, выбросила эти небесные тела в космос и удерживает их там. Точно так же, когда Лаплас провозгласил идею о том, что в допланетарные времена пространство было заполнено частицами и парами, солнечные системы существовали только в туманном состоянии, и эта туманность вращалась в виде одной массы вокруг своей оси с запада на восток, и что по мере увеличения скорости этой массы солнца и планеты были выброшены центробежной силой и сконденсировались в пригодные для жизни, но все еще вращающиеся миры, подразумевается некий импульс, посторонний вращающейся массе, приводящий ее в движение.

С организацией и движением возникают фазы силы, называемые теплом, светом, электричеством и магнетизмом, которые до сих пор находились в состоянии покоя в молекулах; происходит составление и разложение; материя принимает новые и разнообразные формы; начинается прогрессивное развитие, которое является ни чем иным, как разумно направленным движением, и движение становится вечным.

Хорошо известный принцип физики гласит, что сила не может быть создана или утрачена. На сохранение силы не влияют действия или энергия движущихся тел. Сила не создается для приведения тела в движение, и, как мы говорим, она не теряется, когда расходуется. Сумма всех потенциальных энергий во всей вселенной всегда одинакова, независимо от того, находится ли материя в покое или в движении. Очевидно, что до тех пор, пока каждая молекула заряжена притягивающей силой, ни один атом не может упасть в глубины незанятого и абсолютного пространства и потеряться или быть уничтожен; и до тех пор, пока сила зависит от материи для своего осязаемого существования, она не может выйти за пределы пространства и потеряться в абсолютной пустоте.

Силы не только взаимозависимы, но и способны преобразовываться друг в друга. Так, интеллектуальная энергия изобретает машину, которая приводит в движение пароход, пересекающий океан. Это изобретение или творение ума — не что иное, как оживление или освобождение механических сил, и без этого оживления или приложения интеллектуальной силы такая механическая сила () остается в состоянии покоя, как в так называемой мертвой материи. Гравитация используется для вращения водяного колеса, тепловая энергия — для приведения в движение парового двигателя, с помощью которых можно поднимать грузы, производить тепло, электричество и свет, а эти вновь созданные силы можно накапливать и использовать для производства других сил или возвращать в их исходные каналы. И так, в химическом и капиллярном действии везде обнаруживается взаимосвязь сил.

Между разумом и материей существует самая тесная связь. Нематериальность, в ее различных проявлениях силы, жизни, интеллекта, насколько это может понять человеческое сознание, неотделима от материальности. Тело является лишь частью почвы, по которой оно ступает, и разум не может получать впечатления иначе, как через органы тела. Мозг является местом обитания мысли и органом мысли; ни один из них не может существовать в нормальном состоянии отдельно от другого. Как правило, сила интеллекта

пропорциональна размеру и качеству мозга. Среди животных самые низшие имеют самые маленькие мозги; человек, самое интеллектуальное из животных, имеет относительно, если не абсолютно, самый большой мозг. Правда, у некоторых крупнейших животных масса головного мозга больше, чем у человека, но по своему химическому составу, извилинам, форме и качеству мозг человека превосходит их; и превосходство заключается скорее в качестве, чем в количестве нервных тканей. Интеллект поступает в мозг через органы чувств, и через нервную систему его тонкое влияние распространяется на все части тела. Вся человеческая деятельность является либо умственной, либо механической; и нельзя отрицать, что умственная деятельность производится механическими средствами, или что механическая деятельность является результатом умственной силы. Телесное движение — это умственная сила, распределенная по различным частям тела.

Действие нематериальных сил на материальные вещества человеческого тела явно согласуется с действием нематериальных сил в других местах. Все физические и механические действия человеческого тела согласуются с физическими и механическими силами, проявляющимися в других местах. Нам говорят, что человек был последним из всех сотворенных существ, но при создании человека не было использовано никакой новой материи; и при приведении тела в движение мы также не можем обнаружить, что была изобретена какая-либо новая сила. Так, сердце бьется по механическим принципам; глаз видит, а голос говорит в соответствии с общими законами оптики и акустики.

Для наблюдателя органическая деятельность является лишь продуктом совокупности неорганических сил. Одни и те же процессы происходят одинаково как в живой, так и в так называемой мертвой материи. Жизнь, по всей видимости, является лишь результатом совокупности химических и механических процессов (). Ассимиляция, пищеварение, секреция объясняются химией и только химией. Желудок — это химическая реторта, а тело — химическая лаборатория. Углерод, кислород, водород, азот соединяются и разделяются как внутри тела, так и вне его. Кровь циркулирует по чисто механическим принципам; все мышечные действия являются механическими. В явлениях жизни единственное заметное различие заключается в комбинациях основных элементов; однако химия и механика не могут создать живое тело.

Имея перед собой вышеупомянутые общепризнанные принципы, давайте теперь обратим внимание на некоторые параллели между механической и социальной энергетикой.

Человек, как и любое другое природное вещество, является соединением силы и материи. «Дыхание, — говорит Либих, — это падающий груз, согнутая пружина, которая поддерживает движение часов; вдохи и выдохи — это удары маятника, который регулирует». Атомы материи, благодаря живой силе, сливаются и объединяются в бесконечных сложных условиях () в бесконечное многообразие форм и веществ; так же и деятельность человека, телесная и интеллектуальная, приводит к огромному накоплению опыта, который становится достоянием всего общества. Общество, как и материя, состоит из единиц, каждая из которых обладает определенными силами притяжения и отталкивания; общества воздействуют друг на друга, как небесные тела, пропорционально своему объему и близости, и сила единицы увеличивается с увеличением массы. В ассоциации существует сила, столь же тихая и тонкая, как та, которая управляет атомами и удерживает миры в равновесии; ее более грубые формы известны как правительство, поклонение, мода и т. п.; ее более тонкая сущность более деликатна, чем мысль. Именно эта социальная сила, притягивающая и отталкивающая, связывает людей, разрывает их, замешивает, связывает, формирует и развивает; она является источником каждого

рождения, конечной целью любой деятельности. Механические силы проявляются в машинах, таких как рычаг (), колесо, наклонная плоскость; профессиональная сила проявляется в интеллектуальной изобретательности, литературе, искусстве, науке, которые являются машинами человеческого прогресса.

ВЛИЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНОСТИ НА УМ.

Сколько из всех наших радостей и печалей, нашей любви и ненависти, наших добрых и злых поступков проистекает исключительно из физических причин? Даже материальные вещества проявляют настроения и привязанности, например, когда они нагреваются, электризуются, разлагаются или приводятся в движение; море в покое представляет собой другое настроение, чем море в ярости. Идея Жан-Жака Руссо о том, что душа может управляться для своего блага материальными вещами, действующими через посредство чувств, в конце концов, не так уж и экстравагантна. «Евангелие от Жан-Жака», как выразился Карлайл, гласит по этому поводу следующее — и действительно, великий женеvский евангелист в свое время намеревался посвятить этой теме книгу под названием «*La Morale Sensitive*»: Поразительные и многочисленные наблюдения, которые я собрал, были неоспоримы; и, учитывая их физическое происхождение, они казались мне подходящими для создания внешнего режима, который, варьируясь в зависимости от обстоятельств, должен был бы способствовать переводу или поддержанию души в состоянии, наиболее благоприятном для добродетели. Сколько заблуждений можно было бы избежать разуму, сколько пороков можно было бы предотвратить, если бы только можно было заставить животный организм благоприятствовать моральному порядку, который он так часто нарушает. Климат, времена года, звуки, цвета, тьма, свет, стихии, пища, шум, тишина, движение, покой — все это воздействует на наше тело и, следовательно, на нашу душу; все это дает нам тысячи надежных рычагов, чтобы управлять в их истоке теми чувствами, которыми мы позволяем себе быть управляемыми».

Размышляя о многочисленных явлениях, которые нас окружают, мы снова и снова удивляемся удивительной регулярности, которая характеризует все их движения. Эти движения настолько регулярны, а определенные условия настолько надежно сопровождают определенные результаты, что в физике, химии, физиологии и даже в обществе факты собираются и классифицируются, и на их основе открываются законы, столь же неизменные и неотменяемые, как и сами факты, которые, по сути, являются фактами не меньше, чем факты, из которых они выводятся.

Высокоразвитые нации формулируют законы, которые предусматривают многие непредвиденные обстоятельства, но кодекс природы содержит еще более точные положения. Есть условия, которые не охватывают ни политические, ни социальные законы, но нет таких, которые не охватывали бы законы физики; в обществе преступники иногда уклоняются от закона, в природе — никогда. Законы природы настолько тонки, что даже мысль не может за ними угнаться; когда мы видим, что каждая молекула в силу своей скрытой силы притягивает каждую другую молекулу до определенной точки, а затем из-за того же внутреннего влияния каждый атом отталкивает каждый другой атом; когда экспериментами физиков доказано, что в поляризации, кристаллизации и химическом действии нет ни малейшего отклонения от почти поразительной регулярности, с многими другими фактами подобного значения, сколько законов природы мы чувствуем еще

нераскрытыми и, из-за их утонченной деликатности, нераскрываемыми для нашего нынешнего грубого понимания.

Было бы действительно странно, если бы, когда вся вселенная подчиняется неизменным законам — законам, которые регулируют движение каждой молекулы, не менее чем вращение солнц, — законам столь тонкого значения, как, например, законы, регулирующие преобразование тепла, конвертируемость и корреляцию силы, было бы странно, говорю я, если бы такие законы, достигнув сферы человеческих дел, остановились и оставили мир человека в бесцельных блужданиях.

АНАЛОГИИ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ПРИРОДОЙ.

Продолжим наши аналогии. Как в атоме или в массе скрываются энергии, которые могут быть высвобождены только под действием тепла или трения, — как в угле, который содержит в себе, запертый, хлористоводородный газ, эквивалентный девяностократному объему самого угля, или в пористой платине, которая аналогичным образом содержит кислород, равный восьмисоткратному объему самой платины, — так и в каждом человеке скрываются бесчисленные энергии, которые требуют трения общества, чтобы проявить себя.

Сила состоит из двух элементов, притяжения и отталкивания, аналогичных принципам, обычно называемым добром и злом в делах человеческого общества; удалите из механической силы любой из этих двух противоположных элементов, и не будет ни организма, ни жизни, так же как без добра и зла в человеческих делах не может быть прогресса.

Если ни одна из сил природы не рассеивается и не теряется, и если сила не может быть уничтожена, как и материя, и, подобно материи, переходит из одной формы в другую, мы можем сделать вывод, что интеллектуальная сила никогда не рассеивается и не теряется, но что потенциальная энергия ума и души постоянно вибрирует между человеком и природой.

Или, опять же, если, как мы видели, энергия любого рода облечена в материю и, когда она используется и расходуется, возвращается на свое место в материи; и если ум черпает свои силы из тела, как это, по-видимому, и происходит, одновременно растущий, действующий и угасающий; и если тело черпает свою энергию из земли, что не менее возможно; то не может ли интеллектуальная и прогрессивная сила происходить из окружающей среды человека и возвращаться туда же, когда она расходуется? Каждое созданное существо берет свой материал из хранилища материи, а когда оно не создано, возвращает его обратно; так каждый индивид, рожденный в обществе, заряжается социальной силой, прогрессивной энергией, которая, когда она расходуется, остается в обществе. Мнение Уинслоу по этому вопросу заключается в том, что «все электрические и магнитные токи происходят из — индуцируются из — и излучаются прямо или косвенно из земного шара как источника всех форм и составляющих механической силы, и что абстрактная нематериальная механическая энергия, как мы до сих пор обсуждали и развивали ее двойственные принципы, абсолютно преобразуема посредством молекулярного движения во все формы и проявления вторичной силы, последовательно переходя от тепла к электричеству, магнетизму и т. д. и *наоборот*, из чего следует, что эта же самая механическая энергия, как гипостатическая движущая сила, также должна исходить из земного шара».

Таким образом, вселенная материи наполнена потенциальной энергией, порождающей жизнь, разум, цивилизацию, и, следовательно, мы можем сделать вывод, что цивилизация, чем бы она ни была, является силой; что она представляет собой совокупность всех сил, используемых для продвижения человечества вперед; что она действует на человека так же, как механическая сила действует на материю, притягивая, отталкивая, продвигая вперед, но удерживая в равновесии, и все это в соответствии с фиксированными и определенными законами.

Из всего этого следует, что в человеке нет ничего, что не имело бы своего соответствия в природе, и что все вещи, связанные с человеком, связаны друг с другом; даже бессмертный разум сам по себе не отличается от той тонкой силы, присущей каждому атому и действующей вокруг него.

В этом отношении физическая наука является предшественницей социальной науки. Природа порождает человека; человек в своем раннем представлении о природе, то есть в своих богах, воспроизводит себя; а позже его знание о внутреннем «я» зависит от его знания о внешних факторах, так что по мере лучшего понимания законов, управляющих внешней природой, законы, управляющие обществом, определяются все более точно. Условия человеческого прогресса могут быть превращены в науку только путем следования тому же курсу, который поднимает в ранг науки любую отрасль знания, то есть путем сбора, классификации и сравнения фактов и на их основе открытия законов. Общество должно изучаться так же, как изучается химия; оно должно быть проанализировано, и должны быть установлены его составные части — растворимость, взаимодействие и кристаллизация религий, правительств и мод. Как и в ранних размышлениях о физической природе, действие элементов считалось случайным, так и при поверхностном исследовании общества все события кажутся случайными; но при более глубоком исследовании, как в обществе, так и в физике, события, кажущиеся случайными, могут быть сведены к неизменным законам. С этой целью жизнь человечества на Земле должна рассматриваться как жизнь одного человека, а смену обществ — как смену дней в этой жизни, поскольку деятельность наций является лишь суммой деятельности отдельных членов этих наций.

ФИЗИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ.

Мы видели, что организм человека, насколько это можно точно наблюдать, подчиняется тем же процессам, что и элементарные принципы неорганической природы. Попытки человека противостоят этим законам природы совершенно бесполезны. Мы все осознаем наличие воли, осознаем определенную свободу в ее проявлении, но совершенно не осознаем грань между волей и окружающей средой. Часть наших действий возникает из неизменной необходимости, часть является результатом свободного волеизъявления. Статистические данные, по мере их накопления и систематизации, все больше и больше показывают, что подавляющая часть человеческих действий не поддается индивидуальному контролю, и что действия масс в основном полностью выходят за пределы сферы человеческой воли.

Возьмите погоду за один день и обратите внимание на ее влияние на волю. Направление ветра нередко определяет ход мыслей человека; решимость часто зависит от сухости атмосферы, доброжелательность — от состояния желудка; несчастья, возникающие по физическим причинам, уже не раз меняли характер правителя с высокодуховного

самопожертвования на раздражительную нервозность, в результате чего его последователи отвернулись от него, а его империя была утрачена. При осуществлении какого-либо предприятия мы часто обнаруживаем, что отклоняемся от намеченной цели. Ум управляется состоянием тела, а тело — условиями климата и питания; отсюда следует, что многие из наших действий, которые мы считаем результатом свободного выбора, возникают из случайных обстоятельств.

Только в более широком контексте человечества можно распознать общие законы, как отмечает доктор Дрейпер: «Тот, кто погружен в суматоху многолюдного города, видит только действия людей; и, если он формирует свое мнение исключительно на основе своего опыта, должен прийти к выводу, что ход событий полностью зависит от неопределенности человеческой воли. Но тот, кто поднимается на достаточную высоту, теряет из виду мимолетные конфликты и больше не слышит споров. Он обнаруживает, что важность индивидуальных действий уменьшается по мере расширения панорамы под ним; и если бы он мог достичь подлинно философской, общей точки зрения, освободиться от всех земных влияний и запутанностей, поднявшись достаточно высоко, чтобы увидеть все одним взглядом, его самое острое зрение не смогло бы разглядеть ни малейшего признака человека, его свободной воли или его дел».

Давайте теперь взглянем на некоторые проявления этого прогрессивного влияния; сначала в его общих аспектах, а затем мы обратим внимание на его влияние на некоторые из наиболее важных отдельных явлений, тесно связанных с человечеством, таких как религия, мораль, правительство и торговля, — ибо нет ничего, что затрагивало бы благосостояние человека, как бы незначительно это ни было, на всем его долгом пути от голой дикости к одетому и культурному разуму, что не было бы наложено на него этим прогрессивным импульсом.

ПРОЯВЛЕНИЯ ПРОГРЕССИВНОГО ИМПУЛЬСА.

В каждом живом существе есть элемент непрерывного роста; в каждом скоплении живых существ есть элемент непрерывного совершенствования. В первом случае появляется жизненная реальность; откуда — никто не может сказать. По мере созревания организма образуется новый зародыш, который, когда родительский организм умирает, занимает его место и становится таким же родителем для своего преемника. Таким образом, даже смерть — это лишь дверь к новым формам жизни. Во втором случае появляется корпоративное тело, не менее жизненная реальность, чем первая; социальный организм, в котором, несмотря на непрекращающиеся рождения и смерти, существует живой принцип. Потому что, пока отдельные люди рождаются и умирают, семьи живут; пока семьи рождаются и умирают, виды живут; пока виды рождаются и умирают, органическое существо принимает новые формы и черты. Здесь всепроникающий принцип жизни, хотя и мимолетен, тем не менее постоянен, хотя и преходящ, но вечен. Но выше и независим от вечного рождения и смерти этот элемент непрерывного роста, который, как дух, бродит по миру и вмешивается в дела людей. «Весь наш прогресс, — говорит Эмерсон, — это раскрытие, как у растительного бутона. Сначала у вас есть инстинкт, затем мнение, затем знание, как у растения есть корневой бутон и плод».

В благоприятных условиях и до определенной степени запасы улучшаются; по закону естественного отбора выживают самые сильные и приспособленные, а неблагоприятные и деформированные гибнут; в условиях, неблагоприятных для развития, запасы остаются неизменными или ухудшаются. Парадоксально, но, насколько нам известно, органы и организмы сейчас не более совершенны, чем в начале; инстинкты животных не стали острее, и их привычки не изменились существенно. Никто не отрицает, что запасы улучшаются, поскольку такое улучшение заметно и постоянно; многие отрицают, что организмы улучшаются, поскольку, если и происходит улучшение, то оно незаметно и до сих пор не поддается доказательству. Но, как бы то ни было, очевидно, что ум, а не тело, является инструментом и объектом прогрессивного импульса.

Человек в своей двойственной природе подчиняется двум различным владениям: материально он подчиняется законам, которые управляют материей, умственно — законам, которые управляют умом; физиологически он совершенен и не подвержен прогрессу, психологически он эмбрионален и подвержен прогрессу. Между этими внутренними и внешними силами, между моральной и материальной деятельностью в некоторых случаях может существовать явное противостояние. Ум может быть развит чрезмерно и в ущерб телу, а тело может быть развито чрезмерно и в ущерб уму.

Животное — это совокупность органов, в которые встроены инстинкты, приводящие их в движение; интеллектуальный человек — это совокупность чувств, в которые встроена душа, поддерживающая их бурную деятельность; человечество в массе, общество — мы видим брожение, мы отмечаем переходы; есть ли, значит, душа в совокупном человечестве, как есть она в индивидуальном человечестве?

Инстинкты животного начала человека учат органы выполнять свои функции так же совершенным образом в начале, как и в конце; инстинкты интеллектуального начала человека подталкивают его к вечной гонке за чем-то лучшим, в которой совершенство никогда не достигается и не достижимо; в обществе мы видим постоянный рост, все более высокое и все более высокое развитие; есть ли в этом вечном движении вперед инстинкты, которые порождают и управляют действиями в социальном организме, как и в индивидуальном организме? Разве общество не является совокупностью органов с вживленной Душой Прогресса, которая движет человечество вперед в непреодолимом, predetermined марше?

Нации рождаются и умирают; сначала они появляются в состоянии младенчества или дикости; многие умирают в детском возрасте, некоторые вырастают до зрелости и на время управляют судьбами мира; наконец, в результате внезапного исчезновения или длительной деградации они исчезают, и на их место приходят другие. Но в этом непрекращающемся приходе и уходе где-то действует таинственная сила, делающая людей лучше, мудрее, благороднее, хотя бы они того или нет. Это улучшение не является результатом воли; растение не хочет распускаться, а незрелое животное — расти; так же и мир человечества не может перестать развиваться в умственном и нравственном отношении. Развитие — это неизбежное следствие существования. Нации в нормальных условиях не могут не развиваться, так же как не могут погрузиться в состояние небытия; так же как человек не может остановить свой физический рост или закрыть свой интеллект от любого восприятия знаний и стать живым окаменелым существом. И во всем, что касается интеллектуального человека, этот фундаментальный принцип очевиден. Он лежит в основе всех моральных норм, правительств и религий, всех отраслей промышленности, искусства и торговли; он является движущей силой каждого действия, следствием каждой причины; он является

великой центральной идеей, к которой сходятся все вещи; он является объектом всех усилий, целью всех успехов; он поглощает все силы и является совокупным результатом бесчисленных воздействий, как добрых, так и злых.

Прежде чем теория доктора фон Мартиуса и его последователей (), согласно которой дикое состояние является лишь дегенерацией от чего-то более высокого, может стать обоснованной, весь порядок природы должен быть перевернут. Расы могут деградировать, цивилизованные народы могут впасть в варварство, но такая регрессия может произойти только в аномальных условиях. Мы не можем поверить, что какая-либо нация, однажды научившись использовать железо, откажется от него в пользу камня. Изгнанные из земли, дающей железо, знания о железе могут в конце концов быть забыты, но его использование никогда не будет добровольно отвергнуто. То же самое и с любыми искусствами или изобретениями человека. Общества, как и индивидуумы, рождаются, созревают и угасают; они стареют и умирают; они могут приостановить свой прогресс, заболеть и тем самым потерять свою силу и регрессировать, но они никогда не поворачивают назад и не деградируют — они не могут этого сделать, даже если бы захотели.

ЖИВОТНЫЕ НЕ МОГУТ ПРОГРЕССИРОВАТЬ.

В животном мире этот элемент прогресса отсутствует. Птица строит гнездо, пчела — соты, бобр — плотину, и сегодня они не обладают большим мастерством или изобретательностью, чем птицы, пчелы или бобры в древности. Инстинкт животных со временем не превращается в интеллект; их комфорт не увеличивается, сфера их деятельности не расширяется. Благодаря одомашниванию можно улучшить породы, но нигде мы не видим, чтобы животные объединялись для взаимного совершенствования или создавали для себя искусственное существование. Так и у человека, природа которого включает в себя как животное, так и интеллектуальное начало, физический организм ни заметно не совершенствуется, ни не ухудшается. Черты лица, конечно, могут сиять ярче от света более чистой интеллектуальности, падающего на них изнутри, но рука, глаз, сердце, насколько мы знаем, не более совершенны сейчас, чем во времена Адама.

По мнению г-на Бэджота, тело совершенного человека «благодаря тренировке становится другим, чем было раньше, и отличается от тела грубого человека, наполняется накопленной добродетелью и приобретенными способностями, которые проявляются бессознательно». Но тело совершенного человека умирает, и сын ни в коем случае не может унаследовать его (), тогда как душа его достижений не умирает, а живет в воздухе и становится частью жизненного дыхания общества. И, опять же, «сила, которая была с трудом приобретена и накоплена как статическая в одном поколении», иногда, по словам Модсли, «становится врожденным способностью следующего поколения; и развитие происходит в соответствии с законом увеличения специфичности и сложности адаптации к внешней природе, который прослеживается во всем животном мире; или, другими словами, с законом прогресса от общего к частному в развитии, который иллюстрируют появление нервной силы среди природных сил и сложность нервной системы человека». С другой стороны, Джон Стюарт Милль столь же уверен в том, что культура не является врожденной. «Из всех вульгарных способов, — замечает он, — уклоняться от рассмотрения влияния социальных и моральных факторов на человеческий разум, самым вульгарным является приписывание разнообразия поведения и характера врожденным естественным различиям»; и, как говорит г-н Бакл, «мы

не можем с уверенностью предположить, что произошло какое-либо постоянное улучшение моральных или интеллектуальных способностей человека, и у нас нет никаких веских оснований утверждать, что эти способности, вероятно, будут более развиты у ребенка, родившегося в самой цивилизованной части Европы, чем у ребенка, родившегося в самой дикой области варварской страны».

Независимо от того, передает ли нервная система, которая является связующим звеном между животностью и интеллектуальностью человека, свои тонкие силы от одного поколения к другому, мы можем быть уверены, что ум воздействует на нервы, а нервы — на каждую часть организма, и что интеллект ума влияет на материальность тела и управляет ею, а последствия этого в той или иной мере ощущаются последующими поколениями; но то, что ум становится материальным и его качества передаются потомству, является гипотезой, которая еще не подтверждена.

УЛУЧШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ.

Кроме того, мы можем с уверенностью заключить, что совершенствование человечества является явлением чисто интеллектуальным.

Не то чтобы совершенствование ума было полностью независимым от состояния тела; как мы увидим далее, связь между умом и телом настолько тесна, что первый шаг к интеллектуальному прогрессу невозможен, пока не будут удовлетворены потребности тела. Нервные явления зависят от тех же питательных процессов, которые управляют физическим развитием; и что эта нервная сила, посредством которой система заряжается интеллектуальностью, как молекула заряжается механической силой, действительно существует и в некоторой степени способна передавать приобретенные знания или искусственные инстинкты от родителей к детям, у нас есть все основания полагать; но, насколько нам известно, интеллектуальная сила *сама по себе* не является передаваемой сущностью, как и дрожь плоти убитого быка.

Самое странное в этом всем то, что, хотя этот дух прогресса и был создан человеком как инструментом и действует в качестве свободного агента, он полностью независим от воли человека. Хотя в наших индивидуальных действиях мы воображаем, что руководствуемся только нашей свободной волей, в конечном итоге очень трудно определить, что является результатом свободной воли, а что — неумолимой средой. Пока мы думаем, что регулируем свои дела, наши дела регулируют нас. Мы планируем улучшения, заранее определяем лучший курс действий и иногда следуем ему; однако, несмотря на все это, принцип социального прогресса не является человеком, не находится в человеке, не является составной частью его физического или психического индивидуального существа; это социальная атмосфера, в которую рождается человек, в которую он ничего не привносит и из которой ничего не берет. Будучи членом общества, он вносит свою долю в общий фонд и оставляет ее там; действуя как свободный агент, он выполняет свою часть в решении этой проблемы социального развития, выполняет ее бессознательно, вольно или невольно, его низменные страсти являются такими же мощными инструментами прогресса, как и его благородные; поскольку алчность стимулирует интеллект так же эффективно, как и доброжелательность, ненависть — как и любовь, а эгоизм делает для прогресса человечества гораздо больше, чем филантропия. Таким образом, человечество подвергается воздействию этого принципа прогресса, и музыка иногда бывает чудесной; зеленые поля

как по волшебству заменяют дикие леса, великолепные города возникают из земли, силы природы подчиняются интеллекту человека, а бессмысленные вещества наделяются речью и действием.

Это действительно так, как говорит Карлайл: «под страннейшей новой одеждой старая великая истина (поскольку никакая одежда не может ее скрыть) снова начинает раскрываться: Человек — это то, что мы называем чудесным существом, обладающим чудесной властью над людьми; и в целом, с такой Жизнью в нем и таким Миром вокруг него, что победоносный Анализ с его физиологией, нервной системой, физикой и метафизикой никогда не сможет полностью назвать, не говоря уже о том, чтобы объяснить».

Таким образом, подводя итог вышесказанному: в обществе, между двумя или более индивидуумами, действует таинственная энергия, неотличимая от силы между молекулами или жизни в организме; эта социальная энергия находится под разумным управлением, она не является случайной или беспричинной, но поддается фиксированному закону и может быть превращена в науку; более того, она является жизненной реальностью, а не инцидентом или случайностью, а сущностью, как сущностями являются притяжение и отталкивание; под воздействием этого агента общество, по необходимости, развивается, как растение из зародыша. Эта энергия воздействует на интеллект, а через интеллект — на организм; действует независимо от воли и не может быть создана или уничтожена человеком; не встречается в животном мире, не передается по наследству от поколения к поколению, создается человеком как субъектом свободного волеизъявления, хотя и действующим бессознательно, и является продуктом как добра, так и зла.

ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА.

Что касается причин, которые вызывают прогрессивные явления, то здесь мнения расходятся. Одни видят в интеллекте зародыш вечного развития; другие признают в душевном элементе жизненный принцип прогрессивного развития () и приписывают религии все блага просвещения; одни строят теорию на основе фундаментальной и врожденной морали; другие обнаруживают в силах природы контролирующее влияние на судьбу человека; а третьи, как мы видели, считают, что накопительная и врожденная нервная сила () является средством, посредством которого передается культура. Одни считают, что моральные причины создают физические, другие — что физические причины создают моральные.

Так, г-н Бакл пытается доказать, что развитие человека полностью зависит от его физического окружения. Гексли указывает на систему рефлекторных действий — ум воздействует на материю, а материя — на ум — как на возможную основу культуры. Дарвин выдвигает доктрину эволюции из одушевленной материи как принцип прогрессивного развития. В трансформации нервного элемента от родителей к детям Бэджот видит «непрерывную силу, которая связывает эпоху с эпохой, которая позволяет каждой из них начинать с некоторым улучшением по сравнению с предыдущей, если последняя сама улучшилась; которая делает каждую цивилизацию не набором отдельных точек, а линией цвета, уверенно усиливающейся оттенком за оттенком». Некоторые видят в прогрессе человечества вечно правящую руку божественного провидения, другие — результаты человеческого мастерства; для одних это свобода воли, для других — необходимость; некоторые верят, что интеллектуальное развитие происходит из лучших систем правления, другие — что в основе всей культуры лежит богатство; каждый философ признает какую-то причину, изобретает какую-то систему или подчиняет человеческие действия какому-то закону.

Как и у животных одного рода или вида, обитающих в совершенно разных местах, мы видим результаты общих инстинктов, так и в эволюции человеческой расы, разделенной временем или пространством, мы видим действие тех же общих принципов. Также, независимо от того, существует один вид или много, является ли человек совершенным творением или результатом эволюции от более низкой формы, все человеческие расы на земном шаре, по видимому, сформированы по одной модели и подчиняются одним и тем же законам. В обычаях, языках и мифах эпох и народов, далеких друг от друга по социальным, моральным и умственным характеристикам, существуют бесчисленные и поразительные аналогии. Не только все народы имеют оружие, но и многие из них, разделенные друг от друга полушарием, используют одно и то же оружие; не только вера является универсальной, но и многие рассказывают один и тот же миф; и предположить, что лук и стрелы имеют общее происхождение, или что все мифы о потопе и мифы о будущей жизни являются лишь ответвлениями от ноахических и библейских повествований, вряд ли разумно.

Легче сказать, чем не является цивилизация и от чего она не происходит, чем что она собой представляет и каково ее происхождение. Приписывать ее возникновение каким-либо принципам — этическим, политическим или материальным, — которые подпадают под понимание человека, является ошибкой, поскольку она является такой же сущностью, как и любой другой первобытный принцип; мы также не можем, как архиепископ Уэтли, придерживаться доктрины, что цивилизация никогда бы не возникла, если бы Создатель не появился на земле в качестве первого наставника; поскольку, к сожалению для этой гипотезы, аборигены, которые якобы были так обучены, были едва ли цивилизованными и не выгодно отличались от других совершенных творений; так что такого рода рассуждения, как и бесчисленные другие попытки человека ограничить силы Всмогущего и сузить их до нашего слабого понимания, являются не чем иным, как детской наивностью.

ОБЩЕСТВО, НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА.

И, как мы видели, этот акт цивилизованности также не является результатом волевого воздействия; и, как будет более ясно показано ниже, он не вытекает из неотъемлемого принципа добра в большей степени, чем из неотъемлемого принципа зла. Конечный

результат, хотя и труднодоказуемый, мы считаем само собой разумеющимся как благо, но среди тех, кто используется для его достижения, больше тех, кого мы называем злом, чем тех, кого мы называем добром. Изолированный индивид никогда, ни при какой возможности, не сможет стать цивилизованным, как общественный человек; он не может даже говорить, а без потока слов не может быть полноценного потока мыслей. Отправь его подальше от его собратьев-людей бродить по лесу с дикими зверями, и он стал бы почти таким же диким и звероподобным, как его товарищи; сомнительно, что он когда-нибудь смастерил бы орудие труда, но не предпочел бы добывать себе пищу одними когтями и навсегда остаться таким, какой он есть сейчас, самым бессильным из животных. Интеллект, с помощью которого человек возвышается над другими животными, никогда не мог бы работать, потому что интеллект активизируется только тогда, когда он соприкасается с интеллектом. Внедренный в него зародыш развития не может раскрыться поодиночке, так же как организм не может поодиночке приносить плоды. Это хорошо установленный факт, что ум без языка не может полностью развиваться; точно так же установлено, что язык не является врожденным, что он возникает между людьми, а не в них самих. Язык, как и цивилизация, принадлежит обществу и никоим образом не является частью или собственностью отдельного человека. "Ибо странным образом в этом кажущемся таким твердым Мире, - говорит Карлейль, - который, тем не менее, находится в постоянном беспокойном движении, так устроено, что Звук, кажущийся самым мимолетным, должен быть самой продолжительной из всех вещей". И далее, как заметил Герберт Спенсер: "Теперь, когда люди науки видят, что трансформация и эквивалентность сил имеют место не только во всех неорганических действиях, но и во всех органических действиях; теперь, когда даже ментальные изменения признаются коррелятами изменений в мозге, которые также соответствуют этому принципу; и теперь, когда следует признать следствие, что все действия, происходящие в обществе, измеряются определенными предшествующими энергиями, которые исчезают при их осуществлении, в то время как сами они становятся актуальными или потенциальными энергиями, из которых возникают последующие действия; странно, что не возникло сознание что эти высшие явления должны изучаться так же, как были изучены низшие явления, — конечно, не теми же физическими методами, но в соответствии с теми же принципами".

Таким образом, мы можем априори считать, что этот прогрессивный принцип существует; что он существует не больше в человеке, чем вокруг него; что для него требуется атмосфера, в которой можно жить, как для жизни в теле требуется атмосфера, которая является его жизненным дыханием, и что эта атмосфера создается только при контакте человека с человеком. При анализе эта социальная атмосфера, по—видимому, состоит из двух противоположных принципов — добра и зла, - которые, подобно притяжению и отталкиванию, или положительному и отрицательному электричеству, лежат в основе всех видов деятельности. Одно так же необходимо для прогресса, как и другое; любое из них, применяемое в избытке или непропорционально, подобно избытку кислорода или водорода в воздухе, становится пагубным, порождает социальные потрясения и упадок, которые продолжаются до тех пор, пока равновесие не будет восстановлено; и все же по мере прогресса человечества добро увеличивается, в то время как зло уменьшается. Каждый импульс, присущий человечеству, рождается из союза этих двух противоположных принципов. Например, как я уже говорил и попытаюсь более полно показать далее, объединение является первым условием прогресса. Но что должно вызвать ассоциацию? Голые кочевники добровольно не откажутся от своей свободы, не прекратят свои странствия, не будут проводить съезды и принимать резолюции, касающиеся величайшего блага для наибольшего числа; патриотизм, любовь, великодушие, братская доброта не

объединят диких людей; необходимо применить внешнюю силу, на них должна быть возложена железная рука, которая вынудит их объединиться, иначе не может быть цивилизации; и чтобы совершить это первое великое благо для человека, — заставить человечество сделать первый шаг к улучшению своего положения, — предопределено, что зло, или то, что для нас является злом. Эти последние времена, несомненно, являются злом, выходите вперед, и это зло — Война.

ЗЛО КАК СТИМУЛЯТОР ПРОГРЕССА.

Первобытный человек по своей социальной организации был патриархальным, расселяясь на обширных территориях небольшими группами или семьями, достаточными только для того, чтобы успешно справляться с дикими зверями. И в таком состоянии человечество оставалось бы вечно, если бы какая-то ужасная причина не вынудила эти группы объединиться. Война - это зло, берущее начало в страстях ненависти и заканчивающееся ужасными страданиями; и все же без войны, без этого зла человек навсегда остался бы примитивным. Но необходимо нечто большее. Война объединяет людей ради определенной цели, но ее недостаточно, чтобы удержать их вместе; ибо, когда причины, которая их сплачивала, больше не существует, они быстро разбегаются, каждый идет своей дорогой. Тогда на помощь прогрессу приходит суеверие. Успешного лидера сначала боятся как человека, затем почитают как сверхъестественное существо, и, наконец, ему самому или его потомку во плоти или по традиции поклоняются как богу. Тогда неземной страх охватывает человечество, и правитель, осознав свою власть, начинает тиранствовать над своими собратьями. И суеверие, и тирания являются злом; и все же без войны, суеверий и тирании, ужасного зла, цивилизация, которую многие считают высшим благом, никогда и ни при какой возможности, поскольку такова природа человека, не могла бы существовать. Но подробнее об условиях прогресса ниже; здесь я хочу установить, что зло является не меньшим стимулом развития, чем добро, и что в этом принципе прогресса проявляется тот же антагонизм сил, очевидный во всей физической природе; те же самые противодействующие энергии, привлекательные и отталкивающие, положительные и отрицательные, существующие повсюду. Невозможно, чтобы два или более человека вступили в контакт друг с другом, будь то по каким-то причинам или с добрыми или злыми целями, без окончательного улучшения для обоих. Я говорю, будь то по причинам или с целью добра или зла, ибо всепроникающему принципу зла цивилизация обязана не меньше, чем всепроникающему принципу добра. Действительно, благотворное влияние этого нежелательного элемента никогда не было общепризнанным. Каким бы ни был этот принцип зла, кем бы ни был человек без него, факт совершенно очевиден: ему цивилизация, какой бы она ни была, обязана своим существованием. "Вся тенденция политической экономии и истории философии, - говорит Леки, - которые раскрывают физиологию общества, состоит в том, чтобы показать, что счастье и благополучие человечества в гораздо большей степени зависят от нашего эгоизма, чем от того, что называется нашими добродетельными поступками". Неудивительно, что поклонение дьяволу становится в определенных местах распространенным явлением, когда дикарь обнаруживает, что своему демону он обязан умением не только низвергать подчиненных божеств, но и лечить болезни, доводить врага до смерти, заботиться о благополучии ушедших друзей, а также материально пополнять свой земной запас удобств. Мир, каков бы он ни был, обречен на то, чтобы какое-то время в нем жить. Внутри себя и вокруг себя невольный обитатель ощущает действие двух сил; сил, внешне враждебных, но стремящихся к одной цели — улучшению; и

Ночь или День, Любовь или Преступление ведут все души к Добру, как поет Эмерсон. Принцип зла действует как постоянный стимулятор, принцип добра - как награда за заслуги. Объединенные в своем действии, они постоянно стремятся к лучшему состоянию, к более высокому состоянию; по отдельности результатом было бы бездействие. Ибо, поскольку цивилизация - это прогресс, а не фиксированное состояние, без стимулов, то есть без чего-то, от чего можно убежать, и к чему нужно стремиться, не могло бы быть никакого перехода, а следовательно, и никакой цивилизации.

Если бы человек был помещен в мир совершенным и безгрешным, очевидно, что не было бы такого понятия, как прогресс. Отсутствие зла подразумевает совершенное добро, а совершенное добро - совершенное счастье. Если бы человек был безгрешен и все же способен приумножать знания, стимула для этого было бы недостаточно, ибо, если он совершенно счастлив, зачем ему бороться за то, чтобы стать счастливее? Приход цивилизации проявляется в появлении потребности, и первый акт цивилизации проистекает из попытки удовлетворить эту потребность. Человек или нация, которые ни в чем не нуждаются, остаются бездеятельными и, следовательно, не продвигаются вперед; так что цивилизация заключается не в том, что мы имеем, а в том, чего у нас нет. Эти потребности навязаны нам, внедрены в нас, неотделимы от нашего существа; они возрастают с увеличением количества, становятся голодными от того, чем питаются; в быстрой последовательности возникают стремления, соперничество и амбиции, преследующие друг друга, поддерживая огонь недовольства в постоянном огне, а весь человеческий род - в кипении.

Тенденция цивилизующей силы, подобно тенденции механической силы, направлена к равновесию, к недостижимому покою. Очевидно, что не может быть совершенного равновесия, совершенного покоя до тех пор, пока не исчезнет все зло, но в этом случае был бы достигнут конец прогресса, и человечество стало бы совершенным и безгрешным.

Человек изначально не тот, кем он может быть, он способен к совершенствованию или, скорее, к росту; но, подобно ребенку, дикарь не стремится к совершенствованию и, следовательно, должен быть приучен к нему бичеванием. Продвижение - это предельно естественное или нормальное состояние человека; человечеству на этой земле суждено когда-нибудь стать относительно, если не абсолютно, хорошим и счастливым.

У здорового тела есть аппетиты, в удовлетворении которых заключается его главное наслаждение; у здорового ума есть склонности, здоровая душевная интуиция, в упражнении и деятельности которых достижима самая счастливая жизнь; и поскольку нематериальное и бессмертное в нашей природе превосходит материальное и смертное, постольку образование и развитие нашей высшей природы в большей степени способствует нашему нынешнему благу и нашему будущему благополучию.

ТРУДИТЕСЬ Как ЦИВИЛИЗУЮЩИЙ АГЕНТ.

В этой связи есть еще одна мысль, вполне заслуживающая нашего внимания. На ортодоксальном и популярном языке труд - это проклятие, налагаемое на человека мстительным правосудием; однако, рассматриваемый как цивилизующий фактор, труд является величайшим благословением человека. Во всей природе не встречается такой вещи, как абсолютная инертность; и, как в материи, так и в отношении наших способностей,

как только они начинают отдыхать, они начинают гнить, и даже в процессе гниения они не могут обрести покоя. Одной из главных целей труда является получение прибыли, и доктор Джонсон считает, что "редко люди заняты более невинно, чем когда они зарабатывают деньги".

Человеческий опыт учит, что в усилии больше удовольствия, чем в достигнутой цели; что труд - это нормальное состояние человека; что в приобретении, то есть прогрессе, заключается высшее счастье; что пассивное наслаждение уступает восторгу от активных попыток. Теперь представьте отсутствие в мире этого духа зла, и каков был бы результат? Полное бездействие. Но прежде чем бездействие сможет стать более приятным, чем действие, природа человека должна быть изменена. Нельзя сказать, что зло - это хорошо, очевидно, что во зле есть доброта; и поскольку состояние бегства от зла более приятно, чем состояние бегства от зла, постольку зло способствует счастью.

Эффект хорошо направленного труда двоякий; благодаря упражнениям наши способности укрепляются и расширяются, и в то же время отдача от этого труда дает нам досуг, чтобы направить наши улучшенные способности к еще более высоким целям. Постоянными усилиями по увеличению материального комфорта постоянно приобретается большее мастерство, и ум все больше утверждает свою независимость. Возрастающее мастерство приносит все большее наслаждение, которое поощряет и вознаграждает наш труд. Это до определенного момента; но с богатством и роскошью приходит расслабленная энергия. Без необходимости нет труда; без труда нет продвижения. Материальная необходимость сначала вынуждает к телесной деятельности; затем интеллект приступает к работе, чтобы изобрести средства, с помощью которых можно уменьшить труд и сделать его более производительным.

ЗЛО ИМЕЕТ ТЕНДЕНЦИЮ ИСЧЕЗАТЬ.

Недовольство, возникающее из-за дискомфорта, лежит в основе каждого движения; но тогда комфорт - понятие относительное, и полного удовлетворения никогда не достичь. Действительно, как правило, чем более убогой и несчастной является раса, тем больше они склонны остепеняться и довольствоваться своим дискомфортом. То, что является дискомфортом для одного, является роскошью для другого; "признаком высокого положения в природе является способность причинять боль"; следуя интеллектуальной жизни, чем выше культура, тем сильнее недовольство; чем значительнее приобретение, тем с большим рвением люди стремятся к какому-то более высокому воображаемому благу. Мы все знаем, что чрезмерные благословения становятся наихудшими проклятиями; но мало кто осознает, где заканчивается польза от благословения и начинается проклятие, и еще меньше тех, кто способен таким образом различать, обладают моральной силой действовать в соответствии с этим знанием. Как добро в избытке является злом, так и зло, разрастаясь, превосходит само себя и стремится к самоуничтожению. Если мы только оглянемся вокруг, мы должны увидеть, что сжигать мир ради того, чтобы избавить его от грубого зла — догмы, которой придерживаются некоторые, — нет необходимости, поскольку накапливающееся зло всегда имеет тенденцию к реакции. Чрезмерное зло быстрее всего устраняется; необходимо поддерживать равновесие зла, иначе наступает его уничтожение.

Институты и принципы, по сути хорошие в одно время, в другое время являются существенным злом. Сами вспомогательные средства и учреждения цивилизации

впоследствии становятся величайшим тормозом прогресса. В одно время казалось, что слепая вера была необходима для совершенствования, в другое время - скептицизм, в одно время - порядок и мораль, в другое время - беззаконие и грабеж; ибо так было всегда, и независимо от того, преобладают ли мир и улыбающееся изобилие или жестокие потрясения и расчленения, при каждом социальном спазме, а также при обильном досуге цивилизация устремляется вперед своим бесконечным курсом. То самое зло, которое считается позорным в более высокой культуре, было необходимыми ступенями к этой более высокой жизни. Как мы видели, ни одна нация никогда не выходила и не может выйти из состояния варварства, не подставив сначала свою шею под ярмо деспотизма и суеверий; следовательно, деспотизм и суеверия, которые сейчас являются страшным злом, когда-то были существенными благами. Ни одна религия никогда не достигала своего полного развития, кроме как в условиях гонений. Наше нынешнее зло постоянно приносит человечеству непредвиденное благо. Все системы заблуждений и фанатизма всего лишь готовят нас к более высокому состоянию и подталкивают к нему.

Таким образом, если цивилизация - это предопределенное, неизбежное и вечное движение от зла к добру, то должно быть, что во всем мире принцип добра постоянно возрастает, а принцип зла - уменьшается. И это правда. Зло не только уменьшается, но и постоянно имеет тенденцию к его исчезновению. Постепенно границы цивилизации расширяются; центральный принцип человеческого прогресса приобретает все большую интенсивность, и разум приобретает все большую и большую господствующую власть над материей.

В тот момент, когда мы пытаемся найти причину любого поступательного движения, мы сразу же сталкиваемся с этим принципом зла. Старинный афоризм о том, что жизнь - это постоянная борьба; первая максима социальной этики "величайшее счастье для наибольшего числа"; действительно, каждая мысль и действие в нашей жизни указывают в одном направлении. От чего это человечество так стремится убежать; с чем мы боремся; к чему мы стремимся? Мы бежим от того, что причиняет боль, к тому, что доставляет удовольствие; мы боремся с факторами, которые мешают нам выбраться из состояния неполноценности; мы стремимся к счастью.

СПОСОБСТВУЕТ ЛИ ЦИВИЛИЗАЦИЯ СЧАСТЬЮ?

Тогда возникает вопрос, что такое счастье? Человек утонченный счастливее человека дикого и раскованного; цивилизация - это благословение или проклятие? Руссо, как мы знаем, придерживался последнего, но не настолько. "Как! - восклицает он. - неужели он счастливее социального человека, брошенного на произвол судьбы в своих болезнях, без попечения даже своих детей в своей расточительной старости, беззащитного перед свирепыми зверями, в страхе перед себе подобными, даже перед зубом каннибала? Цивилизованный человек, окруженный в своей слабости нежным вниманием, дольше живет, получает больше удовольствий и повседневных удобств, лучше защищен от неблагоприятных погодных условий и всех внешних невзгод. Изолированный человек должен заботиться о себе сам, должен закалить себя, чтобы переносить любые лишения; само его существование зависит от его силы, и, если этого потребует от него необходимость, он должен быть готов в любой момент бросить жену, детей и саму жизнь. Такое жестокое страдание редко встречается в общественной жизни, где пробуждаются и свободно проявляются человеческие симпатии".

Продолжим эти простые расспросы немного дальше и посмотрим, к чему мы придем. Счастлива ли дикая птица, вынужденная совершать длительные миграции в поисках терпимого климата и пищи, чем птица в клетке, которая ежедневно покупает обильный запас за бесценок? Счастлив Ли дикий зверь, часто голодный и преследуемый, чем его закованный в цепи собрат из зверинца? Счастливее ли дикая лошадь, скачущая со своими собратьями по широкой прерии, чем цивилизованная лошадь, запрягающая повозку или плуг? Не можем ли мы задаться вопросом, кто из торговцев, погруженных в свои спекулятивные предприятия, или человек закона, корпящийся над своим мозгоправящим делом, получает более острое удовольствие, чем свободный лесной житель, идущий тропой войны или преследующий свою добычу?

Как я пытался показать, цивилизация — это не достигнутая цель, ибо человек никогда не бывает полностью цивилизованным, а лишь попытка убежать от зла или воображаемого зла — дикости. Я говорю "зло реальное или воображаемое", поскольку, как мы видели, серьезно обсуждался вопрос о том, лучше или хуже цивилизация дикости. За каждое преимущество, которое дает культура, приходится платить цену, — некоторые говорят, что слишком высокую. Рост ума зависит от его совершенствования, но это совершенствование может быть добровольным или непроизвольным, это может быть что-то желаемое или вызывающее отвращение.

Каждая нация, каждое общество и каждый человек имеют свой собственный стандарт счастья. Скупой наслаждается богатством, городская красавица - нарядами, ученый - ученостью. Рай христианина - это духовный град, где они не женятся и их не выдают замуж; у скандинавов это Валгалла чередующихся сражений и пирушек; у магометан - рай гурий и ленивой чувственности. Мученик на костре, торжествующий в своей вере, может быть счастливее светского человека, умирающего от скуки и подагры; дикарь, бродящий по лесам и равнинам в погоне за дичью или уютящийся в своей хижине с женами и детьми, может быть счастливее озабоченного спекулянта или склочного политика. Довольство, сущность всякого счастья, так же распространено среди бедных и невоспитанных, как и среди богатых, утонченных и цивилизованных. *"Мое благо, мое отечество"* где мне хорошо, там и моя страна — вот девиз индейца, и быть с ним в добром расположении духа означает только быть вне досягаемости голода и врагов. Спросите дикаря, что предпочтительнее, туземное государство или культурное, и он ответит на первое; спросите цивилизованного человека, и он скажет последнее. Я не вижу большей нелепости в том, что дикий человек говорит прирученному: откажись от деспотизма и болезней общества и отдайся со мной прекрасной, щедрой природе; чем в том, что европеец говорит американцу: "Если ты хочешь обрести счастье, оставь свою грязь и обнаженную свободу, прими христианство и хлопчатобумажные рубашки, иди работать в миссию, гнийствуй в резервации или попрошайничай и голодай цивилизованным способом!"

Из всех животных только человек разрушил барьеры своей природы в цивилизованности, или, как выражается Руссо, в денатурализации самого себя; и за эту денатурализацию необходимо отказаться от какого-то естественного блага; за каждое нарушение закона природы полагается наказание; для более хрупкого организма цена - бесчисленные новые болезни; для политических институтов цена - врожденная свобода. Обладая отточенными манерами, кандидат в цивилизацию должен смириться с притворством, социальным деспотизмом; с увеличением богатства возрастают потребности; цивилизация порождает сложность в обществе, и, в свою очередь, порождается этим. Самые высококультурные народы движимы самыми тонкими пружинами; более тонкое прикосновение, результат

большого мастерства, с более тонким тоном, результат большего опыта, создает музыку все более и более изысканную.

СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

Если бы человек был всего лишь животным, эта денатурализация и многое другое были бы правдой. Прирученное животное отказывается от всех преимуществ дикости ради немногих благ цивилизации; в культурном государстве, по сравнению с состоянием дикой свободы, его беды бесчисленны, а преимущества бесконечно малы. Но природа человека двояка, объективна и субъективна, причем первая типична для дикого состояния, вторая - для цивилизованного. Человек не является полностью животным; и, развивая ум, то есть цивилизуя себя, он лишается естественной природы не больше, чем развивая тело и тем самым достигая большего физического совершенства. Мы не можем убежать от своей природы; мы не можем воссоздать самих себя; мы можем только подчиниться шлифовке и совершенствованию вечным духом прогресса. Нравственное и интеллектуальное являются такими же составляющими человеческой природы, как и физическое; следовательно, цивилизация - такое же естественное состояние человека, как и дикость.

Другое, более правдоподобное и частично правильное утверждение состоит в том, что из-за развития субъективной части нашей природы объективное человечество вырождается. Интеллектуальное не может быть доведено до высшей ступени развития иначе, как за счет физического, равно как и физическое не может быть полностью развито без ограничения ментального. Усилия ума черпают энергию из тела; наивысшей и самой здоровой энергии тела можно достичь только тогда, когда ум находится в покое или в состоянии беззаботной активности. В ответ на это я должен сказать, что после определенного момента это верно; вряд ли можно успешно тренироваться для призового боя и трипо одновременно; но то, что неинтеллектуальные дикари, как раса, физически превосходят, способны переносить большую усталость или более искусны в мышечных упражнениях, чем цивилизованный человек, не согласуется с фактами. Цивилизация имеет свои пороки так же, как и добродетели, дикость имеет свои преимущества так же, как и недостатки.

Зло дикости не так велико, как мы себе представляем; ее прелести больше, чем мы склонны думать. По мере того, как мы все больше и больше отдаляемся от зла, его масштабы увеличиваются; страх перед страданием возрастает по мере того, как страдание становится менее ощутимым. Если дикость не слишком ценит человеческую жизнь, цивилизация делает смерть более отвратительной, чем она есть на самом деле; если дикость более жестока, она менее чувствительна. Бойцы, привыкшие к частым столкновениям, легко относятся к ранам, а те, чья жизнь чаще всего подвергается опасности, меньше всего думают о ее потере. Безразличие к боли не обязательно является результатом жестокости; оно может проистекать как из самых возвышенных чувств, так и из самых низменных.

Цивилизация не только порождает новые пороки, но и оказывается разрушительницей многих добродетелей. Среди более богатых классов энергия уступает место удовольствиям, роскошь подрывает основы труда, прогресс парализуется, и время от времени, за благородным исключением, лишь немногих серьезных работников на путях литературы, науки или любой другой сферы, направленной на улучшение человечества, можно встретить среди могущественных и состоятельных, в то время как средний класс поглощен добыванием денег, правда, бессознательно работая на благо цивилизации.

В том, что цивилизация целесообразна, что это благо, что она лучше дикости, мы, считающие себя цивилизованными, не сомневаемся. Те, кто верит в обратное, должны быть готовы отрицать, что здоровье лучше болезни, истина лучше суеверия, интеллектуальная мощь лучше тупого невежества; но что сильнее - страдания и пороки дикости или цивилизации - это другой вопрос. Тенденция цивилизации в целом состоит в том, чтобы очистить мораль, предоставить человеку равные права, более равномерно распределить между людьми блага этого мира, смягчить всеобщую нищету и деградацию, предложить более высокую цель и средства для достижения более благородного предназначения, увеличить мощь разума и дать ему господство над силами природы, поставить материальное в подчинение ментальному, возвысить личность и регулировать общество. Правда, можно утверждать, что это нагромождение интеллектуальных плодов ведет к монополизации, к тому, что богатые становятся богаче, а бедные беднее, но я все же придерживаюсь мнения, что блага цивилизации по большей части распределяются равномерно; что богатство сверх необходимости, как правило, является проклятием для владельца большим, чем крайняя нищета, и что истинные блага культуры и утонченности, такие как воздух и солнечный свет, доступны всем бесплатно.

Говорят, что цивилизация умножает потребности, но тогда это облагораживающие потребности, которые лучше назвать стремлениями, и многие из них цивилизация удовлетворяет.

Если цивилизация порождает новые пороки, то старые она искореняет. Порядочность и этикет скрывают отвратительность порока, загоняют его в темные углы и тем самым повышают тонус морали и ослабляют порок. Таким образом, цивилизация поощряет целомудрие, возвышает женщину, разрушает барьеры ненависти и суеверий между древними нациями и религиями; индивидуальная энергия, влияние одного над многими ощущаются все меньше и меньше, а власть народа становится сильнее.

Цивилизация сама по себе не может не быть полезной для человека; то, что делает общество более утонченным, более интеллектуальным, менее звериным, более вежливым; то, что излечивает физические и психические заболевания, увеличивает комфорт и роскошь жизни, очищает религии, делает правительства более справедливыми, несомненно, должно быть полезным: именно универсальный принцип зла пропитывает все человеческие дела, превращая в сплав даже ходячую монету, вот что поднимает вопрос. Никто не может отрицать, что цивилизация, как и все другие блага, сопряжена со злом, но сама по себе цивилизация не является злом.

УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПРОГРЕССА.

Если мне удалось ясно изложить вышеизложенные мысли, то относительно природы и сущности цивилизации сказано достаточно; давайте теперь рассмотрим некоторые условия, необходимые для интеллектуального развития. Ибо не следует забывать, что, в то время как каждая область человеческого прогресса является лишь развитием зародыша; в то время как каждая тенденция нашей жизни, каждый обычай и верование нашей цивилизации находят свое начало в дикости; в то время как по мере развития человека в процессе не создаются никакие новые элементы человеческой природы; в то время как организм ребенка так же сложен и совершенен, как организм мужчины, так и человечество в диком

состоянии является совершенным зародышем человечества цивилизованного, — во всем этом не следует забывать, что цивилизация не может развиваться иначе, как при благоприятных условиях. Точно так же, как растение, хотя и наделено жизнью, соответствующей развивающемуся принципу разума, требует для своего роста подходящей почвы и климата, так и это прогрессирующее явление должно иметь почву и солнечный свет, прежде чем оно принесет плоды; и это еще одно доказательство того, что цивилизация не в человеке больше, чем вокруг него; ибо если бы принцип был присущ индивидууму, то гипербореец с его половиной года света и половиной года подземной тьмы по необходимости должен стать цивилизованным наравне с человеком, родившимся среди острой толчеи европейской столицы, ибо во всех тех частях, которые относятся исключительно к внутренне индивидуальный, один развивается так же совершенно, как и другой. Народ, переживающий процесс цивилизации, не обязательно должен продвигаться во всех видах совершенствования одновременно; в некоторых отношениях нация может быть стационарной, в других - даже ретроградной. У каждой эпохи и каждой нации есть своя особая линия шествия. Литература и изящные искусства достигли расцвета в языческой Греции; монотеизм - у евреев; наука развивалась в Египте, а правительство - в Риме.

В каждом человеке есть какой-то талант, который можно развивать с большей пользой, чем любой другой; так же и с нациями: каждый народ обладает каким-то естественным преимуществом для развития в каком-то определенном направлении по сравнению с любым другим народом, и часто ранняя история нации, подобно не по годам развитым наклонностям ребенка, указывает на его будущее; и в таких искусствах и отраслях промышленности, которые его климат и географическое положение наилучшим образом позволяют ему развиваться, обнаруживается зародыш национального характера. Редко коммерческий дух развивается в глубине континента, или деспотический дух на границе с морем, или хищнический дух в стране, полностью лишенной гор и твердынь. Нельзя сказать, что одна нация или раса изначально лучше приспособлены для цивилизации, чем другая; не все они могут быть одинаково приспособлены для одной и той же цивилизации, но все одинаково приспособлены для той цивилизации, которую каждый создаст, если предоставить ее самой себе.

Более того, человечество развивается скачкообразно и только в определенных направлениях за один раз, что является величайшим препятствием для прогресса. Как отмечает Леки: "Особые факторы, такие как религиозные или политические институты, географические условия, традиции, антипатии и пристрастия, оказывают определенное замедляющее, ускоряющее или отклоняющее влияние и несколько модифицируют нормальный прогресс". Совершенное развитие является постоянным, и совершенным является только то, что развивает всего человека и все общество в равной степени во всех его частях; все виды деятельности, умственные, моральные и физические, должны расти в унисон и одновременно, и только это является совершенным и постоянным развитием. Если весь мир станет цивилизованным, все равно останутся незначительные различия; кто-то продвинется дальше в одном направлении, а кто-то в другом, все вместе составят единое целое.

Цивилизация как экзотика редко процветает. Часто культурный народ предпринимал попытки цивилизовать варварскую нацию, и так же часто они терпели неудачу. Правда, одна нация может навязывать свое искусство или религию другой, но цивилизовать - это не значит ни подчинить, ни уничтожить; иностранцы могут внедрять новые отрасли промышленности и новую философию, которые некультурные люди вполне могут принять, но поскольку цивилизация - это развитие, а не творение, тот, кто хочет продвигать

цивилизацию, должен научить общество, как расти, как расширять свое лучшее "я"; должен научить, в каком направлении лежат его высшие интересы.

Таким образом, представляется, что, хотя этот зародыш прогресса присущ каждому человеческому обществу, определенные условия более благоприятны для его развития, чем другие, — условия, которые действуют как стимуляторы или препятствия на пути прогресса. Часто мы видим, что нации остаются внешне неподвижными, элементы прогресса равномерно уравниваются противоположными влияниями, и таким образом они остаются до тех пор, пока под действием внутренней силы или внешнего давления их система не расширится или не взорвется, пока они не поглотят антагонистические элементы. Внутренняя сила социального тела, по-видимому, требует внешнего побуждения, прежде чем она проявит себя. Подобно пшеничным зернам в руке мумии Бельзони, в которых три тысячи лет дремала жизнь, а затем они пробудились к росту, когда были зарыты в землю, так и элемент человеческого прогресса находится в состоянии покоя, пока не будет посажен в благоприятную почву и окружен теми влияниями, которые стимулируют развитие.

Этот стимулятор, действующий на интеллект и раскрывающий его, может быть введен только через органы чувств. Нервная сила, которая предшествует интеллектуальной силе, обеспечивается телом; следовательно, страстные желания телесной природы человека должны быть усмирены, прежде чем разум сможет сосредоточиться на более высоких вещах. Первый шаг к обучению дикаря - накормить его; насытив желудок, он будет слушать инструкции, не раньше.

Освоение, по крайней мере, самого необходимого из видов промышленного искусства неизменно предшествует освоению изящных искусств; интеллект должен быть внедрен в удовлетворенное тело, прежде чем он пустит корни и вырастет. Уму должна быть предоставлена некоторая передышка от заботы о теле, прежде чем можно будет приступить к культуре; он должен отказаться от своего состояния рабства и стать хозяином; другими словами, досуг является неотъемлемой частью культуры.

Поскольку ассоциация является основным условием прогресса, давайте посмотрим, как природа объединяет общества или разделяет их. В некоторых направлениях имеются большие возможности для взаимодействия (еще одно важное условие улучшения), чем в других направлениях. Там, где человек находится в наибольшей гармонии с природой, там он прогрессирует быстрее всего; там, где природа предлагает наибольшие преимущества, такие как море, привлекающее к торговле, возвышенное плато, возвышающее своих обитателей над малярией тропической низменности, защищающий горный хребет, защищающий от суровых ветров и от враждебных соседей, там культура процветает лучше всего.

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ СТИМУЛЯТОРЫ.

Таким образом, человечество по своей двоякой природе зависит в своем развитии от двух различных видов стимуляторов, объективных и субъективных. Материальные причины, или те силы, которые удовлетворяют потребности материальной природы человека, но от

которых зависит его интеллектуальный прогресс, представляют собой конфигурации поверхности, почвы, климата и пищи. Те физические условия, которые, когда они благоприятны, дают их обладателям богатство и досуг, являются неизбежными предшественниками культуры. Нематериальные причины - это те силы, которые более непосредственно воздействуют на нематериальную природу человека, такие как ассоциации, религия, богатство, досуг и правительство. Продолжая анализ, давайте сначала рассмотрим физические стимуляторы. С готовностью допуская две движущие человечество силы М. Тэна, "le milieu", или окружение, и его "le moment", или унаследованный импульс, мы обойдем стороной третью силу, "la gase"; - поскольку врожденные различия в расах на современном этапе развития науки являются чисто гипотетическими; еще предстоит доказать, что одна нация изначально ниже или превосходит другую нацию. В том, что человек, однажды созданный, формируется и модифицируется окружающей средой, не может быть никаких сомнений. Даже беглый обзор земного шара дает некоторые указания, благоприятные и неблагоприятные для развития различных форм органического бытия.

Например, большие континенты, по-видимому, благоприятны для развития животной жизни; острова и меньшие континенты - для роста буйной растительности. Таким образом, в восточном полушарии, которое представляет собой компактный овал, по существу континентальный, с обширными территориями, удаленными от влияния океана, процветают слоны, гиппопотамы, носороги, отважные львы, свирепые тигры, самые крупные и властные представители животного мира, в то время как в более океаническом западном полушарии преобладают низшие виды. Холод и сухость характеризуют одно; жара и влажность - другое; в одном находятся величайшие пустыни, в другом - величайшие озера и реки. Теплые океанические течения омывают морозные берега северных оконечностей континентов и делают их пригодными для жизни; насыщенная влагой экваториальная атмосфера окутывает соседние острова и твердую сушу изумрудной зеленью. На одной и той же параллели широты находятся великая пустыня Сахара в Африке и дикая местность с пышной волнистой листвой на Американском перешейке. В теплом, влажном климате наиболее полного развития достигают те виды животной жизни, которые зависят от водной и травяной среды. В тропической Америке водятся самые крупные рептилии, самые великолепные насекомые — там обитатели теплых болот и стоячих вод достигают гигантских размеров, в то время как только на обширных внутренних прериях или на возвышенных горных хребтах, вдали от влияния теплых вод и влажной атмосферы, водятся буйволы, медведи и лоси. Эти растительные и паразитарные элементы влияют на сам цвет лица и темперамент человека. Незащищенный от прямых лучей солнца, африканец черен, мускулист и жизнерадостен; в тени первобытного леса человек приобретает медный оттенок, ему недостает выносливости негра, и он становится холодным и меланхоличным.

И снова, если мы поищем естественные причины, которые, как правило, способствуют или замедляют ассоциацию, мы обнаружим, что главными факторами являются климатические условия и континентальные конфигурации. Континент двух Америк, по своей наибольшей протяженности, лежит на севере и юге, восточная континентальная группа простирается на восток и запад. Первобытные люди естественным образом расселялись в тех направлениях, которые предполагали наименьшее изменение климата по сравнению с климатом первобытного центра. Очевидно, что колебания климата больше при следовании по меридиану, чем по параллели широты. Таким образом, тропический человек, проходящий вдоль меридиана, возвращается назад из-за невыносимого холода, в то время как континент можно пересечь по любой параллели, за исключением возвышенностей, с незначительными колебаниями температуры. Дикарь, незащищенный и неопытный, не знающий, как

защититься от резких изменений климата, не мог далеко продвинуться в северном или южном направлении, не сильно страдая от холода или жары; следовательно, при прочих равных условиях жители страны, наибольшая протяженность которой лежит на востоке и западе, будут смешиваться с большей готовностью, чем те, чья территория простирается на север и юг.

КЛИМАТ И ГОРНЫЕ ХРЕБТЫ.

То, что восточное полушарие достигло более высокой степени цивилизации, чем западное, может быть отчасти связано с тем фактом, что первое представляет собой более широкие пространства с однородным климатом, чем второе. Климатические зоны Нового Света, помимо того, что они короче, пересечены горными барьерами, которые, как правило, замедляют общение, которое в противном случае последовало бы естественным образом. Таким образом, мексиканское плоскогорье, очаг цивилизации ацтеков, представляет собой *огненную землю*, расположенную над нездоровой *землей кальенте* обоих побережий и здоровой *землей темплада* на склонах, но ниже горных хребтов, которые поднимаются с этого плоскогорья, образуя *землю фригиду*, область вечных снегов. По сей день туземцы Мексиканского нагорья не могут жить на морском побережье, хотя до него меньше дня пути.

Между климатическими зонами, простирающимися через Европу и Азию, существуют столь же заметные контрасты и столь же внезапные изменения, но эти различия относятся к разным зонам, а не к продольным разрезам одной и той же зоны. Следовательно, в старом свете, где климатические зоны разделены горными хребтами, которые делают переход от одного к другому внезапным, мы видим большее расовое разнообразие, чем в Америке, где естественные барьеры простираются на север и юг и пересекают климатические зоны, благодаря чему жителям вдоль меридиана легче общаться, чем тем, кто живет на той же широте, но разделен горами, плоскогорьями и большими реками. То есть, если цвет кожи и раса зависят от климата, Америка должна предлагать большее разнообразие цвета кожи и расы, чем Европа, поскольку Америка пересекает большинство широт; но горные барьеры Америки простираются на север и юг, тем самым вынуждая ее народы смешиваться, если вообще смешиваться, в этом направлении, в то время как главные хребты восточного континента простираются на восток и запад, параллельно климатическим зонам, тем самым формируя сами по себе отчетливо обозначенные границы между народами, вынуждая африканцев оставаться под палящим солнцем, а северян — в их более прохладных широтах; так что в нескольких климатических зонах старого света мы можем наблюдать посмотрите на отчетливо различимую человеческую расу, арийскую, семитскую и туранскую — белую, черную и желтую, - в то время как на всей территории двух Америк, от Аляски до Огненной Земли, тип и окраска редкость однородны.

Кто может представить себе могучий прилив человечества, которое, в то время как восточное полушарие достигло столь высокого уровня культуры, в Америке то спадало, то перетекало между варварствами и цивилизациями? Через какую долгую и отчаянную борьбу, продолжающуюся век за веком в жизни наций, то наступающих, то отступающих, прошли эти народы? Азия, из-за своего центрального положения и благоприятного климата, казалось бы, естественным образом поощряла избыточное население и стихийную цивилизацию; воды Средиземного моря способствуют торговле и общению народов, в то

время как Британские острова, из-за их островного положения и удаленности от гипотетических первобытных центров, казалось бы, неизбежно дольше оставались в состоянии варварства. В Тихоокеанских штатах Северной Америки мы находим самое густое население к северу вдоль берегов океана и к югу на плоскогорье Кордильер, поскольку первое предлагает наилучшие условия для пропитания и передвижения, пока не будет достигнуто последнее, когда внутренние районы представляют собой наиболее благоприятное место обитания для человека.

Климат влияет как на умственные, так и на моральные качества, темперамент тела и структуру мозга, физическую энергию и умственную бодрость. Умеренный климат более благоприятен для цивилизации не по причине, указанной мистером Харрисом, "поскольку развивает высшие качества, а не укрепляет низменные чувства", поскольку гипербореец такой же нецеломудренный и такой же великий раб страсти, как и человек с субэкваториальной зоны, - но потому, что умеренный климат, хотя и побуждает к напряжению, вознаграждает работника.

ВЛИЯНИЕ ПИЩИ.

Далее давайте рассмотрим роль пищи в развитии человека. Действие пищи заключается в снабжении организма калориями, необходимыми для его жизнедеятельности, и в восстановлении мышечных волокон, которые постоянно расходуются в ходе нашей повседневной деятельности. Эти два эффекта вызываются двумя различными видами питания: карбонизированной пищей, такой как мясо животных, рыба, масла и жиры, и окисленной пищей, которая состоит в основном из овощей. Очевидно, что в странах с жарким климатом для поддержания необходимой температуры тела требуется меньше карбонизированной пищи, чем в странах с холодным климатом. Вот почему гиперборейские народы питаются китовым жиром, ворванью и мясом, в то время как тропический человек ограничивается почти исключительно растительной пищей.

В мои цели здесь не входит рассмотрение относительного воздействия различных видов пищи на физиологическое и умственное развитие; я хочу, однако, привлечь внимание к сравнительной легкости, с которой человек добывает карбонизированную и окисленную пищу, и отметить влияние этой легкости или трудности в получении запасов пищи на его прогресс. В теплом, влажном климате растительность развивается спонтанно и в изобилии; следовательно, обильный запас пищи может быть получен с наименьшими затратами труда. Однако обитатели холодного климата вынуждены преследовать по суше и воде диких и могучих животных, применять все свои силы и умения, чтобы обеспечить себе ненадежный запас необходимой пищи. С другой стороны, помимо того, что пищу труднее добыть и она более неопределенна в отношении стабильных поставок, количество пищи, потребляемой в холодном климате, намного больше, чем в жарком. Теперь, поскольку досуг необходим для самосовершенствования, а без избытка пищи и одежды досуга быть не может, казалось бы, естественным образом следует, что в тех странах, где пищу и одежду легче всего добыть, культура должна быть самой высокой; поскольку для удовлетворения потребностей тела требуется так мало времени и труда, ум будет иметь возможность расширяться. Казалось бы, плодородная почва, буйная растительность, мягкое небо и благоухающий воздух, страна, где одежда едва ли была необходима для комфорта, и где для пропитания

привилегированному жителю оставалось только срывать и есть, должны были стать центром многочисленного населения и высокого развития. Так ли это на самом деле? "Везде, где выпадает снег, - замечает Эмерсон, - обычно царит гражданская свобода. Там, где растет банан, животный мир ленив и избалован за счет более высоких качеств; человек чувствен и жесток "; и мы можем добавить, что там, где растет пшеница, есть цивилизация, где рис является основным продуктом питания, там умственная энергия ослаблена.

Поскольку тепло и влага являются сильными стимуляторами роста растений, тропические земли в непосредственной близости от моря покрыты вечной зеленью. Для поддержания жизни требуется мало труда или его вообще не требуется; в качестве пищи используются постоянно созревающие фрукты, иногда нескольких часов посадки бывает достаточно, чтобы прокормить семью на месяцы; для укрытия требуется немногим больше густой листвы, в то время как одежды почти не требуется.

Но хотя тепло и влага, великие растительные стимуляторы, лежат в основе первобытного прогресса, эти элементы в избытке сводят на нет свои собственные цели, причем двумя способами: во-первых, чрезмерная жара ослабляет тело и повергает разум в протрацию, вялость и инертность становятся хроническими, в то время как холод бодрит и побуждает к деятельности. А в тропическом климате определенные часы дня слишком жаркие для работы и, следовательно, посвящены сну. День разбит на фрагменты; предотвращается непрерывное применение, которое само по себе дает важные результаты, и привычка к вялости и расхлябанности становится правилом жизни. Более того, довольные тем, что природа дает им для поддержания жизни, люди живут без труда, прозябая, подобно растениям, ведя вялую и бесцельную жизнь. Во-вторых, растительность, стимулируемая чрезмерной жарой и влажностью, растет с такой силой и быстротой, что не поддается усилиям неопытного первобытного человека; природа становится властной, неуправляемой, а человек опускается до ничтожества. Действительно, самая искусная промышленность вооруженной и дисциплинированной цивилизации не в состоянии удержать под контролем это изобилие тропической растительности. Тропинка, расчищенная первопроходцем, пробравшимся сквозь густой подлесок, смыкается за ним, как морские воды за кораблем; прежде чем зерно успевает взойти, вспаханное поле покрывается гнусными сорняками, полевыми цветами и ядовитыми растениями, не менее красивыми, чем пагубными. Я видел, как сами столбы забора прорастают и превращаются в деревья. Растительность центральноамериканских низменностей настолько разрушительна, что в своем триумфальном шествии стойкие корни проникают в щели каменной кладки, разрушают прочные стены и уничтожают огромные курганы. Люди, климат которых делает карбонизированную пищу необходимостью, вынуждены задействовать свои более смелые и сильные способности, чтобы добыть себе припасы, в то время как любители овощей могут безмятежно полагаться на щедрость природы. Эскимос мужественно борется с китами, медведями, льдами и темнотой до тех пор, пока его вместительный желудок не наполнится выделяющей тепло пищей, затем он вяло дремлет в своей берлоге, пока не закончатся запасы; экваториальный человек срывает и ест, нежится на свежем воздухе и спит.

Здесь мы имеем дело с мешаниной разнородных и антагонистических элементов. Досуг необходим для культуры; до досуга должно быть накопление богатства; накопление богатства зависит от запасов продовольствия; избыток продовольствия может быть легко получен только в теплом климате. Но труд также необходим для развития, и чрезмерная жара противостоит труду. Более того, труд для производства досуга должен приносить вознаграждение, а чрезмерный холод противостоит накоплению. Таким образом, кажется, что избыток труда и избыток досуга одинаково пагубны для улучшения. Опять же, тепло и влага необходимы для обильного поступления окисленной пищи. Но жара и влага, особенно в тропическом климате, действуют как стимулятор на другие виды растений, порождая густые леса, спутанный кустарник и ядовитые кустарники, а также заполняя миазматические болота ядовитыми рептилиями. Этих врагов человеческого прогресса безоружный дикарь не в состоянии победить.

Следовательно, ни в жарких и влажных странах, ни в чрезмерно холодном климате нам не следует искать примитивную цивилизацию; ибо в последних природа дремлет, в то время как в первых избыточность природы становится неуправляемой. Верно, что в тропиках Америки и Азии обнаружены очаги многих древних цивилизаций, но если мы рассмотрим их одну за другой, то почти в каждом случае увидим какое-либо противоположное или противодействующее действие. Таким образом, ацтеки, хотя и выбрали низкие широты в непосредственной близости от обоих океанов, занимали возвышенную плоскогорную местность в прохладной, сухой атмосфере, на высоте семи или восьми тысяч футов над уровнем моря. Река Нил своими периодическими разливами вынудила древних египтян запасаться продовольствием, что является самым первым шагом к богатству. Реки Индии, некоторые из них, подвержены подобным разливам, в то время как более возвышенные части засушливы и плодородны.

Египет был колыбелью европейского развития. Задолго до прихода христианства плодородные берега Нила с их пирамидальными гробницами, колоссами, обелисками и катакомбами, сфинксами и храмами рассматривались окружающими варварами как страна чудес. Оттуда Греция почерпнула свои самые ранние искусства и принципы. Климат Египта был неизменным, а разливы Нила обеспечивали более надежное водоснабжение, чем дожди во многих других районах, и, таким образом, сельское хозяйство, хотя и предоставляло рабочему большую часть года для отдыха, почти наверняка приносило доход. Общие инстинкты и общие усилия, единообразие климата и совпадение интересов породили однородный народ, и сорок столетий таких неизменных приездов и уходов не могли не привести к улучшению.

ТЕОРИЯ МИСТЕРА БАКЛА.

Мистер Бакл в своей попытке создать универсальную теорию о том, что тепло и влага неизбежно порождают цивилизацию и что без этих объединенных факторов никакая цивилизация возникнуть не может, несколько перегибает палку. "В Америке, как и в Азии и Африке, - говорит он, - все первоначальные цивилизации располагались в жарких странах; все собственно Перу находилось в пределах южного тропика, вся Центральная Америка и Мексика - в пределах северного тропика". Дело в том, что Куско, столица инков, находится в Кордильерах, в трехстах милях от моря и на высоте одиннадцати тысяч футов над уровнем моря. Для данной широты климат холодный и сухой. Мексиканская долина теплее и

влажнее, но ее нельзя назвать жаркой и влажной. Паленке и Копан ближе к идеалу мистера Бакла, чем Куско или Мексика, поскольку находятся выше собственно огненной земли и, тем не менее, в по-настоящему жарком и влажном климате.

Гавайские острова — изолированная группа нагромождений лавы, выброшенных на пассаты на двадцатой параллели и этими ветрами затопленных с одной стороны дождями, в то время как другая осталась почти сухой, с небольшим количеством наносной почвы, да и та небольшая часть чрезвычайно плодородна, - ко времени их открытия капитаном Куком, по-видимому, достигли немалого прогресса в направлении феодализма. Действовали системы землевладения и вассалитета, и были построены некоторые сооружения на общественное благо. Здесь были основы для улучшения низкого порядка, подобного тому, что было найдено там, но которое, по всей вероятности, никогда бы не поднялось намного выше.

И снова мистер Бакл заявляет, что "из-за наличия физических явлений цивилизация Америки по необходимости была ограничена теми частями, где только ее и обнаружили первооткрыватели Нового Света". Очевидно, безопасный постулат; но, исходя из любой мыслимой гипотезы, существует очень много мест, столь же хорошо приспособленных для развития, как и те, в которых оно было обнаружено. Еще раз: "Два великих условия плодородия не были объединены ни в одной части континента к северу от Мексики". Когда мы рассматриваем, что это такое, а именно тепло и влажность, от которых мистер Бакл ставит в зависимость интеллектуальную эволюцию, и что не только на Мексиканском нагорье отсутствовали оба этих основных фактора в полном смысле этого термина, но и то, и другое встречается во многих местах к северу, как, например, в некоторых частях Техаса и Луизианы, несоответствие в его теории становится очевидным. "Своеобразная конфигурация суши, - продолжает он, - обеспечила очень большую протяженность побережья и, таким образом, придала южной части Северной Америки характер острова". Остров, да, но, как выражается г-н Гийо, "воздушный остров", ограниченный с обеих сторон морским побережьем, но таким морским побережьем, которое образовывало почти непродолимый барьер между плоскогорьем и океаном.

"Следовательно, хотя, - добавляет мистер Бакл, - расположение Мексики вблизи экватора давало ей тепло, форма суши давала ей влажность; и поскольку это была единственная часть Северной Америки, в которой сочетались эти два условия, она также была единственной частью, которая была хоть сколько-нибудь цивилизованной. Не может быть никаких сомнений в том, что если бы песчаные равнины Калифорнии и Южной Колумбии, вместо того чтобы быть выжженными до бесплодия, орошались реками востока, или если бы реки востока сопровождалась жарой запада, результатом любого сочетания было бы то изобилие почвы, которое, как убедительно доказывает мировая история, предшествовало каждой ранней цивилизации. Но поскольку из двух элементов плодородия один был недостаточен во всех частях Америки к северу от двадцатой параллели, отсюда следовало, что, пока эта черта не была пройдена, цивилизация не могла обрести опору; и никогда не было найдено, и мы можем с уверенностью утверждать, что никогда не будет найдено, никаких свидетельств того, что хотя бы одна древняя нация на всем этом огромном континенте была способна добиться значительного прогресса в искусстве жизни или организовать себя в устойчивое общество ". Это широкое утверждение, воплощающее поспешные выводы из ложных посылок и выдающее исключительное незнание страны и ее климата. Те же самые "песчаные равнины Калифорнии", которые так далеки от того, чтобы быть "выжженными до бесплодия", сегодня отправляют свои злаки во всех направлениях - на восток и на запад — и способны прокормить всю Европу.

Я часто задавался вопросом, почему Калифорния не была центром примитивной цивилизации; почему при каждом сближении линий раса деградирует по мере приближения к этому центру; почему при прохладном, целебном побережье, жарких и полезных для здоровья внутренних районах, с чередующимися сезонами дождей и засухи, сменяющимися сезонами труда и досуга, которые поощряют производство и накопление и которые являются основными стимулами к накоплению и богатству, в этой жаркой и прохладной, влажной и сухой, бодрящей атмосфере, с плодородной почвой климат, который ни в одно время года нельзя назвать холодным или негостеприимным, должен быть найден одна из низших стадий развития человечества на североамериканском континенте. Причину следует искать в более отдаленные периоды, в конвульсиях природы, ныне утихших; в смятениях народов, история которых забыта, навсегда похоронена в прошлом. Теории никогда не разрешат эту тайну. В самом деле, нет никаких причин, по которым фундаменты цивилизаций ацтеков и майя-киче не могли быть заложены к северу от тридцать пятой параллели, хотя там не было обнаружено ни архитектурных остатков, ни других доказательств такого происхождения; но на берегах Хил, Колорадо и Рио-Гранде, в Чиуауа и на жарких сухих равнинах Аризоны и Нью-Мексико, далеко за пределами территории мистера Бакла, где "никогда не было найдено и, мы можем с уверенностью утверждать, никогда не будет найдено" никаких свидетельств прогресса, в наши дни находятся обнесенные стенами города, населенные древним народом. промышленные и сельскохозяйственные люди, чье существование мы можем проследить на протяжении более чем трех столетий, помимо руин массивных зданий, об истории которых ничего не известно.

Таким образом, то, что Калифорния и многие другие части Северной Америки не могли быть очагом примитивной цивилизации, не может быть доказано ни на основе какой физической гипотезы; и, действительно, в нашей попытке прояснить принципы всеобщего прогресса, где таинственная и антагонистическая деятельность человечества на протяжении тысячелетий оставалась невидимой, неизвестной и непознаваемой, среди народов, о которых наши предельные знания могут быть получены только из кратковременного знакомства с исчезающей расой, с величайшим трудом можно прийти к удовлетворительным выводам в любом случае.

Следовательно, именно в умеренном климате человек достигает наивысшего развития. На полуостровах Греции и Италии, где Средиземноморье приглашает к общению; в Иране и Армении, где климат достаточно холодный, чтобы стимулировать труд, но не настолько холодный, чтобы требовать использования всей энергии тела и разума для того, чтобы добывать средства к существованию; достаточно теплый, чтобы делать возможным досуг, но не настолько теплый, чтобы ослаблять способности; с почвой достаточного плодородия, чтобы давать излишки и способствовать накоплению богатства, не производя такого избытка растительности, с которым не справится неумелый, примитивный человек, — именно там мы находим наивысший уровень развития. интеллектуальная культура.

Иногда случается, что в тех климатических условиях, которые слишком благоприятны для развития нежных зародышей, культивирование стимулируется к большей активности, чем на его первоначальных местах. Иногда случается, что, когда скорлупа дикости однажды достаточно разрушена, народ может преодолеть господствующую растительность и процветать в климате, где ни при каких обстоятельствах не могло возникнуть его развитие. Даже в замерзших регионах севера, таких как Скандинавия, человек, благодаря силе своей

природы, смог преодолеть трудности климата и освоить жестокую, грубую культуру. Регионы Северной Европы и Северной Америки, несмотря на их изначальную враждебность к человеку, сегодня являются наиболее плодородными из всех земель в плане промышленных открытий и интеллектуальной деятельности, но в полярных регионах, как и в экваториальных, высочайшего развития достичь невозможно.

Условия, способствующие развитию цивилизации коренных народов, не всегда являются теми, которые способствуют постоянному развитию, и наоборот. Таким образом, Великобритания в своей изоляции оставалась варварской еще долго после того, как Греция и Италия достигли высокой степени культивирования, но когда однажды семя пустило корни, сама эта изоляция стала защитной стеной, внутри которой проросла могущественная держава, распространившая свое влияние на всю землю.

Таким образом, мы увидели, что сочетание физических условий имеет важное значение для интеллектуального развития. Без досуга не может быть культуры, без богатства - досуга, без труда - богатства, а без подходящей почвы и климата - оплачиваемого труда.

Итак, во всей материальной вселенной нет ни одного объекта или элемента, который занимал бы свое место, будь то в состоянии покоя или в движении, кроме как по установленным законам; ни один атом материи, ни тонкая таинственная сила, ни дуновение воздуха, ни облачный пар, ни полоса света, не подчинялись бы закону в своем существовании. Всемогуший указ: Плодитесь и размножайтесь, плодитесь в росте, как интеллектуальном, так и физическом, был дан одинаково всему человечеству; семена прогресса были посеяны во всех человеческих расах; одни упали на каменистых местах, другие заросли сорняками, третьи нашли хорошую почву. Когда мы видим народ, в полной мере пользующийся всеми этими физическими основами прогресса, но находящийся в состоянии дикости, мы можем быть уверены, что в какой-то период его истории вмешались элементы, пагубные для прогресса, препятствующие естественному росту. Войны, голод, эпидемии, потрясения природы уничтожили в зародыше многие зарождающиеся цивилизации, история которых глубоко похоронена в незаписанном прошлом.

ОБЪЕДИНЕНИЕ - ЭЛЕМЕНТ ПРОГРЕССА.

Очевидная необходимость ассоциации как первичного условия развития почти ничего не оставляет сказать по этому вопросу. Для проявления этой Души Прогресса необходимо социальное тело, поскольку без индивидуального тела не может быть проявления индивидуальной души. Это общественное тело, как и тело индивидуальное, состоит из бесчисленного множества органов, каждый из которых выполняет свои особые функции, каждый воздействует на другие, и все они находятся под общим управлением прогрессивной идеи. Цивилизация не является индивидуальным атрибутом, и хотя атом, человек, может быть заряжен накопленной энергией, все же прогресс не является частью индивидуальной природы; это нечто, что лежит между людьми, а не внутри них; это принадлежит обществу, а не индивидууму; человек, молекула общества, изолирован, инертен и не обладает силой. Изолированный человек, как я уже говорил, никогда не сможет стать культурным, никогда не сможет сформировать язык, не обладает во всей полноте способностью к абстракции, и его ум не может войти в сферу высшей мысли. Все те характеристики, которые отличают человечество от животных, становятся почти

неработоспособными. Без ассоциации нет речи, ибо речь - всего лишь проводник мысли между двумя или более индивидуумами; без слов абстрактная мысль не может течь, поскольку слова или какая-либо другая форма выражения являются каналами мысли, а при отсутствии слов источник мысли в определенной степени запечатан.

На самом пороге прогресса начинается социальная кристаллизация; в каждом человеке есть что-то такое, что привлекает его к другим людям. Во взаимоотношениях полов этот принцип человеческого влечения достигает своего апогея, когда муж и жена как бы сливаются, подобно соединению одной капли воды с другой, образуя один шарик. Люди столь же бессознательно и позитивно вынуждены объединяться в общества, как частицы вынуждены объединяться и образовывать кристаллы. И в этом заключается закон, столь же осязаемый и незыблемый, как любой закон в природе; закон, невыполнение которого привело бы к истреблению расы. Но закон человеческого притяжения несовершенен, он не выполняет своей цели отдельно от закона человеческого отталкивания, ибо, как мы видели, пока не придут война, деспотизм, суеверия и другие ужасные бедствия, прогресса не будет. Одиночество невыносимо, даже звери не будут жить в одиночестве; а люди больше зависят друг от друга, чем звери. Одиночество несет с собой чувство неполноценности и недостаточности; способности ограничены, им не хватает завершенности, в то время как объединение добавляет объема каждой отдельной способности.

СОТРУДНИЧЕСТВО И РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА.

Но простого объединения недостаточно; ничто материально великое не может быть достигнуто без союза и сотрудничества. Только тогда, когда группы семей смешиваются с другими группами, каждая из которых передает свою долю оригинальных знаний другой; когда индивид отказывается от некоторой части своей личной воли и собственности ради лучшей защиты других прав и собственности; когда он доверяет обществу отстаивание своих прав; когда он полагается на протянутую руку нации, а не только на свою собственную руку для удовлетворения жалоб, прогресс действительно достигнут. А с объединением и кооперацией приходит разделение труда, благодаря которому каждый в каком-то особом отделе получает возможность преуспеть. Полностью сосредоточивая ум на чем-то одном, путем постоянного повторения и практики, отец передает свое искусство сыну, который точно так же совершенствует его для своих потомков. Только делая что-то новое или делая старое лучше, чем это когда-либо делалось раньше, можно добиться прогресса. При режиме всеобщей посредственности нация не продвигается вперед; именно великим людям, великим в больших или малых делах, обязан прогресс; именно тем немногим, кто думает, тем немногим, кто осмеливается взглянуть в лицо бесконечной вселенной вещей и выйти, если потребуется, за пределы старых границ, мир обязан больше всего.

Изначально заложен зародыш интеллекта, поначалу немногим превышающий грубый инстинкт. Этот зародыш, разворачиваясь, подвергается двойному процессу; он отбрасывает свою собственную интуицию и получает взамен интуицию другого. Благодаря обмену идеями опыт одного становится известным для пользы другого, изобретения одного добавляются к изобретениям другого; без обмена идеями интеллект должен находиться в состоянии покоя. Так обстоит дело с отдельными людьми, и с обществами происходит то же самое. Приобретения в высшей степени взаимны. В обществе богатство, искусство,

литература, государственное устройство и религия действуют друг на друга; в науке слияние антагонистических гипотез обязательно приведет к важным событиям. Прежде чем можно будет добиться значительного прогресса, должна быть налажена торговля между нациями для обмена совокупным человеческим опытом, чтобы искусство и отрасли промышленности, приобретенные каждой из них, могли стать собственностью всех остальных, и таким образом знания стали распространяться путем обмена, вместо того чтобы каждому решать каждую проблему самостоятельно. Таким образом, цивилизация - это партнерство, заключенное для взаимного совершенствования; совместная операция, при которой продукт каждого мозга вносит свой вклад в общий фонд на благо всех. Никто не может пополнить свой собственный запас знаний, не пополнив общий запас; каждое изобретение и открытие, какими бы незначительными они ни были, является вкладом в цивилизацию.

В дикости союз и сотрудничество проявляются несовершенно. Воины одного племени объединяются против воинов другого; банда может сотрудничать в преследовании стада бизонов; даже одна нация иногда объединяется с другой нацией против третьей, но такие объединения временны, и как только конкретная цель достигнута, конфедерация распадается, и каждый человек снова становится сам себе хозяином. В тот момент, когда два или более человека объединяются для достижения какой-либо цели, которая должна постоянно способствовать улучшению состояния их самих и других, в этот момент начинается прогресс. Дикие звери леса, действуя в унисон, были физически способны восстать и истребить первобытного человека, но если бы звери в действительности объединились и сделали это, такая конфедерация диких зверей могла бы стать цивилизованной.

ДИКАРЬ НЕНАВИДИТ ЦИВИЛИЗАЦИЮ.

Но почему первобытный человек желает покинуть свое первоначальное состояние и отправиться в трудное, нескончаемое путешествие? Почему он хочет сменить свое мягкое отеческое правительство, отказаться от своих прав на земли настолько широкие, насколько его рука может защитить, со всем, что в них содержится, - общую собственность своего народа? Почему он хочет отказаться от своей дикой свободы, от своей врожденной независимости и надеть на свои конечности оковы социального и политического деспотизма? Он этого не делает. Дикарь ненавидит цивилизацию так же, как своего злейшего врага; ее отборные блага он ненавидит больше, чем самые страшные беды своей собственной ничем не ограниченной жизни. Он подталкивается к этому; подталкивается к этому посторонними влияниями, без его ведома и против его воли; его подталкивает к этому эта Душа Прогресса. Именно здесь это прогрессирующее явление снова проявляется вне человека и в прямом противоречии с волей человека; именно здесь принцип зла снова вступает в силу и побуждает людей к осуществлению высшего предназначения. Этим Адам, первый из зарегистрированных дикарей, был изгнан из Эдема, где в противном случае он остался бы навсегда, и остался нецивилизованным. Это побудило наших предков отказаться от своего простого состояния и организовать более разнородные сложные формы социальной жизни. И это проблема, с которой каждая нация должна справиться сама. Миллионы денег тратятся просто на прозелитические цели, в то время как, если бы были хорошо поняты основные принципы цивилизации, возобладали бы более либеральная манера преподавания.

У каждой цивилизации есть свои особенности, идиосинкразии. Два индивидуума, пытающиеся сделать одно и то же, различаются в исполнении; поэтому цивилизация, развивающаяся под влиянием случайных и посторонних причин, в каждом случае приобретает индивидуальность. Вот почему цивилизации не могут объединиться; вот почему испанцы могли заставить ацтеков принять их цивилизацию только острием меча. Развитие, порожденное одним набором явлений, не будет соответствовать развитию других обстоятельств. Правительство, религия и обычаи одного народа не подходят другому народу так же, как пальто одного человека не подходит к форме другого. Мысль течет по разным каналам; счастье одного - это не счастье другого; развитие проистекает из врожденной необходимости, и один вид не может быть привит к другому.

Давайте теперь рассмотрим феномены правительства и религии в их применении к эволюции обществ, и мы лучше поймем, как впервые приводятся в движение колеса прогресса, — и под религией я имею в виду не вероучение или легковерие, а тот естественный культ, присущий человечеству, что совсем другое дело. Правительство рано осознается как потребность общества; обеспечение соблюдения законов, которые должны навести порядок из социального хаоса; законов, которые должны обуздывать порочных, защищать невинных и наказывать виновных; которые должны действовать как щит для врожденной зарождающейся морали. Но прежде чем приступить к управлению, должно возникнуть какое-то влияние, которое объединит людей. Древним злом, которому обязана цивилизация, является война; склонность человека — к сожалению, еще не полностью преодоленная — к убийству своих собратьев.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И РЕЛИГИЯ.

Человеческая раса еще не достигла того состояния однородного счастья, которое мы иногда воображаем; внешне мы все еще носим многие пережитки варварства; под покровом нравов мы скрываем еще больше. Война - это варварство, которое цивилизация только усиливает, как, впрочем, цивилизация усиливает любое варварство, которое она не искореняет и не прикрывает. Право каждого человека действовать как его собственный мститель; суд поединком; правосудие, зависящее от страсти или каприза судьи или правителя, а не от установленного закона; наследственная вражда и перекочевки; все это и подобное считается варварством, в то время как каждая нация цивилизованного мира содержит постоянную армию, применяет все искусства и изобретения цивилизации для науки убийства и при достаточном поводе, в качестве спорной границы или воображаемого оскорбления, не большего и не более важного, чем то, что побудило наших диких предков к подобному поведению, попадает в респектабельный цивилизованный мир и после него подвергается массовое убийство пятидесяти или ста тысяч человек прекращает борьбу и, возможно, возвращается к справедливости и разуму как основе для разрешения возникших трудностей. Война, как и другое зло, оказавшееся орудием добра, должна была к этому времени отжить свой век, должна была послужить своей цели. Постоянные армии, формирование которых было одним из первых и наиболее важных шагов в объединении и разделении труда, являются всего лишь проявлением сохраняющейся необходимости использования грубой силы вместо моральной при разрешении национальных споров. Несомненно, разумные существа, придерживающиеся самых иррациональных практик, касающихся простейших принципов социальной жизни, не могут похвастаться очень

высоким уровнем того, что нам угодно называть цивилизацией. Мораль, торговля, литература и промышленность - все, что стремится к возвышению интеллекта, прямо противоположно воинственному духу. По мере роста интеллектуальной активности вкус к войне уменьшается, поскольку призыв к войне при разрешении трудностей - это призыв от интеллектуального к физическому, от разума к грубой силе.

Деспотизм - это зло, но деспотизм так же важен для прогресса, как и любое благо. В той или иной форме деспотизм является неотъемлемым дополнением войны. Индивид или идея могут быть деспотом, но без сплоченности, без сильной центральной власти, реальной или воображаемой, не может быть единства, а без единства не может быть затяжной войны. На первых стадиях правления деспотизм столь же необходим, сколь и вреден на последних. Это скрепляет общество, когда ничто другое не удержало бы его, и в то время, когда само его существование зависит от того, будет ли оно таким образом скреплено. И только до тех пор, пока не возникнет врожденная моральная сила, достаточная для того, чтобы разорвать оковы деспотизма, народ будет пригоден для лучшей или более мягкой формы правления; ибо только до тех пор, пока эта врожденная сила не проявится, в обществе будет достаточно связующей силы, чтобы удержать его вместе, не будучи скованным такими оковами, как деспотизм. Помимо цементирования общества, война порождает множество добродетелей, таких как мужество, дисциплина, послушание, рыцарская осанка, благородные мысли; и добродетели войны, так же как и ее пороки, помогают формировать национальный характер.

У рабства и по сей день есть свои защитники, и с самого начала оно было профилактикой худшего зла — резни. Дикари делают рабов из своих военнопленных, и если они не сохраняют их как рабов, они убивают их. Происхождение слова, *servus*, от *servare*, сохранять, обозначает гуманную мысль, а не жестокость. Дисциплина всегда необходима для развития, а рабство - это еще одна форма дисциплины дикарей. Затем с помощью систем рабства были достигнуты великие дела, которые в отсутствие искусств и изобретений были бы невозможны без рабства. И опять же, в ранних обществах, где досуг был так необходим для умственного развития и так трудно достижим, рабство, поощряя досуг, способствовало возвышению и утонченности. Рабы составляют особый класс, полностью преданный труду, тем самым позволяя другому классу жить без труда или трудиться интеллектом, а не руками.

Изначально общество представляло собой совокупность кочевых семей, каждый глава семьи имел равные права, а каждый индивид такую власть и влияние, какие он мог приобрести и поддерживать. Во всех обычных занятиях дикой жизни этого было достаточно; там было место для всех, и каждый обладал широчайшей свободой. И в этом счастливом состоянии человечество всегда пребывает, пока его не вынудят выйти из него. Только в единстве и сотрудничестве могут быть достигнуты великие дела; но люди не объединятся, пока их не вынудят к этому. Теперь, во времена войны — а у дикарей война является правилом, а не исключением, — необходим какой-то более тесный союз, чтобы избежать вымирания; при прочих равных условиях народы, которые наиболее прочно объединены и наиболее жестко управляются, несомненно, одержат победу в войне. Идея единства, чтобы быть эффективной, должна быть воплощена в единице; кто-то должен стать вождем, а остальные должны подчиняться, как в стае диких зверей, которые следуют за тем, кто наиболее известен своей доблестью и хитростью. Но сам по себе военный принцип никогда не заложил бы основы сильного правительства, поскольку с каждым прекращением военных действий происходило бы соответствующее ослабление власти.

ПРАВИТЕЛЬСТВО, НАВЯЗАННОЕ ЧЕЛОВЕКУ.

Здесь возникает другая необходимость в правительстве, но которая также не является причиной правления, поскольку правительство проистекает из силы, а не из полезности. Эти люди не хотят правительства, они не хотят культуры; где же тогда найти достаточно сильную руку, чтобы обуздать их дикие страсти? В разуме они дети, в страстях - мужчины; для обуздания сильных страстей сильных неразумных людей требуется сила; откуда взяться этой силе? Именно на более ранней стадии правления деспотизм принимает свои наиболее интенсивные формы. Чем более страстен, беззаконен и жесток народ, тем полнее он подчиняется страстному, беззаконному и жестокому правителю; чем более неуправляем его характер, тем более рабски он подчиняется правительству; чем сильнее стихия, которой нужно управлять, тем сильнее должно быть правительство.

Первобытный человек, кем бы или чем бы он ни был, живет в гармонии с природой; то есть он живет так, как живут другие животные, черпая свои запасы непосредственно из общего хранилища природы. Свою пищу он срывает с укрытого дерева, или черпает из сверкающего ручья, или собирает в плодородном лесу. Остатки его добычи, непригодные в пищу, удовлетворяют другие его потребности; из кожи он одевается сам, а из костей изготавливает орудия труда и острия своего оружия. В этом нет антагонизмов, нет

противоположных принципов добра и зла; животных убивают не с целью истребления, а по необходимости, как животные убивают животных, чтобы удовлетворить реальные потребности. Но как только закваска прогресса начинает действовать, между человеком и природой объявляется война. Чтобы освободить место для более плотного населения и повышения комфорта, леса должны быть вырублены, их первобытные обитатели истреблены или одомашнены, а почва подвергнута более непосредственному воздействию. Союз и кооперация возникают в целях защиты и агрессии, для достижения целей, выходящих за рамки возможностей индивида. Постепенно расширяются мануфактуры и торговля; продукты одной группы работников обмениваются на продукты другой, и таким образом совокупный производимый комфорт удваивается для каждой. Абсолютная власть берется из рук многих и передается в руки одного, который становится представительной властью для всех. Люди больше не зависят от погони за ежедневным запасом пищи; даже сельское хозяйство больше не является необходимостью, которой каждый должен следовать сам, поскольку интеллектуальные продукты одного человека или народов могут быть обменены на сельскохозяйственные продукты другого. При такой смене занятий возникают новые институты, зарождаются новые идеи и формируются новые привычки. Человеческая жизнь перестает быть чисто материальным существованием; другой элемент находит применение, другой части человека позволено расти. Энергия общества теперь принимает иную форму; до сих пор ежедневная борьба велась за предметы первой необходимости, теперь накопление богатства составляет главный стимул к труду. Богатство становится силой и поглощает все другие силы. Обладатель неограниченного богатства распоряжается продуктами труда любого другого человека.

Но со временем и в определенной степени возникает класс, уже обладающий богатством, достаточным даже для удовлетворения требований алчности, и все еще ищут чего-то еще лучшего, какого-то большего блага. Стремление к наживе уступает место интеллектуальным страстям. Самоотречение и труд, необходимые для приобретения богатства, отбрасываются ради наслаждения уже приобретенным богатством и приобретения еще более высокого блага. Чувственное удовольствие в какой-то мере уступает интеллектуальному удовольствию, приобретение денег - приобретению знаний.

Там, где грубый интеллект является нормой дня, человек нуждается в управлении не больше, чем животные, но когда земли разделены, а почва возделана, когда богатство начинает накапливаться, а торговля и промышленность процветать, тогда защита и законное наказание становятся необходимыми. Подобно дикой лошади, оставьте ее на свободе, и она сама о себе позаботится; но поймите ее и обуздайте, и чем она более дикая и сильная, тем сильнее должна быть обузданность, пока она не будет усмирена и обучена, и тогда ее будут вести легким поводом. Тип правительства не имеет большого значения, чтобы оно было достаточно сильным.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ В ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Допустим, что для первого шага к культуре абсолютно необходимо строгое управление обществом, но как осуществить первое управление; как одному члену страстного, необузданного гетерогенного сообщества добиться абсолютного господства над всеми остальными? На помощь прежним порокам приходит другое зло, все для будущего блага, —

Суеверие. Никогда одна физическая сила не могла сжать и удержать необходимую мощь, с помощью которой можно разрушить оболочку дикости. Правительство - это всего лишь рефлекс управляемых. Только до тех пор, пока один человек физически или интеллектуально не станет сильнее десяти тысяч, независимый народ не подчинится тираническому правительству, или гуманный народ не подчинится жестокому правительству, или люди, привыкшие к свободной дискуссии, не подчинятся нетерпимому духовенству.

С самого начала, если мы хотим, чтобы человеком вообще управляли, не должно быть разделения правительственных сил. Причина страха, возникающая как из физического, так и из сверхъестественного, должна быть объединена в одном человеке. При отсутствии морального чувства страх юридических и духовных наказаний идентичен, ибо духовного боятся только тогда, когда оно творит временное или телесное зло. Свобода мысли на данном этапе несовместима с прогрессом, ибо мысль без опыта опасна и ведет к анархии. Прежде чем люди смогут управлять собой, они должны быть подчинены строжайшей государственной дисциплине, и будет ли это правительство справедливым, гуманным или приятным, не имеет большого значения, лишь бы оно было достаточно сильным. Как с политикой, так и с моралью и религией; наряду с деспотизмом должно существовать произвольное центральное церковное правление, иначе моральная анархия является неизбежным следствием. С самого начала человеку подобает не властвовать, а повиноваться; дикарям, которые по интеллекту дети, подобает не думать и рассуждать, а верить.

И таким образом мы видим, как чудесным образом человек обеспечен всем необходимым для роста. Этот нежный зародыш прогресса сохраняется в твердых оболочках и колющих покровах, которые, когда они отслужат свое, отбрасываются в сторону как не только бесполезные, но и вредные для дальнейшего развития. Мы не знаем, что будет дальше, но до настоящего времени состояние рабства кажется нормальным состоянием человечества; рабство, сначала суровое и иррациональное, затем постоянно ослабевающее и переходящее в более широкую свободу. По мере развития человечества моральная анархия не в большей степени следует за свободой мысли, чем политическая анархия следует за свободой действий. В Германии, в Англии, в Америке, везде, где светская власть в какой-либо мере отрывалась от власти церковной и возвращала религию к общественным чувствам для поддержки, всегда следовал моральный, а также интеллектуальный прогресс. То, чем были бы мягкие и убедительные учения и слабая дисциплина нынешней эпохи для христиан четырнадцатого века, было бы для республиканского Рима свободное и вялое правительство республиканской Америки. Поэтому давайте научимся снисходительно относиться к институтам прошлого и не забывать, сколь многим мы им обязаны; радуясь своему освобождению от жестокости и невежества средневековья, давайте не забывать о долге цивилизации перед строгими учениями как Церкви, так и государства.

МОРАЛЬ И ВЕРОУЧЕНИЕ.

Христианство, благодаря своей возвышенной неутилитарной морали и филантропии, оказало огромную помощь цивилизации. Действительно, эффект в Европе был настолько заметен, настолько велик контраст между христианством и исламом и политеистическими верованиями в целом, что церковники считают цивилизацию

порождением своей религии. Но религию и мораль не следует путать с цивилизацией. Все эти и многие другие виды деятельности действуют и реагируют друг на друга как непосредственные принципы социального организма, но ни одна из них, ни вся из них, не составляет жизнь организма. Задолго до того, как мораль стала религией, и задолго после того, как мораль стала религией, религия ставит благочестивого кающегося на колени. Религиозная культура - отличный помощник нравственной культуре, поскольку интеллектуальное обучение способствует развитию промышленного искусства, но мораль - это религия не в большей степени, чем промышленный интеллект. Когда христианство, как на заре заселения Мексики и Центральной Америки, попадает в руки беспринципных авантюристов или слепых фанатиков, которые выступают в смертельном антагонизме к свободе, тогда христианство является тормозом для цивилизации; и поэтому мы можем заключить, что в той мере, в какой христианство прививает к своему кодексу чистой морали принцип интеллектуальной свободы, в той мере, в какой христианство продвигает цивилизацию, но когда христианство порождает преследования, цивилизация тем самым тормозится.

Затем протестантизм предъявляет претензии на авторство цивилизации, указывает на Испанию, а затем на Англию, сравнивает Италию и Швейцарию, католическую Америку и пуританскую Америку, заявляет, что интеллект никогда не сможет достичь превосходства, находясь под властью Римской церкви; другими словами, эта цивилизация и есть протестантизм. Это правда, что протест против иррациональных догм или любое другое действие, направленное на освобождение интеллекта, является большим шагом вперед; но религиозная вера не имеет ничего общего с интеллектуальной культурой. Религия по самой своей природе находится за пределами разума; она скорее эмоциональна, чем интеллектуальна, является инстинктом, а не приобретением. Между разумом и религией лежит область общего, на которой оба могут встретиться и взяться за руки, но за границы которой ни один из них не может выйти. В тот момент, когда интеллект пытается проникнуть в область Сверхъестественного, вся интеллектуальность исчезает, и ее место занимают эмоции и воображение. Между ними не может быть реального конфликта, поскольку ни один из них ни при какой возможности не может перейти эту нейтральную территорию. Прежде чем разум сможет воспринять христианство, или магометанство, или любое другое вероучение, он должен быть готов принять догмы, в анализе которых человеческий разум бессилён. Среди самых блестящих интеллектуалов встречаются протестанты, романисты, унитарии, деисты и атеисты; судя по опыту человечества прошлых веков, вероучения и формулы, ортодоксальные и неортодоксальные, не обладают врожденной способностью развивать или тормозить интеллект. Некоторые действительно утверждают, что сильная доктринальная предвзятость душит мысль, поощряет суеверия и сковывает интеллект; тем не менее религиозная мысль в той или иной форме неотделима от человеческого разума, и было бы очень трудно доказать, что вера более унижительно, чем неверие.

РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ИДЕАЛА.

Религия поначалу - это грубый фетишизм, который наделяет каждое чудо конкретной индивидуальностью. В каждом проявлении есть несколько личных причин, и воплощение этой личной причины в какой-либо материальной форме является первым усилием разума

дикаря. Следовательно, изображения создаются для представления этих воображаемых сверхъестественных сил. Человек по необходимости должен облекать эти сверхъестественные силы в элементы какой-либо низшей формы. Воображение не может охватить объект или идею за пределами сферы человеческого опыта. Могут быть созданы неслыханные сочетания характеров, но составные части должны были когда-то и в какой-то форме существовать, чтобы быть мыслимыми. Человеческий разум не в состоянии облечь в формы мысли что-либо совершенно новое. Это состояние максимально далеко от признания тех универсальных законов причинности, к которым сейчас так быстро стремится каждая область знания. Боги созданы по подобию человека и животного, наделены земными страстями, и чувственный политеизм, в котором слепая судьба является заметным элементом, становится религиозным идеалом. Религиозные концепции по своей сути материальны; все наказания и награды воздействуют на человека как на материальное существо; мораль, врожденное чувство добра и неправды, подавлена, почти бездействует.

Полностью предоставленный самому себе, без опыта, который руководил бы им, дикарь по необходимости должен наделить природу своими собственными качествами, ибо его разум не может постичь ничего другого. Но когда опыт рассеивает более близкие иллюзии, объекты более отдаленные становятся богами; в солнце и звездах он видит своих управляющих судьбами; число его богов уменьшается, пока, наконец, все они не сливаются в одного Бога, автора всех законов, великого и единственного правителя вселенной. В каждой мифологии мы видим это олицетворение природных явлений; мороз и огонь, земля, воздух и вода в своих проявлениях таинственных сил одновременно обожествляются и очеловечиваются. Эти воплощения физической силы затем естественным образом формируются в семьи, и их предполагаемым потомкам поклоняются как детям богов. Так, в детстве общества, когда зарождающаяся мысль поселяется в мозгах стариков, тени ушедших героев смешиваются с тенями таинственной природы, и восхищение превращается в обожание.

Затем возникает желание умиловить эти невидимые силы, для достижения которого должны быть открыты какие-то средства общения между человеком и его божествами. Теперь, поскольку человек в своих богах воспроизводит самого себя, поскольку все его представления о сверхъестественной силе должны, по необходимости, формироваться на основе скелета человеческой силы, естественно, из этого следует, что самый сильный и хитрый в племени, тот, на кого естественным образом ложится лидерство, начинает рассматриваться как особо избранный богами. Сверхъестественные силы соединяются с земными и воплощаются в вожде нации. Благодарное потомство почитает и умиловляет ушедших предков. Более ранние правители делаются богами, а их потомки - низшими божествами; основатель династии, возможно, верховным богом, его потомство - подчиненными божествами. Таким образом, священство и царская власть объединяются; религия и гражданское правительство объединяют силы, чтобы сплотить человечество, и сыпучие пески новых слоев сливаются в прочную скалу, которая однажды в одиночку выдержит натиск времени и прилива.

Отсюда возникает божественное царствование и божественное право королей, а с желанием завоевать благосклонность этого божественного короля возникают светские любезности, первый шаг к отшлифовке манер. Ему присваиваются титулы уважения и поклонения, некоторые из которых впоследствии применяются к Божеству, в то время как другие сводятся к обычным комплиментам повседневной жизни.

Итак, здесь мы имеем в качестве одной из первых основ прогресса союз Церкви и государства, суеверия и деспотизма, союз, который все еще неизбежно сохраняется в некоторых наиболее отсталых цивилизациях. Чрезмерная лояльность и слепая вера всегда идут рука об руку. Сама основа ассоциации - доверчивость, слепая преданность политическим силам и слепая вера в священные ужасы. Во всех мифологиях на определенном этапе светское и духовное правление объединяются, сверхъестественная сила воплощается во временном правителе; политический деспотизм и ужасная кровавая религия — правление и вера, неподчинение которым никогда даже не считалось возможным.

Посмотрите, как каждая из этих первичных основ цивилизации становится по мере продвижения человека тормозом его прогресса; посмотрите, как он теперь борется, чтобы освободиться от того, к чему с самого начала его вели пути, которые, как он знал, нельзя было переносить так терпеливо. Правительство, на ранних стадиях всегда сильное и деспотическое, будь то монархическое, олигархическое или республиканское, удерживающее человечество под властью касты, налагающее ограничения на торговлю и мануфактуры, регулирующее общественные обычаи, питание, одежду, — как люди боролись, чтобы разорвать эти оковы! Религия, не тот естественный культ, инстинктивно присущий человечеству, узы единения, как в его самой отвратительной форме фетишизма, так и в его новейшей, прекраснейшей форме христианства; но те формы и догмы секты и вероучения, которые душат мысль и сковывают интеллект, — как люди жили жизнью жертвоприношения и самоотречения, а также умирали за право освободиться от нежелательной веры!

ОТНОШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА К ЦИВИЛИЗАЦИИ.

В первобытные века правительство и религия мало влияли на человеческую расу; этнология, так же как и история, раскрывает патриархат как самую раннюю форму правления и грубый материализм как самый ранний религиозный идеал; эти два простых элемента, облеченные в форму монстров, стали огромными выкидышами, порожденными невежеством, которое тысячелетиями держало интеллект в жалком рабстве, и от них нам, нынешнему поколению, больше, чем кому-либо другому, даровано освобождение. Даже богатство, добрый даритель благодарного досуга, под маской скупости становится отвратительной вещью, которую тот, кто хочет достичь высшей интеллектуальной жизни, должен научиться презирать.

Правительство, как мы видели, не является существенным элементом коллективного человечества. Цивилизация должна сначала пробудиться, она даже должна пройти начальные стадии, прежде чем появится правительство. Деспотизм, феодализм, божественное правление, рабство, война, суеверия - все они отмечают определенные стадии развития, и по мере развития цивилизации все они имеют тенденцию исчезать; и, как в ранней истории народов государство предшествовало правительству, так и в прогрессе человечества может наступить время, когда в правительстве больше не будет необходимости. Правительство всегда вырастает из необходимости; интенсивность правления неизбежно следует за необходимостью. Форма правления - это естественный отбор; его несколько фаз всегда направлены на выживание наиболее приспособленного.

Когда федералист говорит монархисту или монархист федералисту: "Мое правительство лучше вашего", это как если бы эскимос сказал кафру: "Мое пальто, мой дом, моя еда лучше ваших".

Правительство создано для человека, а не человек для правительства. Правительство - это как опора для растущего растения; сначала молодой побег стоит самостоятельно, затем в своем быстром развитии какое-то время ему требуется поддержка, после чего он снова способен стоять самостоятельно. То, что мы называем пороками правительства, скорее является его необходимостью, и на самом деле вовсе не является злом. Тяжелые удила, удерживающие рот необузданной лошади, являются для этой лошади злом, но для погонщика - необходимостью, которая может быть отброшена в сторону по мере усмирения нрава животного. Таким образом, деспотизм, феодализм, рабство являются злом для тех, кто находится под их властью, и все же они так же необходимы для предотвращения анархии, для обуздания необузданных страстей, как удила для лошади, и с такой же уверенностью будут отложены в сторону, когда в них больше не будет необходимости. Недалекие политики говорят о царской власти, произволе, тиранах, угнетенных массах, лишении справедливых прав; как будто правительство было каким-то независимым, враждебным элементом, совершенно чуждым характеру народа; как будто один человек был сильнее десяти тысяч; как будто, если бы эти фазы общества не были наиболее приспособленными, с ними можно было бы какое-то время мириться. Дни жесткого правления всегда были лучшими днями Франции и Испании, и так будет до тех пор, пока народ не станет сильнее, чем сила правителей. Республиканизм так же непригоден для глупого и неинтеллектуального населения, как деспотизм был бы непригоден для передовых идей и либеральных институтов англосаксонской Америки. Субъект либерального правления, презрительно кричащий субъекту абсолютного правления о своей форме правления, подобен ослу, кричащему тигру: оставь кровь и мясо; питайся травой и чертополохом, единственной диетой, пригодной для цивилизованных животных! Наше федеральное правительство - самое лучшее для нашего народа, когда это не так, оно быстро изменится; оно соответствует характеру американской разведки, но прежде чем его можно будет внедрить в Японию или Китае, должны измениться традиции и нрав азиатов.

Мы сегодня переживаем важную эпоху в истории цивилизации. Феодализм, деспотизм и фанатизм пережили свое время, достигли своей необходимой цели и быстро уходят в прошлое. Мы живем в век демократии, научных исследований и свободы религиозной мысли; что они могут сделать для развивающегося интеллекта, еще предстоит увидеть. Наши предки любили размышлять о прошлом, теперь мы все смотрим в будущее.

ПРОГРЕСС ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ.

Ледяное море, по которому наши предки так безмятежно скользили в своей доверчивости, распадается. Традиции испаряются одна за другой; в своем применении к ближайшим событиям они подводят нас, история перестает повторяться, как в прошлые времена. Старые вещи уходят, все становится новым; новые философии, новые религии, новые науки; возникает индустриальный дух и переворачивает освященные веками обычаи; теории правления должны быть реконструированы. Таким образом, как говорит опыт, республиканизм как форма правления может существовать только в небольших государствах; но пар и электричество вступают в действие и уничтожают время и

пространство. Римская республика из-за недостатка сплоченной энергии, из-за отсутствия центральной жизненной силы, достаточной для того, чтобы кровь нации переливалась от сердца к конечностям, умерла естественной смертью. Американская республика, занимавшая почти вдвое большую территорию, чем республиканский Рим в свои лучшие дни, наделена организмом иного вида; в ее физиологической системе обнаружен новый ряд вен и артерий, железная дорога, телеграф и ежедневная пресса, по которым пульсирует жизненная кровь нации, миллионы людей вдыхают и выдыхают разум, как один человек. С помощью этих изобретений весь мир, один раз в день, собирается воедино. Телеграфными проводами и железными дорогами теперь связаны железные люди, как в прошлые времена они были связаны войной, деспотизмом и суевериями. Самые отдаленные уголки крупнейших современных республик находятся в более тесном общении, чем соседние государства самых маленьких конфедераций древности. Объединенная Германия, которая в своей прошлой истории считалась невозможной, при нынешних средствах коммуникации является свершившимся фактом. Англия могла бы с такой же легкостью владеть колониями на Луне, как владела своими нынешними владениями триста лет назад. Практически Сан-Франциско находится ближе к Вашингтону, чем Филадельфия, когда закладывался фундамент Капитолия. Что может помешать росту республик, пока разведка идет в ногу с расширением? Генерал армии может теперь сидеть перед своими картами и управлять полудюжиной армий на расстоянии ста или тысячи миль друг от друга, ежечасно знать положение каждой дивизии, успех каждого сражения, отдавать приказы о наступлении или отступлении, составлять планы и проводить комбинации с большей точностью, чем когда-то было возможно при ведении обычной кампании.

МОРАЛЬ, МАНЕРЫ И МОДА.

Несколько слов о морали, манерах и моде еще раз проиллюстрируют, как на человека влияет его окружение, которое здесь принимает форму привычки. По своему влиянию на цивилизацию все эти явления подпадают под одну и ту же категорию; и это без учета конкурирующих теорий интуиции и полезности в морали. Опыт учит, поначалу слепо, но с каждым днем все яснее, что правильное поведение полезно, а неправильное - вредно; что последствия греха неизменно ложатся на виновного; что за несправедливый поступок, хотя знание о нем навсегда заперто в груди преступника, обязательно последует наказание; и все же есть те, кто подвергает сомнению существование врожденного морального восприятия и называет все это обычаем и воспитанием. И если мы будем искать врожденные представления о морали и справедливости только у первобытных людей, я боюсь, что мы столкнемся с разочарованием. Мы находим некоторых, кто ценит женское целомудрие только до брака, других — только после брака, то есть после того, как женщина и ее целомудрие в равной степени становятся чьей-то материальной собственностью. Некоторые из доброты убивают своих престарелых родителей, другие - своих младенцев женского пола; удачливый конокрад-апах - любимец своей матери и герой племени; часто эти американские арабы предпочитают неделями оставаться дома полуголодными, чем подвергнуться позору возвращения с пустыми руками. Хорошее, по мнению дикаря, это когда он крадет жен; плохое - это когда крадут его собственных жен. Где именно впервые проявляется присущая дикарям нравственность, и каким образом, часто трудно сказать; самые отвратительные пороки повсюду практикуются с неприкрытой наглостью.

Возьмем феномен Стыда. Вернитесь к детству нашей расы или даже к нашему собственному детству, и вам будет трудно обнаружить какое-либо врожденное качество, которое заставляет людей стыдиться одной вещи больше, чем другой. И мудрейшие из нас не могут привести ни одной веской причины, почему мы должны стыдиться своего тела больше, чем своего лица. Весь человек был создан одним Творцом, и все части одинаково совершенны и одинаково достойны уважения. Мы прикрываем себя тканью и думаем таким образом скрыть свои недостатки от самих себя и других, подобно тому, как страус прячет голову под лист и воображает, что его тело скрыто от охотника. Что это за качество стыда, если это не привычка? Дикарка, не краснея, предстанет перед вами обнаженной, но снимите с нее украшения, и она проявит тот же вид стыда, хотя, возможно, и не в такой степени, который проявит европейская женщина, если ее раздеть. Хорошо известно, как цивилизованные и получивилизованные нации относятся к этому качеству приличия. Обычай, традиционный обиход, одежда и поведение - влияния столь же тонкие и столь же сильные, как и все, что управляет нами, они все больше и больше оплетают человека по мере того, как он отказывается от верности другим силам; и мы знаем об их происхождении и природе немногим больше, чем о происхождении и природе времени и пространства, жизни и смерти, зарождения и конца.

Каждая эпоха и каждое общество имеют свой собственный стандарт морали, выдвигающий в качестве образца какое-то определенное поведение или качество, говорящее всем: "Делайте это и получите столь желанную похвалу ваших собратьев". Часто то, что один народ считает добродетелью, для другого является пороком; то, что для одной эпохи является религией, для другой - суеверием; но в основе всего этого лежат живые огни, зажженные Всемогуществом, которым суждено гореть во все времена. В спартанской и Римской республиках нравственным идеалом был патриотизм; у средневековых церковников он принял форму аскетизма; после возвышения женщины центральной идеей стало женское целомудрие.

В этой национальной морали, которая является связующей силой общества, мы находим фундаментальный принцип прогрессивного импульса, и в этом заключается самая обнадеживающая черта человечества; человечество должно прогрессировать, и прогрессировать в правильном направлении. С этим ничего не поделаешь, пока Бог не изменит вселенский порядок вещей; человек должен становиться лучше вопреки самому себе; именно хорошее в нас растет и в конечном итоге побеждает.

Как раса, мы еще не достигли совершеннолетия; боясь свободы, дарованной нам прогрессом, мы цепко держимся за свои ниточки; обнимая нашу мать, Обычай, мы отказываемся оставаться в одиночестве. Свобода и высокие достижения должны предоставляться нам в той мере, в какой мы способны их получить, поскольку социальные позывы к рвоте неизбежно следуют за перекармливанием. Следовательно, мы обнаруживаем, что избежали первобытной и средневековой тирании только для того, чтобы попасть под власть еще более жестоких; общество тем не менее остается неумолимым в своих деспотизмах из-за софистики, которая дает его жертвам воображаемую свободу. Ибо разве мы сейчас не создаем формы и фасон, творения наших собственных рук, и не преклоняемся перед ними так же благоговейно, как когда-либо наши языческие предки поклонялись своим богам из дерева и камня? Кто создал нас? это не первый вопрос нашего катехизиса, но что скажут люди?

Из всех тираний тирания моды самая неумолимая; из всех видов рабства рабство моде является самым унижительным; из всех страхов страх перед нашими собратьями является самым подавляющим; из всех влияний, которые окружают человека и управляют им, формы и обычаи, с которыми он сталкивается в обществе, являются самыми властными. Это старая история, всего лишь еще один поворот колеса, которое шлифует, оттачивает и полирует человечество, — сначала это было выгодно, а теперь стало помехой. Формы и мода необходимы; мы не можем жить без них. Если у нас есть культ, правительство, торговля или одежда, у нас должны быть формы; или, если у нас их нет, мы все равно должны действовать определенным образом; костюм, который является всего лишь другим словом, обозначающим обычай, у нас должен быть, но обязательно ли делать форму главной заботой нашей жизни, в то время как мы уделяем так мало внимания существу? и разве мы не можем надеяться, радуясь нашей прошлой эмансипации, что когда-нибудь мы будем свободны от нашего нынешнего деспотизма?

Одежда всегда оказывала мощное влияние на мораль и прогресс; но этот феномен одежды изучен недостаточно. Одежда служит прикрытием для тела, которого мы стыдимся, и защищает его от непогоды, и мы заключаем, что это причины того, что мы одеты. Но дело в том, что у аборигенов, за исключением крайних случаев, одежда не является необходимым условием комфорта человека, пока это не войдет в привычку, а что касается стыда, то до тех пор, пока им не расскажут о его наготы, у первобытного человека его нет. За всем этим кроется происхождение одежды; оно кроется в одном из самых глубоко укоренившихся элементов нашей натуры, а именно в нашей любви к одобрению. Перед одеждой стоит украшение. Удачливый воин, гордый своим достижением, пачкает свое лицо и тело кровью убитых, и сразу же подражатели, которых тоже сочли бы сильными и храбрыми, вымазывают себя подобным образом; и таким образом живопись и татуировка становятся модными, а пигменты заменяют кровь. Голый, бездомный калифорниец готов был пройти все трудности, преодолеть сотню миль и сразиться с каждой встречной бандой противников, чтобы добыть киноварь из Новой ртутной шахты в Альмадене. Поэтому, когда охотник убивает дикого зверя и украшает его тело хвостом или шкурой в качестве трофея своей доблести, другие следуют его примеру, и вскоре становится стыдно тому дикарю, у которого нет ни раскраски, ни пояса, ни ожерелья из медвежьих когтей. Итак, следуют выравнивания головы, пирсинг в носу, подрезание губ, а позже - шиньоны, подкладки для груди и бустлы. Некоторые говорят, что ревность побудила первых бенедиктов скрывать прелести своих жен от соперниц, и так возникла женская одежда, которая, поскольку она столь характерна для всех аборигенов, обычно рассматривается как результат врожденной скромности. Но что бы ни дало нам одежду, одежда многое дала человеческому прогрессу. Под одеждой скрывались скромность и утонченность, подобные учтивости, которые рыцарство бросало поверх феодализма, прикрывая грубую жестокость баронов и прокладывая путь к настоящей вежливости.

Искусственные ужимки моды породили многие естественные жизненные любезности, хотя и здесь мы сразу возвращаемся к началу дела. Из эпох суеверий и деспотизма пришли

выражения повседневной вежливости. Таким образом, мы имеем *sir*, от *sieur, sir, сеньор*, что означает правителя, короля, лорда и исконного отца. Итак, мадам, *ma dame*, миледи, раньше это относилось только к знатым женщинам. Вместо того чтобы бросаться на землю, как перед богом или князем, мы лишь частично падаем ниц в поклоне, а шляпу, которой мы прикасаемся к знакомому, мы снимаем при входе в церковь в знак нашего смирения. Опять же, пленник на войне делается рабом и как таковой обязан оказывать почтение своему хозяину, и эти формы подобострастия копируются людьми при обращении к своим начальникам и, в конце концов, становятся общепринятым обычаем обычного общения. Наши ежедневные приветствия - всего лишь видоизмененные акты поклонения, а наше прощальное слово - благословение; и мы отворачиваемся от крови, томагавков и бессмысленных суеверий и обнаруживаем, что весь мир человечества, с его все еще сильными страстями и утонченными вожделениями, сдерживается силой, о которой его жертвы почти полностью не подозревают, — и эта сила - Мода. В трибуналах правосудия, в судебном и лагерном этикете - везде эти пережитки варварства остаются с нами. Даже мы, приверженцы современного американского республиканизма, возносим одного из наших собратьев на пост главы федерации или штата и называем его Превосходительством; мы сажаем человека на скамью подсудимых и *защищаем* перед ним наше дело; мы посылаем бездельника в законодательный орган и сразу же называем его Достопочтенным, - такая божественность защищает всякое подобие власти.

Самоотречение и воздержание лежат в основе этикета и хороших манер. Если вы хотите быть нравственным, говорит Кант, вы должны "всегда действовать так, чтобы непосредственный мотив вашей воли мог стать универсальным правилом для всех разумных существ", а Гете учит, что "нет внешнего признака вежливости, который не покоился бы на глубоком моральном основании".

Прекрасные манеры, хотя и являются оболочкой личности, для общества являются лучшими поступками лучших людей, воплощенными в моду; не только лучшая вещь, но и лучший способ делать лучшие вещи. Хорошее общество является или должно быть обществом добра; но мода - это больше, чем хорошее общество или добрые поступки; это больше, чем богатство, или красота, или гениальность, и она настолько произвольна в своем влиянии, что нередко форма поглощает суть, и нарушение приличий становится смертным грехом.

Таким образом, мы видим на каждой фазе развития результат социальной эволюции; мы видим, как люди приходят и уходят, получая свою закваску от общества, в которое они попали по своей судьбе, только для того, чтобы выбросить ее обратно в общий фонд, пронизанный их собственной долей силы. Между тем, эта совокупность человеческого опыта, это смешение эпох с эпохами, одно поколение нагромождает знания на другое; это зарождение знания знанием, семя такое бесконечно малое, дерево, которое сейчас так быстро пускает свои ветви, - куда оно стремится? Если проследить линию прогресса от начала до конца, то объем наших знаний кажется почти полным; решая этот вопрос, опыт убеждает нас, что по сравнению с теми, кто придет после нас, мы самые настоящие варвары. Конца еще нет; человечество не перестанет совершенствоваться до тех пор, пока не будет охвачена бесконечность и вечность не подойдет к концу.

Из этого нагромождения бесконечных взаимосвязей постоянно развиваются согласующие и антагонистические законы. Подобно всем другим прогрессивным явлениям, они не зависят от человека; они самосозидательны и воздействуют на разум век за веком, медленно, но

верно, по мере того, как интеллект способен их воспринимать; законы без закона, законы сами по себе, постепенно проступающие, как из-за тумана вечности. Поначалу кажется, что человек и его вселенная регулируются произвольными волевыми установками, множеством индивидуальных умов; каждый управляет абсолютно своими собственными действиями; каждое явление природы есть всего лишь выражение какой-то единой воли. По мере того как эти явления одно за другим теряют свою таинственность, раскрывается не бог, а закон; времена года приходят и уходят, и никогда не прекращаются; солнечный свет сменяет дождь не потому, что умиротворенное божество улыбается, а потому, что упали дождевые тучи и солнце не может не светить. Таким образом, ближайшие события сначала делаются безбожными, затем все воинство божеств отбрасывается все дальше и дальше назад. Наконец, оказывается, что действия самого человека подчиняются законам. Предоставленный своей собственной воле, он желает делать подобные вещи в подобных условиях.

Что касается природы этих законов, тонкое действие которых мы видим проявляющимся на каждом этапе развития общества, я не могу даже говорить. Исследователя ожидает бесконечный океан явлений; океан бездонный, над поверхностью которого расстилается вечность прогресса, и под сверкающими волнами которого самый острый интеллект едва ли может надеяться проникнуть далеко. Вселенная человека и материи должна быть анатомирована; изучены функции бесчисленных и сложных органов; установлено действие и влияние каждой части на все другие части; события, наиболее причудливые из которых, по-видимому, объясняются естественными причинами; тогда, когда мы узнаем все, когда мы знаем так, как знает Бог, мы поймем, что это такое, эта Душа Прогресса.

ГЛАВА II.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ НАЦИИ.

Американская цивилизация шестнадцатого века—Ее исчезновение—Прошлое, новый элемент—Разделительная линия между дикими и цивилизованными племенами—Границы американской цивилизации—Физические особенности страны—Ветви культуры аборигенов майя и науа—Цивилизация науа—Ацтеки, ее представители—Пределы империи ацтеков—Древняя история Анахуака в общих чертах—Эпоха тольтеков—Эпоха чичимеков—Эпоха ацтеков—Распространение языка ацтеков—Цивилизованные народы за пределами Анахуака—Народы Центральной Америки—Культура майя—Первобытная империя майя—Науа Влияние на юге—Юкатан и майя—Народы Чьяпаса—Империя киче в Гватемале—науа в Никарагуа и Сальвадоре—Этимология названий.

В предыдущем томе у меня несколько раз была возможность заметить, что при описании диких племен Тихоокеанских штатов не делается попыток проследить за их быстрым упадком, не делается попыток проникнуть в их прошлое или предсказать возможное будущее, нет бесполезного заикливания на тех несчастьях, которые привели к их столь быстрому уничтожению. Для нас у диких народов Америки нет ни прошлого, ни будущего; только краткое настоящее, по которому мы, действительно, можем судить кое-что об их прошлом; в остальном иностранная алчность и вмешательство, европейское благочестие и алчность, селитра, сталь, оспа и сифилис быстро рассказывают историю. Еще более проворной должна быть рука, рисующая зарождающуюся цивилизацию мексиканского и центральноамериканского плоскогорья. Ибо, хотя здесь у нас больше прошлого, настоящего все еще меньше, и почти нет будущего. Те нации, которые достигли наивысшего положения благодаря своему богатству и культуре, первыми пали перед захватчиками, их высшие достижения служили более ярким ориентиром для хищного врага; и, пав, они были быстрее всех потеряны - поглощены расой-завоевателем или исчезли в окружающей тьме. Хотя дикие нации были быстро уничтожены, следы дикости сохранились и все еще сохраняются; но высшая американская культура, растение более нежного роста и более чувствительной натуры, увяла при первом грубом прикосновении иностранного вмешательства. Вместо того, чтобы быть предоставленным своему собственному интуитивному развитию или вместо того, чтобы быть поддержанным пришельцами, которые могли бы возвысить свою собственную культуру, смешав культуру как своей, так и покоренной расы, дух прогресса был эффективно подавлен с обеих сторон фанатичными попытками силой заменить чужеродные вероучения и порядки на те, которые имеют местное происхождение и развитие. И теперь смотрите на них обоих, потомков завоевателей и побежденных, один едва ли менее обезличен, чем другой, проклятие, наложенное захватчиками на процветающую империю, возвращается и ложится сокрушительным грузом на их собственную голову. Всего четыре столетия назад империя Карла Пятого и империя Монтесумы Второго были совершенно внезапно поставлены силой прогресса лицом к лицу;

одна тогда была самой грандиозной и могущественной в старом свете, а другая - в новом. С тех пор свирепый фанатизм, охвативший империю Нового Света, давил, как инкуб, на доминирующую расу и крепко удерживал ее, в то время как весь мир вокруг делал самые быстрые шаги вперед.

ПРОШЛОЕ - НОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ.

Сегодня в Америке не существует местной цивилизации, однако влияние прежней культуры не полностью отсутствует. Потомок ацтеков, майя и киче все еще обладает более высоким умом и надменным духом, чем его кочующий брат, который не может похвастаться ничем, кроме дикарского происхождения. Тем не менее, столь полной была замена иностранных гражданских и церковных порядков и столь далеко зашедшее их влияние на характер и поведение коренных жителей; столь тесная связь в течение трех и более столетий с испанским элементом; столь тщательно охранялись от посторонних взглядов все проявления немногих уцелевших искр образа мыслей аборигенов, что изучение условий жизни коренных жителей в наше время само по себе дает мало удовлетворительных результатов. Однако этим исследованием, как частью исследования их первоначального или нормального состояния, ни в коем случае нельзя пренебрегать, поскольку оно может предоставить иллюстративный материал немалой ценности.

За всем этим кроется еще один элемент, который придает нашему объекту еще более грандиозные пропорции. По южным плато разбросаны груды архитектурных остатков и монументальных свай. Более того, местные традиции, как передаваемые устно, так и иероглифически записанные с помощью разборчивых рисунков, дают нам достаточно четкое представление о цивилизованных нациях в период нескольких столетий, предшествовавших испанскому завоеванию, вместе с мимолетными взглядами, через кратковременные просветы в мифологических облаках, в исторические эпохи, гораздо более отдаленные. Здесь мы имеем в качестве вспомогательных средств для этого анализа — вспомогательных средств, почти полностью отсутствующих у так называемых диких племен, - предметы старины, традиции, историю, уводящие изучающего далеко назад, в таинственное прошлое Нового Света; и, следовательно, из-за своего одновременного раскрытия и затмения американская цивилизация в противном случае предложила бы более ограниченное поле для исследования, чем американская дикость, но благодаря введению этого нового элемента поле широко расширяется.

Мы даже еще не достигли пределов наших ресурсов для исследования этой Новой мировой цивилизации. В этих памятниках архитектуры и литературы, мифологии и традиции есть четкие указания на более древний и высокий тип культуры, чем тот, о котором сразу узнали захватчики; тип, который временно пришел в упадок, возможно, под влиянием длительных и кровопролитных конфликтов, гражданских и внешних, благодаря которым более воинственные, а не более высококультурные нации получили известность и могущество. Но эта древняя и превосходная цивилизация, опирающаяся в основном на смутную традицию и сохранившаяся, насколько нам известно, скорее в общих намеках, чем в деталях, может, подобно условиям жизни туземцев после завоевания, быть использована здесь с наибольшей пользой для иллюстрации более поздней и более известной, хотя и несколько уступающей цивилизации шестнадцатого века, описанной завоевателем, миссионером и испанским историком.

Сохранившиеся для нашего изучения старинные произведения местного мастерства также могут быть в значительной степени использованы для иллюстрации более современного искусства, произведения которого исчезли. Эти реликвии прошлого также представляют высочайшую ценность, поскольку подтверждают правдивость сообщений испанских писателей, очень многие или, возможно, большинство из утверждений которых относительно удивительных явлений Нового Света, без этого неопровержимого материального доказательства мало кто поверил бы среди скептически настроенных исследователей наших дней. Однако эти остатки древности, полностью описанные в другом томе этой работы, могут быть упомянуты в очень общих чертах для настоящих целей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

О цивилизации в целом, природе ее явлений, причинах и процессах, благодаря которым она эволюционировала от дикости, я достаточно говорил в предыдущей главе. Что касается многих теорий, касающихся, в частности, американской цивилизации, ее происхождения и роста, то в мои намерения не входит обсуждать их в этом томе. Никакая теория по этим вопросам не может иметь какой-либо практической ценности для разъяснения предмета, кроме той, которая должна выделяться среди остальных настолько превосходно обоснованной, чтобы быть общепринятой среди ученых, и ни одна из всего множества предложенных не приобрела такого превосходства. Полное изложение всех теорий по этому вопросу с основами, которые их поддерживают, приведено в другом месте в связи с древней традиционной историей коренных народов. Нелишне, однако, отметить, что отсутствие у нас определенных знаний о происхождении этой цивилизации практически не так важно, как может показаться на первый взгляд. Правда, мы не знаем наверняка, является ли он местным или экзотическим; и если первое, то следует ли относить его колыбель к северу или югу, к одной местности или ко многим; или если второе, то осуществлялся ли контакт со старым светом в одной или многих точках, в один момент или в разные эпохи, через посредство мигрирующих народов или благодаря появлению отдельных цивилизаторов и учителей. И все же тенденция современных исследований состоит в том, чтобы доказать великую древность американской цивилизации, а также американского народа; и если и то, и другое было заимствовано из иностранного источника, то это было во времена, вероятно, столь отдаленные, что предшествовало любой культуре старого света, существующей в настоящее время, и не позволяло пролить какой-либо свет на потомство путем изучения родительского фонда; в то время как если это коренные народы, то мало надежды рационально проследить за их развитием через политические конвульсии далекого прошлого вплоть даже до традиционно исторической эпохи.

Тогда я могу отказаться от теорий происхождения и деталей прошлой истории, поскольку они скорее сбивают с толку, чем помогают моей нынешней цели, и полностью рассматриваются в другом месте этой работы. При таком рассмотрении цивилизованных рас от меня также не требуется проводить точное разделение между ними и их более дикими соседями, определять точный стандарт, по которому следует измерять дикость и цивилизацию, или оправдывать использование слова "цивилизованный" применительно к американским нациям вместо слова "полуцивилизованный", предпочитаемого многими авторами. Мы видели, что цивилизация - это в лучшем случае лишь сравнительный термин, применяемый к некоторым из постоянно меняющихся фаз человеческого прогресса. У многих из уже описанных диких племен наблюдались некоторые из его характеристик, и

среди тех, кого я продолжаю называть цивилизованными нациями, не будет недостатка в противоположных элементах дикости. Между Анахуаком и Никарагуа нет ни одного дикого народа, на институты которого не повлияли бы отношения, военные, социальные или торговые, с соседями более высокой культуры, и который, в свою очередь, не оказал бы рефлекторного влияния на последних. Трудность проведения разделительных линий между нациями, которые таким образом взаимно воздействуют друг на друга, еще больше возрастает в Америке из-за того факта, что две или три нации составляют центральную фигуру почти всего, что было замечено или написано теми немногими, кто действительно контактировал с местными жителями. Таким образом, в этом томе речь пойдет скорее о местной цивилизации, чем о нациях, которые ею обладали.

Хотя, однако, подробности по всем упомянутым пунктам, за пределами фактических институтов, существовавших в шестнадцатом веке, скорее привели бы к путанице, чем к ясности, к тому же во многих случаях привели бы к бесконечным повторениям, все же общее представление обо всем предмете, о количестве, масштабах, местоположении и взаимных отношениях народов, населявших центральные части континента на момент его открытия, а также об их отношениях с народами более близкого прошлого, представляется необходимым для внимательного прочтения следующих страниц. Придерживаясь этого общего взгляда, я буду избегать любого обсуждения спорных вопросов, прибегая к аргументам и деталям для будущих томов по древностям и истории аборигенов.

ДОМ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Та часть того, что мы называем Тихоокеанскими штатами, которая была домом американской цивилизации в исторические или традиционно исторические времена, простирается вдоль континента с северо-запада на юго-восток, между 22° и 11° широты. На атлантической стороне территория простирается от Тамаулипаса до Гондураса, на Тихоокеанской - от Колимы до Никарагуа. Не то чтобы это были определенно очерченные границы, но за пределами этих пределов, игнорируя культуру пуэбло Новой Мексики, эта цивилизация мало что оставила европейцам для наблюдения, в то время как внутри них жило несколько племен, на которые контакт с ней не повлиял и не улучшил их. Пожалуй, ни одна часть земного шара не охватывает в равных широтных пределах столь большое разнообразие климата, почвы и растительности; разнообразие, важное влияние которого на местное развитие можно до некоторой степени понять и которое, несомненно, удовлетворительно объясняло бы большинство осложнений прогрессивных явлений, наблюдаемых на данной территории, если бы связь между окружающей средой и прогрессом была полностью в пределах досягаемости наших знаний. Все градации от жаркого до умеренного климата здесь наблюдаются в регионе, который полностью находится в пределах северного тропика, при этом колебания высот заменяют все эффекты, обусловленные только широтой, и вызывают их в других местах. Эти вариации обусловлены топографией страны, определяемой формой, придаваемой континенту центральными кордильерами. Сьерра-Мадре входит в эту территорию с севера двумя основными хребтами, один из которых тянется вдоль побережья Тихого океана, в то время как другой, более высокий хребет, приближается к Атлантическому океану, и они снова соединяются, прежде чем достичь перешейка Теуантепек. Эта восточная ветвь между 18° 40' и 20° 30' выходит на плоскогорье площадью примерно семьдесят пять на двести миль с высотой от шести до

восьми тысяч футов над уровнем моря. Это широкое плато или серия плато известны как огненная земля Фриа, в то время как нижние долины с полосой окружающих их склонов на высоте от трех до пяти тысяч футов, включая большие участки западных земель Мичоакан, Герреро и Оахака, между двумя горными ответвлениями, составляют огненную землю темплада. С поверхности верхнего плоскогорья поднимаются сьерры и изолированные пики вулканического происхождения, самые высокие в Северной Америке, их вершины покрыты вечными снегами, которые укрывают, закаляют и защищают плодородные плато, лежащие у их подножия. В центре этого плоскогорья, окруженного стеной высоких вулканических утесов и вершин, расположено самое знаменитое из всех долинных плато, протяженностью более ста шестидесяти миль, - мексиканская долина Анахуак, что означает "страна у воды", получившая свое название от озер, которые раньше занимали десятую часть ее площади. Анахуак, расположенный на высоте 7500 футов, можно считать представителем огненной земли Фриа. Средняя температура здесь составляет 62 °, климат очень похож на климат южной Европы, хотя и более сухой, и к нему термин "холодный" может быть применен лишь сравнительно. Почва плодородна и продуктивна, хотя в настоящее время обычно представляет собой голую и иссушенную поверхность из-за чрезмерного испарения на возвышенных равнинах, открытых всей силе тропического солнца, поскольку ее естественный лесной покров был удален со времен испанского завоевания, главным образом, как полагают, искусственным путем. Дуб и сосна являются характерными чертами произрастания местных лесов, в то время как пшеница, ячмень и все европейские злаки и фрукты процветают бок о бок с плантациями местной кукурузы, магуэя и кактуса. С мая по октябрь каждого года, что почти соответствует жаркому сезону на побережье, часты дожди, но в остальные месяцы они случаются редко. Деревья сохраняют свою листву в течение десяти месяцев в году, и действительно, их увядание едва заметно. Южнее 18 °, по мере сужения континента, это восточное плоскогорье сжимается в собственно горный хребет, представляя собой череду более мелких террас, долин и сьерр вместо более широких плато региона около Анахуака. Простираясь на юго-восток к Тихому океану и соединяясь с западной Сьерра-Мадре, цепь пересекает перешеек Теуантепек на меньшей высоте только для того, чтобы снова подняться и расшириться в боковом направлении до высоких гватемальских хребтов, которые все еще тянутся на юго-восток до озера Никарагуа, где во второй раз происходит обрыв континентальных кордильер на южной границе рассматриваемой территории. От этой центральной кордильеры боковые подчиненные ответвления отходят под прямым углом на север и юг по направлению к обоим океанам. По мере продвижения на юг растительность становится более густой, а температура выше на равных высотах, но те же градации "фриа" и "темплада" сохраняются, переходя друг в друга на высоте от 5000 до 6000 футов. Характерными чертами Кордильер к югу от мексиканского плоскогорья являются высокие вулканические вершины, нижние основания которых покрыты густыми лесами, плодородные плато, ограниченные отвесными скалами, вертикальные трещины или овраги огромной глубины, прорванные в твердой породе вулканической активностью, и горные потоки, текущие в глубоких слоях порфира и образующие живописные озера в нижних долинах. Действительно, в Гватемале, где действуют более двадцати вулканов, все эти характерные черты, по-видимому, объединяются в своей высшей степени совершенства. Один из боковых хребтов простирается на северо-восток от континентальной цепи, образуя на сравнительно небольшом возвышении хребет полуострова Юкатан.

У основания центральных континентальных возвышенностей, на берегах обоих океанов, находится огненная земля - название, применяемое ко всему прибрежному региону с высотой менее 1500 футов, а также жителями многих внутренних долин с высокой температурой. Горы на тихоокеанской стороне поднимаются так круто, что западная знойная полоса, возможно, не превышает двадцати миль в среднем по всей своей длине и оказала сравнительно небольшое влияние на историю и развитие местных рас. Но на побережье Атлантического океана или Мексиканского залива находится широкая полоса ровных равнин и болот, а дальше вглубь страны начинается более постепенный подъем к внутренним высотам. Этот регион обладает всеми чертами экстремального тропического климата и растительности. На широте Вера-Крус встречаются бесплодные и песчаные участки; в других местах огненная земля кальенте покрыта самой густой тропической растительностью из деревьев, кустарников, лиан и цветов, образующих в их естественном состоянии почти непроходимую чащу. Какао, хлопок, какао-бобы, сахарный тростник, индиго, ваниль, бананы и различные пальмы занимают видное место среди флоры; в то время как фауна включает птиц с бесконечным разнообразием блестящего оперения, с мириадами мучительных и смертоносных насекомых и рептилий. Атмосфера смертельно опасна для всех, кроме местных жителей. Влажная почва, обогащенная гниющими растительными веществами, дышит чумой и малярией из каждой поры, за исключением зимних месяцев с непрекращающимися ветрами, которые дуют с октября по март. Южные районы Вера-Крус и Табаско, по преимуществу огненная земля, демонстрируют самое роскошное проявление расточительности природы. Аллювиальный слой сравнительно недавнего образования, этот регион пересекают Гоасакоалько, Альварадо, Усумасинта и другие благородные реки, которые берут начало в горах Гватемалы, Чьяпаса и Техуантепека. Берега рек поросли великолепными лесными деревьями, а обширные саваны дальше за ними разделены на естественные плантации ценных красящих пород, которые там в изобилии произрастают, сетью ответвлений ручьев и каналов, которые служат как для орошения, так и для транспортировки местных продуктов, играющих немаловажную роль в мировой торговле. Каждый год в период с июня по октябрь ожидаются наводнения, которые превращают всю систему лагун в обширное озеро. Выше по течению рек, в предгорьях Кордильер, раскинулись обширные леса из кедра, красного дерева, сапоте, Бразилия и других ценных пород дерева, а также разнообразных лекарственных растений и ароматических смол.

Весь Юкатан может быть включен в состав огненной земли из-за его температуры и высоты над уровнем моря, но его климат является одним из самых благоприятных для здоровья во всей тропической Америке. Весь север и запад полуострова покрыты ископаемыми раковинами, свидетельствующими о том, что в недалеком прошлом этот регион был покрыт морскими водами. Нет рек, которые не пересыхали бы зимой, но благодаря прекрасной системе небольших прудов и естественных колодцев страна снабжается водой, к тому же почва всегда влажная и поддерживает богатую и буйную растительность.

Несмотря на очевидные признаки сходства почти во всех проявлениях прогрессивного духа у аборигенов Америки, в искусстве, мысли и религии, есть много оснований и удобства для отнесения всей туземной цивилизации к двум ветвям, майя и науа, причем первая более древняя, а вторая - более поздняя и широко распространенная. Важно, однако, понимать природу и масштабы этого разделения, а также то, насколько его можно считать реальным и насколько идеальным. Из всех языков, на которых говорят эти народы, два названных являются наиболее распространенными и к тому же совершенно различными. В их традиционной истории, их материальных реликвиях и, прежде всего, в их методах записи событий с помощью иероглифов, а также в их нескольких меньших характеристиках, эти две группы демонстрируют так много и так ясно различающихся точек, резко выделяющихся на фоне их многочисленных сходств, что указывает либо на отдельную культуру с самого начала, либо, что более вероятно и для нас практически одно и то же, на прогресс разными путями в течение длительного времени до прихода европейцев. Очень многие нации, явно не относящиеся ни к одной из ветвей, обнаруживают явные следы обеих культур, и можно обоснованно предположить, что их состояние развилось в результате контакта и смешения родительских предков друг с другом и с соседними дикими племенами. Однако эта классификация может быть принята только в самом общем смысле, и то только для практического удобства в разъяснении предмета; поскольку есть несколько наций, которые следует причислить к нашим цивилизованным народам, которые, особенно в языковом отношении, не обнаруживают сходства ни с майя, ни с науа. Также не стоит придавать слишком большого значения названиям майя и науа, которыми я обозначаю эти параллельные цивилизации. Первое принято по той причине, что народ и язык майя обычно считаются одними из самых древних во всем регионе Центральной Америки, регионе, где некогда процветала цивилизация, оставившая такие замечательные останки в Паленке, Ушмале и Копане; последнее обозначение является более древним, чем ацтеки или тольтеки, оба вида которых входят в расу науа. Цивилизация на территории нынешней Мексиканской республики, к северу от Теуантепека, принадлежала ветви науа, как во время завоевания, так и на протяжении всего предшествующего исторического периода. К северу от Чьяпаса встречается очень мало следов майя, и они в основном лингвистические, появляясь у двух или трех народов, живущих вдоль берегов Мексиканского залива. В опубликованных работах на эту тему ацтеки являются представителями элемента науа; действительно, то, что известно об ацтеках, дало материал для девяти десятых всего, что было написано об американских цивилизованных нациях в целом. Истина заключается в том, что ацтеки были лишь самыми могущественными представителями лиги или конфедерации трех наций, которые в шестнадцатом веке из своих столиц в долине управляли центральной Мексикой. Более того, эта конфедерация возникла сравнительно недавно. Этими тремя народами были ацольхуа, ацтеки и тепанеки, и их соответствующие столицы, Тецкоко, Мексика и тлакопан (Такуба), были расположены недалеко друг от друга на берегах озера, где, за исключением Мексики, они до сих пор находятся в плачевном состоянии запустения. В пределах долины, в общих чертах, восточная часть принадлежала Тецкоко, южная и западная - Мексике, а ограниченная территория на северо-западе - Тлакопану. В то время, когда была образована конфедерация, а это было примерно за сто лет до прихода испанцев, Тецкоко была самой передовой и могущественной из союзниц, сохраняя свое превосходство почти до конца пятнадцатого века. Тлакопан намного уступал двум другим. Ее владения были невелики, и в соответствии с условиями договора, которые, по-видимому, всегда строго соблюдались, она получала лишь пятую часть добычи, добытой в результате успешной войны. Оставаясь в пределах границ своих соответствующих провинций, что касалось долины Мехико, эти три главные державы объединили свои силы, чтобы распространить свои завоевания за пределы долины во всех направлениях. Таким

образом, под предводительством линии воинственных королей Мексика расширила свои владения до берегов обоих океанов и сделала тамошние племена своими данниками. В этот период иностранных завоеваний короли ацтеков, более энергичные, амбициозные, воинственные и беспринципные, чем их союзники, приобрели решительный перевес в советах и владениях конфедерации; так что первоначально это было лишь небольшое племя, одно из многих, поселившихся в долине Анахуак, благодаря своей доблести и успехам в войне, сравнительно обширным владениям, великолепию своей столицы, единственного города аборигенов в Америке, восстановленного завоевателями в чем-либо подобном его первозданному великолепию, и особенно потому, что это были люди, пришедшие непосредственно в долину Анахуак. в отчаянной борьбе за завоевание ацтеки стали для европейцев и для всего современного мира представителями цивилизованных народов Америки. Следовательно, по наблюдениям тех, кто был лично знаком с этими людьми, различия между множеством различных народов Центральной Мексики практически отсутствуют, и все они описываются как ацтеки. Действительно, многие из малых народов одобряли эту ошибку, гордясь тем, что отождествляют себя с храбрыми и могущественными людьми, чьей доблести они были вынуждены уступить. Хотя такое положение вещей, несомненно, создает некоторую путаницу, поскольку не позволяет четко показать небольшие племенные различия, которые существовали, все же трудность несерьезна из-за того факта, что очень многие из этих народов, несомненно, были одной крови с ацтеками, и что все они черпали ту цивилизацию, которой обладали, из одного источника науа. Поэтому я могу продолжать говорить об ацтеках в их репрезентативном характере, включая непосредственно в этот термин все народы, постоянно подчинявшиеся трем правящим державам Анахуака, уделяя должное внимание указанию на те различия, которые, возможно, были замечены и зафиксированы.

АЦТЕКИ - ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАРОДА науа.

Установить границы империи ацтеков с какой-либо приблизительной точностью чрезвычайно сложно, как из-за противоречивых утверждений, так и потому, что границы постоянно менялись по мере того, как новые племена попадали под власть ацтеков или в результате успешного восстания сбросили мексиканское иго. Клавиджеро, за которым следует Прескотт, отдает империи территорию от 18° до 21° Атлантического океана и от 14° до 19° Тихого океана, исключительную, по мнению последнего автора, из владений Тецкоко и Тлакопана. Но эта территория, оцениваемая почти в два раза больше территории штата Калифорния, дает преувеличенное представление об Анахуаке, даже когда этот термин применяется к завоеванной территории всей конфедерации. Упомянутые пределы на самом деле являются крайними точками, достигнутыми армиями союзников в их успешных войнах, или, скорее, рейдах, в самые счастливые дни правления ацтеков. В пределах этих границ было несколько народов, которые никогда не были завоеваны, даже временно, оружием анахуака, как, например, тлашкальтеки, тараско и чьяпанеки. Многие народы, даже большинство из тех, чей дом находился далеко от центральных столиц, были просто вынуждены в различных случаях из-за присутствия армии завоевателей платить дань и присягать королям ацтеков, присягу, от которой они не замедлили отказаться, как только захватчики ушли. Таковы были народы северной Гватемалы и Соконуско, завоевание которых на самом деле было всего лишь успешным набегом за добычей и пленными; таковы народы Техуантепека, таковы мизтеки и сапотеки Оахаки, последние полностью восстановили свою независимость и изгнали ацтеков со своей земли перед приходом

испанцев. Другие народы были завоеваны только в годы, непосредственно предшествовавшие испанскому завоеванию; например, матлальтзинки к западу от Анахуака, а также уастеки и тотонаки Вера-Крус. Своими успешными набегами на эти последние народы ацтеки лишь предрешили свою собственную гибель, став заклятыми врагами прибрежных народов, услуги которых были бы наиболее эффективными в сопротивлении фатальному прогрессу кастильского оружия. Но другие племена, менее воинственные и могущественные или расположенные ближе к оплотам своих завоевателей, посредством частых военных экспедиций, предпринимаемых для подавления вспыхивающих восстаний, номинально подчинялись ацтекам в течение более или менее пятидесяти лет, предшествовавших приходу испанцев, выплачивая им ежегодную дань с определенной регулярностью. За пределами скалистых барьеров своей долины мексиканцы поддерживали свое превосходство только путем постоянной войны; и даже внутри долины их влияние было далеко не бесспорным, поскольку несколько племен, особенно чалкас на южном озере, поднимали открытое восстание всякий раз, когда имперские армии были заняты в других местах.

МАСШТАБЫ ИМПЕРИИ АЦТЕКОВ.

Тогда можно сказать, что собственно империя ацтеков, не ограничивающаяся ее первоначальным местонахождением в долине Мехико и не включающая в свои пределы все народы, которые в результате войны были вынуждены в то или иное время платить дань, простиралась от долины Мехико и ее непосредственных окрестностей до территорий, входящих в состав нынешних штатов Мексика (с его современными подразделениями Идальго и Морелос), Пуэбла, южного Вера-Круса и Герреро. Из всех народов, населявших эту территорию, большинство из них, как я уже говорил, были одной крови и говорили на одном языке со своими хозяевами, и все они по своему характеру и институтам в большей или меньшей степени обладали культурой науа. О многих многочисленных народах, населяющих обширную территорию, окружающую долину Мехико, ничего не известно, кроме их названий и сходства, близкого или отдаленного, с ацтеками. Для подробного ознакомления с их названиями и местностью читателя отсылают к племенным границам, следующим за главой о центрально-мексиканцах в первом томе этого труда. Поэтому следует понимать, что описание институтов ацтеков, содержащееся в этом томе, применимо ко всем народам империи, указанным выше, за исключением тех случаев, когда указано особое ограничение; кроме того, оно имеет общее применение к гораздо более широкому региону, фактически ко всей стране к северу от перешейка Теуантепек.

НАУА В АНАХУАКЕ.

В этой связи, и прежде чем пытаться описать мексиканские нации за пределами империи, нации, более или менее независимые от влияния ацтеков, представляется необходимым взглянуть на древнюю историю Мексики, а также пролить свет на взаимоотношения народов Анахуака, чтобы частично объяснить широкий размах цивилизации науа и ацтекского идиома. Древняя история о том, как тольтеки в шестом веке появились на мексиканском плоскогорье, как они были изгнаны и рассеяны в одиннадцатом веке, как через короткий промежуток времени по их стопам последовали чичимеки и как на смену

последним пришли ацтеки, которые оказались во владении, — последние два и, вероятно, первый, мигрировавшие огромными ордами с дальнего северо-запада, — все это достаточно знакомо читателям мексиканской истории и, более того, полностью изложено в пятом томе этого труда. Вероятно, однако, что этот отчет, в определенной степени точный, был истолкован многими авторами слишком буквально; поскольку некогда популярная теория массовых национальных миграций американских народов в исторические периоды, и особенно таких миграций с северо-запада, теперь может рассматриваться как практически необоснованная. Шестой век - самый отдаленный период, к которому нас относят в анналах Анахуака предания, достаточно определенные, чтобы их можно было рассматривать в каком-либо собственном смысле как исторические записи. В этот период мы находим цивилизацию науа и институты, установленные на плоскогорье, населенном тогда, как и во все последующие времена, многими племенами, более или менее отличными друг от друга. И там эта культура оставалась без примеси по существу чуждых элементов вплоть до шестнадцатого века; там проявились последовательные фазы ее развития, и там дух прогресса продолжал бродить в течение десяти столетий, и это брожение составляет древнюю историю Мексики. В течение этих десяти столетий мы можем следить то определенно, то смутно за социальными, религиозными и политическими потрясениями, через которые были обречены пройти эти аборигены. Из небольших начинаний мы видим развитие могущественных политических сил, которые были опрокинуты и отброшены в неизвестность другими, конкурирующими развитиями. Религиозные секты, как мы видим, подобным образом сменяют друг друга, окрашивая свой прогресс частыми преследованиями и реформациями, что вполне достойно средневекового фанатизма старого света, поскольку приверженцы конкурирующих божеств формируют народные суеверия в соответствии со своими верованиями. Войны, долгие и кровопролитные, ведутся ради грабежа, за территорию и за души; то для подавления восстания князя-данника, то для отражения вторжения внешних орд варваров. Лидеры, политические и религиозные, приходящие к власти вместе со своей нацией, фракцией, городом или сектой, после своего падения оказываются в изгнании и, таким образом, вынуждены искать счастья и распространять свою культуру среди отдаленных племен. Внешние группы, более или менее варварские, но храбрые и могущественные, приходят, чтобы поселиться в Анахуаке и получить, вольно или невольно, плоды его искусства и науки.

У меня нет склонности чрезмерно превозносить цивилизацию Нового Света или недооценивать культуру старого света, но в течение этих десяти столетий почти всеобщего средневекового мрака разница между двумя цивилизациями была меньше, чем большинство людей себе представляют. По обе стороны Темного Моря человечество барахталось в одурманенном невежестве; соответствующие качества этого невежества вряд ли стоит анализировать. История всех этих сложных изменений, насколько ее можно проследить, естественным образом разделяется на три хронологических периода, соответствующих так называемым империям тольтеков, чичимеков и ацтеков. До шестого века, несомненно, были и другие периоды величия науа, поскольку имеется мало свидетельств, указывающих на то, что это было первое появление в Мексике этого прогрессивного народа, но за предыдущими событиями нельзя точно проследить, хотя они и дают случайные проблески, которые дают интересный материал для размышлений антикваров.

Итак, в начале исторических времен мы обнаруживаем, что толтеки владеют Анахуаком и окружающей местностью. Хотя цивилизация была старой, название было новым, вероятно, происходящим, хотя и не всеми воспринимаемым, от Толлана, столицы империи, но

впоследствии ставшим синонимом всего превосходного в искусстве и высокой культуре. Традиция приписывает толтекам более высокую цивилизацию, чем та, что была обнаружена среди ацтеков, которые выродились с ростом воинственного духа, и особенно из-за введения более жестоких и кровавых религиозных обрядов. Но это превосходство, в некоторых отношениях не такое уж невероятное, не опирается на веские доказательства, поскольку этот народ не оставил никаких следов того художественного мастерства, которое принесло ему столь великую традиционную славу; однако есть много оснований приписывать строительство пирамид в Теотиуакане и Чолуле толтекам или еще более раннему периоду. Однако среди цивилизованных народов шестнадцатого века и среди их потомков вплоть до наших дней почти каждая древняя реликвия архитектуры или скульптуры приписывается тольтекам, от которых все они утверждают, что происходят. Фактически, в более поздние времена термин "толтеки" стал синонимом всего, что было чудесного или таинственного в прошлом; и эффект этой универсальной ссылки всех традиционных событий на толтекский источник был настолько запутанным, что, хотя мы не можем сомневаться в реальном существовании этой великой империи, детали ее истории, в которые так много входит сверхъестественного, следует рассматривать как в значительной степени мифические.

ИМПЕРИЯ ТОЛЬТЕКОВ.

Нет данных для точного определения границ владений толтеков, особенно на юге. Однако очень мало свидетельств того, что она была более обширной в этом направлении, чем у ацтеков в более поздние времена, хотя, по-видимому, она простиралась несколько дальше на север. На западе есть некоторые свидетельства того, что она включала территорию Мичоакана, так и не покоренную ацтеками; и, вероятно, простиралась на восток до Атлантики, включая территорию тотонаков Вера-Крус. Из племен или наций, составлявших империю, ни одно не может быть однозначно идентифицировано по названию с каким-либо из более поздних народов, обитавших в Анахуаке, хотя не может быть никаких сомнений в том, что некоторые из последних произошли непосредственно от тольтеков и современных племен; и действительно, есть много оснований полагать, что полуварварские отоми из Анахуака и несколько народов за пределами долины могут датировать свою племенную историю периодом, даже предшествующим эпохе тольтеков. В период наибольшего расцвета своей традиционной пятилетней продолжительности империя тольтеков находилась под властью конфедерации, в некоторых отношениях аналогичной более позднему союзу между Мексикой, Тецкоко и Тлакопаном. Столицами были Кулхуакан, Отомпан и Толлан, два первых по территории в какой-то степени соответствовали Мексике и Тецкоко, в то время как последний находился сразу за пределами долины на северо-западе. Каждая из этих столиц, в свою очередь, стала ведущей державой конфедерации. Толлан достиг высочайшего уровня культуры, великолепия и славы, и Кулхуакан был единственным из трех, кто по имени пережил кровавые потрясения, в результате которых империя в конце концов была свергнута, и сохранил что-то от ее бывшего величия.

Длительные гражданские войны, возникающие главным образом из-за разногласий между соперничающими религиозными группировками, естественно приводящие к эпидемиям и голоду, которые в летописях аборигенов приписываются прямому вмешательству разгневанных божеств, постепенно подрывают императорские троны. Города и нации, ранее находившиеся в подчинении или омраченные великолепием и мощью Толлана, пользуются ее гражданскими неурядицами, чтобы расширить свои соответствующие владения и установить независимые державы. Отдаленные племена, более или менее варварские, но сильные и воинственные, приходят и обосновываются в желанных местах в пределах империи, правители которой теперь бессильны отразить вторжение. Таким образом, короли Толлана, Кулхуакана и Отомпана теряют год за годом свой престиж и, наконец, в середине одиннадцатого века полностью свергаются, оставляя мексиканское плоскогорье под властью новых комбинаций растущих держав. Так заканчивается тольтекский период древней истории Анахуака.

Популярное повествование описывает, как все население тольтеков или та его часть, которую пощадили войны, эпидемии и голод, массово мигрировали на юг, оставив Анахуак пустынным и безлюдным почти на полвека, чтобы быть заново заселенными племенами, которые хлынули с северо-запада, когда узнали, что эта прекрасная земля была так странно покинута. Этот рассказ, как и все другие национальные повествования о миграции, относящиеся к американцам, не имеет под собой никаких фактических оснований.

Королевские семьи и религиозные лидеры тольтеков, несомненно, были отправлены в вечное изгнание, и их сопровождали те представители знати, которые предпочли, вместо того чтобы довольствоваться подчиненным положением дома, попытать счастья в новых землях, некоторые из которых, возможно, входили в состав южных частей империи, о которых так мало известно. То, что в населении плоскогорья произошли какие-либо существенные или немедленные изменения помимо вторжения нескольких племен, в высшей степени маловероятно. Изгнанные принцы и священники, как я уже говорил, отправились на юг, где, несомненно, сыграли важную роль в последующей истории народов майя-киче Центральной Америки, истории, описанной менее полно, чем история Анахуака. То, что эти изгнанники были основателями центральноамериканской цивилизации, популярное убеждение, поддерживаемое многими авторами, я не могу не рассматривать как еще одну фазу упомянутой выше тенденции приписывать все неопределенное и плохо понятое великим и замечательным толтекам; я также не верю, что имеющиеся свидетельства подтверждают такую гипотезу. Если первопроходцы цивилизации юга, строители Паленке, Копана и других городов более древнего типа, были пропитаны культурой науа или находились под ее влиянием, что не является невероятным, это определено была не та культура, которая была перенесена на юг в XI веке, а ее развитие или фаза, задолго до того, что получило название тольтекского на мексиканских плато. С разрушением империи термин "толтеки" применительно к существующему народу исчез. Это исчезновение названия, в то время как институты нации продолжали процветать, может указывать на то, что обозначение народа — или, возможно, правящей семьи — Толлана не применялось одновременно ко всей империи, и что в традициях и записях более поздних времен оно случайно приобрело фиктивное значение. Из тольтекских городов Кулхуакан, расположенный на границе с озером, при новых политических раскладах отчасти вернул себе былую известность; название Кулхуас, применяемое к его жителям, кажется гораздо более древним, чем у тольтеков, и действительно, мексиканскую цивилизацию в целом, возможно, с таким же успехом можно было бы назвать Кулхуа, как и науа.

Новая эра, пришедшая на смену правлению тольтеков, - это эра империи чичимеков, которая просуществовала с некоторыми вариациями вплоть до прихода Кортеса. Обычная версия ранних летописей гласит, что чичимеки, дикое племя, жившее далеко на северо-западе, узнав, что плодородные районы Центральной Мексики были покинуты тольтеками, пришли огромными ордами, чтобы оккупировать эти земли. За ними с небольшими интервалами пришли многочисленные другие племена, которые были любезно приняты и получили земли для поселения, и более могущественные из вновь прибывших в союзе с первоначальными поселенцами-чичимеками образовали так называемую империю. Теперь, хотя это занятие центральных плоскогорий последовательными миграциями чужеземных племен не может быть принято трезвым историком, и хотя мы должны заключить, что очень многие из так называемых новоприбывших были племенами, населявшими страну в период тольтеков, - их имена теперь становятся заметными по мере их возрастающего значения и могущества, - все же вполне вероятно, что некоторые новые племена, достаточно могущественные, чтобы оказывать большое, если не контролирующее влияние на создание новой империи, действительно в это время пришли в Анахуак из непосредственно граничащих регионов и сыграли заметную роль в связи с ростом численности населения. народы внутри долины, участвовавшие в свержении королей Толлана. Эти пришедшие народы, вступив в союз с исконными жителями, вдохнули новую жизнь и энергию в изношенные монархии, придав силу, с помощью которой новые державы были построены на руинах старых, и, с другой стороны, получили преимущества более совершенной культуры науа.

Если один и самый могущественный из этих новых народов, как утверждают летописи, назывался чичимеками, то о его расе или языке вообще ничего не известно. Чичимеки, их самобытность, их идиома и их институты, если таковые вообще существовали, даже их название как национальное было объединено с именами народов науа, которые сопровождали их или последовали за ними, и там были утрачены. Легкость и быстрота, с которой, как представляется, произошло это племенное слияние языка и культуры, указывает, по крайней мере, на то, что чичимеки, если и были отдельным племенем, принадлежали к той же расе и языку, что и тольтеки; но как бы то ни было, следует признать, что, хотя они и не могли быть дикими пещерными варварами, изображаемыми некоторыми историками, они не привнесли в Анахуак никакого нового элемента цивилизации.

Имя чичимек во времена испанского завоевания и впоследствии использовалось в двух значениях: во-первых, применительно к линии королей, правивших в Тецкоко, и, во-вторых, ко всем племенам диких охотников, особенно в обширных и малоизвестных регионах севера. Традиционно или исторически это название применялось почти ко всем народам, упомянутым в древней истории Америки. Это вызвало величайшую путаницу среди авторов по этому вопросу, путаницу, которую, я полагаю, можно устранить только предположением, что имя чичимек, подобно имени тольтек, никогда не применялось в качестве племенного или национального обозначения, присущего какому-либо народу, пока такие люди жили. Представляется вероятным, что среди народов науа, населявших страну с VI по XI века,

несколько ведущих держав присвоили себе титул тольтеков, который поначалу носили жители Толлана, чье художественное совершенство вскоре сделало его почетным обозначением. К другим народам науа, которыми были окружены эти ведущие державы, чьи институты были идентичны, но чей лоск и элегантность манер эти самопровозглашенные автократы считали несколько низшими, был применен термин "чичимеки", варвары, этимологически "собаки". После потрясений, свергнувших Толлана и изменивших положение народов науа, "собаки", в свою очередь, напустили на себя вид превосходства и сохранили свое название "чичимеки" как почетный и благородный титул.

Названия племен, которые, согласно представлениям, вошли в Анахуак после чичимеков, но относительно порядка прихода которых среди авторов нет согласия, следующие: матлалътзинки, тепанеки, аколхуа, тео-чичимеки (тлашкальтеки), малинальки, чогультеки, хочимильки, чальки, уексоцинки, куитлауаки, куикатеки, мисквики, тлауики, коуишки и Ацтеки. Некоторые из них, как я уже говорил, возможно, проникли в долину непосредственно с севера. Кем они были, я не буду пытаться определить, но почти все они принадлежали к одной расе и языку, все жили в соответствии с установлениями науа, и их потомки были найдены живущими на плато ацтеков и около него в шестнадцатом веке, говорящими, за одним или двумя исключениями, на языке ацтеков.

В новую эру процветания, которая сейчас наступила в Анахуаке, Кулхуакан, где оставались даже некоторые остатки тольтекской знати, под покровительством чичимеков в значительной степени восстановил свое прежнее положение центра культуры и власти. Среди новых народов, название которых сейчас впервые появляется в истории, аколхуа и тепанеки вскоре заняли в долине видное политическое положение. Аколхуа были чичимеками по преимуществу, или, как гласит традиция, нация чичимеков была поглощена ими, отказавшись от своего названия, языка и институтов. Столицами, которые управляли судьбами Анахуака вплоть до пятнадцатого века, помимо Кулхуакана, были Тенайока, Ксальтокан, Коатличан, Тецкоко и Ацкапузалько. Поскольку этими столицами по большей части управляли ветви одной и той же королевской семьи чичимеков, та эпоха была эпохой гражданских интриг ради баланса сил и наследования трона, а не иностранных завоеваний. Во второй половине этого периода Тецкоко, столица аколхуа при собственно королях чичимеков, Аскапузалько, столица тепанеков, и Кулхуакан держали страну под своим контролем, иногда объединяясь, чтобы противостоять силам иностранных врагов, но чаще устраивая заговоры друг против друга, каждый в союзе со вторым против третьего, стремясь к всеобщему господству. Наконец, в результате этой серии политических маневров Кулхуакан был окончательно свергнут, а правитель чичимеков в Тецкоко был изгнан из своих владений воинственным вождем тепанеков, который, таким образом, на короткое время стал абсолютным хозяином Анахуака.

Но с упадком власти кулхуа в Кулхуакане другое из племен, которое привлекло внимание в долине после падения толтеков, постепенно завоевывало положение среди других народов. Этой растущей державой были ацтеки, народ, традиционно происходивший с крайнего северо-запада, чьи странствия описаны в рисунках, приведенных в другой части этого тома. Их миграция описана более определенно, чем миграция любого другого из множества тех, кто, как говорят, пришел с того же направления, и разные авторы рассматривали их как миграцию из Калифорнии, Нью-Мексико или Азии. Более поздние исследования показывают, что изображенные летописи задуманы просто как летопись странствий ацтеков по долине Мехико и ее окрестностям. Каким бы ни было их происхождение, из-за своего свирепого и воинственного характера и кровавых религиозных обрядов они с самого начала сделали себя вредителями Анахуака, а позже и его тиранами. В течение нескольких

столетий они не приобретали национального влияния, но часто были завоеваны, поработены и изгонялись с места на место, пока в начале четырнадцатого века не была основана Мексика, или Теночтитлан, и под руководством умелых воинственных королей они не начали свой путь процветания, равного которому нет в анналах коренных народов Америки. При падении Кулхуакана Мексика заняла следующее место после Тецкоко и Аскапусалько, и когда армии последнего одержали верх над первым, Мексика была самой могущественной из всех наций, которые взялись за оружие и двинулись вперед, чтобы смирить тепанекского тирана, вернуть монарха Аколхуа на его трон и восстановить Тецкоко на ее прежнем командном посту. Результатом стало полное поражение тепанеков, и слава Аскапусалько ушла навсегда.

ЭПОХА АЦТЕКОВ.

Так закончилась в начале пятнадцатого века империя чичимеков, — то есть номинально закончилась, поскольку собственно короли чичимеков ничего не утратили из своей власти, — и, благодаря созданию уже описанной конфедерации, была торжественно открыта империя ацтеков. При новом устройстве дел Мексика, с помощью которой главным образом был покорен Аскапусалько, получила ранг и власть, по меньшей мере равные Тецкоко, в то время как из политических соображений и для того, чтобы, насколько это возможно, заручиться доброй волей сильного, хотя и покоренного народа, Тлакопан, подчиненный ветви тепанеков, с менее обширными владениями, был принят в союз. Условия конфедерации, по-видимому, как я уже говорил, никогда открыто не нарушались; но в первые годы шестнадцатого века ацтеки не только возбудили ненависть самых могущественных народов за пределами Анахуака своими иностранными набегами, но и своим высокомерным властолюбивым духом сделали себя несносными у себя дома. Их стремление к верховной власти было очевидным, и как Тецкоко, так и независимая республика Тласкала начали дрожать от опасного прогресса своего могущественного соседа. Была неизбежна отчаянная борьба, в которой ацтеки, противостоявшие всей центральной Мексике, одержав победу, получили бы желанный приз в виде императорской власти или, сокрушенные, как до них были сокрушены тепанеки коалицией наций, уступили бы свое место в конфедерации какому-нибудь менее опасному сопернику. В этот момент появился Кортес. Этот прославленный вождь помог врагам Монтесумы одержать победу и, в свою очередь, наложил оковы европейского деспотизма на всех одинаково, за частичным исключением в пользу храброго Тлашкалы. Народы, образовавшие собственно империю ацтеков, по большей части были племенами, которые были названы возникшими или замеченными в Анахуаке в начале периода чичимеков, и имена большинства из них сохранились в названиях современных населенных пунктов. Рассматривая языки Тихоокеанских государств, можно увидеть, что ацтекский язык в чистом виде, с отчетливыми вербальными или грамматическими признаками и в названиях мест распространен на гораздо большей территории, чем можно предположить, что он когда-либо был подчинен анахуаку во время тольтекской, чичимекской или ацтекской фаз господства науа. Для объяснения этого у нас есть коммерческие связи ацтеков, чьи торговцы, как известно, продвинули свои торговые предприятия далеко за пределы регионов, подчиненных силе оружия; колонии, которые, как во времена тольтеков, так и во времена ацтеков, как можно разумно предположить, искали новые дома; изгнание знати и священников при падении империи тольтеков и другие вероятные миграции, добровольные и невольные, принцев и учителей; большие отряды ацтеков,

сопровождая испанцев в экспедициях, в результате которых континент был покорен; и, наконец, если все это верно, то можно предположить, что они искали новые дома. недостаточно известной истории и миграций народов науа в течение столетий, предшествовавших эпохе толтеков.

ТАРАСКО ИЗ МИЧОАКАНА.

Теперь я кратко остановлюсь на цивилизованных народах за пределами Анахуака и более или менее независимых от правления ацтеков, о чьих институтах и истории известно сравнительно мало или вообще ничего, за исключением того, что почерпнуто из ацтекских летописей, с некоторыми очень общими замечаниями об их положении, сделанными их испанскими завоевателями. К западу от Мексиканской долины находилось процветающее независимое королевство Мичоакан, находившееся во владении тарасков, столицей которых был Цинцунцан на озере Пацкуаро. Их страна, лежащая большей частью между реками Мехкала и Тололотлан, по высоте находится главным образом на огненной земле темплада и обладает всеми преимуществами тропического климата, почвы и растительности. Топографически он представляет собой поверхность волнистых равнин, пересеченных частыми горными цепями и характерными оврагами, и хорошо орошаемых множеством ручьев и красивых озер; отсюда и название Мичоакан, что означает "земля, изобилующая рыбой". Озерный регион Пацкуаро, резиденция королей Тараско, описывается как непревзойденный по живописной красоте, в то время как по разнообразию сельскохозяйственной продукции и добыче полезных ископаемых Мичоакану не было равных в нескольких штатах Новой Испании.

Если мы можем доверять общим утверждениям ранних авторов, которые сообщают нам лишь немного подробностей, то по своим институтам, манерам, богатству и могуществу тараско были, по крайней мере, полностью равны ацтекам, а по своему физическому развитию даже превосходили их. То, что они успешно сопротивлялись союзным армиям Анахуака и нанесли им поражение, является достаточным доказательством их военной доблести, хотя они почти без борьбы уступили испанцам после падения Мексики. Что касается их цивилизации, мы должны принять заявления об их превосходстве как, вероятно, правильное впечатление тех, кто первым вступил в контакт с этим народом, несмотря на это, я не нахожу никаких архитектурных или художественных реликвий высокой культуры на их территории. Все, что известно по этому вопросу, указывает на то, что их цивилизация принадлежала к типу науа, хотя язык полностью отличается от ацтекского, репрезентативного языка науа. История Мичоакана, за исключением самых смутных преданий, восходит не более чем к тринадцатому веку; тем не менее, как я уже говорил, есть некоторые основания предполагать, что он был частью империи тольтеков. Была даже выдвинута теория о том, что тараски, составлявшие часть этой империи, не были потревожены ее падением и, следовательно, были лучшими представителями древнейшей культуры науа. Их предполагаемое физическое превосходство могло бы способствовать этой точке зрения, но их особый язык, напротив, сделал бы ее маловероятной. Тщательное изучение всего, что известно об этом народе, убеждает меня в том, что они давно поселились на землях, где были найдены, но не оставляет в сознании никакого определенного представления об их более ранней истории. Их более поздние летописи состоят из рассказов, в основном о чудесах и сверхъестественном, о деяниях определенных полубогов или жрецов и о войнах, которые вели против вездесущих чичимеков. Ветви

великой и примитивной семьи отоми упоминаются как имеющие свои дома в горах, и существуют предания, что фрагменты ацтеков и других племен, которые последовали за чичимеками в Анахуак, задержались на пути их миграции и поселились в плодородных долинах Мичоакана. Между тараско и ацтеками, говорившими на языке, отличном от обоих, но более или менее близком к первому, были матлальтцинка, столица которых находилась в долине плато Толука, сразу за пределами Анахуака. Это было одно из племен, которые уже были названы традиционно пришедшими с северо-запада. Долгое время они сохраняли свою независимость, но в последней четверти пятнадцатого века были вынуждены уступить победоносному оружию Аксаякатля, короля-воина ацтеков.

Непосредственно ниже устья Мехкалы, на границе Тихого океана, находились земли куитлатеков, а также провинция или королевство Сакатоллан, столицей которого была современная Сакатула. Об этих двух народах абсолютно ничего не известно, за исключением того, что они были данниками империи ацтеков, последняя была присоединена к владениям Тецкоко в самые последние годы пятнадцатого века.

Провинции, простиравшиеся на юго-запад от Анахуака до океана, принадлежащие главным образом современному штату Герреро и включенные в то, что я описал как собственно империю ацтеков, были провинциями племени тлахуика, столицей которого была Куэрнавака, Кохуискаса, столицей в Акапулько, реки Йоппи на побережье к югу от Акапулько и провинции Масатлан дальше вглубь страны или на северо-восток. Название тлапанеки также довольно неопределенно применяется к народу, проживающему на части этой территории на юге, включая, вероятно, йоппи. Из упомянутых названий мы встречали названия тлауика и коуикска среди племен, недавно ставших известными в начале периода чичимеков. Вполне вероятно, что почти все они были более или менее тесно связаны по расе и языку со своими мексиканскими хозяевами, их политическое подчинение которым датируется примерно серединой пятнадцатого века.

МИЗТЕКИ И САПОТЕКИ.

Западный склон кордильер, расположенный еще дальше к юго-западу, включающий в общих чертах современный штат Оахака, находился под властью и в значительной степени населялся мизтеками и сапотеками, двумя могущественными нациями, отличающимися по языку от ацтеков и друг от друга. Западная Оахака, родина мизтеков, была разделена на Верхний и Нижний Мизтекапан, причем последний располагался ближе к побережью, а первый находился выше в горах и иногда назывался Коуаиштауакан. Сапотеки в восточной Оахаке, когда они впервые были определенно известны истории, распространили свою власть почти на все племена Техуантепека, помимо того, что несколько вторглись в границы мизтеков. Мизтеки, несмотря на иностранную помощь тлашкальтеков и других восточных врагов короля ацтеков, впервые были разбиты союзными войсками при Анахуаке около 1458 года; и с этой даты завоевателям удалось удерживать свои более сильные города и более командные позиции вплоть до завоевания, таким образом принуждая к уплате дани и контролируя торговлю южного побережья, которая была их главной целью. Спустя несколько лет Теуантепек и Соконуско уступили завоевателю Аксаякатлю, а Сапотекапан еще позже - его преемнику Ауицотлю; но в последние годы пятнадцатого века сапотеки вернули свою страну вместе с Теуантепеком, однако Соконуско навсегда остался во владении ацтеков. История двух народов уводит нас не дальше четырнадцатого века, когда

они впервые вступили в контакт с народами Анахуака; в ней рассказывается об их правителях и их доблестных деяниях в войнах, которые они вели друг против друга, против соседних племен и против мексиканцев. До этого времени у нас есть несколько преданий самого расплывчатого характера, сохраненных Бургоа, историком из Оахаки. Они изображают как мизтеков, так и сапотеков изначально дикими, но цивилизованными под влиянием учителей, священников или существ, обладающих сверхъестественными способностями, которые пришли к ним, одни с юга, а другие со стороны Анахуака. Их цивилизация, какой бы общепринятой она ни была, несомненно, принадлежала науа, о чем свидетельствует сходство их институтов, и особенно религиозных обрядов, с ацтекскими. Поскольку он относится к типу науа, его происхождение, конечно, относят к этому неисчерпаемому источнику, рассеянию толтеков, или к обращающим в свою веру учителям, посланным этим замечательным народом на юг. Действительно, королевские семьи мизтеков и сапотеков заявляли о своем прямом тольтекском происхождении. Однако весьма вероятно, что элемент науа здесь был, по крайней мере, введен одновременно с тем же элементом, известным как тольтеки в Анахуаке, а не привнесен в Оахаку миссионерами, вольными или невольными, из Толлана. Я уже отмечал, что присутствие институтов науа в различных регионах слишком часто приписывается изгнанникам-тольтекам и слишком редко - историческим событиям, предшествовавшим шестому веку. Регион побережья Оахакан, или огненная земля, если мы можем доверять результатам исследований аббата Брассера де Бурбура, иногда назывался Анахуак Айотлан, поскольку противоположное побережье Табаско называлось Анахуак Шик-Аланко. Оба этих Анахуака были населены предприимчивыми торговыми народами, чьи процветающие торговые центры располагались через короткие промежутки времени вдоль побережья. Материальные реликвии прошлого совершенства в архитектуре и других искусствах цивилизации изобилуют в Оахаке, главными из которых являются замечательные сооружения в Митле.

НАРОДЫ ТЕХУАНТЕПЕКА.

Хотя Теуантепек в более поздние времена аборигенов подчинялся королям Сапотекапана, все же в его пределах, помимо чонталес, — название, напоминающее по неопределенности применения название чичимеков дальше к северу, — были остатки двух старых народов, которые все еще сохраняли свою независимость. Это были мийе, жившие в основном охотой в горных твердых севера, и хуаве, владевшие небольшой территорией на побережье и островах в лагунах к востоку от города Теуантепек. Мийес, насколько смутные традиции страны что-либо говорят об их прошлом, когда-то были владельцами Сапотекапана и перешейка Теуантепек, предшествуя сапотекам и, возможно, культуре науа в этом регионе, будучи связанными, как полагают некоторые, институтами и, возможно, языком с элементом майя Центральной Америки. Хотя эта связь должна рассматриваться как несколько гипотетическая, мы, тем не менее, можем признать древность, цивилизацию и могущество этого храброго народа достоверными. Хуаве традиционно были выходцами с юга, они прибыли в Теуантепек морским путем из Никарагуа или откуда-то еще южнее. В мореплавании и торговле они были предприимчивы, как, впрочем, и все племена этого южнобережного анахуака, и постепенно отняли у мийес, во владении которых они оказались, значительную территорию, которую, как мы видели, они в конце концов были вынуждены уступить своим завоевателям-сапотекам.

Переходя теперь к берегам Атлантики или Мексиканского залива, мы не имеем от прошлого ничего, кроме путаных сведений об ольмеках, шик-аланках и нонохуаль-ка, которые, возможно, были разными народами или одним и тем же народом под разными именами в разные эпохи и которые когда-то населяли низменности Техуантепека и Вера-Крус, а также Табаско дальше на юг. Мы знаем, что во времена завоевания этот регион был густо населен народом, едва ли менее развитым, чем Анахуак, и усеян процветающими городами, занимающимися торговлей. Но ни в шестнадцатом, ни непосредственно предшествовавшем столетиях нельзя определенно назвать ни одну цивилизованную нацию, населявшую этот Анахуак-Шик-Аланко. Однако мы знаем, что эта страна к северу от реки Гоазакоалько входила в состав империи ацтеков и что ее жители говорили по большей части на языке ацтеков. Эти провинции, известные как Куэтлахтлан и Гоазакоалько, были завоеваны, главным образом с целью расширения торговли ацтеков, еще в середине пятнадцатого века, несмотря на помощь, оказанную армиями Тлашкалы.

ТЛАШКАЛЬТЕКИ.

Плато к востоку от Анахуака, иногда известное как Уицилапан, было найдено испанцами во владении независимых республик, или городов, Тлашкала, Уексоцинко и Чолула. Народом, населявшим эту часть плоскогорья, были тео-чичимеки, говорившие на том же языке и имевшие то же традиционное северо-западное происхождение, что и ацтеки, которым они предшествовали в Анахуаке. В конце XIII века они покинули долину Мехико и несколькими отрядами обосновались на восточном плато, где они успешно поддерживали свою независимость от всех иностранных держав. Как союзники короля чичимеков Тецкоко, они помогли свергнуть тепанекского тирана Ацкапузалько; но после последующего опасного развития амбиций ацтеков армии тлашкальтеков помогали почти всем попыткам других народов остановить продвижение мексиканцев к мировому господству. Их помощь, как мы видели, была бесполезна, за исключением окончательного успешного союза с войсками Кортеса; ибо, хотя в своих небольших владениях они были в безопасности от иностранного вторжения, их армии часто терпели поражения за границей. Тлашкала почти полностью сохранила свои первоначальные границы, и подробности ее истории от основания города, согласно трудам местного историка Камарго, известны более полно, чем сведения о большинстве других народов за пределами Анахуака. Этот автор, однако, излагает нам летописи своего собственного и окружающих народов только с точки зрения тлашкальтеков. До вторжения тео-чичимеков в Уицилапан Чолула уже приобрела большую известность как город тольтеков и как резиденция великого апостола науа Кецалькоатля, памятью об этой эпохе или предшествующей ей остается знаменитая пирамида. Однако за пределами Чолулы древняя история этого региона представляет собой всего лишь чистую страницу или ту, которая смутно заполнена рассказами о великанах, его первых предполагаемых обитателях, и о таинственных ольмеках, из некоторых сохранившихся фрагментов которых, как говорят, тлашкальтеки отвоевали свои новые дома. Эти ольмеки, по-видимому, были очень древним народом, который занимал весь восточный регион, гранича с ксикаланками на юге или смешиваясь с ними; или, скорее, название ольмеки, по-видимому, было обозначением фазы или эпохи цивилизации науа, предшествовавшей той, что известна как тольтеки. Невозможно точно определить, следует ли относить ксикаланку к элементу науа или майя, хотя, вероятно, к первому.

Прибрежный регион к востоку от Тлашкалы, составляющий северную половину штата Вера-Крус, был родиной тотонаков, столицей которых была знаменитая Семпоала, и которые были завоеваны ацтеками в конце пятнадцатого века. Вероятно, они были одним из древних дотолтекских народов, таких как отоми и ольмеки, и они утверждали, что в прежние времена населяли Анахуак и прилегающую территорию, где они воздвигли пирамиды солнца и луны в Теотиуакане. Их институты, когда европейцы впервые увидели их, по-видимому, были в основном науа, и многочисленные архитектурные остатки, найденные на территории тотонаков, например, в Папантле, Мисантле и Тусапане, не обнаруживают четко выраженных отличий от собственно ацтекских построек. Была ли эта культура науа той, которой они обладали изначально, или была привнесена в сравнительно поздний период под влиянием тео-чичимеков, с которыми они в значительной степени консолидировались, неясно. Язык тотонаков, однако, отличается от ацтекского и, как считается, имеет некоторое сходство с языком майя.

К северу от тотонаков на побережье Мексиканского залива, в нынешнем штате Тамаулипас, жили уастеки, о ранней истории которых вообще ничего не известно. Их язык родственен диалектам майя. Они были храбрым народом, на который мексиканцы смотрели как на полуварварство, но были побеждены и вынуждены платить дань королем Тецкоко в середине пятнадцатого века.

НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКИ.

Трудности, с которыми приходится сталкиваться при составлении в какой-либо степени удовлетворительного общего представления о северных народах, очень сильно увеличиваются теперь, когда я перехожу к рассмотрению центральноамериканских племен. Причин этой возросшей сложности множество. Я уже обратил внимание на выдающуюся роль ацтеков в большинстве из тех, что были зарегистрированы в американской цивилизации. Во время завоевания центральных частей континента, последовавшего за завоеванием Мексики, испанцы обнаружили развитую культуру, большие города, великолепные храмы, сложную систему религиозных и политических институтов; но все это уже встречалось раньше на севере, и, следовательно, простого упоминания в общих чертах об этих более поздних чудесах завоеватели сочли достаточным, которые были классом людей, не склонных проводить подробные наблюдения или сравнения относительно того, что казалось им несущественными деталями. Что касается священников, то их долгом явно было скорее разрушать, чем тщательно исследовать эти учреждения дьявола. И в годы, последовавшие за завоеванием, связь между туземцами и завоевателями была гораздо менее тесной, чем в Анахуаке. Эти народы во многих случаях сражались почти до полного уничтожения или после поражения отступали национальными осколками в неприступные крепости кордильер, сохраняя в течение нескольких поколений — некоторые из них навсегда — свою независимость и предоставляя испанцам мало возможностей познакомиться со своими местными институтами. На юге, как и в Анахуаке, местные писатели, после того как их язык был приспособлен к испанскому алфавиту, более или менее полно описали историю своей страны; но все такие труды, о существовании которых известно, находятся во владении одного или двух человек, и, за исключением "Пополь Вух", переведенного Хименесом, а также Брассером де Бурбургом, и рукописи майя Переса, их содержание публике известно лишь смутно из трудов их владельцев. Другая трудность в

отношении этих писаний заключается в том, что их зависимость от какого-либо оригинального авторитета, более надежного, чем устно передаваемые традиции, по меньшей мере сомнительна. Ключ к иероглифам, выгравированным на камнях Паленке и Копана и нарисованным на страницах очень немногих сохранившихся древних рукописей, в настоящее время практически утерян; то, что им обладали упомянутые авторы, хотя и не исключено, все еще далеко не доказано. Опять же, хронология, столь сложная и неопределенная в анналах Анахуака, здесь, из-за отсутствия разборчивых письменных источников, почти полностью отсутствует, так что во многих случаях абсолютно невозможно установить даже приблизительную дату исторических событий огромной важности. Попытки авторов приобщить некоторые из этих событий, без достаточных данных, к хронологии науа во многом еще больше усложнили дело.

Единственным автором, который попытался всесторонне рассмотреть тему центральноамериканской цивилизации и античности в целом, является аббат Брассер де Бурбур. Ученый аббат, однако, со всеми его исследованиями и несомненными знаниями предмета, а также с его хорошо известным энтузиазмом и тактом в области антикварной инженерии, с помощью которых он имеет обыкновение доводить трудности, кажущиеся непреодолимыми, до уровня, не создающего препятствий для его теоретических построений, был вынужден во многих моментах признать свою неспособность построить совершенное целое из столь скудных и противоречивых данных. В таком случае должна быть очевидна тщетность попыток составить здесь какой-либо очерк истории, который мог бы пролить свет на институты шестнадцатого века. Для целей этой главы я должен довольствоваться упоминанием цивилизованных наций, владевших страной, и кратким изложением таких выдающихся моментов их прошлого, которые кажутся достоверными и важными.

ДРЕВНЯЯ ИМПЕРИЯ МАЙЯ.

В густых лесах Чьяпаса, Гватемалы, Юкатана и Гондураса были обнаружены руины нескольких древних городов, которые по размерам и великолепию намного превосходят все, что можно увидеть на территории ацтеков, и подробное описание которых можно найти в четвертом томе этого труда. Большинство из этих городов были заброшены и более или менее неизвестны во время завоевания. На них нанесены иероглифические надписи, по-видимому, идентичные по характеру; в других отношениях они похожи друг на друга больше, чем на руины ацтеков - или даже на другие и, по-видимому, более поздние сооружения в Гватемале и Гондурасе. Все эти останки носят явные следы глубокой древности. Их существование и сходство, при отсутствии каких-либо доказательств обратного, указывало бы на оккупацию всей страны в какой-то отдаленный период народами, далеко развитыми в цивилизации и тесно связанными по манерам и обычаям, если не по крови и языку. Более того, традиции нескольких наиболее развитых стран указывают на широко распространенную цивилизацию, привнесенную многочисленным и могущественным народом Вотаном и Замной, которые или их преемники построили упомянутые города и основали великие союзные империи в Чьяпасе, Юкатане и Гватемале; и более того, традиция подтверждается универсальностью одной семьи языков или диалектов, на которых говорят цивилизованные нации и среди их потомков по сей день. Таким образом, я считаю достаточными основания для принятия этой центральноамериканской цивилизации прошлого как факта, отнесения ее не к вымершей

древней расе, а к прямым предкам народов, все еще населяющих страну вместе с испанцами, и применения к ней названия майя как языка, который имеет столь же веские основания считаться родным языком упомянутой языковой семьи. Как я уже говорил ранее, феномены цивилизации в Северной Америке могут быть с достаточной последовательностью объяснены трением и смешением культуры и народа майя с элементом науа на севере; хотя то, что либо одно из них, вследствие миграций на север, либо на юг, могло быть прародителем другого в традиционно историческом прошлом, я считаю крайне маловероятным. То, что эти два элемента были идентичны по своему происхождению и раннему развитию, ни в коем случае не является невозможным; все, что мы можем с уверенностью предположить, это то, что в исторические времена они практически отличались в своем действии.

Существуют также некоторые довольно смутные предания о первом появлении цивилизации науа в регионах Табаско и Чьяпас, о ее росте, постепенном установлении власти, соперничающей с властью народа, который я называю майя, и о борьбе, в результате которой науа были рассеяны в разных направлениях, главным образом на север, чтобы вновь появиться в истории несколько столетий спустя как тольтеки Анахуака. Хотя положительных свидетельств в пользу этой миграции с юга очень мало, следует признать, что южное происхождение культуры науа гораздо больше соответствует фактам и традиции, чем северо-западное происхождение, которое так долго неявно признавалось. Нет никаких данных, по которым можно было бы определить период существования первоначальной империи майя, ее падение или распад на соперничающие группировки в результате гражданских и иностранных войн. Города Юкатана, как ясно показал мистер Стивенс, многие из них были заселены потомками строителей вплоть до завоевания, и в них сохранились некоторые остатки деревянных изделий, которые все еще хорошо сохранились, хотя некоторые сооружения, по-видимому, построены на руинах других сооружений несколько иного типа. Напротив, в Паленке и Копане нет следов дерева или других скоропортящихся материалов, они были необитаемы и, вероятно, неизвестны в шестнадцатом веке. Утрата ключа к тому, что, должно быть, было развитой системой иероглифов, в то время как разговорный язык сохранился, также свидетельствует о глубокой древности, подтверждаемой тем фактом, что сооружения киче в Гватемале существенно отличались от сооружений более древней эпохи. Маловероятно, что империя майя в ее целостности просуществовала позже третьего или четвертого века, хотя ее города, возможно, были заселены гораздо позже, и я должен отнести эпоху ее наивысшего могущества к дате, предшествующей, а не следующей за христианской эрой. Рукопись майя фиксирует дату первого появления Тутуль Ксиус на Юкатане в 171 г. н.э. Поэтому аббат Брассер называет эту дату датой расселения науа, полагая, что, по-видимому, на очень слабом основании, Тутуль Ксиус является одним из фрагментов науа. С распадом этой империи на отдельные нации в неизвестную дату древняя история Центральной Америки в целом прекращается, и вплоть до периода, непосредственно предшествовавшего завоеванию, мы имеем лишь отдельные события, сохранившиеся в преданиях двух или трех народов.

НАРОДЫ МАЙЯ НА ЮКАТАНЕ.

Юкатан был заселен в шестнадцатом веке собственно майя, все они говорили на одном языке и жили практически в рамках одних и тех же институтов, религиозных и

политических. Главными подразделениями были кокомы, Тутул Ксиус, ицы и челы, которые, по-видимому, первоначально были обозначениями королевских или жреческих семей, а не собственно племенными названиями народов, над которыми они властвовали. Каждый из них имел свое происхождение - традиции иммигрирующих племен или учителей, которые прибыли в далеком прошлом в поисках нового дома, спасаясь от преследований или внедряя новые религиозные идеи на плодородных равнинах майя. Некоторые из этих незнакомых апостолов новых вероучений отождествляются авторами с миссионерами-толтеками или изгнанниками из Анахуака. Свидетельства в пользу этой идентичности в любом конкретном случае, конечно, неудовлетворительны, но то, что в некоторых случаях она была вполне обоснованной, является вероятным — торговые отношения, несомненно, привели к взаимному знакомству двух народов друг с другом, — и подтверждается присутствием имен правителей и священников науа и элементов науа в религии юкатека, то же самое замечание применимо ко всей Центральной Америке. Древняя история Юкатана - это рассказ о борьбе, союзах и последовательном господстве упомянутых группировок. Перечислять здесь, даже в общих чертах, эти последовательные изменения, столь туманно и путано описанные, было бы бесполезно, тем более что их институты, насколько можно знать, были лишь слегка затронуты политическими изменениями среди людей одной крови, языка и религии.

Кокомы традиционно были первоначальными правителями страны майя, а Тутуль Ксиус впервые стали известны во втором веке, ицы и челе появились гораздо позже. Считается, что одна из самых процветающих эпох в более поздней истории полуострова Юкатан последовала за появлением Кукулькана, таинственного незнакомца, тесно связанного в своих учениях, как и в этимологии своего имени, с тольтекским Кецалькоатлем. Он стал главой династии Кокоме в Майяпане и правил страной, как и его преемники после него, в союзе с Тутул Ксиус в Ушмале, ицами в Чичен-Ице и челесами в Изамале. Но позже Кокомы были свергнуты, а Майяпан разрушен революцией союзников. Теперь тутуль Ксиус стали ведущей силой, и это положение они удерживали до того времени, незадолго до завоевания, когда страна была разделена войной и гражданскими распрями на множество мелких владений, каждое из которых управлялось своим вождем и не зависело от остальных, все они были слабы и истощены по сравнению со своим прежним состоянием и неспособны объединенными усилиями противостоять наступлению испанских захватчиков, с которыми по отдельности они сражались наиболее храбро. Можно отметить три других сравнительно недавних события, имеющих определенное значение в истории Юкатека. Кокомы в борьбе, предшествовавшей их падению, призвали на помощь большие силы ксикаланкас, вероятно, народ науа, из прибрежного региона Табаскии, которым после их поражения завоеватели разрешили поселиться в стране. Сообщается, что успешный рейд неких иностранцев, которых по некоторым причинам приняли за киче из Гватемалы, был предпринят против майя, однако без существенных постоянных результатов. Наконец, часть ица мигрировала на юг и поселилась в районе озера Петен, основав свою столицу на острове в озере. Здесь они были найдены, могущественная и развитая нация, Эрнаном Кортесом в шестнадцатом веке, и следы их городов сохранились до сих пор, хотя следует отметить, что в том же регионе обнаружен другой, более древний класс руин, относящихся, возможно, ко времени, когда слава империи майя еще не полностью угасла.

Чьяпас, политически входивший в состав Мексиканской республики, но географически принадлежавший Центральной Америке, был оккупирован чьяпанеками, цендалесами и квеленами. Цендалы жили в районе Паленке и, предположительно, были прямыми потомками его строителей, их язык имел почти равные права с языком майя на то, чтобы считаться родным языком. Внутренние чьяпанеки были воинственным племенем и до прихода испанцев покорили другие народы, заставляя их платить дань и успешно сопротивляясь нападениям союзников-ацтеков. Они также очень древний народ, их относили даже к племенам, предшествовавшим созданию империи Вотана. Утверждения, касающиеся их истории, многочисленны и непримиримы; по некоторым преданиям, они пришли с юга; их языковое родство с майя, по крайней мере, очень незначительно. Квеленес, или зотзилес, чье прошлое столь же загадочно, населяли южную, или гватемальскую, границу.

Было обнаружено, что в Гватемале и северном Гондурасе проживали племена мамес на северо-западе, покомамы на юго-востоке, кичес во внутренних районах и какчикели на юге. Двое последних были самыми могущественными и правили страной из своих столиц Утатлана и Патиамита, где они сопротивлялись испанцам почти до полного уничтожения, по большей части удаляясь после поражения, чтобы жить охотой в далеких горных ущельях. История Гватемалы от империи вотан до неопределенной даты, незадолго до завоевания, представляет собой пробел. Она возобновляется с первых традиций только что упомянутых народов. Эти традиции, как и в случае с любым американским народом, начинаются с иммиграции иностранных племен в страну как первых в череде событий, приведших к созданию империи киче-какчикель. Предполагая, что рассеяние тольтеков из Анахуака в одиннадцатом веке является достоверным фактом, большинство авторов отождествляют гватемальские народы, за исключением, возможно, мамес, которых некоторые считают потомками первоначальных жителей, с мигрирующими тольтеками, которые бежали на юг, чтобы основать новую империю. Я уже высказывал свой скептицизм в отношении национальных миграций американцев в целом и миграции толтеков на юг в частности, и в "анналах Гватемалы" нет ничего, что могло бы изменить ранее высказанные взгляды. Традиции киче расплывчаты и не имеют хронологического порядка, гораздо менее определенного, чем те, что относятся к мифическим странствиям ацтеков. Суть идентичности киче и тольтеков заключается в традиционном утверждении, что первые люди пришли в Гватемалу в неизвестный период прошлого, в то время как вторые покинули Анахуак в одиннадцатом веке. То, что толтеки массово мигрировали на юг, завладели Гватемалой, основали могущественную империю и все же отказались от своего языка в пользу диалектов первоначального языка майя, в высшей степени невероятно. Безопаснее предположить, что основная масса киче и других народов Гватемалы, Чьяпаса и Гондураса произошли непосредственно от майя, построивших Паленке, и от современных народов. Тем не менее, различия между сооружениями Киче-Чаккикель и более древними архитектурными остатками империи майя указывают на новую эру культуры майя, которая, не исключено, возникла в результате привнесения иностранных элементов. Более того, очевидная идентичность в названии и учениях между ранними цивилизаторами традиции киче и науа, последователями Кецалькоатля, вместе с сообщениями о сходстве между настоящими институтами киче и ацтеков, наблюдаемыми европейцами, указывают далее на то, что новый элемент был привит цивилизации майя в результате контакта с науа, заметной чертой которого, возможно, было присутствие изгнанной знати тольтеков. Мы можем предположить, что после падения первоначальной империи народ был разделен в течение столетий гражданскими войнами и межконфессиональной борьбой на мелкие государства, слава их бывшего величия исчезла и частично забыта, дух прогресса дремал,

чтобы пробудиться снова благодаря присутствию вождей науа. Они собрали и вдохнули новую жизнь в разрозненные остатки; они ввели некоторые новые институты и таким образом помогли древним людям восстановить свою империю на старых основах, сохранив диалекты первоначального языка.

НИКАРАГУАНЦЫ И ПИПИЛЬЦЫ.

В дополнение к упомянутым до сих пор народам, в Никарагуа и, вероятно, в Сальвадоре, несомненно, были народы почти чистой ацтекской крови и языка. Первые известны разным авторам как никарагуанцы, никиранцы или чолутеки, и они занимали побережье между озером Никарагуа и океаном с озерными островами. Их институты, политические и религиозные, были почти такими же, как у ацтеков Анахуака, и они оставили множество реликвий в виде идолов и захоронений, но никаких архитектурных останков. Более того, эти реликвии едва ли менее многочисленны на территории соседних племен и существенно не отличаются по своей природе; отсюда мы должны заключить, что некоторые другие никарагуанские народы, либо под влиянием ацтеков, либо под другим влиянием, были значительно развиты в цивилизации. Племена науа в Сальвадоре, древнем кускатлане, были известны как пипилы, и их культура, по-видимому, не была высокого уровня. Оба этих народа, вероятно, обязаны своим существованием колонии, отправленной на юг из Анахуака; но будь то в ацтекские или доацтекские времена, местные традиции, как и их интерпретация авторами по этому вопросу, неразрывно связаны и расходятся. Для получения более подробной информации о местонахождении народов Центральной Америки я обращаюсь к утверждению границ племен в конце главы VII., том I., этой работы.

Здесь я заканчиваю этот общий взгляд на предмет, и если он в некоторых отношениях неудовлетворителен, я не могу поверить, что другой метод лечения сделал бы его менее удовлетворительным. Более подробное изложение привело бы скорее к путанице, чем к прояснению вопроса в сознании читателя, если только не подкрепляться обширными цитатами из постоянно конфликтующих авторитетных источников, которые расширили бы эту общую точку зрения из главы в том. Что касается античности, самого сложного элемента предмета, я попытаюсь представить — если мне не удастся согласовать — все важные различия во мнениях в другом разделе этой работы.

При изложении моей темы истина и точность являются главной целью, и они никогда не приносятся в жертву графическому стилю или яркой дикции. В концерт вкладывается столько интереса, сколько оправдывают власти, и не более. Часто можно видеть, как наиболее поразительные характеристики этих наций подчеркиваются с мастерством и блеском, сравнимыми только с их удаленностью от фактов; спорные моменты и неприятные черты замалчиваются или отбрасываются в сторону всякий раз, когда они мешают стилю и эффекту. Это мое искреннее желание, превыше всего прочего, представить этих людей такими, какими они были, а не делать их такими, какими я бы их хотел, и не романтизировать в ущерб правде; тем не менее, остается надеяться, что в правде останется достаточно интересного, чтобы привлечь внимание читателя. Моя трактовка предмета, по существу, такова: цивилизованные народы Северной Америки естественным образом делятся на две большие группы, которые для удобства можно назвать науа и майя соответственно; первая представляет цивилизацию ацтеков в Мексике, а вторая -

цивилизацию майя-киче в Центральной Америке. Описывая их манеры и обычаи, можно выделить пять крупных подразделений каждой группы. Можно сказать, что к первому относятся системы правления, порядок наследования, церемонии избрания, коронации и помазания, великолепие, власть и образ жизни их королей; придворные формы и обряды; королевские дворцы и сады. Второй включает социальную систему; классы знати, джентри, плебеев и рабов; налогообложение, владение и распределение земель; вассалитет и феодальная служба; внутренняя жизнь людей; их семейные и частные отношения, такие как брак, развод и образование молодежи; другие вопросы, такие как их одежда, еда, игры, пиры и танцы, знание медицины и способ погребения. Третий раздел включает их систему ведения войны, их отношения с иностранными державами, их воинов и рыцарские ордена, их обращение с военнопленными и их оружие. Четвертый раздел охватывает их систему торговли, сообщество торговцев, их науки, искусства и мануфактуры. Пятый и последний рассматривает их судебную систему, суды и должностных лиц по правовым вопросам. Я прилагаю здесь, как более уместное, чем где бы то ни было, примечание об этимологическом значении и происхождении, насколько это известно, названий цивилизованных народов.

ЭТИМОЛОГИЯ ИМЕН.

ACOLHUAS; Возможно, от *coloa* "наклоняться", что означает с приставкой *atl* "водные колхуа" или "люди у излучины воды". Ни от *acolli*, "плечо", ни от *colli*, "дедушка". Бушманн, *ортнамен*, стр. 85, 89. "*Coloa*, encoguar, o entortar algo, o — родеар йендо камино. - "Послушник, омбро". - "Кулхуа, ллеуар, другой участник родео в алгуне". Молина, *Словарь. Колли, "дедушка"*, во множественном числе *колхуанский. Колхуакан*, или *Кулиакан*, может тогда означать "земля наших предков". Галлатин, в *амер. Этно. Соч., Transact.*, т. i, стр. 204-5. 'El nombre de *aculhuas*, ó segun la ortografía mexicana, *aculhuaque*, en plural, y no *aculhuacanes*, ni *aculhues*.' *Dicc. Univ.*, том. i., p. 39. 'Col, chose courbe, faisant *coloa, colua*, ou *culhua*, nom appliqué plus tard dans le sens d'ancêtre, parce que du *Colhuacan* primitif, des îles de la Courbe, vinrent les émigrés qui civilisèrent les habitants de la vallée d'Anahuac.' *Brasseur de Bourbourg, Quatre Lettres*, p. 407. '*Colhua*, ou *culhua, culua*, de *coltic*, chose courbée. De là le nom de la cité de *Colhuacan*, qu'on traduit indifféremment, ville de la courbe, de choses recourbées (des serpents), et aussi des aïeux, de *coltzin*, aïeul.' *Id., Popol Vuh*, p. xxix.

АЦТЕКИ; —От *Ацтлан*, названия их древней родины, от корня *Aztli*, который утрачен. Оно не имеет никакой связи с *azcatl*, "муравей", но может иметь некоторое отношение к *iztac*, "белый". Бушманн, *Ortsnamen*, стр. 5-6. 'De *Aztlan* se deriva el nacional *Aztecatl*.' *Pimentel, Cuadro*, том. i., p. 158. 'Az, primitif d'*azcatl*, fourmi, est le mot qui désigne, à la fois, d'une manière générale, la vapeur, le gaz, ou toute chose légère, comme le vent ou la pluie; c'est l'aile, *aztli* qui désigne aussi la vapeur, c'est le héron dans *aztatl*. Il se retrouve, avec une légère variante, dans le mot nahuatl composé, *tem-az-calli*, bain de vapeur, dans *ez-tli*, le sang ou la lave; dans les vocables quichés *atz*, bouffée du fumée, épouvantail, feu-follet.... Ainsi les fourmis de la tradition haïtienne, comme de la tradition mexicaine, sont à la fois des images des feux intérieurs de la terre et de leurs exhalaisons, comme du travail des mines et de l'agriculture. Du même primitif *az* vient *Aztlan* "le Pays sur ou dans le gaz, *az-tan, az-dan*, la terre sèche, soulevée par les gaz ou remplie de vapeurs.'" *Brasseur de Bourbourg, Quatre Lettres*, p. 311.

CHALCAS;—'Il nome *Chalcho* vale, Nella gemma. Il P. Acosta dice, che *Chalco* vuol dire, Nelle bocca.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 253. Бушманн считает более правильным определение Акосты "во рту". *Ortsnamen*, p. 83. 'Chalca, Ce qui est le calcaire; c'est l'examen de tous les vocables mexicains, commençant en *chal*, qui m'a fait découvrir le sens exact de ce mot; il se trouve surtout dans *chal-chi-huitl*, le jade, littéralement ce qui est sorti du fond du calcaire.' *Brasseur de Bourbourg, Quatre Lettres*, pp. 403, 406.

CHELES;—'Le *Chel* dans la langue maya est une espèce d'oiseaux particuliers à cette contrée.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 19.

ЧЬЯПАНЕКИ;—Чьяпан, "местность чиа" (масличное семя). *Buschmann, Ortsnamen*, p. 187. '*Chiapanèque*, du nahuatl *chiapanecatl*, c'est-à-dire homme de la rivière Chiapan (eau douce), n'est pas le nom véritable de ce peuple; c'est celui que lui donnèrent les Mexicains.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 87.

ЧИЧИМЕКС;—'*Chichi*, perro, o perra.' *Molina, Vocabulario. Чичи, "собака"*; возможно, как обитатели *Чичимекана*, "места собак". *Мекатль* может означать "линия", "ряд", "раса", а *Чичимекатль*, следовательно, "один из расы собак". Бушманн, *Ortsnamen*, стр. 79, 81. '*Chichimèque* veut dire, à proprement parler, homme sauvage.... Ce mot désigne des hommes qui mangent de la viande crue et sucent le sang des animaux; car *chichiliztli* veut dire, en mexicain, sucer; *chichinaliztli*, la chose que l'on suce, et *Chichihualli*, mamelle.... Toutes les autres nations les redoutaient et leur donnaient le nom de Suceurs, en mexicain, *Chichimecatechinani*. ... Les Mexicains nomment aussi les chiens chichime, parce qu'ils lèchent le sang des animaux et le sucent.' *Camargo, Hist. Tlaxcallan*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 140. '*Teuchichimecas*, que quiere decir *del todo barbados*, que por otro nombre se decian *Cacachimecas*, ó sea hombres silvestres.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том. iii., p. 116. '*Chichimec* ou *chichimetl*, suceur de maguey, et de là les Chichimèques.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 171, 56. Другие производные - от *Чичен*, города на Юкатане, и от *чичилтского* "красный", обозначающего цвет кожи всех индейцев. *Id., Пополь Вух*, стр. lxiii. '*Чи* ... selon Vetancourt, c'est une préposition, exprimant ce qui est tout en bas, au plus profond, comme *aco* signifie ce qui est au plus haut.... *Chichi* est un petit chien (*chi-en*), de ceux qu'on appelle de Chihuahua, qui se creusent des tanières souterraines.... *Chichi* énonce tout ce qui est amer, aigre ou âcre, tout ce qui fait tache: il a le sens de sucer, d'absorber; c'est la salive, c'est le poumon et la mamelle. Si maintenant ... j'ajoute *me*, primitif de *metl*, aloès, chose courbée, vous aurez *Chichime*, choses courbes, tortueuses, suçantes, absorbantes, amères, âcres ou acides, se cachant, comme les petits chiens terriers, sous le sol où elles se concentrent, comme des poumons ou des mamelles.... Or, puisqu'il est acquis, d'après ces peintures et ces explications, que tout cela doit s'appliquer à une

puissance tellurique, errante, d'ordinaire, comme les populations nomades, auxquelles on attachait le nom de *Chichimeca*.' *Id.*, *Quatre Lettres*, pp. 111-12.

ЧОЛУЛЬТЕКИ; — от *чолоа*, что означает "вскакивать", "бежать", "спасаться бегством" или "место, где появляется вода", "место бегства" или "беглецы". *Бушманн, Ortsnamen*, стр. 100. 'C'est du lieu d'où ils étaient sortis primitivement, ou plutôt à cause de leur qualité actuelle d'exilés, qu'ils prirent ensuite le nom de *Cholutecas*.' '*Cholutecas*, mieux *Cholultecas*, c'est-à-dire, Exilés, et aussi, Habitants de Cholullan.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 79.

ЧОНТАЛЕС; — "Чонталли, отчуждение от форастеро". *Молина, Словарь; Ороско и Берра, География*, стр. 21; *Бушманн, Ortsnamen*, стр. 133; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 47.

СОКОМЕС; — '*Cocom* signifie écouteur, croyant.' *Landa, Rel. de las Cosas de Yucatan*, p. 39. '*Cocom* est un nom d'origine nahuatl; il est le pluriel de *cohuatl*, serpent.... Dans la langue maya, le mot *cocom* a la signification d'écouteur, celui qui entend; cette étymologie nous paraît plus rationnelle que la première.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 78.

КОХИШКАС; — Айала переводит название своей провинции Куишка, "огненная земля лагартихаса". *Ороско и Берра, География*, стр. 48.

КУИТЛАХУАС; — '*Cuitlatl*, excremento, y genéricamente cosa sucia.' *Orozco y Berra, Geografía*, p. 47. '*Cuitlahuac*, Dans celui qui a les Excréments, de *cuitlatl*, excrément, déjection de l'homme ou de l'animal, mais que le chroniqueur mexicain applique ici aux déjections du volcan voisin de la Grande-Base ... de là le nom de *teo-cuitlatl*, excréments divins, donné aux métaux précieux, l'or avec l'adjectif jaune, l'argent avec l'adjectif blanc.' *Brasseur de Bourbourg, Quatre Lettres*, p. 407. Куитлатлан, "местность грязи". *Бушманн, Ortsnamen*, стр. 15. "Куитлатль, мьерда". *Молина, Словарь*. Название куитлатеков, по-видимому, не имеет отдельного этимологического значения.

КУЛХУАС; — См. [Аколхуас](#). Предполагается, что эти два человека не были одним и тем же, но вполне вероятно, что они идентичны в происхождении своих имен.

ХУАСТЕКС; — '*Huaxtlan* es una palabra mexicana que significa, "donde hay, ó abunda el *huaxi*," fruto muy conocido en México con el nombre castellanizado de *guaje*. Compónese aquella palabra de *huaxin*, perdiendo *in* por contracción, muy usada en mexicano al componerse las palabras, y de *tlán*, partícula que significa "donde hay, ó abunda algo," y que sirve para formar colectivos. De *huaxtlan* es de donde, según parece, viene el nombre gentilicio *huastecatli*, que los españoles convirtieron en *huasteca* ó *huasteco*.' *Pimentel, Cuadro*, том i., pp. 5-6; *Buschmann, Ortsnamen*, pp. 12-13. 'El que es inhábil ó tosco, le llaman ... *куэстекатль*. - От имени их правителя, который выпил слишком много вина. 'Así por injuria, y como alocado, le llamaban de Cuextecatli.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том iii., lib. x., pp. 134-5, 143-4.

УЕКСОЦИНКАС; Уменьшительное от *huexotla*, "ивовый лес". *Бушманн, Ortsnamen*, стр. 100.

ИЦА; — От имени Замны, первого юкатанского цивилизатора. 'Le llamaban tambien Ytzamná, y le adoraban por Dios.' *Cogolludo, Hist. de Yucatan*, стр. 196. '*Itzmat-ul*, que quiere dezir el que recibe y posee la gracia, ó rozio, ó sustancia del cielo.' '*Ytzen caan, ytzen muyal*, que era dezir yo soy el rozio ó sustancia del cielo y nubes.' *Lizana*, in *Landa, Rel. de las Cosas de Yucatan*, p. 356. 'Suivant Ordoñez, le mot *itza* est composé de *itz*, doux, et de *hà*, eau.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 15.

МАЛИНАЛКАС; — '*Malina*, nitla, torcer cordel encima del muslo.' '*Malinqui*, cosa torcida.' *Molina, Vocabulario*. '*Malinal* est le nom commun de la liane, ou des cordes tordues.' '*Malina*, tordre, qui fait *malinal*, liane ou corde. Ou bien plus littéralement de choses tournées, percée à jour, de *mal*, primitif de *mamali*, percer, tarauder, et de *nal*, de part en part, tout autour.' *Brasseur de Bourbourg, Quatre Lettres*, pp. 407-8.

МАМЕС; — 'El verdadero nombre de la lengua y de la tribu es *mem*, que quiere decir tartamudos porque los pueblos que primero les oyeron hablar, encontraron semejanza entre los tardos para pronunciar, y la manera con que aquellos decían su lengua.' *Orozco y Berra, Geografía*, p. 24. 'A esta lengua llaman *Mame*, é indios *mames* á los de esta sierra, porque ordinariamente hablan y responden con esta palabra *man*, que quiere decir *padre*.' *Reynoso*, in *Pimentel, Cuadro*, том i., pp. 83-4. '*Mem* veut dire bègue et muet.' "'*Mem*", mal à propos défiguré dans *Mame* par les Espagnols, servit depuis généralement à désigner les nations qui conservèrent leur

ancienne langue et demeurèrent plus ou moins indépendantes des envahisseurs étrangers.' Mam 'veut dire ancien, vieillard.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 119. "Мама" иногда означает "внучатый племянник". *Id.*, *Пополь Вух*, стр. 41.

MATLALTZINCAS;—'El nombre *Matlalcincatl*, tomóse de *Matlatl* que es la red con la cual desgranaban el maiz, y hacian otras cosas.... Tambien se llaman *Matlatzincas* de hondas que se dicen *tlematl*, y así *Matlatzincas* por otra interpretacion quiere decir, honderos ó fondibularios; porque los dichos *Matlatzincas* cuando muchachos, usaban mucho traer las hondas, y de ordinario las traían consigo, como los *Chichimecas* sus arcos, y siempre andaban tirando con ellas. Tambien les llamaban del nombre de red por otra razon que és la mas principal, porque quando à su idolo sacrificaban alguna persona, le echaban dentro en una red, y allí le retorcian y estrujaban con la dicha red, hasta que le hacian echar los intestinos. La causa de llamarse *coatl* (Ramirez) dice que "debe leerse *cuaitl* (cabeza). *Coatl* significa culebra," quando es uno, y *qūaqūatas* quando son muchos és, porque siempre traían la cabeza ceñida con la honda; por lo cual el vocablo se decia *qūa* por abreviatura, que quiere decir *quaitl* que es la cabeza, *yta* que quiere decir *tamatlatl* (Molina says 'Honda para tirar es *tematlatl*, *tlatematlauiloni*') que es la honda, y así quiere decir *quatlatl* hombre que trae la honda en la cabeza por guirnalda: tambien se interpreta de otra manera, que quiere decir hombre de cabeza de piedra.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том iii., lib. x., p. 128, and *Orozco y Berra, Geografía*, pp. 29-30. 'Matlatzinia, dar palmadas.' 'Matlatepito, red pequeña.' *Molina, Vocabulario*. От *matlatl*, "сеть", что, следовательно, означает "небольшое место с сетями". *Buschmann, Ortsnamen*, p. 13. 'De *Matlatl*, le filet, les mailles.' *Brasseur de Bourbourg, Quatre Lettres*, p. 408. 'Matlatzinco es una palabra mexicana que significa "lugarcito de las redes", pues se compone de *matlat*, red, y la partícula *tzinco* que expresa disminucion. Fácilmente se comprende, pues, que *matlatzinca* viene de *matlatzinco*, y que la etimología exige que estas palabras se escriban con *c* (mejor *k*) y no con *g* como hacen algunos autores', *Pimentel, Cuadro*, том i., p. 500.

MAYAS;—'"*Mai*", une divinité ou un personnage des temps antiques, sans doute celui à l'occasion duquel le pays fut appelé *Maya*.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Rel. de las Cosas de Yucatan*, p. 42. 'Maya ou *Maia*, nom antique d'une partie du Yucatan, paraît signifier aussi la terre.' *Id.*, p. lxx. 'Maayhà, non adest aqua, suivant Ordoñez, c'est-à-dire, Terre sans eau.' *Id.*, *Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 76. Окончания *a* и *o* этого имени испанские. *Pimentel, Cuadro*, том ii., p. 35.

MIZQUICAS;—'*Mizquitl*, arbol de goma para tinta.' *Molina, Vocabulario*. *Музквитль*, дерево, дающее чистый гуммиарабик, разновидность акации. *Buschmann, Ortsnamen*, p. 104.

MIZTECS;—'La palabra mexicana *Mixtecatl*, es nombre nacional, derivado de *mixtlan*, lugar de nubes ó nebuloso, compuesto de *mixtli*, nube, y de la terminacion *tlan*.' *Pimentel, Cuadro*, том i., p. 39. *Mixtlan*, 'place of clouds.' *Buschmann, Ortsnamen*, p. 18. 'Mixtecapan ... pays des brouillards.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 146.

NAHUAS;—'Todos los que hablan claro la lengua mexicana que les llaman *nahóas*, son descendientes de los Tultecas.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том iii., lib. x., p. 114. '*Nahoatl* ó *nahuatl*, segun el diccionario de Molina, significa *cosa que suena bien*, de modo que viene à ser un adjetivo que aplicado al sustantivo *idioma*, creo que puede traducirse por *armonioso*.' *Pimentel, Cuadro*, том i., p. 158. Что-то прекрасное, или ясное, или громко звучащее; *науатлато* означает переводчика; *науати* - говорить громко; *науатия* - приказывать. Это название не имеет никакого отношения к *Анахуаку*. *Buschmann, Ortsnamen*, pp. 7-8. 'Molina le traduit par Ladino, instruit, expert, civilisé, et lui donne aussi un sens qui se rapporte aux sciences occultes. On n'en trouve pas, toutefois, la racine dans le mexicain. La langue quiché en donne une explication parfaite: il vient du verbe *Nao* ou *Naw*, connaître, sentir, savoir, penser; *Tin nao*, je sais; *Naoh*, sagesse, intelligence. Il y a encore le verbe radical *Na*, sentir, soupçonner. Le mot *Nahual* dans son sens primitif et véritable, signifie donc littéralement "qui sait tout"; c'est la même chose absolument que le mot anglais *Know-all*, avec lequel il a tant d'identité. Le Quiché et le Cakchiquel l'emploient fréquemment aussi dans le sens de mystérieux, extraordinaire, merveilleux.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 101-2, 194.

НОНОХУАЛКАС; — Тутуль-Сиу, вожди дома науатль в Тулане, по-видимому, носили имя *Ноноуал*, которое, возможно, дало начало *Нонохуалко* или *Онохуалко*. '*Nonoual* ne serait-il pas une altération de *Nanaual* ou *Nanahuatl*?' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Rel. de las Cosas de Yucatan*, p. 420.

ОЛЬМЕКИ; — Ольмекатль было именем их первого традиционного лидера. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 152. *Ольмекатль* может означать жителя города *Олман*; но поскольку *мекатль* также используется для обозначения "побега", "потомства", "ветви", слово, вероятно, происходит от *оли* и означает "народ десен". *Buschmann, Ortsnamen*, p. 16.

ОТОМІС;—'El vocablo *Otomitl*, que es el nombre de los *Otomies*, tomáronlo de su caudillo, el cual se llamaba *Oton*.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. iii., lib. x., p. 122. Не местное слово, а мексиканское, происходящее, возможно, от *otli*, "дорога", и *tomitl*, "шерсть животного", что, возможно, относится к какому-то особому способу ношения волос. *Buschmann, Ortsnamen*, pp. 18-19. '*Otho* en la misma lengua othomí quiere decir *nada*, y *mi*, quieto, ó sentado, de manera que traducida literalmente la palabra, significa nada-quieto, cuya idea pudiéramos expresar diciendo *peregrino* ó *errante*.' *Pimentel, Cuadro*, tom. i., p. 118; *Náxera, Disertacion*, p. 4. 'Son étymologie mexicaine, Otomitl, signifie la flèche d'Oton.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 158.

ПИПИЛЕС; — дублирование *пилли*, которое имеет два значения: "благородный" и "ребенок", последнее обычно рассматривается как его значение в названии племени. *Buschmann, Ortsnamen*, pp. 137-8. Так называли потому, что они говорили на мексиканском языке с детским произношением. *История Хуарроса. Гуат.*, стр. 224.

ПОКОМАМС;—'*Pokom*, dont la racine *pok* désigne une sorte de tuf blanc et sablonneux.... La termination *om* est un participe présent. De *Pokom* vient le nom de Pokomam et de Pokomchi, qui fut donné à ces tribus de la qualité du sol où ils bâtirent leur ville.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 122.

QUICHÉS;—'La palabra *quiché*, *kiché*, ó *quitze*, significa *muchos árboles*.' *Pimentel, Cuadro*, tom. ii., p. 124. 'De *qui* beaucoup, plusieurs, et de *che*, arbre, ou de *queche*, *quechelah*, *qechelah*, la forêt.' *Ximenez*, in *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, p. cclxv.

ТАРАСКОС;—'Tarasco viene de *tarhascue*, que en la lengua de Michoacan significa suegro, ó yerno segun dice el P. Lagunas en su Gramática.' *Pimentel, Cuadro*, tom. i., p. 273. '*Taras* en la lengua mexicana se dice *Mixcoatl*, que era el dios de los *Chichimecas*.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. iii., lib. x., p. 138. 'Á quienes dieron el nombre de tarascos, por el sonido que les hacian las partes genitales en los muslos al andar.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том ii., p. 105; *Brasseur de Bourbourg, Hist. des Nat. Civ.*, том iii., стр. 57.

ТЕПАНЕКИ; — *Тепан*, "каменистое место", от *тетл*, или *тепан*, "королевский дворец". *Buschmann, Ortsnamen*, p. 92. '*Tecpantlan* signifie auprès des palais.' *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, p. cx. 'Cailloux roulés sur la roche, *te-pa-ne-ca*, littéralement ce qui est mêlé ensemble sur la pierre; ou bien *te-pan-e-ca*, c'est-à-dire avec des petites pierres sur la roche ou le solide, *e*, pour *etl*, le haricot, frijol, étant pris souvent dans le sens d'une petite pierre sur une surface, etc.' *Id.*, *Quatre Lettres*, p. 408.

ТЛАУИКАС; — от *tlahuil*, "киноварь", из-за того, что этот минерал в изобилии встречается в их стране. *Buschmann, Ortsnamen*, p. 93. *Tlahuilli*, 'poudres brillantes.' *Брассер де Бурбург, Четверостишие*, стр. 422. "Тлауйя, выпускной урок с канделой о хаче". *Молина, Словарь*.

ТЛАПАНЕКС;—'Y llámanlos tambien tlapaneas que quiere decir *hombres almagrados*, porque se embijaban con color.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. iii., lib. x., p. 135. От *tlalpantli*, "земля"; может также происходить от *tlalli*, "земля". *Buschmann, Ortsnamen*, p. 162. *Tlapallan*, 'terre colorée'. *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. lxiii. *Tla*, 'feu'. *Id.*, *Quatre Lettres*, p. 416. '*Tlapani*, quebrarse algo, o el tintorero que tiñe paños.' *Molina, Vocabulario*. Вероятно, синоним слова *Yorpi*, q. v. *Ороско и Берра, География*, стр. 26-7.

ТЛАШКАЛЬТЕКИ;—"*Тлашкалли*, майонезные лепешки, о всеобщем питании". *Молина, Словарь*. *Тласкалли*, "место для приготовления хлеба или лепешек", причастие прошедшего времени от *ixca*, "запекать или жарить". *Buschmann, Ortsnamen*, p. 93.

ТОЛТЕКИ;—'*Толтекайотль*, магистр механического искусства. *Толтекатль*, официальный представитель механического искусства. *Toltecauia*, fabricar o hazer algo el maestro.' *Molina, Vocabulario*. 'Los *tultecas* todos se nombraban *chichimecas*, y no tenían otro nombre particular sino este que tomaron de la curiosidad, y primor de las obras que hacian, que se llamaron obras *tultecas* ó sea como si digesemos, oficiales pulidos y curiosos como ahora los de Flandes, y con razon, porque eran sutiles y primorosos en cuanto ellos ponian la mano, que todo era muy bueno.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. iii., lib. x., p. 107. Толтеки, "народ Толлана". Толлан, "место ив или тростника", от *tolin*, "ива, тростник". *Бушманн, Ортснамен*, стр. 76. "*Толтекатль* - это название для того, чтобы научиться искусству". *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i, стр. 194. *Tollan*: 'Elle est frappante ... par l'identité qu'elle présente avec le nom de *Metztli* ou le Croissant. En effet, ce qu'elle exprime, d'ordinaire, c'est l'idée d'un "pays recourbé" ou incliné. Sa première syllabe *tol*, primitif de *toloa*, "abaxar, inclinar la cabeça," dit Molina, "entortar, encorvar," dit-il ailleurs, signifie donc baisser, incliner la tête, se tortuer, courber, ce qui, avec la particule locale *lan* pour *tlan* ou *tan*, la terre, l'endroit, annonce une terre ou un pays recourbé, sens exact du mot *tollan*. Du même verbe vient *tollin*, le jonc, le roseau, dont la tête

s'incline au moindre vent; de là, le sens de Jonquière, de limné, que peut prendre *tollan*, dont le hiéroglyphe représente précisément le son et la chose, et qui paraît exprimer doublement l'idée de cette terre fameuse de la Courbe ou du Croissant, basse et marécageuse en beaucoup d'endroits suivant la tradition.... Dans sa (the word *toloa*) signification active, Molina le traduit par "tragar", avaler, engloutir, ce qui donne alors pour *tollan*, le sens de terre engloutie, abîmée, qui, comme vous le voyez, convient on ne peut mieux dans le cas présent. Mais si *tollan* est la terre engloutie, si c'est en même temps le pays de la Courbe, Metztli ou le Croissant, ces deux noms, remarquez-le, peuvent s'appliquer aussi bien au lieu où il a été englouti, à l'eau qui se courbait le long des rivages du Croissant, soit à l'intérieur des grandes golfes du nord et du midi, soit au rivage convexe, tourné comme le genou de la jambe, vers l'Orient. C'est ainsi qu'on retrouve l'identification continuelle de l'idée mâle avec l'idée femelle, du contenu et du contenant, de *tollan*, le pays englouti, avec *tollan*, l'océan engloutisseur, de l'eau qui est contenue et des continents qui l'enserrent dans leurs limites. Ajoutons, pour compléter cette analyse, que *tol*, dans la langue quiché, est un verbe, dont *tolan* est le passé, et qu'ainsi que *tulan* il signifie l'abandon, la nudité, etc. De *tol*, faites *tor*, dans la même langue, et vous aurez avec *toran*, ce qui est tourné ou retourné, comme en mexicain, de même que dans *turn* (touran) vous trouverez ce qui a été renversé, bouleversé de fond en comble, noyé sous les eaux, etc. Dans la langue maya, *tul* signifie remplir, combler, et *an*, comme en quiché, est le passé du verbe: mais si à *tul* on ajoute *ha* ou *a*, l'eau, nous avons *Tuhla* ou *Tula*, rempli, submergé d'eau. En dernière analyse, *tol* ou *tul* paraît avoir pour l'origine *ol*, *ul*, couler, venir, suivant le quiché encore; primitif d'*olli*, ou bien d'*ulli*, en langue nahuatl, la gomme élastique liquide, la boule noire du jeu de paume, qui devient le hiéroglyphe de l'eau, remplissant les deux golfes. Le préfixe *t* pour *ti* serait une préposition; faisant *to*, il signifie l'orbite de l'œil, en quiché, image de l'abîme que la boule noire remplit comme sa prune, ce dont vous pouvez vous assurer dans la figure de la page suivante; *to* est, en outre, l'aide, l'instrument, devenant *tool*; mais en mexicain, *to*, primitif de *ton*, est la chaleur de l'eau bouillante. *Tol*, contracté de *to-ol*, pourrait donc avoir signifié "le liquide bouillant", ou la venue de la chaleur bouillante, de l'embrasement. Avec *teca*, étendre, le mot entier *tolteca*, nous aurions donc, étendre le courbé, etc., et *tol-tecatl*, le toltèque, serait ce qui étend le courbé ou l'englouti, on bien l'eau bouillante, etc. Ces étymologies rentrent donc toutes dans la même idée qui, sous bien des rapports, fait des Toltèques, une des puissances telluriques, destructrices de la terre du Croissant.' *Id.*, *Quatre Lettres*, pp. 118-20.

ТОТОНАКИ; — от *tototl* и *nacatl*, "птичье мясо"; или от *tona*, "быть теплым". Бушманн, *Ортснамен*, стр. 13. "Тотонакоа значение а ля летра, трес корасонес в сентиментальности и трес паналес в отрочестве", от *toto*, "три", и *naco*, "сердце", на тотонакском языке. Домингес, в "Пиментеле, Куадро, том i., стр. 226-7. 'Totonal, el signo, en que alguno nasce, o el alma y espiritu.' Molina, *Vocabulario*.

TUTUL-XIUS;—'Le nom des Tutul-Xiu paraît d'origine nahuatl; il serait dérivé de *totol*, *tototl*, oiseau, et de *xíuitl*, ou *xíhuatl*, herbe.' Brasseur de Bourbourg, in *Landa, Rel. de las Cosas de Yucatan*, p. 47.

ХИКАЛАНКАС;—"*Хикалли*, васо де калабаса". Молина, *Словарь*. *Xicalli*, 'place of this species of calabash or drinking-shell.' Buschmann, *Ortsnamen*, p. 17. 'Xicalanco, la Ville des courges ou des tasses faites de la courge et appelée Xicalli dans ces contrées, et dont les Espagnols ont fait Xicara.' Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 110.

СОЧИМИЛЬКАС; — От *шочитль*, "цветок", и *милли*, "кочечок земли", что означает "место цветочных полей". Бушманн, *Ортснамен*, стр. 94. "Сочимик захват ан герра". Молина, *Словарь*. '*Xochimilca*, habitants de *Xochimilco*, lieu où l'on sème tout en bas de la Base, nom de la terre végétale et fertile où l'on ensemencait, *m'il*, qu'on retourne, d'où le mot *mil* ou *milli*, champ, terre ensemencée, et sans doute aussi le latin *milium*, notre *mil* et *millet*.' 'J'ajouterai seulement que ce nom signifie dans le langage ordinaire, ceux qui cultivent de fleurs, de *xochitl*, fleur, littéralement, ce qui vit sous la base.' Brasseur de Bourbourg, *Quatre Lettres*, pp. 406-8.

ЙОППИ;—'Llámanles *yopes* porque su tierra se llama *Yopinzinco*.' Sahagun, *Hist. Gen.*, том iii., lib. x., p. 135. - Инферимос ... que yope, yopi, jope, segun se encuentra escrita la palabra en varios lugares, es sinónimo de tlapaneca.' Orozco y Berra, *Geografía*, pp. 26-7. Йоппа, "Страна могил". Брассер де Бурбур, *история. Нац. Civ.*, том iii., стр. 9.

ЗАПОТЕКС;—'*Tzapotl*, cierta fruta conocida.' Molina, *Vocabulario*. Цапотлан, "место сапотов, деревьев или плодов". Buschmann, *Ortsnamen*, p. 16. 'Derivado de la palabra mexicana *tzapotlan*, que significa "lugar de los zapotes", nombre castellanizado de una fruta muy conocida.' Pimentel, *Cuadro*, том i., p. 319. '*Zapotecapan* est le nom que les Mexicains avaient donné à cette contrée, à cause de la quantité et de la qualité supérieure de ses fruits.' Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 38.

ZOTZILES;—'Zotzil, murciélagos.' *Pimentel, Cuadro*, tom. ii., p. 245. Zotzilha 'signifie la ville des Chauves-Souris.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 88.

ГЛАВА III.

ПРАВИТЕЛЬСТВО НАРОДОВ науа.

Система правления—Конфедерация ацтеков—Порядок престолонаследия—Выборы королей среди мексиканцев—Королевские прерогативы—Правительство и законы о престолонаследии у тольтеков и в Мичоакане, Тласкале, Чолуле, Уексоцинко и Оахаке—Величие монархов науа—Церемония помазания—Восхождение в Храм—Елеосвящение—Обращение Первосвященника к королю—Покаяние и пост в Доме под названием Тлакатеко—Почтение знати—Общее Ликование по всему Королевству—Церемония коронации—Принесение жертвоприношений—Описание Короны—Коронации, пиры и развлечения—Гостеприимство, оказанное врагам—Коронация—Речь Несауальпилли, короля Тецкоко, Монтесуме II. о Мексике —Речь дворянина перед новоизбранным королем.

Преобладающая форма правления среди цивилизованных народов Мексики и Центральной Америки была монархической и почти абсолютной, хотя некоторые из небольших и менее могущественных государств, как, например, Тлашкала, придерживались аристократической республиканской системы. Каждый из трех великих конфедеративных штатов Мексики, Тецкоко и Тлакопан управлялся королем, который обладал высшей властью в своих собственных владениях и только в вопросах, их касающихся. Однако там, где речь шла о благополучии всего союзного сообщества, ни один король не мог действовать без согласия других; тем не менее, решение того, кто считался особенно искусным и мудрым в любом рассматриваемом вопросе, обычно принималось его коллегами. Таким образом, в вопросах войны или внешних сношений мнение короля Мексики имело наибольший вес, в то время как в администрации внутреннего правительства и при принятии решений, касающихся прав личности, во время правления двух королевских мудрецов Тецкоко, Несауалькойотля и Несауальпилли, было принято уважать их советы превыше всего остального.^[1] Относительная важность этих трех королевств, должно быть, однако, продемонстрировала большее неравенство по мере новых завоеваний, поскольку при разделе территории, приобретенной силой оружия, Тлакопан получил только пятую часть, а из оставшейся части, судя по относительной мощи и размаху государств на момент прибытия испанцев, вероятно, Мексика получила большую долю.^[2]

ВЫБОРЫ КОРОЛЕЙ.

ПОРЯДОК ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ.

В Тецкоко и Тлакопане порядок наследования был прямым и наследственным, в Мексике - побочным и выборным. Однако в двух бывших королевствах, хотя сыновья наследовали

своим отцам, это было не по рождению, а по рангу; сыновьям королевы или главной жены, которая обычно была дочерью королевского дома Мексики, всегда отдавалось предпочтение перед остальными.^[3] В Мексике на трон обычно избирался старший из оставшихся в живых братьев умершего монарха, а когда братьев больше не оставалось, то на трон избирались племянники, начиная со старшего сына первого умершего брата; но этот порядок не обязательно соблюдался, поскольку выборщики, хотя и ограничивались в своем выборе одной семьей, могли отвергнуть притязания тех, кого они считали неспособными править; и, действительно, их особой обязанностью было выбрать из числа родственников умершего короля того, кто лучше всего подходил для того, чтобы нести достоинство и ответственность верховного правителя.^[4] В первые дни мексиканской монархии король избирался голосованием всего народа, который руководствовался в своем выборе своими лидерами; даже женщины, по-видимому, имели право голоса в этом вопросе в этот период.^[5] Впоследствии обязанность избрания короля Мексики легла на четырех или пятиерых высокопоставленных лиц империи. Короли Тецкоко и Тлакопана также были выборщиками, но имели лишь почетное звание; они утвердили решение остальных, но, вероятно, не принимали непосредственного участия в выборах, хотя их влияние и пожелания, несомненно, имели большой вес в совете. Как только был избран новый король, совет выборщиков был распущен, и на их место были назначены другие, чьи обязанности также прекратились с первым голосованием выборщиков.^[6]

Этот план проведения выборов был не лишен своих преимуществ. Поскольку лица, которым был доверен выбор, были великими министрами или лордами, жившими при дворе, у них было больше возможностей наблюдать истинный характер будущих кандидатов на трон, чем у простых людей, которые всегда слишком склонны судить по приятной внешности, а не по реальным заслугам, о тех, с личной жизнью которых они не могут быть знакомы. Во-вторых, высокий личный ранг мексиканских избирателей ставил их за пределы обычного влияния подкупа или угроз; и, таким образом, государство было в определенной степени свободно от той системы коррупции, которая превращает голос народа в посмешище в более демократических сообществах и которая в гораздо большей степени преобладала бы в стране, где существовали феодальные отношения между сеньором и вассалом. С другой стороны, свобода выбора, предоставленная выборщикам, позволила им помешать слабоумным взять на себя королевские обязанности, и таким образом удалось избежать самого очевидного зла наследственной монархии.

ВЛАСТЬ МЕКСИКАНСКИХ КОРОЛЕЙ.

Почти абсолютная власть, которой обладала личность суверена, делала необходимой большую разборчивость при его выборе. Было важно, чтобы правитель народа, окруженного врагами и постоянно стремящегося к завоеваниям, был признанным и доблестным воином; имея личное руководство государственными делами, было необходимо, чтобы он был глубоким и изощренным политиком; грубые суеверия и теократические тенденции управляемых требовали, чтобы правитель был сведущ в религии, почитал богов; и записи нации доказывают, что в целом он был культурным человеком и покровителем искусства и науки.

На первых этапах своего существования мексиканская монархия носила скорее аристократический, чем абсолютный характер. Хотя король якобы был верховным главой государства, ожидалось, что он посовещается со своим советом, который состоял из королевских выборщиков и других высокопоставленных особ, прежде чем принять решение о каком-либо важном шаге;^[7] и хотя законодательная власть полностью находилась в его руках, исполнительная власть была доверена регулярно назначаемым должностным лицам и судам. По мере того как империя, благодаря умелому управлению чередой принцев-завоевателей, возрастала в величии, королевская власть постепенно возрастала, хотя я не нахожу ничего о конституционных поправках или реконструкциях до времен Монтесумы II, когда авторитет всех судов был сведен почти к мертвой букве, если они противоречили желаниям или приказам короля.

Соседним независимым и могущественным королевством Мичоакан управлял абсолютный монарх, который обычно проживал в своей столице, на озере Пацкуаро. Над каждой провинцией был поставлен губернатор, избранный из первых рядов знати, который правил с большой, если не абсолютной властью, от имени короля и содержал двор, который почти во всех отношениях был уменьшенной копией двора своего государя. Порядок наследования был наследственным и прямым, престол обычно наследовал старший сын. Выбор преемника, однако, был оставлен на усмотрение правящего короля, который, когда почувствовал, что близок к своему концу, был волен выбрать из числа своих сыновей того, кого он считал наиболее подходящим для правления. Чтобы проверить его способности и приучить к управлению государством, а также чтобы он мог воспользоваться советом старого монарха, избранный наследник немедленно приступил к исполнению королевских функций. Обычай, подобный этому, существовал у древних толтеков. Их королям разрешалось править только в течение *сюхмолпилли*, то есть "возраста", который составлял пятьдесят два года, после чего старший сын получал королевскую власть и начинал править.^[8] Когда старый монарх Мичоакана заболел, сын, который был назначен его преемником, немедленно разослал гонцов ко всем вельможам королевства с приказом немедленно отправляться в столицу. Никто не был освобожден от обязанности присутствовать, и несоблюдение повестки было расценено как оскорбление величества. Собравшись во дворце, если больной в состоянии принять их, дворяне один за другим проходят через его покои и словами соболезнования и ободрения пытаются утешить его. Перед тем как покинуть дворец, каждый скорбящий оставляет в тронном зале определенные подарки, приносимые по этому случаю в качестве более существенного свидетельства его скорби. Однако, если врачи констатируют, что королевский пациент безнадежен, никому не разрешается его видеть.^[9]

ПРАВИТЕЛЬСТВО В ТЛАШКАЛЕ.

ПОНТИФИК ЙОПАА.

Тот, кто читает романтическую историю завоевания, чувствует, как его сердце согревается по отношению к этому стойкому маленькому народу воинов, тлашкальтекам. В людях, которые пятьдесят лет ели мясо без соли, вместо того чтобы смириться перед могущественными деспотами Мексики, есть что-то такое, от чего веет тем же мясом,

которое бросило вызов персидскому войску при Фермопилах. Если бы тлашкальтеки упорно противостояли испанцам, Кортес никогда не смог бы выйти вперед, чтобы взглянуть в лицо королю Монтесуме, или вернуться к королю Карлу как завоевателю Новой Испании; воины, которые разгромили своих союзных врагов на кровавых равнинах Пойаутлана, несомненно, могли бы принести сердца захватчиков в приемлемую жертву богам Тлашкалы. Государство Тласкала, хотя о нем неизменно говорили как о республике, определенно не было таковым в современном понимании этого термина. Во время завоевания им управляли четыре верховных лорда, каждый из которых был независим на своей территории и обладал равной властью с другими в вопросах, касающихся всеобщего благосостояния.^[10] Парламент или сенат, состоящий из этих четырех лордов и остальной знати, решал государственные дела, особенно те, которые касались мира и войны. Закон о наследовании был почти таким же, как и в Мичоакане. Вождь перед своей смертью назвал сына, которого он хотел бы видеть своим преемником, который, однако, не приступал к управлению, как в Мичоакане, до тех пор, пока не умер его отец. Выбор старого вождя был ограничен двумя способами: во-первых, необходимо было одобрение трех его коллег; и, во-вторых, законнорожденные сыновья, то есть сыновья жены, с которой он был связан определенными узами брака, должны были иметь преимущество перед другими его детьми. За неимением сыновей преемниками стали братья покойного вождя.^[11] В любом случае имущество покойного правителя унаследовали его братья, которые также, согласно обычаю, который, как мы обнаружим, почти повсеместно распространен среди цивилизованных народов Нового Света, женились на его вдовах.^[12] Информация, которую я нахожу по этому вопросу, приписывает Чолуле и Уэшоцинко ту же форму правления, что и в Тлашкале.^[13] Мизтеки и сапотеки признавали одного верховного вождя или короля; закон наследования у них был аналогичен закону Тлашкалы, за исключением того, что при отсутствии сыновей наследовать могла дочь.^[14] Сапотеки, по-видимому, по крайней мере в более древние времена, были, по возможности, еще более зависимы от священников, чем их соседи; существовавшие среди них священнические ордена были, как будет видно в другом месте, многочисленны и, по-видимому, обладали огромной властью, как светской, так и жреческой. Йопаа, один из их главных городов, находился под абсолютной властью понтифика, в лице которого монархи-сапотеки имели могущественного соперника. Невозможно переоценить то почтение, с которым относились к этому духовному царю. На него смотрели как на бога, которого недостойна была ни земля, ни солнце, чтобы светить на него. Он осквернял свою святость, стоило ему хотя бы коснуться земли ногой. Офицеры, несшие на плечах его паланкин, были членами первых сапотекских семей; он едва достаивал взглядом что-либо вокруг себя. Он никогда не появлялся на публике, разве что с самой необычайной помпой, и все, кто встречал его, падали ничком на землю, опасаясь, что смерть настигнет их, если они увидят лик святого Виятао, как его называли. Самые могущественные лорды никогда не появлялись в его присутствии иначе, как с опущенными глазами и обнаженными ногами, и даже принцы крови сапотеков должны были занимать перед ним место ниже, чем его собственное. Священникам-сапотекам строго предписывалось воздержание, и особенно на понтифике Йопаа, ввиду его высокого положения, лежала обязанность быть сияющим светочем целомудрия для руководства теми, кто смотрел на него снизу вверх; тем не менее, папское достоинство передавалось по наследству в семье Вийятао. Этот парадокс объясняется следующим образом: в определенные дни каждого года, которые обычно отмечались пирами и танцами, у верховного жреца было принято напиваться. Находясь в этом состоянии, которое, казалось, не принадлежало ни небу, ни земле, к нему привели одну из прекраснейших дев, посвященных на служение богам. Если результатом этого священного разврата оказывался младенец мужского пола, ребенок воспитывался с большой заботой как принц королевской семьи. Старший сын правящего понтифика

унаследовал трон Йопаа, или, при отсутствии детей, наследовал ближайший родственник первосвященника. Младшие дети посвящали себя служению богам или женились и оставались мирянами, в соответствии со своей склонностью или желанием отца; в любом случае на их долю обычно выпадали самые почетные и важные должности.^[15]

Пышность и обстоятельства, окружавшие монархов ацтеков, а также величие их повседневной жизни были наиболее впечатляющими. С момента своей коронации правитель ацтеков жил в атмосфере преклонения, неведомой самому могущественному правителю старого света. Почитаемые как бога, самые надменные вельможи, правители своей страны, смирялись перед ним; обладая абсолютной властью, судьба тысяч зависела от одного жеста его руки.

ЦЕРЕМОНИЯ ПОМАЗАНИЯ.

Церемония помазания, которая предшествовала коронации и полностью отличалась от нее, была поводом для большого показа. В Мексике, как только был избран новый король, что произошло сразу после похорон его предшественника, были посланы короли Тецкоко и Тлакопана, чтобы они присутствовали на церемонии помазания; все крупные феодалы, присутствовавшие на похоронах покойного короля, также были приглашены присутствовать. Когда все в сборе, процессия направляется к храму Уицилопочтли, бога войны. Короли Тецкоко и Тлакопана, окруженные самой могущественной знатью королевства, со своими знаменами и знаками отличия, возглавляют авангард. Следующим идет избранный король, обнаженный, за исключением только мактли, или ткани вокруг чресел; за ними следуют менее знатные люди, а за ними простые люди. Процессия молча движется по улицам; ни барабанного боя, ни криков людей не слышно из-за топота. Дорога впереди так же свободна от препятствий, как коридор в королевском дворце; никто не движется среди толпы, которая тянется по ее краям, но все стоят, склонив голову и опустив глаза, пока торжественное представление не закончится, после чего они сливаются с толкающейся и перешептывающейся толпой, которая следует за ними. Прибыв в храм, царь и та часть процессии, которая предшествует ему, поднимаются на вершину. Во время подъема его с обеих сторон поддерживают знатные господа, и такая помощь не лишняя, ибо лестницы, имеющие всего сто четырнадцать ступеней, каждая высотой в фут, устроены так, что необходимо несколько раз полностью обогнуть здание, прежде чем достичь вершины. На вершине царя встречают первосвященник и его коллеги, а люди тем временем ждут внизу. Его первое действие по достижении вершины - отдать дань уважения изображению бога сражений, прикоснувшись рукой к земле, а затем поднеся ее ко рту. Теперь верховный жрец помазывает царя по всему телу определенной черной мазью и окропляет его водой, освященной на великом празднике Уицилопочтли, используя для этой цели ветви кедра и ивы и листья маиса;^[16] в то же время он обращается к нему с несколькими словами совета. Затем новопомазанный монарх облачается в мантию, на которой изображены черепа и кости, напоминающие ему, как нам сказали, о том, что даже короли смертны; его голова покрыта двумя тканями или покрывалами, одним синим, а другим черным, и украшена аналогичным образом; к его шее привязана маленькая тыквенная бутылка, содержащая определенный порошок, который считается сильным средством против болезней, колдовства и измены. В правую руку ему вкладывают кадило с тлеющими углями, а в левую - мешочек с копалом, и таким образом он облачается при условии, что будет воскуривать

благовония богу Уицилопочтли.^[17] Этот акт поклонения он совершает на коленях, под одобрительные крики людей внизу и игру на музыкальных инструментах. Теперь он закончил, и первосвященник снова обращается к нему с короткой речью. Подумайте хорошенько, сир, говорит он, о великой чести, оказанной вам вашими подданными, и помните теперь, что вы король, что ваш долг - с величайшей заботой заботиться о своем народе, смотреть на него как на своих детей, оберегать его от страданий и защищать слабых от угнетения сильных. Узри перед собой вождей твоего королевства вместе со всеми твоими подданными, для которых ты и отец, и мать, ибо именно к тебе они обращаются за защитой. Теперь ваше дело командовать и управлять, и особенно это ваш долг - уделять большое внимание всем вопросам, связанным с войной, разыскивать и наказывать преступников независимо от ранга, подавлять восстания и карать мятежников. Пусть сила религии не ослабевает во время твоего правления, следи за тем, чтобы о храмах хорошо заботились, пусть всегда будет изобилие жертв для жертвоприношений, и тогда ты преуспеешь во всех своих начинаниях и будешь любим богами. Гомара утверждает, что первосвященник дал царю клятву, что во время своего правления он будет поддерживать религию своих предков и соблюдать их законы; что он никого не обидит и будет доблестным на войне; что он заставит солнце светить, облака проливать дождь, реки течь, а землю приносить плоды в изобилии.^[18] Затем союзные короли и знать обращаются к нему с той же целью, на что король отвечает благодарностью и обещает приложить все силы для счастья государства.

По окончании речей процессия снова огибает храм, пока, следуя терраса за террасой, наконец не достигает земли в том же порядке, в каком поднималась. Теперь король получает почести и подарки от остальной знати под громкие возгласы народа. Затем его отводят в храм под названием Тлакатекко, где в течение четырех дней он остается один, совершая покаяние и принимая пищу только один раз в день, однако со свободой выбора собственной пищи. Дважды в течение каждых двадцати четырех часов он совершает омовение, один раз в полдень и один раз в полночь, и после каждого омовения он пускает кровь из ушей и предлагает ее вместе с небольшим количеством жженого копала Уицилопочтли. Оставшуюся часть своего времени в течение этих четырех дней он проводит, моля богов наделить его мудростью и благоразумием, необходимыми правителю могущественного королевства. На пятый день его торжественно проводят в королевский дворец, куда приезжают феодалы, чтобы возобновить инвеституру своих феодалов. Затем следуют большие общественные веселья с играми, пирами, танцами и иллюминациями.

ЦЕРЕМОНИЯ КОРОНАЦИИ.

Коронация, как я уже говорил, была церемонией, отличной от помазания. Чтобы подготовиться к этому, было необходимо, чтобы новоизбранный король отправился на войну, чтобы раздобыть жертвы для жертвоприношений, необходимых в таком случае. У них никогда не было врагов, против которых можно было развязать войну; либо какая-нибудь провинция королевства взбунтовалась, либо мексиканские купцы были несправедливо преданы смерти, либо королевским послам было нанесено оскорбление, или, если ни одно из этих оправданий не находилось под рукой, только важность события делала войну оправданной. О том, как велась война, и о триумфальном возвращении победоносной армии я буду говорить в другом месте. Похоже, что когда короновался король Мексики, диадема была возложена на его голову королем Тецкоко. Корона, которую мексиканцы

называли *corilli*, имела форму маленькой митры, передняя часть которой стояла вертикально и заканчивалась заострением, в то время как задняя часть свисала с шеи. Он был сделан из различных материалов, в зависимости от желания владельца; иногда это были тонкие золотые пластины, иногда он был соткан из золотой нити и украшен красивыми перьями.^[19] Отсутствуют сведения о конкретных церемониях, использовавшихся при коронации, но все сходится во мнении, что они были беспрецедентно великолепны. Новый король самым роскошным образом принимал в своем собственном дворце всю великую знать своего королевства; почести оказывались щедрой рукой, и подарки были в изобилии сделаны как самим королем, так и для него. Были даны великолепные банкеты, в которых участвовала вся знать королевства, а низшие классы пировали и развлекались с величайшей щедростью. Любовь ацтеков ко всевозможным общественным играм и празднествам подтверждается частотой их застолий, и ничто так не могло обеспечить новоизбранному монарху большего расположения своих подданных, чем начало своего правления серией великолепных увеселений. О странном очаровании, которым обладал для них этот вид развлечений, свидетельствует тот факт, что чужеземцы приезжали издалека, чтобы стать свидетелями коронационных пиршеств, и рассказывают, что представителей враждебных наций часто обнаруживали переодетыми в толпе, и милосердие короля не только позволяло им беспрепятственно проходить, но и предоставляло места, с которых они могли хорошо видеть происходящее и где они были бы защищены от оскорблений.^[20] Одной из главных особенностей этого дня была поздравительная речь одного монарха другому, которая была вежливой, льстивой и наполненной добрыми советами; следующее обращение Несауальпилли, короля Тецкоко, к Монтесуме II по случаю восшествия последнего на престол Мексики проиллюстрирует это.

ОБРАЩЕНИЕ К КОРОЛЮ.

Великая удача, могущественнейший господин, выпавшая на долю этого королевства в том, что оно заслужило тебя своим монархом, ясно видна по единодушию, с которым ты был избран, и по общей радости твоего народа по этому поводу. И у них есть причина радоваться, ибо мексиканская империя так велика, что никто, обладающий меньшей мудростью, благоразумием и отвагой, чем ты, не годился для управления ею. Воистину, этот народ любим богами за то, что они пролили свет на выбор наилучшего; ибо кто может сомневаться в том, что принц, который, прежде чем взойти на трон, изучил девять небес,^[21] теперь, когда он король, добудет блага земли для своего народа? Кто может сомневаться, что его испытанное мужество станет еще больше теперь, когда оно так необходимо? Кто может поверить, что столь могущественный принц будет обнаружен без милосердия к сироте и вдове? Кто может сомневаться в том, что мексиканский народ пользуется благосклонностью богов, имея королем того, кому великий Творец передал так много своей славы, что, просто взглянув на его лицо, мы приобщаемся к этой славе? Радуйся, о счастливая земля! ибо боги дали тебе принца, который будет твердой опорой для твоей поддержки, отцом и прибежищем для твоей помощи, более чем братом в сострадании и милосердии к своему народу. Воистину, у тебя есть король, который не воспользуется своим высоким положением, чтобы предаться лени и удовольствиям, но который, скорее, будет лежать без сна всю ночь, размышляя о твоем благополучии. Тогда скажи мне, о самая счастливая страна, разве у меня нет оснований говорить: "Радуйся и будь счастлив"? И ты, самый благородный и могущественный господин, будь добросердечен, ибо, поскольку высшие боги назначили тебя на этот пост, они даруют тебе силы, чтобы исполнить его; и

будь уверен, что боги, которые были так милостивы к тебе в течение этих многих лет, теперь не ослабеют в своей доброте; благодаря им ты был поднят до своего нынешнего высокого положения; мы молимся, чтобы с их помощью ты мог продолжать занимать его в течение многих счастливых лет в будущем.^[22]

Вполне вероятно, что речи, используемые в тех случаях ацтеками, подобно их молитвам, не произносились *ex tempore* и даже не готовились заранее говорящим; скорее всего, они были в форме фиксированного ритуала, каждая из которых готовилась для особого случая, такого как коронация или похороны монарха, и повторялись так часто, как только такой случай наступал. Некоторые речи должны произноситься определенными лицами; для других требовался только красноречивый оратор. Саагун приводит речь, обращенную к новоизбранному королю. Это могло быть произнесено, по его словам, одним из первосвященников, или знатным человеком, известным своим красноречием, или каким-нибудь делегатом от провинций, который был красноречивым оратором, или, возможно, каким-нибудь ученым сенатором, или другим человеком, хорошо сведущим в искусстве произносить речи. Язык скован, причудлив и, возможно, утомителен, но как образец ораторского искусства ацтеков я привожу его полностью, придерживаясь смысла и как можно более четко повторяя слова оригинала:

О царь, самый жалостливый, самый набожный и самый возлюбленный, более достойный уважения, чем драгоценные камни или отборные перья, ты здесь по воле Господа Бога нашего, который назначил тебя править нами вместо царей, твоих предков, которые, умирая, сбросили со своих плеч бремя правления, под которым они трудились, подобно тому, как человек с тяжелым грузом поднимается на гору. Возможно, эти мертвые все еще помнят и заботятся о земле, которой они управляли, ныне, по воле Божьей, пустынной, во тьме и запустении без короля; возможно, они с жалостью смотрят на свою страну, которая превратилась в место, заросшее шиповником и бесплодное, и на своих бедных людей, которые сироты, без отца и матери, не знающие и не понимающие того, что лучше всего; которые неспособны говорить из-за немоты, которые подобны телу без головы. Тот, кто недавно покинул нас, был силен и доблестен: на несколько коротких дней он был одолжен нам, затем, подобно видению, он ускользнул из нашей среды, и его уход был подобен сну, ибо Господь, наш Бог, призвал его упокоиться с умершими царями, его предками, которые сегодня как бы скрыты от нашего взора в сундуке. Так он был собран со своим народом и даже сейчас находится с нашими отцом и матерью, Богом Ада, которого зовут Миктлантекутли. Вернется ли он, может быть, из того места, куда ушел? Может быть, он не вернется к нам? Ушел он навсегда, и его королевство потеряло его. Никогда больше, во все грядущие времена, мы не сможем увидеть ни его лица, ни тех, кто придет после нас. Он ушел из наших глаз навсегда. Наш свет погас; мы, кого он просветил, кого он, так сказать, нес на своих плечах, брошены во тьму и подвергаемся великой опасности уничтожения. Вот, он оставил свой народ, престол и седалище, на которые поместил его наш Господь Бог и которые он поставил своей постоянной целью сохранять в мире и тишине. Он не прикрывал свои руки и ноги мантией из-за лени, но с усердием трудился на благо своего народа. В тебе, о всемилостивый царь, мы имеем великое утешение и радость; в тебе Господь Бог даровал нам подобную солнцу славу и великолепие. Бог указывает на тебя своим перстом, он написал твое имя красными буквами. Вверху и внизу, на небесах и в аду, установлено, что ты будешь царем и будешь владеть тронem, престолом и достоинством этого царства, корни которого были глубоко посажены давным-давно твоими предками, которые сами были его первыми ветвями. На тебя, сир, возложены заботы о сеньории. Ты преемник лордов, твоих предшественников, и должен нести бремя, которое несли они; на свою спину ты должен

возложить бремя этого королевства; силе твоих бедер и твоих рук Господь Бог доверяет управление простыми людьми, которые капризны и которым трудно угодить. В течение многих лет ты должен поддерживать и забавлять их, как если бы они были маленькими детьми; в течение всей своей жизни ты должен баюкать их на руках, нянчить у себя на коленях и убаюкивать колыбельной. О, господь наш, преосвященнейший и досточтимый, это было решено на небесах и в аду; этот вопрос был рассмотрен, и тебе был дан сигнал, на тебя пал выбор Господа Бога нашего. Было ли возможно, что ты смог бы спрятаться или избежать этого решения? С каким уважением ты относишься к Господу Богу? С каким уважением ты относишься к королям и великой знати, которые были вдохновлены Богом избрать тебя нашим отцом и матерью, чье избрание является божественным и безвозвратным?

Поскольку это так, о наш господь, смотри, приготовься к выполнению своей задачи, подставь свои плечи под бремя, которое было возложено на тебя. Позволь исполниться воле Божьей. Возможно, ты будешь нести это бремя какое-то время, или, может быть, смерть оборвет тебя, и твое избрание будет как сон. Поэтому обрати внимание, что ты не неблагодарен, придавая малое значение благам Божьим. Будь уверен, что он видит все тайное и что он причинит тебе боль таким образом, который может показаться ему благим. Может быть, он пошлет тебя в горы и пустынные места, или он бросит тебя в грязь, или с тобой случится что-то страшное и уродливое; может быть, ты будешь опорочен и покрыт стыдом, или в твоём царстве возникнут раздоры и восстание, так что ты впадешь в презрение и будешь низвергнут; возможно, другие цари, твои враги, могут восстать против тебя и победить тебя; или, возможно, Господь может постигнуть голод и захотеть опустошить твоё царство. Что ты будешь делать, если в своё время твоё царство будет разрушено, и гнев нашего Бога посетит тебя в виде эпидемии? Или если свет твоего великолепия обратится в крошечную тьму, а твои владения будут опустошены? Или если смерть настигнет тебя, когда ты ещё молод, или Господь Бог ступит на тебя своей ногой до того, как ты полностью возьмешь в свои руки бразды правления? Что ты будешь делать, если Бог внезапно пошлет против тебя армии врагов из пустыни или с моря, из пустынных и бесплодных мест, где люди ведут войны и проливают кровь, чтобы утолить жажду солнца и земли? Многообразны наказания Божьи для тех, кто оскорбляет его. Посему, о наш царь, тебе надлежит изо всех сил делать то, что правильно при исполнении твоего долга, заботясь о том, чтобы это делалось со слезами и воздыханиями и непрестанной молитвой к Господу Богу нашему, невидимому, неосязаемому. Приблизься к нему, сир, плача и со всей искренностью, чтобы он помог тебе править в мире. Остерегайся принимать с добротой и смирением тех, кто обращается к тебе в горе и отчаянии. Не говори и не действуй опрометчиво, но выслушай спокойно и до конца все жалобы, представленные тебе; не прерывай резко слова говорящего, ибо ты - образ Господа Бога, в тебе представлена его личность, ты - его опора, твоими устами он говорит, твоими ушами он слушает. Не считайся с людьми, сир, но наказывай всех одинаково и справедливо, ибо у тебя есть сила Божья, твоя десница для наказания подобна когтям и зубам Бога, ибо ты его судья и палач. Поэтому твори правосудие, не обращая внимания ни на чей гнев; таково повеление Бога, который отдал совершение этих дел в твои руки. Позаботьтесь о том, чтобы на высоких постах лордов и судей ничего не делалось поспешно, чтобы не было ни горячих слов, ни поступков, совершенных в гневе. Не говори сейчас в своём сердце: "Я господь, моя воля - закон", но лучше позволь этому стать поводом для унижения твоей доблести и понижения твоей самооценки. Следи за тем, чтобы твои новые достоинства не были средством возвысить тебя гордыней и надменностью, но вместо этого почаще размышляй о своём прежнем скромном положении, из которого ты был взят и помещен туда, где ты сейчас находишься.

Скажи своему сердцу: кем я был? Кто я? Не по своим заслугам достиг я этого высокого положения, но по воле Божьей; воистину, все это сон, а не трезвая правда. Будь бдителен, сир, чтобы ты не оставался свободным от забот, чтобы ты не стал беспечным от удовольствий и не стал обжорой и виночерпием, тратя на пиршества и пьянство то, что заработано потом твоих подданных; пусть милость, которую Бог проявил, избрав тебя королем, не будет вознаграждена сквернословием, безумием и беспорядками.

О наш царь и внук, Бог наблюдает за теми, кто управляет его королевствами, и когда они поступают неправильно, он смеется над ними; он насмехается и молчит; ибо он Господь, Бог наш, он делает то, что ему заблагорассудится, он издевается над кем ему заблагорассудится; мы - дело его рук, в ложбинке своей ладони он подбрасывает нас туда-сюда даже как мячики и игрушки, он издевается над нами, когда мы спотыкаемся и падаем, он использует нас в своих целях, когда мы перекатываемся с боку на бок. Усердно стремись, о царь, делать то, что ты должен делать, мало-помалу. Может быть, количество наших грехов сделало нас недостойными, и твое избрание будет для нас преходящим видением; или, может быть, на то воля Господа, чтобы ты на время обрел царское достоинство; может быть, он испытает тебя и, если ты окажешься в нужде, поставит на твое место другого. Разве друзья Господа не велики числом? Ты единственный, кто ему дорог? Многие - друзья Господа; многие - те, кто взывает к нему; многие - те, кто возвышает перед ним свои голоса; многие - те, кто плачет перед ним; многие - те, кто со слезами молится ему; многие - те, кто вздыхает в его присутствии; воистину, все они неисчислимы. Есть много великодушных и благоразумных людей с большими способностями и властью, которые молятся Господу и громко взывают к нему; поэтому смотри, нет недостатка в других, кроме тебя, кому можно присвоить царское достоинство. Может быть, как нечто недолговечное, как явление, видимое во сне, Господь воздаст тебе эту великую честь и славу; может быть, он дает тебе ощутить его нежную сладость и быстро касается твоих губ. О царь, самый удачливый, склони голову и смирись; плачь от печали и вздыхай; горячо молись и исполняй волю Господа как ночью, так и днем, в течение того времени, когда он сочтет нужным пощадить тебя. Исполняй свою роль со спокойствием, непрестанно молясь на твоём престоле с добротой и мягкостью. Следи за тем, чтобы ты никому не давал повода для боли, или усталости, или печали, чтобы ты ни на кого не наступал, чтобы ты никого не пугал гневными словами или свирепыми взглядами. Воздержись также, о наш царь, от всех непристойных шуток и бесед, чтобы не навлечь на свою персону презрения; легкомыслие и шутовство не подобают человеку твоего достоинства. Не склоняй ухо к сквернословию, даже если оно исходит от близкого родственника, ибо, хотя как человек ты смертный, все же в отношении своего служения ты подобен Богу. Хотя ты наш собрат и друг, наш сын и наш брат, все же мы не равны тебе и не смотрим на тебя как на человека в том смысле, что ты теперь образ Господа Бога; это он говорит внутри тебя, наставляя нас и делая себя услышанным твоими устами; твои уста - это его уста, твой язык - это его язык, твое лицо - это его лицо. Он уже удостоил тебя своей власти, он дал тебе зубы и когти, чтобы тебя боялись и уважали. Позаботься о том, сир, чтобы твое прежнее легкомыслие было теперь отброшено, чтобы ты завладел сердцем старика, человека сурового и серьезного. Присмотрись повнимательнее к своей чести, к порядочности твоей личности и величию твоей должности; пусть твои слова будут немногочисленны и серьезны, ибо ты теперь другое существо. Смотри, место, на котором ты стоишь, чрезвычайно высоко, и падение с него опасно. Представь, что ты идешь по высокому хребту и по узкой тропинке, обрывающейся с обеих сторон на ужасающую глубину, так что невозможно свернуть вправо или влево, не упав головой в пропасть. Тебе также надлежит, сир, остерегаться того, чтобы не быть сварливым, свирепым и не внушать всем страх, как дикому зверю. Сочетай умеренность со строгостью, склоняясь скорее к

милосердию, чем к безжалостности. Никогда не показывай все зубы и не выпускай когти на всю длину. Никогда не показывайся испуганным, грубым или опасным; спрячь свои зубы и когти; собери вместе своих главных людей, сделай себя приемлемым для них с помощью подарков и добрых слов. Позаботься также о развлечении простых людей в соответствии с их качеством и рангом; приспособься к различным классам людей и снискай их расположение. Проявляй заботу о танцах, украшениях и инструментах, используемых на них, ибо они являются средством вселения в мужчин воинственного духа. Радуй сердца простых людей играми и увеселениями, ибо так ты прославишься и будешь любим, и даже после смерти твоя слава будет жить, и старики и женщины, знавшие тебя, будут проливать слезы скорби о твоём отсутствии. О самый удачливый и блаженный король, самое драгоценное сокровище, помни, что ты идёшь скалистой и опасной дорогой, по которой ты должен ступать твердо, ибо на пути королей и принцев есть много зияющих пропастей, и скользких мест, и крутых, непроходимых склонов, где спутанные колючие кусты и высокая трава скрывают ловушки, в которые воткнуты заостренные колья. Посему надлежит тебе взывать к Богу твоему со стонами и причитаниями, постоянно бодрствовать и сторониться блудницы, которая является проклятием и болезнью для человека. Не спи чутко в своей постели, сир, а лучше лежи и обдумывай дела своего королевства; даже во сне пусть тебе приснятся те блага, которые находятся на твоём попечении, чтобы ты знал, как лучше распределить их между твоими вельможами и придворными, ибо многие завидуют королю и хотели бы есть так, как он ест, и пить так, как он пьёт, потому и сказано, что короли "едят хлеб скорби". Не думайте, сир, что королевский трон - мягкое и приятное сиденье, ибо на нём нет ничего, кроме тревог и раскаяния. О благословенный и драгоценнейший царь, я не желаю причинять боль твоему сердцу или возбуждать твой гнев и негодование; для меня достаточно того, что я много раз спотыкался и скользил, да, и даже падал, во время этой моей речи; для меня достаточно недостатков речи, которую я произнес, совершая прыжки подобно лягушке перед нашим Господом Богом, невидимым, неосязаемым, который здесь и слушает нас, который отчетливо слышал малейшее из слов, которые я произносил запинаясь и с трудом. колеблясь, в плохом порядке и с неподходящими жестами; но, делая это, я соблюдал обычай, который обязывает пожилых людей государства обращаться к новоизбранному королю. Подобным образом я исполнил свой долг перед нашим Богом, который слышит меня, которому я приношу в жертву эту мою речь. Да будешь ты долго жить и царствовать, о господь и царь. Я высказался.

ГЛАВА IV.

ДВОРЦЫ И ДОМАШНИЕ ХОЗЯЙСТВА КОРОЛЕЙ НАУА.

Площадь и интерьер Большого дворца в Мексике—Дворец Несауалькойотля, короля Тецкоко—Зоологические коллекции монархов Науа—Оратория Монтесумы—Королевские сады и увеселительные площадки—Холм Чапультепек—Загородная резиденция Несауалькойотля в Тецкоцинко—Дворцы тольтеков—Королевская гвардия—Королевские трапезы—Ацтекская кухня—Зал для аудиенций—Развлечения после ужина—Королевский гардероб—Король среди своего народа— Встреча Монтесумы II и Кортес—королевский гарем—Доходы королевского двора—Политика королей ацтеков.

НАДЕЖНОСТЬ АВТОРИТЕТОВ.

В предыдущей главе мы видели, как избирались, и миропомазывались, и короновались монархи, и устраивались пиры, и читались лекции; теперь давайте последуем за ними по домам. И здесь я должен признаться, что я несколько ошеломлен этими выступлениями. Написано, что как только новый король был официально наделен правом суверенитета, он вступил во владение королевскими дворцами и садами, и что эти обитатели королевской власти были по масштабу великолепия почти беспрецедентны в летописях народов. Трудно сказать, насколько мы можем полагаться на эти отчеты; еще сложнее - как нам определять спорные вопросы. В представленных нам свидетельствах есть два класса доказательств: в основе одних лежат эгоизм, суеверия и патриотизм; в основе других - недовольство, ревность и ненависть. К счастью, между этими противоборствующими злами мы можем хотя бы приблизиться к истине. Для иллюстрации: не может быть никаких сомнений в том, что многое из того, что касается цивилизации ацтеков, было сильно преувеличено древними испанскими авторами, и по очевидным причинам. Некоторым, как священникам, так и авантюристам, было явно выгодно преувеличивать могущество и значение покоренных народов и разрушенных ими городов, прекрасно понимая, что рассказы о могущественных королевствах с бесчисленными людоедами и сказочными богатствами скорее пробудят рвение и алчность испанцев и лучше всего обеспечат им как почести, так и припасы. Собранные из уст неграмотных солдат, не склонных приуменьшать славу своих достижений в повествовании, или из рукописей местных историков, чьи патриотические заявления относительно несуществующих более государств с трудом поддавались опровержению, эти рассказы попали в руки доверчивых авторов с богатым воображением, которые с жадностью впитывали чудеса, о которых им рассказывали, и записывали их со сверхчеловеческой разборчивостью — с разборчивостью, которая приводила каждый так называемый факт в соответствие с писаниями Отцов Церкви. Эти писатели в выдающейся степени обладали способностью, которую современные ученые называют творческим потенциалом в написании истории. Все, что им говорили, противоречащее традиции, было,

безусловно, ошибочным, ловушкой дьявола; если каких-либо фактов не хватало в направлении, указанном доктринами или догмами, их праведным долгом было восполнить их. Так оно и было в определенных случаях. Но об истинности большей части этих отношений свидетельствует единодушие авторов, хотя отчасти это объясняется тем, что каждый из них копировал труды других, и, что более убедительно, архитектурными остатками, пережившими нападения завоевателей-иконоборцев, а также золотыми украшениями и драгоценными камнями такой изысканной работы, что они равняются, если не превосходят, чему-либо подобному в Европе, которые были отправлены в Испанию в качестве доказательств богатства страны. На таком расстоянии во времени невозможно провести четкую грань между правдой и ложью; и я не считаю своим долгом догматизировать в этих вопросах, а скорее рассказать историю так, как я ее нахожу, в то же время предлагая читателю все возможные доказательства.

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ В МЕКСИКЕ.

Главный дворец в городе Мехико представлял собой беспорядочное нагромождение низких зданий огромной величины, построенных из огромных блоков *тецонтли*, разновидности пористого камня, распространенного в этой стране, скрепленного строительным раствором. Расположение зданий было таково, что они окружали три большие площади, на одной из которых непрерывно бил прекрасный фонтан. Двадцать огромных дверей открывались на площадях и улицах, и над ними был высечен из камня герб королей Мексики — орел, сжимающий в когтях ягуара.^[23] Внутри было много залов, каждый огромного размера, и, по словам писателя, сопровождавшего Кортеса, известного как Анонимный Завоеватель, один из них, в частности, был достаточно просторным, чтобы вместить три тысячи человек; в то время как на террасе, образующей его крышу, тридцать всадников могли бы упражняться с копьем.^[24] В дополнение к этому здесь было более сотни комнат меньшего размера и столько же мраморных ванн, которые вместе с фонтанами, прудами и бассейнами в садах снабжались водой с соседнего холма Чапультепек. Были также великолепные апартаменты, сохраненные для использования королями Тецкоко и Тлакопана и их приближенными, когда они посещали Мексику, а также для министров и советников, а также великих вельмож и их свиты, которые постоянно проживали в столице. Помимо них, необходимо было обеспечить личную прислугу царя — а имя им было легион ; так что, когда мы рассматриваем другие обширные здания, такие как гарем, в котором, по данным некоторых источников, находилось около трех тысяч женщин; оружейный склад, зернохранилища, амбары, зверинцы и вольеры, которые либо составляли часть дворцовых построек, либо находились в непосредственной близости от них, мы готовы отчасти поверить вышеупомянутому Анонимному Завоевателю, когда он утверждает, что, хотя он четыре раза бродил по дворцу, пока не устал, без какой—либо другой цели, чем осмотреть его изнутри, но ему так и не удалось увидеть его целиком.^[25] Стены и полы залов и апартаментов во многих из них были облицованы полированными плитами из мрамора, порфира, яшмы, обсидиана и белого текали;^[26] высокие колонны из тех же прекрасных камней поддерживали мраморные балконы и портики, каждая ниша и угол которых были украшены чудесной орнаментальной резьбой или украшены ухмыляющейся гротескно изваянной головой. Балки и наличники были сделаны из кедра, кипариса и других ценных пород дерева, искусно вырезаны и сколочены без гвоздей. Крыши дворцовых зданий образовывали анфиладу огромных террас, с которых открывался великолепный вид на весь город.

Великолепные циновки самой изысканной отделки были расстелены на мраморных полах; гобелены, которыми были задрапированы стены, и занавески, висевшие на окнах, были сделаны из ткани, удивительной своей нежной текстурой, элегантным рисунком и яркими цветами; по залам и коридорам тысячи золотых курильниц, в которых горели драгоценные специи и благовония, распространяли тонкий аромат.^[27]

Дворец, построенный Несауалькойотлем, королем Тецкоко, во многих отношениях даже превосходил дворец Монтесумы. Тецкуканский историк Икстлильшочитль дал полное описание этого явления, которое я частично перевожу. Совокупность зданий, составлявших не только королевскую резиденцию, но также государственные учреждения и суды, простиралась с востока на запад на тысячу двести тридцать четыре с половиной ярда, а с севера на юг - на девятьсот семьдесят восемь ярдов. Они были окружены стеной, сделанной из прочно скрепленных друг с другом брусьев и стоявшей на фундаменте из очень твердого строительного раствора, шириной в шесть футов у основания. С южной и восточной сторон стена была в три раза выше человеческого роста; с западной стороны, обращенной к озеру, и с северной стороны она поднималась на высоту в пять раз выше человеческого роста.^[28] На протяжении одной трети расстояния от основания до верха стена постепенно становилась тоньше, в то время как остальная часть имела одну толщину.^[29] Внутри этой ограды находились королевские покои, палаты совета и другие залы и апартаменты. Здесь также были две большие площади, внешняя из которых служила общественным рынком. Внутренний двор был окружен различными судами правосудия и другими залами, где в судебном порядке и иным образом рассматривались вопросы, относящиеся к науке, искусству и армии, все из которых будут описаны в своем месте, а также залом, где хранились архивы королевства. В центре двора, который также использовался как рыночная площадь, находился теннисный корт; на западной стороне располагались апартаменты короля, числом более трехсот, все превосходно обустроенные; здесь были также склады для сбора дани и великолепные апартаменты, отведенные для королей Мексики и Тлакопана, когда они посещали Тецкоко. Эти покои вели в королевские увеселительные сады, искусно разбитые лабиринтами дорожек, вьющихся среди темной листвы, где часто терялись непосвященные; здесь были сверкающие фонтаны, манящие ванны, тенистые кедровые и кипарисовые рощи, пруды, изобилующие рыбой, вольеры с птицами всех оттенков и видов, а также обширные зверинцы.^[30] Город Мехико, однако, предоставил самую большую коллекцию животных, или, во всяком случае, завоеватели описали его более полно, чем другие. Монархи ацтеков получали особое удовольствие от поддержания зоологических коллекций в огромных масштабах, и Монтесума II, вероятно, более полно потворствовал этой фантазии, чем кто-либо другой. Этот принц повелел воздвигнуть в городе Мехико огромное здание, окруженное обширными садами, которое использовалось только для содержания и демонстрации всевозможных птиц и зверей.

ЗВЕРИНЕЦ МОНТЕСУМЫ.

Одна часть этого здания состояла из большого открытого двора, вымощенного камнями разных цветов и разделенного на несколько отсеков, в которых содержались дикие звери, хищные птицы и рептилии. Более крупные животные содержались в низких деревянных клетках, сделанных из массивных балок. Их кормили внутренностями человеческих

жертвоприношений, а также оленями, кроликами и другими животными. Хищные птицы были распределены в соответствии с их видом в подземных помещениях глубиной более семи футов и более семнадцати футов в длину и ширину. Половина каждой камеры была перекрыта каменными плитами, под которыми в стене были вделаны насесты, где птицы могли спать и быть защищены от дождя; другая половина была закрыта только деревянной решеткой, которая пропускала воздух и солнечный свет. Ежедневно на корм этим птицам убивали пятьсот индеек. Аллигаторов держали в прудах, огороженных стеной, чтобы они не могли сбежать, а змей - в длинных клетках или сосудах, достаточно больших, чтобы они могли свободно передвигаться. Эти рептилии также питались человеческой кровью и кишечником. Мистер Прескотт сообщает нам, что весь этот зверинец "был передан под опеку многочисленных зрителей, которые познакомились с привычками своих пленников и заботились об их комфорте и чистоте".

Томас Гейдж, проникательный древнеанглийский еретик, придерживается другой точки зрения. В своем причудливом, хотя и свободном и хлестком стиле он пишет: "Но что было чудесно видеть, отвратительно видеть, отвратительно слышать в этом доме, так это ежедневные занятия офицеров с этими зверями, пол, залитый кровью, похожей на желе, воняющий, как на бойне, и рычание львов, устрашающее шипение змей и гадюк, заунывный вой и лай Волков, горестные вопли оунзов и Тигров, когда они хотели мяса. И все же в этом месте, которое в ночное время года казалось темницей ада и обиталищем дьявола, языческий принц мог молиться своим Богам и идолам; ибо рядом с этим Залом был другой, длиной в сто пятьдесят футов и шириной в тридцать футов, где была часовня с крышей из серебра и золотых листьев, обшитой деревянными панелями и украшенной большим запасом жемчуга и камней, таких как агаты, корнерины, изумруды, рубины и множество других видов; и это была Молельня, где Монтесума молился в ночное время, и в этой Молельне Монтесума молился в ночное время. Дьявол чаппел действительно явился ему и дал ему ответ в соответствии с его молитвами, которые, поскольку они были произнесены среди стольких уродливых и деформированных животных, и с их шумом, который сам по себе представлял Ад, были пригодны для ответа дьявола".^[31]

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МОНТЕСУМЫ.

В другой части здания находился огромный зал, служивший вольером, в котором были собраны экземпляры всех птиц империи, за исключением хищных. Они отличались бесконечным разнообразием и великолепным оперением; многие экземпляры было так трудно добыть, что их перья стоили на мексиканском рынке почти баснословно; в то время как некоторые из них, либо из-за их чрезвычайной редкости, либо из-за их неспособности жить в неволе, не появлялись даже в королевском вольере, за исключением имитации, поскольку нам рассказывают, что как в Мексике, так и в Тецкоко все виды птиц и животных, которых нельзя было добыть живыми, были изображены золотом и серебром так искусно, что, как говорят, они послужили натуралисту Эрнандесу образцами. Но чтобы удостоиться этой чести, птица действительно должна была быть гага avis, настоящим фениксом, поскольку Торквемада и многие другие, опираясь на авторитет испанского очевидца, рассказывают, что император Монтесума II. однажды он увидел ястреба-перепелятника, парящего в воздухе, и, "восхищенный его красотой и манерой полета", приказал своим последователям без промедления поймать его и принести живым к нему в руки; и были приложены такие усилия и применена такая осторожность, что за невероятно короткий

промежуток времени "они поймали этого свирепого и надменного ястреба, как если бы это был всего лишь кроткий домашний голубь, и принесли его королю".^[32]

Мраморные галереи, цельные, опирающиеся на яшмовые колонны, окружали это здание и выходили окнами в большой сад, где были рощи редких деревьев, отборные кустарники и цветы, а также фонтаны, наполненные рыбками. Но выдающейся особенностью сада были десять больших прудов для водоплавающих птиц, некоторые из которых были наполнены пресной, а некоторые - соленой водой, в зависимости от характера птиц, которые их часто посещали. Каждый пруд был окружен мозаичным мраморным покрытием и затенен купами деревьев. Как только вода начинала застаиваться, ее сливали и обновляли. Говорят, Монтесума проводил здесь большую часть своего времени, один или со своими женщинами, сидя в тени, среди плеска фонтанов и аромата цветов, размышляя о государственных делах или отвлекаясь от подобных забот, наблюдая за движениями странных птиц над водой.

Не менее трехсот человек были заняты уходом за водоплавающими птицами и птицами в вольере; они кормили их, а в сезон линьки тщательно собирали великолепные перья, которые служили материалом для знаменитых ацтекских изделий из перьев. Повадки птиц были тщательно изучены, и большое внимание уделялось тому, чтобы каждый вид был обеспечен пищей, наиболее соответствующей его вкусу, независимо от того, состояла ли она из червей, насекомых или семян. Рыба, которой снабжалась водоплавающая птица, достигала ста пятидесяти фунтов в день. В другом зале хранилась коллекция человеческих уродств. Как мы сейчас увидим, многие из этих несчастных существ были обучены играть роли шутов за королевским столом. Еще в одном зале находилось несколько альбиносов, или белых индейцев, которые считались большой диковинкой.

В дополнение к этим городским дворцам у монархов ацтеков было множество не менее великолепных загородных резиденций, а также целые участки местности, отведенные под королевские охотничьи угодья. В этих краях запрещалось рубить лес и тревожить дичь, и эти правила соблюдались с особой строгостью.

ХОЛМ ЧАПУЛЬТЕПЕК.

Главная загородная вилла Монтесумы II и единственная, от которой до сих пор видны какие-либо признаки, располагалась на холме Чапультепек, который находился в западном направлении от города Мехико. Во времена королей ацтеков озеро Тецкоко омывало подножие холма, вокруг которого на многие мили во всех направлениях простирались королевские владения. Сады были разбиты террасами, спускавшимися по склону холма среди густых рощ перечных деревьев, миртов и кипарисов, бесчисленных фонтанов и искусственных каскадов. От древнего великолепия дворца и садов сейчас мало что осталось, за исключением естественной красоты листвы, покрывающей холм, и великолепного вида, открывающегося с вершины. Две статуи Монтесумы II. и его отца, высеченных барельефом на порфировой скале, по словам Гамы, еще можно было увидеть в середине прошлого века, но теперь их нет, сметенные теми же безжалостными руками, которые опустошали висячие сады и сносили залы и памятники, пока рощи гигантских кипарисов не стали всем, что осталось в садах Чапультепека, служивших удовольствию древних владельцев. Питер Мученик, описывая дворец в Истапалапане, пишет языком раннего переводчика: "В этом доме также есть фруктовые сады, прекрасно засаженные оливковыми деревьями, травами и цветущими цветами сладкого запаха. В том же районе есть также большие стоячие водоемы

со многими видами рыб, в которых плавают самые разные виды водной нечисти. На дно этих озер человек может спуститься по мраморным стелям, занесенным далеко отсюда. Они сообщают о странных вещах на дорожке, огороженной сеткой из тростника, по крайней мере, кто-либо должен свободно заходить на земные платты или к плодам деревьев. Эти живые изгороди украшены тысячей приятных цветов, которые падают на эти нежные пурпурные аллеи мирта, розмарина или самшита, на которые очень приятно смотреть".^[33]

Несауалькойотль, Соломон из Тецкукана, ни на йоту не отставал от своего брата-короля Мексики в том, что касалось великолепных загородных резиденций и садов. Не довольствуясь королевскими увеселительными угодьями под названием Уэктетпан, пишет историк чичимеков,^[34] этот великий царь создал другие, такие как лес, столь знаменитый в истории Тескоцинка, и те, что называются Каучиакак, Цинакамосток, Козакакаухо, Куэтлатитлан или Тлатейтек, а также леса на озере Акателелько и Тепецинко; он также выделил большое урочище, где он мог проводить свой досуг на охоте. Эти сады были украшены фонтанами, водостоками, канализационными трубами, прудами и лабиринтами и были засажены всевозможными цветами и деревьями, как местными, так и заморскими.

Но Несауалькойотль был не из тех, кто пренебрегал полезностью при обустройстве своей территории. Пять больших участков самых плодородных земель, лежащих недалеко от столицы, были отданы под обработку, а продукты предназначались исключительно для королевского двора.

Некоторые города и провинции по соседству со двором поставляли прислугу и рабочих для дворцов, садов и плантаций. В обмен на такую услугу указанные города и провинции освобождались от налогообложения и пользовались определенными привилегиями. Порядок обслуживания был разделен; таким образом, двадцать восемь городов поставляли тех, кто следил за чистотой и порядком в королевских зданиях и прислуживал королю и его свите; четырнадцать из этих городов^[35] несли службу в течение одной половины года, а остальная часть^[36] - в течение другой половины. Пять городов предоставляли прислугу для королевских покоев,^[37] и восемь провинций,^[38] с их зависимыми городами, предоставляли, каждый в свою очередь, лесников, садовников и сельскохозяйственных рабочих для лесов и садов, декоративных или иных.

ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ В ТЕСКОЦИНКО.

Любимая загородная резиденция короля Несауалькойотля, некоторые остатки которой видны до сих пор, находилась в Тескоцинко, на коническом холме, расположенном примерно в двух лигах от Тескоко. Широкая дорога, проходящая между высокими живыми изгородями и, вероятно, вьющаяся по спирали вокруг холма, по-видимому, вела к вершине,^[39] на которую, однако, можно было добраться за более короткое время с помощью лестничного пролета, многие из которых были вырублены в живой скале, а остальные сделаны из кусков камня, прочно скрепленных между собой. Давила Падилья, писавший во второй половине шестнадцатого века, говорит, что он насчитал пятьсот двадцать таких ступеней, не считая тех, которые уже рассыпались на куски.^[40] Далее он добавляет, что на протяжении последних двенадцати ступеней подъема лестница была прорыта в твердой скале и стала настолько узкой, что за раз мог пройти только один человек. Давила Падилья поинтересовался у местных жителей причиной этого, и они рассказали ему, как они слышали это от своих отцов, что этот узкий проход позволял тецкуканскому монарху утверждать свой ранг,

опережая своих царственных гостей, когда они всем скопом отправлялись поклониться идолу, стоявшему на вершине; конечно, не очень вежливый поступок.^[441] Вода доставлялась по холмам и долам на вершину горы по прочному каменному акведуку. Здесь его принимали в большом бассейне, в центре которого находился большой камень, на котором по кругу были начертаны иероглифы, обозначающие годы, прошедшие с момента рождения Несауалькойотля, с перечнем его наиболее примечательных достижений в каждом из них.^[442] Внутри этого круга был изваян королевский герб, замысловатое устройство которого почти невозможно представить по его неуклюжему описанию, данному Икстлильшочитлем. Насколько я могу разобрать, определенные фигуры, изображающие ногу оленя, украшенную перьями и привязанную к драгоценному камню, заднюю часть, поддерживающую руку, сжимающую лук и стрелы, и воина в доспехах, в шлеме с наушниками, составляли центр; по бокам от них стояли два дома, один охваченный пламенем и разваливающийся на куски, другой целый и богато украшенный; два местных тигра, изрыгающих огонь и воду, служили опорами; все это было окружено бордюром из двенадцати голов королей и знати. Из этого бассейна вода распределялась по садам двумя потоками, один из которых, извиваясь, спускался по северному склону холма, а другой - по южному. Давила Падилья рассказывает, что на вершине также стояло изображение койота, высеченное из живой скалы, которое изображало знаменитого постящегося индейца.^[443] Было также несколько башен или колонн из камня, капители которых были сделаны в форме горшка, из которого торчали плюмажи из перьев, обозначавшие название этого места. Ниже находилась колоссальная фигура крылатого зверя, которого Икстлильшочитль называл львом,^[444] лежащего лицом на восток и несущего в пасти скульптурный портрет короля; эта статуя обычно была покрыта балдахином, украшенным золотом и перьями.^[445]

ДЕКОРАТИВНЫЕ САДЫ В ТЕЦКОЦИНКО.

Еще немного ниже располагались три бассейна с водой, символизирующие великое озеро, а по краям среднего из них на цельной скале были высечены три женские фигуры, представляющие глав конфедеративных штатов Мексика, Тецкоко и Тлакопан.^[446] На северной стороне холма был еще один пруд; и здесь на скале был вырезан герб города Толлан, который ранее был главным городом тольтеков; на южном склоне холма был еще один пруд с гербом и названием города Тенаюка, который ранее был главным городом чичимеков. Из этого бассейна над пропастью непрерывно струился поток воды, который, разбрызгиваясь о камни, подобно дождю разливался по саду с пахучими тропическими растениями.^[447] В саду были две ванны, вырытые из одного большого куска порфира,^[448] и лестничный пролет, также вырезанный из цельного камня, обработанный и отполированный настолько гладко, что они выглядели как зеркала, а на передней части лестницы были вырезаны год, месяц, день и час, когда королю Несауалькойотлю было сообщено о смерти некоего лорда Уэхоцинко, которого он очень высоко почитал, и который умер во время строительства указанной лестницы.^[449] Говорят, что этот сад был совершенным маленьким раем. Все великолепные цветы были пересажены с далекой огненной земли Кальенте; мраморные павильоны, поддерживаемые стройными колоннами, с мозаичными тротуарами и сверкающими фонтанами, уютно расположились среди тенистых рощ и обеспечивали прохладное убежище в долгие летние дни. В конце сада, почти скрытый окружавшими его группами гигантских кедров и кипарисов, находился королевский дворец,^[450] расположенный так, что, хотя его просторные залы были наполнены

чувственными ароматами тропиков, доносящимися из садов, он оставался защищенным от жары.^[51]

ДВОРЦЫ ТОЛЬТЕКОВ.

Если верить древним преданиям, монархи-тольтеки строили такие же великолепные дворцы, как и их преемники-ацтеки. Священный дворец таинственного царя-жреца толтеков Кецалькоатля имел четыре главных зала, обращенных к четырем сторонам света. То, что находилось на востоке, называлось Золотым залом, потому что его залы были украшены пластинами из этого металла, изящно обработанными; помещение, расположенное к западу, называлось Залом Изумрудов и бирюзы, и его стены были обильно украшены всевозможными драгоценными камнями; зал, обращенный на юг, был украшен пластинами из серебра и морскими раковинами ярких цветов, которые были подогнаны друг к другу с большим мастерством. Стены четвертого зала, который находился с северной стороны, были из красной яшмы, покрытые резьбой и украшенные раковинами. В другом из этих дворцов или храмов, поскольку неясно, что это было, также было четыре главных зала, полностью украшенных гобеленами, вышитыми из перьев. В восточном зале перья были желтыми; в западном - синими, взятыми у птицы по имени Сухтототль; в южном зале перья были белыми, а в северном - красными.^[52]

Число слуг, прикрепленных к королевским домам, было очень велико. Каждый день с восхода до заката в приемных дворца Монтесумы в Мексике находилось шестьсот аристократов и джентльменов, которые проводили время, бездельничая и вполголоса обсуждая дневные сплетни, поскольку громко разговаривать или производить какой-либо шум в пределах дворца считалось неуважением. Им были предоставлены апартаменты во дворце,^[53] и они ели из того, что оставалось от изобилия королевского стола, как и их собственные слуги, из которых каждый знатный человек имел право на от одного до тридцати, в зависимости от его ранга. Эти слуги численностью в две или три тысячи человек в течение дня заполняли несколько внешних дворов.

МОНТЕСУМА ЗА СТОЛОМ.

КОРОЛЕВСКИЙ ГАРДЕРОБ.

Король обедал один, в одном из самых больших залов дворца. Если погода была холодной, разжигали огонь с помощью древесного угля, сделанного из древесной коры, который не выделял дыма, но источал восхитительный аромат; а чтобы его величество не испытывал неудобств от жары, между ним и огнем помещалась ширма, украшенная золотом и резными фигурами идолов^[54]. Он сидел на низкой кожаной подушке, на которую были наброшены различные мягкие шкуры, и его стол был похож по описанию, за исключением того, что он был больше и несколько выше и был покрыт белыми хлопчатобумажными скатертями тончайшей текстуры. Обеденный сервиз был из лучшей посуды Чолулы, а многие кубки были из золота и серебра или сделаны из красивых раковин. Говорят, что у него был

полный сервиз из чистого золота, но поскольку считалось ниже королевского достоинства использовать что-либо за столом дважды, Монтесума, при всей своей расточительности, был вынужден хранить этот дорогой обеденный сервиз в храме. Меню включало в себя все съедобное из рыбы, мяса и птицы, которое можно было добыть в империи или импортировать из-за ее пределов. Курьеры доставляли деликатесы издалека, и поскольку королевский стол каждый день пополнялся свежей рыбой, доставляемой без современных средств в виде льда и герметичной упаковки с морского побережья, расположенного более чем в двухстах милях от нас, по дороге, проходящей в основном в тропическом климате, мы можем составить некоторое представление о скорости, с которой передвигались эти курьеры. У ацтеков были искусные повара, и в приготовлении этих экстравагантных блюд было почти столько же разнообразия, сколько и в приготовленном материале. Саагун^[55] приводит внушительный список жареных, тушеных и отварных блюд из мяса, рыбы и птицы, приправленных многими видами трав, из которых, однако, наиболее часто упоминается чили.^[56] Далее он описывает множество видов хлеба, все из которых имеют более или менее близкое сходство с современной мексиканской тортильей,^[57] и все с самыми потрясающими названиями; представьте, например, что кто-то хочет кусок хлеба, и ему приходится просить соседа быть настолько любезным, чтобы передать тотанквитлаквельпачолли; затем были тамале всех видов,^[58] и множество других любопытных блюд, таких как лягушачья икра и тушеное мясо муравьи, приготовленные с чили, но более отвратительные для нас, чем даже такие, как эти, и самые странные из всех странных составов, из которых готовилось королевское меню, были одним очень приправленным и, вероятно, пикантно пахнущим блюдом, настолько изысканно приготовленным, что его основной ингредиент был полностью замаскирован, хотя этим ингредиентом было не что иное, как человеческое мясо.^[59] Каждое блюдо поддерживалось в тепле с помощью подставленной под него жаровни. Авторы не сходятся во мнении относительно точного количества блюд, подаваемых на каждый прием пищи, но оно, должно быть, было огромным, поскольку наименьшее количество подаваемых блюд - триста,^[60] а максимальное - три тысячи.^[61] Их привели в зал четыреста пажей благородного происхождения, которые поставили свою ногу на устланный циновками пол и бесшумно удалились. Затем король указывал на те яства, которые он хотел отведать, или оставлял выбор своему управляющему, который, несомненно, приложил все усилия, чтобы изучить вкусовые предпочтения королевского стола. Этот управляющий был чиновником высочайшего ранга и важности; только ему выпадала честь ставить указанные деликатесы перед королем на стол; он, по-видимому, выполнял обязанности и королевского резчика, и виночерпия, и, по словам Торквемады, делал это босиком и на коленях.^[62] Когда все было готово, несколько самых красивых женщин царя^[63] вошли, неся воду в круглых сосудах, называемых ксикалес, чтобы царь омыл руки, и полотенца, чтобы он мог их вытереть, другие сосуды были поставлены на землю, чтобы собирать капли. В то же время две другие женщины принесли ему несколько маленьких буханок очень нежного хлеба из лучшей кукурузной муки, взбитой с яйцами. После этого перед ним поставили деревянную ширму, резную и позолоченную, чтобы никто не мог видеть его во время еды.^[64] Там всегда присутствовали пять или шесть престарелых лордов, которые стояли возле королевского кресла босиком и со склоненными головами. Им, в знак особого расположения, король иногда посылал отборный кусочек со своей тарелки. Во время трапезы монарх иногда развлекался, наблюдая за выступлениями своих жонглеров и акробатов, чьи изумительные подвиги силы и ловкости я опишу в другом месте; в другое время были танцы, сопровождавшиеся пением и музыкой; присутствовали также карлики и профессиональные шуты, которым разрешалось говорить - привилегия, которой под страхом смертной казни были лишены все остальные, - и, по обычаю своего рода, говорить острые истины в форме

шуток. За более плотной пищей последовали выпечка, сладости и великолепный фруктовый десерт. Единственным напитком, который пили за едой, был шоколад,^[65] которого было около пятидесяти банок;^[66] его брали ложкой, искусно выкованной из золота или ракушки, из кубка из того же материала. Покончив с ужином, король снова вымыл руки водой, принесенной ему, как и прежде, женщинами. После этого принесли несколько раскрашенных и позолоченных трубок, из которых он вдыхал через рот или нос, как ему больше нравилось, дым из смеси жидкого янтаря и травы, называемой табаком.^[67] Закончив сиесту, он посвятил себя бизнесу и приступил к аудиенции иностранных послов, депутатов из городов империи и тех своих вельмож и министров, у которых были к нему дела. Прежде чем войти в приемный покой, все, независимо от их ранга, если только они не принадлежали к королевской крови, были обязаны оставить свои сандалии у двери, накинуть на свои богатые одежды большую грубую мантию и подойти к монарху босиком и с опущенными глазами, ибо подданный, осмелившийся взглянуть своему государю в лицо, был приговорен к смерти.^[68] Король обычно отвечал через своих секретарей,^[69] или, когда он соизволил заговорить непосредственно с обратившимся к нему человеком, это было сделано таким тихим тоном, что его едва можно было расслышать;^[70] в то же время он очень внимательно выслушивал все, что ему сообщали, и поощрял тех, кто из-за смущения испытывал трудности с речью. Каждый претендент, получив отказ, отступал назад, всегда поворачиваясь лицом к королевскому трону. По истечении времени, отведенного для дел, он снова предавался удовольствиям и обычно проводил время в дружеской перепалке со своими шутами или в слушании баллад, воспевавших войну и славные подвиги его предков, или развлекался, наблюдая за подвигами своих жонглеров и акробатов; или, иногда, в этот час он удалялся к более мягким удовольствиям гарема. Он менял свое платье четыре раза в день, и платье, однажды надетое, уже никогда нельзя было использовать снова. По поводу этого обычая Питер Мученик, переведенный на самый причудливый английский, пишет: "Вставая со своей постели, он одевается после одного раза, когда идет на свидание, и, возвращаясь в свою комнату после обеда, он меняет свою одежду; и когда он снова идет ужинать, он берет другую и возвращает себе четвертую, которую носит, пока не ляжет спать. Но что касается 3. одежды, которую он меняет каждый день, многие из тех, кто вернулся, сообщили мне то же самое собственными устами: но как бы то ни было, все согласны в том, что касается смены одежды, что, будучи однажды перенесенными на веревку, они там свалены в кучи, и вряд ли Мутечума больше увидит лицо; но что это за одежда, мы расскажем в другом месте, потому что она очень легкая. Учитывая эти вещи, не будет удивительным, что мы ранее упоминали о таком количестве представленных предметов одежды. По прошествии лет, и особенно дней из них, когда Мутечума обретал покой, и как бы часто он ни менял свои одежды каждый день, всякое восхищение прекратится. Но читатели спросят, почему он нагромождает на себя такую огромную кучу одежды, и это справедливо. Пусть они знают, что Мутечума согласился подарить определенную часть одежды своим близким друзьям или хорошо дезертировавшим солдатам в обмен на милость или денежное довольствие, когда они отправятся на войну или вернуться с победы, поскольку Август Цезарь, владыка мира, более могущественный принц, чем Мутечума, назначил лишь скромную награду в виде хлеба тем, кто совершил какое-либо заметное подвиги, находясь рядом с Маро. его предупредили, что такая маленькая порция хлеба была аргументом, потому что он был сыном пекаря: тогда, хотя письменно зафиксировано, что цезарю нравился ваш meгу сōсеit, все же следует верить, что он покраснел от этого оскорбления, потому что он пообещал Вергилию изменить свой характер и что в дальнейшем он будет дарить подарки, достойные великого короля, а не сына пекаря".^[71]

Короли не часто появлялись среди своего народа,^[72] хотя нам говорят, что иногда они выходили переодетыми, чтобы проследить, чтобы ни одна часть религиозных праздников и церемоний не была пропущена, убедиться, что законы соблюдаются, и, вероятно, как это обычно бывает в таких случаях, выяснить истинное состояние общественного мнения относительно них самих.^[73] Однако всякий раз, когда они появлялись за границей, это было с парадом, который соответствовал их другим обрядам. В этих случаях король восседал на великолепных носилках, осененных балдахин из перьев, весь украшенный золотом и драгоценными камнями, и их несли на плечах четыре знатных человека. Его сопровождало огромное количество придворных всех рангов, которые шли молча, опустив глаза в землю. Процессию возглавлял чиновник с тремя жезлами, в обязанности которого входило предупреждать о приближении короля, и другие люди, которые расчищали дорогу от всех препятствий.^[74] Все, кто случайно встречал королевскую свиту, мгновенно останавливались и оставались неподвижными, склонив головы, как монахи, поющие Gloria Patri, говорит отец Мотилиния, пока процессия не прошла. Когда монарх вышел, на землю был расстелен ковер, на который он мог ступить. Встреча Монтесумы II. а Кортес, описанный Берналем Диасом, покажет, каким образом ацтекским королям оказывали помощь на выезде:

"Когда мы прибыли к месту, где еще одна узкая дорога вела в сторону Куйоакана, нас встретило множество касиков и выдающихся личностей, все великолепно одетые. Монтесума послал их встретить нас и приветствовать от его имени; и в знак мира каждый коснулся земли рукой, а затем поцеловал ее.^[75] Пока мы были таким образом задержаны, правители Тецкоко, Истапалапы, Такубы и Куйоакана выступили навстречу могущественному Монтесуме, который приближался, восседа на великолепных носилках и сопровождаемый несколькими могущественными вельможами. Когда мы прибыли в место недалеко от столицы, где находились определенные укрепления, Монтесума, сойдя со своих носилок, вышел вперед, опираясь на руки нескольких сопровождавших его вельмож, в то время как другие держали над ним балдахин из богатых перьев, украшенный серебром и золотом, с вышитой каймой, с которой свисали жемчужины и камни чалчихуи.^[76] Монтесума был очень роскошно одет, согласно своему обычаю, и на ногах у него было что-то вроде сандалий на золотой подошве, верхняя часть которых была усыпана драгоценными камнями. Четверо вельмож^[77], которые поддерживали его, также были очень богато одеты, и нам показалось, что одежда, которую они сейчас носили, должно быть, была приготовлена для них где-то в дороге, потому что они не были так одеты, когда впервые вышли нам навстречу. И кроме этих великих лордов, было много других, некоторые из которых держали балдахин над головой короля, в то время как другие шли впереди, подметая землю, по которой ему предстояло идти, и расстилая хлопчатобумажные ткани, чтобы его ноги не касались земли. За исключением только четырех дворян, на руки которых он опирался и которые были его ближайшими родственниками, никто из всех его последователей не осмеливался смотреть в лицо королю, но все опустили глаза в землю в знак уважения".^[78]

Помимо множества уже упомянутых слуг, при королевском дворе было бесчисленное множество других должностных лиц, таких как дворецкие, стюарды и повара всех рангов, казначеи, секретари, писцы, военные офицеры, смотрители королевских зернохранилищ и

арсеналов и те, кто работал под их началом. Огромное количество ремесленников постоянно были заняты ремонтом старых зданий и возведением новых, а небольшая армия ювелиров и работников по драгоценным металлам постоянно проживала во дворце с целью снабжения короля и двора дорогими украшениями, которые в конечном итоге стали такой неожиданной удачей для завоевателей и над описанием которых они все без исключения с такой любовью задерживаются. При дворе не был не представлен и слабый пол. Правители ацтеков были печально известны своей непотребностью. Монтесума II. в его гареме было по меньшей мере тысяча женщин, и большинство историков увеличивают это число до трех тысяч, включая служанок и рабынь. Из достоверных источников нам известно, что у него одновременно было сто пятьдесят беременных, и все они убили своих отпрысков в утробе матери;^[89] однако, несмотря на эти массовые аборты, у него родилось более пятидесяти сыновей и дочерей. У его отца было сто пятьдесят детей, в том числе Монтесума II. убил всех своих братьев и заставил сестер выйти замуж за тех, за кого ему заблагорассудится; по крайней мере, таков смысл заявления Овьедо.^[80] У Несауальпилли из Тецкоко было от семидесяти до ста детей.^[81] Камарго сообщает нам, что у Ксикотенкатля, одного из вождей Тлашкалы, было множество сыновей от более чем пятидесяти жен или наложниц.^[82] Эти женщины были дочерьми знати, которые считали для себя честью родить ребенка в королевском гареме. Иногда монарх дарил одну из своих наложниц какому-нибудь великому лорду или прославленному воину - знак благосклонности, который отныне отличал получателя как человека, которого король с удовольствием почитал. Сераль находился под присмотром нескольких благородных матрон, которые внимательно следили за поведением своих подопечных и ежедневно докладывали королю, который неизменно сурово наказывал за малейшую неосторожность. Были ли евнухи наняты в ацтекских гаремах, неизвестно; об этом, однако, мы читаем у Мотилини: "У Мотеучоматина во дворце были карлики и маленькие горбуны, которых в детстве с большой изобретательностью делали сгорбленными, изломанными^[83] и разрозненными, потому что правители в этой стране использовали их так же, как в наши дни Великий турок использует евнухов".^[84]

Огромные расходы, понесенные на содержание такого домашнего хозяйства, как это, покрывались народом, который, как мы увидим в следующей главе, был жестоко подавлен чрезмерными налогами. Управление всем этим было поручено главному управляющему, или мажордому, который с помощью своих секретарей вел подробные иероглифические отчеты о королевских доходах. Берналь Диас рассказывает нам, что вся квартира была забита этими бухгалтерскими книгами.^[85] В Тецкоко, пишет Икстлильшочитль, пища, потребляемая двором, поставлялась из определенных районов королевства, в каждом из которых был сборщик налогов, который, помимо сбора регулярной дани, был обязан, в свою очередь, снабжать королевскую семью определенным количеством определенных предметов на большее или меньшее количество дней, в зависимости от богатства и масштабов своего ведомства. Ежедневный запас составлял тридцать один с четвертью бушеля зерна; почти три бушеля и три четверти бобов;^[86] четыреста тысяч готовых тортилий; четыре кикипиле^[87] какао, всего получается тридцать две тысячи какао-бобов;^[88] сто местных петухов;^[89] двадцать буханок соли; двадцать больших корзин крупного и двадцать мелких перцев чили; десять корзин помидоров; и десять семян.^[90] Все это ежедневно в течение семидесяти дней поставлялось городом Тецкоко и его пригородами, а также районами Атенко и Тепепулько; в течение шестидесяти пяти дней районом Квоутлатцинко; и в течение сорока пяти дней районами Азапачо и Ахуатепек.^[91]

Таков, насколько бы подробно он ни был передан нам, был образ жизни монархов ацтеков. Политика, которую они проводили по отношению к своим подданным, заключалась в принуждении к повиновению путем принятия законов, которые были рассчитаны скорее на то, чтобы вызывать благоговейный трепет, чем внушать любовь и почтение. С этой целью они держали людей на расстоянии, окружая себя непреодолимым барьером помпезности и придворного этикета, и принуждали к повиновению, принимая законы, которые предусматривали смертную казнь за самые тривиальные проступки. Между королем и народом было мало общего, как это всегда бывает между деспотом и его подданными. Добро, которое короли творили своей щедростью и любовью к справедливости, и успех, которого почти все они достигли благодаря своему мужеству и полководчеству, заслуживали восхищения их подданных. С другой стороны, угнетение, которое они заставляли испытывать своих вассалов, тяжелое бремя, которое они налагали на них, их собственная гордость и высокомерие, а также чрезмерная суровость наказаний породили то, что мы бы сейчас назвали унижительным страхом, но который, тем не менее, является важным элементом прогресса на определенных этапах.^[92]

ГЛАВА V.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ КЛАССЫ СРЕДИ науа.

Титулы знати и джентри—Власть знати—Аристократия Тецкоко—Политика короля Техотлалацина—Привилегии знати—Политика Монтесумы—Соперничество между знатью и простыми людьми—Рыцарский орден Текухтли—Церемония инициации—Происхождение Ордена—Жречество науа—Священники Мексики—Посвящение детей—Жрицы—Жречество Мизтекапана—Понтифик Йопаа—Традиция Виксипекочи—Пещера Йопаа—Жрецы—сапотеки—Жрецы—толтеки-Жрецы-тотонаки-Жрецы Мичоакана, Пуэблы и Тлашкалы.

АРИСТОКРАТИЯ АЦТЕКОВ.

Спускаясь в должном порядке по социальной лестнице ацтеков, мы теперь подходим к знати, или, точнее говоря, к привилегированным классам. Знать Мексики и других народов науа была разделена на несколько классов, каждый из которых имел свои особые привилегии и знаки отличия. Различия, которые существовали между различными классами и их названиями, однако, четко не определены. Титул Тлатоани был самым высоким и уважаемым; он означал абсолютную и суверенную власть, наследственное и божественное право управлять. Короли и крупные феодалы, которые были губернаторами провинций и могли доказать свое княжеское происхождение и древнюю независимость своих семей, принадлежали к этому ордену. Титул Тлатопильзинтли был присвоен старшему сыну короля, а титул Тлатоке - всем принцам в целом. Тлакауа означал сеньора, не обладавшего суверенитетом, но имевшего вассалов под своим началом и в определенной степени являвшегося хозяином своего народа. Прозвище Пилли давалось всем, кто был благороден, независимо от ранга. Аксауа был богатым человеком, владельцем богатства в целом, а Тлакихуа - землевладельцем, или почти то же самое, что английский сельский джентльмен.

Титул Тлатоани неизменно передавался по наследству, но многие другие присваивались только пожизненно, в награду за важные военные или другие заслуги перед государством. О том, как они владели своими землями, у меня будет возможность поговорить позже.

Власть знати как таковой была очень велика; по некоторым сведениям, во владениях Монтесумы было тридцать великих лордов, каждый из которых контролировал сто тысяч вассалов, и три тысячи других лордов, также очень могущественных. Ряд дворян, обладающих такой огромной властью, как эта, были бы, если бы им разрешили жить в своих поместьях, некоторые из которых находились на большом расстоянии от столицы, были бы постоянным источником опасности для короны; в любой момент можно было ожидать ацтекского раннимеда. Чтобы защититься от любой подобной катастрофы, более

могущественные дворяне должны были проживать в столице, по крайней мере, большую часть каждого года; и разрешение вернуться в свои дома на короткое время можно было получить только при условии, что они оставят сына или брата в качестве гарантии добросовестности во время своего отсутствия.^[93]

В королевстве Тецкоко было двадцать шесть великих феодальных владений,^[94] каждое независимо от остальных и подчинялось нескольким менее важным феодальным владениям. Большая часть этих великих вождей носила суверенный титул Тлатоани или подобный ему. Они не признавали за королем никаких прерогатив, кроме его права председательствовать на их великих собраниях, принимать их почтение при восшествии на престол, взимать определенную дань в их провинциях и призывать их выступить в поле с контингентом войск в случае войны. В остальном каждый тлатоани был совершенно независим в своих владениях, которыми он управлял с таким же всемогуществом, как и сам король Тецкоко. Несмотря на принятые меры предосторожности, часто случалось, что один из этих крупных феодалов чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить вызов власти короля, но поскольку их частные распри обычно не позволяли какому-либо числу тлатоани объединить свои силы против короны, повстанцы в большинстве случаев быстро подчинялись; в этом случае лидеры либо погибали, либо понижались в звании.

Они были неуправляемой семьей, эти разросшиеся вассалы, и монархи ацтеков часто теряли голову, пытаясь примирить их и удержать в рамках. Торквемада рассказывает нам, что Техотлалацин, король Тецкоко, подвергался жестоким преследованиям со стороны могущественной знати своего королевства. Соответственно, он приступил к исправлению этого зла с большой осмотрительностью и настойчивостью. Его первым шагом было объединить прочными узами заинтересованности менее важных дворян перед короной. С этой целью он осыпал всех милостями. Тщеславию одних он льстил, присваивая им достоинство и титул Тлатоани, другим он дарил богатство и земли. Таким образом, он ослабил индивидуальную власть крупных вассалов, увеличив их число, - политика, эффективность которой часто доказывалась как в старом, так и в новом свете. Затем Техотлалацин стал вызывать их одного за другим ко двору, а затем под предлогом того, что постоянно нуждается в их совете, сформировал из двадцати шести человек государственный совет, обязав их таким образом постоянно проживать в столице. На этом совете он обсуждал все серьезные и трудные вопросы, какова бы ни была их природа. Обязанностью его членов было составлять и издавать указы как для правительства в целом, так и для управления делами в отдельных провинциях; и принимать законы для поддержания надлежащего порядка в городах и деревнях, а также законы, касающиеся сельского хозяйства, науки и искусства, военной дисциплины и судов правосудия.

ДВОРЯНСКИЕ ОРДЕНА.

В то же время Техотлалацин создал большое количество новых офисов и почетных трастов, которые зависели от короны. Четверо самых могущественных дворян были удостоены высших почестей. Первый, с титулом Тетлахто, был назначен главнокомандующим армией и президентом военного совета. Второго звали Йолки; его должность была должностью великого церемониймейстера; в его обязанности входило принимать и представлять послов и министров иностранных государей, проводить их ко двору, разместить их и обеспечить их комфорт, а также преподнести им подарки, назначенные королем. Третий лорд получил

титул Тлами или Кальпикконтли; он был хозяином королевского двора и министром финансов, и в выполнении его функций ему помогал совет других дворян. Обязанностью этого органа было вести строгий учет всех налогов, уплачиваемых народом; его члены должны были быть хорошо информированы о точном состоянии каждого города и провинции, о характере производимой в них продукции и плодородии почвы; они также должны были распределять налоги равноправно и справедливо и пропорционально ресурсам народа. Забота о внутреннем убранстве дворца также была возложена на них, и именно они должны были обеспечивать королевскую семью всеми продуктами питания. Четвертого великого офицера звали Амечичи; он исполнял обязанности великого камергера и посещал личные апартаменты короля. Как и Тлами, ему помогали другие дворяне. Впоследствии был назначен пятый чиновник, носивший титул Коуатля и руководивший работниками по обработке драгоценных металлов, драгоценных камней и перьев, которые были наняты двором. На первый взгляд может показаться, что подобные обязанности были бы ниже достоинства надменного ацтекского вельможи, однако мы находим, что дворяне Европы в средние века не только занимали те же должности, но и ревниво относились к своему праву на это и громко жаловались, если их лишали их. Сисмонди рассказывает нам, что граф Анжуйский при Людовике VI претендовал на должность великого сенешаля Франции, то есть на то, чтобы разносить блюда к столу короля в государственные дни. Двор Карла Великого был переполнен офицерами всех рангов, некоторые из самых выдающихся из которых выполняли при королевской особе функции, которые считались бы подходящими только для рабов во дворце Августа или Антонина. Свободнорожденные франки не видели ничего низменного в титулах виночерпия, наместника, маршала и мастера конницы, которые до сих пор носят некоторые из самых знатных семей во многих частях Европы.

Как только среди его великих вассалов укоренились привычки подчиняться и ценить оказанные им почести, Техотлалацин разделил двадцать шесть провинций своего королевства на шестьдесят пять департаментов. Древние лорды не были лишены этой мерой всей своей власти или тех поместий, которые были их частной собственностью; но юрисдикция, которую они осуществляли лично или через своих должностных лиц, была значительно ослаблена назначением тридцати пяти новых губернаторов, выбранных королем и в верности которых он был полностью уверен. Это был смертельный удар по крупным аристократам и предварительный шаг к полному упразднению феодальной власти. Но главный удар был еще впереди. Жители каждой провинции были тщательно подсчитаны и разделены на группы. Затем их перемещали с места на место в количестве, пропорциональном размеру и численности населения территории. Например, из подразделения, насчитывающего шесть тысяч человек, две тысячи были взяты и перевезены на территорию другого лорда, из числа вассалов которого две тысячи были также взяты и размещены на освободившейся земле во владениях первого лорда; каждый дворянин, однако, сохранил свою власть над той частью своих вассалов, которая была удалена. Таким образом, хотя количество подданных каждого лорда оставалось прежним, все же, поскольку большая часть каждой территории была занята вассалами другого, восстание было бы затруднительным. Два дворянина также не могли объединить свои силы против короны, поскольку были приняты меры к тому, чтобы обмен иждивенцами не производился между двумя соседними поместьями.

Эти меры, какими бы деспотическими они ни были, были, тем не менее, приведены в исполнение без сопротивления ни знати, ни народа — таково было благоговение, с которым относились к суверену, и его полное господство над своими подданными.^[95]

Привилегии знати были многочисленны. Только им было позволено носить украшения из золота и драгоценных камней на своей одежде, и, действительно, во всей своей одежде, как мы сейчас увидим, они отличались от низших классов. Точные пределы власти, которой они обладали над своими вассалами, неизвестны, но, несомненно, она была почти абсолютной. Фуэнлеал, епископ Санто-Доминго, пишет Карлу V. о низших сословиях, что "они были и остаются настолько покорными, что позволяют убивать себя или продавать в рабство, не жалуясь".^[96] В Мексике их власть и привилегии были значительно усилены Монтесумой II., который, как нам говорят, изгнал каждого плебея, занимавшего высокое положение, и не позволил никому, кто не был благородного происхождения, работать в его дворце или при его особе. Во время восшествия на престол этого монарха в королевском совете было много членов низкого происхождения; всех он уволил и поставил на их места своих людей.

Рассказывают, что пожилой человек, который ранее был его опекуном или наставником, имел смелость возразить ему против такого курса, твердо заявив ему, что он действовал вопреки своим собственным интересам, и посоветовав ему хорошо взвесить последствия принимаемых им мер. Изгнать плебеев из дворца, добавил старик, значило навсегда отдалить их от короля; и придет время, когда простой народ больше не захочет и не осмелится смотреть на него. Монтесума высокомерно ответил, что это именно то, чего он желает; по его словам, это жгучий позор, что низшим и простым людям позволено смешиваться со знатью на королевской службе; он был удивлен и возмущен тем, что его царственные предшественники так долго терпели такое положение вещей.^[97]

Этими мерами заслуги многих храбрых солдат, выдвинутых в качестве награды за их доблесть из рядов народа, были потеряны для короны; и такие люди, вероятно, не замедлили бы выразить свое недовольство. Новая политика, подстрекаемая гордой аристократией, ударила именно по тем людям, которые имели наибольшее право на долю в правительстве. Именно офицеры, повышенные в звании за свои заслуги, внесли наибольший вклад в успех мексиканского оружия; именно крупные купцы, которые своей расширенной торговлей сколотили богатство страны. Дух соперничества издавна существовал между бедными дворянами благородного происхождения и богатыми купцами низкого происхождения. В течение многих последовательных царствований значение последнего класса неуклонно возрастало благодаря ценным услугам, которые они оказывали государству. С самых ранних времен им разрешалось в определенной степени знакомиться с королями, которые с большим удовольствием слушали их рассказы о чудесных приключениях, с которыми они встретились во время своих долгих экспедиций в незнакомые края. Несомненно, королевское ухо не всегда воспринимало правду без прикрас, не больше, чем ухо Гаруна Аль-Рашида в подобных случаях, но, вероятно, монархи узнавали таким образом много маленьких секретов, которые они никогда не могли узнать другими способами. Впоследствии эти торговцы были допущены в королевские советы, и в последние годы правления Ауицотля мы находим, что они пользовались многими исключительными привилегиями, которые до сих пор принадлежали военной аристократии.

Торговцы, по-видимому, отчасти сами навлекли на себя несчастья, которые впоследствии постигли их, усугубив чувство зависти, с которым к ним и без того относились. Не довольствуясь тем, что им были предоставлены равные привилегии со знатью, и досадуя на то, что не могли соперничать с ними в блестящих титулах и длинных линиях прославленных предков, они делали все возможное, чтобы превзойти их в великолепии своих домов и в помпезности, которую те демонстрировали при каждом удобном случае. На публичных пирах и церемониях эти парвеню затмевали самых гордых дворян щедростью своих расходов; они стремились к почестям и высоким должностям и получали их, на которые аристократия не могла согласиться из-за недостатка богатства; они не жалели денег ни в одном месте, где их можно было бы использовать для собственного продвижения. Легко представить, какое влияние такое положение вещей оказало на гордую и властную знать Мексики. Несколько раз они жаловались своим королям на то, что их орден теряет свой престиж, будучи вынужденным общаться на равных с плебеями; но услуги, которые крупная коммерческая организация ежедневно оказывала короне, были слишком существенными, чтобы позволить королям терпеливо выслушивать такие жалобы. Во время правления Ауицотля гордыня купцов достигла своего апогея; поэтому неудивительно, что лидеры аристократической партии, когда этот монарх умер, избрали его преемником Монтесуму II, принца, хорошо известного своим пристрастием к высшим классам. Его политика, как показали события, была гораздо менее мудрой, чем политика Техотлалацина из Тецкоко, о котором мы уже говорили. Не обуздав свою чрезмерную гордыню, он подготовил почву для недовольства и восстания; он снабдил своих врагов оружием, которое они не замедлили пустить в ход; он оттолкнул от себя чувства своих подданных, так что, когда помощь была наиболее необходима, ему некому было помочь, и когда, скованный и плененный испанцами, он взывал к своему народу, единственными ответами были крики и метательные снаряды.

Генералы армии и офицеры высших рангов, конечно, должны быть отнесены к привилегированным классам; обычно, действительно, они были благородны по происхождению, а также влиятельны по положению, и в Мексике со времен нововведений Монтесумы так было всегда. Существовало несколько военных орденов и титулов, которыми награждались выдающиеся солдаты за заслуги на поле боя или в совете. О тех, которые были чисто наградой за заслуги и которых мог достичь плебей, я расскажу в одной из следующих глав. Однако был один, членство в котором ограничивалось знатью; это был знаменитый рыцарский орден Текухтли.

Чтобы получить это звание, необходимо было иметь благородное происхождение, проявить в нескольких сражениях исключительную храбрость, достичь определенного возраста и обладать достаточным состоянием, чтобы покрыть огромные расходы, понесенные членами ордена.

ЦЕРЕМОНИЯ ПОСВЯЩЕНИЯ В ТЕКУХТЛИ.

В течение трех лет, прежде чем его приняли, кандидат и его родители занимались подготовкой к торжественной церемонии и собирали богатые одежды, драгоценности и золотые украшения для подарков гостям. Когда подошло время, проконсультировались с предзнаменованиями, и, когда был назначен счастливый день, родственники и друзья кандидата, а также вся знатная знать и текухтли, которых можно было собрать вместе, были

приглашены на роскошный банкет. Утром важнейшего дня компания всем скопом отправилась в храм Камаштли,^[98] сопровождаемая множеством любопытных зрителей, в основном низших сословий, жаждущих увидеть все, что здесь можно увидеть. Прибыв на вершину пирамиды, посвященной Камаштли, претендент на рыцарские почести благоговейно склоняется перед алтарем бога. Теперь верховный жрец подходит к нему и заостренной костью тигра или когтем орла прокалывает хрящ его носа в двух местах, вставляя в проделанные таким образом отверстия маленькие кусочки гагата или обсидиана,^[99] которые остаются там до истечения года испытательного срока, когда их обменивают на бусы из золота и драгоценных камней. Это прокалывание носа орлиным когтем или костью тигра означает, говорит Торквемада, что тот, кто стремится к достоинству Текутли, должен быть таким же быстрым, чтобы настигнуть врага, как орел, таким же сильным в бою, как тигр. Первосвященник, говоря громким голосом, теперь начинает осыпать оскорблениями и оскорбительными эпитетами человека, смиренно стоящего перед ним. Его голос становится все громче и громче; он размахивает руками, он приходит в ярость. Помощники священников улавливают его настроение; они сгрудились поближе к объекту гнева понтифика; они толкают его, насмешливо указывают на него пальцами и называют трусом. На мгновение темные глаза жертвы свирепо вспыхивают, его руки непроизвольно сжимаются, кажется, он вот-вот бросится на своих мучителей; затем с усилием он успокаивается и становится пассивным, как всегда. Этот взгляд заставил насмешников отступить, но это было лишь на мгновение; они снова набросились на него; теперь они знают, что он силен выстоять, и они докажут ему это до конца. Выкрикивая оскорбления ему в уши, они срывают с его тела одежду кусок за куском, пока не остается ничего, кроме мактли, и мужчина стоит среди них весь в синяках и голый. Но все бесполезно, их жертва неподвижна, так что в конце концов они оставляют его в покое. Он благополучно прошел через одно из самых суровых испытаний за день, но тот свирепый взгляд, который он бросил некоторое время назад, был едва спасен; если бы он поднял палец в знак сопротивления, он, должно быть, спустился бы из храма, чтобы подвергнуться презрению и насмешкам толпы внизу как человек, который стремился к достоинству Текутли, но мог сдерживать свой нрав не лучше женщины. Долгие месяцы тщательной подготовки были бы напрасны, его родители плюнули бы в него от досады и стыда, возможно, он был бы наказан за святотатство. Но он ни в коем случае еще не является членом желанного ордена. Затем его проводят в другой зал храма,^[100] где он начинает свое послушничество, которое продлится от одного до двух лет, с четырехдневного покаяния, молитвы и поста. Как только его проводят в этот зал, начинается банкет, приготовленный для гостей, и после нескольких часов веселья каждый возвращается к себе домой.

В течение этих первых четырех дней выносливость кандидата подвергается серьезному испытанию. Единственные разрешенные ему предметы мебели - это грубая циновка и низкий табурет; его одежда самого грубого вида. Когда наступает ночь, священники приносят ему черный препарат, которым можно намазать его лицо, несколько колючек растения магуэй, чтобы вытянуть кровь из его тела, кадило и немного ладана. Его единственные спутники - трое воинов-ветеранов, которые обучают его обязанностям и не дают ему заснуть, потому что в течение четырех дней ему разрешается спать только несколько минут за раз, и то, должно быть, сидя на своем табурете. Если, охваченный сонливостью, он превышал это время, его стражи вонзали в его плоть шипы магуи, крича: "Проснись, проснись!" учитесь быть бдительными; держите глаза открытыми, чтобы вы могли заботиться об интересах своих вассалов. В полночь он идет воскурять благовония перед идолом и брать кровь из разных частей своего тела в качестве жертвоприношения. Затем он обходит храм и по пути сжигает бумагу и копал в четырех ямках в земле, которые он проделывает с четырех сторон здания, обращенных по сторонам света; на каждый из этих костров он роняет несколько капель крови, взятой из его тела. Эти церемонии он повторяет на рассвете и закате. Он прерывает свой пост только один раз в сутки, в полночь; и тогда его трапеза состоит всего лишь из четырех маленьких лепешек из маисовой муки, каждая размером с орех, и небольшого количества воды; но даже к ним он не прикасается, если хочет продемонстрировать необычайную выносливость. По истечении четырех дней он получает разрешение от первосвященника завершить испытательный срок в каком-нибудь храме своего округа или прихода; но ему не разрешается ни возвращаться домой, ни, если он женат, видаться со своей женой в течение этого периода.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

В течение двух или трех месяцев, предшествующих его официальному принятию в орден, дом послушника находится в суете подготовки к предстоящей церемонии. Устраивается грандиозная демонстрация богатых тканей, платьев и дорогих драгоценностей для использования новым рыцарем, когда он сбросит свою нынешнюю куколочную оболочку из грубого неквена и станет полноценным Текухтли. Для гостей приготовлено огромное количество подарков, подготовлен роскошный банкет, и весь дом украшен по этому случаю. Снова консультируются с оракулами, и в назначенный счастливый день общество снова собирается в доме кандидата таким же образом, как и в начале его послушничества. Утром новоиспеченного рыцаря ведут в баню, и после того, как его хорошенько вымыли, его снова несут, под музыку и танцы, в храм Камаштли. В сопровождении своего брата Текутлиса он поднимается по ступеням теокалли. После того, как он почтительно отсалютовал идолу, скромная одежда, которую он носил так долго, снимается, и его волосы завязываются в узел на макушке красным шнуром, с концов которого свисает несколько прекрасных перьев; затем он облачается в одежду из богатых и тонких материалов, основной из которых является что-то вроде туники, украшенной изящно вышитым узором, который является знаком его нового звания; в правую руку он получает несколько стрел, а в левую лук. Верховный жрец завершает церемонию речью, в которой он инструктирует нового рыцаря относительно его обязанностей, сообщает ему имена, которые он должен добавить к своим собственным как член ордена; описывает ему знаки и девизы, которые он должен начертать на своем гербе, и запечатлевает в его памяти преимущества быть либеральным и справедливым, любить свою страну и своих богов. Как только новоиспеченный Текухтли спускается во двор храма, музыка и танцы возобновляются и продолжаются до тех пор, пока

не приходит время начинать банкет. Это блюдо подается с большим великолепием и обилием, и, по крайней мере, для гостей, вероятно, является самым интересным событием дня. Перед каждым сидящим за столом кладутся предназначенные для него подарки, состоящие из дорогих тканей и украшений в таком количестве, что каждый сверток с трудом переносили два раба; каждому гостю также выдается новая одежда, которую он надевает за столом.

Ценность подарков была пропорциональна рангу получателя, и такие различия должны были проводиться с большой осторожностью, поскольку ацтекская знать очень ревностно относилась к своим правам первенства. Места тех дворян, которые были приглашены на пир, но по болезни или по другой причине не смогли присутствовать, были оставлены свободными, и их доля подарков и еды была расставлена на столе точно так же, как если бы они присутствовали; Более того, Торквемада сообщает нам, что к пустому месту была проявлена та же вежливость, что и к настоящему гостю.^[101] В этих случаях отсутствующий дворянин обычно присылал замену, чье место располагалось рядом с местом человека, которого он представлял. На следующий день слуги и последователи гостей устроили пир и преподнесли подарки в соответствии со средствами и щедростью дарителя.

Привилегии текутли были важны и многочисленны. В совете они занимали первые места, и их голоса перевешивали все остальные; точно так же на всех пирах и церемониях, в мирное или военное время, им всегда предоставлялось преимущество. Как уже отмечалось, огромные расходы, связанные с текутлями, лишали этой чести многих, кто действительно был ее достоин. Однако в некоторых случаях, когда дворянин сильно отличился на войне, но был слишком беден, чтобы нести расходы на посвящение, они оплачивались губернатором его провинции или другими текутлями.^[102]

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОРДЕНА.

Происхождение ордена текутли неизвестно. Как тольтеки, так и тлашкальтеки утверждают, что основали его. Вейтия, однако, утверждает, что это было не так, но что впервые он был учрежден Шолотлем, королем чичимеков.^[103] М. л'Аббат Брассер де Бурбур делает вывод из древней истории толтеков, что церемония посвящения и испытательный срок кандидата берут свое начало от таинственных обрядов, следы которых до сих пор встречаются у народов Мексики и Центральной Америки. Традиции, относящиеся к Вотану и Кецалькоатлю, или Гукумацу, очевидно, намекают на это. Рождение Чеакатля-Кецалькоатля празднуется его отцом Мишкоуа-Камаштли в Кулхуакане великими торжествами и созданием большого числа рыцарей; именно эти же рыцари впоследствии отправляются отомстить за его смерть его убийцам в Куитлауак, город, который, по-видимому, с тех пор всегда был главным местом жительства ордена. После отделения Чолулы от остальной части империи Тольтеков Чеакатлем-Кецалькоатлем этот город, вместе с Уэхоцинко и Тласкалой, по-видимому, пользовался особыми привилегиями в этом конкретном районе. Именно в этих местах после завоевания плато ацтеков тео-чичимеками мы находим большинство их вождей, носящих титул текутли; возможно, жрецов вынудили утвердить своих воинственных завоевателей в этой чести, или, возможно, они сделали это добровольно, надеясь таким образом подчинить воинов своей духовной власти. Однако несомненно, что звание текутли до последнего оставалось высшей честью, которую мог получить принц или солдат в штатах Тлашкала, Чолула и Уэхоцинко.^[104]

Жречество занимало очень важное место среди привилегированных классов, но поскольку всем вопросам, связанным с религией, посвящен отдельный том, я ограничусь здесь таким описанием системы жречества, которое необходимо для полноты нашего представления о социальных различиях ацтеков. Ученый аббат месье Брассер де Бурбур дает нам очень правильный и краткий отчет о мексиканском духовенстве, частичный перевод которого будет соответствовать настоящей цели.

У народов Мексики и Центральной Америки, цивилизация которых идентична, духовенство всегда занимало высокое положение в государстве, и до последнего момента его члены продолжали оказывать мощное влияние как на общественные, так и на частные дела. В Анахуаке священнические должности, по-видимому, не присваивались исключительно наследственной кастой; все имели равное право занимать их, за исключением должностей при храме Уицилопочтли в Мехико, которые были предоставлены некоторым семьям, проживавшим в определенных кварталах этого города.^[105] Служители различных храмов, чтобы быть пригодными для церковной карьеры, должны быть выпускниками Кальмекак, колледжей или семинарий, в которые их отправили родители в младенчестве. Звания их ордена присваивались голосованием; но очевидно, что священники благородного происхождения почти неизменно получали высшие почести. Распри между классами священников и воинов, которые в прежние времена приносили столько вреда мексиканской нации, научили королей делать все возможное для установления баланса сил между соперничающими организациями; с этой целью они присвоили себе привилегию избирать священников и ставили во главе духовенства священника или воина высокого ранга, по своему усмотрению; это было тем легче сделать, что оба класса получали одинаковое образование в одних и тех же школах.

Августейший титул Топильцина, который в древние времена выражал высшую военную и жреческую власть, со временем стал означать чисто церковную власть. В Тецкоко и Тлакопане, где корона наследовалась по прямой линии одним из сыновей умершего монарха, верховный понтифик обычно избирался из числа членов королевской семьи; но в Мексике, где это почти всегда включало обязанности Тлакочкалькатля, или главнокомандующего армией, и, в конечном счете, наследование престола, должность первосвященника, как и должность короля, была выборной. Избрание духовного короля, ибо мы можем называть его так, обычно непосредственно следовало за избранием временного монарха, и первому оказывался такой почет, что его освящали той же священной мазью, которой был помазан король. Таким образом, Аксаякатль, Монтесума II и Квоутеок стали понтификами еще до того, как на их головы была возложена королевская корона. Титул того, кто носил этот сан, был Мехикатль-Теохуацин, то есть "мексиканский владыка священных вещей"; он добавил также, помимо множества других титулов, Теотекутли, или "божественный учитель", и он по праву был первосвященником Уицилопочтли; он был "главой церкви" и всех ее ответвлений не только в Мексике, но и во всех провинциях Мексиканской империи; он обладал абсолютной властью над всеми священниками, какого бы ранга они ни были, и колледжи и монастыри всех сословий находились под его контролем. Он был избран двумя сановниками, стоящими рядом с ним в иерархии аборигенов. Мехикатль-Теохуацин считался правой рукой короля, особенно во всех вопросах войны и религии, и редко случалось, чтобы какое-либо важное предприятие предпринималось без его совета. В то же время очевидно, что первосвященник был, в конце концов, всего лишь наместником и наместником короля, поскольку в определенных торжественных случаях монарх сам выполнял функции главного жреца.

Кецалькоатль, то есть верховный жрец бога с таким именем, был почти равен по рангу Мехикатлю-Теохуацину; но его политическое влияние было намного ниже. Обычным титулом жрецов был Теопишки, или "священный страж"; те, кто был облечен более высоким достоинством, назывались Хьюи-Теопишки, или "великий священный страж". Уицнауак-Теохуацин и Тепан-Теохуацин следовали по священническому званию за первосвященником Уицилопочтли; они были его викариями и руководили колледжами и монастырями во всех частях его королевства. Тлакимилотль-Текухтли, или "великий магистр реликвий",^[106] отвечал за украшения, мебель и другие предметы, специально относящиеся к богослужению. Тлиланкалькатль, или "глава дома Тлиллана", выполнял функции главного ризничего; он заботился о одеяниях и утвари, которыми пользовался первосвященник. Хористы подчинялись Ометочтли, верховному жрецу бога с таким названием, у которого в качестве директора певческих школ был помощник по имени Тлапицкатзин; в обязанности этого последнего входило обучать своих учеников гимнам, которые исполнялись на главных торжествах. Тламаказкатлотль, или "божественный служитель", надзирал за учебой в школах; другой священник исполнял обязанности великого магистра папских церемоний; другой был архидьяконом и судьей церковных судов; последний имел право нанимать и увольнять служителей в храмах; помимо них была толпа других высокопоставленных лиц, следовавших друг за другом рангом ниже в безупречном порядке.

СВЯЩЕННИЧЕСКИЕ ДОЛЖНОСТИ.

В Мексике и других городах империи было столько же полных комплектов священников, сколько храмов. Помимо семидесяти восьми святилищ, посвященных Уицилопочтли, которыми частично руководили уже перечисленные нами жрецы, в столице было много других. Каждый имел юрисдикцию в своей части, которая соответствовала нашему приходу; священники и их ученики жили в школе или колледже, примыкавших к храму.

В компетенцию священников входило заниматься всеми вопросами, касающимися религии и воспитания молодежи. Некоторые брали на себя ответственность за жертвоприношения, другие были искусны в искусстве предсказания; некоторым из них было поручено устройство праздников и уход за храмом и священными сосудами, другие занимались сочинением гимнов и внимали пению и музыке. Сведущие в науке священники руководили школами и колледжами, производили расчеты для годового календаря и устанавливали праздничные дни; те, кто обладал литературным талантом, составляли исторические труды и собирали материалы для библиотек. К каждому храму был пристроен монастырь, или мы могли бы назвать его капитулом, члены которого пользовались привилегиями, аналогичными привилегиям наших каноников.

Тламаказки, "дьяконы" или "служители", и кваквакуилтины, "травоядные", были теми, кто посвятил себя служению богам на всю жизнь. Они вели очень аскетичный образ жизни; им строго предписывалось воздержание, и они умерщвляли плоть покаянием в подражание Кецалькоатлю, который был их божеством-покровителем. Этим орденам было дано название Тламаказкайотль, что означает "правление религией", и у них были монастыри для приема представителей обоих полов. Верховный жрец бога Кецалькоатля был их верховным владыкой; он обладал огромной властью и никогда не соизволил бы выйти за дверь, если бы не хотел посоветоваться с королем. Когда отец семейства желал посвятить одного из своих детей на служение Кецалькоатлю, он с великим смирением сообщал

верховному жрецу о своем намерении. Этот сановник поручил одному из тламаказки представлять его на пиршестве, устроенном в его честь, и увезти ребенка. Если в это время младенцу было меньше четырех лет, на его груди делался небольшой надрез и вытекало несколько капель крови в знак его будущего положения. Четыре года были возрастом, необходимым для поступления в монастырь. Некоторые оставались там до тех пор, пока не достигали возраста, необходимого для выхода в мир, некоторые посвящали всю свою жизнь служению богам; другие давали обет вечного воздержания. Все они были бедно одеты, носили длинные волосы, питались грубой и скудной пищей и выполняли всевозможную работу. В полночь они встали и отправились в баню; после омовения они пустили себе кровь шипами растения магуэй; затем они наблюдали и воспевали хвалу богам до двух часов ночи. Однако, несмотря на этот аскетизм, эти монахи могли уединяться в лесах или бродить по горам и пустыням, чтобы там в одиночестве проводить время в святом созерцании.

МЕКСИКАНСКИЕ ЖРИЦЫ.

Женщины посвящались на служение богам несколькими способами. Когда девочке исполнялось сорок дней, отец относил ее в соседний храм; он вкладывал в ее маленькие ручки метлу и кадило и таким образом представлял ее Теопишки, или священнику; который, принимая эти символы своего будущего состояния, обязывался выполнить свою часть обязательства. Как только малышка смогла сделать это лично, она отнесла в храм веник и кадило с подарками для священника; в нужном возрасте она поступила в монастырь. Некоторые девушки давали клятву вечного воздержания; другие, из-за какого-нибудь обета, данного ими во время болезни, или из-за того, что боги могли послать им хорошего мужа, уходили в монастырь на один, два, три или четыре года. Их называли Чихуатламакаска, "диакониссы", или Чихуаквилли, "пожиратели овощей". Они находились под присмотром нескольких степенных матрон с хорошим характером; при поступлении в монастырь каждой девушке коротко подстригали волосы.^[107] Все они спали в одной спальне, и им не разрешалось раздеваться перед отходом ко сну, чтобы они всегда были готовы, когда будет подан сигнал к подъему. Они занимались обычными делами своего пола: ткали и вышивали гобелены и декоративные изделия для храма. Трижды за ночь они вставали, чтобы обновить благовония в жаровнях, в десять часов, в полночь и на рассвете.^[108] В этих случаях процессию возглавляла матрона; скромно опустив глаза в землю и не осмеливаясь бросить взгляд ни в одну, ни в другую сторону, девушки проходили по одной стороне храма, в то время как священники делали то же самое по другой, так что все встречались перед алтарем. При возвращении в общежитие соблюдался тот же порядок. Часть утра они потратили на приготовление хлеба и кондитерских изделий, которые в теплом виде приносили в храм, где священники вкушали их после жертвоприношения.^[109] Молодые женщины, со своей стороны, строго постились; впервые они прервали свой пост в полдень, и, за исключением скудной трапезы вечером, это было все, что они ели в течение двадцати четырех часов. В праздничные дни им разрешалось пробовать мясо, но во все остальное время их рацион был чрезвычайно скудным. Подметая храм, они очень старались никогда не поворачиваться спиной к идолу, чтобы не оскорбить бога.

Если какая-нибудь из этих молодых женщин, к несчастью, нарушала свой обет целомудрия, она удваивала свой пост и суровость из страха, что ее плоть сгниет, и для того, чтобы умиловить богов и побудить их скрыть ее преступление, поскольку мексиканской весталке, уличенной в подобном проступке, была назначена смертная казнь. Девушка,

поступавшая на службу богам только на определенный период, а не на всю жизнь, обычно не покидала монастырь до тех пор, пока не собиралась выходить замуж. В это время родители, выбрав мужа для девочки и приготовив все необходимое, отправились в монастырь, позаботившись прежде всего о том, чтобы запастись перепелами, копалом, полыми тростинками, наполненными благовониями, которые, по словам Торквемады, они называли *poquietl*, подставкой для благовоний, и некоторыми цветами. Затем девушку переодели в новое платье, и все отправились в храм; алтарь был накрыт тканью, на которой были разложены подарки, которые они привезли с собой, а также различные блюда с мясом и выпечкой. Затем родители произнесли приветственную речь в адрес текаквилли, или главного жреца храма, и когда это было закончено, девочку увезли в дом ее отца. Но о тех юношах и девушках, которые оставались в храмовых школах лишь некоторое время и проходили регулярный курс обучения у священников, я намерен рассказать подробнее, когда буду говорить о воспитании мексиканской молодежи. Первоначальные отчеты по этому вопросу довольно запутанны, так что трудно с точностью отделить тех, кто поступил с намерением стать постоянными священниками, от тех, кто был просто временными учеными.

ОДЕЖДА МЕКСИКАНСКИХ СВЯЩЕННИКОВ.

Обычная одежда мексиканских священников мало чем отличалась от одежды других граждан; единственной отличительной чертой была черная хлопчатобумажная мантия, которую они носили на манер вуали, откинутой на голову. Те, однако, кто вел более аскетичный образ жизни, такие как упомянутые выше куаквакильтин и тламаказки, носили длинные черные одежды; многие из них никогда не стригли волосы, но позволяли им отращивать столько, сколько они пожелают; они были скручены толстыми хлопчатобумажными шнурами и обмазаны маслянистой материей, все это образовывало увесистую массу, которую было так же неудобно носить, как и противно смотреть. Первосвященник обычно носил, как знак своего ранга, нечто вроде бахромы, которая свисала ему на грудь, называемую Ксиколли; в праздничные дни он облачался в длинное одеяние, поверх которого надевал что-то вроде ризы, которая менялась по цвету, форме и украшению в зависимости от приносимых им жертв и божества, которому он их приносил.^[110]

Среди мизтеков и сапотеков священники имели такое же или даже большее влияние, чем среди мексиканцев. В кратком обзоре системы жречества этих народов давайте еще раз воспользуемся услугами месье Брассера де Бурбура в качестве нашего гида.

Королевством Тилантонго, в состав которого входил верхний Мизтекапан, духовно управлял первосвященник Ачиухтла; он носил титул Тайсакаа,^[111] и его власть равнялась, если не превосходила, власти суверена. Эта должность, по-видимому, была зарезервирована за королевской семьей и передавалась от мужчины к мужчине; однако член любой свободной семьи мог стать сакаа, или простым священником. Все, даже преемник Тайсакаа, должны были пройти годичный курс послушничества, и из этого правила не делалось исключений. Предполагалось, что до начала своего послушничества и в течение четырех лет после его окончания кандидат в священники вел совершенно целомудренную жизнь, в противном случае он считался недостойным быть принятым в орден. Его единственной пищей в течение года испытательного срока были травы, дикий мед и жареная кукуруза; его

жизнь проходила в тишине и уединении, и монотонность его существования нарушалась только тем, что он прислуживал священникам, ухаживал за алтарями, подметал храм и собирал дрова для костров.

По истечении четырех лет после его принятия в сан священника, в течение которых он, по-видимому, проходил своего рода ученичество, ему было разрешено жениться, если он сочтет нужным, и в то же время выполнять свои священнические функции. Если он не женился, то поступил в один из монастырей, зависевших от храмов, и, выполняя свои обычные обязанности, усилил аскетизм своей жизни. Те священники, которым были доверены более высокие и важные должности, такие как обучение молодежи или место в королевском совете, были выбраны из последнего класса. Король или знать, каждый в своем государстве, обеспечивали свои нужды, а определенные женщины, поклявшиеся в целомудрии, готовили им еду. Они никогда не покидали монастырь, за исключением особых случаев, чтобы присутствовать на каком-нибудь пиру, играть в бал при дворе своего суверенного господина, отправиться в паломничество для исполнения обета, данного королем или ими самими, или занять свое место во главе армии, которой в определенных случаях они командовали. Если кто-то из этих монахов заболел, в монастыре о нем хорошо заботились; если он умирал, его хоронили во дворе здания. Если кто-то из них нарушал свой обет целомудрия, его забивали до смерти.

ПОНТИФИК ЙОПАА.

ПЕЩЕРА ЙОПАА.

В Сапотекане верховного понтифика звали Вийятао;^[112] его резиденция находилась в городе Йопаа,^[113] и там он с незапамятных времен был духовным и светским владыкой, хотя, на самом деле, он более или менее ощущал свою светскую власть по всему королевству; и он появляется в самой ранней истории этой страны как хозяин и повелитель как принцев, так и народа тех наций, которые признавали его верховным главой своей религии. Происхождение города Йопаа неизвестно; он был расположен на склоне горы Теутитлан,^[114] которая в этом месте образовывала долину, закрытую нависающими скалами и орошаемую ручьем, который ниже впадал в реку Ксалатлако. Исконные жители этого региона были учениками и последователями таинственного белокожего персонажа по имени Виксипекоча. К какой расе он принадлежал или из какой страны прибыл, когда предстал перед сапотеками, неизвестно; некое смутное предание гласит, что он прибыл морем с юга, неся в руке крест, и высадился в окрестностях Теуантепека;^[115] статую, изображающую его, до сих пор можно увидеть на высокой скале недалеко от деревни Магдалена. Он описывается как человек почтенного вида, с густой белой бородой, одетый в длинную рясу и плащ, а на голове у него покрывало, напоминающее монашеский капюшон. Статуя изображает его сидящим в задумчивой позе, очевидно, поглощенным выслушиванием исповеди женщины, стоящей на коленях рядом с ним.^[116] Его голос, в соответствии с его внешностью, должен был быть удивительно мягким. Виксипекоча учил своих учеников отказывать себе в суе этого мира, умерщвлять плоть покаянием и постом и воздерживаться от всех чувственных удовольствий. Добавляя пример к наставлению, он полностью отрекся от женского общества и не позволял ни одной женщине приближаться к нему, кроме как для исповеди в ушах, которая составляла часть его доктрины.^[117] Это необычное поведение вызвало к нему большое уважение, тем более что среди этих людей

было неслыханным, чтобы мужчина посвятил свою жизнь безбрачию. Тем не менее, он часто подвергался преследованиям со стороны тех, чьи пороки и суеверия он критиковал. Проезжая одну провинцию за другой, он, наконец, прибыл в долину Сапотек, большую часть которой в то время занимало озеро под названием Руало. Впоследствии, когда он попал в страну мизтеков, чтобы трудиться над их обращением, люди попытались лишить его жизни. Те, кто был послан взять его в плен, настигли его у подножия Семпоалтепека, самой высокой вершины в стране; но в тот момент, когда они думали схватить его, он внезапно исчез из их поля зрения, и вскоре после этого, добавляет предание, его фигуру видели стоящей на вершине самой высокой вершины горы. Охваченные изумлением, его преследователи поспешили взобраться на скалистую возвышенность. Когда после больших усилий они добрались до места, где видели фигуру, Виксипекоча снова появился перед ними на несколько мгновений, затем так же внезапно исчез, не оставив никаких следов своего присутствия, кроме отпечатков своих ног, глубоко отпечатавшихся на скале, где он стоял.^[118] С тех пор мы не знаем, появлялся ли Виксипекоча вновь в обычном мире, хотя традиция гласит, что впоследствии он появился на зачарованном острове Монапостиак, недалеко от Теуантепека, куда он, вероятно, отправился за сокровищами. цель привлечения новых прозелитов. Несмотря на молчание, которое хранит история о времени его пришествия и учениках, которых он оставил после себя, не может быть сомнений в том, что священники Йопаа не продолжали распространять его доктрины или что Вийятао, верховный понтифик Сапотекапана, не был там в качестве наместника и преемника пророка Монапостиака. Подобно древним брахманам Индостана, первые ученики Виксипекочи совершали обряды своей религии в глубокой пещере, которая, по мнению г-на де Бурбура, скорее всего, была выдолблена в склоне горы водами всемирного потопа. Впоследствии это место использовалось как место поклонения вийято, которые, по мере увеличения числа их прозелитов, принесли искусство на помощь природе, и под руками умелых архитекторов пещера Йопаа вскоре была превращена в храм с залами, галереями и многочисленными помещениями, вырубленными в цельной скале. Именно в мрачные закоулки этого храма спускались жрецы в торжественные праздничные дни, чтобы присутствовать при таинственных жертвоприношениях, которые были священны для непосвященного взгляда простолюдинов, или принять участие в погребальных обрядах при смерти царя.^[119]

Классы религиозных людей были столь же многочисленны, а их имена и обязанности столь же разнообразны у сапотеков, как и везде. Определенный орден священников, которые сделали толкование снов своей особой областью, назывался Colanii Cobee Pecala. Каждой форме гадания было проведено специальное исследование. Некоторые утверждали, что предсказывают будущее с помощью звезд, земли, ветра, огня или воды; другие - по полету птиц, внутренностям жертвоприношений или по магическим знакам и кругам. Среди других божеств в некоторых районах поклонялись разновидности попугая с огненным оперением, называемому *ара*,^[120] В этой птице воплотился бог, который, как говорили, спустился с неба подобно метеору. Среди сапотеков были отшельники или факиры, которые проводили всю свою жизнь в религиозном экстазе и медитации, запертые в темных пещерах или грубых хижинах, не имея другого спутника, кроме ара, которого они почтительно кормили на своего рода алтаре; в честь птицы они разрывали свою плоть и пускали кровь из своих тел; стоя на коленях, они целовали ее утром и вечером и вместе со своими молитвами приносили ей жертвы из цветов и копала.

Священников низшего ранга звали Вийана и Визаечи, а монахов - Копапитас. Влияние, которое, как предполагалось, они имели на богов, и забота, которую они проявляли, чтобы их число постоянно пополнялось отпрысками самых знатных семейств, снискали им большой авторитет среди людей. Ни один дворянин не был таким великим, но для него было бы честью иметь сына в храме. К чести своей профессии они добавляли также строгую пристойность своих манер и чрезмерную строгость, с которой они оберегали свое целомудрие. Родители, желавшие посвятить одного из своих детей на служение богам, привели его, когда он был еще младенцем, к главному жрецу округа, который после тщательной катехизации малыша передал его на попечение наставника послушников. Помимо заботы о святилище, которая выпала на их долю, этих детей обучали пению, истории своей страны и таким наукам, которые были в пределах их понимания.

К этим религиозным организациям относились с большим уважением. Их членов учили правильно вести себя дома и на улице, а также сохранять скромность. Малейшее нарушение правил сурово каралось; взгляд или знак, который мог быть истолкован как плотское желание, наказывался как преступный, а те, кто своими действиями демонстрировал сильную склонность нарушать свой обет целомудрия, безжалостно кастрировались.

Вийаны были разделены на несколько орденов, но всеми ими самым абсолютным образом управлял понтифик Йопаа. Я уже говорил о почитании, которым пользовался этот духовный монарх, и о том, как он преодолел трудность иметь детей для наследования папского престола, когда ему строго предписывалось воздержание.^[121]

Обычной одеждой жрецов сапотеков было широкое белое одеяние с отверстиями для просовывания рук, но без рукавов; оно было подпоясано на талии цветным шнуром. Во время церемонии жертвоприношения и в праздничные дни виятао надевали поверх всего что-то вроде туники с широкими рукавами, украшенной кистями и вышитыми различными цветами изображениями птиц и животных. На голове у него была митра из перьев, украшенная очень богатой золотой короной; его шея, руки и запястья были увешаны дорогими ожерельями и браслетами; на ногах были золотые сандалии, привязанные к ногам золотыми шнурами и яркими нитями.^[122]

СВЯЩЕННИКИ МИЧОАКАНА.

Жреческая система толтеков настолько сильно напоминала уже описанную мексиканскую, что в дальнейшем описании в этом томе она не нуждается. Их жрецы носили длинные черные одежды, доходившие до земли; их головы были покрыты капюшонами, а волосы ниспадали на плечи и были заплетены в косы. Они редко надевают сандалии на ноги, за исключением случаев, когда собираются отправиться в долгое путешествие.^[123] Среди тотонаков были избраны шесть великих духовных лиц: один как первосвященник, другой следующий за ним по рангу и так далее с остальными четырьмя. Когда первосвященник умер, ему наследовал второй жрец. Он был помазан и освящен с большой церемонией; помазание, использованное по этому случаю, представляло собой смесь жидкости, называемой на языке тотонаков *ole*, и крови, взятой при обрезании детей.^[124] Среди этих людей также существовал монашеский орден, посвященный их богине Сентеотль. Они вели очень аскетичный и уединенный образ жизни, и их характер, согласно стандартам тотонаков, был безукоризненным. Никто, кроме мужчин старше шестидесяти лет, которые были вдовцами добродетельной жизни и отдалились от общества женщин, не допускался в

этот орден. Их количество было установлено, и когда один из них умирал, на его место принимался другой. Они пользовались таким большим уважением, что с ними советовались не только простые люди, но также знатные люди и первосвященник. Они слушали тех, кто советовался с ними, сидя на корточках, опустив глаза в землю, и их ответы были восприняты как предсказания даже королями Мексики. Они были заняты созданием исторических картин, которые отдавали первосвященнику, чтобы он мог показать их народу. Обычные жрецы-тотонаки носили длинные черные хлопчатобумажные одежды с капюшонами; их волосы были заплетены в косы, как у других обычных жрецов Мексики, и помазаны кровью человеческих жертвоприношений, но те, кто служил богине Сентеотль, всегда были одеты в шкуры лисиц или койотов.^[125] В Изакапу, в Мичоакане, жил понтифик по имени Куринаканери, на которого смотрели с таким глубоким почтением, что сам король навещал его раз в год, чтобы предложить ему первые плоды сезона, что он и делал, стоя на коленях, предварительно почтительно поцеловав ему руку. Обычные священники Мичоакана носили распущенные волосы; кожаная повязка охватывала их лбы; их одежды были белыми, расшитыми черным, а в руках они держали веера из перьев.^[126] В Пуэбле они также носили белые одежды с рукавами и бахромой по краям.^[127] Папы, или приносящие жертвы жрецы Тлашкалы, отращивали свои волосы длинными и смазывали их кровью своих жертв.^[128] О священниках этих стран можно было бы написать гораздо больше, но, поскольку это строго не входит в компетенцию данного тома, здесь это опущено.^[129]

ГЛАВА VI.

ПЛЕБЕИ, РАБЫ, ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЯМИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ.

Влияние простолюдинов—Угнетение знатью—Лишен должности Монтесумой II.—Классы рабов—Каторжные рабы—Добровольное рабство—Рынок рабов в Ацкапузалько—Наказания и привилегии рабов—Раздел земель—Земли короны—Земли знати—Муниципальная собственность—Собственность храмов—Владение землями в Сапотекапане, Мизтекапане, Мичоакане, Тлашкале, Чолуле и Уэксотцинко—Сходство с феодальной системой Европы—Система налогообложения—Муниципальные налоги—Дань вшам—Дань с завоеванных провинций—Налоговые инспекторы—Несправедливость Монтесумы II.

ПЛЕБЕИ И РАБЫ.

Ни один автор, по-видимому, не считал нужным дать точное определение положения низших слоев свободных граждан среди ацтеков. В Мексике при прежних королях они, по-видимому, пользовались значительными привилегиями. Они были представлены в королевских советах, занимали высокие посты при дворе и при особе короля, с их пожеланиями считались во всех важных делах, и они были общепризнаны как важная часть общества. Постепенно, однако, их власть уменьшалась по мере роста власти знати, пока во времена Монтесумы II они не были, как мы видели, лишены всех должностей, которые не были абсолютно черными, и изгнаны из дворца. Тем не менее, нет никаких сомнений в том, что с древнейших времен плебеи всегда подвергались сильному угнетению со стороны знати, или что, как замечает епископ Санто-Доминго, процитированный ранее,^[130] "они были и остаются настолько покорными, что позволяют убивать себя или продавать в рабство без жалоб". Отец Акоста также пишет, что "власть, которую касики взяли на себя над своими вассалами, настолько велика, что эти последние не осмеливаются открыть рот, чтобы пожаловаться на любой отданный им приказ, каким бы трудным или неприятным ни было его выполнение; на самом деле, они скорее умрут и погибнут, чем навлекут на себя гнев своего господина; по этой причине дворяне часто злоупотребляют своей властью и часто виновны в вымогательстве, грабежах и насилии по отношению к своим вассалам".^[131] Камарго говорит нам, что плебеи довольствовались работой без оплаты. для дворян, если бы они только могли таким образом обеспечить свою защиту.^[132]

О тех, кто стоял ниже масехуалов, как называли плебеев, и ниже всех на социальной лестнице, о рабах, у нас есть более определенные сведения. Рабство было навязано и признано законом и обычаями по всей стране, населенной народами науа. В древней Мексике существовало три класса рабов, а именно: военнопленные, лица, осужденные за преступление к потере свободы, и те, кто продал себя или детей, проданных своими

родителями. Похититель военнопленного имел неоспоримое право обречь свою добычу на принесение в жертву богам; этой властью он почти неизменно пользовался, и для другого считалось наказуемым преступлением лишить его ее, спасая пленника или освобождая его.^[133] Саагун говорит нам, что похититель мог, если хотел, либо продать, либо держать своих пленников в рабстве; и если среди них какой-либо мужчина или женщина проявлял необычные способности к музыке, вышиванию, ткачеству или другому домашнему занятию, его или ее часто покупал король или какой-нибудь знатный человек. или богатый человек, нанятый в своем доме и таким образом спасенный от жертвоприношения.^[134] за преступления, о которых ацтеки наказывалось рабства были следующие: Во-первых, неспособность каком-либо отношении лица, осужденного за измену Родине, давать своевременную информацию из участка в соответствующие органы, при условии, что он или она знали об этом, жены и дети предателя, которые также поработили; во-вторых, несанкционированный сбыт свободного мужчину или женщину или свободного ребенка похитили или нашли в заблуждение, похититель обманным путем, утверждая, такой человек быть рабом, или такого ребенка должна быть своя; в-третьих, при продаже или утилизации, арендатором или депозитария, чужого имущества, без разрешения владельца или его представителя, или соответствующего правового полномочия; в-четвертых, препятствует воротником раба достичь убежища государева дворца, если он был одним, кто не является собственником или владельцем сыном; в-пятых, похитив ценные вещи, или, будучи закоренелым вором; в-шестых, Кража с поля определенное количество початков кукурузы или полезных растений, за исключением этого закона, когда деяние совершено детьми в возрасте до десяти лет, или когда похищенное имущество было оплачено; в-седьмых, пропитки, путем свободного мужчину, чужого рабыню, если женщина умерла во время беременности, или в результате его. Это последнее утверждение опровергается Торквемадой на основании информации, предоставленной ему, как он утверждает, ацтеками, хорошо знакомыми с законами их страны.^[135] Гомара утверждает, хотя и допускает, что другие отрицают это, что, когда человек умирал неплатежеспособным, его сын или жена становились собственностью его кредиторов.^[136] Торквемада утверждает, что для кредитора было обычным делом требовать оплаты своего требования на имущество, реальное или личное, если таковое имелось, но ни один член семьи должника не был ему присужден. чтобы аннулировать долг.^[137] Иногда случалось, что люди, слишком бедные, чтобы платить налоги, выставлялись на продажу, но в основном это происходило в завоеванных провинциях. Каторжные рабы не становились собственностью короля или государства, а публично продавались частным лицам или назначались лицам, которым они причинили вред; такие преступники также не считались рабами и их наказание считалось начавшимся до тех пор, пока они не были официально переданы новому владельцу.

УГОЛОВНОЕ И ДОБРОВОЛЬНОЕ РАБСТВО.

Среди тех, кто добровольно отказался от своей свободы за вознаграждение, помимо тех, кого к этому подтолкнула крайняя бедность, были ленивые, которые не хотели полагаться на собственные усилия в поисках средств к существованию, игроки, чтобы добыть средства для удовлетворения своей страсти к азартным играм,^[138] и блудницы, чтобы обеспечить себя эффектной одеждой и убранством. Два последних класса не были обязаны поступать на вооружение до истечения года с момента получения вознаграждения, за которое они себя продали.

Рабы постоянно выставлялись на продажу на общественных рынках каждого города, но главным невольничьим рынком в мексиканской империи, по-видимому, был город Аскапусалько, расположенный примерно в двух лигах от города Мехико; он занимал место древней столицы королевства тепанек, разрушенной королем Тецкоко Несауалькойотлем. Огромное количество рабов было привезено в Аскапусалько из всех провинций; и говорят, что купцам, которые торговали ими, приходилось принимать большие меры предосторожности, чтобы предотвратить кражу или спасение их имущества в пути. С целью выгодной продажи рабы, выставленные таким образом на всеобщее обозрение, были хорошо одеты и накормлены, их заставляли танцевать и выглядеть жизнерадостными.

Родители могли заложить или продать сына в рабство, но им разрешалось забрать его обратно, отдав другого сына служить вместо него; в таких случаях хозяин обычно проявлял свою щедрость, назначая дополнительную компенсацию новому слуге. Существовал еще один вид рабства, который мексиканцы называли *huehuetlatlacolli*, что означает "древнее рабство". Когда одна или несколько семей были совершенно разорены и страдали от голода, они продавали сына какому-нибудь дворянину и обязывались всегда "поддерживать жизнь этого раба", то есть поставлять другого на его место, если он умрет или станет недееспособным. Это обязательство было обязательным для каждого члена семей, заключавших контракт, но было недействительным, если человек, который фактически служил, умирал в доме своего хозяина, или если его работодатель забирал у него все, что он приобрел законным путем; следовательно, чтобы предотвратить эту конфискацию собственности, хозяин не брал у своего раба ничего, кроме личной службы, и не позволял ему жить в своем доме. Часто случалось, что целых четыре или пять семей были обязаны таким образом снабдить дворянина и его наследников рабом. Но в 1505 или 1506 году, в год голода в стране, Несауальпилли из Тецкоко, предвидя зло, которое эта система бессрочных контрактов повлечет за собой для его подданных, если нехватка продовольствия продлится долго, отменил закон и объявил все семьи освобожденными от его обязательств; записано, что Монтесума II. вскоре после этого последовал его примеру.^[139]

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ РАБОВ И ОБРАЩЕНИЕ С НИМИ.

Рабство в Мексике было, по общему мнению, умеренным подчинением, состоящим всего лишь из обязанности оказывать личные услуги, и этого нельзя было добиться, не предоставив рабу определенное количество времени для работы в своих интересах. С рабами обращались по-доброму, и им были предоставлены гораздо большие привилегии, чем кому-либо в старом свете; они могли вступать в брак и заводить семьи, владеть собственностью, включая других рабов, которые прислуживали им, и их дети неизменно рождались свободными. Однако в этом вопросе есть некоторая неясность, поскольку Саагун рассказывает нам, что в год Н.э. Тохтли, который приходился каждые пятьдесят два года, в стране, как правило, был сильный голод, и в то время многие люди, доведенные до этого голодом, продавали в рабство не только себя, но и своих детей и потомков на протяжении бесчисленных поколений.^[140] Очень молодые или бедные рабы жили в доме своего хозяина, и с ними обращались почти как с членами семьи; другие рабы жили независимо, либо на земле своего владельца, либо сами по себе. Часто случалось, что господин поддавался чарам одной из своих рабынь и делал ее своей женой, или что симпатичный раб находил благосклонность в глазах своей госпожи и становился ее господином; и это не было таким странным, как может показаться на первый взгляд, поскольку не существовало разницы в

расе или цвете кожи, которая делала бы подобные союзы отвратительными или постыдными. Чувства привязанности и уважения существовали, как правило, между хозяином и слугой. Рабу, который служил долго и верно, часто поручали управление домом и собственностью его владельца, и, с другой стороны, если хозяин по несчастью беднел, его рабы с радостью трудились бы, чтобы его прокормить. Ни один хорошо воспитанный раб не мог быть продан без его согласия, если только его владелец не мог доказать, что бедность или долги делают такую продажу неизбежной; также такие проступки, как лень, непослушание или бегство, не могли быть наказаны без надлежащего предупреждения, которое хозяин в свое оправдание обычно давал в присутствии уважаемых свидетелей. Если после того, как это произошло два или три раза, раб продолжал сопротивляться, на его шею надевали деревянный ошейник, и тогда его хозяину разрешалось перевести его против его воли. Покупатели раба в ошейнике всегда интересовались, сколько раз с ним так поступали раньше, и если после двух или трех таких продаж он останется неисправимым, его можно будет продать для жертвоприношения. Но даже сейчас у него остается один шанс; если он сможет сбежать из владений своего хозяина и попасть во внутренний двор королевского дворца, он не только избежит наказания, но и с этого дня он свободный человек; более того, никому, кроме его владельца или сыновей его владельца, не разрешается каким-либо образом препятствовать ему добраться до убежища под страхом превращения в раба того, кого он пытается лишить шанса на свободу.

Продажа раба проводилась с большой формальностью и должна была быть произведена в присутствии по крайней мере четырех уважаемых свидетелей; в случаях самопродажи свидетели выступали в качестве добросовестных арбитров, чтобы добиться самой высокой цены и наиболее благоприятных условий для того, кто продал себя сам. Обычная цена за среднего раба составляла двадцать мантий, что эквивалентно одной партии хлопчатобумажной ткани; некоторые стоили меньше, в то время как другие приносили целых сорок мантий.

Таким образом, рабство у народов науа, по-видимому, было лишь частичным лишением прав свободного человека. Поскольку рабу было разрешено владеть собственностью и даже другими собственными рабами, и поскольку его дети родились свободными, и он полностью контролировал свою семью, мы вряд ли можем сказать, что он потерял свое гражданство, хотя это правда, что он не имел права занимать государственные должности. Это была обычная практика для хозяина при его жизни или на смертном одре освобождать своих рабов, но если такое положение не было предусмотрено, они переходили к наследникам вместе с остальным имуществом. Убийство раба, даже совершенное его хозяином, каралось смертной казнью.

Тем не менее, несмотря на все эти свидетельства в пользу мягкости рабства среди народов науа, все еще остается место для некоторых обоснованных сомнений относительно патриархального характера системы; поскольку нам говорят, что многие рабы, не упомянутые как военнопленные или преступники, а также слуги, карлики или уроды, а также купленные дети были преданы смерти на религиозных праздниках и королевских похоронах.^[141]

Земли были разделены между короной, знатью, различными племенами или кланами народа и храмами. Разделение, однако, ни в коем случае не было равным, гораздо большая часть была присвоена королем и аристократией.^[142] Вся земельная собственность была должным образом обследована, и каждое поместье было точно обозначено на картах или картинах, которые хранились в архиве компетентным должностным лицом в округе, где они были расположены. Земли короны были окрашены в фиолетовый цвет, земли знати - в алый, а земли *кальпуллис*, или приходов, - в светло-желтый. Определенные части собственности короны, называемые *текпантлалли*, или "земли дворца", были предоставлены дворянам ранга Текутли, которых называли *текпанпукке* или *текпантлака*, "люди дворца". Они могли свободно пользоваться такими землями, и взамен от них ожидалось определенные услуги. В их обязанности входило следить за ремонтом и надлежащим обустройством королевских резиденций, а также возделывать и содержать в порядке королевские сады, для всего этого они должны были предоставить необходимое количество рабочих; кроме того, они были обязаны прислуживать королю и сопровождать его всякий раз, когда он появлялся на публике. Хотя в благодарность за эти услуги "дворцовые люди" не платили арендной платы, все же выдающееся владение их землями принадлежало суверену. Когда один из них умирал, его старший сын унаследовал его привилегии с учетом тех же обязательств, но если он менял место жительства на другую часть страны или умирал, не оставив потомства мужского пола, узупфрукт конфисковывался, и земля возвращалась суверену, который передавал ее другому узупфруктуарию или оставлял выбор за общиной, в районе которой находилась собственность расположена.^[143] Продукция других земель, принадлежащих короне, была выделена для содержания королевского двора и в благотворительных целях.

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ДВОРЯН.

В завоеванных провинциях обычно уважались привычки и устоявшаяся форма правления побежденных. Правители Анахуака сохранили власть местных князей и позволили народу сохранить свою собственность; но они неизменно выделяли определенную часть территории, пропорциональную завоеванию, которая становилась собственностью монарха-победителя. Эти земли, называемые *яотлалли*, что означает "земли войны", были обработаны покоренными народами на благо своего завоевателя. Если они принадлежали Мексике, их звали *мексика-тлалли*; если к Аколукану, *аколхуа-тлалли* так далее.^[144]

НАСЛЕДОВАНИЕ ПОМЕСТИЙ.

Земли знати назывались *пиллалли* были либо древними владениями знати, передававшимися по наследству от отца к сыну, либо были наградой за доблесть, дарованной королем. Они находились в собственности различных лиц; некоторые из них могли быть отчуждены по воле владельца с тем лишь ограничением, что они не должны были переходить в руки плебея; другие принадлежали старшему потомству мужского пола и не могли быть отчуждены иным образом. Многие поместья ацтеков имели очень древнее происхождение. После того, как чичимеки получили в бесспорное владение долину Мехико, их вождь или суверен Ксолотль даровал землю своему собственному народу и другим, которые признавали его своим верховным господином, при условии, что получатели даров

должны были служить короне своими личностями, вассалами и поместьями, когда бы он ни потребовал этого от них, и та же политика была принята его преемниками.^[145] Сыновья обычно наследовали поместья своего отца по праву первородства, но если старший сын был признан неспособным должным образом заботиться о собственности, он должен был отказаться от нее. Отец оставлял его тому сыну, которому заблагорассудится, оговаривая, однако, что наследник должен обеспечить ему правоспособность, которую он заменил.^[146] В республике Тлашкала дочери не могли наследовать поместье, цель состояла в том, чтобы предотвратить переход земельной собственности в руки незнакомцев. В королевствах Мехико, Тецкоко и Тлакопан, вероятно, закон в этом отношении был одинаковым, но власти не предоставляют нам никакой информации по этому вопросу.^[147] Эти феодалы не платили арендной платы за свои земли, но были обязаны помогать своему сюзерену, королю, своими личностями, вассалами и состоянием во всех случаях внешней или гражданской войны. Каждый король при своем вступлении на престол подтверждал инвеституру поместий, полученных от короны.^[148] Земли того народа назывались *кальпулли*, и каждый город был разделен на столько таких городов, сколько в нем было округов, и все количество кальпулли в совокупности называлось *алтенатлалли*. Кальпулли, а также *тлашикалли*, или улицы, были отмерены и обозначены их границы, чтобы жители одного района или улицы не могли вторгаться во владения другого. Каждое из этих подразделений принадлежало соответствующей общине и имело большую или меньшую протяженность и важность в зависимости от раздела, произведенного первыми поселенцами в Анахуаке. Все владельцы кальпулли были членами одного клана или племени, и их район носил их имя. Право владения является бессрочным и неотчуждаемым и является общей собственностью общины, а не отдельных лиц. Любой член общины, не обладавший какой-либо землей, имел право просить участок, соответствующий его положению и требованиям, который был ему предоставлен. Этим участком он имел право владеть до тех пор, пока возделывал и улучшал его, и он мог передать его своим наследникам; у него не было полномочий продавать свой участок, но он мог уступить его другому лицу на несколько лет. Если он забывал возделывать его в течение двух лет, староста кальпулли делал ему замечание; если он не обращал внимания на это предупреждение, его увольняли на следующий год в пользу какого-нибудь другого человека; однако всегда находилось разумное оправдание такому пренебрежению. Если выделенная кому-либо земля оказывалась бесплодной, он был волен отказаться от нее, и ему предоставлялся другой участок. Ни под каким предлогом какое-либо лицо не могло поселиться на земле, законно занятой другим лицом, и власти кальпулли не могли лишить последнего его права. Если землевладелец умирал, не оставив наследников, его участок считался вакантным и передавался первому претенденту на него. Если кальпулли сильно нуждался, властям разрешалось сдавать его земли в аренду, но ни при каких обстоятельствах жителям не разрешалось работать на землях другого района. Старейшины племени образовали совет кальпулли; этот орган избрал руководителя, называемого *кальпуллеком*, в обязанности которого входило следить за интересами общины; он действовал только по совету и с согласия совета. Каждый город выделил участок земли в пригороде, откуда обеспечивал потребности армии во время войны. Эти порции назывались *милчималли*, или *какаломилли*, в зависимости от вида зерна, которое они производили, и выращивались совместно всеми кальпулли. Для королей не было ничего необычного в том, что они пожизненно предоставляли часть народной собственности какому-нибудь любимому дворянину, ибо, хотя нет сомнений в том, что земли кальпулли по праву принадлежали народу, все же в этом отношении, как и в других, короли имели обыкновение узурпировать власть, им не принадлежащую.^[149] Каждый храм, великий и незначительный, имел свои собственные земли и загородные поместья, продукция с которых шла на содержание священников и общественное богослужение; арендаторы,

занимавшие эти земли, считались вассалами храмов. . Первосвященники, которые на землях храма обладали властью, подобной власти царских наместников, часто посещали эти поместья, чтобы проверить их состояние и вершить правосудие над их арендаторами. Храм Уицилопочтли считался самым богатым в Мексике. Торквемада говорит, что в Тецкоко пятнадцать крупных городов снабжали храмы этого королевства деревом, провизией и другими предметами первой необходимости.^[150] Клавиджеро насчитывает двадцать девять городов.^[151]

На всей территории Сапотекапана и Мизтекапана земельная собственность неизменно передавалась от мужчины к мужчине, женщины исключались из процесса наследования. Никто не имел права продавать свою землю в бессрочное пользование; закон запрещал передачу ее семье ни в результате брака, ни иным образом; и если собственник был вынужден в силу необходимости распорядиться своей недвижимостью, она возвращалась по прошествии нескольких лет его сыну или ближайшему родственнику, которые выплачивали владельцу вознаграждение, за которое она была заложена, или его эквивалент.^[152] В Мизтекапане сын-первенец, прежде чем вступить во владение своим наследством, должен был в течение года наносить епитимью; его заключали в религиозный дом. , одетый в лохмотья, вымазанный соком индийского каучука, и его лицо и тело натирали зловонными травами; в течение этого времени ему приходилось неоднократно пускать кровь из своего тела и конечностей, и он подвергался тяжелому труду и лишениям. По истечении года четыре девушки омыли его пахучей водой, а затем друзья проводили в его дом с большой помпой и весельем.^[153]

ПОМЕСТЬЯ В МИЧОАКАНЕ.

Ранние авторы ничего не говорят о владении землями у тарасков Мичоакана, а лишь в общих чертах заявляют, что власть суверена над жизнью и имуществом своих подданных была неограниченной.^[154]

Владение землями в республике Тлашкала берет свое начало от раздела, произведенного во времена первого заселения страны; который заключался в следующем: любой текутли, установивший вотчину, называемую *теккалли*, или *пилкалли*, забирал в свое пользование лучшую и самую большую часть земель, которые выпали на его долю или были пожалованы ему при разделе, включая леса, источники, реки и озера; остальное справедливо делилось между его слугами и вассалами, или, другими словами, его солдатами, друзьями и родственниками. Все были обязаны содержать поместье в порядке и снабжать своего господина дичью, цветами и другими удобствами, а он, в свою очередь, должен был развлекать, защищать и кормить их в своем доме. Этим родственникам, друзьям и слугам было дано имя *тейшуйхуан*, что означает "внуки господского дома". Таким образом, вся знать разделила свои земли. Все они пользовались большим уважением своих вассалов. Они получали свой доход от налогов, которые платили им арендаторы, из того, что они получали от охоты, от земли и разведения домашних животных.^[155]

До нас не дошло никакой информации относительно положений, по которым земля удерживалась в Чолуле и Уэхочинко, или среди тотонаков. В провинции Пануко старший

сын был единственным наследником земли и, следовательно, единственным, кто платил дань; остальные сыновья должны были арендовать землю у тех, кто ею владел.^[156]

Не может быть никаких сомнений в том, что во всем этом есть, как отмечали многие авторы, сильное сходство с феодальными системами Европы. Обязанность военной службы и другие отношения лорда и вассала сильно смахивают на институты средневековья, но, как говорит мистер Прескотт, незначительные моменты сходства "далеки от той гармоничной системы взаимного служения и защиты, которая в определенной степени охватывала все порядки феодальной монархии. Королевства Анахуака были по своей природе деспотическими, сопровождаемыми, действительно, многими смягчающими обстоятельствами, неизвестными восточным деспотиям; но нелепо искать много общего — помимо нескольких случайных форм и церемоний — с теми аристократическими институтами средневековья, которые делали двор каждого мелкого барона точным изображением в миниатюре двора его суверена". Я не склонен проводить аналогии, считая их, по крайней мере, в работе такого рода, бесполезными; и если бы я был склонен это делать, пространство не позволило бы этого. Нации в период своего зарождения почти так же похожи, как люди в ранние годы, и, изучая этих людей, я на каждом шагу поражаюсь сходству между некоторыми их обычаями и институтами и таковыми у других народов; можно было бы с удовольствием провести сравнения между разделом земель в Анахуаке и тем, что провели Ликург и Нума в Лаконии и Риме, или между отношениями ацтекского господина и раба и отношениями римского покровителя и клиента, поскольку первые были почти такими же мягкими, как и вторые; но список таких сравнений никогда не будет полным, и я вынужден оставить их на усмотрение других народов. читатель.

СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ.

Жители Анахуака и прилегающих стран платили налоги короне и храмам либо личным служением, либо продукцией или результатами своего труда; короче говоря, всем полезным. Мы видели, что в королевстве Тецкоко двадцать девять городов были назначены для обеспечения королевской семьи всем необходимым в виде еды, мебели и так далее и, следовательно, были освобождены от всех других налогов. Четырнадцать из этих городов работали таким образом в течение одной половины года, а пятнадцать - в течение другой половины. Они также снабжали рабочих, таких как водоносы, подметальщики, землепашцы дворцовых угодий и садовники. Мальчики, которые были слишком малы, чтобы выполнять мужскую работу, должны были ежегодно заготавливать четыреста охапок дров для костров, которые поддерживались днем и ночью в главных комнатах дворца. Молодые люди Толланцинко сами или через своих слуг поставляли прекрасный тростник для циновок, табуретов или сидений, называемых *ичпалли*, сосновые щепки для разжигания костров, другую древесину для факелов, *асайетль* или трубки с табаком, различные виды красителей, жидкий янтарь как в лепешках, так и в сосудах, копаловые благовония в золотых цилиндрах и большое количество других изделий, которые нет необходимости уточнять.^[157] Производители платили налоги предметами, произведенными их промышленностью. . Подмастерья механиков, такие как плотники, каменщики, работники по обработке перьев и драгоценных металлов, а также музыканты, согласно Овьедо, были освобождены от такого налога и вместо этого оказывали личную службу государю без вознаграждения.^[158] Торговцы платили свои налоги теми предметами, которыми они торговали. Последним классом плательщиков дани были *тламаитли*, арендаторы,

прикрепленные к земле дворянина, которые обрабатывали ее для собственной выгоды. Они были обязаны каждый год выполнять определенный объем работы для землевладельца и нести военную службу, когда этого требовал от них государь. Брассер говорит, что эти арендаторы не платили дань королю, но Клавиджеро опровергает его заявление.^[159] Налоги, уплачиваемые фруктами и зерном, взимались сразу после сбора урожая; другие подати взимались в разное время года. В каждом городе существовал журнал для хранения доходов, из которого по мере необходимости черпались припасы. В окрестностях Мексики было принято доставлять сельскохозяйственную продукцию в столицу, чтобы жители, которые, будучи окружены водами озера, не имели собственной земли для обработки, могли регулярно получать продовольствие. Не существовало единой системы сбора налогов с торговцев и фабрикантов. Платежи производились ими в соответствии с их обстоятельствами и характером товаров, которые они вносили. В Мексиканской империи насчитывалось около трехсот семидесяти городов-данников, некоторые из которых платили налоги каждые двадцать дней, а некоторые - каждые четыре дня, в то время как другие делали это только раз в шесть месяцев или даже только раз в год. С жителей Тлателулько, говорит Пурчась,^[160] "взималась дань, всегда предназначенная для ремонта церкви под названием Уизнауак. По этому пункту приготовьте большие корзины (размером в полбушеля) какао-молотого с Маисом (который они называли *Кьянпиноли*), а в каждой корзинке было шестнадцать сотен Миндальных зерен какао. Пункт, другие корзиночки с кьянпиноли для сорока блюд. Пункт, восемьсот корзинок с большими каминными полками. Предмет, восемьдесят единиц Брони из легких Перьев и столько Мишеней из тех же Перьев, двух видов и цветов, сколько они изображены. Всю эту дань, кроме указанного оружия и целей, они платят каждые 24 дня,^[161] и указанное оружие и цели они платят за дань только один раз за весь год. Упомянутая дань берет свое начало со времен Квоутлатоа и Мокиуикса, которые были лордами Тлатилулько. Правителями Мексики, которые первыми присоединились к правителям Тлатилулько, чтобы платить дань и признавать их подчинение, были Изкоатчи и Аксиакачи." Иногда гильдии торговцев или отдельные лица не платили налоги по обычной ставке города, в котором они жили, но делали это в соответствии с предварительной договоренностью, достигнутой с налоговыми инспекторами.

НАЛОГИ, УПЛАЧИВАЕМЫЕ ГОРОДАМИ.

НАЛОГИ, УПЛАЧИВАЕМЫЕ ПАРАЗИТАМИ.

В дополнение к налогам, взимаемым с частных лиц, каждый город поставлял большое количество хлопчатобумажной одежды, определенное количество хлебных коржей и перьев, а также другие товары, которые были специализацией провинции, в которой он находился. Масатлан, Хоконочо, Уэуэтлан и другие города Тихоокеанского побережья заплатили, помимо хлопчатобумажной одежды, четыре тысячи связок прекрасных перьев разных цветов, двести мешков какао, сорок тигровых шкур и сто шестьдесят птиц определенного вида. Койолапан, Атлакуечауаксан, Уашьякак и другие города сапотеков, сорок золотых монет определенного размера и двадцать мешков кошенили. Тлачкиаухко, Айотлан и Теоцапотлан - двадцать сосудов определенного размера, наполненных золотой пылью. Точтепек, Отлатитлан, Козамаллопан, Мичапан и другие места Мексиканского залива, помимо хлопчатобумажной одежды, какао и золота, заплатили двадцать четыре тысячи связок изысканных перьев различного качества и цвета, шесть ожерелий, два из

которых были из лучших изумрудов и четыре обычных, двадцать сережек из янтаря, оправленных в золото, и столько же из хрусталя, сто горшочков жидкого янтаря и шестнадцать тысяч связок индийского каучука. Тепейакак, Кечолак, Текамачалько, Акацинко и другие города этого региона страны пожертвовали по четыре тысячи мешков извести, четыре тысячи связок твердого тростника для строительных целей, столько же более мелкого тростника для изготовления дротиков и восемь тысяч связок тростника, наполненных ароматическими веществами. Малиналтепек, Тлалкозаухтитлан, Олиналлан, Ичкатлан, Куалак и другие южные города, расположенные в теплых краях, заплатили каждому по шестьсот мер меда, сорок больших кувшинов желтой охры для краски, сто шестьдесят медных щитов, сорок круглых золотых пластин определенного размера, десять небольших мер тонкой бирюзы и один груз бирюзы поменьше. Куаунауак, Панчималко, Атлачолоаян, Ксиутепек, Уицилак и другие города Тлауика заплатили каждому по шестнадцати тысяч больших листов бумаги и по четыре тысячи *ксикалли*, или тыквенных банок, разных размеров. Куаутитлан, Теуиллойокан и другие соседние города подарили по восемь тысяч циновок и восемь тысяч *ичпалли*, или табуреток. Некоторые города платили налоги дровами, камнем и балками для строительства; другие - копаловой смолой; третьи посылали в царские дома и леса определенное количество птиц и животных, такие как Ксилотепек, Мичмалоян и другие города отоми, каждый из которых был вынужден ежегодно поставлять царю по сорок живых орлов. После того, как матлальтцинка были подчинены мексиканской короне королем Аксаякатлем, от них требовалось не только платить большой налог натурой, но и возделывать поле площадью в семьсот *тоесов*^[162] на триста пятьдесят в пользу армии. Как саксонский король обложил своих подданных налогом в виде волчьих голов с целью избавления своего королевства от этих хищных животных, так и мексиканские монархи взыскивали с тех, кто был слишком беден, чтобы платить обычные налоги, определенное количество змей, скорпионов, многоножек и других неприятных существ. В Мексике, особенно в большом количестве, появились вши.^[163] Рассказывают, что вскоре после прибытия Кортеса в город Мехико некоторые кавалеристы из его отряда, среди которых были Алонсо де Охеда и Алонсо де Мата, бродили по королевскому дворцу, восхищаясь его огромными размерами и всеми его чудесами, несомненно, с целью пограбления, когда они наткнулись на несколько мешков, наполненных каким-то мягким, тонким и увесистым материалом; не сомневаясь, что это должно быть что-то ценное, они поспешили развязать горловину одного из мешков, когда, к своему отвращению и разочарованию, обнаружили, что его содержимое состоит только из вшей, которые, как они впоследствии установили, были выплачены в качестве дани бедняками.^[164] Пошлины взымались с собственности, мануфактур и предметов, выставленных для продажи на рынках, пропорционально богатству облагаемого налогом лица или стоимости проданных товаров. Продукты и товары любого вида, ввозимые в город Мехико, облагались пошлиной, которая поступала в королевскую казну.

Доля, в которой были уплачены налоги, составляет от тридцати до тридцати трех процентов, или около трети всего произведенного. Овьедо утверждает, что каждый налогоплательщик в дополнение к трети своего имущества приносил в жертву одного из каждых трех своих детей или вместо них раба; если он не делал этого, он лишался собственной жизни.^[165]

Правительство располагало в главном городе каждой провинции большими складами для хранения запасов хлеба и товаров, полученных сборщиками налогов; также аудиторскими конторами, которым *кальпики*, или распорядители доходов, были обязаны очень строго отчитываться о своих сборах, а те, кто был уличен в растрате, немедленно предавались смерти, а их имущество конфисковывалось.^[166] В королевской сокровищнице были росписи, на которых были указаны города-данники, а также количество и вид дани, уплаченной каждым. В Кодексе Мендосы можно увидеть тридцать шесть таких картин, каждая из которых представляет главные города одной или нескольких провинций империи, а также количество и качество налогов и время, когда они были уплачены.^[167]

Личная и обычная служба заключалась в ежедневном снабжении домов вождей водой и дровами, необходимыми; это изо дня в день распределялось между городами или приходами, и, таким образом, каждый человек был занят оказанием такой услуги максимум один или два раза в год. Жители окрестностей были единственными, кто подвергался такому наказанию, и затем, учитывая такую услугу, были освобождены от уплаты части повинностей. Прочую работу в основном выполняли рабы, которых было большое количество. Иностранные провинции, покоренные империей без какого-либо сопротивления, не были обязаны платить установленную дань, но несколько раз в год присылали в подарок королю все, что они считали нужным, который проявлял себя более или менее милостиво в зависимости от ценности подарков. Мексиканский суверен не назначал в эти провинции кальпиков или сборщиков налогов, но они продолжали находиться под властью своих собственных вождей. Те страны, которые были разорены войной, были вынуждены подчиняться суровым условиям, установленным завоевателем, и носили название *текитин тлакотль*, что означает "платить дань, как рабы". Над ними были размещены управляющие и кальпики, которые имели власть даже над лордами страны и которые помимо взимания дани заставляли мужчин обрабатывать землю, а женщин прясть, ткать и вышивать для их личной выгоды; действительно, их тирания была настолько велика, что все, чего они желали, они обязательно получали честным путем. или фол. Короли Тецкоко и Тлакопана, а также другие суверенные лорды, союзники короля Мексики, разделяли эту дань, если они помогали в завоевании.^[168]

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ При МОНТЕСУМЕ II.

Правители выбирали кальпиков из числа ацтекских *пилли*, или знати низшего ранга. Они находились под надзором главных казначеев или *уэйкальпиков*, которые проживали в нескольких столицах, и в их обязанности входило собирать дань или налоги и следить за тем, чтобы земли, принадлежащие муниципалитетам или частным лицам, обрабатывались. Поначалу обязанности этих кальпиков были не очень тяжелыми, поскольку люди обычно спешили заплатить налоги до того, как их призовут; но во время правления Монтесумы II. налоги так сильно возросли из-за большой расточительности двора, что это похвальное рвение значительно остыло. Основная часть огромного богатства, которое завоеватели с

таким восхищением рассматривали при дворе Монтесумы, была результатом этого чрезмерного налогообложения, и это было одной из главных причин того отчуждения народа от своего суверена, которое сделало завоевание возможным достижением. Несмотря на снисходительность налогоплательщиков, они не могли терпеливо подчиняться столь тяжкому ярму. Купцы, чьи торговые экспедиции были так полезны государству в прежние времена, были обременены налогами не меньше, чем жители завоеванных провинций данью. Именно среди этого могущественного класса были замечены первые симптомы дезертирства. К основному недовольству добавились тирания и жестокость, проявляемые налоговыми инспекторами при сборе налогов. Они несли в одной руке маленькую розгу, а в другой - веер из перьев и в сопровождении большой свиты помощников ходили по городам и полям, безжалостно издеваясь над несчастными, которые не могли быстро выполнить их требования, и даже продавали их в рабство; по крайней мере, несомненно, что такие продажи происходили в завоеванных провинциях.

ЭГОИЗМ МОНТЕСУМЫ II.

С первых лет своего правления Монтесума II. начал притеснять торговцев высокими налогами, даже на самые пустяки. Больше всего страдали розничные торговцы, которым приходилось платить чрезмерные пошлины за товары, которые они ввозили на главный *tianguetz*, или рыночную площадь, откуда такие товары доставлялись на меньшие рынки. Но король и его приспешники, обнаружив, что это не нанесло прямого ущерба оптовым торговцам, среди которых были судьи торгового суда, — то есть консулы и синдики, если можно так их назвать, компании Тлателулько, — вскоре были найдены свидетели, сфабриковавшие против них обвинения в государственной измене, которые закончились тем, что они были преданы смерти, а их товары и движимое имущество конфисковано и распределено среди членов королевского двора. Очень большая часть налогов и податей была потрачена на содержание армии, государственных служащих, бедных и обездоленных, таких как вдовы, сироты и престарелые, а также на обеспечение людей продовольствием во времена большого дефицита, но почти такая же большая часть была присвоена королем для его собственных нужд.^[169] Именно такими поступками, подобными этим, руководствовался Монтесума II. разрушил дело своих отцов и нарушил гармонию своего королевства, заботясь только о своей собственной славе и славе своего двора.

ГЛАВА VII.

ОБРАЗОВАНИЕ, БРАК, СОЖИТЕЛЬСТВО, ДЕТОРОЖДЕНИЕ И КРЕЩЕНИЕ.

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ НАУА—Порядок наказания—Подготовка к браку—Брачная церемония—Соблюдение после вступления в брак—Браки масатек, отоми, чичимеков и тольтеков—Развод—Сожительство—Церемонии, предшествующие родам—ОБРАЩЕНИЕ С БЕРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНОЙ—РАЗБИРАТЕЛЬСТВА АКУШЕРОВ—СУЕВЕРИЯ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН, УМЕРШИХ ПРИ РОДАХ—АБОРТЫ—КРЕЩЕНИЕ—Речи акушеров—НАРЕЧЕНИЕ ДЕТЕЙ—КРЕЩЕНИЕ У ТЛАШКАЛЬТЕКОВ, МИЗТЕКОВ И САПОТЕКОВ—ОБРЕЗАНИЕ И СКАРИФИКАЦИЯ МЛАДЕНЦЕВ.

При изучении домашних обычаев народов науа было бы неплохо сначала узнать, как воспитывались и чему обучались их дети. Воспитание ребенка начиналось его родителями, как только он начинал ходить, и заканчивалось священниками. Помимо суеверного и идолопоклоннического привкуса, которым было более или менее запятнано все ацтекское, достойна восхищения забота о правильном формировании умов молодежи обоих полов. И родители, и священники усердно старались внушить своим ученикам ужас перед пороком и любовь к истине. Уважение к старшим и скромность в своих действиях были одним из их первых уроков, а ложь сурово каралась.

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ.

На серии древних ацтекских рисунков, которые дают иероглифическую историю ацтеков, представлены способы воспитания детей, разрешенная им порция пищи, труд, которым они занимались, и наказания, к которым прибегали родители в целях исправления. Перчес рассказывает, что книга, содержащая эту картину-историю с интерпретациями, сделанными туземцами, была приобретена испанским губернатором, который намеревался преподнести ее в подарок императору Карлу V. Корабль, на котором она перевозилась, был захвачен французским военным кораблем, и книга попала в руки географа французского короля Эндрю Теве. После его смерти она была куплена за двадцать французских крон Ричардом Хаклютом, в то время капелланом английского посла при французском дворе, и была оставлена им в его последней воле и завещании Сэмюэлю Перчасу, который сделал копии на дереве с оригинала и опубликовал их с пояснительным текстом в интересах науки и обучения. В той части работы, которая относится к воспитанию и образованности детей, — образец [страницы](#) которой приведен в главе этого тома, посвященной иероглифам, — изображены мальчик и девочка со своими отцом и матерью; три маленьких круга, каждый из которых соответствует одному году, показывают, что детям по три года, в то время как добрые советы, которые они получают, явно исходят из уст отца; половина овала,

разделенная по ширине, показывает, что в этом возрасте им разрешалось съедать по половине лепешки при каждом приеме пищи. В течение четвертого и пятого лет жизни мальчики приучаются к легкому физическому труду, такому, как ношение легкой ноши, в то время как мать показывает девочке прялку и инструктирует ее использование. В этом возрасте их хлебный рацион составляет целую лепешку. На фотографиях показано, как родители начинают делать своих детей полезными. Мальчик следует за отцом на рыночную площадь, неся легкую поклажу, и там занимается тем, что собирает кукурузные зерна или другие мелочи, случайно рассыпанные по прилавкам. Девочка изображена прядущей под пристальным наблюдением своей матери, которая одновременно читает ей лекции и направляет ее. Норма хлеба теперь составляет полторы лепешки и остается такой до тех пор, пока детям не исполнится тринадцать лет. Затем нам показывают различные способы наказания непослушных детей. Когда им исполняется восемь лет, им просто показывают орудия наказания в назидание. В десять лет непослушных мальчиков связывали по рукам и ногам и кололи в разные части тела шипами магуэя; девочек кололи только в кисти и запястья; если этого было недостаточно, их избивали палками. Если они были непослушными в одиннадцать лет, их держали над кучей горящего чили и заставляли вдыхать дым, что причиняло сильную боль.^[170] В двенадцать лет плохого мальчика связывали по рукам и ногам и выставляли голым в сыром месте в течение целого дня; непослушная девочка того же возраста была вынуждена вставать ночью и подметать весь дом.^[171] С тринадцатилетнего возраста норма хлеба была увеличена до двух лепешек. В возрасте от тринадцати до пятнадцати лет мальчики доставляли древесину с гор по суше или на каноэ, или ловили рыбу; девочки проводили время за измельчением зерна, приготовлением пищи и ткачеством. В пятнадцать лет мальчиков отдавали к священникам для получения религиозного наставления или получали солдатское образование у офицера по имени Ахкаухтли.^[172]

школы для молодежи.

Школы и семинарии были присоединены к храмам, и обучение молодежи обоих полов было монополией в руках священников. Как правило, мальчиков отправляли в колледжи в возрасте от шести до девяти лет; они были одеты в черное, их волосы оставались нестриженными,^[173] и они находились под опекой специально назначенных для этой цели священников, которые обучали их отраслям, наиболее подходящим для их будущего призвания. Всех обучали религии, и особое внимание уделялось хорошему поведению и морали. Женщинам не разрешалось поступать в колледж, и юноши ни в коем случае не могли общаться с представителями другого пола. В определенное время года от них требовалось воздерживаться от различных видов пищи.

Школы, или колледжи, были двух разных классов. Те, которые посещали простые люди, назывались *тельпочкалли*, или "домами юношества"; в каждом квартале города было по одному такому дому на манер наших государственных школ, и родители округа были обязаны вводить своих детей в возрасте четырех-пяти лет. Тельпочтлато, или "вождь молодежи", инструктировал их, как подметать святилище, поддерживать огонь в священных кадилъницах, убирать здание школы, наносить епитимьи, более или менее суровые в зависимости от их возраста, и группами ходить в лес за дровами для храма. Каждый ученик обедал в доме своих родителей, но все они были обязаны спать в семинарии. С наступлением темноты все собирались в *куикакалько*, или "доме песни", и там их обучали

искусству пения и танцев, которое составляло часть мексиканского образования; здесь же они упражнялись во владении оружием.^[174] В возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, а иногда и раньше, родители обычно забирали своих детей из тельпочкалли, чтобы они могли заняться каким-либо ремеслом, но это никогда не делалось без предварительного подарка тельпочтлато. Школы, в которых получали образование сыновья знати и те, кому суждено было стать священниками, назывались *кальмекак*, что означает колледж или монастырь. Ученики занимались не таким ручным трудом, как те, кто получал образование в тельпочкалли, и питались они не дома, а в здании. Они находились под надзором священников ордена Тламаказки, которые обучали их всему, чему учились плебеи, помимо многих искусств и наук, таких как изучение героических песен и священных гимнов, которые они должны были выучить наизусть, история, религия, философия, юриспруденция, астрономия, астрология, а также написание и толкование иероглифов. Если они не были расторопными и прилежными, им давали меньше еды и больше работы; их увещевали быть добродетельными и целомудренными, и им не разрешалось покидать храм, пока с разрешения их отца они не выйдут из него замуж или, в случае сильного и отважного юноши, не отправятся на войну; тех, кто проявлял качества, пригодные для военной жизни, упражняли в гимнастике и обучали владеть оружием, стрелять из лука, обращаться со щитом и метать дротики в цель. Их мужество, сила и выносливость подверглись суровым испытаниям; им рано предоставили возможность осознать тяготы лагерной жизни, и, будучи мальчиками, их посылали разносить провизию солдатам, после чего за их поведением внимательно наблюдали, а проявление мужества сопровождалось соответствующим повышением в должности и наградой.^[175]

ЖЕНСКИЕ СЕМИНАРИИ.

К храмам примыкали большие здания, использовавшиеся как семинарии для девочек. Девушки, получавшие в них образование, были в основном дочерьми лордов и принцев. Ими руководили матроны или жрицы-весталки, воспитанные в храме, которые с большой бдительностью присматривали за теми, кто был вверен их попечению. Днем и ночью внешний вид здания строго охранялся стариками, чтобы предотвратить любые сношения между полами; девушки не могли даже покидать свои покои без охраны; если кто-нибудь нарушал это правило и выходил один, ее ноги кололи шипами до крови. Когда они выходили на улицу, то вместе и в сопровождении надзирательниц; в таких случаях им не разрешалось поднимать глаза или каким-либо образом обращать на кого-либо внимание; любое нарушение этих правил каралось суровым наказанием. Девушки должны были подметать территорию храма, которую они занимали, и ухаживать за священным огнем; их обучали догматам их религии и показывали, как пускать кровь из своих тел, принося жертвы богам. Они также научились выделывать перья, прясть и ткать мантии; особое внимание уделялось их личной чистоте; они были обязаны часто мыться и быть умелыми и прилежными во всех домашних делах. Их учили говорить с почтением, смирять себя в присутствии старших и всегда соблюдать скромность и застенчивость. Они вставали на рассвете, и всякий раз, когда они проявляли праздность или грубость, их наказывали. Ночью ученики спали в больших комнатах на виду у надзирательниц, которые внимательно за ними наблюдали. Дочери дворян, поступившие в семинарии в раннем возрасте, оставались там до тех пор, пока их родители не забирали их замуж.^[176]

Детей, воспитывавшихся в доме своих родителей, учили поклонению богам, и их часто водили в храм, чтобы они могли стать свидетелями религиозных представлений. Военные обучали своих сыновей обращению с оружием и военному искусству и не упускали возможности приучить их к опасности, всегда стараясь внушить им мужество и отвагу. Рабочие и ремесленники обычно обучали своих детей своему собственному ремеслу. Сыновьям знати, которые были помещены в семинарии, никогда не разрешалось выходить на улицу без сопровождения одного из настоятелей храма; еду им приносили родители. Применяемые наказания были чрезмерно суровыми. Лжецам втыкали в губы шипы; и иногда, если вина была частой, их губы слегка рассекались. Тех, кто проявлял небрежность или непослушание, связывали по рукам и ногам, кололи шипами или сильно щипали. Девушка, которую замечали смотрящей на мужчину или разговаривающей с ним, подвергалась суровому наказанию; а если ей нравилось ходить по улицам, ее ноги связывали вместе и кололи острыми шипами.^[177]

Во времена правления Несауалькойотля в Тецкоко была построена большая семинария с западной стороны храма, которая состояла из нескольких просторных залов и комнат с внутренним двором и называлась *тлакотео*. Здесь воспитывались и обучались сыновья короля. Опекуны и наставники, которые опекали их, приложили немало усилий, чтобы обучить их всему, что соответствовало их высокому положению. Помимо владения оружием, их обучали всем известным в то время искусствам и наукам и полностью знакомили с практической обработкой драгоценных металлов и камней. Отдельные комнаты были отведены в пользование дочерям короля, где они получили образование, соответствующее их положению. В соответствии с законом королевства, король, его дети и родственники, их опекуны и хозяева, а также вельможи королевства собирались каждые восемьдесят дней в большом зале тлакотео; все рассаживались в соответствии с рангом: мужчины с одной стороны, женщины - с другой. Все мужчины, даже особы королевской крови, были одеты в грубую одежду из *некуэна*, или волокна магуи. Оратор взошел на что-то вроде кафедры и начал речь, в которой он порицал тех, кто плохо справлялся за последние восемьдесят дней, и хвалил тех, кто справлялся хорошо; делал он это без всякой приязни, даже не колеблясь обвинять короля, если считал нужным. Речь была произнесена с таким красноречием и чувством, что обычно доводила аудиторию до слез.^[178]

ОБРАЩЕНИЕ РОДИТЕЛЯ К СВОИМ СЫНОВЬЯМ.

Саагун, Мотилиня, Мендьета и другие ранние авторы, которые были хорошо знакомы с мексиканским языком, приводят примеры наставлений, с которыми родители обращались к своим детям. Я выбираю одно из произведений первого упомянутого автора в качестве примера: "Прислушайтесь ко мне и внемлите, о мои сыновья, - говорит мексиканский родитель, - потому что я ваш отец; и я, хотя и недостойн, избран богами править этим городом. Ты, мой первенец и старший из твоих братьев; и ты второй, и ты третий, и ты последний и ничтожнейший - знай, что я беспокоюсь, как бы кто—нибудь из вас не оказался никчемным в загробной жизни; как бы, может быть, ни один из вас не оказался достойным носить мои достоинства и почести после меня; возможно, это воля богов, чтобы дом, который я с таким трудом построил, рухнул на землю и остался развалинами и навозной кучей; чтобы мое имя больше не поминали среди людей; что после моей смерти ни один

мужчина не будет говорить обо мне хорошо. Выслушай теперь слова, которые Я скажу тебе, чтобы ты мог научиться, как быть полезным в этом мире и как приблизиться к богам, чтобы они могли проявить к тебе благосклонность; ибо это Я говорю тебе, что те, кто плачет и опечален; те, кто вздыхает, молится и размышляет; те, кто бодрствует ночью и бодрствует утром; те, кто усердно содержит храмы в чистоте и порядке; те, кто благоговейный и молитвенный — все они находят благосклонность богов; всем таким боги даруют богатство, почести и уважение. процветание, даже если они дают его тем, кто силен в битве. Именно по таким поступкам боги узнают своих друзей, и таким они даруют высокое звание и военные отличия; успех в битве и почетное место в зале правосудия; делая их родителями солнца, чтобы они могли угощать пищей и питьем не только богов небес, но и богов ада; и те, кого удостаиваются такой чести, почитаются всеми храбрецами и воинами: все люди смотрят на них как на своих родителей, потому что боги оказали им благосклонность; и сделали их пригодными для того, чтобы занимать высокие должности и править справедливо; они помещены рядом с богом. бог огня, отец всех богов, чье жилище находится в воде, окруженное стенами из цветов, увенчанными башнями, и которого зовут Аямиктлан и Сяхтекутли; или они делаются владыками ранга Тлакатекутли или Тлакочтекутли, или им присваивается какой-нибудь более низкий почетный пост. Возможно, им дана какая-то такая должность, какую я сейчас занимаю, не из-за каких-то моих собственных заслуг, а потому, что боги не знают моего недостойнства. Я не тот, кто я есть, по своей собственной просьбе; я никогда не говорил, что хочу быть таким-то, я желаю той или иной чести; боги оказали мне эту честь по своей собственной воле, ибо, несомненно, все принадлежит им, и все, что дается, исходит из их рук; и никто не скажет, что я желаю той или иной чести, ибо боги оказывают то, что им заблагорассудится и кому они пожелают, и ни в чьем совете не нуждаются. Послушайте, сыновья мои, еще одно горе, которое терзает меня, когда я встаю в полночь, чтобы помолиться и покаяться. Тогда я размышляю о многих вещах, и мое сердце поднимается и опускается, как у человека, который поднимается и спускается с гор, ибо я не удовлетворен ни одним из вас. Ты, мой старший сын, не подаешь никаких признаков улучшения, я не вижу в тебе ничего мужественного, ты всегда остаешься мальчиком, твое поведение не подобает старшему брату. И ты, мой второй сын, и ты, мой третий, я не вижу в вас ни благоразумия, ни мужественности; возможно, именно потому, что вы второй и третий, вы стали беспечны. Что станет с вами в этом мире? Смотрите, разве вы не дети благородных родителей? Ваши родители не землепашцы и не дровосеки. Что, повторяю, будет с вами? Хотите ли вы быть всего лишь торговцами, носить посох в руках и поклажу на спине? Станете ли вы чернорабочими и будете работать своими руками? Слушайте, сыновья мои, и внимайте моим словам, и я укажу вам на то, что вы должны делать. Следите за надлежащим соблюдением танцев, музыки и пения, ибо так вы доставите удовольствие и людям, и богам; ибо с музыкой и пением обретаются милости и богатства. Постарайтесь освоить какое-нибудь почетное ремесло или профессию, такую как работа с перьями или драгоценными металлами; ибо такими средствами можно добыть хлеб в случае необходимости. Обратите внимание на каждую отрасль сельского хозяйства, ибо земля желает не еды или питья, а только того, чтобы плодоносить и производить. Ваши отцы стремились понять эти вещи, ибо, хотя они были джентльменами и знатью, они заботились о том, чтобы их поместье должным образом обрабатывалось. Если вы думаете только о своем высоком ранге и не обращаете внимания на эти вещи, то как вы будете содержать свою семью? Ни в одной части мира никто не может прокормить себя только за счет своего аристократизма. Но прежде всего хорошо учись обеспечивать себя всем тем, что необходимо для поддержания тела, ибо это сама основа нашего существования, и по праву они называются *тонакайутлтомио*, то есть нашей плотью и костями, потому что именно благодаря им мы работаем, живем и становимся сильными. В мире нет человека, кроме того, что ест, ибо у

каждого есть желудок и кишечник. Величайшим лордам нужна пища, самый доблестный воин должен нести мешок с припасами. Благодаря питанию тела поддерживается жизнь, благодаря ему населяется мир. Поэтому смотрите, сыновья мои, будьте осторожны, сажая кукурузу и магуэй, ибо разве мы не знаем, что фрукты - это радость детей; воистину, они охлаждают и утоляют жажду малышей. А вы, мальчики, не любите фрукты? Но как вы их получите, если не будете сажать и выращивать. Прислушайтесь, сыны мои, к завершению моей речи, и пусть это будет записано в ваших сердцах. Я мог бы сказать еще многое, но моя задача никогда не была бы завершена. Я добавлю еще только несколько слов, которые были переданы нам от наших предков. Во-первых, я советую тебе умиловить богов, которые невидимы и неосязаемы, отдав им всю свою душу и тело. Смотри, чтобы ты не надулся от гордыни, чтобы ты не был ни упрямым, ни слабым, колеблющимся умом, но постарайся быть кротким и смиренным и уповать на богов, чтобы они не наказали тебя за твои прегрешения, ибо от них ничто не может быть скрыто, они наказывают, как и кого им заблагорассудится. Во-вторых, сыновья мои, старайтесь жить в мире со своими братьями. Относитесь ко всем с почтением; если кто-то плохо отзывается о вас, не отвечайте им больше; будьте добры и приветливы ко всем, но ни с кем не разговаривайте слишком откровенно; не клеветайте на людей; будьте терпеливы, воздавая добром за зло, и боги щедро отомстят за ваши обиды. Наконец, дети мои, не расточайте понапрасну ни свое имущество, ни свое время, ибо и то, и другое драгоценно; в любое время года молитесь богам и советуйтесь с ними; будьте усердны в том, что полезно. Я сказал достаточно, мой долг выполнен. Возможно, ты забудешь или не придашь значения моим словам. Как и будет. Я выполнил свой долг, пусть моя речь принесет пользу тому, кто выберет".^[179]

БРАК.

Обычный брачный возраст для юношей составлял от двадцати до двадцати двух лет, а для девушек - от одиннадцати до восемнадцати.^[180] Браки между кровными родственниками или теми, кто происходит от общего предка, не допускались. Брат мог и был обязан жениться на жене своего умершего брата, но это считалось обязанностью только в том случае, если у вдовы было потомство от первого брака, чтобы дети не остались без отца.^[181] Когда юноша достигал брачного возраста, он или его родители спрашивали разрешения у своего учителя. Ему редко разрешалось делать какой-либо собственный выбор, но от него ожидали, что он подчинится выбору своих родителей. Редко случалось, чтобы брак заключался без разрешения родителей или родственников, и тот, кто осмеливался сам выбрать себе жену или женился без такого согласия, должен был понести епитимью и считался неблагодарным, невоспитанным и вероотступником. В некоторых местах верховный жрец приказывал им вступать в брак, когда они достигали соответствующего возраста, и тот, кто отказывался подчиниться, был обязан остаться на континенте на всю жизнь и посвятить остаток своих дней служению богам. Если бы он впоследствии раскаялся и пожелал жениться, все его друзья презирали бы его и публично объявляли позорным, поскольку он показал себя лишенным твердости и неспособным сдержать обет целомудрия, которым он добровольно связал себя; и ни одна уважаемая женщина впоследствии не приняла бы его в мужья. В Тлашкале, если кто-либо по неосторожности проводил время, не женившись и не решив вести целомудренный образ жизни, ему коротко стригли волосы и изгоняли из общества юношей, с которыми он получал образование.

Подстригание волос было частью церемонии бракосочетания, но способ подстригания отличался от способа наказания.^[182] Когда родителям пришло время выбирать жену для своего сына, отец созвал всех родственников и сообщил им, что юноша теперь достиг возраста, когда ему следует обзавестись женой; ибо теперь он мужчина и должен научиться выполнять обязанности мужчины и воздерживаться от мальчишеских выходок и беспорядочных сношений с женщинами. Затем юношу вызвали к его родителям, и отец обратился к нему со словами: "Сын мой, теперь ты мужчина, и нам кажется правильным поискать среди девушек жену для тебя. Попроси у своих наставников разрешения отделиться от твоих друзей, юношей, с которыми ты воспитывался. Сообщи о наших желаниях тем, кого зовут Тельпуктлатоке, кто заботится о тебе ". Юноша в ответ выразил свою готовность и стремление поучаствовать в их планах. Затем родители приступили к приготовлению большого количества еды, такой как тамале, шоколад и другие блюда, а также снабдили их небольшим топориком, который должен был сыграть важную роль в следующем процессе. Когда готовилась трапеза, священникам, которые были наставниками молодежи, было разослано приглашение с подарками в виде еды и трубок с табаком; также были приглашены все родственники. Когда трапеза была закончена, родственники и опекуны палаты, в которой жили родители этой пары, расселись по местам. Тогда один из родственников юноши, обращаясь к священническим наставникам юноши, сказал: "Здесь, в присутствии всех, мы просим вас не беспокоиться из-за того, что этот юноша, наш сын, желает уйти от вашего общества и жениться; вот этот топор, это знак того, что он хочет расстаться с вами; согласно нашему мексиканскому обычаю, возьмите его и оставьте нам юношу". Тогда священник ответил: "Я и молодые люди, с которыми воспитывался ваш сын, слышали, что вы решили выйти за него замуж и что отныне, навсегда, он будет разлучен с нами; пусть все будет так, как вы хотите". Затем наставник юноши обратился к нему, умоляя его упорствовать на путях добродетели, не забывать полученные им учения и продолжать быть ревностным слугой богов; он посоветовал ему, что, поскольку он сейчас собирается жениться, он должен позаботиться о том, чтобы обеспечить ей поддержку, а также воспитывать и наставлять своих детей так же, как был воспитан сам. Он заклинал его быть храбрым в битве, чтить и повиноваться своим родителям, проявлять уважение к старшим по званию и всем престарелым людям; и поэтому оратор некоторое время рассуждал нравоучительно, но я избавляю читателя от остальной части речи.^[183] Затем священники удалились, унося с собой топор, а молодой человек остался в доме своего отца.

ПОДГОТОВКА К ЦЕРЕМОНИИ БРАКОСОЧЕТАНИЯ.

Вскоре после этого родители еще раз созвали родственников, чтобы посоветоваться о выборе девушки, подходящей в жены их сыну. Их первым действием, имевшим первостепенное значение, было установить день и примету его рождения. Если они не могли вспомнить или вычислить знак, они обращались за помощью к астрологам или прорицателям, которые с помощью определенных расчетов и церемоний интерпретировали все, что они стремились узнать. Таким же образом были установлены день рождения и знак зодиака девицы. Если гороскоп обоих был благоприятным, астрологи предсказывали счастливый союз с процветанием и удачей обоим, но если знаки не совпадали, они предсказывали невзгоды и злую судьбу, и возникала необходимость выбрать другую девушку. Убедившись в благоприятном сочетании предзнаменований, были предприняты шаги для получения согласия родителей девочки. С этой целью родители и родственники юноши наняли двух пожилых женщин, выбранных из числа самых благоразумных и

добродетельных жителей округа, которые должны были выступить посредницами в этом деле; их звали *чуатланке*. Они выступали со стороны жениха и передавали послание родителям или ближайшим родственникам молодой девушки. Их первый визит был нанесен вскоре после полуночи или на следующее утро, и по этому случаю они взяли с собой несколько подарков, чтобы преподнести родителям девочки. По прибытии они составили соответствующее обращение, в котором официально просили руки девушки. Первая увертюра неизменно отклонялась и приводился какой-нибудь легкомысленный предлог, даже несмотря на то, что родственники девушки могли больше желать этого брака, чем те, кто его добивался. В посольстве сообщили, что девушка еще не достигла того возраста, когда можно выходить замуж, или что она недостойна предложенной ей чести. После того, как было сделано еще несколько подобных комплиментов, матроны вернулись к тем, кто их послал. По прошествии нескольких дней старух отправили обратно с новыми подарками и с инструкциями снова добиваться союза и четко определить положение жениха, его квалификацию и богатство. После этого второго свидания переговоры приняли более деловой характер; разговор зашел о доле, которую каждый принесет другому, и, наконец, родственники девушки согласились рассмотреть это дело; однако они все еще сохраняли видимость неохоты, настаивая на том, что девушка недостойна стать женой столь уважаемого молодого человека; но добавив, что, поскольку вопрос был решен с такой настойчивостью, они завтра соберут всех родственников молодой женщины, чтобы они могли вместе посоветоваться по этому поводу; затем они закрыли совещание, пригласив своих посетителей присутствовать на этом мероприятии и выслушать их окончательное решение.

БРАЧНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

На следующий день родители девушки созвали собрание всех ее родственников, на котором предлагаемый союз обсуждался с должным обдумыванием; и когда девушку вызвали к ним, ей было дано много добрых советов; были определены ее обязанности как жены, ей было поручено служить своему мужу и угождать ему, а не навлекать позор на своих родителей. Затем информация об их решении была отправлена родителям молодого человека, и начались приготовления к подобающему случаю празднованию свадьбы. С авгурами посоветовались, и их попросили назвать удачный день для церемонии; знаки *Акатль*, *Озоматли*, *Чипактли*, *Квоутли* или *Калли* считались наиболее благоприятными, и тот или иной из них обычно выбирался для празднования бракосочетания. Несколько последующих дней обе семьи потратили на подготовку к свадебному торжеству и рассылку приглашений друзьям и родственникам. Церемония всегда проводилась в доме родителей жениха, где для этого случая приводилась в порядок лучшая комната; крыша и стены были украшены зелеными ветками и гирляндами цветов, расставленными с большим вкусом, и пол был усыпан ими же. В центре стояла жаровня с огнем. Когда все приготовления были завершены, некоторые друзья и родственники жениха отправились в дом его невесты, чтобы проводить ее в комнату. Если расстояние было большим или невеста была дочерью лорда или важной персоны, ее несли на носилках, в противном случае ее несли на спине невесты или поручителя в сопровождении большого скопления людей, расположенных в два ряда и несущих факелы. Невеста занимала центр процессии, и сразу же за ней шли ее ближайшие родственники. Когда процессия проходила мимо, многие зрители воспользовались случаем, чтобы указать на нее своим собственным дочерям как на пример, достойный подражания.

Жених встречал свою невесту у входа в свой дом, перед ним шли четыре женщины с зажженными факелами; в руках он нес кадило с горящими благовониями, а другое было передано невесте; ими они сразу же надушили друг друга, и жених, взяв ее за руку, повел в комнату, приготовленную для церемонии. Затем их усадили на разукрашенный коврик, расстеленный рядом с камином, причем женщину посадили слева от мужчины.^[184] Затем мать жениха вышла вперед с подарками для своей невестки и одела ее в *уипиль*, или короткую сорочку, одновременно положив к ее ногам *куатли*, или юбку, богато расшитую. Затем мать невесты раздавала подарки жениху; она покрывала его мантией, которую застегивала на плечах, и клала к его ногам макстли, или набедренную повязку. Затем священник исполнил самую важную часть церемонии, обратившись с длинной речью к помолвленной паре, в которой он определил обязанности супружеского состояния и указал им на послушание, которое жена должна соблюдать по отношению к своему мужу, и на заботу и внимание, которые последний должен уделять ей, на то, что он обязан содержать и поддерживать ее и детей, которые у них могут быть. Ему было предписано растить и воспитывать своих детей рядом с собой, обучая всех в соответствии с их способностями, чтобы сделать их полезными членами общества и привить им навыки трудолюбия. Обязанности жены, сказал он, заключаются в том, чтобы трудиться и помогать своему мужу в добывании средств к существованию для их семьи. Обоих призывали быть верными друг другу, поддерживать мир и гармонию между собой, не обращать внимания на недостатки друг друга и помогать друг другу, никогда не забывая о том, что они были связаны на всю жизнь узами, разорвать которые могла только смерть. Брачные обряды всегда проводились с большой торжественностью, и во время церемонии не было сказано и сделано ничего, противоречащего правилам скромности и приличия. По окончании обращения пара встала, и священник привязал конец мужской мантии к платью женщины; затем они семь раз обошли вокруг костра, бросая в него копал и благовония и раздавая подарки друг другу, в то время как их друзья и родственники повязали им на шеи цепочки из цветов и увенчали их гирляндами.^[185] Теперь свекровь невесты принесла немного еды и дала четыре полных ложки невесте, а затем столько же дала жениху. Затем они приняли поздравления своих друзей, в то же время был исполнен танец под звуки музыкальных инструментов. В сопровождении танцоров и музыкантов молодоженов проводили в храм, у дверей которого их встретили тламакашки, или жрецы. Пока компания оставалась внизу, молодожены со своими спонсорами и родителями поднялись по ступеням храма. Священник был облачен в церемониальные одежды и держал в руке курильницу, наполненную благовониями, которыми он начал их благоухать. Затем он встал между ними, мужчина справа от него, а женщина слева, и, взяв их за руки, повел к алтарю идола, бормоча на ходу молитвы. Достигнув алтаря, он возложил на каждую из сторон по очень тонкой и эффектной шали, сотканной из множества цветов, в центре которой был нарисован скелет, как символ того, что только смерть теперь могла разлучить их друг с другом. Затем он снова надушил их благовониями и повел обратно к дверям храма, где они были приняты собравшимися и сопровождаемы до дома танцами и музыкой. По окончании свадебных церемоний родственники и друзья приняли участие в банкете и среди всеобщего ликования поздравили друг друга с новыми отношениями, которые они приобрели. В пиршестве, выпивке и танцах новобрачные участия не принимали; теперь им предстояло вступить в период поста и покаяния, который длился четыре дня, в строгом уединении в своей комнате, где их тщательно охраняли старухи; им ни в коем случае не разрешалось покидать

свою комнату, кроме как по необходимому зову природы или для принесения жертвы богам; время должно было проходить в молитве, и ни в коем случае они не должны были позволять своим страстям брать верх над ними или предаваться плотским сношениям. Они верили, что такая слабость с их стороны приведет к раздору, смерти или какому-то другому ужасному несчастью между ними. Строгое заключение, бдительная охрана и наложенные епитимьи были призваны успокоить их страсти и очистить их умы, благодаря чему они были бы более пригодны для выполнения возложенных на них обязанностей и не были бы сбиты с пути истинного неуправляемыми желаниями. Тот небольшой запас пищи, который они получали за четыре дня своего уединения, приносили им старухи, которые заботились о них, и в течение этого времени они не мылись сами; они были одеты в новую одежду и носили определенные амулеты и регалии, относящиеся к их идолу-покровителю. В полночь они вышли, чтобы принести жертву и возжечь благовония на алтаре в своем доме, перед которым они также оставили приношения пищи для своего бога; это они делали в течение четырех дней воздержания, в то время как их друзья и родственники продолжали свои радости, празднества и танцы.^[186] На четвертую ночь, когда брак должен был завершиться, два священника храма приготовили ложе из двух циновок, между которыми были положены несколько перьев и камень цвета изумруда, называемый *халхиуит*; под ним они положили ложе из двух циновок. положите кусок тигровой шкуры, а поверх всего этого постелите несколько хлопчатобумажных салфеток. По четырем углам кровати были разложены благоухающий зеленый тростник и шипы магуэя, которыми пара должна была пускать кровь из своих языков и ушей, принося жертвы богам.^[187] На следующее утро новобрачные отнесли кровать, на которой они лежали, вместе с тканями, тростником и едой, которые они приносили своему богу в течение четырех дней покаяния, в храм и оставили их в качестве благодарственного приношения.^[188] Если какой-либо древесного угля или пепла были найдены в брачный чертог они считали это недобрый знак, но если, с другой стороны, зерно пшеницы или других семян встретился, они считали это знак долгой и благополучной жизни и счастливого союза. Затем была совершена церемония крещения: молодоженов положили на зеленые тростниковые циновки, а священники облили их водой. Знатные люди совершали четыре омовения водой в честь *Чалчихуитликуэ*, богини вод, и четыре - вином, в знак почтения к *Тецкацонкатлю*, богу вина. После купания их облачили в новые одежды, голову невесты украсили белыми перьями, а руки и ноги - красными. Ее мужу была вручена кадильница, наполненная благовониями, которыми он благоухал к своим домашним богам. По завершении этих церемоний была произведена дальнейшая раздача нарядов и подарков, и компания отведала еды и вина, в то время как сцена была оживлена песнями и танцами. Затем свекрови или ближайшие родственницы дали молодоженам еще несколько полезных советов, которых у ацтеков, по-видимому, было предостаточно, и таким образом завершились брачные церемонии, которые проводились в соответствии со средствами основных заинтересованных сторон.^[189] В некоторых местах доказательство девственности девушки требовалось на следующее утро после заключения брака. В таком случае спонсоры входили в комнату, где молодожены провели ночь, и требовали сорочку невесты; если они находили ее испачканной кровью, они выносили ее, надевали на палку и показывали всем присутствующим как доказательство того, что невеста была девственницей; затем устраивался танец, и процессия проходила через все помещение, неся сорочку на палке, танцуя и выражая свою радость, и это называлось "танцующая сорочка". Если случалось, что сорочка была незапятнанной, слезы и причитания заменяли ликование, оскорбления и ругательства. невесту осыпали оскорблениями, и ее муж был волен отказаться от нее.^[190] В королевстве Мизтекапан перед церемонией связывания мантий вместе было принято срезать прядь волос с головы жениха и невесты, после чего они брали друг друга за руки и завязывали концы своих платьев. Затем мужчина взвалил девушку себе

на спину и пронес ее на небольшое расстояние; на этом церемония бракосочетания завершилась.

В Икскатлане тот, кто хотел жениться, предстал перед священниками, и они отвели его в храм, где в присутствии идолов, которым он поклонялся, отрезали ему часть волос и, показывая их людям, кричали: "Этот человек хочет жениться". Оттуда он был вынужден спуститься и взять в жены первую встреченную им незамужнюю женщину, веря, что она была специально предназначена ему богами. Затем они поженились в соответствии с обычными мексиканскими обрядами. Масатекский жених воздерживался в течение первых пятнадцати дней своей супружеской жизни от плотских отношений со своей женой, и оба провели это время в посте и покаянии. Среди отоми не считалось преступлением для неженатого мужчины лишать девственности одинокую женщину. Мужу разрешалось отказаться от женщины на следующий день после женитьбы, если она ему не нравилась; но если он оставался удовлетворенным в этом случае, ему впоследствии не разрешалось отослать ее прочь. Затем они должны были пройти период покаяния и воздержания и оставаться в уединении в течение двадцати или тридцати дней, в течение которых они должны были воздерживаться от любых половых сношений, брать из себя кровь в качестве жертвоприношения и часто мыться. Чичимеки, хотя и вступали в брак в очень раннем возрасте, не могли иметь законной связи со своими женами, пока женщине не исполнилось сорок лет. После их общения с толтеками этот обычай начали отменять, хотя принцы и знать неукоснительно соблюдали его в течение еще некоторого времени. Среди них никогда не допускались браки с близкими родственниками, а полигамия была строго запрещена.^[191]

РАЗВОД И РАЗДЕЛ ИМУЩЕСТВА.

Среди мексиканцев развод был разрешен, но, как правило, не поощрялся. В случае возникновения разногласий между мужем и женой, из-за которых они не могли мирно жить вместе, или когда у одной или другой из сторон были веские основания для жалобы, они обращались к судье за разрешением на развод. Такое разрешение не было предоставлено до тех пор, пока не были представлены веские и достаточные основания в поддержку заявления. Судья расследовал дело с большой тщательностью и вниманием, внимательно изучив стороны в отношении их супружеских отношений; состояли ли они в браке с согласия своих родителей и были ли полностью соблюдены все церемонии заключения брака. Если ответы доказывали, что стороны не состояли в браке в соответствии с обычными обрядами и церемониями или если они жили вместе в состоянии блуда, судья отказывался вмешиваться в их отношения; но если он находил, что они должным образом соблюдали правила, регулирующие брак, он прилагал все усилия, чтобы примирить их; он напоминал им о торжественных обязательствах, относящихся к брачному контракту, и предупреждал их, чтобы они не навлекали позора на себя и своих родителей, разрывая узы, которыми они были связаны, и тем самым создавая скандал в обществе. Если его попытки добиться примирения не увенчались успехом, и он обнаружил, что у той или иной из сторон были веские основания для жалобы, могло быть выдано разрешение на развод, но чаще судья отказывался вмешиваться в дело и отклонял их с суровым порицанием. Брак рассматривался как торжественный и связывающий узы, которые должны были быть расторгнуты только смертью, и любая попытка или желание расторгнуть контракт считались позором и дурным примером. При таких обстоятельствах развод всегда не поощрялся как магистратами, так и обществом. Судья, как правило, не желал

санкционировать авторитетом закона расторжение столь обязательной помолвки; поэтому суд давал только молчаливое согласие, по которому вся тяжесть позора, сопутствующего раздельному проживанию, ложилась на сами стороны. Когда между мужем и женой произошел развод, они не могли снова соединиться ни при каких обстоятельствах; после того, как развод был совершен, никакое последующее попустительство не могло разрешить им жить вместе.^[192]

У нас нет информации о том, как и на каких условиях был произведен раздел имущества в случае расторжения брака или какой из сторон принадлежала опека над детьми. Древние историки не проливают никакого света на этот предмет. Поскольку к старости проявлялось столько уважения, вполне вероятно, что решение таких вопросов зависело от влияния и мудрости друзей и родственников, и что благодаря их вмешательству были достигнуты справедливые договоренности.

НАЛОЖНИЦЫ В МЕКСИКЕ.

Наложничество, которое подразделялось на три категории, было разрешено на всей территории мексиканской империи. Первым классом был союз молодых мужчин с незамужними женщинами до того, как они достигли возраста, когда от них ожидали вступления в брак. Всем молодым мужчинам, за исключением тех, кто был посвящен в вечное целомудрие, разрешалось иметь наложниц. Юноша обычно просил своих родителей выбрать для него девушку, и та, на кого пал их выбор, сожительствовала с ним. Таких женщин называли *тлакакавили*. Не было заключено никакого контракта и не проводилось никакой церемонии; соединение было простой частной договоренностью родственников с обеих сторон. Когда девушка жила с неженатым мужчиной в качестве его наложницы без согласия своих родителей, ее называли *темекау*, что имело более общее значение. Однако не похоже, что наложничество среди неженатых мужчин было обычным явлением; напротив, манера, в которой, как считается, родители воспитывали своих детей, и забота, проявляемая священниками в их образовании, по-видимому, показывают, что такая практика не поощрялась или скорее допускалась, чем разрешалась, и, вероятно, этот обычай был в основном распространен на сыновей знати и богатых людей. Когда молодой человек достигал возраста, когда ему следовало жениться, от него ожидали, что он избавится от своей наложницы, чтобы жениться на девушке, выбранной его родителями в качестве законной жены. Однако он мог узаконить связь между своей наложницей и собой, уведомив родителей о своем желании и совершив обычные брачные церемонии; затем она стала его законной женой и носила имя *чуатлантли*. Если во время их совместной жизни в сожительстве у женщины рождался ребенок, ее родители требовали, чтобы он немедленно вернул ее им, или сделал ее своей женой, поскольку они считали правильным, чтобы при рождении ребенка у нее также был муж в качестве законного защитника. Молодые женщины не были обесчещены, живя в состоянии наложницы, и их шансы заключить выгодный брак ни в какой степени не уменьшались.

Вторую категорию наложниц, пожалуй, правильнее было бы назвать менее законными женами женатых мужчин; у них завязывание одежды составляло всю брачную церемонию; муж не мог отказаться от них без уважительной причины и санкции суда, но ни они, ни их дети не могли наследовать имущество; в этом отношении с ними обращались как с

наложницами, но, тем не менее, они назывались *Ciuatlantli*, что соответствует латинскому слову *ixor*, и это был титул, который носила первая и законная жена.

Наложницы третьего класса были просто постоянными любовницами; с ними не совершалось никаких брачных обрядов. Обычно их содержали дворяне и знатные люди, которые могли позволить себе содержать крупные заведения; они занимали третье место в домашнем кругу после главной жены и менее законных и назывались *чуанемактли* или *тлачуантли*, если их хозяин получал их от родителей; те, кого он брал без такого разрешения, назывались *тлачуантин*.^[193]

Короли тольтеков могли жениться только на одной женщине и в случае ее смерти не могли жениться снова или жить в наложницах с какой-либо женщиной; то же правило оставалось в силе для их королей в случае смерти короля первым. Проституция среди мексиканцев допускалась, но в то же время ограничивалась определенными рамками; то есть закон учитывал практику в отношении женщин, вовлеченных в такую торговлю. Это рассматривалось как неизбежное зло, и закон не препятствовал мужчинам, которые общались с проститутками; но последние, если они занимались своим ремеслом слишком открыто или слишком часто, чтобы вызвать общественный скандал и стать помехой, наказывались в соответствии с масштабом преступления.^[194]

Мы можем предположить, что после завершения брачных церемоний молодую пару оставили в покое и что на какое-то время наступило перемирие с произнесением речей и постоянными советами встревоженных родителей и назойливых родственников. Но эта передышка, как правило, была кратковременной. Как только женщина обнаруживала, что беременна, все ее друзья и родственники немедленно снова становились на цыпочки от ожидания и интереса. Родителям сразу сообщили об интересном событии, и был приготовлен пир, в котором приняли участие все, кто присутствовал на свадьбе. После трапезы начались неизбежные речи. Старик, присев на корточки, первым заговорил от имени мужа, упомянув о драгоценном бремени, которое несет беременная женщина, и о будущих перспективах ребенка; через некоторое время другой сменил говорившего и продолжил тему в том же духе; затем мужчина и его жена ответили, подробно остановившись на уготованном им удовольствии и выразив надежду, что с милости богов оно может осуществиться. Затем один из гостей обратился непосредственно к родителям пары на ту же тему и дал ответ. Затем некоторые пожилые родственники воспользовались возможностью, чтобы предостеречь и проинструктировать молодую женщину, на что она дала соответствующий ответ, поблагодарив их за заботу о ней.^[195]

БЕРЕМЕННОСТЬ И РОДЫ.

В течение нескольких месяцев своей беременности мать очень тщательно следила за безопасностью и здоровьем ребенка, хотя многие правила, соблюдавшиеся для этой цели, носили отчасти суеверный характер. Так, сон днем искажил бы лицо ребенка; приближение слишком близко к огню или стояние под палящим солнцем привело бы к пересыханию полости рта; особенно старались избегать тяжелой и продолжительной работы, поднятия тяжестей, бега, психических волнений, таких как горе, гнев или тревога; в случае землетрясения все горшки в доме закрывали или разбивали, чтобы остановить тряску; считалось, что употребление в пищу *тзиктли*, или *чикле*, укрепляет небо будущего ребенка

и утолщает его десны, так что ему будет легче дышать. неспособность сосать, а также передать ему болезнь, называемую *нетенцопонизтли*; мать также не должна употреблять в пищу съедобную землю, которую, как мы увидим в следующей главе, мексиканцы очень любили, чтобы ребенок не оказался слабым и болезненным; но все остальное, что приглянется женщине, должно быть дано ей, потому что любое вмешательство в ее капризы может нанести вред ее потомству.^[196] Умеренность в сексуальной связи с мужем была рекомендована женщине на сроке от одного до трех месяцев беременности, но полное воздержание в этом отношении считалось вредным для будущего ребенка; однако на более поздних стадиях беременности женщины муж полностью воздерживался от половых сношений с ней.^[197] Когда приблизилось время родов, был приготовлен еще один пир и были разосланы обычные приглашения. Когда все собрались, старик первым заговорил от имени супружеской пары. В силу своего многолетнего опыта в этих вопросах он рекомендовал помещать беременную женщину в *шучикалли*, или ванну, под защиту Шучикальцина, бога бани, и Йоалтичитль, богини бани и деторождения. Далее он посоветовал родителям выбрать компетентную *тицитл*, или акушерку. Когда этот чиновник был назван, родственница мужа обратилась к ней с просьбой принять доверие, похвалив ее квалификацию и призвав проявить максимум мастерства и осторожности. Мать и родственники жены также выступили с краткими речами с той же целью. Затем избранная акушерка выразила свое желание и намеренье сделать все, что в ее силах.^[198] Богатые люди часто нанимали нескольких акушерок, которые за несколько дней до родов ухаживали за пациенткой и приводили все в готовность к важному часу. Зуазо утверждает, что некоторые из них действовали просто как свидетели факта рождения.^[199]

Когда наступил "смертный час", как было названо время родов, пациентку перенесли в комнату, заранее подготовленную для этой цели; здесь ей намылили волосы и поместили в ванну для мытья. Следили за тем, чтобы вода не была слишком горячей, чтобы не ошпарить живот; в некоторых случаях женщину били по спине листьями маиса, которые были сварены в воде, используемой для купания. Затем акушерка начала растирать и надавливать на живот пациентки, чтобы уложить ребенка на место. Если боль усиливалась, назначались успокаивающие средства. Для ускорения родов давали отвар из *травчихоапатли* herbs was given to promote the delivery; should this not prove effective, however, a small piece, about an inch and a half long, of the tail of the *tlaquatzin*, or *tlaquatl*, was given, which is a ". Если в конце концов женщине не становилось легче, делался вывод, что она умрет. В случаях большой опасности молитвы обращались к Чоакоатлю, Килацтли, Йоалтичитлю и другим божествам. Если ребенок умирал в утробе матери, его удаляли по частям, если только родители не возражали, и в этом случае мать оставляли умирать.

ЖУТКИЕ ТАЛИСМАНЫ.

Мосиоакескуи, "храбрая женщина", - так звали ту, кто умерла при родах. После смерти тело омывали, одевали в хорошую, новую одежду и с большой церемонией хоронили во дворе храма, посвященного "небесным женщинам".^[200] Предполагалось, что в труп заключены талисманские свойства; так, средние пальцы левой руки и волосы, как считалось, делали их обладательницу неотразимой в бою; поэтому солдаты стремились любыми средствами, честными или подлыми, заполучить их. Воры верили, что левая рука трупа вселит ужас в их жертв, и поэтому они нанимали колдунов, чтобы раздобыть ее. Считалось, что рождение близнецов предвещает смерть одного из родителей от рук их ребенка; чтобы предотвратить

это, один из младенцев был убит.^[201] Аборт не был чем-то необычным и проводился путем приема отвара определенных трав; преступление, тем не менее, каралось смертью.^[202] Если все шло хорошо, и женщина легко рожала, акушерка издавала громкий крик триумфа. Затем она обратилась к ребенку с несколькими наставлениями, а затем приступила к его мытью. Повернувшись к воде, она обратилась к богине вод Чалчихуитликуэ, прося ее благосклонности и защиты для ребенка. Затем, взяв немного воды, акушерка подышала на нее, дала немного попробовать младенцу, а затем прикоснулась к его голове и груди, сказав: "Иди, сын мой (или дочь) к Чалчихуитликуэ; она должна носить тебя на спине и на руках всю эту жизнь!" Затем, опустив младенца в воду, она продолжила: "Войди в воды, называемые *метлалак* и *туспалак*; пусть они омоют тебя, и пусть Всемогуший очистит тебя от всего плохого, что присуще тебе от начала мира и до его начала". Прочь, все зло, причиненное тебе твоим отцом и твоей матерью.^[203] Вымыв ребенка, повитуха одела его, обращаясь к нему тем временем приветственным шепотом и увещевая. Затем, повысив голос, она похвалила мать за ее храбрость и выносливость.^[204] Затем родственница похвалила стойкость пациентки, которая в своем ответе рассказала о неприятностях и боли, через которые ей пришлось пройти, и выразила свою радость по поводу сокровища, дарованного ей богами. Затем акушерка завершила церемонию, поздравив бабушку с дедушкой и собравшихся друзей. Через несколько дней после родов мать приняла ванну в темаскалли и насладились обильной едой и вином; по этому случаю также был устроен пир для приглашенных друзей, которые приняли участие в нем недалеко от того места, где женщина принимала ванну.

Все эти сложные приготовления и акушерские церемонии при родах могли, однако, быть в моде только среди состоятельных слоев населения, поскольку мексиканские женщины, как правило, мало переживали трудности вынашивания ребенка; их воспитание и образ жизни не были рассчитаны на то, чтобы сделать их хрупкими. Моталиния, и многие другие вместе с ним, говорят, например, что женщины тлашкальтеков принимали роды самостоятельно, мать обращалась к соседке только при рождении своего первого ребенка.^[205]

ОТЛИВКА РОЖДЕСТВА МЛАДЕНЦЕВ.

Теперь пришло время отлить рождественский образ младенца. Для этой цели были привлечены услуги *тональпухи*, или гороскописта. Эти тональпухи были очень уважаемым классом, и поэтому к ним относились с большим уважением и щедро кормили мантиями, едой и другими предметами. Узнав час рождения, составитель гороскопа сверялся со своей книгой в поисках знака дня, в который родился младенец.^[206] Если рождение произошло ровно в полночь, знаки для закрытия и рассвета дня были объединены. Сравнивая знак дня рождения с другими двенадцатью знаками, а также с главным знаком группы, он определял требуемую удачу и, если предзнаменование было благоприятным, подробно останавливался на почестях и счастье, уготованных младенцу. Если предзнаменование оказывалось неблагоприятным, а также приметой для пятого дня после рождения, который был поводом для второго омовения, или крещения, эту церемонию переносили на другой день, обычно самый благоприятный из тринадцати, чтобы смягчить, по возможности, грозящее несчастье. Гадатель подробно рассказал о неприятностях, уготованных младенцу, и пороках, которые у него разовьются, но "подстраховался" от своего предсказания, добавив, что соседние знаки содержат определенные искупительные черты, которые могут иметь силу уравновесить пагубное значение знака дня рождения.^[207]

Сейчас идут приготовления к крещению. Порталы жилища украшены зелеными ветвями, цветы и душистые травы разбросаны по полам и внутреннему двору, а подходы к дому тщательно подметены; варятся тамале, измельчаются кукуруза и какао, к столу готовятся всевозможные деликатесы, не забывая о ликерах; любой недостаток в этом отношении сильно отразился бы на гостеприимстве хозяина.^[208] Родственники семьи собираются перед восходом солнца, а другие друзья заходят с наступлением дня; каждый, поздравляя хозяина, дарит одежду для младенца и, в свою очередь, получает в подарок накидки, цветы и отборную еду.^[209] Утром акушерка выносит младенца во двор и кладет его на кучу листьев, рядом с которыми стоит новый *апакстл*, или глиняный сосуд, наполненный чистой водой, и несколько миниатюрных принадлежностей, отличительных черт ремесла отца. Если он дворянин или воин, то эти предметы состоят из небольшого щита и лука со стрелами соответствующего размера, расположенными так, чтобы их наконечники были направлены по четырем сторонам света. Также готовится другой набор ручек, сделанных из теста из семян амаранта и связанных вместе высушенной пуповиной ребенка. Если ребенок девочка, то рядом с ним вместо маленького оружия кладут веретено и прялку, а также некоторые предметы женской одежды. Когда встает солнце, акушерка поворачивает свое лицо и лицо ребенка к западу и, обращаясь к младенцу, говорит: "О орел, о тигр, о храбрый маленький человечек и мой внук, ты был произведен на свет твоими отцом и матерью, великим лордом и великой леди. Ты был сотворен в том доме, который является обителью верховных богов, находящихся над девятью небесами. Ты - дар нашего сына Кецалькоатля, вездесущего; соединишь со своей матерью, Чалчихуитликуэ, богиней воды". Затем, приложив свои мокрые пальцы к губам ребенка, она продолжает: "Возьми это, ибо благодаря этому ты должен жить, набираться сил и процветать; благодаря этому мы получаем все необходимое; возьми это!" Затем, прикасаясь увлажненными пальцами к груди ребенка, она говорит: "Прими эту святую и чистую воду, чтобы твое сердце очистилось". Затем акушерка льет воду на голову ребенка, говоря: "Прими, о сын мой, воду Господа Мира, которая является нашей жизнью, которой мы омываемся и становимся чистыми; пусть эта небесная светло-голубая вода войдет в твое тело и останется там; пусть она уничтожит и удалит от тебя все злое и неблагоприятное, что было дано тебе до начала мира; вот, все мы в руках Чалчихуитликуэ, нашей матери". Теперь она оmyвает тело ребенка, восклицая: "Зло, где бы ты ни был, уходи, изгоняй; ибо дитя живет заново и рождается заново; еще раз оно очищается; во второй раз оно обновляется нашей матерью, Чалчихуитликуэ". Затем, подняв малыша к небесам, она обращается к Ометочтли и Омециоатлю:^[210] "Узри, о Господь, создание, которое ты послал в это место печали, огорчения и тоски, в этот мир; дай ему, о Господь, свои дары и вдохновение, ибо ты - великий бог и великая богиня". Затем, наклонившись, как бы для того, чтобы опустить ребенка, она поднимает его во второй раз, вызывая к богине вод:^[211] "О госпожа богиня, мать богов, вдохнови это дитя своей добродетелью". В третий раз она наклоняется и, поднимая ребенка к небесам, обращается к богам: "О владыки небесные и боги, обитающие на небесах, узрите это создание, которое вы послали к людям, наполните его своим духом и милосердием, чтобы оно могло жить". В четвертый раз она опускает и поднимает младенца и, вызывая теперь к солнцу и земле, говорит:^[212] "О наш Господь, Солнце, отец всего сущего, и ты, о Земля, наша мать, возьми это дитя себе, и, поскольку оно рождено для войны,^[213] так пусть же оно умрет, защищая дело богов, и тебе будет позволено насладиться радостями, уготованными на небесах для храбрых".

Теперь акушерка берет инструменты и молится божеству-покровителю профессии, которую они представляют, от имени ребенка; затем она набрасывает мантию на плечи младенца,

опоясывает маленького макстли и просит присутствующих мальчиков дать ребенку имя. Однако это был всего лишь вопрос формы; родители действительно сами выбирали имя и сообщали его мальчикам. Обычно его брали либо от знака дня, либо от птицы или животного, в случае мальчика; девочек называли по цветам, и это правило особенно соблюдалось тольтеками и мизтеками. Иногда ребенок получал свое имя в честь какого-нибудь важного события, произошедшего во время его рождения; например, вождь тлашкальтеков Читлальпопока, "дымящаяся звезда", был назван так потому, что при его рождении в небе была замечена пылающая комета. Иногда детей называли в честь праздника, проводившегося во время их рождения; так, мальчиков, родившихся во время праздника обновления священного огня, называемого *токсилмолпилия*, называли *молпилли*, "привязанный предмет", а девочек *сюхненетль*, "маленькая куколка года огня". Иногда ребенка называли в честь какого-нибудь известного предка. Второе имя можно было приобрести за доблестные подвиги в бою. Мотилиния добавляет, что сыновья выдающихся людей взяли фамилию по достоинству или должности, которую занимал отец либо в юности, либо в зрелом возрасте; или они унаследовали ее вместе с поместьем после смерти родителя. Дети, родившиеся в последние пять дней года, называемые *немонтеми*, "несчастливые дни", считались несчастными; мальчиков, родившихся при таких обстоятельствах, часто называли *немоквичтли*, "невезучий мужчина", а девочек *ненциуатль*, "невезучая женщина".^[214]

Акушерка, окрестив ребенка, теперь трижды называет его новым именем, призывая его правильно пользоваться инструментами или оружием, находящимися в его руках.^[215] После этого ребенка несут в дом, сопровождаемые факельщиками, и кладут в колыбель, перед которой акушерка возносит молитвы Йоалтиситль, "богине колыбели", поручая ребенка ее заботам и умоляя ее кормить и защищать его; затем, поворачиваясь к колыбели, она добавляет: "О ты, мать ребенка, прими этого младенца с нежностью, стараясь не причинить ему вреда". Затем она кладет ребенка в колыбель, родители тем временем взывают к Йоалтиситлю, чтобы тот защитил его, и к Йоалтекутли, "богу ночи", чтобы он убаюкал его. Во время этой церемонии, которая называется *тлакокулакило*, или "укладывание ребенка в колыбель", деревенские мальчики, одетые так, чтобы подражать солдатам, входят в дом, хватают заранее приготовленную для них еду, называемую "пупок ребенка", разбрасывают остальное и бросаются вперед, жуя и выкрикивая имя ребенка и его будущую судьбу. Огни, называемые *окот*, которые использовались во время церемоний, должны быть оставлены догорать, а огонь, зажженный в день рождения, должен ярко гореть до окончания крещения, и никому не разрешается брать взаймы его пламя, поскольку это повредит будущему ребенку. Пуповина зарывается вместе с имитирующим оружием в месте, где, как ожидается, в следующий день состоится битва. Инструменты девочки и пуповина похоронены под плюсной костью. Послед зарыт в углу дома. После церемонии укачивания гости переходят в банкетный зал, где рассаживаются в соответствии с возрастом и рангом.

Празднества длились двадцать дней,^[216] или даже дольше, если отец был богат, в течение этого времени дом оставался открытым для всех желающих. Каждый посетитель преподносил свои подарки и произносил речь перед младенцем об обязанностях, почестях и счастье, уготованных ему, украшая свою речь в соответствии с рангом родителей или своей собственной вежливостью. Затем он поздравил мать, затем акушерку, призвав ее продолжать ухаживать за младенцем, и, наконец, отца, упомянув о его характере и заслугах и пожелав ему радости. Если отец был лордом, соседние князья отправляли посольство, которому предшествовали многочисленные подарки, и выбранный оратор произносил поздравительную речь перед отцом и присутствующими, на которую старик отвечал от имени всех, комментируя добрые пожелания соседней знати. Затем оратор посольства попросил извинить недостатки его предыдущей речи, и самый старый или уважаемый присутствующий человек ответил от имени родителя. Подруги, пришедшие осмотреть младенца, натирали суставы тела, особенно колени, золой, думая, что это укрепит их и предотвратит расшатывание костей. То же самое было сделано с детьми, которые сопровождали их.^[217] В некоторых местах церемония крещения заключалась в том, что на колени ребенка клали немного негашеной извести и говорили ему: "О ты, малыш, который пришел в этот мир страдать, страдай и молчи. Ты жив, но ты умрешь; много боли и мучений постигнет тебя; ты превратишься в прах, как эта известь, которая когда-то была камнем".^[218] Мальчику затем вкладывали в левую руку ребенка стрелу или дротик, чтобы показать, что он должен быть храбрым и защищать свою страну; если девочке, ей давали прялку в знак того, что она должна стать трудолюбивой во всех женских занятиях.^[219] В Тлашкале и Мизтекапане младенца купали в священном источнике, который, как считалось, предотвратит несчастье. Мендьета говорит, что акушерка просто окропляла ребенка определенное количество раз, сначала вином, а затем водой.^[220] У сапотеков и мать, и дитя омывались в реке, и ко всем наземным и водным животным были обращены заклинания, умоляющие их о благосклонности и осуждающие их гнев;^[221] также было принято назначать ребенку какое-нибудь животное или птицу в качестве его *нагваля*, или гения-покровителя, и с удачей такого существа его судьба должна была быть такой. тесно связано, что смерть одного влекла за собой смерть другого.^[222] Бургоа добавляет далее, что это было назначено по жребию, но в другом месте утверждается, и с большей вероятностью, если мы можем судить по аналогичным суевериям в старом свете, что первая птица или зверь, появившиеся после рождения ребенка, были назначены его духовным покровителем.^[223]

ОБРЕЗАНИЕ И СКАРИФИКАЦИЯ.

Вопрос о том, действительно ли обычай обрезания, который был основным аргументом в пользу еврейского происхождения ацтеков, распространился среди этого народа, подвергался сомнению многими авторами. Хотя обрезание, конечно, ни в коем случае не было повсеместным, все же существует достаточно доказательств того, что оно использовалось в той или иной форме среди определенных племен. Лас Касас и Мендьета утверждают, что это практиковали ацтеки и тотонаки, а Брассер де Бурбур обнаружил следы этого среди мийес. Лас Касас утверждает, что ребенка отнесли в храм на двадцать восьмой или двадцать девятый день после рождения; там первосвященник и его помощник положили его на камень и отрезали крайнюю плоть у корня; отрезанную часть они впоследствии сожгли дотла. Девочки того же возраста были лишены девственности пальцем священника, который приказал матери повторить операцию на шестом году жизни.

Зуазо добавляет, что эти обряды совершались только над детьми великих людей, и что в этом не было никакого принуждения, родители имели возможность лишить своих детей дефлорации или обрезания в любое время в течение пяти лет.^[224]

На пятом месяце, на фестивале Уицилопочтли, всем детям, родившимся в течение года, наносили шрамы на грудь, живот или руки и таким образом принимали как последователей своего бога.^[225] На фестивале в честь Тетейонан или Точи, "матери богов", в одиннадцатом месяце женщины, родившие в течение года, прошли очищение и подарили своих детей. Вечером из храма раздавался сигнал, и матери, одетые во все лучшее, в сопровождении подруг и в сопровождении факельщиков и слуг, несущих младенцев, совершали обход города или квартала; у каждого храма делалась остановка, чтобы оставить подношение и зажженный факел для верховной богини. В храме Точи приносились дополнительные подношения, в том числе *цокойотль*, лепешки из муки и меда; и здесь священник совершал церемонию очищения, произнося определенные молитвы над женщинами.^[226] В восемнадцатом месяце каждого четвертого года детей, родившихся после последнего соответствующего праздника, приводили в храм, где им прокалывали уши острой костью и вставляли перья ара, *тлачкайотль*; бог-отец и богоматерь, или, как их еще называют, богиня-мать, или, как их еще называют, богиня-мать. дяди и тети, в обязанность которых входило посвящать детей в служение богам, удерживали их во время операции.^[227]

Было совершено подношение муки из семени *чиан*, и богу-отцу было преподнесено красное одеяние, а богоматери - хипиль. Затем каждого ребенка пропускали через пламя костра, приготовленного специально для этой цели; затем священник брал его голову руками и таким образом отрывал от земли. После этого все разошлись по домам пировать, но в полдень бог-отец и богоматерь вернулись в храм и исполнили танец, держа детей на спинах и угощая их пульке из очень маленьких чашечек. Так продолжалось до сумерек, когда они разошлись по домам, чтобы продолжить танцы и выпивку. Этот праздник и месяц Ицкалли, "рост", получил свое название от церемонии сжимания головок детей, которая, как считалось, заставит их расти; но его также называли "праздником опьянения мальчиков и девочек".^[228]

УПЛОЩЕНИЕ ГОЛОВЫ.

У мизтеков мать принимала горячие ванны в течение двадцати дней после родов, по окончании которых устраивался праздник в честь богини бани, и ребенок разделял с ней почести.^[229] Они также устроили ребенку праздник в его первый день рождения. Большое внимание уделялось тому, чтобы сделать детей выносливыми и крепкими, и ни одна мать, каким бы высоким ни было положение, не позволяла отдать своего ребенка кормилице, если только ее собственное здоровье не требовало такого шага. Испытание кормилицы состояло в том, чтобы выдавить каплю молока на ноготь, и если оно не стекало, молоко считалось хорошим.^[230] В первый день ребенку не давали никакой еды, чтобы вызвать аппетит.^[231] Его вскармливали грудью в течение трех лет, в некоторых местах гораздо дольше;^[232] и в течение этого времени мать придерживалась диеты, которая поддерживала качество молока; многие воздерживались от половых сношений со своими мужьями в течение того же периода, чтобы предотвратить возможность вмешательства другого ребенка в надлежащее воспитание первого. Еще один праздник был устроен по случаю отлучения ребенка от груди. Гомара упоминает, что практиковалось своего рода уплощение

головы; он говорит, что младенцев укладывали в колыбель таким образом, чтобы не позволять затылочному бугру расти, поскольку такое развитие считалось уродливым.^[233] Гумбольдт, однако, говорит, что ацтеки никогда не придавали голове плоскую форму. О том, что это в значительной степени практиковалось в отдаленные времена людьми, населявшими страну, по-видимому, свидетельствуют деформированные черепа, найденные в их могилах, и скульптурные фигуры на развалинах. Клемм утверждает, что колыбель состояла из жесткой доски, к которой младенец был привязан таким образом, чтобы вызвать порок развития. Колыбель у бедных ацтеков обычно была из легкого тростника, и ее можно было привязать к спине матери.^[234]

ГЛАВА VIII.

ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ НАХУА.

ЧРЕЗМЕРНАЯ ЛЮБОВЬ К ПРАЗДНИКАМ — ОБЫЧАИ ПРОВЕДЕНИЯ ПРАЗДНИКОВ — ПОДАЧА БЛЮД — ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ШУТЫ — ПРОЩАЛЬНЫЕ ПОДАРКИ ГОСТЯМ — КОРОЛЕВСКИЕ БАНКЕТЫ — КУРЕНИЕ ТАБАКА — ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТАНЦЫ — ОБЫЧАИ ПЕНИЯ И ТАНЦЕВ — НЕТЕТЕЛИЦЛИ — ДРАМА СРЕДИ НАУА — МУЗЫКА И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ — ПОЭЗИЯ НАУА — АКРОБАТИЧЕСКИЕ ТРЮКИ — НЕТОЛОЛИЦЛИ, ИЛИ «ТАНЕЦ ПТИЦ» — ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ БЕГУНЫ — ИГРА ТЛАКТЛИ — АЗАРТНЫЕ ИГРЫ — ПАТОЛИЦТЛИ, ИЛИ «ИГРА В БОБЫ» — ТОТОЛОКЕ, ЛЮБИМАЯ ИГРА МОНТЕСУМЫ.

ПРАЗДНИКИ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Чрезмерная любовь ацтеков к праздникам и развлечениям всех видов, по-видимому, распространялась на все слои общества. Каждый человек устраивал пир для своего соседа и, в свою очередь, принимал гостей у себя. Дни рождения, победы, новоселья, удачные путешествия или спекуляции и другие события, слишком многочисленные, чтобы их перечислить, отмечались праздниками. Каждый человек, от короля до крестьянина, считал своим долгом не уступать своим равным в организации банкетов и развлечений, а поскольку это предполагало раздачу дорогих подарков гостям, часто случалось, что хозяин разорился из-за своего гостеприимства; более того, говорят, что многие продавали себя в рабство, чтобы иметь возможность устроить хотя бы один праздник, который увековечил бы их память.^[235] Более того священники, с характерной для их класса тонкой политикой, воспользовались этой склонностью, чтобы установить долгие и частые празднования в честь бесчисленных богов; короче говоря, трудно представить, какая часть года могла быть сохранена для бизнеса от того, что, по-видимому, было непрерывным круговоротом веселья.

Величие праздника, конечно, зависело от богатства хозяина, ранга гостей и важности отмечаемого события. За много дней до того, как знатный или богатый человек принимал своих друзей, армия слуг занималась уборкой подходов к дому, украшением залов и дворов ветвями и гирляндами, возведением *чинамас*, или беседок, и усыпанием полов цветами и ароматными травами; другие готовили столовые приборы, убивали и разделывали собак, ощипывали птиц, варили тамалес, пекли хлеб, мололи какао, варили напитки и изготавливали ароматические сигареты. Тем временем гостям рассылались приглашения. По прибытии им вручали цветы в знак приветствия. Те, кто был выше хозяина по положению, приветствовались по ацтекскому обычаю: они касались рукой земли, а затем подносили ее ко рту. В некоторых случаях на головы гостей надевали гирлянды, а на шеи — нитки роз, а перед теми, кого хозяин хотел особо почтить, жгли копал. В ожидании трапезы гости свободно прогуливались по помещению, хвалили хозяина за вкусное оформление

дома или любовались прекрасными кустарниками, зелеными газонами, ухоженными клумбами и сверкающими фонтанами в садах.

Когда объявили о начале ужина, все заняли свои места в соответствии с рангом и возрастом на матах или *икпалли*, табуретах, расставленных вдоль стен.^[236] Затем слуги вошли с водой и полотенцами, которыми каждый гость вымыл руки и рот. Затем на *мольксакетес*, или тарелках, были поданы курительные трости, чтобы пробудить аппетит. Затем блюда, которые держали в тепле на подогреваемых блюдах, приносили на художественно обработанных тарелках из золота, серебра, черепахового панциря или глины. Перед тем как начать есть, каждый бросал небольшой кусочек еды в зажженный жаровню в честь Сютекутли, бога огня,^[237] вероятно, в качестве благодарности. После того как были должным образом обсуждены многочисленные сильно приправленные блюда из мяса и рыбы, слуги убрали со столов и пировали на остатках банкета в компании сопровождающих гостей.^[238] Затем приносили сосуды, называемые *теутекоматль*, наполненные шоколадом, каждый из которых был снабжен ложкой для перемешивания жидкости, а также воду для мытья рук и полоскания рта. Женщины, присутствовавшие на этих мероприятиях, хотя и сидели отдельно от мужчин, получали вместо какао своего рода пряную кашу. Старикам же подавали *октили*, очень крепкий напиток, пока они не опьянели, и это считалось неотъемлемой частью церемонии.

Теперь снова были принесены трубки для курения, и пока гости роскошно возлежали на своих матах, наслаждаясь благотворным воздействием ароматного листа, который, как сообщает нам Бернал Диас, они называли «табаком», и потягивая свои напитки, внезапно зазвучала музыка, и молодые люди, а может быть, и некоторые профессионалы, исполнили танец, одновременно напевая подготовленную для этого случая оду, а также другие песни. Карлики, уродливые существа и странные предметы также были представлены, чтобы разнообразить развлечение; но профессиональные шуты были фаворитами, и их шутки вызывали много смеха, хотя, возможно, он был скорее вынужденным со стороны тех, над кем смеялись, потому что эти шуты были так же привилегированны, как и их современные европейские братья в пестрых костюмах, и иногда говорили очень едкие правды в форме шуток; в некоторых случаях они были переодеты в костюмы иностранцев, чьи диалекты и особенности они имитировали; в других случаях они подражали старухам, известным эксцентричным личностям и т. д.

Знать держала ряд таких шутов для собственного развлечения и часто посылала их к соседнему знатному брату, чтобы они задавали загадки, заботясь о том, чтобы у них были средства для оплаты штрафа в случае, если загадка будет разгадана.^[239]

Эти частные банкеты обычно длились до полуночи, когда вечеринка заканчивалась. Каждый гость при прощании получал в подарок платья, тыквы, какао-бобы, цветы или продукты питания. Если какой-либо несчастный случай или недочет портил удовольствие от вечеринки, хозяин скорее повторял развлечение, чем допускал, чтобы какая-либо тень падала на его великое общественное предприятие. В любом случае, доброму человеку, несомненно, было трудно избежать порицания либо за расточительность, либо за скупость.

На королевские пиры, устраиваемые, когда великие вассалы приезжали в столицу, чтобы выразить почтение своему суверену, люди стекались из провинций в большом количестве, чтобы посмотреть на зрелища, которые состояли из театральных представлений, гладиаторских боев, схваток диких зверей, спортивных состязаний, музыкальных представлений и поэтических чтений в честь королей, богов и героев. Кроме того, знатные

люди ежедневно участвовали в банкетах во дворце, где монарх дарил им дорогие подарки. [\[240\]](#)

ТАБАК В НОВОМ МИРЕ.

Любителям табака будет интересно узнать, как курили эту траву в Новом Свете до того, как ее привез в Старый Свет бессмертный Жан Нико, чье имя будет благословенно во веки веков. У нахуа курение не имело того особого значения, которое придавали ему североамериканские индейцы, считая его незаменимым атрибутом заключения договоров, укрепления дружбы и т. д. Нахуа курили в основном больные, как развлечение и для стимулирующего эффекта. Происхождение этого обычая среди науа можно проследить до использования тростниковой травы, наполненной ароматическими травами, которую зажигали и давали гостям, чтобы они могли распространять аромат вокруг себя; постепенно они стали затягиваться тростником и глотать дым, притворяясь, что находят в этом средство от головной боли, усталости, мокроты, бессонницы и т. д. Использовались три вида табака: *yetl*, обозначающий табак в общем смысле, получаемый из растения с большими листьями, *picyetl*, из небольшого, но более сильного вида, и *quauiyetl*, менее ценимый вид, позже известный как дикий табак. Клавигеро утверждает, что *picyetl* и *quauiyetl* были единственными видами, известными мексиканцам. Обычно его курили после обеда в виде сигарет из бумаги, тростника или кукурузных листьев, называемых *posyetl*, «курительный табак», или *acayetl*, «табачный тростник», причем листья смешивались в пасту, как говорит Вейтия, с *xochiocotzotl*, жидким янтарем, ароматическими травами и измельченным углем, чтобы после зажигания табак тлел и источал аромат. Табак *picyetl* курили позднее в течение дня, без примесей, в форме, напоминающей сигары. Дым вдыхали, закрыв нос, чтобы не потерять ни одной из его благотворных свойств. Иногда вместо сигарет использовали деревянные, металлические или бамбуковые трубки. нюхание измельченных листьев — древний обычай, который мы обязаны им. [\[241\]](#)

Танцы были любимым развлечением ацтеков, и все старые летописцы высоко оценивают причудливую композицию их танцев, а также особую грацию их движений. Танцы, и особенно религиозные танцы, составляли важную часть образования ацтекской молодежи, и жрецы прилагали много усилий, чтобы научить их этому искусству.

МИТОТЕ И ТАНЕЦ С ЛЕНТАМИ.

Подготовка к большим публичным танцам, в которых участвовали тысячи исполнителей, [\[242\]](#) была огромной. Хоры и оркестры, приписанные к различным храмам, находились под руководством лидера, обычно священника, который сочинял оду дня, накладывал на нее музыку, инструктировал музыкантов, назначал руководителей танца, совершенствовал аранжировки в целом, следил за тем, чтобы все выполняли свои обязанности, и обеспечивал строгое наказание за любую ошибку или халатность. [\[243\]](#) Танец *Neteteliztli* проводился либо на площади, либо во дворе храма, в центре которого расстилались маты для музыкантов. Знать и старейшины образовывали круг ближе всего к барабанам, люди менее значимые

образовывали другой круг на некотором расстоянии позади, а молодежь составляла третье кольцо. Два ведущих танцора руководили движениями, и все их шаги повторяли участники танца. Когда все было готово, свисток давал сигнал, и барабаны начинали легко бить в хорошо известную мелодию, которую начинали ведущие, а затем подхватывали танцоры, которые в то же время начинали двигать ногами, руками, головами и телами в совершенном согласии. Каждый куплет или строфа повторялись три или четыре раза, танцоры отбивали ритм своими *айакачтли*, или погремушками. Каждый должен был сохранять свое относительное положение в кругу и одновременно завершать круг; поэтому внутренний круг двигался медленно, достойно, в соответствии с рангом и возрастом составляющих его мужчин; второй круг двигался несколько быстрее, а танцоры во внешнем круге приближались к бегу, когда танец становился более оживленным. Движения были разнообразными: то танцоры держались за руки, то за талию; то они брали в партнеры соседа слева, то справа, то обращались в одну сторону, то в другую. Когда закончилась первая песня, посвященная событию дня, зазвучала популярная ода, посвященная их богам, королям или героям, исполняемая в более высоком тональности и в более живом ритме, а танец тем временем становился все более оживленным. Так было со всеми последующими песнями, каждая из которых становилась все выше и пронзительнее по мере своего развития; иногда к оркестру присоединялись флейты, трубы и резкие свистки, чтобы усилить эффект. Когда одна группа танцоров уставала, ее место занимала другая, и так танец продолжался весь день, каждая песня длилась около часа. Шутники и клоуны в различных костюмах ходили между рядами, выделявая кульбиты, рассказывая анекдоты и раздавая угощения. Эррера утверждает, что торжественный *митоте* танцевали парами во внешнем кругу.^[244] На частных танцах обычно формировались две параллельные линии, танцоры поворачивались в разных направлениях, меняли партнеров и переходили из линии в линию.^[245] Иногда один из каждой линии выходил вперед и исполнял па-де-де, пока остальные смотрели. «Танец с лентами» в некоторой степени напоминал английский танец вокруг майского дерева. На ровном участке земли устанавливался шест высотой от пятнадцати до двадцати футов, и двадцать или более человек, каждый из которых держался за конец цветной ленты, прикрепленной к его вершине, начинали танцевать вокруг мачты, пересекаясь друг с другом и извиваясь в кажущейся неразберихе, пока шест не покрывался пестрой текстурой определенного рисунка. Когда лента становилась слишком короткой, плетение разматывалось путем изменения порядка танца. У них было множество других митотов, или танцев, которые различались главным образом цветами, которые носили танцоры, нарядами, раскраской и масками, и соответствовали тексту песен, таких как *huexotzincauitl*, *anaoacaiutl*, *cuextecaiutl*, *tocotin* и других, которые будут описаны в разделе о религиозных праздниках.^[246] Дети от четырех до восьми лет, сыновья знати, участвовали в некоторых танцах и пели сопрано, а священники присоединялись к торжественным представлениям. Некоторые танцы, такие как «*netecuitotoli*», «^[247]» могли исполняться только королем и знатными людьми, «^[248]» при этом для правителя всегда отводилось отдельное место, когда он танцевал. Женщины присоединялись к мужчинам в некоторых танцах, но в целом танцевали отдельно. Некоторые танцевальные залы с плохой репутацией, называемые *cuicoan*, «великая радость женщин», были открыты для женщин по ночам и становились ареной безудержного разврата.^[249] Большие усилия прилагались, чтобы выглядеть как можно лучше на танцах; известные воины появлялись в великолепных нарядах, а иногда и с щитами, украшенными перьями; знатные люди в придворных одеждах из богатых мантий, завязанных на плечах, с причудливыми макстилями вокруг бедер, кисточками из перьев и золота в волосах, украшениями для губ из золота и драгоценных камней, золотыми кольцами в ушах, браслетами из того же металла, украшенными перьями, или нитками из чалчиуитов и бирюзы вокруг запястий и других частей рук, а некоторые

имели золотые колокольчики, прикрепленные к лодыжкам; ярко окрашенные платья низшего сословия были украшены перьями и вышивкой; гирлянды и цветы окружали голову, ожерелья из ракушек и бобов висели на шее, браслеты из обхватывали руки и ноги, и все несли букеты цветов. Женщины также сияли в хуипилях, ярко окрашенных, причудливо вышитых и украшенных бахромой.^[250]

АБОРИГЕННАЯ ДРАМА.

Драма едва ли могла сравниться по совершенству с хореографическим танцем, но в этом отношении, как и в других, науа продемонстрировали значительный прогресс. Талия чаще, чем Мельпомена, председательствовала над спектаклями, которые обычно носили характер бурлеска. Исполнители в основном носили деревянные маски или были переодеты в животных. Для драмы не было специального здания, но нижний портик храма обычно служил сценой; однако некоторые крупные города могли похвастаться постоянной сценой, возведенной в центре площади. Главная из них находилась в Тлателулько и состояла из террасы из камня и извести высотой тринадцать футов и шириной тридцать. Когда она использовалась, ее украшали листвой, а по всему периметру вешали разноцветные маты, на которых был изображен герб города. В Чолуле в качестве сцены служил портик храма Кетцалькоатля; он был побелен и украшен арками из веток, перьев и цветов, с которых свисали птицы, кролики и другие любопытные предметы. Здесь люди собирались после обеда в праздничные дни, чтобы посмотреть представление, в котором глухих, хромых, слепых, уродливых или больных людей, а иногда и купцов, механиков или видных граждан пародировали, высмеивали и издевались над ними. Каждый актер старался сыграть свою роль как можно более гротескно. Тот, кто на мгновение становился глухим, давал бессмысленные ответы на задаваемые ему вопросы; больной изображал последствия боли и так далее. Когда они исчерпывали свой запас шуток, другие входили в роли жуков, лягушек или ящериц, квакая, свистя и прыгая по сцене, как животные, которых они изображали. Мальчики из храмов также появлялись в образе птиц и бабочек и слетались на деревья во дворе. Каждый артист репетировал свою роль перед выходом на публику, и большое внимание уделялось тому, чтобы ни одна оплошность не испортила красоту сюжета. Священники добавляли веселья, пуская в актеров грязевые шарики через деревянные трубки и в шутливой манере хваля или критикуя представление. Развлечение заканчивалось балом, на который приходили все актеры.^[251]

Некоторые авторы очень высоко оценивают драматическое мастерство науа. Клавигеро не склонен разделять это мнение, хотя он считает, что в этом направлении был бы достигнут большой прогресс, если бы Мексиканская империя просуществовала еще столетие; это, безусловно, вполне естественный вывод. Церемонии на религиозных праздниках часто носили драматический характер, как будет видно ниже.^[252]

Музыка, являющаяся главной привлекательной чертой наших театральных представлений, не играла важной роли на сцене науа, и, хотя мы слышим о появлении певцов, инструментальные концерты не упоминаются. Помимо этого, большое значение, придаваемое музыке, очевидно из мифа о ее происхождении. Согласно этому мифу, никто иной, как Тескатлипока^[253] принес или послал за музыкой солнце и построил мост из китов и черепах, символов силы, по которому она была доставлена на землю.

Барабаны, рога, раковины, трубы и пронзительные свистки, изготовленные из расколотых костей, были наиболее используемыми инструментами. Барабан был самым любимым, и удары нескольких барабанов в прекрасном согласии были достаточны для сопровождения песен и танцев. Упоминаются два вида барабанов; из них *huehuetl*^[1254] представлял собой полый деревянный цилиндр высотой около трех футов и диаметром полтора фута, с интересной резьбой и росписью, верхний конец которого был покрыт обработанной оленьей шкурой, натягиваемой или ослабляемой для настройки, и на котором играли руками. Другой вид барабана назывался *teponaztli*, «крыло каменного пара»; он был полностью сделан из дерева и не имел отверстий, кроме двух параллельных прорезей на одной стороне, а закрытая часть была разделена по центру так, что образовывала два язычка, каждый из которых увеличивался в толщине к концу; барабан располагался в горизонтальном положении, и звук производился путем ударов по язычкам палками с резиновыми шариками на концах. Длина этого барабана варьировалась от игрушки в несколько дюймов до пяти футов. Иногда он был вырезан в форме мужчины, женщины или животного и лежал вдоль на подставках. Хуэуэтль издавал глухой звук, напоминающий звук восточноиндийского там-тама. Эти барабаны, когда они были самого большого размера, были слышны на расстоянии двух миль.^[1255] Тепонацтли издавал меланхоличный звук, который, по мнению Брассера де Бурбура, был символом пустого предупреждающего звука, предшествующего уничтожению Земли, которое символизировал сам инструмент.^[1256] *Тецилакатель* был своего рода гонгом, изготовленным из меди и ударяемым молотком из того же материала. *Айачачтли* был медной погремушкой с отверстиями, наполненной камушками, которую использовали танцоры.

Древние писатели единодушно хвалят совершенное согласие и хорошее чувство ритма, демонстрируемое певцами, как солистами, так и квартетами, с хором и репризами, и особо отмечают мальчиков в возрасте от четырех до восьми лет, которые исполняли сопрано так, что это делало честь их священникам-наставникам. Каждый храм и многие дворяне содержали хоры и группы профессиональных музыкантов, обычно возглавляемые священником, который сочинял оды, подходящие для каждого случая, и накладывал на них музыку. Басовые певцы были редкостью и ценились пропорционально своей редкости. У них было большое количество популярных песен или баллад, которые были хорошо известны во всех слоях общества. Молодые люди были обязаны выучивать наизусть длинные эпосы, в которых рассказывались славные подвиги героев в битвах и на охоте; или дидактические произведения, указывающие на некоторые моральные принципы и внушающие полезные уроки; или гимны хвалы и призывы к священным праздникам. Клавигеро, Пиментел и другие авторы высоко оценивают музу аборигенов и описывают используемый язык как чистый, блестящий, образный и переплетенный аллюзиями на красоты природы; бессмысленные междометия, разбросанные тут и там для поддержания метра, свидетельствуют, однако, о недостатке законченности, а длинные сложные слова, одно из которых часто составляло целый стих, конечно, не добавляли гармонии, но при этом соблюдали хороший метр и каденцию.^[1257]

Искусство музыки находилось под королевской защитой, и певцы, как и музыканты, были освобождены от налогов. Несауалькойотль, великий покровитель искусств из Тецукана, сам сочинил ряд од и элегий и основал академию наук и музыки, где председательствовали союзные короли Мексики, Тецукана и Тлакопана и вручали призы победителям конкурсов. Песни тольтеков высоко ценятся за их красоту и разнообразие. Говорят, что тотонаки и

тепанеки были столь же развиты в музыке и пении, как и ацтеки;⁽²⁵⁸⁾ но об этих искусствах я расскажу более подробно в следующей главе.

ГИМНАСТИЧЕСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ.

Акробатические трюки, исполняемые науа, вызывали удивление и восхищение завоевателей, и испанский двор, перед которым были представлены некоторые из этих атлетов, был не менее потрясен их грацией, смелостью и силой.

Некоторые из этих гимнастических выступлений стали известны нам только недавно; так, так называемый китайский трюк с балансированием на ногах, при котором человек, лежа на спине, вращает тяжелый шест на подошвах своих поднятых ног, подбрасывает его, ловит и крутит во всех направлениях, был обычным трюком для акробатов науа, которые, по сути, превосходили современных цирковых артистов, поскольку крутили шест, когда на каждом его конце сидел человек (). Другой трюк выполняли трое. Один из них крепко удерживал равновесие, другой забирался ему на плечи, а третий забирался на голову второго. В таком положении человеческая колонна медленно двигалась, а человек на вершине одновременно исполнял своего рода танец. Или же человек танцевал на вершине балки, нижний конец которой был раздвоен и опирался на плечи двух других танцоров. Некоторые поднимали палку с земли, а человек балансировал на ее конце; другие прыгали на палке, установленной вертикально в земле, или танцевали на канате. Еще одной игрой, требующей равного проявления грации и смелости, был *нетотолитли*, или «танец птиц», известный испанцам как «игра в полет», который исполнялся особенно во время праздника мирян. В центре открытого места, обычно на общественной площади, возводился высокий столб. На вершине этого столба устанавливалась деревянная подвижная крышка, напоминающая перевернутый ступку; к ней прикреплялись четыре крепких веревки (), которые поддерживали деревянную раму размером около двенадцати футов в квадрате. Четыре другие, более длинные веревки тщательно обматывались тринадцать раз вокруг столба чуть ниже крышки и пропускались через отверстия, сделанные по одному в каждой из четырех сторон рамы. Концы этих веревок, обмотанных вокруг столба, свисали на несколько футов ниже рамы. Четверо гимнастов, которые заранее потренировались и были переодеты в птиц разной формы, поднялись с помощью петель из веревки, привязанных к столбу, и, привязав по одной веревке к талии, начали круговой полет с распростертыми крыльями. Импульс старта и вес людей приводили раму в движение, и веревка разматывалась все быстрее и быстрее, позволяя летунам описывать все большие и большие круги. Ряд других людей, все богато одетых, сидели на раме, откуда они по очереди поднимались на вершину вращающейся шапки, где танцевали и били в барабан или махали флагом, каждый из них стремясь превзойти своего предшественника в смелости и мастерстве.⁽²⁵⁹⁾ Когда летуны приближались к земле, а веревки почти разматывались, мужчины на каркасе скользили по веревкам, чтобы одновременно достичь земли, иногда переходя с одной веревки на другую во время спуска и выполняя другие трюки. Тринадцать витков веревки с четырьмя летунами символизировали цикл с его четырьмя подразделениями по тринадцать лет.

Бег практиковался не только для физических упражнений, но и как профессия; правительство нанимало большое количество курьеров для доставки сообщений, которых с

раннего детства обучали бегу. К этому я еще вернусь. Соревнования проводились в главном храме Мехико под эгидой жрецов,^[260] где награды вручались четырем участникам, которые первыми достигали вершины сто двадцати ступеней. Нахуа, должно быть, были также хорошими пловцами, поскольку, как говорят, путешественники обычно переправлялись через реки по воде, оставляя мосты тем, кто нес грузы. Проводились также имитации сражений и публичные смотры, как для тренировки армии, так и для развлечения масс. В эти дни солдаты соревновались за призы в стрельбе из лука или метании дротика.^[261] В торжественные дни, такие как коронация короля, солдаты сражались с дикими зверями или боролись друг с другом, а животные сражались друг с другом в огороженных загонах.^[262]

ТЛАХТЛИ, ИЛИ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИГРА.

Национальной игрой науа была *тлахтли*, которая во многом напоминала нашу игру в футбол и была столь же оживленной и полной драки. Она была распространена среди всех народов, культ которых был сходен с культом тольтеков, и находилась под особой божественной защитой, хотя ее первоначальное религиозное значение не ясно. В действительности, почти каждая игра пользовалась божественной поддержкой, и *Ометочтли*, «два кролика», бог игр, по словам Дурана, обычно призывался спортсменами и азартными игроками вместе с каким-нибудь особым богом. Игровые инструменты и природные объекты также заклинались, чтобы принести удачу просящему. В качестве примера популярности игры тлахтли (^[263]) можно упомянуть, что определенное количество городов ежегодно вносило шестнадцать тысяч мячей в качестве налогов, что каждый город любого размера имел специальную игровую площадку, предназначенную для этой игры, и что короли держали профессиональных игроков, которые играли перед ними, а иногда и вызывали друг друга на игру. Поле, на котором играли, называлось *тлахко* (^[264]) представляла собой аллею, форма которой показана на рисунке; сто футов в длину^[265] и половину в ширину, за исключением каждого конца, где были прямоугольные углы, которые, несомненно, служили местами отдыха для игроков. Все это было окружено гладкими побеленными стенами, высотой от девяти до двенадцати футов по бокам и несколько ниже на концах, с зубцами и башенками, толщина которых уменьшалась кверху.^[266] В полночь, перед днем, назначенным для игры, который всегда определялся благоприятно по предсказаниям авгуров, священники с большой церемонией размещали двух идолов — одного, представляющего бога игры, другого — бога тлахтли^[267] — на боковые стены, освящали здание и посвящали игру, четыре раза бросая мяч по земле и бормоча при этом заклинание. Владелец тлахко, обычно господин этого места, также совершал определенные церемонии и приносил жертвы перед началом игры. Мячи,

называемые *улламалони*, были из твердой индийской резины, диаметром от трех до четырех дюймов. Игроки были одеты просто, в максти, или набедренные повязки, и иногда носили кожу для защиты частей тела, соприкасающихся с мячом, и перчатки; они играли группами, обычно по два или три человека в каждой команде. Правило заключалось в том, чтобы ударять мяч только коленом, локтем, плечом или ягодицей, как было согласовано, однако последний способ был самым популярным, и касаться мячом стены противоположной стороны или перебрасывать его через нее, что в обоих случаях считалось очком. Тот, кто ударял мяч рукой или ногой, или любой частью тела, не согласованной заранее, терял очко; для разрешения таких споров в качестве судьи выступал священник. На каждой боковой стене, на равном расстоянии от концов, находился большой камень с высеченными изображениями идолов (1, пробитый в центре отверстием, достаточно большим, чтобы пропустить мяч (4268)) игрок, который случайно или благодаря своему мастерству пробил мяч через одно из этих отверстий, не только выигрывал игру для своей команды, но и получал право на плащи всех присутствующих, и спешка, с которой зрители бросались спасать свою одежду, считалась самой забавной частью развлечения. Конечно, такой сложный подвиг редко удавался, за исключением случаев, когда это происходило по счастливой случайности, и успешный игрок получал такое же уважение, как и победитель Олимпийских игр, и не забывал принести благодарственную жертву богу игры за улыбнувшуюся ему удачу.

От исхода игры зависело обладание большим имуществом; богатые ставили на кон свое золото и драгоценности, бедные — свою одежду, еду или даже свободу.^[269]

ИГРА В МЯЧ И АЗАРТНЫЕ ИГРЫ.

Азартные игры, самое низкое, но самое увлекательное из развлечений, были страстью науа, и все виды имущества, от початков кукурузы или какао-бобов до дорогих драгоценностей и личной свободы, ставились на кон в различных играх. Профессиональные игроки ходили от дома к дому с костями и игровыми ковриками в поисках новых жертв. Все азартные инструменты были официально зачарованы, и это зачарование периодически обновлялось и усилилось путем представления инструментов в храме с молитвами о том, чтобы благословение идола снизошло на них.

ПОПУЛЯРНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Патолицтли, которая чем-то напоминала наш нарды, по-видимому, была самой популярной азартной игрой. *Патолли*, или большие бобы с точками, похожими на кубики, встряхивали в руке и бросали на коврик, на котором был нарисован квадрат, отмеченный определенными поперечными и диагональными линиями. Бросавший бобы отмечал свои очки на этих линиях в соответствии с количеством точек, которые оказались вверх. Тот, кто первым набирал определенное количество очков, выигрывал игру. Игроки обычно были окружены толпой заинтересованных зрителей, которые делали крупные ставки на результат и громко призывали на помощь Макуилксочитля, покровителя игры. Богатые люди часто использовали вместо бобов золотые и украшенные драгоценными камнями кости.^[270] У них была еще одна игра, в которой вместо костей использовались тростниковые палочки. Два

игрока, у каждого из которых было по десять камешков, по очереди бросали раздвоенные тростниковые палочки в небольшие отверстия, проделанные в земле, сгибая их между пальцами; если тростниковая палочка падала в отверстие, на квадрат ставили маркер; это продолжалось до тех пор, пока победитель не исчерпал все маркеры.^[271] Любимая игра Монтекумы называлась *тотолоке* и заключалась в бросании маленьких золотых шариков в кусочки того же металла, установленные в качестве мишеней на определенном расстоянии. Пять очков давали выигрыш. Питер Мартир приходит к выводу, что шахматы, должно быть, были известны науа, потому что у них были клетчатые коврики.^[272]

ГЛАВА IX.

ПУБЛИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Частое проведение религиозных праздников — Человеческие жертвоприношения — Праздники четвертого года — Ежемесячные праздники — Жертвоприношение детей — Праздник Шипе — Способ жертвоприношения — Праздники Камакти, Цветочников, Сентеотля, Тескатлипоки и Уицилопочтли — Праздник солеваров — Жертвоприношение огнем — Праздник мертвых — Приход богов — Следы на циновке — Праздник охоты — Месяц любви — Трудные времена — Нахуа Луперкалия — Праздники Солнца, зимнего солнцестояния — Праздники урожая и восьмилетия — Связывание снопа.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Развлечения, описанные в предыдущей главе, в основном устраивались во время больших религиозных праздников, когда люди со всех концов страны стекались, чтобы умиловить или возблагодарить какого-либо конкретного бога.

Эти праздники проводились очень часто. Нахуа были внимательными наблюдателями природы, но, как и другие народы, находившиеся на аналогичной или даже более развитой стадии культуры, например, греки и северяне, они совершенно не понимали законов, управляющих явлениями природы, и рассматривали каждое природное явление как прямое действие какого-то конкретного божества. Приход дождей считался приходом богов дождя, предвещаемым громом и молнией; различные условия урожая приписывались их Церере; засуха, бури, затмения — все это считалось действиями особых божеств.

Религиозный механизм, необходимый для умиротворения гнева, удовлетворения прихотей и избавления от гнева такого огромного числа капризных божеств, был столь же сложен, сколь и громоздок. Помимо ежедневных служб, проводимых в различных храмах, несколько раз в день возносились молитвы в храме солнца, специальные обряды сопровождали каждое начинание, от отправления частного путешественника до выхода армии на войну, а также проводились фиксированные и переменные праздники, число которых постоянно увеличивалось по мере появления возможности. Священники соблюдали пост, сопровождавшийся покаянием, скарификациями и калечениями, иногда настолько серьезными, что приводили к летальному исходу. Так, на празднике в честь Камаксли священники постились сто шестьдесят дней и продевали несколько сотен палочек толщиной от полудюйма до полутора дюймов через свежепроделанное отверстие в языке.⁽¹²⁷³⁾ Люди в меньшей степени подражали этим покаяниям и скарифицировали те части тела, которые были средством совершения греха. Кровь пускали из ушей за невнимательность или за то, что они доносили до ума злые слова; из языка — за то, что он произносил плохие слова; глаза, руки, ноги — все страдали за любое предосудительное

действие или пренебрежение. Люди в каждой провинции, говорит Лас Касас, имели свой особый способ пускать кровь.⁽¹²⁷⁴⁾

На публичных праздниках каждый частный человек приносил богу такие подношения, на какие хватало его средств. Бедные часто не имели ничего, кроме цветка, пирога, или личной услуги, но богатые дарили богатые одежды, драгоценности, золото и рабов. Но, по-видимому, ни один большой праздник не обходился без человеческих жертвоприношений. Это всегда было великим событием дня, которого люди с нетерпением ждали и для которого тщательно сохраняли жертв. Большинство этих несчастных существ были пленниками, взятыми в войне, и редко когда их количество было недостаточным для данного случая, особенно среди мексиканцев, поскольку, как я уже говорил, почти всегда в какой-то части империи были беспорядки, а если их не было, то нехватка жертв для жертвоприношения считалась хорошим поводом для ссоры с соседней нацией; кроме того, если числа военнопленных было недостаточно, всегда можно было найти непокорных рабов, чтобы пополнить их число. Мы имеем достоверные сведения, что почти на каждом ежемесячном празднике и на многих других торжественных церемониях несколько сотен человеческих сердец вырывали из живых грудей в качестве приемлемого подношения богам науа и приятного зрелища для народа.⁽¹²⁷⁵⁾

Самые грандиозные праздники отмечались в четвертый год, называемый Теоксиутль, или «божественный год», и в начале каждого тринадцатого года. В эти дни жертвовали большим количеством людей, а покаяния были более суровыми, чем в другие времена. Нахуа также отмечали грандиозный праздник каждый месяц в году; но, поскольку эти праздники были тесно связаны с их религией и поэтому будут подробно описаны в следующем томе, я ограничусь здесь их кратким описанием, которое будет достаточно, чтобы дать читателю представление о том, что они из себя представляли.⁽¹²⁷⁶⁾

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Ацтекский праздник, который первым упоминается старыми писателями, а именно праздник месяца Атлкауалько, «убывание вод», или, как его называли в некоторых местах, Куауитлеуа, «сжигание деревьев или гор», отмечался в честь Тлалоков, богов дождя и вод. На этом празднике приносили в жертву большое количество грудных младенцев, некоторых на высоких горах, других в водовороте озера Мехико. Малышей в основном покупали у их матерей, хотя иногда их добровольно приносили родители, желавшие заслужить особую милость бога. Приемлемыми для богов считались только те, у кого на голове было два локона и кто родился под счастливым знаком. Жертвоприношения совершались не в одном месте, а на шести разных горах и в озере. Их посещала одна за другой большая процессия жрецов под аккомпанемент флейт и труб, за которой следовала огромная толпа людей, жаждущих увидеть кровь; более того, буквально жаждущих плоти младенцев, если верить утверждениям некоторых авторов, что тела действительно приносили обратно, а плоть съедали как изысканное лакомство жрецы и вожди. Но о каннибализме поговорим позже.

Малышей несли на смерть на роскошных носилках, украшенных перьями и драгоценностями, а самих их наряжали в великолепные вышитые и украшенные драгоценностями мантии и сандалии, а также в цветные бумажные крылья. Их лица были

испачканы индийским каучуковым маслом, а на каждой щеке было нарисовано круглое белое пятно. Неудивительно, что, как говорят старые летописцы, люди плакали, когда мимо проходили обреченные младенцы; безусловно, такой вид давал вескую причину для слез (). Гладиаторские бои и жертвоприношение военнопленных в храме завершали этот праздник.^[277]

Следующий праздник, который отмечался в месяце Тлакаксипеуализтли, «сдирание кожи с людей», проводился в честь Шипе, который был покровителем ювелиров.^[278] Считалось, что этот бог наказывал тех, кто его обижал, болящими глазами, зудом и другими болезнями, поэтому люди старались отмечать его праздник со всей должной регулярностью и почтением. По этому случаю, помимо обычного числа военнопленных, приносились в жертву воры, осужденные во второй раз за кражу золота или драгоценностей^[279]. Бдение перед праздником, в последний день предыдущего месяца, начиналось с торжественных танцев. В полночь жертвы выводили из часовни, где их заставляли бодрствовать, и приводили к священному огню. Здесь им сбрасывали волосы с макушки, а их похитители в честь идола одновременно пускали кровь из своих ушей; отрезанные чубки каждого военнопленного затем вешали в доме его похитителя в знак и в память о храбрости отца. К рассвету некоторых пленных отводили в большой храм, чтобы принести их в жертву. Но прежде чем мы продолжим, необходимо посмотреть, как совершались эти человеческие жертвоприношения.

ЖЕРТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ.

Жертвоприношения различались по количеству, месту и способу проведения в зависимости от обстоятельств праздника. В целом жертвы умирали от вскрытия груди и вырывания сердца; но других топили, других запирали в пещерах и морили голодом, другие гибли в гладиаторских боях, которые будут описаны в другом месте. Обычным местом проведения было храм, на самой верхней платформе которого стоял алтарь, используемый для обычных жертвоприношений. Алтарь великого храма в Мехико, по словам Клавигеро, представлял собой зеленый камень, вероятно яспис, выпуклый сверху, высотой около трех футов, такой же шириной и длиной более пяти футов. Обычно жертвоприношение совершали шесть жрецов, главой которых был Топильцин, чье достоинство было превосходным и наследственным; но при каждом жертвоприношении он принимал имя того бога, которому оно было посвящено. Во время жертвоприношения он был одет в красную одежду, похожую по форме на современный скапуляр, с бахромой из хлопка; на голове он носил корону из зеленых и желтых перьев, на ушах висели золотые серьги и зеленые драгоценные камни, а на нижней губе — подвеска из бирюзы. Его пять помощников были одеты в белые одежды той же формы, но с черной вышивкой; их волосы были заплетены и перевязаны кожаными ремешками, на лбу у них были маленькие заплатки из разноцветной бумаги; все их тела были окрашены в черный цвет. Жертву несли обнаженной в храм, где помощники священника схватили ее и бросили на спину на алтарь, двое держали ее за ноги, двое за ступни, а пятый за голову; затем подошел первосвященник и тяжелым ножом из обсидиана разрезал грудь несчастного человека; затем, с ловкостью, приобретенной долгими годами практики, жрец вырвал еще бьющееся сердце, которое сначала поднес к солнцу, а затем бросил к ногам идола; подняв его, он снова поднес к богу, а затем сжег, сохранив пепел с

большой заботой и почтением. Иногда сердце клали в рот идола с помощью золотой ложки. Также было принято помазывать губы изображения и карнизы двери кровью жертвы. Если жертва была военнопленным, то сразу после жертвоприношения ему отрезали голову, чтобы сохранить череп, а тело сбрасывали с лестницы храма, откуда его уносили в дом воина, который взял жертву в плен (), и готовили (cooked) и ели () на пиру, устроенном им для своих друзей; тело раба, купленного для жертвоприношения, уносил бывший владелец для той же цели. Это рассказ Клавигеро. Тот же автор утверждает, что отоми, убив жертву, разрывали тело на куски, которые продавали на рынке. Сапотеки приносили в жертву мужчин своим богам, женщин — своим богиням, а детей — каким-то другим меньшим божествам. На празднике Тетейона женщина, представлявшая эту богиню, была обезглавлена на плечах другой женщины. На празднике, посвященном прибытию богов, жертвы сжигали заживо. Мы видели, что на одном празднике в честь Тлалока они топили детей; на другом празднике в честь того же бога нескольких маленьких мальчиков заперли в пещере и оставили умирать от страха и голода. [\[280\]](#)

ЖЕРТВЕННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ В ЧЕСТЬ КСИПЕ.

Давайте теперь перейдем к празднику Шипе. Мы оставили часть обреченных пленников на пути к смерти. Прибыв на вершину храма, каждого по очереди ведут к жертвеннику, где его хватают мрачные, безжалостные жрецы и бросают на камень; приближается первосвященник, поднимается нож, раздается один большой крик агонии, слышится шарканье ног, когда помощники раскачиваются из стороны в сторону под воздействием предсмертной борьбы своей жертвы, затем все затихает, кроме бормотания первосвященника, который высоко в воздухе держит дымящееся сердце, в то время как издалека, внизу, доносится тихое гудение восхищения тысяч поднятых лиц.

Еще дрожащие тела сбрасывали с ступеней храма, как и в других случаях, но в этот раз их не уносили, пока не сдирали кожу, по этой причине этих жертв называли *xipete*, «сдираемые», или *tototecti*, «те, кто умирает во славу Тотека». Затем останки были переданы пленнику некоторыми жрецами в часовне, где он дал обет принесения жертвы, который предполагал пост в течение двадцати дней перед праздником. Бедро отправлялось на стол короля, а остальные части тела варились с кукурузой и подавались на банкете, устроенном захватчиками, на который приглашались их друзья. Это блюдо называлось *tlacatlaolli*; по словам Саагуна, хозяин банкета не пробовал мясо своего пленника, которого он считал своим сыном, но ел мясо других.

ЖУТКИЕ НИЩИ.

ПРАЗДНИК КАМАКСТЛИ.

На следующий день для жертвоприношения вывели еще одну группу пленников, называемых *оаванти*, у которых также были обриты волосы на макушке. Тем временем несколько молодых людей, также называемых *тототекти*, начали гладиаторские игры, пародирующие предстоящий настоящий бой; одевшись в шкуры содранных жертв, они были подражены несколькими своими товарищами, которые подстегнули их к бою; те

преследовали и прогнали их, а затем обратились друг против друга, таща побежденных в караульную, откуда их не отпускали до тех пор, пока не был уплачен штраф. Несколько жрецов, каждый из которых представлял одного из богов, спустились с вершины храма и направились к камню для жертвоприношений, который стоял внизу и не должен был путаться с алтарем, и сели на табуретки вокруг него, а первосвященник занял почетное место. За ними следовали четыре храбреца, два из которых были переодеты в орлов, а два — в тигров, которые, продвигаясь вперед, демонстрировали фехтовальные приемы и были предназначены для борьбы с пленными. Группа певцов и музыкантов, сидевших за священниками и несущих ленты из белых перьев, закрепленные на длинных шестах, привязанных к их плечам, начала играть на флейтах, раковинах и трубах, свистеть и петь, в то время как другие приближались, каждый таща за волосы своего пленника. Каждому из этих несчастных давали чашку пульке, которую он подносил к четырем сторонам света, а затем выпивал жидкость через трубочку. Затем священник брал перепела, отрезал ему голову на глазах у пленника, брал щит, который тот нес, поднимал его вверх и одновременно бросал перепела за спину — возможно, как символ его судьбы. Другой жрец, одетый в медвежью шкуру, который выступал в качестве крестного отца для обреченных, теперь приступил к тому, чтобы привязать одного из пленников к кольцу, закрепленному на возвышенном плоском камне, на котором происходил бой; затем он вручил ему меч с острием из перьев вместо кремня и четыре сосновые палки, с помощью которых он должен был защищаться от четырех храбрецов, назначенных сражаться с ним по очереди. Те наступали на него с поднятыми к небу щитами и мечами, выполняя всевозможные прыжки; если пленник оказывался слишком сильным для них, призывали пятого человека, который сражался и правой, и левой рукой.^[281] Тем, кто был слишком малодушным, чтобы пытаться вступить в этот безнадежный бой, сразу вырывали сердце, а остальных приносили в жертву только после того, как они были побеждены воинами. Кровоточащее и дрожащее сердце поднимали к солнцу, а затем бросали в чашу, подготовленную для его приема. Помощник жреца высасывал кровь из раны на груди через полый тростник, конец которого он поднимал к солнцу, а затем выливал его содержимое в чашу с оперением по краю, которую держал похититель только что убитого пленника. Эту чашу носили по всем идолам в храмах и часовнях, перед которыми поднимали другую трубку, наполненную кровью, как будто давая им попробовать ее содержимое; после этой церемонии чашу оставляли во дворце. Тело уносили в часовню, где пленник наблюдал за происходящим, и там сдирали с него кожу, а мясо съедали на банкете, как и раньше.^[282] Кожа была отдана определенным священникам или молодым людям из колледжа, которые ходили от дома к дому, одетые в жуткое одеяние, размахивая руками, поя и танцуя, и прося пожертвований; те, кто отказывался что-либо давать, получали удар по лицу от свисающей руки. Собранные деньги были в распоряжении захватчика, который отдавал их исполнителям, и, без сомнения, в конечном итоге они попадали в казну храма или школы.^[283] После жертвоприношения священники, вожди и владельцы пленников начинали танцевать *моцонтекоматиотия*, кружась вокруг камня сражения, плача и рыдая, как будто идя на смерть, захватчики держали головы мертвых за волосы в правых руках, а священники размахивали веревками, на которых они были привязаны, в четыре стороны света, среди множества церемоний. На следующее утро повсюду проводились торжественные танцы, начиная с королевских дворцов, на которых все появлялись в своих лучших нарядах, держа в руках тамалес или пироги вместо цветов и нося сухую кукурузу вместо гирлянд, как это было принято в то время года. Они также несли имитации амаранта, сделанные из перьев и кукурузных стеблей с початками. В полдень жрецы удалились с танца, после чего лорды и дворяне выстроились перед дворцом по трое, с королем во главе, держа лорда Тецкуко за правую руку и лорда Тлакопана за левую, и торжественно танцевали до заката. Затем в храме

последовали другие танцы воинов и женщин, в основном проституток, которые длились до полуночи и состояли из махов руками и переплетений. Празднества разнообразились военными парадами, спортивными состязаниями и концертами и продолжались в течение всего месяца. В это время каждый был обязан съесть своего рода сырой пирог, называемый *хуилокпалли*. Тласкальцы называли этот месяц Коуайлуитль, «праздник змеи», название, которое действительно указывает на веселье, такое как карнавалы, спортивные состязания и банкеты, в которых участвовали все классы. Празднества в честь Камаксли также проводились в это время здесь, а также в Уэксоцинко и многих других местах, к которым священники готовились строгим постом. Церемонии, проводившиеся в четвертый год, называемый «годом Бога», были особенно впечатляющими. Когда наступало время долгого поста, предшествовавшего празднику « », священники, имевшие достаточно мужества, чтобы подвергнуться строгому покаянию, требуемому от верующих, собирались в храме. Здесь старейшина вставал и призывал их быть верными своим обетам, предупреждая тех, кто был малодушным, чтобы они покинули компанию покаяния в течение пяти дней, потому что, если они не смогут этого сделать, то по правилам поста они будут опозорены и лишены своих владений. На пятый день они снова собрались в количестве двух или трех сотен человек, хотя многие уже дезертировали, опасаясь строгости правил, и отправились на гору Матлалкуехе, остановившись на полпути, чтобы помолиться, в то время как первосвященник взойшел один на вершину, где стоял храм, посвященный божеству с таким именем. Здесь он принес в жертву камни чальчиуите и перья кетцалья, бумагу и ладан, моля Матлалкуехе и Камастли дать его слугам силу и мужество, чтобы они могли соблюсти пост (). Другие жрецы, принадлежащие к различным храмам, тем временем собирали палки длиной два фута и толщиной с запястье, которые складывали в главном храме Камастли. Их приводили в нужную форму и размер и полировали плотники, которые прошли пятидневный пост и в награду за свои услуги получали еду за пределами храма. Кремнерезы, которые также постились, чтобы обеспечить успех своей работы, были теперь вызваны для изготовления ножей, которые были помещены на чистые ткани, выставлены на солнце и надушены; сломанное лезвие считалось признаком плохого поста, и тот, кто его сломал, подвергался порицанию. На закате солнца, в день великого покаяния, *achcauhtli*, «старшие братья», начинали петь торжественным тоном и играть на барабанах.⁽¹²⁸⁴⁾ По окончании последнего гимна, который был очень мрачным и исполнялся без сопровождения, начиналось самоистязание. Некоторые кающиеся взяли по ножу и прорезали в языке каждого мужчины отверстие, в которое вставлялись подготовленные палки, сначала более тонкие, а затем более толстые, количество которых варьировалось в зависимости от набожности и выносливости кающегося. Вождь показал пример, пропустив через свой язык четыреста пятьдесят палок,⁽¹²⁸⁵⁾ одновременно вопреки всему напевая гимн. Это повторялось каждые двадцать дней во время поста, причем палочки уменьшались в размере и количестве по мере приближения времени праздника. Использованные палочки бросали в качестве подношения идолу в круг, образованный во дворе храма из нескольких шестов высотой в шесть сажен, а затем сжигали. По истечении восьмидесяти дней во дворе храма клали ветку, как знак того, что все люди должны были присоединиться к посту на оставшиеся восемьдесят дней, в течение которых можно было есть только кукурузные лепешки без чили — что было действительно суровым испытанием для этого народа — нельзя было купаться и общаться с женщинами.⁽¹²⁸⁶⁾ Огни должны были гореть все время, и это правило было настолько строгим, что жизнь рабов в больших домах зависела от того, насколько внимательно к нему относились. Главный ачкаухтли снова отправился на гору Матлалкуехе⁽¹²⁸⁷⁾ в сопровождении четырех других, где ночью, в одиночестве, он принес в жертву копал, бумагу и перепелов; он также совершил поездку по провинции, неся в руке зеленую ветвь и призывая всех соблюдать пост. Набожные люди воспользовались этой

возможностью, чтобы преподнести ему в дар одежду и другие ценности. Незадолго до окончания поста все храмы были отремонтированы и украшены, а за три дня до праздника ахкаухтли раскрасили себя фигурами животных в разные цвета и весь день торжественно танцевали во дворе храма. Затем они украсили изображение Камастли, высотой около семнадцати футов, и надели маленького идола рядом с ним в одежды бога Кетцалькоатля, который считался сыном Камастли. Говорили, что этот идол был привезен в страну первыми поселенцами. Одежды были одолжены у чогульцев, которые просили об одинаковой услуге, когда праздновали праздник Камастли. Камакстли был украшен маской из бирюзовой мозаики,⁽¹²⁸⁸⁾ на его голове развевались зеленые и красные перья, к левой руке был прикреплен щит из золота и богатых перьев, а в правой руке он держал изящно выполненный дротик с кремневым наконечником. Он был одет в несколько одежд и *tecucxicolli*, похожий на священническое облачение, открытый спереди и тонко отороченный хлопком и кроличьим пухом, который был пряден и окрашен как шелк. Перед ним убивали птиц, рептилий и насекомых и приносили в жертву цветы. В полночь священник, одетый в одеяния идола, зажигал новый огонь, который освящался кровью главного пленника, называемого Сыном Солнца. Все остальные храмы получали огонь от этого пламени. Затем большое количество пленников приносилось в жертву Камастли, а также другим богам, а их тела съедались на последующих банкетах. Число убитых в различных городах провинции составило более тысячи, и эта цифра значительно увеличилась за счет многочисленных жертвоприношений, совершавшихся в то же время в других местах, где почитали Камастли.⁽¹²⁸⁹⁾

ПРАЗДНИК ЦВЕТЧНИКОВ.

Следующий праздник, который отмечался в месяце под названием Тозозонтли, или «короткая бдения», характеризовался постоянным ночным бдением, которое соблюдали священники в различных храмах, где они поддерживали огонь и звучали гонги, чтобы не заснуть. Большинство детей, купленных в первом месяце, теперь приносились в жертву, а фрукты и цветы приносились в жертву, чтобы побудить Тлалоков послать дождь.⁽¹²⁹⁰⁾ Однако главным событием этого месяца был пост, устраиваемый в честь Коуатликуэ, или Коалантона, *сочиманками*, или цветочниками, Мехико. Праздник проходил в храме Йопико, который находился под особой опекой и защитой жителей Сочимилько и Куаунауака, чьи земли славилась красотой и обилием цветов. Здесь были принесены в жертву первые цветы сезона, аромат которых до сих пор никто не мог вдохнуть, и здесь люди сели и пели гимны в честь богини. Также были принесены в жертву пироги из дикого амаранта () или чабреца, называемые *tzatzapaltamale*. В этом храме Йопико находилась гrot, в котором священники, которые носили их до этого момента, хранили шкуры жертв, принесенных в жертву на празднике предыдущего месяца. Они шли торжественной процессией к гроту в сопровождении множества людей, которых разгневанный Шипе поразил зудом или глазными болезнями; считалось, что этот акт преданности побудит бога смягчиться и снять проклятие. Владельцы пленников, которым принадлежали эти шкуры, и их семьи, которым в знак скорби по убитым в течение месяца не разрешалось мыть голову, следовали за процессией. Жрецы снимали свои странные и грязные одежды и оставляли их в гроте; затем их омывали водой, смешанной с мукой, одновременно избивая и шлепая их тела влажными руками своих помощников, чтобы вывести нездоровые вещества, оставшиеся от гниющих кож. Затем следовало омовение в чистой воде. Больные подвергались тому же омовению и шлепанию. По возвращении домой снова начались пиры и развлечения. Среди прочих

развлечений владельцы покойных пленников дарили бумажные украшения, которые носили их, некоторым молодым людям, которые, надев их, брали в одну руку щит, а в другую дубинку; так вооружившись, они бегали вокруг, угрожая избивать тех, кого встречали. Все бежали от них, крича: «Вот идет *тецзонпак*». Те, кого поймали, теряли свои плащи, которые относили в дом воина, чтобы, возможно, выкупить их после окончания игры. Бумажные украшения затем заворачивали в циновку и клали на треножник перед домом того, кто их носил. Рядом с треножником воздвигали деревянный столб, к которому во время торжественной церемонии в присутствии друзей похитителя прикрепляли бедренную кость жертвы, украшенную яркими бумажками. Оба эти трофея символизировали храбрость их владельца. Это продолжалось шесть дней. Примерно в это же время, по словам Дурана, некоторые старые гадатели ходили с талисманами, обычно маленькими идолами, которые они вешали на шею мальчикам с помощью цветных нитей в качестве защиты от зла и за эту услугу получали подарки от родителей. [\(2911\)](#)

В следующем месяце, который назывался Huey-Tozoztli, «великое бдение»,^[292] отмечался праздник в честь Сентеотля, бога зерновых, и Чикомекоатль, богини провианта. В это время и народ, и жрецы постились четыре дня. Богам праздника приносились различные жертвы, а затем процессия дев, странно и ярко одетых, несла в храм для освящения початки кукурузы, которые должны были использоваться в качестве семян.^([293])

Первая половина следующего месяца, называемого Тоскатль, у мексиканцев была заполнена непрерывной чередой праздников в честь Тескатлипоки; вторая половина месяца была посвящена поклонению его брату-богу Уицилопочтли. За десять дней до начала праздника священник, одетый в одежды Тескатлипоки, с букетом цветов в одной руке и глиняной флейтой в другой, выходил из храма, поворачивался сначала на восток, а затем на три других стороны света и издавал пронзительный звук на своем инструменте; затем, наклонившись, он собирал немного пыли на палец и проглатывал ее в знак смирения и покорности. Услышав свист, все люди преклонили колени, съели пыль и умоляли бога о милости и благосклонности. Накануне праздника знатные люди принесли в храм в дар новый комплект одежд, в которые священники одели идола, украсив его также соответствующими украшениями из золота и перьев; старая одежда была помещена в хранилище храма как реликвия. Затем святилище было открыто для народа. Вечером священники в причудливых одеждах несли идола на носилках по двору храма, который был усыпан цветами по этому случаю. Здесь молодые мужчины и девушки, посвятившие себя служению храму, образовали круг вокруг процессии, неся между собой длинную нить увядшей кукурузы как символ засухи. Некоторые украшали идола гирляндами, другие усыпали землю колючками кактуса, чтобы верующие могли наступить на них и пролить кровь в честь бога. Девушки были одеты в богатые платья, а их руки и щеки были окрашены; юноши были одеты в своего рода сетку, и все были украшены нитями из засохшего кукурузного початка. Два священника шли рядом с идолом, качая зажженные кадила то в сторону изображения, то в сторону солнца и молясь, чтобы их мольбы поднялись к небу, как дым горящего копала; а люди, слыша и видя это, преклоняли колени и били себя по спинам узловатыми веревками.

Как только идол был возвращен на место, посыпались подношения из золота, драгоценных камней, цветов и перьев, а также жареных перепелов, кукурузы и других продуктов, приготовленных женщинами, которые просили и получили эту привилегию. Эта еда затем делилась между священниками, которые, по-видимому, действительно извлекали выгоду из большинства религиозных церемоний. Ее несли им в процессии девы, служившие в храме. Во главе процессии шел священник, странно одетый в белую сутану с белой каймой, достигающую до колен, и безрукавку из красной кожи с прикрепленными крыльями, к которым было привешено несколько лент, на которых висела тыква, наполненная амулетами. Еда оставлялась у лестницы храма, откуда ее несли священникам служащие мальчики. После пятидневного поста эти божественные яства, несомненно, были вдвойне желанными.

Среди пленников, приведенных на жертвоприношение на том же празднике годом ранее, тот, кто обладал самой прекрасной внешностью, самым приятным характером и самой высокой культурой, был выбран, чтобы до этого дня быть смертным представителем бога. Однако было абсолютно необходимо, чтобы он имел безупречное телосложение, и, чтобы сделать его еще более достойным божественного существа, которого он олицетворял, кальпиксы, под опекой которых он находился, научили его всем навыкам, которые отличали высший класс. Его кормили лучшими продуктами, но он был обязан принимать дозы соленой воды, чтобы противодействовать любой склонности к ожирению; ему разрешалось выходить в город днем и ночью в сопровождении восьми пажей высокого ранга, одетых в королевскую ливрею, и он принимал поклонение народа, когда проходил мимо. Его одежда соответствовала его высокому положению: его тело покрывали богатый плащ с любопытной каймой, похожий на тонкую сеть, и максти с широкой вышитой каймой; белые пера петуха, прикрепленные клейким веществом, и гирлянда из цветов *изкиксучитл* окружали шлем из морских ракушек, который покрывал его голову; нитки цветов пересекали его грудь; с его ушей свисали золотые кольца, а на ожерелье из драгоценных камней на шее висел ценный камень; на плечах у него были мешочкообразные украшения из белого льна с бахромой и кисточками; золотые браслеты опоясывали верхнюю часть его рук, а нижняя часть была почти полностью покрыта другими браслетами из драгоценных камней, называемыми *макуэтли*; на его лодыжках звенели золотые колокольчики, когда он шел, а ноги были обуты в красиво расписанные тапочки.

За двадцать дней до праздника его омыли и переодели; волосы были подстрижены по манере капитанов из Эль-Сальвадора () и завязаны странной бахромой, которая образовывала кисточку, свисающую с макушки головы, к которой были прикреплены две другие кисточки из перьев, золота и *точомитля* (*tochomitl*), называемые *ацтакселли* (*aztaxelli*). Затем его женили на четырех образованных девушках, которым были даны имена четырех богинь: Сочикецаль, Силонен, Атлатонан и Уикстосиатль, и они оставались с ним до самой его смерти, стараясь сделать его как можно счастливее. В последние пять дней божественные почести, оказанные ему, стали еще более внушительными, и в его честь были устроены торжества: первый день в районе Теканман, второй — в районе, где стоял образ Тескатлипоки, третий — в лесах района Тепецинко, а четвертый — в лесах Тепепулько; кроме того, лорды и дворяне устраивали торжественные банкеты, за которыми следовали всевозможные развлечения. В конце четвертого праздника жертва была помещена со своими женами в одну из лучших каноэ, принадлежащих королю, и отправлена из Тепепулько в Тлапицаоаян, где ее оставили наедине с восемью пажами, которые обслуживали ее в течение года. Они проводили его в Тлакочкалько, небольшой и простой храм, стоящий у дороги, примерно в лиге от Мехико, ⁽¹²⁹⁴⁾ куда он поднялся, разбивая флейту на каждой ступеньке лестницы. На вершине его встретили священники, которые по-своему обслужили его и торжественно подняли его сердце к солнцу; тело было снесено во двор на руках священников, а отрубленная голова была насажена на Тсомпантли, или «место черепов»; ноги и руки были отложены в сторону как священная пища для господ и народа храма. Этот ужасный конец () означал, что богатство и удовольствия могут превратиться в бедность и горе; довольно хорошая мораль, действительно, для украшения такой нежной сказки.

После жертвоприношения студенты колледжа, дворяне и священники устроили грандиозный бал, для которого старшие священники обеспечили музыку; а на закате девы принесли еще одно подношение — хлеб с медом. Его положили на глиняные тарелки, покрытые черепами и костями мертвецов, пронесли в процессии к алтарю Тескатлипоки и

предназначили для победителей в гонке по ступеням храма, которые были одеты в почетные одежды и, после очищения, были приглашены на банкет высокопоставленными лицами храма. Праздник завершился тем, что мальчикам и девочкам из колледжа, достигшим соответствующего возраста, была предоставлена возможность вступить в брак. Их оставшиеся товарищи пользовались этим, чтобы подшучивать над ними и издеваться, забрасывая их мягкими мячами и упрекая за то, что они оставили служение богу ради удовольствий брака.⁽¹²⁹⁵⁾ Представитель Тескатлипоки был единственной жертвой, принесенной в жертву на этом празднике, но каждый високосный год кровь текла рекой.

ПРАЗДНИК УИТСИЛОПОЧТЛИ.

КУРАНТЬЕ ХУИТСИЛОПОЧТЛИ.

После этого празднования начинался праздник в честь младшего брата Тескатлипоки, Уицилопочтли, мексиканского бога войны. Жрецы бога подготовили статую в натуральную величину, похожую на его оригинальное изображение, кости которой были сделаны из дерева мескитового дерева, а плоть — из *тзоалли*, теста из амаранта и других семян. Ее одели в одежды идола, а именно: плащ, украшенный человеческими костями, и сетообразный плащ из хлопка и некена, покрытый другим плащом, *тлакваквалло*, украшенным перьями и с золотой пластиной на груди; его широкие складки были расписаны костями и частями тела человека и ниспадали на кости нескольких мужчин, сделанные из теста, которые символизировали его власть над смертью. Голову покрывала бумажная корона, очень широкая сверху и украшенная перьями, а к ее покрытой перьями вершине был прикреплен окровавленный кремневый нож, символизирующий его ярость в бою. Изображение было помещено на сцену из бревен, сформированную так, чтобы напоминать четыре змеи, чьи головы и хвосты выступали по четырем углам, и несомую четырьмя главными воинами⁽¹²⁹⁶⁾ в храм Уитцнауак, в сопровождении огромного количества людей, которые пели и танцевали по дороге. Лист бумаги из магея, длиной в двадцать сажен, шириной в один сажень и толщиной в один палец, на котором были изображены славные деяния бога, несли перед процессией на наконечниках стрел, украшенных перьями, а носильщики пели хвалу божеству под звуки музыки.⁽¹²⁹⁷⁾ На закате сцена была поднята на вершину храма с помощью веревок, прикрепленных к четырем углам, и установлена на место. Затем бумажная картина была свернута перед ней, а дротики собраны в связку. После подношения жертв, состоящих из тамалес и другой пищи, идол был оставлен на попечение жрецов. На рассвете следующего утра подобные подношения, сопровождаемые курением ладана, были сделаны семейному изображению бога в каждом доме. В тот день сам король появился в священническом образе. Взяв четырех перепелов, он один за другим выкрутил им головы и бросил дрожащие тела перед идолом; священники сделали то же самое, а затем и народ. Некоторые птицы были приготовлены и съедены королем, священником и главными людьми на пиру, остальные были сохранены для другого случая. Затем каждый священник помещал угли и ладан *чанопотли*⁽¹²⁹⁸⁾ в свой *tlemaiti*,⁽¹²⁹⁹⁾ и направлял неприятный запах к идолу. Затем пепел из каминов высыпали в огромный жаровню, называемую *tlexictli*, или «огненный пуп». Эта церемония дала название празднику, который был известен как «воскурение Уицилопочтли». Теперь появились девушки, посвятившие себя служению храму, с руками и ногами, украшенными красными перьями, раскрашенными лицами и гирляндами из поджаренной кукурузы на головах; в руках они держали расколотые трости, на которых были флаги из бумаги или ткани, расписанные

вертикальными черными полосами. Взяв друг друга за руки, они присоединились к жрецам в величественном танце, называемом *toxcachocholoa*. Над большим жаровнем, вокруг которого кружились танцоры, стояли два щитоносца с почерненными лицами, которые направляли движения. Эти мужчины имели на спинах клетки из свечного дерева, привязанные по-женски. Жрецы, присоединившиеся к танцу, носили на лбу бумажные розетки, на головах — желтые и белые перья, а губы и почерненные лица были смазаны медом. Они также носили бумажное нижнее белье, называемое *амасмакти*, и каждый держал в руке пальмовую палочку, верхняя часть которой была украшена цветами, а нижний конец заканчивался шариком, причем и шарики, и цветы были сделаны из черных перьев; часть палочки, которую держали в руке, была обмотана полосками черной бумаги в полоску. Во время танца они касались земли своими палочками, как будто поддерживая себя. Музыканты были скрыты от глаз в храме. Придворные и воины танцевали в другой части двора, отдельно от жрецов, с девушками, одетыми примерно так же, как уже описанные.

В то же время, когда был выбран представитель Тескатлипоки, годом ранее был назначен другой юноша, который должен был представлять Уицилопочтли и получил имя Икстеокале, то есть «глаза господина божественного дома».^[300] Он всегда общался с другим обреченным Тескатлипокой и разделял его удовольствия, но, как представитель менее уважаемого бога, не пользовался божественными почестями. Его одежда была характерна для божества, за которое он был обречен умереть. Его тело покрывали бумаги, расписанные черными кругами, голову украшала митра из орлиных перьев с развевающимися плюмажами и кремневым ножом в центре, а к груди был привязан кусок тонкой ткани, квадратный платок с сумкой под названием *патоксин*; на одной из рук у него было украшение из шерсти диких зверей, похожее на манипул, называемое *иматакакс*, а на лодыжках звенели золотые колокольчики. Так одетый, он вел танец плебеев,^[301] как бог, ведущий своих воинов в битву. Этот юноша имел привилегию выбрать час своей смерти, но любая задержка означала для него утрату соразмерной части славы и счастья в другом мире. Когда он сдался жертвователям, они подняли его на руки, вырвали ему сердце, обезглавили и насадили голову на кость в месте, где лежали черепа. После него были принесены в жертву несколько других пленников, а затем жрецы начали другой танец, *атеросахихилиhua*, который длился до конца дня, с некоторыми перерывами, посвященными курению кумиров. В этот день мальчики и девочки, родившиеся в течение года, были приведены в храм и получили надрезы на груди, животе и руках, чтобы отметить их как последователей бога.

Праздник в честь Кетцалькоатля, который отмечался в этом месяце в Чолуле, и праздник следующего месяца, называемый Эцалквалицли, посвященный Тлалокам, или богам дождя, подробно описаны в следующем томе.^[302]

МАЛЕНЬКИЙ ПРАЗДНИК ГОСПОДИНОВ.

Следующий месяц был месяцем всеобщего ликования среди науа, и по этой причине назывался Текуилуицинтли, или Текуилуитонтли, «малый праздник господ». Знать и воины тренировались в оружии, готовясь к грядущим войнам; охотничьи вечеринки, спортивные состязания на открытом воздухе и театральные представления чередовались с банкетами и вечеринками в помещениях; и было много обмена розами в знак комплимента. Однако развлечения в этом месяце были в основном ограничены низшими классами, а более

грандиозные празднования знати проходили в следующем месяце. Религиозные празднования были посвящены Уиктосиуатль, богине соли, которая, как говорят, была сестрой богов дождя, которые поссорились с ней и изгнали ее в соленую воду, где она изобрела искусство производства соли. Ее главными поклонниками были, конечно же, солевары, в основном женщины, которые устраивали в ее храме десятидневный праздник, каждый вечер с заката до полуночи пели и танцевали в компании обреченных пленников. Все они были украшены гирляндами из душистого растения под названием *изтаухиатль* и танцевали в кругу, образованном из цветочных гирлянд, под руководством некоторых из своего пола; музыку обеспечивали два старика. Женщина, которая олицетворяла богиню и должна была умереть в ее честь, танцевала с ними, обычно в центре круга, в сопровождении старика, держащего красивый плюмаж, называемый *хуистопетракотль*; если она была очень нервной, ее поддерживали старухи.^[303] Она была одета в желтые одежды богини и носила на голове митру, увенчанную несколькими зелеными перьями; ее хуипиль и юбка с сетчатым покрытием были выполнены волнистыми контурами и окаймлены чальчиуитами; из ее ушей свисали золотые серьги в виде цветов; золотые колокольчики и белые ракушки, прикрепленные к ремешкам из тигровой шкуры, звенели и стучали у ее лодыжек; ее сандалии были застегнуты пуговицами и хлопковыми шнурками. На руке она несла щит, расписанный широкими листьями, с которых свисали кусочки попугайих перьев, увенчанные цветами из орлиного оперения; он также был оторочен яркими перьями кетцалья. В руке она держала круглую дубинку, шириной в одну или две ладони на конце, украшенную бумагой, окрашенной каучуком, и тремя цветами, расположенными на равном расстоянии друг от друга, наполненными ладаном и украшенными перьями кетцалья; этим щитом она размахивала, танцуя. Жрецы, совершавшие жертвоприношение, были одеты в соответствующие костюмы; в великий день жрецы исполняли еще один торжественный танец, посвящая перерывы между танцами жертвоприношению пленников, которых называли *Huixtoti* в честь божества. Наконец, ближе к вечеру, пять молодых людей бросали женскую жертву на камень и держали ее, пока жрецы разрезали ей грудь, прижимая к горлу палку или кость рыбы-меч, чтобы она не кричала. Сердце поднимали к солнцу, а затем бросали в чашу. Зазвучала музыка, и люди разошлись по домам, чтобы праздновать.^[304]

БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК ГОСПОДИНОВ.

Праздник следующего месяца, *Hueytecuilhuitl*, или «великий праздник господ», приходился на время года, когда еды было меньше всего, поскольку зерно с предыдущего урожая было почти исчерпано, а новый урожай еще не созрел для сбора. В это время знатные люди устраивали между собой великие и торжественные банкеты и за свой счет устраивали пиры для бедных и нуждающихся. На одиннадцатый день проводилось религиозное празднование в честь Сентеотль под именем Ксилонен, происходящим от слова «*ксилотль*», что означает «нежный початок кукурузы», поскольку эта богиня меняла свое имя в зависимости от состояния зерна. По этому случаю была принесена в жертву женщина, которая представляла богиню Сентеотль () и была одета подобным образом. За день до ее смерти несколько женщин взяли ее с собой, чтобы поднести ладан в четырех местах, которые были священны для четырех символов цикла: тростника, кремня, дома и кролика. Ночь прошла в песнях, танцах и молитвах перед храмом богини.^[305] В день жертвоприношения некоторые жрицы и мирянки кружились в кругу вокруг жертвы, а несколько жрецов и главных мужчин танцевали перед ней. Жрецы дули в раковины и рога, трясли трещотками и разбрасывали ладан, танцуя, а знатные люди держали в руках стебли

кукурузы, которые они протягивали к женщине. Жрец, выполнявший роль палача, носил на плечах пучок перьев, удерживаемый когтями орла, вставленными в искусственную ногу. Ближе к концу танца этот жрец остановился у подножия храма, потряс трещоткой перед жертвой, рассыпал еще ладана и повернулся, чтобы вести ее на вершину. Дойдя до нее, другой жрец схватил женщину, прижал ее плечи к своим и наклонился, так что ее грудь оказалась обнаженной. На этом живом алтаре ей отрубили голову и вырвали сердце. После жертвоприношения были еще танцы, в которых участвовали только женщины, старые и молодые, с руками и ногами, украшенными красными перьями ара, и лицами, раскрашенными в желтый цвет и посыпанными марказитом. Все закончилось приятным пиром. Подношения были также представлены домашним богам. Этот праздник знаменовал начало употребления кукурузы.^[306]

В течение следующего месяца, который назывался Тлахочимасо, « » или «распределение цветов»,^[307] богам подносились цветы в дар, а друзья обменивались ими между собой. В полдень в день великого праздника раздался сигнал, и во дворе храма Уицилопочтли, которому были возданы почести этого дня, начался торжественный танец, в котором участвовали различные отряды воинов во главе с самыми храбрыми из них. К этим танцам присоединялись публичные женщины, одна женщина шла рука об руку с двумя мужчинами, и наоборот, или с руками, положенными друг другу на плечи, или обняв друг друга за талию.^[308] Музыканты располагались у круглого алтаря, называемого *tomuztli*. Движения состояли из простой переплетающейся ходьбы в такт медленной песне. На закате, после обычных жертвоприношений, люди шли домой, чтобы исполнить тот же танец перед своим домашним идолом; старики, как обычно, предавались пьянству. Однако праздник в честь Иякаколиуки, бога торговли, был событием месяца благодаря количеству и торжественности жертвоприношений рабов, привезенных для этой цели богатыми купцами со всех концов, а также великолепию сопутствующих банкетов. Тласкальцы называли этот месяц Миккайлуицинтли, «малый праздник мертвых», и собирались в храмах, чтобы петь печальные оды умершим, а священники, одетые в черные мантии, приносили в жертву пищу духам усопших. По-видимому, это было поминовение только простых людей, поскольку умершие герои и великие люди почитались в следующем месяце. Однако Дуран и другие утверждают, что праздник был посвящен памяти умерших детей, и добавляют, что матери проводили тысячи суеверных церемоний со своими детьми, надевая на них талисманы и т. п., чтобы предотвратить их смерть.^[309]

ПРАЗДНИК ПАДЕНИЯ ПЛОДОВ.

Праздник следующего месяца, называемый Хочотлхуетзин, «падение или созревание плодов», был посвящен Хiuhtecutli, богу огня. В начале месяца некоторые жрецы отправлялись в горы и выбирали самое высокое и прямое дерево, которое могли найти. Его срубали и обрезали все ветви, кроме верхних.^[310] Затем его осторожно перевозили в город на роликах и прочно устанавливали во дворе храма, где оно стояло в течение двадцати дней. Накануне праздника дерево осторожно опускали на землю; ранним утром следующего дня плотники придавали ему идеально гладкую форму и крепили поперечину длиной в пять сажень, рядом с верхушкой, где оставались ветви. Священники украсили столб цветной бумагой и поместили на вершине статую бога огня, сделанную из теста из семян амаранта и странно

одетую в максти, пояса и полосы бумаги. В голову статуи были воткнуты три прута, на каждый из которых был насажен тамале, или местный пирог. Затем столб снова подняли в вертикальное положение.

Те, у кого были пленники для жертвоприношения, появились, танцуя бок о бок с жертвами, в самых гротескных нарядах и раскрашенные. На закате танец прекратился, и обреченные люди были заперты в храме, а их похитители стояли на страже снаружи и пели гимны богу. Около полуночи каждый владделец выводил своего пленника и сбрасывал ему волосы на макушке, которые он тщательно хранил как знак его доблести. На рассвете человеческие жертвы отводили к цомпантли, где на них насажали черепа принесенных в жертву и где жрецы снимали с них одежду и украшения. По определенному сигналу каждый владделец хватал своего пленника за волосы и тащил или вел его к подножию храмовой лестницы (). После этого священники, назначенные для проведения страшного жертвоприношения, спускались с храма, каждый с мешком в руке, наполненным определенным одурманивающим порошком, извлеченным из растения *yiauhtli*, который они бросали в лица жертв, чтобы несколько ослабить их мучения перед смертью. Затем каждого обнаженного и связанного пленника несли на плечах священники на вершину храма, где тлела большая куча раскаленных углей. Несущие бросали в нее свои живые грузы, и когда облако пыли рассеивалось, можно было видеть, как тусклая красная масса поднимается, как человеческие тела корчатся и извиваются в агонии, как отчетливо слышно потрескивание плоти.^[311] Но жертвы не должны были умереть в огне; через несколько мгновений, еще до того, как жизнь в них угасла, почерневшие и покрытые волдырями несчастные были вытащены наблюдавшими за этим священниками, брошены один за другим на камень жертвоприношения, и через несколько мгновений на вершине храма осталась только куча человеческих сердец, дымящихся у ног бога огня.

После окончания этих кровавых обрядов люди собрались во дворе храма, танцевали и пели. Вскоре все переместились к месту, где стоял упомянутый выше столб. По заданному сигналу молодые люди бросились к шесту, и тот, кто первым достиг вершины и разбросал изображение и его атрибуты среди аплодирующей толпы внизу, считался героем дня. На этом праздник заканчивался, и шест с большим ликованием сносили вниз.

ПРАЗДНИКИ ТЕПАНЕЦОВ И ТЛАСКАЛЬТЕКОВ.

По словам Дурана, тепанеки проводили очень похожую церемонию. Огромное дерево приносили к входу в город, и в течение месяца, предшествующего празднику, к нему каждый день приносили подношения и ладан. Затем его поднимали с большим торжеством, а на верхушку помещали птицу из теста. Приносили в жертву еду и вино, а затем воины и женщины, одетые в лучшие одежды и держа в руках маленьких тестовых идолов, танцевали вокруг шеста, в то время как молодые люди яростно боролись, чтобы дотянуться до изображения птицы и сбить его. Наконец, шест был сбит.^[(312)]

Тласкальцы называли этот месяц Hueymiccailhuatl, «великий праздник мертвых», и отмечали его с большой торжественностью, раскрашивая свои тела в черный цвет и громко оплакивая умерших. Как здесь, так и в других частях Мексики священники и знатные люди проводили несколько дней в храме, оплакивая своих предков и воспевая их героические деяния. Семьи недавно умерших людей собирались на террасах своих домов и молились, обратив лица к северу, где, как полагали, пребывали мертвые. Герои, павшие в бою или умершие в плену,

умершие принцы и другие заслуженные люди были, в некотором смысле, канонизированы, и их статуи размещались среди изображений богов, к которым, как полагали, они присоединились, чтобы жить в вечном блаженстве.^[313]

Праздник следующего месяца, называемый Очпанистли, проводился в честь Сентеотль, богини-матери. За пятнадцать дней до начала праздника те, кто должен был в нем участвовать, начинали танец, который повторяли каждый день в течение восьми дней. По истечении этого времени женщины-целительницы и повивальные бабки приводили женщину, которая должна была умереть по этому случаю, и, разделившись на две группы, устраивали имитацию сражения, бросая друг в друга листьями. Обреченная женщина, которую называли «образом матери богов», ставилась во главе одной из групп сражающихся, поддерживаемая тремя старухами, которые охраняли ее и постоянно ухаживали за ней. Это повторялось в течение четырех дней подряд. На пятый день несчастная была проведена своими охранницами и женщинами-целительницами через рыночную площадь. По дороге она разбрасывала кукурузу, а в конце пути ее встретили жрецы, которые снова передали ее женщинам, чтобы те утешили ее (потому что, как говорят старые летописцы, она должна была быть в хорошем настроении) и украсили ее украшениями богини-матери. В полночь ее отнесли на вершину храма, подняли на плечи священника и в таком положении обезглавили. Тело, еще не остывшее, было снято с кожи, а кожа использовалась в определенных религиозных церемониях, которые будут подробно описаны в другом месте.^[314] В этом месяце храмы и идолы подвергались тщательной очистке и ремонту, священной работе, в которой каждый стремился участвовать в меру своих средств и способностей, веря, что это принесет божественное благословение. Несомненно, именно этому похвальному обычаю следует приписать хорошее состояние, в котором завоеватели обнаружили религиозные сооружения. Дороги, общественные здания и частные дома также подверглись этой реконструкции, и богам были вознесены особые молитвы о сохранении здоровья и имущества.

Праздник следующего месяца, называемый Теотелко, «приход богов», был посвящен всем божествам, хотя главная честь воздавалась Тескатлипоке как верховному правителю. По прошествии пятнадцати дней месяца студенты колледжа готовились к великому событию, украшая алтари в храмах, молельнях и общественных зданиях зелеными ветвями, связанными в пучки по три штуки. Таким же образом они украшали идолов в частных домах, получая от жильцов в качестве вознаграждения корзины, содержащие от двух до четырех початков кукурузы; этот подарок назывался *какалотль*.

ПО СЛЕДАМ БОГОВ.

Тецкатлипока, будучи моложе и сильнее других богов и, следовательно, способный передвигаться быстрее, должен был прибыть ночью восемнадцатого. Поэтому на пороге его храма была постелена циновка, посыпанная мукой, и священник был приставлен следить за следами, которые могли бы указать на прибытие августейшего гостя.^[315] Он, однако, не оставался постоянно рядом с циновкой; если бы он так поступал, то, вероятно, никогда бы не увидел долгожданных следов, но время от времени он приближался к этому месту и,

сразу же заметив следы, кричал: "Его величество прибыл"; после чего другие священники поспешно поднялись, и вскоре их раковины и трубы зазвучали по всем храмам, а затем он был убит, возвещая радостную весть ожидающим людям. Теперь они стекались со своими подношениями, каждый приносил по четыре шарика из обжаренных и молотых семян амаранта, замешанных на воде; затем они возвращались по домам, чтобы попить и выпить пульке. Другим, кроме стариков, по-видимому, было разрешено предаваться возлияниям по этому случаю, которые они благозвучно называли "омовением стоп бога" после его долгого путешествия. На следующий день прибыли другие божества, и так продолжалось до тех пор, пока последний божественный отставший не оставил свои следы на коврике. Каждый вечер люди танцевали, пировали, "омывали ноги богам" и приносили в жертву рабов, которых живьем бросали на огромное ложе из раскаленных углей, которое горело на *текалько*.^[316] На верхней ступеньке лестницы, ведущей к месту жертвоприношения, стояли два молодых человека, у одного из которых были длинные накладные волосы и корона, украшенная роскошными перьями; его лицо было выкрашено в черный цвет, с белыми изогнутыми полосами, проведенными от уха ко лбу и от внутреннего уголка глаза к щеке; по спине спускались белые изогнутые полосы. висело длинное перо с привязанным к нему сушеным кроликом. Другой мужчина был одет так, что напоминал огромную летучую мышь, а в руках держал погремушки, похожие на маковые головки. Всякий раз, когда жертву бросали в огонь, эти странные фигуры танцевали и прыгали, один свистел пальцами и ртом, другой потрясал погремушками.^[317]

По окончании жертвоприношения жрецы привели себя в порядок, облачились в бумажные накидки, которые пересекали грудь от плеча до подмышки, и поднялись по ступеням небольшого здания, предназначенного для огненных жертвоприношений; взявшись за руки, они обошли его, а затем внезапно бросились вниз по ступеням, отпуская друг друга так, что многие упали. Эта игра, в которую, безусловно, не очень достойно играли священники, называлась *маматлавикоа* и вызывала много веселья, особенно если кто-нибудь из преподобных игроков терял самообладание, хромал или кривил лицо после падения. Фестиваль завершился общим танцем, который продолжался с полудня до ночи. В это время года все мужчины, молодые и старые, носили перья различных цветов, приклеенные к рукам и телу, в качестве талисманов, отвращающих зло.^[318]

Праздник следующего месяца, называемый Тепейлуитль, был священным для тлалоков и полностью описан в другом месте.^[319] Мексиканский Вахх, Чентзонтоточтин, также особенно почитался в течение этого месяца, согласно Торквемаде, и ему приносили в жертву рабов. Пленник также был принесен ночью в жертву божеству по имени Наппатекутли.^[320]

ФЕСТИВАЛЬ МЕСЯЦА КЕЧОЛЛИ.

Фестивали следующего месяца, который назывался Кечолли,^[321] были посвящены различным божествам, хотя Мишкоатлю, богу охоты, по-видимому, воздавались почести в большей части Мексики. Первые пять дней месяца прошли в покое, поскольку речь шла о религиозных празднествах, но на шестой день власти городских округов приказали собрать трости и отнести их в храм Уицилопочтли; там молодые и старые собирались в течение четырех последующих дней, чтобы принять участие в священной работе по изготовлению стрел. Стрелы, все одинаковой длины, затем были сформированы в связки по двадцать штук, процессией доставлены в храм Уицилопочтли и сложены перед идолом. Кроме того,

эти четыре дня были посвящены посту и покаянию, включавшему воздержание от крепких напитков и разлуку мужей с женами. На второй день поста мальчиков вызвали в храм, где, после того как они сначала подули в раковины и трубы, их лица были вымазаны кровью, вытекшей из ушей. Это жертвоприношение, называемое *момакайко*, было принесено оленю, на которого они собирались поохотиться. У остальных людей текла кровь из собственных ушей, и если кто-нибудь пропускал это действие, надсмотрщики лишали его мантии.

На второй день после этого были изготовлены дротики для использования в играх и упражнениях, а также проведены соревнования по стрельбе, на которых мишенями служили листья магуи. Следующий день был посвящен церемониям в честь умерших, которые проводили богатые и бедные. На следующий день с холмов в храм Мишкоатля было привезено большое количество сена. На нем восседали несколько старых жриц, в то время как матери подвели к ним своих детей в сопровождении пяти сладких тамале. В этот день также проводились церемонии в честь бога вина, которому торговцы пульке приносили в жертву рабов мужского и женского пола.

В десятый день месяца группа охотников отправилась на гору Какатепек, недалеко от Такубайи, чтобы отпраздновать охотничий праздник Мишкоатля, бога охоты. В первый день они соорудили соломенные хижины, в которых провели ночь. На следующее утро, позавтракав, они построились в большой круг, и все двинулись к общему центру, дичь была окружена и с легкостью убита. Предполагалось, что духи детей, приносимых в жертву богам дождя, обитавшим высоко в горах, должны были нисходить на охотников и делать их сильными и удачливыми. Добыв дичь, охотники отправились домой торжественной процессией, распевая триумфальные песни и гимны могучему Мишкоатлю. После торжественного принесения богу части дичи каждый уносил свою долю домой и пировал ею.^[322] Тлашкальтеки приносили жертву богу в том месте, где проходила охота, которое находилось на соседнем холме. Дорога, ведущая к этому месту, была усыпана листьями, по которым с большой помпой и церемонией проносили идола.^[323] Ближе к концу месяца перед Мишкоатлем приносились в жертву рабы мужского и женского пола.^[324]

В Тлашкале и соседних республиках это был "месяц любви", и огромное количество молодых девушек приносились в жертву Шочикецаль, Шочитекатль и Тлазолтеотль, богиням чувственных наслаждений. Среди жертв было много куртизанок, которые добровольно предложили себя, одни, чтобы умереть в храме, другие - на поле битвы, где они безрассудно ворвались в ряды врага. Поскольку проституция не сопровождалась каким-либо особым позором, кажется невероятным, что угрызения совести или раскаяние могли побудить к такому самопожертвованию; следовательно, его следует приписать чисто религиозному рвению. В награду за свою преданность эти женщины перед тем, как отправиться на смерть, имели привилегию безнаказанно оскорблять своих сестер-целомудрийниц. Далее говорится, что определенному классу молодых людей, склонных к противоестественным похотям, в тот период было позволено домогаться обычаев на общественных улицах. В Куаухтитлане каждый четвертый год в течение этого месяца отмечался праздник в честь Митла, когда раба привязывали к кресту и убивали стрелами.^[325]

Праздник следующего месяца, называемый Панкецалистли, был посвящен Уицилопочтли, богу войны; праздник следующего месяца, называемый Атемоztли, был священным для тлалоков. Оба эти праздника будут описаны в другом месте.^[326]

Следующий месяц был назван Тититл, или месяцем "трудных времен", из-за ненастной погоды. Празднования этого периода проводились главным образом в честь престарелой богини по имени Иламатекутли, которой приносили в жертву рабыню. Эта женщина олицетворяла богиню и была одета в белые одежды, украшенные свисающими раковинами, и сандалии того же цвета; на голове у нее была корона из перьев; нижняя часть ее лица была выкрашена в черный цвет, верхняя - в желтый; в одной руке она несла белый щит, украшенный перьями орла и ночной цапли, в другой она держала палку для вязания. Перед смертью она исполнила танец, и ей было позволено, вопреки обычаю, выразить свое горе и страх громкими причитаниями. Во второй половине дня ее проводили в храм Уицилопочтли в сопровождении процессии жрецов, среди которых был один, одетый на манер богини Иламатекутли. После того, как сердце жертвы было вырвано из ее груди, ее голова была отрублена и отдана этому персонажу, который немедленно встал во главе других жрецов и повел их в танце вокруг храма, размахивая головой за волосы. Как только исполнители *векулы*, как назывался этот танец, покинули вершину храма, оттуда спустился причудливо одетый жрец и, подойдя к месту, где стояла клетка из свечного дерева, украшенная бумагой, поджег ее. Сразу же, увидев пламя, другие жрецы, стоявшие в ожидании, все до единого бросились обратно на вершину храма; здесь лежал цветок, который был подобран первым, кто смог дотронуться до него, отнесен обратно к огню и там сожжен. На следующий день была сыграна игра, которая в некоторых отношениях напоминала римские луперкалии. Игроки были вооружены маленькими мешочками, наполненными бумагой, листьями или мукой и прикрепленными к веревкам длиной в три фута. Ими они били друг друга, и на любую девочку или женщину, случайно оказавшуюся у них на пути, нападали мальчики, которые, тихо приближаясь с спрятанными сумками, внезапно набрасывались на нее, крича: "Это мешок из игры". Иногда, однако, случалось, что женщина запасалась палкой и свободно пользовалась ею, к великому смущению и полному бегству мальчишек.^[327] В течение этого месяца пленник был принесен в жертву Миктлантекутли, мексиканскому Плутону, и торговцы отпраздновали грандиозный праздник в честь Якатекутли.^[328] В течение последнего месяца ацтеков, который назывался Ицкалли, по всей Мексике проводились внушительные обряды в честь Ксиутекутли, бога огня;^[329] в соседних штатах, таких как Тлакопан, Койууакан, Ацкапузалько,^[330] В Куаутитлане,^[331] и Тлашкале,^[332] были проведены более или менее похожие церемонии, сопровождавшиеся обильным обжариванием и сдиранием кожи с мужчин и женщин.

Помимо этих ежемесячных праздников было много других, посвященных божествам-покровителям определенных профессий, которым священники и люди, заинтересованные в их поклонении, приносили подношения, а в некоторых случаях и человеческие жертвы. Существовало также множество передвижных праздников, устраиваемых в честь небесных тел, во время сбора урожая и по другим подобным поводам. Иногда они выпадали на тот же день, что и назначенный праздник, и в этом случае менее важный был либо отложен, либо отменен. О кулуа рассказывают, что однажды, когда переносной праздник в честь Тецкатлипоки случайно пришелся на день, назначенный для празднования Уицилопочтли, они отложили первый и тем самым так оскорбили бога, что он предсказал разрушение

монархии и порабощение людей чужой нацией, которая введет монотеистическое богослужение.^[333]

Одним из самых торжественных подвижных праздников был праздник солнца, который проводился с интервалом в двести или триста дней и назывался Нетонатиукуало, или "солнечное затмение". Другой праздник проходил, когда солнце появлялось в знаке, называемом Нахуи Оллин Тонатиух,^[334] знак, который очень уважали короли и принцы и который считался относящимся особенно к ним.

На великом празднике зимнего солнцестояния, который проходил либо в месяце Атемозтли, либо в месяце Тититл, все люди соблюдали бдение и постились четыре дня, и было принесено в жертву несколько пленников, двое из которых представляли солнце и луну.^[335] Примерно в то же время была проведена серия торжеств в честь Истакаченотеотль, богини белой кукурузы; жертвами, принесенными в жертву по этому случаю, были прокаженные и другие люди, страдающие заразными болезнями.^[336] Всякий раз, когда наступал знак Се Мiquiztli, или Одной Смерти, чествовали Миктлантекутли, бога гадеса, и воздавали почести умершим.^[337] Из небесных тел рядом с солнцем почиталась определенная звезда, в которую, как предполагалось, превратился Кецалькоатль, покинув землю. Он был виден около двухсот шестидесяти дней в году, и в день его первого появления над горизонтом царь отдал раба в жертву и было совершено множество других церемоний. Священники также каждый день возносили благовоения этой звезде и пускали кровь из своих тел в ее честь - действия, которым подражали многие из набожных.^[338]

Во время сбора урожая солнцу приносились первые плоды сезона. Жертвоприношение по этому случаю называлось Тетлимонамикиан, "встреча камней". Жертву, которая была самым жестоким преступником, когда-либо находившимся в тюрьмах, помещали между двумя огромными камнями, уравновешенными друг напротив друга; затем им позволяли упасть вместе. После того, как останки были похоронены, главные мужчины приняли участие в танце; люди также танцевали и пировали днем и ночью.^[339]

Каждые восемь лет проводился грандиозный фестиваль под названием Атамалквализтли, "пост из хлеба и воды", главной особенностью которого был бал-маскарад, на котором люди появлялись в образах различных животных, чьи действия и крики они имитировали с большим мастерством.^[340]

ПЕРЕПЛЕТ ЛЕТ.

Самым торжественным из всех мексиканских праздников был тот, который назывался Сюхмолпилли, то есть "соединение лет". Каждые пятьдесят два года назывались "снопом лет", и повсеместно считалось, что в конце какого-нибудь "снопа" мир будет разрушен. Поэтому возобновление цикла было встречено великой радостью и множеством церемоний.^[341]

ГЛАВА X.

ПИЩА НАРОДОВ науа.

Происхождение сельского хозяйства—Плавучие сады—Сельскохозяйственные продукты—Способы обработки почвы—Описание сельскохозяйственных орудий—Орошение—Зернохранилища—Сады—Праздник урожая—Способы охоты—Рыбной ловли—Способы добывания соли—Кулинария науа—Различные виды хлеба—Фасоль—Перец—Фрукты—Тамалес—Разные продукты питания—Употребление человеческого мяса—Производство пультке—Приготовление шоколада—Другие напитки—Опьяняющие напитки—Пьянство—Время и способ приема пищи.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

Охота, рыболовство и сельское хозяйство обеспечивали народы науа средствами к существованию, помимо которых они, как и их нецивилизованные собратья из сьерр и лесов, добывали необработанные съедобные продукты почвы. У прибрежных народов, обитателей берегов больших рек и озерных районов Анахуак и Мичоакан рыба составляла важный продукт питания. Но земледелие здесь, как и везде, отличало дикость от цивилизации, и на землях так называемых цивилизованных народов к приходу испанцев было обнаружено лишь несколько плодородных участков, не возделанных. Обработка почвы, несомненно, была первым ощутимым шагом в прогрессивном развитии этих народов, и это указано в их традиционных летописях, которые указывают, более или менее смутно, на отдаленный период, когда хинамы, или гиганты, занимали еще непаханую землю; это означает, что жители были дикарями, чей прогресс еще не проявил каких-либо изменений, достаточно заметных, чтобы оставить свой отпечаток в традиции. Однако традиционно упоминается изобретение луков и стрел в еще более отдаленные времена.^[342]

Постепенное открытие и внедрение сельскохозяйственных искусств в соответствии с законами развития, конечно, были непостижимы для ума аборигенов; следовательно, их традиции рассказывают нам удивительные истории о божественном вмешательстве и наставлениях. Тем не менее, возникновение сельского хозяйства, несомненно, относится к очень древней эпохе. Ольмеки и ксикаланки, традиционно старейшие цивилизованные народы Мексики, были фермерами на рубеже традиционной истории, как и прямые предки всех народов, составляющих тему этого тома. Действительно, как жили народы науа, когда испанцы нашли их, так они, вероятно, жили по меньшей мере десять столетий, и, что не маловероятно, гораздо более длительный период.

Однако, согласно традиции, именно в период тольтекской культуры науа земледелие и все искусства, связанные с производством и приготовлением пищи, были доведены до высшей

степени совершенства. Многие традиции даже приписывают толтекам изобретение или первое внедрение сельского хозяйства.^[343]

Но даже в этот период тольтеков охотничьи племена, как индейцев науа, так и других кровей, преследовали свою дичь в лесах и горах, особенно в северном регионе. Презируемые своими более цивилизованными собратьями, питающимися кукурузой, они были известны как варвары, собаки, чичимеки, "кровососы" из-за приписываемого им обычая пить кровь и есть сырое мясо. Действительно, многие племена, хотя и очень далекие от того, чтобы быть дикарями, были известны аристократическим толтекам как чичимеки по причине некоторой реальной или мнимой неполноценности. В результате революций десятого века некоторые из этих народов-чичимеки, вероятно, в жилах которых текла кровь науа, и земледельцы, хотя в то же время смелые охотники и доблестные воины, получили господство в Анахуаке. Отсюда абсурдные версии местных традиций, которые представляют Долину Мехико населенной в период чичимеков народом, который, пока аколуга не научили его лучше, жил в пещерах и питался дикими фруктами и сырым мясом, в то время как в то же время ими правили императоры, и они обладали самой сложной и развитой системой правления и законов. Их варварство, вероятно, состояло по большей части в том, что они какое-то время сопротивлялись ослабляющему влиянию роскоши толтеков, особенно в том, что касалось застольных удовольствий.^[344]

ЧИНАМПЫ, ИЛИ ПЛАВУЧИЕ САДЫ.

С самого начала ацтеки традиционно питались кукурузой, но, находясь долгие годы взаперти на острове посреди озера, у них было мало возможностей заниматься сельским хозяйством. В этот период их истории рыба, птицы, насекомые, растения и озерный ил снабжали их пищей, пока не были изобретены плавучие сады, а последующие завоевания материковой части не предоставили им широкие поля для возделывания. Как правило, не сохранилось никаких подробностей о доацтекских народах; там, где такие подробности известны, они будут приведены в надлежащем месте как иллюстрация более поздних пищевых обычаев науа.

The Чинампы, или плавучие сады, возделываемые ацтеками на поверхности озер в Анахуаке, были самым необычным источником пищи. Изгнанные в дни своей национальной слабости на озерные острова, слишком маленькие для обработки земли, которая в основном обеспечивала их существование, эти изобретательные люди изобрели чинампу. Они наблюдали небольшие участки берега, оторванные паводком и удерживаемые вместе волокнистыми корнями, плавающими на поверхности воды. Руководствуясь этим предложением, они построили плоты из легкого дерева, покрытые более мелкими палками, тростником и камышом, связанными вместе волокнистыми водными растениями, и на этот фундамент они насыпали два или три фута черной грязи со дна озера. Таким образом, широкая поверхность вокруг их островного дома была усеяна плодородными садами, самополивающимися и не зависящими от дождей, которые легко перемещались с места на место по желанию владельца. Обычно они имели форму параллелограммов и часто были более ста футов в длину. Все сельскохозяйственные продукты страны, особенно кукуруза,

чили и бобы, вскоре стали в изобилии производиться на чинампах, а на более крупных даже росли фрукты и тенистые деревья значительных размеров, а также хижина для удобства владельца или садовника. Плавающие сады использовались вплоть до наших дней, но с тех пор, как воды озер сильно отступили от своих прежних пределов, они, как правило, были прикреплены к берегу, разделенные узкими каналами, по которым плавают каноэ, доставляющие свою продукцию на рынки. Однако в более поздние времена таким способом выращивали только цветы и садовые овощи.^[345]

На материке по всей территории науа осталось неосвоенными лишь несколько плодородных мест. Земля была густонаселена, и сельское хозяйство было почетной профессией, которой в большей или меньшей степени занимались все, кроме короля, знати и солдат во время настоящей войны.^[346]

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АБОРИГЕНОВ.

Сельскохозяйственные продукты в виде продуктов питания не занимали видного места среди статей экспорта и импорта, за исключением, конечно, предметов роскоши для столов королей и знати. Каждая провинция, как правило, собирала припасы, достаточные только для удовлетворения ее собственных повседневных потребностей; следовательно, когда по причине засухи или другой причины голод опустошал одну провинцию, продовольствие доставалось из-за границы с величайшими трудностями. Мексиканцы были недаленовидным народом, и нужда была им не чужда.^[347]

Основными продуктами земледелия науа были кукуруза, бобы, магуэйес, какао, чиан, чили и различные местные фрукты.^[348] Кукуруза, или индийская кукуруза, высушенные початки которой ацтеки называли *сентли*, а высушенные ядра, отделенные от початков, - *тлаолли*,^[349] была стандартной и универсальной пищей науа. Коренной житель Америки, в развитии цивилизации которого, по крайней мере традиционно, он играл важную роль, с тех пор он был представлен миру. Это предмет традиций Нового света, касающихся внедрения сельского хозяйства среди мужчин. Маисовые лепешки в сопровождении неизбежных фриколес, или фасоли, приправленных чили или перцем и запиваемых напитками, приготовленными из магуэя и какао, были тогда, как и сейчас, общепринятой диетой, и нам говорят, что кукуруза на полях росла такой густой и высокой, что в некоторых частях покрывала поверхность страны, что серьезно затрудняла завоевателя Кортеса в его походах против туземцев, скрытых в этих естественных лабиринтах.^[350]

КУКУРУЗНЫЕ ПОЛЯ И ЗЕРНОХРАНИЛИЩА.

Относительно конкретных методов возделывания, практикуемых науа, за исключением выращивания кукурузы, ранние наблюдатели не оставили никакой определенной информации.^[351] Долины, конечно, были излюбленными местами для возделывания кукурузных полей, но высокогорье также было возделано. В последнем случае деревья и кусты были вырублены, земля сожжена, а семя посажено среди пепла. Таким землям давали отдохнуть несколько лет — Торквемада говорит, пять или шесть — после каждого посева, пока поверхность не покрывалась травой и кустарниками для нового сжигания. Насколько

известно, никогда не применялось никаких других удобрений, кроме золы. Поля были обнесены каменными стенами и изгородями из магуи, которые тщательно ремонтировались каждый год в месяц Панкецалистли. У них не было рабочих животных, а их сельскохозяйственные орудия были чрезвычайно немногочисленны и грубы. Упоминаются только три из них. *Уиктли* представлял собой разновидность дубовой лопаты, при обращении с которой использовались как руки, так и ноги. *Коатль*, или *коа* (змея), названный так, вероятно, из-за своей формы, представлял собой медное орудие с деревянной ручкой, используемое чем-то вроде мотыги, которую современные фермеры используют для рыхления почвы. Другой медный инструмент, по форме напоминающий серп, с деревянной ручкой, использовался для обрезки фруктовых деревьев. Простая острая палка, острие которой было закалено на огне или, реже, обтянуто медью, была наиболее распространенным орудием труда. Чтобы посадить кукурузу, фермер бросал несколько зернышек в ямку, проделанную этой палкой, и прикрывал их ногой, прилагая величайшие усилия, чтобы сделать ряды идеально прямыми и параллельными; промежутки между холмами всегда были одинаковыми, хотя расстояние регулировалось в соответствии с природой и плодородием почвы. Поле тщательно пропалывали, и в определенном возрасте стебли поддерживали, насыпая вокруг них почву. В зрелом возрасте стебли часто ломали на две трети, чтобы шелуха могла защитить висячий колос от дождя. Во время роста и созревания кукурузы на защищенном посту, господствовавшем над полем, постоянно дежурил сторож или мальчик, в обязанности которого входило отгонять камнями и криками стаи пернатых разбойников, которыми изобиловала местность. Женщины и дети помогали мужчинам в более легких сельскохозяйственных работах, таких как уборка семян, прополка растений, шелушение и очистка зерна. Для орошения полей использовалась вода рек и горных ручьев с помощью каналов, плотин и канав. Сеть каналов, по которым орошались плантации какао на огненной земле Кальенте в Табаско, представляла для армии Кортеса еще более серьезные препятствия, чем густые заросли кукурузных полей.

Зернохранилища для хранения кукурузы были построены из *оаметля*, или *оксаметля*, дерева, длинные ветви которого были правильными, жесткими и гибкими. Палки были уложены по типу бревенчатого дома, одна над другой и близко друг к другу, так что образовывали тесную квадратную комнату, которая была покрыта водонепроницаемой крышей и имела только два отверстия или окна, одно вверху, а другое внизу. Многие из этих зернохранилищ вмещали несколько тысяч бушелей, и в них кукуруза хранилась в течение нескольких, или, как говорит Брассер, пятнадцати-двадцати лет. Помимо регулярных и обширных плантаций основных продуктов, были распространены сады, со вкусом разбитые и предназначенные для выращивания фруктов, овощей, лекарственных трав и особенно цветов, которые мексиканцы очень любили и которые пользовались спросом для украшения храмов и букетов. Сады, связанные с дворцами королей и знати, особенно в Тецкоко, Истапалапане и Уаштепеке, вызывали большое удивление и восхищение в умах первых европейских посетителей, но о них уже упоминалось в предыдущей главе.^[352]

Мы обнаружим, что посадка и выращивание кукурузы не обошлись без влияния на развитие календарей науа и что это было тесно связано с поклонением богам, а также с религиозными идеями и церемониями. Отец Бургоа рассказывает, что в Оахаке выращивание этого зерна, главной опоры народа, сопровождалось некоторыми особыми церемониями. Во время сбора урожая жрецы бога кукурузы в Кеголани торжественно посещали кукурузные поля, сопровождаемые процессией народа, и усердно искали самый красивый и наливной колос. Это они отнесли в деревню, положили на алтарь, украшенный по такому случаю цветами и драгоценными чалхиуитами, пели и танцевали перед ним и

бережно завернули в белую хлопчатобумажную ткань, в которой оно хранилось до следующего посева. Затем с возобновлением процессий и торжественных обрядов волшебный колос с его белым покровом был завернут в оленью шкуру и похоронен посреди кукурузных полей в небольшой ямке, выложенной камнями. Когда приходил очередной урожай, если он был плодотворным, драгоценное подношение земле выкапывали, а его разложившиеся остатки раздавали небольшими посылками счастливому населению в качестве талисманов против всех видов зла.^[353]

ПОГОНЯ В АНАХУАКЕ.

Наиболее распространенной дичью были олени, зайцы, кролики, дикие свиньи, волки, лисы, ягуары или тигры, мексиканские львы, койоты, голуби, куропатки, перепела и множество водоплавающих птиц. Обычным оружием были лук и стрелы, изобретению которых традиция приписывает происхождение охоты; но использовались также копья, силки и сети, а сарбакан, трубка, через которую выдувались дробинки или дротики, был эффективным средством от птиц. Дичь в королевских лесах охранялась законом, и многие охотники добывали животных и птиц живыми для королевских коллекций. Среди необычных приспособлений, используемых для поимки водоплавающих птиц, было то, которое уже упоминалось в связи с Дикими племенами: охотник плавает в воде, над поверхностью остается только голова, покрытая тыквой, и таким образом незаметно приближается к своей добыче. Молодых обезьян поймали, положив в скрытый костер своеобразный черный камень, который взрывался при нагревании. Кукуруза была разбросана повсюду в качестве приманки, и когда старые обезьяны принесли своих детенышей покормиться, они испугались взрыва и убежали, оставив детенышей легкой добычей. Местные охотники представлены как особенно искусные в следовании по неясному следу. По словам Саагуна, существовало суеверие, что в тигра можно выпустить только четыре стрелы, но для обеспечения успеха к одной из стрел был прикреплен лист, который, издавая странный свистящий звук, не долетал до цели и привлекал внимание зверя, пока охотник тщательно прицеливался. Крокодилов ловили с петлей на шее, а также самые смелые охотники вставляли палку, заостренную с обоих концов, в открытую пасть животного. Вполне вероятно, что, в то время как небольшая часть простых людей в определенных частях страны искала дичь только для пропитания, охота среди науа была по большей части развлечением знати и солдат. Существовали также определенные охоты, установленные законом или обычаем в определенные периоды года, продукты которых предназначались для жертвоприношений, хотя, скорее всего, в конечном итоге съедались.

В месяце Кечолли воины устраивали однодневную охоту в честь Мишкоатля. Большой лес в Сакатепеке, недалеко от Мексики, который был излюбленным курортом, был окружен шеренгой охотников протяженностью во много миль. В центре леса были расставлены различные силки и западни. Когда все было готово, живой круг начал сжиматься, и охотники с криками устремились к центру. Чтобы облегчить работу, траву иногда поджигали. Различные животные попадали из своих убежищ в приготовленные для них силки или становились жертвами стрел охотников. Таким образом, было добыто огромное количество дичи, которую доставили в город и в соседние поселки, жители которых помогали в охоте, в качестве подношения богу. Каждый охотник приносил к себе домой головы убитых им животных, и самому удачливому был вручен приз. Также в месяц Текилуитонтли, пока воины упражнялись в притворных боях для настоящей войны,

простые люди уделяли свое внимание охоте. Большое количество птиц было поймано в сети, натянутые на шесты, похожие на древки копий. В прежние времена, когда охота в большей степени зависела от добычи пищи, первую добытую дичь приносили в жертву богам; или, у чичимеков и хочимилька, солнцу, как сообщает нам Икстлильшочитль.^[354]

РЫБОЛОВСТВО И СОЛЬ.

Рыба использовалась в пищу гораздо шире, чем дичь. Торквемада рассказывает нам, что ацтеки впервые изобрели искусство рыбной ловли, подсказанное матерью изобретательства, когда их враги вынудили их жить на островах озера; и об их присутствии свидетельствовал запах жареной рыбы, доносившийся с берега. Эта традиция несколько абсурдна, и трудно поверить, что это искусство было совершенно неизвестно в предшествующие тольтекскому и ольмекскому периодам цивилизации науа. Помимо запасов в озерах и реках, искусственные пруды в королевских садах также были полны рыбы, и мы видели, что свежую рыбу из океана привозили в Мексику для королевского стола. Что касается конкретных методов, используемых рыбаками науа, за исключением того, что они использовали как сети, так и крючки, власти ничего не говорят. В озерах тарасков было такое изобилие пищи, что их страна была названа Мичоакан, "страна рыбы"; а реки Уастекапана также упоминаются как богатые финнами.^[355]

У науа, как я уже говорил, не было стад, но помимо королевских коллекций животных, которые включали почти все известные разновидности четвероногих, птиц и рептилий, простые люди держали и разводили *течичи* (местное животное, напоминающее собаку), индеек, перепелов, гусей, уток и многих других птиц. Дворяне также держали оленей, зайцев и кроликов.^[356]

После чили соль, или *изтатль*, была наиболее используемой приправой, и большая часть поставок поступала из долины Мехико. Самое лучшее готовилось путем кипячения воды из соленого озера в больших кастрюлях и консервировалось в виде белых лепешек или шариков. Однако чаще всего она вела по траншеям в неглубокие водоемы и испарялась солнцем. Эту работу, по-видимому, выполняли женщины, поскольку Саагун говорит о женщинах и девушках, занятых в этой отрасли, как о танцующих на празднике в честь богини соли в месяц Текилуитонтли. Соль низкого качества, *текизквитль*, кирпичного цвета и сильно пропитанная селитрой, добывалась на равнинах вокруг озер и в основном использовалась для засолки мяса. Лас Касас упоминает соляные источники в русле пресноводных ручьев, воду из которых выкачивали через полые камыши и при испарении выделяли мелкую белую соль; но неизвестно, какую часть страны он имеет в виду. Короли ацтеков практически монополизировали рынок соли и отказывались продавать ее кому бы то ни было, кроме стран-данников. Вследствие этого республиканская тлашкала, одна из немногих наций, сохранивших свою независимость, была вынуждена в течение многих лет есть свою пищу несоленой; и народ настолько привык к этой диете, что в более поздние времена, если мы можем отдать должное Камарго, потреблялось очень мало соли.^[357]

КУХНЯ НАУА.

Теперь мы переходим к методам, применяемым науа при приготовлении пищи. Кукурузу, когда она была в молоке, ели вареной и называли *элотль*; в сухом виде ее часто готовили в пищу простым обжариванием, а затем называли *мумуэхитль*. Но обычно его подавали на стол ацтеков в виде *тлашкалли*, испанских тортилий, стандартного хлеба, тогда, как и сейчас, во всей Испанской Америке. Трудно было бы назвать книгу о Мексике, в которой полностью не описаны тортильи. Аборигены варили кукурузу в воде, в которую добавляли известь или иногда селитру. Когда оно становилось достаточно мягким и очищалось от шелухи, его разминали на *метлатле*, или метате, каменным валиком, и из теста, также замешанного на метате, руками женщин лепили очень тонкие круглые лепешки, которые быстро выпекались на глиняных противнях, или *комалли*, и накладывали одну на другую, чтобы они сохраняли тепло, поскольку в холодном виде теряли вкус. Питер Мученик называет эти лепешки "хлебом из кукурузы". Иногда, но редко, их приправляли различными местными растениями и цветами. Однако в их приготовлении было некоторое разнообразие, в соответствии с которым они носили разные названия. Например, *тотанквитлаквельпачолли* были очень белыми, их сворачивали и накрывали салфетками; *уиетлаквельпачолли* были крупными, тонкими и мягкими; *куаутлаквальи* были толстыми и шероховатыми; *тлашкальпачолли* были сероватыми; а *тласепоаллитлаквельпачолли* имели вздутую поверхность. Существовало много других видов. В дополнение к тлашкалли готовили более толстый кукурузный хлеб в форме длинных лепешек и шариков. *Атолли* по консистенции варьировались от каши до кашицы и, следовательно, могут быть классифицированы либо как напиток, либо как еда. Для его приготовления очищенную кукурузу разминали, смешивали с водой и уваривали до необходимой консистенции; ее по-разному подслащивали и приправляли, и употребляли как в горячем, так и в холодном виде. В зависимости от состояния и приправы он получил около семнадцати названий; так, *тотонкьятолли* ели горячими, *некватолли* подслащивали медом, *чильнекватолли* приправляли чили, а *кваунксатолли* - селитрой.

Бобы, *етл* ацтеков, фриколе испанцев, когда они были еще зелеными, варились в стручках и тогда назывались *экзотль*; в сухом виде их также обычно отваривали; но Икстлильшочитль упоминает муку, приготовленную из бобов.

Чили, чили или острый перец, употребляли в пищу как зеленым, так и сухим, целиком и молотым. Из него также готовили соус, в который макали горячие тортильи и который входил в состав приправы почти ко всем блюдам народа науа. "Это основной соус и единственная специя в Индии", - говорит нам Акоста.

Мясо, птицу и рыбу, как свежую, так и соленую, тушили, отваривали и жарили с жиром текичи, приправляли чили, *томатами* (с тех пор их называют помидорами) и т.д. Саагун называет *кальпулеке* крупную жареную дичь, которую консервировали для употребления в пищу после жертвоприношений в месяц Ицкалли. *Пипиан* - тушеная птица с чили, помидорами и молотыми тыквенными семечками. Оленей и кроликов готовили на гриле. Питер Мартин говорит о "росте и промокших мясных блюдах из фоула".

Фрукты, по большей части, ели, как и у нас, сырыми, но некоторые, например подорожник и банан, обжаривали и тушили.

Вот и все о простой кухне народа науа. В запутанные тайны смешанных блюд я не буду углубляться далеко. Автору легче, да и читателю не менее приятно закрыть тему замечанием о том, что все упомянутые выше продукты питания - рыба, мясо и птица - были смешаны и приготовлены во всех мыслимых пропорциях, при этом продукт получал разные названия с каждым изменением ингредиентов. Двумя основными видами этих смешанных блюд были тушеные в горшочках блюда, или казуэлас, из различного мяса с разнообразными приправами; и *тамалли*, или тамалес, мясные пироги, для приготовления которых мясо отваривали, мелко нарезали и приправляли специями, затем смешивали с маисовым тестом, обмазывали им же, заворачивали в кукурузную шелуху и снова отваривали. Они также получили разные названия в зависимости от ингредиентов и приправ. Тамале по-прежнему остается любимым блюдом, как тортильи и фриколе.

Разными пищевыми продуктами, о которых еще не говорилось, были *аксайакатль*, озерные мухи Мексики, высушенные, измельченные, сваренные и употребляемые в пищу в виде лепешек; *ахуаутли*, яйца той же мухи, разновидность местной икры; многие виды насекомых, муравьи, черви-магуэй и даже вши; *текуитлатль*, "каменные экскременты", слизь, которую собирали на поверхности озер и высушивали, пока она не становилась похожей на сыр; яйца индейки, игуаны и черепахи, запеченные, вареные и в омлетах; различные рептилии, лягушки и лягушачья икра; креветки, сардины и крабы; кукурузный крахмал, семена дикого амаранта, вишневые косточки, корни туле и множество других неопишуемых продуктов; мука из юкки, потоюкка, тунец; мед из кукурузы, пчел и магуэя; и обжаренные части стеблей и листьев магуэя.

Женщины выполняли всю работу по приготовлению пищи; однако в Тлашкале мужчины сочли, что следует извиниться за то, что позволили выполнять эту работу женщинам, и заявили, как говорит Саагун, что дым при приготовлении пищи ухудшит их зрение и сделает их менее успешными на охоте. Все эти продукты питания, как приготовленные, так и сырые, предлагались для продажи на рынках каждого крупного города, о которых я расскажу позже, когда перейду к рассмотрению торговли. Закусочные также обычно находились рядом с рынками, где можно было приобрести все основные продукты и деликатесы кухни науа.^[358]

ПОЕДАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЯСА.

Один продукт питания науа требует особого упоминания — человеческое мясо. То, что они ели руки и ноги жертв, приносимых в жертву их богам, не вызывает сомнений. Этот религиозный каннибализм — возможно, само человеческое жертвоприношение — вероятно, не практиковался до прихода к власти жестоких ацтекских приверженцев

Уицилопочтли или, по крайней мере, был редким явлением; но во время владычества ацтеков обычай поедания мяса принесенных в жертву врагов стал почти повсеместным. О том, что каннибализм как источник пищи, не связанный с религиозными обрядами, когда-либо практиковался, имеется мало свидетельств. Анонимный Завоеватель рассказывает нам, что они ценили человеческую плоть превыше всей другой пищи и рисковали своими жизнями в битве исключительно ради того, чтобы добыть ее. Берналь Диас говорит, что они продавали его в розницу на рынках; и Вейтия также утверждает, что это было верно в отношении отоми. Отец Ганд уверяет нас, что было много священников, которые не ели и не пили ничего, кроме плоти и крови детей. Но эти истории об огреях, вероятно, являются преувеличением, поскольку те, кто знал большинство местных жителей, саагуна, Мотолинию и Лас Касаса, считают каннибализм науа скорее отвратительной чертой их религии, чем результатом неестественного аппетита. В то, что в результате длительного употребления они полюбили эту пищу, вполне можно поверить; но то, что у них было сильное предубеждение против употребления в пищу мяса кого бы то ни было, кроме своих принесенных в жертву врагов, доказывается, как говорит Гомара, тем фактом, что множество людей умерло от голода во время осады Мексики Кортесом. Даже жертвы жертвоприношения, по-видимому, съедались только на пирах, более или менее публичных, сопровождавшихся церемониальными обрядами. Несколько младенцев, приносимых в жертву Тлалокам, съедались каждый год, и кровь этих и других жертв использовалась для приготовления определенных лепешек, некоторые из которых когда-то отправлялись в качестве умиловительного подношения Кортесу.^[359]

ВЫПИВКА И ПЬЯНСТВО.

Самыми популярными напитками науа были те, что с тех пор известны как пульке и шоколад. Первый, называемый туземцами *octli*— пульке, или пулькре, поскольку термин южноамериканских аборигенов каким-то необъяснимым образом применялся испанцами к ликеру, — был ферментированным соком магуэя. Говорят, что одно растение дает около ста фунтов урожая в месяц. У основания более крупных листьев вырезают углубление и дают ему наполниться соком, который переливают в глиняный сосуд или кожицу, где он быстро бродит и готов к употреблению. В чистом виде оно светлого цвета, полезное и несколько менее опьяняющее, чем виноградное вино; но аборигены смешивали с ним различные травы, одни просто для изменения его цвета или вкуса, а другие для усиления его опьяняющих свойств. Этот национальный напиток почитался особым божеством - Ометочтли, одним из многочисленных богов вина науа. Согласно некоторым традициям, хинамы, или гиганты, знали, как его готовить, но его изобретение чаще приписывают толтекам, поскольку его первое зарегистрированное использование было направлено на то, чтобы отвлечь могущественного монарха от его королевских обязанностей.^[360]

Чоколатль — основа нашего шоколада — готовился путем растирания какао в порошок, добавления равного количества семян, называемых *почотль*, также измельченных в порошок, и быстрого перемешивания или взбивания смеси в посуде с водой. Поднявшуюся на поверхность маслянистую пену затем отделяли, добавляли небольшое количество кукурузной муки и жидкость, которую ставили на огонь. Маслянистая часть была окончательно восстановлена, и напиток пили тепловатым, подслащенным медом и часто

приправленным ванилью. Этот напиток был питательным, освежающим и охлаждающим и особенно нравился тем, кто был призван выполнять изнурительный труд со скудной пищей.^[361]

Различными напитками были вода, сок подорожника, различные виды каши, известные как *атолли*, уже упомянутые, сок стеблей кукурузы, те, что готовятся из чиана и других семян путем отваривания, и ферментированная вода, в которой варилась кукуруза — любимый напиток тараско. Среди ингредиентов, используемых для придания напиткам большей опьяняющей силы, самым сильным был *теонанакатль*, "плоть божья", разновидность гриба, который возбуждал страсти и заставлял употребляющего видеть змей и другие видения.^[362]

Законы ацтеков против пьянства были очень суровыми, однако почти все авторы изображают народ как наслаждающийся всеми видами опьянения и предающийся пороку при каждом удобном случае, когда власть их правителей над ними была разрушена приходом испанцев. Чрезмерное употребление алкоголя, по-видимому, было у них социальным пороком, ограничивающимся в основном общественными застольями и частными банкетами. Возможно, строгие законы были направлены главным образом против невосдержанности рабочего класса и должностных лиц при исполнении служебных обязанностей. Мендьета говорит об этих людях как об очень умеренных, употребляющих пульке только под руководством вождей и судей в основном в лечебных целях. Дворяне считали делом чести не пить лишнего, и все боялись наказания. Но Мотилиния и другие авторитетные источники придерживаются противоположного взгляда на местный характер в этом отношении.^[363]

БЛЮДА ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ.

О том, как подавались королевские трапезы, а также о банкетах и застольях знати и более богатых слоев населения, уже было сказано достаточно. О ежедневных приемах пищи в широких массах известно мало. Науа, по-видимому, ограничивали свое пристрастие к богатым и разнообразным яствам часто повторяющимися застольями, в то время как у себя дома они довольствовались простой пищей. Это особенность, которая до сих пор наблюдается в стране, как среди потомков науа, так и среди их завоевателей. У более бедных людей в каждом доме была миска для измельчения кукурузы и несколько глиняных мисок для приготовления тортилий и фриколес. Они ели три раза в день, утром, в полдень и вечером, используя землю в качестве стола, скатерти, салфеток и стульев, поднося тласкалли и чили ко рту пальцами и запивая свою простую пищу водой или соусом атоле. Более богатым науа подавали с большим разнообразием на пальмовых циновках, часто богато украшенных, вокруг которых для их удобства были расставлены низкие сиденья; также были накрыты салфетками.^[364]

ГЛАВА XI.

ОДЕЖДА НАРОДОВ науа.

ПРОГРЕСС В ОДЕЖДЕ—Одежда доацтекских народов-Одежда чичимеков и тольтеков—Внедрение хлопка—Макстли—Тильматли—Одежда аколхуа—Происхождение тарасканского костюма—Одежда сапотеков и табасканцев—Одежда женщин—Уипиль и куэйтль—Сандалии—Манера носить прическу—Покраска и татуировка—Украшения, используемые науа—Великолепная одежда знати—Одежда королевской свиты—Названия различных мантий—Королевская одежда Диадема—Королевский гардероб—Дорогие украшения.

За немногими исключениями одежда всех цивилизованных народов Мексики, по-видимому, была одинаковой. Историки сообщают нам, что самые ранние люди ходили полностью обнаженными или прикрывали шкурами диких животных только нижнюю часть тела. Впоследствии, по мере постепенного развития цивилизации, это скудное покрывало превратилось в обычный костюм, хотя поначалу все еще делался только из шкур. Исходя из этого, мы можем отметить дальнейший прогресс в производстве одежды, изготавливаемой сначала из дубленых и подготовленных кож, затем из волокон магуи и пальмы и, наконец, из хлопка. В последнем не было достигнуто никакого дальнейшего прогресса, за исключением различных способов украшения и обогащения одежды работой из перьев, росписью, вышивкой, золотыми изделиями и драгоценностями. Простые люди были вынуждены довольствоваться простой одеждой, но одежда более богатых классов, знати, принцев и суверенов, была более тонкой ткани и с более богатым орнаментом.^[365]

Описания одежды народов, населявших долину Мехико до ацтеков, различаются у разных авторов. В то время как некоторые описывают их как великолепно разодетых в раскрашенные и расшитые одежды из хлопка и некена, другие говорят, что они ходили либо полностью обнаженными, либо были лишь частично прикрыты шкурами. Так, Саагун и Брассер де Бурбур описывают толтеков одетыми в нижнее белье и мантии, на которых были нарисованы синие скорпионы,^[366] в то время как последний автор в другом месте говорит, что они ходили полностью обнаженными.^[367] Вейтия идет даже дальше Саагуна, утверждая, что они хорошо знали, как изготавливать одежду из хлопка, что между одеждой знати и плебеев существовала большая разница, и что они даже меняли свою одежду в зависимости от времени года. Он описывает их как одетых летом в нечто вроде набедренной повязки или панталон и квадратной мантии, завязанной поперек груди и спускающейся до лодыжек, в то время как зимой в дополнение к вышеперечисленному они одевались в нечто вроде мешка, который доходил до бедер, без рукавов, но с отверстием для головы и двумя другими для рук.^[368]

Чичимеки, обычно упоминаемые как преемники тольтеков, в основном описываются как люди, ходившие голыми или лишь частично одетые в шкуры.^[369] Однако, кажется, что это относится только к народу, о котором говорят как о диких чичимеках; те, кто населял Тецкоко и другие районы в том районе, такие же цивилизованные, как ацтеки, одевались, вероятно, так же, как и они; по крайней мере, как мы сейчас увидим, так было с их суверенами и знатью. Все науа, за исключением тараско и уастеков, носили набедренную повязку, или мактли.^[370] Говорят, что у мексиканцев в очень ранние времена это была своего рода циновка, сплетенная из корней растения, которое росло в Мексиканском озере и называлось *амоктли*.^[371] Позже волокна пальмы и магуи стали материалом для их одежды, и только во время правления короля Уицилиуитль сказал, что был завезен хлопок.^[372]

Мактли был около двадцати четырех футов в длину и девяти дюймов в ширину и обычно более или менее украшался на концах цветной бахромой и кисточками, последние иногда достигали девяти дюймов в длину. Его носили так, чтобы пропустить посередине между ног и обмотать вокруг бедер, оставляя концы свисающими один спереди, а другой сзади, как это делают в наши дни малайцы и другие уроженцы Восточной Индии. Обычно именно на концах была сделана наибольшая демонстрация вышивки, причудливой бахромы и кисточек.^[373]

В качестве дополнительного прикрытия мужчины носили *тильматли*, или *аятль*, мантию, которая представляла собой не что иное, как квадратный кусок ткани длиной около четырех футов. При ношении на обоих плечах два верхних конца завязывались узлом поперек груди, но чаще всего его перекидывали только через одно плечо и завязывали узлом под одной из рук. Иногда две или три из этих накидок носили одновременно. Однако это делали только представители высших слоев общества. Старые испанские авторы обычно сравнивают эту мантию с мавританским альборносом. Обычно она была раскрашена, часто богато расшита или украшена перьями и мехом. Края были фестончатыми или окаймленными хлопчатобумажными лоскутками, а иногда и золотыми. У богатых людей, кроме них, были накидки из кроличьих или других шкурок, или из красивых перьев, а другие из тонкого хлопка, в который вплеталась кроличья шерсть, которую использовали в холодную погоду.^[374]

Только в одном случае упоминается одежда с рукавами. Икстильшочитль, описывая одежду аколхуа, говорит, что они носили что-то вроде длинного пальто до пят с длинными рукавами.^[375]

Одежда тарасков значительно отличалась от одежды других народов науа. Говорят, что это различие возникло в древние времена, когда они вместе с другими племенами, как гласит легенда, иммигрировали в Мексику. Во время своих странствий, вынужденные переправляться через реку и не имея веревок, из которых можно было бы соорудить плоты, они использовали для этой цели свои мактли и накидки. Не имея возможности немедленно раздобыть другую одежду, они были вынуждены надеть *уипили*, или сорочки, женщин, оставив последним только их *нагуа*, или нижние юбки. В ознаменование этого события

позже они приняли это как свой национальный костюм, отказавшись от макстли и надев уипиль и мантию.^[376] Тильматли, или аятль, тараски называли *тланацци*. Его носили через одно плечо и завязывали узлом под другой рукой. Они часто отделяли его заячьими шкурками и ярко раскрашивали. Молодые носили его значительно короче, чем старики. Изготовление одежды из перьев, по-видимому, было специальностью тарасков.^[377]

Сапотеки в основном одевались в шкуры, в то время как другие жители Оахаки, как говорят, носили маленькие куртки, и Кортес сообщает, что эти люди были одеты лучше, чем кто-либо из тех, кого он видел ранее.^[378] В Табаско почти не прикрывались, большая часть населения ходила почти голой.^[379]

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА.

Во всем Анахуаке не было никакой разницы в одежде женщин. Уипиль и *куэйтль* были основными изделиями, которые использовались повсеместно. Кроме того, носили мантии различных форм и материалов. Уипиль представлял собой разновидность сорочки, у которой либо вообще не было рукавов, либо они были очень короткими; она закрывала верхнюю часть тела чуть ниже бедер. Нижняя часть тела была прикрыта куэйтль, нижней юбкой, доходившей примерно до середины колен и лодыжек и часто красиво расшитой и орнаментированной. Материалами для изготовления этой одежды были шкуры, *икскотль*, или пальмовое волокно, некуэн и хлопок. На улице они часто надевают другое верхнее платье, похожее на уипиль, только длиннее и с большим количеством декоративной бахромы и кисточек. Иногда они носили два или три из них одновременно, одно поверх другого, но в этом случае они были разной длины, причем самый длинный надевался под них. Мантия, похожая по размеру и форме на ту, что носили мужчины, белая и раскрашенная снаружи различными узорами, также использовалась женщинами. К верхнему краю этого, на той части, которая находилась сзади на шее, была прикреплена капучиночка, подобная той, которую носили доминиканцы и другие монахи, которой они прикрывали голову.^[380]

Для защиты ног они использовали сандалии, которые ацтеки называли *кактли*, которые делались из оленьих или других шкур, а часто также из некена и хлопка. Вербочки или ремешки, которыми они крепились, были из того же материала.^[381] Я не нахожу описания способа, которым они застегивались, но в старинной мексиканской рукописи на бумаге магуэй, в которой некоторые туземцы раскрашены в разные цвета, я нахожу, что сандалии застегивались в трех местах: сначала ремешком, проходящим через ступню сразу за пальцами, затем другим через подъем и идущим к пятке, и, наконец, ремешком, идущим от пятки вокруг лодыжки.

УКЛАДКА ВОЛОС И ПОКРАСКА.

Как правило, мексиканцы носили длинные волосы, и во многих частях империи считалось позором стричь волосы свободного мужчины или женщины.^[382] В отличие от большинства американских аборигенов, они носили усы, но на других частях тела они очень тщательно удаляли все волосы.^[383] Во всех главных городах были общественные парикмахерские и бани.^[384] У ацтеков были различные способы причесывания, отличавшиеся в зависимости от

ранга и должности. Как правило, они свободно свисали со спины. Женщины также часто носили их таким образом, но чаще всего они были подстрижены по разным модам; так, одни носили их длинными на висках и брили остальную часть головы, другие перевивали их темной хлопчатобумажной нитью, третьи снова брили почти всю голову. Среди них также было модно красить волосы разновидностью черной глины или травой под названием *сюквилитль*, которая придавала им фиолетовый оттенок. Незамужние девушки всегда носили распущенные волосы; они считали особенно изящным убирать волосы низко^[385] на лбу. Девственницам, служившим в храмах, коротко стригли волосы.^[386]

Отоми брили детям переднюю часть головы, оставляя позади только пучок, который они называли *пиочтли*, в то время как мужчины носили волосы, коротко подстриженные до середины затылка, но оставляли их отрастать длинными сзади; и эти длинные пряди они называли *пиочеке*. Девушкам не стригли волосы до замужества, когда их носили в том же стиле, что и мужчины.^[387] Тараско, или, как их еще называли, куаочпанме, получили это последнее название от старой моды брить головы, как мужчинам, так и женщинам.^[388] Позже они носили длинные волосы, простые люди просто распускали их по спине, в то время как богатые заплетали их хлопчатобумажными нитями различных цветов.^[389] Мизтеки носили волосы, заплетенные в косы, и украшали их множеством перьев.^[390]

Женщины науа свободно использовали краску, чтобы украсить свое лицо, а у некоторых народов они также делали татуировки. Ацтеки раскрашивали свои лица красной, желтой или черной краской, приготовленной, как рассказывает нам Саагун, из жженого ладана, смешанного с красителем. Они также окрашивали ноги в черный цвет той же смесью. Свои зубы они чистили и красили кошенилью; руки, шея и грудь также были раскрашены.^[391] У тлашкальтеков мужчины раскрашивали свои лица краской, изготовленной из *ксагуа* и *биксы*.^[392] Отомы татуировали свою грудь и руки, делая надрезы ножом и втирая в них синий порошок. Они также покрыли тело разновидностью смолы, называемой *теокауитль*, и поверх этого снова нанесли какой-то другой цвет. Свои зубы они покрасили в черный цвет.^[393]

Науа, как и все полуварварские народы, питали страсть украшать себя украшениями. Те, что носили короли, знать и богатые люди, были из золота или серебра, украшенные драгоценными камнями; те, что принадлежали к более бедным слоям населения, были из меди, камня или кости, украшенные хрустальными имитациями более редких драгоценных камней. Эти украшения имели форму браслетов, нарукавников, щиколоток и колец для носа, ушей и пальцев. Нижняя губа также была проколота, и в нее были вставлены драгоценные камни или кристаллы. Более богатые классы использовали в основном для этой цели халхиуит, который обычно обозначают как изумруд. Существовали очень строгие законы, касающиеся класса украшений, которые разрешалось носить разным классам людей, и подданным было запрещено под страхом смерти носить ту же одежду или украшения, что и королю. Дюран рассказывает, что некоторым очень храбрым, но низкородным воинам разрешалось носить на голове дешевую гирлянду или корону, но ни в коем случае не из золота.^[394] Гомара сообщает нам, что когти и клювы орла, а также рыбы кости носили в качестве украшений в ушах, носу и губах.^[395]

Отоми использовали ушные украшения из обожженной глины, красиво подрумяненные, и другие из тростника.^[396] Тараско в основном использовали перья для своего личного украшения.^[397] О туземцах, с которыми столкнулся Кортес, когда он высадился в Вера-Крус, Питер Мартир рассказывает нам, что в "отверстии липпов они носят широкую пластину, прикрепленную изнутри к другой пластине снаружи липпы, и украшение, которое они на

ней вешают, такое же большое, как серебряная Каролина доллар, и толщиной с человеческий палец".^[398]

В Оахаке носили больше украшений, чем в любой другой части страны, возможно, благодаря, как отмечает аббат Брассер де Бурбур, обильным запасам драгоценных металлов в этом штате.^[399]

ОДЕЖДА ЗНАТИ.

Одежда знати и членов королевской семьи отличалась от одежды низших классов только тонкостью материала и обилием украшений. Короли, по-видимому, носили одежду той же формы, что и их подданные, но в других отношениях для членов королевской семьи был зарезервирован особый стиль одежды, и тот, кто осмеливался ему подражать, предавался смерти. Однако в тех случаях, когда монарх желал оказать особый знак благосклонности храброму солдату или выдающемуся государственному деятелю, он милостиво одаривал его одним из своих одеяний, которое, несмотря на то, что получатель был знатным человеком, принималось с радостью, и владельца уважали как человека, которому король был рад оказать честь.^[400] В Тлашкале различия в ранге среди знати легко распознавались по стилю одежды. Простым людям было строго запрещено носить хлопчатобумажную одежду с бахромой или другой отделкой, за исключением случаев получения специального разрешения, выданного в знак уважения к оказанным услугам.^[401]

Придворные законы этикета предписывали королевским слугам носить одежду, в которой они могли появляться только без сандалий, босиком и в грубых плащах перед королем, и даже одеяние государя было аналогичным образом установлено обычаем, если не законом. Различные виды тильматли, или мантий, имели каждое свое соответствующее название и различались по материалу, а также по орнаменту и цвету. Хлопковые накидки считаются превышения тонкость текстуры, настолько, что требовался специалист, чтобы определить, были ли они из хлопка или шелка.^[402] мантия носить как каждый день одеваться во дворце был белый и синий и называется *xiuhtilmatli*.^[403] там были многие другие виды мантии, из которых основные: желтоватый, с крупной бахромой мантию, на которой чудовищной головы были расписаны, назывался *coazayacaiotilmatli*; другой, серый, с орнаментом с красными снарядами, с трех границ, один светлый, другой темный синий, а третий-из белых перьев и с бахромой с таким же видом снарядов, был назван *tecuciciotilmatli*; другой, темно-желтый, с чередуются черные и белые кружки с нарисованными на нем, и границы, представляющими глаза, был *temalcacaiotilmatlitenisio*, как один, отличаются только цифры и формы орнамента, был *itzcayotilmatli*; очень вычурным, работал во многих цветах, была *umetechtecomaiotilmatli*; другой, с желтой землей, на которых были бабочки из перьев, и с зубчатыми краями, назывался *papaloiotilmatlitenisio*; в *xaalquauhiotilmatlitenisio*, был расшит конструкций, представляющих цветов называют *ecacazcatl*, и далее с орнаментом белое перо и перо края; *ocelotentlapalliyiticacocelotl* была имитация тигра-кожи, декорированные по краю белых перьев; *ixnextlacuilolli* работал во многих цветах, и солнце на ней.^[404] другие накидки, отличающихся, главным образом, их орнаментацию, были *soaxacaуо* и *tlacalhuaztilmatli*, последний носил когда царь пошел в свой сад или к делу. Точно так же упоминаются различные виды макстли, такие как *иньяомаксалиуки*, *итзауазалмакстлатль* и *якауалиуки*.^[405] На самом деле, похоже, для каждого случая было свое платье. Например, нам говорят, что, отправляясь в храм, царь надевал белую мантию, другую - когда собирался

председательствовать в суде справедливости, и здесь он снова менял свою одежду в зависимости от того, рассматривалось ли в суде гражданское или уголовное дело.^[406] Сандалии царей всегда были богато украшены драгоценными камнями и имели золотую подошву.^[407]

ПЛАТЬЕ КОРОЛЕЙ.

Всякий раз, когда государь появлялся на публике, он надевал королевскую корону, называемую *копилли*, которая была из чистого золота и, по описанию большинства авторов, имела форму епископской митры; но на иероглифических рисунках, на которых изображены мексиканские короли, это просто золотая лента, более широкая спереди, чем сзади, спереди доходящая до острия; в некоторых случаях она была украшена длинными перьями.^[408] Следующее описание украшений, которые носили мексиканские короли и знать, я извлекаю из Саагуна:

ОДЕЖДА АБОРИГЕНОВ.

The *кецалальпитоаи* состоял из двух кисточек из тонких перьев, украшенных золотом, которые они носили привязанными к волосам на макушке и свисающими до висков. *тлаухкечольцонтли* представлял собой красивое одеяние из перьев, которое носили на плечах. На руки они надели золотые кольца; на запястья - толстый черный ремешок, пропитанный бальзамом, а на нем - большой халхиуит или другой драгоценный камень. У них также был *барбот*, или украшение для подбородка из халхиуита или другого драгоценного камня, оправленное в золото и вставленное в подбородок. Эти украшения для подбородка были длинными, из хрусталя, с несколькими синими перьями в центре, что придавало им сходство с сапфиром. В губе было просверлено отверстие, из которого свисали драгоценные камни или золотые полумесяцы. Великие лорды также делали отверстия в носу и помещали в них очень тонкую бирюзу или другие драгоценные камни, по одному с каждой стороны носа. На шее они носили нитки с драгоценными камнями или медаль, подвешенную на золотой цепочке, с жемчужными подвесками по краям и плоским драгоценным камнем в центре. Они носили браслеты мозаичной работы, сделанные из бирюзы. На ногах, ниже колен, они носили поножи из очень тонкого золота. В правой руке они несли маленький золотой флажок с пучком ярких перьев наверху. На головах у них была птица из богатых перьев, ее голова и клюв располагались на лбу, хвост был направлен к затылку, крылья ниспадали на виски.^[409]

ГЛАВА XII.

ТОРГОВЛЯ НАРОДОВ науа.

Основные особенности торговли науа—Торговля в доацтекские времена—Бесчинства, совершенные ацтекскими купцами—Привилегии купцов Тлателулько—Зависть между купцами и знатью—Предметы, используемые в качестве валюты—Рынки Анахуака—Устройство и правила рынков—Места—Количество покупателей и продавцов—Перевозка товаров—Путешествующие торговцы—Коммерческие маршруты—Отправление в путешествие—Караваны торговцев—Возвращение—Обычаи и пиры торговцев—Лодки науа и навигация.

ТОРГОВЛЯ В ДОАЦТЕКСКИЕ ВРЕМЕНА.

Традиционная история мало что говорит нам об американской торговле до образования великого союза ацтеков, или империи, но слабый свет, пролитый на этот предмет, указывает на незначительные изменения в системе в пределах истории науа или вообще без них. Основными особенностями торговой системы в пятнадцатом и шестнадцатом веках были: рынки на одной или нескольких общественных площадях каждого города, где ежедневно продавались съестные припасы и другие предметы первой необходимости — сами магазины были неизвестны; часто повторяющиеся ярмарки в каждом из крупных городов, где продукты сельского хозяйства, мануфактуры и искусства близлежащей страны демонстрировались потребителям и торговцам из дома и из-за рубежа; аналогичные ярмарки, но в более широком масштабе в крупных торговых центрах, где отечественные продукты обменивались на иностранные товары или продавались на экспорт купцам из далеких стран, которые посещали эти ярмарки в большом количестве; странствующие торговцы, постоянно пересекающие страну компаниями или караванами; и существование отдельного класса, занимающегося исключительно торговлей.

С древнейших времен два южных Анахуака Айотлан и Ксикаланко, соответствующие тому, что сейчас является южным побережьем Оахаки, а также огненной землей Табаско и южной Вера-Крус, были населены торговыми народами и славились своими ярмарками и богатыми товарами, выставленными на продажу. Эти народы, ксикаланки, михес, уавес и сапотеки, даже занимались в некоторой степени морской каботажной торговлей, однако, в основном ограниченной, как представляется, побережьями их собственных территорий и территорий, непосредственно прилегающих; и в этой отрасли торговли к моменту прихода испанцев был достигнут незначительный прогресс или его вообще не было.^[410]

Сообщается, что толтеки преуспели в торговле, как и во всех других отношениях, и рынки Толлана и Чолулы изображены яркими красками; но все традиции на этот счет чрезвычайно расплывчаты.^[411] В новую эпоху процветания, последовавшую за катастрофами тольтеков,

Чолула, похоже, занимала первое место как торговый центр, ее ярмарки были самыми известными, и ее купцы контролировали торговлю на южных побережьях обоих океанов. После прихода орд тео-чичимеков на восточное плато Тлашкала, в свою очередь, стала торговой столицей севера, и это положение она сохраняла до тех пор, пока ее не вынудили уступить его купцам мексиканской долины, которых поддерживали воинственные орды конфедерации ацтеков. До господства ацтеков торговля, по-видимому, велась с некоторой демонстрацией справедливости, а коммерция и политика в значительной степени разделялись. Но ацтеки ввели новый порядок вещей. Их торговцы, вместо мирных, трудолюбивых, непритязательных путешественников, стали наглыми и властолюбивыми, без зазрения совести вмешиваясь в общественные дела стран, через территорию которых им приходилось проезжать, и полагаясь на страх перед армиями Мексики ради собственной безопасности; караваны превратились в немногим меньше, чем вооруженные отряды грабителей. Короли-союзники всегда были готовы расширить с помощью войны сферу своей торговли и отомстить руками своих воинов за любое оскорбление, действительное или мнимое, нанесенное их купцам. Кочующим группам торговцев было поручено подготовить карты пройденных стран, тщательно следить за состоянием их обороны и их ресурсами. Если о какой-либо провинции ходили слухи, что она богата и желанна, ее жители легко могли совершить какой-нибудь дерзкий акт, который служил предлогом опустошить их земли и сделать их данниками королей Анахуака. Можно предположить, что в провинциях, которые постоянно и покорно подчинялись Мексике, Тецкоко и Тлакопану, движение транспорта, как правило, осуществлялось справедливо. Купцам, в свою очередь, приходилось вносить в королевскую казну большой процент от своей прибыли, но в сложившихся обстоятельствах они вполне могли себе это позволить.

Тлателулько, будучи независимым городом, славился своей торговлей, а Теночтитлан - доблестью своих воинов, и когда коммерческое предпринимательство было вынуждено уступить силе оружия, Тлателулько, как часть Мексики, сохранил свое прежнее превосходство в торговле и стал коммерческим центром Анахуака. Ее торговцы, которые были отдельным классом населения, пользовались большим почетом, и, что касается высших слоев населения, князья-торговцы, *почтеки*, обитатели аристократического квартала Почтлан, имели привилегии, полностью равные привилегиям знати. У них были свои суды, перед которыми они одни несли ответственность за регулирование всех вопросов торговли. Они действительно образовывали, по сути дела, коммерческую корпорацию, контролирующую всю торговлю страны, членами которой в некотором смысле были все ведущие купцы других городов. Зависть между этим уважаемым классом купцов и собственно знатью привела к многочисленным осложнениям в последние годы существования империи ацтеков, о которых я упоминал в предыдущей главе. Во всем доминионе науа торговля находилась в руках особого класса, образованного для своего призвания, и повсюду пользовалась уважением как народа, так и королей; во многих регионах высшая знать не считала зазорным заниматься коммерческой деятельностью.

ТЛАТЕЛУЛКАНСКАЯ КОМПАНИЯ.

Помимо почтек, в Тлателулько упоминаются еще два класса торговцев: *науалозтомеки*, те, кто специализировался на переодетых посещениях земель врагов, и *тейяхуалохуани* или торговцы рабами.^[412] Торговцы были освобождены от военной и другой государственной службы и имели право не только издавать законы для регулирования торговли, но и

наказывать даже тех, кто не принадлежал к их классу, за нарушения таких законов. Саагун рассказывает о постепенном развитии и истории Тлателульканской компании, указывая имена ведущих торговцев при сменявшихся друг друга королях, с подробностями, касающимися различных предметов, которыми занимались в разные периоды, все из которых не считаются достаточно интересными, чтобы их воспроизводить на этих страницах.

Торговля науа, как правило, велась посредством бартера, когда один товар обменивался на другой эквивалентной стоимости. Тем не менее, регулярные покупки и продажи не были редкостью, особенно в бизнесе розничной продажи различных товаров потребителям. Хотя обычные монеты не использовались, все же несколько более или менее удобных заменителей служили средством обращения. Главными среди них были крупинки какао, несколько отличающегося от того, которое используется для приготовления любимого напитка - шоколада. Эти деньги, известные как *патлахте*, имели хождение где угодно, и выплаты из них производились путем подсчета до восьми тысяч, что составляло *кикипилли*. При крупных сделках использовались мешочки, содержащие по три кикипилли, чтобы сэкономить трудозатраты на подсчет. *Патолквачтли* представляли собой небольшие кусочки хлопчатобумажной ткани, использовавшиеся в качестве денег при покупке предметов первой необходимости или небольшой ценности. Другим средством обращения была золотая пыль, хранившаяся в полупрозрачных перьях, чтобы можно было легко увидеть ее количество. Медь также разрезали на мелкие кусочки в форме Т, что, возможно, было самым близким подходом к чеканке денег. Кортес в поисках материалов для изготовления артиллерии обнаружил, что в нескольких провинциях куски олова использовались в качестве денег и что в Таско разрабатывалась шахта этого металла. Саагун говорит, что мексиканский король подарил солдатам-купцам, отправленным в одну из их политико-коммерческих экспедиций, тысячу шестьсот *куаутли*, или орлов, для торговли. Бустаманте, редактор "Саагуна", предполагает, что это были уже упомянутые медные изделия, но Брассер полагает, что из-за небольшой стоимости меди и большого количества дорогих тканей, купленных у "орлов", они были из золота. Тот же авторитет считает, что золотые монеты, которыми Монтесума оплачивал свои проигрыши в азартных играх, также служили деньгами.^[413]

РЫНКИ АНАХУАКА.

Науа покупали и продавали свои товары по количеству и меркам длины и вместимости, но не по весу; по крайней мере, таково общее мнение властей. Саагун, однако, говорит об искусном торговце, что он знает "ценность золота и серебра в зависимости от веса и пробы, прилежен и заботлив в выполнении своих обязанностей и не мошенничает при взвешивании, а скорее дает перевес", и это тоже во "времена их неверности". Местные слова также встречаются в нескольких словарях для обозначения гирь и весов. Брассер де Бурбур считает это достаточным доказательством того, что весы использовались. Клавиджеро считает, что, возможно, использовались весовые коэффициенты, а упоминание об этом факте в повествованиях опущено.^[414] Рынок *тянквизтли* в Тлателульке был самым большим в стране и может рассматриваться как представитель всех. Его величие заключалось, однако, в изобилии и разнообразии товаров, выставленных на продажу, и в толпе покупателей и продавцов, а не в великолепии связанных с ним зданий; ибо рыночная площадь была просто открытой площадью, окруженной, как говорят все авторитетные

источники, "портиками", где были выставлены товары. Что это были за портики, мы можем только догадываться. Вероятно, это были не более чем простые палатки, расположенные на улицах и занимающие всю площадь, где торговцы и их товары были укрыты от лучей тропического солнца. Каким бы ни был характер и расположение этих убежищ, мы знаем, что пространство систематически распределялось между различными представленными отраслями промышленности. Рыбаки, охотники, фермеры и художники - каждому было отведено свое место для ведения бизнеса. Сюда, как рассказывает нам Торквемада, приезжали гончары и ювелиры из Чолулы, золотопромышленники из Аскапузалько, художники из Тецкоко, сапожники из Тенайокана, охотники из Ксилотепека, рыбаки из Куитлауака, производители фруктов с огненной земли кальенте, цинопочники из Куаутитлана, торговцы цветами из Сочимилько, и все же рынок был так велик, что каждому из них предоставлялась возможность выставить свои товары напоказ. его товары.

Все виды пищи, животной и овощной, приготовленной и сырой, подавались самым привлекательным образом; закусочные также были пристроены к тяньквизтли и пользовались большим покровительством беднейших слоев населения. Здесь можно было найти все местные ткани, поштучно и в виде одежды, грубой и тонкой, простой и с искусной вышивкой, в соответствии со вкусом и средствами покупателей; драгоценные камни и украшения из металла, перьев или раковин; орудия труда и оружие из металла, камня и дерева; строительные материалы, известь, камень, древесина и кирпич; предметы домашней обстановки; циновки различной степени тонкости; лекарственные травы и готовые снадобья; древесина и уголь; благовония и кадила; хлопок и кошениль; дубленые кожи; многочисленные напитки; и бесконечное разнообразие керамики; но перечисление всех предметов, замеченных завоевателями на рыночной площади, составило бы очень длинный список и потребовало бы, кроме того, повторения многих названий, которые упоминались или будут упоминаться в других местах.

Кортес говорит, что этот рынок в два раза больше рынка Саламанки, и все конкистадоры с энтузиазмом выражают свое восхищение не только разнообразием товаров, предлагаемых на продажу, но и идеальным порядком и системой, которые царили, несмотря на толпу покупателей и продавцов. Судьи коммерческого трибунала, которых, по словам Торквемады, было двенадцать, по словам Суасо - четверо, заседали в суде в связи со зданиями рынка, где они регулировали цены и меры, а также разрешали споры. Сторожа, действующие под их началом, постоянно патрулировали тяньквизтли, чтобы предотвратить беспорядки. О любой попытке вымогательства, передачи поврежденных или некачественных товаров или любого нарушения прав других лиц немедленно сообщалось и они сурово наказывались. Судьи имели даже право приводить в исполнение смертную казнь. Другие рынки в регионах Науа строились по аналогичному плану, рынки Тлашкалы и Тецкоко по значимости уступали рынку Тлателулько.^[415]

ПОКУПАТЕЛИ И ПРОДАВЦЫ.

Торговля в тянькицтли велась ежедневно, главным образом для удобства жителей города, но каждый пятый день был выделен как особый базарный день, во время которого проводилась ярмарка, переполненная не только местными покупателями, но и покупателями и продавцами со всей округи и из-за рубежа. В Тлателулько эти особые рыночные дни проходили под вывесками calli, tochtli, acatl и tescatl. В других крупных

городах были выбраны дни с другими приметами, чтобы ярмарки не проводились в один и тот же день в соседних городах. Лас Касас говорит, что каждая из двух рыночных площадей в городе Мехико вместила бы 200 000 человек, причем 100 000 человек присутствовали бы каждый пятый день; а Кортес сообщает нам, что на рынке Тлателулько ежедневно собиралось более 60 000 человек. По данным того же органа власти, 30 000 человек ежедневно посещали рынок Тлашкалы. Возможно, однако, он ссылается на ярмарочные дни, когда в Тлателулько Анонимный Завоеватель называет их число равным 50 000, ограничивая ежедневную аудиторию примерно 25 000 человек.^[416] Учитывая население городов и прилегающей местности, а также ограниченные транспортные возможности, эти сведения о ежедневной посещаемости рынков, а также об изобилии и разнообразии товаров, не нужно рассматривать как преувеличения.

По озерам вокруг города Мехико товары всех видов доставлялись на рынки и с рынков на лодках, 50 000 из которых, как сообщает нам Зуазо, ежедневно доставляли провизию в город.^[417] Более тяжелые или громоздкие предметы торговли, такие как строительные материалы, часто предлагались на продажу в лодках, чтобы сэкономить труд при повторной транспортировке. Лодки также использовались для перевозок по южным побережьям, в некоторой степени по судоходным рекам, а также путешествующими купцами при пересечении таких ручьев, через которые невозможно было удобно перекинуть мост. Единственным другим видом транспорта, известным в стране, был тот, который предоставляли перевозчики. Большое количество этих носильщиков, или носильщиков, присутствовали на рынках для перевозки товаров на лодки и обратно или для доставки посылок в дома потребителей. Для перевозки из города в город или в дальние страны товары упаковывали в тюки, заворачивали в шкуры и циновки или в бамбуковые ящики, обтянутые кожей, известные как *петлакалли*. Ящики, или клетки, для транспортировки более хрупких товаров назывались *какаштли*. *Тламама*, или обычные носильщики, были приучены к работе по переноске тяжестей с детства, семьдесят или восемьдесят фунтов были обычной ношей, которую несли, помещая на спину и поддерживая *мекапалли*, ремень, проходящий вокруг лба; двенадцать или пятнадцать миль были обычным дневным путешествием. Тламама, одетый в макстли, брал с собой в дальние путешествия, помимо тюка с товарами, что-то вроде зонтика из пальмовых листьев, сумку с провизией и одеяло.

СТРАНСТВУЮЩИЕ ТОРГОВЦЫ.

Экспедиции в отдаленные провинции предпринимались компанией Тлателулько с целью получения коммерческой выгоды; или по приказу короля, когда целью были политические выгоды, а торговцы на самом деле вооружали солдат; или, что реже, отдельными торговцами за свой личный счет. Для защиты большое количество людей обычно путешествовало компанией, выбирая кого-нибудь из компании в качестве лидера. Перед отъездом они устроили пир для старых купцов города, которые по причине своего преклонного возраста перестали путешествовать; на этом пиру они поделились своими планами и рассказали о местах, которые намеревались посетить, и о дорогах, по которым они будут путешествовать. Старые торговцы приветствовали дух и предприимчивость тех, кто отправлялся в экспедицию, и, если они были молоды и неопытны, подбадривали их и говорили о славе, которую они приобретут за то, что покинули свои дома, чтобы

отправиться в опасное путешествие и претерпеть лишения и невзгоды. Они напоминали им о богатстве и почетном имени, приобретенных их отцами в подобных экспедициях, и давали им советы относительно наилучшего поведения в дороге.^[418]

По дороге носильщики шли гуськом, и на каждом привале велась строжайшая стража против врагов, и особенно против разбойников, которые тогда, как и сейчас, наводняли опасные перевалы, подстерегая богато нагруженные караваны. Правители различных дружественных провинций, помня о выгодах, проистекающих из таких экспедиций, строили дороги и содержали их в ремонте; устанавливали мосты или лодки для переправы через непроходимые реки; а в определенных местах, удаленных от городов, ставили дома для размещения путешественников. Экспедиции во враждебные провинции предпринимались науалозтомеками, которые переодевались в одежду посещаемой провинции и старались подражать манерам и говорить на языке ее жителей, знакомство с которым было обязательным условием их профессии. По возвращении в Мексику были предприняты чрезвычайные усилия для защиты от грабителей, и, как также говорят, у торговцев, приближавшихся к городу, было принято одеваться в лохмотья, изображая бедность, и неудачное путешествие. Мотив этого последнего действия не очень очевиден, как и постоянного ввоза товаров в город ночью; у них даже не было надежды уклониться от уплаты налогов, которые в более поздние времена побуждают людей к подобному поведению, поскольку товары можно было продавать только на общественном рынке, где их нельзя было предложить без уплаты королевской доли пошлин.

Обычный маршрут коммерческих экспедиций пролегал на юго-восток, в Тохтепек, недалеко от берегов Рио-Альварado, откуда караваны шли разными дорогами, поскольку их пунктом назначения были прибрежный регион Гоазакоалько, города мизтеков и сапотеков на Тихом океане или еще более отдаленные регионы за перешейком Теуантепек. Южный предел, которого достигли торговцы империи ацтеков, точно определить невозможно. Торговцы Ксикаланко снабдили Кортеса, собиравшегося предпринять завоевание Гондураса, довольно точными картами всего региона вплоть до Панамского перешейка;^[419] известно, что налетчики из Анахуака проникали в Чьяпу, Соконуско и Гватемалу; отнюдь не невероятно, что ее торговцы не раз достигали Перешейка.^[420]

Предыдущие страницы содержат все, что сохранилось о торговле науа и торговцах, за исключением того, что можно назвать мифологией торговли, не лишенной важности ветвью предмета, охватывающей церемонии, жертвоприношения и суеверия, связанные с отправлением, путешествием и возвращением тлателулканских караванов. Торговля, как и любая другая особенность цивилизации науа, находилась под опекой особого божества, и ни один купец не осмеливался отправиться в экспедицию в поисках наживы, не выполнив полностью всех требований бога в интерпретации жрецов. Особым божеством торговцев был Иякатекутли, или Иякаколиуки, "господин с орлиным носом" — этот носовой тип, по мнению аббата Брассера, символизировал торговую хитрость и мастерство. Службы в его честь регулярно проводились в месяц Тлаксоцимако; но церемонии, проводимые путешествующими торговцами, по-видимому, были в основном посвящены богу огня и богу дорог.

Сначала для старта был выбран день, знак которого считался благоприятным — Се Коуатль, "один змей", был любимым. За день до их отъезда волосы были коротко подстрижены, а голова намылена; в течение всего их отсутствия, даже если оно продлится годами, эти операции не должны повторяться, и они не могут мыть больше, чем шею, лицо и руки, купание тела строго запрещено. В полночь они вырезали из бумаги флажки для Сютекутли, бога огня, прикрепили их к палочкам, выкрашенным киноварью, и нанесли на них лик бога каплями расплавленного улли, или индийского каучука. Другие бумаги, также помеченные именем улли, были вырезаны в честь Тлальтекутли для ношения на груди. Другие, в честь бога торговцев, использовались для покрытия бамбуковой палки, которой они поклонялись и носили с собой. Боги дорог, Сакацонтли и Тлакоцонтли, также украшали свои бумаги каплями улли и нарисованными бабочками; в то время как бумаги для Чекоатлутлимелаотля, одного из знаков искусства прорицания, были украшены змееподобными фигурами. Когда все бумаги были готовы, бумаги бога огня были разложены перед камином в доме, остальные были разложены в систематическом порядке во дворе. Затем торговцы, стоя перед огнем, предложили ему несколько перепелов, которых они сначала обезглавили, и тотчас же, выпустив кровь из собственных ушей и языка, они повторили какое-то мистическое слово и четыре раза побрызгали кровью на огонь. Затем кровью по очереди окропляли бумаги в доме, обращенные к небесам и сторонам света, и, наконец, к бумагам во дворе. Бумаги бога огня, после нескольких соответствующих обращению к божеству слов, были сожжены в жаровне с чистым белым копалом. Если они горели чистым пламенем, это было добрым предзнаменованием; в противном случае предвещались несчастья. Бумаги, оставленные снаружи, были сожжены вместе — за исключением бумаг бога торговцев — в костре, который разожгли во дворе, и пепел был тщательно захоронен там.

И все это в полночь. На раннем рассвете главные торговцы города или окрестностей, или просто друзья и родственники группы, собиравшейся отправиться в путешествие, в зависимости от достатка группы, с юношами и старухами, были приглашены собраться и, вымыв рты и руки, приступить к трапезе. После трапезы, завершившейся еще одним умыванием, выкуриванием трубок и угощением шоколадом, хозяин сказал гостям несколько приветственных слов и объяснил свои планы. На это кто-то из видных купцов кратко ответил пожеланиями успеха экспедиции, советами относительно маршрута, которым следует следовать, и поведения во время пребывания за границей, аплодисментами за проявленные дух и предприимчивость, а также словами ободрения тем, кто собирается предпринять свое первое коммерческое путешествие, в ярких красках описывая им как трудности, так и почести, которые им предстоят. Затем товары и провизия для путешествия были собраны в тюки и помещены в каноэ, если предполагалось отправляться по воде, под руководством вождя, который, позаботившись об этом, произнес прощальную речь с благодарностью за советы и добрые пожелания, рекомендуя позаботиться о тех, кто остался позади, об их женах и детях. Друзья снова коротко ответили, и все было готово к отъезду. Во дворе был разведен костер и возле него поставлена ваза с копалом. В качестве последней церемонии прощания каждый из отъезжающих купцов взял по кусочку копала и бросил его в огонь, сразу же направляясь к своему каноэ. Не следует произносить больше ни слова прощания, ни бросать прощальный взгляд назад, на друзей, стоящих позади. Оглянуться назад или заговорить было бы самым неблагоприятным предзнаменованием.

Таким образом, они отправляются в путь, обычно ночью, как подразумевает Саагун. В пути каждый торговец постоянно держал в руке гладкую черную палку, символизирующую его бога Иякатекутли, — вероятно, те самые палки, которые, как упоминалось, были обернуты бумагой в честь этого бога в ночь перед отъездом из дома. Когда они останавливались на ночлег, палки отряда были связаны вместе в пучок, образуя своего рода комбинированное божество, чьему покровительству был благочестиво вверен лагерь. Вожди приносили этому богу подношения из улли и бумаги, а также богам дорог. Кровь также должна была быть взята и смешана с жертвоприношением, иначе это было бы бесполезно; и, самое неудобное правило для бедного слабого человечества, жертвоприношение должно было повторяться дважды каждую ночь, так что тот или иной из вождей должен был постоянно быть начеку. Караваны, когда их пунктом назначения была дружественная провинция, обычно везли какие-нибудь подарки от правителей Мексики в знак их доброй воли, и они были приняты властями таких провинций с некоторыми публичными церемониями, которые точно не описаны.

Когда торговцы возвращались домой, посоветовавшись с *тональпухи*, они ждали благоприятного знака, такого как Се Калли, или Чикоме Калли, "один или семь домов", а затем входили в город под покровом ночи. Они немедленно отправились в дом ведущего коммерсанта корпорации или к купцу, под руководством которого совершалась их поездка, официально объявив о своем благополучном прибытии, а также о своем намерении пригласить всех торговцев на следующий день отведать "немного шоколада в их бедном доме", то есть присутствовать на самом роскошном банкете. Затем бумаги были разрезаны и в полночь принесены вместе с улли, во многом в соответствии с уже описанным способом, богам в качестве благодарственного подношения за их защиту. Пир, который состоялся на следующий день, когда все гости были в сборе, сопровождался дополнительными подношениями богам огня и торговли и, конечно, речами вернувшихся путешественников и их гостей, но не представлял особенно заметного контраста со многими описанными пирами.

Согласно суеверию науа, путешественник не только был обязан воздерживаться от купания во время своего отсутствия, но даже его семья в течение того же периода, хотя ей и разрешалось купать тело, не должна была мыть голову или лицо чаще, чем раз в восемьдесят дней; таким образом, боги были умиловлены и благосклонно наблюдали за своим отсутствующим родственником, странствующим в дальних странах. Если торговец умирал во время путешествия, его тело, по крайней мере, если он принадлежал к высшему званию, не хоронили и не сжигали, а облачали в изысканные одежды, украшали определенными мистическими бумагами и раскрашенными приспособлениями, помещали в деревянную клетку, или *какаштли*, и привязывали к дереву на вершине высокой горы. Сообщение о смерти было передано старым торговцам, которые, в свою очередь, сообщили семье покойного, и регулярные похоронные церемонии были совершены либо сразу, либо по возвращении каравана. Если умерший встречал свою смерть от рук врага, готовилось деревянное изваяние, облаченное в одежду умершего купца и ставшее предметом обычных похоронных обрядов.

Помимо регулярных праздников, сопровождавших отправку и возвращение караванов, многие другие проводились под эгидой торгового класса. Мы заметили любовь народа науа к развлечениям такого рода, и естественно, что торговцы, как самый богатый класс в обществе, должны были внести первый вклад в формирование этого популярного вкуса. Каждый купец, когда он приобретал большое богатство благодаря удаче в своих торговых предприятиях, считал, как говорит нам Саагун, самым позорным "умереть, не совершив каких-либо блестящих трат", пригласив своих друзей и коллег-торговцев на банкет, который следует запомнить как *the* событие в его карьере. Много времени было посвящено приготовлениям к пиршеству, закупке провизии и украшений, а также привлечению танцоров и певцов, чтобы ни один предмет не был оставлен без внимания и ни одна оплошность не могла омрачить совершенное удовольствие приглашенных гостей. Когда все было готово, была выбрана благоприятная вывеска и разосланы приглашения. Поскольку целью проявления гостеприимства было не только развлечение друзей, но и благодарение богов за милости, оказанные хозяину, первые церемонии, естественно, проводились в честь божеств. Они начинались в ночь, предшествующую празднику, с подношений цветов в святилище Уицилопочтли, в часовнях других богов и, наконец, во дворе дома хозяина, где были расставлены барабаны и две тарелки, на которых горели благовонные трости. Совершавшие богослужение свистели особым образом, и все, наклонившись, набирали в рот немного земли, восклицая: "Господь наш вострубил". Затем все сожгли надушенный копал, и священник обезглавил перепела перед барабаном, бросив его на землю и наблюдая, в какую сторону он будет трепыхаться. Направление на север было плохим предзнаменованием, предвещавшим болезнь или, возможно, смерть. Но запад и юг были удачными направлениями, указывающими на мирное и дружелюбное расположение богов. Благовония были сожжены по сторонам света, горящие угли были брошены из кадила в огонь, а затем исполнители, нанятые для *арэйто*, включая, по-видимому, солдат нескольких классов во главе с *тлакатекатлем*, начали танцевать и петь. Ни хозяин, ни гости-купцы не присоединились к танцу, а остались в доме, чтобы принять компанию и преподнести им букеты цветов. В полночь богам приносили в жертву бумагу с надписью улли, а ее пепел закапывали, чтобы способствовать процветанию будущих поколений. Еще до рассвета был выпит шоколад и *нанакатль*, или дурманящий гриб, был съеден, что заставило одних танцевать, других петь, а третьих задумчиво сидеть в своих комнатах, мечтая об ужасных видениях, рассказывание которых позже, когда действие наркотика прошло, стало характерной чертой развлечения. При появлении утренней звезды весь пепел жертвоприношений, цветы, горящие трости и все принадлежности, использовавшиеся в предыдущих церемониях, были захоронены, чтобы их не мог увидеть ни один посетитель, запятнанный каким-либо пороком или нечистотой. Восход солнца был встречен песнями, танцами и битьем в тепонацтли. День прошел в пиршестве и музыке, а в конце дневного банкета простым людям была роздана еда. Банкет часто продолжался более одного дня, и если после первого дня пиршества запасы еды истощались, гости расценивали это как дурной знак — поистине, очень разумное суеверие.

ПРИНЕСЕНИЕ В ЖЕРТВУ РАБОВ.

В месяце Панкецализтли был еще один купеческий праздник, на котором было убито и съедено несколько рабов. Жертвы были куплены заранее на невольничьем рынке в Азкапузалько, содержались в чистоте — поэтому их называли *тлаалтилзин*, "вымытыми" - и откармливались специально для этого случая. Тем временем у рабов-мужчин не было

никакой работы, кроме как ежедневно танцевать на крыше дома, а женщинам приходилось прясть. Среди предметов, собранных для этого праздника, было большое количество богатых накидок, макстли и упиблей, которые должны были быть представлены гостям. Были приглашены не только жители Мексики, но и члены тлателулканской компании, которые жили в других городах. Устроитель праздника лично побывал во многих городах, особенно в Тохтепеке, чтобы разослать приглашения и раздать подарки. По прибытии он первым делом отправился в святилище Иякатекутли, перед изображением которого совершил определенные церемонии и оставил несколько подношений. Затем он отправился в дом тлателулканской компании, приготовил пир и созвал богатых торговцев, которые пришли в полночь. Омовение рук и рта предшествовало еде и следовало за ней, были приготовлены подарки, выпит шоколад, выкурены трубки, во дворе были предложены перепела и воскурены благовония. Затем один из лучших ораторов объявил о намерении их посетителя убить нескольких рабов в честь Уицилопочтли и от его имени пригласил компанию присутствовать при приятном зрелище и отведать человеческого мяса и других отборных яств. Другой оратор ответил приветственной речью, и устроитель праздника направился домой, в Мексику. Немного отдохнув, купец торжественно пригласил жителей своего города присутствовать на пиршестве, и последние, после многих предосторожностей, включая проверку старшими купцами, чтобы убедиться, что еды было достаточно и что мероприятие не может закончиться неудачей, соизволили принять приглашение, хотя они и предупредили потенциального хозяина о страшной ответственности, которую он понесет, если застолье будет организовано ненадлежащим образом из-за его нежелания тратить достаточно денег. Се Калли, Оме Шочитль и Оме Озоматли были хорошими предзнаменованиями для этого праздника.

В первый день рабов-мужчин, богато одетых и украшенных, заставили танцевать и исполнять ареито, неся гирлянды цветов, а также трубки, из которых они постоянно выпускали дым. Женщины в столь же богатых нарядах были размещены с большим количеством еды в одной из комнат, где все могли легко их видеть. Еда, питье и раздача подарков продолжались всю ночь. Пир следующего дня был повторением первого и назывался *тлайкнексия*; пир третьего дня назывался *тетевальтия*, и в этот день они внесли много изменений в одежду рабов, надев парики из разноцветных перьев, раскрашенные ушанки, каменные украшения для носа, похожие на бабочек, куртки с бахромой и мертвыми головами для украшения, ястребиные крылья, *тломайтьль*, на плечи, кольца, *матакаштли*, на плечи. руки, запачканные сандалии и пояса назывались *сюхтлалпилли*. С этого времени над ними днем и ночью до самой их смерти велась строгая охрана.

В четвертый раз, по-видимому, несколько дней или, возможно, недель спустя, купец собрал своих гостей, а затем, незадолго до захода солнца, жертвы были напоены *теуветли* и отнесены в храм Уицилопочтли, где их заставляли танцевать и петь и не давали спать всю ночь. В полночь их положили на циновку перед огнем, и хозяин пиршества, одетый так же, как и сами рабы, погасил огонь и в темноте дал каждому по четыре полных ложки теста, смоченного медом, которое называлось *тзоалли*. Затем мужчина, танцующий перед ними, заиграл на инструменте под названием *чичтли*, из макушки головы каждого раба были вырваны волосы и положены в тарелку, *квакашитль*, которую держал танцор, а хозяин бросил благовония на восток, запад, север и юг. Рабам предлагали еду, но их нельзя было заставить есть, они каждую минуту ожидали вестника смерти. Сначала их отвели в палату Коатлана, и во дворе храма Уицкалько их заставили сражаться с определенными людьми, самых доблестных из которых звали *тлаамавики*. Если силой оружия эти люди захватывали

кого-либо из рабов, они имели право получить от владельца их полную стоимость или, в случае отказа от такой оплаты, забрать тела после жертвоприношения и съесть их. После состязания жертвы были принесены в жертву в святилище Уицилопочтли, причем сложные детали последовавших за этим церемоний лишь незначительно отличались от тех, что были связаны с подобными жертвоприношениями, уже несколько раз описанными. Тела, как обычно, были сброшены со ступенек, отнесены хозяином домой, приготовлены с кукурузой, приправлены солью без чили и, наконец, съедены гостями. Этим ужасным угощением закончился великий праздник месяца Панкецализтли; но тот, кто устроил его, бережно сохранил одежду и другие реликвии убитых рабов, храня их в корзине как самые драгоценные и приятные сувениры все дни своей жизни; а после его смерти корзина и ее содержимое были сожжены при его погребении.

Акоста рассказывает нам, что в Чолуле торговцы, особенно те, которые торговали рабами, каждый год поставляли раба прекрасного телосложения для представления своего бога Кецалькоатля, в честь которого его приносили в жертву с соответствующими и сложными церемониями, а затем его мясо съедали на пиру.^[421]

То немного, что можно сказать о плавсредствах науа, может быть столь же уместно приведено здесь, как и в других местах. Я уже упоминал о важном использовании каноэ для перевозки товаров по озерам Анахуак. Однако в искусстве мореплавания науа не добились никакого прогресса по сравнению с их достижениями в других отношениях. Как мореплаватели они в целом уступали своим диким собратьям из колумбийских и гиперборейских племен на северо-западном побережье, чье мастерство в изготовлении лодок и управлении ими было описано в предыдущем томе этого труда. Причина очевидна: прогресс в сельском хозяйстве позволил им добывать пропитание, не рискуя своей жизнью в море; их солнечный климат избавил от необходимости в китовом ворвани и тюленьих шкурах. На ранних стадиях цивилизации люди добывались прогресса только тогда, когда их побуждала какая-то действительная необходимость; следовательно, у науа, когда появились средства для переправы через ручьи и транспортировки товаров по озерам и на короткие расстояния вдоль побережья в устьях больших рек, прогресс в этом направлении прекратился.

Исследования Клавиджеро привели его к выводу, что использование парусов было неизвестно, и хотя Брассер де Бурбур в одном месте говорит о таких средствах навигации, все же он не подтверждает свое утверждение.^[422]

В качестве судов использовались плоты и "выкопанные" каноэ; первые использовались по большей части для переправы через ручьи и были изготовлены из различных материалов и конструкции. Более грубые представляли собой просто несколько шестов, связанных вместе веревками.^[423] Те, что испанцы называли *бальзас*, были превосходной конструкции, делались из *отлатля* тростника, или *тулес*, и тростника разных видов в связках. Лучшие бальзамы были около пяти квадратных футов, сделаны из бамбука и опирались на полые тыквы, закрытые водонепроницаемой и воздухонепроницаемой крышкой. Плоты приводились в движение пловцами, один спереди, другой сзади.^[424]

Каноэ — *акалли*, "дома на воде" у ацтеков, называемые также *тахукуп* на Табаско - были выдолблены из ствола цельного дерева, как правило, плоскодонные и без киля, несколько более узкие в носу, чем в корме, как говорит Лас Касас, и вмещали от двух до шестидесяти человек. Что касается инструментов, использовавшихся для выдалбливания и отделки черепов, у нас нет никакой информации, и мы также не знаем, был ли огонь одним из используемых средств.^[425]

Использование лодок не ограничивалось полностью транспортными перевозками, а распространялось на войну и перевозку войск. Ожесточенные столкновения на водах озер зафиксированы в древних летописях Анахуака; флотилии вооруженных туземцев на каноэ выходили навстречу испанцам в различных точках побережья; и мы читаем о тщетных

попытках защитить подходы к столице ацтеков с помощью тысяч лодок, которые не могли оказать большого сопротивления наступлению бригаантин Кортеса.^[426]

Эти флоты, столь неэффективные против испанских судов и оружия, должно быть, оказали большую услугу ацтекам в поддержании их господства над многочисленными городами на берегах озера. Чтобы повысить эффективность лодок и лодочников, были учреждены гонки и фиктивные бои, которые, помимо полезной тренировки гребцов и воинов, служили дополнительным средством развлечения для людей, которые собирались толпами, чтобы наблюдать за борьбой соперников, аплодировать нырянию команды каждой побежденной лодки и награждать победителей почестями и призами.^[427]

ГЛАВА XIII.

ВОЕННЫЕ ОБЫЧАИ НАУА.

Важность профессии военного—Указания на ранг—Образование воинов—Награды за доблесть—Военные ордена и их форма одежды—Великолепная военная одежда Монтекумы и знати ацтеков—Одежда простых солдат—Доспехи и защитное оружие—Наступательное оружие—Штандарты—Послы и курьеры—Укрепления—Военный совет—Военные статьи—Объявление войны—Шпионы—Порядок марша и сражения—Военные обычаи тлашкальтеков и тарасков—Возвращение Армии—Победительницы—Празднование ратных подвигов.

ПРОФЕССИЯ ВОЕННОГО.

Как и следовало ожидать от такого воинственного и амбициозного народа, как науа, профессия военного стояла высоко над всеми другими призваниями, за исключением священнического. Особенно это было актуально в более поздние времена, при царях ацтеков, чьи беспринципные амбиции и страсть к завоеваниям могли быть удовлетворены только их воинами. Уицилопочтли, бог войны, защитник империи, прославлялся и почитался выше всех других богов; его алтари должны быть красными от крови, ибо одна кровь могла снискать его благосклонность, и войны часто велись исключительно для его умиловливания; доблесть была высшей добродетелью, высшие почести воздавались тем, кто отличился в битве; никакие почести, должности или ордена при правительстве не давались никому, кроме одобренных солдат. Родители и священник рассказывали детям о рыцарских подвигах их предков, которым они должны были подражать в отваге; титулы, награды и почетные должности предлагались для стимулирования честолюбия молодых людей. Король мог получить свою корону только после того, как собственноручно захватит пленников для принесения в жертву на празднике своей коронации. Священники были главными подстрекателями к войне и резне. Все войны были религиозными крестовыми походами. Победителя ожидали высшие земные награды, в то время как душа того, кто пал в битве, немедленно улетала на небеса. Следовало опасаться только поражения и трусости.

Заслуги воина науа вознаграждались только повышением в должности, поскольку наемных войск не нанималось. Но продвижение по службе, несомненно, следовало за блестящими подвигами, совершенными даже самым скромным солдатом, в то время как без таких отважных поступков сыновья высшей знати не могли надеяться ни на какое продвижение. Одежда и украшения были признаками ранга и менялись в некоторых деталях для каждого нового достижения. Избавление от грубой неквенской одежды простого солдата и последовательное надевание декоративных плащей высших рангов считалось достаточной

наградой и стимулом. Костюм каждого воина указывал точное количество пленных, захваченных его владельцем.

Однако особое внимание уделялось сыновьям лордов, предназначенным для военной профессии. В раннем возрасте их головы были выбриты, за исключением пучка волос на затылке, который назывался *мокуэкспальтия*, обозначение было изменено на *куэкспатчикуэпул*, когда мальчику было пятнадцать лет. В этом возрасте его отправляли на войну во главе опытных воинов, и если с их помощью он брал в плен, у него отрезали хохолок, а другой надевали на ухо вместе с перьями; по возвращении к нему бабушка, дедушка или дяди обращались к нему следующим образом: "Дитя мое, Солнце и Земля омыли и обновили твое лицо, потому что ты осмелился попытаться захватить врага в плен вместе с другими. Вот, теперь было бы лучше оставить тебя на милость врага, чем снова взять тебя в плен с помощью других, потому что, если это случится, они приделают тебе другой пучок волос к другому уху, и ты станешь похожа на девушку; поистине, лучше было бы тебе умереть, чем чтобы это случилось с тобой ". Если после справедливого суда юноше не удавалось взять пленника, он был опозорен и переставал быть воином в глазах своих товарищей; но если он добивался успеха без посторонней помощи, его называли воинственным юношей, *тельпухтлитаквитламани*, и его представляли королю, слуги которого окрашивали его лицо в красный цвет, виски и тело в желтый и даровали ему мантии и мактли тех цветов и рисунков, которые его достижения давали ему право носить. Если он брал двух пленников, почестей, конечно, было больше; три давали ему право командовать другими; четыре делали его капитаном, который мог носить длинные украшения для губ, кожаные серьги и яркие кисточки. С пятью пленниками молодой человек стал *куаухиакатлем*, "орлом, который направляет", с соответствующими знаками отличия: плюмажем с серебряными нитями на голове, мантией под названием *куечинтли*, еще одной мантией под названием *чикоапалнаказминки* двух цветов и еще одной, украшенной ремнями. Пленники, однако, должны быть представителями признанных доблестных народов, таких как атликско, уэхоцинка или тлашкальтеки; должно быть захвачено вдвое или втрое больше куэкстеков или тениме, и никакое их количество не может дать юноше право на высшие почести.^[428]

На мексиканских рисунках обозначены последовательные оценки, по которым продвигался выпускник храмовой школы, а также костюмы и защитные доспехи, которые ему разрешалось носить. Сначала мы видим, как он отправляется на войну, неся *препятствие* верховного жреца, который отправляется в поле боя, чтобы подбадривать войска, приводить в исполнение приказы и выполнять другие обязанности. На следующих фотографиях изображены устройства на щитах, манера раскрашивания, доспехи, головные уборы и украшения, которые им было разрешено носить в зависимости от количества взятых каждым в плен. Воины-жрецы были вознаграждены аналогичным образом снаряжением и знаками отличия особого дизайна, а также важными командирами в армии.^[429]

ТРИ ВОЕННЫХ ОРДЕНА.

Монархи ацтеков учредили три военных ордена, членам которых были предоставлены определенные привилегии и право носить знаки отличия; они также имели отведенные им апартаменты в королевском дворце и формировали королевскую гвардию. Повышение в

орден было открыто для всех, но добиться его можно было только каким-нибудь заметным ратным подвигом. Члены первого из этих трех орденов назывались ахкаухтинами, или Принцами, второго - Квоухтинами, или Орлами, третьего - Оцеломами, или Тиграми. Отличительной чертой принцев была их манера укладывать волосы, которые завязывались на макушке красным ремешком и заплетались в такое количество косичек, каждая из которых заканчивалась хлопковой кисточкой, какое соответствовало доблестным поступкам, совершенным носителем; орлы носили что-то вроде шлема в форме орлиной головы; тигры носили особые доспехи, пятнистые, как шкура животного, чье имя они носили. Эти знаки отличия использовались только на войне; при дворе все офицеры носили *тлачкаухьо*, разноцветную одежду. Члены этих трех военных орденов имели привилегию носить одежду гораздо более тонкой фактуры, чем у простых людей, а также такие перья и драгоценности, какие они могли позволить себе купить. По-видимому, также существовал низший рыцарский орден, члены которого коротко стригли волосы около ушей, носили тюбетейки и разрезные воротники; они были вооружены только для защиты от пояса и выше, в то время как их начальники сражались в полных доспехах. Всем этим привилегированным воинам разрешалось пользоваться расписными и позолоченными сосудами, но простые солдаты не могли пользоваться ничем, кроме простых глиняных.^[430]

Монтесума, который был членом ордена принцев, когда он лично выступал против врага, носил на ногах золотые поножи, а на руках тонкие пластины из того же металла, а также браслеты; на шее у него были ошейник и цепочки из золота с драгоценными камнями; с ушей и нижней губы свисали золотые украшения, украшенные драгоценными чалчиуитами; а с затылка до пояса свисало сверкающее королевское украшение, которое носили только короли, - *квачиктли*. Это было украшение изысканной работы, изготовленное с большим трудом из дорогих перьев и драгоценных камней и по форме напоминающее бабочку. В дополнение к этому он выделялся среди своей свиты щитом, на котором был изображен королевский герб, вышитый пером; и он также нес небольшой барабан, в который бил сигнал к битве.^[431]

ВОЕННАЯ ФОРМА И УКРАШЕНИЯ.

Когда монархи и знать Мексики, Тецкоко и Тлакопана вышли встречать Кортеса, что касается одежды, по которой короля можно было отличить от подданных; единственное отличие заключалось в том, что монархи носили короны из золота и драгоценных камней, украшенные драгоценными камнями сандалии на золотой подошве и кисточки на конце ленты, которой были перевязаны их волосы.^[432] Принц королевской крови, впервые появившийся на поле битвы, был одет в корону из золота и драгоценных камней. одет в простое белое; за его поведением внимательно следили, и после акции ему были пожалованы такие знаки отличия и цвета, какие он заслужил своим поведением.

Саагун дает подробное описание великолепных боевых костюмов благородных воинов-ацтеков, указывая местные названия каждой части снаряжения. Здесь описаны головные уборы, состоящие из богатых перьев, среди которых выделялись кетцаль; корсеты из красных и зеленых перьев, вышитые золотой нитью; головные уборы из зеленых перьев, оправленных в золотые ленты, или из тигровой шкуры; шлемы из серебра; одеяние, называемое *точивитль*, доходящее до колен, из желтых перьев ара, расшитое золотом, которое носят с золотой каской, украшенной перьями кетцаля; и другие не менее

великолепные наряды. В качестве средства руководства своими людьми некоторые офицеры несли маленькие барабаны, раскрашенные и украшенные перьями в тон их одежде, в сетке за спиной; другие несли маленькие флажки, сделанные из перьев, скрепленных золотыми или серебряными лентами. У многих благородных воинов на спинах были нарисованы или вышиты их гербы - дьяволы, чудовища и тому подобное. Поистине, такие *сполия опима* были достойны героического труда.^[433]

Рядовые ацтекской армии в бою носили только одежду макстли, но, раскрашивая свои лица и тела гротескными узорами ярких цветов и покрывая головы хлопком-сырцом, они придавали им достаточно свирепый и безвкусный вид.^[434]

Вожди тлашкальтеков носили стеганую хлопчатобумажную тунику толщиной в два пальца, плотно облегающую тело, а также защищавшую плечи и бедра; представители более состоятельного класса носили поверх туники кирасу из тонких золотых или серебряных пластин, а поверх всего набрасывали богатую мантию, изящно расшитую перьями; для защиты ног они надевали кожаные сапоги или деревянные поножи, украшенные золотом. На головах они носили морион из шкуры или дерева, изображавший голову какого-нибудь животного, птицы или змеи. С короны свисал великолепный пучок богато украшенных перьев - заметный знак, служивший для обозначения ранга воина.

ДОСПЕХИ И ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ.

Доспехи и защитное вооружение рыцарей науа, хотя и мало помогали против огнестрельного оружия и фехтования испанцев, все же превосходно подходили для защиты от оружия, которым пользовались между собой. *Чималли*, или мексиканский щит, изготавливался из различных материалов и различных форм; иногда он был круглым, иногда овальным, иногда закругленным только с нижней стороны; обычно его изготавливали из гибких бамбуковых тростей, прочно связанных вместе и покрытых шкурой. Лицевая сторона щита украшалась в соответствии с рангом и вкусом носителя; щиток знатного человека обычно покрывался тонкими золотыми пластинами с тяжелым выступом в центре. В Табаско и на побережье панцири черепах, инкрустированные золотом, серебром или медью, обычно использовались в качестве щитов. Тростниковая трава, шкуры или некуэн-ткань, покрытая индийским каучуком, служили для защиты простого солдата-ацтеков. Некоторые щиты были обычного размера, другие предназначались для прикрытия всего тела и были сконструированы таким образом, что, когда они не использовались, их можно было сложить и носить под мышкой. Бронежилет знати и воинов высших рангов состоял из нагрудника из стеганого хлопка толщиной в один или два пальца, называемого *ичкауэпилли*; поверх него был толстый хлопчатобумажный плащ, закрывавший часть рук и бедер, сшитый из одного куска, застегнутый сзади и украшенный перьями любых цветов, к которым могла принадлежать униформа роты, к которой принадлежал владелец. Эта хлопчатобумажная броня была полностью защищена от стрел и оказала большую услугу испанским завоевателям, которые, не теряя времени, приняли ее вместо своих тяжелых стальных доспехов. Щитки для рук и ног, сделанные из дерева, покрытого кожаными или золотыми пластинами и отделанные перьями, а также морионы из того же материала, сформованные и раскрашенные в виде головы тигра, змеи или чудовища с открытой пастью и оскаленными зубами, дополняют защитное снаряжение. Поверх кирас из золотых и серебряных пластин некоторые лорды носили одеяние из перьев, которое, как говорят,

было защищено от стрел и дротиков. Дворяне и офицеры также носили высокие плюмажи, чтобы создать впечатление увеличенного роста.^[435]

Щиты, которыми пользовались толтеки, были сделаны из шкур, украшенных перьями различных цветов; на головах они носили шлемы из золота, серебра или кожи.

Бронежилеты, которые носили главные воины, были сделаны из двойной ткани, подбитой хлопком; они отличались от доспехов ацтеков тем, что доходили до лодыжек и надевались поверх тонкой белой туники. Рядовые, как и в армии ацтеков, также раскрашивали верхнюю часть тела, изображая доспехи, но от талии до бедер они носили короткие панталоны, а поверх них, застегиваясь вокруг талии, нечто вроде килта, доходившего до колен и в некоторой степени служившего им защитой. Поперек тела был перевязан пояс из перьев, который проходил от правого плеча к левой стороне талии. На ногах у них были сандалии, а на головах - украшения из перьев, более или менее богатые в зависимости от качеств воина. Отправляясь на битву, они украшали свои шеи, грудь, руки и ноги самыми ценными побрякушками из золота или драгоценных камней.^[436] Тезозомок упоминает, что тараски носили стальные шлемы, но, как я уже говорил, ни один из этих народов не был знаком с использованием железа в какой-либо форме.^[437] Некоторые доспехи, бывшие в употреблении у табаскийцев, должно быть, были чрезвычайно богатыми, судя по тому, что было подарено Хуану де Грихальве касиком этой провинции. Оно состояло из поножей для колен и голеней, сделанных из дерева и покрытых листами золота, головных уборов, покрытых золотыми пластинами и драгоценными камнями, среди которых было забрало, верхняя половина которого состояла из соединенных вместе драгоценных камней, а нижняя половина - из золотых пластин; затем были кирасы из чистого золота, помимо количества пластин брони, достаточного, чтобы покрыть все тело.^[438]

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ.

Наступательное вооружение ацтеков состояло из луков и стрел, пращей, дубинок, копий, легких дротиков и мечей; и в обращении со всем этим солдаты были очень искусны. Луки были сделаны из прочного, эластичного дерева и имели около пяти футов в длину; в качестве тетив они использовали скрученные сухожилия животных или оленью шерсть. Стрелы представляли собой легкие трости, на конце которых было вставлено около шести дюймов дуба или другого твердого дерева; на конце кусок изтли скреплялся скрученным волокном неквена и дополнительно закреплялся пастой из смолы или другого клейкого вещества. Иногда вместо изтли они использовали кости животных или рыбы; говорят, что кость рыбы, называемая *либиса*, из-за своих ядовитых свойств нанесла^[439] рану, которую очень трудно залечить. Хорошо известно, что ни один из народов науа не пользовался отравленными стрелами; такое оружие победило бы цель, ради которой они часто вступали в войну, а именно цель брать своих врагов живыми с целью принесения их в жертву на алтарях своих богов. Разумно полагать, что многие из них достигли большой точности в стрельбе из лука, но есть основания усомниться в утверждении, что некоторые из них были способны выпустить по три или четыре стрелы одновременно; или подбросить початок кукурузы в воздух и проткнуть каждое зернышко прежде, чем оно достигнет земли; или подбросить монету размером в полдоллара и удерживать ее в воздухе столько, сколько им заблагорассудится.^[440] Праща представляла собой плетенку из лаваша или другого волокна, более широкую посередине, чем на концах, с помощью которой они удерживали ее в

воздухе. камни бросались с большой силой и точностью; снаряды носили в сумке, наполненной камнями, и подвешивали к поясу спереди. У МАЗа был клуб, похожую на Римскую, *Клава*, сужается от ручки к концу и обрывающийся в запутанной голове, наполненные точки *iztli* или закаленный медь.^[441] в *тасана*, или *макуахутле*, называемые испанцами *Эспада*, шпага, была сделана из прочного дерева, около трех с половиной футов в длину, с плоским лезвием четыре пальца в ширину. Вооруженных по обеим сторонам острыми частями *iztli* о трех пальцев в длину, три в ширину, которые были вставлены в рифленым краем, с интервалами, и закрепила с клеевой состав.^[442] это оружие, когда не в непосредственной пользы, велась посадкой на руке со шнуром. Многие из этих мечей были двуручными и очень тяжелыми, и утверждает, что с их помощью ацтекский воин мог одним ударом разрубить человека надвое или разрубить голову лошади. То, с которым сражался знаменитый тлашкальтекский полководец Тлауиколь, было настолько тяжелым, что человек обычной силы едва мог поднять его с земли.^[443] Мексиканские копья были очень прочными и заострялись изтли, или медью. Копья были основным оружием сапотеков и других племен оахаки. *Тлакочтли*, или мексиканское копье, походило на длинную стрелу, сделанную из отлатля или бамбука; наконечник обычно закалялся в огне или вооружался изтли, медью или костью; у многих было по три наконечника, что наносило очень серьезную рану; их бросали с большой силой, и к ним был привязан шнур, чтобы при броске их можно было извлечь для следующего броска. Некоторые авторы упоминают баллисту, которая использовалась для метания дротика, но я не нахожу никакого описания ее формы или способа ее использования;^[444] конечно, дротик летел с огромной скоростью, если это правда, как утверждает, что он пройдет сквозь тело человека; испанские завоеватели очень боялись его.

ПАЯЛЬНАЯ ТРУБКА И СТАНДАРТЫ.

Когда чичимеки впервые поселились в долине Анахуак, единственным оружием были лук со стрелами и духовая трубка, в обращении с которыми они были очень искусны. Духовая трубка представляла собой длинную полую трубку, через которую выбрасывались глиняные шарики, и утверждает, что с их помощью чичимеки могли убить человека или дикого зверя на умеренном расстоянии; впоследствии это оружие стало широко использоваться другими народами, но применялось только для отстрела мелких птиц. Среди прочего, Монтесума подарил Кортесу дюжину духовых трубок, красиво украшенных фигурами птиц и животных; мундштук каждой был сделан из золота, длиной пять или шесть дюймов; они также были украшены золотом в центре, и к ним прилагались золотые сетчатые мешочки для переноски пульки.^[445] Матлальтзинки и табаскийцы использовали оружие, аналогичное оружию народов долины Анахуак; первые были особенно искусны в обращении с пращей, которая, когда ее не было в руках. фактическое применение заключалось в нанесении раны в районе головы.^[446] Бойцы среди джалисканцев были вооружены подобным образом, но лорды и капитаны носили только длинные посохи, которыми призывали своих людей сражаться и наказывать любого, кто проявлял беспорядок или признаки трусости.^[447]

У каждой нации был свой особый штандарт, на котором были нарисованы или вышиты гербы государства. На флаге мексиканской империи, как мы видели, был изображен орел в момент схватки с тигром или ягуаром. В республике Тлашкала изображена птица с распростертыми крыльями, словно в полете, которую одни авторы называют орлом, другие

- белой птицей или журавлем. У каждого из четырех лордств республики был также свой соответствующий флаг; у Тизатлана был журавль на скале, у Тепетикпака - волк со связкой стрел в лапах, у Окотелулько - зеленая птица на скале, а у Куиахуизтлана - зонтик из зеленых перьев.^[448] У каждой роты или отряда также был свой штандарт, цвета которого соответствовали цветам доспехов и плюмажей вождя. Большое знамя армии тлашкальтеков нес генерал-командующий, а меньшие знамена рот - соответствующие капитаны; их несли на спине и были так крепко привязаны там, что их нельзя было снять без большого труда.^[449] На марше, а не в присутствии врага, знамя тлашкальтеков несли в авангарде, но в бою оно всегда размещалось в тылу. Мексиканский штандарт был поднят в центре армии. Музыкальные инструменты, состоящие из барабанов, рожков и больших морских раковин, звучали во время боя, чтобы подбодрить и воодушевить мужчин.

ПОСЛЫ И КУРЬЕРЫ.

Должность посла имела большое значение, и на эту должность назначались лица самого высокого ранга, отобранные за их вежливые манеры и ораторские способности. Их личности считались священными, и те, к кому они были отправлены, обычно принимали их с почетом и уважением, надушивали благовониями, дарили цветы, хорошо размещали и угощали; в случае, если им было нанесено какое-либо оскорбление или унижение достоинства, это служило достаточным поводом для войны. Такой случай произошел, когда тепанеки во время правления своего короля Макстлатона пригласили мексиканского монарха Ицкоатля и его вождей посетить их провинцию и воспользоваться их гостеприимством. Ицкоатль отказался по совету своих вождей, но последние пошли с подарками. Тепанеки приняли их, и вожди были отправлены обратно в женской одежде, которую они были вынуждены носить; это унижение привело к войне между двумя народами. Однако надлежащая вежливость и защита, обусловленные их положением, предоставлялись им только тогда, когда они находились на большой дороге, ведущей к их месту назначения; если они отклонялись от нее, то теряли свои права и привилегии как послы. При исполнении служебных обязанностей они носили особую одежду, обозначавшую их должность; она состояла из зеленого одеяния, напоминающего лопатку или небольшой плащ; в волосы были вплетены красивые перья разных цветов; в правой руке они держали стрелу острием к земле, а в левой - щит; на левой руке висела небольшая сеть с провизией.

По всей империи была создана полноценная система курьеров; эти курьеры использовались для доставки сообщений в мирное и военное время и свежих продуктов для королевского стола; как мы видели в предыдущей главе, утверждается, что Монтесуме ежедневно доставляли во дворец свежую рыбу с побережья мексиканского залива. Они были чрезвычайно быстрыми бегунами, их тренировали с детства и поощряли наградами преуспевать в скорости. Станции были расположены на расстоянии около шести миль друг от друга, где были построены небольшие башни, в которых жили один или несколько курьеров, готовых в любой момент отправиться с депешами. Как только курьер прибывал в одну из этих башен, один из ожидающих получал от него послание, которое он нес, обычно выраженное в картинах, и сразу же отправлялся на следующий этап, и таким образом весть была передана в столицу в невероятно короткие сроки. Когда депеши носили важный характер, курьер носил какой-нибудь значок или был одет так, чтобы это свидетельствовало о доверенной ему разведывательной информации. Например, если это касалось поражения в битве, он путешествовал с растрепанными волосами, сохраняя

строгое молчание, пока сообщение не было доставлено человеку, которому оно было адресовано; с другой стороны, если он приносил известие о победе, его волосы были аккуратно перевязаны цветной бечевкой, вокруг тела была обернута белая хлопчатобумажная ткань, в левой руке он нес щит, а в правой - меч, которым он размахивал, как в бою, воспевая при этом славные подвиги победителей.^[450]

УКРЕПЛЕНИЯ науа.

Мексиканцы и другие народы науа, которым благоприятствовали общие черты страны, приняли систему укреплений и траншей, превосходно приспособленных для защиты от нападений внутренних врагов, хотя и недостаточных для защиты от превосходящей тактики и неукротимого упорства Кортеса. Положение города Теночтитлан, или Мексики, давало ему все преимущества укрепленного города. К нему не было других путей подхода, кроме дамб, которые были защищены башнями и рвами, перекинутыми через подъемные мосты; именно несвоевременное возведение одного из этих подъемных мостов привело к таким разрушениям для испанцев и их союзников на "трехдневной ночи". Кроме того, жители готовились защищать свой город с помощью лодок и часто упражнялись в притворных морских сражениях. Храмы Мексики служили всем целям цитаделей, особенно великому храму, построенному императором Тизоком. Он занимал центр города и был окружен каменной стеной высотой восемь футов и очень толстой, с башенками и каменными фигурами на ней; в стене было четыре главных входа, над каждым из которых находились укрепленные помещения, хорошо укомплектованные оружием, наступательным и оборонительным, готовым к немедленному применению; сюда, в случае восстания или внезапной тревоги, отправлялся гарнизон и вооружался.^[451] В одном из королевских дворцов также находилась большая оружейная палата, где хранилось большое количество оружия и оружейники, занятые его изготовлением. Своеобразная архитектура храма делала восхождение на его вершину очень медленным и трудным; во время сражений мексиканцев с войсками Кортеса после смерти Монтесумы пятьсот мексиканских дворян овладели этой вершиной, откуда они забрасывали испанцев дротиками, стрелами и камнями, многие из которых погибли во время штурма, прежде чем позиция была занята Кортесом лично. В своем послании императору Карлу Пятому он говорит: "настолько трудной была попытка взять эту башню, что, если бы Бог не сломил их дух, двадцати из них было бы достаточно, чтобы противостоять восхождению тысячи человек, хотя они сражались с величайшей доблестью даже до смерти".^[452]

Помимо арсенала и места общего сбора, по всему городу было много башен с башнями и прочных зданий, с вершины которых мужчины могли с большим эффектом стрелять из лука и метать дротики и камни. Высокие теокалли служили сторожевыми башнями, откуда можно было наблюдать за передвижениями врага. Естественно неприступные местности, такие как окрестности непроходимых рек или оврагов, были выбраны в качестве мест для строительства городов, которые они дополнительно укрепили фортами или окружили каменными стенами. Город Гуакачула, взятый Кортесом вскоре после его отступления из Мексики в ходе "ночи триста", так описывается им в его письме Карлу Пятому: "Этот город Гуакачула расположен на равнине, ограниченной с одной стороны несколькими очень высокими и скалистыми холмами; с другой стороны равнину опоясывают, примерно на расстоянии двух выстрелов из арбалета друг от друга, две реки, которые протекают через большие и глубокие ущелья. Въездных путей в город очень мало, и они чрезвычайно

сложны как при подъеме, так и при спуске, так что их с трудом можно преодолеть верхом. Весь город окружен очень прочной стеной из камня и извести высотой около двадцати двух футов снаружи и почти вровень с землей внутри. По всей стене проходит зубчатая стена высотой в половину человеческого роста для защиты во время боя; в ней есть четыре входа достаточной ширины, чтобы пропустить человека верхом на лошади, и у каждого входа есть три или четыре изгиба в стене, которые заходят один на другой, а по ходу изгибов на вершине стены расположены парапеты для боя. По всему контуру стены расположено большое количество камней, больших и маленьких, различной формы для использования в действии". В четырех лигах от Гуакачулы находился другой город под названием Идзукан, также сильно укрепленный брустверами, башнями и глубокой рекой, которая опоясывала большую часть города.^[453]

Одним из самых знаменитых сооружений, построенных для обороны, была каменная стена, возведенная тлашкальтеками, чтобы обезопасить себя от вторжений мексиканцев. Эта стена имела шесть миль в длину и тянулась через долину от одной горы до другой; она была почти девяти футов в высоту и двадцати футов в толщину и по всей длине была увенчана бруствером, который позволял ее защитникам сражаться в сравнительной безопасности сверху. Там был только один вход, шириной около десяти шагов, где одна часть стены перекрывала другую в криволинейной форме на манер равелина на расстоянии сорока шагов. Берналь Диас и Кортес расходятся во мнениях относительно материалов, из которых была построена стена. Первый утверждает, что он был построен из камней, скрепленных известью и битумом настолько прочно, что для их разделения пришлось использовать кирки, в то время как второй утверждает, что он был построен из сухого камня.

Кортес, описывая резиденцию касика Изтакмаштитлана, гарнизона мексиканцев, говорит, что она была расположена на высоком холме, с крепостью лучше, чем была в половине Испании, защищенной стеной, барбаканом и рвами.^[454] Во многих других частях страны были каменные укрепления, деревянные частоколы и внутренние укрепления. Недалеко от деревни Молякашак стояла мощная крепость, построенная на вершине горы; она была окружена четырьмя стенами, возведенными через определенные промежутки времени между основанием горы и ее вершиной. В двадцати пяти милях от Кордовы находилась крепость Квоухточко, ныне Гуатуско, окруженная высокими каменными стенами, в которых не было входных ворот; попасть внутрь можно было только по крутым узким ступеням - метод, широко принятый в стране.^[455] Народы Мичоакана и Халиско использовали тяжелые стволы деревьев для укрепления своих позиций против испанских захватчиков или вырубали глубокие траншеи, в которые встраивали заостренные колья. Перед атакой под предводительством Педро Альварадо на жителей Халиско последние заняли сильную позицию на холме, которую они укрепили, разместив большие камни таким образом, что, перерезав удерживающие их веревки, они обрушились бы на нападавших; в ходе штурма многие испанцы были убиты, а Альварадо был сброшен со своего коня с такой силой, что умер два дня спустя.^[456]

В соответствии с трехсторонним договором, заключенным королевствами Мексика, Тецкоко и Тлакопан, был создан военный совет, состоящий из президента и двадцати одного члена. Во время правления императора Несауалькойотля их обсуждения проводились в зале его дворца в Тецкоко. Президент принадлежал к высшему званию знати и командующих армией, остальные члены совета состояли из шести высокопоставленных лиц Тецкоко, трех

дворян и трех простолюдинов, а также пятнадцати избранных из других главных провинций. Все они были офицерами-ветеранами с признанным мужеством и хорошим поведением. В этот суд передавались все дела, касающиеся войны. Совет собирался, когда требовалось, для обсуждения и принятия решений по всем делам службы, будь то для наказания за правонарушения, подрывающие воинскую дисциплину, или для ведения дел, связанных с объявлением войны другим державам. В последнем случае совещание всегда проходило в присутствии государя или трех глав империи. Все послы и солдаты подчинялись этому трибуналу, который назначал как награды, так и наказания. Ниже были приведены военные статьи:

ВОЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Первое: любой генерал или другой военный, который, сопровождая короля в походе, покинет его или оставит во власти врага, тем самым не выполнив свой долг, который заключался в возвращении своего государя живым или мертвым, подлежал смертной казни через обезглавливание.

Второе: любой офицер, составлявший гвардию принца и оказавший ему доверие, подлежал смертной казни через обезглавливание.

Третье: любой солдат, который не подчинился своему вышестоящему офицеру, или покинул свой пост, или повернулся спиной к врагу, или проявил к нему благосклонность, подлежал смертной казни через обезглавливание.

Четвертое: любой офицер или солдат, узурпировавший чужого пленника или добычу или передавший другому пленника, которого он сам захватил, подлежал смертной казни через повешение.

Пятое: любой солдат, который на войне нанес ранение врагу без разрешения своего офицера, или который атаковал до подачи сигнала, или который бросил знамя или штаб, или нарушил любой приказ, отданный своим капитаном, был казнен обезглавливанием.

Шестое: предатель, раскрывший врагу секреты армии или отдавший приказы, направленные на ее успех, был разорван на куски; его имущество было конфисковано короной, а все его дети и родственники были навечно обращены в рабов.

Седьмое: любой человек, защищавший или укрывавший врага во время войны, будь то дворянин или плебей, был разорван на куски посреди общественной площади, а его конечности были розданы населению для насмешек и презрения.

Восьмое: любой дворянин или выдающееся лицо, которое в бою или на любом танце или фестивале демонстрировало знаки отличия королей Мексики, Тецкоко или Тлакопана, подвергалось смертной казни и конфискации имущества.

Девятое: любой дворянин, который, попав в плен к врагу, бежал из тюрьмы и возвращался в свою страну, подвергался смертной казни через обезглавливание; но, если он сражался и победил семерых солдат в гладиаторских боях до возвращения, он был свободен и был вознагражден как храбрый человек. Рядовой, сбежавший из вражеской тюрьмы и вернувшийся в свою страну, был хорошо принят.

Десятое: любой посол, который не оправдал оказанного ему доверия в соответствии с данными ему приказами и инструкциями или вернулся без ответа, подлежал смертной казни через обезглавливание.^[457]

Как я уже говорил, основной целью большинства войн было добывание жертв для жертвоприношений Уицилопочтли и другим богам, и мексиканцы никогда не терялись под предлогом затеять ссору. Отказ соседней державы принять в своем храме одного из мексиканских богов, пренебрежение к уплате требуемой дани, оскорбления, нанесенные послам или путешествующим купцам, или признаки восстания в городе или провинции были достаточным предлогом для того, чтобы взяться за оружие. Правители Мексики, однако, всегда старались оправдать свое поведение перед началом войны и никогда не начинали военные действия, не направив должного уведомления о своих намерениях противнику. Прежде чем был брошен реальный вызов или объявлена война против какой-либо нации, совет собирался в присутствии трех глав империи и серьезно обсуждал справедливость этого дела. Если трудность заключалась в провинции, подвластной империи, посылались тайные эмиссары, чтобы выяснить, была ли вина исключительно наместника или его поддерживали его подданные. Если оказывалось, что вся вина лежала на губернаторе, для его ареста посылались силы, и он подвергался публичному наказанию вместе со всеми другими замешанными; но если восстание происходило с согласия народа, их призывали подчиниться королю, вассалами которого они были, и налагали штраф, пропорциональный масштабу дела. У правителей Мексики или Тецкоко было принято посылать гонцов в отдаленные провинции с требованием, чтобы они приняли одного или нескольких своих богов и поклонялись им в своих храмах. Если посланник был убит или предложенный бог отвергался, начиналась война.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ.

Как я уже говорил, начинать войну без надлежащего уведомления противника было нарушением международного этикета, а военное законодательство предписывало отправить три посольства до начала военных действий. Число послов варьировалось в зависимости от обстоятельств и ранга князей, против которых предстояла война, ибо чем выше был их ранг, тем меньше было послов. Если он был великим королем, то посылали только одного, и он, как правило, был королевской крови или знаменитым полководцем. Иногда послам поручалось передать свое послание непосредственно враждебному князю, в других случаях - жителям провинции. В первом случае, войдя в присутствие принца, они с почтением засвидетельствовали свое почтение и, усевшись в центре зала для аудиенций, ждали, пока им разрешат говорить. Сигнал был подан, главный из них произнес свое сообщение тихим голосом и заученной речью, аудитория хранила благопристойное молчание и внимательно слушала. Как правило, во всех посольствах производился обмен подарками, и если послание исходило от одной дружественной державы другой, отказ от таких подарков был серьезным оскорблением. Однако, если подарок предназначался врагу, посол не мог получить подарок без прямого приказа своего господина. Когда три державы Мексики, Тецкоко и Тлакопан действовали в унисон в случае возникновения трудностей с другой нацией, первыми направленными послами были представители мексиканской нации, которых звали *куакаунохцин*. По прибытии в столицу королевства или провинции

они сразу же направлялись на общественную площадь и вызывали к себе министров и пожилых людей, которым они сообщали некоторые обстоятельства дела, предупреждая их, что в случае, если их господин откажется принять их предложения, на них и их семьи обрушатся бедствия и невзгоды, вызванные войной, и призывая их посоветоваться и убедить своего господина поддерживать добрую волю и защиту империи; для этой цели они предоставили двадцать дней, в течение которых они ожидали ответа, и для того, чтобы не было жалоб на то, что их застигнут врасплох и захватят неподготовленные, они оставили запас оружия, а затем удалились за пределы города, чтобы дожидаться ответа. Если в течение двадцати дней было решено принять условия послов, министры отправлялись к месту, где их ожидали, и проводили их в город, где их принимали со всеми знаками уважения, и через короткое время отправляли обратно в их собственную страну в сопровождении других послов, принося дорогие подарки в знак дружбы и уважения. Если, однако, по прошествии двадцати дней не удавалось удовлетворительно урегулировать проблему, в город отправляли вторую группу послов, подготовленных специально для этого случая, которые должны были быть из королевства Тецкоко и назывались *аччакаухцин*. Они несли с собой некоторое количество оружия, несколько перьев птицы, называемой *текилотль*, и небольшой глиняный кувшин, содержащий некую бальзамическую и ароматическую мазь, приготовленную из различных трав и камеди. Они отправились прямо во дворец принца и в присутствии придворных передали свое послание. Затем они рассказали ему о тяготах войны и предупредили его, что, если в течение двадцати дней он не согласится на их условия, в случае взятия его в плен во время войны, которая последует, он будет предан смертной казни по закону, который приговаривает его к разбитию головы дубинкой, и что его вассалы будут наказаны пропорционально совершенному каждым преступлению. Если непокорный принц или дворянин отказывался немедленно подчиниться, послы смазывали его правую руку и голову принесенной с собой мазью, говоря ему быть сильным и мужественным и храбро сражаться против войск империи, чью военную доблесть они высоко превозносили. Затем они привязали перья текпилотля к его затылку красными нитками, вручили ему оружие, которое привезли с собой, и удалились к месту, где находились первые послы, чтобы дожидаться истечения двадцати дней. Если он сдавался в течение установленного срока, он должен был выплачивать оговоренную ежегодную дань в небольшом размере, но если он отказывался сдаваться, прибыла третья группа послов, которые были из королевства Тлакопан; они предстали перед господом в присутствии его министров и двора и передали свое послание с более сильными угрозами и предупреждениями о том, что, если он не сдастся по истечении еще двадцати дней, армия империи выступит против его территории и накажет жителей независимо от возраста или пола, и что, хотя они могут умолять его о помиловании, они не будут наказаны. услышанный; затем они предоставили им больший запас оружия, чем в предыдущих случаях, сказав им воспользоваться им самим и в будущем не говорить, что на них напали неподготовленными. Если правитель провинции сдавался в течение последних двадцати дней, его наказывали по усмотрению трех держав, но не смертью и не конфискацией его звания или имущества; обычно его приговаривали к выплате чрезвычайной дани из его собственных доходов; если он продолжал бунтовать, начиналась война, и армия империи, уже подготовленная на границах, начинала свои действия. [\[458\]](#)

Обычно было принято посылать официальный вызов или объявление войны в сопровождении каких-либо подарков - оружия, одежды или еды, поскольку нападение на любых безоружных или беззащитных людей считалось позорным актом. Примечательный пример такого духа продемонстрировали тлашкальтеки, когда они столкнулись с армией Кортеса; сообщается, что их генерал воскликнул: "Кто эти самонадеянные люди, которых

так мало, что они пытаются проникнуть в нашу страну вопреки нам? Чтобы они не подумали, что мы хотим взять их голодом, а не силой оружия, давайте пошлем им еды, чтобы после жертвоприношения они показались нам вкусными, потому что они приходят голодными и измученными ". Перед битвой они послали триста индеек и двести корзин чентли или тамалес, каждая корзина весила около двадцати пяти фунтов - подарок, наиболее приемлемый для кастильцев.^[459]

Когда было принято решение о войне против другой нации, первой заботой мексиканцев было изучить характер и ресурсы региона, в который они собирались вторгнуться. Определенные шпионы по имени *квимичтин*, которые были отобраны за знание языка и обычаев страны противника, были посланы туда одетыми по обычаям местных жителей. Этим шпионам было приказано подготовить карты районов, через которые они проходили, с указанием равнин, рек, гор и опасных перевалов, а также наиболее удобных маршрутов, и обратить внимание на все средства обороны, которыми располагал враг. Наброски и информация, полученные таким образом, были переданы командующим армией, чтобы направлять их в походе и дать им возможность наилучшим образом распределить свои силы. Такие шпионы, которые приносили ценные вести, вознаграждались пожалованием участка земли, а если кто-то переходил со стороны противника и давал совет об их приготовлениях и силах, ему хорошо платили и дарили мантии.^[460] Когда война должна была вестись совместно тремя союзными державами, герольды объявляли об этом на общественных улицах столиц. Офицеры комиссариата, названные *кальпикесами*, собрали необходимые припасы и провизию для кампании, а также раздали армии оружие и грубые накидки из некуэна. Затем войска отправились в храм и совершили церемонию нанесения шрамов на свои тела, в то время как жрецы приносили обычные жертвы Уицилопочтли.

ПОРЯДОК МАРША И СРАЖЕНИЯ.

Если экспедиция была важной, а армия большой, она состояла из нескольких дивизий, называемых *кикипилли*, каждая из которых состояла из восьми тысяч человек под командованием соответствующих командиров. Когда все было готово, порядок марша был составлен таким образом: жрецы со своими идолами выступили на один день вперед; следующими шли военачальники и цвет армии, за ними солдаты Мексики; за ними тецкуканцы, а затем солдаты Тлакопана, тыл прикрывали войска других провинций; каждую дивизию отделял один день марша. На маршруте поддерживался идеальный порядок, и когда они приблизились к территории противника, командиры определили место для лагеря, которое должна была занять каждая дивизия, и приказали всем окопаться и укрепить свои позиции.^[461]

Иногда битва велась на участке нейтральной территории, лежащем между границами двух территорий. Такое место было известно под названием *яухтлалли*, оно было специально отведено для этой цели и всегда оставалось необработанным.^[462] Перед началом боя каждый солдат получал из королевского магазина пригоршню пиноле и разновидность пирога под названием *тлашкальтотопочтли*; после этого верховный жрец или вождь обращался к войскам, напоминая им о славе, которую принесет победа, и вечном блаженстве, уготованном тем, кто пал, и в заключение советовал им довериться богу. Уицилопочтли и доблестно сражайся. Если король присутствовал на поле, то сигнал к атаке подавал он. Мексиканский монарх отдал приказ начать боевые действия, ударив в большой снаряд,

издающий звук, похожий на звук трубы; лорды Тецкоко били в маленький барабан, а лорды других провинций били по двум костям вместе. Сигналы к отступлению подавались по аналогичным приборам. Когда началась битва, визг музыкальных инструментов, лязг мечей о щиты и крики сражающихся произвели такой сильный шум, что повергли в ужас тех, кто к нему не привык. Во время боя воины выкрикивали названия своих городов или округов, чтобы они могли узнать друг друга и предотвратить путаницу.^[463]

В боевых действиях, по-видимому, не было особой тактики; командиры дивизий и капитаны прилагали все усилия, чтобы держать своих людей вместе, и были очень осторожны, защищая знамя, поскольку, если бы оно было взято, сражение считалось проигранным и все бежали. Они придерживались мудрой политики держать некоторое количество людей в резерве, чтобы заменить любого, кто устал или израсходовал свое оружие. Лучники, пращники и метатели копий начали бой на расстоянии и постепенно приближались, пока не оказались в ближнем бою, когда взялись за мечи и копья. Все передвижения, как в наступлении, так и при отступлении, выполнялись быстро; иногда отступление было притворным, чтобы заманить врага в заранее подготовленную засаду. Главной целью было захватить пленных, а не убивать; когда враг отказывался сдаваться, они старались ранить его в ногу, чтобы предотвратить побег, но они никогда не принимали выкуп за пленного. К армии были прикомандированы определенные люди, чьей обязанностью было вывозить убитых и раненых во время боевых действий, чтобы враг не знал о потерях и воспрянул духом.^[464]

ТЛАШКАЛЬТЕКИ И ТАРАСКО.

Тлашкальтеки разделили свою армию на батальоны, каждый из которых имел назначенного начальника, и все они находились под командованием главнокомандующего, который избирался из числа представителей четырех сеньорий, на которые была разделена республика. Их способ ведения боя мало отличался от такового у мексиканцев, за исключением определенной практики, которую они наблюдали при первом соприкосновении с врагом. Это заключалось в том, что они носили с собой два дротика, которые, по их мнению, предвещали победу или поражение в зависимости от результата их попадания во вражеские ряды. Согласно Мотилини, их традиция в отношении этой веры заключалась в том, что их предки пришли с северо-запада и что для того, чтобы достичь земли, они плыли восемь или десять дней; от старейшего из них они получили два дротика, которые они хранили как драгоценные реликвии и рассматривали как безошибочное предзнаменование, по которому можно было узнать, одержат ли они победу или им следует вовремя отступить.^[465] Когда была одержана победа, большое знамя выносили вперед и устанавливали на возвышенности или в каком-нибудь заметном месте, и все были обязаны собраться вокруг него; тот, кто пренебрегал этим, подвергался наказанию.

Тараски сражались с большим мужеством под звуки многочисленных рогов и морских раковин и несли на битву знамена, сделанные из разноцветных перьев. Их мастерство и доблесть лучше всего доказываются тем фактом, что мексиканцы так и не смогли их подчинить. Они продемонстрировали особую стратегию, заманив противника в засаду. Как и у мексиканцев, их главной целью в битве было захватить пленных для принесения в жертву своим богам.^[466]

У мексиканцев, когда битва закончилась, первых взятых в плен отдали священникам для принесения в жертву идолам, которых они носили с собой. Был составлен отчет о понесенных потерях и количестве пленных и другой добытой добычи. Всем отличившимся были розданы награды, а любому, кто плохо себя вел, было назначено наказание. Все споры, связанные с захватом пленных, расследовались и улаживались. Если возникал случай, когда ни один из спорщиков не мог доказать свой титул, у них отбирали пленника и отдавали жрецам для принесения в жертву. Те жители завоеванной провинции, которые могли доказать, что они не принимали активного участия в войне, наказывались по усмотрению их завоевателя; обычно их приговаривали к уплате определенной ежегодной дани или к строительству общественных работ; тем временем побежденная провинция была снабжена губернатором и офицерами, назначенными из числа завоевателей.^[467]

Когда король или феодальный сеньор впервые захватывал пленника, его успех становился поводом для большого ликования. Пленника, одетого в эффектную одежду и водруженного на носилки, с большим триумфом доставили в город в сопровождении множества воинов, кричавших и поющих; на окраине города процессию встретили жители, одни играли на музыкальных инструментах, другие танцевали и распевали песни, сочиненные специально для этого случая. Пленнику отдавали имитационные почести, а его похитителя всячески превозносили и поздравляли. Множество людей прибыло из соседних городов и деревень, чтобы поддержать всеобщее веселье, принеся с собой подарки в виде золота, драгоценностей и богатых платьев. В день, назначенный для жертвоприношения, был проведен грандиозный праздник, до и после которого господь постился и совершал определенные предписанные церемонии. Жертву обычно одевали по этому случаю в одежды бога солнца и приносили в жертву обычным способом. Частью вытекшей крови жрец окропил все четыре стороны храма; оставшуюся часть собрал в сосуд и отправил благородному похитителю, который окропил ею всех богов во дворе храма в знак благодарности за одержанную им победу. После того, как сердце было извлечено, тело скатили по ступенькам и отнесли вниз; затем голову отрезали и водрузили на высокий шест, после чего с тела содрали кожу, набили ее ватой и повесили в доме похитителя в память о его доблести.^[468]

ГЛАДИАТОРСКИЕ БОИ.

Когда известный капитан или дворянин попадал в плен, ему предоставлялось право сражаться за свою свободу - честь, не дозволенная воинам низшего ранга. Рядом с храмом было открытое пространство, способное вместить большое количество людей; посередине находился круглый холм, сложенный из камня и строительного раствора, высотой около восьми футов, со ступенями, ведущими на вершину, где был установлен большой круглый камень высотой в три фута, гладкий и украшенный фигурами. Этот камень назывался *темалакатль*; на него клали пленника, связанного за лодыжки веревкой, которая проходила через отверстие в центре камня. Его оружие состояло из щита и маканы.^[469] Тот, кто взял его в плен, затем взобрался на камень, лучше вооруженный, чтобы сразиться с ним. Оба бойца были движимы сильнейшими побуждениями к отчаянной борьбе. Заключенный боролся за свою жизнь и свободу, а его противник - за поддержание своей репутации. Если первый был побежден, священник по имени *чальчиухтепехуа* немедленно хватал его,

живым или мертвым подтаскивал к жертвенному камню и вырывал ему сердце. Затем победителя публично поздравили и наградили воинскими почестями. Однако, если пленник побеждал своего первого противника и шестерых других, которые последовательно нападали на него, ему предоставлялась свобода, вся добыча, отнятая у него в бою, возвращалась ему, и он возвращался в свою страну, покрытый славой. Заметное нарушение этого закона зафиксировано в отношении Huexotzincas. В битве между ними и чолультеками вождь последнего народа в пылу сражения был отделен от своего собственного народа и после доблестного сопротивления был взят в плен и препровожден в столицу. Будучи помещенным на гладиаторский камень, он победил семерых противников, которые были выдвинуты против него, но уэхоцинка, опасаясь освободить столь знаменитого воина, вопреки их всеобщему закону, предали его смерти и тем самым покрыли себя позором.^[470]

ВОЕННОПЛЕННЫЕ.

Если пленник был человеком очень высокого ранга, его приводили к королю, который приказывал, чтобы его роскошно кормили и содержали в течение сорока дней. По истечении этого срока ему предоставлялось право сразиться, и в случае победы, после обычных церемоний жертвоприношения тело разрезали на мелкие кусочки; они отправлялись родственникам и друзьям покойного, которые принимали их как ценные реликвии и признавали оказанную услугу, возвращая золото, драгоценности и богатые перья.^[471] Если верить Гомаре и другим, число жертв, в основном военнопленных, приносимых в жертву на некоторых празднествах, было огромным. Историки рассказывают, что перед главными воротами храма находился курган, сложенный из камня и извести, с бесчисленными черепами пленников, вставленными между камнями. У головы и подножия кургана стояли две башни, построенные полностью из черепов и извести; на вершине кургана было семьдесят или более вертикальных шестов, к каждому из которых через равные промежутки времени сверху донизу было прикреплено множество других палок; на концах каждой поперечной палки было по пять черепов. Далее они говорят, что два солдата Кортеса пересчитали эти черепа и обнаружили, что их количество составляет сто тридцать шесть тысяч. Тех, кто составлял башни, они не могли сосчитать.^[472]

Народы, соседствующие с мексиканцами, во многом подражали их способу обращения с военнопленными и держали их для принесения в жертву на своих празднествах. С первого пленного, взятого в битве тлашкальтеками, заживо сдирали кожу, и тот, кто захватывал его, надевал на себя ужасный трофей и, покрытый таким образом, служил богу сражений в течение определенного количества дней. Он переходил от одного храма к другому, сопровождаемый толпой, которая визжала от радости; но ему, однако, приходилось убегать от преследователей, потому что, если они ловили его, они били его почти до смерти. Эта церемония называлась *exquianan*, и иногда ее соблюдали двое или трое одновременно.^[473] На одном из своих праздников они привязывали своих пленников к высоким крестам и расстреливали их до смерти стрелами; в других случаях они убивали их бастинадо. У них также были торжественные пиры, на которых они ели мясо своих пленников. При взятии Мексики солдаты тлашкальтеков пировали телами убитых мексиканцев, и Кортес, хотя и был шокирован этой отвратительной практикой, не смог предотвратить ее.^[474]

Мексиканцы, тлашкальтеки и соседние народы всегда делали возвращение успешной армии поводом для большого праздника; громкий звук барабанов и музыкальных

инструментов приветствовал вступление победоносных войск в столицу; на улицах воздвигались триумфальные арки, а дома украшались цветами; сжигалось много копала и готовились роскошные пиры; все были одеты в свои самые яркие наряды, а воины надели все знаки отличия своего ранга; тем, кто совершил какой-либо подвиг храбрости, раздавались подарки, и все они были украшены цветами. менестрели пели или декламировали стихи в их честь. Многие ходили в храмы, чтобы понаблюдать за особыми актами поклонения богам, и затем большое количество пленников было принесено в жертву. Все эти церемонии, как правило, вселяли в молодежь мужество и заставляли их стремиться к отличию на войне.^[475]

ГЛАВА XIV.

ЗАКОНЫ И СУДЫ НАУА.

Общие замечания—Чиуакоатль, или Верховный судья—Суд Тлакатекаля—Юрисдикция текутли—Сентеклапикски и Топиллис—Суды и судьи Тецкоко—Совет восьмидесяти дней-Трибунал короля—Судебные разбирательства—Адвокаты—Свидетели—Вознаграждение судей—Правосудие короля Несауальпилли—Он приказывает казнить своего сына—Монтесума и Фермер—Тюрьмы—Законы против воровства, убийства, государственной измены, похищения людей, пьянства, колдовства, Супружеская измена, Кровосмешение, Содомия, Блуд и другие Преступления —История Незауалькойотля и Мальчика.

Уже говорилось, что у науа высшая законодательная власть принадлежала королю; законную долю, которую он принимал в отправлении правосудия, мы увидим, изучая принятую ими систему юриспруденции.

Рассматривая судебную систему науа, большинство историков предпочитали обсуждать почти исключительно систему, популярную в Тецкоко, отчасти, возможно, потому, что она представляет более приятную градацию судебных инстанций и, следовательно, имеет большее сходство с европейскими институтами, чем более простая рутина мексиканцев, но главным образом потому, что информационные материалы были более доступными и обильными. Многие авторы, однако, не следовали этому правилу, но, собрав всю информацию, которую они могли получить, в общий фонд, они применили ее всю без разбора к "мексиканцам", под этим термином они подразумевают всех жителей регионов, завоеванных Кортесом. Лас Касас, говоря о союзных королевствах Мексика, Тецкоко и Тлакопан, говорит, что "их правительство и законы почти не отличались друг от друга, так что все, что можно сказать о тех частях, относительно которых можно получить больше информации, может быть понято, и, возможно, лучше всего сказать, что это применимо ко всем".^[476] Хотя количество и юрисдикция судов Мексики и Тецкоко различались, есть основания полагать, что сами законы и применяемые наказания были одинаковыми или почти одинаковыми.

ЧИУАКОАТЛЬ, ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ.

В Мексике и в каждом из главных городов империи существовал верховный судья по имени *чихуакоатль*,^[477] который считался вторым после короля по рангу и авторитету. Он рассматривал апелляции по уголовным делам в суде, находящемся непосредственно под его началом, и на его решение не допускалось никакой апелляции, даже королю.^[478] ли чихуакоатль вынес решение по гражданскому делу является неопределенным. По словам

Клавиджеро, он так и сделал;^[479] Прескотт,^[480] Брассер де Бурбур,^[481] и Карбахаль Эспиноса^[482] согласны с Клавиджеро, а Леон Карбахаль^[483] цитирует Торквемаду как авторитет в этом утверждении, но факт в том, что Торквемада отчетливо подтверждает обратное,^[484] как и Лас Касас,^[485] от кого Торквемада получает информацию. Представляется, однако, разумным предположить, что в некоторых исключительных случаях, как, например, когда речь шла о праве собственности на крупные владения, или когда сторонами судебного процесса были влиятельные дворяне, верховный судья, возможно, рассматривал гражданские дела. Была ли юрисдикция чиуакоатля когда-либо первоначальной, а также окончательной, как утверждает Прескотт^[486], я не нахожу, что более ранние власти заявляли об этом, хотя это могло произойти в исключительных случаях, но в этом случае могло быть проведено только одно слушание, поскольку король, который был единственным начальником верховного судьи, не имел полномочий отменять решения последнего. Чиуакоатль назначался королем, а он, в свою очередь, назначал судей низшего звена. Он занимал свой пост пожизненно и в дополнение к своим обычным судебным обязанностям ведал важнейшими делами правительства и королевскими доходами. У него не было коллег, и он должен был вершить правосудие лично. Этому возвышенному персонажу оказывалось такое уважение, что всякий, у кого хватало наглости узурпировать его власть или знаки отличия, подвергался смерти, его имущество конфисковывалось, а семья обращалась в рабство.^[487]

Следующий суд был высшим по гражданским делам и мог быть обжалован в чиуакоатль только по делам уголовного характера. На нем председательствовали трое судей, главный из которых носил титул *тлакатекатль*, и от него суд получил свое название; его коллег звали *куаунохтли* и *тланотлак*.^[488] У каждого из них были свои заместители и помощники. Важные дела рассматривались в этой судебной инстанции в первой инстанции, но были также рассмотрены апелляции из судов низшей инстанции. Приговор был произнесен глашатаем по имени *текпойотль* от имени тлакатекатля, и куаунохтли собственноручно привел его в исполнение. Должность текпойотля считалась одной из самых почетных, потому что он провозглашал волю короля в лице своих судей.

ТЕКУХТЛИ И СЕНТЕКЛАПИКС.

В каждом округе города был мировой судья по имени *текухтли*, которого ежегодно избирали жители его округа; он рассматривал незначительные дела только в первой инстанции, и, вероятно, его должность чем-то напоминала должность нашего полицейского судьи. Обращение исходило от него к тлакатекатлю.^[489] Обязанностью текутли было ежедневно представлять отчет о делах, которые были переданы им, и о решениях, которые они вынесли по ним, тлакатекатлю, который рассматривал их дела. Мог ли тлакатекатль отменить решение текухтли, когда апелляция не подавалась, неизвестно, но это представляется маловероятным, поскольку неиспользование права на апелляцию означало бы признание справедливости решения, вынесенного судом низшей инстанции. В каждом округе были должностные лица, избираемые тем же способом, что и текутли, с титулом *centectlapixque*, в обязанности которых входило следить за поведением и благополучием определенного числа семей, вверенных их попечению, и знакомить магистратов со всем, что происходило. Хотя сентеклапикски не могли осуществлять судебную власть, все же вполне вероятно, что мелкие споры часто передавались им на арбитраж и что их арбитраж соблюдался. Однако в случае, если стороны не могли прийти к какому-либо дружественному

соглашению, *centectlapixque* немедленно сообщал об этом текухтли своего округа, и последовало обычное судебное разбирательство.

У текутли были свои судебные приставы, которые разносили их послания и вручали повестки. В дополнение к ним были констебли в стиле *топилли*, которые арестовывали заключенных и обеспечивали порядок.^[490]

СОВЕТ НА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ.

В Тецкоко, хотя королевство было разделено на множество провинций,^[491] высшие суды были размещены только в шести главных городах.^[492] Каждый из этих трибуналов возглавляли два судьи, которые были очень высокопоставленными магнатами и обычно родственниками короля, и от них исходила апелляция к двум верховным судьям, проживавшим в столице.^[493] Этим двенадцати судьям помогали двенадцать шерифов,^[494] в чьи обязанности входило арестовывать заключенных высокого ранга в их собственном округе или разыскивать преступников в других провинциях. Особым знаком отличия этих офицеров была украшенная определенным образом мантия; куда бы они ни пошли, к ним относились с большим благоговением и уважением как к представителям короля, и они редко сталкивались с сопротивлением при исполнении своих обязанностей. В судах также присутствовали констебли, которые с большим усердием доставляли сообщения или производили аресты. Каждые десять или двенадцать дней все судьи собирались на совет с королем,^[495] когда обсуждались важные дела и либо окончательно решались, либо передавались для принятия решения на большом совете, который созывался каждые четыре мексиканских месяца, принимая решения за все восемьдесят дней. В этих случаях все судьи без исключения собирались вместе, и председательствовал лично король. Когда все расселись в порядке старшинства, оратор открыл заседание речью, в которой восхвалял добродетель и сурово порицал порок; он сделал обзор всех событий последних восьмидесяти дней и очень сурово прокомментировал даже действия самого короля. В этом совете все иски прекращались, приговоры приводились в исполнение на месте,^[496] и обсуждались и решались государственные дела и политика; обычно он заседал в течение восьми или десяти дней.^[497] В дополнение к этим судьям во всех провинциях были магистраты более низкого ранга, которые рассматривали дела меньшей важности, а также слушали и рассматривали дела большей важности, готовясь к их представлению Восьмидесятидневному Совету.^[498] Историк Икстлильшочитль дает несколько иной отчет о трибуналах Тецкукана, который, поскольку он содержит единственное описание залов, в которых заседали судьи, данное древними авторами, я перевожу полностью.

Во дворце было два главных внутренних двора, больший из которых служил рыночной площадью. Второй двор был меньше первого и располагался больше во внутренней части дворца; в центре его постоянно горел огонь. Здесь находились два самых важных трибунала в королевстве. Справа от этого двора, пишет Икстлильшочитль, находился верховный трибунал, который назывался *теохичпалпан*, что означает "Трибунал Бога". Здесь был золотой трон, украшенный бирюзой и другими драгоценными камнями; перед троном стоял табурет, на котором лежали щит, макана и лук с колчаном стрел; на них был помещен череп, увенчанный изумрудом пирамидальной формы, на вершине которого был закреплен плюмаж из перьев и драгоценных камней; по бокам, в качестве ковров, были разложены

шкур тигров и львов (tigres y leones) и циновки (mantas), сделанные из перьев королевского орла, на которых лежало множество браслетов и щиколоток. золотые гравы также были расставлены в обычном порядке.^[499] Стены были обиты тканью всех цветов, сделанной из кроличьей шерсти, украшенной фигурками различных птиц, животных и цветов.^[500] К трону был прикреплен балдахин с богатым оперением, в центре которого был сверкающий орнамент из золота и драгоценных камней.

КОРОЛЕВСКИЙ ТРИБУНАЛ.

Другой трибунал назывался Трибуналом короля; в нем также был трон, который был ниже, чем у Трибунала Божьего, и балдахин, украшенный королевским гербом. Здесь короли занимались обычными делами и давали публичные аудиенции; но когда они выносили решения по серьезным и важным делам или выносили смертный приговор, они отправлялись в Суд Божий, возлагая правую руку на череп, а в левой держа золотую стрелу, служившую скипетром, и в этих случаях они надевали тиару, которой они пользовались, напоминающую половину митры. На том же табурете стояли три такие диадемы: одна была из драгоценных камней, оправленных в золото, другая из перьев, а третья соткана из хлопка и кроличьей шерсти голубого цвета. Этот трибунал состоял из четырнадцати вельмож королевства, которые заседали в трех частях зала в соответствии со своим рангом и старшинством. В первом отделении находился король; во втором отделении сидели шесть вельмож; первым из этих шести, по правую руку, был лорд Теотиуакана, вторым - лорд Аколмана, третьим - лорд Тепетлаостока; с левой стороны сидел, во-первых, лорд Уексотлы, во-вторых, лорд Коатличана, в-третьих, он из Чималуакана. В третьем отделении зала, которое было внешним, сидели восемь других лордов в соответствии с их рангом и старшинством; по правую сторону первым был лорд Отомпан, вторым - лорд Толланцинко, третьим - лорд Квоучинанко, четвертым - лорд Ксикотепек, а по левую сторону были, во-первых, лорд Тепечпан, во-вторых, лорд Чиаухтла, в-третьих, лорд Чиухнаухтла, и в-четвертых, он из Тейотокана .

Далее следовал также другой зал, который примыкал к этому с восточной стороны и был разделен на две части; во внутреннем и главном отделе находились восемь судей, которые были дворянами и джентльменами, и еще четверо, которые принадлежали к классу граждан;^[501] за ними следовали пятнадцать провинциальных судей, уроженцев всех городов и главнейших поселков Тецкоко; последний рассматривал все иски, гражданские или уголовные, которые были охвачены восемьюдесятью законами, установленными Несауалькотлем; продолжительность действия наиболее важных из них дел никогда не было больше восьмидесяти дней. В другом, или внешнем, отделении зала находился трибунал, состоящий из четырех верховных судей, которые были председателями советов; и там была калитка, через которую они входили и выходили, чтобы общаться с королем.^[502]

СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО.

Помимо этих различных трибуналов для общего отправления правосудия, существовали и другие, которые обладали юрисдикцией только по делам особого характера. Существовал суд по бракоразводным делам и еще один, который занимался только военными делами; он

судил и наказывал военных, а также имел право присуждать награды и почести достойным; особая юрисдикция другого суда распространялась на вопросы, относящиеся к искусству и науке, в то время как четвертый суд ведал королевской казной, налогами и податями, а также теми, кто был занят их сбором. О некоторых из этих институтов я уже имел возможность говорить. Режим процедуры, или распорядок дня, в судах Мексики и Тецкоко был строгим и формальным. На восходе солнца, или, как некоторые говорят, на рассвете, судьи занимали свои места в суде, сидя на корточках на циновках, расстеленных специально для этой цели, обычно на возвышении. Здесь они вершили правосудие до полудня, когда отведали трапезу, приготовленную на королевской кухне. Когда с этим было покончено и они немного отдохнули, работа возобновилась и продолжалась большую часть дня. Пунктуальность со стороны судей строго соблюдалась, и тот, кто отсутствовал в суде без уважительной причины, такой как болезнь или королевское разрешение, подвергался суровому наказанию. Этот порядок соблюдался каждый день, за исключением случаев, когда требовалось присутствие судей на публичных жертвоприношениях или торжественных празднествах, в это время суды оставались закрытыми.^[503]

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ.

Незначительные дела рассматривались устно, стороны приводили своих свидетелей, которые давали показания под присягой в пользу жалобы или защиты. Показания принципалов под присягой также были приняты в качестве доказательства; и один автор даже утверждает, что подсудимый мог оправдать себя своей присягой;^[504] но очевидно, что в таком случае обвинительный приговор был бы очень редким. В делах большей важности, особенно в гражданских исках, где речь шла о владении недвижимостью, картины, на которых было представлено спорное имущество, представлялись в качестве подлинных документов, и все судебное разбирательство, такое как предмет иска, доказательства, имена сторон и их соответствующих свидетелей, а также решение или приговор, были зафиксированы в суде нотариусами или клерками, назначенными для этой цели.^[505] Свидетель в суде ацтеков занимал серьезное положение. Во-первых, все авторы утверждают, что судьи были особенно искусны в перекрестных допросах. Похоже, они специально изучали приставать к свидетелям с уместными вопросами и мельчайшими подробностями; во-вторых, наказанием за лжесвидетельство была смерть, а лжесвидетельство среди этих людей заключалось в даче ложных показаний под присягой без возможности спастись юридическими уловками; в дополнение к этому, суеверие придавало большое значение клятве, которую обязан был дать каждый свидетель, и которая заключалась в прикосновении указательного пальца к земле, а затем к языку, как бы говоря, как выражается Лас Касас: "Богиней Землей, которая поддерживает и дает мое пропитание, я клянусь говорить правду. Эта клятва считалась очень священной и обязательной, и, как говорят, ее редко нарушали. Вопрос о том, был ли нанят адвокат или поверенные, является спорным, некоторые авторы четко утверждают, что они были наняты, а другие - что нет.^[506] Вейтия утверждает, что истец и ответчик иногда сталкивались друг с другом и были вынуждены обсуждать дело в суде, при этом никому другому не разрешалось говорить. Судьи заслушали и вынесли приговор большинством голосов,^[507] каждый озвучил свое решение вслух. Если судебное разбирательство проходило в суде низшей инстанции, разногласия направляли дело на апелляцию в вышестоящий суд; если дело рассматривалось в первой инстанции в вышестоящем суде, оно обжаловалось в большом совете императора. Тот же автор также говорит, что там, где было совершено серьезное общественное

преступление, допрашивались свидетели, и приговор выносился немедленно, не давая обвиняемому времени на самозащиту.^[508] Мы уже видели, что продолжительность скафандров была ограничена восьмидесятью днями, и обычно они заканчивались гораздо раньше этого, всегда использовались все возможные экспедиции. Чтобы лучше избежать взяточничества и коррупции, судье было категорически запрещено получать подарки, какими бы пустяковыми они ни были, и тот, кто нарушал это правило, был отстранен от должности и иным образом наказан с особой строгостью.

Способ, которым судьям платили за их услуги, был своеобразным. Определенная часть земли была выделена исключительно в их интересах, которая обрабатывалась и собиралась арендаторами, которым, несомненно, разрешалось сохранять часть продукции в обмен на их труд. Эти земли не наследовались сыном после смерти отца, а переходили к судье, назначенному вместо последнего.^[509] Вейтия не упоминает эти земли; он говорит, что у судей не было фиксированного жалованья, но оно выплачивалось по желанию короля, более или менее пропорционально размеру их семей, кроме того, король сделал ценные подарки, когда собрался Восьмидесятидневный Совет, тем, кто выполнил свой долг к его удовлетворению.^[510] Пособие во всех случаях выплачивалось в достаточном объеме, чтобы судье, получающему подарки или взятки, не могло быть оправдания по причине бедности. Они занимали свои должности пожизненно и избирались из высших слоев общества, особенно высшими судьями, которые, как правило, были родственниками короля или даже членами королевской семьи. Никто не мог претендовать на эту должность, если бы не был трезвым, честным человеком, воспитанным в храмах и хорошо знакомым с придворной жизнью и нравами. Судья, напившийся или получивший взятку, получал трижды строгий выговор от своих коллег-судей; если нарушение повторялось, ему публично брили голову, что было большим позором среди ацтеков, и он с позором лишался своей должности. Судья, дающий ложный отчет королю, или признанный виновным в получении крупной взятки, или в вынесении явно несправедливого решения, наказывался смертью.^[511] В Тлашкале обошлись без всего этого механизма закона, где все споры и трудности быстро разрешались определенными стариками, назначенными для этой цели.^[512]

АНЕКДОТЫ О НЕСАУАЛЬПИЛЛИ.

Любовь к беспристрастному правосудию, по-видимому, была характерна для всех монархов ацтеков, и, как мы видели, законы, которые они издавали, чтобы обеспечить это своим подданным, были крайне суровыми. Никакой фаворитизм не допускался; все, от высших до низших, считались подчиняющимися закону. История, иллюстрирующая это, повторяется почти всеми старыми авторами. В правление Несауальпилли, сына Несауалькойотля, которые считались двумя мудрейшими царями Тецкоко, между богатым и могущественным дворянином и бедняком из народа возникла тяжба. Судья вынес решение не в пользу бедняка, который таким образом потерял то небольшое, что у него было, и оказался под угрозой того, что ему придется продать себя в рабство, чтобы прокормить свою семью. Но поскольку возникло подозрение в нечестной игре, король приказал тщательно расследовать это дело, когда выяснилось, что судья был виновен в сговоре с богачом; поэтому король приказал немедленно повесить несправедливого судью и вернуть ему имущество бедняка.

Ни сами правители, ни их семьи не были освобождены от соблюдения закона, и нередки случаи, когда отцы, подобно Бруту, приговаривали своих детей к смерти, вместо того чтобы

позволить нарушить закон и преступнику остаться безнаказанным. Несуалькойотль приказал публично казнить четырех своих собственных сыновей за то, что они согрешили со своими мачехами, женами своего отца.^[513] Торквемада рассказывает очень трогательный случай, показывающий, до какой степени любовь к беспристрастному правосудию была присуща правителю Тецкукана.

Несуальпилли, король Тецкоко, был женат на двух сестрах, которых он нежно любил, и особенно души не чаял в младшей, которую звали Шокоцинкатзин. От нее у него было несколько детей, старшим из которых был сын по имени Хексоцинкатзин, которого любили все, кто его знал, из-за его дружелюбного нрава и благородных качеств, и который, кроме того, был очень доблестным молодым человеком и великим воином. Неудивительно, что он был предметом гордости короля и его любили даже больше, чем его братьев и сестер, ради него самого и ради его матери. Уэхоцинкатзин настолько отличился, что, хотя он был всего лишь молодым человеком, его отец решил даровать ему должность и титул тлакатекатль, что было высшей честью и важностью.^[514] Однажды король приказал послать за принцем и привести его к нему. С легким сердцем и в приподнятом настроении Уэхоцинкатзин в сопровождении своей свиты и знати, которая была его наставниками, отправился в королевский дворец. Уже собираясь войти, принц встретил одну из наложниц своего отца в сопровождении ее фрейлин. Эта наложница была очень красивой и гордой женщиной, но при этом обладала свободной осанкой, что побудило Хексоцинкатзина, который, возможно, не знал, кто она такая, обращаться к ней фамильярно и неуважительно. Женщина, которая, как отмечает историк, не могла обладать большим здравым смыслом, либо потому, что чувствовала себя оскорбленной его поведением по отношению к ней, либо потому, что боялась последствий, если король узнает о случившемся, молча отвернулась от принца и вошла во дворец. Наложниц царя, как мы видели в предыдущей главе, всегда сопровождали определенные пожилые женщины, в чьи обязанности входило наставлять их в благоразумном поведении и постоянно следить за их действиями. Одна из этих женщин, которая была с наложницей во время ее встречи с Хексоцинкаци и подслушала замечания принца, сразу же отправилась к королю и сообщила ему обо всем, что произошло. Король немедленно послал за своей наложницей и спросил ее, говорил ли принц непристойности с ней публично и в присутствии дам и придворных, или он намеревался, чтобы его слова достигли ее ушей; ибо Несуальпилли хотел бы найти какое-нибудь оправдание для своего сына, наказанием за публичные непристойные слова с наложницами короля, согласно закону, является смерть; но испуганная женщина ответила, что Уэхоцинкатзин открыто разговаривал с ней перед всеми присутствующими. Затем царь отпустил наложницу и в трауре удалился в определенные покои, которые назывались "комнатами скорби".

НАКАЗАНИЕ КОРОЛЕВИЧА.

Когда эти слухи дошли до ушей друзей и наставников принца, они были сильно обеспокоены на его счет, потому что суровость короля и его строгая приверженность закону вошли в поговорку среди народа, и их опасения усилились, когда по прибытии в королевские апартаменты принцу было отказано во входе, хотя его слугам было приказано немедленно предстать перед королем. Там он подробно допросил их, и хотя они охотно спасли бы принца от последствий его безрассудства, все же они не осмеливались говорить ничего, кроме правды, ибо тот, кто был уличен в умышленном обмане короля, был приговорен к смерти. Все, что они могли сделать, это оправдать принца и попросить

прощения за его преступление, что они и сделали со многими молитвами и уговорами, ссылаясь в качестве смягчающих обстоятельств на его молодость, его предыдущее хорошее поведение и его возможное незнание того факта, что дама была наложницей его отца. Король терпеливо выслушал до конца, ничего не ответив, а затем приказал немедленно арестовать Уэхоцинкатзина и заключить его в тюрьму. Позже в тот же день он вынес смертный приговор своему сыну. Когда стало известно, что Уэхоцинкатзин должен умереть, вся могущественная знать, находившаяся при дворе, всем скопом отправилась к королю и убедительно умоляла его не настаивать на приведении приговора в исполнение, говоря ему, что это варварство и противоестественность, и что будущие поколения будут с ужасом и ненавистью хранить память о человеке, который приговорил к смерти своего собственного сына. Однако их молитвы и доводы, казалось, сделали старого короля только более неумолимым, и он отверг их, сказав, что если закон запрещает подобные вещи и если этот закон нерушимо соблюдается во всем королевстве, то как он может оправдать свое поведение перед своими подданными, если позволит нарушать его в своем собственном дворце и преступник останется безнаказанным только потому, что он его сын; что о нем никогда не следует говорить, что он издавал для своих подданных законы, которые не применялись к его собственной семье.

Когда Шокоцинкаци, мать принца, услышала, что он приговорен к смерти, она собрала вокруг себя остальных своих сыновей и, внезапно появившись перед своим мужем, упала на колени и со слезами умоляла его сохранить жизнь ее дорогому сыну, первому залогу любви, который она, его любимая жена, дала ему. Найдя все свои мольбы бесплодными, она тогда умоляла его ради любви, которую он когда-то питал к ней, убить ее и других ее сыновей Уэхоцинкаци, поскольку жизнь без ее первенца была невыносима. Но суровый старый король по-прежнему сидел, судя по всему, невозмутимый и непоколебимый, и холодно приказал сопровождавшим его дамам отвести несчастную мать в ее покой.

Те, кто нес за это ответственность, всячески оттягивали казнь принца в надежде, что король все же смягчится; но Несауальпилли, узнав об этом, немедленно приказал привести приговор в исполнение без дальнейших проволочек. Итак, Хексоцинкатзин умер. Как только известие о смерти его сына было доведено до короля, он заперся в определенных покоях, называемых "комнатами скорби", и оставался там сорок дней, оплакивая своего первенца и никого не видя. Затем дом покойного принца был замурован, и никому не разрешалось входить в него, и поэтому все свидетельства о несчастном молодом человеке были уничтожены.^[515]

МОНТЕСУМА И ФЕРМЕР.

Возможно, здесь уместен еще один анекдот, написанный местным историком Тезозомоком на отвратительном испанском языке. В нем рассказывается об императоре Мексики Монтесуме, и читатель сразу заметит сходство между этим и многими другими анекдотами, с которыми он знаком, где смелый и заслуженный упрек от подданного своему государю воспринимается с уважением и даже благосклонностью.

Случилось однажды летом, что король, устав от государственных забот, отправился отдыхать в свой загородный дворец в Такубайе. Однажды, охотясь на птиц, он пришел в

фруктовый сад и, велев своим слугам оставаться снаружи, вошел один. Ему удалось подстрелить птицу, и, возвращаясь с добычей в руках, он свернул в сторону, на поле, где рос удивительно хороший урожай кукурузы. Сорвав несколько колосьев, он направился к дому владельца поля, который стоял неподалеку, чтобы показать ему сорванные им колосья и похвалить свой урожай, но поскольку по закону смотреть в лицо королю приравнивалось к смерти, обитатели дома разбежались, и в нем никого не было. Теперь владелец поля издали увидел, как король срывает кукурузу, и, несмотря на то, что это было противозаконно, он осмелился приблизиться к монарху таким образом, чтобы эта встреча казалась случайной. Склонившись в глубоком поклоне, он обратился к королю: "Как случилось, о высочайший и могущественный принц, что ты таким образом украл мое зерно? Разве не ты сам установил закон, по которому тот, кто украдет один початок кукурузы или его стоимость, должен понести смерть? И Монтесума ответил: "Воистину, я издал такой закон". Тогда сказал фермер: "Как же так получается, что ты нарушаешь свой собственный закон?" И король ответил: "Вот твое зерно, заведи то, что я украл у тебя". Но владелец поля встревожился собственной смелостью и попытался оправдаться, сказав, что он сказал это просто в шутку, ибо, сказал он: "Разве мои поля, и я, и моя жена, и мои дети - все это не твоё, делай с ними, что хочешь"; и он отказался забрать колосья. Тогда царь снял свою мантию из сетки и драгоценных камней, которая называлась *сюхьятль* и стояла целого города, и предложил ее крестьянину, который сначала побоялся принять столь драгоценный подарок, но Монтесума настоял, и он взял мантию, пообещав бережно хранить ее в память о царе. Когда Монтесума вернулся к своим слугам, драгоценной мантии сразу же не хватило, и они начали расспрашивать, что с ней стало; заметив это, царь сказал им, что на него напали разбойники, когда он был один, которые лишили его мантии, в то же время он приказал им под страхом смерти больше ничего не говорить об этом деле. На следующий день, прибыв в свой королевский дворец в Мексике, когда вся его великая знать была около него, он приказал одному из своих капитанов отправиться в Такубайю и разузнать о некоем Шочитлакоцине, которого они должны были немедленно привести к нему, но под страхом смертной казни они не должны никоим образом причинять ему вред или оскорблять его. Когда посланцы короля рассказали Шочитлакоцину о своем поручении, он был сильно встревожен и попытался сбежать, но они поймали его и, сказав, чтобы он ничего не боялся, поскольку король благосклонен к нему, привели его к Монтесуме. Король, поприветствовав его, спросил, что стало с его мантией. При этих словах присутствовавшие дворяне сильно разволновались, но Монтесума успокоил их, сказав: "У этого бедняги больше мужества и отваги, чем у любого из вас, присутствующих здесь, ибо он осмелился говорить правду и сказать мне, что я нарушил свои законы. В таких людях я нуждаюсь больше, чем в тех, кто говорит со мной только сладкие слова". Затем, осведомившись, какие главные должности вакантны, он приказал своим приближенным лордам приютить Шочитлакоцина, который отныне был его родственником и одним из главных людей королевства, и позаботиться о нем. Впоследствии тот, кто так недавно был бедным фермером, получил в собственность главный дом в Олаке, и его потомки долго хвастались, что они родственники Монтесумы.^[516]

НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Как мы сейчас увидим, ацтеки использовали множество способов наказания нарушителей закона, но я не думаю, что к тюремному заключению широко прибегали. Правда, у них были тюрьмы, и, судя по всему, очень жестокие, но, похоже, они предназначались скорее для содержания заключенных до суда или между их осуждением и казнью, чем для постоянного

наказания. Эти тюрьмы были двух классов: одна называлась *тейлпилоян* для тех, кто был заключен в тюрьму по гражданскому обвинению, другая называлась *куаукалько*,^[517] для заключенных, приговоренных к смертной казни. Камеры были сделаны как клетки, и тюрьма была устроена так, что пропускала очень мало света или воздуха;^[518] пища была скудной и плохого качества, так что, как выражается Лас Касас, заключенные вскоре исхудали и пожелтели, и в тюрьме их ждала смерть, которая впоследствии была им вынесена. Клавиджеро, однако, утверждает, что приговоренных к жертвенному камню хорошо кормили, чтобы они могли явиться на жертвоприношение в хорошей форме.^[519] За пленными велось очень пристальное наблюдение, настолько пристальное, что, если по небрежности охраны военнопленный сбегал из клетки, община округа, в обязанность которой входило обеспечивать заключенных охраной, была обязана выплатить владельцу беглеца, рабыне, партию хлопчатобумажной одежды и щит.^[520] Мендьета говорит, что эти тюрьмы использовались только для лиц, ожидающих суда по очень серьезным обвинениям; ибо, пишет он, в случае, если кто-то привлекался к ответственности по обычному обвинению, "это было невозможно". министру юстиции было достаточно поставить заключенного в угол с несколькими легкими палками перед ним; более того, я полагаю, что было бы достаточно просто провести черту и приказать ему не переходить ее, даже если бы у него были основания полагать, что его ждет суровое наказание, потому что скрыться от правосудия и сбежать было невозможно. Во всяком случае, я собственными глазами видел заключенного, стоявшего совершенно без охраны, если не считать вышеупомянутых палок".^[521]

Как и большинство полуварварских народов, ацтеки были более склонны наказывать за преступления, чем вознаграждать добродетель, и даже когда заслуги вознаграждались, они носили более грубый и материальный характер, такой как доблесть на войне или успешное государственное управление. Большая часть их кодекса, возможно, как и кодекса Дракона, была написана кровью — настолько суровыми были наказания, налагаемые за сравнительно незначительные преступления, и настолько жестокими и кровавыми были способы приведения этих наказаний в исполнение. В самом широком смысле этой фразы ацтеками правили железным прутом; но в том, что такая суровость была необходима, я не сомневаюсь, поскольку какая бы форма правления ни существовала, хорошая она или плохая, эта форма правления необходима, иначе ее не могло бы быть. Все молодые государства должны принять суровые законы для обеспечения мира и благополучия сообщества, пока еще не установлены законы привычки и обычая; и по мере того, как это сообщество прогрессирует и совершенствуется, оно само будет формировать свою систему правления в соответствии с собой. Кодекс Дракона был заменен кодексом Солона, когда улучшение состояния афинского сообщества потребовало смягчения суровости первого, и аналогичным образом законы Монтесумы и Несауалькойотля уступили бы место другим, менее суровым, если бы цивилизации ацтеков было позволено развиваться.

СВОД ЗАКОНОВ.

Законы нескольких королевств ацтеков были по существу одинаковыми; однако существовали некоторые незначительные различия, и в этих случаях кодекс Тецкоко оказывается наиболее жестким, в то время как кодекс Мексики отличается большей снисходительностью. Я уже отмечал, что большинство авторов трактуют законодательство Тецкоко, но, как и в других вопросах, многие авторитеты, которым следовало бы доверять,

преодолевают трудность отличить то, что относится к одной системе юриспруденции, от того, что принадлежит другой, говоря в целом о кодексе, существовавшем в Новой Испании или среди "этих людей". Большинство подчиненных провинций приняли законы государства, которому они стали подчиняться. Но это ни в коем случае не было обязательным, потому что, поскольку покоренные народы не были вынуждены говорить на языке своих завоевателей, их также не заставляли пользоваться их законами.^[522] Давайте теперь посмотрим, что это были за законы.

НАКАЗАНИЕ ЗА КРАЖУ.

Кража каралась по-разному, и, по-видимому, совсем не пропорционально масштабу преступления. Таким образом, тот, кто украл определенное количество початков кукурузы,^[523] подвергся смерти, в то время как тот, кто врывался в храмы и воровал оттуда, был обращен в рабство за первое преступление и повешен за второе, и четко указано^[524], что для того, чтобы заслужить любое из этих наказаний, кража должна быть обширной. В случаях, специально не предусмотренных, представляется, что мелкий воришка становился рабом человека, у которого он украл; однако, по словам Ортеги, потерпевшая сторона имела привилегию отказаться принять вора в качестве раба, и в этом случае последний был продан судьями, а из выручки от продажи заявителю была выплачена компенсация. Тот же автор утверждает, что в некоторых случаях компромисс мог быть достигнут путем согласия оскорбленной стороны на возмещение ущерба со стороны вора, и в этом случае последний выплачивал в казну сумму, равную украденной сумме. Это утверждение несколько туманно, поскольку для ограбленной стороны было бы лишь слабым удовлетворением увидеть, как эквивалент этого грабежа будет внесен в государственную казну; но я понимаю, что автор имел в виду, что проигравший возместил свой проигрыш, и что для удовлетворения правосудия на заключенного была наложена равная сумма штрафа.^[525] Кража крупной суммы почти неизменно каралась смертью, которая причинялась различными способами. Обычно преступника с позором волокли по улицам, а затем вешали;^[526] иногда его забивали камнями до смерти.^[527] Тот, кто грабил на большой дороге, был убит ударом дубинки по голове;^[528] тот, кто был пойман на месте кражи на рыночной площади, независимо от того, насколько тривиальной была кража, был забит до смерти палками на месте собравшейся толпой, поскольку это считалось самым тяжким грехом; но, несмотря на страшный риск, которому подвергался, утверждается, что многие были настолько легкомысленно полагая, что торговке стоит только отвернуть голову, и ее прилавок будет ограблен в мгновение ока. Существовал обычный судебный трибунал, учрежденный для разрешения споров в органах общего управления рыночной площади, о котором я имел возможность говорить ранее; но этот трибунал, по-видимому, не слишком беспокоился о лицах, пойманных на месте преступления воровства, поскольку людям, собравшимся на рыночной площади, по-видимому, было молчаливо разрешено вершить самосуд над преступником.^[529]

Помимо этих общих законов о предотвращении воровства, существовали и другие, которые предусматривали особые наказания для тех, кто крал определенные предметы. Например, Ортега рассказывает нам, что с похитителя серебра или золота заживо сдирали кожу и приносили в жертву Хипе, божеству-покровителю работников драгоценных металлов, причем такая кража считалась прямым оскорблением бога.^[530] В некоторых из этих случаев были наложены штрафы. Среди сборника законов, данного Лас Касасом, за подлинность которого он не ручается, "потому что, - говорит он, - они взяты из маленькой индейской

книжечки, не имеющей авторитета", мы находим следующее, касающееся воровства: если кто-либо крал растения, называемые магуэй, из которых изготовляли более двадцати изделий и которые использовались для приготовления сиропа, он был вынужден заплатить в качестве штрафа столько хлопчатобумажных тканей, сколько могли назначить судьи, и если он был не в состоянии уплатить наложенный штраф, или если он украл более двадцати растений, он был обращен в рабство. . Всякий, кто крал рыболовную сеть или каноэ, подвергался такому же наказанию. Тот, кто крал кукурузу в количестве двадцати початков или выше, умирал за это, а если он брал меньшее количество, он платил то, к чему был приговорен. Тот, кто срывал зерно до того, как в нем образовались семена, терпел смерть. Тот, кто украл текоматль, "который представляет собой маленькую тыкву, перевязанную сверху полосками красной кожи и имеющую кисточки из перьев на конце, используемую лордами для ношения зеленого порошка, от которого они вдыхают дым через рот, порошок, называемый на острове Эспаньола "табакос", — тот, кто украл один из них, умер за это". Тот, кто украл драгоценные камни, и особенно камень под названием чалкиуит, независимо от того, откуда он его взял, был забит камнями до смерти на рыночной площади, потому что ни один человек низшего сословия не был убит камнями. разрешено владеть этим камнем.^[531]

В Мексике, по-видимому, проводилось различие между вором, который извлек выгоду из своего преступления, и тем, кто этого не сделал; другими словами, если украденное имущество было возвращено в целости у вора, он был всего лишь поработан, но если он уже распорядился своей добычей, он понес смерть.^[532] Отвечало ли бы той же цели окончательное возвращение имущества после того, как оно ушло из рук вора, нам не сообщается, но если нет, то, по-видимому, согласно юриспруденции ацтеков, виновный наказывался не столько пропорционально фактическому ущербу, который он причинил другим, сколько в соответствии с фактическими масштабами совершенного им преступления. В Мичоакане первая кража не была строго наказана, но за второе преступление вора сбросили в пропасть, а его тушу бросили хищным птицам.^[533]

Убийца понес смерть, хотя он должен был быть дворянином, а его жертва - всего лишь рабыней.^[534] В Мичоакане Эррера говорит нам,^[535] что за убийство не было наказания, поскольку из-за страха преступление никогда не совершалось. Бомонт допускает, что какое-то время убийств не было, но говорит, что впоследствии они участились, и тогда преступника волочили по земле, пока он не умер.^[536] Тот, кто дал яд другому, причинив тем самым смерть, умер за это, и такое же наказание было присуждено тому, кто снабдил его ядом.^[537]

СУДЬБА ПРЕДАТЕЛЕЙ И ЗАГОВОРЩИКОВ.

Предатели, заговорщики и те, кто разжигал мятеж среди людей или сеял вражду между нациями, были разорваны на куски по швам, их дома сровняли с землей, их имущество конфисковали, а их детей и родственников превратили в рабов до четвертого поколения. Вzbунтовавшийся лорд вассалов, если только его не брали в плен в бою, был убит ударом дубины по голове; обычного мятежника привязывали к дубовому вертелу и поджаривали заживо.^[538]

В Тецкоко тот, кто похищал ребенка и продавал его в рабство, был повешен; в Мексике похититель сам продавался в рабство, и из принесенной им цены половина отдавалась украденному ребенку или его родителям, а другая половина становилась собственностью

покупателя; если в преступлении были замешаны несколько человек, все они продавались в рабство.^[539]

ЗАКОНЫ ПРОТИВ ОПЬЯНЕНИЯ.

Пьянство каралось с чрезмерной строгостью; действительно, опьяняющие напитки разрешалось употреблять только с прямого разрешения судей, и эта лицензия выдавалась только инвалидам и лицам старше пятидесяти лет, которые, как считалось, нуждались в крепких напитках, чтобы согреть свою кровь; и даже им разрешалось употреблять только ограниченное количество за каждым приемом пищи^[540] хотя, согласно объяснению коллекции Мендосы, старикам семидесяти лет разрешалось пить столько, сколько им заблагорассудится.^[541] Умеренный веселье на свадьбах и общественных пирах не было запрещено, и в этих случаях молодым людям разрешалось понемногу пригублять вино;^[542] такая же лицензия была предоставлена тем, чьи ежедневные занятия требовали больших физических нагрузок, таким как каменщики, плотники и тому подобное.^[543] Роженицам разрешалось употреблять крепкие напитки в качестве стимулятора, но только в первые дни родов. За этими исключениями строго соблюдался закон о запрете употребления алкоголя. Молодого человека, напившегося, отвезли в тюрьму и там забили до смерти дубинками; молодую женщину забили камнями до смерти. В некоторых местах, если пьяница был плебеем, его продавали в рабство за первое преступление и приговаривали ко смерти за второе; в других случаях преступнику отрезали волосы на рыночной площади, затем его били плетью по главным улицам, и, наконец, его дом сровняли с землей, потому что, по их словам, тот, кто уступает свой разум влиянию крепких напитков, недостойн владеть домом и числиться среди респектабельных граждан. Отрезание волос было, как мы увидим, способом наказания, к которому часто прибегали эти люди, и предполагалось, что с этим связано такое глубокое унижение, что его боялись почти наравне с самой смертью. Если военный, отличившийся на войнах, напивался, он лишался своего звания и почестей и отныне считался позорным. Осуждение за это преступление лишало виновного права на все будущие выплаты, и особенно его лишали права занимать какие-либо государственные должности. Дворянина неизменно вешали за первое же преступление, а затем его тело выволакивали за пределы города и бросали в ручей, используемый только для этой цели. Но более сильное влияние, чем просто страх перед уголовным законом, удерживало ацтекскую знать от чрезмерного употребления алкоголя; этим влиянием был социальный закон. Для знатного человека считалось унижительным вообще прикасаться к вину, даже во время праздников, когда, как я уже говорил, для низших классов было обычным и законным потакать ему в определенной степени. Распитие вина рассматривалось как грубое удовольствие, свойственное исключительно простым людям, и представитель высших сословий, которого подозревали в употреблении этой привычки, лишился бы своего социального положения, даже если бы закон позволил ему остаться безнаказанным.^[544] Однако эти язычники, похоже, осознали естественное несоответствие, существующее между заповедью и практикой, в той же степени, что и самые продвинутые христиане.^[545]

Тот, кто использовал колдовство, чары или заклинания с целью причинить вред обществу или отдельным людям, приносили в жертву богам, вскрывая ему грудь и вырывая сердце.^[546]

Тот, кто пользовался королевскими знаками отличия или прапорщиками, подвергался смертной казни, а его имущество конфисковывалось.^[547] Читатель, вероятно, помнит, что такое же наказание полагалось тому, кто узурпировал знаки отличия или должность мексиканского чиуакоатля, или верховного судьи. Всякий, кто плохо обращался с послом, министром или курьером, принадлежащим королю, подвергался смертной казни; но послам и курьерам, со своей стороны, запрещалось покидать большую дорогу под страхом потери своих привилегий.^[548] Того, кто силой завладевал землей, ему не принадлежащей, постигала смерть.^[549] Тот, кто продавал чужую землю или то, что находилось у него в доверительном управлении, без судебной власти или разрешения тех, кто имел право предоставить ее ему, попадал в рабство.^[550] Если участок земли продавался обманным путем дважды, он оставался у первого покупателя, а продавец наказывался.^[551] Тот, кто растратил свое наследство, подвергался смерти.^[552] Сын, поднявший руку на своего отца или мать, был убит, а его дети лишены возможности наследовать имущество своих дедушек и бабушек. Точно так же отец мог лишиться наследства трусливого или жестокого сына.^[553] Тот, кто убрал пограничные знаки, умер за это.^[554] Те, кто нарушал спокойствие, участвуя в мелких драках и дразнях без применения оружия, были заключены в тюрьму на несколько дней и обязаны возместить любой причиненный ими ущерб; поскольку, по словам Лас Касаса, они обычно мстили, что-нибудь ломая. Если кто-то был ранен в драке, тот, кто совершил нападение, должен был покрыть все расходы по лечению пострадавшего. Но с теми, кто дрался на рыночной площади, расправились гораздо строже.^[555] С клеветниками обращались очень сурово. В Мексике тот, кто умышленно клеветал на другого, тем самым серьезно вредя его репутации, был приговорен к отрезанию губ, а иногда и ушей. В Тецкоко клеветник был казнен. Лжесвидетелю было назначено такое же наказание, какое было бы присуждено обвиняемому, если бы его признали виновным. Царь Несауалькойотль был настолько большим любителем истины, что, как говорят, издал закон, предписывающий смертную казнь историкам, которые должны записывать вымышленные события.^[556] Тот, кто получал товары в кредит и не платил за них, попадал в рабство, а неплатежеспособный налогоплательщик подвергался такому же наказанию.^[557]

НАКАЗАНИЕ ЗА СУПРУЖЕСКУЮ ИЗМЕНУ.

Относительно того, как обращались с прелюбодеями, едва ли двое из древних авторов согласны,^[558] и вполне вероятно, что закон по этому вопросу более или менее различался в различных частях королевств ацтеков; действительно, у нас есть свидетельство Клавиджеро о том, что в некоторых частях мексиканской империи преступление прелюбодеяния каралось более сурово, чем в других, и Лас Касас, и Мендьета оба говорят о нескольких наказаниях, применявшихся к этому преступлению в разных местностях. Согласно тому, что можно собрать по этому вопросу, получается, что прелюбодеи, пойманные на месте преступления или при обстоятельствах, которые делали их вину морально несомненной, были забиты камнями до смерти. Виновным был предоставлен своеобразный судебный процесс, но если, как утверждают некоторые авторы, признание вины было добыто пытками,^[559] этот судебный процесс, должно быть, был такой же насмешкой над правосудием, как и разбирательство в большинстве европейских судов того периода. Количество доказательств, необходимых для вынесения обвинительного приговора, неизвестно. Вейтия говорит, что обвинение мужа само по себе было достаточным

доказательством.^[560] Лас Касас и Торквемада, однако, которые оба являются гораздо более старыми авторитетами, говорят нам, что ни один мужчина или женщина не были наказаны за супружескую измену на основании неподтвержденных показаний мужа, но для их осуждения были необходимы другие свидетели и признание подсудимых.^[561] Обычно, если осужденные прелюбодеи принадлежали к низшим слоям общества, их выводили в общественное место и там собравшаяся толпа забивала камнями до смерти, и немногие из старых авторов упускают из виду, что такой способ смерти был почти безболезненным, поскольку не раньше, чем они были осуждены. при первом же брошенном камне бедняга был немедленно покрыт грудой метательных снарядов, так велико было число его палачей, и так страстно хотелось каждому приложить руку к убийству. Другой распространенный способ казни состоял в том, что голову осужденного клали на камень и разбивали ему череп, сбросив на него другой камень.^[562] Дворянин, осужденный за то же преступление, не был убит таким публичным способом, но был задушен в тюрьме; и в знак уважения к его рангу его голову после смерти украсили плюмажем из зеленых перьев, а тело затем сожгли. Прелюбодеи, которые были признаны виновными лишь на основании косвенных улик, также умерли от удушения. Мужу строго запрещалось брать закон в свои руки, и тот, кто стремился отомстить за свою честь, убив свою жену или ее любовника, даже если он овладел ими в процессе прелюбодеяния, подвергался смертной казни; точно так же, если преступник пытался спасти себя, убив раненого мужа, его участью было заживо поджарить на медленном огне, обмазав тело солью и водой, чтобы смерть не пришла к нему на помощь слишком рано.^[563] Прелюбодей не мог избежать суда под предлогом пьянства,^[564] и, действительно, если бы такое оправдание было признано приемлемым, мало что можно было бы получить, заменив судьбу прелюбодея на судьбу пьяницы. Прелюбодеяние женатого мужчины со свободной незамужней женщиной не считалось прелюбодеянием и не наказывалось как таковое, так что муж не был связан такой верностью, какой требовалась от жены. Я уже отмечал, что, хотя преступление супружеской измены каралось во всех частях империи ацтеков, все же применяемое наказание отличалось по степени суровости и способу исполнения. Так, в провинции Икскатлан, если мы можем верить Клавиджеро, женщина, обвиняемая в этом преступлении, была вызвана к судьям, и, если доказательства ее вины были удовлетворительными, ее тут же разорвали на куски, а ее конечности поделили между свидетелями, в то время как в Ицтепеке муж виновной женщины отрезал ей уши и нос, таким образом заклеив ее позором на всю жизнь.^[565] В некоторых частях империи муж, который сожительствовал со своей женой после того, как было доказано, что она нарушила свою верность, подвергался суровому наказанию.^[566]

ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Плотская связь с матерью, сестрой, мачехой или сводной сестрой наказывалась повешением; Торквемада говорит, что такое же наказание понес тот, кто имел связь со своей тещей, потому что они считали грехом для мужчины иметь доступ как к матери, так и к дочери. Половое сношение между шурином и невесткой, однако, не было уголовным преступлением, и, действительно, для мужчины было обычным делом сеять семя своему умершему брату, женившись на его вдове.^[567] Тот, кто пытался изнасиловать девушку, будь то в поле или в доме ее отца, подвергался смерти.^[568] В Мичоакане рот насильника был рассечен от уха до уха кремневым ножом, а затем он был пронзен.^[569] В Мексике те, кто совершал содомию, были наказаны смертью. Шурин. повешен; в Тецкоко наказание за неестественное преступление было характерно жестоким. Активный агент был привязан к столбу,

полностью покрыт пеплом и таким образом оставлен умирать; внутренности пассивного агента были извлечены через его задний проход, затем он также был покрыт пеплом, и, добавив дров, куча была подожжена.^[570] В Тлашкале содомит не подвергался наказанию по закону, но общество разыскивало его, и все, кто его знал, относились к нему с презрением.^[571] Из чрезвычайной суровости законов, принятых более поздними правителями для пресечения этого отвратительного порока, и из того факта, что судебные власти специально назначали лиц для розыска в провинциях правонарушителей этого класса, очевидно, что противоестественная любовь достигла ужасающей популярности среди ацтеков. Отец Пьер де Ган, или, как его иногда называют, де Мура, является ужасным свидетельством этого; он пишет: "Без определенного места жительства нет подходящей точки зрения на женщин, *сидящих на месте пуэрос, которые находятся рядом*". *Ce péché était si commun dans ce pays, que, jeunes ou vieux, tous en étaient infectés; ils y étaient si adonnés, que mêmes des enfants de six ans s'y livraient.*"^[572]

Лас Касас рассказывает, что в нескольких наиболее отдаленных провинциях Мексики к неестественному пороку относились терпимо, если вообще не разрешали,^[573] и не исключено, что в прежние времена так было во всей империи. Каким бы невыразимо отвратительным ни казался этот грех современному уму, все же мы знаем, что педерастия распространилась среди народов, обладающих более развитой цивилизацией, чем ацтеки. В Древней Греции эта противоестественная страсть преобладала до такой степени, что сопротивление ей считалось героизмом. Плутарх в своей "*Жизни Агесилая*" не может не восхвалять самообладание, проявленное этим великим человеком в воздержании от удовлетворения страсти, которую он испытывал к мальчику по имени Мегабат, что, по словам Максима Тирия, заслуживает большей похвалы, чем героизм Леонида; Диоген Лаэртий в своей "*Жизни Зенона*", основатель стоицизма, самой строгой из всех древних сект, хвалит этого философа за то, что он мало пристрастился к этому пороку; Софокл, трагический Гомер, и другие. Аттическая пчела, по словам Афиня, была особенно к нему пристрастна. Известно, что моралисты восхваляли это как узы дружбы, и о нем говорили как о вдохновляющем энтузиазм героического легиона Эпаминонда. Говорили, что поражение римлян от Ганнибала при Каннах было вызвано ревностью Юноны из-за того, что в храм Юпитера был введен красивый мальчик. Лас Касас говорит нам, что педерастию терпели, потому что верили, что ее практиковали их боги.^[574] Точно таким же образом древние греки заставили популярную религию склониться перед новым пороком и, заменив Ганимеда небесной виночерпией, заставили главу всего Олимпа подать пример противоестественной любви.

ЗАКОНЫ, СОБЛЮДАЮЩИЕ ЦЕЛОМУДРИЕ.

Священник, нарушивший свой обет целомудрия, был изгнан; его дом был разрушен, а имущество конфисковано.^[575] Сутенеров публично позорили на рыночной площади, сжигая их волосы так близко к голове, что капли смолы, падающие с горящих сосновых щепок, попадали на кожу головы и обжигали ее; если лица, в пользу которых совершалось сводничество, были высокого ранга, к своднику применялось более суровое наказание.^[576] Таков был закон в Мексике; в Тецкоко, согласно историку чичимеков, сутенера во всех случаях ждала смерть.^[577]

Простой блуд не наказывался, если только он не был совершен благородной дамой или с девушкой, посвященной служению богам, и в этих случаях это каралось смертью. Блуд с наложницей другого также оставался безнаказанным, если только они не жили долгое время вместе и, следовательно, согласно обычаю, не считались мужем и женой. Если у кого-либо была связь с рабыней, и женщина умирала во время беременности или при родах ребенка, то преступник становился рабыней; но если она благополучно рожала, ребенок был свободен и о нем заботился отец.^[578] Женщина, которая принимала какое-либо лекарство, чтобы сделать аборт, и та, кто поставляла лекарство, обе умирали.^[579] Если одна женщина совершала плотский грех с другой, обе умирали за это.^[580] Мужчина, который ходил по улицам, переодетый женщиной, или женщина, переодевшаяся мужчиной, были убиты.^[581]

В этот отчет включены почти все специальные законы ацтеков, которые сохранились, за исключением тех, которые касаются военных вопросов, брака, развода и рабства, все из которых я уже имел возможность рассмотреть.

То, что кодекс ацтеков был суровым и безжалостным, отрицать невозможно, но то, что он был более суровым и безжалостным, чем было необходимо, как я уже отмечал ранее, сомнительно. Мы уже видели, что ужасная смерть была неизбежной участью тех, кого уличали в краже на рыночной площади, однако нам говорят, что если бы владелец ларька хотя бы на мгновение отвернул голову, его товар был бы похищен. Народ, привыкший почти ежедневно видеть человеческую кровь, проливаемую, как вода, в жертву своим богам, по необходимости должен был ожесточиться при виде страданий, и на таких только казнь самого отвратительного вида могла произвести впечатление благоговения или страха. Кажется примечательным, что наказания, влекущие за собой только позор, должны были быть приняты таким народом, однако сомнительно, чтобы рабство не считалось более легким наказанием, чем сожжение волос на публичном рынке. Некоторые из монархов ацтеков проявляли желание быть настолько снисходительными, насколько позволял упрямый характер их подданных, но иго, лежащее на народе, если оно могло в какой-то степени контролировать его, должно было в лучшем случае быть тяжелым; короче говоря, деспотизм самых суровых был необходим им на их этапе развития цивилизации.

НЕСАУАЛЬКОЙОТЛЬ И МАЛЬЧИК.

Несауалькойотль, король Тецкоко, был особенно милостив и внимателен к своим подданным. Например, он приказал посадить кукурузу за счет правительства на обочине дороги, чтобы никто, виновный в воровстве с полей, не мог оправдаться голодом.^[582] Рассказывают, что этот монарх часто появлялся среди своего народа переодетым, чтобы узнать об их обидах и общем состоянии, и некоторые из приключений, с которыми он сталкивался в этих случаях, столь же занимательны, как и все, рассказанное Шехерезадой о Добром халифе. Я выбираю один из них не потому, что он лучший, а потому, что он более конкретно указывает на доброжелательность и любовь к справедливости Несауалькойотля. Во время правления этого монарха из-за огромного потребления древесины, использование масла и сала в то время было неизвестно, леса начали редеть, и король, предвидя, что, если не будут приняты какие-либо меры предосторожности, в королевстве вскоре возникнет нехватка древесины, приказал в определенных пределах не трогать древесину. И вот случилось однажды, когда король был переодет и его сопровождал только его брат Квоутлеуаницин, что они проходили мимо опушки леса, где было запрещено рубить или

собирать дрова. Здесь они нашли мальчика, который был занят сбором легких щепок и сучьев, вынесенных ветром за пределы ограды, потому что в этой местности жителей было очень много, и они израсходовали всю древесину, которая не была зарезервирована по закону. Несауалькойотль, увидев, что под деревьями в лесу лежит большое количество валежника, спросил мальчика, почему он довольствуется сухими листьями и разбросанными ветками, когда под рукой в таком изобилии лежит топливо. Мальчик ответил, что король запретил людям собирать дрова в лесу, и поэтому он был обязан брать все, что мог достать. Тем не менее король велел ему пойти в лес и раздобыть себе дров, и никто ничего не узнает, потому что ни он, ни его спутник ничего не скажут по этому поводу. Но мальчик упрекнул их, сказав, что они, должно быть, предатели короля, которые убедили его сделать это, или что они пытались отомстить его родителям, навлекая несчастье на их сына, и он отказался войти на запретную территорию. Тогда король был очень доволен лояльностью мальчика и, видя, в какое отчаяние поверг людей суровость лесных законов, впоследствии приказал изменить их. [\[583\]](#)

ГЛАВА XV.

•

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ МЕТАЛЛЫ И СПОСОБЫ ИХ ПОЛУЧЕНИЯ—ОБРАБОТКА ЗОЛОТА И СЕРЕБРА—ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО ИМИТАЦИИ—

Золочение и плакировка—Обработка камня—Гранильная работа—Резьба по дереву—Изготовление керамики—Различные виды тканей—Производство бумаги и кожи—Приготовление красителей—Искусство росписи—Мозаика из перьев—Циновки из листьев—Способы разжигания огня—Факелы—Мыло—Совет искусств в Тецкоко—Ораторское искусство и поэзия—Оды Несауалькойотля о переменчивости Жизни и тиране Тезозомоке—Арифметическая система ацтеков.

Золото, серебро, медь, олово и свинец были металлами, известными науа и использовавшимися ими. Последний, однако, лишь упоминается, и ничего не известно о том, где он был получен или для каких целей использовался. У нас есть лишь очень скудная информация о процессах, с помощью которых был получен любой из металлов. Золото поступало в города Анахуак главным образом из южных провинций Науа при посредничестве торговцев и сборщиков налогов; серебро и олово добывались на рудниках Таско и Цомпанко; медь добывалась в горах Сакатоллан, провинции Кохуискас, и из Мичоакана. В некоторых регионах на поверхности земли были найдены самородки золота и массы самородной меди; однако золото в основном добывалось ныряльщиками из песка в русле рек. Его хранили в виде пыли в маленьких трубочках или иглах или расплавляли в маленьких горшочках с помощью полых бамбуковых выдувных трубок, используемых вместо мехов, и отливали в небольшие слитки. Прескотт говорит нам, что эти металлы также добывались из жил в твердой породе, для чего были открыты обширные галереи. Ртуть, сера, квасцы, охра и другие минералы в определенном количестве собирались и использовались туземцами для приготовления красок и для других целей.^[584] Использование железа, хотя этого металла в стране было в изобилии, было неизвестно. Из тех металлов, которые у них были, они были наиболее искусны в обработке, главным образом путем плавки и литья, а также резьбы, но также в некоторой степени с помощью молотка. У нас нет подробностей о средствах, используемых для плавки более твердых металлов, кроме грубой выдувной трубы и печи, упомянутых в связи с золотом.

Для изготовления режущих инструментов использовалась только медь, но ее закаляли сплавом олова до тех пор, пока ее не стало достаточно для резки самых твердых материалов почти так же хорошо, как сталь.^[585] Чистый и более мягкий металл использовался для изготовления чайников и других сосудов. Однако медные инструменты были редкостью по сравнению с каменными и, по-видимому, использовались в основном для обработки дерева, где требовалось острое и прочное лезвие. Такие инструменты обычно имели форму топоров и долот. Палки для обработки земли, ближайший подход науа к плугу, также часто имели медные наконечники, как мы видели. Металл мало использовался при изготовлении

оружия, его не находили в мечях или наконечниках стрел, но использовали вместе с обсидианом в наконечниках копий и на *мазе*, или дубинке. Упоминаются как медные, так и оловянные блюда и тарелки, но они не были в обычном употреблении. При изготовлении орудий труда из меди и олова эти металлы обрабатывались с помощью каменных молотков, а не отливались.^[586]

КУЗНЕЦЫ ПО ЗОЛОТУ И СЕРЕБРУ.

Ни одна отрасль искусства науа не была доведена до более высокой степени совершенства, чем декоративная обработка золота и серебра. Завоеватели были поражены восхищением, увидев работу местных ювелиров; они даже в некоторых случаях откровенно признавали, что восхищались работой больше, чем материалом, и спасли самые красивые образцы из плавильной печи, что было величайшим комплиментом, который эти жадные до золота авантюристы могли сделать местному искусству. Многие из самых изысканных изделий были отправлены в качестве подарков и диковинок европейским принцам, которые добавили свои свидетельства к свидетельствам завоевателей, заявив, что украшения во многих случаях превосходят работы художников старого света. Азкапузалько был штаб-квартирой золотопромышленников.^[587] Имитация природных объектов, особенно животных, птиц и рыб, была излюбленной областью проявления таланта этой ветви народа науа. Завоеватель Кортес рассказывает нам, что у Монтесумы в его коллекции были подделки из золота, серебра, камней или перьев от всех предметов поднебесной в его владениях, сделанные так искусно, что ни один кузнец в мире не мог превзойти их в том, что касалось обработки металла. Это утверждение повторяют все авторы, пишущие на эту тему. Доктор Эрнандес, натуралист, готовя трактат по мексиканской зоологии для Филиппа II, как говорят, восполнил его недостаток в настоящих образцах некоторых редких видов, прибегнув к этим имитациям.^[588] Говорят, что туземные художники создавали животных и птиц с подвижными головами, лапами, крыльями и языками, обезьяну с веретеном в руках во время прядения и в определенных комических позах; и что особенно заинтересовало и удивило испанцев, так это искусство — о котором они говорили как об утраченном искусстве — отливать части предмета из разных металлов, каждая из которых отличается от остальных, но все они образуют единое целое, и это, как утверждают власти, без пайки. Таким образом, рыба была отлита из чередующейся золотой и серебряной чешуи, пластины были отлиты из секций того же металла, а свободные ручки были прикреплены к разным сосудам.^[589]

ЗОЛОЧЕНИЕ И ПЛАКИРОВКА.

После прихода испанцев у местных ремесленников появилось новое и широкое поле для проявления своего мастерства в подражании многочисленным произведениям европейского искусства. Небольшой осмотр, часто проводимый путем тайного разглядывания витрин магазинов, позволил им воспроизвести и нередко усовершенствовать лучшие ювелирные изделия и посуду.^[590]

Клавиджеро говорит, что сосуды из меди или другого некачественного металла были позолочены с помощью неизвестного процесса, в котором использовались определенные травы и который мог бы принести состояние ювелиру в Испании и Италии. Овьедо также сообщает нам, что различные декоративные изделия были покрыты тонкой золотой пластиной.^[591] Перечислить изделия, изготовленные кузнецами по золоту и серебру науа и включенные в длинные списки подарков, сделанных Монтесумой и другими вождями своим завоевателям, практически невозможно; они включали кубки тонкой работы, кувшины и другие сосуды для столов королей и знати; оправы для каменных зеркал и богатые оправы для различных драгоценных камней; личные украшения для богатых и особенно для воинов, включая кольца, браслеты, ушные раковины, бусы, шлемы и различные другие части доспехов; маленькие фигурки в человеческом обличье, которые носили как амулеты или почитали как идолов; и наконец, самые великолепные и сложные украшения для больших идолов, их храмов и алтарей.^[592]

Мало что известно о методах или орудиях, с помощью которых золотопромышленники добывались таких замечательных результатов. Авторы сообщают нам, что они особенно преуспели в обработке драгоценных металлов с помощью огня; и уже упомянутые печи изображены на нескольких рисунках ацтеков в виде простых сосудов, возможно, из глиняной посуды, различной формы, наполненных кусками металла и, возможно, деревом и углем, из которых вырываются языки пламени, когда рабочий сидит у своей печи со своей бамбуковой паяльной трубкой. Абсолютно неизвестно, как они отливали расплавленное золото в многочисленные изящные и декоративные формы. Процесс, с помощью которого эти терпеливые работники вырезали или гравировали орнаментальные фигуры на золотых и серебряных сосудах с помощью своих орудий из камня и закаленной меди, хотя и не объяснен, в общих чертах можно легко представить. Они также в какой-то степени работали молотком, но как золотоколотушки они считались низшими работниками, пользовавшимися только каменными орудиями труда. Искусство работы с драгоценными металлами традиционно унаследовано от толтеков, и мастера по золоту и серебру образовали в Мексике своего рода корпорацию под божественным руководством бога Шипе.^[593]

РАБОТА ПО КАМНЮ.

Камень был материалом для изготовления большинства орудий труда науа. Для этой цели обрабатывались все более твердые породы, найденные в стране, - кремь, порфир, базальт, но особенно обсидиан, самородок *изтли*. Из этого твердого материала, широко добываемого в карьерах на некотором расстоянии к северу от Мексики, были изготовлены почти все инструменты с острыми краями. Эти инструменты, такие как ножи, бритвы, ланцеты, наконечники копий и стрел, были просто отщепами от обсидиановой глыбы. Ножи были обоюдоострыми, а лучшие из них слегка изогнуты на конце. Мастер держал круглый брусок *изтли* между босыми ногами, надавливал грудью и руками на длинный деревянный инструмент, один конец которого был приставлен к краю брусочка, и таким образом с большой скоростью отколачивал нож за ножом, которые требовалось только надеть на деревянную ручку, чтобы они были готовы к использованию. Полученное таким образом

лезвие сначала было таким же острым, как стальное, но затупилось при незначительном использовании, когда инструмент пришлось выбросить. Так, Лас Касас рассказывает нам, что для того, чтобы сбрить бороду одному мужчине, требовалось десять или пятнадцать обсидиановых бритв. Каменные ножи, по-видимому, редко, если вообще когда-либо, затачивались путем шлифования.^[594] Из обсидиана были сделаны ножи, используемые при принесении в жертву людей, и ланцеты, используемые при кровотечении в медицинских целях и для взятия крови на службе богам. Говорят, что для кровотечения похожие ножи до сих пор используются в Мексике.^[595] Использование камня при изготовлении оружия упоминалось в другой главе. Маски и даже кольца и кубки иногда изготавливались из обсидиана и других видов камня. Топоры изготавливались из кремня, нефрита или базальта и были привязаны веревками к рукоятке из твердого дерева, конец которой был расщеплен, чтобы вместить его.^[596] Торквемада говорит, что сельскохозяйственные орудия были сделаны из камня.^[597] Зеркала были из обсидиана или *маргахиты*, — одни называли их металлом, другие камнем, — часто двусторчатые и богато оправленные в золото.^[598]

Добыча камня для строительства и скульптуры производилась с помощью деревянных и каменных орудий, неизвестными методами, но подходящими для обработки самых твердых материалов. По-видимому, только каменные орудия использовались для изваяния идолов, статуй и архитектурных украшений. Лучшее представление о совершенстве науа в искусстве резьбы по камню можно составить из рассмотрения антикварных реликвий в другом томе, чем из замечаний ранних хронистов. Большинство скульптурных рисунков были выполнены из мягкого материала, при обработке которого кремневые инструменты были бы почти так же эффективны, как инструменты из стали; но некоторые из сохранившихся образцов вырезаны из самого твердого камня и, должно быть, истощили терпение скульптора даже при использовании твердых медных долот. Идолы и иероглифы, на которых в основном использовалось местное искусство, представляют собой намеренно искаженные фигуры и являются плохой проверкой мастерства художников; согласно традиционной истории, были сделаны портретные статуи королей, и хотя известно, что ни одна из них не сохранилась, все же несколько образцов в различных коллекциях указывают на то, что человеческое лицо и фигура в истинных пропорциях не выходили за рамки американского искусства; и, кроме того, местные скульпторы были чрезвычайно успешны в моделировании животных из камня.^[599]

ОБРАБОТКА ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ.

Науа были не менее искусны в обработке драгоценных камней, чем золота и серебра. Их предки-толтеки обладали таким же умением и искали камни на рассвете, направляясь к спрятанному сокровищу по пару, поднимавшемуся из места, где оно было спрятано. Все камни, найденные в стране, использовались в декоративных целях, но наиболее распространены были изумруды, аметисты и бирюза. Драгоценные камни были огранены медными инструментами с использованием кремнистого песка. Отдельные камни были вырезаны в различных формах, часто в виде животных, и оправлены в золото, а иногда сформованы в маленькие чашечки или коробочки. Жемчуг, перламутр и яркие раковины использовались вместе с драгоценными камнями при изготовлении ожерелий, браслетов, серег и других украшений для знати или идолов. Различные предметы одежды или доспехи были полностью усыпаны со вкусом расположенными драгоценными камнями, а своего рода мозаика, которой часто покрывали деревянные маски идолов, привлекала большое

внимание испанцев. Говорили, что зеркала из горного хрусталя, обсидиана и других камней, ярко отполированные и заключенные в богатые рамы, отражают человеческое лицо так же четко, как лучшие изделия европейского производства.^[600]

Деревья валили медными топорами, обтесывали теми же инструментами балки и тащили рабами на роликах к месту, где они были необходимы для строительства. Некоторые из главных идолов, как, например, идол Уицилопочтли, по словам Акосты, были деревянными, но резьба по дереву, по-видимому, не была доведена до высокой степени совершенства. Некоторые ящики, снабженные крышками и петлями, а также столы и стулья были сделаны из дерева, которое было основным материалом для изготовления оружия и сельскохозяйственных орудий. Власти посвящают лишь несколько слов работникам по дереву, которые, однако, после завоевания, по-видимому, стали довольно искусными под руководством испанцев и с помощью европейских инструментов. Дрова продавались на рынках; и Лас Касас также сообщает нам, что сжигали древесный уголь.^[601]

ПРОИЗВОДСТВО КЕРАМИКИ.

В Чолуле делали лучшую керамику, но по всей стране почти вся посуда была глиняной. Из этого материала лепили горшки, чайники, вазы, тарелки для домашнего обихода, а также кадилъницы и другую утварь для храмовой службы, также идолов, бусы и различные украшения. Первые испанцы с энтузиазмом восхваляли мастерство местных гончаров, но, помимо утверждения, что глиняные сосуды были покрыты глазурью и часто со вкусом украшались, они не дают никакой определенной информации об этой отрасли производства. Множество маленьких глиняных трубочек, или флажолетов, способных издавать различные звуки и имитировать крики различных птиц, было найдено в разных частях Мексиканской республики. К счастью, реликвии керамики всех форм часто встречаются в музеях, и из описания таких реликвий в другом томе можно оценить совершенство керамики ацтеков. Помимо глиняных блюд и сосудов из металла и резного дерева, было изготовлено несколько корзин, а из полых скорлуп тыкв были сделаны чаши для питья различных размеров и форм. Они были известны как *ксикалли*, позже хикарас и *текоматль*.^[602] Ракушки также в некоторой степени использовались в качестве посуды.^[603]

Самые тонкие виды ткани шили из хлопка, из кроличьей шерсти, из смеси двух видов или из хлопка, смешанного с перьями. Ткани из кроличьей шерсти были признаны равными по отделке и текстуре шелку, а хлопчатобумажные ткани также были тонкими и белыми. Ткани этого лучшего класса использовались для изготовления одежды богатыми, знатными людьми и священниками; они были как сотканы, так и окрашены в пестрые цвета. Ткани, при изготовлении которых использовались перья, часто служили для ковров, гобеленов и покрывал для кроватей. Из волокна магуи, а также из пальмовых листьев *ичхот* и *ицхуатль* ткали грубые ткани, которые были известны как *некуэн*. Этот некен и более грубые виды хлопка были материалами, из которых одевались беднейшие классы населения. Волокна пальмы и магуи готовились для использования тем же способом, что и лен в других странах: их вымачивали в воде, толкли и сушили. Тот же материал использовался также для изготовления шнуров, веревок и циновок. Однако более грубые циновки изготавливались из различных сортов тростника. Вся работу по прядению и ткачеству выполняли женщины, что составляло, по сути, их основное занятие. Веретено, используемое при прядении, изображенное во многих ацтекских рукописях, было похоже на волчок, который вращался в

неглубоком блюде, при этом волокно накладывалось на его заостренный верхний конец до тех пор, пока не иссякал импульс. Все, что мы знаем о местном процессе ткачества, почерпнуто из местных картин, образец которых из коллекции Мендосы, изображающий женщину, занимающуюся ткачеством, можно увидеть в [главе xvii](#) из этого тома.^[604]

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ТКАНИ И БУМАГИ.

Бумага в ацтекском *аматле*, использовавшаяся главным образом как материал для нанесения иероглифических надписей, которые будут описаны в следующей главе, изготавливалась по большей части из волокна магуи, хотя другие волокна, используемые при изготовлении ткани, иногда смешивались с волокнами этого растения. Материал, должно быть, был спрессован во влажном состоянии, и изделие, как правило, было очень плотным, больше похожим на мягкую клееную доску, чем на нашу бумагу. Поверхность была гладкой и хорошо подходила для нанесения рисунка. Говорят, что для более совершенного сцепления волокон использовались определенные смолы, а аматл изготавливался в виде длинных узких листов, пригодных для скручивания или складывания. Гумбольдт описывает определенные мешочки овальной формы, созданные одним из видов гусениц, на деревьях Мичоакана. Они белые и могут быть разделены на тонкие слои, которые, как утверждает автор, использовались древними жителями для изготовления бумаги высшего сорта.^[605]

Шкуры животных, убитых охотниками науа, выделялись как с волосом, так и без него, методом, о котором власти ничего не говорят, хотя все хвалят его результаты. Кожа использовалась в некоторых случаях как своего рода пергамент для иероглифических надписей, но чаще для изготовления одежды, украшений или доспехов.^[606]

КРАШЕНИЕ И ПОКРАСКА.

При приготовлении красителей использовались как минеральные, так и животные и растительные красители, причем последние добывались из древесины, коры, листьев, цветов и фруктов. В искусстве окрашивания они, вероятно, превзошли европейцев, и многие из их красителей после завоевания были представлены по всему миру. Главным среди них была кошениль, *ночизтли*, насекомое, которым науа кормятся на листьях нопала, из которого они получали красивые и стойкие красные и фиолетовые цвета для своих хлопчатобумажных тканей. Цветок *матлалксиуитля* придавал синие оттенки; индиго был осадком воды, в которой были замочены ветви *сюкилипицауака*; семена *ачиотля*, сваренные в воде, давали красный цвет, французское *roucou*; ochre, or *tecozahuatl*, furnished yellow, as did also the plant *xochipalli* изготавливается с использованием квасцов; камни *чимальтизатль* и *тизатлалли* после обжига давали что-то вроде испанских белил; черный получали из вонючего минерала, *тлалиака*, или из сажи сосны, называемой *окооть*. При смешивании красок они использовали чиановое масло, а иногда и клейкий сок *цаухтли*. Все многочисленные виды красильной древесины с огненной земли Кальенте, которые в настоящее время являются основным предметом экспорта из этого региона, использовались местными красильщиками. Вполне вероятно, что многие секреты этой отрасли искусства науа так и не были раскрыты испанцами.^[607]

Картины науа не обладали большими художественными достоинствами, будучи в основном заметны благодаря превосходству красок. Для современного изучения сохранилось очень мало образцов, за исключением иероглифических рисунков, на которых большинство фигур отвратительно и, как предполагается, намеренно искажены и, следовательно, не являются критерием мастерства художника. Неизвестно, пытались ли науа когда-либо рисовать природные пейзажи, за исключением того, что они подготовили карты участков своей территории, на которых грубо изобразили горы, реки и леса, обозначив земли разных владельцев или лордов разными цветами. Иногда они рисовали портреты королей и знати, но испанские хронисты признают, что они проявляли гораздо меньшее мастерство в изображении человеческой формы и лица, чем в рисовании животных, птиц, деревьев и цветов. Некоторые современные критики с живым воображением, однако, обнаружили признаки великого художественного гения в неуклюжих фигурах рисунков. Местные художники, когда Кортес прибыл на побережье, нарисовали его корабли, людей, лошадей, пушки, фактически все новое и странное в снаряжении белых людей, и поспешили с холстом к Монтесуме в столицу. Очень мало известно об орнаментальной росписи на стенах частных жилищ, но та, что была нанесена на храмы, естественно, в значительной степени носила иероглифический характер. Многие наблюдатели отмечали долговечность рисунков на ткани и бумаге, особенно если их время от времени натирать маслом, равно как и мастерство, продемонстрированное туземцами позже под руководством испанцев.^[608]

МОЗАИКА ИЗ ПЕРЬЕВ.

Уже упоминалось о смешивании перьев с хлопком и другими волокнами при изготовлении одежды, гобеленов, ковров и покрывал для кроватей. Для изготовления таких тканей обычно использовались однотонные цвета уток и других водоплавающих птиц, иногда для декоративных целей использовались более яркие оттенки. Перья также играли важную роль в украшении доспехов воинов, причем самыми любимыми были хвостовые перья яркого кетцалья. Им придавали форму блестящих перьев, часто с золотыми наконечниками и оправленных драгоценными камнями. Красивые веера были сделаны из того же материала. Но искусством, которое из всех тех, что практиковались науа, больше всего восхищало и изумляло европейцев, было использование перьев при создании так называемой мозаики из перьев. Мириады тропических птиц, которыми изобиловали леса огненной земли кальенте, главными из которых были кетцаль, множество разновидностей попугаев и *уицилин*, или колибри, снабжали их перьями, тонкими и грубыми, любого желаемого цвета и оттенка. Главным образом для этого так бережно хранились королевские и другие коллекции птиц, о которых уже говорилось. Этих птиц, содержащихся в неволе, ощипывали каждый год в соответствующее время года, и их оперение сортировали по цвету и качеству. Некоторые оттенки, которые можно было получить только у самых редких птиц, были предназначены для обычной работы с пером, искусственно произведенной путем окрашивания белого оперения более распространенных птиц.

Чтобы подготовиться к работе, *амантека*, или художник, раскладывал краски в маленькие глиняные тарелочки, до которых легко дотянуться рукой, расстилал кусок ткани на доске перед собой и запасался баночкой с клеем, который Клавиджеро цаухтли называл клеем, и парой очень тонких щипчиков. Рисунок, который он хотел выполнить, сначала был грубо набросан на ткани, а затем с помощью щипцов перо за пером доставалось из подставки и приклеивалось к холсту. Испанские писатели восхищаются тщательностью, с которой была

выполнена эта работа; иногда, по их словам, целый день уходил на правильный выбор и подгонку одного изящного перышка, художник терпеливо экспериментировал до тех пор, пока оттенок и положение пера, рассматриваемые с разных точек и при разном освещении, не становились удовлетворительными для его глаз. Когда требовалось сделать большую деталь, собиралось много рабочих, каждому поручалась часть работы, и задача выполнялась так искусно, что частям редко удавалось в конце слиться в гармоничное целое; но если результат какой-либо части оказывался неудовлетворительным, ее приходилось начинать заново. С помощью этого метода было создано огромное разнообразие изящных узоров, либо причудливых, либо взятых из природных объектов, цветов, животных и даже человеческого лица, которое, как говорят, успешно изобразили местные художники. Лас Касас рассказывает нам, что они сделали эти ткани из перьев так искусно, что они казались разного цвета в зависимости от направления, с которого на них смотрели. Испанцы заявляют, что рисунки пером полностью соответствовали лучшим произведениям европейских художников, и не могут подобрать слов, чтобы выразить свое восхищение этим замечательным изобретением науа; образцы необычайной красоты также сохранились, и их можно увидеть в музеях. Помимо мантий и других предметов одежды, гобеленов, покрывал для кроватей и других декоративных тканей для благородных и богатых слоев населения, к которым относилось это искусство, мозаика из перьев была любимым покрытием для щитов и доспехов знаменитых воинов. Тем же способом изготавливались маски, изображавшие в соответствии с природой морды свирепых животных; и даже целые тела таких животных иногда подделывались, как говорит Зуазо, настолько точно, что вводили в заблуждение невежественного наблюдателя. Тараско из Мичоакана слыли самыми искусными в работе с пером.^[609]

Тружеников перьев звали амантекас от Амантла, названия района Мексики, в котором они в основном проживали. Этот квартал примыкал к кварталу Почтлана, где жили главные торговцы по имени почтекас, а святилище бога амантекас Сиотлиауатль также было соединено со святилищем бога торговцев Иякатекутли. Ковальщики перьев и торговцы были тесно связаны, во всех их идолопоклоннических обрядах было большое сходство, и они часто сидели вместе на одном пиру.^[610]

Другим искусством, сходным по своей природе с мозаикой из перьев, было наклеивание листьев и цветов на циновки таким образом, чтобы получались привлекательные узоры для временного использования по случаю особых праздников. Туземцы широко использовали эти цветочные изображения после завоевания в украшении церквей к католическим праздникам.^[611]

Науа разжигали огонь, как и их более дикие собратья, трением между двумя кусками дерева, причем для этой цели предпочитался сорт дерева ахиотль. Ботурини, за которым последовали более поздние авторы, утверждает, что использование кремня также было известно. После разжигания пламя раздувалось с помощью паяльной трубки. Для освещения использовались факелы из смолистого дерева, особенно *окотль*, который издавал приятный запах. Использование фитилей с маслом или воском было, по-видимому, неизвестно до прихода европейцев. Заменители мыла были обнаружены в плодах *копалксокотля* и корне *амолли*.

Все отрасли искусства у науа были переданы под контроль совета или академии, которая была учреждена для содействия развитию поэзии, ораторского искусства, истории, живописи, а также в некоторой степени скульптуры и изделий из золота, драгоценных камней и перьев. Тецкоко был центром всего высокого искусства и утонченности в расцвете сил империи чичимеков и сохранял свое превосходство в значительной степени вплоть до прихода испанцев; следовательно, его школа искусств более известна, чем другие, которые, вероятно, существовали в других городах. Он назывался Музыкальным советом, хотя и занимался другими искусствами и науками, главным образом контролируя образование молодежи, поскольку ни один преподаватель искусств не мог заниматься своей профессией без сертификата о своей квалификации от совета. В этот же орган должны быть доставлены для обследования все учащиеся. Была предпринята величайшая забота о том, чтобы ни одна дефектная работа гранильщика, ювелира или работника в перьях не выставлялась на продажу на рынках, и чтобы никому из недостаточно обученных художников не было позволено портить вкус публики. Но прежде всего этот трибунал, состоящий из лучших талантов и представителей культуры королевства, должен был заниматься литературным искусством, поэзией, ораторским искусством и историческими картинами, и каждое литературное произведение подлежало его пересмотру. Члены, назначенные императором Тецкоко, проводили ежедневные собрания, и почетные места были зарезервированы для королей трех союзных королевств, хотя председательствующий был избран из знати со ссылкой на его литературные познания. На определенных заседаниях совета их авторы читали стихи и исторические очерки, а для ознакомления выставлялись новые изобретения, присуждались богатые призы за выдающиеся достижения в любой области науки.^[612]

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО И ПОЭЗИЯ.

Умение произносить речи является заметной чертой в жизни большинства аборигенных племен, и в своей любви к ораторскому искусству науа не были исключением из правил. Многочисленные и длинные обращения сопровождали вступление в должность королей и всех государственных должностных лиц; вся дипломатическая переписка между различными нациями велась ораторами; молитвы богам были на языке аборигенов, а в наше время - сложными ораторскими приемами; отъезжающего и возвращающегося путешественника отпускали и приветствовали речью; соболезнования по поводу несчастья и поздравления с успехом выражались публично и наедине друзьями, наиболее искусными в искусстве речи; светское общение на пирах и банкетах представляло собой всего лишь последовательность речей; и родители даже использовали длинные речи, чтобы дать своим детям наставления и советы. Следовательно, детей с раннего возраста обучали искусству публичных выступлений; некоторые даже получили специальное образование ораторов. Их обязали запоминать и научили повторять в качестве декламации речи своих самых знаменитых предков, передававшиеся от отца к сыну на протяжении многих поколений. Образцы речей, произносимых носителями языка науа по разным поводам, столь многочисленны в этом и следующем томе, что читатель может сам судить об их достоинствах. Невозможно, однако, решить, насколько эти композиции претерпели изменения, пройдя через руки испанцев, хотя, по мнению лучших критиков, вполне вероятно, что они сохранили большую часть оригинального духа своих известных авторов.^[613]

Поэты, хотя и несколько менее многочисленные, пользовались не меньшим почетом, чем ораторы. Их композиции также декламировались или исполнялись в исполнении перед Музыкальным советом в Тецкоко, а самые талантливые барды были награждены призами. Героические подвиги воинственных предков, национальные летописи и традиции, восхваление богов, моральные уроки, извлеченные из реальных событий, аллегорические постановки с иллюстрациями, взятыми из красот природы, и даже любовь и очарование женщины были общими темами. Император Несауалькойотль, защитник и покровитель всех искусств и наук, сам был очень известным поэтом. Сохранилось несколько его сочинений или их фрагментов; то есть стихи были написаны по памяти на ацтекском языке латинскими буквами после завоевания и переведены на испанский Икстлильшочитлем, прямым потомком королевского поэта. Они также были переведены на другие языки различными авторами. В качестве образцов послужат следующие.^[614]

ОДЫ НЕСАУАЛЬКОЙОТЛЯ.

ПЕСНЬ НЕСАУАЛЬКОЙОТЛЯ, КОРОЛЯ ТЕЦКОКО; ОБ ИЗМЕНЧИВОСТИ ЖИЗНИ.

Теперь я немного спою,
Поскольку время и повод предлагают,
И я надеюсь, что меня выслушают благосклонно
Если мои усилия окажутся достойными;
А потому так я начинаю свое пение,
Или, скорее, мои стенания.
О ты, мой друг и возлюбленный,
Наслаждайся сладкими цветами, которые я приношу тебе;
Давайте радоваться вместе
И прогони всякую заботу и всякую печаль;
Ибо, хотя радости жизни мимолетны,
Горечь жизни тоже должна покинуть нас.
Я нанесу удар, который поможет мне в пении,
Инструмент глубокий и звучный;
Танцуй ты, наслаждаясь этими цветами,
Перед великим Господом, который всемогущ;
Давайте ухватимся за сладости настоящего,
Ибо жизнь человека скоро заканчивается.

Ты выбрал прекрасную Аколуакан
Как твое жилище и твой дворец;
Ты установил там свой царский трон,
Ты собственноручно обогатил его;
Поэтому это кажется несомненным
Чтобы царство твое процветало.

И ты, о мудрый принц Ойойоцин,
Могущественный монарх и король, которому нет равных,
Радуйся красоте весенней поры,
Будь счастлив, пока весна пребывает с тобой,
Ибо день подкрадывается все ближе и ближе
Когда ты будешь искать радость и не найдешь ее.
День, когда темная Судьба, разрушительница,
Вырву из твоей руки гордый скипетр,
Когда луна твоей славы померкнет,
Твоя гордость и твоя сила уменьшатся,
Добыча у рабов твоих будет взята,
Твое царство и честь покидают тебя.
Ах, тогда, в этот день великой скорби
Лорды твоего рода будут печальны,
Могущественные князья будут подавлены,
Гордость высокого происхождения не поможет;
Когда ты, их великая Глава, был поражен
Муки жестокой Нужды обрушатся на них.
Тогда они с горечью будут вспоминать
Слава и прославление твоего величия,
Твоим триумфам, столь достойным зависти,
До тех пор, пока, сравнивая настоящее
С годами, которые теперь ушли навсегда,

Их слез будет больше, чем океана.
Вассалы, которые толпятся вокруг тебя
И являются венцом твоего царства,
Когда рука твоя больше не будет поддерживать их,
Постигнет участь изгнанника;
В чужих землях их гордость будет унижена,
Их ранг и их имя будут забыты.
Слава могущественной расы,
И достойный тысячи прекрасных королевств,
В будущем не будут приняты во внимание;
Народы будут только помнить
Справедливость, с которой ими управляли
В те годы, когда королевство было тройственным.
В Мексике, самом гордом из городов,
Правил могучий и храбрый Монтесума,
Незауалькойотль, праведный
Благословенный Кульуакан был монархом,
Сильному Тотокилю выпала доля
Из Акатлапана, третьего королевства.
Но все же ты не будешь забыт,
И то добро, которое ты когда-либо совершал;
Ибо разве трон, который ты занимаешь, - это не ты
Дар бога, не имеющий себе равных,
Могущественный Творец всего сущего,
Создатель Королей и принцев!

Незауалькойотль, будь счастлив
С приятными вещами, которые ты знаешь,
Радуйся прекрасному саду,
Укрась свой лоб гирляндой цветов,

Прислушайся к моей песне и моей музыке,
Ибо я забочусь лишь о том, чтобы удовлетворить твою фантазию.
Сладости жизни - всего лишь тени;
Триумфы, почести, что это такое
Но мечты, которые праздны и не длятся долго
Хотя и облаченный в подобие существа?
И так велика истина, которую я изрекаю,
Я прошу тебя ответить на этот вопрос.
Чихуапан, доблестный, где он,
И Квоутцинтекомцин, могущественный,
Великие Коуауацины, где они?
Они мертвы и не оставили нам никаких следов,
Сохрани их имена и славу об их доблести;
Они ушли из этого мира в другой.
Я хотел бы, чтобы те, кто живет в дружбе,
Которого опоясывает нить сильной любви,
Мог видеть острый меч бога Смерти.
Ибо, воистину, удовольствие мимолетно,
Вся сладость должна измениться в будущем,
Все хорошее в жизни непостоянно.

ОДА КОРОЛЮ НЕЗАУАЛЬКОЙОТЛЮ, ПОСВЯЩЕННАЯ ТИРАНУ ТЕЗОЗОМОКУ.

Прислушайтесь к плачу, который я, король Несауалькойотль, возношу внутри себя о судьбе Империи, и подайте пример другим.

О Царь, непостоянный и беспокойный, когда ты умрешь, тогда твой народ будет низвергнут и посрамлен; твоего места больше не будет; воцарится Творец, Всемогущий.

Кто бы мог подумать, увидев дворцы и придворных, славу и могущество старого короля Тезозомока, что всему этому может быть конец? И все же они увяли и погибли. Воистину, жизнь не дает ничего, кроме разочарования и досады; все, что есть, изнашивается и проходит.

Кто не опечалится при воспоминании о былом великолепии этого тирана, этого иссохшего старика; который, подобно иве, питаемой влагой его честолюбия и алчности, господствовал над скромными лугами и цветущими полями, пока длилась весна, но в конце концов, высохший и сгнивший, зимние бури вырвали его с корнем и разбросали по земле кусками.

Но сейчас, с помощью этой скорбной песни, я вспоминаю о вещах, которые процветают в течение часа, и представляю в судьбе Тезозомока пример краткости человеческого величия. Кто, слушая меня, может удержаться от слез? Воистину, радости жизни подобны букету цветов, который передается из рук в руки до тех пор, пока он не увянет, не увянет и не умрет.

Послушайте меня, вы, сыновья королей и принцев, прислушайтесь хорошенько и вдумайтесь в тему моей скорбной песни о том, что процветает в течение часа, и о конце короля Тезозомока. Кто тот, повторяю я, кто может слышать меня и не плакать? Воистину, радости жизни подобны букету цветов, которые распускаются на время, но вскоре увядают и умирают.

Пусть радостные птицы продолжают петь и радуются красоте весны, а бабочки наслаждаются медом и ароматом цветов, ибо жизнь подобна нежному растению, которое срывают и увядает.

Гранадос говорит нам, что все стихи Несауалькойотля были написаны ямбом, напоминающим по стилю произведения Манилия, Сенеки, Помпония, Еврипида и Лилия. В одной из своих песен он сравнил краткость жизни и ее радости с мимолетным распусканием цветка, причем так трогательно, что, по словам Клавиджеро, у слушателей навернулись слезы. Икстлильшочитль рассказывает, что заключенный, приговоренный к смертной казни, получил помилование, прочитав стихотворение перед королем. Существует не так много свидетельств того, что стихи когда-либо писались в рифму, но авторы говорят, что должное внимание уделялось интонации и метру, и что в определенные строки были добавлены некоторые ничего не значащие слоги, чтобы соответствовать такту. По их системе сочетания одного слова часто хватало для строки в самом длинном такте. Многие из их поэтических сочинений были предназначены для драматических представлений, о которых говорилось в других местах.^[615]

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АЦТЕКОВ.

Система счисления науа была очень простой и всеобъемлющей, не существовало ограничений на числа, которые могли быть выражены с ее помощью. Следующая таблица даст четкое представление о методе, применявшемся ацтеками:

Один, *се* или *сеп*.

Два, *оме*.

Три, *да* или *эй*.

Четыре, *науи*.

Пять, *макуилли*, означающий "сжатую руку", причем один палец изначально был удвоен, как предполагается, для каждой единицы при счете от одного до пяти.

Шесть, *чико се*.

Семь, *шикарный день*.

Восемь, *чико эй*.

Девять, *чико нахуи* — Эти имена от шести до девяти - это просто имена от одного до четырех, с приставкой, значение которой не совсем ясно, но которая, как говорят, состоит из *чико*, "с одной стороны", и *ихуань* или *хуань*, что означает "рядом с другой", "с" или просто "и". Следовательно, эти имена можно, возможно, интерпретировать как "одна сторона (или рука) с одной", "одна рука с двумя" и т.д., Или "один два" и т.д., "с другой стороны".

Десять, *матлактли*— это верхняя часть тела, или все пальцы рук.

Одиннадцать, *матлактли ок се*, десять и один.

Двенадцать, *матлактли оме*, десять и два.

Тринадцать, *матлактли ом эй*, десять и три.

Четырнадцать, *матлактли о науи*, десять и четыре. В этих названиях *ос*, *от*, *о* или *оп*, как дает это Молина, по-видимому, используется как соединительная частица, эквивалентная "и", но я не знаком с ее происхождением.

Пятнадцать, *какстолли* - слово, которому власти не придают производного значения.

Шестнадцать, *какстолли ок се*, пятнадцать и один и так далее.

Двадцать, *джем похуалли*, один раз двадцать. Слово *рохуалли* означает "счет", причем число двадцать является в некотором смысле основой всей системы счисления.

Двадцать один, *сет рохуалли ос се*, однажды двадцать один и т.д.

Тридцать, *джем похуалли*, *ихуан* (или *ом*, как говорит Молина) *матлактли*, раз двадцать и десять.

Тридцать пять, *джем похуалли ихуан* (или *он*) *какстолли*, один раз двадцать и пятнадцать и т.д.

Сорок, *оме похуалли*, дважды по двадцать и так далее.

Сто, *макуил похуалли*, пять раз по двадцать.

Двести, *матлактли похуалли*, десять раз по двадцать.

Четыреста, *чен цонтли*, один раз четыреста, "волосы на голове".

Восемьсот, *оме тзонтли*, дважды по четыреста.

Тысяча, *оме цонтли ихуан матлактли похуалли*, дважды четыреста десять раз по двадцать.

Восемь тысяч, *кикипилли*, кошелек или мешочек, уже упоминавшийся как содержащий восемь тысяч зерен какао.

Шестнадцать тысяч, *оме сикипилли*, дважды по восемь тысяч.

Из таблицы видно, что единственные числа, имеющие простые названия, - это один, два, три, четыре, пять, десять, пятнадцать, двадцать, четыреста и восемь тысяч; все остальные представляют собой их составные части, построенные по принципу: когда меньшее число следует за большим, выражается сумма двух, но когда меньшее предшествует большему, указывается их произведение. Молина и Леон-и-Гама являются главными авторитетами в области арифметической системы науа. Все авторы полностью согласны в отношении ее деталей, но значительно различаются в орфографии. Молина пишет каждое составное имя вместе как одно слово, в то время как Гама часто разделяет слово на части, как я делал в каждом конкретном случае, следуя его правописанию.

Способ записи чисел был таким же простым, как и сама система. Точка или маленький кружок обозначали единицу, и этих точек было достаточно для чисел от одного до девятнадцати. Двадцать было обозначено флажком, четыреста - пером, а восемь тысяч - кошельком. Один символ, помещенный над другим, указывал на то, что продукт должен быть взят; например, 160 000 долларов могут быть выражены либо двадцатью кошельками, либо флажком над кошельком. Чтобы избежать чрезмерного использования единичных точек при написании больших и дробных чисел, каждый флаг, перо и кошелек были разделены на четыре четверти, и учитывались только те четверти, которые были цветными. Таким образом, пять может быть выражено пятью точками или флажком, окрашенным всего в одну четверть; триста пятьдесят шесть будут обозначены пером с тремя четвертями цвета, двумя полными флажками, тремя четвертями другого флага и одной точкой.

Мы видели, что двадцатки использовались так же, как у нас используются десятки, в качестве основы для любой нумерации, но, как ни странно, эти двадцатки имели разные названия при подсчете разных классов статей. Обычное название, приведенное в таблице, - *похуалли*; при подсчете листов бумаги, лепешек, шкурок и других тонких предметов, которые можно было укладывать друг на друга в небольшие свертки, каждая двадцатка называлась *пилли*; при подсчете тканей и других изделий, обычно сворачиваемых в большие рулоны, *квимилли* было названием, применяемым к двадцати; а при подсчете людей, линий, стен и других предметов, расположенных в определенном порядке, иногда использовался термин *текпантли*. При подсчете птиц, яиц, фруктов, семян и круглых или пухлых предметов, как правило, к каждой цифре в таблице прикреплялся *тетл*, "камень"; *пантли* таким же образом добавлялся для предметов, расположенных в правильном порядке, а также для измерения поверхности; *тламантли* аналогичным образом присоединялся к цифрам для товаров, продаваемых парами или наборами, таких как обувь, посуда и т.д.; в то время как початки кукурузы, какао в пучках и другие громоздкие изделия требовали окончания *олотль*.

У всех народов науа, насколько известно, арифметическая система была практически одинаковой и, по существу, десятичной. Почти все придавали большое значение числу двадцать; в языке уастеков были простые названия для чисел от одного до десяти, двадцати и тысячи; отоми подошли еще ближе к нашей современной системе счисления, сделав сотню также одним из своих основных чисел с несложным названием, а также составной единицей.^[616]

Астрология, предсказания, толкование снов и предзнаменований, таких как полет или пение птиц, внезапная встреча диких животных или наступление других непредвиденных событий, считались у науа величайшей важностью, и практика таких искусств была доверена *тоналпухи*, "тем, кто считает по солнцу", классу людей, пользующихся большим уважением, которым приписывалось совершенное знание будущих событий. Мы видели, что ни одно предприятие, государственное или частное, сколь-либо важное, не могло быть предпринято иначе, как под подходящим и благоприятствующим знаком, и для определения этого знака обратились к тоналпухи. Наука астрология была записана в книгах, хранившихся в глубокой тайне, совершенно непонятных для обычной толпы, чья удача или неудача, как предполагалось, была в них изображена. Подробности методов, используемых в таинственных ритуалах прорицания, нигде не описаны, и постоянные упоминания о услугах провидца во всех главах этого и последующих томов делают этот параграф по этому вопросу достаточным.

В дополнение к различным искусствам, описанным на предыдущих страницах, отдельные главы будут посвящены календарю науа, иероглифам, архитектуре и медицине.^[617]

ГЛАВА XVI.

КАЛЕНДАРЬ АЦТЕКОВ.

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ АЦТЕКОВ—ПРОТИВОРЕЧИЯ АВТОРОВ ОТНОСИТЕЛЬНО КАЛЕНДАРЯ—ЦЕННОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ РАЗЛИЧНЫХ АВТОРОВ—ПЕРВЫЙ РЕГУЛЯРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ—МЕКСИКАНСКИЙ ЦИКЛ—ГРАЖДАНСКИЙ ГОД—АЦТЕКСКИЕ МЕСЯЦЫ—НАЗВАНИЯ ДНЕЙ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ—НАЧАЛО АЦТЕКСКОГО ГОДА—РИТУАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ—РАСПОЛОЖЕНИЕ МЕСЯЦЕВ ГАМОЙ—КАЛЕНДАРНЫЙ КАМЕНЬ—ЧЕТЫРЕ РАЗРУШЕНИЯ МИРА—КАЛЕНДАРЬ МИЧОАКАНА—ИСЧИСЛЕНИЕ САПОТЕКОВ.

Возможно, самым сильным доказательством развитой цивилизации науа был их метод исчисления времени, который по изобретательности и правильности соответствовал, если не превосходил, системам, принятым современными европейскими и азиатскими народами.

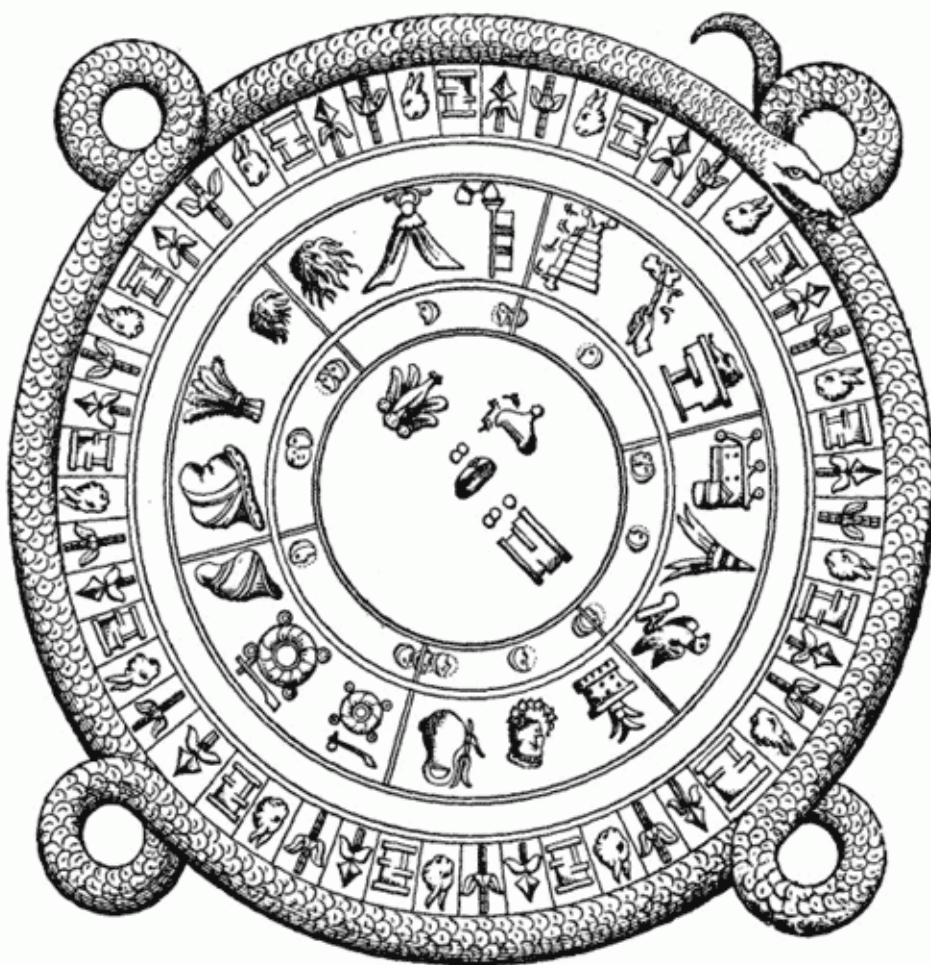
Науа были хорошо знакомы с движением солнца и луны и даже некоторых планет, в то время как небесные явления, такие как затмения, хотя и объяснялись неестественными причинами, тем не менее тщательно наблюдались и регистрировались. Более того, у них была точная система деления дня на фиксированные периоды, отчасти соответствующая нашим часам; действительно, как показал ученый сеньор Леон-и-Гама, камень-календарь ацтеков, найденный на площади города Мехико, использовался не только как долговечный счетный прибор, но и как солнечные часы.

КАЛЕНДАРЬ АЦТЕКОВ.

Хотя система календаря ацтеков в целом ясна и понятна, все же чрезвычайно трудно с уверенностью описать многие ее детали из-за противоречивых утверждений почти всех более ранних авторов, которые посетили Мексику и там в разных местах собрали обрывки того, что они впоследствии назвали "календарем мексиканцев", не принимая во внимание, что многочисленные и отдельные королевства, окружающие территорию ацтеков, хотя и использовали по существу одну и ту же систему, отличались по многим важным моментам, таким как названия лет, месяцев, дней, время начала года и т.д. Эта трудность возрастает, когда мы пытаемся согласовать мексиканские даты с нашими собственными. Даже Ботурини, собиравший свои сведения в Мексике, допускает много ошибок; а Вейтия, хотя мы должны отдать ему должное за то, что он досконально изучил предмет и свел его к четкой системе, ошибается во многих пунктах. Из более старых авторов, таких как Саагун, Лас Касас, Дюран, Мотилиния и другие, никто не высказался достаточно ясно по всем пунктам, чтобы мы могли следовать за ним; и те детали, которые они приводят в совокупности, по большей части противоречивы. Торквемада, который большую часть

своего материала черпает из Мотолитли, слишком часто противоречит сам себе, чтобы быть достоверным. Леон-и-Гама, хотя он и потратил много труда, пытаясь четко изложить систему, также допускал некоторые ошибки, которые, возможно, объясняются тем, что у него не было ценной помощи в трудах Саагуна, и тем, что он слишком доверял трудам Торквемады и рукописи индейца Кристобала дель Кастильо, как показано в обзоре работ Гамы, сделанном старшим Хосе Антонио Альсате в *Газете Литературы*. Описание барона фон Гумбольдта, сколь бы ценным оно ни было из-за развернутых сравнений, которые он проводит между мексиканским, азиатским и египетским календарями, по этой причине слишком запутано, чтобы его можно было легко понять. Исходя из всех этих описаний, Галлатин, Маккаллох и Мюллер, и, возможно, еще несколько человек, составили для нас очень хорошее резюме, но без попыток примирить все противоречия.

Первое известие, которое мы имеем о каком-либо регулярном календаре, дано Икстлильшочитлем, который утверждает, что в 5097 году от сотворения мира собрание ученых мужей собралось в городе Уэуэтлапаллан и определило счет годам, дням и месяцам, високосным годам и вставным дням в том порядке, в каком они были на момент завоевания.^[618] До этого времени говорят, что единственный сохранявшийся счет регулировался ежегодным ростом свежей травы и травы, от которых происходит название мексиканского года *xihuitl*, "новая трава". Также говорится, что с помощью Луны было произведено приблизительное вычисление времени от ее появления до исчезновения, и что этот период, называемый *мецтли*, "луна", был разделен на две равные части, названные соответственно *мехтозолитли*, временем, когда луна бодрствовала или была видима, и *мекочилизли*, сном Луны, или временем, когда она была невидима.^[619] Сведения о более крупных временных отрезках весьма противоречивы. Различные авторы утверждают, что существовали две, три, четыре и пять эпох, в конце каждой из которых мир, как утверждалось, разрушался и воссоздавался в начале следующей за ним эпохи. Однако общепринятым верованием аборигенов было то, что на момент завоевания мир прошел через три эпохи, а затем вступил в четвертую. Первой эпохой, или "солнцем", как ее еще называют, было Солнце Воды, *атонатиух*; второй - Солнце Земли, *тлалчититонатиух*; третьей - Солнце Воздуха, *эхекатонатиух*.^[620] Это практически все, что мы знаем о каком-либо разделении времени до ассамблеи в Уэуэтлапаллане, которая, как говорят, ввела регулярный календарь.

Ацтекский цикл.

МЕКСИКАНСКИЙ ЦИКЛ.

Мексиканский календарь содержит следующее деление времени: "Эпоха", состоящая из двух периодов по пятьдесят два года каждый, называлась *уэутилизтли*; "цикл", состоящий из четырех периодов по тринадцать лет каждый, назывался *сюхмолпилли*, *сюхмолпиа* или *сюхтлалпилли*, что означает "соединение лет". Каждый период продолжительностью тринадцать лет, или, как его называли испанские историки, "индиксион", был известный как *тлапилли*, или "узел", и, как указывалось выше, каждый отдельный год назывался *ксиуитль*, или "молодая трава", возраст не использовался в обычном исчислении и лишь изредка упоминается для обозначения длительного промежутка времени. Числительное, приставляемое к названию любого года цикла, или *сюхмолпилли*, никогда не превышало четырех, и для осуществления этого плана использовались четыре знака, соответственно названные *тохтли*, "кролик", *калли*, "дом", *текпатл*, "ремень", и *акатль*, "тростник". Таким образом, ацтеки начали отсчитывать первый год своего первого цикла с имени или иероглифического *Ce Tochtli*, означающего "один (со знаком) кролик"; а вторым годом был *Ome Acatl*, "два, тростник"; третьим, *Yeu Tecpatl*, "три, ремень"; четвертым, *Nahui Calli*, "четыре, дом"; пятым, *Macuilli Tochtli*, "пять, кролик"; шестым, *Chicoace Acatl*, "шесть,

тростник"; седьмой, Чикоме Текпатл, "семь, кремень"; восьмой, Чико эй Калли, "восемь, дом"; девятый, Чико нахуи Точтли, "девять, кролик"; десятый, Матлактли Акатл, "десять, трость"; одиннадцатый, Матлактли очче Текпатл, "одиннадцать, кремень"; двенадцатый, Матлактли омоме Калли, "двенадцать, дом"; и тринадцатый, Матлактли оми Точтли, "тринадцать, кролик". Это исчисление продолжалось таким же образом, второй тлапилли снова начинался с "единицы, кейн", третий тлапилли - с "единицы, кремень", четвертый - с "единицы, дом", и так далее до конца цикла в пятьдесят два года. Легко видеть, что в течение пятидесяти двух лет ни один из этих четырех знаков не мог сопровождаться одним и тем же числом дважды, и поэтому никакой путаницы возникнуть не могло. Поэтому вместо того, чтобы говорить, что событие произошло в 1850 году, как мы делаем в нашем исчислении, они говорили о нем как о событии, произошедшем, например, в год "трех кроликов" в двенадцатом цикле.^[621] Тем не менее, у разных авторов возникла некоторая путаница из-за того факта, что разные народы Анахуака не все начинали свои циклы одним и тем же иероглифическим знаком. Таким образом, толтеки начинали со знака текпатл, "кремень", а мексиканцы, или ацтеки, со знака тохтли, "кролик", в то время как некоторые снова использовали акатл, "трость", а другие калли, "дом", в качестве своего первого имени.^[622] Цикл был представлен на их картинах фигурами тохтли, акатля, текпатля и калли, повторяющимися каждая по тринадцать раз и помещенными в круг, вокруг которого была нарисована змея, держащая свой хвост во рту и делающая поочередные движения. каждая из четырех сторон света представляет собой излом со своим собственным телом, как показано на табличке на противоположной странице, которая служила для разделения цикла на четыре тлапилли.^[623] Эти четыре знака - кролик, трость, кремень и дом - также, согласно Ботурини, использовались для обозначения четырех времен года, четырех сторон света и, наконец, четырех стихий. Так, например, текпатль также означал юг; калли - восток; тохтли - север; и акатль - запад. Таким же образом текпатль использовался для обозначения огня; калли - земли; тохтли - воздуха; и акатль - воды.^[624]

Гражданский год снова был разделен на восемнадцать месяцев и пять дней. Каждый месяц имел свое особое название, но пять дополнительных дней обозначались только как *немонтеми* или "несчастливые дни", и дети, родившиеся в это время, или предпринятые предприятия считались несчастливыми. На иероглифических рисунках эти месяцы также помещались в круг, в середине которого был нарисован лик, изображающий либо солнце, либо луну. Этот круг назывался *сюхтлапохуалли*, или "счет года". Относительно порядка, в котором эти месяцы следовали друг за другом, и названия первого месяца вряд ли два автора согласны; таким же образом мы находим три или четыре различных названия, данных многим месяцам. Казалось бы, разумно предположить, что месяц, непосредственно следующий за немонтеми, которые всегда добавлялись в конце года, был бы первым, и единственная трудность здесь состоит в том, чтобы узнать, каким способом писали ацтеки: справа налево или слева направо. В круге месяца, указанном Вейтией и предположительно скопированном с оригинала, эти пять дней вставлены между месяцами Панкетзализтли и Атемозтли, и, считая слева направо, это сделало бы Атемозтли первым месяцем, что согласуется с утверждением Вейтии. Но Гама и другие решительно не согласны с этим мнением и называют другие месяцы первыми. Я оставляю дальнейшее рассмотрение этого вопроса для другого места в этой главе, где в связи с другими вопросами его можно обсудить более четко, и довольствуюсь простым приведением здесь таблицы названий месяцев, перечисленных основными авторами, чтобы сразу показать множество вариантов. Я также добавляю к нему различные даты, указанные для первого дня года, в которых столько же противоречий, сколько в названиях и расположении месяцев.

НАЗВАНИЯ МЕКСИКАНСКИХ МЕСЯЦЕВ ПО ДАННЫМ РАЗНЫХ АВТОРОВ.

АВТОРЫ.	1.	2.	3.	4.	5.
СААГУН.	Атлакауалько, или Куавитлелоа.	Тлакашипеоализтли.	Тозозтонтли.	Вейтокоствли.	Токскатль.
МОТОЛИНИЯ.					
АКОСТА.					
ГОМАРА.	Тлакашипеуализтли.	Tozçuztli.	Hueitozçuztli.	Токскатль, или Тепупочуилицтли	Эскоалицтли.
МАРТИН ДЕ ЛЕОН. [625]	Атлкауало.	Тлакашипехуализтли.	Toçozontli.	Hueitoçozontli.	Точкатль.
ДЮРАН.	Ксучицицкило, или Куауитлехуа, или Атлмотцакуага, или Ксиломанизтли.	Тлакашипехуализтли.	Тозозтонтли.	Очпанизтлы, или Куэйтозозтлы.	Токскатль.
ВАТИКАНСКИЙ КОДЕКС.	Атлкауало.	Тлакашипеуализтли.	Токозинтли.	Вейтозокоцтли.	Токскатль.
TORQUEMADA.	Атлакауалько, или Куахуитлехуа.	Тлакашипехуализтли.	Toçozontli.	Hueytoçoztli.	Toxcatl.
ВЕТЕРИНАРНЫЙ ВРАЧ.	Атлачуалько, или Куауильчуа.	Тлакашипехуализтли.	Токозонтли.	Уэйтokoзтли.	Теокскальт.
ВЕТАНКВРТ (НАЗВАНИЯ ТЛАСКАЛЬТЕКОВ).	Xilomatihuitztl.	Койлунтль.			
GEMELLI CARRERI.	Тлакашипехуалицтли.	Тозозтли.	Хуейтозозтли.	Токскатль.	Эцалькуализтли.
ЛАЕТ.	Тлакашипенализтли.	Токсактли.	Hueitozçuztli.	Токскатль, или Тепупочуилицтли.	Эзалиоалиштли.
ВЕЙТИЯ.	Атемозтли.	Тититл.	Ицкалли.	Ксиломанизтли.	Коуайлунтл.
LORENZANA.	Атемозтли.	Тититл.	Ицкалли.	Ксилиманизте.	Коуайлунтль.
КЛАВИДЖЕРО.	Атлакауалько.	Тлакашипехуализтли.	Тозозтонтли.	Хуейтозозтли.	Токскатл.

ГАМА. [626]	Тититл, или Ицкалли.	Ицкалли, или Хочилуитль.	Ксиломаналикстли, или Атлкауалько, или Куаунтлехуа, или Чиуаилхуитль.	Тлакашипехуализтли, или Коуаилхуитль.	Тозозонтли.
KLEMM.	Акауалько.	Тлакашипехуалицтли.	Тозозонтли.	Уэитозонтли.	Текскатл.
МЮЛЕР.	Тлакашипехуализтли, или Коуаилхуитль.	Тозозонтли.	Хьюи Тозозтли.	Токскатль, или Тепопочуилицтли.	Эцалквалицтли.
BRASSEUR DE BOURBOURG.	Атлакауалько.	Тлакашипехуализтли.	Тозозонтли.	Хьюи-Тозозтли.	Токскатл.
CARBAJAL ESPINOSA.	Атлакауалько.	Тлакашипехуализтли.	Тозозонтли.	Хуейтозозтли.	Токскатль, или Кокскатль.
ТЕЛЛЕРИАНО- РЕМЕНСКИЙ КОДЕКС.					
АВТОРЫ.	6.	7.	8.	9.	10.
СААГУН.	Etzacualiztli.	Текилуитонтли.	Вейтекуилхуитль.	Тлакочимако.	Шокоуэцль.
МОТОЛИНИЯ.					
АКОСТА.					
ГОМАРА.	Текуилуицинтли.	Hueitecuilhuitl.	Миккайлуицинтли.	Веймиккайлуитл.	Вчпанизтли, или Тенауатилицтли.
МАРТИН ДЕ ЛЕОН. [625]	Эцалкуализтли.	Текуилхуитонтли.	Hueiteucyilhuitl.	Тлакочиманко.	Шокотлхуэци.
ДЮРАН.	И так далее.	Текуилуитонтли, или Тлакочимако.	Уэйтекуилуитль.	Майкл Хьюитонтли.	Токотлуец.
ВАТИКАНСКИЙ КОДЕКС.	Hetzalqualiztl.	Технический прогресс.	Veitecuiluitl.	Миккайлуитль.	Веймиккайлуитль.
ТОРКВЕМАДА.	Etzalqualiztli.	Текухильуитонтли.	Уэйтекухилхуитль.	Тлаксучимако, или Уэймиккайлуитль.	Чокотлхуэци.
ВЕТЕРИНАРИЯ.	И Аквализтли.	Текуилхуитонтли.	Уэйтекуилхуитл.	Тлакочимако.	Шокотлхуэци.
ВЕТАНКВРТ (НАЗВАНИЯ ТЛАСКАЛЬТЕКОВ).				Майкл Хьюитцинтли.	Хьюймиккайлуитл.

GEMELLI CARRERI.	Тикуилхуитл.	Hueytecuilhuitl.	Майкл Хьюитл.	Хьюймикайлхуитл.	Очпанизтли.
ЛАЕТ.	Текуилхуицинтли.	Huehtecuilhuitl.	Миккатуицинтли.	Веймиккайлхуитль.	Вчпанизтли, или Тенаватилизтли.
ВЕЙТИЯ.	Тозкоцинтли.	Уэйтозкоцтли.	Токскатль.	Exolqualiztli.	Текуилуицинтли.
LORENZANA.	Тозкоцинтли.	Хьюи Тозкоцтли.	Токскатл.	Эзалквалицтли.	Текуилуицинтли.
КЛАВИДЖЕРО.	Эцалькуализтли.	Текилуитонтли.	Hueitecuilhuitl.	Тлакочимако.	Шокоуэци.
ГАМА.	Хьюи Тозозтли.	Токскатль, или Тепопочуилицтли.	Эцалквалицтли.	Текуилхуитцинтли.	Хьюэйтекуилхуитл.
KLEMM.	Etzalqualitztl.				
МЮЛЛЕР.	Текуилхуитцинтли.	Хьюэйтекуилхуитл.	Миккайлхуитцинтли, или Тлалшочимако.	Уэймиккайлхуитль, или Ксолотлхуэцин.	Очпанизтли, или Тенахватилизтли.
BRASSEUR DE BOURBOURG.	Etzacualiztli.	Текилуитонтли.	Хьюи Текилуитл.	Тлакочимако.	Шокоуэтци.
CARBAJAL ESPINOSA.	Etzacualiztli.	Teucuilhuitontli.	Приветствую вас.	Тлакочимако.	Шокотлхуэци.
ТЕЛЛЕРИАНО- РЕМЕНСКИЙ КОДЕКС.		Текуилуйтонтл.	Вейтекуилуйтл.	Майкл Хуитл.	Хьюймиккайл Хуитл.
АВТОРЫ. 11. 12. 13. 14.					
СААГУН.	Очпанизтли.	Теотлеко.	Тепейлуитль.	Кечолли.	
МОТОЛИНЕЯ.				Panquetzaliztli.	
АКОСТА.					
ГОМАРА.	Пачтли, или Хезозтли.	Уэйпачтли, или Пачтли.	Кечолли.	Панкесализтли.	
МАРТИН ДЕ ЛЕОН. [625]	Очпанизтли.	Теотлеко.	Тепейлуитль.	Кечулли.	
ДЮРАН.	Очпанизтли.	Пачтонтли.	Вейпачтли, или Коаилуитль.	Кечолли.	

ВАТИКАНСКИЙ КОДЕКС.	Защита.	Pachtontl.	Veipachtli.	Кечоли.	
TORQUEMADA.	Учпанизтли.	Теутлеко.	Тепейлуитль.	Кечолли.	
ВЕТЕРИНАРИЯ.	Очпанизтли.	Теотлеко.	Тепейлуитль.	Кечолли.	
ВЕТАНКВРТ (НАЗВАНИЯ ТЛАШКАЛЬТЕКОВ).			Пачцинтли.		
GEMELLI CARRERI.	Пачтли.	Хьюйпачтли.	Чечиогли.	Панчетзализтли.	
ЛАЕТ.	Пачтли, или Гекозтли.	Уэйпачтли.	Кечолли.	Панкекализтли.	
ВЕЙТИЯ.	Хуэйтекуилхуитль.	Майкл Хьюитцинтли.	Хьюэймикайлхуитл.	Уэпанизтли.	
LORENZANA.	Хьюи Текилуитл.	Миктайлхутлзинтли.	Hueymictailhuitl.	Очпанизтли.	
КЛАВИДЖЕРО.	Очпанизтли.	Теотлеко.	Тепейлуитль.	Кечолли.	
ГАМА.	Миккаилуинцинтли, или Тласочимако.	Уэймиккайллуитль, или Ксокотлхуэтци.	Очпанизтли, или Тенахвализтли.	Пачтли, или Ээозтли, или Теотлеко.	
KLEMM.	Ochpanitztl.	Пачтли.		Тепейлуитль.	
МЮЛЛЕР.	Пачтли, или Ээозтли, или Теотлеко.	Уэйпачтли, или Пачтли, или Тепейлуитль.	Кечолли.	Panquetzaliztli.	
BRASSEUR DE BOURBOURG.	Очпанизтли.	Теотлеко.	Тепейлуитль.	Кечолли.	
CARBAJAL ESPINOSA.	Тлачпанализтли.	Теотлеко.	Тепейлуитль.	Кечолли.	
ТЕЛЛЕРИАНО- РЕМЕНСКИЙ КОДЕКС.	Очпанизтли.	Осторожно.	Вейпактли.	Кечоли.	
Начало мексиканского года, по нашим подсчетам.					
АВТОРЫ.	15.	16.	17.	18.	
SAHAGUN.	Panquetzaliztli.	Атемозтли.	Тититл.	Изкалли.	2 февраля.

МОТОЛИНИЯ.					Начало марта.
АКОСТА.					26 февраля.
ГОМАРА.	Хатемузтли.	Тититлх.	Искалли.	Коунтлеуак, или Чуайлуилт.	
МАРТИН ДЕ ЛЕОН. [625]	Panquetzaliztli.	Атемозтли.	Тититл.	Ицхали.	2 февраля.
ДЮРАН.	Панкетзализтли.	Атемозтли.	Щекотливо.	Искалли, или Ксиломанизтли, или Квейтлеуа.	1 марта.
ВАТИКАНСКИЙ КОДЕКС.	Panquetzaliztli.	Атемозтли.	Щекотка.	Искалли.	24 февраля.
TORQUEMADA.	Panquetzaliztli.	Атемозтли.	Щекотливо.	Искалли.	1 февраля.
ВЕТЕРИНАРИЯ.	Panquetzaliztli.	Дегустация.	Тицотль.	Искалли.	Февраль.
ВЕТАНКВРТ (ТЛАШКАЛЬТЕКСКИЕ НАЗВАНИЯ).					
GEMELLI CARRERI.	Атемозтли.	Щекотка.	Искальи.	Атлакоало.	Первый год столетия, 10 апреля.
ЛАЕТ.	Хатемузтли.	Щекотливый.	Искалли.	Коавитлевац.	Март или 26 февраля.
ВЕЙТИЯ.	Паччинтли.	Уэйпачтли.	Кечолли.	Panquetzaliztli.	2 февраля.
LORENZANA.	Pachtlizintli.	Уэйпачтли.	Кечолли.	Панкетсаллицтли.	
КЛАВИДЖЕРО.	Panquetzaliztli.	Атемозтли.	Тититл.	Искалли.	Первый год столетия, 26 февраля.
ГАМА.	Уэйпачтли, или Пачтли, или Тепейлуитль.	Кечолли.	Panquetzaliztli.	Атемозтли.	9 января.
KLEMM.			Щекотливо.	Искалли.	26 февраля.
МЮЛЛЕР.	Атемозтли.	Тититл, или Ицкалли.	Ицкалли, или Хочилуитль.	Ксиломанизтли, или Атлкауалько, или Куахунтлехуа, или Чнуаилхуитль.	20 марта.

BRASSEUR DE BOURBOURG.	Panquetzaliztli.	Атемозтли.	Тититл.	Искалли.	
CARBAJAL ESPINOSA.	Panquetzaliztli.	Атемозтли.	Щекотливый.	Искалли.	Первый год столетия, 26 февраля.
ТЕЛЛЕРИАНО- РЕМЕНСКИЙ КОДЕКС.	Panquetzaliztli.	Атемозтли.	Щекотка.	Изкатли.	24 февраля.

НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ У АЦТЕКОВ.

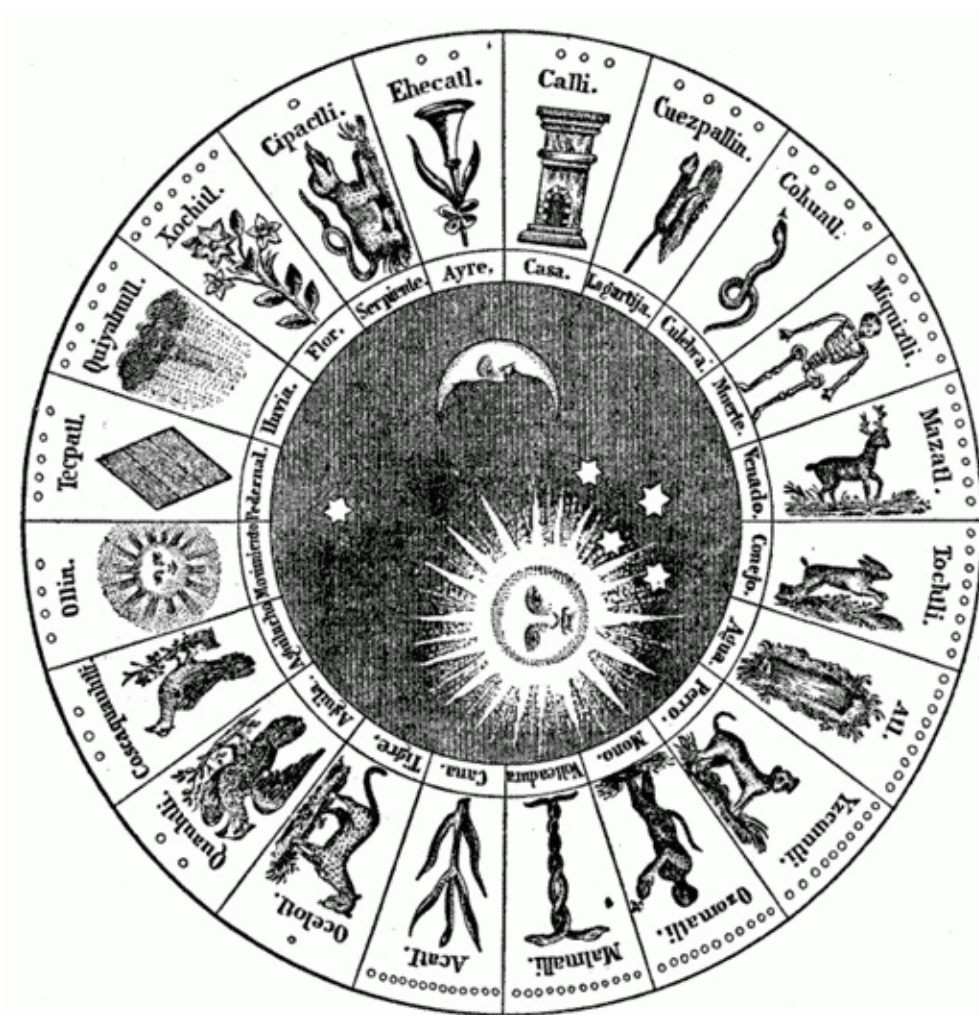
Каждый месяц, как указывалось ранее, был представлен соответствующим иероглифом, имеющим определенное значение и обычно относящимся к какому-либо празднику или природному событию, такому как созревание фруктов или проливной дождь, происходящий в течение месяца, хотя в этом случае также существует много различий между авторами относительно значения названий.

Год ацтеков.

Тититл, который, согласно Гаме, был первым месяцем, Ботурини переводит как "наша мать" или "мать богов", в то время как Кабрера называет его "огнем".^[627] Ицкалли, согласно Ботурини, означает "возрождение"; Ватиканский кодекс переводит это как "мастерство"; а Вейтия - "прорастание травы".^[628] Атлкауалько означает "утихание вод". Тлашкальтекское название этого месяца, Ксиломанализтли, означает "приношение в жертву зеленой кукурузы". В других местностях этот месяц был также известен под названием Куахуитлехуа, "сжигание гор", или, скорее, деревьев на горах, перед посевом.^[629] Тлакашипехуализтли означает "сдирание кожи с людей"; другое название этого месяца, Коуаилуитль, - "праздник змей". Тозозтонтли, Тозкотзинтли и Уэйтозозтли - соответственно малый и великий пост или бдение; в то время как некоторые переводят эти слова как "прокалывание вен", "пролитие крови" или "великое и малое покаяние".^[630] "Тошкатль" - это 'воротник' или 'ожерелье'.^[631] Etzalqualiztli переводится Boturini 'фасоль тушеная' или "поедание бобов, в то время как жа Вейтия называет его 'едят кашу из кукурузы.' Tecuilhuitzintli и Hueytecuilhuitl означают соответственно малый и большой пир Господень'. Miccailhuitzintli объясняется, как праздник мертвых детей, и маленький праздник мертвых; другое название этого месяца-это Тлахочимасо, значение 'распределение цветов.' Hueymiccailhuitl либо праздник мертвых взрослых' или 'великий праздник мертвых'.Xocotlhuetzin, другое название этого месяца означает созревание

плодов'. Ochpaniztli-это уборка улиц.Teotleco, или прихода богов, - последовал следующий месяц, и был также Назван Pachtlі, или Pachtontli, последний переводится на унижение, и бывшего под мха, свисающие с деревьев.' Hueypachtli был великий праздник унижения, также называемый Тепеиуитль, или пир на горы.' Quecholli означает 'павлин', но толкователь *Кодекса Telleriano-Remensis* называет это 'змея в облака.' Панкецалистли это поднятие флагов и баннеров.Атемостли, в прошлом месяце, означает 'высыхания воды.'[\[632\]](#) табличку на предыдущей странице показывает порядок месяцев и фотографии, с помощью которых они были представлены.

Месяц ацтеков.

НАЗВАНИЯ ДНЕЙ АЦТЕКОВ.

Каждый месяц состоял из двадцати дней, которые были разделены на четыре группы, или недели, как мы можем для удобства называть их; и в конце каждой группы проводился общественный рынок или ярмарка. Нет расхождений во мнениях относительно названий

дней или порядка, в котором они следуют друг за другом, но очень трудно, а во многих случаях и невозможно согласовать друг с другом различные иероглифические знаки, обозначающие эти дни, приведенные в кодексах или в различных представлениях календаря. Названия дней таковы: Чипактли, название, которому почти невозможно дать правильное значение, поскольку оно по-разному изображается в виде головы животного с открытой пастью, вооруженной длинными бивнями, в виде рыбы с несколькими кремневыми ножами на спине, в виде разновидности ящерицы с очень длинным хвостом, закинутым за спину, и во многих других чудовищных формах. Его называют "морским животным", "меч-рыбой", "змеей, вооруженной гарпунами", и другими названиями. Эхекатль — "ветер"; Калли — "дом"; Куэтцпалин - "ящерица"; Коатль - "змея"; Миквизтли - "смерть"; Мазатль - "олень"; Тохтли - "кролик"; Атл - "вода"; Ицкуинтли - "собака"; Озоматли - "обезьяна"; Малиналли - "хворост" или "спутанная трава"; Акатль - "тростник"; Оцелотль - "тигр"; Куаутли - "вода". орел; Козакаухтли, вид стервятников, известный в Мексике как "король зопилотес"; Оллин, "движение"; Текпатл, "кремень"; Квиауитл, "дождь"; и Шочитл, "цветок". Можно видеть, что дни, имеющие названия или знаки лет, а именно: Тохтли, Калли, Текпатл и Акатл, стоят первыми в каждой неделе. У пяти немонтеми не было определенного названия. Приведенный выше фрагмент показывает метод, с помощью которого ацтеки представляли свой месяц иероглифическими названиями каждого дня.^[633]

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ДНИ.

Поскольку триста шестьдесят пять дней не завершают год, мексиканцы добавили недостающие тринадцать дней в конце цикла из пятидесяти двух лет. Но Гама утверждает, что они подошли еще ближе к нашим более правильным расчетам и добавили всего двенадцать с половиной дней.^[634] Его неоднократно пытались зафиксировать точное время, когда мексиканское год по нашему времени, но нет согласия по этому вопросу между старыми историками, как будет видно из таблицы, и хотя многие сложные расчеты были сделаны с целью проверки той или иной заявления, в результате в двух случаях одинаковое. Гама подсчитал, а Гумбольдт и Галлатин подтвердили его утверждение, что первый год мексиканского цикла начался 31 декабря по старому стилю или 9 января по новому стилю с месяца Тититл и дня Чипактли.^[635]

РИТУАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

Теперь мы переходим к другому способу исчисления, известному как ритуальный календарь, который, как следует из его названия, использовался для корректировки всех религиозных праздников и обрядов и всего, что с ними связано. Ранее описанный отсчет был солнечным, в то время как ритуальный календарь был лунным. Периоды, на которые он был разделен, составляли по тринадцать дней каждый, что составляло примерно половину времени, в течение которого луна была видна. В году было столько же дней, сколько и в солнечном календаре, но они были разделены на совершенно разные периоды. Таким образом, в действительности месяцев вообще не было, а только двадцать недель по тринадцать дней в каждой; и они не составляли полного года, такой же отсчет продолжался еще сто пять дней, и в конце тлапилли тринадцать дней были вставлены, чтобы восполнить потерянные дни. Названия дней были такими же, как в солнечном календаре, но

отсчитывались они следующим образом. К первому дню приставлялся номер один, ко второму - два, к третьему - три и так далее до тринадцати; когда четырнадцатое имя снова называлось единицей, к пятнадцатому - двумя и так далее до тринадцати, после чего тот же подсчет продолжался до конца года. Но поскольку при таком исчислении естественным образом случается, что одно имя дважды имеет одно и то же число, к обычным именам были добавлены сопутствующие знаки, которые назывались *кечолли*, "владыки или правители ночи". Их было девять: *ксиутекутли*, *тлетл*, "владыка года, огня"; *текпатл*, "кремень"; *хочитл*, "цветок"; *сентеотль*, "богиня кукурузы"; *миквизтли*, "смерть"; *атл*, "вода", представленная богиней Чалчихуитликуэ; *тлазолтеотль*, "богиня любви"; *тепейоллотли*, божество, предположительно обитавшее в центре гор; *куиауитль*, "дождь", представленный богом Тлалоком.^[636] Как указывалось выше, считалось, что один из этих знаков сопровождает обычное название каждого дня, начиная с первого дня года; но они никогда не были написаны или упомянуты с первыми двумястами десятками. шестьдесят дней, но только с последними ста пятью днями, чтобы отличать их от первых.^[637] С целью сделать эту систему более понятной, я вставляю несколько месяцев мексиканского календаря, показывая солнечную и лунную системы вместе, как это устроено Гамой.

Месяцы и дни нашей эры	Месяцы и дни мексиканского гражданского или солнечного календаря.	Дни и недели мексиканского ритуального, или лунного, календаря.	Сопровождающие признаки, или 'Повелители Ночи.'
Январь	9 Tititl	1 1 Cipactli	Tletl 1
	10	2 2 Эекатль	Tecpatl 2
	11	3 3 Каллусов	Шочитль 3
	12	4 4 Cuetzpalin	Centeotl 4
	13	5 5 Коатль	Miquiztli 5
	14	6 6 Miquiztli	АТЛ 6
	15	7 7 Mazatl	Tlazolteotl 7
	16	8 8 Tochtli	Tepeyollotli 8
	17	9 9 АТЛ	Quiahuitl 9
	18	10 10 Itzcuintli	Tletl 1
	19	11 11 Ozomatli	Tecpatl 2
	20	12 12 Malinalli	Шочитль 3

	21	13	13	Acatl	Centeotl	4
	22	14	1	Ocelotl	Miquiztli	5
	23	15	2	Quauhtli	АТЛ	6
	24	16	3	Cozcaquauhtli	Tlazoleotl	7
	25	17	4	Оллин	Tepeyollotli	8
	26	18	5	Tecpatl	Quiahuitl	9
	27	19	6	Quiahuitl	Tletl	1
	28	20	7	Шочитль	Tecpatl	2
	29	1	8	Cipactli	Шочитль	3
	30	2	9	Экатль	Centeotl	4
Февраля	31	3	10	Каллусов	Miquiztli	5
	1	4	11	Cuetzpalin	АТЛ	6
	2	5	12	Коатль	Tlazoleotl	7
	3	6	13	Miquiztli	Tepeyollotli	8
	4	7	1	Mazatl	Quiahuitl	9
	5	8	2	Tochtli	Tletl	1
	6	9	3	АТЛ	Tecpatl	2
	7	10	4	Itzcuintli	Шочитль	3
	8	11	5	Ozomatli	Centeotl	4
	9	12	6	Malinalli	Miquiztli	5
	10	13	7	Acatl	АТЛ	6

	11		14	8	Ocelotl	Tlazolteotl	7
	12		15	9	Quauhtli	Tepeyollotli	8
	13		16	10	Cozcaquauhtli	Quiahuitl	9
	14		17	11	Оллин	Tletl	1
	15		18	12	Теспатл	Теспатл	2
	16		19	13	Quiahuitl	Шочитль	3
	17		20	1	Шочитль	Centeotl	4
	18	Atlahualco	1	2	Cipactli	Miquiztli	5
	19		2	3	Экатль	АТЛ	6
	20		3	4	Каллусов	Tlazolteotl	7
	21		4	5	Cuetzpalin	Tepeyollotli	8
	22		5	6	Коатль	Quiahuitl	9
	23		6	7	Miquiztli	Tletl	1
	24		7	8	Mazatl	Теспатл	2
	25		8	9	Tochtli	Шочитль	3
	26		9	10	АТЛ	Centeotl	4
	27		10	11	Itzcuintli	Miquiztli	5
	28		11	12	Ozomatli	АТЛ	6
Мапра	1		12	13	Malinalli	Tlazolteotl	7
	2		13	1	Acatl	Tepeyollotli	8
	3		14	2	Ocelotl	Quiahuitl	9

4		15	3	Quauhtli	Tletl	1
5		16	4	Cozcaquauhtli	Tecpatl	2
6		17	5	Оллин	Шочитль	3
7		18	6	Tecpatl	Centeotl	4
8		19	7	Quiahuitl	Miquiztli	5
9		20	8	Шочитль	АТЛ	6
10	Тлакашипеуалицтли	1	9	Cipactli	Tlazoleotl	7
11		2	10	Экатль	Tepeyollotli	8
12		3	11	Каллусов	Quiahuitl	9
13		4	12	Cuetzpalin	Tletl	1
14		5	13	Коатль	Tecpatl	2
15		6	1	Miquiztli	Шочитль	3
16		7	2	Mazatl	Centeotl	4
17		8	3	Tochtli	Miquiztli	5
18		9	4	АТЛ	АТЛ	6
19		10	5	Itzcuintli	Tlazoleotl	7
20		11	6	Ozomatli	Tepeyollotli	8
21		12	7	Malinalli	Quiahuitl	9
22		13	8	Acatl	Tletl	1
23		14	9	Ocelotl	Tecpatl	2
24		15	10	Quauhtli	Шочитль	3

25		16	11	Cozcaquauhtli	Centeotl	4
26		17	12	Оллин	Miquiztli	5
27		18	13	Теспатл	АТЛ	6
28		19	1	Quiahuitl	Tlazoleotl	7
29		20	2	Шочитль	Tepeyollotli	8
30	Tozoztontli	1	3	Cipactli	Quiahuitl	9
31		2	4	Экатль	Tletl	1

Пять немонтеми считались в этом календаре другими днями, то есть они получили названия, которые шли в обычном порядке, но, тем не менее, считались несчастливыми днями и не имели сопутствующих знаков.

Камень-Календарь.

КАМЕНЬ-КАЛЕНДАРЬ АЦТЕКОВ.

Помимо предыдущих сокращений мексиканских календарных систем, представленных Гемелли Карери, Вейтией и другими, календарный камень является наиболее надежным источником, с помощью которого можно показать масштабы астрономической науки ацтеков. Гама, а вслед за ним и Галлатин, дают очень точные описания этого камня; я привожу здесь резюме последнего автора. На этом камне горельефно выгравирован круг, в котором определенными иероглифами изображены солнце и несколько его движений, двадцать дней месяца, некоторые основные дни поста и другие вопросы. Центральная фигура представляет солнце в том виде, в каком его обычно рисуют мексиканцы. Вокруг него, за пределами небольшого круга, расположены четыре параллелограмма со знаками дней: Науи Оцелотль, Науи Эхекатль, Науи Квиауитль и Науи Атл. Между двумя верхними и нижними параллелограммами расположены две фигуры, которые Гама объясняет как два когтя, являющиеся иероглифами, изображающими двух выдающихся астрологов, мужа и жену. Далее Гама объясняет эти четыре приметы времени в этом месте как относящиеся к четырем эпохам природы, о которых говорят традиции ацтеков. Говорят, что первое разрушение солнца произошло в год Н.э. Акатль и в день Науи Оцелотль. Предполагалось,

что второе солнце умерло в год Н.э. Текпатль и в день Науи Эхекатль; третье разрушение произошло также в год Н.э. Текпатль и в день Науи Куиауитль; и, наконец, четвертое разрушение произошло в год Н.э. Калли, в день Науи Атль. Но мистер Галлатин считает, что эти четыре параллелограмма имели еще какое-то другое назначение; ибо двадцать второго мая и двадцать шестого июля, то есть в дни Науи Оцелотль и Науи Квиауитль, если мы примем тридцать первое декабря за первый день мексиканского цикла, солнце проходило меридиан города Мехико. Но в этом случае два других дня, Науи Эхекатль и Науи Атль, не могут быть объяснены в связи с каким-либо другим астрономическим событием. Между нижними параллелограммами расположены два маленьких квадрата, в каждом из которых пять продолговатых знаков, обозначающих число десять; и поскольку центральной фигурой является *оллин тонатиух*, или солнце, предполагается, что число десять в этих двух квадратах означает день Матлактли Оллин. Под этим снова находятся иероглифы *Ce Quiahuitl* и *Ome Ozomatli*. День Матлактли Оллин в первый год цикла приходится на двадцать второе сентября; *Ce Quiahuitl* в год Матлактли *omey Acatl*, год которого указан в верхней части камня, приходится на наше двадцать второе марта; и *Ome Ozomatli* в том же году будет нашим двадцать вторым июня. Таким образом, здесь обозначены три основных явления в том виде, в каком они происходили в первый год цикла, а именно: два прохождения солнца в зените и осеннее равноденствие. В год, обозначенный на камне Матлактли омей Акатль, указаны дни весеннего равноденствия и летнего солнцестояния. В круге, окружающем эти цифры, представлены двадцать дней месяца. От центральной фигуры солнца вверх, вплоть до круга дней, тянется треугольник, верхний и наименьший угол которого указывает между днями Чипактли и Хочитл, подтверждая таким образом идею о том, что Чипактли всегда был первым днем месяца. Гама, Галлатин, Гумбольдт, Дюпэ и другие дали правильные изображения камня, что подтверждается недавними фотографиями; но на моей огранке цифры перевернуты. Это копия с работы Шарне, чьи фотографии в 1875 году были лучшим доступным источником; и я не заметил, что это, в отличие от других пластинок Шарне, была фотолитография с обратной печатью. Я не только впал в эту ошибку, но и в своих более ранних изданиях обвинял других авторов в том, что они допустили подобную ошибку. В остальном сокращение не вводит в заблуждение, но следует отметить, что вместо того, чтобы идти слева направо, дни действительно идут справа налево. Из круга дней выступают четыре треугольника, или луча, точно разделяющих камень на четыре четверти, каждая из которых имеет десять видимых квадратов, и, поскольку лучи охватывают еще двенадцать, всего их будет пятьдесят два. В каждом квадрате пять продолговатых отметок, которые, умноженные на пятьдесят два, дают двести шестьдесят, или первый период мексиканского ритуального года. За пределами круга из этих квадратов каждая из четырех четвертей снова разделена лучом меньшего размера, и, как указывалось ранее, в верхней части камня, над главным треугольником, находится знак года Матлактли омей Акатль. По внешнему краю находится ряд других фигур и иероглифов, которые еще не расшифрованы или интерпретации которых разными авторами представляют столько противоречий, что здесь они не имели бы никакого значения.^[638]

КАЛЕНДАРЬ ТАРАСКОВ.

Единственная информация, которой мы располагаем о календаре, используемом в Мичоакане, предоставлена Вейтией, и она лишь фрагментарна. Однако известно достаточно, чтобы показать, что их система была такой же, как у ацтеков. Вместо четырех основных

знаков ацтеков - текпатль, калли, тохтли и акатль - в мехоаканском использовались названия *инодон*, *инбани*, *инчхон* и *интихуи*. Из восемнадцати месяцев только четырнадцать упоминаются поименно. Это: Интакачи, Индехуни, Интекамони, Интерунихи, Интамохуи, Инизкатолохуи, Имататохуи, Ицбачаа, Интоксиксихуи, Интаксиихуи, Интечаки, Интехотахуи, Интеябчицин, Интакситохуи. Пять промежуточных дней были названы *intasiabire*.^[639] Дни месяца, разделенные на четыре равные части вышеупомянутыми четырьмя основными знаками, назывались: Инодон, Иничеби, Инеттуни, Инбари, Инетаати, Инбани, Инсичари, Инчини, Инрини, Инпари, Инчон, Интхауи, Инцини, Инцониаби, Интзимби, Интихуи, Инишоцини, Иничини, Иниаби, Интанири.^[640]

Сапотеки в Оахаке, согласно описанию Бургоа, использовали тот же календарь, что и ацтеки, с той разницей, что год всегда начинался двенадцатого марта и что виссекстильный год корректировался каждый четвертый год, добавляя вместо пяти шесть добавочных дней.^[641]

ГЛАВА XVII.

АЦТЕКСКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО.

Иероглифические записи—Местные книги—Власти—Уничтожение местных архивов Зумаррагой и его братьями—Рисунки, использовавшиеся после Завоевания для исповеди и судебных процессов-Ценность записей-Документы, отправленные в Испанию в шестнадцатом веке—Европейские коллекции—Работы лорда Кингсборо—Рисунки—письмена, хранящиеся в Мексике—Коллекции Икстлильшочитля, Сигуэн, Гемелли Карери, Ботурини, Вейтии, Леона-и—Гамы, Пичардо, Обина и Национального музея Мексики —Процесс развития иероглифики—Репрезентативная, символическая и фонетическая графическая письменность-Происхождение современных алфавитов—Система ацтеков—Образец из Кодекса Мендоса—Образец из Джемелли Карери—Образец из коллекции Ботурини—Вероятный будущий успех переводчиков—Непохуальцицин.

Народы науа обладали оригинальной системой иероглифов, с помощью которой они могли записывать все, что считали достойным сохранения. Искусство написания картин было одним из тех, которые наиболее высоко ценились, наиболее ревностно культивировались и защищались, будучи доверенным классу людей, образованных для этой цели и пользующихся большим почетом. Письменные записи включали национальные, исторические и традиционные летописи, имена и генеалогические таблицы королей и знати, списки и списки дани провинциям и городам, земельные титулы, кодексы законов, судебные протоколы, календарь и последовательность праздников, религиозные церемонии храмового служения, имена и атрибуты богов, тайны предзнаменований и предсказаний, с некоторым описанием социальных обычаев, механических занятий и образовательных процессов. Подготовка и хранение документов высшего класса, таких как исторические анналы и церковные мистерии, находились под контролем высших чинов священства, и такие документы, сравнительно немногочисленные, тщательно охранялись в храмовых архивах нескольких крупных городов. Эти писания были закрытой книгой для широких масс и даже для образованных классов, которые смотрели с суеверным почтением на писателей-священников и их магические свитки. Вполне вероятно, что искусство, применяемое к именам людей и мест или к обычным записям, было понятно всем образованным людям, хотя ни в коем случае не было популярным искусством, и простые люди считали его великой тайной. Иероглифы были нарисованы яркими красками на длинных полосках хлопчатобумажной ткани, подготовленных шкурах или бумаге магуэй - обычно последней, — свернутой или, предпочтительно, сложенной веером в удобные книги, называемые *аматль*, и часто снабженные тонкими деревянными обложками. Те же иероглифы были также вырезаны на камнях общественных зданий и, вероятно, в некоторых случаях на естественных скалах. Древние авторитеты единодушны в том, что эти люди владели системой иероглифов, достаточно совершенной, чтобы соответствовать всем их требованиям.^[642]

К сожалению, рисунки, особенно те, что были в руках священников — те, которые наиболее высоко ценились местными учеными, те, которые, если бы сохранились, имели бы бесценную ценность для исследователей более поздних времен, — хотя наряду с произведениями других искусств они вызывали восхищение иностранных захватчиков, в то же время они вызывали благочестивый страх у европейского духовенства. Природа этих писаний была мало изучена. Их содержание считалось по большей части религиозными мистериями, нарисованными дьявольскими уловками, сильнейшими узами, удерживающими людей в их исконной вере, и самым серьезным препятствием на пути их обращения в истинную веру. Уничтожение языческих свитков считалось необходимым для прогресса Церкви и, следовательно, было заказано и наиболее успешно осуществлено под руководством епископов и их подчиненных, самым известным из этих фанатичных разрушителей литературы нового мира был Хуан де Зумаррага, устроивший публичный костер из местных архивов. Уже отмеченный факт, что национальные летописи хранились вместе в нескольких крупных городах, сравнительно облегчил задачу Зумарраги и его собратьев, и все наиболее важные записи, за очень немногими вероятными исключениями, были стерты с лица земли. Священники, однако, отправили некоторые образцы, либо оригиналы, либо копии, домой, в Европу, где они вызвали мимолетное любопытство, а затем были потеряны и забыты. Многие свитки с данью уважения и другие картины более обычного класса, возможно, с некоторыми историческими трудами, были спрятаны местными жителями и таким образом спасены от уничтожения. О них я расскажу позже.^[643]

После того, как рвение священников несколько поутихло, или, скорее, когда безобидная природа рисунков была лучше понята, туземцам снова разрешили использовать свои иероглифы. Среди прочего, они записывали таким образом свои грехи, когда священники были слишком заняты, чтобы выслушивать их устные признания. Местная письменность также широко использовалась во многих судебных процессах между ацтеками и испанцами в шестнадцатом веке, как и в судах до завоевания. Таким образом, в начале века было создано множество иероглифических документов, немало из которых сохранилось, и некоторые из них хранятся у меня в библиотеке. В тот же период некоторые фрагменты, уцелевшие после всеобщего разрушения, были скопированы и снабжены пояснениями, написанными европейскими буквами по-ацтекски, или продиктованными священником, писавшим по-испански. Документы, копии и пояснения того времени, конечно, сильно пропитаны католическими идеями везде, где затрагивается какой-либо вопрос религии, но в остальном нет причин сомневаться в их подлинности.^[644]

Обсуждение исторической ценности сохранившихся писем ацтеков или даже тех, которые были уничтожены испанцами, или точности различных интерпретаций, которые были даны первым, не входит в мои задачи в этой главе. Здесь я дам краткий отчет о сохранившихся документах с табличками, представляющими некоторые из них в качестве образцов, и как

можно более четкое представление о системе, в соответствии с которой они были написаны. Уважая теорию, поддерживаемую несколькими авторами, что у ацтеков не было системы письма, за исключением общей для всех диких племен привычки рисовать грубые рисунки на камнях и деревьях, что заявления завоевателей по этому поводу являются необоснованными измышлениями, дошедшие до нас образцы - всего лишь выдумки жрецов, а следовательно, и их интерпретации - чисто вымышленными, следует отметить, что все это явный абсурд. По поводу использования иероглифов власти, как мы видели, все согласны; по поводу их уничтожения епископами они не менее единодушны; даже сами разрушители упоминают этот акт в своей переписке, восхваляя его как наиболее достойный поступок. Более того, сожжение полностью соответствовало политике Церкви того времени, и его успех не кажется экстраординарным, если учесть успехи священников в разрушении памятников из цельного камня. Использование записей аборигенов в испанских судах в течение длительного периода неоспоримо. У священников не было ни мотива, ни возможности изобрести такую систему и преподавать ее. Уважая историческую ценность уничтоженных документов, можно с уверенностью полагать, что в них содержалось все, что ацтеки знали о своем прошлом. Однажды задумав записать свои летописи и имея систему письма, соответствующую этой цели, непостижимо, что они не смогли записать все, что знали. Ацтеки традиционно заимствовали свою систему от толтеков, письменные летописи которых они также унаследовали; но ни один европеец никогда не видел ни одного из последних, и, согласно традиции, они были уничтожены воинственным королем ацтеков, который желал, чтобы слава его собственного королевства затмила славу всех других, прошлых, настоящих или будущих. Если иероглифы народов науа за пределами Анахуака и отличались в каком-либо отношении от иероглифов ацтеков, то такие различия не были зафиксированы.^[645]

ЕВРОПЕЙСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ.

Я уже говорил, что многие иероглифические рукописи, спасенные от пожаров, разожженных фанатизмом Зумарраги, или скопированные с разрешения церкви, прежде чем послужить пищей для их очищающего пламени, были отправлены завоевателями в Испанию. После того, как эти реликвии исчезнувшей цивилизации пролежали забытыми несколько столетий, внимание снова было обращено на них, и их важность начали осознавать; поиски велись по всей Европе, и те разрозненные остатки, которые пережили долгое забвение, были собраны и переданы на хранение в государственные и частные библиотеки. Было сформировано восемь или десять таких сборников, и их содержание по большей части было опубликовано лордом Кингсборо.

The Кодекс Мендосы был отправлен вице-королем Мендосой Карлу V. Сейчас он находится в Бодлианской библиотеке в Оксфорде. Это копия на европейской бумаге, грубо сделанная ручкой и свернутая, а не сложенная. Другой манускрипт из библиотеки Эскуриала, по мнению Прескотта, является оригиналом этого кодекса, но Гумбольдт также называет его копией. К нему прилагается объяснение кодекса на ацтекском и испанском языках, добавленное местными жителями по приказу Мендосы. Она публиковалась несколько раз и разделена на три части, первая из которых историческая, вторая состоит из списков жертвований, а третья иллюстрирует домашнюю жизнь и нравы.^[646]

The *Ватиканский кодекс* (№ 3738) хранится в Риме в библиотеке Ватикана, и о его происхождении ничего не известно, кроме того, что он был скопирован Педро де лос Риосом, который был в Мексике в 1566 году. Она разделена на две части, мифологическую и историческую, и имеет частичное объяснение на итальянском языке. Другая рукопись (№ 3776), сохранившаяся в той же библиотеке, написана на коже, была в некоторой степени интерпретирована Гумбольдтом и, как предполагается, относится к религиозным обрядам. *Теллеруано-Ременский кодекс*, ранее находившийся во владении М. Ле Телье, а ныне в Королевской библиотеке в Париже, почти идентичен Ватиканскому кодексу (№ 3738), в нем есть только один рисунок, которого нет в этом кодексе, но в нем самом отсутствуют многие. Однако у этого есть объяснение на ацтекском и испанском языках.^[647]

The *Кодекс Борджиа* был передан на хранение в Коллегию пропаганды в Риме кардиналом Борджиа, который обнаружил, что дети в семье Густиниани использовали его в качестве игрушки. Он написан на коже и, по-видимому, представляет собой ритуальный и астрологический альманах, очень похожий на ватиканскую рукопись (№ 3776). Он сопровождается интерпретацией или комментарием Фабреги. *Болонский кодекс*, хранящийся в библиотеке Научного института, был подарен в 1665 году маркизу де Каспи графом Валерио Зани. Написано на плохо обработанной коже и, похоже, трактует астрологию. Копия хранится в музее кардинала Борджиа в Веллетри. О *Венском кодексе* ничего не известно, кроме того, что он был подарен в 1677 году императору Леопольду герцогом Саксен-Эйзенахским и что его сходство с рукописями из Рима и Веллетри указывает на общее происхождение. Еще четыре рукописи из Бодлианской библиотеки в Оксфорде и одна, принадлежащая М. де Фейервари в Венгрии, опубликованы издательством Kingsborough. Ничего не известно о их происхождении, и не предпринималось попыток какой-либо интерпретации, хотя последнее название, по-видимому, носит исторический или хронологический характер.^[648]

РИСУНКИ-ПИСЬМЕНА, СОХРАНИВШИЕСЯ В МЕКСИКЕ.

Я уже говорил, что многие рукописи, в основном копии, но, вероятно, некоторые оригиналы, сохранились от уничтожения и хранятся в Мексике. Нет доступных материалов для полной подробной истории этих документов, и не представляется желательным пытаться здесь разобраться в многочисленных противоречивых заявлениях по этому вопросу. Сохранившиеся остатки тецкуканских архивов с дополнениями из различных источников были унаследованы Икстлильшочитлем, прямым потомком последнего короля Тецкоко, который широко, хотя и не всегда разумно, использовал их в своих объемистых исторических трудах. Коллекция, ядро которой составили эти документы, может быть более или менее четко прослежена до последовательного владения Сигуэнсой, колледжем Сан-Педро-и-Сан-Пабло, Ботурини Бенадучи, вице-королевским дворцом, Вейтией, Ортегой, Леоном-и-Гамой, Пичардо, Санчесом и, наконец, Национальным музеем Мексиканского университета, его нынешним и подходящим местом упокоения. Частые судебные разбирательства со стороны правительства и частных лиц прервали эту линию наследования, и коллекция ни в коем случае не передавалась по наследству в неизменном виде. Под присмотром нескольких владельцев большая часть накопленного была рассеяна; но, с другой стороны, некоторые из них благодаря личным исследованиям значительно

пополнили свои запасы литературы аборигенов. Находясь во владении Сигуэнцы, документы были изучены итальянским путешественником Джемелли Карери, благодаря опубликованной работе которого одна из самых важных из изображенных записей стала известна миру. Это последнее часто переиздавалось и будет приведено в качестве образца в этой главе.^[649] Клавиджеро изучал рукописи в иезуитском колледже Сан-Педро-и-Сан-Пабло в 1759 году.^[650] Ботурини был самым неутомимым коллекционером, его скопление за восемь лет составило более пятисот экземпляров, некоторые из них, вероятно, были до испанского завоевания. Он опубликовал каталог своих сокровищ, которые по большей части были конфискованы правительством и хранятся во дворце вице-короля, где, как говорят, многие документы были уничтожены или повреждены из-за сырости и небрежности. Те, что остались у коллекционера, оказались еще более неудачными, поскольку судно, на котором они были отправлены в Европу, было захвачено английским пиратом, и с тех пор о бумагах никто ничего не слышал. До сих пор публиковалось лишь несколько фрагментов из коллекции Ботурини, самый важный из которых - "история миграции ацтеков" - часто воспроизводился и будет приведен в этой главе. Оригинал был замечен Гумбольдтом во дворце вице-короля и сейчас находится в Мексиканском музее.^[651]

Конфискованные документы по приказу испанского правительства перешли в руки Вейтии, или, по крайней мере, ему было разрешено использовать их при подготовке своей истории,^[652] а после его смерти и завершения Ортегой его работы они перешли, не без судебного разбирательства, во владение астронома Леона-и-Гамы.^[653] После смерти Гамы часть его рукописей была продана Гумбольдту для формирования берлинской коллекции, изданной Кингсборо;^[654] остальное попал в руки Пичардо, душеприказчика Гамы, который потратил свое личное состояние на улучшение своей коллекции, описанной Гумбольдтом как самая богатая в Мексике. Многие бумаги Пичардо были разбросаны во время революции, а остальные перешли через его душеприказчика Санчеса в музей.^[655] Также не исключено, что французское вмешательство в последующие годы также послужило средством отправки некоторых картин в Европу. Из документов, изъятых из мексиканских коллекций в разных случаях и под разными предлогами, М. Обен утверждает, что сохранил большую часть, которая сейчас находится в его коллекции в Париже, с копиями таких рукописей, которые он не смог получить в оригинальном виде.^[656]

РАЗВИТИЕ ИЕРОГЛИФОВ.

Чтобы составить ясное представление об ацтекской системе графического письма, будет полезно сначала рассмотреть общие принципы развития иероглифов, которые удивительно единообразны и просты и которые лучше всего можно проиллюстрировать на примере нашего собственного языка, предположив, что это, для удобства, всего лишь разговорный язык.

Очевидно, что первой попыткой выразить идеи кистью, карандашом или ножом было бы изображение видимых объектов на картинках, нарисованных настолько точно, насколько это возможно; дом, человек, птица или цветок нарисованы точно в натуре во всех деталях. Но очень скоро, если бы потребовалось частое повторение картинок, желание сэкономить труд побудило бы художника упростить свой рисунок, сделав только линии, необходимые для того, чтобы показать, что имелись в виду дом, человек и т.д., — ретроградное движение,

рассматриваемое в художественном плане, но интеллектуально являющееся первым шагом к созданию алфавита. Естественно, за этим следует представление действий и условий, таких как горящий дом, мертвый человек, летящая птица или красный цветок.

Упомянутые три степени развития относятся к тому, что можно назвать репрезентативным рисованием картин. Следует отметить, что это написание не имеет никакого отношения к языку; то есть знаки представляют только видимые объекты и действия без привязки к словам, которыми названы объекты, или действиям, выраженным в нашем языке. Картины имели бы для француза или немца то же значение, что и для художника.

Следующая высшая стадия искусства известна как символическое рисование. Она проистекает из потребности, которая вскоре возникнет в каком-либо методе выражения абстрактных качеств или невидимых объектов. Символическая система на своих ранних стадиях во многом аналогична репрезентативной, например, когда акт плавания символизируется рыбой, путешествие - чередой следов, ночь - черным квадратом, свет - глазом, силу - рукой, связь между изображением и выражаемой идеей более или менее очевидна. Такая связь, реальная или воображаемая, всегда должна предполагаться существовавшей изначально, поскольку маловероятно, что были бы приняты чисто произвольные символы, но почти все символы были бы практически произвольными и бессмысленными для потенциального интерпретатора, не знающего обстоятельств, обусловивших их значение.

Мы видели, что символическая и репрезентативная стадии развития во многих отношениях очень похожи одна на другую, и между ними существует множество иероглифических методов, которые очень трудно отнести в целом ни к одной из них. Например, когда большое нарисованное сердце выражает имя вождя "Большое Сердце"; или когда нос особой формы нарисован для обозначения человека, которому он принадлежит; или когда уже упомянутые очертания дома, человека, птицы или цветка настолько упрощены, что теряют все свое видимое сходство с изображенными объектами. Следует также отметить, что символическое письмо, как и репрезентативное, полностью не зависит от языка.

РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЕ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПИСЬМО.

Рисование картин двух описанных классов практиковалось, вероятно, в большей или меньшей степени каждым диким племенем. С его помощью записи о событиях, таких как миграции племен и воинственные подвиги известных вождей, могут быть и, несомненно, были сделаны понятными тем, для чьего прочтения они предназначались. Но ключом к таким иероглифам является фактическое знакомство народа с каждым иероглифом, и это не может надолго пережить практику этого искусства. Значение таких записей может быть сохранено только двумя способами: изучение искусства, фактически используемого народом с более высокой культурой, или его развитие в иероглифическую систему более высокого уровня. Ни одно из этих условий не было выполнено в случае с нашими Дикими племенами, но оба были до некоторой степени таковыми, как мы увидим, в случае с Цивилизованными нациями. Повсюду в Тихоокеанских штатах наскальные рисунки и раскрашенные приспособления будут отмечены в следующем томе этого труда; большинство из них, несомненно, имели значение для их авторов, хотя многие могут быть отнесены к общей для дикарей и детей привычке коротать время, рисуя бессмысленные эскизы из фантазии. Все это сейчас бессмысленно и должно всегда оставаться таковым.

Полные значения для поколения, чьей работой они были, они служили сохранению в следующем поколении памяти о каком-нибудь выдающемся воине или каком-нибудь элементе культа аборигенов, но для третьего поколения они стали не чем иным, как объектами суеверного удивления. Даже после вступления в контакт с европейцами дикарь часто указывает стрелкой и другими цифрами, вырезанными на лесном дереве, количество врагов и направление, в котором они двинулись, или оставляет какую-нибудь другую столь же простую репрезентативную запись.

Следующий и наиболее важный шаг в развитии иероглифики делается, когда вводится фонетический элемент; когда изображения вступают в ранее не достигнутую связь со звуками или разговорной речью; когда изображение человеческой формы означает человека, не *hotte* или *hombre*; нарисованный дом, *дом*, а не *casa* или *maison*.

Иллюстрированные ребусы — детские иероглифы - представляют собой знакомый пример этого фонетического письма с картинками в его простейшей форме; например, когда чарити пишется путем последовательного рисования стула, глаза и ящика с чаем, "стул-глаз-чай". При произнесении всего написанного таким образом слова звуки слов, представленные картинками, используются без малейшей привязки к их значению. Для француза те же самые картинки "шезлонг" не имели бы никакого значения.

В приведенном примере произносится полное название каждого изображенного слова, но количество слов, которые могут быть образованы с помощью таких комбинаций, ограничено, и первым усовершенствованием системы, возможно, было бы произносить только главный слог или звук изображенного слова, а затем чертить можно было бы написать "ча (пел) - ри (нг) -ти (тх)". С помощью этой системы одно и то же слово могло бы писаться множеством способов, а следующим естественным улучшением было бы традиционное использование определенных легко изображаемых слов для обозначения определенных звуков, таких как "шляпа", "рука"., " или "хам", для обозначения звука *ха*, или просто придыхаемого *h*. Следующим достижением было бы упрощение контуров многочисленных используемых рисунков, которые теперь стали слишком сложными и громоздкими для быстрого письма. Какое-то время этот процесс упрощения все еще сохранял бы грубое сходство с исходной картинкой; но в конце концов сходство стало бы очень слабым или только воображаемым, и, возможно, были бы добавлены какие-то произвольные знаки - другими словами, был бы изобретен фонетический алфавит, высшая степень совершенства, когда-либо достигнутая в этом направлении.

Вкратце резюмирую: графическую письменность можно разделить, в соответствии с последовательными стадиями ее развития, на три класса: репрезентативную, символическую и фонетическую, ни один из которых, за исключением последнего в его начальном, или алфавитном, виде и первого в его наиболее примитивном состоянии, не использовался бы отдельно ни одним народом, а, скорее, все использовались бы вместе. На

репрезентативной стадии может обозначать человеческую руку или, по мере совершенствования системы, большую, маленькую, сомкнутую, черную или красную руку; и, наконец, "Большую руку", индейского вождя; и все это было бы одинаково понятно американцу или азиату, дикарю или цивилизованному, независимо от языка.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЕ ПИСЬМО.

Символическое рисование изображениями указывает на невидимые или абстрактные объекты, действия или условия посредством использования изображений, которые, как предполагается, наводят на размышления о них; символы изначально репрезентативны и

редко, если вообще когда-либо, используются произвольно. Как символ может выразить силу, удар, убийство, число один или пять. Эти символы также не зависят от языка.

Фонетическая картинная письменность представляет не предметы, а звуки посредством изображения объектов, в названиях которых встречается звук; сначала слова, затем слоги, затем элементарные звуки, и в последнюю очередь — путем модификации картинок или

замены более простых — букв и алфавита. Согласно этой системе, последовательно обозначает слово "рука", слог "рука" в "красивый", звук "ха" в "счастливый", звук "н" в

"голова" и, наконец, при упрощении его формы или быстром написании становится , а затем "н" в алфавите.

Процесс развития, который я попытался объяснить с помощью воображаемых примеров и иллюстраций на нашем родном языке, вероятно, применим в большей или меньшей степени ко всем иероглифическим системам; однако те иероглифы, которые сохранились, относятся к смешанному классу, объединяющему в одном слове, или предложении, или документе все формы, репрезентативные, символические и фонетические; египтяне сначала писали слово фонетически, а затем, чтобы прояснить значение, представляли слово изображением или символом; китайские иероглифы изначально были изображениями видимых объектов, хотя теперь их нельзя было бы использовать. признавался таковым, если оригиналов не существовало. Какую долю букв в современных алфавитах составляют упрощенные изображения, или репрезентативные символы, а какую произвольную, определить, конечно, невозможно; однако известно, что многие из них относятся к первому классу.^[657]

В ацтекских рисунках-письменах встречаются все степени или классы изображений, кроме последней и высшей - алфавита. Очень большая часть используемых символов была репрезентативной; известно много условных символов; и ацтеки, несомненно, использовали фонетическую живопись, хотя, возможно, не очень широко на более высоких ступенях развития.

Табличка на противоположной странице представляет собой воспроизведение части *Кодекса Мендосы* работы Кингсборо. Его четыре группы описывают воспитание ацтекского ребенка под присмотром родителей. В первой группе отец (рис. 3) наказывает своего сына, держа его над дымом горящего чили (рис. 5); в то время как мать угрожает своей дочери таким же наказанием. На рисунках 2 и 8, как и на рисунках 11, 16, 20, 24, 30 и 34 в других группах, представлена норма потребления тортилий ребенком при каждом приеме пищи. Во второй группе сына наказывают, растягивая голым на мокрой земле со связанными руками, в то время как девочку заставляют подметать, или, поскольку у нее нет слез в глазах, возможно, ее просто учат подметать, а не наказывают. В третьей группе отец нанимает своих мальчиков приносить дрова (рис. 21) или тростник либо на спине, либо в каное; а мать учит свою дочь печь лепешки (рис. 27) и использование метата и другой домашней утвари (рис. 23, 25, 26, 28). В последней группе сын обучается искусству рыбной ловли, а дочь - ткачеству.

Воспитание детей ацтеков.

[Увеличить изображение.](#)

Пока что все рисунки являются чисто репрезентативными; остальные более или менее символичны. Маленькие кружочки (рис. 1, 10, 19, 29) являются цифрами, как объяснялось в

предыдущей главе, и указывают на возраст детей - одиннадцати, двенадцати, тринадцати и четырнадцати лет соответственно; иероглиф, исходящий изо рта родителей, является символом речи и указывает на то, что человек, к которому он прикреплен, говорит; слезы в глазах детей являются символами плача, естественно вызванного примененным наказанием; а цифра 14 интерпретируется как символ ночи, указывающий на то, что ребенка заставляли подметать по ночам.^[658]

Многие ацтекские символы имеют явно репрезентативное происхождение, например, отпечатки ног, символы путешествия; языки, обозначающие речь; человек, сидящий на земле, обозначающий землетрясение; нарисованные капли, обозначающие воду; и другие знаки дня, ночи, воздуха, движения и т.д., которые более или менее понятны. Но происхождение других, таких как змей, символ времени, не подтверждено. Определить степень преобладания символического письма очень трудно, потому что многие символы, которые были, по крайней мере первоначально, репрезентативными, непосвященному показались бы чисто произвольными; и не исключено, что многие знаки могли иметь двойное значение в зависимости от связи, в которой они использовались. Система способна неограниченно расширяться в руках жрецов в целях религиозной мистификации; и тот факт, что религиозные и астрологические документы, по-видимому, содержат лишь несколько репрезентативных и фонетических знаков, с помощью которых интерпретируются другие рисунки, придает некоторую вероятность теории о том, что у жрецов была частично особая собственная символическая система. Аббат Брассер заходит так далеко, что утверждает, что все исторические документы имели двойное значение: одно для посвященных, другое для масс. Использование символов, несомненно, объясняет трудности, возникшие при интерпретации сохранившихся рисунков, а также разнообразие экстравагантных теорий, которые были основаны на них.

Промежуточный метод, уже упомянутый как промежуточный метод между чисто репрезентативным и символическим, очень широко использовался ацтеками при написании названий мест и людей, почти все из которых были получены от природных объектов. Примерами этого метода являются: Ицкоатль, "каменный (или обсидиановый) змей"; Чапультепек, "холм кузнечиков"; Цомпанко, "место черепов"; Чимальпопока, "дымящийся щит"; Акамапицин, "рука, держащая тростник"; Макуильшочитль, "пять цветов"; Куаухтинчан, "дом орла"; все они написаны простыми изображениями названных объектов. Картинка с именем человека была прикреплена тонкой линией к его голове.

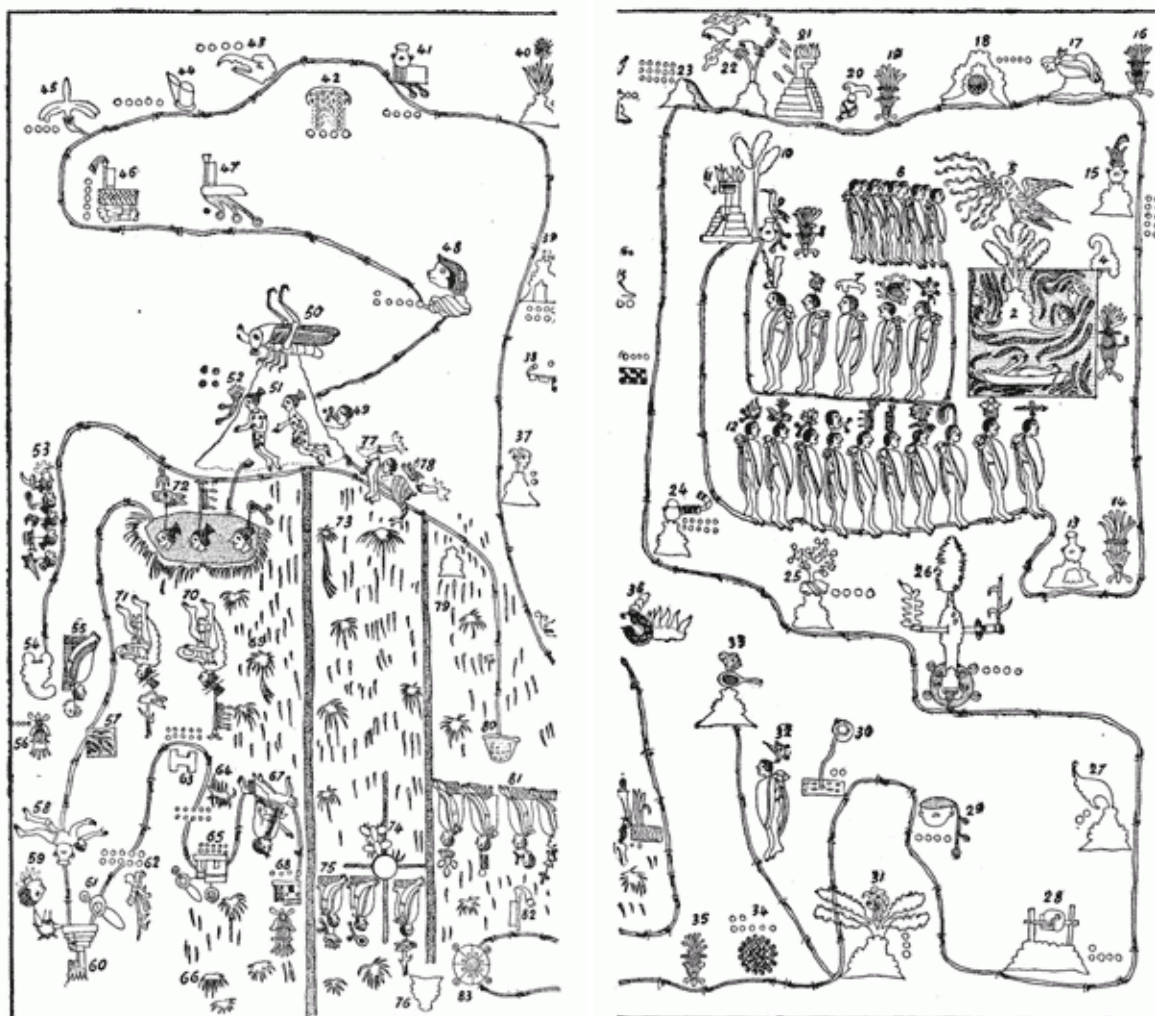
ФОНЕТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО АЦТЕКОВ.

Использование фонетического элемента ацтеками было впервые замечено ранними миссионерами в их усилиях по обучению церковным формам. Туземцы, страстно желавшие или вынужденные выучить слова, столь необходимые для их спасения, но столь новые для их слуха, помогали своей памяти, грубо записывая незнакомые слова фонетически. Аминь выражался символом воды, *atl*, соединенным с магуэем, *metl*, образующим звуки *atl-metl* или *a-mě*, достаточно точные для их назначения. Pater noster также писался флажком, *pantli*, и опунцией, *nochtli*; или иногда косточка, *tetl*, вводилась до и после опунции, все чтение *pa (ntli)-te(tl)-noch (tli)-te(tl)*. Здесь следует отметить, что рассматривается только звучание используемых объектов, без привязки к их значению. Название Теокалтитлан является превосходным образцом слогово-фонетического письма. Это написано в одной из рукописей

коллекции Ботурини парой изображенных губ, *тентли*, для слога *те*; шаги, символизирующие дорогу, *отли*, для *о*; дом, *калли*, для *кэла*; и зубы, *тлантли*, для *тлан*, *ти* - обычный соединительный слог. Окончание *coatl* очень часто встречается в ацтекских словах и часто пишется фонетически через "горшок", *comitl*, увенчанный символом воды, *atl*, *co-atl*; но *coatl* означает "змея" и также репрезентируется простым изображением этой рептилии. Матлатлан "чистое место", пишется изображенными зубами, *тлантли*, фонетический, и сеть, *матла*, представитель. Мишкоатль, "облачный змей", выражается репрезентативным знаком облака, *миктли*, и словом *coatl*, фонетически написанным так, как было объяснено ранее. Этих примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать работу системы. Нет никаких свидетельств того, что ацтеки когда-либо достигли высшей или алфавитной стадии иероглифики, и, насколько известно, они использовали только слоговой метод при написании имен и иностранных слов после прихода испанцев. Тем не менее, есть некоторые основания подозревать, что фонетический элемент использовался гораздо чаще, чем предполагалось, и что многие символы, которые до сих пор рассматривались студентами как репрезентативные и символические знаки, не имели никакого значения, все же могут оказаться фонетическими и могут пролить много света на сложный и таинственный предмет.^[659]

ЗАПИСЬ О МИГРАЦИИ АЦТЕКОВ.

На двух следующих страницах приведена копия картины, которая, как уже упоминалось, была опубликована Джемелли Карери, Гумбольдтом, Кингсборо, Прескоттом и другими и которую я беру из работы Рамиреса как, вероятно, самый надежный источник.^[660] Эта картина, хранящаяся в Национальном музее, размером примерно двадцать на двадцать семь дюймов, написана на бумаге высшего качества тагвеу, которая теперь наклеена на полотно. Я не собираюсь пытаться в этой главе каким-либо образом интерпретировать картину, обсуждать интерпретации других или исследовать ее историческое значение. Я просто представляю этот документ как иллюстрацию ацтекской изобразительной письменности с интерпретациями некоторых фигур, приведенными сеньором Рамиресом, оставляя для другого тома рассмотрение старой абсурдной теории о том, что часть картины (рис. 1-6) изображает потоп, сохранение Кокскокса, ацтекского Ноя и смешение языков.

Миграция ацтеков.

[Увеличить изображение \(слева\).](#)

[Увеличить изображение \(справа\).](#)

АВТОР РИСУНКОВ От ДЖЕМЕЛЛИ КАРЕРИ.

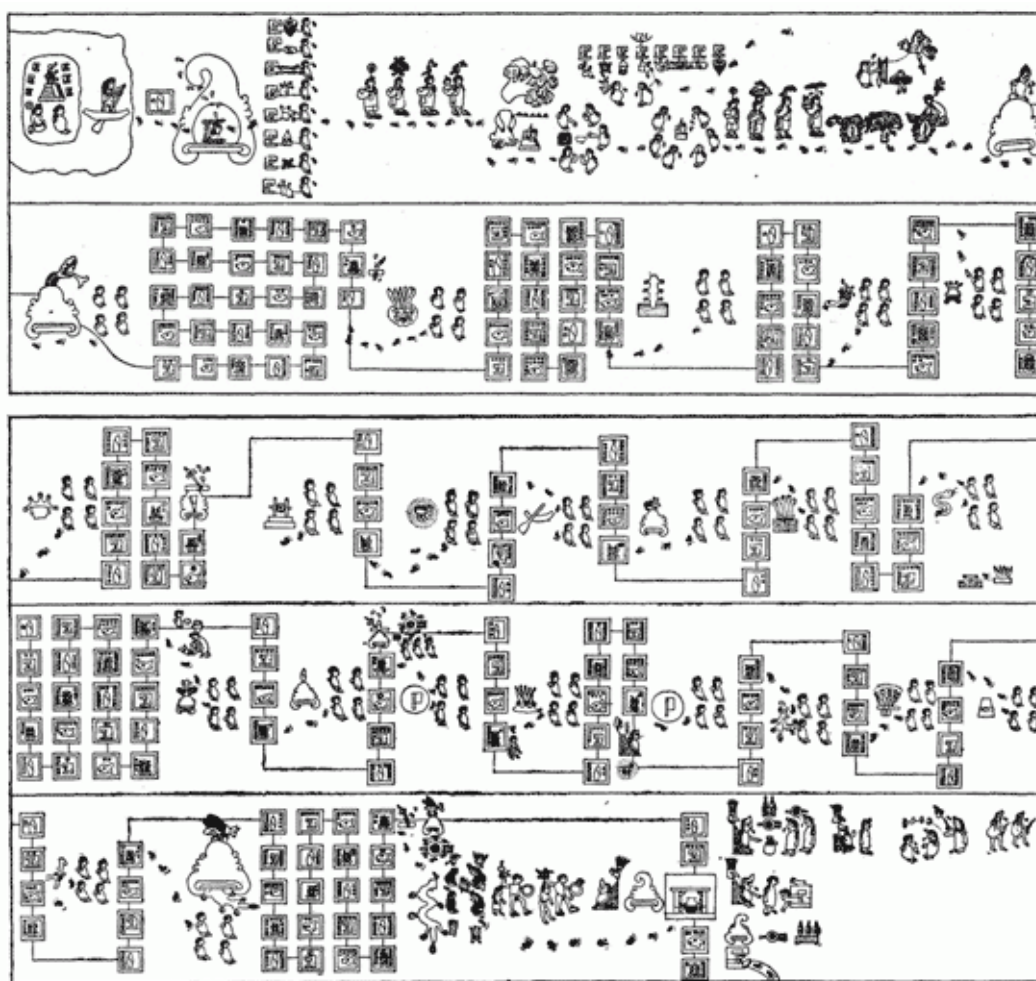
Извилистые параллельные линии с частыми отпечатками ног, которыми объединены различные группы фигур, являются символами путешествия, и нет никаких сомнений в том, что вся картина описывает миграции или скитания народа ацтеков. Квадрат справа представляет место, с которого они стартовали. Рис. 1, 2, возможно, фонетически передают его название, но их интерпретация сомнительна. Очевидно, это был водный регион, вероятно, озерный остров в долине Мехико. Рис. 3 - это *схумолпилли*, "пучок травы", символ ацтекского цикла продолжительностью пятьдесят два года; рис. 4 - "изогнутая гора", или город Кулхуакан, на берегу озера; рис. На рис. 5 изображена птица, обращающаяся к людям (рис. 6), языки, вырывающиеся у нее изо рта, являются, как я уже говорил, обычными символами речи. У ацтеков была популярная традиция, согласно которой голос птицы отправлял их в странствия. Пятнадцать человеческих форм (рис. 7, 12) - это вожди мигрирующих племен, имена которых иероглифически выражены фигурами, соединенными с их головами. На своей первой остановке они завершили еще один "сноп",

длившийся пятьдесят два года (рис. 8), и, возможно, построили храм (рис. 11). Пребывание в Чинкотлане (рис. 15) длилось десять лет, как указано десятью кругами; рис. 17 интерпретируется Джемелли Карери Токолко, "унижение", а рис. 18, Озтотлан, "место пещер". На следующей остановке рис. 20 изображает тело, завернутое на мексиканский манер для погребения; его имя, указанное иероглифом над его головой, соответствует имени центральной фигуры в группе, показанной на рис. 7. Поскольку это название больше не встречается, возможно, оно означает, что одно из здешних племен вымерло. Рис. 25 - Тезапотлан, "место, где растет дерево" *тезапотль*. Общее название дерева - *цапотль* (современное *сапоте*), но особый вид - *тезапотль*, а приставка *те* фонетически выражается камнем, *тетл*, у основания дерева. Рис. 28 - Цомпанко, "место черепов", представляющее предположительно череп, насаженный на палку; рис. 29 - это Апаско, "глиняная ваза"; рис. 31, Куаутитлан, "место орла", и здесь один из вождей племен, правая фигура группы 7, отделяется от остальных, образуя поселение на рис. 33. Время остановки в каждом месте и завершения каждых пятидесяти двух лет четко указано, и здесь нет необходимости упоминать об этом. Рис. 34 - Ацкапузалько, "муравейник"; рис. 83 - Чалко, "чалкиунитский камень"; рис. 36 - Тлекохуатль, *тлетл-коуатль*, или "огненный змей"; рис. 39 - Чикомозток, *чикоме-озтотль*, "семь пещер"; нижняя часть рис. 47 - символ воды; рис. 48 - Теозомако, "каменная обезьяна". Рис. 50 - Чапультепек, "холм саранчи или кузнечика". После прибытия в Чапультепек здесь изображено большое разнообразие событий, большинство из которых можно отождествить с традиционными событиями ранней истории ацтеков. Я не буду пытаться следовать за ними. Маршрут, по-видимому, продолжается в направлении рис. 80, Тлателолко; но пять племен (рис. 53), все, кроме одного, идентичные племенам группы на рис. 7, 12, возвращаются в качестве беглецов или пленников (рис. 51) в Кулхуакан (рис. 54), первоначальную отправную точку. Рис. 61 и один из символов рис. 65 являются символами боя или войны. Рис. 67 - Инишюккан, "место рождения", изображение женщины, которая только что родила ребенка. На рис. 74 изображен Теночтитлан, "место *теночтли*", теночтли - разновидность нопала, представленная на рисунке, а также являющаяся знаком имени Теноча, одного из первоначальных вождей группы на рис. 12, а также замеченного в группе на рис. 81. Шесть из первоначальных племен, по-видимому, достигли Теночтитлана, впоследствии Мексики, вместе с племенем, присоединившимся к ним в Чапультепеке; девять погибли или были рассеяны по пути, что согласуется с исторической традицией. Приведенный выше краткий очерк даст представление о документе, полное описание и интерпретация которого, даже если это возможно, потребовали бы много места и не были бы надлежащим образом включены здесь.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ.

Рисунки, представленные на следующих страницах, уже упоминались как часть коллекции Ботурини, они не менее важны, чем уже описанные, и хранятся, как и первые, в Национальном музее. Эта картина, как и другая, описывает миграцию, обозначенную линией отпечатков ног. Начиная с острова, указан путь на лодке к Кулхуакану, "изогнутой горе" на материке. На этой картине у нас есть не только количество лет, проведенных в миграции, и в каждом месте остановки, но и годы названы в соответствии с системой, описанной в предыдущей главе, и миграция началась в год Н.э. Текпатль. Символ в названии Кулхуакана - это имя Уицилопочтли, великого бога ацтеков. Далее мы имеем вертикальную линию с написанными иероглифами названиями восьми племен, которые начали миграцию: чалкас, матлальтцинкас, тепанеки и т.д., согласующимися с традицией, за исключением

трех, которые не поддаются точной интерпретации. Первым местом остановки после Кулхуакана был Коатликамак, первая цифра в нижней колонке первой страницы. Здесь они оставались двадцать восемь лет от Оме Калли до Йей Текпатля, как указано квадратами, соединенными линией. Предпоследний из этих лет завершил цикл и представлен картиной, изображающей процесс разжигания огня трением, вместо пучка травы, как раньше. Между группами маленьких квадратиков расположены иероглифические названия остановочных пунктов, которые расположены в следующем порядке, начиная со второй колонки первой страницы: Коатликамак, Толлан, Атликалакуям, Тлемако, Атотонилько, Апаско, Цомпанко, Шалтокан, Аколуакан, Эхекатепек, Толпетлак, Коатитлан (где впервые выращивали магуэй), Уишачтитлан (где из магуэй готовили пульке)., Текпайокан, Пантитлан, "место флага", Амалиналпан, Аскапузалько, Пантитлан, Аколнауак, Попотла, -, Атлакуйуаян (Такубайя), Чапультепек, Акоколко и Кулхуакан (в качестве заключенных). Миграция не сводится к прибытию в Теночтитлан, но хронология точно зафиксирована. Некоторые названия мест обозначены теми же иероглифическими знаками, что и на другой картине. Следует заметить, что на северо-западе нет ничего, что указывало бы на место старта. Вероятно, это было либо на озерах Анахуак, либо на юге за тем местом, где сейчас находится перешеек Теуантепек. Обе эти картины будут замечены в исторических исследованиях, которые будут приведены в томе V. этого труда.

**ФОТОГРАФИЯ-ЛЕТОПИСЬ МИГРАЦИИ АЦТЕКОВ.
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БОТУРИНИ.**

Иероглифические рисунки не позволяют оценить мастерство ацтекского живописца; с художественной точки зрения, рисование рисунками, вероятно, оставалось почти неизменным в течение длительного времени до завоевания. Картины в большинстве случаев были традиционно искажены; действительно, позволить разным художникам проявить свое мастерство и фантазию в изображении различных требуемых объектов означало бы свести на нет ценность картин как записей. Первые шаги прогресса научили местных писцов изображать только столько репрезентативных и символических объектов, сколько было необходимо для их понимания; удобство и обычай, естественно, имели тенденцию фиксировать формы на раннем этапе. Желательными были смелые очертания и яркие контрастные цвета; элегантность не преследовалась. Следовательно, из грубого механического исполнения этих нарисованных персонажей нельзя извлечь никаких аргументов в пользу цивилизации ацтеков.

Американские иероглифы не содержат элементов, доказывающих их иностранное происхождение, и нет никаких оснований рассматривать их как нечто иное, чем результат первоначального местного развития. Можно сомневаться в том, сохранилось ли достаточно нарисованных записей, чтобы пролить дополнительный свет на историю аборигенов; но несомненно, что будет достигнут большой прогресс в искусстве толкования того, что сохранилось, когда способные люди посвятят свою жизнь добросовестному изучению этой литературы коренных американцев, как они посвятили свою жизнь изучению иероглифов старого света.^[661]

НЕПОХУАЛЬЦИЦИН.

В заключение я обращаю внимание на заявление Ботурини о том, что веревки с узлами, похожие на аборигенные перуанские *кипу*, но называемые по-ацтекски *непохуальцицин*, также использовались для записи событий в древние времена, но вышли из употребления, вероятно, до господства ацтеков. Этот автор даже утверждает, что нашел одну из этих переплетенных пластинок в очень ветхом состоянии в Тлашкале. Его заявление повторяют многие авторы; если какая-либо информация по этому вопросу содержится в старых источниках, она ускользнула от моего внимания.^[662]

ГЛАВА XVIII.

АРХИТЕКТУРА И ЖИЛИЩА НАУА.

АРХИТЕКТУРА ДРЕВНИХ НАРОДОВ—ОБЩИЕ ЧЕРТЫ АРХИТЕКТУРЫ НАУА—Арка—Внешние и внутренние украшения—Метод строительства—Наклонные плоскости—Строительные леса—Использование отвеса—Строительные материалы—Расположение и укрепление городов—Мексика Теночтитлан—Великие дамбы—Кварталы и Подопечные Мексики—Рыночная площадь—Фонтаны и акведуки—Маяки и уличные работы—Город Тецкоко—Жилища—Сады ацтеков—Храм Уицилопочтли—Храм Мексики—Другие храмы—Теокалли в Чолуле и Тецкоко.

В этой главе я опишу города, поселки, храмы, дворцы, жилища, дороги, мосты, акведуки и другие произведения архитектурного и конструктивного искусства науа в том виде, в каком они были найдены и описаны испанцами в шестнадцатом веке. Памятники этой ветви искусства науа, главным образом в виде разрушенных храмов, или *теокаллис*, все еще стоят и были подробно осмотрены современными путешественниками. Результаты этих последующих наблюдений будут приведены в томе IV. настоящей работы, и поэтому я счел за лучшее полностью опустить их здесь. Для того чтобы полностью понять предмет, читателю будет полезно изучить и сравнить две точки зрения, взятые с разных точек зрения. Именно за общим и, несомненно, преувеличенным описанием величия и масштабов сооружений науа, а не за какими-либо подробностями их строительства мы должны обратиться к испанским хроникам; и также следует отметить, что описания завоевателей почти полностью ограничены районом озера Анахуак, постройки других регионов отменяются простым упоминанием. Поэтому в этой связи дополнительный обзор в другом томе будет иметь большую ценность, поскольку величайшие реликвии древности науа были найдены за пределами собственно Анахуака, в то время как часто упоминаемые великолепные храмы и дворцы озерных городов не оставили никаких следов своего первоначального великолепия.

Традиция приписывает ольмекам, тотонакам и другим ранним народам науа возведение грандиозных сооружений, но тольтеки в этом, как и во всех других искусствах, намного превосходили своих предшественников и даже народы, пришедшие им на смену. В предыдущей главе я достаточно объяснил процесс, посредством которого этому древнему народу приписывалось все замечательное в прошлом, и будет легко понять, как все возрастающее почитание былой славы, передаваемое от отца к сыну с постоянно нарастающим преувеличением, превратило здания тольтеков в самые изысканные сказочные сооружения, несравненно превосходящие все, что встречалось испанскому взору. Однако к архитектуре, как и к другим традициям, в этой главе я имею мало отношения или вообще ничего не имею, а перейду к рассмотрению этой отрасли искусства более поздних времен.

Уважение к богам привело к необходимости возвышения храмов над обычными зданиями, кроме того, их высота делала их более заметными для огромных толп, которые часто собирались вокруг них в праздничные дни, делая их также более защищенными от осквернения и более удобными в обороне при использовании в качестве цитаделей-убежищ, какими они часто и были. Но поскольку примитивные инженерные представления, которыми обладали ацтеки, и их недостаточный инструментарий не позволяли им сочетать прочность с компактностью, единственным способом, которым можно было достичь требуемой высоты, было разместить само здание на приподнятом, прочном пирамидальном основании. Распространенность землетрясений, возможно, также имела какое-то отношение к этой прочной форме строительства. В окрестностях Мексиканского озера болотистый характер почвы требовал широкого и надежного фундамента; таким образом, здесь фундамент не ограничивался храмами, а использовался при строительстве общественных зданий, дворцов и частных жилищ.

АРХИТЕКТУРА НАУА.

Еще одной общей чертой архитектуры науа была небольшая высота самих зданий по сравнению с их протяженностью и солидностью. Высота их редко превышала один этаж, за исключением некоторых часовен, которые имели два или даже три этажа, но в этих случаях верхние этажи неизменно были деревянными.

Были ли ацтеки знакомы с нашей аркой, с вертикальным камнем-ключом, вопрос спорный. Клавиджеро приводит таблички с изображением полусферической *эстуфы*, построенной таким образом, и утверждает далее, что арка, подобная описанию, была найдена среди руин Тецкукана, но я не нахожу подтверждения ни рисунку, ни утверждению. Более того, реликвии, которые были исследованы в наше время, по-видимому, убедительно показывают, что арки из ключевого камня были неизвестны в Америке до прихода европейцев, хотя арки, сделанные из перекрывающихся камней, часто вырезались таким образом, чтобы напоминать их. Капеллан Диас, сопровождавший Грихальву, упоминает "античную арку" на восточном побережье, но не дает ее описания. Тем не менее, поскольку слово "античный" в этой связи означало бы своеобразную, если не примитивную конструкцию, маловероятно, что в арке, которую он видел, был ключевой камень.^[663]

В качестве украшений мы находим балконы и галереи, поддерживаемые квадратными или круглыми колоннами, которые часто были монолитами; но поскольку они не были украшены ни капителями, ни основанием, эффект, должно быть, был довольно голым. Зубчатые стены и башенки, несомненно, впервые использовавшиеся как средства обороны, позже стали частью декоративного искусства. Голость стен смягчалась карнизами и лепниной различных узоров, излюбленными фигурами которых были свернувшиеся змеи, выполненные низким рельефом, что, вероятно, имело религиозное значение. Иногда их размещали группами, как на стенах храма в Мексике, в других случаях одна змея обвивалась вокруг каждой двери и окна квартиры, пока голова и хвост не соприкасались. Резные перемычки и дверные косяки были обычным явлением, а статуи часто украшали двор и подходы к нему. Глянцевые поверхности, по-видимому, имели особую привлекательность для науа, и они делали полы, стены и даже улицы чрезвычайно гладкими. Стены и полы сначала покрывали известью, гипсом или охрой, а затем полировали.

Нет четких сведений о методе возведения домов. Брассер де Бурбур считает, что, поскольку он видел, как уроженцы Вера-паса пользовались строительными лесами, подобными нашим, они также использовались в Мексике в прежние времена, и что камни поднимались по наклонным балкам, переходящим от леса к лесу, что является не очень удовлетворительным рассуждением.^[664]

Как бы то ни было, Торквемада сообщает нам, что ацтеки использовали вышки для подъема тяжелых бревен.^[665] Другие, опять же, говорят, что стены возводились путем насыпания земли с обеих сторон, которая служила как строительными лесами, так и наклонными плоскостями, по которым можно было поднимать или скатывать тяжелые грузы,^[666] но хотя это, несомненно, был метод, принятый мизтеками, он был слишком трудоемким и примитивным, чтобы быть общепринятым,^[667] и, конечно, не мог быть использован при строительстве трехэтажных часовен на пирамиде Уицилопочтли. Идеально прямые стены, построенные науа, по-видимому, указывают на использование отвеса, и нам говорят, что линия использовалась при прокладке дорог.^[668] Деревья валили медными и кремневыми топорами и тянули на роликах к месту назначения,^[669] вид транспорта, используемый, без сомнения, с другими громоздкими материалами. Орудия, использовавшиеся для огранки каменных блоков, по-видимому, были полностью из кремня.^[670]

СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ.

Древесиной для крыш, башенок и столбов служили белый или желтый кедр, пальма, сосна, кипарис или ояметль, из которых делались балки и тонкие доски. Гвоздей у них не было; следовательно, более мелкие куски, должно быть, были закреплены зазубринами, притиркой или давлением.^[671] Различными видами камня, использовавшимися в строительстве, были гранит, алебастр, яшма, порфир, определенные "черные, блестящие камни" и красный, легкий, пористый, но твердый камень, богатые карьеры которого были обнаружены недалеко от Мексики во времена правления Ауицотля.^[672] После разлива озера, которое произошло в это время, король отдал приказ, чтобы с тех пор его использовали для строительства в Мексике. город.^[673] *Текали*, прозрачный камень, напоминающий алебастр, иногда использовался в храмах для изготовления оконных стекол.^[674] Адобы, или высушенные на солнце кирпичи, в основном использовались в жилищах беднейших слоев населения, но упоминаются обожженные кирпичи и черепица, которые продавались на рынках.^[675] Крыши были покрыты глиной, соломой и пальмовыми листьями. Известь использовалась для приготовления строительного раствора, который, по словам древних авторов, применялся так искусно, что стыки были едва заметны,^[676] но, вероятно, отчасти это объяснялось тем фактом, что стены почти всегда были либо побелены, либо покрыты охрой, гипсом или другими веществами.

Частые войны и в целом нестабильное состояние страны сделали желательным, чтобы города располагались достаточно близко друг к другу, чтобы обеспечить взаимную защиту, что объясняет большое количество городов, разбросанных по плато. Те же причины сделали обороняемую позицию основным объектом при выборе места. Таким образом, мы находим их расположенными на скалах, куда можно попасть только по трудной и узкой тропинке, поднятыми на сваях над водой или окруженными прочными стенами, частоколами, земляными валами и рвами.^[677] Хотя они полностью понимали необходимость селиться вблизи озер и рек для облегчения общения, все же города на морском побережье обычно

находились в лиге или двух от берега, и, поскольку у них не было морской торговли, гаваней не искали.^[678]

Города занимали сравнительно большую площадь из-за того, что дома были низкими и отдельно стоящими, и каждый из них был снабжен двором и садом. Более крупные города, похоже, были спланированы по регулярному плану, особенно в центре, но улицы были узкими, более того, не было необходимости в более широких, поскольку все перевозки осуществлялись перевозчиками, а транспортных средств не было. Через определенные промежутки рыночная площадь с фонтаном в центре, площадь с храмами или ряд тенистых деревьев нарушали монотонность длинных рядов низких домов.

MEXICO TENOCHTITLAN.

Самым крупным и знаменитым из городов науа был мексиканский Теночтитлан.^[679] По-видимому, примерно в 1325 году ацтеки, устав от своего неустроенного положения и испытывая сильное давление со стороны кулхуа, стремились к болотистому западному берегу Мексиканского озера. Здесь, на болоте Тлалкокомокко, они наткнулись на камень, на котором, как говорили, мексиканский священник сорок лет назад принес в жертву некоего принца Копила. Из этого камня вырос нопа, на котором в то время, когда его увидел мексиканский авангард, сидел орел, держащий в клюве змею. Побуждаемый божественной силой, священник нырнул в пруд рядом с камнем и там встретился с Тлалоком, богом вод,^[680] который разрешил людям поселиться на этом месте.^[681] Другая легенда гласит, что Уицилопочтли явился священнику во сне и сказал ему искать нопа, растущий из камня в озере с орлом и змеей на нем, и там нашел город.^[682]

Храм, поначалу простая хижина, был первым возведенным зданием, и, обменяв рыбу и птицу на камень, они вскоре смогли построить вокруг него значительный город. В мягкое дно озера были вбиты сваи, а промежуточные пространства заполнены камнями, ветками и землей, чтобы служить фундаментом для домов.^[683]

Каждый последующий правитель прилагал все усилия, чтобы расширить и украсить город. Позже Тлателулько,^[684] который ранее отделил Теночтитлан от Мексики, был присоединен к нему королем Аксаякатлем, что значительно увеличило размеры последнего города. Говорят, что Тецкоко превосходил его по размерам и культуре своего народа, но благодаря своему важному положению, впечатляющей архитектуре и общей известности мексиканский Теночтитлан занимал выдающееся положение. Ряд окружающих городов и деревень образовали пригороды города, такие как Ацтакалько, Акатлан, Малкуитлапилко, Атенко, Изтакалько, Занкопинко, Уицнауак, Шокотитлан или Ксокотлан, Колтонко, Некатитлан, Уицитцитлан и т.д.^[685] Окружность города была оценена примерно в двенадцать миль, а количество домов - в шестьдесят тысяч, что дает население в триста тысяч человек.^[686] Он был расположен в соленой части Мексиканского озера, в пятнадцати милях к западу от своего знаменитого конкурента Тецкоко, примерно в миле от восточного берега и недалеко от канала, по которому воды озера пресной воды вливаются в соленые воды Мексиканского озера, омывая своим внешним потоком южную и западную части города. Вода, однако, значительно испарилась со времен ацтеков и оставила современную Мексику на некотором расстоянии от пляжа.^[687]

Пятьдесят других городов, многие из которых насчитывали более трех тысяч жилищ, были разбросаны по озеру и вокруг него, по мелководью которого бороздили двести тысяч каноэ.^[688] Четыре больших проспекта, вымощенных гладкой, твердой цементной коркой,^[689] тянулись крест-накрест на восток, запад, север и юг, образуя границы четырех кварталов; в месте их пересечения находился большой двор храма. Три из этих дорог соединялись по прямой с большими дамбами, ведущими из города к берегам озера; они были построены путем забивания свай, заполнения промежуточных пространств землей, ветками и камнями и покрытия поверхности камнем, скрепленным раствором. Они были достаточно широкими, чтобы десять всадников могли легко проехать в ряд, и были защищены подъемными мостами и брустверами.^[690]

Южная дорога длиной в две лиги начиналась в полулиге от Истапалапана и граничила с одной стороны с Мехикальцинко, городом примерно с четырьмя тысячами домов, а с другой - сначала с Койууаканом с шестью тысячами, а затем с Уицилопочко с пятью тысячами жилищ. За пол-лиги до города к этой дамбе примыкала дорога Шолок, идущая из Хочимилько, место пересечения защищалось фортом под названием Акачинанко, который состоял из двух башен, окруженных зубчатой стеной высотой одиннадцать или двенадцать футов, и был снабжен двумя воротами, через которые проходила дорога.^[691] Северная дорога вела из Тепейакака, примерно в лиге отсюда; западная, из Тлакопана, на расстоянии в пол-лиги; эта дорога была окаймлена домами до самого берега. ^[692] Четвертая дамба из Чапультепека служила для поддержки акведука, снабжавшего город водой.^[693]

КВАРТАЛЫ И ПОДОПЕЧНЫЕ МЕКСИКИ.

Названия четырех кварталов города, которые были расположены таким образом в соответствии с божественным повелением, были Тлакечиукан, Куэкопан или Кепопан, ныне Санта-Мария, лежащий между северной и западной авеню; Ацакуалько, ныне Сан-Себастьян, между восточной и северной; Теопан, ныне Сан-Пабло, между восточной и южной; и Мойотлан, или Майотла, ныне Сан-Хуан, между западной и южной; они, опять же, были разделены на несколько приходов.^[694] Из-за расположения города посреди озера движение осуществлялось главным образом по каналам, которые вели почти в каждый район и имели с одной или обеих сторон причалы для приема и высадки товаров и пассажиров. Многие из них были снабжены бассейнами и шлюзами для удержания в них воды;^[695] в то время как в устье были небольшие здания, которые служили офисами для должностных лиц таможни. Мосты, многие из которых были шириной более тридцати футов и могли быть возведены таким образом, чтобы перекрыть сообщение между различными частями города, соединяли многочисленные перекрестки и переулки, некоторые из которых представляли собой просто сухие и мощеные каналы.^[696]

Главным пристанищем народа была дамба, которая тянулась полукругом вокруг южной части города, образуя гавань шириной от половины до трех четвертей лиги. Днем здесь сутились торговцы с грузами и таможнями, а ночью сюда приходили прогуливающиеся, чтобы насладиться свежим бризом с озера. Строительство этой набережной было вызвано наводнением, которое нанесло серьезный ущерб во время правления Монтесумы I. Этот

энергичный монарх немедленно предпринял шаги, чтобы предотвратить повторение катастрофы, и призвал соседние города помочь людьми и материалами в строительстве внешней стены, чтобы остановить и отвести воды пресного озера, которые после проливных зимних дождей обильно хлынули на город, когда они стремились к нижнему соленому озеру. Длина дамбы составляла около трех лиг, а ширина - тридцать футов. В 1498 году, через пятьдесят два года после своего строительства, он был еще более укреплен и расширен.^[697]

Хотя испанцы, проезжая по центральной части города, где стоял храм, не встретили особо внушительных зданий, все же они, должно быть, нашли достаточно, чтобы восхититься прекрасными ровными улицами, аккуратными, хотя и низкими каменными зданиями, увенчанными парапетами, которые лишь наполовину скрывали цветы за ними, элегантно разбитыми садами, богатыми тропической флорой, широкими площадями, величественными храмами и каналами, кишачими каноэ.

Среди общественных зданий особого внимания заслуживают рынки. По словам Кортеса, крупнейший в Мексике Теночтитлан, был вдвое больше площади Саламанки и был окружен портиками, в которых находили место от шестидесяти до ста тысяч покупателей и продавцов.^[698] Рыночная площадь в Тлателулько была еще больше, и в середине ее находилась квадратная каменная терраса пятнадцати футов высотой и тридцати футов длиной, которая служила театром.^[699]

ФОНТАНЫ И АКВЕДУКИ.

Многочисленные фонтаны, украшавшие город, питались от акведука, который доставлял воду с холма Чапультепек, расположенного примерно в двух милях отсюда, и был построен на мощеной каменной насыпи высотой пять футов и шириной пять футов, идущей параллельно дороге Тлакопан.^[700] Этот акведук состоял из двух каменных труб, каждая из которых несла объем воды, равный объему человеческого тела,^[701] который отводился по патрубкам в разные части города для снабжения фонтанов, резервуаров, прудов и бань. У разных мостов через каналы были резервуары, в которые по ходу движения впадали трубы, и здесь лодочники, поставлявшие жителям воду, получали свой груз за фиксированную плату. Бдительная полиция следила за распределением воды и уходом за трубами, только одна из которых использовалась в данный момент, в то время как другая была прочищена.^[702] Запас воды был получен из прекрасного источника на вершине горы Чапультепек, который охраняли две высеченные в цельном камне фигуры, изображающие Монтесуму и его отца, вооруженных копьями и щитами.^[703] Нынешний акведук был частично реконструирован Монтесумой II. на старом, возведенном первым королем с таким именем. Его инаугурация сопровождалась внушительными церемониями, приношением в жертву перепелов и возжиганием благовоний.^[704]

Во время правления Ауицотля была предпринята попытка провести в город воду из огромного источника в Койууакане. Хозяин этого места согласился, как и подобает верному вассалу, пустить воду, но предсказал катастрофические последствия для города из-за разлива, который обязательно последовал бы, если бы туда отвезли воду. Это предупреждение, однако, так разгневало короля, что он приказал казнить дворянина и немедленно собрал людей и материалы из соседних городов для строительства акведука. Каменщики и чернорабочие копошились, как муравьи, и вскоре закончили работу. Когда все

было готово, грандиозная процессия священников, принцев, знати и плебеев двинулась вперед, чтобы открыть ворота акведука и пустить воду в город. Произносились речи, приносились в жертву рабы и дети, богачи бросали драгоценные предметы в бурлящие воды со словами благодарности и приветствия. Но час скорби был близок. Предсказание мертвого господина исполнилось; воды, однажды выпущенные на свободу, уже не могли быть скованы снова; большая часть города была затоплена, и был нанесен большой ущерб. Тогда обезумевший король еще раз призвал соседние города предоставить людей, но на этот раз для разрушения, а не для застройки.^[705]

МАЯКИ И УЛИЧНЫЕ РАБОТЫ.

Среди сооружений для удобства публики можно упомянуть маяки для направления каноэ, доставлявших припасы в великую столицу. Они были установлены в разных точках на башнях и высотах; главная из них, по-видимому, находилась на горе Точитлан, где была возведена деревянная башенка для удержания пылающего маяка.^[706] Улицы также освещались горящими жаровнями, расставленными через удобные промежутки времени, за которыми присматривал ночной патруль. Отряд численностью более тысячи человек содержал каналы в порядке, подметал улицы и поливал их несколько раз в день.^[707] Общественные туалеты были расположены на некотором расстоянии вдоль каналов.^[708] Забота о зданиях также привлекала внимание правительства, и каждый одиннадцатый месяц был посвящен ремонту и уборке храмов, общественных зданий и дорог в целом.^[709] Ряд городов на озере были построены на сваях, в подражание Мексике, главным образом в целях безопасности. Таким образом, Истапалапан стоял наполовину на суше, наполовину над водой, а Айоцинко был основан полностью на сваях и имел каналы вместо улиц.^[710]

Другие города для обеспечения своей защиты прибегали к крепким стенам и глубоким рвам. Тлашкала особенно хорошо была защищена от своего древнего врага-ацтеков стеной из камня и строительного раствора^[711], которая тянулась на шесть миль через долину, от горы к горе, и образовывала линию границы республики. Эта стена была девяти футов в высоту, двадцати футов в ширину,^[712] и увенчана бруствером толщиной в полтора фута, за которым защитники могли стоять во время боя. Единственный вход находился в центре, где стены не сходились, а описывали полукруг, одна накладывалась на другую, с промежутком в десять шагов в ширину и сорок в длину между ними.^[713] Другая сторона также была защищена брустверами и рвами.^[714] Сам город стоял на четырех холмах, и его пересекали узкие улочки,^[715] дома были разбросаны неправильными группами. По размерам он был даже больше Гранады, говорит Кортес, что не маловероятно, поскольку рынок вмещал тридцать тысяч человек, а в одном из храмов четыреста испанцев со своими слугами нашли достаточно места.^[716] В Уэхутле была любопытная стена каменной кладки, снаружи облицованная небольшими блоками тецонтли, каждый диаметром около девяти дюймов с закругленной стороны; конец каждого блока был заострен и вставлен в стену.^[717]

ГОРОД ТЕЦКОКО.

Следующим по известности и рангу городом после мексиканского Теночтитлана был Тецкоко,^[718] который, по утверждению Торквемады, насчитывал сто сорок тысяч домов в окружности от трех до четырех лиг.^[719] Он был разделен на шесть кварталов и пересекался серией прекрасных прямых улиц, вдоль которых стояли элегантные здания. Старый дворец стоял на берегу озера на тройной террасе, как бы охраняя город; более новое строение, на строительстве которого было занято двести тысяч человек, находилось в северной части; это было великолепное здание, вмещавшее триста комнат. Этот город был средоточием утонченности и элегантности и занимал в Мексике примерно такое же положение, какое Париж занимает в Европе.^[720]

ЖИЛИЩА БОЛЕЕ БОГАТЫХ КЛАССОВ.

Стиль архитектуры домов не отличался большим разнообразием; разница между одним домом и другим заключалась главным образом в размерах и материале.^[721] Жилища знати располагались на террасах различной высоты, которые в болотистых местах, таких как Мексика, опирались на ярусы из тяжелых свай.^[722] Обычно это была группа зданий в форме параллелограмма, построенных из камня или в Мексике из тецонтли, соединенных тонким цементом, тщательно отполированных и побеленных.^[723] Каждый дом стоял отдельно, отделенный от соседа узкими переулками, и заключал в себе один или несколько дворов, занимавших большое пространство.^[724] Одноэтажный был наиболее распространенной формой, и нет никаких упоминаний о каких-либо дворцах или частных домах выше двух этажей.^[725] Широкие ступени вели по террасе к двум воротам, которые вели во дворы; одни выходили на главную улицу, другие - на задний переулок или канал, который часто пролегал под ней. Террасная площадка домов вождей часто имела широкий проход вокруг себя и была особенно просторной спереди, где иногда располагалась небольшая оратория, обращенная ко входу. Этот стиль был особенно замечен на восточном побережье.^[726] Двор был окружен многочисленными портиками, украшенными орнаментами из порфира, яшмы и алебаstra, которые, опять же, вели в различные покои и залы, освещенные большими окнами. Два больших зала и несколько приемных располагались впереди; спальни, кухня, бани и кладовые находились сзади, образуя порой довольно сложный лабиринт.^[727] Двор был вымощен каменными плитами, мозаичным мрамором или твердым цементом, отполированными охрой или гипсом,^[728] и обычно содержал сверкающий фонтан; иногда здесь был цветник, в котором пирамидальный алтарь придавал этому месту вид святости.^[729] Лестница, которая вела на второй этаж или на крышу, часто находилась снаружи дома и своими величественными пропорциями и изящной формой немало способствовала хорошему внешнему виду дома.^[730] Крыша представляла собой плоскую террасу из балок с небольшим наклоном назад,^[731] покрытую слоем цемента или глины,^[732] и окруженную зубчатым парапетом, иногда увенчанном небольшими башенками.^[733] На крышах обычно стояли цветы в горшках или даже небольшой сад; и здесь домочадцы собирались в вечерней прохладе, чтобы насладиться свежим воздухом и очаровательным видом.^[734] В некоторых домах были галереи, которые, как и большинство построек, пристроенных к основному строению, были деревянными,^[735] хотя и опирались на колонны из мрамора, порфира или алебаstra. Эти колонны были круглыми или квадратными и, как правило, представляли собой монолиты; они не имели основания или капители, хотя и были украшены фигурами, вырезанными низким рельефом. Здания были дополнительно украшены элегантными карнизами и лепными узорами из цветов и животных, которые

часто были раскрашены яркими красками. Среди этих фигур выделялся ранее упомянутый извивающийся змей. Перемычки и дверные косяки также были искусно вырезаны.^[736]

Интерьер демонстрировал то же грубое величие. Полы были покрыты твердым, гладким цементом, как во внутреннем дворе и на улицах, натерты охрой или гипсом и отполированы.^[737] Глянцевые стены были выкрашены и увешаны гобеленами из хлопка или перьев, к которым Лас Касас добавил серебряное покрытие и драгоценные камни. Мебели было мало. Она состояла в основном из мягких циновок и подушек из пальмовых листьев или меха, низких столиков и маленьких табуреток со спинками из пальмовых листьев. Кровати представляли собой циновки, сложенные одна на другую, с подушечкой из пальмовых листьев или хлопка в качестве подушки; иногда они были снабжены покрывалами и балдахинами из хлопка или перьев.^[738] Вазы, наполненные тлеющими благовониями, распространяли свой аромат по комнатам. Комнаты, которые использовались зимой, были оборудованы очагами и каминными экранами и освещались факелами.^[739] В домах не было дверей, как их правильно называть, но там, где требовалось уединение, поперек входа вешали бамбуковую или плетеную ширму, которая на ночь запиралась на засов. К нему была прикреплена нитка ракушек, которыми посетитель гремел, чтобы позвать хозяина или его слуг ко входу. Внутренние комнаты были разделены завесами, которые, вероятно, также служили для прикрытия окон обычных жилищ,^[740] хотя прозрачный камень *текали*, как указывалось ранее, отвечал назначению оконных стекол в определенных частях некоторых храмов.^[741]

ДОМА НИЗШИХ КЛАССОВ.

Дома беднейших классов были построены из самана, дерева, тростника или камыша и камней, смешанных с грязью, хорошо оштукатуренных и отполированных,^[742] а в Мексике возводились на каменном фундаменте, чтобы предотвратить попадание сырости,^[743] хотя высота была меньше, чем у домов более богатых людей. Обычно они имели продолговатую форму, были разделены на несколько квартир и иногда имели галерею перед входом. Они не могли позволить себе центральный двор, но вместо этого разбили цветочный или огородный сад везде, где позволяло пространство. Крыши с террасами не были редкостью в городах, но, как правило, дома более бедных людей были покрыты соломой из какой-то длинной густой травы или накладывающимися друг на друга листьями магуэя.^[744]

Помимо молельни и склада, которыми было оборудовано большинство домов, к жилищу обычно пристраивали *темаскалли*, или баню. Это, по словам Клавиджеро, состояло из саманной полусферы со слегка выпуклым мощеным полом, утопленным немного ниже уровня окружающей земли. Вход представлял собой небольшое отверстие, достаточно большое, чтобы в него мог пролезть человек. Снаружи бани, с противоположной от входа стороны, находилась печь из камня или кирпича, отделенная от внутренней части тонкой плитой из *тецонтли* или другого пористого камня, через которую передавалось тепло. При входе дверь закрывали, и удушливым парам позволяли медленно выходить через небольшое отверстие в верхней части. Самые большие бани имели восемь футов в диаметре и шесть футов в высоту. Некоторые из них представляли собой простые квадратные камеры без печи, и их, несомненно, отапливали, а огонь разгребали до того, как купальщик входил.^[745]

Склады и зернохранилища, пристроенные к фермам, храмам и дворцам, обычно представляли собой квадратные здания из оксаметла с соломенными крышами. На концах бревен были зазубрины, которые обеспечивали им надежную фиксацию. Два окна или двери, расположенные одно над другим, давали доступ во внутренние помещения, которые часто были достаточно большими, чтобы вместить много тысяч бушелей зерна.^[746]

САДЫ АЦТЕКОВ.

Любовь к цветам была страстью ацтеков, и они придавали большое значение выращиванию садов. Самые прекрасные и крупные из них были в Истапалапане и Уастепеке. Сад в Истапалапане был разделен на четыре квадрата, каждый из которых пересекали тенистые дорожки, извивающиеся среди фруктовых деревьев, цветущих живых изгородей и бордюров из душистых трав.^[747] В центре сада находился огромный резервуар из тесаного камня площадью четыреста квадратных шагов, питаемый судоходными каналами. Выложенный плиткой тротуар,^[748] достаточно широкий, чтобы четыре человека могли идти в ряд, окружал водоем, а через равные промежутки ступени вели вниз, к воде, на поверхности которой резвилось бесчисленное множество водоплавающих птиц. Большой павильон с залами и коридорами выходил окнами на территорию.^[749]

Сад Уастепек простирался на две лиги в окружности и располагался на берегу ручья; в нем было огромное разнообразие растений и деревьев, к которым постоянно вносились дополнения.^[750] *Чинампы*, или плавучие сады, были описаны в других местах.^[751]

Мексиканцам не требовалось твердых дорог для интенсивного движения, поскольку товары переносились на плечах рабов, но через страну в разных направлениях проходило несколько тропинок, которые ежегодно ремонтировались после прекращения дождей. Кое-где проселочные дороги пересекали ручьи с помощью подвесных мостов или стационарных сооружений, в основном из дерева, но иногда и из камня, с небольшими пролетами. Подвесные мосты были сделаны из веревок, скрученных тростей или жестких веток, прикрепленных к деревьям и соединенных сеткой. Испанцы довольно боялись пересекать их из-за того, что они раскачивались, когда на них наступали, и в них были зияющие прорехи.^[752]

Почти единственным образцом архитектуры науа, сохранившимся до наших дней, является храмовое сооружение, *теокалли*, "дом Бога", или *теопан*, "место Бога", которых, по утверждению Торквемады, в Мексике насчитывалось не менее сорока тысяч. Клавиджеро считает это намного меньшим реального числа, и если мы примем во внимание чрезвычайно религиозный характер людей и примем заявления ранних хронистов, которые говорят, что на расстоянии от четверти до половины лиги в каждом городе и деревне были открытые места с одним или несколькими храмами,^[753] и на каждой изолированной скале или холме, вдоль проселочных дорог, даже в полях, были значительные сооружения, посвященные какому-нибудь идолу, тогда утверждение Клавиджеро может быть правильным.^[754]

Более крупные храмы обычно строились на пирамидальных параллелограммах, квадратных или продолговатых, и состояли из ряда расположенных друг над другом террас с перпендикулярными или наклонными сторонами.^[755] Знаменитый храм в Мексике

представляет собой прекрасный тип последнего типа, и его подробное описание даст лучшее представление об этом классе сооружений.

ХРАМ УИЦИЛОПОЧТЛИ.

ВЕЛИКИЙ ХРАМ МЕКСИКИ.

ЖЕРТВЕННЫЙ КАМЕНЬ.

Когда ацтеки после своих долгих странствий остановились на территории Мексики, первой заботой было воздвигнуть обитель для их главного божества Уицилопочтли. Место, выбранное для скромного строения, которое сначала состояло из простой хижины, находилось над камнем, на котором рос священный ночтли, указанный оракулом. Вскоре было возведено здание, более достойное бога, а позже Ауицотль построил сооружение, с вершины которого Кортес смотрел вниз на сцены своего завоевания. Труд, затраченный на это, был огромным, и, несмотря на то, что материал приходилось доставлять с расстояния в три или четыре лиги — серьезное дело для людей, у которых не было подходящих транспортных средств, — храм был завершен за два года.^[756] Инаугурация состоялась в 1486 году в присутствии главных князей и огромного стечения людей со всех сторон, и за четыре дня ее проведения было принесено в жертву 72 344 пленника, выстроенных в две длинные шеренги.^[757] Расположение здания действительно соответствовало его характеру, оно стояло на огромной площади, образующей центр города, от которого расходились четыре главные магистрали.^[758] Идея о том, чтобы таким образом постоянно держать бога на виду у людей, имела, несомненно, такое же отношение к этому устройству, как и к тому, чтобы отвести ему почетное место. Квадратная стена^[759] около четырех тысяч восьмисот футов в окружности, от восьми до девяти футов в высоту и большой толщины, обращенная сторонами по сторонам света, образовывала внутренний двор храма.^[760] Он был построен из камня и извести, оштукатурен и отполирован,^[761] увенчан зубчатыми стенами в виде улиток, увенчан башенками и украшен множеством каменных змей — очень распространенным украшением зданий в Египте, а также в Анахуаке, — по этой причине его называли *коатепантли*, "стена змей".^[762] В центре каждой стены стояло большое двухэтажное здание, разделенное на несколько комнат, в которых хранились военные склады и оружие. Они выходили окнами на четыре главные улицы города, и их нижние этажи образовывали порталы ворот, которые вели во внутренний двор.^[763] Он был частично вымощен большими гладкими плитняками, частично цементом, оштукатурен и отполирован и был таким скользким, что лошади испанцев едва держались на ногах.^[764] В центре стоял великий храм, продолговатая параллелограммная пирамида, около трехсот семидесяти пяти футов в длину и трехсот футов в ширину у основания, три сто двадцать пять на двести пятьдесят на вершине, поднимающаяся пятью наложенными друг на друга перпендикулярными террасами на высоту восьмидесяти шести футов.^[765] Террасы были одинаковой высоты,^[766] самая низкая, по словам Тезозомока, имела основание глубиной в сажень или более, и каждая отступала примерно на шесть футов от края той, что находится под ней, оставляя плоский выступ вокруг своего основания.^[767] В северо-западном углу уступы были выровнены, образуя серию ступеней, всего сто четырнадцать, и каждая высотой около девяти дюймов, которые вели с террасы на террасу, так что приходилось полностью обходить здание, чтобы подняться на следующий пролет.^[768] Этот стиль здания, вероятно, был придуман как для показа, так и для защиты, поскольку благодаря этому пышно одетая процессия священников должна была

проходить на виду у всей толпы, собравшейся со всех сторон храма, торжественным шагом огибая каждую террасу. Сооружение было сложено из хорошо утрамбованной земли, камней и глины, покрытых слоем больших квадратных кусков тецонтли одинакового размера, гладко обтесанных и соединенных тонким цементом, который едва оставлял заметные следы; кроме того, оно было покрыто полированным слоем извести или гипса.^[769] Ступени были из цельного камня, а платформа была такой же скользкой, как и двор.^[770] На его восточном конце стояли две трехэтажные башни высотой пятьдесят шесть футов,^[771] отделенные от края дорожкой, едва достаточной ширины для одного человека. Нижний этаж был каменным, с полом, приподнятым на несколько футов над платформой, и входом с запада; два верхних этажа были деревянными, с окнами, доступ к которым осуществлялся по передвижным лестницам.^[772] Деревянный купол, хорошо раскрашенный и украшенный, образовывал крышу.^[773] Святилища находились на нижнем этаже, одно справа посвящено Уицилопочтли с его партнером и лейтенантом, другое - Тецкатлипоке.^[774] Гигантские изображения были изображены на стенах. некоторые из этих богов покоились на больших каменных алтарях высотой от трех до четырех футов,^[775] их чудовищное величие скрывалось от вульгарных взглядов толпы богатыми занавесями, украшенными кистями и золотыми шариками, похожими на колокольчики, которые дребезжали при движении занавесей. Перед алтарем стоял ужасный камень для жертвоприношений, зеленый блок, около пяти футов в длину и трех в ширину и высоту, растет в грядках на верхней так, чтобы изгиб тела жертвы вверх и позволяют легко извлекать их сердца.^[776] на стены и потолки были расписаны чудовищные цифры, и украшены лепниной и резными деревянными работы, и, по словам Лас Каса, в золотом и драгоценными камнями, украшенные интерьер превзошел даже тебе знаменитый храм в красоте,^[777] но почтенный епископ был явно уводил его известный энтузиазм, что касается туземцев, для Берналь Диас и другие утверждают, что пол и стены были обагрены кровью, распространяя зловонный запах, который заставил посетители рада вырваться на свежий воздух.^[778] с верхних этажей использовались как сосуды для пепла умерших королей и лордов,^[779] и инструментов, связанных со службой в храме, но Диас тоже заметил идолов, наполовину человека, наполовину чудовищные формы, и обнаружил, что номера окровавленные как нижней квартиры.^[780] перед каждой часовней стоял каменный очаг, в человеческий рост, и такой же формы, как piscina в католической церкви, после чего огонь постоянно горел от Девы и священники, и большие беды были задержаны если он погас.^[781] здесь был и большой барабан, покрытый змеиной skóry,^[782] чьи мрачные ноты разносились на расстояние двух миль в праздничные дни и в других исключительных случаях—много похоронным звоном она ударила для испанцев, прежде чем они стали ее хозяевами. С этой высоты испанцы смотрели вниз на семьдесят-восемьдесят других зданий внутри ограды с их шестьюстами каменными жаровнями, некоторые круглые, некоторые квадратные, высотой от двух до пяти футов,^[783] чей яркий огонь пылал в постоянном поклонении их идолам и превращал ночь в день. Около сорока из них были храмами, каждый со своими идолами, разбросанными по двору и обращенными к великой пирамиде, словно в знак поклонения.^[784] Они были значительно меньше центрального храма и отличались главным образом формой крыши, которая была круглой, квадратной или пирамидальной, в зависимости от характера идола.^[785] Самым большим был храм Тлалока, стоявший ближе всего к пирамиде, и к нему вели пятьдесят ступеней.^[786] Храм Кецалькоатля был самым необычным по форме, он был круглым и увенчан куполом, символизирующим обитель бога воздуха; челюсти змеи с обнаженными клыками образовывали низкий вход и заставляли незнакомца содрогаться, когда он наклонялся, чтобы пройти внутрь.^[787] Среди других примечательных сооружений были *тецкакалли*, или "зеркальный дом", названный так из-за зеркал, покрывавших его стены, и *текчицкалли*, "дом раковин", в который король удалялся в определенное время для

совершения покаяния. У первосвященника также был дом для уединения под названием *пойаухтла*, и было несколько других домов для использования некоторыми другими священниками. Среди них было великолепное здание, снабженное банями, фонтанами и всеми удобствами, в котором принимали знатных чужеземцев, посещавших храм или двор. Храм Ильхуикатитлан, посвященный планете Венера, содержал большую колонну, расписанную или изваянную с изображением звезды, перед которой приносились в жертву пленники при появлении планеты. Другой храм имел форму клетки, в которую были заключены идолы покоренных народов, чтобы они не могли помочь своим почитателям вернуть себе свободу.^[788] *Куаухсикалько* использовался как вместилище для костей жертв, приносимых в жертву в различных святилищах. Черепа убитых в великом храме были сложены в *цомпантли*,^[789] который стоял сразу за двором, недалеко от западных или главных ворот. Он представлял собой продолговатый наклонный параллелограмм из земли и каменной кладки, высотой сто пятьдесят четыре фута в основании, к которому поднимались тридцать ступеней, на каждой из которых были черепа.^[790] Вершину окружали более семидесяти поднятых шестов на расстоянии около четырех футов друг от друга, соединенных многочисленными рядами поперечных шестов, пропущенных через отверстия в мачтах, на каждом из которых было прикреплено по пять черепов, палки были пропущены через виски.^[791] В центре^[792] стояли две башни, или колонны, сделанные из черепов и извести, лицо каждого черепа было вывернуто наружу и придавало всему ужасный вид. Этот эффект был усилен тем, что головы выдающихся пленников были оставлены в их естественном состоянии, с волосами и кожей. По мере того как черепа разлагались или падали с башен или столбов, их заменяли другими, так что свободного места не оставалось. Говорят, что испанцы насчитали сто тридцать шесть тысяч черепов только на ступенях и столбах, но это число, без сомнения, сильно преувеличено.^[793] Во дворе было большое открытое пространство, которое простиралось до подножия лестницы великого храма. Здесь проводились великие танцы, в которых принимали участие тысячи людей,^[794] и здесь, на виду у толпы, собравшейся присоединиться к праздничному рингу, стоял гладиаторский камень, *темалакатль*, на который помещали пленников, чтобы они сражались с ацтекскими воинами, за свою свободу, как это называлось, но скорее для увеселения масс, поскольку их шансы на победу, как мы видели, были очень малы. Он состоял из огромного плоского круглого камня высотой в три фута, очень гладкого, со скульптурными краями, помещенного на небольшую пирамиду высотой в восемь футов.^[795] В другой части двора находились три больших зала с плоскими крышами и оштукатуренными стенами, расписанными изнутри, в которых находилось несколько низких темных комнат, каждая из которых была обителью идола; стены были залиты кровью толщиной в два пальца, а полы - почти на глубину фута.^[796] Во дворе также была роща, в которой разводили птиц для жертвоприношений и откуда начиналась процессия в день, посвященный великой охоте в честь Мишкоатля; было также несколько садов, где выращивали цветы и травы для жертвоприношений. Существовало несколько мест для купания, одно из которых, *тецапан*, "очищающая вода",^[797] было выделено для тех, кто дал обеты покаяния, а другое, в храме Мишкоатля, наполненное черной водой, - для священников. *Токспалатль* был прекрасным фонтаном, воду из которого пили только на торжественных празднествах. Предполагалось, что это был тот самый источник, в котором ацтекский жрец беседовал с Тлалоком и получил разрешение для народа поселиться. Забота обо всех храмовых зданиях возлагалась на целую армию священников, монахов, монахинь, школьников и других людей, насчитывавшую, по оценкам, от пяти до десяти тысяч человек, которые все спали в священных пределах.^[798] Перемещение такого количества людей, должно быть, сделало это место изобилующим жизнью, но, по словам Диаса, все было в

таком идеальном порядке и содержалось в такой скрупулезной чистоте, что он не смог обнаружить ни пылинки, ни соломинки.[\[799\]](#)

Помимо этого, в городе было несколько других храмов и публичных молельен, расположенных либо группами на площади, либо разбросанных по всем приходам, и за ними присматривали специальные священники и слуги. Торквемада считает, что их количество равнялось дням в ацтекском году, а именно тремстам шестидесяти, а Клавиджеро считает, что кроме того, было две тысячи часовен.^[800]

Храмы в других городах были почти такими же, как вышеописанные, три обычно группировались вокруг центральной пирамиды в виде квадрата, каждый со своим идолом и одной или двумя жаровнями. Другие представляли собой земляные насыпи, облицованные камнем, с одной широкой лестницей в центре западной стороны или со ступенями с трех сторон, иногда в каждом углу.^[801] Часовни на платформе обычно были высотой в два или три этажа, часто снабжались балконами, все здание было оштукатурено и отполировано.^[802]

ТЕОКАЛИ В ЧОЛУЛЕ И ТЕЦКОКО.

Пирамида в Мексике, какой бы большой она ни была, не равнялась пирамиде в Чолуле, которую Гумбольдт оценивает в пять тысяч семьсот шестьдесят футов в окружности и сто семьдесят семь футов в высоту. По словам Диаса, он состоял из четырех квадратных террас, обращенных по сторонам света, которые, по-видимому, были сложены из чередующихся слоев самана и глины и были окружены двойной стеной. На вершине стояла полусферическая часовня Кецалькоатля, дверь которой была сделана низкой, чтобы все, кто входил, должны были склоняться в смирении.^[803] Кроме того, в этом городе было множество храмов поменьше, общее количество которых равнялось количеству дней в мексиканском году.^[804] Храм в Тецкоко также был на несколько ступеней выше мексиканской пирамиды.^[805] Король Несауалькойотль, который, как говорят, верил в единого верховного бога, воздвиг в его честь девятиэтажное здание, обозначающее девять небес, крыша которого была усыпана звездами и увенчана тремя шпильями; интерьер был украшен золотом, перьями и драгоценными камнями. . Верхний этаж был вместилищем музыкальных инструментов, от одного из которых, *чилилитли*, было названо здание.^[806] Традиционные храмы ранних времен, очень сказочные создания, по рассказам местных жителей, были намного лучше более поздних; но эти отношения - не более чем сверхъестественные басни.^[807]

ГЛАВА XIX.

МЕДИЦИНА И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ У науа.

Вклад Мексики в медицинскую науку—Ботанические сады—Долголетие—Распространенные болезни—Распространение оспы и сифилиса—Медицинское лечение—Темаскалли—Врачи—Аборигены—Факультет ацтеков—Стандартные средства—Хирургия—Суеверные церемонии исцеления—Погребальные обряды ацтеков—Кремация—Королевские похороны—Бальзамирование—Погребальный костер—Человеческие жертвоприношения—Захоронение праха и украшений—Плакальщики—Похоронные церемонии народа—Погребение определенных классов—Обряды по убитым в битве—Захоронения у тео-чичимеков и других народов. Табаскийцы —Церемонии кремации в Мичоакане—Захоронения мизтеков в Оахаке.

Авторы, посвященные Мексике, уделяли лишь незначительное внимание медицинской науке аборигенов, хотя наибольшая польза, которую Европа извлекла из этой части Нового Света, несомненно, заключалась в лекарственных веществах. Большинство лекарств, пополнивших мировой запас с шестнадцатого века, были родом из тропической Америки, и в немногих случаях, если таковые вообще были, их целебные свойства были неизвестны местным врачам. Халап, сарсапарилья, табак с многочисленными камедями и бальзамами были одними из самых простых продуктов американского происхождения. Доктор Эрнандес, врач Филиппа II, был послан королем в Мексику для изучения естественной истории страны. Результаты его исследований, в которых ему помогали местные эксперты, были опубликованы в большом труде, который содержит длинные списки растений с их лечебными свойствами и который широко использовался более поздними авторами. Однако в этой главе я не буду пытаться давать какой-либо каталог лекарственных растений.^[808] Искусство врачевания находилось под защитой королевской семьи, и многочисленные редкие растения в королевских садах, собранные за большие деньги со всех концов страны, были предоставлены в распоряжение врачей в крупных городах, которым было приказано экспериментировать с каждым сортом, чтобы можно было использовать его целебные или вредные свойства или избегать их. Таким образом, придворные врачи извлекали из этих постоянно увеличивающихся сборов все преимущества путешествий по отдаленным провинциям.^[809]

Науа были здоровой расой; естественно, это было связано с их прекрасным климатом, выносливыми тренировками, активными привычками, частым купанием и умеренным питанием. Необычные заявления о преклонном возрасте, которого достигли их короли в более ранние периоды истории науа, конечно, абсурдно преувеличены; но поскольку в наши дни среди их потомков часто встречаются долгожители, нет сомнений в том, что они были расой долгожителей, и что те, кто не дожил до ста лет, по большей части умерли от острых болезней.^[810] Несварение желудка и сопутствующие ему болезни были неизвестны, а уродливые люди были такой редкостью, что Монтесума хранил их коллекцию в качестве

диковинки. Наиболее распространенными заболеваниями были острая лихорадка, простуда, плеврит, катар, диарея, а в прибрежных районах - перемежающаяся лихорадка, спазмы и чахотка, усугублявшиеся воздействием.^[811]

ЭПИДЕМИИ И ИХ РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Время от времени страну охватывали смертельные эпидемии, традиционные описания которых настолько перемешаны с баснями, что мы не можем составить никакого представления об их природе. Одним из самых фатальных и широко распространенных зарегистрированных был тот, который был вызван голодом, войной и гневом богов при распаде империи тольтеков.^[812] *матлазауатль* был мором, который, как говорят, по своим разрушительным последствиям полностью ограничивался местными жителями и который произвел большое опустошение даже после прихода испанцев. Некоторые считают, что в прежние времена она периодически поражала людей и была похожа по своей природе на желтую лихорадку. Пока ацтеки были заперты на своем родном острове, странная болезнь, состоящая в отеке век, за которым последовала жестокая дизентерия, закончившаяся смертью, или, как говорят другие, отеком горла и тела, поразила народы на материке, особенно тепанеков. Популярная традиция заключалась в том, что пары жареной рыбы и насекомые, доносившиеся с острова к берегу, вызывали сильную тоску по этой новой и для них недоступной пище, и что муки неудовлетворенного аппетита вызвали эпидемию.^[813] Икстлильшочитль рассказывает, что катаральная болезнь обрушилась на людей во время необычайно суровой зимы 1450 года и унесла большое количество жизней, особенно пожилых.^[814]

Пороки, привнесенные испанцами, их притеснение туземцев и вытекающее из этого пренебрежение древними правилами, касающимися чистоты и употребления спиртных напитков, подготовили почву для новых болезней. С испанцами пришли оспа, корь и, как некоторые полагают, сифилис. Говорят, что оспа была занесена негром с одного из кораблей Нарваэса и распространилась с ужасающей быстротой по всей стране, уничтожив целые семьи, которые умерли и не нашли других могил, кроме своих домов. Корь была завезена примерно десять или одиннадцать лет спустя также с испанских кораблей. Желтая лихорадка никогда в значительной степени не распространялась среди местных жителей.^[815] Относительно сифилитических заболеваний и их происхождения было много дискуссий. Первое появление этой болезни было приписано старому и новому свету, а также многим населенным пунктам в первом. Но, естественно, ни континент, ни какая-либо нация не пожелали смириться с так называемым бесчестьем, заключающимся в том, чтобы навлечь на мир эту отвратительную чуму. Обсуждение этой темы кажется невыгодным, и я не буду возобновлять его здесь. Свидетельства по этому вопросу, как мне кажется, доказывают, что сифилис существовал в Европе задолго до открытия Америки; но в традиционной истории народов науа также есть некоторые указания на то, что болезнь в некоторых ее формах не была неизвестна коренным американцам до их общения с иностранцами.^[816]

Привыкшие смотреть на смерть в ее самой ужасной форме в связи с часто повторяющимися религиозными праздниками, люди, похоже, стали несколько черствее к ее ужасному присутствию и встретили ее приближение с меньшим страхом перед темной и неизвестной загробной жизнью, чем можно было ожидать от их суеверной натуры. Приступ болезни не обязательно вызывал сильное беспокойство или немедленное обращение к услугам врача; но простые люди прибегали по большей части к простым домашним средствам лечения, которые были тем более эффективными, что целебные свойства трав и способы их применения были общеизвестны.^[817] Безразличие, с которым они относились к болезни, не было результатом недостатка привязанности, поскольку ацтеки, как говорят, были очень внимательны к своим больным и не скупились тратить свое богатство, чтобы спасти жизнь друзей. Однако Мотолиния сообщает, что тлашкальтеки, более выносливая раса, были менее внимательны, а некоторые другие племена тео-чичимеков без колебаний убивали пациента, чья болезнь не поддавалась их лечению, под предлогом избавления от страданий, но на самом деле для того, чтобы сбросить его с рук. Эта благотворительная работа совершалась путем вонзания стрелы в горло инвалида, и пожилые люди были особенно облагодетельствованы такими милостями.^[818]

Любимым средством почти от всех телесных недугов была паровая баня, или *темаскалли*. Ни один дом состоятельного горожанина не обходился без удобств для принятия этих ванн, и более бедные семьи каждой общины совместно владели одним или несколькими темаскалли. Читатель уже достаточно знаком с общими особенностями этих бань: требовалось лишь ограниченное пространство с оборудованием для преобразования воды в пар. Клавиджеро описывает и изображает очень изящное сооружение для этой цели, для которого, поскольку оно, по-видимому, связано с неизвестным тогда принципом арки, он, вероятно, в какой-то степени использовал свое воображение. Он сделан из брусьев, полушарообразной формы, около восьми футов в диаметре, шести футов высотой, с выпуклым дном немного ниже уровня земли. С одной стороны было отверстие, достаточно большое, чтобы в него могло пролезть человеческое тело, с противоположной стороны находилась квадратная печь, отделенная от внутренней части плитой из тецонтли, а наверху - отверстие для воздуха. Однако большинство бань представляли собой просто квадратные или продолговатые помещения без пристроенной печи, и в этом случае огонь, конечно, приходилось тушить до того, как квартира была готова к использованию. Когда аппарат должным образом нагревался, на пол расстилали циновку, и пациент входил, иногда в сопровождении ассистента, неся миску с водой, которую нужно было выплескивать на пол и стены для образования пара, и пучок маисовых листьев, которыми следовало избивать его тело, и особенно пораженную часть. К окупанию в холодную воду после обильного потоотделения прибегали часто, но не всегда. Как я уже говорил, почти не было болезней, при которых это лечение не было бы рекомендовано, но оно считалось особенно эффективным в случае лихорадки, вызванной переутомлением, укусами ядовитых змей и насекомых, ушибами и натянутыми нервами, а также для облегчения болей и очищения организма у детородных женщин. Паровые бани также широко использовались для поддержания чистоты и освежения уставших тел тех, кто был в добром здравии.^[819]

Благотворное влияние изменения климата на инвалидов, по-видимому, было оценено по достоинству, если мы можем отдать должное Эррере, который утверждает, что к Мичоакану часто прибегали больные со всех концов страны.^[820] Для тяжелых случаев, расходы на лечение которых могли нести только богатые классы, правительство учредило больницы во всех крупных городах, обеспеченные достаточными доходами, где за пациентами из окрестностей ухаживали опытные врачи, хирурги и медсестры, хорошо разбирающиеся во

всех местных искусства врачевания.^[821] Было много практикующих врачей, которые лечили пациентов за небольшое вознаграждение; однако ревность испанских врачей вскоре после завоевания принесла им дурную славу, и искусство врачевания, как и другие, сильно выродилось. Рассказывают, что известный знахарь из Мичоакана был вызван в коллегия врачей Мексики по обвинению в шарлатанстве. В ответ на обвинение он попросил своих судей понюхать определенную траву, которая вызвала сильное кровотечение, а затем предложил им проверить поток крови. Видя, что они не могут сделать это быстро, он ввел порошок, который немедленно возымел желаемый эффект. "Это мои достижения, - воскликнул он, - и это способ, которым я лечу недуги своих пациентов".^[822]

ЭСКУЛАП НАУА.

Эскулапы племени науа были воплощены в личностях Оксомокоципактонатля и Тлатекуинкшочикаоака, которые традиционно были изобретателями медицины и первыми травниками среди тольтеков. Вскоре после своего изобретения профессия целителя стала одной из самых почитаемых, и ее последователи составили постоянный факультет, передавая свои знания и практику из поколения в поколение, в соответствии с кастовой системой науа, согласно которой сын почти неизменно перенимал профессию своего отца, у которого он получил образование. Эта система образования с раннего детства под руководством отца, возможности для практики в государственных больницах, бесплатный доступ в ботанические сады и многочисленные предметы для анатомического вскрытия, предоставляемые в ходе ритуалов жертвоприношения, несомненно, предоставляли врачу науа широкие возможности для приобретения больших знаний и навыков. Эта профессия была не совсем в руках сильного пола, поскольку женщины-врачи пользовались высокой репутацией, особенно на восточном побережье. В некоторых случаях, начиная с родов, мы обнаруживаем, что пациентке оказывают помощь только женщины, которые вводят лекарства и ванны и оказывают другую необходимую помощь, доходя даже до того, что вырезают младенца, чтобы спасти жизнь матери.^[823]

Лекарства выдавались во всех обычных формах: настойки, порошки, инъекции, мази, пластырь и т.д.; материал для изготовления которых был собран в великом разнообразии в трех царствах природы. Многие травы, несомненно, были собраны в садах, но большие количества добывались в лесах разных провинций бродячими собирателями, которые приносили свои травы на рынки для продажи или даже, как говорят, распространяли их вразнос от дома к дому. У каждой болезни было свое особое средство от нее, знание о котором не было доверено только памяти, но также было записано в раскрашенных книгах.^[824] Несомненно, многие из использовавшихся растительных и других лекарств были просто ноздрями, которые вводили, чтобы составить возвышенное мнение о знаниях и мастерстве врача, а не с какой-либо надеждой на излечение.

ЛЕЧЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ.

Саагун приводит страницу за страницей местные рецепты от всех болезней человеческого организма, которые не могут быть воспроизведены здесь. Многие из этих средств и методов применения столь же абсурдны, как и любые из тех, которые были замечены среди диких

племен. При заболеваниях кожи головы назначались промывания мочой, мазь из сажи и аппликации черной глины, а также растительные добавки, которых было слишком много, чтобы упоминать. Яичный белок широко использовался при приготовлении лекарств от ран и ушибов; *тапаяксин* определенного животного употребляли в пищу при опухшем лице; бульон из вареной птицы рекомендовали выздоравливающим. При катаракте глаза растирали определенными кореньями; при налитых кровью глазах мембрану разрезали, приподнимали шипом и смазывали женским молоком; помутневшие глаза обрабатывали пометом ящерицы. Утренняя роса излечивала катар у новорожденных детей. Охриплость голоса лечили употреблением меда и наружным применением индийского каучука. Раны на губах необходимо зашивать волосом; среди средств от зубной боли были толченые насекомые и острый перец, и рекомендовался тщательный уход за зубами. Предполагалось, что заикание у детей вызывается слишком долгим сосанием. Средств от простуды было почти так же много, как и в наши дни. К бубонам прикладывали медные опилки, которые могли быть, а могли и не быть сифилитическими язвами. При слабости кишечника у младенцев это средство давали не только ребенку, но и кормилице. При сильном ударе в грудь необходимо выпить мочу, в которой варились ящерицы. Необходимость регулирования работы кишечника для поддержания здоровья была хорошо понята, и врач обычно достигал своей цели, вводя травяной отвар через рот через кость ноги цапли. Слабительными средствами, которые обычно использовались, были халап, сосновые шишки, *такуаче*, *амамакстла* и другие корни; мочегонными - *аксикспатли* и *аксикстлакотль*; рвотными - *мексочитль* и *нейскотлапатли*. *Истичпатли* и *чаталхуик* упоминаются среди средств от лихорадки. Бальзамы получали из *уицилокситля* путем дистилляции, из *уаконекса* путем замачивания коры в воде и из *марипенды* путем отваривания плодов и нежных косточек. Масла изготавливались из *тлапатля*, *чили*, *чиана*, *окотля* (разновидность сосны) и индийского каучукового дерева. *Октли*, или вино, часто назначали для укрепления организма, а также смешивали с другими лекарствами, чтобы сделать их более вкусными, для последней цели также широко использовали какао.

Несколько камней обладали лечебными свойствами: *ацтетль*, который держали в руке или прикладывали к шее, останавливал носовое кровотечение; *сюхтомолтетль*, принимаемый в виде порошка, излечивал изжогу и внутренний жар. Этот последний камень упал с облаков в штормовую погоду, погрузился в землю и становился все больше и больше, и только одинокий пучок травы указывал собирателю на его местонахождение. Кости гигантов, выкопанные у подножия гор, собирались их карликовыми преемниками, измельчались в порошок, смешивались с какао и употреблялись в качестве лекарства от диареи и дизентерии. Люди, страдающие лихорадкой или желающие утолить плотские желания, ели мясо ягуара; в то время как кожа, кости и экскременты того же животного, сожженные, растертые в порошок и смешанные со смолой, служили противоядием от безумия. Определенные черви с роговой оболочкой, измельченные таким же образом и смешанные, были специфическим средством от подагры, гнилых зубов и многих других недугов.

СУЕВЕРНЫЕ ЛЕЧЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Хирургия была не менее продвинутой, чем другие отрасли целительского искусства, и сам Кортес имел возможность отметить мастерство и скорость, с которыми они заживляли раны. Укусы змей, достаточно распространенные среди босоногих людей, излечивались путем отсасывания и скарификации раны, покрывая ее тонкой прозрачной пленкой из

растения магуэй. Растирание нюхательным табаком вместе с теплом было еще одним методом лечения, и *коаненепилли* и *коапатли* также считались противоядиями. Переломы лечили определенными травами и деснами, разными видами для разных конечностей, и накладывали шины; если заживление продвигалось неудовлетворительно, кость соскабливали перед операцией по вправлению. Для болезненных операций такого рода, возможно, применялись наркотики, поскольку во время некоторых жертвоприношений, как сообщается, жертв посыпали *порошкомяхтли*, чтобы сделать их менее чувствительными к боли. Мендьета утверждает, что в подобных случаях давали одурманивающий напиток; и Акоста упоминает, что *олилиуки* принимали люди, желавшие видеть видения. Это последнее было семенем, которое также входило в состав *теопатли*, или божественного лекарства, состоящего помимо индийской каучуковой камеди, смолы окотля, табака и священной воды. Это лекарство можно было получить только у священников. Кровопускание было широко распространено при различных заболеваниях, в качестве ланцетов использовались ножи истли, иглы дикобраза или шипы магуи. Бумаги, помеченные Улли, были сожжены выздоровевшим пациентом в качестве благодарственного подношения богам. Овьедо упоминает ветеринарных хирургов, которые работали в зоологических садах Монтесумы.^[825]

Лекарства, хотя и готовились и применялись самими врачами, считались недостаточными для пациента; суеверные церемонии считались необходимыми для излечения и повышения ценности профессиональных услуг. Нужно было изгнать злых существ и предметы, призвать богов, особенно божество-покровителя, известное в основном по имени Тетейонан, которого почитали изобретателем многих ценных веществ, таких как масло окотля и другие, и вымогали признания, чтобы облегчить совесть и умиловить оскорбленное божество. Пораженные части тела растирались и надавливались под бормотание и странные жесты, и, чтобы еще больше воздействовать на простодушного пациента, они притворялись, что извлекают кусок угля, кость, дерево или другой предмет, предполагаемую причину недуга. Излюбленным средством в некоторых падающих ниц случаях было лепить фигурку из кукурузного теста, которую клали на колючий лист магуэя и клали на дорогу, чтобы первый прохожий унес болезнь — благотворительная акция, которая, по-видимому, принесла большое облегчение страждущим. Каким бы абсурдным ни казалось это жонглерство, оно, без сомнения, дало мощный толчок воображению, что, должно быть, помогло действию лекарства. В критических случаях часто спрашивали о судьбе пострадавшего у случая. На землю бросали горсть самых крупных зерен или фасоли, и если какая-нибудь из них случайно падала вертикально, это считалось верным признаком того, что пациент умрет, и после этого ему уделялось мало внимания или вообще не уделялось никакого внимания; в противном случае не жалели рецептов и ободряющих слов. Иногда таким же образом бросали несколько веревочных колец, и если они падали кучей, ожидалась смерть; но если какое-нибудь из них разваливалось, ожидалась перемены к лучшему. Встреча со змеей или ящерицей считалась признаком смерти для самого человека или для его больного друга. Хотя, вероятно, ни один лечебный процесс в случае серьезной болезни не был полностью свободен от суеверных обрядов, все же удивительно, что они играли столь незначительную роль. Среди людей, столь пристрастившихся по каждому поводу к сложным церемониям, естественно, можно было бы искать самые сложные в их усилиях по борьбе с болезнями; но именно здесь, по-видимому, меньше всего полагались на сверхъестественные силы.^[826]

Ацтеки очень тщательно относились к захоронению своих умерших и проводили похоронные обряды с помпой, присущей всем их церемониям. Погребальные церемонии королей были особенно впечатляющими, и их описание, охватывающее почти все церемонии, используемые в подобных случаях этими народами, даст наиболее полное представление о происходящем.

Когда стало очевидным серьезное состояние монарха, на лицо бога-покровителя было наброшено покрывало^[827], которое должно было быть снято после его смерти, и всем дружественным принцам, вельможам и знати империи было разослано уведомление присутствовать на похоронах; те, кто не смог присутствовать лично, прислали представителей, чтобы передать свои соболезнования и подарки. Как только король испустил дух, были вызваны определенные церемониймейстеры, в основном старики, в обязанности которых входило присутствовать на этих мероприятиях и которые, несомненно, были связаны со священством,^[828] чтобы подготовить тело к похоронам. Труп омывали ароматической водой, добываемой главным образом из трилистника,^[829] и иногда прибегали к процессу бальзамирования. Внутренности были вынуты и заменены ароматическими веществами, но этот метод, по-видимому, не был очень полным и, возможно, предназначался только для того, чтобы служить, пока тело лежало в таком состоянии, поскольку останков забальзамированных мумий обнаружено не было. Однако это искусство было древним, как обычно, восходящим к тольтекам, но широко известным и практиковавшимся по всей стране. Любопытный способ сохранения тел был использован лордом Чалко, который захватил в плен двух тецукуканских принцев и, чтобы полюбоваться их ненавистными формами, приказал высушить их и разместить в качестве подсвечников в своем бальном зале.^[830] Когда прибыли приглашенные гости, тело было облачено во множество накидок, часто в количестве пятнадцати или двадцати, таких, какие король надевал в самых торжественных случаях, и, следовательно, богато расшитых и сверкающих драгоценными камнями.^[831] В то время как одни заворачивали тело, другие нарезали бумагу разных цветов на полосы различной формы и украсили ими труп. Затем ему на голову вылили воду со словами: "Это вода, которой ты пользовался в этом мире";^[832] и кувшин с водой поместили между саванами, священник сказал: "Это вода, с которой ты совершишь путешествие". Теперь покойному доставляли еще несколько бумаг пачками, и священник объяснял значение каждой из них, когда клал ее рядом с телом. Доставив первую связку, он сказал: "С ними ты должен пройти между двумя горами, которые противостоят друг другу". Вторая связка, как ему сказали, безопасно проведет его по дороге, охраняемой большой змеей; третья проведет его по месту, охраняемому аллигатором, *шочитоналом*; четвертая защитит и поможет ему пересечь "восемь пустынь"; другие бумаги облегчат переход через "восемь холмов", а третьи обеспечат защиту от пронизывающих ветров, называемых *итцехекайан*, которые были настолько сильны, что вырывали камни и резали, как бритвы; здесь одежда, похороненная вместе с ним, также окажет большую услугу. После этого маленькую рыжую собачку убили, вонзив ей стрелу в горло, а тело положили рядом с покойным с хлопчатобумажной веревкой на шее. Пес должен был исполнить роль Харона и перенести короля на спине через глубокий ручей под названием Чикунауапан, "девять вод",^[833] название, которое указывает на девять небес мексиканцев.

Таким образом, будет видно, что умершим предстоял трудный путь, прежде чем они добрались до своего будущего жилища, которое было на пятый день после погребения, и что они нуждались в предметах комфорта и первой необходимости, таких как еда, одежда и рабы, которыми их снабжали любящие друзья. Идеи, которых придерживаются науа относительно будущей жизни, относятся к другому разделу моей работы, и в этой главе они будут затронуты лишь случайно. После того, как покойный получил свои паспорта, его покрыли мантией, подобной мантии бога, которую его состояние и способ смерти сделали соответствующей, и украсили ее изображением. Поскольку большинство королей были воинами, он был одет в мантию Уицилопочтли и, кроме того, носил мантию своего любимого бога.^[834] Прядь волос была отрезана и помещена вместе с той, которая была срезана при его рождении, а также маленьких идолов в шкатулку, расписанную внутри и снаружи изображениями божества-покровителя. Описывается, что шкатулка, использовавшаяся для этой цели в случае с некоторыми королями чичимеков, была сделана из изумруда или другого прекрасного камня, площадью три квадратных фута и покрыта золотой крышкой, усыпанной драгоценными камнями. На лицо надевали маску, либо раскрашенную, либо из золотой, либо из бирюзовой мозаики,^[835] а между губ помещали халхиуит, который должен был служить вместо сердца. Согласно Тезозомоку и Дюрану, рядом с королем была установлена статуя, облаченная в королевские знаки отличия руками принцев. Руководители сената переодели ее в другие одежды, предварительно покрасив в синий цвет. Затем его удостоили обращений и подарков, и снова раздели, выкрасили в черный цвет и облачили в мантию Кецалькоатля; на голову ему надели гирлянду из перьев цапли, на тело - браслеты и украшения, сбоку - небольшой позолоченный щит, а в руке - посох. Эта фигура разделила почести, оказанные телу, и была сожжена вместе с ним.^[836]

КОРОЛЕВСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ ПОГРЕБЕНИЯ.

Облаченное тело либо клали на носилки, покрытые богатыми тканями, либо усаживали на трон под присмотром почетного караула, в то время как принцы и придворные приходили отдать последние почести.^[837] Они подходили с выражением сильного горя, рыдая, причитая, хлопая в ладоши, наклоняя тело или демонстрируя пренебрежение к личности, и обращались к покойному, упоминая о его теперешнем счастье, о потерях, причиненных его уходом, о его доброте и храбрости и просили его принять подарки, которые они принесли. Это представление разыгрывалось всеми, те, кто был выше рангом, брали верх и оставляли подношения в виде десяти рабов, сотни одежд и других вещей, в то время как другие приносили подарки меньшей ценности. Затем пришли женщины, и пока они расставляли свои угощения, престарелые придворные запели погребальную песнь, *миккакуикатль*. Были также адресованы соболезнования королевской семье или сенату. Человеческие жертвоприношения в это время начинались принесением в жертву раба-жреца, на попечении которого находились домашние идолы.^[838] На пятый день, перед рассветом, к храму собралась грандиозная процессия, перед которой несли огромное бумажное знамя длиной в четыре сажени, богато украшенное перьями, на котором, несомненно, были начертаны деяния усопшего, и которую сопровождали жрецы, воскуривавшие благовония и воспевавшие его славу, хотя и в скорбных тонах и без инструментального сопровождения.^[839] Тело покойного было погребено. его несли на государственных носилках самые доверенные из благородных слуг, в то время как по бокам шли главные лорды и принцы, одетые в траур, их одеяния состояли из длинных квадратных плащей темного цвета, волочащихся по земле, без каких-либо украшений; некоторые, однако, были разрисованы фигурами черепов,

костей и скелетов. За ними следовали послы отсутствующих принцев, вельможи и знать со всех концов страны, каждый из которых нес какие-либо знаки отличия, оружие или драгоценности для возложения на погребальный костер.^[840] В процессии также было большое количество рабов, все недавно облаченные в королевские ливреи,^[841] и несшие одежду, инструменты и другие предметы в соответствии с возложенными на них обязанностями. Достигнув внутреннего двора храма, священник, руководивший сожжением, вышел встретить процессию и проводил ее к алтарю, предназначенному для кремации, при этом все пели нравоучительную песню, в которой напоминали скорбящим, что раз они сейчас несут бесчувственное тело к месту его последнего упокоения, то и их понесут; они также напомнили им, что только добрые дела сохраняют память о них зеленой, и представили славу, уготованную достойным. Этих священников называли *coacuiles*, и их должность считалась настолько важной, что они готовились к ней постом и исповедью. Они появились в тех же одеждах идолов, что и мертвый король, хотя и с более замысловатыми украшениями. В одном случае мы находим их в виде демонов с лицами в разных частях одежды, с зеркальными глазами и разинутыми ртами; а в другом - с почерневшими или раскрашенными телами и бумажными макетли, размахивающих желтыми палочками, используемыми для размешивания пепла. Согласно Икстлильшочитлю, верховный жрец Чиуакоатля, который должен был собирать мертвых, вышел встретить процессию.^[842]

КРЕМАЦИЯ И ПОГРЕБЕНИЕ.

Мнения относительно введения кремации чрезвычайно разнообразны, но, по-видимому, она практиковалась в очень древние времена мигрирующими племенами, которые прибегали к этому средству, чтобы уберечь останки почитаемых вождей от осквернения; таким образом, их прах можно было носить с собой и он служил талисманами. Икстлильшочитль приводит пример этого в случае с королем чичимеков, который погиб в битве и чье тело было сожжено, чтобы прах можно было с удобством и безопасностью отнести домой. Брассер де Бурбур также считает, что кремация была древним обычаем тольтеков, но первый зарегистрированный случай связан с последним королем тольтеков Топильцином.^[843] Другие утверждают, что тольтеки, оставшиеся в стране после разрушения их империи, придерживались погребения, как и ранние чичимеки. Вейтия утверждает, что Икстлильшочитль или Тезозомок был первым, который был захоронен в соответствии с формами, установленными Топильцином и используемыми мексиканцами, а именно сожжением; Торквемада четко заявляет, что чичимеки использовали кремацию, и Клавиджеро соглашается с ним.^[844] Вейтия также считает, что первые короли ацтеков были похоронены, но это противоречит всем другим достоверным сообщениям. Возможно, этот обычай был не очень распространенным, поскольку Саагун утверждает, что во время правления Ицкоатля вожди решили, что все они должны быть сожжены, указывая в то же время, что кремация тогда уже использовалась. Позже установившимся обычаем было сжигать всех, кроме тех, кто умер насильственной смертью или от неизлечимых болезней, и тех, кому не исполнилось семнадцати лет, которые все были преданы земле. Тлашкальтеки и тараски практиковали сжигание, как ацтеки.^[845]

Алтарь, предназначенный для сожжения, несомненно, был пристроен к храму, посвященному божеству, в обитель которого должен был отправиться умерший. Чавес описывает его как три фута в высоту и столько же в ширину,^[846] на котором была навалена куча окотля. На этот погребальный костер тело было положено в полном снаряжении

вместе с собакой, и, когда огонь разгорелся, скорбящие добавили знаки отличия, драгоценности, оружие, еду и другие подношения. Двое демоноподобных кукольников помешивали огонь, в то время как другие стояли, распевая соответствующие песни и окропляя благословенной водой и благовониями останки, а также скорбящих. Теперь началось жертвоприношение тех, кто был обречен последовать за умершим в мир иной и там исполнять его желания и получать удовольствие. Сначала их было немного, но во время кровавого владычества ацтеков они увеличились до нескольких сотен, как на похоронах Несауальпилли, когда были принесены в жертву двести мужчин и сто женщин; они состояли в основном из рабов и уродливых существ из королевской свиты, а также тех, кто был представлен. Дюран говорит, что все рабы и уроды, принадлежавшие к дому, были убиты, а Акоста заходит так далеко, что утверждает, что была уничтожена вся королевская семья, включая любимого брата короля; но это следует принимать с некоторой поправкой, поскольку при таких темпах дворяне, которые состояли на службе у монарха, даже на низших должностях, вскоре были бы истреблены. От некоторых придворных, без сомнения, ожидали, что они докажут искренность своего пожизненного преклонения, либо предложив себя в качестве жертв, либо подчинившись выбору, сделанному из их числа. Иногда вождь выражал свое предпочтение тем из своих наложниц, которых он хотел бы видеть рядом с собой, знак благосклонности, который часто принимался с большой радостью, поскольку таким образом они были уверены в том, что попадут на высшие небеса, куда обычно отправлялись воинственные владыки, в то время как в противном случае они могли быть обречены на темный Миктлан. Самосожжение жен не было, соответственно, редкостью, хотя и не предписывалось законом, как в Индии. Брассер говорит, что пленники приносились в жертву, но Дюран утверждает, что их приносили в жертву только богам. Лица, родившиеся в последние пять дней года — несчастливые дни — были, однако, зарезервированы для королевских похорон.^[847]

ЗАХОРОНЕНИЕ ОСТАНКОВ.

С речью к этим жертвам обратился родственник покойного, который рассказал им о счастье, которое их ожидает, когда им будет позволено присоединиться к своему хозяину, и призвал их служить ему в загробном мире так же верно, как они служили здесь. Затем они были переданы священникам, которые положили их на тепонацтли,^[848] вскрыли грудь и вырвали сердце, которое бросили на погребальный костер, в то время как тела бросили в другой пылающий очаг поблизости.^[849] Гомара и другие утверждают, что тела были преданы земле, но поскольку собака и имущество были сожжены, маловероятно, что были похоронены более важные и полезные слуги-люди.^[850]

Когда тело было тщательно сожжено, огонь гасили, для этой цели, по словам Дюрана, использовалась кровь, собранная у жертв, а пепел, сбрызнутый святой водой, помещали вместе с обугленными костями, камнями и расплавленными драгоценностями в урну, или шкатулку, в которой также находились волосы покойного. Поверх всего этого была установлена статуя из дерева или камня, облаченная в королевские одеяния, с маской и знаками отличия, а ларец был положен к ногам божества-покровителя в часовне.^[851] По возвращении процессии для гостей был устроен грандиозный банкет, закончившийся, как обычно, вручением подарков. В течение четырех дней скорбящие постоянно посещали святилище, чтобы выразить свою скорбь и принести в жертву еду, одежду или драгоценности, называемые *китоналтия*, "приносящие удачу". Они помещались либо в

урну, либо на алтарь бога, и убирались священниками, которые съедали пищу и отправляли ценности в сокровищницу храма. Эти церемонии завершались принесением в жертву десяти-пятнадцати рабов, а затем гроб помещался в ту часть храма, которая была предназначена для его постоянного хранения.^[852] У чичимеков царский ларец часто сорок дней оставался на виду во дворце, откуда его процессией несли к месту его последнего упокоения.^[853]

ГРОБНИЦЫ НАУА.

В случаях погребения умерший помещался в могилу, восседая на троне в полном облачении, лицом к северу,^[854] со своим имуществом и жертвами вокруг него. В ранние времена, когда практика погребения была более распространенной, жертв было немного, если не обходились без них совсем, и обычно они состояли из двух любимых наложниц, помещенных по обе стороны от своего господина, которые, как говорят, были погребены заживо, хотя более вероятно, что их одурманили наркотическими напитками или избили дубинками, как в Мичоакане. Эта практика погребения заживо приписывается толтекам.^[855] Могилы обычно представляли собой большие подземные хранилища из камня и извести, расположенные во дворе храма, дворца или в каком-нибудь любимом месте недалеко от города, например, в Чапультепеке. Рассказывают, что храмовая пирамида в Мексике была надстройкой над царскими захоронениями, останки были помещены на вершину, а преемник короны воздвиг на этой другой платформе. Разрушая храм, испанцы обнаружили несколько склепов, расположенных один под другим, с ценным содержимым - драгоценностями.^[856] Толтеки также хоронили своих умерших в храмах и рядом с ними, и, по мнению некоторых авторов, курганы в Теотиуакане числом в несколько сотен, которые будут описаны в томе IV этой работы, являются могилами вождей толтеков.^[857] Королей чичимеков обычно хоронили в круглых ямах глубиной от пяти до шести футов, расположенных в пещерах под дворцом. или в горах; однако в более поздние времена они выбирали храмы.^[858]

Через двадцать дней после погребения были совершены дальнейшие жертвоприношения, в том числе от четырех до пяти рабов; на сороковой день умерли еще двое или трое; на шестидесятый - один или двое; в то время как окончательное принесение в жертву десяти-двенадцати рабов состоялось по истечении восьмидесяти дней и положило конец трауру. Мотилиния добавляет, однако, что свидетельства скорби, сопровождаемые подношениями, продолжали совершаться каждые восьмидесятый день в течение года.^[859]

ПЛЕБЕЙСКИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.

Церемонии погребения подданных были, конечно, гораздо менее грандиозными, хотя богатые и знатные люди осмеливались демонстрировать определенную помпезность. Простой человек, после омовения в ароматных водах, надевал свои лучшие одежды; дешевый камень, называемый *тентетль*, "камень для рта", вставлялся между губами; ему вручались паспортные документы для темного путешествия с обычным адресом; и рядом с ним помещались вода, собака, знаки отличия его профессии, такие как оружие, лопата или тому подобное — веретено или метла в случае женщины — с платьями и другими вещами,

необходимыми для комфорта. Наконец, на него была надета мантия бога, которую его жизненное положение и способ смерти делали подходящей; так, воин носил мантию Уицилопочтли с изображением бога войны на ней; купец - мантию Иякатекутли; ремесленник - мантию божества-покровителя своего ремесла. Пьяница, кроме того, был бы покрыт одеянием бога вина; человек, утонувший, - одеянием богов воды; человек, казненный за супружескую измену, - одеянием бога похоти; и так далее.^[860] Согласно Зуазо, труп дополнительно украшали перьями различных цветов и усаживали в кресло, чтобы принять выражения скорби и уважения друзей и их скромные подношения цветов, еды или одежды. Через пару часов второй комплект саванов снял одежду, снова обмыл тело, переодел его в красную мантию с перьями того же цвета и оставил для осмотра на час или больше, в зависимости от количества посетителей. В третий раз тело было омыто новым отрядом слуг и облачено, на этот раз, в черные одежды с перьями того же мрачного цвета. Эти костюмы были либо переданы храму, либо похоронены вместе с телом.^[861] Дворяне несли большое знамя в своей процессии, и, похоже, им разрешалось приносить жертвы.^[862] Согласно Чавесу, простых людей также сжигали в их собственных помещениях или в лесу, утверждение, которое Акоста и другие косвенно подтверждают, говоря, что у них не было обычных мест захоронения, но их прах был захоронен во дворах их домов, во дворах храмов, в горах или в поле. На могилы были возложены флаги, украшения и различные подношения в виде еды в течение четырех дней траура. Однако визиты соболезнования с сопровождающими застольями растянулись на несколько дней.^[863] Людей, умерших насильственной смертью, от удара молнии или других естественных причин, или от неизлечимых болезней, таких как проказа, опухоли, зуд, подагра или водянка, не сжигали, а хоронили в специальных могилах. К их щекам прикладывали ветки или побеги амаранта, лоб натирали *тексутли*, на мозг накладывали определенные бумаги, а в одну руку вкладывали деревянный стержень, который, как предполагалось, должен был позеленеть и выбрасывать ветки в потусторонний мир. Тела женщин, умерших при родах, также были похоронены; и погребение сопровождалось большими трудностями, поскольку воины и колдуны храбро сражались, чтобы завладеть какой-нибудь частью ее тела, как было сказано в предыдущей главе.^[864]

Торговец ранга почтека, умерший в пути, был одет в одежду своего класса: глаза выкрашены черной краской, вокруг рта красные круги, а все лицо обмотано полосками бумаги. Затем тело помещали в какаштли, или квадратную корзину, хорошо закрепленную веревками, и относили на вершину горы, где привязывали к дереву или шесту, вбитому в землю, и оставляли засыхать. Предполагалось, что дух проник в обитель солнца.^[865] По возвращении каравана о смерти сообщили в гильдию, которая сообщила новость семье покойного. Куклу, сделанную из свечного дерева и украшенную обычными бумажными украшениями, оставили в храме на день, в течение которого друзья оплакивали ее так, как будто тело действительно находилось перед ними. В полночь куклу сожгли в куауксикалько, а пепел захоронили обычным способом. Траурные церемонии проводились в течение четырех дней, после чего родственники омыли лица, которые остались нетронутыми водой во время отсутствия торговца, и положили конец трауру. Практика воздания почестей чучелу умерших была особенно популярна среди класса воинов.^[866]

Помимо погребальных почестей отдельным лицам, часто проводились церемонии в честь всех тех, кто погиб в битве или на войне, например, по приказу первого Монтесумы в память о погибших в кампании против Чалко. Процессия из всех родственников и друзей погибших, возглавляемая отцами, несущими украшенное оружие и доспехи, и замыкаемая детьми, прошла по улицам, танцуя и распевая скорбные песни в честь тех, кто пал, сражаясь за свою страну и своих богов, и для взаимного утешения друг друга. Ближе к вечеру королевские чиновники раздали подарки: одежду простым людям, украшения вождям и еду всем. Затем было изготовлено изображение, детали одежды и убранства которого подробно описаны, и перед ним, помещенным в *чиуакалли*, пели военные песни, играли на музыкальных инструментах, женщины танцевали и плакали в течение четырех дней; затем изображение было сожжено перед храмом, церемония получила название *quitlepanquetzin*, "сжигание погибших в последней войне". Часть пепла была развеяна среди родственников, которые постились восемьдесят дней, а оставшийся пепел тем временем был захоронен; но по прошествии восьмидесяти дней его сожгли. выкопали и отнесли на холм Яхуалиукан, на границе Чалко, где их и оставили. Пять дней спустя состоялся пир, во время которого были сожжены одежды погибших воинов, были сделаны новые подношения, и в качестве последнего почтения памяти усопших все опьянели пульке. Очень выдающиеся воины иногда удостоивались погребальных обрядов королевской семьи.^[867]

Церемонии в период траура были не последними почестями, оказанными умершим друзьям. Каждый год в течение четырех лет, в течение которых души должны были жить в подготовительном состоянии на небесах,^[868] перед гробом или на могиле ставились подношения из отборных яств, вина, цветов и тростниковых благовоний; исполнялись песни, восхваляющие заслуги усопших, сопровождавшиеся танцами, и все завершалось пиршеством и выпивкой. После этого мертвые были преданы забвению.^[869] Эти празднования проводились в месяцы Тлакочимако и Хокотлхуэцин. Первый назывался "малым праздником мертвых" и, по-видимому, был посвящен простым людям и детям, но на праздновании в последнем месяце все наблюдали за большими демонстрациями; и некоторым королевским особам и воинам, погибшим за свою страну, были оказаны божественные почести, их статуи были установлены среди статуй богов, к которым они пришли. Пока священники воскуривали благовоения и совершали другие подношения умершим, люди стояли с почерневшими телами на крышах своих домов и, повернувшись лицом на север, молились своим умершим родственникам, призывая их посетить свои бывшие дома.^[870]

В месяце Кечолли состоялось еще одно празднование, которое, по-видимому, предназначалось главным образом для воинов, погибших в битве. На пятый день несколько маленьких стрел длиной от пяти до девяти дюймов и факелов были связаны в связки по четыре штуки в каждой и положены на могилы вместе с парой сладких тамале. На закате свертки были преданы огню, а пепел предан земле вместе с умершими. Щит мертвеца с прикрепленными к нему стрелой, мантией и макстли впоследствии был прикреплен к стеблю кукурузы из девяти сочленений, скрепленному двумя бумажными флажками, один из которых достигал длины стебля. На маленьком флажке был изображен крест, вышитый красной нитью, а на другом - орнамент из красной и белой нитей, к белой части которого была подвешена мертвая колибри. Пучки белых *перьевацтатля*, связанные попарно, также были прикреплены к стеблю нитью, покрытой белыми куриными перьями. Это было сожжено в куаухсикалько.^[871]

Среди народов, чьи похоронные церемонии отличаются от описанных, можно упомянуть тео-чичимеков, которые хоронили своих умерших и несколько дней после этого танцевали и пели.^[872] В Табаско погребение, по-видимому, также преобладало, поскольку Грихальва нашел могилу в песке, в которой лежали мальчик и девочка, завернутые в хлопчатобумажную ткань и украшенные драгоценностями.^[873] В Гоазакоалько был обычай класть кости в корзину, как только сойдет плоть, и вешать их на дереве, чтобы у духа умершего не возникло проблем с их поиском.^[874]

КРЕМАЦИЯ ТАРАСКСКИХ КОРОЛЕЙ.

В Мичоакане похоронные обряды носили очень строгий характер. Когда король лежал на смертном одре, все вассалы и придворные были обязаны присутствовать во дворце, а те, кто оставался в стороне, подвергались суровому наказанию. В ожидании последнего вздоха их по-королевски развлекали, но никто не мог войти в комнату смерти. Когда труп был готов к погребению, вошли лорды, чтобы облачить его в праздничные одежды, каждый уделяя внимание определенной части наряда; изумрудная брошь была вложена между губами, и тело было положено на носилки, покрытые тканями разных цветов. На одной стороне тела были прикреплены лук и колчан, на другой - кукла, сшитая из прекрасных мантий и одетая точь-в-точь как король.^[875] Пока придворные причитали и выражали свое почтение, новый король приступил к отбору тех из слуг, которые, согласно незыблемому закону страны, были обречены следовать за умершим принцем. Семеро из них были знатными женщинами, на которых были возложены различные обязанности; одной было поручено носить драгоценное украшение для губ, другой хранить остальные драгоценности, третьей быть виночерпием, а остальным прислуживать за столом и готовить. Среди жертв мужского пола, которые, по-видимому, по большей части были рабами, были представлены все профессии,^[876] в качестве камердинеров, парикмахеров, парфюмеров, держателей вееров, носильщиков стульев, дровосеков, лодочников, подметальщиков, привратников и ремесленников; также клоуны и некоторые врачи, которым не удалось спасти жизнь монарха. Время от времени какой-нибудь энтузиаст предлагал присоединиться к своему любимому хозяину по собственной воле, но это, по-видимому, было запрещено; кроме того, новый король, несомненно, отобрал всех, кто был ему неприятен, и не мог позволить себе терять хороших слуг. В полночь носилки на плечах знатных людей были перенесены в храм, за ними следовали вассалы, воины и придворные, одни трубили в трубы, другие воспевали славу умершим. В авангарде процессии шли жертвы, которых искупали в ароматической воде и украсили гирляндами, с которых сняли листья и ветки, и с желтыми полосами на лице, которые маршировали вереницами, свистя в свистульки, гремя костями и отбивая удары в черепаховые барабаны. Процессию сопровождали факельщики, а впереди шло несколько мужчин, которые подметали дорогу, одновременно распевая: "Господи, здесь тебе предстоит пройти, смотри, не сбейся с дороги!"^[877] Вокруг погребального костра было сделано четыре оборота, прежде чем на него положили тело. Пока разгоралось пламя и с уст скорбящих срывались похоронные песнопения, жертв одурманивали напитками и били дубинками; тела бросали в ямы за храмом, по трое или по четверо, вместе с украшениями и другими вещами умерших. Пепел и ценности были собраны с дымящегося костра и превращены в фигуру, облаченную в царские одеяния, с маской на лице, золотым щитом за спиной, луками и стрелами по бокам; это было установлено на троне лицом к востоку, все

это было помещено в большую урну, которая была установлена на ложе из золотых щитов и серебряных изделий в могиле с каменными стенами, выстланной циновками, площадью около двенадцати квадратных футов и такой же глубины, расположенной у подножия храма. Урна была покрыта множеством ценных накидок, а вокруг нее были разложены различные орудия труда, еда, питье, и коробки, наполненные перьями и украшениями; наконец, могила была перекрыта лакированными балками и досками и покрыта слоем земли и глины. После похорон все, кто принимал активное участие в церемониях, отправились искупаться, чтобы не допустить нанесения какого-либо ущерба своему здоровью,^[878] а затем собрались во дворце, чтобы принять участие в роскошной трапезе. По окончании банкета каждому гостю выдали хлопчатобумажную салфетку, чтобы вытереть лицо, но все пять дней сидели с опущенными головами, не произнося ни слова, за исключением вельмож, которые по очереди ходили ночью дежурить и оплакивать могилу. В этот период траур был всеобщим, кукурузу не мололи, костры не разжигали, делами не занимались; улицы были пустынные, и все оставались по домам, скорбя и постясь. Погребальные обряды народа в целом напоминали описанные выше, церемонии регулировались рангом и средствами умершего. Могилы обычно располагались в полях или на склоне холма.^[879]

ГРОБНИЦЫ В ОАХАКЕ.

У мизтеков, в Оахаке, где кремация, по-видимому, не проводилась, труп вождя делались комплименты и обращения, как если бы он был живым. Раб, одетый в те же великолепные одежды, что носил его хозяин, с маской, митрой и другими знаками отличия, был поставлен перед ним; и пока похоронная процессия сопровождала тело к погребению, он представлял вождя и принимал почести, полагающиеся членам королевской семьи. В полночь четыре священника отнесли тело в лес, где в присутствии скорбящих оно было помещено в пещеру ногами на восток и окружено различным оружием и инвентарем. Два раба мужского пола и три рабыни женского пола, которых тем временем напоили и задушили, также были помещены в могилу вместе с идолами, служившими проводниками. Местные жители рассказали Бургоа, что преданные слуги обычно следовали за своим господином живыми в могилу. По возвращении похоронного кортежа раб, представлявший покойного, был принесен в жертву и помещен в яму, которая осталась незакрытой. Пещера, выбранная для могилы вождя, должна была стать воротами в рай. Бургоа обнаружил два таких места упокоения. Одно располагалось на холме и освещалось сверху бойницами. По бокам стояли каменные скамьи, похожие на корыта, на которых лежали украшенные драгоценными камнями скелеты, а кое-где виднелись ниши, занятые идолами. Другой представлял собой каменный склеп с оштукатуренными стенами, устроенный так же, как первый; вход закрывал каменный блок.^[880] Некоторые авторы утверждают, что когда мясо было съедено, кости были извлечены и помещены в могилы в домах или храмах; это, однако, могло относиться только к определенным вождям, поскольку Бургоа находил скелеты, как мы видели, в пещерах, которые он исследовал. Каждый год, в годовщину рождения последнего покойного лорда, а не в годовщину его смерти, в его честь проводились грандиозные церемонии.^[881] Как и ацтеки, они верили, что душа странствует в течение ряда лет, прежде чем войти в совершенное блаженство, и раз в год навещает своих друзей на земле.^[882] Накануне этого дня дом был подготовлен как для праздничного мероприятия, на столе было разложено большое количество отборной еды, и обитатели выходили с факелами в руках, призывая духов. войдите. Затем они вернулись и присели на корточки вокруг стола,

скрестив руки и опустив глаза в землю, поскольку считалось, что духи будут оскорблены, если на них будут смотреть. В таком положении они оставались до утра, моля своих невидимых посетителей заступиться за богов в их пользу, а затем встали, радуясь тому, что проявили должное уважение к усопшим. Пища, которую, как предполагалось, духи сделали священной, вдохнув ее целебные свойства, была роздана беднякам или оставлена в каком-нибудь укромном месте. В течение дня в храмах совершались дальнейшие церемонии, сопровождавшиеся подношениями, и для священников накрывался стол.^[883]

ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.

Науа были физически прекрасной расой. Все древние авторы описывают их как высоких,^[884] хорошо сложенных, оливкового или светло-медного цвета; как имеющих густые, черные, жесткие, хотя и мягкие и блестящие волосы, правильные зубы, низкие, узкие, отступающие лбы,^[885] черные глаза, редкие бороды,^[886] и очень мало волос на их телах. Их чувства были очень острыми, особенно зрение, которым они наслаждались без изменений до самого преклонного возраста.^[887] Свои тела они поддерживали в форме постоянными упражнениями. Они были замечательными бегунами и прыгунами, и, как мы видели, некоторые из их спортивных и акробатических трюков рассматривались завоевателями не иначе как происки дьявола. Не было ничего необычного в том, чтобы встретиться с людьми, которых по цвету кожи с трудом можно было отличить от европейцев. Жители Мичоакана пользуются репутацией самых высоких и красивых среди науа.^[888] Женщины Халиско пользовались большим расположением в глазах преподобного отца Торквемады. По его словам, там ему показали женщину, которую можно было бы счесть чудом красоты; действительно, у нее была такая светлая кожа, такое пропорциональное тело и такие правильные черты лица, что самый искусный портретист постарался бы отдать ей должное.^[889] Уродливые люди были большой редкостью; действительно, как мы видели, их редкость делала их ценными объектами любопытства, и короли и принцы собирали их коллекции.^[890]

ХАРАКТЕР НАУА.

Характер науа, хотя утверждения лучших авторов относительно него почти единодушны, сам по себе странно противоречив. Нам говорят, что они были чрезвычайно бережливы в своих привычках, что богатство их не привлекало, и все же мы находим, что они торговали самым хитрым и осторожным образом, наслаждаясь великолепными зрелищами, великолепными нарядами и богатыми доспехами и растрачивая свое состояние на дорогостоящие пиры; они были нежны и добры к своим детям и заботились об их благополучии, однако наказания, которым они подвергали своих отпрысков, были крайне жестоки;^[891] они были мягки со своими рабами и свирепы со своими пленниками; они были веселой расой, любили веселиться. Они пировали, танцевали, шутили и устраивали невинные развлечения, но при этом получали удовольствие от человеческих

жертвоприношений и были каннибалами; они обладали высокоразвитой цивилизацией, но на каждое действие в их жизни влияли грубые суеверия, религия, невообразимо темная и кровавая, и совершенно лишенная какой-либо искупительной черты; они были храбрыми воинами и ужасны на войне, но при этом раболепны и покорны своим начальникам; у них было сильное воображение и, в некоторых случаях, хороший вкус, тем не менее, они представляли своих богов чудовищами, а их религиозные мифы и исторические легенды абсурдны, отвратительны и ребячество.

То, что науа были самым изобретательным народом, убедительно доказывается их работой, а также заявлениями тех, кто их знал. Было сказано, что они не отличались изобретательностью, но Клавиджери это с негодованием отрицает.^[892] Несомненно, что их способность к подражанию была очень велика,^[893] и что они очень быстро освоили новые искусства, привнесенные среди них испанцами.^[894] Они были щедры и удивительно свободны от скупости.^[895] Говорят, что они были очень умеренны в своих привычках,^[896] но, судя по огромному количеству блюд, подаваемых на столы богатых, и строгим законам, которые были необходимы для предотвращения пьянства, это кажется сомнительным. Хотя они были ужасны для своих врагов и от природы воинственны, они были миролюбивы между собой и редко ссорились. Лас Касас говорит, что, когда между двумя из них возникало затруднение, спорщики не сразу переходили к драке, а довольствовались такими личными оскорблениями, как: "Иди, у тебя плохие глаза; у тебя беззубый"; или они бросали пригоршни грязи в лицо друг другу, а затем расходились и умывались. В редких случаях они толкали друг друга локтями или даже устраивали потасовки, в ходе которых вырывали волосы, рвали одежду и разбивали носы, но смертоносное оружие никогда не применялось и даже не носили, кроме солдат при исполнении служебных обязанностей. Тот же автор сообщает, что две женщины были казнены по приказу короля Тецкоко за драку на рыночной площади, что явилось вопиющим нарушением общественной порядочности, о подобном которому никогда раньше не слышали. Далее он говорит, что когда двое молодых людей влюблялись в одну и ту же женщину или когда один увозил любовницу другого, соперникам разрешалось драться на дуэли за обладание женщиной. Однако сражения не было до тех пор, пока армия не отправилась на войну, когда после первого сражения они искали друг друга и сражались своим оружием, пока один из них не был побежден.^[897] Они, кажется, были очень строги и ревнивы во всем, что касалось их женщин.^[898]

Тлашкальтеки были большими любителями свободы и всегда были готовы бороться за нее; кроме того, они были склонны обижаться, в остальном же, как говорят, они отличались миролюбивым домашним нравом, довольствовались тем, что оставались дома и слушали истории в своих семьях или рассказывали их сами, что было их большим развлечением. Далее их описывают как правдивых, справедливых, бережливых и трудолюбивых.^[899]

Сообщается, что чолультеки, столь известные своей керамикой, были очень миролюбивыми, трудолюбивыми и проникательными торговцами, но при этом храбрыми и способными защищать свои права.^[900] Сапотеки были свирепым народом, постоянно воевавшим со своими соседями.^[901] Эррера говорит, что мизтеки были самыми храбрыми людьми во всей Новой Испании; тот же автор утверждает, что они были ленивы и расточительны, в то время как Эспиноза говорит о них как о трудолюбивой расе.^[902] Об уроженцах Вера-Крус говорят как о приветливых и проникательных.^[903] Жители Халиско были остроумны и ленивы, но, по словам Эрреры, охотно несли ношу для испанцев.^[904] Тараско были чрезвычайно доблестными, великими лжецами и трудолюбивыми.^[905]

ГЛАВА XX.

ПРАВИТЕЛЬСТВО, СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ, СОБСТВЕННОСТЬ И ЗАКОНЫ НАРОДОВ МАЙЯ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ—ИМПЕРИЯ ВОТАНА—ПРАВЛЕНИЕ ЗАМНЫ—КОРОЛЕВСКИЕ СЕМЬИ ЮКАТАНА; КОКОМЕС, ТУТУЛЬ КСИУС, ИЦА И ЧЕЛЕС—ТИТУЛЫ И ПОРЯДОК НАСЛЕДОВАНИЯ—КЛАССЫ ЗНАТИ—ИМПЕРИЯ КИЧЕ-КАКЧИКЕЛЬ В ГВАТЕМАЛЕ—АХАУ АХПОП И НАСЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТОЛА—ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ КЛАССЫ—ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОВИНЦИЙ—КОРОЛЕВСКИЙ СОВЕТ—ЧЬЯПАНЕКИ—ПИПИЛЕС—НАРОДЫ НИКАРАГУА—ЖРЕЧЕСТВО МАЙЯ—КЛАССЫ ПЛЕБЕЕВ—РАБЫ—ВЛАДЕНИЕ ЗЕМЛЯМИ—НАСЛЕДОВАНИЕ СОБСТВЕННОСТИ—НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ—ДОЛЖНИКИ И КРЕДИТОРЫ—ЗАКОНЫ И ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ.

Мои доводы в пользу разделения цивилизованных народов нашей территории на две группы, науа и майя, институты которых описаны отдельно, были изложены в "Общем взгляде", которому была посвящена предыдущая глава. В том же месте был дан общий обзор наций, составляющих каждую группу, и их взаимных отношений,^[906] который может служить введением к остальной части этого тома. Поэтому без дальнейших предварительных замечаний я могу сразу перейти к предмету этого второго раздела моей темы, описанию институтов майя или манер и обычаев цивилизованных народов, родина которых находилась к югу от Техуантепекского перешейка. Из сказанного читателю будет очевидно, что этот отчет должен быть не только намного более кратким, но и менее полным и удовлетворительным, чем у народов науа. Как мы видели, об ацтеках и родственных им народах, живущих на озерах Мексиканской долины, сохранилось большое количество информации; следовательно, я смог, рассматривая северные народы, взять эти народы долины за ядро, добавив в соответствующих местах те фрагменты знаний, которые сохранились о племенах за пределами Анахуака. О юге мы располагаем лишь отрывочными сведениями; здесь нет ядра, вокруг которого можно было бы их сгруппировать; следовательно, содержание следующих глав будет очень похоже по своей природе на то, каким было бы содержание предыдущих, если бы я взялся описывать тарасков, тотонаков, сапотеков и т.д. Без ацтеков. В этой части моего предмета я буду следовать, насколько это возможно, тому же порядку, что и в предыдущей, объединив, однако, в одной главе темы, ранее рассмотренные в нескольких. Я также включу в это подразделение цивилизованные нации Никарагуа, хотя по крайней мере одна из них была по крови и языку науа. Во времена славы древних майя, когда Вотан и его преемники правили могущественными и, возможно, объединенными империями в Чьяпасе, Гватемале и Юкатане, короли играли в значительной степени мифические роли, поскольку традиция изображала их сочетающими характер и полномочия законодателей, учителей, первосвященников и монархов. Детали системы, с помощью которой они правили, совершенно отсутствуют,^[907] но после длительного периода процветания это правительство в Гватемале и Чьяпасе ослабело и, наконец, практически уничтожено; страна была разделена между мелкими вождями, о правлении которых

известно еще меньше, чем об их предшественниках, но которые, что не маловероятно, основывали свои формы власти на идеях, переданных от Вотана. Из этих правительственных реликвий в последующие годы, при новых и, возможно, иностранных лидерах, возникли империи киче и Какчикель, о правлении которых известны некоторые подробности, поскольку эти нации вступили в прямой контакт с испанцами во время завоевания. Оставив пока эти народы, я сначала расскажу о другой ветви первобытной империи майя.

ИМПЕРИЯ МАЙЯ ВОТАНА.

Юкатан традиционно получил свою культуру от Замны, который приехал из-за границы, правил майя на протяжении долгой жизни и оставил трон в наследство своим преемникам. Он, несомненно, был сподвижником или потомком Вотана и основал учреждения, аналогичные тем, что были в западных королевствах, откуда он прибыл. Правительство и институты, созданные на Юкатане, постигла в определенной степени та же участь, что и в Чьяпасе; то есть страна была окончательно разделена гражданскими войнами на множество мелких независимых суверенитетов; но это разделение произошло гораздо позже, чем в западной империи Вотана, — незадолго до испанского завоевания, — и правление независимых вождей в значительной степени соответствовало правлению их предков, многие из которых утверждали, что принадлежат к королевской семье, основанной Замной. Следовательно, сохранились некоторые обрывки информации о форме правления, а также о других институтах на Юкатане; и из них мы можем составить слабое представление о более ранних институтах Гватемалы и Чьяпаса.

Замна, как и Вотан, объединил в себе качества правителя, законодателя, просветителя и священника; он основал город Майяпан и разделил всю страну между главами ведущих семей, которые пришли с ним, сделав их вассалами короля, которого он оставил на троне в Майяпане. Дворяне королевской семьи были, конечно, самыми высокопоставленными, это была семья, которая, возможно, позже была известна как Кокомы и просуществовала до прихода испанцев. Каждый из вассальных князей должен был жить в столице в течение определенной части каждого года; и Брассер де Бурбур, следуя Ордоньесу, считает, что майяпан, возможно, заключил конфедерацию с Тулой и Паленке в Чьяпасе.^[908]

КОРОЛЕВСКИЕ СЕМЬИ ЮКАТАНА.

Другая королевская семья, Тутул Сиус, возникла позже и стала очень могущественной как союзники и вассалы короля, правившего в Майяпане; и еще одна семья, Ица, создала сильное правительство теократического характера в Чичен-Ице. Затем пришел Кукулкан с некоторыми новыми религиозными учениями — знаменитый персонаж, имеющий поразительное сходство в своей традиционной карьере и в этимологии своего имени с Кецалькоатлем из племени науа. Будучи, наконец, призван на трон в Майяпане, он сформировал конфедерацию, сделав принцев Тутуль Ксиуса и Ица своими единомышленниками-монархами, номинально подчиненными по рангу, но практически независимыми, за исключением тех случаев, когда требовалась взаимная помощь. Кукулкан оставил трон Кокомам, семеро из которых правили в период большого процветания, причем

преемственность переходила от отца к сыну примерно до одиннадцатого века. Впоследствии кокомы, ставшие тираническими, были свергнуты со своего высокого положения, Майяпан разрушен, и создана новая конфедерация с Тутул Ксиус во главе, Ушмаль был первой их столицей, Ица - второй, а челес - третьей в Изамале. Правление Тутуль Сю было не менее славным, чем правление Кокомов. Они отстроили Майяпан и снова сделали его столицей, но несчастный город снова был разграблен, на этот раз иностранцами — возможно, киче — в тринадцатом веке; и окончательно был разрушен в середине пятнадцатого века вассалами королевства, которые восстали, свергли династию Тутуль Сю, получили полную независимость и управляли каждой своей маленькой провинцией с суверенной властью. Таково было их состояние, когда пришли испанцы, но до этого из-за гражданской войны, а также из-за голода и эпидемий, как гласит традиция, власть правителей и население страны значительно уменьшились, и древняя слава майя ушла навсегда. Незадолго до окончательного разрушения монархии часть ица покинула Чичен и мигрировала на юг, чтобы основать небольшое, но могущественное государство на территории нынешней провинции Петен, политически принадлежащей Гватемале. Наши небольшие знания об институтах майя на полуострове почерпнуты из традиционных отчетов о королевстве при Тутуль Ксиусе и из скудных наблюдений испанцев в шестнадцатом веке.

Высшим титулом короля Майяпана был Ахтепал, что на языке майя означает "Величественный" или "Августейший". Его власть была абсолютной, но он редко действовал в важных вопросах, не посоветовавшись со своими вельможами, и, в соответствии с их советами и советами первосвященников, он назначал всех должностных лиц, светских и религиозных, в королевстве, обладая, кроме того, правом организовывать все суды и приговаривать к смерти любого из своих подданных. Наследование престола было ограничено королевской семьей, мужской линией и сыновьями знатных жен; старший сын, по-видимому, был признанным наследником престола, и Ланда говорит нам, что если король умирал в детстве своего наследника, то его старший или наиболее способный брат правил не только во время несовершеннолетия сына, но и всю его собственную жизнь; и в случае отсутствия братьев священники и знать выбирали подходящего человека для правления.^[909] Один автор говорит о короле как о человеке, имеющем право назначать совет, который должен назвать его преемника, и Ремесал упоминает, что в провинции Кампече женщина, происходившая по прямой линии наследования, получала высокие почести, но государством управлял самый способный из ее родственников мужского пола.^[910]

ПРИДВОРНЫЙ ЭТИКЕТ НА ЮКАТАНЕ.

Всякий раз, когда король появлялся на публике, его всегда сопровождала большая компания, и он был одет в длинную белую ниспадающую мантию, украшенную золотыми украшениями и драгоценными камнями, браслеты, великолепный воротник и золотые сандалии. Его корона представляла собой простой золотой круг, несколько более широкий на лбу, чем сзади, и увенчанный плюмажем из перьев кетцала. Эта птица была зарезервирована для короля и высшей знати, а смертная казнь, по словам Ордоньеса, была наказанием для человека более низкого ранга, который должен был поймать птицу или носить ее оперение. Монарха несли на плечах его вельможи, он полулежал в паланкине, укрытом балдахином из перьев, и его постоянно обмахивали слуги высокого ранга. Любой человек, оказавшийся в присутствии короля или другого высокопоставленного чиновника,

должен был принести какой-нибудь подарок, соответствующий его средствам, и Эррера сообщает нам, что высшим знаком уважения было положить правую руку, смазанную слюной, на землю, а затем потереть ею сердце. Виллагутьерре упоминает без описания что-то вроде небольшого трона у ица и утверждает, что король этого южного королевства носил титул канек, по имени лидера их миграции. Наши единственные знания о королевских дворцах Юкатана почерпнуты из их осмотра, когда они были более или менее разрушены, современными исследователями; следовательно, я отсылаю читателя к главе о зданиях майя для общего описания этих грандиозных каменных сооружений и к другому тому этого труда для подробного описания с иллюстративными таблицами.

Дворянство высшего класса принадлежало к членам королевских семей - Кокомам, Тутул Ксиус, Челес и Ица, то есть к представителям крови самого правящего короля, естественно занимающим самый высокий ранг. Ахау был обычным титулом принцев, а Халах Виникель, "самые величественные люди", был высоким титулом среди Тутул Ксиу. Из числа упомянутых дворян королевских семей были выбраны губернаторы провинций и все высшие должностные лица. Номинально их должности находились в распоряжении короля, но практически они передавались по наследству таким же образом, как и королевская власть, король вмешивался в новые назначения только в исключительных случаях. Эти правители были почти абсолютны в вопросах, касающихся их собственных провинций, и требовали больших почестей, церемониального присутствия и безоговорочного повиновения от всех своих подданных; но в вопросах совершения преступлений они не были освобождены от наказания по закону и были обязаны часть каждого года проживать в столице, оказывать личную услугу монарху и принимать участие в верховном совете, которым он руководил в управлении государственными делами. Однако они были освобождены от всякой дани, за исключением личной службы, и жили за счет выделенных им участков общественного достояния. Коголлудо рассказывает нам, что от знати Майяпана также требовалось совершать определенные службы в храмах и помогать на религиозных праздниках. Они имели исключительное право не только на управление провинциями, но и на командование армиями.

Дворяне низшего сословия с титулом Батаб управляли городами, деревнями или другими подразделениями провинций. Они не были королевской крови или, по крайней мере, были связаны с царствующей семьей только по женской линии. Их положение также было практически наследственным, хотя наследник не мог принять свой унаследованный ранг без королевской санкции. Ни один государственный чиновник не получал никакой зарплаты, но они были обязаны содержать себя, а также бедных и инвалидов из своих соответствующих общин за счет продуктов своих унаследованных поместий.^[911]

ИМПЕРИИ КИЧЕ-ЧАККИКЕЛЬ.

Самыми могущественными королевствами Гватемалы на момент прихода испанцев были королевство Киче, столицей которого была Гумаркаа, или Утатлан, недалеко от места современного Санта-Крус-дель-Киче; и королевство Какчикель, столица Исимче, или Патамит, недалеко от Текпан-Гватемалы. Эти две нации были независимы и враждебны друг другу в шестнадцатом веке, но они были объединены в единую империю во времена величайшей славы Гватемалы, их разделение произошло всего около столетия назад, и их институты были практически идентичны, хотя в более отдаленном прошлом они были

традиционно разными племенами. То же самое замечание можно сделать в отношении институтов других наций Гватемалы, которые были полностью или частично независимы от упомянутых выше держав. Все державы аборигенов сильно ослабли в результате войн друг с другом, и их взаимная ненависть сделала возможным их поражение от чужеземцев, как это было при завоевании народов науа дальше на север.

Нет никаких сомнений в том, что народы киче-какчикель были прямыми потомками подданных Вотана, но линия традиционной истории, объединяющая две империи, нарушена во многих местах, и ее невозможно удовлетворительно проследить. Есть свидетельства также иностранного, главным образом науа, влияния на формирование институтов киче, оказанного до или после эпохи тольтеков в Анахуаке, вероятно, в оба периода. Традиционная история империи киче за три или четыре столетия до Завоевания почти полностью основывается на рукописях, написанных на местных языках с использованием латинского алфавита, с которыми ознакомился только один современный автор. Я не буду пытаться углубляться в лабиринт этого сложного повествования о войнах и политических переменах, тем более что общая природа институтов киче, похоже, не претерпела заметных изменений в результате описываемых событий.

Аристократическая монархия, похожая почти во всех чертах на ту, что я описал на Юкатане, по-видимому, с самого начала была основой правления киче. Все высокие должности, судебные, военные или священнические, передавались по наследству и принадлежали только знатным семьям, которые прослеживали свою генеалогию далеко назад, в мифические анналы народов. Границы между благородной и плебейской кровью были четко очерчены. Дворяне были практически независимы и обладали превосходством в своих провинциях, но были обязаны монарху данью, верностью и военной помощью. Во времена наивысшего процветания и славы Гватемалы, когда король Кикаб со своего трона в Утатлане правил всей страной, монарх, если мы можем доверять традиционному рассказу, предпринял попытку уменьшить власть знати, передав военное командование и другие высокие должности наиболее способным людям плебейской крови. Так был создан новый класс знати, называемый Ахихаб. Эта вновь дарованная власть, действующая на фоне отчуждения старой наследственной знати, стала слишком велика, чтобы ее мог сдерживать монарх, который ее создал. Ахихабиты стали амбициозными и непокорными; в конце концов они были свергнуты, но косвенным результатом их махинаций стал распад империи на несколько государств.

НАСЛЕДОВАНИЕ ТРОНА КИЧЕ.

Соблюдая порядок наследования трона Киче, Торквемада и Хуаррос заявляют, что брат короля был избранным королем и прямым наследником престола; старший сын короля был старшим капитаном и следующим наследником; а двоюродный брат последнего, племянник короля, был младшим капитаном и третьим наследником. Когда король умер, каждый наследник получил повышение на одну ступень, а вакантную должность младшего капитана занял ближайший родственник — *чей* ближайший родственник авторы не называют. Кто бы ни был возведен на вакантную должность, вся система как обычный порядок наследования была бы явным абсурдом. Брассер де Бурбур соглашается с цитируемыми авторами и присваивает королю, избранному и двум капитанам титулы Ахау Ахпоп, Ахау Ахпоп Камха, Ним Чокох Кавек и Ахау Ах Тохил соответственно; но когда

последняя должность осталась вакантной из-за смерти короля, аббат сообщает нам, что "она была присвоена старшему сыну нового монарха", то есть тому же человеку, который занимал ее раньше! Падре Хименес, возможно, подразумевает, что корона переходила от брата к брату и от младшего брата к племяннику, который был сыном старшего брата. У меня нет авторитетных источников, с помощью которых я мог бы пролить свет на этот запутанный предмет; однако очевидно, что если последняя упомянутая система, идентичная той, которая распространена среди некоторых народов науа, неверна, то об этом вопросе вообще ничего не известно.^[912]

Все авторитетные источники утверждают, что эта замечательная система наследования была создана для предотвращения перехода власти в руки молодых и неопытных людей; и что некомпетентный человек по прямой линии не мог наследовать трон, но сохранял на протяжении всей своей жизни звание, в котором он родился. Неясно, каким образом определялась компетенция наследника, но представляется вероятным, что этот вопрос был урегулирован правящим королем по совету его совета принцев. Детям короля от его первой жены отдавалось предпочтение перед остальными, хотя все они получали высокие почести. В Рабинале Ахау, или правящий принц, регулярно избирался знатью из королевской семьи, но не обязательно был сыном или братом последнего правителя. У Чакчикелей наследование престола чередовалось между двумя королевскими семьями. Королевский титул был Ахпозоцил; следующий наследник от другой ветви носил титул Ахпоксахил; их старшие сыновья, старший из которых стал Ахпоксахилом после смерти короля, носили титулы Ахпоп Камахай и Галель Ксахил. Низшими титулами были Галель Камахай, Ацих Винак и Ахучан Сахил, носители которых унаследовали трон в отсутствие ближайших наследников. Следует заметить, что этот план наследования лишь немногим яснее того, который приписывается Киче.^[913]

КОРОНАЦИЯ В ГВАТЕМАЛЕ.

Церемонии коронации в королевстве Рабиналь и, насколько можно судить, в других королевствах Гватемалы состояли из собрания всей знати в столице — каждый был обязан присутствовать или прислать представителя, — вручения подарков и комплиментов новому королю, поздравительной речи и советов, адресованных ему одним из старейшин, и, наконец, великолепного пира, который длился несколько дней и обычно перерастал в пьяную оргию. Киче и Какчикели также искупали нового короля и умастили его тело благовониями, прежде чем усадить его на трон, который представлял собой сиденье, не описанное, расположенное на ковре или циновке и увенчанное четырьмя балдахинами из перьев, расположенными один над другим, самый большой наверху; сиденья трех нижних принцев, уже упомянутых, также были затенены балдахинами, тремя, двумя и одним соответственно. Всякий раз, когда монарх появлялся на публике, его несли в паланкине на плечах знати, составлявшей его совет.^[914]

Правительственный аппарат в провинциях осуществлялся назначенными королем помощниками, а монарх консультировался по всем государственным вопросам советом знати. Хуаррос рассказывает нам, что высший совет киче состоял из двадцати четырех вельмож, которые пользовались большими привилегиями и почестями, лично посещали короля и руководили отправлением правосудия и сбором королевских доходов, но подлежали суровому наказанию, если совершали преступления. Брассер де Бурбур говорит о

верховном совете, называя имена князей, входивших в его состав, а также об обычном совете, члены которого назывались *alchaoh*, или "судьи", и им был поручен сбор дани. Другие авторитетные источники, Торквемада и Хименес, заявляют, что советы не были постоянными, но были созваны королем и отобраны за их особую пригодность давать советы по рассматриваемому вопросу. У лейтенантов были также свои провинциальные советы, которые консультировали их по вопросам местного значения, но все дела национального значения или каким-либо образом затрагивающие дворян высокого ранга, передавались в королевский совет. Власть знати, собравшейся на совет, была настолько велика, что они могли при определенных условиях свергнуть тиранического монарха и посадить на трон следующего наследника. Никто, кроме лиц благородной крови, не мог занимать какую бы то ни было должность, даже привратника в палате совета, если мы можем отдать должное Хуарросу; следовательно, были предприняты величайшие усилия, чтобы обеспечить родословную, свободную от какого-либо плебейского пятна. Дворянин, женившийся на женщине из простого народа, понижался в ее звании, брал ее имя, а его поместье переходило к короне. Хименес утверждает, что путешествующие чиновники время от времени посещали различные провинции, чтобы наблюдать за действиями обычных судей и исправлять злоупотребления.^[915]

ДВОРЯНСТВО КИЧЕ.

Ниже приводится отчет аббата Брассера о степенях знати, взятый из рукописи Киче, опубликованной под названием "Пополь Вух": "Три основные семьи, имеющие общее происхождение, составляли высшую знать Киче по образцу древней императорской семьи тольтеков. Первым и самым знаменитым был дом Кавек, члены которого составляли собственно королевскую семью; вторым был дом Нихаиб; и третьим дом Ахау Киче. Каждый из этих домов имел свои титулы и обязанности, совершенно четкие и фиксированные, которые никогда не покидали его, подобно наследственным конторам английского двора в настоящее время; и к каждой из этих контор были прикреплены феодалы, или особые владения, из которых титулярии получали свой доход, их слуги и их вассалы, а также дворец, где они жили во время своего пребывания в столице. Дом Кавек, или собственно королевский дом, включал только принцев крови, как и старшая ветвь Бурбонов во Франции. Оно состояло из девяти *китайских* владений, названия которых соответствовали названиям дворцов, занимаемых этими князьями в столице, и чьи титулы были следующими: Ахау Ахпоп, или "повелитель принцев", титул короля, почти соответствующий "царю царей", дворец которого назывался *куха*; II. Ахау Ахпоп Камха, или "повелитель принцев и сенешаль" (*камха*, тот, кто заботится о доме, мажордом), которого испанцы называли вторым королем, и чей дворец назывался *цикинаха*, или "птичий дом"; III. Ним Чокох Кавек, или "великий избранник Кавека"; IV. Ахау Ах Тохил, или "повелитель слуг Тохила", жрецов Тохила, главного бога киче; V. Ахау Ах Гукумац, или "повелитель слуг Гукумаца" (жрецы Кецалькоатля); VI. Пополь Винак Читуй, или президент советников; VII. Лолмет Кеней, главный получатель королевской дани, или министр финансов; VIII. Пополь Винак Пахом Цалац Ксаксеба, или "великий магистр зала совета игры в мяч"; IX. Тепеу Яки, "вождь или владыка племени яки" (тольтеки, или мексиканцы).

У дома Нихаиб, второго по рангу, также было девять китайских домов с названиями, соответствующими их дворцам, и следующими титулами: I. Ахау Галель, "повелитель браслетов", или тех, кто имеет право их носить, и глава дома Нихаиб; II. Ахау Ахцик Винак, "повелитель тех, кто дает", или тех, кто делал подарки (особенно послам, которых он представлял); III. Ахау Галел Камха, "повелитель браслетов и сенешаль"; IV. Нима Камха, "великий сенешаль"; V. Учуч Камха, "мать сенешалей"; VI. Нима Камха Нихаиб, "великий сенешаль Нихаиба"; VII. Ним Чокох Нихаиб, "великий избранник Нихаиба"; VIII. Ахау Авиликс, "повелитель Авиликса" (один из богов троицы Киче); IX. Якол Атам, "великий распорядитель праздников".

В третьем доме, доме Ахау Киче, было только четыре китайских дома со следующими титулами: I. Ахцик Винак Ахау, "великий повелитель дарителей"; II. Лолмет Ахау, "великий получатель"; III. Ним Чокох Ахау, "великий избранный лорд"; IV. Ахау Гагавиц, "повелитель Гагавиц" (один из богов троицы Киче)".^[916]

ПИПИЛЫ И НИКАРАГУАНЦЫ.

Что касается чьяпанеков, которые обычно не считаются потомками народов, населявших страну во времена Вотана, у нас нет никаких сведений об их правлении, за исключением, вероятно, необоснованного заявления Гарсии о том, что ими правили два вождя, избираемых каждый год священниками, и никогда не было короля.^[917] Пипилы в Сальвадоре, хотя традиционно относятся к частично цивилизованным нациям, по-видимому, управлялись в шестнадцатом веке только местными вождями, как и большинство уже описанных диких племен. Однако эти вожди передавали свою власть своим сыновьям или ближайшим родственникам. Паласио говорит нам, что регулирование браков и выращивание сельскохозяйственных культур входило в обязанности правителя. Сквайр приходит к выводу, что все эти мелкие вожди были более или менее политически связаны и действовали сообща в вопросах, затрагивающих общие интересы.^[918]

Никарагуа, когда ее впервые посетили европейцы, была разделена на множество провинций, населенных несколькими народами, лингвистически отличными друг от друга, по крайней мере, один из них говорил на языке ацтеков; но что касается их правительства и других институтов, то очень скудная информация, сохранившаяся в Овьедо, позволяет нам практически не проводить различий между разными племенами. Нам рассказывают, что во многих провинциях люди жили общинами или маленькими республиками, управляемыми определенными *хьюэ*, или "стариками", которые избирались народом. Эти выборные правители сами избирали генерал-капитана для руководства своими армиями во время войны, и этого чиновника они без колебаний предавали смерти, когда он проявлял какие-либо симптомы неподчинения или приобретал власть над армией, которая казалась опасной для общественного блага. В других, и, вероятно, в большинстве провинций, вождь, или *тейте*, управлял народом своих владений во многом с теми же полномочиями и привилегиями, что мы заметили на Юкатане и в Гватемале. У этих тейтов были свои мелкие вассалы и лорды, которые исполняли их приказы и сопровождали их на публичных показах, но, похоже, они не могли требовать строго личных услуг в своих дворцах ни от кого, кроме членов своей собственной семьи. Петр Мученик говорит о "троне, украшенном богатой и княжеской мебелью". Эти правители изображали великое государство и настаивали на строгом соблюдении придворного этикета. Они не получали никаких сообщений, какими бы

неотложными ни были обстоятельства, иначе как через регулярно назначаемых должностных лиц; и один из них во время беседы с испанцами не снизошел бы до того, чтобы открыть свои королевские уста перед вождем, пока между ним и его иностранными слушателями не опустился бы занавес. Несколько раз они встречали испанцев в процессии мужчин и женщин, весело разодетых во все свои наряды, маршировавших под звуки раковинных труб и несших в руках подарки для захватчиков. Но даже в провинциях, номинально управляемых тейтами, вся законодательная власть находилась в руках совета под названием *монексико*, состоящего из стариков, которые избирались каждые четыре луны. Без согласия монексико вождь не мог предпринимать никаких действий по какому бы то ни было общественному вопросу, даже во время войны. Совет мог принять решение против тейта, но он имел право собирать или распускать его и присутствовать на всех его заседаниях. Решения монексико объявлялись на рыночной площади глашатаем, чьим служебным знаком была погремушка. Лорды также, отправляя посла или гонца по какому-либо государственному делу, дарили ему веер, с которым ему безоговорочно доверяли, куда бы он ни отправился. Два члена совета были выбраны в качестве исполнительных должностных лиц, и один из них должен был всегда присутствовать на рыночной площади, чтобы регулировать все сделки покупателей и продавцов. Сквайер говорит, что здания муниципалитета назывались *grepons*, а его коридоры или портики *galpons*; Овьедо в одном месте называет здания *galpones*, а в другом применяет это название к классу вассальных вождей.^[919]

ЖРЕЧЕСТВО МАЙЯ.

Здесь требуется упомянуть только о жречестве как связанном с правительством, как о сословии знати, как о классе общества: в качестве собственно жрецов, религиозных учителей, оракулов богов, руководителей церемониальных обрядов, исповедников и жертвенников о них будет рассказано в другом месте. Их светская власть, осуществляемая прямо или косвенно через их влияние на королей и вождей, была, возможно, даже больше, чем мы обнаружили у народов науа. Вотан, Замна, Кукулкан и все другие полумифические основатели цивилизации майя сочетали в себе качества верховного жреца и короля, и с их времен до прихода испанцев церковная и светская власть шли рука об руку. На Юкатане Ица в Чичене в прежние времена управлялись теократическим правительством, а позже верховный жрец империи из королевской семьи Челес стал королем Изамала, который стал священным городом и штаб-квартирой духовных сановников. Гигантские курганы, которые до сих пор можно увидеть в Изамале, традиционно являются гробницами как королей, так и священников. Должность верховного жреца была наследственной, наследование осуществлялось от отца к сыну — поскольку священникам и даже девственницам — весталкам разрешалось вступать в брак, - но, по-видимому, регулировалось мнением королей и знати, а также церковных советов. Царь постоянно обращался к первосвященнику за советом в государственных делах и, в свою очередь, дарил богатые подарки главе церкви; безопасность храмов также была доверена высшим должностным лицам государства. Звание Икснакан Катун, или высшей из весталок, было учреждено принцессой королевской крови.

В Гватемале первосвященники, которые руководили храмами троицы Киче, Тохилом, Авиликсом и Гукумацем, все были принцами трех королевских семей; их титулы указаны в списках знати Киче; и говорят, что один из самых могущественных королей учредил два

священнических титула для семьи Закик, к каждому из которых он присоединил провинцию для ее поддержки. Хименес рассказывает нам, что в Вера-Пас главный священник, следующий по власти после короля, был избран народом из определенного рода. Расположенный в провинции Чикимула Миктлан описывается как крупный религиозный центр и святыня, которую часто посещают паломники. Здесь власть находилась в руках жреческой иерархии, наследуемой в одной семье, глава которой носил титул Теоти и пользовался поддержкой церковного совета из пяти членов, который контролировал все духовенство, и из числа которого преемник теоти назначался главой пипилей или, как утверждают некоторые авторитетные источники, выбирался по жребию.

Таким образом, мы видим, что, хотя жречество имело огромную власть даже над высшими светскими правителями у всех народов майя, система, согласно которой первосвященники были членами королевских семей, делала их власть поддержкой королевской власти, а не причиной страха. Следовательно, страх, который цари испытывали по отношению к священникам, по-видимому, был исключительно суеверным из-за их сверхъестественных способностей, а не ревнивым страхом перед каким-либо возможным соперничеством. Обычные священники назначались высшими властями церкви, но ограничивался ли выбор определенными семьями, нам не сообщается. Однако вполне вероятно, что так было в странах, где низшие светские чиновники должны были быть благородных кровей.^[920]

ПЛЕБЕИ И РАБЫ.

На юге, как и на севере, статус низших классов, или плебеев, не привлекал внимания испанских наблюдателей. Мы знаем, что на Юкатане дворяне были обязаны поддерживать из своих доходов тех представителей низших классов, которые из-за болезни, старости или по другой нетрудоспособной причине не могли добыть средства к существованию. Было также замечено, что никто из представителей плебейской крови не мог занимать никаких должностей, единственным отмеченным исключением была попытка одного из королей Киче унижить аристократию, возведя солдат-плебеев в новое звание Ахихаб, "мужчины" или "герои". Низшие классы свободных людей, несомненно, были по большей части фермерами, каждый обрабатывал отведенный ему участок земли во владениях знати; и помимо обязанности платить определенный налог с продукта своего труда и нести военную службу в случае необходимости, они, вероятно, были независимы и часто богаты.^[921]

На самом низком уровне среди майя, как и везде в Америке, были рабы. Рабство было институтом всех народов в шестнадцатом веке и оставалось традиционным на протяжении нескольких столетий. На Юкатане традиция говорит о времени, когда рабство было неизвестно; его введение могущественным королем Кокоме было одним из актов угнетения, которые вызвали революцию и свергли его с трона. Говорят, что во время правления Тутул Ксиуса рабство было отменено, но должно было — если действительно традиция не совсем беспочвенна — быть вновь введено в еще более поздний период.^[922] В летописях других народов майя, по-видимому, не упоминается время, когда не содержались рабы. Этот несчастный класс состоял в основном из военнопленных или тех, чьи родители были таковыми; это состояние передавалось по наследству, но, по крайней мере, на Юкатане дети имели право искупить свою вину, поселившись на незанятых землях и став плательщиками дани. Иностранцы рабы также ввозились в страну для продажи; и Кортес говорит об Акалане, городе в Гватемале, как о месте, где велась обширная торговля

людьми.^[923] В Никарагуа отец мог продать себя или своих детей в рабство, когда на него сильно давила необходимость; но в таких случаях он, по-видимому, имел право выкупа.^[924] В Никарагуа и на Юкатане вор был порабощен владельцем украденного имущества до тех пор, пока он не выплатит его стоимость; его можно было даже продать другим лицам, но это было невозможно. добавляется, что он мог быть выкуплен в Никарагуа только с согласия касика. На Юкатане, если раб умирал или убегал вскоре после продажи, покупатель имел право получить обратно часть уплаченной цены.^[925]

ОБРАЩЕНИЕ С РАБАМИ.

Похищение людей, по словам Лас Касаса, было обычным делом в Гватемале, но законы против этого преступления были очень суровыми. Тот, кто продавал свободного туземца в рабство, был забит до смерти дубинками, его собственные жена и дети были проданы, и большая часть полученной цены пошла на пополнение государственной казны.^[926] Пиментель приходит к выводу, что на Юкатане с рабами обращались более сурово, чем в Мексике; Гомара и Эррера утверждают, что тому, кто убил раба в Никарагуа, не было назначено никакого наказания; но на Юкатане убийца чужого раба должен был выплатить полную стоимость уничтоженного имущества, а также подлежал наказанию, если убитый раб был его собственным. В Гватемале, если свободный человек вступал в половую связь с рабыней другого человека, он должен был выплатить владельцу ее полную стоимость или купить для него другую рабыню равной ценности; но если женщина была любимицей владельца, штраф, хотя и остававшийся денежным, был значительно увеличен. В провинции Вера-Пас, как утверждает Лас Касас, если рабы совершали прелюбодеяние с женщинами своего положения, обе стороны были убиты, проломив им головы между двумя камнями, или палкой, вонзенной в горло, или гарротой; мужчину, однако, иногда продавали для жертвоприношения. У пипилей свободный человек, сожительствующий с рабыней, сам попадал в рабство, если только первосвященник не прощал его за услуги, оказанные на войне. На Юкатане, как прямо указано, и, вероятно, в других местах, хозяину разрешалось использовать своих рабынь в качестве наложниц, но отпрыски от такой связи не могли наследовать. Томас Гейдж рассказывает нам о городе в Гватемале, все жители которого в старину были рабами и служили народу Амаститлана посыльными. Единственными упомянутыми отличительными знаками рабов были стрижка волос на Юкатане и следы измельченного соснового угля, называемого *черепицей*, в Никарагуа.^[927]

Что касается владения земельной собственностью у народов майя, то немногочисленная сохранившаяся информация относится в основном к Юкатану. Вся страна, как мы видели, была разделена на множество владений, или феодалов, различной протяженности, которыми управляли дворяне, или лорды, разного ранга. Хотя при короле каждый лорд обладал почти абсолютной властью над своими владениями, все же он, по-видимому, ни в каком смысле не считался владельцем земель или не имел права продавать или каким-либо образом отчуждать их. Определенная часть этих земель была выделена для поддержки лорда и обрабатывалась его народом совместно; остальная часть земли, по-видимому, была разделена между людьми, причем первый житель считался в определенном смысле ее владельцем и передавал ее по наследству из поколения в поколение, но не имел права продавать ее, а также был обязан вносить определенную часть произведенной продукции

хозяину домена. Коголлудо и Ланда говорят о земле как об общей собственности, однако под этим они, вероятно, подразумевают не то, что какой-либо человек имел право вторгаться на возделываемые поля другого, а просто то, что незанятые земли могли быть присвоены кем угодно для целей возделывания. Дичь, рыба и солончаки также были бесплатными для всех, но охотник, рыбак или солевар должен был платить дань лордам и королю. В Никарагуа земля не могла быть продана, и если владелец желал сменить место жительства, он должен был оставить все свое имущество родственникам, поскольку вывезти ничего было нельзя.^[928]

НАСЛЕДОВАНИЕ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ.

После смерти человека его имущество на Юкатане делилось между его сыновьями поровну, за исключением того, что сын, который помогал своему отцу получить это имущество, мог получить больше, чем остальные. Дочери ничего не унаследовали и получили только то, что могло быть дано братьями из добрых побуждений. При отсутствии сыновей наследство переходило к братьям или ближайшим родственникам мужского пола. Несовершеннолетние наследники были доверены наставникам, которые управляли поместьем, и от этого получали вознаграждение за свои услуги. По словам Овьедо, имущество в Никарагуа наследовали дети, но если детей не было, оно переходило к родственникам как отца, так и матери. Сквайер утверждает, что в последнем случае все личное имущество было похоронено вместе с покойным.^[929]

Налоги и дань, выплачиваемые народом для поддержки королей и знати, состояли из продуктов всех различных отраслей промышленности. Торговец вносил свой вклад за счет товаров, которыми он торговал; фермер - за счет продуктов почвы, главным образом кукурузы и какао; охотник и рыбак - за счет дичи, добытой в лесах и ручьях. Хлопчатобумажная одежда, копал, перья, шкуры, домашняя птица, соль, мед и золотой песок составляли большую часть дани, и в списках также упоминаются рабы. Личный труд при обработке земель лордов и снабжении их домашних дровами и водой также был важным элементом налогообложения в провинциях. Были назначены должностные лица для оценки и сбора налогов со всех подданных. На Юкатане дань короля и местных лордов хранилась отдельно и обслуживалась разными чиновниками; но в Гватемале подразумевается, что все налоги собирались вместе, а затем распределялись между королем и несколькими классами знати в соответствии с их рангом. В древние времена те, кто жил в Майяпане, были освобождены от всех налогов. В Никарагуа, как нам говорят, тейт не получал никакой дани или налогов вообще от своих подданных, но в случае войны или другого события, связанного с чрезвычайными расходами, совет определял необходимую сумму доходов и выбирал по жребию одного из них для их оценки и сбора. Налогообложение среди майя, по-видимому, не было репрессивным, и попытка вымогательства чрезмерной дани во многом способствовала свержению власти кокоме в двенадцатом веке.^[930]

Продажа имущества или другой контракт были легализованы на Юкатане сторонами, расписывающими спиртное при свидетелях. Строгого выполнения всех контрактов требовал как закон, так и общественные настроения. Наследники и родственники несли ответственность или, по крайней мере, принимали на себя ответственность за долги; и часто оплачивали, как это делали лорды провинции, денежное взыскание, понесенное

каким-нибудь бедняком, особенно если преступление было совершено непроизвольно или без злого умысла.^[931]

ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ.

Отправление правосудия и исполнение законов были среди майя, возложенных на должностных лиц, которые были упомянуты в том, что было сказано о правительстве. Серьезные преступления или другие важные вопросы, затрагивающие интересы короля, государства или высших чинов знати, передавались непосредственно на рассмотрение королевского совета под председательством монарха. Королевские наместники, или лорды королевской крови, правившие провинциями, разбирали более важные дела, представляющие провинциальный интерес; в то время как мелкие местные вопросы решались подчиненными судьями, один из которых назначался в каждой деревне. Но даже в случае с местными судьями в каждом случае запрашивалась консультация совета, и были назначены лица для оказания помощи как судьям, так и сторонам в судебном процессе в качестве адвокатов. Хотя эти судьи имели право консультироваться с сеньором своей провинции, а последний, вероятно, с королевским советом, все же после вынесения решения, по-видимому, в любом случае не было права на апелляцию; но нам говорят, что на Юкатане, по крайней мере, королевский уполномоченный ездил по провинциям и регулярно докладывал о том, как судьи выполняют свои обязанности, и по другим вопросам государственной важности. По словам Коголлудо, и судьи, и адвокаты могли получать подарки от всех сторон судебного процесса, и никому не приходило в голову добиваться справедливости, не принеся какой-нибудь подарок, соразмерный его средствам. В Гватемале, как утверждает Лас Касас, судья получал половину имущества осужденной стороны; вероятно, это следует понимать только в отношении серьезных преступлений, которые влекли за собой конфискацию всего имущества.

В Вера-Пас сборщики налогов выполняли также функции констеблей, имея право арестовывать обвиняемых и свидетелей и доставлять их к судьям. Очень мало известно о порядке судопроизводства в судах майя, но, по-видимому, были приложены большие усилия, чтобы установить все факты, имеющие отношение к делу, и воздать должное всем, кого это касалось. Судебные разбирательства, показания, аргументы и решения, как говорят, были полностью устными, не существует никаких доказательств того, что письменные записи велись в том виде, в каком они были у науа, хотя нельзя предположить, что система иероглифического письма майя в каком-либо отношении уступала системе северных народов. От свидетеля не требовалось ничего похожего на клятву, но для защиты от ложных показаний на Юкатане на лжесвидетеля было наложено страшное проклятие, а суеверный страх перед последствиями, как предполагалось, делал ложь невозможной. В Гватемале лжесвидетеля настолько презирали, что штраф и выговор от судьи считались достаточным наказанием. Попытки, если можно отдать должное Лас Касасу, путем связывания рук, избияния дубинками и вдыхания дыма, применялись в Вера-Пасе для получения признания от лица, подозреваемого в супружеской измене или других серьезных преступлениях. Большое значение, по-видимому, придавалось вещественным доказательствам; например, считалось важным задержать вора, когда он фактически владел украденным имуществом; и женщина, чтобы обвинить мужчину в изнасиловании, должна

изъять и предъявить в суде какую-то часть его одежды. Объявление решения судьи, как я уже сказал, было сделано устно, и иногда, когда сторон в иске было много, Cogolludo сообщает нам, что все они были приглашены на банкет, во время которого был оглашен вердикт. Поскольку апелляции в вышестоящий суд не подавалось, то, по-видимому, не было и права на помилование, и окончательное решение судьи всегда строго исполнялось. За исключением упоминания Эррерой о том, что никарагуанские министры юстиции носили веера и розги, я не нахожу упоминаний о каких-либо отличительных знаках в трибуналах майя.

НАКАЗАНИЯ МАЙИ.

Наказания, применяемые к преступникам майя, принимали форму смертной казни, рабства и денежных штрафов; тюремное заключение было редким явлением и, по-видимому, никогда не применялось в качестве наказания, а только для удержания заключенных до тех пор, пока их окончательное наказание не будет определено законом. Коголлудо утверждает, что виновных никогда не били, но Виллагутьерре утверждает, что, по крайней мере, среди ица, их обоих избивали и заковывали в кандалы; и тот же автор говорит о тюремном заключении за неуплату налогов в Кобане. Смертная казнь назначалась через повешение, избиевание гарротой или дубинкой и сбрасывание осужденного с обрыва. Хименес упоминает сожжения в Гватемале; Овьедо говорит о сажаниях на кол на Юкатане; приговоренных к смерти в Никарагуа, по-видимому, приносили в жертву богам, вырезая им сердца; а сбрасывание тела со стены или обрыва - единственный метод, приписываемый пипилам.

В городе Качи на Юкатане Овьедо упоминает острую мачту, стоящую в центре площади и используемую жителями для заживления преступников. Метод заключения, описанный Коголлудо, состоял в том, что преступнику связывали руки за спиной, надевали на шею ошейник из дерева и веревок и таким образом заковывали в кандалы в деревянной клетке. Питер Мученик и Торквемада упоминают место наказания в Кампече, которое видели первые путешественники. В землю были воткнуты три балки или столба, к ним были прикреплены три поперечные балки, а вокруг были разбросаны окровавленные стрелы и копья. Это устройство указывало бы, если бы это действительно было место наказания, на метод приведения в исполнение смертной казни, нигде не упомянутый; а примыкающее к нему каменное сооружение, покрытое скульптурными эмблемами наказания, наводит на мысль о церемониальных обрядах, связанных с казнями. Смертный приговор, как правило, предусматривал конфискацию имущества преступника и обращение в рабство его семьи. Все преступления, кроме самых тяжких, могли быть искуплены выплатой штрафа в виде рабов или другого имущества, и весь или значительная часть этого штрафа переходила к судьям, лордам или королю.

Убийство каралось смертью во всех странах, но на Юкатане и в Никарагуа при наличии смягчающих обстоятельств, таких как серьезная провокация или отсутствие злого умысла, преступление искупалось выплатой штрафа. На Юкатане несовершеннолетний, лишивший человека жизни, становился рабом; убийство чужого раба требовало выплаты уничтоженной ценности; убийство собственного раба влекло за собой незначительное наказание или не влекло его вообще. В Никарагуа за убийство вождя не было назначено никакого наказания, поскольку такое преступление считалось невозможным.

Кража была искуплена возвратом украденного имущества и выплатой штрафа в государственную казну. В случае, если преступник не мог выплатить полную стоимость, его продавали как раба до тех пор, пока он не смог бы выкупить свою свободу. В некоторых случаях сумма, по-видимому, была выплачена из цены, которую он принес в качестве раба, а в других он служил потерпевшей стороне. Однако штрафы в большинстве случаев, по-видимому, были выплачены родственниками и друзьями виновной стороны, так что число фактически попавших в рабство людей, возможно, было не очень большим. В Гватемале украденные предметы незначительной ценности поступали вместе со штрафом в государственную казну, поскольку владелец их не получал. Неисправимого вора, когда его друзья отказывались платить штраф, иногда приговаривали к смерти; и смерть также была наказанием за кражу ценных предметов из храма. В Никарагуа вора, слишком долго затягивавшего уплату штрафа, приносили в жертву богам; а в Сальвадоре изгнание было наказанием за пустяковую кражу, смерть - за кражу более крупных сумм. Ланда сообщает нам, что на Юкатане дворянину, который настолько забыл о своем положении, что стал воровать, нанесли шрамы на лицо, что было большим позором.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС.

Прелюбодеяние каралось на Юкатане и в Гватемале смертной казнью; в последней, если участниками были простые люди, их сбрасывали с обрыва. Блуд искупался штрафом или, если на том настаивали оскорбленные родственники, смертью. Нецеломудренная женщина сначала получала выговор, а в конце, если она упорствовала в своем распутном поведении, становилась рабыней. Изнасилование в Гватемале каралось смертной казнью; неудачная попытка того же самого - рабством. Брак с рабыней, как уже говорилось, низводил свободного человека до положения раба; сексуальная связь с собственным рабом не рассматривалась как преступление. Тот, кто совершил инцест на Юкатане, был предан смерти.

Государственная измена, мятеж, подстрекательство к мятежу, дезертирство, вмешательство в выплату королевской дани и подобные преступления, ставящие под угрозу благосостояние народов, были достаточной причиной для смертной казни.

В Гватемале тот, кто похитил свободного человека и продал его в рабство, лишился жизни. За нападение, повлекшее за собой ранения, был наложен штраф. Тот, кто убивал кетцаля, птицу, предназначенную для королей, приговаривался к смерти; и та же участь постигала того, кто брал дичь или рыбу из чужих владений, если пострадавшая сторона была врагом и настаивала на столь суровом наказании.

Пипилы приговаривали человека ко лжи к избиению; но то же самое преступление во время войны требовало смертной казни, как и любое проявление неуважения к святыням религии.

Хименес утверждает, что в Гватемале был сожжен *балам*, или колдун; по словам Торквемады, за то же преступление в Вера-Пас виновный был забит до смерти или повешен.

Была обеспечена строгая выплата всех справедливых долгов, и в Гватемале тот, кто покупал многие вещи в кредит и не платил за них, в конце концов попадал в рабство или даже убивался. Как здесь, так и в Никарагуа заемщик был обязан вернуть или оплатить взятые займы предметы, и, если эти предметы были плодородной почвой, кредитор мог расплатиться с полем заемщика. Тот, кто нанес ущерб чужой собственности, даже слугам во

дворце господина, которые разбили посуду или мебель, должен возместить весь ущерб. На Юкатане нам говорят, что человека нельзя взять за долги, не совершив преступления. Некоторые дополнительные законы и предписания народов майя появятся в соответствующих местах в других главах.^[932]

ГЛАВА XXI.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СЕМЬИ У майя.

ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ—Государственные школы Гватемалы—Направления обучения на Юкатане—Брачный возраст—Степени кровного родства, разрешенные в браке—Предварительные условия заключения брака—Брачные церемонии—Обычай права сеньора в Никарагуа—Вдовы—Моногамия—Сожительство—Развод—Законы, касающиеся супружеской неверности—Блуд—Изнасилование—Проституция—Противоестественные преступления—Желание иметь детей—Церемонии рождения—Обряд обрезания—Способ наречения детей—Церемонии крещения.

Народы майя, по-видимому, были столь же строги и осторожны в воспитании молодежи, как и науа. Родители прилагали огромные усилия, чтобы научить своих детей уважать старость, почитать богов и чтить своих отца и мать.^[933] Кроме того, еще в младенчестве их поощряли развлекаться воинственными играми и упражняться с луком и стрелами. По мере взросления детей бедняков учили трудиться и помогать своим родителям. Мальчиков в детстве воспитывал отец, который обычно обучал их своему собственному ремеслу или призванию; девочки находились под особой опекой матери, которая, как говорят, очень внимательно следила за поведением своих дочерей, почти никогда не позволяя им находиться вне поля ее зрения. Дети обоего пола оставались под непосредственным контролем своих родителей до тех пор, пока не достигали брачного возраста, и любое неповиновение или строптивость сурово карались, иногда даже смертью. Мальчики в Гватемале спали под портиком дома, поскольку считалось неприличным, что они должны наблюдать за поведением и слышать разговоры женатых людей.^[934] На Юкатане молодых людей также держали отдельно от старших. В каждой деревне был огромный побеленный сарай, под навесом которого местная молодежь развлекалась днем и спала ночью.^[935]

Различные незначительные события в жизни ребенка, которые у всех народов, диких или цивилизованных, считаются заботливыми матерями столь важными, такие как отлучение его от груди, его первый шаг или первое слово, отмечались праздниками и ликованием; годовщины его рождения также были поводом для большого веселья. Первое изделие, которое ребенок сделал своими руками, было посвящено богам.^[936] На Юкатане дети ходили голыми до четырех-пяти лет, когда мальчикам давали набедренную повязку для ношения и кусок ткани для сна; девочки в том же возрасте начинали носить нижнюю юбку, доходящую ниже талии.^[937] В Гватемале детей оставляли голыми до восьми-десяти лет, после чего от них требовалась легкая работа.^[938] Как только ребенок достигал семилетнего возраста, его забирал отец, священнику, который предсказал его будущую судьбу и проинструктировал, как брать кровь из его тела и выполнять другие религиозные обряды.^[939]

Майя полностью доверили духовенству более продвинутое образование молодежи. В Гватемале молодые люди помогали священникам в выполнении их обязанностей и, в свою очередь, получали образование, соответствующее их жизненному положению. В каждом крупном городе существовали школы, в которых молодежь обучалась всем необходимым предметам у компетентных учителей. Главным из них была семинария, в которой содержалось семьдесят преподавателей, и от пяти до шести тысяч детей получали образование и содержание за счет королевской казны.^[940] Девочек помещали в монастыри под надзором матрон, которые были самыми строгими в своей опеке. Говорят, что они поступили туда, когда им было по восемь лет, и не были свободны до тех пор, пока не собрались пожениться.^[941]

На Юкатане социальные различия, по-видимому, были более резкими, чем в Гватемале. Здесь учебные заведения были открыты только для детей знати; бедняк довольствовался тем, что обучал своего сына собственному ремеслу. Однако дети привилегированных классов были очень образованны. Как нам рассказывают, мальчики были посвящены в тайны и странные обряды своей религии; они изучали закон, мораль, музыку, военное искусство, астрономию, астрологию, гадание, пророчества, медицину, поэзию, историю, рисование картин и все другие отрасли знаний, известные их народу. Дочери знати содержались в строгом уединении и были тщательно обучены всем достижениям, которые требовались от женщины майя.^[942]

На Юкатане молодые люди обычно вступали в брак в возрасте двадцати лет.^[943] В Гватемале Лас Касас говорит нам, что мужчины никогда не женились до тридцати лет, несмотря на то, что ранее он сделал необычное утверждение о том, что большая распространенность противоестественных вожделений заставляет родителей стремиться выдать своих детей замуж как можно раньше.^[944] Девушек из высших классов, должно быть, выдавали замуж в Гватемале в очень раннем возрасте, поскольку рассказывают, что, когда молодой дворянин женился на девушке, еще не достигшей половой зрелости, ее отец отдал ему рабыню, чтобы она лежала с ним, пока жена не достигнет зрелости. Однако дети этого раба не могли унаследовать его имущество.^[945]

Гватемальцы не признавали родства только по материнской линии и без колебаний женились на собственной сестре, при условии, что она была от другого отца.^[946] Таким образом, если знатная дама выходила замуж за человека низшего ранга или даже рабыню, дети принадлежали к ордену отца, а не матери.^[947] Торквемада добавляет, что иногда они женились на своих невестках и мачехах.^[948]

У пипилей из Сальвадора родовое древо с семью основными ветвями, обозначающими степени родства, было нарисовано на ткани, и в пределах этих семи ветвей, или степеней, никому не разрешалось вступать в брак, кроме как в качестве вознаграждения за какую-либо большую общественную или военную услугу, оказанную. В пределах четырех степеней кровного родства никто ни под каким предлогом не мог вступать в брак.^[949] На Юкатане существовало особое предубеждение против того, чтобы мужчина женился на женщине, носящей то же имя, что и его собственное, и это представление дошло до того, что на того,

кто это делал, смотрели как на отступника и изгоя. Здесь также мужчина не мог жениться на сестре своей умершей жены, своей мачехе или сестре своей матери, но со всеми другими родственниками по материнской линии, какими бы близкими они ни были, брак был совершенно законным. Юкатанский дворянин, женившийся на женщине низшего звания, опустившийся до ее социального уровня и лишившийся части своего имущества, и звания.^[950] В Никарагуа никто не мог вступать в брак до первой степени родства, но за пределами этого ограничений не существовало.^[951]

Вопрос о приданом решался в Гватемале родственниками молодой пары.^[952] Юкатанский зять служил своему тестю четыре или пять лет, и отказ от такой службы считался скандальным;^[953] в то время как в Никарагуа приданое обычно выплачивалось фруктами или землей.^[954]

У каждого из народов майя, по-видимому, был свой особый метод организации браков. В Гватемале всем этим делом руководили ближайшие родственники обрученной пары, которые находились в глубоком неведении о предстоящем событии и даже не знали друг друга до дня свадьбы. Кажется невероятным, что молодые люди должны были спокойно смириться с тем, что им выбирали жен, не имея права голоса или выбора в этом вопросе. Тем не менее, нам говорят, что их послушание и покорность своим родителям были настолько велики, что в этих вещах никогда не было никакого скандала. Если это так, то каким странным явлением, должно быть, было гватемальское общество, где не было ни любовных связей, ни дозволенных ухаживаний, а Купидон был изгнанным мальчиком. Но, несмотря на все это, многие гватемальские юноши, возможно, холодно смотрели на свою невесту, думая о другом и, по его мнению, более прекрасном лице, и многие верные молодые жены, возможно, иногда испытывали беспокойство при виде миловидной фигуры, которой она восхищалась до того, как увидела своего супруга.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ БРАЧНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ.

Когда знатный человек хотел женить своего сына, он посылал нескольких своих друзей с подарками к родителям молодой девушки, на которую пал его выбор. Если подарки отвергались, это было признаком того, что предложение союза отклонялось, и никаких дальнейших шагов в этом вопросе предпринято не было; но если они принимались, это показывало, что брак считался желательным. В последнем случае по прошествии нескольких дней к родителям девушки было отправлено другое посольство с более дорогими подарками, чем раньше, которых снова попросили дать согласие на брак. Наконец, была послана третья депутация, и ей в целом удалось удовлетворительно уладить дело. Затем обе семьи начали относиться друг к другу как к родственникам и навещать друг друга с целью определения дня свадьбы и подготовки к этому событию. Среди низших классов отец обычно требовал невесту от ее родителей лично.^[955] Среди сальвадорских пипилей было принято, чтобы отец мальчика, получив согласие родителей девочки на брак, забираал ее к себе домой, когда ей было двенадцать лет, а его сыну четырнадцать, и там воспитывал и содержал ее, как если бы она была его собственным ребенком. Взамен он получал право на ее услуги и услуги своего сына до тех пор, пока они не смогут прокормить себя и не достигнут подходящего возраста для вступления в брак. Затем родители пары совместно подарили им дом и дали средства для старта в жизни. После этого, если молодой человек

встречал своего тестя на улице, он переходил на другую сторону дороги, а девушка оказывала такую же любезность своей свекрови.^[956]

В большей части Никарагуа матчи устраивали родители, но были отдельные независимые города, в которых девушки выбирали себе мужей из числа молодых людей, пока последние сидели на пиру.^[957]

Я уже упоминал о том факте, что если в Гватемале или на Юкатане молодой человек женился на женщине более низкого ранга, чем его собственный, то в результате он терял кастовую принадлежность, поэтому его родители были более осторожны, выбирая для него невесту из числа девушек его собственного положения в обществе. У майя Юкатана, когда наступал день, назначенный для церемонии бракосочетания, приглашенные друзья собирались в доме отца невесты, где уже ждали молодожены со своими родителями и исполняющий обязанности священника. По радостному случаю был приготовлен большой пир, так как было принято нести большие расходы на еду и вино для развлечения приглашенных гостей. Когда все собрались, священник позвал к себе жениха и невесту вместе с их родителями и произнес перед ними речь, касающуюся обязанностей супружеского состояния. Затем он вознес благоволия и определенные молитвы богам, завершив церемонию просьбой благословения с небес для молодоженов.^[958] Когда вдова или вдовец вступали в брак, никаких церемоний не проводилось; в таком случае простой трапезы или угощения друг друга едой и питьем считалось достаточным для торжественной церемонии бракосочетания.^[959]

БРАЧНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ.

В Гватемале было принято, когда все предварительные условия брака были улажены и назначен день свадьбы, отец жениха посылал делегацию из пожилых женщин и почтенных мужчин проводить невесту к нему домой. Один из посланных с этой целью нес ее на плечах, и когда они прибыли в определенное место недалеко от дома жениха, ее встретили другие мужчины, также выбранные ее свекром, которые четыре или пять раз воскурили перед ней благоволия и принесли в жертву богам несколько перепелов или других птиц, одновременно вознося благодарность за ее благополучное прибытие. Как только она приходила в дом, ее с большой церемонией усаживали на ложе, покрытое циновками или богатыми коврами; сразу же несколько певцов начинали соответствующую случаю песню; музыканты играли на своих инструментах; выходили танцоры и танцевали перед ней.^[960] Необходимо было получить согласие касика на все браки, которые заключались на его территории; перед церемонией священник желал, чтобы молодой человек и его невеста признались ему во всех грехах своей прошлой жизни. На Юкатане никому не разрешалось вступать в брак до тех пор, пока не будет совершен обряд крещения.^[961] В Гватемале, если обрученный принадлежал к высшим классам общества, касик соединял их руки, а затем привязывал конец мужской мантии к краю платья женщины, одновременно советуя им быть верными и любящими друг к другу. Церемония закончилась, все приняли участие в свадебном пиршестве, и невесту с женихом отнесли в предназначенный для них дом на плечах нескольких из тех, кто помогал при бракосочетании; затем их проводили в комнату для новобрачных и, как рассказывает нам Хименес, они получили инструкции от двух самых уважаемых пожилых женщин относительно некоторых супружеских обязанностей.^[962]

Брачные церемонии пипилей были простыми и уникальными; браки заключались касиком и осуществлялись под его руководством. В назначенное время родственники невесты отправились в дом жениха, откуда его отнесли к реке и омыли. Родственники невесты совершили тот же акт очищения над личностью невесты. Затем обе стороны со своими подопечными отправились в дом невесты. Теперь пара была связана вместе концами одеял, в которые их завернули обнаженными и уложили - поженились.^[963] После церемонии родственники молодоженов обменялись подарками, и все они пировали вместе.

У цивилизованных народов Никарагуа, когда устраивался брак к удовлетворению родителей, убивали несколько домашних птиц, готовили какао и приглашали соседей присутствовать. Отца, мать или того, кто выдал невесту замуж, спрашивали в присутствии собравшихся гостей, пришла ли она девственницей; если ответ был утвердительным, и впоследствии муж обнаружил, что она уже была соблазнена, он имел право вернуть ее родителям, и на нее смотрели как на плохую женщину; но если родители отвечали, что она не девственница, и мужчина соглашался взять ее в жены, брак считался действительным.^[964]

Когда они должны были соединиться, касик брал собеседников правой рукой за мизинцы их левой руки и уводил в дом, предназначенный для бракосочетаний, оставляя их, после нескольких слов совета, в маленькой комнате, где горел огонь из дровяных свечей. Пока горел огонь, они должны были оставаться совершенно неподвижными, и только после того, как он догорел, они приступили к совершению бракосочетания. На следующий день, если муж не возражал против девственности девушки, родственники и друзья собирались вместе и выражали свое удовлетворение громкими радостными криками, и проводили день в пиршестве и удовольствии.^[965]

DROIT DE SEIGNEUR.

Несмотря на позор, которому подвергается женщина, потерявшая девственность до брака и скрывшая этот факт, Андагоя заверил нас, что в Никарагуа обычай, подобный европейскому "праву сеньора", практиковался священником, живущим в храме, который спал с невестой в ночь, предшествующую ее браку.^[966]

Вдова рассматривалась как собственность семьи ее покойного мужа, за братом которого она неизменно состояла в браке, хотя в то время у него могла быть собственная жена. Если у нее не было шурина, то она состояла в браке с ближайшим живым родственником со стороны мужа.^[967] На Юкатане вдова могла снова выйти замуж только через год после смерти мужа.^[968]

Моногамия, по-видимому, была правилом среди народов майя, и многие авторы положительно утверждают, что полигамии не существовало. Ремесал упоминает этот обычай только в пограничном штате Чьяпас. Чтобы компенсировать это, наложничество в значительной степени поощрялось богатыми. Наказание за двоеженство было суровым и заключалось в Никарагуа в изгнании и конфискации всего имущества в пользу потерпевшей жены или мужа, которые могли свободно вступить в повторный брак, привилегия, которая, однако, не предоставлялась женщинам, имеющим детей. Ланда рассказывает нам, что короли Чичен-Ицы жили в состоянии строгого безбрачия, а Диас рассказывает, что ему указали на башню на побережье Юкатана, которую занимали женщины, посвятившие себя одинокой жизни.^[969]

С их браками без любви им повезло, что развод можно было получить по очень незначительным основаниям. На Юкатане, говорит Ланда, отец после окончательного расставания выбирал одну жену за другой, чтобы удовлетворить вкусы своего сына. Если дети были еще неженственного возраста на момент развода родителей, их оставляли с матерью; если они вырастали, мальчики следовали за отцом, в то время как девочки оставались с матерью. Не было ничего необычного в том, что муж возвращался к жене через некоторое время, если она была свободна, независимо от того факта, что все это время она принадлежала другому.^[970] В Гватемале жена могла уйти от своего мужа на тех же незначительных основаниях, что и мужчина, и если она отказывалась вернуться к нему после того, как ее об этом просили, ему разрешалось жениться снова; тогда она считалась свободной и имела немалое значение. В Никарагуа муж решал, должны ли дети остаться с ним или с разведенной женой.^[971]

ПОЛОВОЕ СНОШЕНИЕ.

Майя, по-видимому, относились к прелюбодеям более снисходительно, чем науа. В Гватемале женатый мужчина, совершивший прелюбодеяние с девушкой, по жалобе родственников девушки был вынужден заплатить штраф в размере от шестидесяти до ста редких перьев. Однако обычно случалось так, что друзья женщины старательно держали это дело в секрете, поскольку такой скандал нанес бы большой ущерб ее будущим перспективам. Если было известно, что женатый мужчина согрешил с замужней женщиной или вдовой, оба были просто предупреждены за первое или даже второе преступление и приговорены к уплате штрафа в несколько перьев; но если они упорствовали в своем преступлении, то их руки связывали за спиной, и их заставляли вдыхать дым определенной травы, называемой *табакоей*, что, хотя и было очень болезненным, не было смертельным наказанием. Холостой мужчина, совершивший прелюбодеяние с замужней женщиной, был обязан выплатить родителям последней сумму, которую ее муж заплатил за нее; несомненно, этот штраф был передан потерпевшему мужу, который в таком случае отрекся от своей жены. Однако иногда случалось, что муж не сообщал об этом властям, а дарил своей неверной жене птицу из тех, что использовались для жертвоприношений, и велел ей принести ее в жертву богам и вместе со своим сообщником по преступлению признаться и получить прощение. Такой муж считался самым добродетельным и гуманным человеком.^[972] Благородная дама, уличенная в прелюбодеянии, получала выговор в первый раз и суровое наказание или отречение за второй проступок. В последнем случае она была свободна снова выйти замуж.^[973] Прелюбодеяние с женой лорда каралось смертной казнью; если совершивший это был дворянином, его душили, но если он был плебеем, его сбрасывали в пропасть.^[974]

Коголлудо говорит, что среди ица мужчина и женщина, взятые в прелюбодеянии, были преданы смерти. Женщину вывезли за пределы города, в место, где было много разбросанных камней. Там ее привязали к столбу, и священник, который судил ее, бросил первый камень, а раненый муж - второй, толпа, которая в таких случаях никогда не пропадала, с таким рвением присоединилась к этой забаве, что смерть их жертвы была быстрой. Мужчина-прелюбодей, согласно тому же сообщению, также был привязан к столбу и таким же образом застрелен стрелами.^[975]

В Вера-Пасе были порабощены неисправимые прелюбодеи.^[976] В Никарагуа неверная жена была отвергнута своим мужем и ей не разрешалось снова выйти замуж, но она имела право сохранить свое приданое и имущество. Прелюбодей был жестоко избит палками родственниками женщины, которую он ввел в заблуждение. Муж, по-видимому, не принимал никакого участия в этом деле.^[977] На Юкатане прелюбодеяние каралось смертью. Согласно Коголлудо, правонарушители обоих полов были застрелены стрелами; Ланда сообщает нам, что мужчина был убит камнем мужем своей любовницы, но женщина была наказана только позором. Говорят, что в более древние времена прелюбодеи сажали на кол или потрошили. Но так велик был ужас, с которым юкатеки относились к этому преступлению, что они не всегда ждали осуждения, но иногда наказывали подозреваемого, связывая его, раздевая догола, сбривая волосы и таким образом оставляя его на некоторое время.^[978] Среди сальвадорских пипилей тот, кто заигрывал с замужней женщиной и не делал ничего хуже, был изгнан, а его имущество конфисковано. Прелюбодей, если мы можем верить Паласио,^[979] был казнен; Сквайр говорит, что он стал рабом обесчещенного мужа.^[980]

Простое прелюбодеяние каралось штрафом, который выплачивался перьями определенной редкой птицы, убийство которой без специального разрешения, по крайней мере, по законам Вера Пас, приравнивалось к смертной казни, поскольку ее оперение являлось наиболее ценным предметом торговли с соседними провинциями.^[981] Но если подавалась какая-либо жалоба, например, со стороны отца за свою дочь или брата за сестру, соблазнителя казнили или, по крайней мере, обращали в рабство.^[982] На Юкатане смерть, похоже, была это была неизбежная судьба соблазнителя.^[983]

В Гватемале и Сальвадоре доведенное до конца изнасилование каралось смертной казнью. Тот, кто просто пытался изнасиловать, попадал в рабство.^[984] В Никарагуа наказание за это преступление было не столь суровым, поскольку тот, кто его совершил, был обязан лишь выплатить денежную компенсацию родителям своей жертвы; хотя, если он не мог этого сделать, он становился их рабом. Однако тот, кто насиловал дочь своего нанимателя или лорда, всегда приговаривался к смерти.^[985] Говорят, что инцест был неизвестным преступлением.^[986]

Публичная проституция допускалась, если не поощрялась, всеми народами майя. В каждом никарагуанском городе были заведения, которые содержали публичные женщины, которые продавали свои услуги за десять кусочков какао и содержали профессиональных хулиганов для защиты и сопровождения их дома и за границей. Родители могли без стыда заниматься проституцией со своими дочерьми; и далее говорится, что во время определенного ежегодного праздника женщины любого положения могли отдаться в объятия того, кого им заблагорассудится, не навлекая на себя никакого позора.^[987] Для родителей из низших слоев общества не было ничего необычного в том, что они отправляли своих дочерей в путешествие по стране, чтобы те могли заработать свою долю в браке проституцией.^[988]

Все старые авторы, похоже, стремились снять с цивилизованных аборигенов обвинение в содомии, однако тот факт, что ни в одной стране не было строгих законов, касающихся этого противоестественного порока, в сочетании с признаниями, неохотно сделанными самими

преподобными отцами, кажется, показывает, что педерастия, безусловно, не была чем-то неизвестным. Таким образом, Лас Касас говорит, что содомия считалась великим и отвратительным грехом в Вера Пас и не была известна до тех пор, пока бог,^[989] которого одни называли Чин, другие Кэвил, а третьи Маран, не проинструктировал их, совершив акт с другим божеством. Следовательно, многие считали, что это не является грехом, поскольку бог ввел это среди них. И вот так случилось, что некоторые отцы отдавали своим сыновьям мальчика, чтобы использовать его как женщину; и если кто-либо другой приближался к этому мальчику, с ним обращались как с прелюбодеем. Тем не менее, если мужчина совершал изнасилование мальчика, он наказывался таким же образом, как если бы он изнасиловал женщину. И, добавляет тот же автор, всегда находились те, кто порицал этот отвратительный обычай.^[990] На Юкатане Берналем Диасом были найдены определенные изображения, которые позволяют предположить, что местные жители, по крайней мере, были знакомы с содомией,^[991] но и здесь добрый отец^[992] берет дубинки в защиту своих любимцев. В Никарагуа содомитов забивали камнями до смерти.^[993]

Желание обладать детьми, по-видимому, было очень распространенным, и разочарованные родители приносили много молитв и подношений, чтобы умиловить бога, гнев которого, как предполагалось, лишил их надежд. Чтобы еще больше повысить эффективность их молитв, священник предписал мужу и жене разойтись на месяц или два, придерживаться простой диеты и воздерживаться от соли.^[994] Также считалось, что существует несколько суеверных обрядов; так, у пипилей муж должен избегать встреч со своим тестем или женой со свекровью, чтобы их не подвел результат.^[995] Эти обряды, как правило, еще больше иллюстрируют их страстное желание стать родителями, поскольку женщины, как говорят, были очень плодовитыми. Роды прошли без особых трудностей и боли,^[996] однако была вызвана акушерка, которая удовлетворила потребности матери и облегчила роды, положив на живот нагретый камень. На Юкатане под кроватью помещали изображение *Иксхель*, богини деторождения. Среди пипилей и в Гватемале женщину признавали виновной, когда возникали какие-либо трудности, и нередко случалось, что сотрудник юстиции пользовался такими возможностями для получения улик, свидетельствующих о преступлении. Если признание жены само по себе не производило желаемого эффекта, мужа призывали признаться в своих грехах; кроме того, его макстли возлагали на жену, а иногда из его языка и ушей брали кровь, чтобы разбрызгать по четырем сторонам с различными заклинаниями.^[997] После родов индюшку приносили в жертву, и возносили благодарность божеству за счастливое потомство. После этого повитуха обмывала ребенка, давала ему в руки лук и стрелы, если это был мальчик, веретено, если девочка, и рисовала метку на его правой ноге, чтобы он стал хорошим альпинистом.

РОДЫ И ОБРЕЗАНИЕ.

Рождение сына отмечалось особыми торжествами, и были разосланы многочисленные приглашения на пиры, которые проводились в день или около того, когда предстояло перерезать пуповину,^[998] церемония, которая, по-видимому, носила тот же праздничный характер, что и крещение у науа и других народов. *ахига*, астролога, попросили назвать благоприятный день для проведения обряда. Затем шнурок накладывали на початок кукурузы, срезали новым ножом и сжигали. Зерна вынимали из початков и сеяли в надлежащее время года; половину урожая превращали в кашу и составляли первую пищу ребенка, помимо материнского молока, другую половину отправляли в *ахгих*,

предварительно оставив несколько зерен, чтобы ребенок посеял их собственными руками, когда вырастет, и принес их в жертву своему богу. В то же время, возможно, было совершено нечто вроде обрезания, обряд, который, однако, не мог быть очень распространенным, если вообще когда-либо существовал, поскольку Коголлудо положительно утверждает, что он никогда не практиковался на Юкатане, и Ланда думает, что обычай разрезания крайней плоти, который набожный человек совершал перед идолом, мог послужить поводом для этого сообщения. Паласио утверждает, что известно, что некоторые индейцы в Сальвадоре раскритиковали себя, а также некоторых мальчиков таким же образом.^[999]

ДАВАТЬ ИМЕНА ДЕТЯМ.

Следующим важным делом было наречение имени ребенку. У пипилей его приносили в храм на двенадцатый день по дороге, усыпанной зелеными ветками,^[1000] и здесь священник давал ему имя его дедушки или бабушки, после чего идолу приносились подношения в виде какао и мяса птицы, а священнику - некоторые подарки. В Гватемале ребенка называли в честь бога, которому был посвящен день его рождения, поскольку считалось нежелательным называть его в честь родителей; однако впоследствии, в зависимости от обстоятельств, применялись другие имена.^[1001] Лас Касас добавляет, что родители потеряли свое имя при рождении первых сына и дочери, отца называли "отцом Эк", или как бы там ни звали сына, а мать получила прозвище "мать Кан" и т.д.^[1002] Ицы дали своим детям имя, образованное из объединенных имен отца и матери, причем последнее стоит первым; таким образом, в Канеке *кан* взято от имени матери, *эк* - от имени отца. -хс. На Юкатане, бывшей родине этого народа, обычай был почти таким же, за исключением того, что *на* ставился префикс к именам родителей; таким образом, На-Чан-Чел обозначало сына Чел и Чан, но поскольку имя отца, по словам Ланда, было сохранено только у сына, а не у дочери, из этого следует, что девочку не могли назвать в том же порядке; возможно, что имя матери было помещено последним и в их случае служило фамилией. В более поздние годы это имя обычно не присваивалось до момента крещения; но в прежние времена отличительное имя давалось священником во время составления гороскопа, вскоре после рождения. Имя отца носили до дня свадьбы, имена обоих родителей принимались после этого события.^[1003] По завершении вышеуказанных церемоний гватемальского младенца или младенца-пипиле и его мать относили к фонтану или реке, по возможности недалеко от водопада, для омовения, и во время омовения воде предлагались благовоения, птицы или какао, очевидно, с целью заручиться благоволением бога этой стихии. Одновременно в воду бросили посуду, которая использовалась при родах, такую как греющий камень, чашки и нож.^[1004]

Матери были хорошими и терпеливыми медсестрами, кормившими своих младенцев грудью более трех лет, поскольку привычка пить теплые утренние напитки, упражнение по измельчению кукурузы и непокрытая грудь - все это приводило к образованию больших грудей и обильному выделению молока. В остальном дети проходили суровую тренировку, без одежды, а голая земля служила лежанкой. Во время работы мать носила их на спине; однако на Юкатане их обычно носили поперек бедра, и по этой причине многие стали кривоногими. Ланда также упоминает другую деформацию, возникающую в результате уплощения головы, которую можно заметить на скульптурах из руин майя.^[1005]

Все старые испанские историки рассказывают, что, когда испанцы впервые посетили королевство Юкатан, они обнаружили там следы обряда крещения; и, как ни странно, название, данное этому обряду на языке местных жителей, было *зихил*, что означает "родиться заново". Крестить своих детей было обязанностью каждого, поскольку благодаря этому омовению они верили, что обретают более чистую природу, защищаются от злых духов и будущих несчастий. Я уже упоминал, что никто не мог жениться, если он не был крещен в соответствии с их обычаями; более того, они считали, что некрещеный человек, будь то мужчина или женщина, не может вести праведную жизнь или делать что-либо хорошо. Обряд проводился для детей обоего пола в любое время в возрасте от трех до двенадцати лет. Когда родители желали крестить ребенка, они уведомляли священника о своих намерениях. Затем последний распространил по всему городу объявление о дне, в который состоится церемония, предварительно выбрав день с добрым предзнаменованием. Покончив с этим, отцы детей, которых предстояло крестить, выбрали пятерых самых уважаемых людей города, чтобы помогать священнику во время церемонии. Они назывались *чаки*.^[1006] В течение трех дней, предшествовавших церемонии, отцы и помощники постились и воздерживались от общения с женщинами. Когда наступал назначенный день, все собирались вместе с детьми, которых предстояло крестить, в доме устроителя праздника, который обычно был одним из самых богатых родителей. Во дворе были разбросаны свежие листья, и там мальчики были выстроены в ряд под присмотром своих крестных отцов, в то время как в другом ряду были девочки со своими крестными матерями. Теперь священник приступил к очищению дома с целью изгнания дьявола. Для этой цели были установлены четыре скамьи, по одной в каждом из четырех углов двора, на которых сидели четверо помощников, державших длинный шнур, который тянулся от одного к другому, ограждая таким образом часть двора; внутри этого ограждения находились дети, а также те отцы и чиновники, которые постились. В центре стояла скамья, на которой восседал священник с жаровней, небольшим количеством молотой кукурузы и благовониями. Детям было приказано подходить по одному, и священник раздал каждому немного молотой кукурузы и благовония, которые, получив, они бросали в жаровню. Когда все это сделали, они взяли шнур и жаровню с сосудом вина и отдали их человеку, чтобы он вынес их за пределы города, с наказом не пить вина и не оглядываться назад; с такой церемонией дьявол был изгнан.^[1007] Затем двор был чисто выметен, и по нему было разбросано несколько листьев дерева, называемого *чихом*, и другого, называемого *копо*. Теперь священник облачился в длинные безвкусовые одежды, состоящие, по словам Ланды, из куртки из красных перьев с вышитыми на ней цветами разных цветов; с концов свисали другие длинные перья, а на голове у него была корона из перьев. Из-под куртки до земли свисали длинные хлопчатобумажные ленты. В руке он держал немного иссопа, привязанного к короткой палочке. Затем чаки надели на головы детей белые тряпки и спросили старшего, не совершали ли они каких-либо грехов; тех, кто признавался в них, затем отводили в сторону. Затем священник приказал людям сесть и замолчать; затем он благословил мальчиков и, вознеся несколько молитв, с большой торжественностью очистил их иссопом. Главный офицер, избранный отцами церкви, теперь взял кость и, окунув ее в определенную воду, смочил им лбы, черты лица, пальцы рук и ног.^[1008] После того, как они были таким образом окроплены водой, священник встал и снял одежды с голов детей, а затем срезал каменным ножом определенную бусину, которая с детства была прикреплена к голове; затем один из помощников дал им понюхать цветы и трубку, через которую они втягивали немного дыма, после чего каждому из них дали немного еды, и сосуд, полный вина, был принесен в качестве подношения богам, которых мальчики умоляли принять его

в качестве благодарности; затем он был передан одному из чиновников, который должен был ответить. выпейте его одним глотком. Аналогичная церемония проводилась и с детьми женского пола, по завершении которой их матери снимали с них шнурок, который носили в детстве, обвязанный вокруг чресел и имевший спереди маленькую раковину. Снятие этого знака означало, что они могут пожениться, как только позволят их родители.^[1009] Затем детей отпустили, и их отцы раздали подарки тем, кто присутствовал на церемонии. Затем был устроен грандиозный банкет под названием *эмку*, или "сошествие бога", и в течение девяти последующих дней отцы детей постились и не должны были приближаться к своим женам.^[1010]

ДОМАШНЯЯ ДИСЦИПЛИНА.

Говорят, что никарагуанские мужья были настолько под контролем своих жен, что были вынуждены выполнять работу по дому, в то время как женщины занимались торговлей. Более того, последние были большими строптивцами и по малейшему поводу выгоняли своих провинившихся мужей из дома; нам рассказывают, что не было ничего необычного в том, что соседей внезапно вызывали, чтобы умиловить Ксантиппу какого-нибудь несчастного мужчины.^[1011] Женщины Юкатана славилась своей скромностью и супружеской верностью. Ланда, один из первых епископов Юкатана, рассказывает анекдот, иллюстрирующий эту черту характера. Алонсо Лопес де Авила во время войны с Бакаларом взял в плен очень красивую индианку. Пораженный ее красотой, похититель всеми силами старался склонить ее к удовлетворению своих желаний, но тщетно. Она пообещала своему мужу-воину, который в те опасные времена постоянно находился лицом к лицу со смертью, что никто, кроме него, никогда не назовет ее женой; как же тогда, возможно, пока он еще жив, она сможет стать любовницей другого? Но такие аргументы не утолили похоть испанца, и поскольку она оставалась непоколебимой, он приказал бросить ее к ищейкам, которые растерзали ее — мученицу от рук людей, которые притворялись, что проповедуют Иисуса Христа, и его распяли.^[1012]

ГЛАВА XXII.

ПРАЗДНИКИ И УВЕСЕЛЕНИЯ майя.

ОСОБЫЕ ОБРЯДЫ—ФИКСИРОВАННЫЕ ПРАЗДНИКИ—ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ РАБОВ—ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ ЮКАТЕКОВ—ОБНОВЛЕНИЕ ИДОЛОВ—ПРАЗДНИК ЧАКОВ—ПРАЗДНИК ОХОТЫ—ТАППКАК—ПРАЗДНИК ПЛАНТАТОРОВ КАКАО-КУЛЬТУРЫ—ПРАЗДНИК ВОЙНЫ—НОВЫЙ ГОД МАЙЯ—ПРАЗДНИКИ ОХОТНИКОВ, РЫБОЛОВОВ И ПАСЕЧНИКОВ—ЦЕРЕМОНИИ В ЧЕСТЬ КУКУЛКАНА—ПРАЗДНИК МЕСЯЦА МОЛ—ПРАЗДНИК ГОДОВ КАН, МУЛУК, IX И КАУАК—ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ЮКАТЕКОВ—ЯМА ЧИЧЕН—ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ПИПИЛЕС—ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ—ПИРЫ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ В НИКАРАГУА—БАНКЕТЫ—ТАНЦЫ—МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ—ИГРЫ.

Хотя информация о праздниках, религиозных и иных, народов майя не так полна, как информация о науа, все же нет сомнений в том, что первые люди так же любили подобные дела, как и вторые.

У киче было много праздников и особых обрядов, в некоторых из которых принимал участие весь народ, в то время как другие совершались частными лицами из чрезмерного благочестия. Они всегда приносили жертву перед началом любой важной работы. Были четыре особые вещи, о которых они просили богов, а именно: долгая жизнь, здоровье, потомство и предметы первой необходимости. У них были особые молельни, куда они ходили в случаях сильного горя и пускали кровь из нескольких частей своего тела. Когда они хотели иметь сыновей, они приносили жертвы у фонтанов. У них были молельни в густых рощах, и если они находили место, где над родником росло большое дерево, они считали это место божественным, потому что в дереве и в пруду встречались два божества.^[1013]

ЖЕРТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Религиозные праздники, в которых принимали участие все люди, проводились в определенные дни календаря. Один из их самых заметных и торжественных праздников был скорее временем покаяния и бдения, чем пиршества. Когда приближалось время его празднования, правитель провинции с главными людьми держал совет и посылал за прорицателем, чтобы посоветоваться с ним относительно дня, в который должно состояться жертвоприношение. Мудрец тотчас же приступил к своему колдовству и бросил жребий, чтобы выяснить, какой день будет наиболее благоприятным. Когда был установлен день, все мужчины должны были с этого времени спать в домах отдельно от своих жен в течение шестидесяти или восьмидесяти дней, или даже дольше, в зависимости от требуемой строгости. В каждый из этих дней каждый должен был приносить жертву,

выпуская кровь из своих рук, бедер, языка и других частей тела. Это они делали в определенные часы дня и ночи, а также воскуривали благовония. Они не могли совершать омовения, пока длились обряды. С того дня, как начался этот великий пост, рабам, которые должны были быть принесены в жертву, была предоставлена определенная свобода, и им разрешалось ходить по городу, где им заблагорассудится. На шее каждого, однако, было закреплено кольцо из золота, серебра или меди, через которое пропусклась палка, и в качестве дополнительной меры предосторожности на случай побега каждого сопровождала охрана из трех или четырех человек. Они могли свободно входить в любой дом, будь то дом верховного господина или самого бедного человека, и где бы они ни просили еды или питья, им это давали. Такая же свобода была предоставлена страже. Когда наступил день жертвоприношения, первосвященник облачился в свои лучшие одежды. Они состояли из определенных плащей с коронами из золота, серебра или другого металла, украшенных драгоценными камнями. Идолы были установлены на раме, украшенной золотом, серебром и драгоценными камнями, и украшены розами и другими цветами. Затем рабов процессией вывели во двор храма под песни, музыку и танцы; идолы были установлены на алтарях, перед которыми лежали жертвенные камни. Когда приблизился час жертвоприношения, верховный господин и сопровождавшие его высокопоставленные люди направились в комнату, где ожидали рабы; затем каждый схватил своего раба за волосы и понес его к богу, восклицая громким голосом: "О Боже, наш Господь, вспомни о своих слугах, даруй им здоровье, потомство и процветание, чтобы они могли размножаться и служить тебе". Дай нам дождь, о Господь, и благоприятную погоду, чтобы поддержать нас, чтобы мы могли жить, слышать наши молитвы, помогать нам в борьбе с нашими врагами, даровать нам утешение и покой. Подойдя к алтарю, приносящий жертву священник был готов, и господь вложил жертву в его руки. Затем он вместе со своими служителями вскрыл жертвенным ножом грудь, вырвал сердце и принес его в жертву идолу, одновременно помазав его кровью. У каждого идола был свой священный стол; у Солнца, Луны, Востока, Запада, Севера и Юга был каждый по одному. Головы приносимых в жертву были насажены на колья. Мясо было приправлено, приготовлено и употреблялось как святыня. Первосвященнику и верховному господину были даны руки и ноги, как самые деликатесные лакомства, а тело было распределено между другими жрецами. На протяжении всех дней жертвоприношения народу была предоставлена большая свобода, устраивались грандиозные банкеты и следовали пьяные пирушки.^[1014]

Что касается религиозных праздников и обрядов юкатеков, Ланда является лучшим и наиболее полным авторитетом, и поэтому я возьму из его работ те разрозненные замечания, которые он дает.

В месяц Чэнь они работали в страхе и трепете, создавая новых идолов. И когда они были закончены, те, для кого они были сделаны, подарили лучшее, что у них было, тем, кто их смоделировал и вырезал. Затем идолы были перенесены из здания, в котором они были изготовлены, в хижину из листьев, где священник с большой торжественностью благословил их многими горячими молитвами, причем художники предварительно очистились от жира, которым они были вымазаны, в знак поста, в течение всего времени, пока они оставались за работой. Затем, изгнав злого духа и возжег священные благовония, новоиспеченные изображения поместили в корзину, завернули в льняную ткань и передали их владельцам, которые приняли их со всеми знаками уважения и преданности. Затем священник на несколько минут обратился к изготовителям идолов с речью о совершенстве и важности их профессии, а также об опасности, которой они подвергнутся, пренебрегая

правилами воздержания при выполнении такой священной работы. Наконец, все приняли участие в обильной трапезе и возместили свой долгий пост, щедро потягивая вино.

В один из двух месяцев, называемых Чен и Якс, в день, определенный священником, они отмечали праздник под названием *окна*, что означает обновление храма в честь чак, которых они считали богами полей. Во время этого праздника они консультировались с оракулом бакабов.^[1015] Этот праздник отмечался каждый год. Кроме того, в это время года были обновлены идолы из обожженной глины и жаровни, потому что для каждого идола было принято иметь свою собственную маленькую жаровню, в которой перед ним сжигали благовония; и, если это было необходимо, они строили богу новое жилище или ремонтировали старое, заботясь о том, чтобы на стенах были надписи, посвященные этим вещам, характерными для них буквами.

ФЕСТИВАЛИ ЗАКА И МАКА.

В месяце Зак, в день, назначенный священником, охотники устраивали праздник, подобный тому, который, как мы сейчас увидим, устраивался в месяце Зип. Это было сделано с целью отвратить от них гнев богов и семя, которое они посеяли, из-за крови, пролитой во время погони; ибо они считали отвратительным всякое пролитие крови, за исключением жертвоприношения.^[1016] Они никогда не выходили на охоту, предварительно не воззвав к своим богам и не воскурив перед ними благовония; а по возвращении с удачной охоты они всегда смазывали мрачные лики идолов кровью дичи. В другой день этого месяца был устроен большой праздник, который длился три дня и сопровождался воскурением благовоний, жертвоприношениями и всеобщими оргиями. Но поскольку это был переносной праздник, священники позаботились предупредить о нем заранее, чтобы все могли соблюсти подобающий пост.

В течение месяца Мак старики устраивали праздник в честь чак, богов кукурузных полей, и другого божества по имени Изамна. За несколько дней до этого была проведена следующая церемония, называемая на их языке *туппкак*,^[1017] Собрав всех полевых рептилий и зверей, которых можно было раздобыть в стране, они собрались с ними во дворе храма, по углам которого стояли чаки и жрецы, чтобы отогнать злого духа, у каждого под боком был кувшин, наполненный водой. В центре дыбом стояла огромная вязанка сухих и ценных дров, которую подожгли после того, как было сожжено немного благовоний. Когда дрова горели, собравшаяся толпа наперебой вырывала сердца у принесенных с собой жертв и бросала их в огонь. Если было невозможно добыть такую крупную дичь, как ягуары, пумы или аллигаторы, они олицетворяли сердца этих животных благовониями, которые бросали в огонь; но если они у них были, их приносили в жертву, как и остальных. Как только все сердечки были съедены, чаки^[1018] потушили огонь водой, которая была в их кувшинах. Целью этого праздника и всего, что за ним последовало, было обеспечить изобилие воды для их кукурузных полей в течение года. Этот праздник отличался от других, потому что перед ним никто не постился, за исключением бидла (муньидора), принимавшего участие в торжестве. В день праздника, называемого *туппкак*, народ и священники снова встретились во дворе храма, где была воздвигнута каменная платформа с ведущими к ней ступенями, вся со вкусом украшенная листвой. Священник дал немного благовоний бидлу, который зажег в жаровне достаточно, чтобы изгнать злого духа. После этого первая ступенька платформы была с большой торжественностью обмазана грязью, взятой из колодца или цистерны;

остальные ступени были окрашены в синий цвет. Как обычно, они завершили эти церемонии едой, питьем и весельем, полные уверенности в эффективности своих обрядов и церемоний в этом году.

В месяц Муан производители какао устраивали праздник в честь богов Экчуа, Чака и Хобнила, которые были их божествами-покровителями.^[1019] Чтобы отпраздновать это событие, все они отправились на плантацию одного из своих, где принесли в жертву собаку с пятном на шкуре цвета какао. Они воскуривали благовония своим идолам и приносили в жертву голубых игуан, перья определенного вида птиц и дичь. После этого они подарили каждому из чиновников^[1020] по ветке растения какао. Когда жертвоприношение закончилось, все они сели за трапезу, на которой, как говорят, никому не разрешалось выпить больше трех бокалов вина. Затем все отправились в дом того, кто устраивал пир, и приятно провели время вместе.

ВОЕННЫЙ ПИР В МЕСЯЦ ПАКС.

В месяц Пакс устраивался праздник под названием Пакумчак, который отмечался знатью и священниками деревень, а также жителей крупных городов. Собравшись, они провели пять ночей в храме Чит-Чак-Кох,^[1021] молясь и воскуривая благовония. В начале этих пяти дней они все вместе отправились в дом генерала своих армий, которого звали Након, и торжественно отнесли его в храм, где, усадив его на сиденье, воскурили перед ним благовония, как если бы он был богом. Но хотя они молились в течение этих пяти ночей, они ни в коем случае не постились днем, но обильно ели и пили и исполняли своего рода грандиозный военный танец, который они называли *холкан окот*, что означает "танец воинов". По прошествии пяти дней начался настоящий праздник, который, поскольку касался вопросов войны и победы, был очень торжественным. Все началось с церемоний и жертвоприношений, подобных тем, которые, как уже было описано, происходили в месяц Мак. Затем злой дух был изгнан обычным способом, после чего последовали новые молитвы, подношения и воскурение благовоний. Пока все это происходило, вельможи снова взвалили Накона на плечи и пронесли его в процессии вокруг храма. По возвращении в жертву была принесена собака, у которой вырвали сердце и преподнесли идолу между двумя блюдами. Затем каждый присутствующий разбил вдребезги большой кувшин, наполненный каким-то напитком, что завершило эту часть праздника. Последовал обычный пир, после которого Након снова взвалили на плечи знати и отнесли в его дом.

Там знать и священники приняли участие в грандиозном пиршестве, на котором напились все, кроме Накона; народ тем временем возвращался по домам. На следующий день, отоспавшись от вина, гости Накона получили от него большие подарки из благовоний, которые были предварительно освящены. Он также воспользовался этой возможностью, чтобы произнести длинную речь, в которой рекомендовал своим слушателям скрупулезно соблюдать праздники богов как в городе, так и в деревне, чтобы год выдался процветающим и изобильным. Как только Након закончил говорить, последовало всеобщее и шумное прощание, и гости разошлись по домам. Там они занимались празднованием фестивалей, соответствующих сезону, иногда продолжая их до месяца Поп. Эти праздники назывались Забацилтан и соблюдались следующим образом. Жители каждого места или округа искали среди самых богатых из своего числа тех, кто был готов покрыть расходы на празднование, и рекомендовали им принять этот вопрос к сведению, потому что было

принято веселиться в течение трех последних месяцев года. Когда это было улажено, все собрались в доме одного из этих выдающихся людей, предварительно, как обычно, изгнав злого духа. Копал сжигали, приносили жертвы, и чашей с вином, которая, по-видимому, была главной достопримечательностью в этих случаях, не пренебрегали. И на протяжении всех этих трех месяцев было жалко смотреть на излишества, которым предавались люди; порезы, синяки и воспаленные от выпивки глаза были у них в изобилии; чтобы удовлетворить свою страсть к выпивке, они бросались прочь.

НОВЫЙ ГОД У МАЙЯ.

В течение последних пяти дней месяца Кумху, которые были последними днями года, люди редко выходили из своих домов, разве что для того, чтобы сделать подношения в храмах, на которые жрецы покупали благовония для возжигания в честь богов. В течение этих пяти дней они не причесывались и не мылись; ни мужчины, ни женщины не приводили себя в порядок; они не выполняли никакой работы, опасаясь, что с ними случится какое-нибудь несчастье.

НАРОДНЫЕ ГУЛЯНИЯ НА ЮКАТАНЕ.

Первый день месяца Поп, Нового года майя, был временем ликования, в котором принимала участие вся нация. Чтобы придать большее значение этому событию, они обновили в это время все предметы, которыми пользовались, такие как тарелки, чашки, корзины, одежду и одеяния идолов; они подмели свои дома и выбросили все на то место, куда складывали свой мусор; и никто не осмеливался прикоснуться к тому, что было выброшено, даже несмотря на то, что очень нуждался в этом. Чтобы подготовиться к этому празднику, принцы, священники и знать, а также все, кто хотел показать свою набожность, постились и воздерживались от своих жен в течение более длительного или более короткого периода, некоторые в течение трех месяцев, предшествовавших ему, некоторые в течение двух, в соответствии с их представлениями о приличиях, но ни один из них не длился менее тринадцати дней. В течение этого периода воздержания они ели несоленое мясо, что считалось суровой дисциплиной. В то же время они выбирали офицеров, которые должны были помогать священнику на церемонии. Священник приготовил несколько шариков свежего благовония на специально изготовленных дощечках для тех, кто постился, чтобы сжечь их перед идолами. Соблюдалась большая осторожность, чтобы не прерывать пост после того, как он был однажды начат; ибо считалось, что в этом случае неизбежно последует несчастье.

Наступил День Нового года, и все мужчины собрались во дворе храма. Женщины не могли присутствовать ни на одном празднике, который проводился в храме, за исключением тех, кто приходил принять участие в определенных танцах; однако в других случаях женщинам разрешалось присутствовать. В день, о котором идет речь, мужчины пришли одни, разукрашенные и отмытые от жира, которым они были вымазаны в дни покаяния. Когда все были в сборе, с подношениями пищи и только что перебродившего вина, священник очистил храм и сел в центре двора, облаченный в свои служебные одежды и имея рядом с собой жаровню и шарики с благовониями, упомянутые выше. После того как злой дух был

изгнан, все присутствующие вознесли молитвы, в то время как помощники разожгли новый огонь на этот год. Теперь священник бросил один из шариков благовоний в жаровню, а затем раздал остальные среди собравшихся молящихся. Дворяне шли первыми в порядке своего звания, и когда каждый получал мяч из рук священника, который вручал его с большой торжественностью, он осторожно опускал его в жаровню и стоял неподвижно, пока он не сгорел. Неизбежный банкет и оргии положили конец церемониям. Таким образом они праздновали рождение нового года. В течение месяца некоторые из самых набожных из них повторяли праздник у себя дома, и особенно это делали дворяне и священники, которые всегда были первыми в соблюдении религиозных обрядов.

В течение месяца Уо жрецы и колдуны начали готовиться к празднику под названием *покам*, который отмечался охотниками и рыболовами в седьмой день следующего месяца, который назывался Зип. Собравшись, облачившись в свои украшения, в доме принца, они изгнали злого духа, а затем раскрыли свои книги и разложили их на ковре из зеленых листьев и веток, который был приготовлен для этой цели. Затем они с благоговением воззвали к божеству по имени Чинчау Изамна, которое, по их словам, было первым жрецом.^[1022] Ему они предлагали различные дары и сжигали шарики благовоний в его честь. Тем временем другие взяли сосуд и немного зелени с добавлением чистой воды, которую нужно было добыть в лесу, в тайники которого никогда не проникала ни одна женщина. Теперь они очистили листы своих книг, увлажнив их; сделав это, самый мудрый из них открыл том и рассмотрел перспективы наступающего года, о которых он объявил вслух всем присутствующим. В заключение он произнес краткую речь, в которой посоветовал им, как избежать грядущего зла. Теперь царило веселье, и вино лилось рекой — завершение, которого многие из слушателей старого священника, несомненно, уже давно и с нетерпением ожидали. Торжественность по этому случаю иногда менялась исполнением танца под названием *окот уил*.

На следующий день врачи и колдуны со своими женами собрались в доме одного из них. Жрецы, изгнав злого духа, показали свои мешочки с лекарствами, в которых они хранили множество амулетов, несколько маленьких изображений Икшель, богини медицины, в честь которой праздник был назван *ихчиль икшель*, и несколько маленьких камней, называемых *ам*, которые они использовали в своем колдовстве. Затем с великой преданностью врачи и колдуны воззвали к богам медицины Изамне, Ситболонтуму и Ахау Шамахезу, в то время как жрецы воскурили благовония, а помощники выкрасились в синий цвет книг, которыми пользовались жрецы. Держа в руках свои аптечки, они затем присоединились к танцу, называемому *шантуньяб*, после чего мужчины уселись в ряд с одной стороны, а женщины - с другой; был назначен день для проведения праздника в течение следующего года, а затем начались обычные пьяные оргии. Говорят, что священники воздержались от вина по этому случаю, возможно, потому, что присутствовали женщины; но, тем не менее, они взяли свою порцию и приберегли ее для более приватного случая.

В другой раз охотники со своими женами собрались в доме одного из своих и совершили там определенные церемонии. Первым делом, конечно, было изгнание злого влияния; затем священники, которые никогда не отсутствовали на этих собраниях, поставили посреди комнаты немного благовоний, жаровню и немного синей краски. Затем охотники с великой преданностью помолились богам охоты Акану, Зухуй Зипи, Табаи и другим и бросили благовония в жаровню. Пока это горело, каждый взял стрелу и голову оленя, которую помощники священника покрасили в синий цвет; вооружившись таким образом, одни танцевали, держась за руки; другие прокалывали себе уши или язык и пропускали через отверстия, которые они проделали, семь листьев травы, называемой *ас*. Затем жрецы и их

помощники сделали подношения богам и присоединились к танцу. Наконец, празднества завершились тем, что все присутствующие стали, по словам епископа Ланда, "пьяны в стельку".

На следующий день настала очередь рыбаков устраивать пир, который они устроили таким же образом, как и охотники, за исключением того, что вместо головы оленя они намазали краской свои рыболовные принадлежности; они также не прокалывали уши, а обводили их кругом, и после этого исполнили танец, называемый *чохом*. Затем они освятили большое дерево, которое оставили стоять. После того, как праздник был должным образом отпразднован в городах, у знати и многих других горожан вошло в обычай отправляться на побережье на грандиозную рыбалку. Божествами-покровителями рыбаков были Ахкак Нексой, Ахпуа, Ахчиц и Амалькум.^[1023]

ПРАЗДНИК ПАСЕЧНИКОВ.

В месяце Цоз пасечники готовились к празднику, который должен был состояться в следующем месяце, называемом Цец, соблюдая пост, который, однако, был необязательным для всех, кроме священников, которые должны были совершать богослужение, и их помощников. Когда наступил день празднования, участники собрались в доме того, кто устраивал пир, и совершили почти те же церемонии, что и охотники и рыбаки, за исключением того, что у них не было крови из тел. У пасечников были божества-покровители бакабы, и особенно Хобнил. В это время они сделали много умиловительных подношений, особенно четырем богам изобилия, которым поднесли четыре блюда, украшенные фигурками из меда. Обычная пьяная драка не была обойдена вниманием.

После таинственного ухода Кукулкана,^[1024] Кецалькоатля майя, с Юкатана, люди, убежденные, что он отправился в обитель богов, обожествили его, построили храмы и учредили праздники в его честь. Эти последние скрупулезно соблюдались по всей стране вплоть до разрушения Майяпана; но после этого события ими пренебрегли все провинции, кроме Мани.^[1025] Однако в память об уважении, оказываемом в старину Кукулкану, эти провинции ежегодно, по очереди, посылали Мани четыре или пять великолепных знамен с перьями, которые использовались там на церемониях. В шестнадцатый день месяца Сюль вся знать и священники Мани, подготовленные постом и покаянием для этого случая, собрались вместе, и с ними пришло значительное количество людей. Вечером все процессией вышли из дома Господня и в сопровождении большого количества профессиональных актеров медленно направились к храму Кукулкана, который уже был соответствующим образом украшен. Прибыв на место, они высоко подняли знамена в храме, вознесли молитвы и, выйдя во двор, разложили своих идолов на зеленых листьях и ветвях; затем они воскурили благовония во многих местах и сделали подношения из мяса, приготовленного без перца и соли, фасолевого супа и тыквенных тыкв. После этого те, кто соблюдал пост, не разошлись по домам, а провели пять дней и пять ночей в храме, молясь, сжигая копал и исполняя священные танцы. В течение этого времени актеры переходили из одного дома в другой, представляя свои пьесы и получая подарки от тех, кого они развлекали. По истечении пяти дней они отнесли все свои заработки в храм и распределили их среди тамошних наблюдателей. После этого все вернулись во дворец принца, забрав с

собой знамена и идолов. Оттуда каждый отправился к себе домой. Они говорили и свято верили, что Кукулкан спустился с небес в последний день праздника и лично получил подарки, которые были ему преподнесены. Этот фестиваль назывался *шикарный кабан*.

В течение месяца Яскин было принято готовиться к общему празднику, называемому *олозабкамьякс*, проводимому в месяц Мол в честь всех богов. На этом празднике, после обычных предварительных обрядов, они смазывали синей краской инструменты, используемые в каждой профессии, от священных принадлежностей жрецов до прялок женщин, и даже двери своих домов. Детей обоего пола раскрашивали одинаковым образом, но вместо того, чтобы раскрашивать руки, они по девять раз легонько постукивали каждого по костяшкам пальцев. Маленьких девочек привела на праздник пожилая женщина, которую по этой причине звали *иксмол*, дирижерша. Удары наносились детям для того, чтобы они могли стать квалифицированными рабочими по профессии своих отцов или матерей. Последовал обычный вывод.

В течение месяца Мол у пчеловодов был еще один праздник, подобный празднику месяца Цец, чтобы побудить своих богов-покровителей вырастить цветы, с которых пчелы собирали мед.

ФЕСТИВАЛЬ ПО СТРАХОВАНИЮ УРОЖАЯ.

Майя в своей жизнедеятельности настолько зависели от плодородия почвы, что неурожай был одним из самых тяжелых несчастий, которые могли обрушиться на них. Чтобы избежать этого, они сделали четырех идолов, названных Чичак Чоб, Эк Балам Чак, Ахкан Улкаб и Ахбулук Балам.^[1026] Поместив их в храме и, согласно обычаю, воскурив перед ними благовония, они преподнесли им две лепешки из какой-то смолы, называемой *кик*, несколько игуан, немного хлеба, митру, букет цветов и камень, которым придавали большое значение. Кроме того, они соорудили во дворе большую деревянную арку, которую заполнили деревом, позаботившись оставить отверстия, через которые можно было проходить взад и вперед. Затем большая часть мужчин взяла каждый по длинной палке из сухого дерева, и пока музыкант, сидящий на вершине кучи, пел и бил в барабан, все танцевали благоговейно и в хорошем порядке, входя в кучи дров и выходя из них. Так они продолжали до вечера, когда, оставив свои палки, отправились домой поесть и отдохнуть. Ночью они вернулись, и каждый, взяв свой хворост, зажег его и поднес к куче, которая горела яростно и быстро.^[1027] Как только куча превратилась в раскаленную золу, те, кто танцевал, собрались вокруг нее и прошли босиком по углям, некоторые без травм, а некоторые с; они верили, что это предотвратит несчастье и умилоstit гнев богов.^[1028]

Во всех городах Юкатана было принято возводить на границах каждого из четырех кварталов, восточного, западного, северного и южного, две груды камней, обращенных друг к другу и предназначенных для использования во время празднования двух торжественных праздников, которые заключались в следующем. В год, когда доминирующей буквой был *кан*, знаком был *хобнил*, и, согласно юкатекам, они оба правили на юге. В этом году они сделали из обожженной земли идола, которого называли Кану Уайяб, и, сделав его, отнесли к грудам камней, которые лежали к югу. Затем они выбрали главного человека этого места и в его доме отпраздновали праздник. Для этой цели они сделали еще одно изображение бога Болон Закаба,^[1029] и поместили его в выбранном доме на видном месте, чтобы все прибывшие могли его увидеть. Покончив с этим, знать, жрецы и простой народ собрались вместе и

отправились по чисто выметенной дороге, украшенной арками и усыпанной листвой, к южным грудам камней, где они собрались вокруг идола Кану Уайяба. Затем жрец воскуривал богу сорок девять зерен кукурузы, измельченных и смешанных с копалом; затем знатные люди клали благовония в жаровню и сжигали их перед идолом. Благовония, возжигаемые священником, назывались *заках*, которыми пользовалась знать, *шахалте*. Когда эти обряды были завершены, голова птицы была отрезана и принесена в жертву идолу, который теперь был помещен на носилки, называемые *канте*,^[1030] а на его плечах были размещены другие маленькие изображения, как знаки изобилия воды и хорошего года, и на эти изображения было страшно смотреть. Среди танцев и всеобщего ликования идола отнесли к дому, где была установлена статуя Болон Закаба, и пока процессия была в пути, знать и священники вкушали напиток, приготовленный из четырехсот пятнадцати зерен жареной кукурузы, который они называли *пикула какла*. Прибыв к месту назначения, они поместили изображение, которое несли, напротив идола, которого нашли там, и сделали множество подношений в виде еды и питья, которые впоследствии были разделены между присутствовавшими незнакомцами, при этом исполняющий обязанности священника получил только оленью ногу. Некоторые из преданных пустили кровь из своих тел, нанесли шрамы на уши и помазали кровью каменного идола по имени Канал Акантун. Они вылепили сердце из теста из кукурузы и семян тыквы и предложили его идолу Кану Уайеябу. И таким образом они чтили обоих идолов в течение всего времени праздника, воскуривая перед ними благовония из копала и молотой кукурузы, поскольку были уверены, что их постигнет несчастье, если они пренебрегут этими обрядами. Наконец, статую Болон Закаба перенесли в храм, а другое изображение - к западному входу в город, где оно оставалось до следующего празднования праздника.

ФЕСТИВАЛИ МАЙЯ.

Церемонии нового года под знаком *мулука* были очень похожи на только что описанные, хотя и проводились в честь других божеств. Танец, исполняемый на высоких строительных лесах, сопровождавшийся жертвоприношением индеек; другой танец, исполненный стариками, державшими в руках маленькие фигурки собак из обожженной глины; и жертвоприношение собаки с особыми отметинами, были, однако, дополнительными элементами. То же самое можно сказать о новом году под знаком *ух* и о новом году под знаком *кауака*, когда выполняемые обряды были достаточно похожи на предыдущие, чтобы не нуждаться в дальнейшем описании.^[1031]

Боги юкатеков требовали от своих почитателей гораздо меньше человеческих жизней, чем боги науа. Страницы истории Юкатека не омрачены постоянными кровавыми пятнами, которые затемняют историю народа науа. Событие, которое в Мексике стало бы предсмертным сигналом к гекатомбе человеческих жертв, на Юкатане было бы отмечено смертью пятнистой собаки. Должность жреца, которая в Мексике была одной из высших почестей, которых мог достичь священник, на Юкатане считалась нечистой и унижающей достоинство.^[1032] Тем не менее, религия юкатеков не была свободна от человеческих жертвоприношений, и хотя для этой цели использовались пленники, взятые на войне, все же говорят, что их набожность была такова, что в случае недостатка жертвы они посвящали

своих детей алтарю, а не позволяли богам быть лишенными причитающегося им.^[1033] Но редко случалось, чтобы одновременно приносили в жертву более одной жертвы. время, по крайней мере, в прежние дни, и даже тогда он не был зарезан, как науа, но был пронзен стрелами в сердце, прежде чем его положили на жертвенный камень.^[1034]

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ В ЧИЧЕН-ИЦЕ.

В Чичен-Ице человеческие жертвоприношения совершались особым образом. В центре города была огромная яма с водой, окруженная со всех сторон густой рощей, которая, несмотря на свое расположение, делала это место тихим и уединенным. Винтовая лестница, грубо вырубленная в скале, спускалась к кромке воды от подножия алтаря, стоявшего на самом краю ямы.^[1035] Сначала здесь приносили в жертву только животных и благовония, поскольку учение Кукулкана запрещало приносить человеческие жертвы, но после ухода великого апостола майя юкатеки вернулись к своим порочным обычаям,^[1036] и яма Чичен снова была осквернена человеческими телами. Сначала было достаточно одной жертвы, но число постепенно увеличивалось, пока в последние годы независимости майя не были принесены в жертву сотни человек одновременно. Если стране угрожало какое-нибудь бедствие, если неурожай или не хватало необходимого количества дождя, люди спешили в бездну ужаса, чтобы вознести молитвы и умиловить гнев богов дарами человеческой жизни. В день жертвоприношения жертвы, которые обычно были молодыми девственницами, приводились в храм, облачались в соответствующие случаю одежды и оттуда направлялись к священной яме в сопровождении множества жрецов и жриц всех рангов. Там, пока благовония горели на алтаре и в жаровнях, исполняющий обязанности священника объяснил им, о чем они должны умолять богов, в присутствии которых их собирались представить. Затем вокруг тела каждой жертвы обвязывали длинную веревку, и в тот момент, когда дым перестал подниматься от алтаря, всех сбрасывали в пропасть. Толпа, собравшаяся со всех концов страны, чтобы увидеть жертвоприношение, немедленно отступила от края ямы и некоторое время продолжала молиться без перерыва. Затем тела вытащили и похоронили в соседней роще.^[1037]

У пипилей было два идола: один в виде мужчины по имени Кецалькоатль, другой в виде женщины по имени Ицквей. Определенные дни их календаря были специально отведены для каждого из божеств, и в эти дни приносились жертвы. Каждый год совершались два очень торжественных жертвоприношения: одно в начале лета, другое в начале зимы. На них, по словам Эрреры, присутствовали только лорды.^[1038] Жертвоприношение совершалось внутри храма, и жертвами были мальчики в возрасте от шести до двенадцати лет, бастарды, рожденные между собой. В течение дня и ночи, предшествовавших жертвоприношению, звучали барабаны и трубы, а на следующий день собрались люди. Затем из храма вышли четыре священника, каждый с небольшой жаровней с горящими благовониями; вместе они повернулись в сторону солнца и, преклонив колени, вознесли благовония и молитвы; затем они сделали то же самое в направлении четырех сторон света.^[1039] Закончив молитвы, они удалились в четыре небольшие часовни, построенные по четырем углам храма, и там отдохнули. Затем они отправились в дом первосвященника, взяли оттуда мальчика, который должен был быть принесен в жертву, и четыре раза провели его по двору храма, танцуя и распевая песни. Когда эта церемония была закончена, первосвященник вышел из

своего дома вместе с прорицателем и стражем святилища и поднялся по ступеням храма вместе с касиком и главными людьми, которые, однако, остались у дверей святилища. Четверо жрецов схватили мальчика за руки и ноги, и вышедший страж храма с маленькими колокольчиками на запястьях и лодыжках вскрыл левую грудь жертвы, вырвал сердце и передал его верховному жрецу, который положил его в маленький расшитый кошелек, который он носил с собой. Четверо жрецов набирали кровь жертвы в четыре джикары, или чаши, сделанные из скорлупы определенного фрукта, и, спускаясь одна за другой во внутренний двор, разбрызгивали кровь правыми руками по сторонам света. Если оставалось еще немного крови, они возвращали ее первосвященнику, который помещал ее вместе с кошельком, содержащим сердце, в тело жертвы через нанесенную рану, и тело предавали земле в храме. Это была церемония жертвоприношения в начале каждого из двух сезонов.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ.

Когда от их военачальника была получена информация о том, что он одержал победу, прорицатель выяснил, какому из богов следует принести жертву. Для Кецалькоатля церемония длилась пятнадцать дней; для Ицквейе - пять дней; и каждый день они приносили в жертву пленника. Эти жертвоприношения совершались следующим образом: все, кто участвовал в битве, возвращались домой процессией, с песнями и танцами, приводя с собой пленников, которых должны были принести в жертву, их запястья и лодыжки были украшены перьями и халхиуитами, а шеи - нитками из какао-бобов. Первосвященники и другие служители вышли во главе народа, чтобы встретить их музыкой и танцами, а касики и капитаны передали тех, кто должен был быть принесен в жертву первосвященнику. Затем они все вместе отправились во внутренний двор своей *теупы*, или храма, где продолжали танцевать день и ночь в течение всего времени жертвоприношений. Посреди двора стояла каменная скамья, на которой была растянута жертва, а четыре священника держали его за ноги и руки. Затем вперед выступил приносящий жертву священник, украшенный множеством перьев и увешанный маленькими колокольчиками, держа в руке кремневый нож, которым он вскрывал грудь жертвы, вырывал сердце, размахивал им по сторонам света и, наконец, подбрасывал его в воздух с достаточной силой, чтобы оно упало прямо посреди двора, говоря: "Прими, о Боже, это благодарственное приношение за победу".^[1040] Это жертвоприношение было публичным и его видел весь народ. У мужчин брали кровь из интимных частей тела, а у женщин - из ушей, языка и других частей тела; когда кровь вытекала, ее собирали ватой и предлагали мужчины Кецалькоатлю, женщины - Ицквейе.

Когда пипилы собирались отправиться на охоту или рыбалку, они сначала приносили жертвы своим богам. Для этой цели они взяли живого оленя,^[1041] и, приведя его во двор храма, там задушили, а затем содрали с него кожу, сохранив кровь в сосуде. Печень, легкие и желудок были нарезаны небольшими кусочками, которые затем отложили в сторону вместе с сердцем, головой и ногами. Оставшаяся часть оленя была приготовлена сама по себе, и кровь тоже, и пока это делалось, люди танцевали. Затем верховный жрец со своим помощником взяли голову за уши, а каждый из четырех жрецов - за ступню, в то время как страж святилища положил сердце в жаровню и сжег его с копалом и улли богу, покровителю охоты. После танца голова и ступни были опалены в огне перед идолом и отданы первосвященнику на съедение. Плоть и кровь были съедены другими служителями храма

перед идолом, и то же самое было сделано с другими животными, принесенными в жертву. Перед идолом сжигали рыбы внутренности.^[1042]

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ В НИКАРАГУА.

У цивилизованных народов Никарагуа, по-видимому, существовало восемнадцать различных праздников, соответствующих восемнадцати месяцам в их календаре.^[1043] Они провозглашались священником, держащим в руке орудие жертвоприношения, со ступеней, ведущих к жертвенному алтарю во дворе храма. Он сообщил, кто и сколько человек должно быть принесено в жертву, и должны ли они быть пленниками, взятыми в бою, или отдельными людьми, воспитанными между собой для этой цели.^[1044] Когда жертва была распростерта на камне, исполняющий обязанности жрец трижды обошел вокруг него, печально напевая тоном; затем он вскрыл грудь жертвы, вырвал сердце и обмазал его лицо кровью. Затем он расчленил тело и отдал сердце первосвященнику, ступни и кисти царю, бедра тому, кто захватил его в плен, внутренности трубачам, а остальное народу, чтобы все могли съесть.^[1045] Головы принесенных в жертву были установлены в качестве трофеев на деревьях, предназначенных для этой цели.^[1046] Если приносимого в жертву человека покупали, внутренности, руки и ступни помещали в тыкву, а сердце и все остальное сжигали.^[1047] Поскольку отцу было законно продавать своих собственных детей и каждого человека в отдельности, поэтому они не ели мяса таких жертвоприношений, потому что они были их соотечественниками и родственниками. Когда они ели мясо принесенных в жертву иностранцев, они устраивали зажигательные танцы и проводили дни в пьяных кутежах и курении, но не имели половых сношений со своими женами, пока длился праздник.^[1048] На определенных празднествах они приносили в жертву кровь, взятую из их собственных тел, которой натирали бороду и губы идола.

Жрецы были одеты в белые хлопчатобумажные плащи, некоторые короткие, другие свисали с плеч до пят, к поясам были прикреплены сумки, в которых они носили острые каменные ножи, бумагу, молотый уголь и определенные травы. Братья-миряне держали в руках маленькие флажки с нарисованным на них идолом, которого они больше всего почитали, и маленькие кошельки с порохом и шилами; у юношей были луки и стрелы, дротики и щиты. Идол, по форме и виду очень устрашающий, был водружен на копье и несен старейшим жрецом. Аскеты шли гуськом, распевая песни, к месту поклонения. Они расстелили мантии и разбросали розы, чтобы штандарты не касались земли. Процессия остановилась; пение прекратилось; они пали на молитву. Прелат хлопнул в ладоши; у одних текла кровь из языка, у других - из ушей, из интимного члена или из любой другой части тела, к которой их вела набожность. Они брали кровь на бумагу или на свои пальцы и мазали лицо идола. Тем временем юноши танцевали, прыгали и потрясали своим оружием. Те, кто порезался, залечивали свои раны с помощью толченого древесного угля и трав, которые они носили с собой для этой цели. Во время этих обрядов они окропляли кукурузу кровью из своих интимных мест, и ее раздавали и ели как освященный хлеб.^[1049]

НАРОДНЫЕ ПИРЫ.

Подобно мексиканцам, майя имели большое пристрастие развлекать друг друга на банкетах, и о них рассказывают, что они часто тратили на одно такое мероприятие сумму, на которую им потребовалось много месяцев, чтобы заработать. Периоды помолвки и бракосочетания всегда оживлялись роскошными пирами. Всякий раз, когда требовалось заключить какой-либо контракт, устраивался пир, и акта совместной еды и питья на публике и при свидетелях было достаточно, чтобы сделать такой контракт действительным.^[1050] Лорды и знатные люди устраивали пиры друг для друга, и поскольку все гости были обязаны ответить на комплимент, должно быть, пиршества продолжались непрерывно. Коголлудо утверждает, что мясо ели только на банкетах, и это может в какой-то мере объяснить частоту, с которой они происходили, и этикет, который требовал возврата приглашения.

На своих приемах они соблюдали определенную формальность, рассаживаясь либо по двое, либо по четверо. Каждый из гостей получил жареную птицу, немного хлеба и обилие какао. Когда трапеза была закончена, гостям были розданы подарки, каждому из которых были вручены накидка, маленький табурет и красивая чашка. Красивые женщины выступали в роли виночерпиев, и когда одна из них подносила гостю кубок с вином, она поворачивалась к нему спиной, пока он пил. Пир продолжался до тех пор, пока все не опьянели, а затем жены повели своих пьяных мужей домой. Когда устраивался свадебный банкет или банкет в память о подвигах их предков, ответного приглашения не ожидалось.^[1051] Их развлечения обычно оживляла компания танцоров и музыкантов, которые исполняли драматические представления под руководством того, кого звали *холпон*, или церемониймейстер; он давал указания актерам, руководил певцами и музыкантами, и от него все должны были брать пример. Актеров звали *бальзам*, что соответствует слову "шут" или "мимикрировать". Поскольку женщинам не разрешалось участвовать в ряженных, их места занимали мужчины. Их движения во время спектакля были серьезными и монотонными, но они были искусны в мимике и карикатуре, которые они часто использовали как средство порицания своих вождей.^[1052] Пьесы, как правило, носили исторический характер, их сюжетом были великие

деяния их предков; их песни состояли из баллад, основанных на местных традициях и легендарных сказаниях.^[1053]

МУЗЫКА И ТАНЦЫ.

Любимым танцем майя был танец под названием *коломче*; в нем принимало участие большое количество мужчин, иногда до восьмисот. Они образовали кольцо, и во время их движения несколько музыкантов аккомпанировали им. Когда начались танцы, двое актеров, все еще шагая в ногу с остальными, вышли с ринга, один держал в руке связку палочек и танцевал прямо, в то время как другой съезжился, продолжая танцевать. Затем тот, у кого были волшебные палочки, со всей силы швырнул их в своего товарища, который с большой ловкостью парировал их короткой палкой. Когда эти двое закончили, они вернулись на свое прежнее место в круге, а двое других заняли их место и проделали то же самое представление, остальные последовали за ними в свою очередь. У них также были военные танцы, в которых участвовало большое количество людей, исполнители держали в руках маленькие флажки.^[1054]

У них было множество музыкальных инструментов, среди которых выделялся *тункул*, который был почти тем же, что и мексиканский тепонацтли.^[1055] У них были другие барабаны, сделанные из полого ствола и покрытые с одного конца оленьей кожей, панцири черепах, в которые они ударяли оленьими рогами, трубы, некоторые из морских раковин, а другие из полых тростей с тыквенным горлышком на конце, свистульки и флейты, сделанные из кости и тростника, а также различные виды погремушек.^[1056] Ланда говорит, что в каждой деревне был большой дом или, скорее, сарай, поскольку он был открыт со всех сторон, в котором молодые люди встречались для развлечения.^[1057] Овьедо, который был свидетелем некоторых танцев и игр среди никарагуанцев, так описывает один, который он видел в Текоатеге после сбора урожая какао. В танце приняли участие до шестидесяти человек, все мужчины, хотя некоторые из них представляли женщин. Они были раскрашены в различные цвета и узоры, на головах у них были красивые пучки перьев, а вокруг лиц - различные украшения, в то время как некоторые носили маски, похожие на птичьи головы. Они исполняли танец, двигаясь парами и держась на расстоянии трех-четырех шагов от пары к паре. В центре квадрата был прочно вбит в землю высокий шест высотой более шестидесяти футов; на вершине сидел ярко раскрашенный идол, которого они называли богом *какагуата*, или какао; вокруг вершины были укреплены четыре других шеста в форме квадрата, а на нем была намотана толстая травяная веревка, к концам которой были привязаны два мальчика семи-восьми лет. У одного из них в одной руке был лук, а в другой связка стрел; другой мальчик нес красивый веер из перьев и зеркало. На определенном этапе танца мальчики вышли с площадки, и веревка начала разматываться; они кружились в воздухе, все дальше уходя и уравнивая друг друга, а веревка продолжала разматываться. Пока они спускались, шестдесят мужчин продолжили свой танец под звуки певцов, бьющих в барабаны и таборы. Мальчики пронеслись по воздуху с большой скоростью, двигая руками и ногами, создавая видимость полета. Когда они достигли площадки, танцоры и певцы разразились громкими приветствиями, и фестиваль был завершен.^[1058] Еще одним любимым развлечением было представление на качающейся перекладине. Для этого в землю были прочно воткнуты два высоких раздвоенных столба; поперек них и в развилках был прочно привязан шест. Этот шест проходил под прямым углом через отверстие в центре толстого бруса, сделанного с возможностью вращения на

нем из очень легкого дерева; ближе к концу бруса были прикреплены поперечные палки, за которые могли держаться исполнители. По мужчине встали с каждого конца, и когда перекидка пришла в движение, они закружились круг за кругом, к восторгу зрителей. [\[1059\]](#)

ГЛАВА XXIII.

ОБЫЧАИ МАЙЯ В ЕДЕ, ОДЕЖДЕ, ТОРГОВЛЕ И ВОЙНЕ.

ВВЕДЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА—Традиция киче, связанная с открытием кукурузы—КУЛЬТУРА КУКУРУЗЫ—СУЕВЕРИЯ ФЕРМЕРОВ—ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО—ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ, ДОМАШНЯЯ ПТИЦА И ПЧЕЛЫ—КОНСЕРВИРОВАНИЕ И ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПИЩИ—БЛЮДА—НАПИТКИ И ПРИСТРАСТИЯ К ПИТЬЮ-Каннибализм—Одежда майя—мактли, мантии и сандалии—Одежда королей и священников—Женская одежда—Волосы и борода—Личные украшения—Сплющивание головы, перфорация, татуировка и раскрашивание—Личные привычки-Торговля—Валюта—Рынки—СУЕВЕРИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ—КАНОЭ И БАЛЬЗАС—ВОЙНА—Военачальники—Знаки отличия—Доспехи—Оружие—Укрепления—Сражения—ОБРАЩЕНИЕ С ПЛЕННЫМИ.

Огненная земля и низкие, покрытые лесом предгорья региона Усумасинта на границе Юкатана, Гватемалы, Чьяпаса и Табаско претендуют на звание места зарождения американской цивилизации не меньше, чем любой другой населенный пункт. Здесь, по-видимому, Вотан и Гукумац, полубоги или цивилизаторы, одержали свои первые победы над силами варварства. В самые отдаленные времена, к которым нас относят смутные предания и мифические басни, боги со странными человеческими качествами или люди, обладающие удивительными сверхъестественными способностями, недавно прибывшие в эту страну, совещались друг с другом, как им подчинить своей власти и избавить от варварства местные группы дикарей, или "животных", которые голыми бродили по лесам и питались корнями и дикими плодами. Обсуждение традиции со ссылкой на ее историческое значение чуждо моей нынешней цели, но поскольку история включает традиционное происхождение сельского хозяйства и открытие кукурузы в виде нового творения, это подходящее введение к настоящей главе о еде, одежде и торговле народов майя. В "анналах аборигенов киче" эта история излагается следующим образом:[\[1060\]](#)

Посмотрите, как они начали думать о человеке и искать то, что должно войти в плоть человека. Затем заговорил тот, кто порождает и тот, кто дает бытие, Тепеух, Гукумац, создатель и первый, и сказал: "Уже близок рассвет; работа завершена; узрите, что опора, приемный отец, облагорожен; сын цивилизации, человек, почитаем, и человечество на лице земли". Они пришли и собрались в большом количестве; под покровом ночи они присоединились к своему мудрому совету. Тогда они искали и совещались в печали, размышляя; и так проявилась мудрость этих людей; они нашли и были призваны увидеть то, что должно войти в плоть человека; и рассвет был близок.

В Паксиле, или Кайале ("стране разделенных и стоячих вод"), как его называют, росли початки желтой и белой кукурузы. Вот имена варваров, отправившихся на поиски пищи: Лиса, Шакал, Парокет и Ворона — четверо варваров, которые рассказали им о початках белой кукурузы и желтой, которые пришли в Паксил и привели их туда. Там они получили, наконец, пищу, которая должна была войти в плоть человека, человека сотворенного и сформированного; это была его кровь, которая стала кровью человека — эта кукуруза, которая вошла в него благодаря тому, кто создает, от того, кто дает бытие.

И они радовались, что наконец прибыли в эту превосходнейшую страну, полную всяких вкусов, где в изобилии росла белая и желтая кукуруза, а также какао, где были сапоты, много фруктов и меда; все было изобилует лучшей пищей в этой стране Паксил, или Кайала. Там была еда всех видов; там были большие и маленькие растения, к которым их приучили варвары. Затем они начали молоть желтую и белую кукурузу, и Шмукане приготовила из нее девять напитков, которые питали человека и придавали ему силу, придавая ему плоть и рост. Таковы были деяния зачинателя и подателя бытия, Тепеуха, Гукумаца. Вслед за этим они начали говорить о создании нашей первой матери и нашего первого отца. Только желтая кукуруза и белая кукуруза вошли в их плоть, и только они образовали ноги и руки человека; и это были наши праотцы, четверо людей, которые были сформированы, в чью плоть вошла эта пища.

И со времени его традиционного открытия Гукумацем, или Кецалькоатлем, вплоть до завоевания испанцами и даже до настоящего времени желтая и белая кукуруза в нескольких ее разновидностях была основным источником ежедневной пищи майя, как и народов науа. Каждый год в последние месяцы засушливого сезона, с марта по май, фермер занимался подготовкой своей *мильпы*, или кукурузного поля, для чего он просто срезал или выкорчевывал густую поросль и сжигал ее. Полученная таким образом зола была единственным удобрением, когда-либо применявшимся, и даже в ней, вероятно, никогда не было необходимости в этой плодородной тропической стране. Незадолго до того, как выпал первый дождь, с мешком семенного маиса на плече и заостренной палкой в руке он проделал через равные промежутки времени ямки в золе и в каждую положил по пять-шесть зернышек, прикрывая их тем же инструментом, возможно, с помощью ноги. На Юкатане плантаторы объединились в группы по двадцать человек для взаимопомощи, работая сообща до тех пор, пока земля всего клуба не была должным образом засеяна. Было принято засеивать не очень большие поля, а довольно много в разных населенных пунктах, чтобы защититься от возможного частичного неурожая по местным причинам. Живые изгороди, рвы и заборы были построены, чтобы окружить *мильпы*, настолько эффективные в стране Лакандоне, что лошади испанцев не могли их перепрыгнуть. Во время роста кукурузу тщательно очищали от сорняков, и мальчики наблюдали за ней после того, как она начала созревать. В Никарагуа, где, по словам Овьедо, сельскому хозяйству уделялось больше внимания, чем в любом другом регионе, который он посетил, мальчики занимали свои посты на деревьях, разбросанных по полю, или иногда на приподнятых крытых лесах из дерева и тростника, называемых *барбакоас*, откуда они непрерывно кричали, отгоняя птиц. Орошение практиковалось, когда дождей было мало, и, если можно отдать должное Овьедо, благодаря такому искусственному форсированию урожая в Никарагуа хорошо налившаяся кукуруза была собрана только через сорок дней после посева семян. Виллагутьерре утверждает, что ица проводили большую часть своего времени в богослужении, танцах и пьянстве, полагаясь на необработанные фрукты и плодородие своей почвы для пропитания и довольствуясь очень маленькими *мильпами*.

После кукурузы какао, пожалуй, было культурой, которой уделялось наибольшее внимание. Он рос в жарких и тенистых местах, и там, где не было естественной тени, для этой цели были высажены деревья. В Никарагуа он назывался *какагуат*, и его собирали с февраля по апрель. Несколько разновидностей, несколько более низкого качества, произрастали в диком виде и широко использовались туземцами. Выращивание бобов, перца, хлопка и многочисленных местных фруктов широко распространялось, но у нас нет подробностей относительно используемых методов.^[1061] В связи с посадкой и выращиванием различных культурных растений майя придерживались некоторых своеобразных суеверий. Далекие от понимания простейших законов природы, они признавали только сверхъестественные факторы, влияющие на рост или гибель их посевов. Коголлудо утверждает, что на Юкатане во время выращивания хлопка не ели мяса из опасения, что он не успеет созреть. Никарагуанцы, по словам Давилы, не ели ни соли, ни перца, не пили никаких опьяняющих напитков и не спали со своими женщинами во время посева. Овьедо также заметил определенные связки палок, разложенные по углам каждого поля, а также листья, камни и хлопчатобумажные тряпки, разбросанные по поверхности уродливыми и деформированными старыми ведьмами с какой-то неизвестной, но, несомненно, суеверной целью. Паласио рассказывает нам, что пипилы, прежде чем начать сажать, собирали в маленькие чаши образцы всех семян, которые после совершения с ними определенных обрядов перед идолом закапывали в землю и сжигали над ними копал и улли. Кровь свободно брали из разных частей тела, чтобы помазать идола; и, как утверждает Хименес, кровью убитых птиц окропляли землю для посева. В случае какао лучшие зернышки подвергались воздействию лунного света в течение четырех ночей; и какое бы семя ни было посажено, земледельцы должны спать отдельно от своих жен и наложниц в течение нескольких дней, чтобы в ночь перед посевом они могли в полной мере удовлетворить свои страсти; говорят, некоторым людям даже было поручено совершить половой акт в тот самый момент, когда первые семена были посажены в землю. Прежде чем приступить к прополке, они воскурили благовония в четырех углах поля и вознесли горячие молитвы идолам. Когда кукуруза созревала, они срывали самые лучшие початки и приносили их в жертву богам, жрецам, а иногда и беднякам. Во время сбора урожая кукуруза была насыпана в кучу на поле и не перемещалась до тех пор, пока само зерно не подало сигнал о том, что оно готово; сигналом было, как утверждает Брассер, появление свежей травинки или, согласно Хименесу, падение початка из кучи.^[1062]

Дом майя почти во всех его частях изобиловал множеством разновидностей дичи, и авторы сообщают, что местные жители были опытными охотниками и рыбаками, но об особых методах, используемых для добычи пищи в лесу, океане и реке, сохранилось мало информации. Жители Юкатана пользовались луком и стрелами; были особенно искусны в метании стрелы или дротика с помощью куска дерева толщиной в три пальца, с отверстием в треть его длины; и, согласно Коголлудо, они разводили охотничьих собак, которые были обучены выслеживать и хватать оленей, тигров и кабанов, а также барсуков, кроликов, броненосцев и игуан. Последнее животное было, как и до сих пор, любимой пищей. Традиция гласит, что тутуль ксиу, когда они впервые пришли на Юкатан, не пользовались оружием, но были известны своим мастерством ловли дичи с помощью силков, капканов и подобных приспособлений. В Гватемале для отстрела птиц иногда использовались духовая трубка и глиняные пули. Часть всей добытой дичи должна была отдаваться правителям города и провинции, а также большая часть — половина, как говорит нам Лас Касас из Гватемалы, — должна быть предложена богу охоты или, другими словами, сервирована для

столов священников. Рыба и черепахи были основными продуктами питания в некоторых прибрежных регионах, и Овьедо описывает никарагуанцев как опытных рыбаков, которые добывали рыбу в океанах и реках с помощью удочек, лески и мух, а также хлопчатобумажных сетей, а также загонов и насыпей в приливных водах. Говорят, у них было растение, *байгуа*, отвар которого, если его добавить в воду, рыба всплывала на поверхность без чувств. Ица и, вероятно, другие использовали гарпун. Только что вылупившиеся молодые аллигаторы считались деликатесом в Вера-Пас, и в соответствующее время года за ними отправлялись большие флотилии каноэ. Тапир также был любимым продуктом питания. Жаб и других рептилий, по-видимому, употребляли в пищу, когда других припасов не было под рукой.^[1063]

УПОТРЕБЛЕНИЕ МЯСА В ПИЩУ.

В качестве предмета повседневной пищи мясо использовалось сравнительно мало; Коголлудо даже заходит так далеко, что утверждает, что на Юкатане его ели только на пирах. Помимо добычи, собак определенного вида выращивали для употребления в пищу. Они были небольшого размера, без шерсти, не умели лаять, а после кастрации стали очень толстыми. В Никарагуа их называли *ксулос*, а на Юкатане - *цомес*, но, вероятно, они были такими же, как уже упомянутые *техичи* в Мексике. Были одомашнены индейки, утки, гуси и другая домашняя птица; упоминаются также свиньи, кролики, и зайцы. Множество пчел содержалось ради меда и воска, и Лас Касас упоминает ульи без описания. Гомара говорит, что пчелы были маленькими, а мед несколько горьковатым. Единственными способами приготовления соли, которые я нахожу особо упомянутыми, были запекание вымытой приливом земли, уваривание рассола, приготовленного из продукта, а также кипячение щелока, получаемого путем выжимания пиявками золы пальмы под названием *саксам*. Первый метод практиковался в Гватемале с большими затратами труда и богатства, как говорит Эррера; второй относится к Юкатану. Многие корни, конечно, использовались в пищу, а особая трава, называемая *яат*, смешивалась с лаймом и постоянно носилась никарагуанцами во рту во время марша или путешествия как средство от усталости и жажды.^[1064]

Что касается сохранения и приготовления пищи, а также привычек людей принимать пищу ежедневно, то здесь нет никаких отличий от того, что было сказано о науа. Неизменные тортильи и тамале были стандартным блюдом, готовившимся так же, как и на севере; мясо вялили, солили, жарили и тушили с перцем в качестве любимой приправы. Фрукты, возможно, были более заметным продуктом питания, и их ели по большей части сырыми.^[1065] Коголлудо сообщает нам, что юкатеки ели регулярно один раз в день, незадолго до захода солнца; и нам также говорят, что они прилагали большие усилия, чтобы поддерживать свои яркие скатерти и салфетки в состоянии идеальной чистоты. В Никарагуа привыкли мыть руки и рот после еды; и вожди, которые сидели кружком на деревянных скамьях и которым прислуживали женщины, тоже мылись в начале трапезы. Мужчины и женщины всегда едят отдельно, причем последние берут еду с земли или иногда с блюда, сделанного из пальмовых листьев. Майя хватало очень мало пищи, и они могли долго переносить голод, но, как и все коренные жители Америки, они обильно ели, когда их хорошо снабжали, не обращая внимания на то, что в будущем еды может не хватать.^[1066]

Мы видели, что вначале, согласно традиции, Шмукане изобрел девять напитков, которые готовились из кукурузы. Точный состав этих знаменитых напитков древности не приводится; но Ланда говорит по меньшей мере о шести, при приготовлении которых использовалась кукуруза, по крайней мере, в качестве ингредиента. Для приготовления первого кукурузу наполовину отваривали в лаймовой воде, крупно измельчали и консервировали в виде маленьких шариков, которые просто смешивали с водой для употребления; этот напиток широко использовался в путешествиях и часто был единственным продуктом, который также использовался в пищу. Второе готовилось из той же очищенной кукурузы, которая была мелко измельчена и замешана в воде до образования кашицы, которая нагревалась и густела на огне и была любимым напитком, употребляемым горячим по утрам. Третье блюдо представляло собой молотую кукурузу, разведенную в воде и приправленную перцем или какао. Четвертое блюдо состояло из молотой кукурузы и какао и было разработано специально для публичных праздников. Для пятого из какао извлекали жир, очень похожий на сливочное масло, и смешивали с кукурузой. Шестое готовили из измельченной сырой кукурузы. Перебродивший ликер, приготовленный из кукурузы и какао, который пили ица, назывался *зака*. Местные вина изготавливались из меда и воды, инжира и большого разнообразия фруктов; вина, приготовленные из местных фруктов, называемых *джакоте*, и одна из красных вишен, были очень популярны в Никарагуа. *Чича* представляла собой ферментированный напиток, приготовленный из ананасового сока, меда или сахара и воды. Упоминается пультке, приготовляемая из магуэя, но это растение, по-видимому, не играло такой важной роли на юге, как на севере; по крайней мере, о нем очень мало говорится. Упоминается также, что очень крепкое и вонючее вино готовится из определенного корня. Эррера говорит нам, что маисовые вина напоминали пиво, а Андагоя - что их опьяняющие свойства были не очень продолжительными. Бенцони жалуется, что местные вина не смогли успокоить дух, согреть желудок и усыпить, как кастильские. Шоколад и другие напитки, приготовленные из какао, были всеобщими любимцами и готовились как из диких, так и из культурных сортов. Овьедо утверждает, что в Никарагуа никто, кроме богатых и знатных, не мог позволить себе пить его, поскольку это буквально пропивало деньги. Он описывает способ приготовления какао, кокос, или *какагуат*. Его собирали с деревьев с февраля по апрель, сушили на солнце, обжаривали, размалывали в воде, смешивали с некоторым количеством *биксы*, пока он не приобретал ярко-красный цвет, а высушенную пасту консервировали в виде лепешек. Этой пастой туземцы с удовольствием мазали свои лица. Для приготовления напитка, по-видимому, не использовали нагрев, по крайней мере в этой части страны, а просто растворяли пасту в воде и переливали ее из одной посуды в другую, чтобы образовалась пена.

Майя, по-видимому, были народом, сильно пристрастившимся к пороку пьянства, который считался гораздо менее позорным и менее сурово карался законами, чем у науа. Для полного наслаждения застольем или свадьбой было совершенно необходимо опьянеть; жена даже подавала соблазнительные напитки своему мужу, скромно отворачивала голову, пока он пил, любезно провожала его домой, когда празднество заканчивалось, и даже иногда сама опьяневала, если верить Ланде. Тот же авторитет описывает уроженцев Юкатана как очень жестоких и непристойных в пьяном виде, и Овьедо говорит, что тому, кто падал без чувств от выпитого на пиру, разрешалось оставаться там, где он упал, и его товарищи смотрели на него с чувством зависти.^{[110671](#)}

Обычай употребления в пищу мяса человеческих жертв, приносимых в жертву богам, вероятно, практиковался более или менее во всех регионах майя; но ни этот каннибализм, ни жертвоприношения, которые его породили, не были столь широко распространены, как у мексиканцев. Некоторые авторы, такие как Гомара, отрицают, что на Юкатане когда-либо употребляли в пищу человеческое мясо, но другие, такие как Эррера, Виллагутьерре и Питер Мартин, опровергают это, хотя и признают, что случаи каннибализма были редки, а жертвами становились только принесенные в жертву враги. Лас Касас утверждает, что в Гватемале руки и ноги были отданы королю и первосвященнику, остальное - другим священникам, и что ничего не осталось для народа. В Никарагуа первосвященник получал сердце, король - ступни и кисти рук, тот, кто захватывал жертву, забирал бедра, trebuха раздавалась трубачам, а остальное делилось между народом. Голова не была съедена. Съедобные части нарезали небольшими кусочками, отваривали в больших горшочках, приправили солью и перцем и съели вместе с кукурузными лепешками. На определенных праздниках маис также окропляли кровью из гениталий. По словам Эрреры, некоторых испанцев ели на Юкатане, но Альборнос говорит нам, что уроженцы Гондураса сочли иностранцев слишком жесткими и горькими для употребления в пищу.^[1068]

ОДЕЖДА МАЙЯ.

Из—за более теплого климата в южных землях или из-за разницы во вкусах населения, майя, по-видимому, уделяли несколько меньше внимания одежде и личным украшениям, чем науа, или, скорее, одежда майя была гораздо более простой и единообразной среди различных классов общества; и, насколько можно определить из очень скудных дошедших до нас сведений, различия в одежде разных народов были лишь очень незначительными - на самом деле гораздо меньшими, чем можно было бы естественно ожидать между племенами низменных равнин Юкатана и гватемальского нагорья. . Однако очень мало сохранившейся информации относится к народу Гватемалы. Мужчины почти повсеместно носили одежду, известную в Мексике как макстли, длинную полосу хлопчатобумажной ткани, обмотанную несколько раз вокруг поясницы и проходящую между ног. Эту полоску часто скручивали так, чтобы она напоминала шнур, и чем выше класс или чем больше богатство владельца, тем больше длина шнура и количество оборотов вокруг тела. У ица и других племен Юкатана вместо того, чтобы пропускать эту одежду между ног, ее концам часто позволяли свисать, одному спереди, а другому сзади, и в таких случаях они были более или менее расшиты или иным образом украшены.^[1069] В более современные времена макстли, по-видимому, были, по крайней мере в некоторых случаях, заменены хлопчатобумажными панталонами, завязанными шнурком вокруг талии и с закатанными штанинами до середины бедра.^[1070] Большая часть майя, особенно беднейших классов, обычно не носила никакой другой одежды, кроме упомянутой; но очень немногие были без куса хлопчатобумажной ткани площадью около четырех или пяти квадратных футов, который использовался как покрывало ночью и часто надевался днем, завязывая два угла с одной стороны на плечах и позволяя ткани свисать со спины. Испанцы повсеместно применяют к этому предмету одежды несколько неопределенный термин "мантия". Эти мантии носят до сих пор.^[1071] Единственным другим упомянутым предметом одежды,

который, как точно не указано, носили разве что на Юкатане, была своего рода свободная рубашка без рукавов, доходящая до колен. Эти рубашки, так же как и мантии, носились как белыми, так и окрашенными в яркие и пестрые цвета.^[1072] Я не нахожу упоминаний о другом материале, кроме хлопка, использовавшегося для одежды, за исключением какчикелей, которые, по словам Брассера, носили как кору, так и волокно магуи.^[1073]

Ничто не указывает на то, что одежда знати, священников или королей существенно отличалась от одежды простых людей, за исключением тонкости материала или богатства и изобилия украшений. Вполне вероятно, однако, что высшие классы всегда были одеты в описанную одежду, в то время как большинство плебеев носили только макстли, который иногда представлял собой всего лишь одну полосу ткани, проходящую один раз вокруг талии и между ног. Поскольку о правителях и священниках часто говорят как о одетых в "большие белые мантии" или "ниспадающие мантии", вполне вероятно, что мантии, которые они носили, были намного больше и из более тонкой материи, чем описанные. Ланда рассказывает о священнике с Юкатана, который носил верхнюю одежду из цветных перьев, с края которой до земли свисали полосы хлопка. Паласио рассказывает нам о священнических одеждах в Сальвадоре разных цветов: черном, синем, зеленом, красном и желтом. По словам Ремесаля, священники Гватемалы были грязными, отвратительными и уродливыми, на самом деле одеваясь как свиньи. В Никарагуа Эррера описывает белые хлопчатобумажные стихари и другие священнические облачения, некоторые маленькие, другие свисают с плеч до пят, с висячими карманами, в которых хранились каменные ланцеты с различными травами и порошками, незаменимыми в практике жреческих искусств. Хименес представляет одежду короля Гватемалы такой же, как у народа, за исключением того, что у него были проколоты уши и нос, о чем подробнее позже.^[1074]

ОДЕЖДА ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ.

Женщины повсеместно носили юбку, образованную путем обматывания широкого куска хлопчатобумажной ткани вокруг тела и закрепления его на талии. Эта одежда доходила от талии до колен, как носили плебейки, но женщины более высокого сословия прикрывали ею свои ноги ниже лодыжек. Эррера говорит, что в некоторых частях Никарагуа, особенно на островах, за исключением этой юбки, которая была настолько узкой, что едва ли заслуживала лучшего названия, чем набедренная повязка, женщины были обнажены; но в других местах они всегда старались скрыть свою грудь от посторонних глаз. В некоторых случаях они выполняли это с помощью куска ткани, обвязанного вокруг шеи и застегнутого под мышками; но они также часто носили что-то вроде сорочки или свободного мешка с отверстиями для головы и рук, а иногда и с короткими рукавами. Последнее одеяние всегда надевали по праздникам те, у кого оно было. Андагоя упоминает нечто вроде накидки, которую носили в Никарагуа, в которой было отверстие для головы и которая прикрывала грудь и половину рук. Эррера говорит о мешке, открытом с обоих концов и затянутом на талии, который носили в Никарагуа; а Ланда упоминает о такой же одежде на Юкатане. Женщины, как и мужчины, использовали для сна квадратную накидку и брали ее с собой в путешествия. На Юкатане детям разрешалось оставаться обнаженными до четырех-пяти лет, а в Гватемале - до восьми-девяти лет; но на Юкатане, по словам Ланда, у мальчика в возрасте трех лет в волосы было вплетено белое украшение, а у девочки того же возраста была раковина, привязанная бечевкой таким образом, чтобы прикрывать определенные части ее лица.^[1075]

Очень трудно составить какое-либо определенное представление о методах укладки волос майя, за исключением того, что все они позволяли им отрастать длинными, и большинство людей разделяли их на косы, наматывая одни из них на голову, а другим позволяя свисать по спине. Ланда сообщает нам, что юкатеки сжигали волосы на макушке, позволяя им оставаться короткими, но остальным позволяли отрастать столько, сколько они пожелают, завязывая их вокруг головы, за исключением косы сзади. В Никарагуа брили лоб, а иногда и всю голову, за исключением пучка волос на макушке. Женщины повсюду, да и мужчины, как правило, очень тщательно ухаживали за волосами; первые часто смешивали перья со своими локонами цвета воронова крыла, которые укладывались по-разному в зависимости от того, были ли их обладательницы замужними или незамужними, и особое внимание уделялось прическе невесты. Все авторитетные источники сходятся во мнении, что жрецы Юкатана носили длинные, нечесанные волосы, часто пропитанные жертвенной кровью. Плюмажи из перьев, по-видимому, были их обычным головным убором. Паласио и Эррера упоминают цветной головной убор, митру или диадему со свисающими перьями, которые носил священник в Сальвадоре. Поверх волос женщины обычно носили кусок ткани, в котором аббат Брассер находит сходство с египетской *калантикой*. Пучок волос, падающий на лицо детей, часто делал их косоглазыми; действительно, говорят, что матери укладывали его именно с целью достижения этого эффекта, который они считали желательным, или прикрепляли ко лбу небольшой подвесной пластырь для той же цели. Количество "бизко", которых лечил доктор Кэбот, сопровождавший мистера Стивенса в его экскурсии по Юкатану, показывает, что, хотя косоглазие все еще распространено в стране, этот дефект, по крайней мере, утратил свое очарование для матерей майя.^[1076]

Бороды не носили, и те немногие волоски, которые появились на лице, были немедленно удалены. По словам Ланда, матери, как говорят, прижигали лица маленьких детей горячими тряпками, чтобы предотвратить рост бороды в более поздние годы. После завоевания многие туземцы отрастили бороды, которые, хотя иногда и были длинными, всегда были тонкими и жесткими. Что-то похожее на бороду также можно увидеть на некоторых скульптурных лицах среди руин майя. Овьедо встретил в Никарагуа мужчину лет семидесяти с длинной развевающейся белой бородой.^[1077]

Майя, когда они вообще прикрывали ноги, носили что-то вроде сандалий из грубой ткани или, чаще, из сухой оленьей кожи. Эти сандалии представляли собой просто куски кожи, часто двойные, частично закрывающие подошву и облегающие ее, и крепились хлопчатобумажными завязками от лодыжки к пальцам ног и, возможно, также к пятке. Я не нахожу упоминаний о покрытиях для рук, за исключением "Пополь Вух", где говорится, что перчатки использовались при игре в мяч.^[1078]

УРОДСТВО ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ.

Обеспечив свой комфорт использованием уже описанных предметов одежды, майя, как и большинство других американских аборигенов, считали необходимым изменять и улучшать свое телосложение искусственными средствами. Этого они добивались путем сплющивания головы, подпиливания зубов, прокалывания ушей, носа и губ, нанесения татуировок и раскрашивания; однако маловероятно, что все эти методы обезображивания практиковались всеми туземцами. В Никарагуа головы младенцев были приплюснуты; люди верили, что этот обычай изначально был введен богами; что сжатый лоб был

признаком благородной крови и высшего типа красоты; и, кроме того, голова таким образом была лучше приспособлена для ношения ноши. На Юкатане, по словам Ланда, сложился такой же обычай. Через четыре или пять дней после рождения ребенка укладывали лицом вниз на кровать, а голову зажимали между двумя кусками дерева, один на лбу, а другой на затылке, доски удерживали на месте в течение нескольких дней, пока не была достигнута желаемая форма черепа. Давление было настолько велико, что у ребенка иногда проламывался череп. Я не нахожу упоминаний о сплющивании лба в Гватемале и Чьяпасе, хотя мистер Сквайер, следуя неопубликованной истории Фуэнтеса, говорит, что у киче, какчикелей и зутугилей затылок был сплюснен из-за практики ношения младенцев, плотно привязанных к прямой доске. Тем не менее, из-за частого появления этого типа черепа в скульптурных профилях в Чьяпасе, Гондурасе и на Юкатане, не может быть никаких сомнений в том, что в древнейшие времена приплюснутый лоб был идеалом мужественной красоты, и я думаю, у нас есть достаточные основания полагать, что искусственная форма черепа практиковалась даже более повсеместно в древности, чем в наше время. Происхождение этого обычая - интереснейшая тема для изучения и спекуляций.^[1079]

Практика подпиливания зубов в определенной степени преобладала среди женщин Юкатана, чей идеал стоматологического очарования делал желательным расположение зубьев-пил. Операция была произведена несколькими пожилыми женщинами, профессорами этого искусства, с помощью острых камней с песком и воды.^[1080] Прокалывание ушей, носа и губ практиковалось у всех народов, по-видимому, как мужчинами, так и женщинами, за исключением Гватемалы, где, по словам Хименеса, это было ограничено королями, которые прокалывали нос и уши в знак ранга и власти. У нас нет оснований предполагать, что люди любого класса на Юкатане и в Никарагуа были лишены возможности калечить свои лица или носить на перфорированных чертах любые украшения, которые они могли себе позволить приобрести. Такими украшениями были маленькие палочки, кости, ракушки и кольца из янтаря или золота. Другими украшениями, помимо тех, что были вставлены в уши, нос и губы, были браслеты, кольца, золотые бусы и медали, ожерелья из ракушек, металлические и деревянные жезлы, позолоченные маски, перья и перышки, а также жемчуг. Помимо этого пирсинга в декоративных целях, следует отметить, что прокалывание щек и языков, а также скарификация других частей тела и конечностей были обычным явлением в связи с религиозными обрядами и обязанностями.^[1081]

НАНЕСЕНИЕ ТАТУИРОВОК И РАСКРАШИВАНИЕ.

Татуировку наносили на Юкатане и в Никарагуа, нанося на тело разрывы каменными ланцетами и натирая раны толченым углем или черной землей, которые оставляли неизгладимые следы. Полосы, змеи и птицы, по-видимому, были излюбленными приемами для такого украшения. Процесс был медленным и болезненным, и подчиниться ему считалось признаком храбрости. Татуировку делали профессора, которые сделали это искусство своей специальностью. Коголлудо говорит, что у ица было вытатуировано все тело, но Ланда и Эррера говорят нам, что ни на Юкатане, ни в Никарагуа грудь женщин не подвергалась такому декоративному увечью.^[1082] Раскрашивание лица и тела было универсальным, но мало что можно сказать о деталях обычая, за исключением того, что красный и черный, по-видимому, были любимыми цветами, а цветные земли - наиболее

распространенным материалом для красок. Бикса, однако, часто использовалась для обозначения красного цвета, и какао, окрашенное биксой до кроваво-красного оттенка, в большом количестве намазывалось на лица никарагуанцев. На Юкатане молодые люди обычно носили черный цвет до женитьбы, а после предпочитали разнообразные и яркие рисунки. Черный также был любимым цветом боевой раскраски. Пахучие смолы часто смешивались с красками, особенно женщинами, что делало украшение прочным, липким и крайне неприятным для посторонних обоняний. Похоже, что в Гватемале и, вероятно, в других местах слой краски использовался не только в декоративных целях, но и для защиты от жары и холода. На некоторых никарагуанских праздниках и танцах обнаженные тела раскрашивали в подражание обычной одежде, смешивая с краской хлопковое волокно.^[1083]

ЛИЧНЫЕ ПРИВЫЧКИ.

Все любили духи, и, помимо пахучих веществ, которые дамы добавляли в свою краску, копал и другие смолы сжигались во многих случаях, не только в честь богов, но и ради приятного запаха дыма; сладко пахнущую кору, травы и цветы также обычно носили при себе.^[1084] Все майя, особенно женщины, были довольно опрятны в своих личных привычках, уделяя большое внимание своей одежде и так называемым украшениям. Они часто купались в холодной воде, а иногда принимали горячие ванны, возможно, паровые; но о последнем сказано очень мало, хотя Брассер говорит, что в Гватемале оно использовалось под названием *ту*. Женщины были очень скромны и обычно прилагали много усилий, чтобы не выставлять себя напоказ, но при купании и в некоторых других случаях представители обоих полов, по-видимому, были несколько небрежны в этом отношении. Как на Юкатане, так и в Никарагуа зеркалами пользовались мужчины, но женщины не нуждались в таких приспособлениях или, по крайней мере, не пользовались ими.^[1085] Хотя о таких описанных уродствах, как рисование, татуировка и перфорация, сообщают все авторы, и все они, несомненно, практиковались, все же при чтении рассказов завоевателей вряд ли можно избежать формирования идеи, что такие отвратительные увечья были свойственны определенным классам и определенным случаям, и что масса людей в повседневной жизни представляла гораздо менее отталкивающий аспект.

Я уже говорил о праве собственности на землю и законах наследования у майя. Накоплению богатства в форме личной собственности они, по-видимому, не придавали большого значения. По большей части они довольствовались запасом простой еды для своих столов, необходимой домашней утварью и такими предметами одежды и украшениями, какие требовались их социальному положению; с этим и достаточным избытком, чтобы достойно развлечь своих друзей, они мало заботились о будущем. И все же торговцы были очень почитаемым классом, и их профессия была прибыльной. В каждом городе велась активная торговля, а также между различными городами, провинциями и нациями, чтобы население каждой местности могло быть обеспечено необходимыми товарами как отечественного, так и иностранного производства. Сохранилось мало подробностей относительно способа ведения торговли, но то, что известно по этому вопросу, указывает на то, что торговая система была идентична торговой системе науа, которой была посвящена предыдущая глава. Товары всех классов, еда, одежда, украшения, оружие и орудия труда, предлагались для продажи на рыночной площади каждой деревни, где все сделки между покупателями и продавцами регулировались должностным лицом, обладавшим всеми полномочиями по

исправлению злоупотреблений и наказанию за нарушения законов торговли. Во всех крупных городах периодически проводились ярмарки, которые были переполнены покупателями и продавцами из-за рубежа. Странствующие торговцы пересекали страну во всех направлениях, занимаясь обменом и транспортировкой разнообразных местных товаров. Юкатан вел крупную внешнюю торговлю с Табаско и Гондурасом, из обоих этих регионов импортировалось большое количество какао. Несомненно, существовали и другие международные торговые пути в разных направлениях; мы видели, что торговцы науа пересекали перешеек Теуантепек, чтобы вести торговлю на землях майя, и южные торговцы, несомненно, были представлены на северных ярмарках. Перевозки осуществлялись по большей части перевозчиками по суше, и во многих частях страны, как, например, на Юкатане, великолепные мощеные дороги предлагали путешественнику все удобства; довольно обширная каботажная торговля также велась по воде.

Обычные торговые операции совершались путем обмена, или бартера, одного товара на другой; но там, где это было затруднительно, какао имело хождение в качестве денег среди всех наций. Так, в Никарагуа кролика продавали за десять зернышек какао, а за сотню таких зернышек можно было купить довольно хорошего раба. Несмотря на сравнительно небольшую ценность этих какао-монет, Овьедо сообщает нам, что иногда предпринимались попытки их подделки. Согласно Коголлудо, медные колокольчики и погремушки разных размеров, красные раковины на веревочках, драгоценные камни и медные топоры часто служили деньгами, особенно во внешней торговле. Несомненно, многие другие ценные предметы компактной формы использовались таким же образом. Ланда говорит о сетчатых кошельках, в которых носили деньги туземцев.

РЫНОЧНЫЕ ПРАВИЛА.

Нам сообщили, что на Юкатане предметы обычного потребления, такие как продукты питания, всегда продавались по фиксированной цене, за исключением кукурузы, цена которой немного варьировалась в зависимости от урожая. Кукуруза продавалась каргой, или грузом, который составлял примерно половину кастильской фанеги. В Никарагуа вопрос о цене был полностью оставлен на усмотрение договаривающихся сторон. Майя всех народов были очень строги в требовании точного выполнения контрактов, которые на Юкатане, как уже было сказано, а также в Гватемале, по словам Брассера де Бурбура, были легализованы тем, что стороны пили вместе, причем напиток обычно окрашивался определенными листьями, называемыми *макс*. На рынках Никарагуа были введены в действие некоторые чрезвычайные правила. Мужчины не могли посещать рыночные площади своих собственных городов ни для покупки, ни для продажи, ни с какой-либо другой целью; они даже подвергались риску получить хорошую взбучку, если хотя бы заглядывали посмотреть, что происходит. Всеми делами занимались женщины; но мальчики, в чьи умы, по причине их нежного возраста, плотские мысли, как предполагалось, не проникали, могли присутствовать, чтобы помогать женщинам, и даже мужчины из других городов или провинций были желанными гостями, при условии, что они не принадлежали к народу с другим языком.

Не упоминается никаких особых церемоний, сопровождающих отправление или возвращение торговых караванов, но зафиксированы некоторые обычаи, соблюдаемые путешественниками, значительная часть которых, вероятно, были купцами. На Юкатане все

члены семьи часто и усердно молились о благополучном возвращении отсутствующего члена семьи; и сам путешественник, когда ему случалось наткнуться на большой камень, который сдвинули, открывая дорогу, благоговейно возлагал на него зеленую ветку, одновременно вытирая колени другой веткой, чтобы снять усталость. Он также брал с собой в путешествие благовония, и с наступлением темноты, где бы он ни был, он ставил дыбом три маленьких камешка, а на трех других плоских камнях, положенных перед первым, он воскуривал благовония и произносил молитву Экчуа, богу путешественников, чье имя означает "торговец". Когда путешественник запаздывал и думал, что, скорее всего, прибудет после наступления темноты к предполагаемому месту остановки, он помещал камень в дупло дерева и вырывал несколько волосков из бровей, которые он продолжал выдувать в сторону заходящего солнца, надеясь таким образом заставить этот шар несколько замедлить его движение. движения. В Гватемале на всех направлениях движения через короткие промежутки времени были установлены небольшие часовни, где каждый прохожий останавливался по крайней мере на несколько минут, собирал горсть трав, натирал ими свои ноги, благоговейно плевал на них и с молитвой возлагал их на алтарь вместе с небольшим камнем и каким-нибудь пустяковым подношением в виде перца, соли или какао. Подношение осталось нетронутым, ни у кого не хватило смелости потревожить священный знак.^[1086]

ЛОДКИ МАЙЯ И НАВИГАЦИЯ.

Овьедо утверждает, что в Никарагуа или, по крайней мере, в некоторых частях этой страны у людей не было каноэ, но они прибегали к бальзамам, когда возникала необходимость пересечь реку. Бальза в этих краях представляла собой просто плот из пяти или шести бревен, связанных вместе на концах травой и покрытых поперечными палками. Автор упоминал о флотилии из этих судов аборигенов, на борту которой находилось полторы тысячи воинов. На побережье Юкатана и в озерах Петен у туземцев было много каноэ для использования в войне и торговле, и они были очень искусны в управлении ими. Эти каноэ представляли собой "землянки", сделанные из цельных стволов, способные перевозить от двух до пятидесяти человек и приводимые в движение веслами. Коголлудо сообщает нам, что Кордова видел каноэ с парусами во время своего путешествия вдоль побережья, а некоторые современные авторы говорят о знаменитом каноэ, встреченном Колумбом у берегов Гондураса, как о том, что оно было оснащено парусами; но в последнем случае, похоже, нет никаких оснований для этого утверждения, и то, что паруса когда-либо использовались, вполне может считаться сомнительным. Лодка, которую видел Колумб, была шириной восемь футов, "длиной с галеру", вмещала двадцать пять человек, а навес из циновки в центре защищал женщин и детей. Вся информация, которой мы располагаем о лодках в Гватемале, - это заявление Питера Мартира о том, что там также использовались "землянки", и Хуарресо о том, что у лакандонов был большой флот лодок; однако Гватемала была страной, физические особенности которой редко требовали судоходства в широких масштабах. Вильягутьерре говорит, что чьяпанеки использовали тыквенные бальзамы, или "калабаза".^[1087]

Войны между народами майя были частым явлением — вероятно, в большей степени в течение столетия, предшествовавшего испанскому завоеванию, когда их история частично известна, чем в более славные дни далекого прошлого, — но они также были, как правило, непродолжительными, принимая скорее характер набегов, чем регулярных войн. Одна кампания обычно решала племенной или национальный спор, и победители довольствовались победой и взятыми пленными. Ланда и Эррера сообщают, что народы Юкатана научились военному искусству у мексиканцев, которые были в целом мирным народом до того, как на них обрушилось влияние науа. Последний также подозревает, что военные обычаи юкатеков, соблюдаемые испанцами, могли быть изменены учением Герреро и Агилара, белых людей, которых несколько лет держали в плену до прихода захватчиков; но ни одна из теорий, по-видимому, не имеет большого веса.

Профессия военного была повсюду почетной, но воинское звание и продвижение по службе, по-видимому, были несколько более свойственны исключительно знати, чем среди науа. По словам Ланда, в каждом городе было назначено определенное количество отборных мужчин, которые назывались *холканес*, должны были быть готовы взяться за оружие, когда потребуются, и получали небольшую сумму денег за свои услуги во время настоящей войны. Это единственный случай наемной службы, отмеченный в пределах нашей территории.^[1088]

В Никарагуа Тапалиги был самым почетным титулом, который человек мог получить за храбрость, и из числа тех, кто носил этот титул, военный капитан в большинстве провинций назначался либо монексико, либо советом, либо касиком. Этот капитан был по большей части независим от гражданского правителя во время войны, но Бойль говорит о некоторых городах, где сам касик командовал армией. Однако гражданский начальник, если он обладал необходимой храбростью, часто сопровождал войска на поле боя, чтобы принять командование после смерти капитана или назначить его преемника.^[1089] На Юкатане у них было два военачальника, один из которых занимал свою должность по наследству, в то время как другой избирался сроком на три года. Титул последнего был Након, и его должность, по-видимому, была сопряжена с некоторыми неудобствами, поскольку в течение трех лет он не мог знать ни одной женщины, не ел мяса, не предавался пьянству и почти не общался с общественностью. Ему разрешались рыба и мясо игуаны, но это должно подаваться на блюдах, которыми не пользуется никто, кроме него самого, и не должно подаваться женщинами. В Вера-Пасе капитаны были выбраны из числа самых выдающихся храбрецов и, похоже, сохранили свою должность на всю жизнь.^[1090]

ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ ВОИНОВ.

На Юкатане шкуры и перья, которые носили в соответствии с установленными правилами, не зафиксированными в записях, были одними из самых выдающихся знаков отличия воинов. Лицо было раскрашено в разные цвета; а татуировка на руках была привилегией, предоставляемой храбрецам. Ица сражались обнаженными, но раскрашивали лицо, тело и конечности в черный цвет, храбрецы татуировали лицо полосами. Перья - единственный знак отличия, упоминаемый в связи с гватемальскими воинами; но о степени доблести Пипиле можно судить по количеству отверстий у него в ушах, носу и других чертах лица. Все офицеры никарагуанской армии имели отличительные знаки, которые они носили как во время войны, так и в мирное время; тапалиги разрешалось брить голову, за исключением

темени, где волосы оставляли длиной в палец, с более длинным пучком, выступающим из центра. Расположение перьев на щите также указывало солдатам на офицерское звание.^[1091]

Универсальные доспехи майя представляли собой толстый стеганный мешок из хлопка, который плотно облегал тело и руки и обычно доходил до середины бедер, хотя Альварадо обнаружил, что гватемальцы были одеты в похожие мешки, достигающие до ступней. На Юкатане, по словам Ланда, слой соли помещался между слоями хлопка, что делало одежду очень жесткой и непроницаемой. Поскольку гватемальские доспехи описываются как толщиной в три пальца и такие тяжелые, что солдаты с трудом могли бегать или подниматься после падения, мы можем предположить, что соль или какой-либо подобный материал также использовались киче. Сквайр упоминает, очевидно, без достаточных оснований, короткие бриджи, которые носили для защиты ног. Испанцы вскоре признали преимущества местных хлопчатобумажных доспехов, и они были широко приняты на вооружение или добавлены к их собственным стальным доспехам. Головные доспехи, когда таковые надевались, по-видимому, обычно представляли собой нечто вроде шапки, также из стеганого хлопка. Ланда говорит, что на Юкатане несколько лидеров носили деревянные шлемы; они также упоминаются Гомарой и Лас Касасом. Питер Мартин говорит о золотых шлемах и нагрудниках, которые носили в Никарагуа. Щиты делались из расщепленного тростника, имели круглую форму и обычно покрывались шкурами и украшались перьями, хотя в Никарагуа также использовалось хлопчатобумажное покрытие.^[1092]

ОРУЖИЕ АБОРИГЕНОВ.

Луки и стрелы, копья и дротики использовались в качестве боевого оружия всеми племенами майя, причем стрелы обычно заострялись кремнем, но часто также рыбьей костью или медью. Стрелы носили в колчанах и никогда не были отравлены. Юкатекский лук, как сообщает нам Ланда, был немного короче, чем у человека, который его носил, и был сделан из очень прочного местного дерева; тетива была сделана из волокон определенных растений. Стрелы были из легкого тростника с куском твердого дерева на конце. Овьедо рассказывает нам о копьях или пиках в Никарагуа, которые достигали тридцати пядей в длину, а другие на Юкатане - пятнадцати пядей в длину; Эррера говорит, что в Гватемале они были более двадцати футов в длину и что их головы были отравлены; хотя Овьедо отрицает, что использовался яд. В Никарагуа и на Юкатане использовались тяжелые деревянные мечи, которые мексиканцы называют *макуауитль*, но я не нахожу особых упоминаний об этом оружии в Гватемале. Вдоль двух краев были прочно закреплены ряды острых кремней, и, если держать их обеими руками, они представляли собой самое грозное оружие. Вальдек нашел в наше время рог рыбы-пилы, покрытый кожей и используемый в качестве оружия. Он считает, что оружие аборигенов, возможно, было изготовлено по этому природному образцу. Пращи широко использовались на Юкатане, а также в некоторой степени медные топоры, но предполагается, что они были импортированы из Мексики, поскольку на полуострове не найдено металлов.^[1093]

Киче, какчикели и другие племена, населявшие высокогорные земли Гватемалы, выбирали расположение своих городов в местах, практически недоступных естественным путем, укрепляя их, кроме того, искусственными укреплениями в виде массивных каменных стен и глубоких рвов. Развалины этих укрепленных городов очень многочисленны и будут

описаны в другом месте; здесь будет достаточно нескольких слов об Утатлане, столице киче и одном из наиболее надежно расположенных и охраняемых городов. Стоявший на ровном плато город был ограничен со всех сторон глубоким оврагом, который, как полагали, в некоторых местах был искусственным и который можно было пересечь только в одном месте. Этот единственный подход охраняет линия массивных каменных сооружений, соединенных рвами, простирающаяся на большое расстояние, и внутри этой линии укреплений, у входа в перевал, находится Эль Ресгардо, пирамидальное сооружение с квадратной основой, высотой сто двадцать футов, поднимающееся тремя террасами, а вершинная платформа окружена каменной стеной, покрытой твердым цементом. На вершине также возвышается башня. Испанцы под командованием Альварадо обнаружили, что их подход был затруднен в различных точках Гватемалы ямами, в которые были воткнуты заостренные колья, тщательно замаскированные небольшим слоем дерна; частоколы, рвы и стены из камня, бревен, растений или земли перекидывались поперек дороги при каждом трудном переходе; и большие камни держались наготове, чтобы швырнуть или скатиться на захватчиков. По крайней мере, в одном случае были найдены многочисленные короткие заостренные палки, воткнутые вертикально в землю, по-видимому, слабая защита, но на самом деле самая грозная, поскольку наконечники были отравлены. Несомненно, все эти методы защиты часто практиковались ранее в их международных войнах против американских врагов. Мощные оборонительные сооружения упоминаются также в Чьяпасе, и Андагоя рассказывает нам о городе в Никарагуа, укрепленном высокой и непроходимой живой изгородью из кактусов. На Юкатане продвижению испанцев часто препятствовали, в пунктах, благоприятных для этой цели, временные траншеи, баррикады из камня, бревен и земли, а также защищенные посты для лучников и пращников; но при выборе мест для строительства их городов, несмотря на в целом ровную поверхность их страны, оборонительные сооружения, по-видимому, мало или вообще не учитывались. Единственный из многих исследованных разрушенных городов, Тулум, на восточном побережье, стоит на возвышенности с видом на океан, в очень выгодном естественном положении; но, как ни странно, именно здесь, где искусственная защита была наименее необходима, мы находим массивную стену, окружающую основные сооружения, — единственную городскую стену, сохранившуюся в наше время, хотя Майяпан традиционно был городом-крепостью, и вокруг других городов было найдено несколько слабых следов стен.^[1094]

ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ.

Стремление местных правителей увеличить свои владения за счет вторжений на территорию своих соседей, вероятно, было причиной большинства войн между народами майя; но время от времени предпринимались и набеги, не имевшие иной цели, кроме получения жертв для жертвоприношения. На консультациях, предшествовавших объявлению войны, священнослужителям было что сказать, и они сыграли заметную роль в сопутствующих церемониях. В Сальвадоре первосвященник с четырьмя подчиненными решал вопрос о войне путем жеребьевки и с помощью различных других магических приемов и даже давал указания, как вести кампанию дальше. Первосвященник обычно находился на земле, во главе определенных идолов, когда предстояло важное сражение. Припасы перевозились, по крайней мере на Юкатане, на спинах женщин, и отсутствие соответствующих средств передвижения считается одной из причин, по которой войны майя обычно были непродолжительными. Никарагуанский солдат, как утверждает Овьедо,

считал калекс с водой и запас уже упомянутой травы *ям* самыми необходимыми из своих припасов. Что касается их церемоний перед сражением, мы знаем только, что однажды на Юкатане они принесли с собой жаровню с горящими благовониями, которую поставили перед испанскими войсками, намекая, что атака будет предпринята, как только огонь погаснет; а также что Альварадо заметил в Гватемале принесение в жертву женщины и суки в качестве предварительной подготовки к битве.

Все сражались храбро, без видимого страха смерти, стремясь захватить врага живым, а не убивать его, и в то же время избежать того, чтобы самим не попасть в плен, пожертвовав при необходимости жизнью. У большинства народов считалось важным устрашить врага криками, лязгом барабанов, палок и снарядов, а также свистом. Говорят, что армии Юкатана демонстрировали несколько больший порядок в своих военных действиях, чем армии других народов. Они разделили свои силы на два крыла, поставив в центре эскадрон для охраны капитана и верховного жреца. Никарагуанцы отчаянно сражались, пока их предводитель не пал, но потом они всегда убегали. Тот, кто из-за трусости не выполнил свой долг на поле боя, согласно никарагуанскому кодексу, подвергался позору, оскорблениям, лишался оружия и увольнялся со службы, но не часто подвергался смертной казни. Как уже говорилось в предыдущей главе, измена и дезертирство повсеместно карались смертью. Вся добыча, кроме пленников, принадлежала тому, кто брал, и возвращаться из похода без добычи считалось бесчестьем.

ВОЕННЫЙ ФЕСТИВАЛЬ В ПИПИЛЕ.

Пленники, если они были благородной крови или высокого ранга, приносились в жертву богам и редко получали выкуп. Похититель знатного пленника получал высокие почести, но был наказан, если принимал выкуп, причем в Никарагуа наказанием была смертная казнь. Головы принесенных в жертву пленников были подвешены на ветвях деревьев на Юкатане в память о победе, причем для каждой враждебной провинции было выделено отдельное дерево. Кости, как рассказывает нам Ланда, были сохранены похитителями, а челюстную кость носили на руке в качестве украшения. Мы не читаем о настоящих пытках заключенных, но чакчикели танцевали вокруг жертвы, которую предстояло принести в жертву, и осыпали ее оскорблениями. У пипилей жрецам было предоставлено решать, должно ли быть жертвоприношение в честь бога или богини; в первом случае праздник длился, по словам Паласио, пятнадцать дней; пленники были обязаны проходить процессией через город, и каждый день приносили в жертву по одному человеку; если праздник был посвящен божеству более слабого пола, было достаточно пяти дней празднеств и крови. Пленников плебейской крови обращали в рабство или приносили в жертву только тогда, когда не хватало жертв более высокого ранга. Вероятно, они были собственностью похитителей. По окончании кампании, в ходе которой не было взято ни одного пленного, никарагуанские капитаны вместе подошли к алтарю и там пролили церемониальные слезы скорби о том, что им не удалось добиться успеха. Власти не сообщают подробностей о методах, с помощью которых был ратифицирован мир; однако, согласно Коголлудо, юкатеки выразили испанцам желание приостановить военные действия, выбросив свое оружие и поцеловав пальцы после прикосновения ими к земле.^[1095]

ГЛАВА XXIV.

ИСКУССТВО МАЙЯ, КАЛЕНДАРЬ И ИЕРОГЛИФЫ.

НЕХВАТКА ИНФОРМАЦИИ—ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТАЛЛОВ—ЗОЛОТА И ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ—КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ—СКУЛЬПТУРА—КЕРАМИКА—ПРОИЗВОДСТВО ТКАНЕЙ—КРАШЕНИЕ—СИСТЕМА СЧИСЛЕНИЯ—КАЛЕНДАРЬ МАЙЯ НА ЮКАТАНЕ—ДНИ, НЕДЕЛИ, МЕСЯЦЫ И ГОДЫ—ЗНАКИ И КАТУНЫ—СИСТЕМА ПЕРЕСА АХАУ КАТУНЕС—ЗАЯВЛЕНИЯ ЛАНДА И КОГОЛЛУДО—ВСТАВНЫЕ ДНИ И ГОДЫ—ДНИ И МЕСЯЦЫ В ГВАТЕМАЛЕ, ЧЬЯПАСЕ И СОКОНУСКО—СИСТЕМА ИЕРОГЛИФОВ МАЙЯ—СВИДЕТЕЛЬСТВА РАННИХ АВТОРОВ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА—УНИЧТОЖЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ—ОБРАЗЦЫ КОТОРЫЕ СОХРАНИЛИСЬ —ДРЕЗДЕНСКИЙ КОДЕКС—РУКОПИСЬ ТРОАНО—ТАБЛИЧКИ ИЗ ПАЛЕНКЕ, КОПАНА И ЮКАТАНА—КЛЮЧ ЕПИСКОПА ЛАНДА—ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БРАССЕРА ДЕ БУРБУРА.

Наши знания об искусстве и мануфактурах майя, насколько они зависят от утверждений ранних испанских авторов, очень скудны и могут быть выражены в немногих словах; особенно потому, что большинство этих искусств, по-видимому, были почти идентичны искусствам науа, хотя многие из них, по крайней мере во время Завоевания, не были доведены до такой высокой степени совершенства, как на севере. Некоторые отрасли механического искусства действительно оставили материальные реликвии, которые, изученные в наше время, расширили наши знания по этому предмету намного дальше того, что можно почерпнуть из наблюдений шестнадцатого века. Но целый том этой работы посвящен рассмотрению материальных реликвий с многочисленными иллюстративными таблицами, и хотя соблазн использовать как информацию, так и таблицы из современных источников особенно силен в некоторых темах этой и следующей глав, уважение к симметрии работы и необходимость избегать любых повторений заставляют меня ограничиться здесь почти исключительно старыми авторами, как я сделал при описании искусства науа.

ЗНАНИЕ МЕТАЛЛОВ.

Железо не было известно майя, и нет полной уверенности в том, что они добывали или обрабатывали медь. Лодка, о которой так часто упоминается, что она была встречена Колумбом у побережья и предположительно прибыла с Юкатана, имела на борту тигли для плавки меди и большое количество медных топориков. Похожие топорiki вместе с колокольчиками, украшениями, наконечниками копий и стрел из того же металла были замечены в разных местах и, несомненно, в значительной степени использовались на Юкатане, в Чьяпасе и Гватемале. Но на полуострове нет месторождений металлов, и используемые там медные инструменты или, по крайней мере, материал, должно быть, были привезены с севера, как это действительно утверждается несколькими авторами.

Среди руин Юкатана не было найдено никаких металлических реликвий, и лишь очень немногие были найдены в других регионах майя. Медные орудия труда не упоминаются первыми посетителями Никарагуа, и хотя эта страна изобилует разнообразной рудой, которую легко обрабатывать, все же нет никаких свидетельств того, что она использовалась, и утверждение Сквайера о том, что никарагуанцы были искусными работниками по обработке этого металла, вероятно, опирается не на более веское основание, чем сообщение об обнаружении медной маски в Ометепеке. Годой говорит о меди в штате Чьяпас, а также о металлическом составе под названием *какао*!

Мелкие изделия из золота, предназначенные главным образом для декоративных целей, были найдены испанцами повсюду в большем или меньшем изобилии, причем золото обычно описывалось как низкосортное. Кортес говорит о золоте на Юкатане как о сплаве с медью, и тот же сплав упоминается в Гватемале Эррерой, а в Никарагуа Бенцони. Последний автор утверждает, что золота в Никарагуа было в избытке, но все оно привозилось из других провинций. Он также утверждает, что там не было никаких рудников, но Овьедо, напротив, говорит о "хороших золотых рудниках". Изделия из золота принимали форму животных, рыб, птиц, колокольчиков, маленьких чайников и ваз, бус, колец, браслетов, топориков, маленьких идолов, слитков, пластин для покрытия доспехов, позолоты деревянных масок и глиняных бус, а также оправ для драгоценных камней. Питер Мартин говорит о золоте, отливаемом в слитки и штампуемом в Никарагуа, а Виллагутьерре - о серебряных "розильясах", используемых среди ица. У нас есть лишь небольшая информация об использовании драгоценных камней. Овьедо видел в Никарагуа солнечные часы из жемчуга, оправленные в яшму, а также упоминает о деревянных масках, покрытых каменной мозаикой, и золотых пластинах в Табаско. Мученик рассказывает нам, что уроженцы Юкатана не придавали значения поддельным драгоценностям, изготовленным испанцами, потому что они могли добывать из своих рудников более ценные драгоценности.^[1096]

РЕЗЬБА ПО КАМНЮ.

Те немногие орудия, которыми пользовались майя, такие как ножи, стамески, топоры и метаты, вместе с уже упомянутыми наконечниками копий и стрел, были сделаны из кремня, порфира или другого твердого камня. Нет почти никаких сомнений в том, что большая часть их сложной скульптуры на храмах и идолах была выполнена каменными орудиями, поскольку используемый материал был по большей части мягким и легко обрабатываемым. Резьба по твердому сапотному дереву на Юкатане, должно быть, представляла большие трудности для рабочих, не имевших железных инструментов; но факт остается фактом: каменных орудий, с некоторыми, вероятно, из закаленной меди, хватало при местном мастерстве и терпении для любых целей. Виллагутьерре сообщает нам, что лакандоны рубят дерево каменными топорами. Коголлудо говорит о замечательной легкости, которую туземцы проявили в изучении механических искусств, привнесенных испанцами, в использовании новых и необычных инструментов или приспособлении местных орудий для новых целей. Все орудия труда, будь то храмовые или домашние, по-видимому, были церемониально освящены для соответствующего использования. Овьедо упоминает о гребнях из оленьей кости, используемых в Гватемале, и о другом виде гребней, зубья которых были сделаны из черного дерева и оправлены в состав, похожий на обожженную глину, но становившийся мягким под воздействием тепла.

Ранние авторы говорят в общих чертах об идолах различных человеческих и животных форм, вырезанных из всех видов камня, а также из дерева; Мученик также упоминает огромного змея в том месте, которое, как он предполагал, было местом наказания на Юкатане, которое было "спрессовано из битума и мелких камней". Ицы соорудили из камня и строительного раствора изображение лошади по образцу животного, оставленного им Кортесом. Испанские авторы мало или вообще ничего не говорят о скульптурах идолов или архитектурных украшениях, за исключением того, что они были сложными и часто напоминали демонов; но их наблюдения по этому вопросу имели бы мало ценности, даже если бы они были более обширными, и, к счастью, архитектурные памятники достаточно многочисленны и полны, по крайней мере, на Юкатане, в Гондурасе и Чьяпасе, чтобы предоставить информацию, которая, если и не совсем удовлетворительна, то гораздо больше, чем та, которой мы располагаем относительно других отраслей искусства майя. Брассер де Бурбур говорит о вазах, искусно выполненных из алебаstra и агата на Юкатане; для этого есть некоторые свидетельства в современных открытиях, но мало или вообще нет, насколько я знаю, в трудах завоевателей. Фаянсовая посуда, раковины и кожура тыквы были материалом для изготовления посуды майя. Все они говорят о местной керамике как о самой превосходной по качеству изготовления, материалу и росписи, но не сообщают подробностей о ее изготовлении. Эррера, однако, упоминает провинцию Гватемалы, где женщины изготавливали очень тонкую керамику, а Паласио сообщает нам, что эта отрасль промышленности была одной из главных в Агуачапе, городе пипилес.

Все, что известно о тканях, было приведено при перечислении различных предметов одежды; о каких-либо различиях, которые могли существовать между методами прядения и ткачества хлопка науа и майя, мы ничего не знаем. Вполне вероятно, что местные методы не претерпели существенных изменений в наше время у тех же народов. Нам рассказывают, что на Юкатане жена бога изобрела ткачество, и ей поклонялись под именем Иксазалвох; в то время как другой, усовершенствовавшей изобретение за счет использования цветных нитей, была Икшебелякс, тоже богиня. Прядение и ткачество были по большей части женской работой, и о них говорят как о трудолюбивых и искусных в своем деле. Кора и волокна магуи использовались как чикельцами для изготовления тканей, и Овьедо упоминает несколько растений, из волокон которых никарагуанцы делали сети и веревки. Многочисленные красители, которые во многих частях страны до сих пор являются одними из богатейших продуктов, давали возможность придавать тканям яркие оттенки, которые так любили туземцы. Ярко окрашенные перья высоко ценились и широко использовались в декоративных целях. Говорится об одежде из перьев, которая, вероятно, была изготовлена в том виде, в каком она была в Мексике, путем наклеивания оперения в виде различных орнаментальных фигур на хлопчатобумажную ткань.^[1097]

СИСТЕМА СЧИСЛЕНИЯ.

Следующая таблица даст читателю четкое представление о системе счисления майя, существовавшей на Юкатане; определения некоторых названий взяты из словаря майя и могут иметь, а могут и не иметь никакого отношения к предмету:

- 2 ча, "тыква",
- 3 бык, "очищенная кукуруза",
- 4 банка, "змея" или "кол",
- 5 хо, "вход",
- 6 уак,
- 7 уук,
- 8 уахак, "нечто стоящее прямо",
- 9 болон, *бол*, "катиться или поворачиваться",
- 10 лахун, *лах*, "камень",
- 11 булук, "утонувший",
- 12 лача, (лахун-ча), 10 + 2
- 13 окслахун, 3 + 10
- 14 канлахун, 4 + 10
- 15 холхун (хо-лахун), 5 + 10
- 16 уаклахун, 6 + 10 и т.д.
- 20 хункал, *кал*, "шея" или мера, 1 × 20
- 21 хантукал, 1 + 20
- 22 катукал, 2 + 20 и т.д.
- 28 уахактукал, или хункал катак уахак, 8 + 20, или 20 + 8 *катак*, 'и'
- 30 лухучакал, 2 × 20 - 10 (?)
- 31 булуктукал, 11 + 20

- 32 лахкатукал, 12 + 20

- 33 оклахутукал, 13 + 20 и т.д.

- 40 чакал, 2 × 20

- 41 хунтуйокскал,

- 42 катуйокскал,

- 50 лахуйокскал,

- 51 булуктуйокскал,

- 60 окскал, 3 × 20

- 61 хантуканкал,

- 70 лахуканкал,

- 71 булуктуканкал,

- 80 чанкал, 4 × 20

- 81 хутуйокал,

- 82 катуйокал,

- 90 лахуйокал,

- 100 хок-кал, 5 × 20

- 101 хунту уаккал,

- 102 кату уаккал,

- 110 лаху уаккал,

- 115 холху уаккал,

- 120 уаккал, 6 × 20

130	лаху ууккал,
131	булук ту ууккал,
140	уукал, 7 × 20
141	хунту ухакал,
160	уахакал, 8 × 20 и т.д.
200	лахункал, 10 × 20
300	холхукал, 15 × 20
400	хунбак, 1 × 400
500	хотубак,
600	лахутубак,
800	чабак, 2 × 400
900	хоту йоксбак,
1000	лахуйоксбак или хунпик (современный),
1200	бычков, 3 × 400
1250	бычков катак лахуйокскаль, 3 × 400 + 50
2000	капик (современный),
8000	хунпик (древний),
16000	ка пик (древний),
160 000	калабов,
1 000 000	кинчил или хунтзоцех,
64 000 000	хуналау

Таким образом, майя, по-видимому, имели несложные названия для цифр от 1 до 11, 20, 400 и 8000 и образовали все числа путем их сложения или умножения. Способ, которым были составлены комбинации, кажется ясным вплоть до числа 40. Таким образом, у нас есть 10 и 2, 10 и 3 и т.д., вплоть до 19; 20 - это *hun-kal*, 21 - это *hun-tu-kal* и т.д., Что указывает на то, что *tu*, которого я не нахожу ни в одном словаре, является просто "и" или знаком сложения. Состав *лаху-чак-кал* ясен только в значении *десяти* от *дважды двадцати*; 40 - это две двадцатки, 60 - это три двадцатки, и так далее регулярно по двадцаткам до 400, для чего вводится новое слово *бак*; после чего цифры увеличиваются, дважды 400, трижды 400 и т.д., до 8000, *пик*, соответствующих *кикипилли науа*. Но в то время как композиция понятна в том, что касается кратных 20 и 400, она далека от ясности в случае с промежуточными числами. Например, 40 - это *ча-кал*, и образуются 41, 42 и т.д. Поскольку 21 образовалось из 20, мы должны были бы иметь *хун-ту-ча-кал*, *ча-ту-ча-кал* и т.д. Вместо приведенных имен, *хун-ту-йокс-кал* и т.д., Или, интерпретируя эту фамилию так, как интерпретировались первые, мы должны были бы иметь 61 вместо 41. То же самое наблюдение можно сделать в отношении каждого числа, не кратного 20, вплоть до 400; то есть каждое число меньше на 20, чем, по-видимому, указывает состав его названия. Если бы мы придали *tu* значение "к", то *хун-ту-йокс-кал* можно было бы интерпретировать как "1 (от 40) к 60" или 41; но в таком случае слово, обозначающее 21, *хун-ту-кал*, следует считать сокращением от *хун-ту-ча-кал*, "1 (от 20) к 40". Читатель заметит другие неточности в цифрах выше 400. Я подумал, что лучше всего обратить внимание на то, что кажется странной непоследовательностью в этой системе счисления, но которая может представить меньше трудностей для того, кто лучше меня знаком с языком майя.^[1098]

КАЛЕНДАРЬ МАЙЯ.

Авторитетами в календаре майя на Юкатане, единственными, о которых известны какие-либо подробности, являются епископ Ланда и дон Хуан Пио Перес. Последний был современным писателем, который посвятил много исследований этому предмету, был прекрасно знаком с языком майя и имел в своем распоряжении или консультировался где-либо еще со многими древними рукописями. Есть также несколько разрозненных замечаний на эту тему в произведениях других авторов.^[1099]

День майя назывался *кин*, или "солнце"; *малик оок кин* было время, непосредственно предшествующее восходу солнца; *хацкаб* было время от восхода солнца до полудня, которое называлось *чункин* или "середина дня"; *целеп кин* было заходящее солнце, или около трех часов пополудни; *ок на кин* был закат. Ночь была *акаб*, а полночь была *чамук акаб*. Другие часы указывались положением солнца днем и какой-либо звезды — утренней звезды, Плеяд и Близнецов, как говорит Ланда, - ночью.

Дни календаря майя.

В следующей таблице приведены названия двадцати дней с орфографией разных авторов и значение названий, насколько это известно:

Кан	"тонкая нить", "желтый", "змея".
Чиччан	<i>чиччан</i> означало бы "маленький", то, что растет или увеличивается медленно.
Чими (Quimi, Cimij)	претерит <i>чимил</i> . "умереть".
Маник	, возможно, "попутный ветер".
Ламат	, возможно, "водная бездна", встречается как <i>ламбат</i> в календаре Оахака.
Мулук	возможно, "воссоединение" также в календаре штата Чьяпас.
Ос	"то, что можно держать на ладони", "ступня", "нога".
Чуэн	"доска" или название дерева, возможно, <i>чуэн</i> из календаря Киче.
Еб	"лестница" или "стремянка".

Бен (Been)	возможно, Был, древний принц или "экономно расходовать".
Ix (Hix, Gix)	возможно, "грубость". Киче <i>иц</i> - "колдун".
Мужчины	- "строитель".
Киб (Quib)	"воск" или "копал".
Кабан	
Эзанаб (Ecnab, Edznab)	
Кауак	
Ахау (Ajau)	"король", начало периода в 24 (или 20) лет.
Имикс	<i>Имох</i> , в календаре Киче - мексиканский Чипактли.
Ик (Yk)	"ветер" или "дыхание".
Акбал	В киче - "ваза".

Иероглифы, которыми обозначались названия дней, показаны на прилагаемом рисунке в надлежащем порядке следования — от Кан, Чиччан и т.д. до Акбал; но следует отметить, что, хотя этот порядок был неизменным, месяц мог начинаться с любого из четырех дней - Кан, Мулук, Ix и Кауак.

Месяц, состоящий, как я уже сказал, из двадцати дней, назывался *и*, или "луна", что, возможно, указывает на то, что первоначально время вычислялось по лунным расчетам. Это также называлось *uinal*, словом, значение которого не дано удовлетворительно. Год содержал восемнадцать месяцев, названия которых вместе с иероглифами, которыми они были написаны, показаны на вырезке на противоположной странице в их порядке от Pop, Uo, Zip и т.д. До Cumhu.

Месяцы не только всегда следовали друг за другом в одном и том же порядке, но и Pop всегда был первым месяцем года, который начинался в дату, соответствующую 16 июля по нашему календарю, дату, которая изменяется всего на сорок восемь часов с момента прохождения солнцем зенита - приближение настолько точное, насколько можно было ожидать от наблюдений, сделанных без инструментов.

Месяцы календаря майя.

В следующей таблице приведены названия месяцев, их значение и день начала каждого из них в соответствии с нашим календарем:

Pop (Какашка, Popp) 'mat'	16 июля
Uo (By, By) 'Frog'	августа. 5
Zip (Cijp) название дерева, "дефект", "вздутие"	августа. 25
Тзоз (Zoc, Zotz) "летучая мышь"	сентября. 14
Цек (Zeec), возможно, "дискурс", "череп"	окт. 4
Июля "конец"	октября. 24
Яскин (Дзе-Яскин, Цзе Яскин) "начало лета"	13 ноября
Мол (Mool) "воссоединиться".	3

декабря	. 23
Үах (Үаах) "зеленый", или "синий", или "первое"	января. 12
Зак (Zak) "чистый", "белый"	февраля. 1
Сех (Qeh, Quej, Queh) "олень"	21 февраля
Мак, "закрывать", "крышка", мера	13
марта Канкин, "желтое солнце"	апреля. 2
Муан (Стон) "дождливый день", птица по имени "ара"	22 апреля
Пакс (Раах) музыкальный инструмент	12 мая
Каяб, "поющий"	1 июня
Кумху (Cumkú) шум взрыва, похожий на раскаты грома	21 июня ^[1100]

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ДНИ.

Год назывался *хааб* и состоял из восемнадцати уже названных месяцев, что составляло 360 дней, и из пяти дополнительных, или вставных дней, чтобы дополнить полное число 365. Эти промежуточные дни назывались *хма каба кин*, или "безымянные дни", а также *уаяб* или *найеб хааб*, *у на хааб*, *наяб чаб*, *у яил кин*, *у яил хааб*, *у туз кин* или *у лобол кин*, что может означать "постель" или "чертог" года, "мать года", "ложе творения", "труд года", "дни лжи" или "плохие дни" и так далее. Они добавлялись в конце каждого года, после последнего дня Кумху, и хотя они называются безымянными и, возможно, никогда не упоминались по имени, все же на самом деле они считались такими же, как и остальные; то есть, если бы последним днем Кумху был Акбал, пять промежуточных дней считались бы как Кан, Чиччан, Чими, Маник и Ламат, так что новый год, или месяц Поп, начинался бы с дня Мулук.

Помимо этого деления времени на годы, месяцы и дни, одновременно с первым существовало другое деление на двадцать восемь периодов по тринадцать дней в каждом,^[1101] которые для удобства можно назвать неделями, хотя туземцы не давали никакого названия периоду в тринадцать дней и, возможно, вообще не рассматривали его как определенный период, а использовали число тринадцать как священное число из каких-то суеверных побуждений;^[1102] однако его использование приводит к некоторым любопытным усложнениям в календаре, наиболее характерной чертой которых является оно. Перед названием каждого дня стояла цифра, показывающая его положение в неделе, и эти цифры регулярно шли от одного до тринадцати, а затем снова начинались с единицы.

Таким образом, 1 Кан означал "Кан, первый день недели"; 12 Кауак - "Кауак, двенадцатый день недели" и т.д. Вероятно также, что дни месяца были пронумерованы регулярно от 1 до 20, поскольку события, о которых говорится, происходили 18-го числа почтового индекса и т.д., Но цифра, относящаяся к неделе, была наиболее заметной. В таблице показана последовательность дней и недель в течение нескольких месяцев:

1																							
2			3			4																	
Поп			На			Tzoz																	
.			молни			.																	
			и.																				
День недел и.	Число а.	День и.	Число а.	День и.	Число а.	День и.	День и.	12 день а.	день а.	Число а.	День и.												
												1	Кан	1	8	Кан	1	2	Кан	1	9	Кан	1
												2	Chicchá н	2	9	Chicchá н	2	3	Chicchá н	2	10	Chicchá н	2
												3	Кими	3	10	Кими	3	4	Мен	3	11	Мулук	3
												4	Маник	4	11	Маник	4	5	Маник	4	12	Маник	4
												5	Lamat	5	12	Lamat	5	6	Lamat	5	13	Lamat	5
												6	Мен	6	13	Чуэн	6	7	Мен	6	1	Мен	6
												7	ОК	7	1	ОС	7	8	ОК	7	2	ОК	7
												8	ОК	8	2	ОК	8	9	Чуэн	8	3	Чуэн	8
												9	Б.	9	3	Б.	9	10	Б.	9	4	Б.	9
												10	Бен	10	4	Бен	10	1	Бен	10	5	Бен	10
												11	Их	11	5	Их	11	2	Их	11	6	Их	11
12	Мужчи н,	12	6	Мужчи н	12	3	Мужчи н,	12	7	Мужчи н	12												

13	КИБ	13	7	КИБ	1 3	1	КИБ	1 3	8	КИБ	1 3
1	Кабане	14	8	Кабане	1 4	2	Кабане	1 4	9	Кабане	1 4
2	Ezanab	15	9	Ezanab	1 5	3	Ezanab	1 5	1 0	Ezanab	1 5
3	Сауас	16	10	Сауас	1 6	4	Сауас	1 6	1 1	Сауас	1 6
4	Ахау	17	11	Ахау	1 7	5	Ахау	1 7	1 2	Ахау	1 7
5	Үmix	18	12	Үmix	1 8	6	Үmix	1 8	1 3	Үmix	1 8
6	ИК	19	13	ИК	1 9	7	ИК	1 9	1	ИК	1 9
7	Акбаль	20	1	Акбаль	2 0	8	Акбаль	2 0	2	Акбаль	2 0

Из двадцати дней только четыре — Кан, Мулук, Іх и Кауак — могли начинаться либо с месяца, либо с года. Как бы ни назывался первый день первого месяца, каждый месяц в году начинался с одного и того же дня, сопровождаемого, однако, другой цифрой. Число первого дня первого месяца равно 1, число второго - 8, и так далее для остальных месяцев в следующем порядке: 2, 9, 3, 10, 4, 11, 5, 12, 6, 13, 7, 1, 8, 2, 9, 3. Чтобы определить цифру за любой месяц, 7 нужно прибавить к цифре за предыдущий месяц, а 13 вычесть из суммы, если она больше 13.

ЧЕРЕДА ЛЕТ.

Расширяя таблицу дней и месяцев на период лет, — расширение, которое мой объем не позволяет мне сделать на этих страницах, — читатель заметит, что из-за вставных дней и того факта, что 28 недель по 13 дней каждая составляют всего 364 дня вместо 365 дней, если бы первый год начинался с дня 1 Кан, второй начинался бы с 2 Мулук, третий с 3 Іх, четвертый с 4 Кауак, пятый с 5 Кан и так далее в обычном порядке; поэтому годы были названы по дню, в который они были записаны. началось, 1 Кан, 2 Мулук, 3 Іх и т.д., поскольку год начинался с любой из этих комбинаций только один раз в 52 года. Таким образом, четыре названия дней Кан, Мулук, Іх и Кауак служили обозначениями лет, точно так же, как знаки *тохтли*, *калли*, *текпатль* и *акатль* с их цифрами служили у ацтеков. В

круге, в который, как говорят, майя вписали свой календарь, эти четыре знака расположены на востоке, севере, западе и юге соответственно и считаются "носителями лет".

Можно видеть, что, начиная с 1 Кан, хотя каждый пятый год начинался с дня или знака Кан, все же цифра 1 не появлялась снова в связи с каким-либо первым днем, пока не прошло тринадцать лет; так что 1 Кан или только Кан обозначал не только год, с которого он начался, но и период в тринадцать лет, о котором говорят как о "неделе лет" или "индиктионе". Первый индиктион из тринадцати лет начинался с 1 Кана, второй начинался с 1 Мулука, третий с 1 Их и четвертый с 1 Кауака.

После индиктиона, знаком которого был 1 Кауак, следующий начинался бы снова с 1 Кан; то есть прошло бы 52 года, и этот период в 52 года назывался Катун, что соответствует циклу ацтеков, как объяснялось в предыдущей главе.

Таким образом, мы видим, что четыре знака Кан, Мулук, Их и Кауак служили для обозначения определенных дней месяца; они также давали названия годам индиктиона, поскольку в связи с определенными цифрами они были первыми днями этих лет; далее они дали названия индиктионам Катун, из которых с цифрой 1 они также были первыми днями; и, наконец, они называли или, возможно, называли саму Катунь, начало которой они положили, также в связи с цифрой 1. Как на самом деле были названы Катун, нам не сообщается. Завершение строительства каждой катун рассматривалось майя как наиболее критическая и важная эпоха, и отмечалось самыми впечатляющими религиозными церемониями. Также, как говорят, был воздвигнут памятник, на котором крест-накрест был установлен большой камень, также называемый *катунь* в память о прошедшем цикле. К сожалению, некоторые из этих памятников не могут быть обнаружены и опознаны среди руин. К настоящему времени календарь майя, после определенного изучения, стал достаточно понятным; и, за исключением своей системы наименований, по существу идентичен календарю науа. Календари киче, чаккикелей, чьяпанеков и уроженцев Соконуско также совпадают, насколько известны их детали. Названия месяцев и дней в некоторых из этих календарей будут приведены в этой главе.

КАТУНЫ АХАУ.

Другим разделением времени, не встречающимся в календаре науа, было разделение на катун Ахау. Система, в соответствии с которой было произведено это разделение, достаточно ясна, если мы можем принять заявления сеньора Переса; некоторые из них опираются на авторитеты, которые неизвестны всем, кроме него самого. Согласно этому автору, Ахау Катун был периодом в 24 года, разделенным на две части; первая часть из 20 лет была заключена в местных письменах в квадрат и называлась *амайтун*, *ламайте* или *ламайтун*; а второй, из остальных четырех лет, был помещен в качестве "пьедестала" среди остальных и поэтому назывался *чек ок катун* или *лат ок катун*. Эти четыре года считались второстепенными и неудачными, как и пять дополнительных дней в году, и иногда их называли *а яил хааб*, "годы боли". Этот Катун продолжительностью 24 года назывался Ахау с первого дня, и местные жители начали отсчет с 13 Ахау Катун, потому что он начался в день 13 Ахау, в этот день, вероятно, произошло какое-то великое событие в их истории. День Ахау, в который начинались эти периоды, был вторым днем тех лет, которые начинались с Кауака; и 13 Ахау, первый день первого периода, был вторым в году 12 Кауака; 2 Ахау был вторым днем года 1 Кауака и т.д. Если мы построим таблицу лет от 12 Кауак в регулярном

порядке, мы обнаружим, что если первый период был 13 Ахау Катун, потому что он начался с 13 Ахау, то второй, 24 года спустя, был 11 Ахау Катун, начиная с 11 Ахау; третий был 9 Ахау Катун и т.д. То есть катунам Ахау, вместо того чтобы быть пронумерованными 1, 2, 3 и т.д., в обычном порядке предшествовали цифры 13, 11, 9, 7, 5, 3, 1, 12, 10, 8, 6, 4, и 2. 13 из этих катун Ахау, составляющих 312 лет, составляли великий цикл, и нам говорят, что исторические события обычно регистрировались с помощью катун Ахау и великих циклов продолжительностью 312 лет.

Сеньор Перес утверждает, что 1392 год нашей эры был годом майя 7 Кауака, "согласно всем источникам информации, подтвержденным свидетельством дона Косме де Бургоса, одного из завоевателей и писателя (но чьи наблюдения были утеряны)". Следовательно, 8 Ахау Катун начался на второй день того года; 6 Ахау Катун - 24 года спустя, в 1416 году; 4 Ахау в 1440 году; 2 - в 1464 году; 13 - в 1488 году; 11 - в 1512 году; 9 - в 1536; 7 - в 1560; 5 - в 1584; 3 - в 1608 и т.д. В качестве проверки точности своей системы Ахау Катунес автор говорит, что он нашел в некой рукописи сообщение о смерти выдающегося человека Ахпулы, упомянутой как произошедшая в 6-й год Ахау Катун, когда первым днем года было 4 Кана, в день 9 Ix, 18-й день месяца Зип. Теперь 13 Ахау началось в 12 Кауаке, или 1488 году; 6-м годом от 1488 года был 1493 год, или 4 Кана; если месяц Рор начинался с 4 Кана, то 3-й месяц, Zip, начинался с 5 Кана, и 18-е число этого месяца приходилось на Ix 9 сентября. 11. Все это можно легко проверить, заполнив таблицу в обычном порядке.

С другой стороны, у нас есть утверждение Ланда о том, что Ахау Катун длился 20 лет; однако он приводит тот же порядок цифр, что и Перес, — то есть 13, 11, 9, 7, 5, 3, 1, 12, 10, 8, 6, 4, 2. Он также утверждает, что 1541 год был началом 11 Ахау; но если 11 Ахау было вторым днем 1541 года, то в том году должно было быть 10 Кауак, а в 1561 году, 20 лет спустя, было бы 4 Кауак, вторым днем которого было бы 5 Ахау; что совершенно не согласуется с порядком цифр. Фактически, никакое другое число лет, кроме 24 для каждого Ахау Катун, не приведет к такому порядку цифр, что, пожалуй, является самым сильным аргументом в пользу системы сеньора Переса. Коголлудо также говорит, что майя отсчитывали свое время периодами по 20 лет, называемыми Катунами, каждый из которых был разделен на 5 подпериодов по четыре года каждый. Сеньор Перес признает, что другие авторы считают Ахау Катун 20 годами, но утверждает, что они ошиблись, проигнорировав *чек ок катун*, или 4 несчастливых года периода. Рукопись майя, предоставленная и переведенная Пересом, опубликована Стивенсом и в работе Ланда, в которой неоднократно говорится о периоде Ахау Катун продолжительностью в 20 лет. Опять же, это та самая рукопись, в которой было объявлено о смерти Ахпулы, и дата этого события указана за 6 лет *до завершения 13 Ахау*, а не за шестой год этого периода, как указано в расчетах сеньора Переса; и, кроме того, дата четко указана как 1536 год, а не 1403, что ни в коем случае не согласуется с объясненной системой или с датой 1392 года, указанной как начало 8 Ахау. Более того, как я уже говорил, некоторые утверждения, на которых Перес основывает свои вычисления, не подтверждены никакими авторитетными источниками, за исключением рукописей, неизвестных никому, кроме него самого. Таковы утверждения о том, что Ахау Катун начался во 2-й день года Кауак; что 13 Ахау считалось первым; и что 8 Ахау началось в 1392 году. Этих фактов вместе с различными другими неточностями в трудах сеньора Переса достаточно, чтобы ослабить нашу веру в его систему Ахау Катунес; и поскольку другие авторы не дают никаких объяснений, эта часть календаря майя должна оставаться под сомнением до тех пор, пока не будут найдены новые источники информации. ^[1103] Следующая цитата, сделанная сеньором Пересом из рукописи, содержит все, что известно о том, что, возможно, было другим методом отсчета времени. "Было еще одно число, которое они называли *Уа Катун*, и которое

служило им ключом к поиску Катунов, согласно порядку их прохождения, оно приходится на дни *уайеб хааби* вращается до конца определенных лет: Катуны 13, 9, 5, 1, 10, 6, 2, 11, 7, 3, 12, 8, 4."

БИСЕКСТИЛЬНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ.

Мы видели, что год майя с помощью вставных дней, добавляемых в конце месяца Кумху, включал 365 дней. Каким образом дополнительные шесть часов, необходимые для приведения продолжительности года в соответствие с движениями Солнца, были вставлены без нарушения уже описанного сложного порядка, в целом остается предметом догадок. Возможно, наиболее правдоподобной теорией является то, что в конце каждого четырех лет добавлялся день, причем этот день назывался тем же именем и цифрой, что и предыдущий, или, другими словами, в календаре этот день не упоминается, хотя, возможно, на него указывал какой-то знак в иероглифах этих дней. Никарагуанский календарь был практически идентичен календарю ацтеков, даже в терминологии, хотя, естественно, имелись некоторые незначительные различия в орфографии. В следующей таблице приведены названия месяцев в нескольких других календарях майя, система которых, насколько известно, такая же, как и на Юкатане.

Quiché.^[1104]

Какчикель.^[1104]

Чьяпас и Соконуско.^[1105]

1	Nabe Tzih 'первое слово'	Я Бота "рулоны циновки"	Цзун
2	Ты называешь это "двумерным словом"	Катическое "обычное семя"	Batzul
3	Rox Tzih 'трехмерное слово'	Обжарить "ростки"	Сисак
4	Че за "дерево"	Парише "дрова"	Мутасак
5	Текоксеуаль	Тосахеуаль "время посева"	Мос
6	Цибе Поп "раскрашенный коврик"	Набей Тумузуз "первые летающие муравьи"	Олати
7	Зак "белый"	Рукаб Тумузуз "2d летающие муравьи"	Улол
8	Чаб "поклон"	Цибиксическое "время дыма"	Окинав
9	Хуно Бикс Гих "1-я песнь солнца"	Учум "время повторного посева"	В
10	Набе Мам "1-й старик"	Набей Мам "1-й старик"	Elech
11	У Кэба мама "двумерный старик"	Ру Кэб Мэм "двумерный старик"	Ничкум

12	Набе Лигин Г.А. "первая мягкая рука"	Лигин Ка "мягкая рука"	Сбанвинкиль
13	У Каб Лигин Г.А. "мягкая рука 2d"	Набей Тоджич "первый урожай"	Чибальвинкиль
14	Набе Паш "1-е поколение"	Ru Cab Todic "2d harvest"	Йоксибальвинкиль
15	U Cab Pach "2d поколения"	Набей Пач "1-е поколение"	Чанибалвинкиль
16	Цикин Гих "время птиц"	Ru Cab Pach "2d поколения"	Указательный
17	Тзизи Лаган "сшить стандарт"	Цикин Гих "время птиц"	Мультиплексор
18	Какам "время красных цветов"	Какам "время красных цветов"	Якскин

ДНИ В ГВАТЕМАЛЕ И ЧЬЯПАСЕ.

Названия дней в тех же календарях следующие:

Киче и Какчикель.[\[1106\]](#)

- 1 Итох "рыба-меч"
- 2 Ig "дух" или "дыхание"
- 3 Акбал "хаос"
- 4 Кат. "ящерица"
- 5 Может "змеиться"
- 6 Кэми "смерть"
- 7 Тихий "олень"
- 8 Ганель "кролик"
- 9 Тох "душ"

Чьяпас (Цендаль?) Соконуско.[\[1107\]](#)

- Имокс или Мокс
- Igh или Ygh
- Вотан
- Чанан или Ганан
- Абах или Abagh
- Токсин
- Токсичный
- Баранина
- Моло или Мулу

10	Цзы "собака"	Элаб или Элах
11	Бац "обезьяна"	Batz
12	Ки или Балам, "метла", "тигр"	Evob или Enob
13	Ах, "гроздь"	Был
14	Йиз или Иц "колдун"	Хикс
15	Цикин "птица"	Цикин
16	Ахмак "рыбак", "сова"	Чабин или Чахин
17	Noh "температура"	Шик или Чиуэ
18	Тихакс "обсидиан"	Китай
19	Каок "дождь"	Кагох или Кабог
20	Хунакпу "стрелок из духовой трубки"	Агуал

Я расскажу об иероглифах майя, приведя сначала свидетельства ранних авторов о существовании системы письма в шестнадцатом веке; затем рассказ об очень немногих сохранившихся рукописях вместе с иллюстративными таблицами как из рукописей, так и из скульптурных каменных табличек; за этим последует алфавит епископа Ланда, упоминание о попытке Брассера де Бурбура интерпретировать местные письмена и несколько размышлений других современных авторов на эту тему. Утверждения ранних авторов, хотя и убедительны, немногочисленны, и поэтому я переведу их буквально.

Ланда говорит, что "науки, которым они обучали, заключались в чтении и письме с помощью своих книг и символов, которыми они писали, а также фигур, которые обозначали (объясняли или заменяли?) письмена. Они писали свои книги на большом листе, сложенном вдвое и вложенном между двумя досками, которые они сделали очень тонкими (украшенными); и они писали с обеих сторон столбцами, в соответствии со сгибами; бумагу они делали из корней дерева и покрывали ее белым лаком, по которому можно было хорошо писать; этими науками владели определенные люди высокого ранга (только), которые поэтому были более почитаемы, хотя и не использовали это искусство публично". "Эти люди также использовали определенные символы или буквы, которыми они писали в своих книгах о своих древностях и своих науках; и с помощью них, а также фигур и определенных знаков в своих фигурах они понимали свои вещи, и делали их понятными, и учили им. Мы нашли у них большое количество книг с этими их письмами, и поскольку у них не было ничего, в чем не было бы суеверий и лжи дьявола, мы сожгли их все, чем они были чрезвычайно опечалены и встревожены".^[1108] Согласно Коголлудо, "во времена их неверности у индейцев Юкатана были книги, сделанные из древесной коры, покрытые

белым и прочным лаком, длиной десять или двенадцать ярдов, которые при складывании уменьшались до пяди. В них они красками описывали прожитые годы, войны, наводнения, ураганы, голод и другие события". "Сын только Бога, чье существование, как я уже сказал, Они известны, и которых они называли Ytzamná, был мужчина, как я считаю, кто первый изобрел символы, которые служили индейцам в качестве букв, т. к. они называли последним также Ytzamná."^[1109] в Itzas, как Villagutierre говорит нам, были "буквы и цифры рисовал на коре деревьев, каждый лист, или планшета, находясь около пяди длиной, толщиной, как настоящий де à Очо (монеты), сложить в обе стороны, как экран, который они называли *analtees*."^[1110] оно гласит, что у мексиканцев не было букв", хотя в земле Чампотон он сказал, что такие были найдены, и что они понимали друг друга с их помощью, как это делаем мы с помощью наших".^[1111] Акоста говорит, что в Юкатане "были книги из листов, переплет или сложенный по своему обыкновению, в которой узнали индусы имели свои подразделения в свое время, знания о растениях и животных и других природных объектов, и их древностей; огромную любознательность и трудолюбие."^[1112] майя жрецы "были заняты в учении их науках, и в написании книг, на них".^[1113] в Гватемале, по данным Benzoni, "дело всех остальных на которых индейцы были очень удивлены и наша чтения и письма.... Они также не могли представить себе, каким образом белая бумага, окрашенная черным, может разговаривать между собой".^[1114] Питер Мартир дает довольно длинное описание местных книг в деревянных переплетах, которые он не относит конкретно к Юкатану, хотя Брассер, по-видимому, не без оснований, считает, что это были *аналогии майя*, а не обычные рисунки ацтеков. Ниже приводится описание на причудливом английском языке переводчика. "Они не делают свои книги квадратными, лист за листом, но растягивают их материю на много локтей. Они измельчают их в квадратные куски, не рыхлые, а со связующим и гибким битумом, настолько уплотненным, что, будучи компактными из деревянных настольных досок, можно подумать, что они прошли через руки какого-нибудь любопытного мастера, который соединял их вместе. В какую бы сторону ни открывалась книга, взору открываются две исписанные стороны, появляются две страницы и столько же щелоков, сколько вы их ни растягивайте в длину: ибо на одном листе много листов, соединенных вместе. Персонажи очень vпподобны нашим, написаны в нашей манере, линия за линией, с такими персонажами, как маленькие игральные кости, рыболовные крючки, силки, напильники, звезды и другие подобные формы. При этом они почти имитируют египетскую манеру письма, и между строками они рисуют фигуры людей и животных, особенно их королей и знати.... Они изготавливают бывшие деревянные настольные книги также с искусством, чтобы порадовать зрителя. Будучи закрытыми, они считают, что ничем не отличаются от наших книг, в них они излагают письменно обряды и обычаи своих законов, жертвоприношений, церемоний, свои расчеты и т.д."^[1115]

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА майя.

Что касается иероглифических записей в Чьяпасе и Гватемале, то у нас есть заявление Ордоньеса о том, что "Вотан написал труд о происхождении индейцев" и что у него, Ордоньеса, был экземпляр этой книги; жалоба в "анналах Киче", известных как "Пополь Вух", о том, что "национальная книга", содержащая древние записи их народа, была утеряна; и, наконец, сообщение об обнаружении и уничтожении в Соконуско каменных архивов Нуньесом де ла Вегой в 1691 году. Все это мало что значит, за исключением указания на древнее использование иероглифов последователями Вотана, факт, достаточно доказанный, как мы увидим, гравированными табличками из Паленке и Копана.^[1116] У никарагуанцев во

время завоевания были записи, нанесенные красками на кожу и бумагу, несомненно идентичные по своим рисункам рисункам науа, с которыми цивилизованный народ Никарагуа был близок по крови и языку. Однако образцов этих южных иероглифов не сохранилось. Овьедо и Эррера слегка описывают рисунки, и более поздние авторы следовали им.[\[1117\]](#)

РУКОПИСИ МАЙЯ.

Из рукописей коренных народов майя, насколько мне известно, сохранились только три экземпляра. Это *Мексиканская рукопись № 2* из Императорской библиотеки в Париже; *Дрезденский кодекс*; и *рукопись Троано*. О первом мы знаем только о его существовании и сходстве его персонажей с персонажами двух других, а также о скульптурных табличках. Документ был сфотографирован в 1864 году по заказу французского правительства, но мне неизвестно, чтобы эти фотографии когда-либо предоставлялись широкой публике. *Дрезденский кодекс* хранится в Королевской библиотеке Дрездена. Полная копия была опубликована в коллекции мексиканских древностей лорда Кингсборо, а фрагменты также были воспроизведены Гумбольдтом. Она была приобретена в Вене библиотекарем Гетцем в 1739 году, но, кроме этого, о ее истории и происхождении ничего не известно. Она была опубликована издательством Kingsborough как ацтекская письменность с картинками, хотя ее символы мало похожи, если вообще имеют какое-либо сходство, на символы сопутствующих документов в коллекции. Его форма также отличалась от всех остальных, поскольку он был написан с обеих сторон на пяти листах магуэй-бумаги. Однако на момент его публикации о существовании в Америке каких-либо иероглифов, кроме ацтекских, было неизвестно. Мистер Стивенс в своем антикварном исследовании Центральной Америки сразу заметил сходство ее фигур со скульптурными иероглифами, найденными там, но он использовал это сходство, чтобы доказать идентичность северных и южных народов, поскольку ему не приходило в голову, что ацтекское происхождение дрезденского документа было простым предположением. Мистер Бранц Майер, полностью осознавая различия между этим и другими известными мексиканскими рисунками, зашел так далеко, что объявил его единственным подлинным документом ацтеков, который он видел. Однако в наши дни не может быть разумных сомнений в том, что системы иероглифов майя и науа (или майя и ацтеков, поскольку некоторые авторы не согласятся с моим использованием термина науа) были практически разными, хотя вряд ли было бы разумно утверждать, что они абсолютно не похожи в некоторых деталях. Прилагаемая вырезка из работы Стивенса показывает небольшой фрагмент Дрезденского кодекса.[\[1118\]](#)

Фрагмент Дрезденского кодекса.

РУКОПИСЬ ТРОАНО.

The *Манускрипт Троано* был найден примерно в 1865 году в Мадриде аббатом Брассером де Бурбур и был воспроизведен в натуральную величину методом хромофотографии Мексиканской научной комиссией под эгидой французского правительства. Его название происходит от имени его владельца в Мадриде, сеньора Тро-и-Ортолано, и о его происхождении вообще ничего не известно; сообщается, что после публикации этой книги в Испании были обнаружены две или три другие старые американские рукописи. Оригинал написан на полоске белой бумаги длиной около четырнадцати футов и шириной девять дюймов, поверхность которой покрыта беловатым лаком, на котором цифры нанесены черной, красной, синей и коричневой красками. Он складывается веерообразно в тридцать пять складок, придавая в закрытом состоянии вид современного большого тома *ostavo*. Иероглифы покрывают обе стороны бумаги, и, следовательно, текст разделен на семьдесят страниц, каждая размером примерно пять на девять дюймов, которые, по-видимому, были выполнены после того, как бумага была сложена, так что складывание не мешает написанному. Одна из страниц в качестве образца представлена на следующей табличке и является точной копией оригинала, за исключением размера и цвета.

Правильные строки письменных знаков равномерно выполнены черным, в то время как графические части или то, что, возможно, можно считать репрезентативными знаками, выполнены красным и коричневым, в основном первым, а синий цвет по большей части используется в качестве фона на некоторых страницах. Несколько страниц слегка повреждены, и все недостатки, как утверждается, точно воспроизведены в опубликованном экземпляре, который с комментариями редактора заполняет два тома объемом квартал в серии, опубликованной упомянутой Комиссией.^[1119]

НАДПИСИ МАЙЯ НА КАМНЕ.

Таблички на следующих страницах из работ Стивенса и Вальдека я представляю как образцы письменности майя, поскольку они найдены вырезанными на камне на Юкатане, в Гондурасе и Чьяпасе. За подробностями, касающимися руин, в связи с которыми они были обнаружены, я отсылаю читателя к тому IV. этой работы. Рис. 1 представляет иероглифы, высеченные на вершине алтаря в Копане, Гондурас, тридцать шесть групп занимают пространство площадью почти шесть квадратных футов. Рис. Рис. 2 - табличка, вмонтированная во внутреннюю стену здания в Чичене, Юкатан. Табличка помещена над дверными проемами и тянется по всей длине комнаты, на сорок три фута; однако на разрезе показана только часть. На рис. 3 в натуральную величину представлена резьба по зеленому камню, или чалхиуиту, найденная в Окочинго, штат Чьяпас. Я беру это из английского перевода книги Мореле "Путешествия". На многих монолитах Копана сбоку нанесены ряды иероглифов. Таблички, представляющие образцы этих памятников, будут приведены в томе IV. Рис. На рис.4 показана часть иероглифических надписей на знаменитой "скрижали креста" в Паленке.[\[1120\]](#)

Страница рукописи Троано.
[См. увеличенное изображение.](#)

Рис. 1. Алтарная надпись из Копана.

Рис. 2. Таблетка из Чичена.

Рис. 3. Хальхиуит из Окоцинго.

Рис. 4. Табличка из Паленке.

АЛФАВИТ ЕПИСКОПА ЛАНДА.

На предыдущей странице этой главы я привел знаки, с помощью которых уроженцы Юкатана выражали названия своих дней и месяцев, взятые из труда епископа Ланда. Тот же автор сохранил также алфавит майя. Из-за неспособности Ланда оценить важность местных иероглифов или понять систему, а также, весьма вероятно, из—за небрежности его переписчика - поскольку оригинальная рукопись работы Ланда не была найдена — отрывок, касающийся алфавита, очень расплывчатый, неудовлетворительный и, возможно, фрагментарный; но он имеет высочайшее значение, поскольку алфавит, приведенный здесь в связи с уже упомянутыми календарными знаками, дает, по-видимому, единственное основание надеяться, что завеса тайны, нависшая над надписями майя, однажды может быть снята. Поэтому я привожу описание Ланда, насколько это возможно, его собственными словами, копируя также испанский оригинал в примечании.

"Из их букв я привожу здесь (см. Алфавит на следующей странице) А, В, С, поскольку они тяжелые (количество и сложность?). большего не допускает; потому что они используют один символ для обозначения всех стремлений букв, а другой - для обозначения частей (пунктуации), и, таким образом, это продолжается до бесконечности, как можно видеть в следующем примере: *ле* означает "ловушка" или охотиться с ее помощью; чтобы написать это их символами, мы дали им понять (хотя мы и указывали и т.д.), что это две буквы, они написали это тремя, поместив после стремления / гласную *e*, которая стоит перед ней, и в конце в этом они не ошибаются, хотя и используют, если хотят, свой любопытный метод. Пример:

e l e l é

Затем в конце прикрепляют примыкающую деталь. *Ха*, что означает "вода", поскольку перед *хаче* (звук буквы *h*) стоит *a*, *h*, они пишут это в начале через *a*, в конце таким образом:

ha

Они также пишут это по частям, но обоими способами. Я бы не стал приводить (все это) здесь и рассматривать это только для того, чтобы дать полный отчет о делах этого народа. *Ма на кати* означает "Я не буду"; они пишут это по частям таким образом".^[1121]

ma i n ka ti

А А А А В В С(вопрос?)

Т È Н Н І СА(?) К

Л Л М Н О О П

Р Р С U K U X X U(?) U

**З Х А М А - Знак
Устремления.**

Говоря об этом алфавите, Ланда добавляет: "в этом языке отсутствуют буквы, которых здесь нет; и к нашему языку добавлены другие для других необходимых целей; и они уже не используют эти символы, особенно молодежь, выучившая наш". Следует заметить, что для обозначения одной и той же буквы используется несколько различных символов и несколько слоговых знаков.

Символы алфавита Ланды и календарные знаки можно более или менее точно и легко идентифицировать с некоторыми иероглифическими надписями на камне, рукописью Троано и Дрезденским кодексом. Сходство во многих случаях очевидное, в других - очень расплывчатое и, возможно, воображаемое, в то время как очень многие другие, по-видимому, не могут быть идентифицированы. Хотя ключ Ланда следует рассматривать как фрагментарный, я полагаю, что нет причин сомневаться в его подлинности. Но была предпринята одна попытка практически применить этот ключ к работе по расшифровке документов майя, предпринятая аббатом Брассером де Бурбургом. Этот автор, после глубокого изучения предмета, посвящает сто тридцать шесть страниц кварты рассмотрению иероглифов майя и их вариаций, а пятьдесят семь страниц - переводу части рукописи "Троано". Перевод должен быть признан неудачным, особенно после признания автора в последующей работе в том, что он начал чтение не с того конца документа,^[1122] — возможно, пустяковая ошибка по мнению восторженного аббата, но несколько серьезная, как это представляется ученым. Его предварительные экзамены, несомненно, содержат много ценной информации, которая облегчит труд и исследования будущих студентов; но, к

сожалению, такова их природа, что обобщение практически невозможно. Потребовалась бы длинная глава, если не целый том, чтобы воздать им должное, и здесь их следует опустить.

Брассер де Бурбур посвятил свою жизнь изучению первобытной истории Америки. В реальных знаниях вопросов, относящихся к избранному им предмету, ни один человек никогда не равнялся ему и не приближался к нему. Помимо того, что он был неутомимым студентом, он был элегантным писателем. В последнее десятилетие своей жизни он разработал новую и сложную теорию, касающуюся происхождения американского народа, или, скорее, происхождения европейцев и азиатов из Америки, о чем стало известно миру в его *Четверостишиях*. Его попытка перевода рукописи Троано была предпринята в поддержку этой теории. Из-за необычного характера выраженных взглядов и хорошо известной склонности автора возводить великолепные сооружения на непрочном фундаменте, его более поздние работы были по большей части восприняты критиками, совершенно некомпетентными в их понимании, с насмешкой или, что, кажется, огорчало писателя больше, молчанием. Теперь, когда великий *американист* мертв, хотя маловероятно, что его теории когда-либо будут приняты, его рвение в деле антикварной науки и многие ценные работы, вышедшие из-под его пера, будут оценены по достоинству. Пройдет немало времени, прежде чем кто-то другой возьмется с такой же преданностью и способностями за почти безнадежную задачу.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗАПИСЕЙ МАЙЯ.

Я завершаю главу несколькими цитатами из современных авторов, посвященными иероглифам майя и их интерпретации. Тайлер говорит, что "есть даже свидетельства того, что народ майя на Юкатане, руины храмов и дворцов которого так хорошо известны из путешествий Катервуда и Стивенса, не только имел систему фонетического письма, но и использовал ее для написания обычных слов и предложений".^[1123] Вуттке предполагает, что алфавит Ланда возник после завоевания, предположение, как замечает Шеппинг, исключенное заявлением Мендиеты, но "в остальном весьма вероятное, учитывая фонетизм, развитый в Мексике вскоре после завоевания".^[1124] И, наконец, Уилсон говорит: "хотя повторение одних и тех же знаков и воссоздание групп из отдельных членов других ясно указывают на письменный язык, а не на простое графическое отображение связанных идей, как в мексиканском изобразительном письме". "На самых сложных табличках с африканскими иероглифами каждый объект отличается друг от друга, и его репрезентативное значение редко бывает трудно проследить. Но большинство иероглифов Паленке или Копана выглядят так, как будто построены по тому же полисинтетическому принципу, который придает особый характер языкам Нового Света. Это становится еще более очевидным, когда мы обращаемся к чрезвычайно сложным надписям на колоссальных фигурах Копана. В них полностью исчезают все представления о простых фонетических знаках. Подобно *связочным словам*, как их называли в американских языках, каждое из них, по-видимому, составлено из нескольких частей основных символов, используемых при написании рисунками, в то время как графическое происхождение всего этого становится ясно очевидным. При сравнении этих детально проработанных символов с теми, что указаны в таблицах, становится очевидным, что в последних используется система сокращений. Аналогичный процесс кажется смутно различимым в сокращенных составных символах надписи в Паленке. Но если вывод верен, это само по себе указывает на то, что центральноамериканские иероглифы не используются как фонетические или чисто

алфавитные знаки; и эта идея находит подтверждение в редких повторениях одной и той же группы.... Надписи в Паленке обладают всеми характеристиками письменного языка, находящегося на стадии развития, аналогичной китайскому, с его словописью; и, как и он, они, по-видимому, были прочитаны столбцами сверху вниз. Группы символов начинаются с большого иероглифа в левом углу, а первая колонка занимает двойной пробел. Также примечательно, что при частом появлении человеческих и звериных голов среди изваянных персонажей они неизменно смотрят влево; указание, как мне кажется, на то, что это высеченные надписи буквенного народа, который привык писать одни и те же символы слева направо на бумаге или коже. Действительно, изобразительные группы на статуях Копана, по-видимому, являются настоящими иероглифическими знаками, в то время как надписи Паленке представляют собой сокращенное иератическое письмо. Для скульптора направление символов не имело значения; но если бы писец держал свое перо или стилистику в правой руке, как современный клерк, он так же естественно нарисовал бы левый профиль, как мы сейчас наклоняем руку вправо. Также вводятся произвольные знаки, подобные знакам фонетических алфавитов Европы. Среди них неоднократно встречается буква "Т": символ, который, как следует помнить, также был выбит на мексиканской металлической валюте".^[1125]

ГЛАВА XXV.

ЗДАНИЯ, МЕДИЦИНА, ЗАХОРОНЕНИЯ, ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР майя.

СКУДНАЯ ИНФОРМАЦИЯ, ПРЕДОСТАВЛЕННАЯ РАННИМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ—ЧАСТНЫЕ ДОМА МАЙЯ—ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО, ОТДЕЛКА И МЕБЕЛЬ—ГОРОДА МАЙЯ—ОПИСАНИЕ УТАТЛАНА—ПАТИНАМИТА, СТОЛИЦЫ КАКЧИКЕЛЕЙ—ГОРОДА НИКАРАГУА—ДОРОГИ МАЙЯ—ХРАМЫ В ЧИЧЕН—ИЦЕ И КОСУМЕЛЕ—ХРАМЫ НИКАРАГУА И ГВАТЕМАЛЫ—БОЛЕЗНИ МАЙЯ—ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ЛЕКАРСТВА—ЛЕЧЕНИЕ БОЛЬНЫХ—УМИЛОСТИВИТЕЛЬНЫЕ ПОДНОШЕНИЯ И ОБЕТЫ—СУЕВЕРИЯ—СНЫ—ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ—КОЛДОВСТВО—ЗАКЛИНАТЕЛИ ЗМЕЙ—ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ И ЦЕРЕМОНИИ—ФИЗИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ—ХАРАКТЕР.

Полное изложение принципов архитектуры майя, собранное на основе наблюдений за руинами, сделанных современными путешественниками, будет приведено в другой части этой работы.^[1126] Поэтому я, невзирая на неизбежную скудость и неудовлетворительный характер такой информации, ограничусь в этой главе описаниями древних авторов, которые видели дома и города, когда в них жили те, кто их построил, и храмы, прежде чем они превратились в руины, или, по крайней мере, были современниками таких наблюдателей.

Сведения, приведенные о жилищах майя, очень скудны. Первые путешественники на побережье Юкатана, такие как Грихальва и Кордова, видели хорошо построенные дома из камня и извести, с покатыми крышами, покрытыми соломой или тростником; или, в некоторых случаях, каменными сланцами;^[1127] но это все, что они нам рассказывают, и, действительно, у них было мало возможности для близкого осмотра; уроженцы тех краев были свирепы и воинственны и мало склонны подчиняться вторжению, так что у горстки искателей приключений едва хватило времени на то, чтобы наскоро осмотреться после того, как они прибыли. произвели высадку до того, как их раненых отвезли обратно к их лодкам. Здесь, как и везде, храмы и более крупные здания, естественно, привлекали их исключительное внимание, как из-за их необычности, так и из-за сокровищ, которые они должны были содержать или действительно содержали. Эти люди были солдатами, охотниками за золотом; они путешествовали неспешно; у них не было времени изучать архитектуру частных жилищ; они рисковали своими жизнями и отдавали их ради других целей. Епископ Ланда, однако, имеет кое-что сказать по поводу жилищ майя. Крыша, по его словам, была покрыта соломой, которой у них было в большом изобилии, или пальмовыми листьями, которые превосходно соответствовали назначению. Крыше был придан значительный уклон, чтобы дождь мог легко стекать. Дом был разделен по длине, то есть из стороны в сторону, стеной, в которой было оставлено несколько дверных проемов как средство сообщения с задней комнатой, где они спали. Передняя комната, где принимали гостей, была тщательно побелена или, в домах знати, выкрашена в различные цвета или узоры; в ней не было двери, но она была открыта по всей длине фасада дома и была

защищена от солнца и дождя карнизом, который обычно опускался очень низко.^[1128] В задней части дома всегда был дверной проем для всех обитателей. Тот факт, что здесь не было дверей, делал для них делом чести не грабить и не наносить ущерб домам друг друга. Бедные люди строили дома богатых.^[1129] Новое жилище не могло быть заселено до тех пор, пока оно не было официально благословлено и очищено от злого духа.^[1130]

НИКАРАГУАНСКИЕ ЖИЛИЩА.

В Никарагуа жилища были в основном сделаны из тростника и покрыты соломой. В больших городах дома знати строились на платформах высотой в несколько футов, но в небольших городах резиденции всех классов были одинаковой конструкции, за исключением того, что резиденции вождей были больше и удобнее. Некоторые, однако, по-видимому, были построены из камня.^[1131] О жилищах в Гватемале говорится еще меньше. Виллагутьерре упоминает деревню Лакандоне, в которой было сто три дома с покатыми соломенными крышами, опирающимися на прочные столбы. Фасад каждого дома был открыт, но задняя часть и боковые стороны были закрыты прочным частоколом. Интерьер был разделен на несколько квартир. Коголлудо говорит, что их дома были покрыты штукатуркой, как на Юкатане.^[1132]

У дома, или, скорее, сарая, недалеко от залива Дульче, в котором остановился Кортес, не было стен, крыша покоилась на столбах.^[1133] В других частях Гватемалы он видел "большие дома с соломенными крышами".^[1134] Гейдж не дает подробного описания их жилищ. "Их дома, - пишет он, - представляют собой всего лишь бедные хижины с соломенными крышами, без каких-либо верхних комнат, но обычно только одна или две комнаты внизу, в одной из которых они жарят мясо в середине его, разводя огонь двумя или тремя камнями, без какого-либо другого дымохода для отвода дыма, который, распространяясь по комнате, настолько пропитывает соломой крышу и стропила, что вся комната кажется дымоходом. Следующая за ней не свободна от копоти и черноты, где иногда стоят четыре или пять кроватей в зависимости от семьи. У бедняков есть только одна комната, где они едят, готовят мясо и спят".^[1135] Лас Касас рассказывает нам, что, когда гватемальцы строили новый дом, они позаботились о том, чтобы выделить помещение для поклонения домашним богам; там они воскуривали благовония и приносили домашние жертвы на алтаре, воздвигнутом специально для этой цели.^[1136]

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ДОМА.

Мало что говорится о внутреннем назначении и отделке жилищ. Ланда упоминает, что на Юкатане они использовали кровати из тростника,^[1137] и то же самое говорит о Никарагуа Овьедо, который добавляет, что в качестве подушки они использовали маленькую четырехногую скамейку из ценных пород дерева.^[1138] В Гватемале в каждой комнате было что-то вроде кровати, достаточно большой, чтобы вместить четырех взрослых, и другие маленькие для детей.^[1139] Брассер де Бурбур дает описание великолепной мебели, используемой в домах богатых в Гватемале. Юкатан, но, к сожалению, единственным авторитетом в этом вопросе у ученого аббата является несколько апокрифическая рукопись Ордоньеса. Табуретки, пишет он, на которые они садились, скрестив ноги по восточной

моде, были из дерева и драгоценных металлов и часто делались в форме какого-нибудь животного или птицы; они были покрыты оленьими шкурами, выделанными с особой тщательностью и расшитыми золотом и драгоценными камнями. Внутренние стены иногда увешивались подобными шкурами, хотя чаще они были украшены картинами на красном или синем фоне. Портьеры тончайшей фактуры и самых ярких цветов ниспадали на дверные проемы, а оштукатуренные полы были покрыты ковриками изысканной работы. Столы были покрыты скатертями богатых оттенков. Эта тарелка сделала бы честь персидскому сатрапу. Изящные вазы из чеканного золота, алебаstra или агата, выполненные с изысканным искусством, изящная расписная керамика, превосходящая этрурскую, канделябры для больших пахучих сосновых факелов, металлические жаровни, источающие сладкие ароматы, множество *мелочей*, таких как колокольчики и свистульки гротескной формы для вызова слуг, фактически вся роскошь, являющаяся результатом развитой цивилизации, была, по словам Брассера де Бурбура, найдена в домах знати майя.^[1140]

УКРЕПЛЕНИЯ МАЙЯ.

О внутреннем устройстве городов Юкатека нам ничего не сообщается, за исключением того, что храмы, дворцы и дома знати находились в центре, а жилища простых людей группировались вокруг них, и что улицы были в хорошем состоянии.^[1141] Некоторые из них, однако, должны были быть очень большими и содержать прекрасные здания. Во время путешествия Кордовы по побережью Юкатана был замечен город, который, по словам Питера Мученика, "из-за его огромности они называют Кайрус, из Кайруса - столица Египта: там они находят дома с башнями, величественные башни, прекрасные дороги и улицы, где находились рынки и ярмарки для торговли товарами".^[1142] Во время путешествия Грихальвы был замечен город, возможно, тот же самый, который, по словам Диаса, капеллана экспедиции, был таким же "большим", как город Севилья".^[1143] Ни один из городов Юкатека, по-видимому, не был расположен с какой-либо целью обороны или снабжен укреплениями любого описания.^[1144] Города Гватемалы, с другой стороны, были очень сильно укреплены, как искусственно, так и за счет выбранного участка. Хуаррос так описывает город Утатлан в Гватемале: "он был окружен глубоким оврагом, который образовывал естественный ров, оставляя только две очень узкие дороги в качестве въездов в город, обе из которых были настолько хорошо защищены замком *Ресгуардо*, что делали его неприступным. Центр города занимал королевский дворец, окруженный домами знати; окраины были населены плебейми. Улицы были очень узкими, но это место было настолько густонаселенным, что позволило королю собрать из него в одиночку не менее 72 000 бойцов, чтобы противостоять продвижению испанцев. В нем было много очень роскошных зданий, самым великолепным из них была семинария, где обучалось от 5 до 6000 детей; все они содержались и обеспечивались за счет королевской казны; их обучением руководили 70 магистров и профессоров. Замок Аталая был замечательным сооружением, которое, будучи четырехэтажным, могло оборудовать помещения для очень сильного гарнизона. Замок Ресгуардо ничем не уступал другому; он простирался на 188 шагов спереди, на 230 в глубину и был 5-этажным. Великий алькасар, или дворец королей Киче, превосходил все остальные сооружения и, по мнению Торквемады, мог соперничать по богатству с дворцом Монтесумы в Мексике или инков в Куско. Фасад этого здания простирался с востока на запад на 376 геометрических шагов и в глубину на 728; он был построен из тесаного камня разных цветов; его форма была элегантной и в целом великолепной; в нем было 6 основных

отделений, в первом находились помещения для многочисленного отряда улан, лучников и других хорошо дисциплинированных войск, составляющих королевскую личную гвардию; второе предназначалось для размещения принцев и родственников короля, которые жили в нем и обслуживались с царственной пышностью, пока они оставались неженатыми; третье предназначалось для использования в качестве кладовой. короля и содержал отдельные апартаменты для утреннего, вечернего и ночного пребывания. В одном из залов стоял трон под четырьмя балдахинами с плюмажем, подняться к нему можно было по нескольким ступеням; в этой части дворца находились казначейство, судебские трибуналы, оружейная палата, сады, вольеры и зверинцы со всеми необходимыми помещениями, пристроенными к каждому ведомству. 4-й и 5-й отделы занимали королевы и королевские наложницы; они обязательно были большого размера из-за огромного количества помещений, необходимых для размещения такого количества женщин, которые все содержались в роскошном великолепии, садов для их отдыха, бань и подходящих мест для разведения гусей, которые содержались с единственной целью - снабдить их перьями, из которых изготавливались портьеры, покрывала и другие подобные декоративные изделия. К этому подразделению примыкал шестой и последний; это была резиденция дочерей короля и других женщин королевской крови, где они получали образование и уход, соответствующий их рангу".^[1145]

Патинамит, столица Чакчикеля, имел почти три лиги в окружности. Он был расположен на плато, окруженном глубокими оврагами, которые можно было пересечь только в одном месте по узкой дамбе, заканчивавшейся двумя каменными воротами, одними снаружи, а другими внутри толстой городской стены. Улицы были широкими и прямыми и пересекали друг друга под прямым углом. Город был разделен с севера на юг на две части ровом глубиной девять футов и каменной стеной высотой около трех футов с каждой стороны. Этот ров служил для отделения знати от простолюдинов: первый класс жил в восточной части, а второй - в западной.^[1146]

Питер Мартир говорит о городах Никарагуа: "Большие улицы охраняют фасады королевских дворов в соответствии с расположением и величию их деревни или городка. Если город состоит из множества домов, то в нем есть и маленькие, в которых могут собираться вместе торговые соседи, удаленные от Двора. Дома главных дворян окружают королевскую улицу с каждой стороны: в середине ее воздвигнут один из них, в котором обитают Золотых дел мастера".^[1147]

Майя построили превосходные и желанные дороги по всей стране. Наиболее примечательными из них были большие дороги, которыми пользовались паломники, посещавшие священный остров Косумель; эти дороги, числом четыре, пересекали полуостров в разных направлениях и, наконец, пересекались в точке на побережье напротив острова.^[1148] Диего де Годой, в письме Кортесу, утверждает, что он и его спутники прибыли в место в горах Чьяпаса, где гладкая и скользкая скала спускалась к краю пропасти, и которая была бы совершенно непроходимой, если бы индейцы не проложили дорогу из ветвей и стволов деревьев. На краю пропасти они соорудили прочные деревянные перила, а затем сравняли все с землей.^[1149]

О храмах майя сказано очень мало. В Чичен-Ице была одна, с четырьмя большими лестницами, каждая шириной тридцать три фута и с девяносто одной ступенькой, очень трудная для подъема. Ступени были такой же высоты и ширины, как у нас. С обеих сторон каждой лестницы была низкая балюстрада шириной в два фута, сделанная из хорошего камня, как и все остальное здание. Здание не имело острых углов, потому что от земли вверх между балюстрадами кубические блоки были закруглены, постепенно поднимаясь и элегантно сужая здание. У подножия каждой балюстрады была прикреплена свирепая змеиная голова очень странной работы. На вершине здания была платформа, на которой стояло здание размером сорок три на сорок девять футов и высотой около двадцати футов, имеющее только по одному дверному проему в центре каждого фасада. Дверные проемы на востоке, западе и юге открывались в коридор шириной шесть футов, который простирался без перегородок вокруг трех соответствующих сторон здания; северный дверной проем вел в коридор длиной сорок футов и шириной шесть с третью футов. В центре задней стены этого коридора был дверной проем, ведущий в комнату размером двенадцать футов девять дюймов на девятнадцать футов восемь дюймов и высотой семнадцать футов; ее потолок был образован двумя поперечными арками, поддерживаемыми огромными резными балками из дерева сапоте, протянутыми через комнату и опирающимися каждая в своем центре на две квадратные колонны.^[1150] Остров Косумель был особенно посвящен религиозным обрядам, и ежегодно его посещало огромное количество паломников; поэтому здесь было больше религиозных сооружений, чем где-либо еще. Среди них упоминается квадратная башня с четырьмя окнами и полостью наверху; в задней части находилась комната, в которой хранились священные принадлежности; она была окружена оградой, в середине которой возвышался крест высотой девять футов, изображающий Бога дождя.^[1151] Другие храмы настолько напоминали храмы Мексики, что не нуждаются в дальнейшем описании здесь.^[1152]

ХРАМЫ НИКАРАГУА.

Храмы Никарагуа были построены из дерева и крыты соломой; в них было множество низких темных помещений, где хранились идолы и совершались религиозные обряды. Перед каждым храмом был пирамидальный курган, на плоской вершине которого приносились жертвы в присутствии всего народа.^[1153]

В Гватемале Кортес видел храмы, подобные мексиканским.^[1154] Храм Тохиля в Утатлане, по словам Брассера де Бурбура, представлял собой коническое сооружение с очень крутой лестницей; на вершине была платформа значительных размеров, на которой стояла очень высокая часовня, построенная из тесаного камня и крытая ценным деревом. Стены были покрыты изнутри и снаружи очень тонкой и прочной штукатуркой. На золотом троне, украшенном драгоценными камнями, восседало изображение бога.^[1155]

Конкретные болезни, которым майя были наиболее подвержены, не перечислены, но нет причин сомневаться в том, что они страдали теми же недугами, что и их соседи науа. Они, по-видимому, были сильно поражены различными формами сифилиса,^[1156] а зимой - катаром и лихорадкой.^[1157] Их также сильно беспокоили эпидемии, которые нередко приводили страну к большим разрушениям.^[1158]

Практикующих врачей было много. Их лекарства, которые в основном поставлялись растительным царством, вводились в обычных формах,^[1159] и их лечение пациентов включало обычные ряженые. Широко использовались клизмы.^[1160] От сифилиса они использовали отвар дерева под названием *гуаякан*, которое в наибольшем количестве росло в провинции Награндо в Никарагуа.^[1161] При ревматизме, кашле, простуде и других жалобах родственного характера они использовали различные травы, в том числе табак,^[1162] и что-то вроде теста, приготовленного из "вонючих ядовитых червей".^[1163] Язвы, возникающие по естественным причинам, они промывали отваром ананаса. траву под названием *койгарака*, или делали припарки из размятых листьев другого растения под названием *мозот*.^[1164] Раны, полученные в бою, всегда лечили наружным применением.^[1165] Какао после извлечения масла считалось надежным средством против яда.^[1166]

Когда заболел богатый человек или знатный человек, к врачу отправляли гонца с подарками, который немедленно приезжал и оставался рядом со своим пациентом, пока тот либо не выздоравливал, либо умирал. Если болезнь не была серьезной, врач просто применял обычные средства, но считалось, что тяжелая болезнь могла быть вызвана только каким-то совершенным преступлением, в котором никто не признался. Поэтому в таких случаях врач настаивал на том, чтобы больной чистосердечно признался в этом грехе, даже если он был совершен двадцать лет назад. Сделав это, врач бросал жребий, чтобы узнать, на какие жертвы следует пойти, и все, что он решал, всегда получалось, даже если это составляло все состояние пациента.^[1167] На Юкатане практикующий врач иногда брал кровь из тех частей тела пациента, в которых лежала болезнь.^[1168] Лизана упоминает храм в Исамале, куда приносили больных, чтобы они могли чудесным образом исцелиться.^[1169] В Гватемале, как и везде, в обычных случаях болезни приносились умиловительные приношения птиц и животных, но если пациент был богат и опасно болен, он иногда стремился умиловить гнев богов и искупить грехи, которые, как предполагалось, он совершил, принося в жертву животных. рабы мужского или женского пола, или, в исключительных случаях, когда больной был принцем или знатной особой, он даже клялся принести в жертву сына или дочь в случае своего выздоровления; и хотя козла отпущения обычно выбирали из числа его детей рабы женского пола, все же они так боялись смерти, так любили жизнь, что нередко были случаи, когда в жертву приносились законные дети и даже единственные сыновья. И более того, говорят, что они были неумолимы, как Иеффай, в исполнении таких обетов, ибо считалось великим грехом нарушать сделку, заключенную с богами.^[1170]

Майя, как и науа, были крайне суеверны. Они безоговорочно верили в исполнение снов, влияние предзнаменований и силу ведьм и волшебников. Ни одно важное дело не предпринималось до тех пор, пока не был предсказан его успех и счастливый день не определялся полетом птицы или каким-либо подобным предзнаменованием. Было ли неисполнение предсказания обеспечено *двусмысленностью*, на манер сивилл, нам не сообщается. Считалось, что крики или появление определенных птиц и животных предвещают беду тем, кто их слышал или видел.^[1171] Они так же твердо верили и были так же хорошо сведущи в черном искусстве, как и их европейские собратья сто лет спустя, и,

похоже, испытывали такой же просвещенный ужас перед искусством грамариэ, поскольку, по крайней мере, в Гватемале они безжалостно сжигали ведьм и волшебников. По их словам, среди них были колдуны, которые могли превращаться в собак, свиней и других животных, и чей взгляд был смертелен для их жертв. Были и другие, которые могли с помощью магии заставить розу цвести по своему желанию и могли подчинить себе любого, кого пожелают, просто дав ему понюхать цветок. Неверные жены тоже часто околдовывали своих мужей, чтобы их неверность не была обнаружена.^[1172] Все это серьезно рассказывается старыми хронистами не как факты, недостойные доверия, а как деяния, совершенные по наущению дьявола к полному проклятию невежественных язычников. Коголлудо, например, говоря о действиях заклинателя змей, говорит, что фокусник взял рептилию голыми руками, при этом он использовал определенные мистические слова, которые он, Коголлудо, записал в то время, но впоследствии, обнаружив, что они призывали дьявола, он не счел нужным воспроизводить их в своей работе. Тот же автор далее рассказывает, что в другом случае прорицатель, согласно обычаю, бросил жребий с количеством кукурузных зерен, чтобы узнать, в каком направлении пошел заблудившийся ребенок. В конце концов ребенка нашли на указанной дороге, и рассказчик впоследствии попытался выяснить, был ли вызван дьявол или нет, но волшебник был бедным простым дурачком и не мог сказать ему.^[1173] Похоже, что не было большой разницы между доверчивостью и суевериями завоевателей и побежденных в других отношениях. Испанские отцы церкви, если мы можем судить по их писаниям, верили в божества ацтеков так же твердо, как и местные жители; единственная разница, по-видимому, заключалась в том, что первые смотрели на них как на дьяволов, а вторые - как на богов. Когда испанцы делали письменные заметки о том, что они видели, костариканцы думали, что они творят какое-то магическое заклинание; когда костариканцы бросали благовония в сторону захватчиков, призывая их покинуть страну или умереть,^[1174] испанцы поклялись, что в этом был дьявол, и перекрестились в качестве ответного заклинания.

Юкатеки соблюдали любопытный обычай во время лунного затмения. В такие моменты они воображали, что луна спит или что ее ужалили и ранили муравьи. Поэтому они били своих собак, заставляя их выть, и поднимали большой шум, колотя палками по дверям и скамейкам; чего они надеялись этим добиться, нам не говорят.^[1175]

ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ.

Майя избавлялись от тел своих умерших как путем захоронения, так и кремации. Однако первое, по-видимому, было наиболее распространенным способом. В Вера-Пасе, и, вероятно, во всей Гватемале, тело клали в могилу в сидячей позе, с подтянутыми к лицу коленями. Большая часть имущества умершего была похоронена вместе с ним, а в могилу были положены различные виды пищи и питья, чтобы дух ни в чем не нуждался на своем пути в страну теней.^[1176] Незадолго до того, как наступала смерть, ближайший родственник или самый близкий друг умирающего вкладывал ему в губы ценный камень, который, как предполагалось, должен был принять душу, как только она покинет тело. Как только он умер, тот же человек убрал камень и осторожно протер им лицо покойного. Это служение считалось очень важным, и человек, который его выполнял, хранил камень с большим почтением. Когда умирал правитель провинции, в соседние провинции отправлялись гонцы с приглашением других князей присутствовать на похоронах. В ожидании их прибытия тело

было приведено в сидячее положение, в том виде, в каком оно впоследствии должно было быть предано земле,^[1177] и облачено в большое количество богатых одежд.^[1178] В день похорон знатные вельможи, приехавшие присутствовать на церемонии, принесли драгоценные подарки и украшения и положили их рядом с трупом или на лицо покойного. Каждый предоставлял также раба мужского или женского пола, или обоих сразу, для принесения в жертву над могилой умершего. Затем тело помещали в большой каменный сундук,^[1179] и с большой торжественностью переносили к месту его последнего упокоения, которое обычно располагалось на вершине холма. После того как гроб с его украшениями был опущен в могилу, обреченные рабы были принесены в жертву, а также брошены туда вместе с орудиями труда, которыми они пользовались при жизни, чтобы они могли продолжать свои привычные занятия на службе своему новому хозяину в другом мире. Наконец, могила была засыпана, над ней насыпан холмик, а над всем этим воздвигнут каменный алтарь, на котором возжигались благовония и приносились жертвы в память об умершем. Простые люди не пользовались гробами, но помещали тело в сидячем положении и, завернутое во множество тряпок, в выемку, проделанную сбоку от могилы, закапывая вместе с ним множество кувшинов, сковородок и инвентаря. Они воздвигли над могилой холм высотой, пропорциональной рангу усопшего.^[1180]

Только беднейшие слои населения юкатеков хоронили своих умерших. Они клали в рот трупу кукурузу вместе с небольшим количеством денег в качестве переправы для Харона майя. Тело было похоронено либо в доме, либо рядом с ним. Несколько идолов были брошены в могилу перед тем, как ее засыпали. Затем дом был покинут его обитателями, потому что они очень боялись мертвых.^[1181] Книги священника были похоронены вместе с ним, как и амулеты колдуна.^[1182] Ицы хоронили своих мертвецов в полях, в их повседневной одежде. На могилах мужчин они оставляли орудия труда, которыми пользовались мужчины, на могилах женщин они клали точильные камни, сковородки и другую утварь, которой пользовались женщины.^[1183] В Никарагуа имущество хоронили вместе с владельцем, если у него или нее не было детей; в противном случае оно делилось между наследниками. Никарагуанские родители заворачивали своих детей в одежду и хоронили их перед дверями своих жилищ.^[1184] У пипилей умерших хоронили в доме, в котором они жили, вместе со всем их имуществом. Умершего первосвященника хоронили, облаченного в одежды и украшения, соответствующие его должности, в гробнице или склепе в его собственном дворце, и народ скорбел и постился пятнадцать дней.^[1185]

Кремация или частичная кремация, по-видимому, была зарезервирована для высших классов. На Юкатане делали изображение умершего человека из дерева для короля и из глины для знати. Задняя часть головы этого изображения была выдолблена, и после того, как часть тела была сожжена, пепел был помещен в это углубление, которое было покрыто кожей затылка трупа. Затем изображение было помещено в храме, среди идолов, и пользовалось большим почитанием, перед ним воскуривали благовония, почти как если бы это был бог. Остальная часть тела была похоронена с большой торжественностью. Когда умер древний король Кокومه, его голову отрезали и сварили. Затем срезали плоть, а череп разрубили надвое крест-накрест. На передней части черепа, которая включала нижнюю челюсть и зубы, из какого-то пластикового вещества было отлито точное подобие мертвеца. Его поместили среди статуй богов, и каждый день перед ним ставили различные съестные припасы, чтобы дух ни в чем не нуждался в другой жизни, которая, кстати, должна была быть бедной, раз нуждалась в такой земной пище.^[1186] Когда в Никарагуа умирал великий сеньор, его тело сжигали вместе с большим количеством перьев и всевозможных украшений, а прах помещали в урну, которую закапывали перед дворцом покойного. Как

обычно, дух должен быть снабжен пищей, которая была привязана к телу перед кремацией.^[1187]

СКОРБЬ ПО ПОГИБШИМ.

Согласно имеющейся у нас информации по этому вопросу, траурные обычаи майя, по-видимому, были практически везде одинаковыми. По поводу смерти вождя или кого-либо из членов его семьи пипилы оплакивали его в течение четырех дней, молча днем и с громкими криками ночью. На рассвете пятого дня верховный жрец публично запретил людям продолжать проявлять скорбь, сказав, что душа усопшего теперь с богами. Гватемальский вдовец выкрасил свое тело в желтый цвет, по этой причине его прозвали *малкам*. Матери, потерявшие грудного ребенка, воздерживались от молока всех других младенцев в течение четырех дней, чтобы дух умершего младенца не был оскорблен.^[1188]

Майя, как и науа, были в основном хорошо сложены, высокими, сильными и выносливыми. Цвет их лица был смуглым. Женщины были сносно хороши собой, некоторые из них, как говорят, довольно хорошенькие, и, похоже, у них была несколько более светлая кожа, чем у мужчин. Какими были черты майя, можно только догадываться. Их скульптура указывала бы на то, что большой крючковатый нос и скошенный лоб, если и не были обычными, то, по крайней мере, воспринимались благосклонно, и мы знаем, что уплощение головы было у них почти повсеместным. Бороды не носили, и матери юкатеков прижигали лица своих детей горячими тряпками, чтобы предотвратить рост волос. Во времена Ланда некоторые туземцы отпускали бороду, но, по словам достопочтенного епископа, она становилась грубой, как свиная щетина. В Никарагуа, похоже, даже не понимали, что такое борода; посмотрите на следующую "политику воспитания" Эгидиуса Гонсалуса: "Все варвары этих народов не имеют бород и ужасно боятся бородатых мужчин: и поэтому из 25 молодых людей без бороды, из-за их нежной кожи, Эгидиус сделал бородатых мужчин с набалдашниками на голове, волосы были аккуратно уложены, чтобы количество бородатых мужчин могло казаться тем больше, чем больше они выглядели". чтобы утратить их, если на них нападет война, как выяснилось после войны".^[1189] Прищуренные глаза, как я уже говорил ранее, считались красивыми на Юкатане.^[1190]

ХАРАКТЕР майя.

Из всех народов майя юкатеки обладают самым лучшим характером. Эти люди были щедрыми, вежливыми, честными, правдивыми, миролюбивыми, храбрыми, изобретательными и особенно гостеприимными, хотя, с другой стороны, они были большими пьяницами и очень распущенными в своих нравах. Женщины были скромными, очень трудолюбивыми, отличными хозяйками и заботливыми матерями, но, хотя в целом отличались мягким нравом, они чрезмерно ревниво относились к своим супружеским правам; действительно, епископ Ланда сообщает нам, что при малейшем подозрении в неверности со стороны своих мужей они становились совершенными фуриями и даже били

своего неверного.^[1191] О гватемальцах говорят как о чрезвычайно воинственных и доблестных людях, но при этом очень простых в своих вкусах и образе жизни.^[1192] Аррисивита называет лакандонов ворами, убийцами, каннибалами, кровожадными людьми, которые встретили миссионеров с большой жестокостью.^[1193] Однако тот факт, что лакандоны стремились отразить вторжение, интуитивно не зная, что захватчики были миссионерами, возможно, помог достойному падре прийти к этому решению. Никарагуанцы были воинственными и храбрыми, но в то же время лживыми, хитрыми и лживо коварными. Их решительная ненависть к белым была настолько велика, что, как говорят, в течение двух лет они воздерживались от своих жен, предпочитая рожать рабынь для своих завоевателей.^[1194]

Следующим после сбора фактов в каком-либо одном направлении является их сравнение с другими установленными фактами той же категории, посредством чего фрагменты знаний объединяются и разворачиваются в науку. Однако это увлекательное исследование не входит в мои планы. Если на предыдущих страницах мне удалось собрать и классифицировать материалы таким образом, чтобы другие могли со сравнительной легкостью и уверенностью поставить многочисленные нации этих Тихоокеанских штатов во всех их оттенках дикости и прогресса рядом с дикостью и цивилизациями других эпох и наций, то на этом моя работа завершена. Но какой поток мыслей, умозаключений и образов обрушивается на ум при одном упоминании о таком исследовании! Изолированный, без стимулов средиземноморской торговли, скрытый в непроглядной тьме, окруженный зловерными границами и окруженный дикими ордами варваров, независимо от их происхождения, местного или чужеземного, на плоскогорьях Мексики и Центральной Америки было обнаружено развивающееся человечество, уникальное и индивидуальное, но поразительно похожее на развитие человека в аналогичных условиях в других местах. Европейцы, считающие культуру покоренной расы сначала дьявольской, а затем достойной презрения, по сей день не извлекли из нее той пользы, которую могли бы извлечь. Необязательно, чтобы американская цивилизация была так же развита, как европейская, чтобы считать совершенное знание первой столь же важным для изучения человечества, как и знание последней; у меня также нет никакого желания выдвигать претензии на равенство культуры американских аборигенов с европейской или делать из нее что-то отличное от того, что она есть. Как в произведении искусства приятной картину делает не последовательность четко очерченных цветов, а счастливое смешение света и тени, так и в грандиозной и великолепной перспективе человеческого прогресса промежуточные стадии так же необходимы для полноты картины, как темный спектр дикости или яркое сияние самой передовой культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Однако я могу с уверенностью утверждать следующее: если предыдущие страницы информируют нас правильно, то науа, майя и окружающие их подчиненные и меньшие цивилизации были лишь немногим ниже современных цивилизаций Европы и Азии и далеко не так низки, как нас до сих пор заставляли предполагать. Каким бы ни был их точный статус в мире наций — а этот том дается *in esse*, а не *in posse* — они, несомненно, имеют право на свое место, и четкое и всеобъемлющее описание их характера и состояния заполняет пробел в истории человечества. Как в каждом человеке, так и в каждом народе

есть что-то отличное от того, что можно найти у любого другого народа; что-то лучшее, а что-то хуже. Одна цивилизация учит другую; если высшая учит больше всех, то низшая, тем не менее, учит. Мир интеллекта вынужден развиваться благодаря взаимному действию и реакции разума на разум и нации на нацию. Рассматривая с одного взгляда широкий спектр человечества, изображенного в этом томе и предыдущем, со всем его бесконечным разнообразием, прослеживающимся на фоне бесконечного единства, индивидуальность проявляется не более отчетливо, чем сердечное, разумное и душевное родство с человечеством повсюду, значительные различия в интеллекте и культуре затушевываются и сглаживаются в однородное целое, мы можем лишь прийти к нашему предыдущему выводу, что цивилизация - это необъяснимое явление, изучение которого привлекает вдумчивых и дает результаты, чреватые благополучием человечества.

КОНЕЦ ВТОРОГО ТОМА

СНОСКИ

[1] Лас Касас, История. *Apologética*, ср., сар. ссxi.; Зурита, Взаимопонимание, в *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том i., стр. 95; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 354.

[2] Ixtlilxochitl, for whose patriotism due allowance must be made, writes: 'Es verdad, que el de Mexico y Tezcuco fueron iguales en dignidad señorío y rentas; y el de Tlacopan solo tenia cierta parte como la quinta, en lo que era rentas y despues en los otros dos.' *Hist. Чичимека*, в мексиканском городе Кингсборо. *Антик.*, том ix., стр. 238. Zurita also affirms this: 'Dans certaines, les tributs étaient répartis en portions égales, et dans d'autres on en faisait cinq parts: le souverain de Mexico et celui de Tezcuco en prélevaient chacun deux, celui de Tacuba une seule.' *Rapport*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том. i., p. 12. 'Quedó pues determinado que á los estados de Tlacopan se agregase la quinta parte de las tierras nuevamente conquistadas, y el resto se dividiese igualmente entre el príncipe y el rey de Méjico.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том. iii., p. 164. Брассер де Бурбур соглашается с Икстлильшочитлем и черпает информацию у него. *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 191. Torquemada makes a far different division: 'Concurriendo los tres, se diese la quinta parte al Rei de Tlacupa, y el Tercio de lo que quedase, à Neçalhualcoiotl; y los demas, à Itzcohuatzin, como à Cabeça Maior, y Suprema.' *Monarq. Ind.*, том i., стр. 146. As also does Clavigero: 'Si diede quella Corona (Tlacopan) a Totoquihuatzin sotto la condizione di servir con tutte le sue truppe al Re di Messico, ogni volta che il richiedesse, assegnando a lui medesimo per ciò la quinta parte delle spoglie, che si avessero dai nemici. Similmente Nezahualcojotl fu messo in possesso del trono d'Acolhuacan sotto la condizione di dover soccorrere i Messicani nella guerra, e perciò gli fu assegnata la terza parte della preda, cavatane prima quella del Re di Tacuba, restando l'altre due terze parti pel Re Messicano.' *Storia Ant. del Messico*, том. i., p. 224. Прескотт говорит, что было решено, что "одна пятая часть должна быть передана Тлакопану, а остальная часть будет разделена, в какой пропорции неизвестно, между другими державами". *Мексика.*, том i, стр. 18.

[3] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 356; Зурита, *Ранпорт*, в *Ternaux-Compans, Voy.*, serie ii., том i., стр. 12-13; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 116; Брассер де Бурбург, История нац. нац. *Civ.*, том iii., стр. 577.

[4] Torquemada writes: 'esta fue costumbre de estos Mexicanos, en las Elecciones, que hacian, que fuesen Reinando sucesivamente, los Hermanos, vnos despues de otros, y acabando de Reinar el vltimo, entraba en su lugar, el Hijo de Hermano Maior, que primero avia Reinado, que era Sobrino de los otros Reies, qui à su Padre avian sucedido.' *Monarq. Ind.*, том i., стр. 107. 'Los Reies (of Mexico) no heredaban, sino que eran elegidos, y como vimos en el Libro de los Reies, quando el Rei moria, si tenia hermano, entraba heredando; y muerto este, otro, si lo avia; y quando faltaba, le sucedia el sobrino, Hijo de su hermano maior, à quien, por su muerte, avia sucedido, y luego el hermano de este, y así discurrían por los demas.' *Id.*, том. ii., p. 177. Zurita states that in Tezcuco and Tlacopan, and their dependent provinces, 'le droit de succession le plus ordinaire était celui du sang en ligne directe de père en fils; mais tous les fils n'héritaient point, il n'y avait que le fils aîné de l'épouse principale que le souverain avait choisie dans cette intention. Elle jouissait d'une plus grande considération que les autres, et les sujets la respectaient davantage. Лорск ле суверен, женственная женщина в мексиканской семье, занимающая должность премьер-министра и наследующий сын, способный на все". Затем, не уточняя определенно, говорит ли он обо всех или части трех королевств, о которых идет речь, автор продолжает говорить, что при отсутствии прямых наследников наследование становилось побочным; и, наконец, говоря в данном случае только о Мексике, он говорит, что в случае смерти короля без наследников избирался его преемник от главных дворян. В предыдущем абзаце он пишет: "Порядок правопреемства приемлем для провинций; общие обычаи, люди, отличающиеся друг от друга, часто встречаются в Мексике, в Тецкоко и в Такубе". Далее мы читаем: "В разных провинциях, за исключением Мексики, постоянно допускаются братья по наследованию, как правило, сыновья и как государственная преемственность". *Rapport*, в *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том i., стр. 12-18. М. л'Аббе Брассер де Бурбург, заимствуя свою информацию у Зуриты и, действительно, почти дословно цитируя французский перевод этого автора, соглашается с тем, что прямая линия наследования была получена в Тлакопане и Тецкоко, но утверждает относительно Мексики, что суверен избирался пятью главными министрами государства, которые, однако, были ограничены в своем выборе братья, племянники или сыновья умершего монарха. *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 576-7. Пиментел также следует Зурите. *Memoria*, стр. 26. Прескотт утверждает, что "государь был выбран из братьев покойного принца

или, за неимением таковых, из его племянников". *Мех.*, том i, стр. 23. Саагун просто говорит: "Эскогианский союз знати по линии сеньорес антепасадос", который должен быть доблестным, мудрым и совершенным человеком. *История. Бытие.*, том. ii., lib. viii., стр. 318. 'Per non lasciar troppa libertà agli Elettori, e per impedire, quanto fosse possibile, gl'inconvenienti de' partiti, o fazioni, fissarono la corona nella casa d'Acamapitzin; e poi stabilirono per legge, che al Re morto dovesse succedere uno de'suoi fratelli, e mancando i fratelli, uno de'suoi nipoti, e se mai non ve ne fossero neppur di questi, uno de'suoi cugini restando in balia degli Elettori lo scegliere tra i fratelli, o tra i nipoti del Re morto colui, che riconoscessero più idoneo pel governo, schivando con sí fatta legge parecchj inconvenienti da noi altrove accennati.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 112. Леон Карбахаль цитирует это почти дословно. *Discurso*, стр. 54-5. То, что старший сын не мог претендовать на корону по праву первородства, видно из следующего: "Квандо альгун сеньор мория и дексава мучос хиджос, альгуно се альзава во дворце и се кверия предпочтительнее лос-отрос, аунке фуэсе эль-мэр, нет согласия эль сеньора на то, чтобы подтвердить свое право, и менос эль-пуэбло". Antes dexavan pasar un año, ó mas de otro, en el qual consideravan bien que era mejor para regir ó gobernar el estado, y aquel permanecia por señor.' *Las Casas, Hist. Аналогетика*, CP., глава xii. Señor Carbajal Espinosa says that from the election of Chimalpopoca, who succeeded his brother Huitzilihuitl, and was the third king of Mexico, 'quedó establecida la ley de elegir uno de los hermanos del rey difunto, y á falta de éstos un sobrino, cuya práctica se observó constantemente, como lo harémos ver, hasta la ruina del imperio mexicano.' *Hist. de Mex.*, том i., стр. 334. 'El Imperio era monárquico, pero no hereditario. Muriendo el Emperador los gefes del Imperio antiguamente se juntaban y elegian entre sí mismos al que creian mas digno, y por el cual la intriga, el manejo, la supersticion, eran mas felizmente reconocidas.' *Carli, Cartas*, pt i., p. 114. 'Tambien auia sucession por sangre, sucedia el hijo mayor, siendo para ello, y sino el otro: en defeto de los hijos sucedian nietos, y en defeto dellos yua por elecion.' *Эрпера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава xv. Поскольку порядок, в котором мексиканские короли на самом деле сменяли друг друга, должен быть более веским доказательством того, что было законом, чем любые другие свидетельства, я беру из Кодекса Мендосы следующий список: Акамапичтли, о котором обычно говорят как о первом короле, наследовал Тенучу, хотя не указано, что он был каким-либо образом связан с ним; затем пришел Уицилиуитль, сын Акамапичтли; Чималпука, сын Уицилиуитля; Изкоачи, сын Акамапичтли; Уэуэмотеккума, сын Уицилиуитля; Аксаякачи, сын Текокомочтли и внук Изкоачи; Тичочикаци, сын Аксаякачи; Ахуичочин, брат Тичочикаци; Мотеккума, сын Аксаякачи; таким образом, согласно этому автору, мы видим, что из девяти монархов троим наследовали непосредственно их сыновья, а троим - их братья. *Встреча в мексиканском городе Кингсборо. Антик.*, том v., стр. 42-53. См. далее, *Вейтия, История. Ант. Медж.*, и *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.* Эти авторы немного отличаются от цитированного выше сборника, но не в важном отношении.

[5] После смерти Акамапичтли, первого короля Мексики, был проведен общий совет, и к народу обратились следующим образом: "Ты - фалидо нуэстро рей Акамапичтли, кьен пондремос ан су лугар, ке рия и гобьерн эсте мексиканский пуэбло?" Pobres de los viejos, niños y mugeres viejas que hay: que será de nosotros á donde irémos á demandar rey que sea de nuestra patria y nacion Mexicana? hablen todos para de cual parte elegirémos rey, é ninguno puede dejar de hablar, pues á todos nos importa para el reparo, y cabeza de nuestra patria Mexicana esté.' Upon Huitzilihuitl being proposed, 'todos juntos, mancebos, viejos y viejas respondieron á una: que sea mucho de enhorabuena, que á él quieren por señor y rey.' *Тезозомокский, Мексиканская Крона.*, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, vol. ix., p. 10. Sahagun's description of their manner of electing kings, appears also to be more appropriate to this early period than to a later date: 'Cuando moria el señor ó rey para elegir otro, juntábanse los senadores que llamabante cutlatoque, y tambien los viejos del pueblo que llamaban *achcacauhti*, y tambien los capitanes soldados viejos de la guerra que llamaban *lauiequioaque*, y otros capitanes que eran principales en las cosas de la guerra, y tambien los Sátrapas que llamaban *Tlenamacazque* ó *papaoaque*: todos estos se juntaban en las casas reales, y allí deliberaban y determinaban quien habia de ser señor.' *Hist. Gen.*, том. ii., lib. viii., c. 318; *Акосма, История. de las Ynd.*, p. 439.

[6] Точное количество и ранг этих выборщиков определить трудно. 'Si le souverain de Mexico mourait sans héritier, les principaux chefs lui choisissaient un successeur dont l'élection était confirmée par les chefs supérieurs de Tezcuco et Tacuba.' *Zurita, Rapport*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том. i., pp. 15-16. Pimentel follows this, *Mem. sobre la Raza Indígena*, p. 26: 'Tutti e due i Re (of Tezcuco and Tlacopan) furono creati Elettori onorarj del Re di Messico,

il qual onore soltanto riducevasi a ratificare l'elezion fatta da quattro Nobili Messicani, ch'erano i veri Elettori.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. i., p. 224. 'Despues en tiempo de Izcoatl quarto Rey, por consejo y orden de vn sabio y valeroso hombre, que tuuieron a llamado Tlacaellèl se señalaron quatro electores, y a estos juntamente con dos señores, o Reyes sujetos al Mexicano, que eran el de Tezcùco, y el de Tacuba, tocava hazer la elecion.' *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 439. These four electors 'de ordinario eran hermanos, o parientes muy cercanos del Rey. Llamauan a estos Tlacohecalcàtl, que significa el Príncipe de los lanças arrojadizas, que era vn genero de armas que ellos mucho vsauan.' *Id.*, p. 441. "Сей избранный элегический Император, дос де куалес эран симпре лос принсипес Тескуко де Аколуакан и де Такуба, и настоящий принцип сангре". *Карли, Кармас*, часть i, стр. 114. "Четверо главных дворян, которые были выбраны их собственным собранием в предыдущее царствование, исполняли обязанности выборщиков, к которым были добавлены, однако, лишь в почетном звании, два королевских союзника Тескуко". Тецкоко и Тлакопан". *Прескотт, Мексика.*, том i, стр. 23. Брассер де Бурбур называет стиль и титул каждого выборщика и говорит, что их было пятеро, но не указывает его полномочия: "Главные сановники королевской семьи, Чихуакохуатль, высший министр юстиции и королевский дом, Тлакочкалькатль, генеральный директор, мэтр дома армия, Ампанекатль, твой гранд-мэтр Востока, л'Эжуауакатль, твой мэтр Пеня и ле Тилильянкальки, твой шеф-повар Нуар-мейсона, составитель всего совета монархии, элизабет обморочен от того, что она паразитирует на публике, и луи донна ла куронн.... Il est douteux que les rois de Tetzcuco et de Tlacopan aient jamais pris une part directe à ce choix.' *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 577-8. Внизу той же страницы находится следующее примечание: "Хавия дуда о различиях в понимании серафимы, аверигуазе ло мас айна к подиан, и китайцы поко тениан к асер (сеньоры Тецкоко и Тлакопан)". *Гомара, Crónica de Nueva-España, ap. Barcia*, глава 99. Однако в указанном месте эту цитату найти невозможно. 'Crearon cuatro electores, en cuya opinion se comprometian todos los votos del reino. Eran aquellos funcionarios, magnates y señores de la primera nobleza, comunmente de sangre real, y de tanta prudencia y probidad, cuanta se necesitaba para un cargo tan importante.' *Carbajal Espinosa, Hist. Mex.*, tom. i., p. 578. 'Fue el quinto Rey, Motezuma primero deste nombre; y porque, para la elecion auia quatro eletores, con los quales interuenian los Reyes Tezcucu y de Tacuba. Se juntò con ellos Tlacaellèl como Capitan general, y salió elegido su sobrino Motezuma.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. ii., cap. xiii. After the king in rank, 'eran los quatro electores del Rey, que tambien sucedian por elecion, y de ordinario eran hermanos, o parientes cercanos del Rey, y a estos llamauan en su lengua, principes de las lanças arrojadizas, armas que ellos vsauan.' *Id.*, cap. xix.

[7] Акоста, *История. де лас Инд.*, стр. 441, дает названия трем военным орденам, один из которых образовали четыре королевских выборщика; и четвертому, носившему жреческий характер. Все они входили в королевский совет, и без их совета король не мог предпринять ничего важного. Эррера передает это от Акосты почти слово в слово: дек. iii., либр. ii., глава xix. Sahagun implies that this supreme council was composed of only four members: 'Elegido el señor, luego elegian otros cuatro que eran como senadores que siempre habian de estar al lado de él, y entender en todos los negocios graves de reino, (estos cuatro tenian en diversos lugares diversos nombres).' *Hist. Gen.*, tom. ii., lib. viii., стр. 318. Согласно Икстлильшочитлю, совет, обязанности которого соответствовали этому в Тецкоко, состоял из четырнадцати членов. *История. Чичимека, в мексиканском Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 243; Вейтия, *История. Ант. Медж.*, том ii., стр. 183.

[8] Торквемада, *Монарк. Инд.*, том i., стр. 37.

[9] Бомон, *Крон. де Мехоакан*, стр. 52, 54-5; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 338, 523; Саагун, *История. Генерал.*, том iii., lib. x., стр. 138; Зурита, *Взаимопонимание*, в *Ternaux-Comptans, Вой.*, сери ii., том i., стр. 17; Гомара, *Конк. Мексика.*, fol. 310-11; Пиментель, *Мем. Раза Индигена*, стр. 27; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 82. В *вест-индском шпионаже*, стр. 265-6, мы читаем: "В городе на краю провинции верден, где живут курортники, треффелик герегерт, также эниге ван Ланден, даер был абсолютным лидером в регерде, штат Огайо, который возглавлял георсаэмхейдт ван де гроот Хир ван Тенокститлан. Однако здесь старый хронист ошибается, поскольку королевство Мичоакан никогда никоим образом не подчинялось Мексике.

[10] Клавиджеро говорит, что город Тлашкала был разделен на четыре части, каждая из которых имела своего сеньора, которому также подчинялись все места, зависящие от такого разделения. *Storia Ant. del Messico*, tom. i., p. 155.

[11] Торквемада, *Монарк. Инд.*, том i., стр. 200, 276, том ii., стр. 347-9; Петр Мученик, дек. v., lib. ii.; Лаем, *Novus Orbis*, стр. 252; Пиментел, *Память. Раза Индигена*, стр. 27; МексикаПрескотта, том i, стр. 411.

[12] Камарго, *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcviij., стр. 197.

[13] Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 350-1.

[14] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава xii. Brasseur de Bourbourg writes: 'Dans les divers états du Mixtécapan, les héritages passaient de mâle en mâle, sans que les femmes pussent y avoir droit.' *Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 39; это, однако, может относиться только к частной собственности.

[15] Бургоа, *Геог. Описание*, глава 53; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 29-30.

[16] Акоста, *История. de las Ynd.*, p. 474, writes: 'Pusieronle Corona Real, y vngieronle, como fue costumbre hazerlo con todos sus Reyes, con vna vnccion que llamauan diuina, porque era la misma con que vngian su ydolo.' Torquemada, *Monarqu. Ind.*, том ii, стр. 360, говорит, что Акоста ошибается, поскольку он замечает, что "Корона - это ламаба Копилли, не даба-это окасион, китайцы - это лугар де элла, понимание мант-дихас - это Кабеса, эпоха тампоко, история мисма - это история Идолов; божественная порода, история номбры [Акосты], эпоха Улли, и Сангре де Ниньос, потому что тамбиен является священником сумо;" но Торквемада здесь прямо противоречит своему предыдущему заявлению, том i., стр. 102, где он говорит, что сразу после избрания, посадив избранного короля на трон, "настоящий хозяин Короны в Кабесе и то, что он должен сделать с Куэрпо, в конце концов, он отказывается от костюма, в то время как эра мизмы заканчивается". по-итальянски", таким образом, используя почти те же слова, что и Акоста. Леон-и-Гама, *Дос Пьедрас*, говорит, что вода, использованная при помазании, была взята из фонтана Тоцпалатль, который пользовался большим почитанием, и что впервые она была использована для этой цели при помазании Уицилиуитля, второго короля Мексики.

[17] Саагун утверждает, что король был одет по этому случаю в тунику из темно-зеленой ткани с нарисованными на ней костями; эта туника напоминала уипиль, или женскую сорочку, и ее обычно надевали знатные люди, когда они приносили благоволия богам. Покрывало также было из зеленой ткани, украшенной черепами и костями, и в дополнение к статьям, описанным другими авторами, этот автор упоминает, что на ноги ему надели темно-зеленые сандалии. Он также утверждает, что четыре королевских выборщика были утверждены в должности одновременно с королем, были одеты аналогично, за исключением того, что цвет их костюмов был черным, и прошли те же представления после него, за исключением, конечно, помазания. *Саагун, История человечества*, том ii, стр. 319. Гомара говорит, что они висели на шее короля "в соответствии с большими размерами колорад и мучос рамалес: знак отличия короля, como pinjantes". *Conq. Mex.*, fol. 305.

[18] Гомара, *Конв. Мексика*, фол. 306.

[19] Корона, которой пользовались первые правители чичимеков, состояла из травы под названием *пачшочитль*, которая росла на скалах, увенчанная перьями королевского орла, и зеленых отцов, называемых *Текпилотль*, вся она была украшена золотом и драгоценными камнями и прикреплена к голове полосками оленьей кожи. *Икстлильшочитль, История. Чичимека*, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, том. xi., стр. 213. В другом месте, *Relaciones*, в *id.*, стр. 336, тот же автор говорит, что корона отличалась в зависимости от времени года. Во время войны она состояла из королевских орлиных перьев, помещавшихся на затылке и скреплявшихся золотыми застежками с драгоценными камнями; в мирное время корону делали из лавра и зеленых перьев очень редкой птицы Кесальтотолк; в сухой сезон ее делали из беловатого мха, который рос на скалах, с цветком на стыке, который назывался *теоксучитль*.

[20] О помазании и коронации см. *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 102; том ii., стр. 83, 359-69; *Зурига, Взаимопонимание в Терно-Компансе, Войско.*, серия ii., том i., стр. 20-9; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 113-15; *Саагун, История генерала*, том ii., lib. viii., стр. 318-21; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава xv.; *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 305-6; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 356, 439-40, 474; *Ортега, в Вейтии, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 309; *Тезозомок, Крон. Мексика*, в *мексике Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 142-3. В дополнение к многочисленным работам признанного авторитета по теме цивилизации коренных американцев существует ряд других, главным образом современных, которые более или менее полно рассматривают этот вопрос. Многие из них представляют собой простые компиляции, составленные без учета точности или последовательности; другие представляют собой работы, которые якобы касаются других вопросов испано-американской истории и лишь мимоходом упоминают древнюю цивилизацию; их описания обычно целиком скопированы с одного или двух старых авторов; некоторые утверждают, что исчерпывают тему; однако в этих последних авторы не привели своих авторитетов или, в лучшем случае, просто привели их список. Попытка отметить все моменты, в которых эти авторы допустили ошибку, или где они отличаются от моего текста, оказалась бы столь же утомительной для читателя, сколь бесполезным был бы результат. Поэтому будет достаточно сослаться на этот класс книг в заключение больших разделов, на которые естественным образом распадается эта работа. О системе правления, законах о престолонаследии, церемониях избрания, помазания и коронации ацтеков и других народов, включенных в этот раздел, см.: *Карбахаль Эспиноса, История Мексики*, том i, стр. 578-83, 596; *Соден, Испанец в Перу*, том ii, стр. 8-14, 51-2; *Торон, История Германии*, том iii, стр. 6-7, 25-38; *Бариль, Мексика*, стр. 204-7; *Бюссьер, Мексиканская империя*, стр. 119, 150-8, 229-30, 244; *Лафон, Путешествия*, том i., стр. 119; *Заметки Пойнсетта, Мех., приложение.*, стр. 22-3; *Прогресс Америки Макгрегора*, стр. 21; *Диллон, История Мексики*, стр. 24-6, 41-3; *Хассель, Мексика. Гуат.*, стр. 247; *Дилворт, Конк. Мексика*, стр. 45; *Прадт, Кармас*, стр. 106, 176; *Монглав, Резюме*, стр. 9, 14-19, 22-3, 32-6, 68; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 59-75, 186; *Кортес, Авантюра, предисловие*, стр. 7-13; *Журнал Палаты*, том iv., стр. 253; *Запад и Ост-Индискер Лютсгарт*, стр. 97.

[21] 'Que antes de Reinara avia investigado los nueve dobleces de el Cielo.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том i., стр. 194. Ортега в *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том iii., стр. 306, пишет: "Что это за особенный случай проникновения в тайны природы"; "что тот, кто, будучи частным лицом, мог проникнуть в тайны небес", что кажется более понятным.

[22] *Торквемада, Монарк. Изд.*, том i., стр. 194-5.

[23] *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава ix. Хотя более чем вероятно, что Гомара имеет в виду то же самое, все же манера, с которой он выражает это, оставляет нас в некотором сомнении, не мог ли тигр стоять над орлом. 'El escudo de armas, que estaua por las puertas de palacio y que traen las vanderas de Motecçuma, y las de sus antecessores, es vna aguila abatida a vn tigre, las manos y vñas puestas como para hazer presa.' *Conq. Mex.*, fol. 108. 'Het Wapen dat boven de Poorte stont, was een Arent die op een Griffioen nederdaelde, met open Clauwen hem ghereet maeckende, om syn Roof te vatten.' *West-Indische Spieghel*, p. 246.

[24] *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том iii., fol. 309.

[25] *Ib.*

[26] 'Le tecali paraît être la pierre transparente semblable à l'albâtre oriental, dont on faisait un grand usage à Mexico, et dont les religieux se servirent même pour faire une espèce de vitres à leurs fenêtres. On en trouve encore de ce genre dans plusieurs couvents de la Puebla de los Angeles.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iv., стр. 8.

[27] Подношение благовоний мексиканцам и другим народам Анахуака было не только религиозным актом по отношению к своим богам, но и проявлением вежливости по отношению к лордам и послам. *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 51. Кортеса во время его похода в столицу не раз встречали депутации знати с курильницами, которыми они размахивали перед ним в знак вежливости.

[28] Прескотт, *Мех.*, vol. i., стр. 177, в обоих случаях использует для "estado" ту же меру, что и для "vara", то есть три фута, что, безусловно, является грубейшей ошибкой при переводе такого предложения, как это: "вопрос о грубо-дос-варас, и о том, как все устроено".

[29] "Манера поведения", - пишет Икстлильшочитль.

[30] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 242-3.

[31] *Новое исследование Гейджа*, стр. 99. Об этом ораторском искусстве см. *Лас Касас, История. Апологетика*, CP., том i., кап. л. Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 296, утверждает, что золотые и серебряные пластины, которыми были покрыты стены и крыша, были толщиной почти в палец, и что первые завоеватели не видели этой часовни или молельни, потому что Монтесума всегда ходил в храм молиться, и, вероятно, как заявили местные жители, зная алчность испанцев, он намеренно скрыл от них все это богатство; также говорят, что когда Мексика была взята, местные жители разрушили эту часовню и выбросили ее сокровища в озеро.

[32] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 297.

[33] *Петр Мученик*, v дек., lib. ii.

[34] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 251-2.

[35] Их имена, данные Икстлильшочитлем, *Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик*, том ix, стр. 251, были: Уексотла, Коатличан, Котапек, Чималуакан, Ицтапалокан, Тепетлаозток, Аколман, Тепечпан, Чиунаухтлан, Тейойокан, Чиаухтла, Папалотлан, Ксалтокан и Чалко.

[36] Отомпан, Теотиуакан, Тепеполко, Семпоалон, Ацтакемекан, Ахуатепек, Аксапочок, Озтотикпак, Тизайокан, Тлаланапан, Койоак, Кватлатлаухкан, Квоутлакка и Кватлатцинко. *Ib.*

[37] "Пункт назначения короля", а именно: Кальполалпан, Мазapan, Яхуалиукан, Атенко и Циуинкилокан. *Ib.* Неразумно предполагать, что эти так называемые "города" на самом деле были чем-то большим, чем просто деревни, поскольку собственно королевства Мексика, Тецкоко и Тлакопан, из которых они составляли лишь часть, располагались в долине, не превышающей двухсот миль в окружности.

[38] Толанцинко, Куаучинанко, Ксикотепек, Паухатла, Яухтепек, Тепечко, Ауакайокан и Куаухауак. *Ib.*; см. также *Торквемаду, Монарк. Ind.*, том i., стр. 167.

[39] 'La cerca tan grande que tenia para subir á la cumbre de él y andarlo todo.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 251.

[40] 'Para subir hasta esta cumbre se pasan quinientos y veynte escalones, sin algunos que estan ya deshechos, por auer sido de piedras sueltas y puestas à mano: que otros muchos escalones ay, labrados en la propia peña con mucha curiosidad. El año pasado los anduve todos, y los contè, para deponer de vista.' *Dávila Padilla, Hist. Fvnd. Mex.*, стр. 619. Прескотт, *Мексика*, том i., стр. 186, цитируя вышеупомянутого автора, приводит пятьсот двадцать как общее количество шагов, без дальнейших замечаний.

[41] Торквемада также упоминает эту лестницу. *Монарк. Изд.*, том ii., стр. 436.

[42] 'Esculpida en ella en circunferencia los años desde que habia nacido el rey Nezahualcoiotzin, hasta la edad de aquel tiempo.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 252. Прескотт говорит, что иероглифы обозначали "годы правления Несауалькойотля". *Мексика*, том i, стр. 182.

[43] *История. Fvnd. Mex.*, стр. 619. "Эта фигура, без сомнения, была эмблемой самого Несауалькойотля, чье имя... означало "голодная лиса". *Прескотт, Мексика*, том i, стр. 183, примечание 42.

[44] 'Un leon de mas de dos brazas de largo con sus alas y plumas.' *Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо*. *Антик.*, том ix., стр. 252.

[45] Эти фигурки были уничтожены по приказу отца Хуана де Зумарраги, первого епископа Мексики. *Dávila Padilla, Hist. Fvnd. Mex.*, стр. 619; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 252. Ущерб, нанесенный этим святым иконоборцем, неисчислимы. Ослепленный безумным фанатизмом того времени, он видел дьявола в каждом ацтекском изображении и иероглифе; его молотки за несколько лет сделали больше, чтобы стереть все следы ацтекского искусства и величия, чем время и упадок могли бы сделать за столько веков. Именно несколькими таким людям, как этот, мир должен быть благодарен за полное исчезновение за несколько коротких лет могущественной цивилизации. В письме францисканскому капитулу в Толосе, датированном 12 июня 1531 года, мы находим, что старый фанатик ликует по поводу своего вандализма. "Высокопочтимые Отцы, - пишет он, - да будет вам известно, что мы очень заняты обращением язычников, из которых, по милости Божьей, свыше миллиона приняли крещение от рук братьев ордена нашего серафического Отца Святого Франциска; пятьсот храмов были сровнены с землей, и более двадцати тысяч фигурок дьяволов, которым они поклонялись, были разбиты на куски и сожжены". И, похоже, достойному zelotu даже удалось склонить самих местных жителей к своему образу мыслей, ибо далее он сказал: "Мы очень заняты обращением язычников". пишет: "Они с большой осторожностью следят за тем, где их отцы прячут идолов, а затем с большой преданностью приносят их монахам нашего ордена, чтобы они могли быть уничтожены; и за это многие из них были зверски убиты своими родителями или, говоря точнее, увенчаны славой Христа". *Dicc. Univ.*, Приложение., том iii., стр. 1131.

[46] В этом отрывке есть странная путаница. В *Mex King'sboro. Antiq.*, vol. ix., стр. 252, Ixtlilxochitl написан так, чтобы написать: "Un poquito mas abajo estaban tres albercas de agua, и en la del medio estaban en sus bordos tres damas esculpidas и labradas en la misma peña, que significaban la gran laguna; и las ranas los cabezas del imperio". В *мексике Прескотта.*, приложение., том iii., стр. 430-2, описание Тескозинко Икстлишочитлем приведено полностью; процитированный выше отрывок здесь точно такой же, за исключением того, что для *ranas*, лягушек, мы читаем *ramas*, ветви. Любое из этих слов сделало бы описание непонятным, и в моем описании я предположил, что они оба являются опечатками для *damas*. Мистер Прескотт, *Мексика*, том i, стр. 182-3, преодолевает эту трудность следующим образом: "На более низком уровне находились три других резервуара, в каждом из которых стояло мраморное изваяние женщины, символ трех штатов империи". Это неточно, а также неполно, поскольку фигуры не были статуями, каждая из которых стояла в бассейне, но все три были вырезаны на поверхности скалы, окаймляющей средний бассейн.

[47] Я не сомневаюсь, что это бассейн, известный современным путешественникам как "Термы Монтесумы", о котором Уорд говорит, что он не имеет ни надлежащей формы, ни достаточно большого размера для ванны, но что, скорее всего, "служил для приема воды из источника, поскольку пересох, поскольку его глубина значительна, а край с одной стороны образован в виде желоба". *Мексика*, т. ii., стр. 297. В последние годы эти раскопки неоднократно описывались людьми, которые утверждают, что посещали их, но с чьими утверждениями трудно согласиться. Баллок упоминает, что видел на этом месте "красивый бассейн примерно двенадцати футов в длину и восьми в ширину, с колодцем глубиной около пяти футов на четыре в центре, окруженный парапетом или бортиком высотой два фута шесть дюймов, с троном или креслом, такими, какие изображены на древних картинах, которыми пользовались короли. Есть ступеньки для спуска в бассейн или ванну; они целиком вырезаны из живой порфировой породы с математической точностью и отполированы самым красивым образом". *Мексика*, том ii., стр. 125-6. Латроб говорит, что там были "два необычных бассейна, примерно двух с половиной футов в диаметре, недостаточно больших, чтобы любой монарх крупнее Оберона мог взять утку". *Рамблер*, стр. 187; *"Путешествия Винья"*, том i, стр. 27, упоминаются "остатки круглой каменной ванны... около фута глубиной и пяти в диаметре, с небольшим окружающим и сглаженным пространством, вырезанным в цельной скале". Бранц Майер, который видел это и сделал набросок, пишет: "Скала сглажена до идеального уровня на протяжении нескольких ярдов, вокруг которых в соседних массивах вырезаны гнезда и канавки. В центре находится круглая раковина диаметром около полутора ярдов и ярда глубиной, а также

квадратная труба с небольшим отверстием, отводящая воду из акведука, который, по-видимому, заканчивается в этом бассейне". *Мексика. как это было*, стр. 234. Бофой говорит, что на две трети высоты южного склона холма находилась масса прекрасного красного порфира, в которой была выемка площадью шесть квадратных футов со ступенями, ведущими вниз на три фута, с круглым бассейном в центре диаметром четыре с половиной фута и глубиной пять футов, также со ступенями. *Мексика. Иллюстрация*, стр. 195. - На склоне холма есть две маленькие круглые купальни, вырубленные в цельной скале. К нижнему из двух ведет лестница; сиденье для купальщика и каменная труба, по которой подается вода, все еще в полном порядке". *"Анауак" Тайлора*, стр. 152.

[48] 'Tras este jardin se seguian los baños hechos y labrados de peña viva, que con dividirse en dos baños era de una pieza.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 252.

[49] *Ib.*

[50] Давила Падилья говорит, что некоторые ворота этого дворца были сделаны из цельного куска камня, и он видел там одну кедровую балку, которая была почти девяносто футов в длину и четыре в ширину. *История. Fvnd. Мех.*, стр. 620.

[51] Что касается королевских построек, садов и т.п. ацтеков, сравните *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., том i., загл. I.; *Торквемада, Монарх. Инд.*, том i., стр. 167, 296-8; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 243-4, 251-2; *Давила Падилья, История. Fvnd. Мех.*, стр. 619-20; *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе, в Рамузио, Навигация*, том iii., fol. 309; *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 302-9; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., с. 196; *История Акосты. Нац. Ind.*, стр. 484; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i., стр. 271-4; *Овьедо, История генерала*, том iii., стр. 305-7, 504; *Берналь Диас, История. Conq.*, fol. 69; *Мотилиния, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 181-5; *Гомара, Конк. Мекс.*, fol. 107-11; *Ортега, в Вейтии, История. И. Медж.*, том iii., стр. 315-19; *Кортес, Картас*, стр. 110-11; *Эррера, История. Быт.*, дек. ii., lib. vii., глава ix.-xi.; *Вест-Индский шпигель*, стр. 245-6, 343; *Новое исследование Гейджа*, стр. 97-9; *Путер Мартир*, дек. v, lib. iii., iv., x.; *Шевалье, Мексика*, стр. 30-2; *Мексика Прескотта*, том i., стр. 177-84, том ii., стр. 65, 115-21; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iv., стр. 8-11; *Пиментель, Раза Индигена*, стр. 57; *Тания, Relacion*, в *Icazbalceta*, кол. *de Doc.*, том ii., стр. 581-3. Другими работами, не представляющими оригинальной ценности, которые затрагивают эту тему, являются: *Klemm, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 15, 244, 65-6, 234-7; *История Ранкинга. Исследования*, стр. 347-51; *Бюссьер, Мексиканская империя*, стр. 90-4, 109; *"Прогресс Америки" Макгрегора*, стр. 22; *Конк. Мексика*, стр. 66, 70; *Запад и Ост-Индискер Люстгарт*, часть первая, стр. 125.

[52] *Саагун, История. Бытие.*, том iii., lib. x., стр. 107-8.

[53] Close to the great audience hall was a very large court-yard, 'en que avia çient aposentos de veynte é çinco ó treynta piés de largo cada uno sobre sí en torno de dicho patio, é allí estaban los señores principales aposentados, como guardas del palacio ordinarias.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iii., p. 501.

[54] 'Vna como tabla labrada con oro, y otras figuras de idolos.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, фол. 68.

[55] *История. Бытие.*, том ii., lib. viii., стр. 297-302.

[56] Эта острая приправа в наши дни так же широко используется в блюдах испаноамериканской кухни, как и во времена завоевания; и один испанский джентльмен, который много лет прожил в Мексике и был офицером армии Максимилиана, серьезно сообщил мне, что, хотя волки питались трупами французов, которые всю ночь лежали на поле битвы, они никогда не прикасались к телам мексиканцев, потому что мясо последних было полностью пропитано чили. Что, если это правда, может свидетельствовать о том, что волки не возражают против диеты, приправленной чесноком.

[57] Слишком часто описывается в первом томе этой серии, чтобы нуждаться в повторении.

[58] Тамале - еще одно очень любимое блюдо современной Мексики. Местные жители обычно готовят их из свинины; кости измельчают почти в порошок; мясо нарезают небольшими кусочками и целиком промывают; небольшое количество маисовой пасты, приправленной корицей, шафраном, гвоздикой, душистым перцем, помидорами, перцем крупного помола, солью, красящими веществами красного цвета и добавленным к ней свиным жиром, ставят на огонь на сковороде; как только она приобретет консистенцию густой кашицы, ее вынимают, смешивают с мясом, добавляют еще немного свиного сала и соли, и массу вымешивают в течение нескольких минут; затем ее разделяют на две части. небольшими порциями, которые обволакивают в тонкой пасте из кукурузы. Приготовленные таким образом тамале покрывают банановым листом или кукурузной шелухой и укладывают в кастрюлю или противень, поверх которого выкладывают крупные листья. Им дают отвариться от полутора до двух часов. Вместо свинины часто используют дичь, птицу, овощи или сладости.

[59] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 229, сожалеет о том, что некоторые люди из недоброжелательства, которое они питали к мексиканцам, ложно приписали Монтесуме преступление употребления в пищу человеческого мяса, не будучи хорошо приправленным, но он признает, что при правильном приготовлении и маскировке мясо тех, кого приносили в жертву богам, появлялось на королевском столе. Некоторые современные авторы, похоже, сомневаются даже в этом; однако несомненно, что каннибализм существовал в народе не как средство утоления аппетита, а отчасти по религиозным мотивам, и, кажется, нет причин сомневаться в том, что король разделял народные суеверия. Я, однако, не основываю свое мнение на утверждении Овьедо, которое сильно отдает "гигантскими историями" из детской, что определенные "блюда нежных детей" украшали стол монарха. *Hist. Gen.*, том. iii., p. 501. Берналь Диас, *истолог. Conq.*, fol. 68, также не может устоять перед искушением заняться чудесным и упоминает "карнес де мучачос де пока эдад"; хотя это правда, солдатская прямота, которой так гордился ветеран, приходит ему на помощь, и он признает, что, возможно, в конце концов, Монтесума не был людоедом.

[60] Берналь Диас, *Hist. Конк.*, фол. 68.

[61] Oviedo, *Hist. Gen.*, том. iii., p. 501.

[62] *Монарк. Ind.*, том i., стр. 229.

[63] Берналь Диас, *историк. В Conq.*, fol. 68, говорится, что этих женщин было четверо; Торквемада, *Монарк. В Ind.*, том i., стр. 229, говорится, что их было двадцать.

[64] 'E ya que començaua á comer, echauanle delante vna como puerta de madera muy pintada de oro, porque no le viessen comer.' Bernal Diaz, *Hist. Conq.*, fol. 68. 'Luego que se sentaba à la Mesa, cerraba el Maestre-Sala vna Varanda de Madera, que dividia la Sala, para que la Nobleça de los Caballeros, que acudia à verle comer, no embaraçase la Mesa.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том i., стр. 229. 'Tosto che il Re si metteva a tavola, chiudeva lo Scalco la porta della Sala, acciocchè nessuno degli altri Nobili lo vedesse mangiare.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. i., p. 270.

[65] "Шоколадный напиток, сдобренный ванилью и другими специями и приготовленный таким образом, чтобы получилась пена консистенции меда, которая постепенно растворяется во рту". *Прескоттовский словарь*, том ii., стр. 125. "Это было что-то вроде нашего шоколада, приготовленного таким же образом, но с той разницей, что его смешивали с маисовым тестом и пили холодным". Берналь Диас, *Hist. Конк.*, [Перевод Локхарта, Лондон, 1814, т. i, примечание, стр. 393]. 'La bebida es agua mezclada con cierta harina de unas almendras que llaman cacao. Esta es de mucha sustancia, muy fresca, y sabrosa y agradable, y no embriaga.' *Las Casas, Hist. Apologética*, CP., глава ccxi.

[66] 'Entonces no mirauamos en ello; mas lo que yo vi, que traian sobre cincuenta jarros grandes hechos de buen cacao con su espuma, y de lo que bebia.' Bernal Diaz, *Hist. Conq.*, fol. 68. Овьедо, как обычно, не довольствуется числом менее трех тысяч: "Луэго вениан трэс милликалос (кантарос о'фора) де бреваж". *История. Генерал.*, том iii., стр. 501. Las Casas makes it three hundred: 'A su tiempo, en medio ò en fin de los manjares segun la costumbre que tenian, entravan otros trescientos pajes, cada uno con un vaso grande que cabia medio azumbre, (about a quart), y aun tres

quartillos de la bebida en el mismo, y servia el un vaso al rey el maestresala, de que bebia lo que le agradava.' *Las Casas, Hist. Apologética*, CP., глава cxxi.

[67] "В чем суть табака". *Берналь Диас, История. Конк.*, фол. 68.

[68] Только пять человек пользовались привилегией посмотреть на Монтесуму II. в лицо: королям Тецкоко и Тлакопана, а также лордам Квоухтитлана, Койуакана и Ацкапузалько. *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава cxxi. Берналь Диас говорит, что все, кто приближался к королевскому трону, делали три поклона, произнося последовательно: "Господин", "мой господин", "возвышенный господин". *Хист. Конк.*, фол. 68.

[69] Этот обычай говорить через секретаря был перенят другими монархами ацтеков, а также Монтесумой, а также ему подражали многие крупные лорды-данныки и губернаторы провинций, которые хотели как можно больше демонстрировать свой ранг и достоинство. См. *Мотoliniю, Историю. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 184; *Лас Касас, История. Apologética*, CP., сар. cxxi.; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 205.

[70] 'Lo que los señores hablaban y la palabra que mas ordinariamente decian al fin de las pláticas y negocios que se les comunicaban, eran decir con muy baja voz *tlaa*, que quiere decir "sí, ó bien, bien."' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 184.

[71] *Петр Мученик*, v дек., часть iv.

[72] Torquemada writes of Montezuma II.: 'Su trato con los Suios era poco: raras veces se dejaba ver, y estabase encerrado mucho tiempo, pensando en el Gobierno de su Reino.' *Monarq. Ind.*, том i., стр. 205.

[73] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 205.

[74] Picking up straws, says Las Casas: 'É iban estos oficiales delante quitando las pajas del suelo por finas que fuesen.' *Hist. Apologética*, CP., глава cxxi.

[75] Это была манера приветствия ацтеков, и, несомненно, именно это имеет в виду Берналь Диас, когда он пишет: "Ты - сеньор де пас, токауан с человеком в эль-суэло, ты - бесауан с землей с месмой мано". *История. Конк.*, фол. 65.

[76] Зеленые камни, ценившиеся у ацтеков больше любых других.

[77] Сам Кортес говорит, что короля поддерживали только два гранда; один из которых был его племянником, королем Тецкоко, а другой - его братом, сеньором Истапалапы. *Картас*, стр. 85.

[78] *Берналь Диас, Hist. Конк.*, фол. 65.

[79] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 230; *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 107; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава ix.; *Берналь Диас, История. Conq.*, fol. 67; *Вест-Индский шпигель*, стр. 246. Клавиджеро не верит сообщению о том, что от Монтесумы забеременели сразу сто пятьдесят женщин. *Storia Ant. del Messico*, tom. i., p. 268. В Овьедо насчитывается четыре тысячи женщин. *Hist. Gen.*, tom. iii., p. 505.

[80] *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iii., p. 505.

[81] *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 435.

[82] *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 169.

[83] "Кебрабан", что, вероятно, здесь означает "кастрированный".

[84] 'Tenia Moteuczomatzin en su palacio enanos y corcobadillos, que de industria siendo niños los hacian jibosos, y los quebraban y descoyuntaban, porque de estos se servian los señores en esta tierra como ahora hace el Gran Turco de

eunucos.- *Хист. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 184-5. Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 298, использует почти те же слова.

[85] *История. Конк.*, фол. 68.

[86] 'Otros tres Tlacopintlix de frisoles.' Тлакопинтлих состоял из одной "фанеги" и трех "альмудес", или одного бушеля с четвертью.

[87] "Сикипилли, ребаль, талега, альфорха, о больса". *Молина, Словарь.*

[88] "Триинта и дос мил какао", возможно, какао-стручки вместо какао-бобов.

[89] "Сиен галлос". Вероятно, индейки.

[90] Вероятно, тыквенные или дынные семечки.

[91] *Икстлильшочитль*, в *Истории. Чич., мексиканец из Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 241.

[92] Об образе жизни короля и домашнем хозяйстве королевского двора см.: *Cortés, Cartas*, стр. 84-5, 109-13; *Bernal Diaz, Hist. Conq.*, fol. 66-8; *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 286-322; *Лас Касас, История. Apologética*, CP., cap. cxxi.; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 167-8, 205-6, 228-31, 298, том ii., стр. 435; *Мотолития, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 184-5; *Петр Мученик*, дек. v., lib. iii., iv.; *Гомара, Конк. Мексикан.*, fol. 103-4, 107-8; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 507; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 307, 501, 505; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i., стр. 268-71; *Эррера, История. генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава v., vii., ix., xii-xiii., дек. iii., lib. ii., глава xiv.; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 189-91; *Ортега*, в документе, стр. 310-17; *Вест-Индский шпибель*, стр. 246; *Новое исследование Гейджа*, стр. 97, 100-1; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i., стр. 284, том iv., стр. 9-13; *Мексика Прескотта*, том ii., стр. 121-9; *Zuazo, Carta*, в *Icazbalceta*, кол. *de Doc.*, том i., стр. 362; *Карли, Картас*, часть i., стр. 117-18. Другими более или менее ценными работами, имеющими отношение к этому предмету, являются: *Турон, История*, том iii., стр. 25-38, 355-7, 359; *Бюссьер, Мексиканская империя*, стр. 109, 119-22, 254-5; *Бариль, Мексика*, стр. 204-7; *Дюфи, Резюме*, том i., стр. 136-7; *Инд. Браунелла. Гонки*, стр. 83, 93-5; *История рейтинга. Исследования*, стр. 315-16, 321-3, 342-7, 350; *Соден, Испанец в Перу*, стр. 136; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 582-4; *Лафон, Путешествия*, том i., стр. 104-5; *История Северной Америки Купера.*, стр. 112-13; *Конкорд Дилворта.*, стр. 65-6, 70-1; *Хоукс*, в книге *Хаклюта "Война"*, том iii., стр. 469; *Монглав, Резюме*, стр. 19, 82-3; *Происшествия и зарисовки*, стр. 60; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 63-6, 209-11, 234, 242; *Диллон, История Мексики*, стр. 52; *Запад и Ост-Индискер Лютсгарм*, стр. 123-5.

[93] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 231; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава xii.; *Овьедо, История. генерал.*, том iii., стр. 502.

[94] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 88; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том ii., стр. 182, составляет число двадцать семь.

[95] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 88, и далее.; см. также *Вейтию, Историю. Ант. Медж.*, том ii., стр. 182, и далее.; *Брассер де Бурбург, Историю. Нац. Civ.*, том ii., стр. 428, и далее.; *Икстлильшочитль, Relaciones*, в журнале *Кингсборо Мех. Antiq.*, том ix., стр. 353, и далее.; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 502; *Эррера*, дек. ii., lib. vii., глава xii.

[96] *Письмо*, в *Ternaux-Compans, Voy.*, série i., том x., стр. 251.

[97] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 196.

[98] Камаштли был тлашкальтекским богом войны, соответствовавшим мексиканскому Уицилопочтли и, вероятно, таким же, как он. Поскольку орден Текухтли пользуется в Тлашкале большим уважением, чем где-либо еще, церемония посвящения обычно описывается так, как она происходила в этом штате.

[99] 'Unas piedras chequitas de piedra negra, y creo eran de la piedra de que hacen las navajas.' *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., загл. lxvii.

[100] 'Se iba à vna de las Salas, ò Aposentos de los Ministros que servian al Demonio, que se llamaba Tlamacazcalco.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 362. Однако представляется маловероятным, что кандидата на данном этапе отвели бы в другой храм. Брассер объясняет название зала, в который его привели, как "Место жительства министров, претуры Камаштли". *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 587.

[101] 'Y à las Sillas solas que representaban las Personas ausentes, hacian tanta cortesia, y le captaban Benevolencia, como si realmente estuvieran presentes los Señores que faltaban.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 364.

[102] О церемонии посвящения см.: *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 361-6; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. lxvii.; *Гомара, Конк. Мексикан.*, fol. 306-8; *Клавиджеро, История древней Мессии*, том ii., стр. 120-1; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi, стр. 147-9.

[103] *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том ii., стр. 58-60.

[104] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 586.

[105] *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава xv.

[106] Тлакимиллоли, откуда и произошло название, представлял собой священный сверток, содержащий реликвии богов и героев.

[107] Клавиджеро утверждает, что волосы подстригались только у тех, кто поступал на службу по какому-либо личному обету.

[108] Клавиджеро говорит, что каждый раз поднималась только часть из них. 'S'alzavano alcune due ore incirca innanzi alla mezza notte, altre alla mezza notte, ed altre allo spuntar del di per attizzar, e mantener vivo il fuoco, e per incensare gl'Idoli.' *Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 42.

[109] 'Elles passaient une partie de la matinée à preparer le pain en galette et les pâtisseries qu'elles présentaient, toutes chaudes, dans le temple, où les prêtres allaient les prendre après l'oblation.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 556. Клавиджеро говорит, что они приготовили приношение провизии, которое было преподнесено идолам: "Как приготовить еду, приготовленную для посещения да презентации аглидоли". *История античного Мессико*, том ii., стр. 42.

[110] Clavigero writes: 'L'insegna de' Sommi Sacerdoti di Messico era un fiocco, o nappa di cotone pendente dal petto, e nelle feste principali vestivansi abiti sfarzosi, ne' quali vedevansi figurate le insegne di quel Dio, la cui festa celebravano.' *Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 38. Наиболее важными работами, касающимися мексиканского духовенства, с которыми можно ознакомиться, являются: *Брассер де Бурбур, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 549-59; из которого я в основном взял свой отчет; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 163-5, 175-91; *Лас Касас, История. Апологетика*, заглавными буквами. sxxxiii., sxxxix., cxl.; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 112 и далее., 218-23, том iii., стр. 276-7; *Гомара, Конк. Мекс.*, fol. 323-5; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 335-42; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., главы xv-xvii.; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 36 и последующие.

[111] Это название дано испанскими авторами; вероятно, оно происходит от *тай*, мужчина, и *сакаа*, священник. *Вокабула. en lengua Mixteca u т.д.*, согласно *Брассеру де Бурбуру, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 17, примечание.

[112] Виятао, Бургоа пишет *huijatoo* и переводит "великий страж"; в словаре сапотеков это переводится словом *papa*, или священник.

[113] Йопaa, Бургоа также пишется как Лиобаа и Йобаа; это означает Место Захоронений, от *Йо*, место или земля, и *паа*, могила, на языке сапотеков, "центр покоя".

[114] Теутитлан - таково было его название на языке науатль. Его сапотекское название было Ксакия.

[115] *Rasgos y señales de la primera predicacion en el Nuevo-Mundo*, MS. de Don Isidro Gondra; Carriedo, *Estudios históricos y estadísticos del Estado Oaxaqueño, Mexico*, 1850, tom. i., cap. i.; quoted in Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 9.

[116] Бургоа, *Геог. Описание*, том ii., пт ii., загл. lxxii.

[117] *Rasgos y señales de la primera predicacion en el Nuevo-Mundo*, MS. de Don Isidro Gondra; quoted in *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 10.

[118] Бургоа, *Геог. Описание*, том ii., пт ii., загл. lxxii.

[119] Бургоа, *Геог. Описание*, том ii., пт ii., загл. liii.

[120] Назван так по крику *ара, ара*, который он постоянно повторяет.

[121] См. Этот том, стр. 142-3.

[122] Бургоа, *Геог. Описание*, том ii., загл. liii. О мизтекском первосвященнике Торквемада пишет: "Се вести, пара праздничных дней, о папском престоле, об истине манеры. Unas mantas mui variadas de colores, matizadas, y pintadas de Historias acaecidas à algunos de sus Dioses: poniase vnas como Camisas, ò Roquetes, sin mangas (à diferencia de los Mexicanos) que llegaban mas abajo de la rodilla, y en las piernas vnas como antiparas, que le cubrian la pantorrilla; y era esto casi comun à todos los Sacerdotes Sumos, y calçado, con que adornaban las Estatuas de los Dioses; y en el brazo izquierdo, vn pedaço de manta labrada, à manera de liston, como suelen atarse algunos al brazo, quando salen à Fiestas, ò Cañas, con vna borla asida de ella, que parecia manipulo. Vestia encima de todo vna Capa, como la nuestra de Coro, con vna borla colgando à las espaldas, y vna gran Mitra en la cabeça, hecha de plumas verdes, con mucho artificio, y toda sembrada, y labrada de los mas principales Dioses, que tenian. Quando bailaban, en otras ocasiones, y patios de los Templos (que era el modo ordinario de cantar sus Horas, y reçar su Oficio) se vestian de ropa blanca pintada, y vnas ropetas, como camisetas de Galeote." *Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 217.

[123] *Икстлильшочитль, Родственники, в Мексике Кингсборо. Antiq.*, том. ix., стр. 327.

[124] *Las Casas, Hist. Anologетика*, CP., глава sxxxiii.

[125] *Las Casas, Hist. Anologетика*, ср., загл. cxxi.; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 181; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 44; *Эррера, История генерала*, дек. ii., lib. v., глава xiv.

[126] *Бомон, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 52-3; Эррера говорит о священниках Мехоакана: "Трахин лос кабельос ларгос, и коронас абьертас в ла кабеса, комо лос де ла Иглесиа Католика, и гирнальдас де флюэкос колорадос". *История. Быт.*, дек. iii., lib. iii., глава x.

[127] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 438.

[128] *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 201.

[129] Менее важными или более современными авторитетами, которые трактуют привилегированные классы среди ацтеков, являются: *Пиментель, Памятка Раза индейца*, стр. 19-22; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 495-504; *Карли, Картас*, часть i., стр. 114-15; *Карбахаль, Дискурс*, стр. 108-14; *Чавес, Взаимопонимание*, в *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том v., стр. 303-6, 337; *Dilworth's Conq. Mex.*, стр. 36; *Monglave, Резюме*, стр. 14-19, 32-5; *Hazart, Kirchen-Geschichte*, том ii., стр. 503-5; *Montanus, Nieuwe Weereld*, стр. 74, 235-6, 264-5; *West und Ost-Индискер Люстгарт*, часть первая, стр. 73-7, 98-100; *Кортес, Авантюра*, предисловие, стр. 6; *Бариль, Мексика*, стр. 201-2; *Клемм, Культурная хроника*, том v., стр. 59-70, 88-98, 209-10; *Соден, Испанец в Перу*, том ii., стр. 12-13, 19; *Шевалье, Мексика, Древний и др. Мод.*, стр. 116-120.

[130] См. страницу 191 этого тома.

[131] *Акоста, Де прокурада, indorum salute*; цитируется в *Пиментеле, Мемуарах "Собрание разума индейцев"*, стр. 81.

[132] *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcix., p. 130.

[133] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., pp. 134-6; *Cortés, Carta Inéd.*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том I., стр. 474.

[134] *История Бытия.*, том i, библиотека i, стр. 32-3; см. также, том ii, библиотека vii, стр. 258-9, библиотека ix, стр. 353, 370. The Anonymous Conqueror agrees with Sahagun: 'Tutti quei che si pigliauano nella guerra, ò erano màgiati da loro, ò erano tenuti per schiaui.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, tom. iii., fol. 304. Мотолиния, однако, утверждает, что все военнопленные были принесены в жертву: "за то, что нингун эсклаво се хасиан ан эллас, ни рескатабан нингуно де лос ке ан лас геррас прендиан, мас тодос лос гвардаван был принесен в жертву". *Carta al Emperador Cárlos V.*, 2 января 1555 г., в *Иказбалсете, кол. de Doc.*, том i, стр. 272. Гомара также подтверждает это мрачной шуткой: "Los catiuos en guerra no siruián de esclauos, sino de sacrificados: и нет хазянина, который пришел бы за серыми комедиями". *Conq. Mex.*, fol. 320-1; см. Также fol. 309.

[135] 'Algunos quisieron decir, que si vn libre tenia acceso à alguna Esclava, y quedaba preñada de la copula, era Esclavo el Varon que cometió acto con Esclava, y servia al Señor de la Esclava; pero esto no fue asi, segun confesion de los mismos Indios Sabios, que sabian sus Leies, y las practicaban.' *Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 566.

[136] *Conq. Mex.*, fol. 320.

[137] *Монарх. Инд.*, том ii., стр. 566.

[138] *Дюран, История. Индия*, ср., том iii., глава xxii., xxiii.

[139] *Торквемада, Монарх. Инд.*, том ii., стр. 564-5; *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 303. Брассер де Бурбур утверждает, что эти контракты оставались в силе вплоть до времен испанского завоевания. *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 611.

[140] 'Y cuando acontecia la dicha hambre, entónces se vendian por esclavos muchos pobres hombres y mugeres, y comprábanlos los ricos que tenian muchas provisiones allegadas, y no solamente los dichos pobres se vendian a sí mismos, sino que tambien vendian á sus hijos, y á sus descendientes, y á todo su linaje, y así eran esclavos perpetuamente, porque decian que esta servidumbre que se cobraba en tal tiempo, no tenia remedio para acabarse en algun tiempo, porque sus padres se habian vendido por escapar de la muerte, ó por librar su vida de la última necesidad.' *Hist. Gen.*, том ii., lib. vii., pp. 258-9.

[141] 'Vendian niños recién nacidos, y de dos años, para cumplir sus promesas, y ofrecer en los templos, como nosotros las candelas, y sacrificarlos para alcançar sus pretensiones.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vi., cap. xvi. 'Porque como andaban todos los Reinos, con sus mercancias, traían de todos ellos muchos esclavos, los quales, si no eran todos, à lo menos, los mas, sacrificaban.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii, стр. 272. 'Porque casi todos los que sacrificaban á los idolos eran los que prendian en las guerras ... mui poquitos eran los otros que sacrificavan.' *Motolinia, Carta al Emperador Cárlos V.*, Jan. 2, 1555, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 264, 272. 'Luego proponian un parlamento á los esclavos, enanos y corcobados, diciendo: hijos mios, id á la buena ventura con vuestro señor Axayaca á la otra vida... Luego le abrieron el pecho, teniendolo seis ó siete sacerdotes, y el mayoral le sacaba el corazon, y todo el dia y toda la noche ardía el cuerpo del rey, con los corazones de los miserables esclavos que morian sin culpa.' *Tezozomoc, Crónica Mex.*, in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. ix., pp. 90, 142. 'Sacrificando en sus honras doscientos esclavos, y cien esclavas.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чичимека*, в издании, стр. 282, 250. 'Quando moria algun principal, matavan juntamente con él un esclavo, y enterravan con él para que le fuese á servir.' *Codex Telleriano-Remensis*, in *Id.*, vol. v., p. 130. 'Avec lui, de jeunes filles, des esclaves et des bossus.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 202. 'Se quemaba junto con sus cuerpos y con los corazones de los cautivos y esclavos que mataban.' *Leon y Gama, Dos Piedras*, p. 35; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 453, 573-4; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 6, 8; *Пиментель, Сборник воспоминаний о Разе индейцев*, стр. 65; Среди тех, кто в более поздние времена рассматривал рабство у народов науа, следующие: *Монтанус, Ньюве Верфилд*, стр. 261; *Данпер, Neue Welt*, стр. 294; *Шевалье, Мексика, Древние и современные*, стр. 62; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 155-6; *Мюллер*,

Американская религия, стр. 541; Клемм, Культурно-исторический журнал, стр. 69-70; Соден, Испанец в Перу, том ii., стр. 14-15; "Десять колен Саймона", стр. 273.

[142] Торибио и Оларте, в *Ternaux-Compans, Voy., série i., том x., стр. 405.*

[143] Торквемада, Монарк. *Ind., том ii., стр. 545-6; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 122.*

[144] Зурита, Взаимопонимание, в *Ternaux-Compans, Voy., série ii., том i., стр. 67; Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ., том iii., стр. 603; Карбахаль, Дискурсо, стр. 61; Тезозомокъ, Crónica Mex., в книге Кингсборо "Мексиканец". *Antiq., том. ix., стр. 40.**

[145] Ботурини, Идея, стр. 165; Икстлильшочитль, История. Чич., в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq., том ix., стр. 208, 216, 224-5, 241; Id., Relaciones, в Id., стр. 339-43, 346, 353, 386-7, 395, 451, 453; Эредиа и Сармьенто, Проповедь, ср., стр. 51-2; Вейтия, История. Ант. Медж., том iii., стр. 189; Ветеринар, Театр, Мексика., часть ii., стр. 13-14.*

[146] Эррера, *Hist. Gen., дек. ii., lib. vi., глава xvii.,* говорит, что поместья унаследовали братья, а не сыновья; но это утверждение не подтверждается никакими другими авторитетами.

[147] Торквемада, Монарк. *Ind., том ii., стр. 348; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 123.*

[148] Фуэнлеаль, Письмо, в *Ternaux-Compans, Вой., серия i., том x., стр. 252-4; Кортес, Кармас, стр. 68; Витт, Письмо, в Ternaux-Compans, Вой., серия ii., том v., стр. 287; Карбахаль, Дискурсо, стр. 63; Овьедо, История. Генерал., том iii., стр. 535; Торквемада, Монарк. *Ind., том i., стр. 231; Зурита, Раппорт, в Ternaux-Compans, Вой., сери ii., том i., стр. 48-9, 65; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 122-4; Гомара, Конк. Мексика., fol. 304; Ветеринар, Театр, Мексика., часть ii., стр. 53-4.**

[149] 'Ce n'est pas qu'ils eussent ces terres en propre; car, comme les seigneurs exerçaient un pouvoir tyrannique, ils disposaient des terrains et des vassaux suivant leur bon plaisir. Les Indiens n'étaient donc, proprement dit, ni propriétaires ni maîtres de ces villages; ils n'étaient que les laboureurs ou les amodiateurs des seigneurs terriers, de telle façon que l'on pourrait dire que tout le territoire, soit des plaines, soit des montagnes, dépendait du caprice des seigneurs et qu'il leur appartenait, puisqu'ils y exerçaient un pouvoir tyrannique, et que les Indiens vivaient au jour le jour; les seigneurs partageant entre eux tous leurs produits.' *Simancas, De l'Ordre de Succession, in Ternaux-Compans, Voy., série i., том. x., pp. 224-5; Zurita, Rapport, in Id., série ii., том. i., pp. 51-7; Fuenleal, Lettre, in Id., том. v., p. 221; Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ., том iii., стр. 603-7; Карбахаль Эспиноза, История Мексики., том i., стр. 590; Вариедады цивилизации., том i., стр. 158-9; Пиментель, Сборник воспоминаний о Разе индейцев, стр. 35-6; Бюссьер, Мексиканская империя., стр. 153-5.*

[150] Монарк. *Ind., том ii., стр. 164.*

[151] Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 36. Смотри далее: Лас Касас, История. *Apologética, ср., глава 141; Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ., том iii., стр. 558-9; Карбахаль, Дискурс, стр. 36; Соден, Испанец в Перу, том ii., стр. 13; Диллон, История Мексики, стр. 43; Шевалье, Мексика, Древние и современные, стр. 117-18.*

[152] Бургоа, Геог. Описание., том i., часть ii., fol. 188; Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ., том iii., стр. 39-40.

[153] Клавиджеро, История древней Мессии, том ii., стр. 54; Клемм, Культурная хроника, том v., стр. 95-6.

[154] Бомон, Крона. Мехоакан, ср., стр. 52.

[155] Камарго, История. Тлах., in *Nouvelles Annales des Voy., 1843, том. xcvi., с. 176; Торквемада, Монарк. Изд., том i., стр. 276-7.*

[156] Витт, Письмо, в *Ternaux-Compans, Voy., серия ii., том v., стр. 289.*

[157] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик*, том ix, стр. 241-2.

[158] *История. Бытие*, том iii, стр. 535, 305-6.

[159] 'Nè i Vasalli de' Feudatari erano esenti da' tributi, che pagavano al Re gli altri Vassalli della Corona.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii, pp. 122-7.

[160] *Его "Пилигримы"*, том iv, стр. 1080.

[161] В *Кодексе Мендосы*, в мексиканском университете *Кингсборо. Antiq.*, vol. v., стр. 54, мы читаем, что она выплачивалась каждые восемьдесят дней.

[162] Тоеса - это то же самое, что и французская *toise*, которая составляет 6,3945 английских футов или семь кастильских футов.

[163] *Тезозомокский, Мексиканская Крона.*, в мексиканском *Кингсборо. Антик*, том ix, стр. 17-18; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. i., p. 206; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. i., p. 275; *Zuazo, Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том. i., p. 366; *Cortés, Hist. N. España*, p. 173.

[164] Torquemada adds: 'Ai quien diga, que no eran Piojos, sino Gusanillos; pero Alonso de Ojeda en sus Memoriales, lo certifica de vista, y lo mismo Alonso de Mata.' *Monarq. Ind.*, том i., стр. 461.

[165] 'Dábanle sus vassallos en tributo ordinario de tres hijos uno, y el que no tenia hijos avia de dar un indio ó india para sacrificar á sus dioses, é si no lo daban, avian de sacrificarle á él.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iii., p. 502. Нигде больше я не нахожу упоминания о таком обычае, хотя в Мичоакане деспотическая власть короля и его тираническое злоупотребление ею привели почти к тем же результатам. In Michoacan: 'Tributauan al Rey quanto tenian y el queria, hasta las mugeres y hijos, si los queria; de manera que eran mas que esclauos, y viuian en terrible seruidumbre.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. iii., cap. x., dec. ii., lib. vii., cap. xiii. 'Si bien todas las atenciones dedicadas á los decorosos mugeriles privilegios destruian la sujecion del tributo á sus Monarcas, sirviendolos en la ceguedad de ofrecerles no solo la hacienda, y la vida, sino á sus propias mugeres, en caso de discurrir aceptable el vergonzoso obsequio.' *Salazar y Olarte, Hist. Конк. Мексикан.*, том ii., стр. 69-70.

[166] *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., c. 307.

[167] *Кодекс Мендосы*, в книге *"Пилигримы"*, том iv, стр. 1080-1101; *Id.*, в книге *Кингсборо Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 54-89, том i, листы xix-lvii; *Кортес, История Испании*, стр. 176; *Кортес, Картас*, стр. 110.

[168] *Тапия, родственница*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том ii., стр. 592.

[169] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. i., стр. 147, 206, 231, 461, том. ii., стр. 545-7, 560; *Гомара, Конв. Мексикан.*, fol. 111-13; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. cxli; *Торибио и Оларте*, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, serie i., том x., стр. 401-8; *Фуэнлеал*, в изд., стр. 244-54; *Шавес, Репорт*, в Изд., сери ii., том v., стр. 301; *Симанкас*, в изд., сери i., том. x., стр. 229-31; *Камарго, История. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 180, 198-9; *Bumt, Письмо в Терно-Компансе, Voy.*, сери ii., том v., стр. 284-93; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 491-2; *Берналь Диас, История. Conq.*, fol. 68; *Вейтия, Hist. Ant. Mej.*, том iii., стр. 189-90, 193-8; *Текст Прескотта.*, том i., стр. 38-40; *Солис, История. Конк. Мекс.*, том i., стр. 417-19; *Пиментель, Воспоминания о Разе индейцев*, стр. 36-7; *Карбахаль Эспиноса, История Мексики.*, том i., стр. 99, 101, 437, 495, 589-93, 631, том. ii., стр. 203; *Laet, Novus Orbis*, стр. 240; *Diss. Univ.*, том x., стр. 637; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 606-9; *Карбахаль, Дискурс*, стр. 36, 45-6, 58; *Диллон, История Мексики*, стр. 42-5; *Клемм, Культурная политика*, стр. 55, 59, 68-72, 211; *Бариль, Мексика*, стр. 206-8; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 153-8; *Соден, Испанец в Перу*, том ii., стр. 13; *Полинезийский нац. Ланга*, стр. 99; *Браунелл Инд. Races*, p. 83; *Touron, Hist. Gén.*, том. iii., pp. 25-9, 38; *Monglave, Résumé*, pp. 23, 65.

[170] Clavigero writes: 'Nella dipintura cinquantesimaseconda si rappresentano due ragazzi d'undici anni, ai quali per non essersi emendati con altri gastighi, fanno i lor Padri ricevere nel naso il fumo del *Chilli*, o sia peverone.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., p. 103. Но это ошибка; на этой картине мы видим девочку, которую мать наказывает описанным способом, а мальчика - его отец.

[171] Клавиджеро упоминает эту девушку как " уна путта " ... cui fa sua Madre spazzar la notte tutta la casa, e parte della strada.' *Storia Ant. del Messico*, tom. ii., p. 103.

[172] Об этих рисунках и их интерпретациях см.: "*Пилигримы*" Перчаса, т. iv., стр. 1103-7; *Бодлианский кодекс*, в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, том i., листы 59-62; *Codex Mendoza*, в *Id.*, том i. и том v., стр. 92-7; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 566-575; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 102-3.

[173] 'Tenian estas gentes tambien por ley que todos los niños llegados à los seis años hasta los nueve habian de enviar los padres à los Templos para ser instruidos en la doctrina y noticia de sus leyes las cuales contenian casi todas las virtudes esplicadas la en ley natural.' *Las Casas, Hist. Anologетика*, ср., глава. clxxv., ccxv. 'Todos estos religiosos visten de negro y nunca cortan el cabello ... y todos los hijos de las personas principales, así señores como ciudadanos honrados, estan en aquellas religiones y hábito desde edad de siete ú ocho años fasta que los sacan para los casar.' *Cortés, Cartas*, p. 105. 'Cuando el niño llegaba á diez ó doce años, metíanle en la casa de educacion ó *Calmecac*.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. ii., lib. viii., стр. 326; *Овьедо, История человечества*, том iii., стр. 302; *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 187.

[174] Местный автор утверждает, что этот "дом песни" часто был ареной разврата. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 553.

[175] 'Los hijos de los nobles no se libraban tampoco de faenas corporales, pues hacian zanjas, construian paredes y desempeñaban otros trabajos semejantes, aunque tambien se les enseñaba á hablar bien, saludar, hacer reverencias y, lo que es mas importante, aprendian la astronomía, la historia y demas conocimientos que aquellas gentes alcanzaban.' *Pimentel, Mem. sobre la Raza Indígena*, p. 66; *Acosta, Hist. de las Ynd.*, pp. 444-6.

[176] 'Iban tan honestas que no alzaban los ojos del suelo, y si se descuidaban, luego les hacian señal que recogiesen la vista ... las mujeres estaban por si en piezas apartadas, no salian las doncellas de sus aposentos á la huerta ó verjeles sin ir acompañadas con sus guardas.... Siendo las niños de cinco años las comenzaban á enseñar á hilar, tejer y labrar, y no las dejaban andar ociosas, y á la que se levantaba de labor fuera de tiempo, atábanle los piés, porque asentase y estuviese queda.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 121-2.

[177] Смотрите далее, для получения информации об образовании мексиканцев: *Солис, Hist. Conq. Mex.*, том i., стр. 421-3; *Карбахаль, Дискурс*, стр. 17-18; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 563-4; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 144-5; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава xix.; *Монтанус, Новый Вирельд*, стр. 267-8; *Фуэнлеал*, в *Терно-Компанах, Вой.*, сери i., том x., стр. 251; *Питер Мученик*, дек. v, lib. iv.; *Лаеи, Novus Orbis*, стр. 239; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 38-47; *Шевалье, Мексика, Древние и современные*, стр. 119-20.

[178] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в *Мексике Кингсборо. Антиквариат.*, том ix., стр. 244-5.

[179] *Саагун, История. Бытие.*, том ii., lib. vi., стр. 113-19. Буквальный перевод Саагуна был бы непонятен читателю. Поэтому я просто максимально внимательно следил за духом и смыслом этого рассуждения. Для получения дальнейших наставлений и советов детям см. *Id.*, стр. 119-52; *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 112; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 493-9; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 104-9.

[180] Although Gomara says 'casan ellos a los veinte años, y aun antes: y ellas á diez.' *Conq. Mex.*, fol. 314.

[181] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 330; *Карбахаль, Дискурсо*, стр. 16.

[182] 'Por otro respecto no era pena trasquilar los tales mancebos, sino ceremonia de sus casamientos: esto era, por que dejando la cabellera significaba dejar la lozania y liviandad de mancebo; y asi como desde adelante habia de criar nueva forma de cabellos, tuviese nueva seso y cordura para regir su muger y casa. Bien creo que debia de haber alguna diferencia en estos trasquilados cuando se trasquilaban por ceremonia ó por pena.' *Las Casas, Hist. Apologética*, cp., cap. cxxxix.; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i. стр. 577.

[183] *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 152-3; *Мендиета, История. Ecles.*, p. 125; *Las Casas, Hist. Apologética*, CP., cxxxix.

[184] 'Venian los de la casa del mozo á llevar á la moza de parte de noche: llevábanla con gran solemnidad *acuestas* de una matrona, y con muchas hachas de teas encendidas en dos rencles delante de ella.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. i., lib. ii., pp. 82, 157. 'Pronuba, quam *Amantesam* vocabant, sponsam tergo gestans, quatuor fœminis comitantibus quæ pineis tædis, prælucere, illam post Solis occasum, ad limen domus in qua parentes sponsi manebant, sistebat.' *Laet, Novus Orbis*, p. 239. 'La celebracion era que la desposada la llevaba á cuestas á prima noche una amanteca, que es medica, é hiban con ellas cuatro mujeres con sus achas de pino resinado encendidas, con que la hiban alumbrando, y llegada á casa del desposado, los padres del desposado la salian á recibir al patio de la casa, y la metian en una sala donde el desposado la estava aguardando.' *Codex Mendoza, in Kingsborough's Mex. Antik.*, том v., стр. 99.

[185] 'Un sacerdote ataba una punta del *hueipilli*, ó camisa de la doncella, con otra del *tilmatli*, ó capa del jóven.' *Carbajal Espinosa, Hist. Mex.*, tom. i., p. 557. 'Al tiempo que los novios se avian de acostar é dormir en uno, tomaban la halda delantera de la camisa de la novia, é atábanla á la manta de algodón que tenia cubierta el novio.' *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iii., p. 548. 'Unas viejas que se llaman titici, ataban la esquina de la manta del mozo, con la falda del vipil de la moza.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. i., lib. ii., p. 83. 'Hechos los tratados, comparecian ambos contrayentes en el templo, y uno de los sacerdotes examinaba su voluntad con preguntas rituales; y despues tomaba con una mano el velo de la muger, y con otra el manto del marido, y los añadaba por los extremos, significando el vínculo interior de las dos voluntades. Con este género de yugo nupcial volvia á su casa, en compañía del mismo sacerdote: donde ... entraban á visitar el fuego doméstico, que á su parecer, mediaban en la paz de los casados, y daban siete vueltas á él siguiendo al sacerdote.' *Solis, Hist. Conq. Mex.*, том i., стр. 432-3.

[186] 'Quedando los esposos en aquella estancia durante los cuatro dias siguientes, sin salir de ella, sino á media noche para incensar á los ídolos y hacerles oblaciones de diversas especies de manjares.' *Carbajal Espinosa, Hist. Mex.*, tom. i., p. 557. 'Á la media noche y al medio dia salian de su aposento á poner encienso sobre un altar que en su casa tenian.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 128. 'Los padrinos llevaban á los novios á otra pieza separada, donde los dejaban solos, encerrándolos por la parte de afuera, hasta la mañana siguiente, que venian á abrirles, y todo el concurso repetia las enhorabuenas, suponiendo ya consumado el matrimonio.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том ii., p. 26.

[187] Положение тигровой шкуры сомнительно: "Пониан тамбиен против педасо де куэро де Тигре, дебахо де лас Эстерас". *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii, стр. 415. 'Ponían un pedazo de cuero de tigre encima de las esteras.' *Mendieta, Hist. Ecles.*, p. 128. 'La estera sobre que habian dormido, que se llamaba *petatl*, la sacaban al medio del patio, y allí la sacudian con cierta ceremonia, y despues tornaban á ponerla en el lugar donde habian de dormir.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., p. 158.

[188] 'Otra ceremonia, casi como esta, vsaban los del Pueblo de Israël, acerca del acostar los Novios, la primera noche de sus Bodas, que les ponían una sabana, ó lienço, para que en èl se estampase el testimonio de la virginidad, que era la sangre, que del primer acto se vertía, la qual se quitaba de la cama delante de testigos, que pudiesen afirmar haverla visto, con la señal de la sangre, que comprobaba la corrupcion de la Doncella y embuelta, ó doblada, la ponían en cierto lugar, diputado para esto, donde quedaba guardada, en memoria de la limpieça, y puridad, con que la dicha Doncella venia á poder de su Marido. Seria posible, que quisiese significar entre estos Indios lo mismo, este cuidado de los viejos, de traer manta, ó sabana, y tenderla sobre la cama de los desposados, para los primeros actos matrimoniales; y es creible, que seria este el intento, pues la ropa, y esteras, que sirvieron en este Sacrificio, se llevaban al Templo, y no

servian mas en casa, como ni mas, ni menos la ceremonia antigua de guardar la sabana, con sangre, entre los Hebreos, en lugar particular, y seguro.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 416.

[189] Мендьета, *История. Эклз.*, стр. 116-20, 127-8; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 416; Овьедо, *История человечества*, том iii., стр. 548-9; Саагун, *История человечества*, том ii., lib. vi., стр. 158-60; Карбахаль, *Дискурсо*, стр. 19.

[190] Вейтия, *История. Ант. Медж.*, том ii., стр. 26-7.

[191] Для получения дополнительной информации, касающейся свадебных церемоний и обычаев, см. Мендиета, *Hist. Эклз.*, стр. 125-8; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 83, 186, 412-20, 496-7; Саагун, *История. Быт.*, том i., библиотека ii., стр. 81-3, том ii., библиотека vi., стр. 152-62, том iii., библиотека x., стр. 116-17; Вейтия, *История. Ант. Медж.*, том ii., стр. 23-7, 178 Лас Касас, *История. Апологетика*, СР., глава sxxxix., clxxv.; Икстлильшочитль, *Hist. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 214; *Id.*, *Relaciones*, в *Id.*, стр. 327, 335, 340, 400; Акоста, *История. де лас Инд.*, стр. 374-5; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 189, том iii., стр. 79, 565-7; Клемм, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 33-5; Гомара, *Конк. Мекс.*, fol. 298, 314-16; Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., глава xvi., дек. iii., lib. ii., глава xvii.; Шавес, *Ранпорт*, в *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том v., стр. 308-9; Монтанус, *Ньюве Верфилд*, стр. 265; Джемелли Карери, в полковнике Черчилле. *Путешествия*, том iv., стр. 484; Алегри, *История. Комп. де Хесус*, том i., стр. 279; Карбахаль Эспиноса, *История Мексики*, том i., стр. 555-9, 577; Бариль, *Мексика*, стр. 202-3; Турон, *История Германии*, том iii., стр. 11-12; "Десять колен Симона", стр. 274-5; Бюссьер, *Мексиканская империя*, стр. 145-7; Карбахаль, *Дискурс*, стр. 15-30; Клавиджеро, *История античного Мессианства*, том ii., стр. 89-93, 111.

[192] 'Nunca sentenciaban en disfavor del Matrimonio, ni consentian, que por autoridad de Justicia, ellos se apartasen; porque decian ser cosa illicita, y de mucho escandalo para el Pueblo, favorecer, con autoridad publica, cosa contraria à la raçon; pero ellos se apartaban de hecho, y este hecho se toleraba, aunque no en todos, segun el mas, ò menos escandalo, que se engendraba en el Pueblo. Otros dicen, que por Sentencia difinitiva, se hacia este Repudio, y Divorcio ... los Jueces sentenciaban (si acaso concedemos, que havia sentencia) que se apartasen, y quedasen libres, y sin obligacion el vno, al otro; pero no de la murmuracion del Pueblo, que buuelto contra ellos, decian ser dignos de grandisima pena, por haver quebrado la Fè è integridad del Matrimonio, y haver dado tan mal exemplo à la Republica.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 442; Карбахаль, *Дискурсо*, стр. 20-1; Монглав, *Резюме*, стр. 31; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 131.

[193] 'Tengono molte moglie, & tante quante ne possono mantenere come i mori, però come si è detto, vna è la principale & patrona & i figliuoli di qsta hereditano, & quei dell'altre no, che non possono anzi son tenuti per bastardi. Nelle nozze di questa patrona principale fanno alcune cirimonie, il che non si osserua nelle nozze dell'altre.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том iii., fol. 310. Смотрите дальше, Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 376; Лас Касас, *История. Апологетика*, глава sxxiii., sxxiv., в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, vol. viii., стр. 127-8; Карбахаль, *Дискурсо*, стр. 20-7; Камарго, *История. Плax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том xcvi., стр. 169, 197; Гомара, *Конк. Мекс.*, fol. 107; Карбахаль Эспиноса, *История. Мекс.*, том i, стр. 430-1; Овьедо, *История. Быт.*, том iii, стр. 260; Петр Мученик, дек. iv., lib. iv., дек. v., lib. x.

[194] *Las Casas, Hist. Apologética*, глава sxxiii., sxxiv., в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, vol. viii., с. 127; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 370; Карбахаль, *Дискурсо*, стр. 27-8; Саагун, *История человечества*, том iii., lib. x., стр. 37-8; Клавиджеро, *История древнего мира*, том ii., стр. 132-3.

[195] Я счел излишним приводить эти речи полностью, но читатель может найти их все вместе в *Sahagun, Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., стр. 161-73.

[196] Sahagun adds: 'Mandaba que á la preñada la diesen de comer suficientemente y buenos manjares, calientes y bien guisados, con especialidad quando á la preñada le viene su purgacion, ó como dicen la regla, y esto llaman que la criatura

se laba los pies, porque no se halle ésta en vacío, ó haya alguna vaciedad ó falta de sangre ó humor necesario, y así reciba algun daño.' *Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., p. 182.

[197] Оригинальная рукопись Саагуна содержит двадцать четыре дополнительных строки на эту тему, но их его редактор считает слишком неudelikatными, чтобы печатать. *Id.*, стр. 181.

[198] Эти обращения см. *Саагун, История. Генерал.*, том ii., lib. vi., стр. 174-83.

[199] 'Se llegan algunas mujeres como parteras, y otras como testigos para ver si el parto es supuesto ó natural; y al tiempo del nacer no permiten que la criatura llegue á la tierra con la vida; é antes que se la cortenle hacen ciertas señales en el corpezuelo.' *Zuazo, Carta, in Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 363-4.

[200] *Чихуапипилтин*, или *Чуапипилти*. Подробное описание погребальных обрядов в этих случаях в *Саагуне, История. Бытие.*, том ii., lib. vi., стр. 186-91. Однако они будут описаны в одной из следующих глав.

[201] Мотилиния, *История. Индиос, в Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i, стр. 130, и Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii, стр. 84, который, по-видимому, скопировал у него, являются авторитетными источниками для этого, но обычай не мог быть очень общим, поскольку говорят, что в Тлашкале мать давала грудь каждому из близнецов.

[202] Главным авторитетом по вопросу беременности и родов, и тем, кому я до сих пор следовал, является Саагун, *Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., стр. 160-92.

[203] Клавиджеро, *История античного Мексико*, том ii, стр. 86, отличается от Саагуна этими молитвами или призывами; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 445, Клемм, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 36, и Брассер де Бурбур, *История. Нац. Civ.*, том iii, стр. 560, более или менее внимательно следите за Клавиджеро.

[204] *Саагун, История. Генерал.*, том ii., lib. vi., стр. 199-200; *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 445-6.

[205] Муж-теочичимек взял на себя обязанности акушерки, когда роды произошли в дороге. Он нагревал спину своей жены огнем, обливал ее водой вместо ванны и дважды или трижды пинал в спину после родов, чтобы ускорить выделение избыточной крови. Новорожденного младенца положили в плетеную корзину и перекинули через спину матери, которая продолжила свой путь. *Саагун, История. Генерал.*, том ii., lib. vi., стр. 191-203; также *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 445-6; *Клавиджеро, История античности*, том ii., стр. 86; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii, стр. 560; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i, стр. 551-2, 673 и др. Посуда, которая служила при рождении ребенка, была, по словам Лас Касаса, *Исторической. Apologética*, ср., загл. clxxxix., предлагаемый у фонтана или реки, где мать умывалась.

[206] Саагуном, *История. Генерал.*, том i., lib. iv., стр. 282-328, и Дюраном, *История. Индия*, ср., том iii, глава ii, подробно описаны знаки календаря и их подразделения. У каждого знака было тринадцать подзнаков, представляющих одинаковое количество дней, которыми его хорошее или плохое значение в определенной степени смягчалось. При определенных признаках ребенок мог стать пьяницей, при других - шутом, при третьих - воином и так далее. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 560, и Эспиноза, *История Мексики.*, том i., стр. 552, утверждают, что астролог также рассматривал знак, который был наиболее частым в этот период в течение последних тринадцати лет.

[207] *Саагун, История. Генерал.*, том ii., lib. vi., стр. 215-7; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 449.

[208] Подробное описание этого пира, стола, присутствующих и т.д. Дано Саагуном, *История. Генерал.*, том i., lib. iv., стр. 332-6, и Торквемадой, *Монарк. Инд.*, том ii, стр. 457-8. У меня будет возможность описать это в одной из будущих глав этого тома, посвященной подобным вопросам.

[209] Беднейшие классы довольствовались обменом цветами и едой.

[210] Двойственное божество, объединяющее оба пола в одном лице.

[211] Саагун, *Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., стр. 220, заставляет акушерку, в данном случае, обратиться к Читлалатонак. Эта богиня, однако, была идентична Ометочтли и Омециоатлю (см., в частности, *Карбахаль Эспиноса, Hist. Mex.*, том i., стр. 472), к которым была обращена предыдущая молитва. Клавиджеро и Торквемада утверждают, что молитва была обращена к богине воды.

[212] Саагун обращается только к Богу Солнца.

[213] Мы можем предположить, что повитуха обращается здесь к ребенку воина.

[214] Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 84, Torquemada, *Monarqu. Ind.*, том ii, стр. 287, и Брассер де Бурбур, *История. Нац. Civ.*, том iii, стр. 287, переведите Немокичтли и Ненчихуатль "беспольный мужчина" и "беспольная женщина". Торквемада, *Монарх. Ind.*, том ii., стр. 454-6, обсуждаются названия, почему и как они применялись в Мексике и других местах. Мотолиния, в *Иказбалсете, полковник. в de Doc.*, том i., стр. 37, говорится, что имя, данное при крещении, было заменено на другое, данное священником, когда родители отнесли ребенка в храм на третьем месяце. См. также *Ritos Antiguos*, стр. 22, в журнале *Kingsborough's Mex. Антик.*, том ix. Гомара, *Conq. Mex.*, fol. 312, говорит, что имя, данное священником, было фамилией, дворяне иногда брали третье имя. Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 562, говорится, что при различных обстоятельствах могло быть взято несколько дополнительных имен. В *Кодексе Мендосы, в мексиканском университете Кингсборо. Antiq.*, vol. v., стр. 90, утверждается, что название дали трое мальчиков, которые сидели рядом и ели *ухсие*.

[215] Ботурини утверждает, что после этого младенца четыре раза пропускают через огонь. *Клавиджеро, История древней Мессии*, том ii, стр. 88; но эта церемония описана в другом месте этого тома как происходящая в храме.

[216] Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. iv., стр. 330-6.

[217] Считалось, говорит Торквемада, что такое растирание собственных конечностей оказывает укрепляющее действие на новорожденного. *Монарх. Инд.*, том ii., стр. 457.

[218] Гомара, *Конв. Мексика*, fol. 312.

[219] Давила, *Экономический театр.*, том i., стр. 18.

[220] *История. Эклз.*, стр. 107.

[221] Бургоа, *Геог. Описание.*, том ii., пт ii., фол. 329.

[222] *Id.*, fol. 395.

[223] Ниже приводятся противоречивые свидетельства о крещении. На четвертый день ребенок и мать принимали очистительную ванну, а собравшихся гостей угощали заморрой - блюдом, приготовленным из кукурузы и мяса кур, оленей и т.д. Три дня спустя мать относила ребенка в соседнюю палату в сопровождении шести маленьких мальчиков, если это был ребенок мужского пола, в противном случае с ней шли шесть девочек, чтобы нести инструменты или знаки отличия профессии отца. Здесь она вымыла ребенка в ручье, а затем вернулась домой. Через два года в доме самого близкого соседа был устроен пир, которого попросили назвать ребенка, и при нем он остался и считался членом его семьи. *Шавес, Взаимопонимание, в книге "Терно-Компанс"*, Вой., сери ii., том v., стр. 306-8. Младенца относили в храм, где священник произносил речь о страданиях, которые предстоит пережить в этом мире, и вкладывал в правую руку ребенка меч, а в левую щит; или, если ему было суждено стать механиком, инструмент ремесленника; если девочкой, то она получала прялку. Затем священник отнес ребенка к алтарю и вытянул несколько капель крови из его тела шипом или ножом, после чего облил его водой, произнося при этом определенные проклятия. *Торон, История. Генезис.*, том iii., стр. 12-13. Инструменты были вложены в руки ребенка священником перед идолом. *Акоста, Hist. de las Ynd.*,

р. 374. Также Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава xvii. Ребенок подвергся трем крещениям или купаниям. Зуазо, *Карта*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 364. На седьмой день состоялось крещение, и в руку ребенку вложили дротик в знак того, что он должен стать защитником своей страны. Мотолиния, *История. Indios*, in *Id.*, p. 37. In *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), tav. xxxi., in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 181, утверждается, что ребенка посыпали пучком фикуса, смоченным в воде, и окурили благовониями, прежде чем он получил свое имя. В храме были сделаны подношения, которые священник разделил между школьниками. Тайлор в своей книге "*Анауак*", стр. 279, и "*Первобытная культура*", том ii., стр. 429-36, дает краткие обзоры церемонии крещения и ее морального значения.

[224] *Las Casas, Hist. Anologemika*, ср., загл. clxxv.; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 83-4; *Мендиета, История. Eccles.*, стр. 107-8; *Zuazo, Carta*, в *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i., p. 364; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 35. Клавиджеро, *История борьбы с Мексико*, том ii., стр. 73, рассматривает тему обрезания и отрицает, что оно когда-либо практиковалось. Терно-Компанс, *Voyn, série i.*, стр. 45, том x., ссылаясь на заявление Диаса о том, что все индейцы островов Вера-Крус подвергаются обрезанию, говорит, что он, должно быть, перепутал обычай забора крови из тайных органов с обрезанием. Коголлудо, *Hist. Yuc.*, стр. 191, говорит, что обрезание было неизвестно индейцам Юкатана. Дюран и Брассер, очевидно, рассматривают небольшие разрезы, сделанные с целью взятия крови из крайней плоти или уха на одиннадцатом месяце, как акт. Карбахаль Эспиноза, *История Мексики*, том i., стр. 538, следуя Клавиджеро, считает скарификацию груди, живота и рук обрезанием, на которое ссылаются другие авторы. Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава xvii., и особенно Акоста, *история. de las Ynd.*, стр. 374, считают, что надрез на крайней плоти и ухе был ошибочно принят за обрезание, и утверждают, что это в основном делалось сыновьям великих людей; они не указывают, когда состоялась церемония.

[225] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 266; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 538.

[226] За этим обрядом последовал другой, который обычно проводился в храме Уицилопочтли. Жрец сделал небольшой надрез на ухе ребенка женского пола, а также на ухе и крайней плоти ребенка мужского пола новым обсидиановым ножом, врученным ему матерью, затем, бросив нож к ногам идола, он дал имя младенцу по просьбе родителя, должным образом рассмотрев гороскоп и приметы времени. Дюран, *Привет. Индия*, ср., том iii., глава iii., цитируется Брассером де Бурбургом, *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 525-6. Дюран действительно утверждает, что эти церемонии происходили в четвертый месяц, но поскольку праздник Тоци приходится на одиннадцатый месяц, Брассер исправляет очевидную ошибку. Наречение младенца, возможно, было простым подтверждением имени, данного акушеркой.

[227] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 286.

[228] *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 189-90. Саагун переводит Ицкалли как "рост", но другие авторы расходятся с ним, как мы увидим в следующей главе, посвященной Календарю.

[229] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава xii.

[230] Мотолиния, *Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 77; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 460-1.

[231] *Гомара, Конв. Мексика*, fol. 312.

[232] *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 553.

[233] *Гомара, Конв. Мексика*, fol. 318.

[234] Авторитетными источниками по вопросам деторождения, крещения и обрезания являются: *Саагун, История. Бытие.*, том i., lib. ii., стр. 187-90, lib. iv., стр. 281-337, том ii., lib. vi., стр. 160-222, том iii., lib. x., стр. 119-20; *Клавиджеро, История античного Мексико*, том ii., с. 2-73, 86-89; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 83-4, 266, 286, 445-61; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., библиотека. ii., глава xvii., библиотека. iii., глава xii.,

библиотека. iv., глава xvi.; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. clxxv., clxxix.; *Кодекс Мендосы*, стр. 90-1, в книге *Кингсборо Мех. Antiq.*, том v.; *Мотолония, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Dos.*, том i., стр. 37-8, 77, 108; *Зуазо, Carta*, в документе, стр. 363-4; *Мендиета, История. Ecles.*, стр. 107-8, 139; *Бургоа, Геог. Описание*, том ii., pt ii., fol. 329, 395; *Давила, Театр Эклз.*, том i., стр. 18; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 203; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 538, 551-5, 673; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том i., стр. 240, том. iii., стр. 35, 525-6, 560-3; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 374; *Гомара, Конк. Мекс.*, fol. 312, 317-18; *Турон, История. Генезис*, том iii., стр. 12-13; *Шавес, Взаимопонимание, в Терно-Компанах, Вой.*, сери ii., том v., стр. 306-8; *Монтанус, Новый Вирельд*, стр. 32, 265; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 36-9; *Бюссьер, Мексиканская империя*, стр. 140-1; *Д'Авити, Американская*, том ii., стр. 73; *Бариль, Мексика*, стр. 199-200; *Ритуалы Антигуоса*, стр. 22-3, в мексиканском журнале *Кингсборо. Antiq.*, том ix.; *Лаеи, Novus Orbis*, стр. 239; *Амер. инд.*, стр. 217; *Мюллер, Райзен*, том iii., стр. 118-20; *Покупают свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1102-3, 1140; *Карли, Кармас*, п. i., стр. 101; *Дюран, Ист. Индия*, ср., том iii., глава iii.; *Диас, Итинерайр*, в *Ternaux-Comptans, Вой.*, сери i., том x., стр. 45; *Гумбольдт, Очерки политики*, том i., стр. 90; *"Череп Америки" Мортонна.*, стр. 147; *"Антик" Делафилда. Амер.*, стр. 19.

[235] *Ritos Antiguos*, стр. 20, в мексиканском журнале *Кингсборо. Антик*, том ix.

[236] Высшие по рангу или уважению сидели с правой стороны, а низшие по званию - с левой; молодые люди сидели по концам с обеих сторон, в соответствии со своим рангом. *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. ix., стр. 347-8.

[237] Speaking of this Xiuhtecutli, Torquemada says: 'Honrabanlo como à Dios, porque los calentaba, cocia el Pan y guisaba la Carne, y por esto en cada Casa le veneraban; y en el mismo Fogòn, ò Hogar, quando querian comer, le daban el primer bocado de la vianda, para que alli se quemase; y lo que avian de beber, lo avia de gustar primero, hechando en el fuego parte de el licor.' *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 57. Саагун говорит, что кусочек пищи был брошен в огонь в честь бога Тлальтекутли: "Перед тем, как прийти к коменцасену, пришли к собравшимся в комиде, к хабиану пуэсто, томабан ун бокадо де ла комида, и аррохабанло аль фуэго, в честь диоса Тлальтекутли, и пришел луэго коменцабан". *История. Генерал*, том i., библиотека iv., стр. 333.

[238] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 457.

[239] *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., с. 292.

[240] Описание праздников см.: *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 457-8; *Саагун, История. Генерал*, том i., библиотека iv., стр. 332-6, том. ii., библиотека ix., стр. 359-60, 364-5; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том. iii., pp. 615-6; *Id.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1858, том. clix., стр. 74-6; *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 318; *Прескотт в Мексике*, том i., стр. 152-7; *Бюссьер, Мексиканская империя*, стр. 178; *Бариль, Мексика*, стр. 210-11; *Ритос Антигуос*, стр. 20, в *Мексике Кингсборо. Антик*, том ix.

[241] *Вейтия, История. Ант. Медж*, том iii., стр. 49-51; *Клавиджеро, История Ант. дель Мессико*, том ii., стр. 227. *Эрнандес, Новый завод*, стр. 173; *Овьедо, История. Генерал*, том i., стр. 525; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 646; *Карбахаль Эспиноза, История медицины*, том i., стр. 684; *Клемм, Культурология*, том v., стр. 12-13.

[242] 'Iuntauanse a este bayle, no mil hombres, como dize Gomara, pero mas de ocho mil.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., cap. viii.

[243] Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 315, когда-либо готовившийся к высшей мере наказания, гласит, что "эль сеньор ле мандаба прендер, вы отро диа лос мандаба матар".

[244] *История Бытия*, дек. iii., lib. ii., глава xix.

[245] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 180.

[246] Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. viii., pp. 308-9; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., pp. 181-2.

[247] Нетекухитолитли, согласно *Торквемаде, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 286.

[248] Саагун, *История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 189.

[249] Тезозомокъ, *Hist. Mex.*, том i., стр. 87.

[250] "Я плебей си травестивано в различных анималистических фигурах с учетом фатти ди карта, э ди пенне, о ди пелли" — без сомнения, чтобы отличать их от дворянства, когда они присоединялись к танцу. *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 179-81, и другие, которые следуют за ним. В *Саагуна, Истории. Быт.*, том i, часть ii, стр. 130-3 приводится подробное описание праздничной одежды. Для описания танцев см. *Id.*, том ii., lib. viii. стр. 308-9, 314-15; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 550-2; *Д'Авити, Американская литература*, том ii., стр. 68; *Монтанус, Ньюве Верфилд*, стр. 267-8; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 446-9; *Покупает свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1064-5; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 643-5; *Брассер де Бурбур, История нац. Civ.*, том iii., стр. 669-71; *Мендиета, История. Eccles.*, стр. 140-3; *Тезозомокъ, История. Mex.*, том i., стр. 61, 87; *Гомара, Конк. Mex.*, fol. 106-7; *Клемм, Культурологическая энциклопедия*, том v., стр. 56-8; *Эррера, История. Быт.*, дек. ii., lib. vii., сар. viii., дек. iii., библиотека ii., глава xix., и Перевод, Лондон, 1726, т. iii., стр. 227, с сокращением.

[251] Клемм, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 144-5, утверждает, что публика также присутствовала на этом балу.

[252] Акоста, *Hist. de las Ind.*, стр. 391-2; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 76-8; Пиментель, *Воспоминания о Раде индейцев*, стр. 59-60; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Cív.*, том iii., стр. 674-6.

[253] Рассказ о Тецкатлипоке см. в т. III. этой работы.

[254] Названный *тлапануэуэтем* Тезозомоком и Брассером де Бурбургом.

[255] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 179, etc.

[256] *Quatre Lettres*, p. 94.

[257] Гомара, *Conq. Mex.*, fol. 106, утверждает, "вы должны были собраться вместе для этих согласных", но маловероятно, что они были чем-то иным, кроме пустого стиха, поскольку такая вещь, как рифма, не упоминается ни одним другим автором.

[258] О музыке и пении см.: Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 174-9; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том i., стр. 229, том ii., стр. 551-2; Акоста, *История. de las Ynd.*, p. 447; *Mendieta, Hist. Ecles.*, стр. 140-1; Гомара, *Конк. Мексика*, том 106; Пиментель, *Сборник воспоминаний о Раде индейцев*, стр. 57-9; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Cív.*, том i., стр. 282, том iii., стр. 279, 669, 672-74; Карбахаль Эспиноза, *История Мексики*, том i., стр. 641-2; *Покупает свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1064-5; Тезозомокъ, *История Мексики*, том i., стр. 61; Клемм, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 145-50; Мюллер, *Американская религия*, стр. 545; *История ранжирования. Исследования*, стр. 344; *Мех.Прескотта*, т. i., стр. 170-5, 194; *Ленуар, Параллель*, стр. 64; *Дюпэ, Отн., 2-й опыт.*, стр. 62-3, в античном издании. *Мексика*, том iii.; *Fuenleal*, в *Ternaux-Comrans, Voy., série ii.*, том v., стр. 218-19; *Ботурины, Идея*, стр. 85-99.

[259] Эспиноса, похоже, думает, что все танцы на вершине исполнял один человек, а Брассер говорит, что каждый из пилотов выступал на верхушке мачты перед тем, как отправиться в полет.

[260] Акоста, *Hist. de las Ynd.*, pp. 387-8.

[261] Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. viii., c. 292.

[262] Торквемада, *Монарк. Инд.*, том i., стр. 53, 87; Карбахаль Эспиноза, *История Мексики*, том i., стр. 238.

[263] Саагун называет это *тлаштли*, или *тлачтли*; и Тезозомокк *тлачко*, но другие считают, что это название игровой площадки.

[264] Гомара говорит *тлачтли*, или *тлачко*; Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., cap. viii., *tlachtli*.

[265] Дюран преодолевает дистанцию от ста до двухсот футов, Эспиноса - пятьдесят варов, Брассер, *История. Нац. Cív.*, том iii, стр. 667, шестьдесят-восемьдесят футов.

[266] Карбахаль Эспиноса, *История Мексики*, том i., стр. 647, говорит, что боковые стенки самые низкие, "что касается высоты боковых стенок, то они являются экстремальными", но это не согласуется ни с другими утверждениями, ни с требованиями пьесы. Описание тлачко, данное Саагуном, дает две стены длиной от сорока до пятидесяти футов, на расстоянии от двадцати до тридцати футов друг от друга и высотой около девяти футов.

[267] Карбахаль Эспиноса считает, что одним из них был *Омеакатль*, "бог радости".

[268] Карбахаль Эспиноса, *История Мексики*, том i., стр. 647, утверждает, что камни находились в центре земли, "en el espacio que mediaba entre los jugadores", но ни один другой автор не подтверждает это. Не исключено, что эти камни являются идолами, расставленными жрецами на стенах, поскольку они описаны как украшенные

фигурами идолов. Описание и разрезы руин того, что, по-видимому, было похожими сооружениями на Юкатане, см. в Т. IV., стр. 172, 230-1, этой работы.

[269] Вейтия, *Hist. Ant. Mej.*, том ii, стр. 107, говорит, что мяч приходилось долго держать в воздухе, и тот, кто позволял ему упасть, проигрывал, что маловероятно, поскольку смысл заключался в том, чтобы ударить им о стену соперника; возможно, однако, что эта проверка мастерства иногда составляла часть игры. Он также утверждает, что в центре игровой площадки была яма, наполненная водой, и игрок, отправивший в нее мяч, терял одежду, а в его адрес сыпались оскорбительные эпитеты, среди которых наиболее частым был "великий прелюбодей"; более того, считалось, что он умрет от руки оскорбленного мужа. Однако лунка, заполненная водой, не кажется подходящей для хорошей игровой площадки; кроме того, мяч с большой вероятностью скатился бы в бассейн, поскольку соперники не стали бы этому препятствовать. Камарго, *Привет. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcviij., стр. 196, и Брассер де Бурбур, *История. Нац. Civ.*, том i., стр. 123, говорится, что в игру разрешалось играть только дворянам, что может относиться только к определенным игровым площадкам или мероприятиям, поскольку количество мячей, уплаченных в виде налогов, доказывает, что игра слишком общая, чтобы быть зарезервированной для дворян.

[270] Гомара, *Конк. Мексика*, стр. 105, является авторитетным источником названий дичи и бобовых. Torquemada affirms, however, 'y dicenle Juego Patolli, porque estos dados, se llaman asi.' *Monarqu. Изд.*, том ii., стр. 554. Клавиджеро, с другой стороны, говорит: "Патолли - это имя общего значения для рода джуоко". Карбахаль Эспиноса переводит его. Ссылаясь на кости, Саагун говорит, что они были "cuatro frisoles grandes, y cada uno tiene un ahugero"; впоследствии он опровергает это, говоря, что они состояли из трех крупных бобов с "ciertos puntos en ellos". *История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 292, 317. Brasseur de Bourbourg describes the playing process as follows: 'Ils jetaient les dés en l'air avec les deux mains, marquant les cases avec de petits signaux de diverses couleurs, et celui qui retournait le premier dans les cases gagnait la partie,' which agrees with Torquemada's account. *История. Nat. Civ.*, том. iii., стр. 671.

[271] 'Hacian encima de un encalado unos hoyos pequeñitos ... y con unas cañuelas hendidas por medio daban en el suelo y saltaban en alto, y tantas cuantas en las cañuelas caian lo hueco por arriba tantas casas adelantaba sus piedras.' *Duran, Hist. Индия*, ср., том iii, глава xxii.

[272] Об играх и увеселениях науа см.: *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. i., стр. 53, 87, том. ii., стр. 305-6, 552-4; *Клавиджеро, История древней Мессии*, том. ii., стр. 182-6; *Саагун, История генерала*, том. ii., lib. viii., стр. 291-3, 316-17; *Гомара, Конк. мексикан.*, fol. 104-6; *Дюран, История. Индия*, CP., том iii., глава 22-3; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., либ. vii., главы vii-viii.; *Петр Мученик*, дек. v., либ. x.; *Пилигримы Перчасы*, том iv., стр. 1065, 1127-8; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том i, стр. 123, 129, том iii, стр. 665-9; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i, стр. 645-9; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 54-6; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 387-8; *Мендиета, История. Eccles.*, p. 407; *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава 64; *Вест и Ост-Индискер Лютсгарт*, часть первая, стр. 100-1; *Кортес, Авен. у Конк.*, стр. 306; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том ii., стр. 107-8; *Конк. Мех. Дилворта*, стр. 80; *Ленуар, Параллель*, стр. 47-8, цитируя *Пикарта, Религиозные Серемонии.*, том ii., стр. 81.

[273] Смотрите ежедневную службу в храме Тотонаков в *Лас Касасе, Hist. Апологетика*, ср., глава. clxxv. 'Luego aquel viejo mas principal metia y sacaba por su lengua en aquel dia cuatro cientos y cincuenta palos de aquellos ... otros no tan viejos sacaban trescientos.... Estos palos que metian y sacaban por las lenguas eran tan gordos como el dedo pulgar de la mano ... y otros tanto gruesos como las dos dedos de la mano pulgar y él con que señalamos podian abrazar.' *Id.*, cap. clxxii.

[274] 'En cada provincia tenian diferente costumbre porque unos de los brazos y otros de los pechos y otros de los muslos, &c. Y en esto se cognoscian tambien de que Provincia eran.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава. clxx.

[275] 'En esta Fiesta, y en todas las demás, donde no se hiciere mencion de particulares Sacrificios de Hombres, los avia, por ser cosa general hacerlos en todas las Festividades, y no era la que carecia de ello.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 255.

[276] 'Le feste, che annualmente si celebravano, erano più solenni nel *Teoxihuitl*, o Anno divino, quali erano tutti gli anni, che aveano per carattere il Coniglio.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 84; *Carbajal Espinosa, Hist. Mex.*, том. i., p. 549. 'En cada principio del mes en el dia que nombramos cabeza de sierpe celebraban una fiesta solemnisima ... la cual era tan guardada y festejada que ni aun barrer la casa ni hacer de comer no se permitia.' *Duran, Hist. India*, ср., том iii., глава ii.

[277] Саагун в своем кратком резюме фестиваля утверждает, что некоторые считают, что это празднование было в честь Чалчихуитликуэ, богини воды, а другие - в честь Кецалькоатля; но думает, что это могло быть в честь всех этих божеств, а именно Тлалоков, Чалчихуитликуэ и Кецалькоатля. *Саагун, История. Генерал.*, том i., библиотека ii., стр. 49-50, 83-7. См. также *Торквемаду, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 250-2, 295.

[278] Хотя Саагун утверждает, что Уицилопочтли также получил почести в этом месяце, однако никаких прямых церемоний перед его изображением не проводилось. Однако большое количество принесенных в жертву пленников, универсальность и продолжительность празднеств, королевские танцы и т.д., несомненно, указывают на празднование в честь более великого божества, чем Шипе. Он также говорит: "En esta fiesta mataban todos los cautivos, hombres, mugeres, y niños", что не очень вероятно. *Hist. Gen.*, том i., lib. ii., стр. 88.

[279] Воры, осужденные во второй раз за кражу золотых изделий, были принесены в жертву. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 503.

[280] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., pp. 45-9. Тот же автор говорит относительно количества жертвоприношений, совершаемых ежегодно в Мексиканской империи, что он ничего не может утверждать, поскольку сообщения сильно разнятся. "Сумаррага, первый епископ Мексики, сообщает в письме от 12 июня 1531 года, адресованном главному капитулу своего ордена, что только в этой столице ежегодно приносились в жертву двадцать тысяч человек. Некоторые авторы, цитируемые Гомарой, утверждают, что число принесенных в жертву составляло пятьдесят тысяч. Акоста пишет, что был определенный день в году, когда в разных местах империи приносили в жертву пять тысяч человек; и еще один день, когда приносили в жертву двадцать тысяч. Некоторые авторы полагают, что только на горе Тепейкак богине Тонанцин было принесено в жертву двадцать тысяч человек. Торквемада, цитируя, хотя и неверно, письмо Зумарраги, говорит, что ежегодно приносили в жертву двадцать тысяч младенцев. Но, напротив, Лас Касас в своем опровержении кровавой книги, написанной доктором Сепульведой, сводит жертвы к столь малому числу, что нам остается верить, что их было не пятьдесят и, самое большее, не сто. Мы твердо убеждены, что все эти авторы ошиблись в количестве, Лас Касас - в уменьшении, остальные - в преувеличении истины". *Id.*, Перевод, Лондон, 1807, т. i., стр. 281.

[281] Этот фарс отличался от обычных гладиаторских боев, которые будут описаны в другом месте.

[282] 'Quedauan las cabeças corações para los sacerdotes.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 327.

[283] 'Guardaban alguno que fuese principal señor para este dia; el cual dessolaban para que se vestiese Montezuma gran Rey de la tierra y con él baylaba con sus reales contenencias.' *Las Casas, Hist. Anologemika*, ср., загл. clxx. "Эмбутиан лос куэрос де альгодон о паха, ты, о лос колгауан в эль темпло, о ан паласио", в случае высокопоставленного заключенного. *Гомара, Конк. Мексика*, стр. 327. Не указано, что люди, которые носили шкуры и собирали коллекцию, были связаны с храмом, но это, без сомнения, было так, тем более что многие авторы упоминают, что священники должны были на определенное время облачаться в жуткие одежды. Изображение священника, одетого в содранную кожу, см. в *Nebel, Viaje*, стр. xxxiv.

[284] 'Cuatro de ellos cantaban á las navajas.' *Motolinia, Hist. Индиос, в Иказбалсете, полковник . de Doc.*, том I., стр. 57.

[285] 'Estos palos que metian y sacaban por las lenguas eran tan gordos como el dedo pulgar de la mano, y otros como el dedo pulgar del pie: y otros tanto gruesos como los dos dedos de la mano pulgar y él con que señalamos podian abrazar.' *Las Casas, Hist. Anologemuka*, ср., загл. clxxii.

[286] Мотолиния передает идею о том, что люди также наносили удары по языку: "aquella devota gente ... sacaban por sus lenguas otros palillos de á jeme y del gordor de un cañon de pato.' *Hist. Индиос*, в *Иказбалсете*, полковник . *de Doc.*, том I., стр. 58.

[287] 'Cada dia de estos iba el viejo de noche á la sierra ya dicha y ofrecia al demonio mucho papel, y copalli, y cordonices.' *Motolinia, Hist. Индиос*, в *Иказбалсете*, полковник . *de Doc.*, том I., стр. 58.

[288] 'La cual decian que habia venido con el ídolo pequeño, de un pueblo que se dice Tollan, y de otro que se dice Poyauhtlan, de donde se afirma que fué natural el mismo ídolo.' *Motolinia, Hist. Индиос*, в *Иказбалсете*, полковник . *de Doc.*, том i., стр. 58-9.

[289] См. также *Торквемаду*, *Монарк. Изд.*, том ii., стр. 288-90, 252-3, 296.

[290] 'Echaban por el pueblo cierto pecho ó derrama recogiendo tanto haber que pudiesen comprar cuatro niños esclavos de cinco á seis años. Estos comprados ponianlos en una cueva y cerrabanla hasta otro año que hacian otro tanto.' *Las Casas, Hist. Anologemuka*, ср., глава. clxx.

[291] Дюран добавляет, что всем детям мужского пола в возрасте до двенадцати лет были проколоты уши, язык и нога, и в день праздника их держали на коротком содержании, но это маловероятно, поскольку другие авторы называют пятый месяц для скарификации младенцев. *История. Индии*, СР., том iii., приложение, глава iii. Подробнее о празднике см. *Саагун, История человечества*, том i, библиотека ii, стр. 52-4, 95-7; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 253-5, 296; *Ботурины, Идея*, стр. 51-2.

[292] Ботурины, *Idea*, стр. 52, переводит это название как "великое кровотечение", имея в виду шрамы во искупление грехов.

[293] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 255-6; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 97-100. По словам Дюрана, *Hist. В Индии*, ср., том iii., приложение, глава iii., Тлалокам поклонялись и в этом месяце, и это включало кровавые обряды. *Мексиканский журнал Кингсборо. Антик*, том vii., стр. 43-4. Мотолиния утверждает, что стеблям предлагали пищу: "delante de aquellas sañas греческой провинции и атоллы". *История. Indios*, в *Иказбалсете*, полковник . *de Doc.*, том i., стр. 46. Более подробное описание этого праздника см. в т. III. из этой работы, стр. 360-2.

[294] 'Le Tlacoachcalco, ou maison d'armes, était un arsenal, consacré à Huitzilopochtli, dans l'enceinte du grand temple. Il se trouvait à côté un teocalli où l'on offrait des sacrifices spéciaux à ce dieu et à Tetzcatlipoca.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 510. Это святилище за пределами города также зависело от великого храма, и, поскольку судьба юноши должна была проиллюстрировать жалкий конец, к которому могут привести богатство и удовольствия, возможно, более вероятно, что это бедное и одинокое здание было местом жертвоприношения. Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii, стр. 70, говорит : "кондукеванло ... al tempio di Tezcatlipoca."

[295] Брассер де Бурбур указывает, что забег в храме и освобождение вступающих в брак происходили только в високосные годы, но он, очевидно, неправильно понимает его авторитет. Прескотт, *Мексика*, том i, стр. 75-7, рассказывает об этом фестивале.

[296] Вопреки утверждениям других, Брассер де Бурбур говорит, что сцену несли служители храма; несомненно, воины были подходящими людьми для служения богу войны.

[297] 'Llevábanle entablado con unas saetas que ellos llamaban *teumitl*, las cuales tenían plumas en tres partes junto el casquillo, y en el medio, y el cabo, iban estas saetas una debajo, y otra encima del papel; tomábanlas dos, uno de una parte, y otro de otra, llevándolas asidas ambas juntas con las manos, y con ellas apretaban el papelon una por encima, y otra por debajo.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. i., lib. ii., pp. 105-6.

[298] 'El Incienso no era del ordinario, que llaman Copal blanco, ni de el Incienso comun ... sino de vna Goma, ò Betun negro, à manera de Pez, el qual licor se engendra en la Mar, y sus Aguas, y olas, lo hechan en algunas partes à sus riberas, y orillas, y le llaman Chapopotli, el qual hecha de sì mal olor, para quien no le acostumbra à oler, y es intenso, y fuerte.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 266.

[299] Что-то вроде кадильницы с перфорацией и орнаментом, по форме напоминающей большую ложку.

[300] Клавиджеро пишет: "Икстеокале, че вале, Савио синьор дель Съело". *История Муравьев Мессико*, том ii., стр. 72. К нему также относятся несколько других имен.

[301] 'Mischiavasi nel ballo de' Cortigiani.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 72.

[302] Стр. 286-7, 334-43.

[303] 'Se juntauan todos los caualleros y principales personas de cada prouincia ... vestian vna muger de la ropa y insignias de la diosa de la sal, y baylauan con ella todos.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 327.

[304] 'Era esta fiesta de muy poca solemnidad y sin ceremonias, ni comidas, y sin muertes de hombres; en fin no era mas de una preparacion para la fiesta venidera del mes que viene.' *Duran, Hist. Индия*, ср., том iii., приложение, глава iii.; *Саагун, История. Генерал.*, том i., библиотека ii., стр. 124-8; *Клавиджеро, История древней Мессии*, том ii., стр. 74-5.

[305] Дюран говорит, что женщины отнесли жертву на гору Чапультепек, на самую вершину, и сказали: "Дочь моя, давай поспешим обратно туда, откуда мы пришли", после чего все направились обратно к храму, преследуя обреченную женщину перед собой. *История. Индия*, ср., том iii., приложение, глава iii.

[306] *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 128-39; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. ii., стр. 269-71, 297-8; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Civ.*, том. iii., p. 518, says: 'Les rois eux-mêmes prenaient alors part à la danse, qui avait lieu dans les endroits où ils pouvait s'assembler le plus de spectateurs.'

[307] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 271.

[308] 'Salian los Hombres Nobles, y muchas Mugeres Principales, y asianse de las manos los vnos, de los otros, mezclados Hombres, y Mugeres mui por orden, y luego se hechaban los braços al cuello, y así abraçados, començaban à moverse mui paso à paso.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 271.

[309] *Дюран, История. Индия*, ср., том iii., приложение, глава iii.; *Вейтия, История и Меджлис*, том i, стр. 65; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том. ii., стр. 271-3, 298; *Саагун, История. Генерал.*, том. i., lib. ii., стр. 61-2, 139-41.

[310] 'Cortaban un gran árbol en el monte, de veinte y cinco brazas de largo.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. i., lib. ii., p. 141. 'L'emportaient (the tree) processionnellement au temple de Huitzilopochtli, sans rien lui enlever de ses rameaux ni de son feuillage.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 521.

[311] Клавиджеро говорит, что похитители обрызгали жертв и бросили их в огонь. *Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 77.

[312] *Дюран, История. Индия*, ср., приложение, том iii., глава iii.

[313] 'C'était l'époque où la noblesse célébrait la commémoration des princes et des guerriers qui les avaient précédés.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 522; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 298, 273-5; *Codex Telleriano-Remensis*, в *Мех Кингсборо. Антик.*, том v., стр. 130-1.

[314] Смотрите том iii. этой работы, стр. 354-9, где дано подробное описание этого фестиваля.

[315] Sahagun writes: 'Á la media noche de este mismo dia, molian un poco de harina de maíz, y hacian un montoncillo de ella bien tupida: y lo fabricaban de harina, redondo como un queso, sobre un petate. En el mismo veían cuando habian llegado todos los dioses, porque aparecia una pisada de un pie pequeño sobre la harina.' *Hist. Gen.*, том i., lib. ii., p. 157.

[316] Эти огненные жертвоприношения, по-видимому, совершались на вершине небольшого храма, стоявшего во внутреннем дворе более крупного.

[317] 'Ballavano attorno ad un gran fuoco molti giovani travestiti in parecchie forme di mostri, e frattanto andavano gettando de'prigionieri nel fuoco.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 78; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 527.

[318] Сожжение и танцы, по словам Саагуна, состоялись в первые два дня следующего месяца. 'Estos dos dias postreros eran del mes que se sigue.' *Hist. Gen.*, том i., lib. ii., p. 159; *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii, стр. 278-9.

[319] См. том iii., стр. 343-6.

[320] *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 152-3.

[321] Название птицы с красно-синим оперением.

[322] 'Al undécimo dia de este mes, iban á hacer una casa á aquella sierra que estaba encima de *Atlacuioayan*, y esta era fiesta por sí, de manera que en este mes habia dos fiestas.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том i., lib. ii., p. 165. 'No sacrificaban este dia hombres sino caza, y asi la caza servia de victimas á los Dioses.' *Duran, Hist. Индия*, ср., приложение, том iii., глава iii.; *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii, стр. 148-9.

[323] *Акоста, Hist. де лас Инд.*, стр. 327-8; *Монтанус, Нью-Верельд*, стр. 221; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава xv.

[324] *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 167.

[325] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 299, 280-1; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 530, том ii., стр. 462-3.

[326] См. том iii. из этой работы, стр. 297-300, 323-4, 346-8.

[327] Гомара говорит, что мужчины и женщины две ночи танцевали с богами и пили, пока все не напились. *Конк. Мексикан.*, фол. 328. По словам Дюрана, в этом месяце отмечался праздник Камаштли, а хлеб под названием *йокотамалли* ели исключительно в день праздника. *Ист. Индия*, ср., том iii., приложение, глава iii.; *Саагун, История. Генерал.*, том i., библиотека ii., стр. 179-82.

[328] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 83; *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii., стр. 153.

[329] См. том iii. этой работы, стр. 390-3.

[330] См. *Торквемаду, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 286; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 539; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. clxxi.

[331] См. *Гомару, Кон. Мексика*, стр. 329; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 286-7; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. clxxi.; *Мотолития, Hist. Indios*, в *Икаббалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 43-4.

[332] См. Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., загл. clxxi.; *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 291.

[333] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 538.

[334] 'Nahui Ollin Tonatiuh, esto es, el sol en sus cuatro movientos, acompañado de la *Via lactea*.' Leon y Gama, *Dos Piedras*, pt i., p. 91.

[335] 'Mataban quatro Cautivos de los que se llamaban Chachame, que quiere decir: Tontos; y mataban tambien la imagen del Sol, y de la Luna, que eran dos Hombres.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii, стр. 148. 'On immolait ensuite un grand nombre de captifs, dont les principaux, appelés Chachamé, figuraient le soleil et la lune.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 535.

[336] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 150-2; *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас*, часть первая, стр. 91.

[337] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 538.

[338] 'Creen que Topilcin su rey primero se conuertio en aquella estrella.' Gomara, *Conq. Mex.*, fol. 331; *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. clxxiv.

[339] *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. 249-50. 'Papahua-tlamacazqui, ou Ministres aux longs cheveux. C'est par leurs mains que passaient les prémices des fruits de la terre qu'on offrait aux astres du jour et de la nuit.... On immolait un grand nombre de captifs et, à leur défaut, les criminels.... Sur leur sépulture on exécutait un ballet.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 274-5. Для описания праздника урожая сапотеков см. *Бургоа, Геог. Описание.*, том ii., pt ii., fol. 332-3; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 40-2.

[340] *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 195-7.

[341] Описание этого праздника см. в т. iii. настоящей работы, стр. 393-6. Авторитетными источниками по ацтекским фестивалям являются: *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 49-218, lib. i., стр. 1-40; *Мексиканский Кингсборо. Антик.*, том vii., стр. 1-98; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 147-56, 246-300; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 66-86; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. clxix-clxxvii.; *Мотолония, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Dos*, том i., стр. 38-62; *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 326-36; *Дюран, История. Индия*, ср., том iii., приложение, глава iii.; *Леон, Камино дель Сьело*, стр. 96-100; *Камарго, История. Плах.*, в "Новых анналах войны", 1843, том. xcix., стр. 130-7; *Мендиета, История. Eccles.*, стр. 99-107; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 327-9, 354-6, 360-4, 382-93; *Ботурины, Идея*, часть первая, стр. 50-3, 90-3; *Тезозомокъ, История Мексики.*, том i., стр. 161-6; *Эррера, История генералитета*, дек. iii., lib. ii., главы xv-xvii.; *Покупает его "Пилигримы"*, том iv, стр. 1040-8; *Джемелли Карери*, в "полковнике Черчилле". *Путешествия*, том iv., стр. 490-1; *Монтанус, Новый Вирельд*, стр. 221, 248, 265-7; *Запад и Ост-Индискер Люстгарт*, часть первая, стр. 71-2; *Теллериано-Ременсис, в мексиканском музее Кингсборо. Antiq.*, том v., стр. 129-34; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i., стр. 234-5, 274-5, том ii., стр. 462-3, том iii., стр. 40-2, 498-547; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том. v., стр. 104-14; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 515-17, 531-51; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 128-38; *Ленуар, Параллель*, стр. 9-11.

[342] 'Dicen que en aquellos principios del mundo se mantenian los hombres solamente con frutas y yerbas, hasta que uno á quien llaman Tlaominqui, que quiere decir, *el que mató con flecha* halló la invencion del arco y la flecha, y que desde entónces comenzaron á ejercitarse en la caza y mantenerse de carnes de los animales que mataban en ella.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том i., p. 10. Гиганты жили "мас комо брутто", как "комо рациона": они знали, как приготовить пульке, чтобы напиться, и знали, что такое карнес крудас де ласавес и фиерас, которые казаван отличал от алгуны, лас фрутас и йербас сильвестрес порке нада культивабан". *Ид.*, стр. 151.

[343] Ольмеки выращивали, по крайней мере, кукурузу, чили и бобы до времен тольтеков. *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. 154. The Toltec 'comida era el mismo mantenimiento que ahora se usa del maíz que sembraban y beneficiaban así el blanco como el de mas colores.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том iii., lib. x., p. 112. To the Toltec

agriculture'debitrici si riconobbero le posteriori Nazioni del frumentone, del cotone, del peverone, e d'altri utilissimi frutti.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том i., p. 127. The Toltecs 'truxeron mays, algodon, y demas semillas.' *Vetancvrt, Teatro Mex.*, pt ii., p. 11. 'Tenian el maiz, algodon, chile, frijoles y las demas semillas de la tierra que hay.' *Ixtlilxochitl, Relaciones*, in *Kingsborough's Mex. Антик*, том ix., стр. 327, 393-4.

[344] 'Su comida era toda especie de caza, tanto cuadrúpeda como volátil, sin distincion ni otro condimento que asada, y las frutas ... перо нада сембрабан, ни культивабан." *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том ii., стр. 6. "Ни сембрабан, ни кокиан, ни асабан лас-Карнес-де-ла-каса". Их короли и знать держали леса с оленями и зайцами, чтобы снабжать людей пищей, пока в правление Нопальцина потомок тольтеков не научил их сажать растения. *Торквемада, Монарк. Изд.*, том i., стр. 32, 38-9, 67, 279. Они были первыми жителями страны и "одинокими жителями каса". "Касауанские венадос, либрес, конехос, комадрехас, топос, гатос монтесес, паксарос, и все в Испании, кулебрас, лагартос, ратонес, лангостас, гусано, и все, кто живет в йеруасе". *Акоста, История. de las Ynd.*, pp. 453-5. И с той же целью *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i., стр. 132-3; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i., стр. 203; *Эредиа и Сармьенто, Проповедь*, стр. 74; *Камарго, История. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том xviii., стр. 140, 151; *Vetancvrt, Мексиканский театр.*, часть ii., стр. 12. Они начали обрабатывать землю во времена правления Хотзина, но до этого они жарили мясо и не ели его сырым, как утверждают многие. *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 213-14; *Id., Relaciones*, стр. 335. Сельское хозяйство появилось в правление Нопальцина. *Id.*, стр. 344. Но Саагун, *Hist. Gen.*, том iii., lib. x., стр. 115, говорит, что некоторые из чичимеков "хацианские тамбиены алгуна сементерилья де маис".

[345] 'Sobre juncia y espadaña se echa tierra en tal forma, que no la deshaga el agua, y allí se siembra, y cultiva, y crece, y madura, y se lleva de vna parte á otra.' The products are maize, chile, wild amaranth, tomatoes, beans, chian, pumpkins, etc. *Акоста, Hist. de las Ynd.*, p. 472. 'La lor figura regolare è quadrilunga: la lunghezza, e la larghezza son varie; ma per lo più hanno, secondo che mi pare, otto pertiche in circa di lunghezza, non più di tre di larghezza, e meno d'un piede d'elevazione sulla superficie dell'acqua.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., pp. 152-3. Выращивайте не только растения, полезные для еды, одежды и лекарств, но и цветы и растения, которые служат только для украшения и роскоши. *Id.*, том iv., стр. 227. Карбахаль Эспиноза, *История Мексики.*, том i., стр. 620, переводит описание Клавиджеро. "Сказочные острова цветов, иногда осеняемые деревьями значительных размеров". "Этот архипелаг блуждающих островов". 200 или 300 футов в длину, 3-4 фута в глубину. *Мексика Прескотта.*, том ii., стр. 70, 107-8. Черная грязь чинампаса пропитана соляной кислотой соды, которая постепенно вымывается по мере полива поверхности. *Гумбольдт, Очерки политики.*, том i., стр. 200-2. Упоминание Гаянгоса в *Кортесе, Картасе*, стр. 79; *Эредиа и Сармьенто, Проповедь*, стр. 95-6. 'Camellones, que ellos llaman Chinampas.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 483; *Карли, Картас*, часть первая, стр. 38-9.

[346] 'Es esta provincia (Tlascala) de muchos valles llanos y hermosos, y todos labrados y sembrados.' In Cholula 'ni un palmo de tierra hay que no esté labrado.' *Cortés, Cartas*, pp. 68, 75. 'Tout le monde, plus ou moins, s'adonnait à la culture, et se faisait honneur de travailler à la campagne.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 634; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 481. 'Hasta los montes y sierras fragosas las tenian ocupadas con sembrados y otros aprovechamientos.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 250.

[347] *Кортес, Картас*, стр. 75; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 250; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 331.

[348] Полный список и описание многих съедобных мексиканских растений, которые выращивались науа в шестнадцатом и более ранних веках, какими они были с тех пор у их потомков, дан ботаником Эрнандесом в его *Нова Плантарум*; см. Также *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i., стр. 45-68; повторено в *Карбахале Эспинозе, История Мексики*, том i., стр. 102-19; *Акоста, История. de las Ynd.*, стр. 236 и далее. Кукуруза, магуэй, какао, бананы и ваниль. *Мексиканский журнал Прескотта.*, том i., стр. 134-6. Тотонаки выращивали фрукты, но не какао и не *вейнаказтли*. *Саагун, История. Быт.*, том iii., lib. x., стр. 131. The people of Michoacan raised 'maíz, frisoles, pepitas y fruta, y las semillas de mantenimientos, llamados oauhtli, y chian.' *Id.*, p. 137. Матлалцинкас также

подняли вопрос о хоахтли. *Ид.*, стр. 130. Помимо кукурузы, наиболее важными продуктами были хлопок, какао, магуэй (metl), фриколес, чиа и чили. *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii, стр. 158; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i, стр. 624. 'Les Mexicains cultivaient non-seulement toutes les fleurs et toutes les plantes que produit leur pays, mais encore une infinité d'autres qu'ils y avaient transplantées des contrées les plus éloignées.' *Tezozomoc, Hist. Mex.*, том i., p. 44. *Id.*, *Crónica*, in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. ix., p. 18. 'Hay frutas de muchas maneras, en que hay cerezas, y ciruelas que son semejables á las de España.' *Cortés, Cartas*, p. 104. Фруктов у уастеков было больше, чем где бы то ни было. *Тезозомоц, История Мексики.*, том i., стр. 147. "Они выращивают также много видов трав в горшочках, таких как латук, редис, кресс-салат, чеснок, лук-порей и многие другие травы". *Петр Мученик*, v дек., lib. iii. Съедобные плоды. *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., с. 300.

[349] *Molina, Diccionario*. "Centli, o Tlaulli, que otros dizen mayz". *Гомара, Конк. Мексика.*, стр. 343.

[350] *Cortés, Cartas*, p. 64; *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том i., стр. 515. In Tlascala 'no tienen otra riqueza ni granjeria, sino centli que es su pan.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 87.

[351] Питер Мученик и Анонимный Завоеватель говорят, однако, что какао-деревья были посажены под более крупными деревьями, которые были срублены, когда растение набрало достаточную силу. Дек. v, библиотека iv.; *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i., стр. 380.

[352] О культуре кукурузы и других упомянутых выше моментах см. *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 481-2, 564, том i., стр. 166; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 153-6; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 633-7, том iv., стр. 61; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 621-4; *Кортес, Кармас*, стр. 75; *Берналь Диас, История. Конк.*, стр. 128; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 196; *Петр Мученик*, дек. v., lib. ii.; *Гагерн*, в *Соц. Мексике. Геог., Болетин*, 2^{да} эпока, том i., стр. 815-16.

[353] *Бургоа, Геог. Описание.*, том ii., часть ii., стр. 332-3; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 40-2.

[354] Об охоте см. *Мотoliniю, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 48; *Саагун, История. Генерал.*, том i., библиотека ii., стр. 165, том iii., библиотека xi., стр. 149-229, включая полный список и описание мексиканских животных; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 298, том ii., стр. 281, 297; *Петр Мученик*, дек. v., lib. iii.; *Кортес, Кармас*, стр. 22; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 196; *Икстлильшочитль, Relaciones*, в мексиканском издании *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 335, 346, 458; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 160-2. Список мексиканских животных в документе, том i., стр. 68-99; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 626-7, 120-44, с тем же списком; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i, стр. 235.

[355] *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i, стр. 99-105, том ii, стр. 162, со списком и описанием мексиканских рыб, из которых упоминается более 100 разновидностей, пригодных в пищу; повторено в *Карбахале Эспинозе, История Мексики.*, том i, стр. 145-50, 628; *Питер Мученик*, дек. v, lib. ii., iii.; *Тезозомокъ, История Мексики.*, том i., стр. 60, 147; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 93; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 132; *Акоста, История. de las Ynd.*, p. 460. Список рыб в *Саагуна, Hist. Gen.*, том iii., lib. xi., стр. 199-207.

[356] 'Crian muchas gallinas ... que son tan grandes como pavos.' 'Conejos, liebres, venados y perros pequeños, que crian para comer castrados.' *Cortés, Cartas*, pp. 23, 94, 104, 222. 'Young whelpes flesh is vsuall there ... который они варят и откармливают для еды'. *Питер Мученик*, дек. v, lib. iii. Тот же автор, дес. v., lib. iii., дает некоторую странную информацию относительно индеек. "Самки иногда откладывают 20 или 30 яиц, egges, так что это растущая компания. Самцы всегда голодны, и поэтому говорят, что у них очень легкое пищеварение". Некий священник сообщает, что "самца беспокоят определенные препятствия в ногах, что он едва ли может соблазнить курицу наступить на нее, если какой-нибудь знакомый человек возьмет ее на руки и будет держать.... Как только он замечает, что женщина, которую он любит, находится в руках, он немедленно подходит к ней и выполняет свои

обязанности в руках владельца", см. *Клавиджеро, История античности*, том ii., стр. 158-9, том iv., стр. 228; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 624-6; *Овьедо, История. Бытие.*, том iii., стр. 291-2.

[357] *Петр Мученик*, v дек., lib. iii.; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 450; *Эррера, История генералитета*, дек. ii., библиотека vii., глава v.; *Овьедо, История генералитета*, том iii., стр. 284; *Кортес, Картас*, стр. 66; *Саагун, История генералитета*, том i., библиотека ii., стр. 124-8, том iii., lib. x., стр. 130; *Альборноз*, в *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i., стр. 507; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 180; *Гомара, Конк. Мекс.*, т. 100; *Солис, История. Конк. Мексикан.*, том i., стр. 390-1.

[358] О приготовлении пищи и о более или менее обширных упоминаниях различных пищевых продуктов см. *Саагун, История. Быт.*, том i, часть ii, стр. 129-30, 184-6, том ii, часть vii, стр. 258, том III. viii., стр. 297, 302-5, том. iii, lib. x., стр. 118-19, 130, 132; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 237-38, 250-1, 254, 257-8; *Берналь Диас, История. Conq.*, fol. 68-9; *Cortés, Cartas*, pp. 23, 68, 103-5; *Relacion de Algunas Cosas*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i, стр. 378-9; *Петр Мученик*, дек. v, lib. ii., iii.; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава 43, 175; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. i., стр. 93, 353, 373, том. ii., стр. 297; *Гомара, Конклав. Мексика.*, fol. 39, 318-19; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том. ii., стр. 158, 217 и др., том. iv., стр. 228; *Солис, История. Conq. Мех.*, том i., стр. 394; *Тезозомокъ, История. Мех.*, том i., стр. 44, 48-9, 60, 88, 133, 141-3; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Ватикан), в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, vol. v., стр. 191; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 624, 628-30, 674-9; *Диас, Итинерарио*, в *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i., стр. 298-9; *Зуазо, Carta*, в документе, стр. 359-61; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том. i., стр. 234, том. iii., стр. 631, 641-4; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 142, 151-2.

[359] 'Oi dezir, que le (for Montezuma) solian guisar carnes de muchachos de poca edad.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, фол. 68, 35, 37. "Изысканно одетый" раб был характерной чертой банкета. *Мексиканский журнал Прескотта.*, том i., стр. 155. Они ели руки и ноги захваченных испанцев. *Джемелли Карери, полковник Черчилля. Путешествия*, том iv, стр. 527. "Они пускают столько крови, что вместо воды Люка Уорма может хватить для размягчения комка, который адскими мясниками этого искусства, без какого-либо нарушения того, что желудок достаточно размят, пока он влажный и мягкий, как гончар из глины или восковник из воска, так делает этот имиджмейкер, допущен и избран мастером этой проклятой работы". *Питер Мученик*, декабрь v., lib. iv., i. Кокиан акуэлла карне кон маис, и дабан, када ун педазо де элла и уна эскудилья, кахете кон су кальдо, и су маис кокида, и ламабан акуэлла комида *тлакатлаолли*". *Саагун, История. Генерал.*, том i, библиотека ii., стр. 89, 14, 84, 93, 97. "Тениан за козу", "Собор Святого Марка", и "главное - это фильм о религии", "Вопрос судьбы". *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii, стр. 584-5. См. также *Albornoz*, в *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i., стр. 488; *Zuazo, Carta*, в документе, стр. 363, 365; *Мотолиния, История. Indios*, в *Тов.*, стр. 40-1, 59; *Relacion de Algunas Cosas*, в *Тов.*, стр. 398; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том iii, стр. 282-3; *Ганд*, в *Терно-Компанах, Вой.*, сери i., том x., стр. 197; *Болонье*, в *Id.*, стр. 215; *Дюран, История. Индия*, ср., том iii., приложение, глава iii.; *Карбахаль, Дискурс*, стр. 60; *Клавиджеро, История античного Месси*, том ii., стр. 47; *Брассер де Бурбург, История нац. Civ.*, том. iii., стр. 502-3, том. iv., стр. 90; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава 175-6.

[360] *Тескальцевия, тескальцевило и маталухтли* - вот некоторые из названий, данных пульке в зависимости от ее оттенка и состояния. *Саагун, История. Генерал.*, том i., библиотека ii., стр. 175, 179, 186. Пульке с чилийского языка. *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., pp. 221-2. См. *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 679-80; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том. iii., стр. 643-4, том. i., стр. 340-5; *Дюран, История. Индия*, ср., том. iii., глава xxii.; *Вейтия, История. И. Медж.*, том. i., стр. 151. 'Antes que á su vino lo cuezan con unas raíces que le echan, es claro y dulce como aguamiel. Despues de cocido, hácese algo espeso y tiene mal olor, y los que con él se embeodan, mucho peor.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 22-3; и *Ritos Antiguos*, стр. 16-17, в *журнале Кингсборо Мех. Антик.*, том ix. 'No hay perros muertos, ni bomba, que assi hiedan como el haliento del borracho deste vino.' *Gomara, Conq. Мех.*, fol. 319.

[361] 'Esta bebida es el mas sano y mas sustancioso alimento de cuantos se conocen en el mundo, pues el que bebe una taza de ella, aunque haga una jornada, puede pasarse todo el dia sin tomar otra cosa; y siendo frio por su naturaleza, es mejor en tiempo caliente que frio.' *Relacion de Algunas Cosas*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., p. 381. 'La mejor, mas delicada y cara bevuda que tienen es de harina de cacao y agua. Algunas vezes le mezclan miel, y harina de otras legumbres. Нет ничего вкуснее, чем освежающее мучо." *Гомара, мексиканский конк.*, fol. 319. "Из настоящего миндаля ... из них готовят чудесный напиток". *Путер Мартур*, декабрь v, библиотека ii, iv. "Сьерта бебида, хечадель-мисмо-какао, в эпоху дециана, для всех желающих". *Берналь Диас, гистолог. Конк.*, фол. 68. Красный, киноварный, оранжевый, черный и белый. *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 301-2. См. *Акоста, История де лас Инд.*, стр. 251; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 219-20; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 642-3.

[362] *Чича и сендечо*, ферментированные напитки. *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 221. Сендечо, напиток Отоми, полное описание см. в *Mendoza*, в *Soc. Mex. Geog., Болетин*, 2-я эпоха, том ii., стр. 25-8. "Эль и сидр". *Петр Мученик*, дек. v, lib. iv. "Паникадило, почему съер бребaxe спрашивает элос бебен". *Кортес, Кармас*, стр. 76. Смотрите помимо ссылок в примечании 19; *Мотолиния, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i, стр. 23; *Саагун, История. Генерал.*, том iii., lib. x., стр. 118, 130; *Мендиета, История. Ecles.*, стр. 139; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 676, 678-9.

[363] *Мендьета, История. Эклз.*, стр. 138-40. 'Comunmente comenzaban á beber despues de vísperas, y dábanse tanta prisa á beber de diez en diez, ó quinze en quinze, y los escanciadores que no cesaban, y la comida que no era mucha, á prima noche ya van perdiendo el sentido, ya cayendo ya asentado, cantando y dando voces llamando al demonio.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., pp. 23, 32. 'Beben con tanto exceso, que no paran hasta caer como muertos de puro ebrios, y tienen á grande honra beber mucho y embriagarse.' *Relacion de Algunas Cosas*, in *Id.*, pp. 582, 587. У пьяниц было несколько особых божеств. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 493. До завоевания пили меньше. *Дюран, Привет. Индия*, ср., том iii., глава xxii.; *Клавиджеро, История древней Мессии*, том i., стр. 119.

[364] 'Comen en el suelo, y suziamente ... примите участие в этой операции против кабелью, в чем бы она ни заключалась. *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 319. 'Es gente que con muy poco mantenimiento vive, y la que menos come de cuantas hay en el mundo.' *Relacion de Algunas Cosas*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 379-80. 'Molto sobrij nel mangiare.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том i., p. 119. "Не законно для тех, кто женат, сидеть за столом с теми, кто женат, или есть из одного блюда, или пить из одной чаши, и приравнивать себя к тем, кто женат". *Петр Мученик*, iv дек., lib. iv. Знать устраивала пиры в определенные периоды года для оказания помощи бедным. *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii, стр. 270. См. также *Саагун, История человечества*, том iii., lib. x., стр. 138; *Овьедо, История человечества*, том iii., стр. 535; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 644-5. Дополнительными ссылками на всю тему питания науа являются:—*Монтанус, Новый Верельд*, стр. 74, 80, 247, 251; *Данпер, Новый мир*, стр. 83, 91, 278-9, 283; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 10-13, 20-6, 102, 104, 180-3, 189, 196; *Ванпоус, Геогр. статистика*, стр. 44-9; "Анауак" *Тайлора*, стр. 62, 103, 145-6, 173-4; *Фосси, Мексика*, стр. 44, 215, 485-6; *Мальтебран, Краткое изложение Геогр.*, том vi, стр. 456; *Монглав, Резюме*, стр. 37-8, 261; *Делапорте Райзен*, том x., стр. 257, 268-9; *Диллон, История Мексики*, стр. 45; *Шевалье, Мексика, Древний и современный*, стр. 15-27; *Мюллер, Американская религиозность*, стр. 538; *Поездка Бойла*, том i, стр. 278-9; "Прогресс Макгрегора в Америке", том i, стр. 22; *Гиббс, в истории. Журнал.*, том vii, стр. 99; *Хазарт, Кирхен-Гешихте*, том ii, стр. 502; *Helps' Span. Conq.*, том ii., стр. 455; *Лафон, Путешествия*, том i., стр. 107; *Бариль, Мексика*, стр. 208-9; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 164-6, 178, 230; *Ленуар, Параллель*, стр. 39; *Америка Лонга, Портера и Такера*, стр. 162; *Соден, Испанец в Перу*, том ii., стр. 16-17.

[365] 'La gente pobre vestia de nequen, que es la tela que se haze del maguey, y los ricos vestian de algodón, con orlas labradas de pluma, y pelo de conejos.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., cap. ii.

[366] Саагун, *История. Генерал.*, том iii., lib. x., стр. 112; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том i, стр. 283. 'Maxtli enrichti de broderies, et ... tunique d'une grande finesse.' *Id.*, p. 350. 'En tiempo de calor con sus mantas y pañetes de algodón, y en tiempo de frio se ponian unos jaquetones sin mangas que los llevaban hasta las rodillas con sus mantas y pañetes.' *Ixtlilxochitl, Relaciones*, in *Kingsborough's Mex. Антик.*, том ix., стр. 327.

[367] 'Nu suivant la coutume des indigènes qui travaillaient aux champs.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 348.

[368] 'Algodon, que sabian beneficiar y fabricar de él las ropas de que se vestian.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том ii., p. 43; *Id.*, том i., p. 253.

[369] 'Su vestuario eran las pieles ... que las ablandaban y curaban para el efecto, trayendo en tiempo de frios el pelo adentro, y en tiempo de calores ... el pelo por la parte afuera.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 214; *Мотилиния, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 4; *Гомара, Конклав. Мексика*, fol. 298; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i., стр. 133; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., p. 38. 'Por lo frio de su clima vestian todos pieles de animales adobadas y curtidas, sin que perdiesen el pelo, las que acomodaban á manera de un sayo, que por detras les llegaba hasta las corvas, y por delante á medio muslo.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том ii., p. 5, том i., p. 25. 'S'habillaient ... de peaux de bêtes fauves, le poil en dehors durant l'été, et en dedans en hiver.... Chez les classes aisées ... ces peaux étaient tannées ou maroquinées avec art; on y usait aussi des toiles de nequen, et quelquefois des cotonnades d'une grande finesse.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 186.

[370] 'Maxtlatl, bragas, o cosa semejante.' *Molina, Vocabulario. The Tarascos* n'adoptèrent jamais l'usage des caleçons.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том xcvi., стр. 132. О мактли часто говорят как о панталонах. У уастеков "нет предрассудков в отношении кубриков сус вергуэн". *Саагун, История. Быт.*, том iii., lib. x., стр. 134.

[371] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 84.

[372] 'Cominciarono in questo tempo a vestirsi di cotone, del quale erano innanzi affatto privi per la loro miseria, nè d'altro vestivansi, se non delle tele grosse di filo di maguei, o di palma salvatica.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. i., p. 181. 'Les Mexicains, les Tecpanèques et les autres tribus qui restèrent en arrière, conservèrent l'usage des étoffes de coton, de fil de palmier, de maguey ixchele, de poil de lapin et de lièvre, ainsi que des peaux d'animaux.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcviij., стр. 132. 'Non aveano lana, nè seta comune, nè lino, nè canapa; ma supplivano alla lana col cotone, alla seta colla piuma, e col pelo del coniglio, e della lepre, ed al lino, ed alla canapa coll' *Ichxotl*, o palma montana, col *Quetzalichtli*, col *Pati*, e con altre spezie di Maguei.... Il modo, che avevano di preparar questi materiali, era quello stesso, che hanno gli Europei nel lino, e nella canapa. Maceravano in acqua le foglie, e poi le nettavano, le mettevano al Sole, e le ammaccavano, finattantochè le mettevano in istato di poterle filare.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., pp. 207-8. Исотль, Пальма-де-Монтана. 'Non videtur filendum, è folijs huius arboris fila parari, linteis, storisq. важно учитывать особенности размещения, политики, фирмы. eis quæ ex Metl passim fieri consuevere, madentibus in primis aqua, mox protritis, ac lotis, iterumq. et iterum maceratis, et insolatis, donec apta reddantur, vt neri possint, et in usus accommodari materies est leuis, ac lenta.' *Hernandez, Nova Plant.*, p. 76.

[373] 'Maxtles, c'est ainsi qu'on nomme en langue mexicaine des espèces d'almaysales qui sont longues de quatre brasses, larges d'une palme et demie et terminées par des broderies de diverses couleurs, qui ont plus d'une palme et demie de haut.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcviij., c. 132. 'Cuoprano le loro parti vergogno se così di dietro come dinanzi, con certi sciugatoi molto galanti, che sono come gran fazzoletti che si legano il capo per viaggio, di diuersi colori, e orlati di varie foggie, e di colori similmente diuersi, con i suoi fiocchi, che nel cingersegli, viene l'un capo dauanti e l'altro di dietro.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, tom. iii., fol. 305. In Meztitlan, 'les uns et les autres couvraient leur nudités d'une longue bande d'étoffe, semblable à un almaizar, qui leur faisait plusieurs fois le tour du corps et passait ensuite entre les jambes, les extrémités retombant par-devant jusqu'aux genoux.' *Chaves, Rapport*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., tom. v., p. 316. 'Los vestidos que traen (Totonacs) es como de almaizales muy pintados, y los hombres traen tapadas sus vergüenzas.' *Cortés, Cartas*, p. 23. In Oajaca, 'Maxtles conque se cubrian sus vergüenzas.' *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. iii., lib. x., pp. 136, 123, 131. Мизтеки "за чарагуэльес трахианскую мацу; за лос Кастельянос дизен мастилес". *Эррера, История Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава xii.; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 223.

[374] 'Il Tilmatl era un mantello quadro, lungo quattro piedi in circa; due estremità d'esso annodavano sul petto, o sopra una spalla.... Gli Uomini sollevano portar due, o tre mantelli.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., p. 223, and plate, p. 224. 'I vestimenti loro son certi manti di bambagia come lenzuola, ma non così grande, lauoratori di gentili lauori di diuerse maniere, e con le lor franze e orletti, e di questi ciascun n 'ha duoi ò tre e se gli liga per dauanti al petto.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, tom. iii., fol. 305; *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcviij., стр. 131. 'Todos traen albornoces encima de la otra ropa, aunque son diferenciados de los de Africa, porque tienen maneras; pero en la hechura y tela y los rapacejos son muy semejables.' *Cortés, Cartas*, pp. 75, 23. 'Leur vêtement consistait anciennement dans deux ou trois manteaux d'une vare et demi en carré, noués, par en haut, le nœud se mettant pour les uns sur la poitrine, pour les autres à l'épaule gauche, et souvent par derrière.' *Chaves, Rapport*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., tom. v., pp. 315-16. 'Ningun plebeyo vestia de algodón, con franja, ni guarnicion, ni ropa rozagante, sino senzilla, llana, corta, y sin ribete, y assi era conocido cada vno en el traje.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vi., cap. xvii.; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iv., стр. 174. 'Otras hacian de pelo de Conejo, entretecido de hilo de Algodon ... con que se defendian del frio.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 488; *Диас, Итепинарио*, в *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i, стр. 298. The Totonacs; 'algunos con ropas de algodón, ricas a su costumbre. Los otros casi desnudos.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 39, 95; *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. iii., lib. x., p. 131. Huastecs 'andan bien vestidos: y sus ropas y mantas son muy pulidas y curiosas con lindas labores, porque en su tierra hacen las mantas que llaman *centzontilmatl*, *cenzonquaehltli*, que quiere dezir, mantas de mil colores: de allá se traen las mantas que tienen unas cabezas de monstruos pintadas, y las de remolinos de agua engeridas unas con otras, en las cuales y en otras muchas, se esmeraban las tejedoras.' *Id.*, p. 134. 'Una manta cuadrada anudada sobre el pecho, hácia el hombro siniestro, que descendia hasta los tobillos; pero en tiempo de invierno cubrian mas el cuerpo con un sayo

cerrado sin mangas, y con una sola abertura en la sumida para entrar la cabeza, y dos á los lados para los brazos, y con él se cubrian hasta los muslos.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, tom. i., p. 253; *Zuazo, Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 360.

[375] 'Vestíanse, unas túnicas largas de pellejos curtidos hasta los carcañales, abiertas por delante y atadas con unas á manera de agugetas, y sus manos que llegaban hasta las muñecas, y las manos.' *Ixtlilxochitl, Relaciones*, in *Kingsborough's Mex. Antik*, том ix., стр. 341.

[376] *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcviij., стр. 132; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 57.

[377] *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcviij., стр. 130-1; *Бомон, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 49-50; *Эррера, История человечества*, дек. iii., lib. iii., глава ix.

[378] 'El traje de ellos era de diversas maneras, unos traían mantas, otros como unas xaquetillas.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том. iii., lib. x., p. 136. 'Era mas vestida que estotra que habemos visto.' *Cortés, Cartas*, p. 93. 'La mayor parte andauan en cueros.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. iii., cap. xiv. The Miztecs 'vestian mantas blancas de algodon, texidas, pintadas, y matizadas con flores, rosas, y aves de diferentes colores: no trahian camisas.' *Id.*, cap. xii.

[379] 'Andan casi desnudos.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 36.

[380] "Обучение камизасу медиас манга". *Гомара, Конк. Мексика*, т. 317; *Фатальное отношение к Джентильуомо дель синьора Фернандо Кортесе*, в *Рамузио, Навигация*, том iii., т. 305; *Икстлильшочитль, Отношения*, в *Кингсборо Мексика. Antiq.*, vol. ix., стр. 327; *Кортес, Кармас*, стр. 23. В Халиско у них был "В.Н. Уипилильо корто, ке ламан Иксквемитль, "чапксолотон". *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 339. 'Una sopravvesta ... con maniche più lunghe.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 223; *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том. ii., p. 6, том. i., pp. 253-4; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том I. i., стр. 283. В Мичоакане "нет траянских випилей". *Саагун, История. Генерал*, том iii., lib. x., стр. 138, 123; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Ватикан), в *мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, том v., стр. 203-4; *Эррера, История. Генерал*, дек. iii., lib. iii., глава xii.

[381] *Саагун, История. Быт.*, том iii., lib. x., стр. 112, 123; *Икстлильшочитль, Relaciones*, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 336, 341; *Эррера, История. Генерал*, дек. ii., либ. vi., глава xvii.; *Id.*, дек. iii., либ. iii., глава ix., xii.; *Бомон, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 50; *Вейтия, История и религия*, том i, стр. 259; *Гомара, Конк. Мекс.*, т. 317; *Чавес, Взаимопонимание*, в *Терно-Компанах, Вой.*, сери ii., том v., стр. 316; *Клавиджеро, История и религия Мессии*, том ii., стр. 223.

[382] 'Aveano a disonore l'esser tosati.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 224.

[383] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 350. 'Ni bien baruados, porque se arrancan y vntan los pelos para que no nazcan.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 317. Мистеки "las barbas se arrancauan con tenazillas de oro". *Эррера, История. Генерал*, декабрь iii., библиотека iii., глава xii.

[384] *Кортес, Кармас*, стр. 68, 104; *Овьедо, История. Генерал*, том iii., стр. 300.

[385] 'Hazen lo negro con tierra por gentileza y porque les mate los piojos. Las casadas se lo rodean a la cabeça con vn ñudo a la frente. Las virgines y por casar, lo traen suelto, y echado atras y adelante. Pelan se y vntan se todas para no tener pelo sino en la cabeça y cejas, y assi tienen por hermosura tener chica frente, y llena de cabello, y no tener colodrillo.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 317; *Sahagun, Hist. Gen.*, том. ii., lib. viii., стр. 309-10, том. iii., lib. x., стр. 113, 120, том. xi., стр. 309; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том. ii., стр. 224; *Чавес, Репорт*, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, сери ii., том. v., стр. 316. Чичимеки носили его, "largo hasta las espaldas, y por delante se lo cortan". *Икстлильшочитль, родственники*, в *мексиканском Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 335.

[386] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 224.

[387] Саагун, *История. Быт.*, том iii., lib. x., стр. 124.

[388] 'Llámasе tambien Quaochpanme, que quiere decir hombres de cabeza rapada ó raida, porque antiguamente estos tales no traían cabellos largos, antes se rapaban la cabeza así los hombres, como las mugeres.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том iii., lib. x., p. 137; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 57.

[389] Бомон, *Крона. Мехоакан*, ср., стр. 50.

[390] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава xiv.

[391] 'Se raíaban las Caras.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том i., стр. 255; *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., с. 310.

[392] Гомара, *Конв. Мексика*, fol. 75.

[393] Саагун, *История. Бытие.*, том iii., lib. x., стр. 124-6.

[394] Дюран, *История. Индия*, СР., том первый, глава xxvi.

[395] Гомара, *Conq. Mex.*, fol. 317; Эррера, *Hist. Gen.*, дек. iii., lib. iii., глава xii.; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 224, описывает орнаменты, но на прилагаемой табличке не показывает ни одного из них. Тезозомокский, *Мексиканская Крона*, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, том ix. стр. 79-80; *Покупает свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1119.

[396] 'De barro cocido bien bruñidas, ó de caña.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том iii., lib. x., p. 124.

[397] *Ид.*, стр. 137. The Totonacs 'traían vnos grandes agujeros en los beços de abaxo, y en ellos vnas rodajas de piedras pintadillas de azul, y otros con vnas hojas de oro delgadas, y en las orejas muy grandes agujeros, y en ellos puestas otras rodajas de oro, y piedras.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, т. 28; *Кортес, Капмас*, стр. 23.

[398] Петр Мученик, iv дек., глава vii.

[399] The Miztecs 'traen imán, axorcas muy anchas de oro, y sartales de piedra á las muñecas, y joyeles de éstas y de oro al cuello.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том iii., lib. x., p. 136; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 30.

[400] 'Ninguna Persona (aunque fuesen sus propios Hijos) podia vestirlo, so pena de la vida.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 542; Дюран, *История. Индия*, СР., том первый, глава xxvi.

[401] Камарго, *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 198.

[402] 'Tan delgadas y bien texidas que necesitaban del tacto para diferenciarse de la seda.' *Solis, Hist. Conq. Mex.*, том i., стр. 132; Акоста, *История. de las Ynd.*, p. 507.

[403] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., pp. 115-16; *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 542.

[404] Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 286-8.

[405] Тезозомокский, *мексиканская корона*, в *мексиканском Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 57.

[406] 'Para salir de Palacio los Reies à visitar los Templos, se vestian de blanco; pero para entrar en los Consejos, y asistir en otros Actos publicos, se vestian de diferentes colores, conforme la ocasion.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 543. 'Les rois s'habillaient tantôt de blanc, tantôt d'étoffes d'un jaune obscur ornées de franges de mille couleurs.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. i., стр. 284, том. iv., стр. 210-11. 'Mantas de á dos haces, labradas de plumas de papos de aves, tan suaves, que trayendo la mano por encima á pelo y á pospelo, no era mas que una marta cebellina muy bien adobada: hice pesar una dellas, no pesó mas de seis onzas.' *Zuazo, Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 360. 'Vestidos de pelo de conejo y de algodón de mucha curiosidad, y estas eran vestiduras de Caciques y de gente muy principal' in *Michoacan. Бомонт, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 49-50; *Икстильшочитль, История. Чич.*, в

мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 336, 240, 265; *Id., Relaciones*, в *Id.*, стр. 336; *Овьедо, История. Быт.*, том iii., стр. 298. Описание одежды Монтесумы при встрече с Кортесом в *Солисе, История. Conq. Mex.*, том i., стр. 369; *Клавиджеро, История антологии Месси*, том iii., стр. 77; *Вейтия, История антологии Медж.*, том iii., стр. 386; *Прескотт Мекс.*, том ii., стр. 317. Изображения нарядов мексиканских королей и знати также есть в *Кодексе Мендоса, в мексиканском музее Кингсборо. Антик.*, том первый.

[407] 'Traia calçados vnos como cotaras, que assi se dize lo que se calçan, las suelas de oro, y muy preciada pedreria encima en ellas.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, фол. 65. 'Portoit une chaussure de peau de chevreuil.' *Nouvelles Annales des Voy.*, 1824, том. xxiv., p. 137. 'Çapatos de oro, que ellos llaman zagles, y son a la manera antigua de los Romanos, tenian gran pedreria de mucho valor, las suelas estauan prendidas con correas.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., cap. v. 'Cotaras de cuero de tigres.' *Тезозомок', мексиканская Крона.*, в мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 79; *Солис, История. Conq. Mex.*, том i., стр. 369; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 525; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iv., стр. 210-11; *Кортес, Кармас*, стр. 85; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 386; *Икстлильшочитль, Отношения, в Мексике Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 327; *Мексика Прескотта.*, том ii., стр. 73-4, 317.

[408] 'La corona de Rey, que tiene semejança a la corona de la Señoria de Venecia.' *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 471. 'Unas tiaras de oro y pedrería.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Антик.*, том ix., стр. 295. 'En la Cabeça vnos Plumajes ricos, que ataban tantos cabellos de la Corona, quanto toma el espacio de la Corona Clerical: estos Plumajes prendian y ataban con vna correa colorada, y de ella colgaban con sus pinjantes de Oro, que pendian à manera de chias de Mitra de Obispo.' *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii., стр. 542-3. 'Era di varie materie giusta il piacere dei Re, or di lame sottili d'oro or tessuta di filo d'oro, e figurata con vaghe penne.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 115, том. iii., p. 77. "Спереди она была похожа на Майтер, а сзади была обрезана, так как не была круглой, потому что передняя часть была выше и действительно поднималась как острие". *Покупает свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1062; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 386; *Прескотт Мекс.*, том ii., стр. 317; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iv., стр. 210.

[409] *Саагун, История. Генерал.*, том vii., lib. ii., стр. 288-90; *Тезозомокъ, Crónica Mex.*, в книге Кингсборо Мех. *Антик.*, том ix., стр. 57, 79; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в издании, стр. 327; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 525; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. 259, том iii., стр. 392; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcix., p. 178. Дальнейшее упоминание украшений в перечислении подарков, преподнесенных Монтесумой Кортесу в *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том iii., стр. 65, 80; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. v., cap. v.; *Овьедо, История. генерал.*, том iii., стр. 279, 283, 285, 292, 298; *Солис, Ист. Conq. Mex.*, том i., стр. 125, 132-3; *"Пилигримы"Перчаса*, том iv., стр. 1118-9, 1124; *Кортес, Кармас*, стр. 69, 85; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том. iv., стр. 76, 84, 214, 263-4; *Мексиканский язык Прескотта.*, том ii., стр. 83. Среди современных авторов, писавших на тему одежды, можно упомянуть: *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 326, 680-2, том ii., стр. 91, 224-5, с многочисленными разрезами; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 145; *Шевалье, Мексика, Древний и современный*, стр. 57-8; *Диллон, История Мексики*, стр. 47; *Клемм, Культурно-исторический журнал*, том v., стр. 13-14, 22, 28, 189; *Монглав, Резюме*, стр. 36; *Инд. Браунелла. Расы*, стр. 65, 79; *Бариль, Мексика*, стр. 209; *Пиментель, Воспоминания о Раде индейцев*, стр. 61.

[410] *Бургоа, Геог. Описание.*, том i., часть ii., fol. 181; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 42-3.

[411] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 271-3; *Икстлильшочитль, Relaciones*, в журнале Кингсборо Мех. *Антик.*, том ix., стр. 332.

[412] 'Teyaoyualoani, el que cerca a los enemigos.' *Molina, Vocabulario.*

[413] The Toltecs 'usaban de una cierta moneda de cobre de largo de dos dedos y de ancho uno á manera de achitas pequeñas, y de grueso, como un real de á ocho. Esta moneda no ha mucho tiempo que la han dejado los de Tutupec del mar del sur.' *Ixtlilxochitl, Relaciones*, in *Kingsborough's Mex. Антик.*, том ix., стр. 332. 'No saben que cosas es moneda

batida de metal ninguno.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 87, 342. Кусочки какао "валь часкуно" входят в состав mezzo marchetto (около трех центов) fra poi. *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе*, в *Ramusio, Navigationi*, том iii., fol. 306. См. *Cortés, Cartas*, стр. 311; *Sahagun, Hist. Gen.*, том ii., lib. ix., стр. 342; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 627-9; *Id.*, *Четверостишие*, стр. 276; *Клавиджеро, История античного Мессуанства*, том ii., стр. 666. Соль использовалась как деньги. *Шавес*, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, серия ii., том v., стр. 328. Я опускаю длинный список ссылок на авторов, которые просто упоминают какао и другие статьи как используемые ради денег.

[414] 'No tenían peso (que yo sepa) los Mexicanos, falta grandissima para la contratacion. Quien dize que no lo vsauan por escusar los engaños, quien por que no lo auian menester, quien por ignorancia, que es lo cierto. Por donde parece que no auian oido como hizo Dios todas las cosas en cuento, peso, y medida.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 342; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 166; *Sahagun, Hist. Gen.*, том. iii., lib. x., pp. 42, 40; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 629-30.

[415] О рынках науа и товарах, предлагаемых к продаже, см.: *Cortés, Cartas*, стр. 68, 103-5; *Bernal Diaz, Hist. Conq.*, fol. 70; *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе*, в *Рамузио, Навигация*, том iii., fol. 309; *Саагун, История. Генерал.*, том ii., lib. viii., стр. 323-5, том. ix., стр. 357; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава lxx.; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 554-60; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 272, 299-301; *Гомара, Конк. Мексика.*, fol. 87-8, 116-18; *Эррера, История. генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава xv., xvi.; *Петр Мученик*, дек. v., lib. iii., iv.; *Zuazo, Carta*, в *Иказбалсете, кол. de Doc.*, том i., стр. 359-61.

[416] *Cortés, Cartas*, pp. 103, 68; *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 309. 'Es tanta la gente que concurre á vender y comprar, que no puede facilmente declararse.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава lxx.

[417] *Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том. i., p. 359. 'Sobre cincuenta mill canoas y cient mill segun se cree.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава lxx. "По озеру день и ночь ходят и возвращаются лодки". *Петр Мученик*, v дек., lib. iii.

[418] Примеры увещеваний старых торговцев молодым людям см. *Саагун, История. Генерал.*, том i., lib. iv., стр. 310-314; *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 585-6.

[419] *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. vi., глава xii.; *Берналь Диас, История. Конк.*, фол. 197.

[420] Очень полный отчет о торговле науа дан в *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., стр. 163-70, и то же самое переведено с небольшими изменениями в *Carbajal Espinosa, Hist. Mex.*, том i., стр. 628-35, в *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 612-32, и в *Id.*, в *Новых анналах Войны*, 1858, том. clix., стр. 45-58. См. также объем *справок. Conq.*, vol. ii., pp. 329-31; *Gage's New Survey*, pp. 109-12; *Müller, Amerikanische Urreligionen*, p. 541; *Klemm, Cultur-Geschichte*, том. v., pp. 25-8; *West-Indische Spiegel*, pp. 247-8; *Bussierre, L'Empire Mex.*, pp. 166-71; *Touron, Hist. Gén.*, том. iii., pp. 43-6. См. также [Примечание 12](#).

[421] О пирах, церемониях и суевериях торговцев см. *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. ix., стр. 335-86, том i., lib. iv., стр. 310-15; *Акоста, Hist. de las Ind.*, стр. 388-92; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 585-7. Смотрите также отчет о празднике торговцев цветами в этом томе, [стр. 315](#), и отчет о празднике чолультеков в честь Кецалькоатля в т. iii., стр. 286-7 этой работы.

[422] Описание Клавиджеро лодок науа и навигации содержится в его *Истории античного Мессико*, том ii., стр. 168-9. 'Leurs barques, dont les plus grandes mesuraient jusqu'à soixante pieds de longueur, couvertes et abritées contre le mauvais temps, marchaient à la voile et à la rame,' probably referring to a boat met by Columbus some distance out at sea. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 632.

[423] Изобретен, согласно традиции, тараско из Мичоакана во время их ранних миграций. *Камарго, Ист. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 131-2.

[424] 'Mettevansi a sedere in questa macchina quattro, o sei passeggeri alla volta.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii, p. 168. 'Ces radeaux sont fort légers et très-solides; ils sont encore en usage dans l'Amérique, et nous avons passé ainsi plus d'une rivière.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 295.

[425] *Las Casas, Hist. Analogetика*, ср., загл. lxx: 'En cada vna cabian sesenta Hombres.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том i, стр. 460, и *Эррера, История. Генерал.*, декабрь ii., lib. viii., глава iv. "Каноз - это маленькие лодки, сделанные из одного дерева". *Путер Мученик*, декабрь iv., lib. iii. Называется *Акатес*. *Id.*, dec. v., lib. ii. 'Estas acallis ó barcas cada una es de una sola pieza, de un arbol tan grande y tan grueso como lo demanda la longitud, y conforme al ancho que le pueden dar, que es de lo grueso del árbol de que se hacen, y para esto hay sus maestros como en Vizcaya los hay de navíos.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник . de Doc.*, том i., стр. 200.

[426] "Борта индийских лодок были укреплены фальшбортами". *Прескотт, Мексика.*, том iii., стр. 100; *Берналь Диас, История. Конк.*, fol. 140; *Кортес, Кармас*, стр. 211.

[427] 'не c'esercitavano в этот жанр Ди combattimenti.' *Clavigero, Истории АНТ. дель семейный отель messico*, том II в., стр. 151; *Запад-индийская Spieghel*, стр. 251. 200,000 каноз на озеро в Мексике. *Гомара, Конв. Мексика*, стр. 115. См. также примечание 8 к этой главе. Дополнительные указания по лодкам народа науа. 'Habia en México muchas acallis ó barcas para servicio de las casas, y otras muchas de tratantes que venian con bastimentos á la ciudad, y todos los pueblos de la redonda, que están llenos de barcas que nunca cesan de entrar y salir á la ciudad, las cuales eran innumerables.' 'Con estas salen á la mar, y con las grandes de estas acallis navegan de una isla á otra, y se atreven á atravesar algun golfo pequeño.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник . de Doc.*, том i., стр. 187, 200. 'Lo mas del trato, y camino de los Indios, en aquella Tierra, es por Agua, en Acales, ó Canoas.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 613; *Herrera, Hist. Gen.*, декабрь ii., lib. viii., глава iv.; *Монтанус, Новый Верельд*, стр. 247; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 633, том ii., стр. 591; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 75-6.

[428] *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 329-32.

[429] *Кодекс Мендосы*, в *Мексике Кингсборо. Антик.*, том i, стр. lxiv-lxvi. В пояснении к табличке lxv., № 19, указано, что воина звали Квачик за то, что он взял пятерых пленных на войне. "Предостережение в отношении синко-герры, объяснение того, что происходит с врагами". Объяснение *Id.*, т. v., стр. 104; в то время как Пурчасс говорит, что такого человека "звали Квагчил" ... показывая, что хи пал жертвой войны при Гексо, кроме того, в других войнах он убил многих своих врагов.' *Покупает свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1110-11.

[430] Торквемада и Брассер говорят о еще более высоком ранге среди принцев. 'Vna de las maiores grandezas, á que llegaba, era atarse el cabello, que era demonstracion de Gran Capitan, y estos se llamaban Quachictin, que era el mas honroso nombre, que á los Capitanes se los daba, y pocos lo alcançaban.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 543. 'Dont les membres se nommaient "Quachictin," c'est-à-dire, Couronnés. Leurs insignes consistaient dans la courroie écarlate dont nous avons parlé plus haut, mais dont le bout, avec sa houppe de plumes, pendait alors jusqu'à la ceinture.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 590-1. Herrera and Acosta both mention a fourth order: 'Auia otros como caualleros Pardos, que no eran de tanta cuenta, como estos, los quales tenian vnas coletas cortadas por encima de la oreja en redondo.' *Acosta, Hist. de las Ind.*, стр. 443-4; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава xix.; *Запад и Восток от Люстгарта*, часть i., стр. 99; *Монтанус, Новый Вирельд*, стр. 267-8; *Клавиджеро, История муравьев-мессинцев*, том ii., стр. 140.

[431] Поножи назывались *косехуатль*, наплечники *матемекатль*, браслеты *мацопетцтли*, украшение для губ *тентетль*, серьги *накочтли*, ошейник или ожерелье *козкапетлатль*. *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 543; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., p. 595; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 141.

[432] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 295-6.

[433] *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 293-7.

[434] *Las Casas, Hist. Anologетика*, ср., загл. lxvi.; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 593; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii, стр. 143; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 543.

[435] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., pp. 141-3; *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 305.

[436] *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. 289-90.

[437] *Тезозомок, мексиканская Крона*, в *мексиканском Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 83.

[438] *Карли, Кармас*, часть первая, стр. 17-21; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 354; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. iii., глава ii.; *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 37; *Овьедо, История. генерал.*, том i., стр. 519; *Коголудо, История. Юк.*, стр. 14. Для дополнительной ссылки на оборонительное оружие и доспехи см.: *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 608-19; *Вест-Индский шпигель*, стр. 246; *Монтанус, Нью-Верельд*, стр. 267; *Клемм, Культурология*, том v., стр. 81-3; *Мексика, Этюды История.*, стр. 8; *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас*, часть ii., стр. 28; *Бюссьер, Мексиканская империя*, стр. 161; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcviij., p. 133; *Müller, Amerikanische Urreligionen*, p. 542.

[439] *Эррера, История. Генерал.*, декабрь ii., библиотека vii., глава xi.; *Новое исследование Гейджа*, стр. 99-100.

[440] 'I Tehuacanesi erano singolarmente rinomati per la lor destrezza nel tirar tre, o quatro frecce insieme.... La destrezza di quei Popoli nel tirar le frecce non sarebbe credibile, se non fosse accertata per la deposizione di centinaia di testimonj oculati. Radunatisi parecchj frecceatori gettano in sù una pannocchia di frumentone, e si mettono a saettarla con una tal prontezza, e con una tal destertà, che non la lasciano venire a terra, finattantochè non le hanno levati tutti i grani. Gettano similmente una moneta d'argento non più grande d'un giulio, e saettandola la trattengono in aria, quanto vogliani.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 143.

[441] Икстлильшочитль упоминает дубинки, обитые железом, но хорошо известно, что народы ацтеков ничего не знали об этом минерале, хотя говорят, что они владели искусством закалять медь до твердости стали: "поррас клаветеадас де йерро, кобра и оро". *Икстлильшочитль, Relaciones*, в книге *Кингсборо "Мексиканец"*. *Антик*, том ix., стр. 332.

[442] According to Gomara it was made of 'cierta rayz que llaman çacotl, y de teuxalli, que es vna arena rezia, y como de vena de diamantes, que mezclan y amassan con sangre de morcielagos, y no se que otras aues.' *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 110.

[443] В отношении "маканы", которая, как все утверждают, была самым грозным оружием, я процитирую лишь несколько авторитетных источников. 'Sus espadas de palo largas, de un palo muy fuerte, engeridas de pedernales agudísimos, que de una cuchillada cortaban á cercen el pescuezo de un caballo.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Дос.*, том i, стр. 188. Берналь Диас, описывая битву с тлашкальтеками, в которой Педро де Морон был ранен, а его лошадь убита, говорит: "диерон вна кучильяда-а-ла-егуа, кортарон эль-пескуэсо редондо, али кведо муэрта". *Берналь Диас, История. Конк.*, след. 44. 'Taglia come vn rasoio di Tolosa. Io viddi che combattendosi vn di, diede vn Indiano vna cortellata a vn caualllo sopra il qual era vn caualliero con chi combatteua, nel petto, che glielo aperse fin alle interiora, et cadde incontanente morto, & il medesimo giorno viddi che vn'altro cortellata a vn'altro caualllo su il collo che se lo gettò morto a i piedi.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 305. Анонимный Завоеватель не говорит, что голова была отрублена, но что одна лошадь была убита с порезом на груди, открывшим внутренности, а другая с порезом на шее была положена мертвой к его ногам. 'Lo que podrán efectuar con aquella espada en el pescuezo del caballo sera de la herida cuanto entraren los filos en la carne, que no pasarán de un canto de real de plata, porque todo lo otro es grueso, por tener el lomo que arriba referimos las navajas.' *Las Casas, Hist. Anologетика*, ср., загл. lxvi.; *Эрнандес, Нова Плант.*, стр. 340; *Покупают свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1129.

[444] Возможно, что эта баллеста была чем-то похожа на орудие, использовавшееся алеутами и истмийцами. См. том i, стр. 90, 761. 'Dardi che essi tirano con vn manga no fatto di vn'altro bastone.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 305; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 594-5.

[445] *Кортес, Кармас*, стр. 101; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том ii., стр. 5; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 299; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 460.

[446] *Саагун, История. Бытие.*, том iii., lib. x., стр. 128-9.

[447] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 339.

[448] В отношении гербового знака тлашкальтеков авторы расходятся во мнениях. Признано, что главнокомандующий нес знамя республики, и авторитетные источники утверждают, что на знамени, которое нес Ксикотенкатль в битве с Кортесом, была изображена белая птица, напоминающая страуса или цаплю, но Клавиджеро и Прескотт склоняются к мнению, что эмблемой был орел. В связи с этим у нас есть следующие сообщения. Берналь Диас, участник битвы, говорит, что армия тлашкальтеков стояла под знаменем Ксикотенкатля, "как эра на ауэ бланке, стремящаяся к аласу, как вопрос к болару, как путь к ауэструсу". *История. Конк.*, след. 45. 'Lleuaua el estandarte de la ciudad, que es vna grua de oro con las alas tendidas.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 75. 'Esta bandera de Tascaltecle es una grua que trae por divisa, ó armas al natural, de oro, é tendidas las alas.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iii., p. 499. 'Xicotencatl ... llevaba el Estandarte de la Republica, que era vn Aguila de Oro, con las Alas estendidas.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том i., стр. 423; *Клавиджеро, История античности*, том ii., стр. 145; *Мексиканский журнал Прескотта.*, том i., стр. 439; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 234.

[449] 'Ha ogni compagnia il suo Alfieri con la sua insegna inhastata, & in tal modo ligata sopra le spalle, che non gli da alcun disturbo di poter combattere ne far ciò che vuole, & la porta cosi ligata bene al corpo, che se non fanno del suo corpo pezzi, non se gli puo sligare, ne togliela mai.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 305.

[450] 'Respetaban à los Embaxadores de sus mortales enemigos, como à Dioses, teniendo por mejor violar qualquier rito de su Religion, que pecar contra la fee dada à los Embaxadores.' *Torquemada, Monarq. Инд.*, том ii, стр. 535-6. 'Los Correos, ò Mensageros, que se despachaban de las Guerras, tambien pasaban seguros, por todas partes.' *Ib.; Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., pp. 118-20.

[451] 'A cada parte y puerta de las quatro del patio del templo grande ya dicho habia una gran sala con muy buenos aposentos altos y bajos en rededor. En estos tenian muchas armas, porque como los Templos tengan por fortalezas de los pueblos tienen en ellos toda su municion.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, СР., заглавная.

[452] 'Si Dios no les quebrara las alas.' *Cortés, Cartas*, p. 132. См. также *Клавиджеро, История Античности*, том ii., стр. 151-2; *Ортега*, в *Вейтии, История античности*, том iii., стр. 319.

[453] *Cortés, Cartas*, pp. 150, 152.

[454] 'Una gran cerca de piedra seca.' *Cortés, Cartas*, pp. 59-60. 'Una fuerça bien fuerte hecha de cal y canto, y de otro betun tan rezio, que con picos de hierro era forçoso deshazerla.' *Bernal Diaz, Hist. Conq.*, fol. 43; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 418-19; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 229, 232; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iv., стр. 134-5; *Гомара, Конк. Мекс.*, fol. 70; *Петр Мученик*, дек. v., lib. i.; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 150; *Солис, История. Conq. Mex.*, том i., стр. 241.

[455] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 150.

[456] *Бенцони, История. Мондо Нуово*, стр. 107; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 567; *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 133.

[457] Вейтия, *История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 203-4, 422-3; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 384-5, 540; Лас Касас, *История. Apologética*, ср., сар. ссху.; Икстлильшочитль, *Hist. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 243, 246; Мендиета, *История. Эклз.*, стр. 132.

[458] Лас Касас говорит, что на военные советы допускались очень старые женщины. 'Nunca movian guerra sin dar parte al pueblo, y sin mucho consejo de los mas ancianos y caballeros ejercitados en la guerra, al cual consejo se admitian las mujeres muy viejas como personas que habian visto y oido muchas cosas y asi esperimentadas de lo pasado.' *Las Casas, Hist. Apologetica*, ср., глава. lxvi. По словам шеваляе Ботурини, первые послы были аккредитованы при короле или сеньоре провинции, вторые были отправлены к знати с требованием убедить своего сеньора, а третьи созвали народ и сообщили ему о мотивах, которыми руководствовался их монарх для ведения войны против них. *Ботурини, Идея*, стр. 162-3. См. также Вейтию, *Hist. Ant. Mej.*, том iii., стр. 424-7; Икстлильшочитль, *Hist. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 246-7; Тезозомокъ, *Crónica Mex.*, в документе, стр. 40, 73; Торквемада, *Монарк. Изд.*, том ii., стр. 382-3, 534-5.

[459] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 423; Гомара, *Конк. Мексикан.*, fol. 75; Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., глава vi.

[460] 'A estas Espias, que embiaban delante, llamaban Ratones, que andan de noche, ò escondidos, y à hurtadillas.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 538.

[461] Camargo says: 'L'armée était divisée par bataillons de cent hommes.' *Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 134. 'Quando l'esercito era numeroso, si contava per Xiquipilli: ed ogni Xiquipilli si componeva d'otto mila uomini.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 147.

[462] Также пишется *quiahtlale, jaotlalli*, что означает место для войны. *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 147-3; Гомара, *Конклав. Мексика*, fol. 322; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 538.

[463] Тезозомок, *мексиканская корона*, в мексиканском Кингсборо. *Антик.*, том ix., стр. 31, 41, 50, 147.

[464] Для дальнейшего описания их способа ведения войны см.: *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 147-9; *Саагун, История генерала*, том ii., lib. viii., стр. 311-12; *Лас Касас, История. Apologetica*, ср., загл. lxvii.; *Мендиета, История. Eccles.*, стр. 129-31; *Гомара, Конв. Мексика.*, fol. 322-3; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 598-601; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 537-40; *Шавес, Раппорт*, в *Ternaux-Compans, Вой.*, сери ii., том v., стр. 313-14; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 86-8.

[465] *Мотолиния, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i, стр. 11; Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., глава xvii.; *Гомара, Конк. Мексика.*, fol. 87; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 34; *Новое исследование Гейджа*, стр. 77; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 230.

[466] *Бомон, Корона. Мехоакан*, ср., стр. 51, 60-1.

[467] *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., p. 313; *Las Casas, Hist. Apologetica*, ср., загл. lxvii.

[468] *Мендьета, История. Eccles.*, стр. 131-4; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 541-2; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 149.

[469] Камарго говорит, что заключенному предоставили на выбор все виды наступательного и оборонительного оружия. *Ист. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 188-9, но все другие авторы утверждают, что ему были даны только короткий меч и щит. Ботурини говорит, что слуга, находившийся под камнем, натянул веревку и так контролировал пленника, что тот не мог пошевелиться. *Идея*, стр. 164. Duran says: 'El modo que en celebrarlo tenian; que era atar á los Presos con una soga al pie por un ahugero que aquella piedra tenia por medio, y desnudo en cueros le daban una rodela y una espada de solo palo emplumado en las

manos, y unas pelotas de palo con que se defendian de los que salian á combatir con él, que eran cuatro muy bien armados.' *Hist. Индия*, CP., том i., глава 36.

[470] *Relazione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 305; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., pp. 47-8.

[471] *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 536.

[472] *Гомара, Конв. Мексика*, fol. 121-2; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 333-5; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава xviii.; *Монтанус, Ньюве Верфилд*, стр. 242.

[473] *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcix., p. 134.

[474] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 51; *Torquemada, Monarq. Ind.*, том i. i., стр. 423. Дополнительную информацию об обращении с заключенными см. в: *Ixtlilxochitl, Hist. Чич.*, в *мексиканском Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 250-1; *Тезозомокъ, Crónica Mex.*, в издании, стр. 164; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 102-3; *Мюллер, Американская религия*, стр. 634; *Фосси, Мексика*, стр. 215-16; *Путер Мартур*, дек. v., lib. viii.

[475] Примеры того, как мексиканцы встретили свои победоносные армии, приведены в *Тезозомоке, Кроника, Мексика.*, в *мексиканском Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 39, 61, 177-8; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том. iii., стр. 321-2. Смотри далее, *Камарго, История. Тлах.*, в *Новых анналах Войны.*, 1843, том. xcix., стр. 136; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., глава xvii.; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 574; *Акоста, История. de las Ynd.*, pp. 489-90.

[476] 'El gobierno y las leyes quasi no diferian, por manera que por lo que de unas partes dijereamos, y adonde tuvimos mayor noticia, se podra entender, y quiza sera mejor, decirlo en comun y generalmente.' *Las Casas, Hist. Аналогетика*, ср., глава ccxii. Также утверждается, что многие мексиканские дела, представляющие большую, чем обычно, сложность, рассматривались в судах Тецкукана; см. *Зурита, Репорт*, в *Терно-Компансе, Вой.*, сери ii., том i., стр. 95; *Лас Касас, История. Аналогетика*, ср., глава ccxii.; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 354. Speaking of Mexico, Tezcuco, and Tlacopan, Zurita says: 'Les lois et la procédure étaient les mêmes dans ces trois états, de sorte qu'en exposant les usages établis dans l'un d'eux, on fera connaître ce qui se passait dans les autres.' *Rapport*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том. i., pp. 93-4.

[477] Титул чиуакоатль, означающий "женщина-змея", кажется непонятным применительно к судье, но г-н аббат Брассер де Бурбург, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 579-80, видит основания полагать, что мексиканцы, когда они унаследовали права тольтекских королей Кулхуакана, переняли также титулы двора, и что имя чиуакоатль было дано премьер-министру в память о Чиуакоатль, сестре Камаштли, которая заботилась о младенчестве Кецалькоатля. Ученый аббат переводит ciuasoatl, змея женского пола, что буквально означает "змея женского пола". Молина, однако, в своем *Словаре* дает "ciua" как субстантив, означающий "женщины" (mugeres), и "coatl" как другое субстантив, означающее "змея" (culebra), эти два слова как составные он не дает. Я перевожу слово "женщина-змея", потому что сестра Камаштли, скорее всего, была бы таким образом выделена среди женщин, чем среди змей, как "женщина-змея".

[478] Хотя все другие историки согласны с тем, что решение чихуакоатля было окончательным, переводчик сборника Мендосы утверждает, что судьи подали апелляцию (он не уточняет, какую именно) королю. *Объяснение совместной работы Мендосы в мексиканском университете Кингсборо. Антик.*, том v., стр. 109. *Прескотт, Мексика*, том i, стр. 29, объясняет это изменениями, произошедшими во время правления Монтесумы, периодом, который представляют картины Мендосы, а Леон Карбахаль, *Дискурсо*, стр. 98, полностью отрицает истинность этого утверждения.

[479] 'Dalle sentenze da lui pronunziate o nel civile, o nel criminale, non si poteva appellare ad un altro tribunale,' &c. *Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 127.

[480] *Мех.*, том первый, стр. 29.

[481] *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 580.

[482] *Hist. Мех.*, том i., стр. 593.

[483] *Дискурсо*, стр. 97.

[484] 'Oia de causas, que se debolvian, y remitian à èl, por apelacion; y estas eran solas las criminales, porque de las civiles no se apelaba de sus Justicias ordinarias.' *Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 352. Возможно, сеньор Карбахаль читал только следующий отрывок из той же главы, где Торквемада, говоря о трибунале тлакатекатля, говорит: "Что касается апеллабы, пара эль Трибунал, аудиенция Чихуакохуатля, как эра Верховного суда, презирает короля". Из того, что было сказано ранее, однако очевидно, что автор здесь ссылается только на уголовные дела, которые были обжалованы судом тлакатекатля.

[485] *История. Апологетика*, CP., глава ccxii.

[486] *Мех.*, vol. i., стр. 29. *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 127-8, также косвенно подтверждает, что дела иногда передавались в первую инстанцию верховному судье, поскольку сначала он говорит, что чиуакоатль рассматривал как гражданские, так и уголовные дела, а затем, говоря о суде тлакатекатля, он пишет: "Se причина, по которой наступает гражданская эпоха, не зависит от апелляционной инстанции". То же самое относится и к Брассер де Бурбур. *История. Nat. Civ.*, том. iii., стр. 580.

[487] В этом заключается единственное различие между Лас Касасом и Торквемадой по вопросу о Чиуакоатле. The former writes: 'Qualquiera que este oficio para si usurpara, ó lo concediera á otro, avia de morir por ello, y sus padres y deudos eran desnaturados del pueblo donde acaeciese hasta lo quarta generación. Allende que todos los bienes avian de ser confiscados, y aplicados para la republica.' *Hist. Апологетика*, ср., глава ccxii. Torquemada says: 'era tan autorizado este oficio, que el que lo vsurpara para si, ò lo comunicàra à otro en alguna parte del Reino, muriera por ello y sus Hijos, y Muger fueran vendidos, por perpetuos esclavos, y confiscados sus bienes por Lei, que para esto havia.' *Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 352. Несмотря на то, что все другие историки отчетливо утверждают, что чиуакоатль при исполнении своих функций был совершенно независим от короля Брассера де Бурбура, *Hist. Nat. Civ.*, том. iii., p. 580, makes the following extraordinary statement: 'Il jugeait en dernier ressort et donnait des ordres en lieu et place du souverain, chaque fois que celui-ci ne le faisait pas directement et par lui-même.' This must be from one of the original manuscripts in the possession of M. l'Abbé.

[488] Las Casas, *Hist. Апологетика*, ср., глава ccxii., произносит эти имена такатекатль, акаоунотль и тлайлотлат; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 352, тлакатекатль, куаунучтли и тлайлотлак; и Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 127, тлакатекатль, куаунучтли и тланотлак, или тлайотлак, дефект оттиска затрудняет определение, который именно. Едва ли двое из старых авторов следуют одной и той же системе орфографии, и в будущем я буду придерживаться стиля, который кажется мне самым простым, стараясь только соответствовать самому себе.

[489] Клавиджеро, *История античного Мессианства*, том ii., стр. 128, пишет "Эгиорнальменте си портава аль-Чихуакоатль, или аль-Тлакатекатль, повернутое лицо тутто чию, че случилось, и рисевер гли ордини да луи"; но, вероятно, только в случаях большой важности сообщения текухтли доходили до чихуакоатля. .

[490] Las Casas, *Hist. Апологетика*, CP., глава ccxii.; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 355; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 127-8.

[491] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 354, говорится, что королю Тецкоко подчинялось пятнадцать провинций.

[492] В английском издании Clavigero говорится: "судебная власть была разделена между семью главными городами", стр. 354; но оригинал согласуется с другими авторитетными источниками: "nel Regno d'Acolhuacan era la giurisdizione compartita tra sei Città principali". *История Анта Мессико*, том ii., стр. 128.

[493] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава ccxii. Torquemada, however, asserts that there were 'en la Ciudad de Tetzcuco (que era la Corte) dentro de la Casa Real dos Salas de Consejo ... y en cada Sala dos Jueces. Havia diferencia entre los dichos Jueces; porque los de la vna Sala eran de mas autoridad, que los de la otra; estos se llamaban Jueces maiores, y esotros menores; los maiores oían de causas graves, y que pertenecian à la determinacion del Rei; los segundos, de otras, no tan graves, sino mas leves, y livianas.' *Monark. Ind.*, том ii., стр. 354. Нижестоящий из этих двух, вероятно, либо образовывал один из шести вышестоящих судов, упомянутых выше, либо соответствовал им по юрисдикции. According to Zurita, 'chacune des nombreuses provinces soumises à ces souverains entretenait à Mexico, à Tezcucó et à Tlacopan, qui étaient les trois capitales, deux juges, personnes de sens choisies à cet effet, et qui quelquefois étaient parents des souverains,' and adds: 'les appels étaient portés devant douze autres juges supérieurs qui prononçaient d'après l'avis du souverain.' *Rapport*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том i., pp. 95, 100.

[494] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii, стр. 355, пишет: "Tenia cada Sala de estas dichas otro Ministro, que hacia oficio de Alguacil Maior", и с., В то время как другие авторы назначают по одному судье, которых было по двое в каждом суде.

[495] Клавиджеро отличается по этому вопросу от других авторов тем, что эта встреча происходит каждый мексиканский месяц продолжительностью в двадцать дней. Zurita, *Rapport*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., том i., p. 101, writes: 'Tous les douze jours il y avait une assemblée générale des juges présidée par le prince;' to this the editor attaches the following note: 'il est évident, comme on le verra page 106, qu'il y a ici une erreur, et que ces assemblées, dont les sessions duraient douze jours, ne se tenaient que tous les quatre-vingts jours.' Однако ученый редактор ошибается, потому что, как мы видели выше, было два отдельных заседания судей: меньшее каждые десять или двенадцать дней и большее каждые восемьдесят дней, и именно о последнем Зурита говорит на стр. 106.

[496] 'Al que él sentenciava le arrojaba una flecha de aquellas.' *Tezozomoc, Crónica Mex.*, in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, том ix., стр. 57. "Смертный приговор был обозначен линией, проведенной стрелкой поперек портрета обвиняемого". *Мексиканский журнал Прескотта.*, том i., стр. 33.

[497] Вполне вероятно, что, поскольку вопросы управления, а также юридические вопросы обсуждались на их Восьмидесятидневном Совете, в его состав входили не только судьи, но и дворяне и государственные деятели. Torquemada is, however, the only writer who distinctly states this: 'tenian Audiencia General, que la llamaban Napualtlatolli, como decir, Palabra ochentena, que era Dia, en el qual se juntaban todos los de la Ciudad, y los Asistentes de todas las Provincias, con todo el Pueblo, así nobles, como Comunes, y Plebeios,' &c. *Монарк. Инд.*, том i., стр. 168; Икстлильшочитль, *История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, vol. ix., стр. 244-5, говорится, что короля сопровождали все его сыновья и родственники, их наставники и свита.

[498] Об этой судебной системе Тецкоко см.: *Лас Касас, История. Апологетика*, СР., глава ccxii.; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 168, том ii., стр. 351-5; *Зурита, Взаимопонимание*, в *Ternaux-Compans, Войско.*, сери ii., том i., стр. 96, и последующие.; *Клавиджеро, История античности*, том ii., стр. 128-9; *Мендиета, История. Ecles.*, стр. 134-6; *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 302-5; *Пиментель, Воспоминания. собрание Разума индейцев*, стр. 28-9; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 595.

[499] This sentence reads as follows in the original: 'Á los lados serbian de alfombras unas pieles de tigres y leones, y mantas hechas de plumas de águila real, en donde asimismo estaban por su orden cantidad de braceletes, y grevas de oro.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 243. Трудно представить, почему "браслеты и гревас де оро" следует класть на пол, но, безусловно, историк дает нам это понять. Прескотт, который делает вид, что дает описание Икстлильшочитля "его собственными словами", и который, более того,

заключает отрывок в кавычки, преодолевает это затруднение, полностью опуская процитированное выше предложение. *Мех.*, vol. i., стр. 34; и Вейтия, *Hist. Ant. Mej.*, том iii., стр. 205, придерживается того же удобного, но несколько неудовлетворительного курса. Однако эта авторская версия всего этого, как и многое другое в его работах, является неразборчивой по сравнению с оригиналом.

[500] 'Las paredes estaban entapizadas y adornadas de unos paños hechos de pelo de conejo, de todos colores, con figuras de diversas aves, animales y flores.' Это передано Прескоттом: "Стены были увешаны гобеленами, сделанными из шерсти различных диких животных, насыщенных и разнообразных цветов, *украшенными золотыми кольцами* и вышитыми фигурами птиц и цветов". Несколькими строками выше, "la silla y espaldar era de oro", интерпретируется как "трон из чистого золота". Едва ли справедливо называть описание древнего чичимека "довольно поэтичным", в то же время делая такие дополнения, как эти.

[501] Ixtlilxochitl, *ubi supra*, writes: 'En los primeros puestos ocho jueces que eran nobles y caballeros, y los otros cuatro eran de los ciudadanos.' Veytia says: 'Los cuatro primeros eran caballeros de la nobleza de primer orden, los cuatro siguientes ciudadanos de Tezcucó.' *Hist. Ant. Mej.*, том iii., p. 199.

[502] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик.*, том ix. стр. 242-3. Все вышеприведенное описание очень трудно перевести буквально из-за запутанного стиля, в котором оно написано; и если местами оно несколько непонятно, читатель вспомнит, что я перевожу просто то, что говорит Икстлильшочитль, а не то, что он, возможно, *хотел* сказать, а может и нет.

[503] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 354; *Лас Касас, История. Apologética*, CP., глава cxxii.; *Вейтия, История и Меджлис*, том iii, стр. 199; *Клавиджеро, История и Месса*, том ii, стр. 128; *Зурита, Взаимопонимание*, в *Терно-Компанах, Вой.*, серия ii, том i, стр. 100; *Мендьета, Ист. Эклз.*, стр. 134.

[504] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 129.

[505] Прескотт, *Мексика*, том i., стр. 33, говорит: "Картины были выполнены с такой точностью, что во всех исках, касающихся недвижимости, им разрешалось предъявляться в качестве авторитетных в испанских судах очень долго после завоевания; и в 1553 году в Мексике была учреждена кафедра для их изучения и интерпретации, которая с тех пор разделила судьбу большинства других учебных заведений в этой несчастной стране". Ботурини так описывает бумагу, использовавшуюся ацтеками: "El Papel Indiano se componen de tres partes: la primera es de la corteza de un árbol que se llama *maguay*, para la nacional de la corteza de la llama y con la lavaba el hilo de ellas, el que haviendose ablandado estendian, para componer su papel grueso, o delgado, que despues bruñian para pintar en él. También hacian papel de las hojas de Palma, y Yo tengo algunos de estos delgados, y blandos tanto como la seda.' *Catálogo*, in *Id., Idea*, pp. 95-6.

[506] Veytia writes very positively on this point: 'Habia tambien abogados y procuradores; á los primeros llamaban tepantlatoani, que quiere decir *el que habla por otro*, y á los segundos *tlanemiliani*, que en lo sustancial ejercian sus ministerios casi del mismo modo que en nuestros tribunales.... Daban términos á las partes para que sus abogados hablasen por ellas, y estos lo hacian del mismo modo que en nuestros tribunales.' *Hist. Ant. Mej.*, том iii., pp. 207-8. Саагун рассказывает о качествах, которые, по мнению ацтеков, составляли хорошего или плохого *прокурора* или *сolicitadora*, и описывает их обязанности: "El procurador favorece á una banda de los pleyteantes, por quien en su negocio vuelve mucho y apela, teniendo poder, y llevando salario por ello". El buen procurador es vivo y solícito, osado, diligente, constante, y perseverante en los negocios, en los cuales no se deja vencer; sino que alega de su derecho, apela, tacha los testigos, ni se cansa hasta vencer á la parte contraria y triunfar de ella. El mal procurador es interesable, gran pedigueño, y de malicia suele dilatar los negocios: hace alharacas, es muy negligente y descuidado en el pleito, y fraudulento de tal modo, que de entrambas partes lleva salario. El solicitador nunca para, anda siempre solícito y listo. El buen solicitador es muy cuidadoso, determinado, y solícito en todo, y por hacer bien su oficio, muchas veces deja de comer y de dormir, y anda de casa en casa solicitando los negocios, los cuales trata de buena tinta, y con temor ó recelo, de que por su descuido no tengan mal suceso los negocios. El mal solicitador es flojo y descuidado, lerdo, y encandilador

para sacar dineros, y facilmente se deja cohechar, porque no hable mal el negocio ó que mienta, y así suele echar á perder los pleitos.' *Hist. Gen.*, том iii., lib. x., pp. 23-4. Clavigero takes the opposite side of the question: 'Nei giudizj dei Messicani facevano la parti da per se stesse le loro allegazioni: almeno non sappiamo, che vi fossero Avvocati.' *Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 129. "Адвокат не был нанят; стороны изложили свою собственную версию и поддержали ее своими свидетелями". *Прескоттовский текст*, том i, стр. 32. "Офис адвоката, который не согласен; стороны, участвующие в расследовании, и справедливый сопровождающий лиц, ведущих дела". *Brasseur de Bourbourg*, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 581.

[507] Читатель, наверное, заметил в предыдущей заметке, что Вейтия назначает в каждый суд больше судей, чем любой другой автор.

[508] Вейтия, *История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 208.

[509] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 355-6; Мендиета, *История. Ecles.*, стр. 135; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 128-9.

[510] Вейтия, *История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 200.

[511] Las Casas, *Hist. Apologética*, ср., сар. ссхv., ссхii.; Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. viii., стр. 304, 313; Мендиета, *История. Ecles.*, стр. 135; Вейтия, *История. И. Медж.*, том iii., стр. 423; Зурита, *Взаимопонимание*, в *Ternaux-Comptans, Voy.*, серия ii., том i., стр. 101-2. Торквемада говорит, что несправедливый судья был дважды предупрежден и побрился при третьем нарушении. *Монарк. Изд.*, том ii, стр. 356. См. также *Id.*, стр. 385.

[512] Камарго, *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcix., p. 136.

[513] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 165.

[514] Торквемада переводит тлакатекаль, генерал-капитан (Capitan General). Мы уже видели, что это был титул председательствующего судьи второго мексиканского суда, но, вероятно, в данном случае это было военное звание, как потому, что прославленному воину было бы более вероятно повышение по службе, чем должность судьи, так и потому, что о принце говорят как о молодом человеке, в то время как высшие судебные должности занимали только мужчины зрелых лет и с большим опытом.

[515] Торквемада, *Монарк. Изд.*, том i., стр. 189-90.

[516] Тезозомокский, *Мексиканская Крона.*, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 146.

[517] Эти имена пишутся *тлелпилойя* и *куаукалько* Лас Касасом, а *тейлпилоян* и *куаукалли*- Брассером де Бурбургом.

[518] Las Casas, *Hist. B "Апологетике"*, ср., глава ссхii, говорится, что тюрьмы, называемые куаукалько, напоминали колодки; другие авторы не замечают этой разницы.

[519] Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 138.

[520] Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том ii., pp. 138-9; Torquemada, *Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 353; Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., глава ссхii.; Мендиета, *История. Эклз.*, стр. 138.

[521] Мендьета, *История. Эклз.*, стр. 138.

[522] Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 137.

[523] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 166, том ii., стр. 381; Ортега, в Вейтии, *История. И. Медж.*, том iii., стр. 225; Ботуруни, *Идея*, стр. 27. Количество початков варьируется в зависимости от разных авторов от трех или четырех до семи, за исключением Лас Касаса, который называет число двадцать один или больше, заявляя,

однако, что этот и некоторые другие законы, которые он приводит, возможно, не являются аутентичными. *История. Апологетика*, СР., глава ссхv. The Anonymous Conqueror writes: 'quando altri entrauano nelle possessioni altrui per rubbare frutti, ò il grano che essi hanno, che per entrar in vn campo, e rubbare tre ò quattro mazzocche ò spighe de quel loro grano, lo faceuano schiauo del patrone di quel campo rubbato.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigazioni*, том. iii., fol. 306. Клавиджеро соглашается с Анонимным Завоевателем в том, что похититель кукурузы стал рабом владельца поля, с которого он украл, и добавляет в примечании к заметке: "Торквемада агджунге, ты видел смерть; ма чио фу нель Регно д'Акольяакан, не погибший в Мессико". *История муравьев-дель-Мессико*, том ii., стр. 133.

[524] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава ссхiii.; *Мендиета, История. Эклз.*, стр. 138.

[525] Ortega's statement reads: 'Casi siempre se castigaba con pena de muerte, á ménos de que la parte ofendida conviniese en ser indemnizada por el ladron, en cuyo caso pagaba este al fisco una cantidad igual á la robada.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том. iii., p. 225.

[526] *Ветеринар, Мексиканский театр*, часть ii, стр. 33; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 166.

[527] *Объяснение сотрудничества Мендосы, в мексиканском Кингсборо. Антик.*, том v., стр. 112.

[528] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, том. ix., стр. 246.

[529] *Мендьета, История. Eccles.*, стр. 138; *Ортега, в Вейтии, История. И. Медж.*, том iii., стр. 225; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 381. *Las Casas, Hist. B "Апологетике"*, ср., глава ссхiii., говорится, что тот, кто воровал на рыночной площади, был повешен там же по приказу местных судей, а в главе схv. он пишет: "Что касается торговли на рынке, альго хуртава, эра, которая является предметом общественного обсуждения, и что касается торговли на рынке матасен в палосе". Снова в той же главе он приводит закон, за подлинность которого он, однако, не ручается, который гласит следующее: "Что касается торговли на рынке, то алгоритм меркадо уртава, лос-мисмос-дель-меркадо-тениан, лицензия на матар-педрадас."

[530] *Ортега, в Вейтии, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 225.

[531] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава ссхv.

[532] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 381; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава ссхv.

[533] *Эррера, История. Генерал*, декабрь iii., библиотека iii., глава x.; *Бомонт, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 51.

[534] 'L'omicida pagava colla propria vita il suo delitto, quantunque l'ucciso fosse uno schiavo.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 130. Способ умерщвления убийцы указан по-другому: "El homicidio, bien fuese ejecutado для благородных или плебеев, bien por hombre для преступников, se castigaba con pena de muerte, depedazando al homicida". *Ортега, в Вейтии, История. И. Медж.*, том iii., стр. 226. 'Al que mataba à otro, hacian degollar.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том i., стр. 166. "Аль матадор ло де Голлабан". *Vetancvrt, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 33. Другие авторы просто говорят, что убийца перенес смерть, не указывая способ казни. Видишь ли, *Лас Касас, История. Apologética*, ср., глава ссхiii.; *Икстлильшочитль, Hist. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 387; *Мендиета, История. Эклз.*, стр. 136. Диего Дуран в своей неизданной "Истории Новой Испании" утверждает, что убийца не понес смерти, а стал пожизненным рабом жены или родственников покойного. *Мексиканский журнал Кингсборо. Antiq.*, том. viii., стр. 240-1.

[535] *История бытия.*, дек. iii., lib. iii., глава x.

[536] *Бомон, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 51-2.

[537] *Мендьета, История. Eccles.*, стр. 136; *Ортега, в Вейтии, История. И. Медж.*, том iii., стр. 226; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава ссхiii. В главе ссхv., среди его неподтвержденных законов, мы читаем, что если

жертвой яда был раб, то человек, ставший причиной его смерти, становился рабом вместо того, чтобы понести суровое наказание, но Клавиджеро прямо заявляет обратное, а Ортега подразумевает обратное.

[538] *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе, в Рамузио, Навигация, том iii., fol. 307; Лас Касас, История. Apologética, ср., глава cxxiii.; Vetancvrt, Мексиканский театр, часть ii., стр. 33; Торквемада, Монарк. Инд., том i., стр. 106; Мендиета, История. Эклз., стр. 138; Вейтия, История. Ант. Медж., том iii., стр. 421. Икстлильшочитль пишет, что дети и родственники предателя были порабощены до пятого колена, и что соль была рассыпана по его землям. История. Чич., в мексиканском Кингсборо. Антик., том ix., стр. 245. 'Il traditore del Re, o dello Stato, era sbranato, ed i suoi parenti, che consapevoli del tradimento non lo aveano per tempo scoperto, erano privati della libertà.' Clavigero, Storia Ant. del Messico, том. ii., p. 130.*

[539] *Икстлильшочитль, Родственники, в Мексике Кингсборо. Антик., том ix, стр. 387; Торквемада, Монарк. Инд., том. ii., стр. 382; Лас Касас, История. Apologética, MS., cap. cxxv., among the collection of unauthenticated laws so frequently mentioned heretofore, gives the following: 'Si algunos vendieron algun niño por esclavo, y despues se sabe, todos los que entendieron en ello eran esclavos, y dellos davan uno al que lo compró, y los otros repartian entre la madre del niño y entre él que lo descubrió.' In the same chapter, among another list of laws which, says Las Casas, 'son tenidas todas por autenticas y verdaderas,' we read: 'Era ley, y con rigor guardada, que si alguno vendia por esclavo algun niño perdido, que se hiciese esclavo al que lo vendia, y su hacienda se partiese en dos partes, la una era para el niño, y la otra al que lo havia comprado, y si quizas lo avian vendido y eran muchos, á todos hacian esclavos.'*

[540] *Zurita writes: 'ils n'avaient droit d'en prendre que trois petites tasses à chaque repas.' Rapport, in Ternaux-Compans, Voy., série ii., том. i., p. 110; Herrera, Hist. Gen., dec. iii., lib. iv., cap. xvi.*

[541] *Кодекс Мендосы, в Мексике Кингсборо. Antiq., vol. i., стр. 72; Explicacion, в Id., vol. v., стр. 112-13; Эррера, История. Генерал., дек. iii., lib. iv., глава xvi.; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 134.*

[542] *'Dans les noces publiques et les fêtes, les hommes âgés de plus de trente ans étaient ordinairement autorisés à en boire deux tasses.' Zurita, Rapport, in Ternaux-Compans, Voy., série ii., том. i., p. 110; Clavigero, Storia Ant. del Messico, том. ii., p. 134; Herrera, Hist. Gen., dec. iii., lib. iv., cap. xvi.*

[543] *Ортега говорит, что эта привилегия была распространена и на рядовых. Вейтия, История. Ант. Медж., том iii., стр. 227. Zurita, however, writes 'les guerriers regardaient comme un déshonneur d'en boire.' Rapport, in Ternaux-Compans, Voy., série ii., том. i., p. 111.*

[544] *Las Casas, Hist. Apologética, MS., cap. cxxiii., cxxv.; Torquemada, Monarq. Инд., том i, стр. 166, том ii, стр. 386; Vetancvrt, Мексиканский театр, часть ii, стр. 33; Кодекс Мендосы, в мексиканском музее Кингсборо. Antiq., т. i., стр. 72; Объяснение, в Изд., т. v., стр. 112-13; Икстлильшочитль, История. Чич., в Id., том ix., стр. 246; Id., Relaciones, стр. 387; Ортега, в Вейтии, История и Медж., том iii., стр. 226-7; Клавиджеро, История ид. Мессико, том ii., стр. 134; Зурита, Взаимопонимание, в Ternaux-Compans, Voy., série ii., том i., стр. 110-11; Эррера, История. Генерал., дек. iii., lib. iv., глава xvi.*

[545] *См. Этот том. стр. 360-1.*

[546] *Las Casas, Hist. Apologética, CP., cap. cxxv.; Торквемада, Монарк. Инд., том ii., стр. 386; Икстлильшочитль, Relaciones, в журнале Кингсборо Mex. Antiq., том ix., стр. 387; Ортега, в Вейтии, История. И. Медж., том iii., стр. 226.*

[547] *Икстлильшочитль, История. Чич., в мексиканском городе Кингсборо. Antiq., том ix., стр. 246; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 130.*

[548] *Clavigero, Storia Ant. del Messico, том. ii., p. 130.*

[549] *Икстлильшочитль, Родственники, в Мексике Кингсборо. Antiq., том ix., стр. 387; Ортега, в Вейтии, История. И. Медж., том iii., стр. 226.*

[550] *Las Casas, Hist. Apologética*, CP., загл. ссхv.

[551] *Икстлильшочитль, Родственники, в Мексике Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 388.

[552] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава ссхv., дает два закона по этому вопросу. К первому, который входит в собрание неподтвержденных законов, добавляется: "Вы, плебеи эпохи, де-баха-суэрте-хасиан-ло-эсклаво". Икстлильшочитль также приводит два закона: "А лос-хиджос-де-лос-сеньорес си мальбарабан-су-рикесас", "Бьен мубле-де-су падре тениан", "удавка дабана". *История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, vol. ix., p. 246. 'Si algun principal mayorazgo fuese desbaratado, ó travieso, ó si entre dos de estos tales hubiese alguna diferencia sobre tierras ú otras cosas, el que no quisiese estarse quedo con la averiguacion que entre ellos se hiciese por ser soberbio y mal mirado, le fuesen quitados sus bienes y mayorazgo, y fuese puesto en depósito en alguna persona que diese cuenta de ello para el tiempo que le fuese pedido, de cual mayorazgo estuviese desposeido todo el tiempo que la voluntad del señor fuese.' *Relaciones*, in *Id.*, p. 387; *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 385; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 134.

[553] *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 423.

[554] *Las Casas, Hist. Apologética*, CP., сар. ссхv.; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 386; *Икстлильшочитль, Relaciones*, в журнале Кингсборо *Мех. Антик*, том ix., стр. 387.

[555] *Las Casas, Hist. Apologética*, CP., глава xii.

[556] *Икстлильшочитль, Родственники, в Мексике Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 387; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 604; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 134; *Ортега, в Вейтии, История античного мессианства*, том iii., стр. 227-9; *Чавес, Взаимопонимание, в Ternaux-Compans, Voy.*, сери ii., том v., стр. 313; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 165.

[557] *Oviedo, Hist. Gen.*, том iii., p. 502; *Las Casas, Hist. Apologética*, CP., загл. ссхv.

[558] О супружеской измене см.: *Las Casas, Hist. Apologética*, MS., сар. ссхiii., ссхv.; *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том i., стр. 166, том ii., стр. 378, 380; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, vol. ix., стр. 246; *Relaciones*, в *Id.*, стр. 387; *Codex Mendoza*, в журнале Кингсборо *Мех. Antiq.*, vol. i., pl. 72; *Esplicacion*, в *Id.*, vol. v., стр. 112; *Вейтия, Hist. Ant. Mej.*, том iii., стр. 423; *Мендиета, Hist. Ecles.*, стр. 136-7; *Клавиджеро, История античности*, том ii., стр. 130-1; *Болонье, в Ternaux-Compans, Voy.*, série i., том x., стр. 211; *Зурита, Взаимопонимание, в Id.*, série ii., том i., стр. 107-10; *Ортега, в Вейтии, История. И. Медж.*, том iii., стр. 224; *Ветанкврт, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 33; *Дюран, в мексиканском театре Кингсборо. Антик*, том. viii., стр. 242-3; *Валадес, Христианская риторика, в документе*, стр. 129, примечание.

[559] *Лас Касас и Мендьета*, как в предыдущем примечании.

[560] 'Para la justificacion fuese bastante la denuncia del marido.' *Ibid.*

[561] *Las Casas* writes: 'A ninguna muger ni hombre castigavan por adulterio, si solo el marido della los acusaba, sino que havia de haver testigos y confesion dellos.' *Hist. Apologética*, CP., сар. ссхv. Торквемада использует почти те же слова.

[562] Отец Франсиско де Болонье говорит, что к этому способу наказания прибегали только в случае с мужчиной, и что женщина-прелюбодейка была посажена на кол. *Терно-Компанс, Вой.*, сери i., том x., стр. 211.

[563] С таким заявлением выступили Икстлильшочитль и Вейтия, *супервайзер ubi*.

[564] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава ссхiii.; *Мендиета, ubi sup.*

[565] *Ibidem*. У мизтеков, когда удавалось доказать смягчающие обстоятельства, смертная казнь заменялась увечьем ушей, носа и губ. Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава xii.

[566] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 380; Клавиджеро, *ubi sup.*

[567] *Las Casas, Hist. Apologética*, MS., сар. ссхiii., ссхv.; *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 377-8, 380; Ортега, в Вейтия, *История. И. Медж.*, том iii., стр. 224.

[568] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава ссхiii.; Мендуйета, *Hist. Эклз.*, стр. 136.

[569] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава x.; Бомон, *Крон. Мехоакан*, ср., стр. 51.

[570] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 166, том ii., стр. 380; Лас Касас, *История. Apologética*, ср., сар. ссхv.; Вейтия, *История. Ant. Mej.*, том iii., стр. 423; Ортега, в документе, стр. 224; Ветанкворт, *Мексиканский театр*, часть ii., стр. 33; Мендуйета, *История. Eccl.*, стр. 137; Икстлильшочитль, *История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Антик.*, том ix., стр. 245. Carbajal Espinosa differs from these in saying: 'al pasivo le arrancaban las entrañas, se llenaba su vientre de ceniza y el cadáver era quemado.' *Hist. Mex.*, том i., p. 603.

[571] Камарго, *История. Плех.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 193. Следовательно, Карли ошибается, говоря, что это преступление было наказано смертью. *Кармас*, стр. 122.

[572] Письмо, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, série i., том x., стр. 197.

[573] *Ист. Апологетика*, ср., глава ссхiii. Клавиджеро пишет: "Аперитив нации Анауака, настоящий аперитив и Панучеси, эпоха в аббатстве, фатто делитто, и да тутте си пунива в строгости". Этот автор очень обижен на М. де Пау за утверждение, что педерастия была распространена среди мексиканцев, и добавляет: "ma della falsita di tal calunnia, che con troppa, ed assai biasimevole facilità addottarono". парекчи, Авторы Европы, согласно свидетельству молти, Авторы всех статей и информации". Клавиджеро, однако, не указывает, кто эти "более беспристрастные и лучше информированные авторы". О том, что преступление содомии было широко распространено в Табаско, у нас есть свидетельство Овьедо, который пишет, что среди идолов, которых христиане видели там, "дикшерон был птичьим халладо среди аквеллос кемис о йолос, дос персона хечас де копей (вопрос об аресте убийцы), эль уно кабальеро-кабальгандо собре эль отро, фигура акела отвратительного и нефандо пекадо содомии, эт отро де барро к тени ла природа асида против амбаса маноса, качество комо чиркунчисо ... у no es este pecado entre aquellas mal aventuradas gentes despresçiado, ni sumariamente averiguado: antes es mucha verdad quanto dellos se puede decir é culpar en tal caso.' *Hist. Gen.*, том i., p. 533. Zuazo, speaking of the Mexicans, says: 'estas gentes tienen latría peccatela que decia el Italiano: no creen en Dios; son casi todos sodomitas: comen carne humana.' *Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 365.

[574] *История. Апологетика*, СР., глава xii.

[575] У Лас Касаса среди его недостоверных законов есть один, который предписывает смертную казнь в данном случае, но в другом списке, который, по его словам, составлен из подлинных законов, в качестве наказания указано изгнание и конфискация имущества. *Ист. Апологетика*, СР., сар. ссхv.; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 380; Вейтия, *История. Ant. Медж.*, том iii., стр. 423.

[576] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 380; Лас Касас, *История. Apologética*, ср., глава ссхiii.; Мендуйета, *Hist. Эклз.*, стр. 137. Ортега добавляет, что их головы были посыпаны пеплом; "se les untaba con ceniza caliente". Вейтия, *Hist. Ant. Mej.*, том iii., стр. 225.

[577] Икстлильшочитль, *История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, т. ix., стр. 246; Вейтия, *История. Ant. Медж.*, стр. 224.

[578] Икстлильшочитль, Родственники, в Мексике Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 387; Вейтия, История. *Ант. Медж.*, том iii., стр. 423; Дюран, в Мексике Кингсборо. *Antiq.*, вып. viii., стр. 243-4; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 380; Лас Касас, История. *Apologética*, ср., сар. ссхv.; Ортега, в Вейтии, *Hist. Ant. Mej.*, том iii., стр. 224-5.

[579] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава ссхiii., ссхv.; Мендуета, *Hist. Эклз.*, стр. 136.

[580] *Las Casas, Ibid.*; *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii., стр. 380-1.

[581] *Las Casas, Ibid.*; *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 380; Мендуета, История. *Ecles.*, стр. 137-8; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 133.

[582] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 381; Ортега, в Вейтии, История и медж., том iii., стр. 225-6; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii., стр. 133.

[583] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i. i., стр. 165. В следующих работах более или менее упоминается система юриспруденции, существовавшая у народов науа. Пиментель, *Сборник воспоминаний о Раде индейцев*, стр. 31-5; Карбахаль Эспиноза, История Мексики, том i., стр. 593-605; Амер. Этно. Соч., *Transact.*, том i, стр. 153; Клемм, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 35-6, 53-4, 69-75, 96-7, 105, 205; Кортес, Авен. у *Conq.*, предисловие, стр. 13; Делапорт, Райзен, том x., стр. 264-7; Происшествия и зарисовки, стр. 60-1; Десять колен Симона, стр. 263-70; Бюссьер, Мексиканская империя, стр. 150-8; Журнал Чемберса, 1835, том iv., стр. 253; Бариль, Мексика, стр. 205-7; Торон, История. Генезис, том iii., стр. 29-31; Соден, Испанец в Перу, том ii., стр. 14.

[584] 'Tambien las minas de plata y oro, cobre, plomo, oropel natural, estaño y otros metales, que todos los sacaron, labraron, y dejaron señales y memoria.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том iii., lib. x., pp. 110-11. To obtain gold 'se metian al fondo del agua y sacaban las manos llenas de arena, para buscar luego en ella los granos, los que se guardaban en la boca.' *Diaz, Itinerario*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 299. In Michoacan 'trabajaban minas de cobre.' *Beaumont, Crón. Мехоакан*, ср., стр. 48. "Следы их трудов послужили лучшими указателями на ранних испанских шахтеров". *Прескотт, Мексика*, том i, стр. 138-9; Карбахаль Эспиноза, История Мексики, том i., стр. 99-100; Акоста, История Испании. *де лас Инд.*, стр. 198 и далее.

[585] "Желает ли человек грубого металла или хочет, чтобы он был расплавлен, или выбит, и искусно превращен в какие-либо украшения, он найдет их готовыми". *Петр Мученик*, v дек., lib. iv. Гомара и Гама утверждают, что они смешивали золото и серебро, а также олово с медью для изготовления буравчиков, топоров и долот. *Conq. Mex.*, fol. 318; *Дос Пьедрас*, часть ii., стр. 26. Клавиджеро утверждает, что в Сакатоллане были обнаружены два вида меди, твердая и мягкая, так что не было необходимости в каком-либо процессе упрочнения. *Storia Ant. del Messico*, том. iv., pp. 210-11.

[586] 'Porras claveteadas de hierro, cobre y oro.' *Ixtlilxochitl, Relaciones*, in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. ix., p. 332. 'Nous avons eu entre les mains de beaux outils de cuivre rosette.' *Viollet-le-Duc*, in *Charnay, Ruines Amér.*, pp. 86-7. 'Hazen muchas cosas, como los mejores caldereros del mundo.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. iii., сар. ix. У некоторых были тарелки и другие оловянные сосуды. *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iii., p. 465. 'Contuttociò si sa, che lavoravano bene il rame, e che piacquero assai agli Spagnuoli lo loro scuri, e le loro picche.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 196. Питер Мученик говорит о больших медных подставках или подсвечниках, которые поддерживали сосновые факелы для освещения дворов лучших домов. Dec. v., том. x. 'Il existait de si grands vases d'argent qu'un homme pouvait à peine les entourer de ses bras.' *Baril, Mexique*, p. 209; *Brownell's Ind.* Гонки, стр. 94; Эдинбургское обозрение, июль 1867г.

[587] 'Todo variadizo, que en nuestra España los grandes Plateros tienen que mirar en ello.' *Bernal Diaz, Hist. Conq.*, fol. 69. 'Los Plateros de Madrid, viendo algunas Piezas, Brazaletes de oro, con que se armaban en guerra los Reyes, y Capitanes Indianos, confessaron que eran inimitables en Europa.' *Boturini, Idea*, p. 78. 'Non sarebbero verisimili le maraviglie di cotal arte, se oltre alla testimonianza di quanti le videro, non fossero state mandate in Europa in gran copia

si fatte rarità.' 'Finalmente erano tali si fatte opere, che anche que' Soldati spagnuoli, che si sentivano travagliati dalla sacra fame dell'oro, pregiavano in esse più l'arte, che la materia.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., pp. 195-6.

[588] *Cortés, Cartas*, pp. 109, 100-1. In the collection of Nezahualcoyotzin 'no faltava alli ave, pez ni animal de toda esta tierra, que no estoviese vivo, ó hecho figura y talle, en piedras de oro y pedrería.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чуч.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 244. "Нет четвероногого зверя, нет грязи, нет рыбы, которую их Ремесленники когда-либо видели, но они способны нарисовать и вырезать в меру их сходства и пропорций, подобных лифе". *Путер Мученик*, декабрь v., lib. x., iv. Восемь золотых креветок большого совершенства. *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iii., p. 285; *Pimentel, Mem. sobre la Raza Indígena*, p. 56.

[589] 'Sacan un ave, como un papagayo que se le anda la lengua como si vivo la menease y tambien la cabeza y las alas. Un rostro de aguilá lo mismo, una rana, y un pescado, señalada muchas escamas una de plata y otra de oro, todo de vaciado, que espanta á todos nuestros oficiales.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. lxiii. 'Funden vna mona, que juegue pies y cabeça, y tenga en las manos vn huso, que parezca que hila, o vna mançana, que come. Esto tuuieron a mucho nuestros Españoles, y los plateros de aca no alcançan el primor.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 117. 'Y lo que mas es, que sacaban de la fundicion vna pieça, la mitad de Oro, y la mitad de Plata.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 487; *Vetancvrt, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 59; *Мендугета, История. Эклз.*, стр. 403-7. 'Sacauan al mercado los oficiales deste arte, platos, ochauados de vn quarto de oro, y otro de plata, no soldados, sino fundidos, y en la fundicion pegado, cosa dificultosa de entender. Sacauan vna caldereta de plata, con excelentes labores, y su assa de vna fundicion, y lo que era de marauillar que la asa estaua suelta.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., cap. xv.

[590] 'Acaeciales á los principios estar un indio envuelto en una manta que no se le parecian si no los ojos, como ellos se ponen no muy cerca de una tienda de algun platero de los nuestros disimuladamente, como no pretendia mirar nada y el platero estar labrando de oro y de plata alguna joya ó pieza de mucho artificio y muy delicada, y de solo verle hacer alguna parte della irse á su casa y hacello tanto y mas perfecto y traerlo desde á poco en la mano para lo vender.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. lxiii. Зуазо, однако, считает, что некоторые местные произведения уступают европейским. 'Yo vi algunas piezas y no me parecieron tan primamente labradas como las nuestras.' *Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 362.

[591] *Клавиджеро, История античного Мессико*, том iv, стр. 211; *Овьедо, История генерала*, том i, стр. 520.

[592] 'Vna rueda de hechura de Sol, tan grande como de vna carreta, con muchas labores, todo de oro muy fino, gran obra de mirar; ... otra mayor rueda de plata, figurada la Luna, con muchos resplandores, y otras figuras en ella.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, фол. 26-7. 'Espejos hechos de Margajita, que es vn metal hermosissimo, como plata muy resplandeciente y estos grandes como vn puño redondos como vna bola, engastados en oro.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. v., cap. v. 'Doze zebratanas de fusta y plata, con que solia el tirar. Las unas pintadas y matizadas de aves, animales, rosas, flores, yarboles.... Las otras eran variadas, y sinzeladas con mas primor y sotileza que la pintura.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 135-6, 42; *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iii., p. 259; *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава cxxxii.

[593] 'Vnas fundidas, otras labradas de Piedra.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том. ii., p. 557; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., cap. xv. 'Y lo que mas las hace admirables, es que las obran y labran con solo fuego y con una piedra ó pedernal.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. lxiii. Кованая работа уступает работе европейских мастеров. *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 196. 'Los oficiales que labran oro son de dos maneras, unos de ellos se llaman martilladores ó amajadores, porque estos labran oro de martillo majándolo con piedras ó con martillos, para hacerlo delgado como papel: otros se llaman *tlatlaliani*, que quiere decir, que asientan el oro ó alguna cosa en él, ó en la plata, estos son verdaderos oficiales ó por otro nombre se llaman *tulteca*; pero están divididos en dos partes, porque labran el oro cada uno de su manera.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том. ii., lib. ix., p. 387, et seq. Изображения печей и некоторых изготовленных изделий из иероглифической рукописи см. в *Ewbank, в сборнике Скулкрафта*, т. iv, стр. 448, и далее. "Они также отливали сосуды из золота и серебра, вырезая их своими металлическими резцами в очень тонкой манере". *Прескотт, Мексика*, том i, стр. 139-40.

[594] 'Siéntanse en el suelo y toman un pedazo de aquella piedra negra.... Aquel pedazo que toman es de un palmo ó poco mas largo, y de grueso como la pierna ó poco menos, y rollizo. Tienen un palo del grueso de una lanza y largo como tres codos ó poco mas, y al principio de este palo ponen pegado y bien atado un trozo de palo de un palmo, grueso como el molledo del brazo, y algo mas, y este tiene su frente llana y tajada, y sirve este trozo para que pese mas aquella parte. Juntan ambos piés descalzos, y con ellos aprietan la piedra con el pecho, y con ambas las manos toman el palo que dije era como vara de lanza (que tambien es llano y tajado) y pónenlo á besar con el canto de la frente de la piedra (que tambien es llana y tajada), y entonces aprietan hácia el pecho, y luego salta de la piedra una navaja con su punta y sus filos de ambas partes.' *Mendieta, Hist. Eccles.*, стр. 406; повторяется почти теми же словами в *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 489-90; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. lxii., lxvi; *Vetancvrt, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 60.

[595] *Исследования Тайлора*, стр. 194. 'Tienen lancetas de azabache negro, y vnas nauajas de axeme, hechas como puñal, mas gordas en medio que á los filos, con que se jassan y sangran de la lengua, braços, y piernas.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 324-5; *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 491.

[596] *Lenoir, Parallèle*, pp. 64-5. "В начале этого столь редкого выступления я познакомился с одним из них, которым командовал Христофор Колон, адмирал Морского флота гау ми. Этот камень был зеленовато-темноватого цвета, вделанный в самую прочную древесину, которая служила его ручкой или стержнем. Я со всей силы бью по Железным прутьям и оставляю вмятины на Железе своими ударами, не разбивая и не повреждая камень ни в какой его части. Поэтому из этих камней они делают свои инструменты для обтесывания камня, или рубки дерева, или для любой другой работы в золоте или серебре". *Петр Мученик*, v дек., lib. iv.

[597] *Монарк. Инд.*, том i., стр. 231.

[598] *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. lxii. См. Примечание 9 к этой главе.

[599] "Скульптурных изображений было так много, что, как говорят, фундамент собора на *пласа майор*, великой площади Мексики, полностью состоит из них". *Прескотт, Мексика.*, том i., стр. 140-1. Две статуи, изображающие Монтесуму и его брата, высеченные в скале в Чапультепеке. *Дюран, История. Индия*, ср., том i, глава iii. The idols destroyed by Cortés 'eran de manera de dragones espantables, tan grandes como becerros, y otras figuras de manera de medio hombre, y de perros grandes, y de malas semejanças.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, фол. 35. 'Sapevano esprimere nelle loro statue tutti gli atteggiamenti, e posture, di cui è capace il corpo, osservavano esattamente le proporzioni, e facevano, dove si richiedeva, i più minuti, e delicati intagli.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 195. 'Habia entre ellos grandes escultores de cantería, que labraban cuanto querian en piedra, con guijarros ó pedernales, tan prima y curiosamente como en nuestra Castilla los muy buenos oficiales con escodas y picos de acero.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 403; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том. ii., стр. 486-8. Портретные статуи королей Тецкукана. *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 264; *Id., Relaciones*, стр. 440. Статуи Монтесумы и брата. *Бустаманте*, в *Каво, Трес Сиглос*, том iii., стр. 49.

[600] 'Gli smeraldi erano tanto comuni, che non v'era Signore, che non ne avesse.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., pp. 206-7. 'Esmaltan assi mesmo, engastan y labran esmeraldas, turquesas, y otras piedras, y agujeran perlas pero no tambien como por aca.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 117. 'Ambar, cristal, y las piedras llamadas *amatista* perlas, y todo género de ellas, y demas que traían por joyas que ahora se usan.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том. iii., lib. x., pp. 109-11, 117-18. 'Un encalado muy pulido, que era de ver, y piedras de que estaban hechas, tambien labradas y pegadas, que parecia ser cosa de mosaico.' *Id.*, p. 107. Щиты, украшенные надписью "perlas menudas como aljofar, y no se puede dezir suitificio, lindeza, y hermosura". Сандалии с надписью "por suelas vna piedra blanca y azul, cosa preciosa y muy delgada". *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. v., сар. v. Украшения из голубых камней, оправленных в золото; каменное лицо, обрамленное золотом; нитка каменных бус. 'Dos mascarar de piedras menudas, como turquesas, sentadas sobre madera de otra musáyca.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. i., pp. 526-8, том. iii., pp. 285, 305. Идол покрыт мозаикой из перламутра, бирюзы, изумрудов и халцедонов. *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава cxxxii. "Из них можно

сделать превосходные бокалы, разгладив и отполировав их, так что мы все признаемся, что ни один из наших не смог лучше показать естественное и привлекательное лицо мужчины". *Путер Мученик*, v дек., lib. x.

"Известные маски главных героев, представители львов, тигров, наших и т. Д.". *Камарго, История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi, стр. 133. Изумрудный алтарь бога мизтеков. *Бургоа, Геог. Descrip.*, tom. i., pt ii., fol. 156. 'Y lo de las piedras, que no basta juicio á comprehender con qué instrumentos se hiciese tan perfecto.' *Cortés, Cartas*, p. 109.

[601] Huitzilopochtli's idol 'era vna estatua de madera entretallada en semejança de vn hombre sentado en vn escaño azul.' *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 324. Large chests 'hechas de madera con sus tapaderas que se abren y cierran con unos colgadizos.' *Zuazo, Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, tom. i., pp. 361-2. 'I Falegnami lavoravano bene parecchie spezie di legni co'loro strumenti di rame, d' quali se ne vedono alcuni anche oggidì.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., pp. 207, 194-5. 'Los carpinteros y entalladores labraban la madera con instrumentos de cobre, pero no se daban á labrar cosas curiosas como los canteros.' *Mendieta, Hist. Eccl.*, стр. 403. "Лабраванские лазы и диловинные животные, послужившие причиной восхищения примерами Испании". *Ветеринар, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 59. "Своими медными топорами и топориками искусной закалки они повалили эти деревья и обтесали их гладко, убрав шипы, чтобы их было легче вытаскивать. У них есть также специальные бруски, из которых, используя брум и коноплю, они делают веревки, шнуры и канаты: и, проделав отверстие в одном из краев балки, они закрепляют веревку, затем устанавливают в нее свои бревна, как упряжки быков, и, наконец, вместо колес, вставляя в бревно круглые блоки, независимо от того, нужно ли тащить его круто вверх или прямо с холма, это делается шеями бревен, направляющими. плотники, только направляющие карету." *Путер Мученик*, дек. v., либр. x. "Хейзен каккас, эскриториос, месас, эскриуаниас, и другие козыри мучо приморья". *Эррера, История. Генерал*, дек. iii., либр. iii., глава ix. "Они делали чашки и вазы из лакированного или окрашенного дерева, непроницаемого для влаги и ярко раскрашенного". *Мексиканский журнал Прескотта*, том i, стр. 143.

[602] Молина, *Дикционарио*, говорит, однако, что текоматль был глиняной вазой. См. также стр. 458 этого тома.

[603] 'Siete sartas de quantas menudas de barro, redondas y doradas muy bien.' *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. i., pp. 526, 533. 'I Pentolai facevano d'argilla non solo gli stoviglij necessarij per l'uso delle case, ma eziandíó altri lavori di mera curiosità.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., p. 207, tom. iv., pp. 211-2. 'La loza tan hermosa, y delicada como la de Faenza en Italia.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., cap. ii., vii. 'Los incensarios con que incensaban eran de barro, à manera de cuchara, cuio remate era hueco, y dentro tenían metidas pelotillas del mismo barro, que sonaban como cascaveles, à los golpes del Incienso, como suenan las cadenas de nuestros incensarios.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii, стр. 264. Хикара изготавливалась из золота, серебра, тыквенных или рыбьих раковин. 'Aunque estèn cien Años en el Agua, nunca la pintura se les borra.' *Id.*, p. 488. 'Para coger la sangre tienen escudillas de calabaza.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 324-5. "Там также продается много видов глиняной посуды: горшки для воды, большие бутерброды, заливные, котлеты, тарелки, холодильники, кастрюли, сковородки для жарки, порционинги, кувшины". *Петр Мученик*, v дек., lib. iv. "Сосуды для ламана ксикалли, и техника, и сын арболеса, и дан в горах кальентес". "Как устроен дан в барнизоне во флоре, и животные разных цветов". , эрмосеады, что не так с китаей, что не так с отчаянием, что не так с агуа мучос диас". *Ветеринар, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 60.

[604] 'Non aveano lana, nè seta comune, nè lino, nè canapa; ma supplivano alla lana col cotone, alla seta colla piuma, e col pelo del coniglio, e della lepre, ed al lino, ed alla canapa coll' *Icxotl*, o palma montana, col *Quetzalichtli*, col *Pati*, e con altre spezie di Maguei.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. ii., pp. 207-8, 210. 'En todo el mundo no se podia hacer ni tejer otra tal, ni de tantas ni tan diversas y naturales colores ni labores.' *Cortés, Cartas*, p. 101. "Una Vestidura del Gran Sacerdote" *Ахкеймион Макани*, эмбиент для Рима во времена Конкисты, к тому же пасмурная аквелла Корте". *Ботурины, Идея*, стр. 77. Ольмеки использовали шерсть собак и других животных. *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. 154, 252-3. "Невероятные материалы из хлопка, домашней ткани, гобеленовых или arrasских драпировок, предметов одежды и покрывал". *Путер Мартир*, декабрь v., lib. iii. Гумбольдт утверждает, что шелк, вырабатываемый местным видом червей, был предметом торговли у мизтеков во времена Монтесумы. *Очерки*

политики, том ii, стр. 454. 'Hilan teniendo el copo en vna mano, y el huso en otra. Tuercen al reues que aca, estando el huso en vna escudilla. No tiene hueca el huso, mas hilan a prissa y no mal.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 318.

[605] Гумбольдт, *Очерки политики*, том ii, стр. 454-5. Магуэй-бумага, "чем-то напоминающая египетский папирус". *Прескотт, Мексика*, том i, стр. 99-100. Немного бумаги из пальмовых листьев, тонкой и мягкой, как шелк. *Ботурины, Каталог*, в *Id., Idea*, стр. 95-6. Местная газета называется *cauhamatl. Тезозомок'*, мексиканская *Крона*, в мексиканском *Кингсборо. Antiq.*, том ix, стр. 65. Они делали бумагу из определенного вида алоэ, замоченного вместе, как конопля, а затем промытого, растянутого и разглаженного; также из пальмового *иксотля* и тонкой коры, соединенных и приготовленных с определенной смолой. *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii, p. 189, том. iv, p. 239. Торквемада говорит о листе длиной 20 сажень, шириной в одну и толщиной с палец. *Монарк. Ind.*, том ii, стр. 263.

[606] 'Habia oficiales de curtir cueros y muchos de adobarlos maravillosamente.' *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., загл. lxii. 'Cueros de Venado, Tigres, y leones ... con pelo, y sin pelo, de todos colores.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii, стр. 488. 'Tan suaves que de ellos se vestian, y sacaban correas.' *Vetancvrt, Teatro Mex.*, pt ii, p. 60; *Sahagun, Hist. Gen.*, том. iii, lib. x, p. 118. Кортес нашел шкуры нескольких своих лошадей, убитых в битве "tan bien adobados como en todo el mundo lo pudieran hacer". *Кармас*, стр. 183. Красная кожа, напоминающая пергамент. *Овьедо, История. Генерал.*, том i, стр. 526. 'No se puede bien dezir su hermosura, y hechura.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii, lib. v., cap. v. 'Los tarascos curtian perfectamente las pieles de los animales.' *Payno*, in *Soc. Mex. Geog., Бюлетин*, 2-я эпоха, том i, стр. 721. 'Des tapis de cuir maroquinés avec la dernière perfection.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i, стр. 271.

[607] *Клавиджеро, История древней Мессии*, том ii., стр. 189-90; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 652-3. Способ выращивания кошенили. *Id.*, стр. 625-6. 'En parcourant le palais de Montézuma les Castellans furent très-étonnés d'y voir des sacs de punaises dont on se servait à teindre et même à badigeonner les murs.' *Rosny*, in *Comité d'Arch. Америка*, 1866-7, стр. 15-16. См. стр. 235 этого тома. Они владели искусством окрашивания ткани без ущерба для ее прочности, искусством, неизвестным европейцам 18 века. *Карли, Кармас*, часть ii., стр. 95-7.

[608] 'Y pintores ha habido entre ellos tan señalados, que sobre muchos de los señalados donde quiera que se hallasen se podian señalar.' *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., загл. lxii. Тот же автор говорит об их мастерстве уменьшать или увеличивать рисунки. 'Havia Pintores buenos, que retrataban al natural, en especial Aves, Animales, Arboles, Flores, y Verduras, y otras semejantes, que vsaban pintar, en los aposentos de los Reies, y Señores; pero formas humanas, así como rostros, y cuerpos de Hombres, y Mugeres, no los pintaban al natural.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 487, том i., стр. 388; *Мендиета, История. Эклз.*, стр. 404. 'Dans leur grotesque et leur raccourci, on trouve encore cependant une délicatesse de pinceau, fort remarquable, une pureté et une finesse dans les esquisses, qu'on ne saurait s'empêcher d'admirer; on voit, d'ailleurs, un grand nombre de portraits de rois et de princes, qui sont évidemment faits d'après nature.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 653-4. "Мы видели карту этих стран около 30 футов в длину и чуть меньше в ширину, сделанную из белого хлопка, на которой была подробно описана вся пьеса". *Питер Мартин*, декабрь v., lib. x., iii., v.

[609] 'La Natura ad essi somministrava quanti colori fa adoperar l'Arte, e alcuni ancora, que essa non è capace d'imitare.' The specimens made after the conquest were very inferior. *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., pp. 197-9. 'Hazense las mejores ymagines de pluma en la prouincia de Mechoacan en el pueblo de Pascaro.' *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 285. 'Vi ciertos follajes, pájaros, mariposas, abejones sobre unas varas temblantes, negras é tan delgadas, que apenas se veian, é de tal manera que realmente se hacian vivas á los que las miraban un poquito de lejos: todo lo demas que estaba cerca de las dichas mariposas, pájaros é abejones correspondia naturalmente á boscajes de yerbas, ramos é flores de diversas colores é formas.' *Zuazo, Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 360. 'Figuras, y imagenes de Principes, y de sus idolos, tan vistosas, y tan acertadas, que hazian ventaja a las pinturas Castellanas.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., cap. xv. 'Muchas cosas de Pluma, como Aves, Animales, Hombres, y otras cosas mui delicadas, Capas, y Mantas para cubrirse, y vestiduras para los Sacerdotes de sus Templos, Coronas, Mitras, Rodelas, y Mosqueadores.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 488-9; *Ветеринар, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 59; *Мендиета, История. Еcles.*, стр. 405-6; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. lxii. 'Acontece les no comer en todo vn dia, poniendo, quitando y assentando la pluma, y mirando á una parte, y á otra, al sol, a la sombra,' etc. *Гомара, Конв. Мексика*, стр. 116-17. Упоминание о птицах, у которых были яркие перья. *Берналь Диас, История. Конк.*, фол. 68-9. 'Ils en faisaient des rondaches et d'autres insignes, compris sous le nom d' "Apanecayotl," dont rien n'approchait pour la richesse et le fini.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 285; *Саагун, История. Быт.*, том iii., lib. x., стр. 109. Упоминание о некоторых образцах, сохранившихся в Европе. *Klemm, Cultur-Geschichte*, том v., p. 30.

[610] *Саагун, История. Бытие.*, том ii., lib. ix., стр. 392-6.

[611] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 489; *Vetancvrt, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 59; *Мендиета, История. Еcles.*, p. 405; *Las Casas, Hist. Apologética*, CP., загл. л.

[612] *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 201-3; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 147; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 244.

[613] 'Avvegnachè i lor più celebri Aringatori non sieno da paragonarsi cogli Oratori delle Nazioni culte dell'Europa, non può peraltro negarsi, che i loro ragionamenti non fossero gravi, sodi, ed eleganti, come si scorge dagli avanzi che ci restano della loro eloquenza.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., pp. 174-5. 'Les raisonnements y sont graves, les arguments solides, et pleins d'élégance.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Гражданка*, том iii., c. 672; *Прескоттовский словарь.*, том i., стр. 172-3. Речь Монтесумы перед Кортесом, в *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 285-6.

"Испанцы подарили нам много прекрасных отточенных индийских речей, но они, безусловно, были сфабрикованы в Мадриде". *Адэр, Амер. Инд.*, стр. 202.

[614] Четыре стихотворения или фрагмента приведены на испанском языке в *мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, vol. viii., стр. 110-15. В № 1 темой является тиран Тезозомокъ; № 2 - ода об изменчивости жизни; № 3 - ода, прочитанная на пиру, в которой великие короли Анахуака сравниваются с драгоценными камнями; № 4 был написан для посвящения дворца автора и повествует о неудовлетворительном характере земных почестей. Номера 2 и 3 также находятся в документе. *История Мексики.*, серия iii., том iv., стр. 286-93. № 2 приведен в *Мексике Прескотта.*, том iii., стр. 425-30, в испанских и английских стихах. Французский перевод № 1 дан Брассером де Бурбургом, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 672-4, который также приводит дополнительный образец из грамматики Карочи на ацтекском и испанском языках. № 1, 2 и 4 на французском, в *Bussierre, L'Empire Mex.*, стр. 411-17. № 4 можно найти в *Granados y Galvez, Tardes Amer.*, стр. 90-4. № 1 и 4 на немецком, в *Müller, Reisen*, том iii., стр. 138-41, где также приведены две дополнительные оды. № 2 также приведен на немецком языке Клеммом, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 146-51.

[615] *Ботурины, Идея*, стр. 90-7. Язык их поэзии был блестящим, чистым и приятным, образным и украшенным частыми сравнениями с самыми приятными объектами в природе. *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., pp. 174-6. Несауалькойотль оставил шестьдесят гимнов, сочиненных в честь Создателя Небес. *Id.*, том i., стр. 232, 245-7; *Пиментель, Воспоминания о Разе индейцев*, стр. 57-9; *Прескотт Мекс.*, том i., стр. 108, 171-5; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 639-40. 'Cantauan lamentaciones, y endechas. Tenian pronosticos, especialmente que se auia de acabar el mundo, y los cantauan lastimosamente: y tambien tenian memoria de sus grandezas, en cantares y pinturas.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vi., cap. xvi.; *Ixtlilxochitl, Hist. Чуч.*, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 275.

[616] *Молина, Словарь; Леон-и-Гама, Душ Пьедрас*, часть ii., стр. 128-47; *Сокр. мексиканский. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iv, сентябрь 1872 г.; *Галлатин, в амер. Этно. Соч., Transact.*, т. i., стр. 49-57; *Пиментель, Воспоминания о Разе индейцев*, стр. 45-7; *Прескоттовский словарь*, т. i., стр. 109-10.

[617] Моими авторитетными источниками по этому вопросу в этой главе являются: *Саагун, История. Быт.*, том ii., библиотека ix., стр. 282-337, 387-96, том iii., библиотека x., стр. 107-12, 117-18, 122, 131, 137; *Лас Касас, История. Apologética*, MS., cap. l., lxii-lxiii., lxv., cxxi., cxxxii., clxxii., cxxi.; *Mendieta, Hist. Eccles.*, стр. 403-7; *Коптес, Картас*, стр. 29-34, 94, 100-1, 109, 183, 192; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 198, 285, 324; *Ветеринар, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 59-60; *Бомон, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 48-50; *Ботурины, Идея*, стр. 77-8, 90-7; *Петр Мученик*, дек. iv., lib. iv., дек. v., том i.-v., x., дек. viii., lib. iv.; *Гомара, Конкв. Мексика*, fol. 39, 42, 60-2, 75, 116-18, 135-6, 318, 324-5, 342-3; *Дюран, Привет. Индия*, CP., том i., глава iii.; *Леон и Гама, Дос Пьедрас*, часть ii., стр. 26, 128-47; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i., стр. 232, 245-7, том ii., стр. 174-8, 189-99, 205-10, 224-8, том iv., стр. 210-11, 232, 239; *Торквемада, Монарх. Ind.*, том. i., стр. 37, 72, 146-7, 168, 228-31, том. ii., стр. 263, 486-90, 557-8; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 243-4, 264; *Id., Relaciones*, стр. 327, 332, 440-1, 455; *Herrera, Hist. Gen.*, дек. ii., lib. v., cap. iv., v., lib. vi., cap. xi., xvi., lib. vii., cap. ii., vii., ix., xv., дек. iii., lib. iii., cap. ix.; *Камарго, Ист. Плах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 133; *Тезозомокъ, Crónica Mex.*, в *мексиканском журнале Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 17, 41, 46, 49, 64, 171; *Овьедо, История. Генерал*, том i., стр. 520-1, 526-8, 533, том iii., стр. 259, 272, 285-92, 298-300, 305, 464-5, 499; *Бургоа, Геог. Описание*, том i, часть ii, фол. 156, 160-1; *Берналь Диас, История. Conq.*, fol. 26-7, 68-9; *Вейтия, Hist. Ant. Mej.*, том i, стр. 154, 238, 252-3, том iii, стр. 201-3, 319; *Зуазо, Carta*, в *Icazbalceta*, кол. de Doc., том i., стр. 360-2; *Диас, Итеринарио*, в издании, стр. 299; *Связь Алгунаса Козас*, в издании, стр. 378-9; *Мотилиния, История. Indios*, в *Id.*, стр. 204, 211; *Эрнандес, Завод Нова.*, стр. 339; *Гранадос-и-Гальвес, Тардес Амер.*, стр. 90-4; *Прескоттсекс.*, т. i., стр. 99-100, 108-10, 138-45, 170-5, т. iii., стр. 425-30; *Эвбанк*, в *сборнике Скулкрафта.*, т. iv., стр. 44-56; *Мюллер, Райзен*, том iii., стр. 125-8, 134; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 62, 99-102, 378, 431-2, 498, 588-9, 638-40, 652-3, 657-60, 666-7, 682-3, том ii., стр. 60, 69-70, 74, 103-4, 198, 230-1; *Сокр. Мексик. Геог., Болетин*, 2da ероса, том i, стр. 721, том iv, сентябрь 1872 г.; *Rosny*, в *Comité d'Arch. Америка.*, 1866-7, стр. 15-16; *Галлатин, в Америке. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 49-57; *Исследования Тайлора*, стр. 165, 194, 201, 267; *Id., Анауак*, стр. 95-101, 107-9; *Гумбольдт, Эссе Пол.*, том ii., стр. 454, 485; *Карли, Картас*, часть ii., стр. 94-7; *Ленуар, Параллель*, стр. 48, 56, 62, 64-5; *Брассер де Бурбург, Хист. Нац. Civ.*, том i, стр. 130, 271-2, 285-6, 288, том iii, стр. 648-54, 672-4; *Id.*, в *Новых анналах Войны.*, 1858, том. кликс., стр. 77-

85; Пиментель, *Воспоминания о Раде индейцев*, стр. 44-7, 54-9; Каво, *Трес Сиглос*, том iii, стр. 49; Виолле-ле-Дюк, в *Шарне, Руины Америки.*, стр. 86-7; Браунелл инд. *Расы*, стр. 94; Эдинбургское обозрение, июль 1867 г.; Клемм, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 13-20, 24, 26-32, 144-51, 162-3, 181; Бариль, *Мексика*, стр. 209-10; Бюссьер, *Мексиканская империя*, стр. 168-72, 244, 270, 411-17; *Мексиканский Кингсборо. Антик.*, том. viii., стр. 110-15; *Вест-Индский шпигель*, стр. 218, 220, 225-6, 238-9, 246, 250-1, 343; Шевалье, *Мексика, Древние и современные*, стр. 19, 28, 36-7; *История Мексики Милля*, стр. 150; *Эредиа и Сармьенто, Проповедь*, стр. 73, 83; *Новый обзор Гейджа*, стр. 110-11; *Лафон, Путешествия*, том i, стр. 161-2; *Турон, История Германии*, том iii, стр. 142, 146; *Мир Фрэншема в Миниатюра*, том ii., стр. 9; *Монтанус, Новый Вирельд*, стр. 221-2; *Данпер, Новый мир*, стр. 248-50; *Мальтебран, Краткое изложение геологии.*, том vi., стр. 435, 456; *Дюпэ, Отв., 2-й опыт.*, стр. 25, 28; *Соден, Испанец в Перу*, том ii., стр. 27-9; *Ванпаус, Геогр. статистика*, стр. 47; *Монглав, Резюме*, стр. 43, 52, 57; *Делапорте, Райзен*, том x., стр. 268; *Гордон, История. и Геог. Мет.*, стр. 76; *Helps' Span. Conq.*, том ii., стр. 268-9, 450; *Альзате-и-Рамирес, Сборник воспоминаний Грана.*, СР.

[618] *Икстлильшочитль, Родственники*, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, том. ix., p. 322. 'En un año que fué señalado con el geroglífico de un pedernal, que segun las tablas parece haber sido el de 3901 del mundo, se convocó una gran junta de astrólogos ... para hacer la correccion de su calendario y reformar sus cómputos, que conocian errados segun el sistema que hasta entónces habian seguido.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том. i., p. 32.

[619] *Id.*, стр. 31-2.

[620] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 205; *Id., Relaciones*, в *Id.*, стр. 331-2, 459; *Камарго, История. Тлах.*, в "Новых анналах войны", 1843, том. xcix., стр. 132; *Ternaux-Comrans*, в *Ид.*, 1840, том. lxxxvi., стр. 5-6; *Ботурины, Идея*, стр. 3; *Клавиджеро, История древней Мессии*, том ii., стр. 57; *Брассер де Бурбур, Существуют источники истории. Prim.*, pp. 26-7; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), in *Kingsborough's Mex. Antiq.*, vol. v., стр. 164-7; *Объяснение Теллеруано-реминисценционного кодекса*, в *документе*, стр. 134-6. "Синко Солес к сыну эдадес" ... el primer Sol se perdio por agua.... El segundo Sol perrecio cayendo el cielo sobre la tierra.... El Sol tercero falto y se consumio por fuego.... El quarto Sol fenecio con aire.... Del quinto Sol, que al presente tienen.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 297. 'Le ciel et la terre s'étaient faits, quatre fois.' *Codex Chimalpopoca*, in *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. i., p. 53. 'Creyeron que el Sol habia muerto cuatro veces, ó que hubo cuatro soles, que habian acabado en otros tantos tiempos ó edades; y que el quinto sol era el que actualmente les alumbraba.' *Leon y Gama, Dos Piedras*, pt i., p. 94. 'Hubo cinco soles en los tiempos pasados.' *Mendieta, Hist. Eccl.*, стр. 81, дословно повторено *Торквемадой, Монарком. Инд.*, том ii., стр. 79; *Гумбольдт, Vues*, том ii., стр. 118-29; *Галлатин, в амер. Этно. Soc., Transact.*, vol. i., p. 325; *Müller, Amerikanische Urreligionen*, pp. 510-12.

[621] *Гомара, Конк. Мекс.*, fol. 296-7; *Саагун, История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 256-7; *Акоста, История. de las Ynd.*, стр. 397-8; *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас*, часть первая, стр. 16 и далее; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том первый, стр. 42 и далее.

[622] 'No todos comenzaban á contar el ciclo por un mismo año: los tultecos lo empezaban desde *Tecpatl*: los de Teotihuacan desde *Calli*; los mexicanos desde *Tochtli*; y los tezcocanos desde *Acatl*.' *Leon y Gama, Dos Piedras*, pt i., p. 16; *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том. i., p. 58. 'So begannen die Aculhuas von Texcoco ihre Umläufe mit dem Zeichen Ce Tecpatl, die Mexicaner dagegen im Ce Tochtli.' *Müller, Reisen*, том. iii., p. 65; *Boturini, Idea*, p. 125.

[623] 'Esto circulo redondo se dividia en cuatro partes.... La primera parte que pertenecia á Oriente llamabanle los trece años de las cañas, y asi en cada casa de los trece tenian pintada una caña, y el número del año corriente.... La segunda parte aplicaban al septentrion, que era de otras trece casas, á las cuales llamaban las trece casas del pedernal; y asi tenian pintado en cada casa un pedernal.... A la tercera ... parte Occidental, llamabanle las trece casas, y asi verémos en cada parte de las trece una casilla pintada.... A la cuarta y última parte que era de otros trece años, llamabanla las trece casas del conejo; y asi en cada casa de aquellas verémos pintada una cabeza de conejo.' *Duran, Hist. Индия*, ср., том iii, приложение, глава i.

[624] Джемелли Карери дает эти названия в другом порядке, называя точтли южным, акатль восточным, текпатль северным и калли западным; далее, точтли землей, акатль водой, текпатль воздухом и калли огнем. *Джемелли Карери, полковник Черчилля. Путешествия*, том iv., стр. 487-8; *Ботурины, Идея*, стр. 54-8. Приведенные выше названия являются лишь переносными, поскольку слова, обозначающие стороны света, а также элементы, в мексиканском языке совершенно разные.

[625] Ботурины повторяет Мартина де Леона и Джемелли Каррери.

[626] Гумбольдт и Галлатин повторяют Леона-и-Гаму.

[627] 'Itetl, Ititl, barriga o vientre.' *Molina, Vocabulario*. 'Ventre, la madre, á excepcion del padre.' *Salva, Nuevo Dicc.* - Титул ... significa fuego. Tititl escrito en dos sílabas y seis letras nada significa en el idioma mexicano' *Cabrera, in Ilustracion Mex.*, tom. iv., p. 468.

[628] "Искалия, абиуар, торнар ан си, о воскрешении". *Молина, Словарь*.

[629] 'Quiahuitl-ehua ... significa la lluvia levanta.' *Cabrera, in Ilustracion Mex.*, tom. iv., p. 464.

[630] "Toçoliztli vela, el acto de velar o de no dormir." *Molina, Vocabulario*.

[631] "Гарганта тотузкатлан, тузквитль". *Ib.*

[632] О различных этимологиях названий месяцев см.: *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Ватикано) в книге Кингсборо "Мексиканский язык". *Antiq.*, vol. v., стр. 190-97; *Объяснение Теллериано-реминисценционного кодекса*, в издании, стр. 129-34; *Леон, Камино дель Съело*, fol. 96-100; *Ботурины, Идея*, стр. 50-52; *Вейтия, История. И. Медж.*, том i., стр. 64-5; *Клавиджеро, История Античности*, том ii., стр. 66-83; *Гумбольдт, Вю*, том i., стр. 349-352; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 502-36; *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 250-300.

[633] Этот порядок варьируется несколькими авторами. Veytia gives the following entirely different system: 'Si el año era del carácter Tecpatl, con este se señalaba el primer dia de cada mes, y seguian anotándose los demas con los geroglíficos siguientes en el órden en que los he puesto; de manera que el vigésimo dia de cada mes se hallaba Ollin.... Вторая эра героглифики Калли, до сих пор живущая в коменцабе, и сегодня мы узнаем примеры того, как мы справляемся с этой задачей." Тому же методу, по его утверждению, следуют и в те годы каждого тлапилли, которые начинаются с Тохтли и Акатля. Для *козакаухтли* он использует имя *темезтлатль*, или метате. *Hist. Ant. Mej.*, том i., стр. 76-80; *Гомара, Конв. Мексик.*, fol. 294-5. Джемелли Карери утверждает, что Чипактли не всегда был первым днем месяца. *Полковник Черчилля. Путешествия*, том iv, стр. 489; *Дюран, История. Indias*, ср., том iii., приложение, глава ii.; *Ritos Antiguos*, стр. 22, в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, том ix.; *Мотолиния, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 36. Ботурины добавляет к Ollin слово Tonatiuh и переводит его как "движение солнца". *Идея*, стр. 45. Гама помещает Ollin между Atl и Ицкуинтли. *Дос Пьедрас*, часть первая, стр. 26; *Галлатин, в Америке. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 59; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 463. См. также иероглифы в *Codex Telleriano-Remensis*, стр. ix., в журнале *Kingsborough's Mex. Antiq.*, том i., и *Codex Borgian*, в изд., том iii., стр. 24; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii, стр. 304. В Никарагуа, где большая часть населения говорила на языке ацтеков, календарь и названия дней были такими же, как у ацтеков, с небольшими отличиями в написании. Овьедо приводит названия дней следующим образом: "Агат, оселот, оате, косагоате, олин, тапекат, киауит, сочит, чипат, акат, кали, кеспал, коут, мисисте, мачат", тосте, ат, исквинди, окомате, малинал, акато.... Un año ... tiene diez çempuales, é cada çempual es veynte dias.' *Hist. Gen.*, tom. iv., p. 52.

[634] Саагун, а вслед за ним и несколько других, с этим не согласны, но утверждают, что каждый четвертый год добавлялся один день, по случаю чего отмечался определенный праздник, но Гама ясно продемонстрировал, что это ошибка. 'El año visiesto, que era de cuatro en cuatro años.' *Hist. Gen.*, tom. i., lib. ii., p. 75. 'Otra fiesta hacian de cuatro en cuatro años á honra del fuego, en la que ahugeraban las orejas á todos los niños; y la llamaban *Pillabanaliztli*, y

en esta fiesta es verosimil, y hay congeturas que hacian su visiesto contando seis dias de *nemontemi*.' *Id.*, tom. iv., pp. 347-8. Ботурини придерживается того же мнения. 'Determinaron cada quatro años añadir un dia mas, que recogiesse las horas, que se desperdiciaban, lo que supongo executaron contando dos veces uno de los Symbolos de el ultimo mes de el año, á la manera de los Romanos.' *Idea*, p. 137. 'El año de visiesto que era de quatro à quatro años.' *Leon, Camino del Cielo*, fol. 100. - Они упорядочивают виссекстиль, или високосный год, таким образом. Первый год эпохи начинался десятого *апреля*, так же как и второй и третий, но четвертый или високосный год - девятого, восьмой - восьмого, двенадцатый - седьмого, шестнадцатый-шестого числа, до конца эпохи, который приходился на двадцатьвосьмое число *марта*, когда тринадцать дней високосных лет до десятого *апреля* были проведены в ликовании.' *Джемелли Карери, полковник Черчилля. Путешествия*, том iv., стр. 490. Вейтия, следуя Ботурини, добавляет один день каждый четвертый год, повторяя последний день. *История. Ант. Медж.*, том i., стр. 110-20. 'La correccion no se hacia hasta el fin del ciclo, en que se intercalaban juntos los 13 dias.' *Leon y Gama, Dos Piedras*, pt. i., p. 24. 'Les Mexicains ont évidemment suivi le système des Perses: ils conservoient l'année vague jusqu'à ce que les heures excédantes formassent une demilunaison; ils intercaloient, par conséquent, treize jours toutes les *ligatures* ou cycles de cinquante-deux ans ... à chaque année du signe *tochtli*, les Mexicains perdoient un jour; et, par l'effet de cette *rétrogradation*, l'année *calli* de la quatrième indiction commençoit le 27 décembre, et finissoit au solstice d'hiver, le 21 décembre, en ne faisant pas entrer en ligne de compte les cinq jours inutiles ou complémentaires. Il en résulte que ... treize jours intercalaires ramènent le commencement de l'année au 9 janvier.' *Humboldt, Vues*, том. ii., pp. 60-1. 'Non frammettevano un giorno ogni quattro anni, ma tredici giorni ... огни чинкванты из-за анни". *Клавиджеро, История античности*, том ii., стр. 62. "Они ждали до истечения пятидесяти двух неопределенных лет, когда у них было тринадцать дней, или, скорее, двенадцать с половиной, именно столько выпало просроченной задолженности". *Прескотт Мекс.*, том i., стр. 112; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 469. In this connection I also give the remarkable statement of Pedro de los Rios in his interpretation of the Codex Vaticanus: 'Item, si ha da notare, che il loro bisesto andava solo in quattro lettere, anni, o segni che sono Canna, Pietra, Casa, e Coniglio, perchè come hanno bisesto delli giorni a fare di quattro in quattro anni un mese di quelli cinque giorni morti che avanzavano di ciascun anno, cosi avevano bisesto di anni perchè di cinquantadue in cinquantadue anni, che è una loro Età, aggiungevano un anno, il quale sempre veniva in una di queste lettere o segni perchè come ogni lettera o segno di questi vinti habbia tredici del suo genere che le servano, *verbi grati*â.' *Kingsborough's Mex. Антик.*, том v., стр. 174-5. In the Explicacion del Codex Telleriano-Remensis we read: 'Á 19 de Fevrero los cinco dias muertos que no avia sacrificios; estos eran los dias que sobran de los de veynte en veynte del año: y siempre en cumpliendose los 365 dias, dexavan pasar estos, y luego tornavan a tomar el año en la letra que entrava.' *Id.*, p. 134. К этому лорд Кингсборо добавляет в примечании: "Мексиканцы считали 365 дней в своем году; последние пять из которых не имели ни знака, ни места, отведенного им в календаре; поскольку, если бы они были допущены, порядок знаков был бы перевернут, и новый год не всегда начинался бы с Се Сиракти. Таким образом, эти дни, хотя и были включены в исчисление года, были исключены из календаря до тех пор, пока по истечении четырех лет не можно было произвести вставку двадцати соответствующих знаков, не внося в нее никакой путаницы. Однако, по-видимому, эта интеркаляция фактически произошла только по истечении 52 лет; ибо невозможно, кроме как исходя из этого предположения, понять *интеркаляцию лет*, упомянутую в Ватиканской рукописи, как происходящую по истечении каждого периода в 52 года, когда вставлялся целый год: но если допустить перенос интервала в месяц каждые четыре года в течение периода в 52 года, такая интеркаляция тогда стала бы вполне понятной; поскольку тринадцать мексиканских месяцев по 20 дней в каждом в точности составляют ритуальный год рождения Христова. мексиканцев, который содержал 260 дней и был короче гражданского года на 105 дней; и это точное количество месяцев, из которых внедрение было бы отложено". *Мексика. Антик.*, том vi., стр. 103-4.

[635] *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас*, часть первая, стр. 62-89; *Галлатин, в амер. Этно. Соч., Transact.*, т. i, стр. 69-86. Причина, по которой Вейтия начал год с Атемоztли, заключается в том, что в календарном круге, который он видел и копию которого я вставляю, это был месяц, следующий за пятью немонтеми. Это кажется очень разумным, но, тем не менее, расчеты Гамы и Галлатина показывают, что это ошибка. См. *Вейтию, Hist. Ant. Mej.*, том i., стр. 74-5.

[636] Boturini gives the rulers of the night as follows: Xiuhteucyòhua, Señor de el Año; Ytzteucyòhua, Señor de el Fuego; Piltzintecyòhua, Señor de los Niños; Cinteucyòhua, Señor de el Maiz; Mictlanteucyòhua, Señor de el Infierno; Chalchihuitlicueyòhua, Señor de el Agua; Tlazolyòhua, Señor de el Amor deshonesto; Tepeyoloyòhua, Señor de los Entrañas de los Montes; Quiauh-teucyòhua, Señor de las Lluvias. *Идея*, стр. 58.

[637] *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас*, часть первая, стр. 29-31, 52-3; *Ботурины, Идея*, стр. 57-9; *Галлатин, в амер. Этно. Соч., Transact.*, т. i, стр. 61.

[638] *Галлатин, в Америке. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 94-103; *Леон и Гама, Дос Пьедрас*, часть i., стр. 89-114. Дальнейшее описание и упоминание астрономической системы можно найти в *Humboldt, Vues*, том i, стр. 332-92, и том ii, стр. 1-99, 356-80; *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 295-305; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. cxli.; *Саагун, История. Быт.*, том i., lib. ii., стр. 49-76, том iv., стр. 282-309, 338-49, том ii., lib. vii., стр. 256-60, 264-5; *Объяснение Ватиканского кодекса, в мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, том vi., стр. 196, 200; *Ботурины, Идея*, стр. 42-59, 109-10, 122-4, 137-40, 153-5; *Id., Каталога*, стр. 57-72; *Мотолония, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Дос.*, том i., стр. 35-8; *Вейтия, История. Ист. Медж.*, том i., стр. 30-138; *Карбахаль Эспиноза, История. Мексик.*, том i., стр. 517-31; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 457-82; *Гомара, Кон. Мексика*, fol. 294-97; *Джемелли Карери, в письме Черчилля полковнику. Путешествия*, том iv., стр. 487-90; *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас; Галлатин, в Америке. Этно. Соц., Transact.*, том i., стр. 57-115; *Лаэт, Novus Orbis*, стр. 241-2; *Прескоттовский словарь*, том i., стр. 110-27; *Пиментель, Сборник воспоминаний о Разе индейцев*, стр. 41-3; *Небель, Виаже*, pl. i.; *Эррера, История. Генерал, декабрь. iii.*, библиотека ii., глава xviii.; *Ixtlilxochitl, Relaciones*, в журнале *Кингсборо Mex. Antiq.*, том ix., стр. 322-4; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 397-9; *Клавиджеро, История античности*, том ii., стр. 56-65; *Мюллер, Райзен*, том iii., стр. 63-90; *Исследования Маккаллоха в Америке*, стр. 201-25; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 128-30; *Исследования Тайлора*, стр. 92-4; *Id., Анахиас*, стр. 103; *Свод Скулкрафта.*, том i., стр. 44-5; *Монтанус, Ньюве Верфилд*, стр. 266-7; *Питер Мученик*, iv дек., lib. viii., стр. 537-8; *Бариль, Мексика*, стр. 194-5, 211-15; *Книга Мортонна "Череп Америки"*, стр. 150; *Мальтебран, Краткое изложение геологии*, том vi., стр. 445, 293; *"Прогресс Америки" Макгрегора.*, том i, стр. 22; *Журнал Чемберса.*, 1835, том iv., с. 254; *Лафон, Путешествия*, том i., стр. 118; *Турон, История. Гenezис.*, том iii., стр. 21-2, 24-5; *Заметки Пойнсетта Мех.*, стр. 111, 75-6; *"Десять колен Саймона"*, стр. 149-57; *Нар. Кендалла*, том ii., стр. 328; *Нар Причарда. Хист. Человек*, том ii., стр. 507; *Кабрера, в Иллюстрации Мексики.*, том iv., стр. 461-70; *Мюллер, Американская религия*, стр. 93-4; *Гумбольдт, Очерки политики*, том i., стр. 92; *Мексиканский журнал Томпсона.*, стр. 213; *Фаллиес, Этюды Исторические. sur les Civilisations*, Paris, (n. d.) pp. 57-62.

[639] 'Los cuatro meses que faltan son los que corresponden á nuestro enero, febrero y marzo, porque al manuscrito le falta la primera hoja, y solo comienza desde el dia 22 de marzo, y concluye en 31 diciembre, confrontando sus meses con los nuestros.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том i., p. 138. 'Il est dit que l'année commençait au 22 mars avec le premier jour In Thacari.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 467.

[640] *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. 137-8; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 463, 467; *Галлатин, в амер. Этно. Соц., Transact.*, т. i, стр. 104-5.

[641] 'Dabanle diez y ocho meses de à 20. dias, y otro mas de cinco, y este al cabo de quatro años como nuestro Bisiesto lo variaban à seis dias, pos las seis horas que sobran cada año.' *Burgoa, Geog. Описание.*, том i, часть ii, следующий за 136.

[642] 'Todas las cosas que conferimos me las dieron por pinturas, que aquella era la escritura que ellos antiguamente usaban: los gramáticos las declararon en su lengua, escribiendo la declaracion al pie de la pintura. Tengo aun ahora estos originales.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том i., p. iv. 'Aunque no tenian escritura como nosotros tenian empero sus figuras y caracteres que todas las cosas qui querian, significaban; y destas sus libros grandes por tan agudo y sutil artificio, que podriamos decir que nuestras letras en aquello no les hicieron mucha ventaja.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава ccxxxv. 'Tenian sus figuras, y Hieroglyphicas con que pintauan las cosas en esta forma, que las cosas que tenian figuras, las ponian con sus propias ymagines, y para las cosas que no auia ymagen propria, tenian otros caracteres significatiuos de

aquello, y con este modo figurauan quanto querian.' *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 408. 'Letras Reales de cosas pintadas, como eran las pinturas, en que leiò Eneas la destruicion de Troya.' 'Y esto que afirmo, es tomado de las mismas Historias Mexicanas, y Tetzucucanas, que son las que sigo en este discurso, y las que tengo en mi poder.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том. i., стр. 29, 149, также стр. 30-1, 36, 253, том. ii., стр. 263, 544-6. "Я уже говорил, что у них есть книги, которых они принесли много; но этот Рибера говорит, что они созданы не для всеобщего чтения.... Что я должен думать об этом разнообразии, я не знаю. Я полагаю, это би букс.' *Петр Мученик*, дек. v, lib. x., дек. iii., lib. viii. 'Y entre la barbaridad destas naciones (de Oajaca) se hallaron muchos libros à su modo, en hojas, ò telas de especiales cortesas de arboles.... Y destes mesmos instrumentos he tenido en mis manos, y oydoles explicar à algunos viejos con bastante admiracion.' *Burgoa, Palestra Hist.*, pt i., p. 89. 'Pintaban en vnos papeles de la tierra que dan los arboles pegados vnos con otros con engrudos, que llamaban *Texamaltl* sus historias, y batallas.' *Vetancvrt, Teatro Mex.*, pt ii., p. 60. 'Lo dicho lo comprueban claramente las Historias de las Naciones Tulteca y Chichimeca, figuradas con pinturas, y Geroglíficos, especialmente en aquel Libro, que en Tula hicieron de su origen, y le llamaron Teomaxtli, esto es, Libro divino.' *Lorenzana*, in *Cortés, Hist. N. España*, pp. 6, 8-9. "Теперь без всяких придиорок доказано, что и в Мексике, и на Юкатане за столетия до Колумба существовала фонетическая система письма, которая обеспечивала увековечение их историй и легенд". *Мифы Бринтона*. См. также *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 203-4, 235, 287; *Id., Relaciones*, в *Id.*, стр. 325; *Ritos Antiguos*, стр. 4, в *Id.*; *Гарсия*, в *Id.*, vol. viii., стр. 190-1; *Гомара, Конв. Мексика*, том 299; *Мотилиния, История. Индиос*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 186, 209; *Fuenleal*, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, série i., том x., стр. 250; *Вейтия, История. И. Медж.*, том i., стр. 6-7, 251-2; *Берналь Диас, История. Conq.*, fol. 68; *Покупает свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1135.

[643] 'Aunque por haverse quemado estos Libros, al principio de la conversion ... no ha quedado, para aora, mui averiguado todo lo que ellos hicieron.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том. ii., стр. 544, том. i., prólogo. Некоторые из них были сожжены по приказу монахов, опасаясь, что с точки зрения религии эти книги могут оказаться вредными. *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава cxxxv. Королевские архивы Тецкоко, непреднамеренно сожженные первыми жрецами. *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском *Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 203. 'Principalmente habiendo perecido lo mejor de sus historias entre las llamas, por no tenerse conocimiento de lo que significaban sus pinturas.' *Leon y Gama, Dos Piedras*, pt i., pp. 2, 5. 'Por desgracia los misioneros confundieron con los objetos del culto idolátrico todos los geroglíficos cronológicos é históricos, y en una misma hoguera se consumia el ídolo ... y el manuscrito.' *Alaman, Disertaciones*, том. ii., p. 154. См. также *Мех. Прескотта*, том i, стр. 101; *Саагун, История человечества*, том iii, библиотека x, стр. 139-41; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii, стр. 188; *Бустаманте, Маньянас*, том ii, прелого; *Гумбольдт, Вью*, том i, стр. 226; *Уилсоновский Конк Мексика.*, стр. 24.

[644] "Именно этому переходному периоду мы обязаны многими, возможно, большинством сохранившихся до сих пор фотодокументов". *Исследования Тайлора*, стр. 97. "Там было ... до конца прошлого века был профессором Мексиканского университета, особенно посвятившим себя изучению национальной изобразительной письменности. Но, поскольку это было сделано с целью судебного разбирательства, его информация, вероятно, ограничивалась расшифровкой названий". *Прескотт, Мексика.*, том i, стр. 106. 'L'usage de ces peintures, servant de pièces de procès, c'est conservé dans les tribunaux espagnols long-temps après la conquête.' *Humboldt, Vues*, том. i., pp. 169-70. 'Escriben toda la doctrina ellos por sus figuras y caracteres muy ingeniosamente, poniendo la figura que correspondia en la voz y sonido á nuestro vocablo. Asi como si dijéremos Amen, ponian pintada una como fuente y luego un maguey que en su lengua corresponde con Amen, porque llamada *Ametl*, y así de todo lo demas.' *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава cxxxv. См. также *Ritos Antiguos*, стр. 53, в *Kingsborough's Mex. Antiq.*, том ix.; *Рамуес, Процесс проживания.*; *Карбахаль, Дискурсо*, стр. 115; *Мотилиния, История. Индиос*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 122.

[645] 'Au Mexique, l'usage des peintures et celui du papier de maguey s'étendoient bien au delà des limites de l'empire de Montezuma, jusqu'aux bords du lac de Nicaragua.' 'On voit que les peuples de l'Amérique étoient bien éloignés de cette perfection qu'avoient atteinte les Égyptiens.' *Humboldt, Vues*, том. i., pp. 208, 193-4. "Однако, несмотря на всю свою неуклюжесть, ацтекская изобразительная письменность, по-видимому, соответствовала требованиям

нации". *Мексика Прескотта*, том i, стр. 97-8, 108. "Мексиканцы, возможно, и продвинулись, но, как мы полагаем, не намного, дальше деревенских детей, хозяйки (с ее пивными баллами) или босьесманов". *Quarterly Review*, 1816, том xv., стр. 454, 449. "Рисунки, скопированные в чудовищные тома лорда Кингсборо, мы осудили как испанские измышления". *Wilson's Conq. Mex.*, стр. 21-24. "До тех пор, пока не будут найдены какие-либо доказательства или тень доказательств того, что эти квази-записи имеют ацтекское происхождение, было бы бесполезно исследовать противоречия, абсурдности и бессмыслицу, которые они представляют.... Всю эту историю следует рассматривать как одно из благочестивых мошенничеств Зумарраги". *Id.*, стр. 91-2. 'Las pinturas, que se quemaron en tiempo del señor de México, que se decia *Itzcóatl*, en cuya época los señores, y los principales que habia entónces, acordaron y mandaron que se quemasen todas, para que no viniesen á manos del vulgo, y fuesen menospreciadas.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том. iii., lib. x., pp. 140-1; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. iii., стр. 209. См. также *Вальдек, Вой. Путт.*, стр. 46-7; *Галлатин, в Америке. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 144; *Ороско и Берра, География*, стр. 100; *Мех. Майера. Ацтеки др.*, том i, стр. 93.

[646] Смотрите мексиканскую рукопись. в списке авторитетных источников в первом томе этой работы, где указано местонахождение этого и других кодексов в работе Кингсборо. Этот кодекс был опубликован также в "Пилигримах Перчаса", т. iv.; "Тевено", "Полковник де Вой", 1696, том ii.; и Лоренцаной, в "Кортесе", "Истории Испании". 'D'après les recherches que j'ai faites, il paroît qu'il n'existe aujourd'hui en Europe que six collections de peintures mexicaines: celles de l'Escorial, de Bologne, de Velettri, de Rome, de Vienne et de Berlin.' *Humboldt, Vues*, том. i., p. 215. Смотрите также о Кодексе Мендосы: *Id.*, том ii., стр. 306-22; *История Робертсона. Амер.*, (Лондон, 1777), том ii, стр. 480; *Прескоттовский словарь*, том i, стр. 40, 103-4; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i, стр. 22-3, 25; *Галлатин, в амер. Этно. Соч., Transact.*, т. i, стр. 116-29; *Мексиканский Кингсборо. Антик.*, том vi., стр. 299.

[647] Гумбольдт, *Vues*, том i., стр. 173, 231-47; *Атлас*, pl. 13, 14, 26, 55-6. 60, том. ii., стр. 118; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том. i., стр. 23; *Галлатин, в амер. Этно. Соч., Transact.*, т. i., стр. 116, 125, 132-43; *Мексиканский Кингсборо. Antiq.*, vol. vi., стр. 95, 155; *Конк. Мексика Уилсона*, стр. 91. "Вымысел какого-то испанского монаха". *Ежеквартальное обозрение*, 1816, том xv., стр. 448.

[648] Гумбольдт, *Вюес*, том i., стр. 216-19, 248-56, с фрагментами Кодекса Борджа на листах 15, 27, 37. Некоторые страницы Венского кодекса были опубликованы в *Hist Робертсона. Амер.*, (Лондон, 1777), том ii., стр. 482.

[649] *Карери, Джиро дель Мондо*, (Неаполь, 1699-1700), том vi.; Гумбольдт, *Вю*, том ii., стр. 168-85, *Атлас*, стр. xxxii.; *Мексиканский Кингсборо. Antiq.*, том iv.; *Свод Скулкрафта*, том i, стр. 20; *История Прескотта. Conq. Mex.*, (Мех. 1846), том iii.; *Гарсия и Кубас, Атлас; Десять колен Саймона*, фронтиспис; *Галлатин, в амер. Ethno. Soc., Transact.*, vol. i., стр. 127, объявляет это имитацией, а не копией мексиканской картины, подлинность которой может быть поставлена под сомнение.

[650] *Storia Ant. del Messico*, том. i., pp. 22-6.

[651] Ботурини, *Каталого*, в *Id., Idea*; *Обен, в Брассер де Бурбург, Hist. Нац. Civ.*, том i., стр. xxxiii.; *Мех.Прескотта, том i, стр. 159-60*; Гумбольдта, *Vues, том i, стр. 162-3, 226-8*; Клавиджеро, *История античного мессианства, том i, стр. 16-17, 23-5*; Галлатина, в, *амер. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 120-1; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. xxi., и далее, стр. 116. Эта часть Кодекса Мендосы, приведенная в *Кортесе, Истории Испании*, взята из копии из коллекции Ботурини. Рукопись, описывающая миграцию ацтеков, была опубликована в Кингсборо, Скулкрафте, Прескотте (Мексика, 1846), *Атлас Гумбольдта, Antiq Делафилда. Амер., Атлас Гарсиа-и-Кубаса*, и у меня в библиотеке есть две копии на длинных полосках бумаги, сложенных в оригинальном виде

[652] Ортега в книге *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. xxii-xxiv., говорит, что они не были переданы Вейтии как душеприказчику Ботурини, а просто доверены ему для использования в его работе, а затем возвращены в архивы.

[653] Гондра, в *Прескотте, Hist. Конк. Мекс.* (Мексика, 1846), том iii, стр. ii, говорит, что Гама был наследником Сигуэнсы.

[654] Гумбольдт, *Вю*, том i., стр. 163, 230-1.

[655] Бустаманте, в "*Леон-и-Гама*", *Дос-Пьедрас*, часть первая, стр. ii-iii.

[656] Смотрите список части рукописей М. Обена в *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. lxxvi-lxxviii.; также очень полный отчет о различных коллекциях ацтекских рисунков во вводной главе *Доменека, Пиктографической рукописи*.

[657] В египетском развитии изображенный рот сначала обозначал слово *го*, затем слог *го* и, наконец, букву или звук *г*, хотя сомнительно, чтобы они широко использовали третью стадию, за исключением написания некоторых иностранных слов. Многие китайские картинки двойные, одна определяет звук, другая смысл; как если бы в английском языке мы выражали звук *груша* изображением плода с таким названием, плод *груша* - тем же изображением, сопровождаемым деревом, слово *пара* - тем же изображением и ножом, слово *пара* - изображением и двумя точками и т.д. Гумбольдт, *Вю*, том i., стр. 177-9; *Исследования Тайлора*, стр. 98-101.

[658] Кодекс Мендосы, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, vol. i., pl. lxi. Объяснение, т. v., с. 96-7. См. стр. 241 этого тома.

[659] 'On trouve même chez les Mexicains des vestiges de ce genre d'hiéroglyphes que l'on appelle phonétiques, et qui annonce des rapports, non avec la chose, mais avec la langue parlée.' *Humboldt, Vues*, том i., p. 191, also pp. 162-202. "Но, хотя ацтеки были обучены всем разновидностям иероглифической живописи, они в основном прибегали к неуклюжему методу прямого изображения". *Мексиканский журнал Прескотта*, том i, стр. 97, также стр. 88-107. "Это для М. Обену из Парижа, самому ревностному исследователю мексиканских древностей, мы обязаны нашим первым ясным знанием феномена, представляющего большой научный интерес в истории письменности. Это четко определенная система фонетических символов, о которой Клавиджеро и Гумбольдт, похоже, не знали". *Исследования Тайлора*, стр. 95, также стр. 89-100. 'Dans les compositions grossières, dont les auteurs se sont presque exclusivement occupés jusqu'ici, elle (l'écriture Aztèque) est fort semblable aux rébus que l'enfance mêle à ses jeux. Comme ces rébus elle est généralement phonétique, mais souvent aussi confusément idéographique et symbolique. Tels sont les noms de villes et de rois, cités par Clavigero, d'après Purchas et Lorenzana et d'après Clavigero, par une foule d'auteurs.' Обен, в *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i, стр. xlv., xxx-lxxiv. Смотрите также об ацтекских иероглифах и их объяснении: *Buschmann, Ortsnamen*, том i., стр. 37-48; Гондра, в *Prescott, Hist. Conq. Mex.*, (Мех. 1846), том iii.; *Леон-и-Гама, Дос-Пьедрас*, часть ii., стр. 29-45; *Эвбанк*, в *сборнике Скулкрафта*, том iv., стр. 453-6; *Мендоса*, в *Соч. Мех. Геог., Болетин*, 2da ероса, том i, стр. 896-904; *Рамирес*, в *Ид.*, том iii, стр. 69-70; *Ботурины, Идея*, стр. 5, 77-87, 96, 112-13; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii, стр. 187-94; *Пиментель, Воспоминания. собрание Разума индейцев*, стр. 49-50; *Карбахаль, Дискурс*, стр. 5; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 131-7; *Шевалье, Мексика, Древний. и др.*, стр. 37-8, 58; *Гумбольдт, Очерки политики*, том i., стр. 77, 93; *Предыстория Фостера. Расы*, стр. 322; *Галлатин, в амер. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 126, 165-68; *Рамирес, Процесс проживания.; Ленуар, Параллель*, стр. 13-16; *Предыстория Лаббока. Times*, стр. 279; *Н. Амер. Обзор*, 1839, т. xlviii., стр. 289, 1831, т. xxxii., стр. 98-107; *Амер. Кварт. Ревью*, июнь 1827 г., том i, стр. 438.

[660] В книге Гарсия-и-Кубас, Атлас, с интерпретацией

[661] 'On distingue dans les peintures mexicaines des têtes d'une grandeur énorme, un corps excessivement court, et des pieds qui, par la longueur des doigts, ressemblent à des griffes d'oiseau.... Tout ceci indique l'enfance de l'art, mais il ne faut pas oublier que des peuples qui expriment leurs idées par des peintures ... attachent aussi peu d'importance à peindre correctement que les savans d'Europe à employer une belle écriture dans leurs manuscrits.' Гумбольдт, *Вю*, том i., стр. 198-200; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 653-4. Валадес в 1579 году дал американский фонетический алфавит, представляющий каждую букву объектом, в названии которого она была начальной, на каком-то языке, отличном от ацтекского. О нем ничего не известно. *Id.*, том i., стр. lxx. Борунда приводит *Генеральный совет герольдов Америки*, в "*Голосе Отечества*", 1830, том iv., № iii. —выдержку из

"Леона и Гамы", Дос Пьедрас, часть ii, стр. 33. Ср. Эуфемии Мендоса, в "Соц. Мексике". Геог., Бюлетин, 2da época, том i, стр. 899, придает некоторое значение усилиям Борунды. О сложности интерпретации см. Ботурины, Идея, стр. 116; Мексиканский Кингсборо. Антик, том vi, стр. 87; Торквемада, Монарк. Инд., том i, стр. 149; Икстлильшочитль, История. Чич., в мексиканском городе Кингсборо. Antiq., vol. ix, стр. 201; Мексиканский журнал Прескотта., vol. i, стр. 107.

[662] Ботурины, Идея, стр. 85-7; Вейтия, История. Ант. Медж., том i, стр. 6; Клавиджеро, История Ант. дель Мессико, том ii, стр. 194; Карбахаль Эспиноза, История. Мекс., том i, стр. 656. Вот некоторые дополнительные ссылки на иероглифы: Id., стр. 244, 591-2, 650-6, том ii, стр. 86; "Странствия Нормана в Юк.", стр. 293-5; "Пустыни Доменек", том i, стр. 407-8; Соден, Испанец в Перу, том ii, стр. 27-8; Бюссьер, Мексиканская империя., стр. 175-6; Монтанус, Нью-Верельд, стр. 266-7; Дэппер, Neue Welt, стр. 300; Антик Делафилда. Амер., стр. 42; Пролет Бонникасл. Амер., том первый, стр. 52.

[663] Клавиджеро, История античности, том iv, стр. 212; Диас, История, в Терно-Компансе, Вой., сери i, том x, стр. 27; Брассер де Бурбур, История нац. Civ., том iii, стр. 658.

[664] Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ., том iii, стр. 658.

[665] Торквемада, Монарк. Инд., том ii, стр. 274. Саагун, описывая, как люди воздвигли мачту в честь бога огня, говорит: "Атабанле диез маромас за митад де эль ... у como le iban levantando, ponianle unos maderos atados de dos en dos, y unos puntales sobre que descansase." Hist. Gen., том i, lib. ii, p. 143.

[666] Эррера, История. Генерал., (Перевод, Лондон, 1726), том iii, стр. 280.

[667] Карбахаль Эспиноза, История Мексики., том i, стр. 663; Клавиджеро, История античного Мессико, том ii, стр. 201-2.

[668] Мотилиния, История. Indios, в Иказбалсете, полковник. de Doc., том i, p. 63; Clavigero, Storia Ant. del Messico, том ii, p. 201.

[669] Своими Медными топориками и топорами искусной закалки они повалили эти деревья и обтесали их ровно... проделав отверстие в одном из краев балки, они закрепляют веревку, а затем вставляют в нее свои ножи... подкладывая круглых блоков под древесину". Питер Мученик, дек. v, lib. x.; Саагун, История. Быт., том i, lib. ii, стр. 141.

[670] Клавиджеро, История античного Мессико, том ii, стр. 205; Гомара, Конк. Мексикан., том 318.

[671] Питер Мартир, декабрь v, lib. x., утверждает, что они просверлили отверстия в балках. Следовательно, они, возможно, знали об использовании деревянных засовов, но это сомнительно.

[672] 'Le Tetzontli (pierre de cheveux), espèce d'amygdaloïde poreuse, fort dure, est une lave refroidie. On la trouve en grande quantité auprès de la petite ville de San-Agostin Tlalpan, ou de las Cuevas, à 4 l. S. de Mexico.' Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ., том iii, стр. 381.

[673] Клавиджеро, История античного Мессико, том ii, стр. 202; Карбахаль Эспиноза, История Мексики., том i, стр. 663-4.

[674] Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ., том iv, стр. 8.

[675] Clavigero, Storia Ant. del Messico, том ii, p. 205. Кортес упоминает "суэло ладрильядо" в Истапалапане, Кармас, стр. 83, и Эррера, История. Генерал., дек. ii, lib. vi., глава xii., оба adobes и ladrillos, говоря о строительных материалах.

[676] *Dávila Padilla, Hist. Fvnd. Mex.*, стр. 75; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 665. 'L'ignorante Ricercatore nega a' Messicani la cognizione, e l'uso della calcina; ma consta per la testimonianza di tutti gli Storici del Messico, per la matricola de' tributi, e soprattutto per gli edifizj antichi finora sussistenti, che tutte quelle Nacioni faceano della calcina il medesimo uso, che fanno gli Europei.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 205, том iv., pp. 212-13. И Кортес, *Кармас*, стр. 60, и Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., глава iv., упоминают стены из сухого камня, что показывает, что в тяжелых конструкциях иногда обходились без строительного раствора; но Берналь Диас, *История. Conq.*, fol. 43, противоречит этому примеру.

[677] В Сиенчималене. *Cortés, Cartas*, p. 57.

[678] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iv., стр. 89-90.

[679] Обычно считается, что название Мексики происходит от Мекситля, или Мекси, другого имени Уицилопочтли, любимого бога и вождя ацтеков; многие, однако, думают, что оно происходит от *Мексики*, источников, которых было в изобилии по соседству. Теночтитлан происходит от *теоночтли*, божественного ноцтли, плода нопала, разновидности дикого кактуса, и *титлана*, состоящего из *тетл*, камня или скалы, и *ан*, аффикса для обозначения места, происхождение которого официально принято, как видно из герба города. Другие говорят, что оно взято у *Тенуча*, одного из вождей ацтеков, поселившихся на небольшом острове Пантитлан, оба названия которого вместе образовали бы это слово. 'Ce nom, qui veut dire *Ville de la Tuna*.... Le fruit de cet arbre est appelé *nochtli* en mexicain, car le nom de tuna ... est tiré de la langue des insulaires de l'île de Cuba.... On a aussi prétendu que le véritable nom de Mexico était Quauhnochtitlan, ce qui veut dire *Figuier de l'Aigle*.... D'autres, enfin, prétendent que ce figuier d'Inde n'était pas un *nochtli* proprement dit, mais d'une espèce sauvage qu'on appelle *tenochtli*, ou de celle que les naturels nomment *teonochtli* ou figure divine.' 'Elle avait pris du dieu Mexix celui de Mexico.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том xcix., pp. 174-5. 'Los Indios, dezian; y dizen oy Mexico Tenuchtitlan; y assi se pone en las Prouisiones Reales.' *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава xiv. 'Tenoxtitlàn, que significa, Tunal en piedra.' *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 466. Туземцы "ни ламан Мехико, сино Тенучтитлан". *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 293. 'Tenuchtitlan, que significa fruta de piedra.' 'Tambien dizen algunos, que tuuo esta ciudad nombre de su primer fundador, que fue Tenuch, hijo segundo de Iztacmixcoatl, cuyos hijos y decendientes poblaron ... esta tierra.... Tampoco falta quien piense que se dixo de la grana, que llaman Nuchiztli, la qual sale del mesmo cardon nopal y fruta nuchtli.... Tambien afirman otros que se llama Mexico de los primeros fundadores que se dixerón Mexiti.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 113-15; *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., p. 180; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том i., pp. 168-9. 'Tenochtitlan, c'est-à-dire, auprès des nopals du rocher.' 'Tl-tlan est pris pour le lieu.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 446-9.

[680] В басне Его также называют богом земли.

[681] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 91-4, 289-91; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 443-9.

[682] *Акоста, Hist. de las Ynd.*, pp. 465-7. См. также *Клавиджеро, Историю античного Мессико*, том i, стр. 167-8. Почти все авторы приводят все вышеперечисленные значения, не останавливаясь ни на одном из них.

[683] *Карбахаль Эспиноса, История Мексики*, том i., стр. 313; *Эредиа и Сармьенто, Проповедь*, стр. 95.

[684] Это означает островок, от *tlatelli* "остров". *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава xiv. Вейтия говорит, что это испорченный *ксальтелолко*, песчаный грунт. *Hist. Ant. Mej.*, том ii, стр. 141; *Гомара, Конв. Мексик.*, том 115.

[685] *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том ii., стр. 218; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iv., стр. 5.

[686] Анонимный Завоеватель говорит о двух с половиной-трех лигах в окружности, что принимается большинством авторов. *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigazioni*, том iii., fol. 309. Но так как набережная, образовывавшая полукруг вокруг города, имела в длину три лиги, то и

окружность города была бы не меньше. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iv, стр. 4. Кортес говорит, что он был таким же большим, как Севилья или Кордова. *Кармас*, стр. 103. Эйлон в *документе*, стр. 43, называет количество домов всего 30 000. *Las Casas, Hist. Apologética*, MS., cap. I., который обычно так экстравагантен в своих описаниях, ограничивается "mas de cincuenta mil casas". Гомара, *Кон. Мексика*, fol. 113, 60 000, в каждом из которых проживало от двух до десяти человек. Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 291, называет цифру до 120 000, которая может включать отдаленные пригороды. Размеры и деловитость рынков, остатки руин, которые можно увидеть вокруг современной Мексики, и ее слава подтверждают идею об очень большом населении.

[687] См. *Carbajal Espinosa, Hist. Mex.*, том ii., стр. 216-17, о бывшем и настоящем окружении. Эррера, *История Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава xiv.; *Кортес, Кармас*, стр. 103.

[688] Гомара, *Конв. Мексика*, fol. 115.

[689] 'Erano ... di terra come mattonata.' *Relazione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 309; *Prescott's Mex.*, vol. ii., p. 110.

[690] 'Fueron hechas à mano, de Tierra, y Cespedes, y mui quajadas de Piedra; son anchas, que pueden pasar por cada vna de ellas, tres Carretas juntas, ò diez Hombres à Caballo.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том i., стр. 292; *Лас Касас, История. Apologética*, ср., загл. I.; *Прескоттовский мекс.*, том ii., стр. 69; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том ii., стр. 217. 'Tan ancha como dos lanzas jinetas.' *Cortés, Cartas*, p. 103. Он упоминает четыре дамбы или входа, но сюда должно входить либо ответвление, соединяющееся с южной дорогой, либо акведук. 'Pueden ir por toda ello ocho de caballo á la par.' *Id.*, p. 83. "Вид Мексики", опубликованный в люксембургском издании "*Кортес, Кармас*", указывает на четыре дамбы, помимо акведука, но на эти причудливые разрезы нельзя полагаться. Хелпс, однако, считает, что дамб должно было быть больше, чем упоминают завоеватели. *Размах. Конк.*, том ii., стр. 456, 472. 'Entrano in essa per tre strade alte di pietra & di terra, ciascuna larga trenta passi.' *Relazione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 309. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. iv., p. 4. 'Las puentes que tenian hechas de trecho á trecho.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, фол. 70.

[691] "Дос пуэртас, как войти и как выйти из салена". *Кортес, Кармас*, стр. 84, что, без сомнения, означает, что пассажиры должны были проходить через форт. Он называет второй город по дороге Никьякой, а третий Хучилохучико. Брассер де Бурбур утверждает, что на территории форта был теокалли, посвященный Точи, на котором всю ночь горел маяк, указывая путешественникам дорогу. *История. Нац. Civ.*, том iv., стр. 209-10. Но это ошибка, поскольку Тезозомок, *История Мексики*, часть ii, стр. 184, его авторитет в этом вопросе, утверждает, что маяк находился на холме "на берегу реки Ачучинанко".

[692] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 292; *Лас Касас, История. Apologética*, MS., cap. I.; *Cortés, Cartas*, p. 84. Анонимный Завоеватель называет их длиной в две лиги, полторы лиги и четверть лиги соответственно. *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе*, в *Рамузио, Навигация*, том iii., fol. 309; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том iv, стр. 4, составляет самую короткую лигу.

[693] 'Habia otra algo mas estrecha para los dos acueductos.' *Carbajal Espinosa, Hist. Mex.*, том. ii., p. 217.

[694] В Тецкоко каждый приход был занят отдельным классом торговцев, и это, несомненно, в определенной степени имело место и в Мексике. 'Cada Oficio se vsase en Barrios de por sí; de suerte, que los que eran Plateros de Oro, avian de estar juntos, y todos los de aquel Barrio, lo avian de ser, y no se avian de mezclar otros con ellos; y los de Plata, en otro Barrio,' etc. *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 147; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iv., стр. 3; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том ii., стр. 218.

[695] 'Al rededor de la ciudad habia muchos diques y esclusas para contener las aguas en caso necesario ... no pocas que tenian en medio una acequia entre dos terraplenes.' *Carbajal Espinosa, Hist. Mex.*, том ii., pp. 218-19.

[696] 'Hay sus puentes de muy anchas y muy grandes vigas juntas y recias y bien labradas; y tales, que por muchas dellas pueden pasar diez de caballo juntos á la par.' In case of necessity 'quitadas las puentes de las entradas y salidas.' With this facility for cutting off retreat, Cortés found it best to construct brigantines. *Кармас*, стр. 103; *Мотолония, История. Индиос*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 187; *Берналь Диас, История. Конк.*, фол. 73. 'Otra Calle avia ... mui angosta, y tanto, que apenas podian ir dos Personas juntas, son finalmente vnos Callejones mui estrechos.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том i., стр. 291; *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе*, в *Рамузио, Навигация*, том iii., fol. 309; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., cap. xiii.

[697] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том I. i., стр. 157-8. Здесь сказано, что оно имеет ширину четыре сажени. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. iii., pp. 231-2; *Klemm, Cultur-Geschichte*, том. v., p. 32; *Mühlenpfordt, Mejico*, том. ii., pt ii., p. 255, says: 'Reste des ... gegen 39,400 Fuss langen and 65 Fuss breiten Dammes aus Steinen in Lehm, zu beiden Seiten mit Pallisaden verbrämt.'

[698] *Кортес, Кармас*, стр. 103; *Гомара, Конк. Мекс.*, т. 116; *Овьедо, История генералитета*, том iii., стр. 299; *Карбахаль Эспиноса, История мексики*, том i., стр. 608.

[699] 'Cosi grande come sarebbe tre volte la piazza di Salamanca.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 309; *Motolinia, Hist. Индиос*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 181.

[700] Анонимный Завоеватель утверждает, что по этой дороге проходил акведук длиной в три четверти лиги. *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе*, в *Рамузио, Навигация*, том iii., fol. 309; *Кортес, Кармас*, стр. 108; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iv, стр. 4; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 207; *Прескоттовский словарь.*, том ii., стр. 114.

[701] 'Los caños, que eran de madera y de cal y canto.' *Cortés, Cartas*, pp. 209, 108; *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iii., p. 304. Другие авторы делают трубы больше. 'Tan gordos como vn buey cada vno.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 113. 'Tan anchas como tres hombres juntos y mas.' *Las Casas, Hist. Anologemika*, CP., загл. л.

[702] Cortés, *Cartas*, p. 108, says 'echan la dulce por unas canales tan gruesas como un buey, que son de la longura de las dichas puentes.' *Torquemada, Monarq. Инд.*, том i., стр. 207; *Лас Касас, История. Apologética*, ср., загл. l.; *Мексиканский язык Прескотта.*, том ii., стр. 114; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 664.

[703] *Гомара, Конв. Мексика*, fol. 113; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., cap. xiii.

[704] *Акоста, Hist. де лас Инд.*, стр. 500-1; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 207; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iv., стр. 4.

[705] *Дюран, История. Индия*, ср., том. ii., глава. xlviii., xlix.

[706] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. iii., стр. 427, том. iv., стр. 209-10; *Тезозомоц, История. Мексика.*, том. ii., стр. 184.

[707] *Ортега*, в *Вейтии, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 319; *Торквемада, Монарк. Изд.*, том i., стр. 206, 460.

[708] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iv., p. 7. 'En todos los caminos que tenían hechos de cañas, ò paja, ò yervas, porque no los viessen los que passasen por ellos, y alli se metian, si tenían gana de purgar los vientres, porque no se les perdiessse aquella suciedad.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, фол. 70.

[709] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii, стр. 298. Авторитетными источниками для описания города являются: *Отношение фатты к джентиль-Хуомо синьора Фернандо Кортесе*, в *Рамузио, Навигация*, том iii., fol. 309, и в *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i., стр. 390-2, с планами; *Кортес, Кармас*, стр. 43, 83-4, 102-9, 209; *Id., Денеши*, стр. 333, план; *Берналь Диас, История. Соп.*, fol. 70-3; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i. стр. 91-4, 147, 157-8, 206-7, 288-98, 306-7, 460; *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 465-8, 500-1; *Мотилиния, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник . de Doc.*, том i., стр. 180-3, 187-8; *Лас Касас, История. Apologética*, ср., сар. i.; *Гомара, Конк. Мекс.*, fol. 113-16; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 283-4, 299, 305; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том ii., стр. 141; *Ортега*, в *Ид.*, том iii., стр. 319; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., сар. xiii., xiv., дек. iii., библиотека ii., глава xi.; *Id.*, (Перевод, 1725), том ii., стр. 372, том iii., стр. 194, вид и план; *Камарго, История. Тлах.*, в "Новых анналах войны", 1843, том. xсix., стр. 174-5; *Клавиджеро, История древней Мессии*, том i., стр. 168-9; *Эредиа и Сармьенто, Проповедь*, стр. 95-6; *Тезозомокъ, История Мексики.*, том ii., стр. 184; *Монтанус, Ньюве Верфилд*, стр. 81, 238-9; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 443-9, том iii., стр. 231-2, 427, том iv., стр. 3-7, 209-10; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 310-14, 664, том ii., стр. 216-28, с планом; *Мексика Прескотта.*, том i., стр. 16-17, том ii., стр. 69, 76-86; *Мюленфордт, Мехико*, том ii., часть ii., стр. 255; *Аламан, Исследования*, том i., стр. 184-8; *Helps' Span. Соп.*, том ii., стр. 310-14, 456, 471-2, 490-1, с планами; *Карли, Кармас*, часть i, стр. 35-6; *Петр Мученик*, дек. v, lib. x.

[710] *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том ii., стр. 197; *Мексиканский язык Прескотта.*, том ii., стр. 69.

[711] Кортес говорит "пьедрасека". *Кармас*, стр. 60, но этому противоречит Берналь Диас, который обнаружил, что она сделана из камня и строительного раствора. *История. Продолжение*, fol. 43. "Грех мескла де каль ни барро". *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., глава iv.

[712] *Клавиджеро, История муравьев Мессико*, том ii, стр. 150, приводит размеры в восемь футов в высоту и восемнадцать в ширину.

[713] *Cortés, Cartas*, p. 60; *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, том 43; *Вест-Индский шпигель*, стр. 225-6. *Клавиджеро, История древней Мессии*, том ii, стр. 150, с сокращением.

[714] *Klemm, Cultur-Geschichte*, том. v., p. 186.

[715] Делaporte говорит, что улицы пересекались на холмах. *Reisen*, том. x., p. 256.

[716] *Кортес, Кармас*, стр. 67; *Фатальное отношение к Джентиль-Хуомо синьора Фернандо Кортесе*, в *Рамузио, Навигация*, том iii., fol. 308; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., глава xii.

[717] *Cortés, Cartas*, p. 171. См. *Warden, Исследования*, стр. 67-8, об укреплениях. В Мичоакане в некоторых городах были стены из досок высотой в две сажени и шириной в одну. *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава iii.

[718] Имеется в виду место содержания под стражей, потому что здесь обычно останавливались иммигрирующие племена, принимая решение о своем поселении. *Икстильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 214.

[719] *Las Casas, Hist. Anologética*, ср., глава xlix., говорит, что она была почти такой же большой, как Мексика. *Гомара, Конк. Мексика*, стр. 115. *Мотилиния, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник . de Doc.*, том i., стр. 182, дает ему лигу в ширину и шесть в длину. *Петр Мученик*, viii декабря, глава iv, дает ему 20 000 домов. *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 87-8, оценивает его в 30 000 домов и считает, что Торквемада, должно быть, включил три отдаленных города, чтобы достичь своей цифры. *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 304.

[720] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iv., стр. 89-90, 303-4; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 87-8; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Антик.*, том ix., стр. 242-4. Дополнительные ссылки на мексиканские города, форты и т.д. см.: *Кортес, Картас*, стр. 24, 57-60, 67-8, 74-5, 92-3, 153, 171, 186, 196; *Берналь Диас, История. Соп.*, fol. 43; *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе*, в *Ramusio, Navigationi*, том iii., fol. 308; *Ixtlilxochitl, История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Антик.*, том ix., стр. 214, 242, 251-2, 257; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава xlix.; *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 251-2, 304, 449-50; *Гомара, Конв. Мексика.*, fol. 26, 51, 115; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. v., cap. viii., lib. vi., cap. iv., xii., xvi., lib. vii., cap. iv., dec. iii., lib. iii., cap. iii.; *Клавиджеро, История муравьев Мессико*, том ii., стр. 150, с сокращением; *Петр Мученик*, dec. iv., lib. iv., vii., dec. viii., lib. iv.; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 283; *Вест-Индский шпигель*, стр. 221, 225-6; *Болонье, в Терно-Компансе, Вой.*, сери i., том x., стр. 212; *Монтанус, Новый Вирельд*, стр. 236; *Клемм, Культурно-исторический журнал*, том v., с. 186; *Делапорте, Райзен*, том x., стр. 256; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 87-8, 259, 663, том ii., стр. 51, 161; *Уорден, Исследования*, стр. 67-8; *Мексика Прескотта.*, том ii., стр. 65; *Helps' Span. Соп.*, том ii., стр. 296; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 240, 243.

[721] Лас Касас утверждает, что когда воин отличался за границей, ему разрешалось построить свой дом в стиле, используемом врагом, - привилегия, не позволенная никому другому. *История. Апологетика*, ср., глава lxvi.

[722] 'I fondamenti delle case grandi della Capitale si gettavano a cagione della poca sodezza di quel terreno sopra un piano di grosse stanghe di cedro ficcate in terra.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 202. 'Porque la humedad no les causase enfermedad, alzaban los aposentos hasta un estado poco mas ó menos, y así quedaban como entresuelos.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 121. Говоря о Семпоалле, Петр Мученик говорит: "К этим домам или жилищам они поднимаются на 10 или 12 ступеней или стоянок". Декабрь iv., том vii. Пол дворца в Митле состоял из каменных плит толщиной в три фута, которые покоились на десятифутовых сваях. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 26. Дома с приподнятыми террасами были разрешены только вождям. *Тезозомоц, История Мексики.*, том i., стр. 188.

[723] *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава xlix. Этот способ побелки стен и полировки их гипсом, по-видимому, был очень распространен во всех частях Мексики, поскольку мы неоднократно встречаем упоминания об ослепительно белых, как серебро, стенах, которые испанцы замечали на протяжении всего своего похода. *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., p. 251; *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 202.

[724] В Семпоалле, говорит Питер Мученик, "никто не может забрасывать стену своего соседа балками или стропилами. Все дома разделены на расстоянии 3 шагов друг от друга". Дек. iv., либ. vii. Кортес, *Cartas*, стр. 24, упоминает целых пять судов.

[725] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том i., стр. 291; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. I.; *Прескоттовский мекс.*, том ii., стр. 76-7; *Шевалье, Мекс., Древний и современный*, стр. 173. 'N'avaient guère qu'un étage, à cause de la fréquence des tremblement de terre.' *Bussierre, L'Empire Mex.*, p. 173.

[726] *Cortés, Cartas*, p. 24.

[727] *Шавес, Взаимопонимание*, в *Ternaux-Compans, Voy.*, серия ii., том v., стр. 328. Дворец в Текпеке, по словам Лас Касаса, представлял собой настоящий лабиринт, в котором посетители могли заблудиться без проводника. Во дворце, отведенном Кортесу в Мексике, он нашел удобные покои для 400 своих людей, 2000 союзников и нескольких слуг. *История. Апологетика*, MS., cap. lii., l. 'Auia salas con sus camaras, que cabia cada vno en su cama, ciento y cinquenta Castellanos.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., cap. v. 'Intorno d'una gran corti fossero prima grandissime sale & stantie, però v'era vna sala cosi grande che vi poteano star dentro senza dar l'un fastidio all'altro piu di tre mila persone.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том iii., fol. 309.

[728] *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., pp. 200, 202; *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том i., стр. 251.

[729] Тезозомок, *История Мексики.*, том i., стр. 188, говорит, что вождям разрешалось возводить во внутреннем дворе башни, пронзенные стрелами. *Мексиканский журнал Прескотта.*, том ii., стр. 120. Дома часто были полностью окружены деревьями. *West-Indische Spieghel*, p. 220.

[730] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 656.

[731] "Анауак" *Тайлора*, стр. 135-6.

[732] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 291. *Las Casas, Hist. Apologética*, MS., заглавная буква, гласит: "Encalados por encima, que no se pueden llover". "Покрыты тростником, соломой или марийской осокой, но многие из них покрыты сланцем или галькой". *Петр Мученик*, дек. iv., lib. vii., дек. v., lib. x.

[733] *Петр Мученик*, дек. iv., lib. iv., дек. v., lib. x.; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том ii., стр. 219.

[734] *Помогает "Охватить"*. *Конк.*, том ii., стр. 314.

[735] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 658.

[736] *Клавиджеро, История древней Мессии*, том ii., стр. 200-2; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 173-4; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 662-3, 665.

[737] 'Eran los Patios, y Suelos de ellos, de argamasa, y despues de encalados, cubrian la superficie, y haz, con Almagre, y despues bruñianlos, con vnos guijarros, y piedras mui lisas, y quedaban con tan buena tèz, y tan hermosamente bruñidos, que no podia estarlo mas vn Plato de Plata; pues como fuese de mañana, y el Sol comenzase à derramar, y esparcir la Lumbre de sus Raios, y comenzasen à reberverar en los Suelos, encendianlos de manera, que à quien llevaba tan buen deseo, y ansia de haber Oro, y Plata, le pudo parecer, que era Oro el Suelo; y es mui cierto, que los suelos de las Casas, y de los Patios (en especial, de los Templos, y de los Señores, y Personas Principales) se hacian, y adereçaban, en aquellos Tiempos, tales, que eran mui de vèr, y algunos de estos hemos visto tan lisos, y limpios, que sin asco se podia comer en ellos, sin Mantel, qualquier Manjar.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том i., стр. 251-2; *Лас Касас, История. Апологетика*, CP., глава xlix.

[738] "Тольдильос энсима". *Берналь Диас, гистолог. Конк.*, фол. 66.

[739] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., загл. l.; *Гомара, Конклав. Мексика*, fol. 318; *Берналь Диас, История. Конк.*, fol. 66, 68; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава v., vii.; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 174-5; *Кортес, Кармас*, стр. 79, 174-5. *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 15-16, упоминает табуретки из тростника; и жуков-поджигателей, которые использовались для освещения.

[740] *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 381; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 201; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 662. 'No ay puertas ni ventanas que cerrar, todo es abierto.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 318.

[741] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iv., стр. 8.

[742] *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., глава xii.; *Петр Мученик*, дек. v., lib. x.; *Лас Касас, История. Апологética*, ср., глава xlix-l.; *Прескоттовский словарь*, том ii., стр. 76.

[743] *Петр Мученик*, v дек., lib. x.

[744] *Мотилиния, История. Indios*, в *Икаббалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 199; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 200; *Гомара, Конк. Мексикан.*, fol. 318; *Брассер де Бурбург, История. нац. Civ.*, том iii., стр. 657; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 661-2.

[745] Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii, стр. 214-15, с сокращением; Карбахаль Эспиноза, *История Мексики*, том i, стр. 662, 671-2, с сокращением. Бедняки, несомненно, прибегали к общественным баням; они определенно существовали в Тлашкале. Эррера, *История. Генерал.*, декабрь ii., lib. vi., глава xvi.; Бюссьер, *Мексиканская империя.*, стр. 240.

[746] Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii, стр. 155; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том iii, стр. 635; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 564. Описание домов смотрите в: Торквемада, *Монарк. Инд.*, том i., стр. 251-2, 291, том ii., стр. 381, 564; Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., lib. vi., сар. xii., xvi., lib. vii., сар. v.; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 155, 200-2, 214-15, с сокращением; Лас Касас, *Хист. Apologética*, CP., глава xlix.-lii.; Кортес, *Кармас*, стр. 24; Фатальное отношение к Джентильянам синьора Фернандо Кортесе, в Рамузио, *Навигация*, том iii., fol. 309; Берналь Диас, *История. Конк.*, fol. 66, 68; Гомара, *Конк. Мексика*, fol. 318; Мотолиния, *История. Indios*, в Иказбалсете, полковник. *de Doc.*, том i., стр. 199; Мендиета, *История. Eccles.*, стр. 121; Тезозомокъ, *История Мексики*, том i, стр. 188; Петр Мученик, дек. iv., lib. iv., vii., дек. v., глава x.; Шавес, *Репорт*, в Терно-Компанах, *Вой.*, сери ii., том v., стр. 328; Вест-Индия Шпигель, стр. 221; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 26, 222, 635, 656-8, iv., стр. 8; Мексиканский язык Прескотта., том ii., стр. 76-7, 120; Шевалье, *Мексика, Древний и современный*, стр. 31; Бюссьер, *Мексиканская империя.*, стр. 173-5, 240; Карбахаль Эспиноза, *История Мексики.*, том i, стр. 661-3, 671-2, с сокращением, том ii, стр. 219; "Анауак" Тайлора, стр. 135-6; Клемм, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 15-16.

[747] 'El anden, hácia la pared de la huerta, va todo labrado de cañas con unas vergas.' Cortés, *Cartas*, p. 83.

[748] 'Un anden de muy buen suelo ladrillado.' Cortés, *Cartas*, p. 83.

[749] Овьедо, *История. Генерал.*, том iii., стр. 283; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том. iii., p. 636; Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 156.

[750] Cortés, *Cartas*, p. 196; Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 157.

[751] См. Этот том, стр. 345.

[752] 'Hay sus puentes de muy anchas y muy grandes vigas juntas y recias y bien labradas; y tales, que por muchas dellas pueden pasar diez de caballo juntos á la par.' Cortés, *Cartas*, p. 103. Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 632, говорит, что каменные мосты были наиболее распространены, что, несомненно, является ошибкой. Speaking of swinging bridges, Klemm says: 'Manche waren so fest angespannt, dass sie gar keine schwankende Bewegung hatten.' *Cultur-Geschichte*, том. v., p. 75; Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 169.

[753] 'En los mismos patios de los pueblos principales habia otros cada doce ó quince teocallis harto grandes, unos mayores que otros.' Motolinia, *Hist. Indios*, в Иказбалсете, полковник. *de Doc.*, том. i., p. 64. 'Entre quatro, ó cinco barrios tenian vn Adoratorio, y sus idolos.' Bernal Diaz, *Hist. Конк.*, фол. 72.

[754] Мендьета, *История. Eccles.*, стр. 84-6; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 141; Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., загл. cxiv.; Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 35.

[755] Клавиджеро, *История муравьев Мессико*, том ii., стр. 26, 34, сокращения; Эррера, *История. Генерал.*, (Перевод, Lond. 1725), том ii., стр. 372, 378, сокращения.

[756] Тезозомоц, *История Мексики.*, том i., стр. 151-3.

[757] Торквемада, *Монарк. Инд.*, том i, стр. 186; Vetancvrt, *Мексиканский театр.*, часть ii, стр. 37. Другие авторы называют число в 60 460 человек и посещаемость в 6 000 000 человек. Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том. i., p. 257.

[758] 'Recibia dentro de su hueco todo el suelo en que aora està edificada la Iglesia Maior, Casas del Marquès del Valle, Casas Reales, y Casas Arçobispales, con mucha parte de lo que aora es Plaça, que parece cosa increíble.' *Sahagun*, quoted in *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 146. Сегодня собор стоит на площади, и многие дома занимают это место; см. Карбахаль Эспиноза, *История Мексики.*, том ii., стр. 226-7, 233-5. Напротив южных ворот находился рынок и "перед великим храмом и дворцом труве". Тезозомок, *История Мексики.*, том i., стр. 152.

[759] 'Dos cercas al rededor de cal, y canto.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, фол. 70-1.

[760] 'Mayores que la plaça que ay en Salamanca.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, след. 70. Кортес, *Кармас*, стр. 106, утверждает, что в пределах его окружности может быть расположен город из 500 домов. Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 144, Гомара, *Конв. Мексика.*, фол. 119, Лас Касас, *История. Apologética*, ср., загл. li., и Herrera, *Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., глава xvii., соглашаются на длину в каждую сторону одного выстрела из арбалета или мушкета, и это, согласно Лас Касасу, глава sxxxii., составляет 750 шагов; в тех же местах он указывает длину в четыре выстрела, или 3000 шагов, что является очевидной ошибкой, если только под этим не подразумевается окружность. Эрнандес оценивает его примерно в 80 окуней, или 1420 футов. Саагун, *Hist. Gen.*, том i., lib. ii., стр. 197, который, по-видимому, исследовал этот вопрос более тщательно, помещает его на высоте 200 морских сажений, что не может быть слишком высоким, если учесть, что двор заключал в себе 77 или более зданий, помимо большого храма. Карбахаль Эспиноза, *История Мексики.*, том ii., стр. 226, дает длину 250 варов.

[761] 'Era todo cercado de piedra de manposteria mui bien labrado.' *Torquemada, Monarq. Инд.*, том ii., стр. 144. 'Estaban mui bien encaladas, blancas, y bruñidas.' *Id.*, p. 141.

[762] Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 27; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том. iii., стр. 661; Мексиканский язык Прескотта., том ii., стр. 142. 'Era labrada de piedras grandes a manera de culebras asidas las vnas a las otras.' *Acosta, Hist. de las Ind.*, стр. 333; Мотолиния, *История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 63.

[763] Акоста, *привет. de las Ynd.*, стр. 333, говорится, что над каждыми воротами лицом к дороге стоял идол. Ни один автор не утверждает, что арсеналы образовывали ворота, но поскольку они возвышались над входом, и почти во всех упоминаются верхние и нижние помещения, и поскольку здания такого размера не могли опираться только на стены, из этого следует, что нижний этаж, должно быть, образовывал стороны входа. 'A cada parte y puerta de las cuatro del patio del templo grande ya dicho habia una gran sala con muy buenos aposentos altos y bajos en rededor.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. ii.; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii., стр. 146; Гомара, *Конк. Мексика.*, том 120. Тезозомок, *История Мексики.*, том i., стр. 152, упоминает три врата. 'À l'orient et à l'occident d'une petite porte et d'une grande vis-à-vis de l'escalier méridional.'

[764] 'Y el mismo patio, y sitio todo empedrado de piedras grandes de losas blancas, y muy lisas: y adonde no auia de aquellas piedras, estaua encalado, y bruñado.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, след. 70. Белые камни, без сомнения, получили такой цвет от штукатурки. 'Los patios y suelos eran teñidos de Almagre bruñado, y incorporado con la misma cal.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 141; Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., глава xlix. Размеры, приводимые разными авторами, чрезвычайно различны; анонимный Завоеватель, как единственный очевидец, который произвел какие-либо измерения, безусловно, заслуживает похвалы за те, которые кажутся разумными, а именно за длину и ширину; высота кажется непропорциональной.

[765] 'Cento & cinquanta passi, ò poco piu di lunghezza, & cento quindici, ò cento & venti di larghezza.' *Relazione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том. iii., fol. 307. Это дало бы длину и ширину основы в тексте, предполагая, что темп составляет два с половиной фута. При уменьшении на два хороших шага для каждого из четырех выступов, окружающих пирамиду, достигается измерение вершины. Тот же автор утверждает, что террасы высотой в два человеческих роста, но это вряд ли согласуется с высотой, указанной в приведенных 120 или 30 ступенях. Берналь Диас, *гистолог. Conq.*, fol. 70, насчитал 114 ступеней, и поскольку большинство авторов оценивают каждую из них в один пролет, или девять дюймов в высоту, это

дало бы высоту 86 футов. Клавиджеро, *История муравьев Мессико*, том ii., стр. 28-9, дает около 50 сажень (насестов, как он их называет) на 43 к основанию, и, допуская насест к уступам, он устанавливает размеры вершины 43 на 34 сажени. Высоту он оценивает в 19 морских сажень, давая высоту каждой ступени в один фут. Чтобы доказать, что он, по крайней мере, не переоценил размеры вершины, он ссылается на заявления Кортеса, который утверждает, что сражался с 500 мексиканцами на верхней платформе, и Диаса, который говорит, что в храме находилось более 4000 человек гарнизона. Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 144-5, который следует за Саагуном, утверждает, что площадь его составляет 360 квадратных футов у основания и более 70 наверху; ступени, по его словам, "вна терция, и мас" в высоту, которая приближается к футу. Las Casas, *Hist. Apologética*, MS., cap. li., says: 'Una torre triangular ó de tres esquinas de tierra y piedra maciza; y ancha de esquina á esquina de ciento y veinte pasos ó cuasi ... con un llano ó plaza de obra de setenta pies.' В главе. cxxxii. он называет это ростом в 100 человеческих ростов. Гомара, *Мексиканский округ*, fol. 119, говорит, что площадь 50 квадратных сажень у основания и 18 наверху. Икстлильшочитль, *История. Чич.*, в мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, том ix, стр. 245, описывает храм, который, по-видимому, находится в Мексике, и утверждает, что его площадь составляет 80 квадратных сажень, а высота - 27 человеческих ростов. Эррера, *Hist. Gen.*, дек. ii., lib. vii., глава xvii., устанавливает размеры не более 30 квадратных варов у основания и от 12 до 15 вверху. Из современных авторов Брассер де Бурбур, *История. Нац. Cív.*, том iii., стр. 659, дает размеры 300 на 250 футов для основания и 60 футов для вершины, после учета 5-6 футов для уступов, что является довольно необычным вычислением; если, конечно, мы не предположим, что террасы были наклонными, но нет надежного разреза или описания, подтверждающего такое предположение. Гумбольдт, *Essai Pol.*, том i., стр. 169-70, имеет 97 метров для площади и 37 для высоты. Ортега в *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том iii., стр. 280-82, уверен, что высота определенно была не менее 38 варов. Прескотт, *Мексика*, том ii., стр. 144, отмечает, что нет никаких оснований для описания храма как продолговатого, за исключением презренного покроя Анонимного Завоевателя. Этого может быть как раз достаточно в отношении разреза, но если бы он изучил приложенное к нему описание, то нашел бы приведенные размеры продолговатой конструкции. Мы должны учитывать, что Анонимный Завоеватель - единственный очевидец, который дает какие-либо измерения, и, кроме того, что, поскольку на одном конце платформы располагались две часовни, сооружение должно было быть продолговатым, чтобы придать пространству перед входом четкие очертания.

[766] 'Alto come due stature d'un huomo.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in Ramusio, *Navigazioni*, том. iii., fol. 307.

[767] 'Lasciano vna strada di larghezza di duo passi.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in Ramusio, *Navigazioni*, том. iii., fol. 307. См. примечание 87; Мотолония, *История. Indios*, в Иказбалсете, полковник. *de Doc.*, том i., стр. 64.

[768] Анонимный завоеватель, *Родственник и т.д.*, ubi supra, Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., загл. cxxiv., Гомара, *Кон. Мексика*, стр. 119, и Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 145, все говорят, что на западной стороне не было выступа, а были только ступени, но это, несомненно, небрежное выражение, поскольку 23 ступени, отведенные на каждую террасу, едва ли простирались на длину около 300 футов - ширину пирамиды. Почти все согласны с количеством шагов, а именно 114. Икстлильшочитль, *История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, vol. ix., стр. 245, однако, дает 160 шагов; Овьедо, *История. Генерал.*, том iii., стр. 502-3, 60 шагов; и Акоста, *История. de las Ynd.*, стр. 333, 30 шагов, 30 сажень в ширину, но последний автор, очевидно, перепутал описания двух разных храмов. Тезозомок, *История Мексики*, том i., стр. 152, утверждает, что в храме было три лестницы, всего 360 ступеней, по одной на каждый день мексиканского года. Согласно Клемму, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 155, ступени находятся в южном углу, но для этого утверждения нет никаких оснований; в вырезах они появляются на севере.

[769] 'De tierra y piedra, mezclada con cal muy macizada.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vii., cap. xvii. 'Por la parte de fuera iba su pared de piedra: lo de dentro henchíanlo de piedra todo, ó de barro y adobe; otros de tierra bien tapiada.' *Motolinia, Hist. Indios*, в Иказбалсете, полковник. *de Doc.*, том i., стр. 63-4. 'Hecha de manposteria.' *Torquemada*,

Monarq. Ind., том ii, стр. 144. Пирамида в Теотиуакане, которая, по мнению одних авторов, послужила образцом для других, построена из глины, смешанной с мелкими камнями, и покрыта тяжелой стеной из тецонтли, которая покрыта известью. Гумбольдт, *Очерки политики*, том i, стр. 187. 'Todas las piedras estauan assentadas de tal suerte, que la mezcla casi no parecia, sino todas las piedras vna.' Dávila Padilla, *Hist. Fvnd. Mex.*, стр. 75. Однако побелка, возможно, придала ему такой солидный вид. 'Todos aquellos Templos, y Salas; y todas sus paredes que los cercaban, estaban mui bien encaladas, blancas, y bruñidas.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii, стр. 141. В ступку были замешаны драгоценные камни и золотая пыль. Тезозомокский, *Мексиканская Крона*, в *мексиканском Кингсборо. Антик*, том ix, стр. 60.

[770] Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 659, утверждает, что три стороны платформы были защищены балюстрадой из резного камня, и это не маловероятно, если учесть скользкий характер пола и головокружительную высоту. См. Торквемаду, *Монарка. Ind.*, том ii, стр. 141; Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., глава xlix, sxxiv, и примечание 75 на полированных полах. Карбахаль Эспиноза, *История Мексики*, том i, стр. 664, утверждает, что вершина была вымощена мрамором.

[771] 'In alto dieci, ò dodici stature d'huomo.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in Ramusio, *Navigazioni*, том iii, fol. 307. За ним следует Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii, стр. 29, который говорит о 56 футах, или примерно 9 насестах. Никакие другие размеры не упоминаются старыми хронистами; Брассер де Бурбур, однако, дает им основание в 20 квадратных футов, *Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 659-60, но это становится абсурдным, когда мы принимаем во внимание высоту зданий и помещения, необходимые для гигантских идолов, которые в них находились. Этот автор рискует высказать мнение, что часовни были расположены близко к краю, чтобы люди могли видеть идолов снизу, но нет упоминания о каких-либо дверях с восточной стороны, и утверждается, что часовни были расположены в этом конце, чтобы молящиеся могли смотреть на восходящее солнце. Гомара, *Конк. Мексика*, fol. 119; Лас Касас, *История. Апологетика*, CP., заглавная.

[772] 'Que se mandaban por la parte de adentro, por unas escaleras de madera movedizas.' *Ixtlilxochitl, Hist. Чуч.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix, стр. 245. Акоста утверждает, что на башни поднимались по 120 ступеням. *Ист. de las Ynd.*, p. 334. Башни были сделаны из "артезонов". Гомара, *Конк. Мексика*, стр. 119. Брассер де Бурбур утверждает, что внешняя сторона стен была расписана различными фигурами и монстрами, но это, по-видимому, неверное толкование Гомары, который размещает картины внутри. *История. Nat. Civ.*, том iii, стр. 660. Берналь Диас говорит, кроме того, что башни были "todas blanqueando". *История. Конк.*, фол. 70.

[773] Карнизы или купола храмов были украшены прекрасными красными и белыми колоннами, облицованными черными как смоль камнями и держащими две каменные фигуры с факелами в руках, которые поддерживали зубчатую стену в виде спиральных раковин; факелы были украшены желтыми и зелеными перьями и бахромой. Акоста, *Hist. de las Ynd.*, p. 333; Montanus, *Nieuwe Weereld*, p. 242.

[774] Большинство старых авторов говорят, что Тлалок занимал вторую часовню, но поскольку следующий по величине храм при дворе посвящен этому богу, я склонен думать вместе с Клавиджеро, что Тецкатлипока делил главную пирамиду с Уицилопочтли. Другой причиной такого мнения является то, что Тецкатлипока считался сводным братом Уицилопочтли, и их пиры иногда сопровождались подобными церемониями. Тецкатлипока также был одним из высших, если не самым высшим богом, и, соответственно, имел право на почетное место рядом с любимым богом ацтеков. Тлалок, с другой стороны, не имел ничего общего с Уицилопочтли, и единственное возможное основание, которое можно найти для его продвижения к главной пирамиде, - это легенда об основании Мексики, в которой Тлалок, как хозяин этого места, дает ацтекам разрешение поселиться там. Кроме того, у нас есть свидетельство Берналя Диаса, который видел Тецкатлипоку, украшенного *тецкатлем*, или зеркальным орнаментом, сидящим в левом виске. *Ист. Conq.*, fol. 71; *Ортега*, в *Вейтмуу, Hist. Ant. Mej.*, том iii, стр. 281. Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 660, считает возможным, что во втором храме, в зависимости от праздника, по очереди стояли разные идолы.

[775] 'No eran mas altos que cinco palmos.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 119. *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii, p. 29.

[776] Клавиджеро думает, что камень был из яшмы. *История древней Мессии*, том ii, стр. 46, с сокращением. Трудно определить положение этого камня; некоторые помещают его перед идолом в часовне, другие - на западной оконечности платформы. Referring to the idols in the chapel, Sahagun says: 'Delante de cada una de estas estaba una piedra redonda á manera de tajon que llaman *texcatl*, donde mataban los que sacrificaban á honra de aquel dios, y desde la piedra hasta abajo un *regaxal* de sangre de los que mataban en él'—he describes the stone as round. *Hist. Gen.*, том i., lib. ii., стр. 198. И это я склонен признать правильным, тем более что несколько моментов указывают на то, что камни стояли внутри часовни. Нам сказали, что их пол был залит кровью, которая, должно быть, вытекла из тел жертв; кроме того, мы знаем, что зловонное сердце поднимали вверх перед тем, как бросить к ногам идола, сразу после того, как его вырвали. Акт жертвоприношения сам по себе был церемонией, которая могла быть совершена только перед идолом. Акоста, *История. де лас Инд.*, стр. 334, и Солис, *История. Conq. Mex.*, том i., стр. 397, поместите его в середину платформы. Прескотт, *Мексика*, том ii., стр. 145, утверждает, что камень (только один) стоял у начала лестницы, но это, скорее всего, поспешная интерпретация туманного рассказа Диаса. Однако, возможно, на этом месте был большой камень, который использовался для больших и всеобщих жертвоприношений. Берналь Диас, *гистолог. Conq.*, fol. 70; Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., глава. cxiv. Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 660-1, очень ловко удастся разместить два камня перед часовней и в то же время у начала ступеней. Клемм, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 98, упоминает один камень с углублением посередине.

[777] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава cxvii.; *Гомара, Конк. мекс.*, fol. 119.

[778] Берналь Диас, *Hist. Конк.*, фол. 71.

[779] Cortés, *Cartas*, p. 106. Также утверждается, что некоторые часовни на улицах использовались лордами в качестве мест захоронения. 'Inde Straten waren veel Cappellen, die meest diendeden tot begravinghe van de groote Heeren.' *West-Indische Spieghel*, p. 248.

[780] 'Dezian, que era el Dios de las sementeras' (called Centeotl). Берналь Диас, *История. Conq.*, fol. 71.

[781] Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 29-30; Карбахаль Эспиноза, *История Мексики*, том ii., стр. 228; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., p. 145; on p. 141, he says, in contradiction: 'Delante de los Altares en estos Templos avia vnos braseros hechos de piedra, y cal, de tres quartas en alto, de figura circular, ò redonda, y otros quadrados, donde de dia, y de noche ardía continuo fuego, tenían sus fogones, y braseros todas las Salas de los dichos Templos, donde encendían fuego, para calentarse los Señores, quando iban à ellos, y para los Sacerdotes.' 'Tan altos como tres palmos y cuatro.' *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава. cxiv.

[782] Берналь Диас, *История. Конк.*, фол. 70.

[783] См. примечание 119; Мотилиния, *Hist. Индиос, в Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 65.

[784] Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 30. Лас Касас, *История. Apologética*, ср., загл. li., и Мотилиния, *Hist. Индиос, в Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 64, говорится, что они обращены во все стороны, что, как правило, доказывает, что они, должно быть, были обращены к храму верховных богов-покровителей. 'Estando encontrados, y puestos vnos contra otros,' adds *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii, стр. 141, 145. Гомара, *Conq. Mex.*, fol. 119, утверждает, что они были обращены ко всем точкам, кроме востока, чтобы отличаться от главного храма. 'Tenían la cara ácia el occidente.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том i., lib. ii., p. 198. Акоста, *История. де лас Инд.*, стр. 334, утверждает, что при дворе было восемь или девять храмов, обращенных во все стороны.

[785] 'Todos eran vnos; pero diferenciábanse en el asiento, y postura.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., p. 145. 'La cubierta ... era de diversas, y varias formas, que aunque eran vnas de madera, y otras de paja, como de Centeno, eran mui primamente labradas, vnas coberturas piramidales, y quadradas, y otras redondas, y de otras formas.' *Ib. Gomara, Conq. Mex.*, fol. 118-19; Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 662-3.

[786] 'La menor dellas tiene çinquenta escalones para subir al cuerpo de la torre.' *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iii., p. 302; *Cortés, Cartas*, p. 106.

[787] *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii, стр. 145.

[788] *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii, стр. 147-50.

[789] *Саагун, История. Генерал*, том i., lib. ii., стр. 201-7; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 149; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 32, называет это Hueitzompan.

[790] 'En los escalones habia tambien un cráneo entre piedra y piedra.' *Ortega, in Veytia, Hist. Ant. Mej.*, tom. iii., p. 287. Но это маловероятно. См. также *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 121.

[791] 'Estos palos hazian muchas aspaz por las vigas, y cada tercio de aspa o palo, tenia cinco cabeças ensartadas por las sienes.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 121-2. Акоста, *Привет. de las Ynd.*, стр. 334, помещает мачты на расстоянии одной морской сажени друг от друга и по двадцать черепов на каждом поперечном шесте, что, мягко говоря, очень близко друг к другу.

[792] На каждом конце платформы. *Надзиратель, Исследования*, стр. 66.

[793] *Клавиджеро, История Муравьев Мессико*, том ii., стр. 32; *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 121-2; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава xviii.; *Акоста, История. de las Ynd.*, pp. 333-5. Рассказ последнего автора настолько перепутан с рассказом о главном храме, что не представляет особой ценности; *Монтанус, Ньюве Верфилд*, стр. 242-3, следует за ним.

[794] Акоста, *привет. de las Инд.*, стр. 333, говорится, что от 8000 до 10 000 человек могли танцевать, взявшись за руки, в этом месте.

[795] *Клавиджеро, История древней Мессии*, том ii, стр. 48, с сокращением; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 154; *Ортега, в Вейтии, История. И. Медж.*, том iii., стр. 283; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 662.

[796] *Гомара, Кон. Мексика*, стр. 120; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. ii., стр. 146-7; *Лас Касас, История. Апологетика, СР.*, заглавная.

[797] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. ii., стр. 151; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 244.

[798] 'Residen en el a la continua cinco mil personas, y todas duermen dentro, y comen a su costa del.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 120. 'V'hauea vna guarnigione di dieci mila homini di guerra.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese, in Ramusio, Navigationi*, tom. iii., fol. 309.

[799] Авторитетами храма в Мексике являются: *Берналь Диас, Hist. Conq.*, fol. 70-2; *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе*, в *Ramusio, Navigationi*, том iii., fol. 307, 309, и в *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 384-5, 394-5, с сокращениями; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. i., стр. 186, том. ii., стр. 140-56; *Саагун, История. Генерал.*, том. i., lib. ii., стр. 197-211; *Кортес, Кармас*, стр. 106; *Гомара, Конк. Мексикан.*, fol. 118-22; *Лас Касас, История. Apologética*, ср., сар. xlix., li., cxiv.; *Vetancvrt, Мексиканский театр*, часть ii, стр. 37; *Клавиджеро, История муравьев Мессико*, том i, стр. 257-8, том ii, стр. 25-32, 46-8, с сокращениями, сделанными по различным описаниям Диаса и других; см. Его замечания, стр. 26. *Акоста, Хист. de las Ynd.*, стр. 333-5; этот автор смешивает описания главного храма и Цомпантли и представляет этот отчет как описание святилища Уицилопочтли; *Эррера, История. Быт.*, дек. ii., lib. vii., глава xvii., xviii.; *Мотолония, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 63-5; *Ортега, в Вейтии, История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 279-89; *Тезозомокъ, История. Мексик.*, том i., стр. 151-3, 193; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 245; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 302-3, 502-3; *Давила Падилья, История. Fvnd. Mex.*, стр. 75; *Солис*,

История. Конк. Мексикан., том i., стр. 394-98; *Монтанус, Новый Вирельд*, стр. 242; *Вест-Индский Шпигель*, стр. 248; *Гумбольдт, Очерки политики*, том i., стр. 187; *Клемм, Культурно-исторический журнал*, том v., стр. 154-5; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Сив.*, том iii., стр. 659-65; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 664, том ii., стр. 226-35, с сокращениями; *Надзиратель, Исследования*, стр. 66; *Мексика Прескотта*, том ii., стр. 142-5.

[800] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 145; *Клавиджеро, История муравьев Мессико*, том ii., стр. 33. *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 120, говорит, что там было 2000 идолов, у каждого из которых, как предполагается, была отдельная часовня. *Cavo, Tres Siglos*, том i., р. 2; *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава sxxxii.; в загл. sxxiv., он добавляет, что 100 из них были великими храмами.

[801] *Гомара, Конк. Мексик.*, фол. 120. Некоторые храмовые пирамиды, говорит Давила Падиля, образовывали идеальный конус, у основания облицовка состояла из крупных камней; по мере того как стена поднималась, камни уменьшались в размерах; вершина была увенчана драгоценным камнем. *Ист. Пятый. мексиканский язык*, стр. 75; *Мексиканский язык Прескотта*, том i., стр. 72.

[802] 'Los grandes tenían tres sobrados encima de los altares, todos de terrados y bien altos.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Икалбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 64; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. sxxiv.; *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii., стр. 141.

[803] *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. sxxiv.; *Гумбольдт, Очерки политики*, том i, стр. 239-40; *Клавиджеро, История античного мессианства*, том ii, стр. 33-4. *Берналь Диас* насчитал 120 ступеней, что вряд ли соответствует высоте пирамиды. *История. Продолжение*, fol. 72. *Акоста, История. де лас Инд.*, стр. 390-1, упоминает только 60 шагов. 'Alto bien mas de quarenta estados: fue hecho de Adove, y Piedra.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том i., стр. 281. *Монтанус* добавляет, что на вершине стояло квадратное сооружение, поддерживаемое 28 колоннами, внутри которых были тысячи черепов; он упоминает две часовни. *Nieuwe Weereld*, р. 236. В нем было 1508 ступеней; в стене был большой бриллиант. *West-Indische Spieghel*, р. 238.

[804] *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., глава xlix. В некоторых из них было по две часовни, что составляет около 400 башен. *Эррера, История. Генерал.*, декабрь ii., библиотека vii., глава ii.

[805] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Antiq.*, том ix, стр. 245. Описание храма, данное этим автором, почти идентично описанию великого храма в Мексике. *Берналь Диас, гистолог. Conq.*, fol. 72; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 305.

[806] *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 257.

[807] *Саагун, История. Быт.*, том iii., lib. x., стр. 107-8. Другие авторитетные источники о мексиканских зданиях: *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., главы iv-v., viii-xi., xiii-xviii., дек. iii., lib. i., кап. viii., lib. ii., главы xi., xv.; *Петр Мученик*, дек. v., lib. ii-iii., viii., x., дек. viii., lib. iv.; *Мендиета, История. Eccles.*, стр. 84-7, 121; *Вейтия, История. И. Медж.*, том i., стр. 155; *Зуазо, Carta*, в *Icazbalceta*, кол. de Doc., том i., стр. 359, 362; *Вест-Индский Шпигель*, стр. 240-8; *Мюнстер, Космография*, стр. 1410; *Монтанус, Ньюве Верфилд*, стр. 80-5, 235-7, 242-3; *Кортес, Авен. у Conq.*, стр. 120, 128-33; *Бюссьер, Мексиканская империя*, стр. 123-7, 172-5, 252-3, 258-9, 266; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 31-2, 75, 84-5, 97-9, 152-62; *Монглэйв, Резюме*, стр. 20-1, 24-5, 36-7; *Турон, История. Генезис.*, том iii., стр. 40-8; *История Купера. N. Атерг.*, часть ii., стр. 164; *Лафон, Путешествие*, том i., стр. 106-7; *Браунелл Инд. Гонки*, стр. 92-5; *История рейтинга. Исследования*, стр. 336-7; *Доменек, Мексика*, стр. 70-2; *Предыстория Фостера. Расы*, стр. 391; *Победа Дилворта*, стр. 64, 70-1; *Ленуар, Параллель*, стр. 20-1; *Пиментель, Воспоминания о Раде индейцев*, стр. 55-7; *Шевалье, Мексика, Древние и современные*, стр. 30-3; *Пилигримы Перчаса*, том iv., стр. 1033, 1123-4, 1133.

[808] *Эрнандес, Новая Подошва* и др. Рукописи, состоящие из 24 книг текстов и 11 книг табличек, были отправлены в Эскуриал в Испании, и их сокращенные издания были опубликованы в Мексике в 1615 году и Риме в 1651 году. Последнее издание - единственное в моей коллекции. *Саагун* также уделяет значительное место описанию трав и их свойств. *История. Бытие.*, том iii., lib. x., xi.

[809] *Клавиджеро, История муравьев Мессико*, том ii., стр. 157; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. vii., глава xi.; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 623-4.

[810] 'É da meravigliare, che i Messicani, e massimamente i poveri, non fossero a molte malattie sottoposti atteso la qualità de' loro alimenta.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том ii., p. 217; *Humboldt, Essai Pol.*, том i., p. 88.

[811] 'Las principales enfermedades que corrian entre esta gente, eran de abundancia de colera, y flema, o otros malos humores, causados de mala comida, y falta de abrigo.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. x., cap. xxi.

[812] *Тезозомокский, крон. мекс.*, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 64; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i., стр. 365.

[813] 'Hacia malparir las Mugeres, de antojo de comer de aquello que asaban ... daban camazas á los Viejos de deseo de comer de aquello; y á las Mugeres se los hinchaban los brazos, las manos, y las piernas, que adolecian mucho, y morian con aquel deseo.' *Duran, Hist. Индия, CP.*, том i. i., глава x. Торквемада квалифицирует это как "Esto dicho, pase por cuento". *Монарк. Ind.*, том i., стр. 93; *Тезозомокъ, Крон. Мекс.*, в *мекс. книге Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 21-2, 64.

[814] *История. Чич.*, в *мексиканском Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 250.

[815] *Мотолиния, История. Индиос*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 15; *Гомара, Конк. Мексика*, том 148.

[816] *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i, стр. 117-19, том iv, стр. 303-28; *Эррера, История генерала*, дек. ii., lib. x., глава xxi.; *Гомара, Конк. Мексикан.*, fol. 148; *Пау, речь. Фил.*, том i., стр. 46-9; *Пиментель, Сборник воспоминаний о Раде индейцев*, стр. 99-101; *Прескотт Мекс.*, том ii., стр. 434-5; *Гумбольдт, Очерки политики*, том i., стр. 66-71; *Шевалье, Мекс., Древний и современный*, стр. 53; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i., стр. 182; *Id.*, в *"Новых анналах войны"*, 1858, том. clx., стр. 280; *Саагун, История. Генерал.*, том. ii., lib. vii., стр. 246.

[817] 'И мужчины, и женщины, и дети обладали большими познаниями в травах.... Они мало тратили на врачей'. *Новое исследование Гейджа*, стр. 111. 'Casi todos sus males curan con yeruas.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 117. 'No se guardauan de males contagiosos, y enfermedades, y bestialmente se dexavan morir.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. vi., cap. xvi.

[818] *Sahagun, Hist. Gen.*, tom. iii., lib. x., p. 119. 'Si algun médico entre ellos (Tlascaltecs) fácilmente se puede haber, sin mucho ruido ni costa, van lo á ver, y si no, mas paciencia tienen que Job.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете*, полковник . de Doc., том i., стр. 76.

[819] *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 214-16, с сокращениями, скопированными в *Карбахале Эспинозе, История Мексики*, том i., стр. 671-3; *Саагун, История генералитета*, том iii., lib. xi., стр. 286-7.

[820] *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава ix.

[821] 'En las Ciudades principales ... habia hospitales dotadas de rentas y vasallos donde se resabian y curaban los enfermos pobres.' *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., загл. cxli. 'De cuando en cuando van por toda la provincia á buscar los enfermos.' *Motolinia, Hist. Indios*, в *Иказбалсете*, полковник . de Doc., том i., стр. 131; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 165; *Карбахаль, Дискурсо*, стр. 37-8.

[822] *Бустаманте*, в *Саагуна, История. Генерал.*, том iii., lib. xi., стр. 282.

[823] *Саагун, Hist. Gen.*, том ii., lib. vi., стр. 185; *Эррера, Hist. Gen.*, дек. iv., lib. ix., глава vii.; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 211-12, 216-17; *Мотолония, Hist. Indios*, в *Иказбалсете*, полковник . de Doc., том i., стр. 131.

[824] 'Hay calle de herbolarios donde hay todas las raíces y yerbas medicinales que en la tierra se hallan. Hay casas como de boticarios donde se venden las medicinas hechas, así potables como ungüentos emplastos.' *Cortés, Cartas*, p. 104. They 'possédaient des livres dans lesquels étaient consignées minutieusement toutes leurs observations relatives aux sciences naturelles.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 637-8. См. также *Саагун, История. Генералитет*, том iii., lib. x., стр. 116; *Овьедо, История. Генералитет*, том iii., стр. 300; *Гомара, Конк. Мексика*, fol. 117; *Фатальное отношение к Джентильуомо синьора Фернандо Кортесе*, в *Рамузио, Навигация*, том . iii., фол. 309. 'Tenian siete, o ocho maneras de rayzes de yeruas y flores: de yeruas y arboles, que eran las que mas comunmente vsauan para curarse.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. x., cap. xxi.

[825] Акоста добавляет, что пепел ядовитых насекомых дайверов был смешан с составом теопатли, который заглушил ту часть, на которую он был нанесен. 'Aplicado por via de emplasto amortigua las carnes esto solo por si, quanto mas con tanto genero de ponçoñas, y como les amortiguaua el dolor, pareciales efecto de sanidad, y de virtud diuina.' *Hist. de las Ynd.*, pp. 370-1. Подробнее о медицинской практике см. в *Sahagun, Hist. Gen.*, том iii., lib. x., стр. 85-105, 109, том xi., стр. 212, 236-86, том i., lib. ii., стр. 214-15; *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., глава. cxli., cxxiii.; *Мендиета, История. Эклз.*, стр. 100, 139; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 274, 550, 558; *Овьедо, История. Ind.*, том. iii., стр. 306; *Петр Мученик*, декабрь v., том. ii-iii.; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. x., глава xxi., дек. iii., lib. ii., глава xvii., дек. iv., lib. ix., загл. viii.; *Клавиджеро, История древнего Мира*, том ii., стр. 77, 212-16; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том. ii., стр. 189, том. iii., стр. 638-40, том. iv., стр. 355.

[826] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., загл. cxli.; *Id.*, в *мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, т. viii., стр. 234. 'Lanzábanlos (unos cordeles como llavero) en el suelo, y si quedaban revueltos, decian que era señal de muerte. Y si alguno ó algunos salian extendidos, teníanlo por señal de vida, diciendo: que ya comenzaba el enfermo á extender los piés y las manos.' *Mendieta, Hist. Эклз.*, стр. 110; *Мотолония, История. Индиос*, в *Иказбалсете*, полковник . de Doc., том i., стр. 130-1; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 491-2; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. ix., глава vii.; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 216-17. Другими авторитетами в области медицины являются: *Purchas his Pilgrimes*, том iv., стр. 1133; *Gage's New Survey*, стр. 111; *Вест-Индский шпигель*, стр. 247; *Прескотт Мекс.*, том i., стр. 48, том ii., стр. 119-20, 137, 434-5; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр.

668-74; Мюленпфордт, Мехико, том i., стр. 132-4; Клемм, *Cultur-Geschichte*, том v., стр. 90-1; Шевалье, Мексика, Древние и современные времена, стр. 16; Бариль, Мексика, стр. 208; Пиментель, Сборник воспоминаний о Рае индейцев, стр. 51. Кроме того, в моем распоряжении очень редкая и любопытная медицинская работа доктора Монардеса, посвященная различным лекарственным растениям и т.д., найденные в Мексике и Центральной Америке, напечатаны в Севилье в 1574 году.

[827] "Понен тушь из тескатлипуки, о Вицилопучтли, о другом идоле". Гомара, *Конк. Мексикан.*, стр. 309. Поскольку идолы носили маски, более вероятно, что на лицо была наброшена вуаль, чем то, что следовало надеть другую маску. 'Suivant une coutume antique attribuée à Topiltzin-Acxitl, dernier roi de Tollan, on mettait un masque au visage des principales idoles, et l'on couvrait les autres d'une voile.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 572. 'Mettevan una maschera all' Idolo di Huitzilopochtli, ed un'altra aquello di Tezcatlipoca.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том. ii., p. 95.

[828] 'Ciertas mujeres y hombres que están salarizados de público.' Zuazo, *Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том I. i., стр. 364. Брассер де Бурбур считает, что их нанимали только простые люди. *История. Nat. Civ.*, том. iii., стр. 569. Тезозомок утверждает, что принцы одевали тело. *Мексиканская крона.*, в *мексиканском Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 142.

[829] Зуазо говорит, что труп держал на коленях один из мужчин или женщин в саване, в то время как другие обмывали его. *Carta*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 364.

[830] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 151, 87; *Vetancvrt, Мексиканский театр.*, часть ii., стр. 16; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том. i., стр. 145, том. ii., стр. 99; *Эррера, История генерала*, дек. iii., lib. iii., глава xiv.

[831] Глава, посвященная одежде, содержит всю информацию, касающуюся королевского гардероба. Не исключено, что принцы помогали облачать короля, поскольку таков был обычай в Мичоакане, и что принесенные ими мантии использовались для укутывания, но авторы не очень четко излагают этот момент.

[832] Brasseur de Bourbourg uses the expression 'C'est cette eau que tu as reçue en venant au monde.' *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 569.

[833] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 527; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 94. Гомара говорит, что собака служила проводником: "vn perro que lo guiasse adonde auia de yr." *Conq. Mex.*, fol. 309.

[834] 'Le ponian los vestidos del Dios, que tenia por mas Principal en su Pueblo, en cuia Casa, ò Templo, ò Patio se havia de enterrar.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 521; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 93-5. Дюран упоминает случай, когда король был одет в мантии четырех разных богов. *История. Индия*, ср., том i., глава xxxix.; Гомара, *Конк. Мексика.*, фол. 309.

[835] 'Sobre la mortaja le ponian vna mascara pintada.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 521. Возможно, он путает изображение идола на одеянии с маской, поскольку маловероятно, что маску следует надевать на саван. 'Visage découvert.' *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcviii., стр. 201. Говоря о погребении Тезозомока из Аскапузалько, Икстлильшочитль говорит, что на его лицо была надета бирюзовая маска, "соответствующая физикономии rostro. Esto no se usaba sino con los monarcas de esta tierra; á los demas reyes les ponian una máscara de oro." *Relaciones*, in *Kingsborough's Mex. Антик.*, том ix., стр. 370. Вейтия утверждает, что это была золотая маска "garnecida de turquezas". *История. Ant. Mej.*, том. iii., стр. 5. Гомара говорит, что волосы "хранят память о человеке". *Conq. Mex.*, fol. 309.

[836] Тезозомокский, *Мексиканская Крона.*, в *мексиканском Кингсборо. Антик.*, том ix., стр. 90, 98-9; Дюран, *История. Indias*, MS., том. i., cap. xxxix. 'On plaçait sur le lit de parade la statue que l'on faisait toujours à l'image du roi.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 572. Единственная статуя, на которую ссылаются другие авторы, - это статуя, сделанная из пепла после кремации.

[837] Некоторые из ранних королей чичимеков пребывали на государственной службе пять дней, а Тлальтекацин - сорок дней, его тело похоронили на восьмидесятый день. *Торквемада, Монарк. Изд.*, том i., стр. 61, 72, 87.

[838] Акоста, *История. de las Ind.*, стр. 321, среди прочего, называет этого раба священником.

[839] Хотя Акоста говорит, "танендо тристес флаутас и атамборес". *Хист. de las Ind.*, стр. 322; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава xviii. 'On faisait deux grandes bannières de papier blanc.' Chaves, *Rapport*, in *Ternaux-Compans, Voy.*, série ii., tom. v., p. 309.

[840] Икстлильшочитль, Родственники, в Мексике Кингсборо. *Антик.*, том ix., стр. 370; Вейтия, *История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 6-7. Дюран утверждает, что короли несли труп и что скорбящие были одеты как богини воды. *Хист. Индия, СР.*, том i, глава xxxix, xl, том ii, глава li. Акоста говорит, что оружие и знаки отличия рыцари несли перед телом. *Ист. de las Ynd.*, p. 321.

[841] Тезозомокский, Мексиканская Крона, в мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, vol. ix., стр. 90, 142, утверждает, что они были одеты в королевские знаки отличия и драгоценности, что маловероятно; однако у некоторых из них был королевский гардероб, что, возможно, и послужило основанием для такого заявления.

[842] Отношения, в мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, vol. ix., p. 370; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), in *Id.*, vol. v., pp. 200-1; *Acosta, Hist. de las Ynd.*, p. 322; *Duran, Hist. Indias*, MS., tom. i., cap. xl. 'Salía el gran Sacerdote, con los otros Ministros, à recibirlo.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 521.

[843] Икстлильшочитль, Родственники, в Мексике Кингсборо. *Антик.*, том ix., стр. 332, 325, 327, 388.

[844] 'El (the mode) que estos Chichimecas vsaron, fue quemarlos.' *Monarqu. Ind.*, том i., стр. 60, 72, 87; Икстлильшочитль, Отношения, в Мексике Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 369, 388; *Id.*, *Hist. Чич.*, стр. 214, 223, 261-2. Вейтия, который приводит некоторые аргументы по этому поводу, считает, что Тезозомок ввел сожжение, однако он описывает церемониальные кремации в случае нескольких царей до него. *Hist. Ant. Mej.*, том iii., стр. 3-4, том ii., стр. 113; *Клавиджеро, История древней Мессии*, том i., стр. 140, том ii., стр. 97-8.

[845] Камарго, *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 165, 202. "Благородные правила общения с предпринимателями". *Гомара, Конк. Мексика.*, fol. 308; *Руководство мексиканского кодекса* (Ватикана), в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, т. v., стр. 200; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 528; Вейтия, *История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 4; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том. iii., p. 129. 'Sabía por las pinturas, que se quemaron en tiempo del señor de México que se decia *Itzcóatl*, en cuya época los señores, y los principales que había entónces, acordaron y mandaron que se quemasen todas, para que no viniesen á manos del vulgo.' *Sahagun, Hist. Gen.*, том. iii., lib. x., pp. 140-1.

[846] Взаимопонимание, в *Ternaux-Compans, Voy.*, серия ii., том v., стр. 309.

[847] Икстлильшочитль, Родственники, в Мексике Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 379, 388; Дюран, *История. Индия, ср.*, том i., глава xxxix., xl.; *Болонье, в Терно-Компансе, Вой.*, сери i., том x., стр. 213-14; *Солис, История. Сонг. Мех.*, том i., стр. 432; Камарго, *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 202; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 573; Вейтия, *История. И. Медж.*, том iii., стр. 8-9.

[848] Тезозомок', мексиканская Крона, в мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 90; Дюран, *История. Инди.*, СР., том. i., глава xxxix., том. ii., глава li.

[849] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 521; Акоста, *История. de las Ynd.*, p. 321. Камарго указывает, что тела были брошены на один погребальный костер вместе с подарками. *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., p. 202. 'Sacándoles los corazones, y la sangre de ellos en una batea ó gran xicara, con la cual rociaban á

Huitzilopochtli, á quien le presentaron los corazones de todos los muertos.' *Тезозомок'*, мексиканская Крона., в мексиканском Кингсборо. Антик., том ix., стр. 90.

[850] Гомара, Конк. Мексика, том 309; Икстлильшочитль, *Relaciones*, в Мексике Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 370; Тезозомок, *ubi supp.*

[851] "La colocaron en el mismo lugar en que ardio la pira". Вейтия, *История. Ант. Медж.*, том iii., стр. 9. Этот автор говорит, что камень во рту умершего вместе с маской, одеждой и украшениями были сняты перед тем, как тело было положено на погребальный костер; это могло быть только для того, чтобы украсить деревянную статую; камень, однако, был помещен в урну. Икстлильшочитль, *ubi sup.* Брассер де Бурбур называет эту связку костей *тлакимилолли*, которые, по его словам, были свято сохранены, будь то королями или храбрецами. *Nouvelles Annales des Voy.*, 1858, tom. clx., p. 268. В случае с Наухьотлем из Кулхуакана кости были эксгумированы и помещены в статую, которая была сделана в его честь, и помещена в храм, посвященный ему. Дюран, *Привет. Индия*, CP., том i., глава xxxix.

[852] 'Al cuarto dia, al anochecer, cargaron los sacerdotes la arca de las cenizas y la estatua, y la colocaron en una especie de nicho, dentro del templo.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том iii., p. 10. 'Sous le pavé même du sanctuaire, devant la statue du dieu.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 574. Дюран упоминает, что прах одного короля был захоронен у подножия жертвенного камня. *Хист. Индия*, ср., том ii, загл. ii; Тезозомокский, *Хроника Мексиканская*, в мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, vol. ix., p. 142; Cortés, *Cartas*, p. 106; Las Casas, *Hist. Апологетика*, CP., заглавная.

[853] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том i., стр. 72, 87; *Vetancvrt*, Мексиканский театр., часть ii., стр. 15-16.

[854] Саагун, *История. Бытие.*, том ii., lib. vii., стр. 257.

[855] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 316, 331; Болонья, в *Терно-Компансе, Вой.*, сери i., том x., стр. 213-14; Камарго, *История. Тлах.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 192, 202.

[856] 'La muerte se hacian enterrar en la más alta grada, é despues el subcessor subia otras dos gradas.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том iii., p. 503. 'Los Príncipes necesitaban de gran sepultura, porque se llevaban tras sí la mayor parte de sus riquezas y familia.' *Solis, Hist. Conq. Mex.*, том i., стр. 432. 'Io aiutai a cauar d'vna sepoltura tre mila Castigliani poco piu ò meno.' *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, том iii., fol. 310.

[857] Саагун, *История. Генерал.*, том iii., lib. x., стр. 141; Икстлильшочитль, *Relaciones*, в книге Кингсборо *Mex. Antiq.*, том ix, стр. 327; Гумбольдт, *Эссе Пол.*, том i, стр. 189.

[858] Икстлильшочитль, *История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 214; *Id.*, *Relaciones*, стр. 335, 344; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 98.

[859] *История. Indios*, в *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i., стр. 31; *Ritos Antiguos*, стр. 20, в мексиканском журнале Кингсборо. *Antiq.*, том ix. Икстлильшочитль, *Relaciones*, в Мексике Кингсборо. *Antiq.*, том ix., стр. 371, утверждает, что жертвоприношения на четвертый день состояли из пяти-шести рабов, на десятый - из одного, на восьмидесятый - из трех. 'Le cinquième on sacrifiait plusieurs esclaves, et cette immolation se répétait encore quatre fois, de dix en dix jours.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 574. Дюран, *Привет. Индия*, ср., том i, глава xiv, xxxix, упоминает восьмидесятидневный пост, по окончании которого была изготовлена статуя, подобная той, которая, по его словам, была сожжена вместе с трупом, и по этому поводу были совершены точно такие же церемонии, как и по умершему, статую сожгли с таким же большим количеством рабов, как и раньше. Наиболее полное описание королевских похорон приведено в *Торквемаде, Монарке. Ind.*, том ii., стр. 521-3; Вейтия, *История Ант. Медж.*, том iii., стр. 3-11; Клавиджеро, *История Ант. Мессико*, том ii., стр. 95-8; Гомара, *Конк. Мексик.*, fol. 309-10; Брассер де Бурбур, *История нац. Civ.*, том iii., стр. 571-4; Дюран, *История. Индия*, CP., том i., глава xxxix, xl., том ii., глава. xlviii.; Тезозомокский, мексиканская Крона., в мексиканском Кингсборо. Антик., том ix., стр. 86-90, 99.

[860] После описания одежды пьяниц и других лиц Гомара говорит: "В конце концов, када официал дауан эль трайе дель идоло де акуэл официо", что, безусловно, указывает на то, что утонувший или одурманенный ремесленник носил бы мантию из-за своего положения в жизни, а также из-за того, как он умер. *Conq. Mex.*, fol. 309. Clavigero, *Storia Ant. del Messico*, том ii., pp. 93-4, uses the following expression: 'Vestivanlo d'un abito corrispondente alla sua condizione, alle sue facoltà, ed alle circostanze della sua morte.'

[861] Зуазо, *Карта*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 364-5.

[862] Camargo says, with reference to sacrifices and pompous ceremonies, 'tout cela avait lieu, plus ou moins, à toutes les funérailles, selon la richesse du défunt.' *Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvihi., стр. 202; *Прескоттовский словарь*, том первый, стр. 63.

[863] Зуазо, *Карта*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 365; Чавес, *Взаимопонимание, в Терно-Компансе, Вой.*, сери ii., том v., стр. 310; "Дурауанские объяснения диеса диаса". *Акоста, История. de las Ynd.*, p. 321. 'On passait vingt ou trente jours au milieu des fêtes et des festins.' Camargo, *Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvihi., стр. 202. Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. ii., глава xviii.; Клавиджеро, *История античного Мессико*, том ii., стр. 93-5.

[864] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 529; Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. vi., стр. 186-91. См. стр. 269 этого тома.

[865] Саагун, *История. Быт.*, том ii., lib. ix., стр. 358.

[866] Саагун намекает, что кукла предназначалась для тех, кто был убит врагами, но впоследствии добавляет, что куклу сжигали с теми же церемониями во дворе дома, если они умирали дома. *История. Генерал.*, том i., библиотека iv, стр. 314-15; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 587; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том. iii., стр. 621-2. См. Этот том., стр. 392.

[867] Тезозомок, *мексиканская Крона*, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, том ix., стр. 37-8, 86-7, 161-2; Дюран, *История. Индия*, ср., том i, глава XVIII, том ii, глава XVIII xlviii.; Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 259-61, 407-8.

[868] Объяснение Теллериано-Ременсисского кодекса в мексиканском издании Кингсборо. *Antiq.*, vol. v., p. 130; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), in *Id.*, p. 193.

[869] Мотолиния, *История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 31; Торквемада, *Монарк. Изд.*, том ii., стр. 523.

[870] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., p. 298; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano* (Vaticano), in *Kingsborough's Mex. Антик.*, том v., стр. 193-4. 'Los tres dias ultimos de este mes ayunavan todos los vivos á los muertos.' *Explicacion del Codex Telleriano-Remensis*, in *Kingsborough's Mex. Антик.*, том v., стр. 130. См. Этот том, стр. 328, 331.

[871] Саагун, *История. Генерал.*, том i., lib. ii., стр. 163-4; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том ii, стр. 281. Брассер де Бурбур говорит, что это празднование носило общий характер, и значительно разбавляет скучную и сомнительную информацию своего авторитета. The arrows and food, 'après qu'elles y avaient demeuré un jour et une nuit, on les enlevait et on brûlait le tout ensemble en l'honneur de Mixcohuatl et de ses compagnons d'armes.' *Hist. Nat. Civ.*, том. i., стр. 234, том. iii., стр. 528-9.

[872] Саагун, *История. Быт.*, том iii., lib. x., стр. 119.

[873] Диас, *Итеринарио*, в *Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 304; Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 532.

[874] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iv., lib. ix., глава vii.

[875] Гомара, *Конв. Мексика*, стр. 310. 'Esta figura se la ponian encima al Difunto.' *Torquemada, Monarq. Ind.*, том ii., стр. 524. Однако маловероятно, что фигура в натуральную величину, как называет ее Гомара, или любая другая фигура, если уж на то пошло, должна была быть помещена поверх украшений короля и прижата к телу. Beaumont says: 'Lo cubrian con una manta, en que estaba pintado ó realizado el cadaver con los mismos adornos.' *Crón. Mechoacan*, MS., p. 55. 'Au-dessus on asseyait une poupée de la taille du défunt.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 83.

[876] 'Matauan vno, y aun mas de cada oficio.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 311.

[877] *Торквемада, Монарк. Изд.*, том ii, стр. 525. The slaves, he says, 'los embadurnaban todo el cuerpo, con vna tinta amarilla.' 'Yban las andas ó atahud en hombros de los tres principales.' *Бомонт, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 56.

[878] 'Todos los que habian tocado el Caltzontzi y á los demas cuerpos se iban á bañar por preservarse de alguna enfermedad.' *Beaumont, Crón. Мехоакан*, ср., стр. 57.

[879] *Бомон, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 54-8; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 523-6; *Гомара, Кон. Мексика*, fol. 310-12; *Новое исследование Гейджа*, стр. 157-60, с сокращением; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 82-6; *Пейно*, в *соц.-мексик. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том i., стр. 717-19.

[880] *Геогр. Описание.*, том i., часть ii., фол. 160-1, том ii., часть ii., фол. 320.

[881] *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii., стр. 98-9; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., сар. xiii.; *Объяснение Теллериано-реминисценционного кодекса*, в *мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, vol. v., p. 130; *Spiegazione delle Tavole del Codice Mexicano (Vaticano)*, in *Id.*, p. 193; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 22-4.

[882] 'Au douzième mois de l'année zapotèque.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 23.

[883] *Бургоа, Геог. Описание.*, том ii., пт ii., fol. 392-3; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii, стр. 23-4. Дополнительными ссылками на похоронные церемонии являются: *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. 238, том ii., стр. 79, 231-2, 298; *Ветеринар, Мексиканский театр*, часть ii., стр. 15, 25, 29; *Тезозомокъ, Мексиканская Crónica*, в *"Мексике Кингсборо"*. *Antiq.*, том ix., стр. 89-91, 98-9, 141-2, 178-9; *Покупает свои "Пилигримы"*, том iv., стр. 1029-30, 1138-9; *Джемелли Карери*, в *"полковнике Черчилле"*. *Путешествия*, том iv., стр. 514; *Монтанус, Нью-Верельд*, стр. 261-2; *Д'Авити, Американская*, том ii., стр. 69; *Адэр, Амер. Инд.*, стр. 217; *Турон, История. Генезис*, том iii., стр. 9-10; *Делапорт, Райзен*, том x., стр. 318-23; *Ленуар, Параллель*, стр. 11-13, 28, 30; *Новые летописи Войны*, 1824, том xxiv., стр. 137-8; *"Мир в миниатюре" Фрэншама*, том ii., стр. 19; *Мюллер, Американская религиозность*, стр. 666; *Пиментель, Воспоминания о Разе индейцев*, стр. 64-5; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i, стр. 234, 559-64, том i. ii., стр. 375, 604; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 424-5, том iii., стр. 407-8, 453, 520-3, 528-9, 569-74; *Карли, Картас*, часть первая, стр. 107; *Мальтебран, Краткое изложение геологии*, том vi, стр. 456; *Десять колен Саймона*, стр. 275-6; *Монглав, Резюме*, стр. 32; *История Купера. Н. Амер.*, том ii, стр. 163; *Бариль, Мексика*, стр. 203; *Бюссьер, Мексиканская империя*, стр. 147-9; *История рейтинга. Исследования*, стр. 381-4; *Инд. Браунелла. Расы*, стр. 96; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 31, 49-53, 77, 184; *Карбахаль, Дискурсо*, стр. 37.

[884] За исключением сапотеков, которые, по словам Карбахалья Эспинозы, были низкого роста и широкоплечими. *История Мексики*, том i., стр. 245.

[885] Гомара говорит, что у них были широкие лбы. *Conq. Mex.*, fol. 317. 'La forma, ó figura de las Cabeças, comunmente las tienen proporcionadas á los cuerpos, y á los otros miembros de èl, y derechas; algunos las tienen empinadas, y las frentes quadradas, y llanas; otros (como son estos Mexicanos, y algunos del Pirù) las tenían, y tienen de mejor forma, algo de hechura de Martillo, ó Navio, que es la mejor forma de todas.' *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii.,

стр. 582-3. "Череп ацтеков описываются как замечательные из-за укороченности их оси, большого уплощенного затылочного бугра, косо усеченного сзади, высоты полукруглой линии висков, а также короткой и трапециевидной формы теменной плоскости. Они представляют собой возвышение или гребень вдоль сагиттального шва; основание черепа очень короткое, а лицо слегка выступающее, как у монголо-калмыцких народов. Они имеют сильную аналогию с черепами перуанских брахицефалов, описанными Мортоном".

Предистория Фостера. Расы, стр. 326. "Коренные мексиканцы нашего времени хорошего роста и пропорциональны во всех своих членах. У них узкие лбы, черные глаза, белые, хорошо посаженные, правильные зубы, густые, жесткие и блестящие черные волосы, тонкие бороды, и, как правило, у них нет волос на ногах, бедрах или руках. Их кожа оливкового цвета, и среди них можно увидеть много прекрасных молодых женщин с чрезвычайно светлым цветом лица. Их чувства очень обострены, особенно зрение, которым они наслаждаются без изменений до самого преклонного возраста". *Гул Фигье. Гонка*, стр. 455. Замечания о мексиканских черепах, описания и измерения черепов с разрезами см. в книге Мортонна "Череп Америки", стр. 144-7, 152-7, 231-3, 257, и табличках xvi-xviii.^a, lix.-lxi.

[886] Согласно Эррере, *Hist. Gen.*, (Lond. 1726,) vol. iv., стр. 125, и Брассеру де Бурбуру, *Hist. Nat. Civ.*, том iii, стр. 35, у мизтеков были длинные бороды.

[887] 'En los Sentidos exteriores (como son los de el Vèr, Oïr, Oler, y Gustar) los alcançan admirables; porque vèn mui de lejos, y no vsan de Antojos, si no son mui pocos, despues que los han visto, en nuestros Españoles, y eso es en la vejez, y tienen comunmente los ojos buenos, y hermosos, oïen mucho, huelen tambien qualquier cosa de mui lejos; lo mismo es el Gusto; el Sentido del tacto, comunmente es delicado, lo qual se verifica en ellos, porque qualquier cosa, que pueda lastimarlos, como es frio, calor, açotes, ù otra exterior afliccion, los aflige mui facilmente, y en mucho grado, y qualqueira enfermedad los adelgaça, mas presto los enflaquece, y mata, que à otra Nacion, asi Española, como otra alguna, como es notorio, à todos los que los conocemos, y son para sufrir mui poco trabajo.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 580.

[888] *Бомон, Крона. Мехоакан*, ср., стр. 50; *Гомара, Кон. Мексика*, т. 218; *Торквемада, Монарх. Инд.*, том i., стр. 337, том. iii., стр. 332; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 57.

[889] He adds further: 'Y esto (aunque no en tanto extremo) corre, mui en general, por todos estos Reinos, y en especial en aquel de Xalisco, en la Nacion, que llaman Coca, y Tecuex, que son los Tonaltecos, y por acà en la de Tlaxcalla, y otras muchas, que por escusar enfado, callo.' *Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 582; см. также том i., стр. 339.

[890] 'Sonovi così rari i deformi, che tutti quegli Spagnuoli, e Creogli, che nel 1768, vennero dal Messico in Italia, restarono allora, e sono anche oggidì maravigliati dall'osservare nelle Città di questa coltissima penisola un sì gran numero di ciechi, di gobbi, di zoppi, d'attratti ec.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, том iv., p. 163. Смотрите далее, что касается физических особенностей нава и более ранних народов: *Икстлильшочитль, Родственники*, в "Мексике" *Кингсборо. Антик*, том ix., стр. 326, 336-7, 341, 344-5, 395; *Ветанкврт, Мексиканский театр*, том ii, стр. 12; *Гомара, Конк. Мекс.*, fol. 37, 44, 95, 318; *Саагун, История. Генерал.*, том iii, lib. x., стр. 112, 119, 132; *Торквемада, Монарх. Инд.*, том i., стр. 37, 51, 255, том ii., стр. 580-83; *Кортес, Картас*, том i., стр. 23; *Вейтия, История. Ант. Медж.*, том i., стр. 143-6, том ii., стр. 5; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. x., глава xix.; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 499; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i., стр. 118-19, том iv., стр. 161-76; *Фатальное отношение к джентльмену синьора Фернандо Кортесе*, в *Рамузио, Навигация*, том iii., fol. 304; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i., стр. 282, том ii., стр. 187, 189, том iii., стр. 35; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики*, том i., стр. 90, 245, том ii., стр. 326, 487; *Дюпэ, Отн., 2-й опыт.*, стр. 25; *История Гордона. и Геог. Мем.*, стр. 71-2; *История Мексики Диллона*, стр. 45; *"Прогресс Америки" Макгрегора.*, т. i., стр. 21; *История Купера. N. Amer.*, т. ii., стр. 163.

[891] См. Этот том, стр. 242.

[892] 'Vi sono molti, che accordano ai Messicani una grande abilità per l'imitazione; ma lor contrastano quella dell' invenzione. Error volgare, che trovasi smentito nella Storia antica di questa Nazione.' *Storia Ant. del Messico*, tom. i., p. 120.

[893] См. Этот том, стр. 475-6.

[894] 'Los niños de los Indios no son molestos con obstinacion ni porfia à la Fè Catholica, como lo son los Moros y Indios; antes aprenden de tal manera las verdades de los Christianos, que no solamente salen con ellas, sino que las agotan, y es tanta su facilidad que parece que se las beuen. Aprenden mas presto que los niños Españoles; y con mas contento los Articulos de la Fè por su orden, y las demas oraciones de la doctrina Christiana, reteniendo en la memoria fielmente lo que se les enseña.' *Dávila Padilla, Hist. Fvnd. Mex.*, стр. 139. 'Il n'était rien que les Indiens n'apprissent avec une rapidité surprenante, et s'il arrivait quelque nouveau métier dont ils n'eussent aucune connaissance, ils s'appliquaient à le voir faire avec tant d'intelligence, que, malgré les soins de l'ouvrier à leur cacher son secret, ils le lui enlevaient au bout de quelques jours.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iv., стр. 728.

[895] 'Son muy ladrones, mentirosos, y holgazanes. La fertilidad de la tierra deve causar tanta pereza, o por no ser ellos codiciosos.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 317. 'La liberalità e lo staccamento da qualsiasi interesse sono dei principali attributi del loro carattere. L'oro non ha presso i Messicani tutta quella stima, che gode presso altri. Danno senza dispiacere quello, che si procacciano con somma fatica. Questo loro staccamento dall'interesse, ed il poco amore, che portano a quei che gli governano, ii fa rifiutare quelle fatiche, a cui sono da essi costretti, e questa è appunto la tanto esagerata pigrizia degli Americani.' *Clavigero, Storia Ant. del Messico*, tom. i., pp. 121-2. 'Estavan libres de la enfermedad de la codicia, y no pensauan en la vanidad del oro, y plata, ni hazian estimacion dello.' *Dávila, Teatro Eccl.*, tom. i., p. 18. 'Segun lo que aquella edad permite, son inclinadissimos à ser liberales. Tanto monta que lo que se les da, se de à vno como à muchos: porque lo que vno recibe, se reparte luego entre todos.' *Dávila Padilla, Hist. Fvnd. Mex.*, стр. 139.

[896] Самые трезвые люди из известных. *Relatione fatta per vn gentil'huomo del Signor Fernando Cortese*, in *Ramusio, Navigationi*, tom. iii., fol. 304.

[897] Лас Касас, в мексиканском Кингсборо. *Антик.*, том viii., стр. 124-5.

[898] 'Son celosissimos, y assi las aporrean mucho.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 317. В предыдущей главе мы видели, что Несауалькойотль предал смерти своего самого дорогого сына за то, что тот непристойно разговаривал с налогомницей своего отца. См. Этот том, стр. 447 и последующие.; подробнее о характере мексиканцев, о которых приведенные выше замечания, хотя и, несомненно, применимы ко многим другим народам науа, изложены более подробно: *Описание коллектива Мендосы*, в книге Кингсборо "Мексиканцы". *Antiq.*, т. v., стр. 40; *Акоста, История. de las Ynd.*, pp. 458-9; *Dávila Padilla, Hist. Fvnd. Mex.*, стр. 139, 270; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том iii., стр. 232; *Гомара, Конк. Мексика.*, стр. 317-18; *Падилья, Конк. Н. Галисия*, ср., стр. 8; *Зорита*, в мексиканском журнале *Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., стр. 235; *Тезозомокъ, Crónica Mex.*, в Изд., т. ix., стр. 167; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., загл. xlv., xlv., lxvii., cxl.; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том i., стр. 119-23, том iv., стр. 177-202; *Соден, Испанец в Перу*, том ii., стр. 17; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том iv., стр. 727-30, 810; *Edinburgh Review*, 1867; *Клемм, Cultur-Geschichte*, том v., стр. 8-10; *Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 90-3; *История Гордона. и Геог. Мем.*, стр. 73-6; *Шевалье, Мексика*, стр. 53-4.

[899] О характере тлашкальтеков см.: *Cortés, Cartas*, стр. 68; *Camargo, Hist. Tlax.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том xcvi., стр. 197-200, том xcix., стр. 136, 149, 151; *Мотилиния, История. Indios*, в *Иказбалсете, полковник. de Dos.*, том i., стр. 76; *Гомара, Конк. Мекс.*, т. 87; *Альседо, Дикция.*, том v., стр. 155; *Эредиа и Сармьенто, Проповедь*, стр. 88; *Икстлильшочитль, История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, vol. ix., стр. 294; *Петр Мученик*, дек. v., lib. i.; *Прадт, Картас*, стр. 175-6; *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том ii., стр. 121, 129, 511; *Клемм, Культурно-исторический журнал*, том v., стр. 186-7; *Бюссьер, Мексиканская империя.*, стр. 230; *Диллон, История Мексики.*, стр. 7.

[900] Овьедо, *История. Генерал.*, том iii., стр. 499; Гомара, *Конв. Мексика.*, fol. 95; Прадт, *Картас*, стр. 176; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Сив.*, том. iv., стр. 130; Карбахаль Эспиноза, *История Мексики.*, том. i., стр. 259, том. ii., стр. 121, 339.

[901] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава xiv.; Давила Падилья, *История. Fvnd. Мех.*, стр. 548; Делапорте, Райзен, том х., стр. 183.

[902] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., сар. xiii.; Карбахаль Эспиноза, *История Мексики.*, том i., стр. 244; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Сив.*, том iii., стр. 35.

[903] Гомара, *Hist. Ind.*, fol. 57.

[904] Эррера, *История. Генерал.*, декабрь iv., lib. viii., глава ii.

[905] Бомон, *Крона. Мехоакан*, ср., стр. 51-2; Торквемада, *Монарк. Инд.*, том i, стр. 337, том iii, стр. 332; Овьедо, *История генералитета*, том iii, стр. 563; Икстлильшочитль, *История. Чич.*, в мексиканском городе Кингсборо. *Antiq.*, vol. ix., стр. 308; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iii., глава x.; Гомара, *Конк. Мекс.*, fol. 218; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Сив.*, том iii., стр. 56-7; Карбахаль Эспиноза, *История Мексики.*, том i., стр. 291, том ii., стр. 595; Мальтебран, *Краткое изложение геологии.*, том vi., стр. 456.

[906] См. стр. 81-123 этого тома, и особенно стр. 114-23, о народах майя.

[907] Хотя Брассер де Бурбур, возможно, основываясь на авторитете некоторых своих оригинальных рукописей, утверждает, что Шибальбой на пике своей славы правили тринадцать принцев, двое из которых были королями, второй подчинился первому; а также что существовал совет из двенадцати человек под председательством короля. Он также упоминает череду из семнадцати королей после Вотана. *История. Нац. Сив.*, том i., стр. 127, 123, 95-7.

[908] Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 178-9; Ордоньес, *История. del cielo y de la Tierra*, MS.; Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 78-80.

[909] 'Si moria el señor, aunque le succediesse el hijo mayor, eran siempre los demas hijos muy acatados, y ayudados y tenidos por señores.' *Landa, Relacion*, p. 112. 'Si quando el señor moria no eran los hijos para regir y tenia hermanos, regia de los hermanos el mayor o el mas desenbuelto y al heredero mostravan sus costumbres y fiestas para quando fuesse hombre y estos hermanos, aunque el eredero fuesse para regir, mandavan toda su vida, y sino avia hermanos, elegian los sacerdotes y gente principal un hombre sufficiente para ello.' *Id.*, p. 138. Брассер де Бурбур в своем французском переводе этого отрывка дает значение, отличное от того, которое я считаю правильным в моем тексте. Он понимает, что брат в любом случае преуспел. "Непрерывный переход сыновей к преемственности в управлении, законный брак сестры", а также то, что человек, назначаемый священниками, если не было брата, правил только во время несовершеннолетия наследника, "закон о мажоритарном правлении эритье", все это может быть очень разумным, но, безусловно, не встречается в испанском тексте.

[910] 'Organisait les conseils de la religion et de l'état qui devaient, après lui, nommer son successeur.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Гражданка*, том. ii, стр. 53-6; *Остатки, История. Чьяпа*, стр. 256.

[911] 'Todos los señores tenían cuenta con visitar, respetar, alegrar a Cocom, acompañandole y festejandole y acudiendo a el con los negocios arduos.' *Landa, Relacion*, p. 40. Некий мэрдомо по имени Калуак, чьим служебным знаком была толстая короткая палка, был агентом, через которого лорд выполнял обычные обязанности, связанные с его должностью. *Ib.* 'Concertavan las cosas, y negocios principalmente de noche.' *Id.*, p. 112. 'Fuè todo el Reyno de Yucatàn, y sus Provincias, con el Nombre de Mayapàn, desde que los Indios fueron a èl y le poblaron, sujeto a vn solo Rey, y Señor absoluto, con Gobierno Monarquico. No durò esto poco tiempo, sino por muchos Años.' *Villagutierre, Hist. Конк. Itza*, p. 28. Among the Itzas Cortés was visited by 'el Canek, con treinta y dos Principales.' *Id.*, p. 46. 'Despues llamó el Canek à Consejo a todos sus Capitanes, y Principales.' *Id.*, p. 91. 'Vno, como a modo, o forma de Trono pequeño, en que èl solia

estar.' *Id.*, p. 105. 'Vna Corona de Plumas, de varios colores.' *Id.*, p. 349. Yucatan 'regido de Señores Particulares, que es el Estado de los Reies: Governavanse por Leies, y costumbres buenas; vivian en Paz, y en Justicia, que es Argumento de su buen Gobierno.' *Torquemada, Monarq. Изд.*, том ii., стр. 345. Брассер ссылается на Торквемаду, том xi, глава xix, о правительстве Юкатана, но эта глава полностью относится к Гватемале. "Кто такие сеньоры Сьюдад-де-Майяпан-доминабан, сегодняшняя земля трибутаба". В более поздние времена они придавали большое значение своей королевской крови. *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 179. 'Dize, que vn Señor de la Ciudad de Mayapàn, cabeça de el Reyno, hizo matar afrentosamente à vn hermano suyo, porque corrompió vna doncella.' *Id.*, p. 182. Смотрите также о системе правления на Юкатане: Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., библиотека iv., глава vii., дек. iv., библиотека x., главы ii-iv.; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 16-17, 38, 46, 53-6, 72; Лас Касас, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., стр. 147; Мореле, *Путешествие*, том i., стр. 182-4; Пиментель, *Воспоминания о Раде индейцев*, стр. 27; Карбахаль Эспиноза, *История Мексики.*, том i., стр. 262; Терно-Компанс, в *Новых анналах Войны.*, 1843, том. xcvii., стр. 45-6, 146; *История Фэнкорта. Юк.*, стр. 55-6, 115-16.

[912] Было предписано, чтобы корону унаследовал старший сын короля (то есть первого короля, основавшего монархию); второму сыну был присвоен титул избранного, как следующему наследнику своего старшего брата; сыновья старшего сына получили титулы старшего капитана, а сыновья второго капитана - младшего. Когда король умирал, его старший сын принимал скипетр, и Избранный становился непосредственным наследником; старший капитан повышался до звания Избранного, младший капитан - до звания старшего капитана, а ближайший родственник - до звания младшего капитана". Хуаррос, *История. Гуат.*, стр. 188-9. 'Luego el Capitan menor, entraba por maior, y metian otro en el que avia vacado del Capitan menor, que ordinariamente era el Pariente mas cercano.' *Torquemada, Monarq. Инд.*, том ii, стр. 338-41. 'Restait alors la charge d'Ahau-Ah-Tohil; elle était conférée au fils aîné du nouveau monarque.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 547, 103, 496. 'Luego que el primero subió al reino, mandó el padre (the first king) que el segundo fuese capitain, y mandó por ley, que si fuesen cuatro, que el primero reinase, el segundo fuese como principe, el tercero capitan general, y el cuarto capitan segundo, y que muerto el primero, reinasen todos por su órden, si se alcanzasen en vida.' Note, 'Bien clara está la descendencia de padres á hijos de todos tres hermanos.' *Ximenez, Hist. Ind. Guat., Эсколиос*, стр. 195-6.

[913] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 549-50, 534, со ссылкой на римскую, *Песнублику. de los Indios*, том. ii., cap. viii. Титулы в Атитлане. Терно-Компанс, *Вой.*, сери i., том x., стр. 416. 'Las Prouincias de Tazulatlán, gente belicosa y braua, si bien con pulicia, porque viuian en poblaciones formadas, y gouierno de Republica.' *Dávila, Teatro Ecles.*, том. i., p. 148. Тазулатлан, или Тузулутлан, был провинцией Рабиналь. *Передел, История. Чьяпа*, стр. 147.

[914] 'Aqui havia muy grandes, y sumptuosas comidas, y borracheras.' 'Sentaban al nuevo Electo en vna estera mui pintada.' *Torquemada, Monarq. Инд.*, том ii., стр. 342, 338-45. "В одном из залов стоял трон под четырьмя балдахинами с плюмажем, подняться к нему можно было по нескольким ступеням". Хуаррос, *История. Гуат.*, стр. 88. Двадцать четыре советника "несли императора на своих плечах в его государственном кресле всякий раз, когда он покидал свой дворец". *Id.*, стр. 189. 'No se diferenciaba el rey de Guatemala ó de Utatlán de los otros en el trage, sino en que él traia horadadas las orejas y narices, que se tenia por grandeza.' *Ximenez, Hist. Ind. Guat.*, стр. 197, 196.

[915] "Тения эль-рей, сьертус варонес де гран авторидад, ваше мнение, ваше мнение о том, что происходит с плеями и негоциантами, что касается вас, офресианец"; они собирали королевские доходы и оплачивали расходы королевской семьи. 'Tenia en cada pueblo grande sus cancellerias con sus oidores, que eran las cabezas de calpul; pero no era muy grande la comision que tenian.' 'Poderosos Señores, los quales esperaban su confirmacion de sus estados del dicho rey.' 'Aun en las cosas pequeñas y de poca importancia entraban en consulta.' 'Unos como alquaciles que servian de llamar y convocar al pueblo.' *Ximenez, Hist. Ind. Guat.*, стр. 196-7, 201-2. The king's lieutenants 'tenian su jurisdiccion limitada, la qual no era mas, que la que el Señor, ò Rei les concedia, reservando para si, y su Consejo las cosas graves.' Эти лейтенанты занимали свои должности пожизненно, если были квалифицированными и послушными, но для того, чтобы занимать их, они должны были быть повышены с более низких должностей. 'El consejo no era de qualesquiera Personas, sino de aquellas, que mas cursadas estaban en la misma cosa, что касается

тратобы". Иногда они призывали на помощь иностранные государства, чтобы свергнуть тирана. *Торквемада, Монарк. Инд.*, том ii., стр. 339-40, 343, 386. "Не было ни одного случая назначения на государственную должность, высокую или низшую, человека, который не был бы выбран из знати". *Хуаррос, История. Guat.*, стр. 190-1. Некоторые члены советов были священниками, когда на карту были поставлены религиозные интересы. *Эррера, История. Генерал*, декабрь iv., lib. viii., cap. x. 'Les personnes ou officiers qui servaient le souverain à la cour se nommaient Lolmay, Atzihunac, Calel, Ahuchan. C'étaient les facteurs, les contador, et trésoriers.' *Ternaux-Compans, Voy.*, série i., том. x., p. 418. 'De l'assemblée des princes des maisons de Cawek, d'Ahau-Quiché et de Nihaiïb, réunis avec le Galel-Zakik, et l'Ahau-Ah-Tzutuha, se composait le conseil extraordinaire du monarque.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 548-9. The king 'constitua vingt-deux grandes dignités, auxquelles il éleva les membres de la haute aristocratie.' *Id.*, pp. 496-7.

[916] Списки дворянства. *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. 337-47; *Id.*, *Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 430-32.

[917] "Нунка тувьерон Рей, китайская соло-элегическая песня о Святых, када Ано дос Капитанес, вопрос о ком Губернаторов, о том, кто виноват перед ними, эра майора эль респето, я почитаю, вопрос о святых". *Гарсия, Оприджен де лос Индж*, стр. 329; утверждение повторено в *Пиментеле, Памятка о Разе индейцев*, стр. 27; и *Эредиа и Сармьенто, Проповедь*, стр. 84. Гарсия ссылается на *Эрреру, Hist. Gen.*, дек. iv., lib. x., глава xi., где единственное утверждение по этому вопросу - это то, что "сын всех уважаемых принципов".

[918] "Без сомнения, существовали отдельные вожди, которые обладали властью, превосходящей остальные, оказывали на них большое влияние и, возможно, присваивали себе квалифицированную власть". *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 331-4; *Паласио, Carta*, стр. 78.

[919] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 36-8, 52, 54, 104, 108, 110, том. iii., стр. 231; "*Никарагуа*" Сквайера, (изд. 1856.) том ii., стр. 340-6; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.; *Питер Мартир*, дек. vi., lib. iii.; *Шерцер, Вандерунген*, стр. 64.

[920] О статусе священства см.: *Ланда, Relacion*, стр. 42, 54, 56, 114, 160, 354; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 198; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., библиотека iv., глава vii., дек. iv., библиотека. viii., глава x., lib. x., глава ii.; *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 56; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава sxxxiii.; *Дворец, Хартия*, стр. 62, 64; *Хименес, История. Гуат.*, стр. 200-1; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том. i., стр. 74, 79, том. ii., стр. 6, 10, 19, 33, 40, 48, 114, 551-6.

[921] 'L'idée de la supériorité de caste est tellement évidente dans le *Popol-Vuh*, par exemple, que le *peuple*, c'est-à-dire la masse étrangère aux tribus quichées, n'est jamais désigné que sous des nommes d'animaux; ce sont les fourmis, les rats, les singes, les oiseaux, etc.' *Viollet-le-Duc*, in *Charnay, Ruines Amér.*, p. 88. 'Acostumbraban buscar en los pueblos los mancos y ciegos y que les davan lo necesario.' *Landa, Relacion*, p. 40. 'Y los señores dauan Gobernadores a los pueblos, a los quales encomendauan mucho la paz, y buen tratamiento de la genta menuda.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. ii. - *Axux* ... signifie régulièrement héros, guerrier; il semble toutefois s'appliquer à ceux qui n'appartenaient point à l'aristocratie, mais à une classe intermédiaire entre la noblesse et les serfs ou paysans.' *Brasseur de Bourbourg, Popol Vuh*, pp. 92-3, 324-5; *Id.*, *Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 56-58. Among the Pipiles 'los que no eran para la guerra, cultivaban las tierras millpas del cazique i papa i sacerdotes, i de las propias suyas davan un tanto para la gente de guerra.' *Palacio, Carta*, p. 82. Beggars mentioned in Nicaragua. *Гомара, Hist. Ind.*, fol. 264.

[922] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. ii., pp. 35, 41, 70. 'Cocom fue primero el que hizo esclavos pero por deste mal se siguió usar las armas con que se defendieron para que no fuessen todos esclavos.' *Landa, Relacion*, p. 50.

[923] 'En las guerras, que por su ambicion hazian vnos à otros, se cautiaban, quedando hechos esclavos los vencidos, que cogian. En esto eran rigurosissimos, y los trataban con aspereza.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, pp. 181-2; *Carrillo*, in *Soc. Mex. Geog., Boletín*, 2-я эпоха, том iii, стр. 267; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 70; *Кортес, Кармас*, стр. 421; *Лас Касас*, в журнале *Кингсборо Mex. Antiq.*, том. viii., стр. 144. В Никарагуа Helps сообщает нам, что в

рабство были обращены только обычные пленники, а вождей убили и съели. *Промежуток. Конк.*, том iii., стр. 257.

[924] 'Acaesçe que venden los padres á los hijos, é aun cada uno se puede vender á sí proprio, si quiere é por lo que quisiere.' *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iv., pp. 51, 54; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. iv., cap. vii.; *Squier's Nicaragua*, (Ed. 1856.) vol. ii., p. 345. Бьенвенида говорит, что на Юкатане, как только умирает отец, сильнейшие из оставшихся порабащают остальных. В *Ternaux-Comrans, Voy.*, série i., том x., стр. 331.

[925] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.; Гомара, *История. Инд.*, fol. 264; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 181-2; Пиментель, *Сборник воспоминаний о Разе индейцев*, стр. 34; *История Фанкура. Уис.*, стр. 117.

[926] Лас Касас, в мексиканском Кингсборо. *Antiq.*, вып. viii., стр. 136, 144; Эррера, Гомара и Пиментель, *ubi sup.*

[927] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 387; Лас Касас, *ubi sup.*; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iv., lib. viii., глава x., lib. x., глава iv.; *Дворец, Хартия*, стр. 80-2; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Сив.*, том. ii., pp. 70, 573; *Ternaux-Comrans*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvii., стр. 46-7; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 182; *Новое исследование Гейджа*, стр. 414; *Овьедо, История. Генерал.*, том i., стр. 204.

[928] 'Las tierras por aora es de comun, y assi el que primero las ocupa las possee.' *Landa, Relacion*, p. 130. 'Las tierras eran comunes, y assi entre los Pueblos no auia terminos, ò mojonos, que las dividiessen: aunque si entre vna Provincia, y otra, por causa de las guerras.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 180. Лас Касас, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, vol. viii., стр. 139, говорится о пограничных знаках между собственностью разных владельцев. 'Les habitations étai pour la plupart dispersées sans former de village.' *Ternaux-Compans*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., p. 45. 'Leur qualité de seigneurs héréditaires ne les rendait pas, pour cela, maîtres du sol ni propriétaires des habitants.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. ii., стр. 56-8. "Собственность пользовалась большим уважением (в Никарагуа); но ... ни один мужчина не мог выставить свою землю на продажу. Если он желал покинуть округ, его собственность переходила к ближайшему кровному родственнику или, в случае отказа, к муниципалитету." *Поездка Бойля*, том i., стр. 274; "Никарагуа" Сквайера, (изд. 1856,) том ii., стр. 345; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.

[929] 'Los indios no admittian las hijas a heredar con los hermanos sino era por via de piedad o voluntad.' *Landa, Relacion*, pp. 136-8. "Мехорауанский аль-ке-мас-нотабле ауиа аюдадо аль-падре, ганар эль-хазиенда". *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv., дек. iii., lib. iv., глава vii.; *Коголлудо, Hist. Yuc.*, стр. 180; *Каррильо, в Соц. Мексике. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iii., стр. 267-8; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 70; *Пиментель, Воспоминания. собрание Разума индейцев*, стр. 36; *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 50; *Сквайер, в Паласио, Хартия*, стр. 119.

[930] 'Hanno abbondanza di cottone, & ne fanno manti che sono come lenzuoli, e camisetta senza maniche, e questo s'è il principal tributo che danno à suoi patroni.' *Benzoni, Hist. Mondo Nuovo*, fol. 99. 'El tributo era mantas pequeñas de algodón, gallinas de la tierra, algun cacao, donde se cogia, y vna resina, que seruia de incienso en los Templos, y todo se dize era muy poco en cantidad.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 179. 'Allende de la casa hazian todo el pueblo a los señores sus sementeras, y se las beneficiavan y cogian en cantidad que le bastava a el y a su casa.' *Landa, Relacion*, pp. 110-12, 130-2. 'Sus mayordomos ... que recibian los tributos, y los dauan a los señores.' *Эррера, История. Генерал.*, декабрь iv., lib. x., глава ii. Некоторые авторы говорят о подношении девственников и о монете под названием куска. *Карбахаль Эспиноза, История Мексики.*, том i., стр. 262. 'Jamais l'impôt n'était réparti par tête, mais par ville, village ou hameau.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 57-8, 33, 553. In Guatemala, 'en lo tocante á las rentas del rey y Señores, habia este órden, que todo venia á un montón, y de allí le daban al rey su parte, despues daban á los Señores, segun cada uno era, y despues daban á los oficiales, y á quienes el rey hacia mercedes.' *Ximenez, Hist. Ind. Guat.*, стр. 201-2. 'Ils possédaient les esclaves mâles ou femelles que ces sujets leur payaient en tribut.' *Ternaux-Compans, Voy., série i.*, том. x., pp. 416-17; *Id.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 45; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 345, 386; *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 104; "Никарагуа" Скуайера, (Изд. 1856,) том ii., стр. 341; *Мореле, Путешествие*, том i., стр. 195.

[931] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 180-1; *Терно-Компанс*, в *Новых анналах Войны*, 1843, том. xcvi., стр. 46; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 70-1; *Каррильо, в Соц. Мексике. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iii., стр. 268.

[932] О законах майя см.: *Ланда, Relacion*, стр. 132-4, 176-8; *Хименес, Hist. Ind. Гуат.*, стр. 196-200, 208; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. ii., стр. 338-46, 386-92; *Лас Касас*, в *мексиканском журнале Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., стр. 135-46; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 179-83; *Паласио, Хартия*, стр. 80-2; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 229-30, том iv., стр. 50-1; *Петр Мученик*, декабрь iv., библиотека ii.; *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 162; *Эррера, История. Генерал.*, декабрь iv., lib. viii., глава x., дек. iii., библиотека iv., глава vii.; *Хуаррос, История. Гуат.*, стр. 191-2; *Гомара, История. Ind.*, fol. 263-4; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 59-61, 572-4; "Никарагуа" Сквайера, (Изд. 1856,) том ii., стр. 345; *Id.*, *Cent. Amer.*, p. 334; *Ternaux-Compans, Voy., série i.*, том. x., pp. 417-18; *Id.*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 46-7; *Справочный материал. Конк.*, том iii., стр. 256-7; *История Фанкура. Юк.*, стр. 116-17; *Пиментель, Воспоминания о Рае индейцев*, стр. 29-34.

[933] They were taught, says Las Casas, 'que honrasen á los padres y les fuesen obedientes; que no tuviesen codicia de muchos bienes; que no adulterasen con muger agena; que no fornicasen, ni llegasen á muger, sino á la que fuese suya;

que no mirasen á las mugeres para codiciarlas, diciendo que no traspasasen umbral ageno; que si anduviesen de noche por el pueblo, que llevasen lumbre en la mano; que siguiesen su camino derecho, que no bajasen de camino, ni subiesen tampoco del; que á los ciegos no les pusiesen ofendiculo para que cayesen; á los lisiados no escarneciesen y de los locos no se riesen, porque todo aquello era malo; que trabajen y no estuviesen ociosos; y para esto desde niños les enseñavan como havian de hacer las sementeras y como beneficiallas y cogellas.' *Kingsborough's Mex. Антик*, том. viii., стр. 132. Брассер де Бурбур отмечает, что уважительное обращение "ты вместо "ты" часто используется детьми при обращении к своим родителям в Пополь Вух. *Пополь Вух*, стр. 96. The old people 'eran tan estimados en esto que los moços no trataban con viejos, sino era en cosas inevitables, y los moços por casar; con los casados sino muy poco.' *Landa, Relacion*, p. 178.

[934] 'Dormian en los portales no solo cuando hacian su ayuno, mas aun casi todo el año, porque no les era permitido tratar ni saber de los negocios de los casados, ni aun sabian cuando habian de casarse, hasta el tiempo que les presentaban las mugeres, porque eran muy sujetos y obedientes á sus padres. Cuando aquestos mancebos iban á sus casas a ver á sus padres ... tenian su cuenta de que no hablasen los padres cosa que fuese menos honesta.' *Ximenez, Hist. Ind. Гуат.*, стр. 181.

[935] *Ланда, Relacion*, стр. 178.

[936] *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. clxxix.; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 569.

[937] *Ланда, Relacion*, стр. 180.

[938] *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава xiv.; *Хуаррос, История. Гуат.*, стр. 195.

[939] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 569.

[940] *Хуаррос, Hist. Гуат.*, стр. 87; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 569.

[941] *Хименес, Hist. Ind. Гуат.*, стр. 194; *Хуаррос, История. Гуат.*, стр. 195; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 569.

[942] *Ланда, Relacion*, стр. 42-4; *Каррильо, в Соц. Мексике. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iii, стр. 269; *Мореле, Путешествие*, том i., стр. 191; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 61-2.

[943] *Давила, Театр Экз.*, том i., стр. 203; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 52; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv., говорит, что в более поздние времена они поженились в двенадцать или четырнадцать лет.

[944] *Лас Касас, в мексиканском Кингсборо. Антик*, том. viii., стр. 135.

[945] *Хименес, Hist. Ind. Гуат.*, стр. 208. Это тот же отрывок, что и Брассер де Бурбург, *Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 572, цитируется как *римский, представитель Ind.*, том ii., глава x.

[946] 'Los Indios de la Vera-Paz muchas veces, segun el Parentesco, que vsaban, era fuerça que casasen Hermanos con Hermanas, y era la raçon esta: Acostumbraban no casar los de vn Tribu, ò Pueblo, con las Mugeres del mismo Pueblo, y las buscaban, que fuesen de otro; porque no contaban por de su Familia, y Parentesco los Hijos que nacian en el Tribu ò Linage ageno, aunque la Muger huviese procedido de su mismo Linage; y era la raçon, porque aquel Parentesco se atribuía à solo los Hombres. Por manera, que si algun Señor daba su Hija à otro de otro Pueblo, aunque no tuviese otro heredero este Señor, sino solos los Nietos, Hijos de su Hija, no los reconocia por Nietos, ni Parientes, en raçon de hacerlos herederos, por ser Hijos del otro Señor de otros Pueblos y asi se le buscaba al tal Señor, Muger que fuese de otro Pueblo, y no de el proprio. Y asi sucedia, que los Hijos de estas Mugeres, no tenian por Parientes à los Deudos de su Madre, por estàr en otro Pueblo, y esto se entiende, en quanto à casarse con ellas, que lo tenian por licito, aunque en lo demàs se reconocian. Y porque la cuenta de su Parentesco era entre solos los Hombres, y no por parte de las Mugeres. Y por esto

no tenían impedimento, para casarse, con los tales Parientes; y así se casaban con todos los grados de Consanguinidad, porque mas por Hermana tenían qualquiera Muger de su Linage, aunque fuese remotísima, y no tuviese memoria del grado, en que le tocaba, que la Hija de su propia Madre, como fuese havida de otro Marido, y por este error se casaban, con las Hermanas de Madre, y no de Padre.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 419.

[947] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 572.

[948] *Монарх. Ind.*, том ii., стр. 419.

[949] 'En lo que tocava al parentesco, tenían un arbol pintado, i en el siete ramos que significava siete grados de parentesco. En estos grados no se podia casar nadie, i esto se entendia por linea recta si no fuese que alguno huviese fecho algun gran fecho en armas, i havia de ser del tercero grado fuera; i por linea traversa tenia otro arbol con quatro ramos que significaban el quarto grado, en estos no se podia casar nadie.... Qualquiera que tenia quenta carnal con parienta en los grados susodichos morian por ello ambos.' *Palacio, Carta*, p. 80; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. viii., глава x.; *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 334.

[950] *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv.; *Ланда, Relacion*, стр. 134-6, 140; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 61.

[951] *Торквемада, Монарх. Ind.*, том ii., стр. 419; "*Никарагуа*" Сквайера, (изд. 1856,) том ii., стр. 343.

[952] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 570.

[953] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., p. 53. 'Los dotes eran de vestidos, y cosas de poca sustancia, lo mas se gastava en los combites.' *Эррера, История. Генерал.*, декабрь iv., lib. x., глава iv.

[954] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 50; "*Никарагуа*" Скуайера, (Изд. 1856,) том ii., стр. 343.

[955] *Хименес, Hist. Ind. Гуам.*, стр. 204-6; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 569-71.

[956] *Паласио, Carta*, стр. 78; *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 321.

[957] *Гомара, История. Ind.*, fol. 263; *Эррера, История. Ген.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.; "*Никарагуа*" Скуайера, (изд. 1856,) том ii., стр. 343.

[958] 'Haziase vna platica de como se auia tratado, y mirado aquel casamiento, y que quadraua: hecha la platica el Sacerdote sahumaui la casa; y con oraciones bendezia a los nouios, y quedauan casados.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. iv.

[959] *Ib.*; *Ланда, Relacion*, стр. 142.

[960] 'Llegada á casa, luego la ponian y asentaban en un tálamo bien aderezado, y comenzaban grandes bailes y cantares y otros regocijos muchos, con que la fiesta era muy solemne.' *Ximenez, Hist. Ind. Гуам.*, стр. 206; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 570-1.

[961] 'Sin él ninguno se casaba.' *Veytia, Hist. Ant. Mej.*, том i., p. 183; *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 191; *Juarros, Hist. Гуам.*, стр. 196.

[962] 'A la noche, dos mugeres honradas y viejas metíanlos en una pieza, y enseñábanlos como habían de haberse en el matrimonio.' *Ximenez, Hist. Ind. Гуам.*, стр. 206.

[963] Паласио говорит, что каждый из них был завернут в новую белую мантию. "Амбос лос энболвианский када кваль ан су манта бланка нуэва". *Carta*, стр. 78. См. Также *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. viii., глава x.; *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 333.

[964] 'Si la tomo por virgen, y la halla corrompida, desecha la, mas no de otra manera.' Gomara, *Hist. Ind.*, fol. 263; Oviedo, *Hist. Gen.*, tom. iv., p. 49.

[965] 'Los novios se están quedos, mirando cómo aquella poca tea se quema; é acabada, quedan casados é ponen en efetto lo demás.' Oviedo, *Hist. Gen.*, tom. iv., p. 50. 'En muriendose la lumbre, quedan casados.' Gomara, *Hist. Ind.*, fol. 263; Squier's *Nicaragua*, (Ed. 1856,) vol. ii., p. 343; Boyle's *Ride*, vol. i., p. 273.

[966] 'La noche ántes habia de dormir con la novia uno que tenian por papa.' Andagoya, in Navarrete, *Col. de Viages*, tom. iii., p. 414; Herrera, *Hist. Gen.*, dec. iii., lib. v., cap. xii. Oviedo perhaps alludes to this custom when he says: 'Muchos hay que quieren más las corrompidas que no las vírgenes.' *Hist. Gen.*, tom. iv., p. 50; Malte-Brun, *Précis de la Géog.*, tom. vi., p. 472.

[967] 'Comunmente estas gentes compraban la muger, y aquellos dones que llevaban, era el precio, y así la muger jamas volvía á casa de sus padres aunque enviudase; porque luego el hermano del muerto la tomaba por muger *aunque él fuese casado*, y si el hermano no era para ello, un pariente tenia derecho á ella. Los hijos de las tales mugeres no tenian por deudos á los tales abuelos, ni á los demas deudos de las madres, porque la cuenta de su parentesco venia por linea de varones, y así no tenian impedimentos para casarse con los parientes de sus madres, esto se entiende para contraer matrimonio; que en lo demas amábanse y queríanse unos á otros.' Ximenez, *Hist. Ind. Guat.*, стр. 207; Лас Касас, в *мексиканском университете Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., с. 146; Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 388; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 571-2.

[968] 'No se casavan despues de viudos un año, por no conocer hombre a muger en aquel tiempo, y a los que esto no guardavan, tenian por poco templados y que les vendria por esso algun mal.' Landa, *Relacion*, p. 156.

[969] Duac, *Itinéraire*, в Ternaux-Compans, *Voy.*, série i., том x., стр. 13. "Что делать тому мучасу мугересу, императору против законности", говорит Гомара, *Hist. Ind.*, fol. 263, говоря о Никарагуа. "Сообщество када уно тьене уна сола мугер, покос сына мугере, кроме принсипалов - эль-кьюэдэ, пришедших за мугересом; и каково качество касиков". Овьедо, *История. Генерал*, том iv., стр. 37. Слово "мугер", очевидно, означает женщин, которые жили с мужчиной, жену и наложниц, поскольку на стр. 50 оно утверждается, что разрешалось иметь только одну законную жену. Наказание за двоеженство помогает подтвердить это. Виллагутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 310, 499. 'Nunca los yucataneses tomaron mas de una.' Landa, *Relacion*, pp. 142, 341. Этой точки зрения придерживается и Коголлудо, *Hist. Yuc.*, стр. 193, который, однако, добавляет: "Противопоставьте Агилар су информации о том, что такое мугер сола, дизендо, кетенианские мучы"; но это может относиться к наложницам. Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 55, говорится: "Множественность женщин признает право выбора", и приводит Эррепу, *Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. iv. в качестве своего авторитета; но этот автор просто ссылается на наложничество как на законное.

[970] Ланда, *Связь*, стр. 138-40. "Tenian grandes pendencias, y muertes sobre ello", говорит Эррепа, *Hist. Gen.*, декабрь iv., lib. x., глава iv., имея в виду их супружескую жизнь.

[971] Овьедо, *История. Генерал*, том iv., стр. 50; Лас Касас, в *Мексике Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., p. 146; Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 572.

[972] Las Casas, *Hist. Anologетика*, в *Мексике Кингсборо. Антик.*, том viii., стр. 137-8.

[973] Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 572.

[974] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 387. 'Acontecio quexarse vn Indio contra vn Alcalde de su nacion, que sin pedimento suyo hauia castigado a su muger por ocho adulterios, y hechole pagar a el la condenacion, de manera que aliende de su afrenta, le lleuaua su dinero.' Herrera, *Hist. Gen.*, dec. iv., lib. viii., глава viii. 'Cuando queria que la muger se huia y se iba con otro, ó por sencillas se volvía en casa de sus padres, requeríala el marido que volviese, y si no queria, él se podia casar luego con otra, porque en este caso las mugeres eran poderosas y libres. Algunos sufrían un año

aguardándolas; pero lo comun era casarse luego, porque no podian vivir sin mugeres, á causa de no tener quien les guisese de comer.' *Ximenez, Hist. Ind. Guat.*, стр. 200.

[975] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 699.

[976] 'Quando las mugeres eran halladas en adulterio, la primera vez eran corregidas de palabra; y si no se enmendaban, repudiábanlas; y si era Señor, hermano ó pariente del Señor de la tierra, luego en dejándola, se podia casarse con quien quisiere. Los vasallos hacian tambien esto muchas veces, pero tenian un poco de mas paciencia, porque las corregian dos y cinco veces, y llamaban á sus parientes para que las reprehendiesen. Pero si eran incorregibles, denunciaban ellas delante del Señor, el cual las mandaba comparecer ante sí y hacianlas esclavas, y la misma pena se daba á las que no querian hacer vida con sus maridos.' *Ximenez, Hist. Ind. Guat.*, стр. 208-9.

[977] Овьедо утверждает, что муж отомстил за собственную честь. The Friar asks: '¿Qué pena le dan al adúltero, que se echa con la muger de otro?' Индеец отвечает: "Эль маридо делла ринье кон эль э ле да де палос; перо но ло мата". *История. Генерал.*, том iv., стр. 50. Сквайер, *Никарагуа*, (Изд. 1856 г.), том ii., стр. 343, говорится, что женщину также жестоко выпороли, но, похоже, это было не так. См. *Гомара, История. Ind.*, fol. 263; *Эррера, История. Ген.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.; *Поездка Бойла*, том i., стр. 273.

[978] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 182; *Ланда, Relacion*, стр. 48, 176; *Терно-Компанс*, в *Новых анналах Войны*, 1843, том. xcvi., стр. 46; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава ii.; *История Фэнкурта*, стр. 117.

[979] *Хартия*, стр. 80.

[980] *Цент. Амер.*, стр. 334.

[981] *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., в *мексиканском издании Кингсборо. Antiq.*, vol. viii., стр. 137, 144; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 387.

[982] *Лас Касас*, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., с. 144; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 388.

[983] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 182.

[984] *Лас Касас*, в *мексиканском городе Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., с. 144; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. ii., стр. 388; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. viii., глава x.; *Palacio, Carta*, стр. 82; *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 334.

[985] *Гомара, История. Ind.*, fol. 263; *Овьедо, История. Ген.*, том iv., стр. 51; *Эррера, История. Ген.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.; *"Никарагуа" Скуайера*, (изд. 1856), том ii., стр. 343.

[986] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 51; *"Никарагуа" Скуайера*, (Изд. 1856,) том ii., стр. 343.

[987] *Овьедо, История. Генерал.*, том i., стр. 252, 316, том. iv., стр. 37, 51; *Гомара, История. Инд.*, fol. 263-4; *Эррера, История. генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.; *Мюллер, Американская религия*, с. 663; *"Никарагуа" Сквайера*, (изд. 1856,) том ii., стр. 343-4; *"Поездка Бойля"*, том i., стр. 273. 'Dado que e vido que en otras partes de las Indias usavan del nefando peccado en estas tales casas, en esta tierra (Yucatan) no e entendido que hiziessen tal, ni creo lo hazian, porque los llagados desta pestilencial miseria dizen que no son amigos de mugeres como eran estos, ca a estos lugares llevavan las malas mugeres publicas, y en ellos usavan dellas, y las pobres que entre esta gente acertava a tener este officio no obstante que recibian dellos gualardon, eran tantos los mocos que a ellas acudian que las traian acossadas y muertas.' *Landa, Relacion*, p. 178.

[988] *Андагоя*, в *Наваррете, полковник де Виахес*, том iii., стр. 414; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. v., глава xii.; *"Никарагуа Сквайра"*, (изд. 1856), том ii., стр. 344; *"Поездка Бойла"*, том i., стр. 273-4.

[989] *Лас Касас* называет его демоном, но эти монахи говорили обо всех божествах Нового Света как о "демонах".

[990] *Лас Касас, в мексиканском Кингсборо. Антик*, том. viii, стр. 138. Before this he writes: 'Y es aqui de saber, que tenían por grave pecado el de la sodomia como abajo dirémos, y comunmente los padres lo aborrecian y prohibian á los hijos. Pero por causa de que fuesen instruidos en la religion, mandavanles dormir en los templos donde los mozos mayores en aquel vicio á los niños corrompian. Y despues salidos de alli mal acostumbrados, dificil era librarlos de aquel vicio. Por esta causa eran los padres muy solícitos de casarlos quan presto podian, por los apartar de aquella corrupcion vilissima aunque casallos muchachos contra su voluntad y forzados, y solamente por aquel respeto lo hacian.' *Id.*, pp. 134-5.

[991] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 180.

[992] 'Otro acerrimo infamador de estas naciones, que Dios Nuestro Señor haya, en cuya historia creo yo que tuvo Dios harto poca parte, dixo ser indicio notorio de que aquellas gentes eran contaminadas del vicio nefando por haver hallado en cierta parte de aquella tierra, hechos de barro ciertos idolos uno encima de otro. Como si entre nuestros pintores ó figulos no se finjan cada dia figuras feas y de diversos actos, que no hay sopecha por nadie obrarse, condenarlos todos por aquello, haciendolos reos de vicio tan indigno de se hablar, no carece de muy culpable temeridad, y asi lo que ariba dije tengo por la verdad, y lo demas por falsos testimonios dignos de divino castigo.' *Las Casas, in Kingsborough's Mex. Антик*, том. viii, стр. 147.

[993] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv, стр. 51; "*Нукарагуа*" Сквайера, изд. 1856, том ii, стр. 343.

[994] 'Que comiesen el pan seco ó solo maiz, ó que estuviesen tantos dias en el campo metidos en alguna cueva.' *Ximenez, Hist. Ind. Guam.*, стр. 193.

[995] *Palacio, Carta*, p. 78.

[996] In Vera Paz 'las mugeres paren como cabras, muchas vezes a solas, tendidas en el suelo: otras por los caminos, y luego se van a lauar al rio.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. xiv.; *Landa, Relacion*, p. 192.

[997] 'Le hazian dezir sus pecados i si no paria, hazia que se confesase el marido, i si no podia con esto, si havia dicho i confesado que conofia alguno, ivan á casa de aquel i traian de su casa la manta é pañetes i ceñiola á la preñada para que pariese.' *Palacio, Carta*, p. 76; *Las Casas, in Kingsborough's Mex. Антик*, том. viii, стр. 139.

[998] Казалось бы, ребенок оставался с привязанной к нему пуповиной до тех пор, пока не был выбран благоприятный день для проведения церемонии ее перерезания. 'Echaban suertes para ver que dia seria bueno para cortar el ombligo.' And further on: 'Muchos tribus de indios de Centro-America conservan hasta hoy al nacimiento de un niño el uso de quemarle el ombligo; costumbre barbara de que mueron muchos niños.' Это указывало бы на то, что пуповина была обожжена при прикреплении к младенцу. *Хименес, Хист. Инд. Гуам.*, стр. 193-4; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 448.

[999] In Cezori 'ciertos Indios idolatraron en un monte en sus terminos, i entre ellos que uno se harpó i hendió su miembro, i que circuncidaron quatro muchachos de doze años para arriba al uso judaico, i la sangre que salio dellos la sacrificaron á un idolo.' *Palacio, Carta*, p. 84. 'Se harpavan el superfluo del miembro vergonçoso, dexandolo como las orejas, de lo qual se engaño el historiador general de las Indias, diziendo que se circuncidian.' *Landa, Relacion*, pp. 162-3. 'Ni aquellos Religiosos Dominicos, ni el Obispo de Chiapa, haziendo tan particular inquisicion, hazen memoria de auer hallado tal cosa ... los Indios, ni estos tienen tradicion de que vsassen tal costumbre sus ascendientes.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 191. 'They are Circumcised, but not all.' *Peter Martyr*, dec. iv., lib. i. Circumcision was 'un usage général dans l'Yucatan, observé de temps immémorial: elle était pratiquée sur les petits enfants dès les premiers jours de leur naissance.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 51. Это положительное и изолированное утверждение аббата, как обычно, должно быть основано на некоторых его рукописях.

[1000] 'Cortarban ramos verdes en que pisase.' *Palacio, Carta*, p. 76.

[1001] Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 568, относится только к первенцу. 'Dabanle el nombre del Dia, en que havia nacido, ò segun lo que precediò en su Nacimiento.' *Torquemada, Monarqu. Ind.*, том ii., стр. 448. Хименес, *Хист. Инд. Гуат.*, стр. 193.

[1002] *История. Апологетика*, ср., загл. clxxix.

[1003] 'A sus hijos y hijas siempre llamavan del nombre del padre y de la madre, el del padre como propio y de la madre apellativo.' The pre-baptismal name was abandoned when the father's name was assumed. Ланда, *Relacion*, стр. 136, 194. Только те немногие, кому было суждено принять крещение, получали отличительное имя. *Medel*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 44-5; Виллагуэрьере, *История. Конк. Ица*, стр. 489.

[1004] *Торквемада, Монарк. Ind.*, том ii., стр. 448. Паласио, *Carta*, стр. 76, утверждает, что эта церемония была проведена после двенадцатого дня и что только мать была взята для омовения. Эррера, *История. Генерал.*, декабрь iv., lib. viii., глава x. и *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 333; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 568.

[1005] 'Allanarles las frentes y cabeças.' 'Comunmente todos estevados, porque ... van ahorcados en los quadriles.' Landa, *Relacion*, pp. 192-4, 112; Juarros, *Hist. Гуат.*, стр. 195.

[1006] Чак или Чаак - титул, присваиваемый определенным мирянам, которые были избраны помогать священнику в выполнении некоторых его религиозных обязанностей. Также имя божества, покровителя воды и урожая. См. Ланда, *Relacion*, стр. 485.

[1007] Кто был выбран, чтобы вывезти вино, жаровню и шнур за город, или что он сделал с ними потом, нам не сообщается. Cogolludo says: 'Daban à vn Indio vn vaso del vino que acostumbraban beber, y embiabanle fuera del Pueblo con èl, mandandole, que ni lo bebiesse, ni mirasse atràs, con que creían quedaba totalmente expulso el demonio.' *Hist. Yuc.*, p. 191. 'En un vaso enviaban vino fuera del pueblo, con órden al indio que no lo bebiese ni mirase atras, y con esto pensaban que habian echado al demonio.' Veytia, *Hist. Ant. Mej.*, том. i., p. 183; Herrera, *Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. iv.

[1008] 'Esta agua hazian de ciertas flores y de cacao mojado y desleido con agua virgen que ellos dezian traída de los concavos de los arboles o de los montes.' Landa, *Relacion*, p. 150.

[1009] 'Los varoncillos usavanles siempre poner pegada a la cabeça en los cabellos de la coronilla una contezuela blanca, y a las muchachas traían ceñidas por las renes muy abaxo con un cordel delgado y en el una conchuela asida que les venia a dar encima de la parte honesta, y destas dos cosas era entre ellos peccado y cosa muy fea quitarla de las mochachas antes del baptismo.' Landa, *Relacion*, pp. 144, 146.

[1010] Brasseur de Bourbourg says they feasted nine days: 'Tous ensemble, prêtres et parents, festoyaient après cela, pendant neuf jours, les pères étant obligés, durant cet intervalle, de s'abstenir de leurs femmes.' *Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 52. Он, по-видимому, неправильно понял Коголлудо, на которого он ссылается, поскольку слова этого автора таковы: "свадьба на банкетах, и в нуэве диас сигуиентес нет ничего общего с легаром, а сус мугерес лос падрес де лос ниньос". *Hist. Yuc.*, стр. 191. 'Allende de los tres dias que se avia, como por ayuno, abstenido, se avia de abstener nueve mas y lo hazian inviolablemente.' Landa, *Relacion*, p. 154. См. далее: Вейтия, *История. И. Медж.*, том i. *Dávila, Teatro Eccles.*, том. i., p. 205; Laet, *Novus Orbis*, p. 272; Ternaux-Compans, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 44-5.

[1011] Андагоя, в *Наваррете, полковник де Виакес*, том iii, стр. 414; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii., lib. v., глава xii.; Овьедо, *История. Генерал.*, том iv., стр. 39, 61, 103; Мальтебран, *Краткое изложение Геологии.*, том vi., стр. 472; Гомара, *Hist. Ind.*, fol. 263. In Guatemala 'il est à remarquer ici que quand il s'agit simultanément d'hommes et de femmes dans le discours, les femmes ont presque toujours la préséance sur les hommes.' 'C'est peut-être en mémoire de la mère de Hun-Ahpu que les femmes-chefs en bien des contrées devaient leurs prérogatives.' Брассер де Бурбург, *Пополь Вух*, стр. 93-4. In Yucatan the women 'son zelosas y algunas tanto que ponian las manos a las de quien

tenian zelos, y tan colericas, enojadas, aunque harto mansas, que solian dar buelta de pelo algunas a los maridos con hazerlo ellos pocas vezes.' *Landa, Relacion*, pp. 188, 190. Однако женщины Юкатана должны были выполнять свои обязанности. 'Son grandes trabajadoras y vividoras, porque dellas cuelgan los mayores y mas trabajos de la sustentacion de sus casas y educacion de sus hijos, y paga de sus tributos y con todo esso si es menester llevan algunas vezes mayor carga, labrando y sembrando sus mantenimientos. Son a maravilla grangeras, velando de noche el rato que de servir sus casas les queda, yendo a los mercados a comprar y vender sus cosillas.'... Женщины объединялись и помогали друг другу в работе, такой как ткачество и т.д. 'Elles avaient leurs saillies et leurs bons mots pour railler et conter des aventures et par moment aussi pour murmurer de leurs maris.' *Id.*, p. 190.

[1012] *Ланда, Relacion*, стр. 186.

[1013] 'Los universales sacrificios se ofrecian ordinariamente cuando venian las fiestas, las cuales habia en unas provincias cinco, y en otras seis, ó se ofrecian por necesidad particular, por uno de estos dos respectos.' *Ximenez, Hist. Ind. Guat.*, p. 177; *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., загл. clxxix.

[1014] 'Aquel dia era libertado para hacer grandes banquetes y borracheras, y así se mataban infinitas aves, mucha caza y vinos muy diferentes, hacian muchas danzas y bailes en presencia de los ídolos. Duraban aquestas fiestas, tres, cinco y siete dias, segun lo que ordenaban los ministros, y lo decian cuando habian de comenzar. En estos dias, en cada tarde andaban en procesion con grandes cantos y músicas, llevando al ídolo por las calles y plazas, y donde habia lugar preeminente, hacian altares y ponian mesas, y allí paraban, y como nosotros representamos farsas, así ellos jugaban á la pelota delante de sus dioses.' *Ximenez, Hist. Ind. Guat.*, p. 187; *Las Casas, Hist. Apologética*, ср., загл. clxxvii.

[1015] Способ, которым это было сделано, будет описан в другом месте этой главы.

[1016] 'Ce qui, d'accord avec divers autres indices, annoncerait bien que l'effusion du sang, et surtout du sang humain, dans les sacrifices, était d'origine étrangère, nahuatl probablement.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, p. 247.

[1017] Означает "тушение огня". *Брассер де Бурбур*, в *Landa, Relacion*, стр. 254. Изамна иначе называется Замна.

[1018] Это слово *чаки*, которое раньше интерпретировалось как "боги кукурузных полей", вероятно, здесь означает жрецов этих божеств. В предыдущей главе мы видели, как это слово применялось к тем, кто помогал при обряде крещения.

[1019] '*Ekchuah*, écrit ailleurs *Echuah*, était le patron des marchands et naturellement des cacaos, marchandise et monnaie à la fois.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, p. 261.

[1020] "Официальные лица"; это может означать исполняющих обязанности священников, или надсмотрщиков на плантациях, или почти что угодно еще.

[1021] '*Cit* paraît être une sorte de cochon sauvage; *chac* est le nom générique des dieux de la pluie, des campagnes, des fruits de la terre, etc. *Coh* est le puma ou lion américain; suivant d'autres, *chac-coh* est le léopard.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, p. 265.

[1022] '*Cinchau-Yzamná* est une orthographe erroné, si l'on en juge après les leçons précédentes; c'est probablement une mauvaise abréviation de *Kinich-Ahau-Ytzamná*, donné, d'ailleurs, comme l'inventeur des lettres et de l'écriture, l'auteur de tous les noms imposés au Yucatan.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, pp. 284-5.

[1023] 'C'étaient là sans doute les dieux de la pêche, à propos desquels Cogolludo dit les paroles suivantes: "On dit aussi que bien après la conquête, les Indiens de la province de Titz imin, quand ils allaient pêcher le long de la côte de Choáca, avant de se mettre à la pêche, commençaient par des sacrifices et des oblations à leurs faux dieux, leur offrant des chandelles, des réaux d'argent et des *cuzcas*, qui sont leurs émeraudes, et d'autres pierres précieuses, en certain endroits, au *ku* et oratoires qui se voient encore dans les bras de mer (estuaires) et les lagunes salées qu'il y a sur cette côte vers le *Rio de Lagartos*.'" (*Hist. Yuc.*, tom. iv., cap. iv.); *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, pp. 292-3.

[1024] 'Cukulcan, écrit quelquefois Kukulcan, vient de *kuk*, oiseau qui paraît être le même que le quetzal; son déterminatif est *kukul* qui uni à *can*, serpent, fait exactement le même mot que *Quetzal Cohuatl*, serpent aux plumes vertes, ou de Quetzal.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, p. 35.

[1025] 'La province de Mani avait été colonisée par les Tutul-Xius, dont l'origine était toltèque ou nahuatl; les fêtes de Kukulcan se bornant à cette province après la destruction de Mayapan, ne laissent point de doute sur l'origine de ce personnage, et donnent lieu de penser que le reste du Yucatan, tout en vénérant jusqu'à un certain point ce mythe ou ce prophète, avait gardé au fond la religion qui avait précédé celle des Toltèques. Ce serait un point d'histoire d'une grande importance au point de vue philosophique. Nous trouverons plus loin d'autres indices du culte primitif des Mayas.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, pp. 300-1.

[1026] 'Ek-balam-chac signifie tigre noir dieu des champs: ce sont du reste des noms donnés au tigre encore aujourd'hui. Ahcan est le serpent mâle en général. Ahbuluc-Balam signifie Celui des onze tigres.' *Брассер де Бурбург*, в книге "Ланда, Relacion, стр. 230-1."

[1027] 'Ne croirait-on pas lire la description de cette fête des Scythes, rapportée par Hérodote, et que M. Viollet-Leduc a insérée dans ses *Antiquités mexicaines*, formant l'introduction de l'ouvrage de M. Désiré Charnay: *Cités et Ruines américaines*, page 16.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, pp. 232-3.

[1028] *Ланда, Связь*, стр. 230-2.

[1029] 'Bolon est l'adjectif numéral neuf, *zacab*, dont la racine est *zac*, blanc, est le nom d'une sorte de maïs moulu, dont on fait une espèce d'orgeat. Cette statue était-elle une image allégorique de cet orgeat offert en cette occasion?' *Брассер де Бурбург*, в книге "Ланда, Relacion, стр. 212-13."

[1030] 'Kanté, bois jaune; c'est probablement le cèdre.' *Brasseur de Bourbourg*, in *Landa, Relacion*, p. 213.

[1031] *Ланда, Связь*, стр. 210-32.

[1032] 'La charge de *Nacon* était double; l'un était perpétuel et peu honorable, parce que c'était lui qui ouvrait la poitrine aux victimes humaines qu'on sacrifiait.' *Landa, Relacion*, p. 161. 'El oficio de abrir el pecho a los sacrificados, que en Mexico era estimado, aqui era poco honroso.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. iv.

[1033] *Ib.*

[1034] *Ланда, Relacion*, стр. 166; *Эррера*, ubi sup.

[1035] Стивенс так описывает нынешний вид ямы: "Выйдя из Кастильо, на некотором расстоянии мы поднялись на лесистую возвышенность, которая казалась искусственной дамбой, ведущей к сеноте. Сеноте был самым большим и диким из всех, что мы видели; посреди густого леса - огромная круглая яма с неровными, перпендикулярными стенами, из которых росли деревья, нависающие над краем, и все было так тихо, как будто внутри царил гений тишины. Вокруг него кружил ястреб, глядя вниз на воду, но ни разу не взмахнув крыльями. Вода была зеленоватого оттенка. Таинственное влияние, казалось, пронизывало его в унисон с историческим сообщением о том, что колодец Чичен был местом паломничества и что в него бросали человеческие жертвы в качестве жертвоприношения. В одном месте, на самом краю, были остатки каменного сооружения, вероятно, связанного с древними суеверными обрядами; возможно, это было место, откуда жертвы сбрасывались в темный колодец внизу". *Юкатан*, том ii., стр. 324.

[1036] Мы видели, что даже памятью о Кукулкане пренебрегали во всех провинциях Юкатана, кроме одной.

[1037] *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава i.; *Медель*, в *Новых анналах Войны.*, 1843, том. xcvi., стр. 43; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 44-5.

[1038] *Эррера, История. Генерал.*, декабрь iv., lib. viii., глава x.

[1039] 'Ivanse derechos todos quatro juntos á do sale el sol, i se hincavan de rodillas ante el, i le zaumavan diciendo palabras é invocaciones, i esto fecho se dividian hacia quatro partes, lest, oest, norte, sur, i predicavan sus rictos i ceremonias.' *Palacio, Carta*, p. 68.

[1040] 'Yua el sacristan y sacaual con la nauaja el coraçon, y arrojaual al dios, o a la diosa, y dezia, Toma el fruto desta vitoria.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. viii., глава x.

[1041] Брассер де Бурбур говорит: "серф блан". *История. Нац. Сив.*, том ii., стр. 557.

[1042] 'Le sacrifice du cerf blanc, d'abord un des plus augustes, devint, plus tard, l'offrande commune et exclusive des chasseurs qui désiraient se rendre favorables les dieux protecteurs de la chasse et des forêts.' *Id.*, p. 557; *Palacio, Carta*, pp. 74-6.

[1043] 'Echauan las fiestas que eran diez y ocho, como los meses subidos en el gradario, o sacrificadero que tenian los patios de los templos.' *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii. В свидетельстве, приведенном братом Франсиско де Бобадильей, количество фестивалей указано как двадцать один и одиннадцать; поэтому я должен предоставить читателю самому решить, какой из них правильный. "Y.-En un año tenemos veynte é un dias de fiestas (без хунтоса эстоса диаса)... F.—En el tiempo de aquellas once fiestas, que deçis que teneys cada año". *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 47, 52.

[1044] "Ибо у них есть два вида человеческих жертвоприношений: одно - от врагов, взятых в плен на войне, другое - от тех, кого приводят и содержат дома". *Петр Мученик*, декабрь vi., lib. vi.

[1045] "И тот, кому не достанется ни части принесенного в жертву врага, подумает, что ему следует плохо принять это". *Ib.*

[1046] "Каждый король выращивает назначенные ему деревья на поле неподалеку от себя, запоминая названия каждой враждебной страны, где они меняют головы своих принесенных в жертву врагов, взятых на войне". *Ib.*

[1047] Эррера дает аналогичный отчет об избавлении от тела, но добавляет: "Привет пони-кабесе в лос-арболесе". *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii. Я считаю невероятным, чтобы с головами обращались так же, как с головами их врагов. Петр Мученик ничего внятно не говорит об избавлении от головы, но, говоря о жертвоприношении, говорит: "они извлекают все ее части и частично хоронят их перед дверями своих храмов, как ноги, кисти рук и внутренности, которые они бросают вместе в тыкву, остальное (вместе с хартами, разводящими большой костер на виду у этих враждебных деревьев, под священные гимны и аплодисменты священников) они сжигают среди пепла прежних жертвоприношений, который затем извлекают, лежа в том месте, где они были убиты". *Филд.* Декабрь. vi., том. vi.

[1048] 'En aquellas fiestas no trabaxamos ni entendemos en más de emborracharnos; pero no dormimos con nuestras mugeres, é aquellos dias, por quitar la ocasion, duermen ellas dentro en casa é nosotros fuera della: é al que en tales dias se echa con su muger, nuestros dioses les dan dolencia luego, de que mueren; é por esso ninguno lo osa haçer, porque aquellos dias son dedicados á nuestros dioses.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., p. 52.

[1049] *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., либр. iv., глава vii.; *Петр Мученик*, дек. vi., либр. vi., vii.; *Сквейр*, в *Паласио, Хартия*, стр. 116.

[1050] 'En las ventas, y contratos, no auia escritos que obligassen, ni cartas de papago, que satisfaciessen, pero quedaba el contrato valido con que bebiessen publicamente delante de testigos.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, pp. 180-1.

[1051] *Ланда, Связь*, стр. 122-4.

[1052] 'Son graciosos en los motes, y chistes, que dicen à sus mayores, y luezes: si son rigurosos, ambiciosos, auarientos, representando los sucessos que con ellos les passan, y aun lo que vèn à su Ministro Doctrinero, lo dicen delante dèl, y à vezes con vna sola palabra.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 187.

[1053] См. Каррильо, в *мексиканском обществе. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iii., стр. 259, 261; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 65-7; Эррера, *История. Генерал.*, декабрь iv., lib. x., глава iv.; Терно-Компанс, в *Новых анналах Войны*, 1843, том. xcvi., стр. 47.

[1054] *Ланда, Relacion*, стр. 126, 128.

[1055] 'El timbal yucateco (*tankul ó tunkul*,) es el instrumento mas notable de la música yucateca, y en general de la música americana, que acompañaban las danzas ó bailes sagrados, y el nombre maya de ese notable instrumento, nos revela hasta hoy el carácter sagrado de aquellas fiestas, pues el nombre de *tunkul ó tankul*, significa ligeramente la hora de la adoracion.' *Carrillo*, in *Soc. Mex. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iii., стр. 259. У меня есть один из таких инструментов.

[1056] *Ланда, Relacion*, стр. 124, 126; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv.; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 77, 186; Каррильо, в *Соц. Мексике. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iii., стр. 260; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 64-5.

[1057] *Ланда, Relacion*, стр. 178.

[1058] Это очень похоже на игру науа, описанную на странице [295](#) и последующих в этом томе.

[1059] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 93-4, 111-12, пл. v., рис. i., ii.

[1060] Эта история, написанная римскими буквами, но на языке киче в первые годы Завоевания, была процитирована Брассером де Бурбургом как *ГОСПОЖА Киче де Чичикастенанго* в его *истории. Нац. Civ.*, том i., стр. 59-60; перевод на испанский Хименеса появился в 1857 году, *Hist. Ind. Гуат.*, стр. 79-80; и перевод на французский Брассера де Бурбура в 1861 г., *Пополь Вух*, стр. 195-9. Перевод Брассера соблюден по большей части в моем тексте, но что касается этого отрывка, то между двумя переводами есть лишь небольшие словесные различия.

[1061] *Ланда, Relacion*, стр. 130; Брассер де Бурбург, в *изд.*, стр. 361. На побережье Юкатана, "Расины не знают боли и не хотят называть себя маисами". Диас, *Итинерайр*, в *Терно-Компансе, Вой.*, сери i., том x., стр. 8. Лакандоны применяли себя "в борьбе с Мильпасом, у Сементера-де-Майз, Чили, у Фриксолеса, на ближнем востоке". сембраванские пинья, платано, Бататы, Чикамы, сакоты, сапоты и отрас Фрутас; их мильпы были большими и расчищались каменными топорами. Вильягутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 310-11. У ица были "муха Грана, Сера, Альгодон, Ачиоте, Байнильяс и другие бобовые". *Id.*, стр. 353, 499. Многие сорта фасоли выращивают в Никарагуа. Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 285. 'Vi muchos destos perales en la provincia de Nicaragua, puestos á mano en las heredades é plaças ó assientos de los indios, é por ellos cultivados. É son tan grandes árboles como nogales algunos dellos.' *Id.*, p. 353. Посев кукурузы, *Id.*, стр. 265-6; том iv., стр. 104-5. Смотрите также о сельском хозяйстве: Бензони, *История. Мондо Нуово*, стр. 102-3; Андагоя, в *Наваррете, полковник де Виахес*, том iii., стр. 413-14; Кортес, *Картас*, стр. 405; Цент Сквайра. *Амер.*, стр. 551, 556; Виолле-ле-Дюк, в *Charnay, Ruines Amér.*, стр. 71; Гумбольдт, *Essai Pol.*, том i., стр. 269; Галлатин, в *амер. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 8.

[1062] Хименес, *Хист. Инд. Гуат.*, стр. 190-1; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 183; Паласио, *Хартия*, стр. 72-4; Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 285; Давила, *Эклз.театр.*, том i., стр. 233; Брассер де Бурбург, *Хист. Нам. Civ.*, том ii., стр. 565-6.

[1063] В провинции Кампече испанцы лакомились "Павлинами и кишели нечистью как в горах, так и в лесах и у воды, а также птицами, куэйлами, черепахами, Утками, гусями и четвероногими дикими зверями, такими как буры, харты и зайцы: помимо волков, лайонов, тигров и лисиц". *Путер Мученик*, декабрь iv., lib. ii. 'Juntanse

tambien para la caça de L en L, mas o menos, y la carne del venado assan en parillas, porque no se les gaste, y venidos al pueblo, hazen sus presentes al señor, y distribuyen como amigos y el mesmo hazen en la pesca.' *Landa, Relacion*, pp. 130-2, 46. In Vera Paz 'tejones, que tienen buena carne, el bilab es mejor que carnero: venadillos vermejos, y otros bayos, y muchos otros que los Indios flechan, y comen algunos desollados, otros ahumados, y assados, en barbocoa, y en charque, y todo malguisado.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. xiii., xiv., ii. At Cozumel 'el pescado es su casi principal manjar.' *Gotara, Conq. Mex.*, fol. 22. См. также *Овьедо, История. Генерал.*, том i, стр. 355, 424, 497, том iv, стр. 33; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 187; *Лас Касас, История. Apologética*, ср., глава 177; *Брассер де Бурбург, Пополь Вух*, стр. 63.

[1064] Ланда, *Relacion*, стр. 118; Лас Касас, в журнале *Kingsborough's Mex. Antiq.*, вып. viii., стр. 148; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 184, 187-8, 700; Виллагутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 41, 311; Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 206-7, 411, 497, 507, том iii., стр. 227; Петр Мученик, дек. iv., lib. vi., ii., дек. vi., lib. iii.; Эррера, *История. Генерал.*, дек. i., lib. v., глава v., дек. iv., библиотека. viii., загл. viii.; Гомара, *Конк. Мексикан.*, fol. 23; *Id.*, *Hist. Ind.*, fol. 61-2; Кортес, *Картас*, стр. 449; *История Фанкура. Юк.*, стр. 32.

[1065] Кортес, *Картас*, стр. 23, сообщает нам, что на Юкатане не пекли хлеб, но кукурузу ели жареной. Лучшие тортильи в Никарагуа назывались *таскальпачон*. Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 267, 324, 355, 411, 513, 523, том iii., стр. 227. См. также Ланда, *Relacion*, стр. 116-20, 135; Эррера, *История. Быт.*, дек. iv., lib. x., сар. xiii.

[1066] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 69; Ланда, *Relacion*, стр. 120; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 180; Овьедо, *История. Генерал.*, том iv., стр. 111.

[1067] Виллагутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 89, 98, 312; Ланда, *Relacion*, стр. 116-20, 192; Эррера, *История. Генерал.*, дек. i., lib. v., сар. v., дек. iii., lib. iv., сар. vii., дес. iv., lib. viii., глава ix., lib. x., глава iv.; Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 267, 317-18, том iv., стр. 95; Бензони, *История. Мондо Нуово*, фол. 102-3, 109; Лас Касас, *История. Апологетика*, ср., загл. clxxvii.; Вальдек, *Вой. Путт.*, стр. 40; Депенши Кортеса, стр. 4; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 51-2, 499.

[1068] На Юкатане: "Эти варвары едят только своих врагов или тех чужеземцев, которые приходят к ним, в противном случае они воздерживаются от человеческой плоти". Петр Мученик, декабрь iv., lib. vi. В Гватемале головы и рубец приправляли вином. *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. clxxvii.; *Id.*, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., с. 147; Виллагутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 649, 651; Гомара, *История. Ind.*, fol. 62; Эррера, *История. Ген.*, дек. ii., библиотека iv., глава vii., дек. iii., библиотека iv., глава vi., vii., библиотека vii., глава iii., дек. iv., библиотека x., глава iv.; Овьедо, *История. Генерал.*, том iv., стр. 37, 51-2, 56, 108; Андагоя, в *Наваррете*, полковник де Виахес, том iii., стр. 420; Бензони, *История. Mondo Nuovo*, fol. 35, 104; Albornoz, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 486; *Helps' Span. Конк.*, том iii., стр. 88; Пиментель, *Воспоминания о Раде индейцев*, стр. 23; Мореле, *Путешествие*, том i., стр. 191.

[1069] Ицы, мужчины и женщины, носили "факсы" длиной 4 вара и шириной 1/3 вара. Вильягутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 312, 402, 498. В Кампече полоску хлопка шириной в ладонь скручивали и наматывали 20 или 30 раз вокруг тела. Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 512-13. Это одеяние называется *мастатой*. Берналь Диас, *История. Соп.*, fol. 2. Концы вышиты и украшены перьями. Ланда, *Relacion*, стр. 116. Альмайсарес, называемый в Новой Испании *мастилом*; в остальном голый. Эррера, *История. Генерал.*, дек. i., lib. v., глава v., дек. ii., lib. iv., глава vii.; Депенши Кортеса, стр. 4. Чиापанеки обнажены, за исключением этой одежды на чреслах. *Остатки, Hist. Чьяпа*, стр. 292, 302.

[1070] Табличка с изображением костюма индейца внутренних районов. *Waldeck, Voy. Путт.*, пл. против хлопкоочистителей в Сальвадоре. *Центр Сквайера. Амер.*, стр. 321.

[1071] Называется *тильмас* или *хаятес*, полтора квадратных ярда. Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 187. Накидки называются *зуйен*. *Id.*, стр. 2. "Мантас пинтадас". Лас Касас, в "Мексиканце" *Кингсборо. Антик.*, том viii., стр. 147.

[1072] Хлопчатобумажные халаты ярких цветов. *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 551. 'Tuniques.' *Ternaux-Comrans*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 52. "Мешки". *История Фэнкура*, стр. 284-5. "Цветные камизеты". Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 497. "Акуэтас де Альгодон". Берналь Диас, *История. Конк.*, след. 2. 'Camisette senza maniche.' *Benzoni, Hist. Mondo Nuovo*, pp. 98, 104.

[1073] *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 172. Майя одеваются как мексиканцы. Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.

[1074] Ланда, *Relacion*, стр. 148-50; Паласио, *Carta*, стр. 62-4; *Остатки, История. Чьяпа*, стр. 137; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii., дек. iv., lib. viii., глава x., дек. ii., библиотека ii., глава xvii.; Хименес, *История. Изд. Гуат.*, стр. 197; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 54.

[1075] 'L'étoffe rayée d'une ou de plusieurs couleurs que les femmes se roulent encore autour du corps en la serrant à la ceinture comme un jupon, descendant plus ou moins bas au-dessous du genou, se trouve être exactement la même que l'on voit aux images d'Isis et aux femmes égyptiennes des époques pharaoniques.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 67. Юбка от талии до пят, называемая *рис. Коголлудо, История. Юк.*, стр. 187-8, 699. 'Ropas de algodón, que llaman naguas.' *Bernal Diaz, Hist. Конк.*, след. 2; Андагоя, в *Наваррете, полковник де Виакес*, том iii., стр. 414; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv.; Ланда, *Связь*, стр. 184-6, 16, 144-6, 180.

[1076] 'Es lo mas dificultoso en los Indios el reducirlos à cortarles el pelo.' *Villagutierre, Hist. Конк. Ица*, стр. 498, 312. В Гватемале, по-видимому, волосам уделялось несколько меньше внимания. 'Trayanlo encrespado, ò rebujado en la cabeça como estopas, à causa de que no se lo реynauan.' *Remesal, Hist. Чьяпа*, стр. 302; Коголлудо, *Hist. Yuc.*, стр. 187, говорит о шляпах из соломы и пальмовых листьев, но, вероятно, имеет в виду свое время. Волосы священников налились кровью. *Id.*, стр. 5; *Берналь Диас, История. Конк.*, fol. 3; *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 321, 551. In Nicaragua 'traen rapadas las cabeças de la mitad adelante é los aladares por debaxo, é déxanse una coleta de oreja á oreja por detrás desde la coronilla.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., pp. 38, 108; *Landa, Relacion*, pp. 112-14, 184; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 68; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iii., lib. viii., cap. x. Aguilar wore a 'corona y trença de cabellos, como los naturales.' *Гомара, История. Инд.*, стр. 62; *Id., Conq. Mex.*, стр. 23; *Palacio, Carta*, стр. 62.

[1077] Бенцони, *История. Мондо Нуово*, стр. 35; Шарне, *Разоряет Америку.*, стр. 341; Ланда, *Relacion*, стр. 114; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iii.; *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 111.

[1078] 'Traian sandalias de cañamo o cuero de venado por curtir seco.' *Landa, Relacion*, p. 116. Обычно они ходили босиком. *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 187. Сандалии в Никарагуа называются *гутарами. Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 38-9; "Никарагуа" Сквайера, изд. 1856, том ii., стр. 347; Брассер де Бурбург, *Пополь Вух*, стр. 77.

[1079] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 54; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii., дек. iv., lib. x., глава iii.; "Никарагуа" Сквайера, (Изд. 1856,) том ii., стр. 345; *Id.*, в Паласио, *Carta*, стр. 106; Ланда, *Relacion*, стр. 114, 180, 194.

[1080] Ланда, *Relacion*, стр. 182.

[1081] A war party: 'Agujeras narizes, y orejas con sus narigeras, y orejas de Cuzcas, y otras piedras de diuersos colores.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 73. Ица носили в носу "una baynilla olorosa", а в ушах - "vn palo labrado". *Id.*, стр. 699. "Сарталес де Караколес колорадос", очень ценимый ицами. *Вильягутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 48. Маленькие палочки в ушах и маленькие тростниковые или янтарные колечки, или крупинки ванили в носу. *Ид.*, стр. 312, 402. Несколько серебряных и золотых украшений для ушей. *Изд.*, стр. 497-9. На полуострове Юкатан, "траян лас орехас орададас для чарчилос". Ланда, *Relacion*, стр. 114. The priest carried 'un isopo en la mano de un palo corto muy labrado, y por barbas o pelos del isopo ciertas colas de unas culebras que son como sacxaveles.' *Id.*, pp. 149-50. Женщинам прокалывали нос и уши. *Id.*, стр. 182. In Nicaragua 'traen sajudas las lenguas por debaxo, é las orejas, é algunos los miembros viriles, é no las mugeres ninguna cosa destas, y ellos y ellas horadadas las orejas de grandes agujeros.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., pp. 38-9, том. i., p. 497. King in Yucatan wore 'des bracelets et des manchettes d'une élégance égale à la beauté de la matière.' *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. ii., p. 54. 'Tecaüh, qui est le bijou que les chefs indiens portaient fréquemment à la lèvre inférieure ou au cartilage du nez.' *Id.*, p. 92. See also Cortés, *Cartas*, p. 3; *Camargo, Hist. Tlax.*, в "Новых анналах войны", 1843, том. xcix., стр. 144; Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., библиотека iv., глава vii., дек. iii., библиотека iv., глава vii., библиотека vii., глава ix., дек. iv., библиотека iii., глава iii., библиотека x., глава iii., iv.; Гомара, *Hist. Ind.*, fol. 60, 62; "Никарагуа" Сквайера, изд. 1856,

том ii, стр. 347; *Id., Cent. Амер.*, стр. 551; *Хименес, История. Инд. Гуат.*, стр. 197; *Диас, Itinéraire*, в *Ternaux-Compans, Voy., série i.*, том x., стр. 16, 25, 39; *Лас Касас*, в *"Мексике Кингсборо"*. *Антик.*, том. viii., стр. 147.

[1082] 'Los oficiales dello labravan la parte que querian con tinta, y despues se javanle delicadamente las pinturas, y assi con la sangre y tinta quedavan en el cuerpo las señales, y que se labran poco a poco por el tormento grande, y tambien se ponen despues malos, porque se les enconavan los labores, y haziase materia, y que con todo esso se mofavan de los que no se labravan.' *Landa, Relacion*, pp. 120, 182; *Cogolludo, Hist. Yuc.*, pp. 186, 699; *Remesal, Hist. Чьяпа*, стр. 293; *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 402, 498; *Эррера, История человечества*, дек. iv., lib. x., глава iv.; *Овьедо, История человечества*, том iv., стр. 38; *Терно-Компанс*, в *Новых анналах Войны*, 1843, том. xcvi., стр. 47; *История Фанкура*, стр. 121, 285; *Бюссьер, Мексиканская империя*, стр. 205.

[1083] *Повторный, История. Чьяпа*, стр. 302; *Ланда, Relacion*, стр. 114-16, 178-80, 182, 184; *Коголлудо, Hist. Yuc.*, стр. 6, 77; *Виллагутьерре, Hist. Конк. Ица*, стр. 107, 402, 490, 499; *Овьедо, История. Генерал*, том i, стр. 297, 318, 498, том iv, стр. 111; *Кортес, Картас*, стр. 422; *Гомара, История. Инд.*, fol. 62; *Брассер де Бурбур, Пополь Вух*, стр. 71-2, 189.

[1084] 'Eran amigos de buenos olores y que por esto usan de ramilletes de flores y yervas olorosas, muy curiosos y labrados.' *Landa, Relacion*, p. 114. 'Des roseaux longs de deux palmes, et qui répandaient une excellente odeur quand on les brûlait.' *Diaz, Itinéraire*, in *Ternaux-Compans, Voy., série i.*, том. x., p. 7; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. iii.; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том. ii., p. 68; *Valois, Mexique*, p. 206.

[1085] 'Se vafiavan mucho, no curando de cubrirse de las mugeres, sino quando podia cubrir la mano.' *Landa, Relacion*, p. 114. 'Se lavan las manos y la boca despues de comer.' *Id.*, p. 120. Женщины раздевались догола в колодцах, где они купались; они принимали горячие ванны скорее для здоровья, чем для чистоты. *Id.*, стр. 184. The women 'tienen poco secreto, y no son tan limpias en sus personas ni en sus cosas con quanto se lavan como los ermiños.' *Id.*, p. 192. 'Los hombres hacen aguas puestos en cluquillas, é las mugeres estando derechas de piés á dó quiera que les viene la gana.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. iv., p. 38; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. iii., iv.; *Dávila, Teatro Ecles.*, том. i., p. 203; *Gomara, Hist. Ind.*, fol. 263; *Carbajal Espinosa, Hist. Mex.*, том. i., p. 263; *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 68.

[1086] Ниже приведены мои источники о торговле майя, многие ссылки на простые упоминания о покупаемых и продаваемых предметах и на использование какао в качестве денег опущены. *Хименес, Хист. Инд. Гуат.*, стр. 203; *Лас Касас*, в *мексиканском университете Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., стр. 137, 147; *Эррера, История. Генерал.*, дек. i., либр. v., загл. v., дек. iii., либр. iv., загл. vii., либр. v., загл. xii., либр. vii., загл. ix., дек. iv., либр. viii., глава iii., ix.; *Ланда, Relacion*, стр. 32, 128-30, 156-8; *Коголлудо, Hist. Yuc.*, стр. 181, 183; *Виллагутьерре, Hist. Конк. Ица*, стр. 311; *Овьедо, История. Генерал.*, том i., стр. 316, том iii., стр. 253, том iv., стр. 36-7, 49, 54, 104; *Петр Мученик*, дек. iv., lib. i.; *Кортес, Картас*, стр. 422; *Бенцони, История. Мондо Нуово*, стр. 102, 109; *Брассер де Бурбур, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 50-1, 71, 564; *Id., Пополь Вух*, стр. 97; *"Никарагуа" Сквайера* (изд. 1856.), том ii., стр. 346; *Id., Cent. Амер.*, стр. 320; *Галлатин*, в *амер. Этно. Soc., Transact.*, том i., стр. 8; *Андагоя*, в *Наваррете, полковник де Виахес*, том iii., стр. 414.

[1087] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 4; *Берналь Диас, История. Конк.*, след. 2; *Диас, Itinéraire*, в *Ternaux-Compans, Voy., série i.*, том x., стр. 21; *Id.*, в *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i., стр. 292; *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 353, 369, 489, 76; *Петр Мученик*, дек. viii., lib. v.; *Овьедо, История. Генерал.*, том iii., стр. 100; *История Хуарроса. Гуат.*, стр. 271; *Эррера, История. Генерал.*, дек. i, lib. v., глава v.; *Фолсом*, в *депешах Кортеса*, стр. 3-4; *Предыстория Фостера. Расы*, стр. 226-7. См. Том i, стр. 699, этой работы.

[1088] *Ланда, Relacion*, стр. 174, 48; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv., lib. iii., глава iii. Чьяпанеки были одними из самых смелых воинов. *Берналь Диас, История. Конк.*, фол. 178.

[1089] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 38, 53; *Гомара, История. Инд.*, fol. 264; *"Никарагуа" Скуайера*, (Изд. 1856,) том ii., стр. 342; *"Поездка Бойла"*, том i., стр. 272.

[1090] Ланда, *Relacion*, стр. 172; Хименес, *История. Гуат.*, стр. 202.

[1091] Овьедо, *История. Генерал.*, том iv., стр. 38; Ланда, *Relacion*, стр. 172; Эррера, *История. генерал.*, дек. ii., lib. iv., сар. viii., дек. iii., библиотека. iv., глава vii., библиотека v., глава x., библиотека vii., глава iii., дек. iv., библиотека. viii., глава x.; *Palacio, Carta*, стр. 70-2; Виллагутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 391, 498-9; "Никарагуа" Сквайера, (изд. 1856,) том ii., стр. 342; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 558-9; Поездка Бойля, том i., стр. 270.

[1092] хлопчатобумажные доспехи, называемые в некоторых местах *escaupiles*. Эррера, *История. Генерал.*, декабрь iv., библиотека iii., глава iii. Как белые, так и цветные. *Id.*, dec. iii., lib. v., сар. x., lib. iv., сар. vi., dec. ii., lib. ii., сар. xvii., lib. iii., сар. i. Призванный киче *ачкаюпилес*. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 91; Ланда, *Relacion*, стр. 172; Коголлудо, *Hist. Yuc.*, стр. 6; Берналь Диас, *Hist. Конк.*, след. 2; Гомара, *История Индии*, fol. 62; Лас Касас, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., стр. 148; Овьедо, *История. Генерал.*, том iii., стр. 484, том iv., стр. 53; Альварадо, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, сери i., том x., стр. 140; "Никарагуа Сквайера", (Изд. 1856,) том ii., стр. 347.

[1093] Маканы использовались в качестве оружия в Никарагуа. Овьедо, *История. Генерал.*, том iv., стр. 53, 33, том i., стр. 511-12, том iii., стр. 231, 484. Ица использовали стрелы с хрустальным наконечником, а у вождей были короткие кремневые ножи с перьями на рукоятках. Виллагутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 495, 41, 92. Закаленные удочки или пики. Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 77, 2. Дротики, брошенные из "тирадеры". Эррера, *История. Генерал.*, дек. ii., библиотека ii., кепка, xvii., дек. iii., библиотека iv., кепка. vi., кепка. v., кепка. x., кепка. vii., кепка. iii., дек. iv., библиотека x., кепка. ii. Летучая мышь была знаком оружейной палаты Чакчикеля. Брассер де Бурбург, *Пополь Вух*, стр. 225. Смотрите также оружие майя. "Никарагуа" Сквайера, (изд. 1856,) т. ii., стр. 341, 347; Питер Мартин, декабрь vi., lib. v.; Поездка Бойля, т. i., стр. 258; Шерцер, Вандерунген, стр. 63; Ланда, *Relacion*, стр. 48, 170; Лас Касас, в "Мексике Кингсборо". *Antiq.*, вып. viii., р. 148; Waldeck, *Voy. Путт.*, стр. 64, с сокращением; Мореле, *Вояж*, том i., стр. 186, 194; Диас, *Итинерайр*, в *Ternaux-Comrans, Вой.*, сери i., том x., стр. 25; *Id.*, в *Icazbalceta, кол. de Doc.*, том i., стр. 295; Берналь Диас, *История. Conq.*, fol. 2; Хименес, *Hist. Ind. Гуат.*, стр. 127.

[1094] Полное описание руин майя с табличками см. в т. iv, гл. iv, v. См. Ланда, *Relacion*, стр. 174; Альварадо, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, serie i., том x., стр. 112, 117; Годой, в *документе*, стр. 158; Кортес, *Картас*, стр. 425-6; Хуаррос, *История. Гуат.*, стр. 87; Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 534, том iii., стр. 477-8; Фуэнтес, в *журнале Кингсборо Мех. Antiq.*, вып. viii., стр. 243; Эррера, *История. Генерал.*, декабрь iv., библиотека iii., глава iii., библиотека x., глава iii.; Виллагутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 41; Андагоя, в *Наваррете, полковник де Виакес*, том iii., стр. 407.

[1095] Торквемада, *Монарк. Ind.*, том ii., стр. 386; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 5, 77, 130, 181; Эррера, *История. Генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii., дек. iv., lib. iii., глава iii., lib. viii., глава x., библиотека x., глава iv.; Виллагутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 72-3, 76, 142, 281; Ланда, *Relacion*, стр. 168, 174, 176; Лас Касас, в *журнале Кингсборо Мех. Antiq.*, вып. viii., стр. 144, 148; Паласио, *Хартия*, стр. 70-2; Овьедо, *История. Генерал.*, том i., стр. 276, 511-12, 523, том iii., стр. 230, 477, том iv., стр. 53-4; Гомара, *История. Инд.*, fol. 61, 264; *История Хуарроса. Гуат.*, стр. 185 и др.; Петр Мученик, дек. viii., lib. v.; Хименес, *История. инд. Гуат.*, стр. 170, 198, 202-3; Альварадо, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, serie i., том x., стр. 112, 138; Диас, *Itinéraire*, в *Id.*, стр. 17-18; *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 325, 333; *Id.*, *Никарагуа*, (Изд. 1856,) том ii., стр. 342; Брассер де Бурбург, *История. Нац. Civ.*, том ii., pp. 544, 558-9; *Ternaux-Comrans*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, том. xcvi., стр. 46; Мореле, *Путешествие*, том i., стр. 186; Поездка Бойля, том i., стр. 259; *История Фэнкорта. Юк.*, стр. 92, 116.

[1096] Два веретена с золотой тканью. Cortés, *Cartas*, pp. 3, 422. Шесть золотых идолов, каждый длиной в пядь, в Никарагуа. Эррера, *История. Генерал.*, декабрь iii., часть iv., глава v. 20 золотых топориков, проба 14 карат, весом более 20 фунтов. *Id.*, lib. iv., глава vi. Дома ювелиров, которые великолепно лепили. *Удостоверение личности*, глава vii. См. также *Id.*, dec. i., lib. v., сар. v. Рыбки и гуси с низким содержанием золота в Каточе. Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 4. Золотые доспехи и украшения на реке Табаско. *Id.*, стр. 12-13. Идолы из неизвестных металлов среди ица. Виллагутьерре, *История. Конк. Ица*, стр. 495, 497. Позолоченная деревянная маска, золотые тарелки, маленькие золотые чайнички. Диас, *Itinéraire*, в *Ternaux-Comrans, Вой.*, сери i., том x. стр. 16, 25. Вазы из

чеканного золота на Юкатане. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том ii., стр. 69; *Id.*, в *Landa, Relacion*, стр. 32; *Benzoni, Hist. Мондо Нуово*, fol. 102; *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 39, 95, том i., стр. 520; *Петр Мученик*, дек. iv., lib. i., дек. vi., lib. ii., vi.; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том i., стр. 354; *Годой*, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, сери i., том x., стр. 178; *"Никарагуа" Скуайера*, (Изд. 1856,) том ii., стр. 346. О медной маске из Никарагуа и двух медных медалях из Гватемалы см. Том iv этой работы.

[1097] Для получения небольших сведений о различных механических искусствах майя обратитесь к следующим источникам: *Овьедо, История. Генерал.*, том i, стр. 276, 350, 521, том iv, стр. 33, 36, 105-9; *Торквемада, Монарк. Ind.*, том. i., стр. 354, том. ii., стр. 346; *Лаеи, Novus Orbis*, стр. 329; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 4, 13, 187, 196; *Эррера, История. Генерал.*, дек. ii., lib. ii., глава xvii., дек. iv., lib. viii., глава ix., lib. x., глава ii., xiv.; *Ланда, Relacion*, стр. 116, 120, 128-9; *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 100, 311-12, 495, 499-501; *Переработка, История. Чьяпа*, стр. 293; *Петр Мученик*, дек. iv., lib. ii., дек. vi., lib. iii.; *Бензони, История. Мондо Нуово*, fol. 98, 102-3; *Хименес, История. Guat.*, p. 203; *Gomara, Hist. Ind.*, fol. 268; *Cortés, Cartas*, p. 489; *Andagoya*, in *Navarrete, Col. de Viajes*, том. iii., p. 416; *Las Casas, Hist. Апологетика*, ср., загл. cxiv.; *Id.*, в *мексиканском Кингсборо. Antiq.*, вып. viii., стр. 147-8; *Palacio, Carta*, стр. 44; *"Никарагуа" Скуайера*, изд. 1856, том ii., стр. 339, 346; *"Предыстория" Фостера. Расы*, стр. 212; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 69, 172, 563.

[1098] *Бельтран де Санта-Роза Мария, Arte*, стр. 195-208; *Id.*, в книге *Брассера де Бурбура*, г-жа Троано, том ii., стр. 92-9. 'El modo de contar de los Indios es de cinco en cinco, y de quatro cincos hazen veinte.' *Landa, Relacion*, p. 206; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. iv.

[1099] *Ланда, Relacion*, стр. 202-316; *Перес, Хронология Антигуа-де-Юкатан.*, с переводом на французский, в *Id.*, стр. 366-429; Английский перевод того же в книге *Стивенса "Юкатан"*, том i., стр. 434-59; оригинал на испанском также в *Registro Yucateco*; *Ороско-и-Берра, География*, стр. 103-8, 163-4; *Вейтия, Hist. Ant. Mej.*, том i, стр. 137; *Клавиджеро, История античного Мессико*, том ii, стр. 65-6; *Галлатин*, в *амер. Этно. Соч., Transact.*, т. i., стр. 104-14; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том iii., стр. 462-7; *Id.*, MS. Троано, том i., стр. 73-97.

[1100] Коголлудо опускает месяц Тзоз и вставляет месяц Вайкаб, Втуз Кин или Влобол Кин, между Кумху и Поп. Он также в одном месте ставит Кучхаба на место Кана. *Hist. Yuc.*, стр. 185-6. См. также *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том ii., стр. 466-7; *Вальдек, Вой. Путт.*, стр. 22. Аббат Брассер де Бурбург в своей попытке интерпретировать рукопись "Троано" приводит следующие любопытные этимологии названий этих месяцев. 'Le vocable *pop*, que Beltran écrit long, *poop*, signifie la natte, "estera ò petate," dit Pio Perez, qui donne encore à *pop* le sens d'un arbrisseau ou d'une plante qu'il ne décrit point, mais qui, fort probablement, doit être de la nature des joncs dont on fait les différentes espèces de nattes connues au Yucatan. En prenant ce vocable avec l'orthographe de Beltran, *poop* se composerait de *po*, primitif inusité, exprimant l'enflure, la vapeur, l'expansion par la chaleur d'une matière dans une enveloppe, et de *op*, briser, rompre pour sortir, crevasser par la force du feu.... Beltran ajoute que *uo* désigne en outre le têtard, une sorte de petit crapaud et un fruit indigène, appelé *pitahaya* aux Antilles ... *uo*, au rapport du même auteur énonce l'idée des caractères de l'écriture, en particulier des voyelles.... Cet hiéroglyphe paraît assez difficile à expliquer. Sa section inférieure renferme un caractère qui semble, en raccourci, celui de la lettre *h*, et la section supérieure est identique avec le signe que je crois une variante du *ti*, localité, lieu. Ce qu'on pourrait interpréter par "le possesseur enfermé du lieu," indice du têtard, de l'embryon dans son enveloppe. (?) L'ensemble de l'idée géologique, qui a présidé à la composition du calendrier maya, se poursuit dans les noms des mois, ainsi que dans ceux des jours. Après le marécage, déjà crevassé par le chaleur, apparaît le têtard, l'embryon de la grenouille, laissé au fond de la bourbe, symbole de l'embryon du feu volcanique couvant sous la terre glacée et qui ne tardera pas à rompre son enveloppe, ainsi qu'on le verra dans les noms des mois suivants.... *Zip*, analysé, donne *Zi ip*, bois à brûler qui se gonfle outre mesure, sens intéressant qui rappelle le grand arbre du monde, gonflé outre mesure par les gaz et les feux volcaniques, avant d'éclater.... J'inclinerais à penser que Landa a voulu exprimer par *tzoz*, non la chauve-souris *zos*, mais *tzotz*, la chevelure, vocable qui dans toutes les langues du groupe mexico-guatémalien indique symboliquement la chevelure de l'eau, la surface ondoyante, remuante de la mer, d'un lac ou d'une rivière: c'est à quoi semblent correspondre les signes de la glace qui se présentent dans l'image du mois *Tzoz*. Il s'agirait donc ici de la chevelure, de la surface des eaux gelées au-

dessus de la terre et que la force du feu volcanique commence à rider, à faire grimacer, ainsi que l'énonce le nom du mois suivant.... Цец.... Ce que l'auteur du calendrier a voulu exprimer, c'est bien probablement une tête de mort de singe, aux dents grimaçantes, image assez commune dans les fantaisies mythologiques de l'Amérique centrale et qu'on retrouve sculptée fréquemment dans les belles ruines de Copan.... Une intention plus profonde encore se révèle dans ces têtes de singes. Car si les danses et les mouvements de ces animaux symbolisent, dans le sens mystérieux du *Popol Vuh*, le soulèvement momentané des montagnes à la surface de la mer des Caraïbes, leurs têtes, avec l'expression de la mort, ne sauraient faire allusion, probablement, qu'à la disparition de ces montagnes sous les eaux, où elles continuèrent à grimacer, dans les récifs et les *Ronfleurs*, comme elles avaient fait grimacer la glace, en se soulevant.' As it would occupy too much space to give the Abbé's explanations of all the months, the above will suffice for specimens. См. *2-жа Троано*, том I. i., стр. 98-108.

[1101] Landa says, however, 'vingt-sept trezaines et neuf jours, sans compter les supplémentaires.' *Relacion*, p. 235.

[1102] Число 13 может исходить из первоначального расчета по лунным циклам: 26 дней - это примерно то время, когда луна видна над горизонтом при каждом обороте, 13 дней увеличения и 13 дней уменьшения. *Перес*, в книге Ланда, *Relacion*, стр. 366-8. Или, возможно, это было священное число до изобретения календаря, будучи числом богов высокого ранга. *Brasseur de Bourbourg, Ib*.

[1103] 'Contaban sus eras, y edades, que ponian en sus libros de veinte en veinte años, y por lustros de quatro en quatro.... Llegando estos lustros a cinco, que ajustan veinte años, llamaban *Katùn*, y ponian vna piedra labrada sobre otra labrada, fixada con cal, y arena en las paredes de sus Templos, y casas de los Sacerdotes, como se vè oy en los edificios.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 186. 'Llaman a esta cuenta en su lengua Uazlazon Katun que quiere dezir *lagerra* de los Katunes.' *Landa, Relacion*, p. 313. 'Para cuenta de veintenenas de años en calendarios de los indios yucatecos, lo mismo que las indicciones nuestras; pero de mas años que estas, eran *treceahaues* que contenian 260 años, que era para ellos un siglo.' *Beltran de Santa Rosa María, Arte*, p. 204. Брассер де Бурбур склонен отвергнуть систему сеньора Переса, но он, в свою очередь, допускает несколько ошибок в своих заметках по этому вопросу. В книге Ланда, *Relacion*, стр. 402-13, 428. Рукопись майя, упомянутая в тексте, найдена с ее переводом в издании, стр. 420-9, и в книге Стивенса "Юкатан", том ii., стр. 465-9.

[1104] Год Киче, согласно Бассете, начался 24 декабря по нашему календарю. Согласно анонимной МИСС история Гватемалы, год Какчикеля начался 31 января; а 1-е число Париче в 1707 году было 21 января. *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 466-7.

[1105] 'Algunos de estos nombres estan en lengua zotzil, y los demas se ignora en qué idioma se hallan.' *Pineda, in Soc. Mex. Geog., Boletin*, том. iii., p. 408; *Orozco y Berra, Geografía*, pp. 205-6.

[1106] *Brasseur de Bourbourg, Hist. Nat. Civ.*, том iii., стр. 462-3.

[1107] Брассер де Бурбург, *ubi sup.*; Ботурины, *Идея*, стр. 118; Гумбольдт, *Вю*, том ii., стр. 356-7; Галлатин, в *амер. Этно. Соч.*, *Transact.*, vol. i., стр. 104; *Ороско и Берра, География*, стр. 105; Вейтия, *История и Медж.*, том i, стр. 137, называет Вотана первым месяцем; *Клавиджеро, История и Месса*, том ii., стр. 66; *Пинеда, в Соц. Мексике. Геог., Болетин*, том iii., стр. 344.

[1108] Ланда, *Relacion*, стр. 44, 316.

[1109] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 185, 196. Тот же автор цитирует Фуэнсалиду о том, что в его время священники Ицы все еще вели записи о прошлых событиях в книге, "похожей на историю, которую они называют *Analte*". *Id.*, стр. 507.

[1110] *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 393-4. "Аналитические материалы, "Истории, из-за ошибки в козе". *Id.*, стр. 352.

[1111] *Мендьета, История. Эклз.*, стр. 143.

[1112] Акоста, *Hist. de las Ind.*, стр. 407; Клавиджеро, *История античного Мексико*, том ii., стр. 187.

[1113] Эррера, *История. Генерал.*, декабрь, iv., lib. x., глава ii.

[1114] Бенцони, *История. Mondo Nuovo*, fol. 109-10.

[1115] Петр Мученик, iv декабря, lib. viii., или латинское издание Кельна, 1574, стр. 354; также цитируется в *Brasseur de Bourbourg*, MS. Troano, том i., стр. 2-3; *Montanus, Nieuwe Weereld*, стр. 77. Карли рассказывает нам, что жители Амаститлана в Гватемале были особенно искусны в изготовлении бумаги из пальмовых листьев для письма. *Cartas*, pt ii., p. 104; *Malte-Brun, Précis de la Géog.*, tom. vi., p. 470. Ссылки на современных авторов, у которых, за исключением, возможно, Медея, нет других источников информации, кроме тех, которые я процитировал, следующие: "Данс ле Юкатан", о Монте, об истории литературы и персонажей, не обслуживающих жителей.... Ils employaient au lieu de papier l'écorce de certaines arbres, dont ils enlevaient des morceaux qui avaient deux aunes de long et un quart d'aune de large. Cette écorce était de l'épaisseur d'une peau de veau et se pliait comme un linge. L'usage de cette écriture n'était pas généralement répandu, et elle n'était connue que des prêtres et de quelques caciques.' *Medel*, in *Nouvelles Annales des Voy.*, 1843, tom. xcvi., стр. 49-50; *Вальдек, Вой. Путеш.*, стр. 40; *Цент Сквайра. Амер.*, стр. 552; *Мореле, Путешествие*, том i., стр. 191; *История Фэнкорта. Юк.*, стр. 119; *Карильо, в Соц. Мексике. Геог., Болетин*, 2-я эпоха, том iii., стр. 269-70; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i., стр. 79.

[1116] *Ordoñez, Hist. Сьело и др.*, ср., и *Нуньес де ла Вега, состав. Diæces.*, цитируется *Брассером де Бурбургом, Hist. Nat. Civ.*, том i., стр. 71, 74; *Id., Пополь Вух*, стр. 5; *Хуаррос, История. Гуат.*, стр. 208; *Пинеда, в соц. Мексике. Геог., Болетин*, том iii., стр. 345-6.

[1117] *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 36; *Эррера, История. генерал.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.; *Галлатин, в Америке. Этно. Соч., Transact.*, том i., стр. 8; *Мальтебран, Краткое изложение геологии.*, том vi., стр. 472; *"Никарагуа Сквайера"*, (Изд. 1856.) том ii., стр. 347-8.

[1118] *Мексиканец Кингсборо. Antiq.*, том iii., № 2; *Гумбольдт, Vues*, том ii., стр. 268-71, стр. xvi. Мистер Прескотт, *Мех.*, том i., стр. 104-5, говорит, что этот документ имеет лишь небольшое сходство с другими рукописями ацтеков и что он указывает на гораздо более высокую стадию цивилизации; но ему также не удается обнаружить какого-либо более сильного сходства с барельефами Паленке, о которых, однако, он, вероятно, имел весьма несовершенное представление. Это невозможно истолковать, поскольку "даже если бы в Мексике был обнаружен розеттский камень, не существует индейского языка, который мог бы дать ключ или переводчик". *Майер, Мексика. как это было*, стр. 258-9. 'Le Codex de Dresde, et un autre de la Bibliothèque Nationale à Paris, bien qu'offrant quelque rapport avec les Rituels, échappent à toute interprétation. Ils appartiennent, ainsi que les inscriptions de Chiappa et du Yucatan à une écriture plus élaborée, comme incrustée et calculiforme, dont on croit trouver des traces dans toutes les parties très-anciennement policées des deux Amériques.' *Обен, в Брассер де Бурбург, История. Нац. Civ.*, том i., стр. lxxi. См. *Цент Стивенса. Амер.*, том ii., стр. 342, 453-5; *Id., Юкатан*, том ii., стр. 292, 453.

[1119] *Brasseur de Bourbourg, MS. Troano; Études sur le système graphique et la langue des Mayas*, Paris, 1869-70, 4e, 2 vols., 70 colored plates.

[1120] *Вальдек, Паленке*, стр. 21; *Цент Стефана. Амер.*, том i., стр. 136-7, 140-2; *Id., Юкатан*, том ii., стр. 300-1; *Путешествие Мореле*, стр. 98; Том iv., стр. 91-2, 97-9, 234 и глава vi. этой работы.

[1121] The Spanish text is as follows: 'De sus letras porne aqui un *a, b, c*, que no permite su pesadumbre mas porque usan para todas las aspiraciones de las letras de un caracter, y despues, al puntar de las partes otro, y assi viene a hazer *in infinitum*, como se podra ver en el siguiente exemplo. *Lé*, quiere dezir laço y çaçar con el; para escrivirle con sus carateres, haviendoles nosotros hecho entender que son dos letras, lo escrivian ellos con tres, puniendo a la aspiracion de la *l* la vocal *é*, que antes de si trae, y en esto no hierran, aunque usense, si quisieren ellos de su curiosidad. Exemplo: *e l*

e lé. Despues al cabo le pegan la parte junta. *Ha* que quiere dezir agua, porque la *haché* tiene *a, h*, antes de si la ponen ellos al principio con *a*, y al cabo desta manera: *ha*. Tambien lo escriven a partes pero de la una y otra manera, yo no pusiera aqui ni tratara dello sino por dar cuenta entera de las cosas desta gente. *Ma Kamu* quiere Дезир нет я хочу, ellos в ЛО escriven в партес Desta манера: *Ma я н ка ту.*' *Ланда, Relacion*, стр. 316-22; также в *Брассер де Бурбур, ср. Troano*, том. я., С. 37-8.

[1122] *Bibliothèque Mexico-Guatémaliennne*, Paris, 1871, p. xvii.

[1123] *Исследования Тайлора*, стр. 100-1.

[1124] Вуттке и Шеппинг, в "Описательной социологии" Спенсера, № 2., раздел ii., часть 1-В, стр. 51. См.

Примечание 16 к этой главе.

[1125] *Доисторический человек Уилсона*, стр. 378 и далее.

[1126] См. том iv., стр. 267, и далее.

[1127] 'A todo lo largo tenian los vecinos de aquel lugar muchas casas, hecho el cimientto de piedra y lodo hasta la mitad de las paredes, y luego cubiertas de paja. Esta gente del dicho lugar, en los edificios y en las casas, parece ser gente de grande ingenio: y si no fuera porque parecia haber allí algunos edificios nuevos, se pudiera presumir que eran edificios hechos por Españoles.' *Diaz, Itinerario*, in *Icazbalceta, Col. de Doc.*, том i., стр. 286; см. также *Id.*, стр. 281, 287. 'Las casas son de piedra, y ladrillo con la cubierta de paja, o rama. Y aun alguna de lanchas de piedra.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 23. "Дома были из камня или кирпича и лайма, очень искусственно сложенные. К квадратным дворам или первым жилищам своих домов они поднимались по десяти или двенадцати ступеням. Руфь была из тростника или стеблей трав". *Его "Пилигримы"*, т. v., стр. 885; *Берналь Диас, Hist. Conq.*, fol. 2-3; *Бьенвенида*, в *Ternaux-Comrans, Voy.*, serie i., том ii., стр. 311; *Овьедо, История. Генерал.*, том i., стр. 507, том iii., стр. 230; *Монтанус, Ньюве Верфилд*, стр. 72; *Путер Мученик*, iv дек., lib. i.

[1128] 'C'est encore aujourd'hui de cette manière que se construisent à la campagne les maisons non seulement des indigènes, mais encore de la plupart des autres habitants du pays, au Yucatan et ailleurs.' *Брассер де Бурбур*, в *Ланда, Relacion*, С. 110-11.

[1129] *Ланда, Relacion*, стр. 110.

[1130] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 184.

[1131] Их дома из кирпича или каменюки обшиты тростником там, где камней мало, но там, где есть каменоломни, они обшиты щебнем или шифером. Во многих домах установлены мраморные колонны, как на "Против" *Петра Мученика*, дек. iv., lib. iii., дек. vi., lib. v.; *Эррера, История. Генерал*, дек. iii., lib. iv., глава vii.; *Бенцони, История. Mondo Nuovo*, p. 102.

[1132] *Hist. Yuc.*, стр. 700. 'Las casas eran ciento y tres, de gruesos, y fuertes Maderos, en que se mantenian los Techos, que eran de mucha Paja, reziamente amarrada, y con su corriente, y descubiertos todos los Frontispicios, y tapados los costados, y espaldas, de Estacada, con sus Aposentos, donde las Indias cozinavan, y tenian sus menesteres.' *Villagutierre, Hist. Конк. Ица*, стр. 311-12.

[1133] *Cortés, Cartas*, p. 447.

[1134] *Id.*, стр. 268, 426.

[1135] *Новое исследование*, стр. 318.

[1136] *История. Апологетика*, ср., загл. sxxiv.

[1137] *Relacion*, стр. 110.

[1138] 'Á la parte oriental, á siete ú ocho passos debaxo deste portal, está un echo de tres palmos alto de tierra, fecho de las cañas gruessas que dixe, y ençima llano é de diez ó doce piés de luengo é de cinco ó seys de ancho, é una estera de palma gruessa ençima, é sobre aquella otras tres esteras delgadas é muy bien labradas, y ençima tendido el caçique desnudo é con una mantilla de algodón blanco é delgada revuelta sobre sí; é por almohada tenia un banquito pequeño de quatro piés, algo cóncavo, quellos llaman duho, é de muy linda é lisa madera muy bien labrado, por cabeçera.' *Hist. Gen.*, tom. iv., p. 109.

[1139] 'Y en cada Aposento vn Tapesco, sobre maderos fuertes, que en cada vno cabian quatro Personas; y otros Tapesquillos aparte, en que ponian las Criaturas.' *Villagutierre, Hist. Конк. Ица*, стр. 312. Гейдж пишет: У них "четыре или пять кроватей в зависимости от семьи.... Мало кто ставит какие-либо замки на свои двери, ибо они не боятся ни грабежа, ни воровства, и у них в домах нет ничего, что можно было бы потерять, глиняные горшки, и сковородки, и блюда, и чашки, чтобы пить Шоколад, являются главным товаром в их доме. Едва ли найдется дом, у которого во дворе не было бы также похлебки, в которой они оmyваются горячей водой". *Новое исследование*, стр. 318.

[1140] *История. Нац. Cív.*, том ii., стр. 68-9.

[1141] Эррера, *История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава ii., iii.

[1142] Четвертое декабря, первая библиотека

[1143] Диас, *Итеринарио, в Иказбалсете, полковник. de Doc.*, том i., стр. 287.

[1144] См. том iv. этой работы, стр. 267-8.

[1145] Хуаррос, *Hist. Гуат.*, стр. 87-8; Лас Касас, *История. Apologética*, ср., загл. ii.; Брассер де Бурбур, *Хист. нац. Cív.*, том ii., стр. 493; Дворец, *Хартия*, стр. 123-4.

[1146] Хуаррос, *Ист. Гуат.*, стр. 383-4; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Cív.*, том ii., стр. 520.

[1147] Дек. vi., lib. vi.; Гомара, *История. Ind.*, fol. 263; Эррера, *История. Gen.*, дек. iii., lib. iv., глава vii.

[1148] Лизана, в *Landa, Relacion*, стр. 358; Коголлудо, *История. Юк.*, стр. 193; Брассер де Бурбур, *История. Нац. Cív.*, том ii., стр. 25, 46-7.

[1149] Годой, в *Ternaux-Comrans, Voy., série i.*, том x., стр. 171-2. На озере Масайя в Никарагуа Бойл заметил "выемку в твердой скале длиной в милю, которая постепенно опускалась на глубину по меньшей мере трехсот футов! Утверждается, что это работа людей, которые не были знакомы со взрывными работами или с железными инструментами. Природа, очевидно, приложила мало усилий к этому делу, хотя, возможно, землекопам помогла расщелина в скале. Устье этого туннеля находится примерно в полумиле от города". *Поездка*, том ii., стр. 11. Эррера, *История. Генерал.*, декабрь iv., lib. viii., cap. vii., mentions the same thing in a very different manner: 'La subida y baxada, tan derecha como vna pared, que como es de peña viua, tiene en ella hechos agujeros, adonde ponen los dedos de las manos, y de los pies.'

[1150] Описание руин этого здания в том виде, в каком они существуют сейчас, а также фрагменты лестницы, план первого этажа и орнамент см. в т. iv., стр. 226-9. Bishop Landa thus describes it: 'Este edificio tiene quatro escaleras que miran a las quatro partes del mundo: tienen de ancho a xxxiii pies y a noventa y un escalones cada una que es muerte subirlas. Tienen en los escalones la misma altura y anchura que nosotros damos a los nuestros. Tiene cada escalera dos passamanos baxos a yugal de los escalones, de dos piez de ancho de buena canteria como lo es todo el edificio. No es este edificio esquinado, porque desde la salida del suelo se comiençan labrar desde los passemanos al contrario, como estan pintado unos cubos redondos que van subiendo a trechos y estrechando el edificio por muy galana orden. Avia quando yo lo vi al pie de cada passamano una fiera boca de sierpe de una pieça bien curiosamente labrada. Acabadas de esta manera las escaleras, queda en lo alto una plaçeta llana en la qual esta un edificio edificado de quatro

quartos. Los tres se andan a la redonda sin impedimento y tiene cada uno puerta en medio y estan cerrados de boveda. El quarto del norte se anda por si con un corredor de pilares gruesos. Lo de en medio que avia de ser como el patinico que haze el orden de los paños del edificio tiene una puerta que sale al corredor del norte y esta por arriba cerrado de madera y servia de quemar los saumerios. Ay en la entrada desta puerta o del corredor un modo de armas esculpidas en una piedra que no pude bien entender. Tenia este edificio otros muchos, y tiene oy en dia a la redonda de si bien hechos y grandes, y todo en suelo del a ellos encalado que aun ay a partes memoria de los encalados tan fuerte es el argamasa de que alla los hazen. Tenia delante la escalera del norte algo aparte dos teatros de canteria pequeños de a quatro escaleras, y enlosados por arriba en que dizen representavan las farsas y comedias para solaz del pueblo. Va desde et patio en frente destos teatros una hermosa y ancha calçada hasta un poço como dos tiros de piedra. En este poço an tenido, y tenian entonces costumbre de echar hombres vivos en sacrificio a los dioses en tiempo de seca, y tenian no morian aunque no los veyan mas. Hechavan tambien otros muchas cosas, de piedras de valor y cosas que tenían depciadas.... Es poço que tiene largos vii estados de hondo hasta el agua, hanchó mas de cien pies y redondo y de una peña tajada hasta el agua que es maravilla. Parece que tiene al agua muy verde, y creo lo causan las arboledas de que esta cercado y es muy hondo. Tiene en cima del junto a la boca un edificio pequeño donde halle yo idolos hechos a honra de todos los edificios principales de la tierra, casi como el Pantheon de Roma. No se si era esta invencion antigua o de los modernos para toparse con sus idolos quando fuessen con ofrendas a aquel poço. Halle yo leones labrados de bulto y jarros y otras cosas que no se como nadie dira no tuvieron herramiento esta gente. Tambien halle dos hombres de grandes estaturas labrados de piedra, cado uno de una pieça en carnes cubierta su honestidad como se cubrian los indios. Tenian las cabeças por si, y con zarcillos en las orejas como lo usavan los indios, y hecha una espiga por detras en el pescueço que encaxava en un agujero hondo para ello hecho en el mesmo pescueço y encajado quedava el bulto cumplido.' *Relacion*, pp. 342-6.

[1151] 'Vieron algunos adoratorios, y templos, y vno en particular, cuya forma era de vna torre quadrada, ancha del pie, y hueca en lo alto con quatro grandes ventanas, con sus corredores, y en lo hueco, que era la Capilla, estauan Idolos, y a las espaldas estaua vna sacristia, adonde se guardauan las cosas del seruicio del templo: y al pie deste estaua vn cercado de piedra, y cal, almenado y enluzido, y en medio vna Cruz de cal, de tres varas en alto, a la qual tenian por el Dios de la lluvia.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. iii., cap. i. ' Junto à vn templo, como torre quadrada, donde tenian vn Idolo muy celebrado, al pie de ella auia vn cercado de piedra, y cal muy bien luzido, y almenado, en medio del qual auia vna Cruz de cal tan alta, como diez palmos,' to which they prayed for rain. *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 200. It is doubtless the same structure of which Gomara writes: 'El templo es como torre quadrada, ancha del pie, y con gradas al derredor, derecha de medio arriba, y en lo alto hueca, y cubierta de paja, con quatro puertas o ventanas con sus antepechos, o corredores. En aquello hueco, que parece capilla, assientan o pintan sus dioses.' *Gomara, Conq. Mex.*, fol. 23.

[1152] Пирамиды разного размера: "aunque todos de vna forma. Son al modo de los que de la Nueva España refiere el Padre Torquemada en su Monarquia Indiana: leuantado del suelo vn terraplano fundamento del edificio, y sobre èl vãn ascendiendo gradas en figuras piramidal, aunque no remata en ella, porque en lo superior haze vna placeta, en cuyo suelo està separada (aunque distantes poco) dos Capillas pequeñas en que estaban los Idolos (esto es en lo de Vxumual) y alli se hazian los sacrificios, assi de hombres, mugeres, y niños, como de las demás cosas. Tienen algunos de ellos altura de mas de cien gradas de poco mas de medio pie de ancho cada vno.' *Cogolludo, Hist. Yuc.*, p. 193. Landa describes a pyramidal structure which differs from others: 'Ay aqui en Yzamal un edificio entre los otros de tanta altura que espanta, el qual se vera en esta figura y en esta razon della. Tiene XX gradas de a mas de dos buenos palmos de alto y ancho cada un y terna, mas de cien pies de largo. Son estas gradas de muy grandes piedras labradas aunque con el mucho tiempo, y estar al agua, estan ya feas y maltratadas. Tiene despues labrado en torno como señala esta raya, redonda labrado de canteria una muy fuerte pared a la qual como estado y medio en alto sale una ceja de hermosas piedras todo a la redonda y desde ellas se torna despues a seguir la obra hasta ygualar con el altura de la plaça que se haze despues de la primera escalera. Despues de la qual plaça se haze otra buena placeta, y en ella algo pegado a la pared esta hecho un cerro bien alto con su escalera al medio dia, donde caen las escaleras grandes y encima esta una hermosa capilla de canteria bien labrada. Yo subi en lo alto desta capilla y como Yucatan es tierra llana se vee desde ella tierra quanto puede la vista alcançar a maravilla y se vee la mar. Estos edificios de Yzamal eran por todos XI o XII, aunque es

este el mayor y estan muy cerca unos de otros. No oy memoria de los fundadores, y parecen aver sido los primeros. Estan VIII leguas de la mar en muy hermoso sitio, y buena tierra y comarca de gente.' *Relacion*, pp. 328-30.

[1153] *Овьедо, История. Быт.*, том iv., стр. 37; *Петр Мученик*, декабрь vi., lib. v.

[1154] *Cortés, Cartas*, p. 448.

[1155] *История. Нац. Cív.*, том ii., стр. 552. См. также *Вильягутьерре, История. Conq. Ица*, стр. 402.

[1156] 'Y en estas partes é Indias pocos chripstianos, é muy pocos digo, son los que han escapado deste trabajoso mat (buboes) que hayan tenido participación carnal con las mugeres naturales desta generación de indias; porque á la verdad es propria plaga desta tierra, é tan usada á los indios é indias como en otras partes otras comunes enfermedades.' *Oviedo, Hist. Gen.*, том. i., p. 365.

[1157] 'Comiença el inuierno de aquella tierra desde san Francisco, quando entran los Nortes, ayre frio, y que destiempla mucho a los naturales: y por estar hechos al calor, y traer poca ropa, les dan rezios catarros, y calenturas.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. iii., cap. iv.

[1158] *Ланда, Связь*, стр. 60-2.

[1159] Ay infinitos generos de cortezas, rayzes, y hojas de arboles, y gomas, para muchas enfermedades, con que los Indios curauan en su gentilidad, con soplos, y otras inuenciones del demonio.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iv., lib. x., cap. xiv.; *Las Casas, Hist. "Апологетика"*, в "Мексике" *Кингсборо. Antiq.*, vol. viii., c. 234.

[1160] 'Curan viejas los enfermos ... y echan melezinas con vn cañuto, tomando la decoccion en la boca, y soplando. Los nuestros les hazian mil burlas, desuenteando al tiempo, que querian ellas soplar, o riendo del artificio.' *Gomara, Hist. Ind.*, fol. 264; *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. iv., cap. vii.

[1161] *Овьедо, История. Генерал.*, том i., стр. 365.

[1162] 'Ay en esta terra mucha diuersidad de yeruas medicinales, con que se curan los naturales: y matan los gusanos, y con que restriñen la sangre, como es el Piciete, por otro nombre Tabaco, que quita dolores causados de frio, y tomado en humo es prouechoso para las reumas, asma, y tos; y lo traen en poluo en la boca los Indios, y los negros, para adormecer, y no sentir el trabajo.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. vii., cap. iii.

[1163] 'Hazen en el (Atiquizaya) vna massa de gusanos hediondos y ponçoñosos, que es marauillosa medicina para todo genero de frialdades, y otras indisposiciones.' *Id.*, dec. iv., lib. viii., глава x.

[1164] *Овьедо, История. Генерал.*, том i., стр. 383-5.

[1165] 'Curauan los heridos con poluos de yeruas, o carbon que lleuauan para esto.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. iii., lib. iv., cap. vii.

[1166] *Овьедо, История. Генерал.*, том i., стр. 321.

[1167] *Лас Касас*, в мексиканском городе *Кингсборо. Антик.*, том. viii., c. 234; *Хименес, История. Гуат.*, стр. 191-2; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 184.

[1168] *Ланда, Relacion*, стр. 160.

[1169] 'Otro altar y templo sobre otro cuyo levantaron estos indios en su gentilidad á aquel su rey ó falso Dios *Ytzmāt-ul*, donde pusieron la figura de la mano, que les servia de memoria, y dizen que alli le llevaban los muertos y enfermos, y que alli resucitavan y sanavan, tocandolos la mano; y este era el que está en la parte del puniente; y assi se llama y nombra *Kab-ul* que quiere dezir mano obradora.' *Lizana*, in *Landa, Relacion*, p. 358.

[1170] *Хименес, Hist. Ind. Гуат.*, стр. 191-2, 209-10.

[1171] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 183-4.

[1172] *Лас Касас, в мексиканском Кингсборо. Антик*, том. viii., стр. 144; *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 55; *Гомара, История. Инд.*, fol. 264; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 184.

[1173] *Ib.*

[1174] In Campeche the priests 'lleuauan braserillos de barro en que echauan anime, que entre ellos dizen Copal, y sahumauan a los Castellanos, diziendoles que se fuessen de su tierra, porque los matarian.' *Herrera, Hist. Gen.*, dec. ii., lib. ii., cap. xvii.

[1175] *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 183.

[1176] Коголлудо говорит, что в могиле был оставлен калекбас, наполненный *атоле*, несколько больших лепешек и немного кукурузных отрубей. Первый - для того, чтобы душа напилась в своем путешествии; второй - для собак, которых умерший съел при жизни, чтобы они не укусили его на том свете; и последний - чтобы умиловить других животных, которых он съел. *История. Юк.*, стр. 700.

[1177] Brasseur de Bourbourg, *Hist. Nat. Civ.*, том ii, стр. 574, говорится, что тело было забальзамировано; но Хименес, у которого, очевидно, взят его отчет, умалчивает об этом.

[1178] Хименес, *История. Инд. Гуат.*, стр. 210 и далее, утверждает, что богатые люди, когда они начинали стареть, начинали собирать огромное количество одежды и украшений, в которых их хоронили.

[1179] Брассер де Бурбур, *История. Нац. Сив.*, том ii, стр. 575, говорится, что тело было положено в могилу сидящим на троне.

[1180] *Хименес, Hist. Ind. Гуат.*, стр. 210-14; *Palacio, Carta*, стр. 119; *Cogolludo, Hist. Yuc.*, стр. 699-700.

[1181] Если только в нем не жило большое количество людей, когда они, кажется, набрались смелости в обществе друг друга и остались.

[1182] *Ланда, Relacion*, стр. 196; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv.

[1183] *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 313.

[1184] *Паласио, Carta*, стр. 119; *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 48.

[1185] *Паласио, Carta*, стр. 78; *Брассер де Бурбург, История. Нац. Сив.*, том ii, стр. 556.

[1186] *Ланда, Relacion*, стр. 196-8; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv.

[1187] *Oviedo, Hist. Gen.*, tom. iv., pp. 48-9. На острове Ометепек древние могилы не окружены отдельными камнями, как кальпуты современных индейцев, а найдены беспорядочно разбросанными по равнине на глубине трех футов. В этих могилах найдены урны из обожженной глины, наполненные землей и вытесненными костями; и вазы из того же материала, покрытые красной росписью и иероглифами, каменными наконечниками стрел, маленькими идолами и золотыми украшениями. *Sivers, Mittelamerika*, pp. 128-9.

[1188] *Ланда, Relacion*, стр. 196; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv.; *Id. lib. viii.*, глава x.; *Хименес, Hist. Ind. Гуат.*, стр. 214; *Вильягутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 313; *Дворец, Хартия*, стр. 76-8.

[1189] *Петр Мученик*, декабрь vi., lib. v.

[1190] *Андагоя, в Наваррете, Полковник де Виажес*, том iii., стр. 414; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., либр. iv., глава vii., дек. iv., либр. x., глава iii.; *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 111; *Гомара, Conq. Мех.*, fol. 23; *Давила, Театр Эклес.*, том i., стр. 170; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 700; *Ланда, Relacion*, стр. 112-14; *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 402; *Де Лаэст, Novus Orbis*, стр. 329.

[1191] *Ланда, Relacion*, стр. 100, 122, 188-90; *Виллагутьерре, История. Конк. Ица*, стр. 312, 516; *Давила, Театр Эклес.*, том i., стр. 203; *Эррера, История. Генерал.*, дек. iv., lib. x., глава iv.; *Коголлудо, История. Юк.*, стр. 180, 187-8; *Гомара, История. Инд.*, fol. 62; *Лас Касас*, в мексиканском городе Кингсборо. *Антик.*, том viii., стр. 147-8.

[1192] *Гомара, История*, fol. 268; *Давила, Театр Эклес.*, том i, стр. 148; *Овьедо, История генерала*, том iv, стр. 33; *Лас Касас, История. Апологетика*, ср., глава. xlv.

[1193] *Crónica Seráfica*, pp. 25-6.

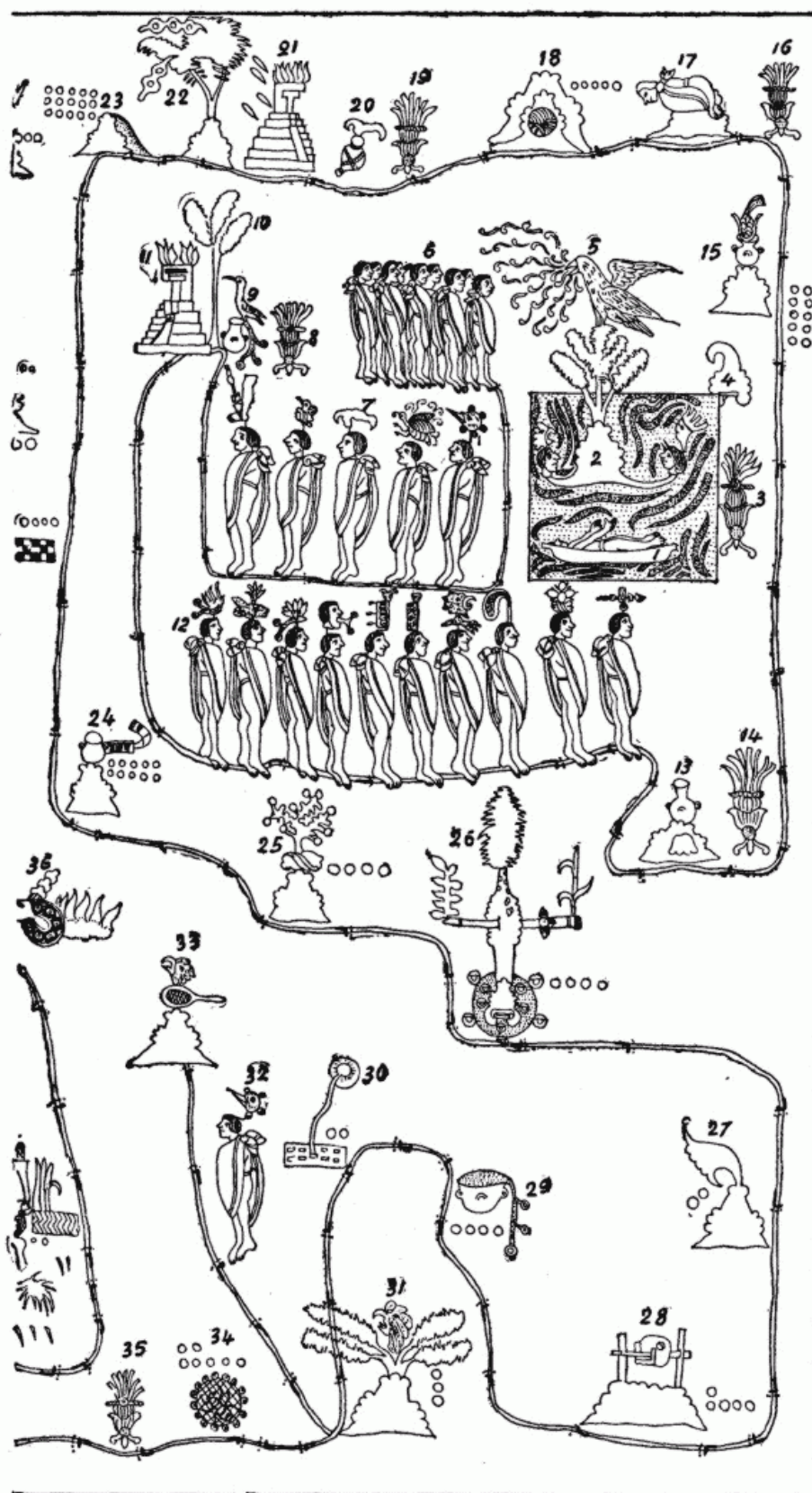
[1194] *Эррера, История. Генерал.*, дек. iii., библиотека iv., глава vii., дек. iv., библиотека iii., глава ii.; *Овьедо, История. Генерал.*, том iv., стр. 39.

[Назад](#)

[Назад](#)

[Назад](#)

[Назад](#)